

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

ПУТЕШЕСТВІЕ
ПО
КИТАЮ

въ 1874—1875 гг.

ЧЕРЕЗЪ СИБИРЬ, МОНГОЛІЮ, ВОСТОЧНЫЙ, СРЕДНІЙ и СЪВЕРО-ЗАПАДНЫЙ КИТАЙ

ИЗЪ ДНЕВНИКА ЧЛЕНА ЭКСПЕДИЦІИ

П. Я. Пясецкаго.

Д-ра Мед., Д-ръ Г-въ, Чл. И. Р. Геогр. и др. учен. Общ., Почети. Общ. И. Акад. Худож.

Удостоено **Большой Золотой Медали** Императорскаго Русскаго Географическаго Общества

и

ОДОБРЕНО УЧЕНЫМЪ КОМИТЕТОМЪ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВЕЩЕНІЯ ДЛЯ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХЪ БИБЛИОТЕКЪ ВСЕХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ и УЧИТЕЛЬСКИХЪ СЕМИНАРІЙ.

ВЪ ДВУХЪ ТОМАХЪ

СЪ КАРТОЮ и ПОРТРЕТОМЪ АВТОРА.

ТОМЪ II.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ.

МОСКВА.

1882.

ENVELOPE

DS709

.P57

1882

t.2

**THE PENNSYLVANIA
STATE UNIVERSITY
LIBRARIES**

Piasecki

Puteshestvie po Kitaju

ПУТЕШЕСТВІЕ

ПО

КИТАЮ

въ 1874—1875 гг.

ЧЕРЕЗЪ СИБИРЬ, МОНГОЛІЮ, ВОСТОЧНЫЙ, СРЕДНІЙ И СВѢРО-ЗАПАДНЫЙ КИТАЙ

ИЗЪ ДНЕВНИКА ЧЛЕНА ЭКСПЕДИЦІИ

П. Я. Пясецкаго.

Д-ра Мед., Д-ръ Евтв. Чл. И. Р. Геогр. и др. учен. Общ., Почетн. Общ. И. Акад. Худож.

Удостоено Большой Золотой Медаль Императорскаго Русскаго Географическаго Общества

и

ОДОБРЕНО УЧЕНЫМЪ КОМИТЕТОМЪ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ДЛЯ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫМЪ БИБЛИОТЕКЪ ВСѢХЪ УЧЕБНЫМЪ ЗАВЕДЕНІЙ И УЧИТЕЛЬСКИХЪ СЕМИНАРІЙ.

ВЪ ДВУХЪ ТОМАХЪ

СЪ КАРТОЮ И ПОРТРЕТОМЪ АВТОРА

ТОМЪ II.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ.

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.

1882.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ВТОРАГО ТОМА.

	Стр.
ГЛАВА VII. Верхній Хань и г. Хань-Чжунъ-Фу. —Частые пороги.—Опасный порогъ и крушеніе лодки.—Новая необходимость вернуться, не кончивъ путешествія. — Китайцы-водолазы и спасенныя вещи.—Моя прогулка вдоль рѣки.—Внизъ черезъ порогъ.—Второй гонецъ съ письмами.—Г. Янь-Сянь.—Грубая толпа.—Донесеніе о крушеніи лодки.—Кирпично-черепичный заводъ.—Г. Чэнь-Гу-Сянь.—Китаецъ христіанинъ.—Первый день Пасхи и послѣдняя ночь на рѣкѣ.—Переселеніе въ городъ.—Китайцы-христіане.—Наша квартира.—Письмо отъ миссіонера.—Вниманіе къ намъ мѣстныхъ властей.—Наши визиты къ нимъ.—Католическій миссіонеръ.—Визитъ въ миссіонерство.—Наши городскія занятія.—Рисованье въ храмѣ во время богослуженія.—Китаецъ Танъ—будущій спутникъ.—Заводъ для добыванія селитры и соли.—Выдѣлываніе идоловъ.—Школа и общее образованіе.—Мои знакомыя дамы и барышни.—Сцены ада.—Наши посѣтители.—Докторъ-китаецъ.—Другой докторъ и его больной внукъ.—Театръ.—Наше самозванство.—Прощальныя визиты.—Сборы въ дорогу.....	1
ГЛАВА XI. Въ горахъ. —Дорожные сборы.—Выѣздъ изъ города.—Вооруженный конвой.—Равнина Хань-Чжунъ-Фу.—Первый пріятный ночлежъ.—Г. Мянъ-Сянь.—Ущелье и подъемъ въ горы.—Густое населеніе и горные пейзажи.—Картинка семейной жизни китайца-королюдина.—Г. Ло-Янь-Сянь.—Мой оригинальный визитъ.—Живописное мѣсто и г. Пэй-Фэй-Сянь.—Операнія на дорогѣ.—Двѣ головы въ кѣткахъ.—Трудная дорога.—Харченныя и необыкновенное гѣсто.—Г. Хуй-Сянь.—Визиты мѣстныхъ мандариновъ.—Изобиліе фазановъ.—Первые слѣды военнаго погрома.—Еще двѣ отрубленныя головы.—Любезность къ намъ китайцевъ.—Земляныя жилища.—Г. Цинь-Чжоу.—Любезный пріемъ.—Обмѣнъ визитами съ мѣстными властями.—Разсужденія о выборѣ дальнѣйшей дороги.—Маленькая бѣда	88
ГЛАВА X. Изъ Цинь-Чжоу въ Лань-Чжоу-Фу. —Отъѣздъ.—Слѣды разоренія.—Посѣщеніе нагорнаго селенія.—Освѣщеніе факелами дороги.—Экономія времени.—Пещерные жители.—Цѣлыя села им-	

- рытмя въ почвѣ.—Возрождающееся село.—Живописный городъ Фу. Стр.
 Цзянь-Сянь.—Оживленная равнина.—Прелестный уголокъ.—Шумная толпа.—Г. Нинъ-Юань-Сянь.—Разоренныя села и новыя оригинальныя постройки.—Несчастный г. Гунь-Чанъ-Фу.—Торжественныя проводы.—Почетный приемъ въ лагерѣ.—Г. Вэй-Юань-Сянь.—Жалкіе люди.—Оригинальная спальня.—Г. Тн-Дао-Чжоу.—Гроза.—Возрожденіе разоренныхъ городовъ.—Чрезмѣрное утомленіе.—Высланный на встрѣчу „Мѣдный шарикъ“.—Еще пещерныя жилища.—Пріѣздъ въ завѣтный городъ.—Торговая сдѣлка Сосновскаго. 138
- ГЛАВА XI. Мѣсяцъ въ Лань-Чжоу-Фу.—Общій визитъ къ генераль-губернатору.**—Его визитъ къ намъ.— Знакомство съ городомъ.—Желтая рѣка.—Мостъ.—Оригинальныя плоты.—Водоподъемная машина.—Бассейнъ и милосердіе генерала Цзо.—Лань-Чжоу съ высоты.—Парадный обѣдъ.—Злой мальчишка.—Наказаніе бамбуковой линейкой.—Ужины съ генераломъ и „людоѣдство“ въ Россіи.—Ученіе войскамъ.—Трупъ чежовѣка на улицѣ.—Буря.—Осмотръ тюремъ.—Губернаторъ, закованный въ цѣпи.—Орудія пытокъ.—Неожиданная новость.—Договоръ о поставкѣ хлѣба.—Ужины съ генераль-губернаторомъ.—Стрѣльба изъ пушекъ въ цѣль.—Плѣнные мусульмане.—Мое неудачное ходатайство.—Наши посѣтители.—Портретъ генерала Цзо.—Ненастые.—Тревожная вѣсти.—Подарки Цзо-Цзунъ-Тана.—Осмотръ казеннаго дома и сада.—Мои блужданія по городу.—Интересныя фрески.—Сборы въ дорогу.—Прощальныя визиты и обѣдъ.—Отъѣздъ..... 190
- ГЛАВА XII. Вдоль Великой Стѣны.—Дорога отъ Лань-Чжоу-Фу.**—Ночныя блужданія.—Новыя оригинальныя постройки.—Г. Пинъ-Фанъ-Сянь.—Великая Стѣна.—Приемъ насъ туземцами.—Тангуты.—Свѣдѣнія о ревенѣ.—Холодный приемъ въ лагерѣ.—Переваль У-Ши-Линъ.—Картинныя разрушенія.—Г. Гу-Лань-Сянь.—Зной морить.—Новые спутники.—Богатство развалинъ и бѣдность населенія.—Г. Лань-Чжоу-Фу.—Г. Юнь-Чэнь-Сянь.—Гроза и ливень.—Разоренныя села.—Слухи о русскомъ отрядѣ, идущемъ на встрѣчу.—Ночной караулъ.—Внутренность дома-крѣпости.—Г. Шанъ-Дань-Сянь.—Огромная статуя Будды.—Г. Гань-Чжоу.—Озера и изобиліе деревьевъ въ немъ.—Толпа и мои конвойные.—Тяжелая дорога.—Жалкая деревня.—Купанье въ ручьѣ.—Пески и болота.—Трудъ носильщиковъ.—Г. Коу-Тай-Сянь.—„Полный ходъ.“—Ушедшій и вернувшійся спутникъ.—На сторожевой башнѣ.—Жалкая страна и жалкіе люди.—Встрѣча насъ мандариномъ и вооруженнымъ конвоемъ.—Г. Су-Чжоу.—Степень его разоренія.—Вмѣсто чина отставка.—Крѣпость Цзя-Юй-Гуань.—Встрѣча.—Визитъ мандарина.—Конецъ Великой Стѣны.—Безотрадная картина..... 265
- ГЛАВА XIII. Отъ Цзя-Юй-Гуань черезъ Гоби въ Хамъ.—Отъѣздъ изъ Цзя-Юй-Гуаня.**—Возможность опасности въ дорогѣ.—Возрождающіяся села.—Миражи.—Г. Юй-Минь-Сянь.—Встрѣча.—Село Сань-Дао-Го и торжественный приемъ.—Вольшая бѣдность края.—Г. Ань-Си-Чжоу и степень его разоренія.—Приготовленія къ пріѣзду пустыни.—Первый ночлегъ въ ней.—Колодцы въ пустынѣ.—

Голоданіе и ночное движеніе.—Потеря лошадей.—Солончаки.— Колодезь съ отвратительной водой.—Голоданіе животныхъ.—Уби- тый куланъ.—Вѣтеръ и песчаная пыль.—Родникъ.—Вырубленная рощица.—Птицы пустыни.—Трупы верблюдовъ.—Оазисъ и его два жителя.—Привольный уголокъ въ пустынѣ.—Попаденіе Тянь-Шаня на горизонтѣ.—Тяжелая ночь.—Первое обитаемое селеніе.—Встрѣ- ча съ китайскими солдатами.—Два мандарина и завтракъ, выслан- ные на встрѣчу.—Оазисъ Хами.—Картини страшнаго разрушенія.— Военный лагерь.—Тульскій самоваръ и русская чашка.—Генералъ Чжань.—Индіецъ Хуа-Ли.—Три города.—Мусульманскій городъ.— Дворецъ хамійскихъ беговъ.—Юзупъ-Ахунъ.—Трудное письмо....	Стр. 341
ГЛАВА XIV. Изъ пустыни въ пустыню. — Отъѣздъ изъ Хами.— Торжественные проводы.—Окраина Гоби.—Южные склоны Тянь- Шаня.—Переваль черезъ Тянь-Шань.—Снѣгъ.—Нагорная рав- нина.—Китайскій пикетъ.—Дорога въ г. Баркуль.—Въ квартирѣ мандарина.—Отъѣздъ и разлука съ друзьями-китайцами.—Древ- ній памятникъ.—Озеро Баркуль.—Слѣды войны.—Слухи о разбой- никахъ и мѣры предосторожности.—Встрѣчные путники-китайцы.— Нашъ спутникъ мандаринъ Ли.—Предостереженіе относительно разбойниковъ.—Тревога.—Готовы къ оборонѣ.—Встрѣча передъ Гу-Чэн'омъ. — Встрѣча въ Гу-Чэнѣ. — Первое свиданіе и бесѣда о предстоящемъ движеніи. — Приготовленіе къ новому пути черезъ пустыню.—Споры съ туземцами.—Наемъ вожака.—Отъѣздъ.—День блужданій.—Ночь остановила.—Второй вожакъ.—Невольная днев- ка. — Идемъ на опасность.....	415
ГЛАВА XV. Кратчайшій путь въ Зайсанъ. — Негодность вожа- ковъ.—Сомнительный вулканъ въ Тянь-Шанѣ.—Опять потеряли до- рогу.—Голоданіе животныхъ и первая жертва смерти. — Новая ночная блужданія въ безводной пустынѣ. — И смѣхъ, и горе.— Дневка у Хоргутто.—Голодь животныхъ усиливается.—Ключъ Хар- мали.—Ночлеги на безводномъ мѣстѣ.—Вторая ночь безъ воды.— Мысли о смерти и первая мука отъ жажды.—Въ обратный путь.— Раздѣленіе на два лагеря.—Неожиданное спасеніе.—Двухдневная стоянка.—Новые вожаки.—Трудный путь.—Замѣчательный гонецъ.— Еще дневка. — „Степные законы“. — Снѣжный буранъ.—Позвія въ дорожныхъ невзгодахъ.—Первыя кочевья.—Пиръ горой.—Морозы и бурани.—Новыя муки.—Ночь въ тургутской зимовкѣ.—Первые люди съ родины и ея дары.—Киргизы. — Незабвенная встрѣча. — „Не вѣй предѣловъ отечества“. — Русскій пикетъ Чаганъ-Обо.— Пріѣздъ въ Зайсанскій Постъ — Заключеніе.....	485
Списокъ названій растений, собранныхъ между гг. Фань-Чэнъ и Зай- саномъ (въ провинціяхъ Ху-Бэй, Шэнь-Си, Гань-Су и Монголіи).	596
Списокъ рисунковъ, сдѣланныхъ авторомъ въ путешествіи съ натурн.	605
Статья г. Н. Петровскаго „Учено-торговая экспедиція въ Китай, въ 1874—1875 годахъ“.....	XX

Г Л А В А VIII.

ВЕРХНИЙ ХАНЬ И Г. ХАНЬ-ЧЖУНЬ-ФУ.

Частые пороги.—Опасный порогъ и крушеніе лодки.—Новая необходимость вернуться, не кончивъ путешествія.—Китайцы-водолазы и спасенныя вещи.—Второй гонецъ съ письмами.—Г. Янъ-Сянь.—Грубая толпа.—Донесеніе о крушеніи лодки.—Кирпично-черепичный заводъ.—Г. Чанъ-Гу-Сянь.—Китаецъ-христианинъ.—Первый день Пасхи и послѣдняя ночь на рѣкѣ.—Переселеніе въ городъ.—Китайцы-христиане.—Наша квартира.—Письмо отъ миссіонера.—Вниманіе къ намъ мѣстныхъ властей.—Наши визиты къ нимъ.—Католическій миссіонеръ.—Визитъ въ миссіонерство.—Наши городскія занятія.—Рисованіе въ храмѣ во время богослуженія.—Китаецъ Тамъ—будущій спутникъ.—Заводъ для добыванія селитры и соли.—Выдѣлываніе идоловъ.—Школа и общее образованіе.—Мои знакомыя дамы и барышня.—Сцены ада.—Наши посѣтители.—Докторъ-китаецъ.—Другой докторъ и его больной внукъ.—Театръ.—Прощальные визиты.—Сборъ въ дорогу.

Почти два съ половиной мѣсяца плывемъ мы по рѣкѣ, приближаясь къ ея истокамъ и незамѣтно поднимаясь надъ уровнемъ моря. Рѣка замѣтно мелѣетъ, а пороги встрѣчаются все чаще и прохожденіе черезъ нихъ становится все труднѣе. Препражденія нанесенными изъ боковыхъ ущелій камнями, образуя пороги, сильно суживаютъ рѣку, и для прохода судовъ остается лишь узенькій фарватеръ, такъ что выбирать болѣе удобный путь негдѣ. Въ настоящее время вода стоитъ низко и всѣ подводные камни хорошо видны; поэтому и прохожденіе черезъ пороги теперь сравнительно менѣе опасно, чѣмъ при болѣе высокой водѣ.

29 марта.

Сегодня прошли черезъ нѣсколько пороговъ и остановились на ночлегъ рано, потому что, говорить Синъ-Ванъ, дальше, на протяженіи цѣлыхъ 60 ли, не будетъ мѣста, гдѣ бы можно было удобно остановиться; а другой лодкѣ сегодня столько никакъ

не пройти. Жители расположеннаго на ближайшей возвышенности селенія собрались въ большомъ числѣ на прибрежной площадкѣ у нашихъ лодокъ и предлагали намъ куръ, яицъ, хлѣба, сушеныхъ фруктовъ и разныхъ сладкихъ печеній изъ тѣста, рисоваго сахару и кунжутнаго сѣмени. Мы купили у нихъ всего, что было нужно; я же не пропускалъ ни одной новости безъ того, чтобъ не познакомиться съ мѣстными кушаньями и лакомствами. Большую часть изъ нихъ я находилъ годными къ употребленію, а конфеты изъ жаренаго кунжута съ рисовымъ сахаромъ даже ѣлъ съ удовольствіемъ, конечно, благодаря одной превосходной приправѣ— „за неимѣніемъ лучшаго“.

Всюду между людьми въ нашемъ лагерѣ шель разговоръ о завтрашнемъ порогѣ; лодочники и рабочіе осматривали лодки, канаты, вообще готовились къ событію, повидимому, очень важному и, судя по этимъ приготовлениямъ, надо было ожидать чего-нибудь особеннаго, еще не встрѣчавшагося на всемъ пройденномъ пространствѣ рѣки; но тревожныхъ мыслей, какъ казалось, никому не приходило въ голову.

30 марта.

Прошла чудная ночь. Поднявшись чѣмъ-свѣтъ, рабочіе тронулись, а слѣдовательно и Матусовскій долженъ былъ немедленно встать и сѣсть за работу. Скоро и я былъ на палубѣ, вызванный на воздухъ яркимъ солнечнымъ свѣтомъ. Наступилъ восхитительный день; и въ сегодняшнемъ утрѣ, среди дикой прелести природы, было что-то особенно торжественное, праздничное, сіяющее. Лучи солнца ярко освѣщали горы праваго берега рѣки и пробужденные ими, казалось, видимо распускались цвѣты и деревья; всюду свистали и чокали птицы, жужжали насѣкомыя; а рѣка сначала спокойная, зеленая и гладкая, какъ зеркало, превращалась невдалекѣ отъ насъ въ бѣлые клубы, которые съ ревомъ, прыжками неслись черезъ камни и мчались съ быстротою стрѣлы намъ на встрѣчу. Вода течетъ и вообще быстро, но, за исключеніемъ упомянутаго мѣста, не бурлитъ, не пѣнится, а только плещется кой-гдѣ у береговъ, мѣстами же образуетъ совершенно тихія заводи. И въ одной изъ нихъ, недалеко отъ бушевавшаго мѣста рѣки, мы остановились у берега, приготовляясь вступить въ находившійся предъ нами порогъ подъ названіемъ Лушъ-Танъ.

Наша лодка стояла впереди и должна была идти первой. Рабочіе съ обѣихъ лодокъ и еще призванные изъ селенія китайцы

собрались около нея и раздѣлялись на двѣ партіи; одну оставили на лѣвомъ берегу, другую перевезли и высадили на правый, и у каждой партіи былъ въ рукавъ свой крѣпкій бамбуковый канатъ. Оба они были привязаны къ основанію мачты, а отъ верхушки ея шелъ еще третій, отведенный также на лѣвый берегъ. Когда лодка еще стояла у берега, рабочіе отошли на длину канатовъ, выровнялись и ждали команды. Синъ-Ванъ стоитъ на носу лодки, съ багромъ въ одной рукѣ и съ поднятой другой рукой для команды, потому что за страшнымъ ревомъ воды не слышно ни одного слова, какъ бы ни кричалъ даже китаецъ, самый громогласный китаецъ, желавшій сказать что-нибудь. На лодкѣ стоятъ еще нѣсколько человѣкъ съ баграми, выставленными на подобіе веселъ направо и налѣво противъ торчащихъ изъ воды камней. Наконецъ, Синъ-Ванъ, еще разъ осмотрѣвъ всѣхъ и все, далъ знакъ рукой и рабочіе тронулись. Мы съ Матусовскимъ сидимъ въ лодкѣ и смотримъ впередъ на бѣшеную воду. Подходимъ ближе и ближе; вотъ вступили въ самый порогъ. Вали передъ нами; бунтующіе вали со всѣхъ сторонъ; они колютъ и треплютъ лодку, крутятся, скачутъ, и, какъ будто сознательно, сходятся вскочить въ нее черезъ борта, чтобы залить и сокрушить дерзкую ладью, осмѣлившуюся идти имъ наперекоръ. И невольный страхъ закрался въ душу, когда намъ показалось, что лодка наша перестала двигаться и какъ будто остановилась посреди этой разъяренной стихіи. Зачѣмъ мы, подумалось мнѣ въ эту минуту, не вынесли на берегъ болѣе драгоценныхъ вещей, которыми были, конечно, результаты нашихъ работъ... Но теперь было ужъ поздно; и, если лодку сорветъ съ удерживающихъ ее канатовъ, тогда, конечно, все погубло: записки, карта, растенія, чучела, рисунки, образцы почвъ и минераловъ. Все это уплыветъ или пойдетъ на дно, и страхъ за эти вещи былъ такъ великъ; что о себѣ и не подумалось въ эту минуту... Да, минута была страшная и долгая! Но профессоръ судоходства, какъ у насъ назывался лодманъ Ванъ, спокоенъ и только серьезенъ; лодка, сказалъ онъ, надежна; несущіеся мимо насъ вали не достаютъ до краевъ ея высокихъ бортовъ; канаты онъ осмотрѣлъ самъ; и пока все идетъ благополучно. Матусовскому пришла какая-то мысль, и онъ захотѣлъ передать ее мнѣ. Мы стояли рядомъ; онъ приложилъ ротъ къ моему уху, и я видѣлъ по его лицу, что онъ кричалъ изъ всѣхъ силъ, но я не могъ слышать ни одного слова,—вотъ какой невообразимый шумъ и ревъ воды вѣчно

стоитъ въ воздухѣ надъ порогомъ. Величественно и чрезвычайно интересно! Неприятна только неизбежная медленность прохожденія лодки черезъ этотъ адъ кромѣшный. А нашъ Ванъ какъ будто нарочно выбираетъ въ немъ самыя страшныя мѣста: казалось бы можно и слѣдовало бы ихъ обойти,—нѣтъ, онъ направляетъ лодку именно въ самый кипятокъ, прямо въ разрѣзъ несущимся на встрѣчу валамъ. Но ему, разумѣется, никто не осмѣлился мѣшать и давать свои совѣты, ибо мы вполне довѣряли его знаніямъ.

Отъ испытываемаго волненія я забылъ посмотреть на часы, чтобъ опредѣлять сколько времени прошло, пока мы медленно и незамѣтно проходили самую опасную часть порога; показалось же мнѣ, что мы оставались въ немъ около четверти часа. Но вотъ, лодка поднялась на относительно спокойную часть рѣки и страшный Лунъ-Танъ остался позади насъ. Мы прошли еще съ четверть версты, только при помощи своихъ рабочихъ, и, повернувъ за выдающійся мысъ, гдѣ рѣка значительно спокойнѣе, пристали къ лѣвому берегу; а всѣ помогавшіе намъ посторонніе люди вернулись къ другой лодкѣ, чтобъ точно также общими силами провести и ее. Затѣмъ, нашъ Тай-Гунъ, Ванъ и всѣ наши рабочіе отправились къ ней на помощь; и мы съ Матусовскимъ, оставивъ казака караулить лодку, пошли назадъ къ порогу, чтобъ посмотреть и, если нужно будетъ, помогать при прохожденіи другой лодки. Мы шли всѣ вмѣстѣ.

— Ма-Янъ-Чуанъ здѣсь не пройдетъ,—сказалъ дорогой Синъ-Ванъ, сказалъ съ такою увѣренностью и такъ помахалъ отрицательно рукою передъ своимъ задумчивымъ лицомъ, что мнѣ даже жутко стало. Точно онъ произнесъ смертный приговоръ.

Опять хотѣлось пойти сказать неразумнымъ, чтобы не шли на опасность, а сдѣлали какъ-нибудь иначе. Но какъ это сказать? Кому? Кто послушаетъ? Дѣло же общее; невольно во всемъ принималось участіе. Разговоръ все вращался на одномъ вопросѣ: какъ проберется здѣсь другая лодка? Но скоро говорить стало нельзя: надо было постоянно смотрѣть себѣ подъ ноги, чтобъ не упасть и не изломать руки или ноги. По песку и наваленнымъ въ беспорядкѣ гудамъ огромныхъ камней — обломковъ скалъ, поднялись мы на возвышеніе, въ родѣ морены, съ котораго предъ нами открылся весь порогъ, и въ самой срединѣ его мы увидали въ эту минуту грузовую купеческую лодку, которая пошла черезъ него слѣдомъ за нами. Теперь, со стороны намъ было еще

страшнѣ смотрѣть на эту борьбу съ ужасающей силой рѣки, потревоженной въ своемъ теченіи. Непосредственно за этой чужой, по немногу подвигалась впередъ и лодка Сосновскаго. Человѣкъ по двадцати китайцевъ съ криками, заглушаемымъ шумомъ порога, отъ паденія котораго, казалось, дрожала земля, тянули каждый канатъ и лучше было не думать, что будетъ, если только одинъ изъ нихъ лопнетъ... Тогда, конечно, не выдержать и остальнымъ. Вотъ выбралась на безопасное мѣсто купеческая лодка; значитъ, еще однимъ шансомъ для благополучнаго исхода больше: двѣ лодки прошли, авось и эта пройдетъ, думаемъ мы. Но дѣло въ томъ, что первыя двѣ совсѣмъ иного устройства: тѣ узкія и глубокія; эта широка, низка и чрезвычайно неустойчива на водѣ; да еще эти крылья по бокамъ!..

Сосновскій, по обыкновенію, вышелъ на берегъ; съ нимъ и старикъ Суй, а всѣ остальные были на лодкѣ и переводчикъ съ фотографомъ только-что встали съ постелей. Мы слѣдимъ за нею со страхомъ. Вотъ она въ срединѣ порога. Волны напираютъ и разбиваются объ ея широкій и плоскій носъ, мало возвышающійся надъ водой; онѣ качаютъ ее изъ стороны въ сторону, такъ что мачта, подобно метроному, описываетъ верхнимъ концомъ большую дугу; эти качанія все дѣлаются шире, и людямъ, бывшимъ въ лодкѣ, уже трудно стоять; но помѣшать колебаніямъ ея или уменьшить ихъ невозможно. Вдругъ одинъ валъ вскатывается на носъ съ одной стороны и такъ сильно накрениваетъ лодку, что она зачерпнула правымъ крыломъ, наклонилась еще сильнѣе, вслѣдствіе чего одинъ изъ ея, и безъ того низкихъ, бортовъ почти легъ на воду, и черезъ секунду вода хлынула черезъ весь ея правый край въ трюмъ!.. Раздались крики ужаса, и люди въ смятеніи бросились къ лѣвому краю, который сталъ выше и выше подниматься надъ водой, по мѣрѣ того, какъ правый медленно погружался въ воду. Сопротивленіе, оказываемое лодкой, теперь вдругъ, какъ и понятно, страшно возросло, и канаты, не выпускаемые рабочими изъ рукъ, лопнули одинъ за другимъ!.. Дальше разсказывать нечего...

Впрочемъ читатель, не болѣе опытный, чѣмъ я, можетъ подумать, что лодку тотчасъ же послѣ этого стрѣлой помчало внизъ и мигомъ разбило въ щепки. Нѣтъ, этотъ актъ совершался медленно: лодку, уже лежавшую на боку, постепенно потянуло внизъ по теченію, стало поворачивать поперегъ рѣки, и въ тотъ моментъ, когда она своей передней частью приблизилась къ берегу,

Андреевскій, Боярскій и казакъ Павловъ соскочили съ нея на берегъ; а хозяинъ лодки, обнявшись съ своей женой и видимо готовясь къ смерти, казакъ Степановъ, который смерти вообще не признавалъ, да китаецъ, управлявшій лодкой, остались на ней и не быстро поплыли внизъ по теченію.

Мы съ Матусовскимъ безсознательно мобѣжали за нею вдоль берега, но помочь ровно ничѣмъ не могли. Да и всѣ точно оцѣмѣли и потеряли сознание: всѣ смотрѣли, молча, молча бѣжали и ровно ничего не предпринимали;—это былъ моментъ какого-то общаго столбняка. Миѣ показалось даже, что въ эту минуту наступила полная тишина, какъ будто даже самый порогъ пересталъ шумѣть... А лодку тихо уносило внизъ и постепенно обламывало у нея то ту, то другую часть; отломилась съ трескомъ мачта и лодка стала еще болѣе поворачиваться все на правую сторону, а люди карабкались на поднявшійся лѣвый бортъ; наконецъ она перевернулась совсѣмъ дномъ кверху; но тоже не вдругъ, а такъ медленно, что находившіеся на ней всѣ успѣли мало-по-малу перебраться на верхъ и теперь уже плыли, стоя на ея обращенномъ кверху днѣ! Раздался еще неприятный трескъ какъ бы ломающагося деревяннаго дома: это опрокинутая лодка задѣвала за подводные камни и обламывала по частямъ свои корму, каюты и крышу, которыя вмѣстѣ съ вываливавшимися вещами падали на дно или всплывали на поверхность воды и уносились теченіемъ внизъ по рѣкѣ. Плыли деревянные ящики, чемоданы и разныя мелкія вещи...

Когда наконецъ продолжительное оцѣпенѣніе прошло, люди начали дѣйствовать; казакъ Павловъ раздѣлся и отправился съ берега вплавъ за лодкой, чтобъ поймать канатъ, вытащить его на берегъ и остановить лодку, но не нашелъ его и вернулся на берегъ. Съ другаго берега поплылъ съ тою же цѣлью одинъ китаецъ, поймалъ канатъ и съ страшными усиліями вытащилъ его на берегъ; другіе схватили его, натянули, изо всѣхъ силъ упершись ногами въ землю, но канатъ порвался, какъ нитка,—такъ велико было сопротивленіе опрокинутой лодки! Казакъ Степановъ вытащилъ другую бичеву изъ воды, взявъ ея свободный конецъ въ зубы и пустился вплавъ съ лодки къ берегу въ томъ мѣстѣ, гдѣ теченіе было уже слабѣе, выскочилъ на берегъ и, закинувъ канатъ за камень, держалъ своими желѣзными руками, которыя не разъ обрывали новыя веревки въ палецъ толщиной. Онъ остановилъ лодку, и на этотъ разъ канатъ выдержалъ сопротивленіе;

она остановилась. Ее притянули къ берегу и бывшіе на ней три человека, совершивъ чудесное плаваніе, могли сойти на землю. Мы тоже остановились въ нашемъ машинальномъ движеніи за лодкой и сошлись съ Матусовскимъ.

— Свершилось! проговорилъ онъ:— сбылись предсказанія китайцевъ, совѣтами которыхъ мы такъ смѣло пренебрегали. Вотъ и наказаніе, и какое наказаніе! Теперь все потеряно и аксиома наша кончена: по всей вѣроятности, намъ придется отсюда возвратиться съ позоромъ восвояси...— Но теперь не время предрѣшать, продолжалъ онъ,— а надо скорѣе идти туда; намъ необходимо присутствовать тамъ, чтобы знать, что пошло и что спасено... Вы вѣдь ничего не понимаете... Понимаете, почему это необходимо? спросилъ онъ.

— Ничего не понимаю, отвѣтилъ я...

— Ну, поймете послѣ, а теперь идемъ скорѣе.

Лодку остановили на противоположномъ отъ насъ берегу; сообщеній же здѣсь не было никакихъ, и намъ нужно было вернуться къ своей лодкѣ, чтобы на ней переправиться на другую сторону. И теперь, возвращаясь къ тому мѣсту, гдѣ она остановилась, я былъ пораженъ величиною пройденнаго нами пространства: я думалъ, что оно не болѣе двухъ сотъ шаговъ, а теперь оказалось, мы пробѣжали, перескакивая съ камня на камень, болѣе версты... Скорымъ шагомъ прошли мы его, переправились у того же мѣста на другой берегъ, и по трудной тропинкѣ, черезъ камни и воду, пришли къ мѣсту, гдѣ находились остатки погибшей лодки.

На берегу валялись разныя вытасченные обломки ея; сидѣли два привязанные пѣтуха, спасшіеся какимъ-то чудомъ, и лежали нѣкоторыя вынутыя, насквозь промоченныя вещи. Бѣдный хозяинъ лодки молча и неподвижно стоялъ, какъ безумный, на берегу, дико и мрачно смотря куда-то вдаль; а возлѣ него сидѣла и рыдала его жена. Сосновскій былъ уже здѣсь и, увидавъ насъ, съ неожиданнымъ спокойствіемъ объявляетъ: „Слава Богу, бумага спасена“.

— Какія бумаги?! спрашиваетъ удивленный Матусовскій.

— А торговыя свѣдѣнія и общія замѣтки о Китаѣ.

Мы подумали, что онъ подъ вліяніемъ несчастья лишился разсудка... До общихъ ли замѣтокъ о Китаѣ и его бумагъ теперь было! Намъ было и грустно, и стыдно. Начальникъ же ни мало не казался смущеннымъ, точно случилось то, чего онъ желалъ,

а вовсе даже не несчастіе. Онъ сталъ отдавать распоряженія и прибѣгать къ разнымъ мѣропріятіямъ; но говорилъ все на русскомъ языкѣ, исполнителями же, кромѣ Степанова, были только китайцы, и потому ничего изъ его словъ не понимали. Степановъ, раздѣтый, стоялъ въ водѣ и вытаскивалъ снизу изъ опрокину- таго кузова лодки удержавшіеся въ немъ ящики. Мы готовы были помогать, дѣлать что-нибудь, но чѣмъ тутъ поможешь, что сдѣлаешь? И потому стояли пока нѣмыми свидѣтелями сцены, похожей на сонъ,—такъ быстро все совершилось, — и ожидали, пока явится дѣло. Мы молчали, потому что никакія слова на умъ не шли. Можно было бы сказать: — вы теперь видите, что китайцы дѣло говорили, что и насъ нужно было послушать, когда мы васъ предостерегали... Но что теперь толку изъ этихъ словъ! Да и просто изъ сострадательной деликатности ничего не говорили.

— Слѣй Сяньшенъ! обратился начальникъ къ переводчику, который не понималъ обыкновенной русской рѣчи, а потому съ нимъ говорили не иначе, какъ по-яхтински;—потяни веревку мало-мало буди ёси... Степановъ, да руби же дно! Что ты дурака валяешь!.. Руби дно, говорятъ тебѣ! приказывалъ начальникъ казаку, всегда отличавшемуся умомъ, сообразительностью и без- примѣрнымъ усердіемъ.—Переворачивай лодку и таскай скорѣе ящики!...

Легко сказать: переворачивай лодку, въ которой помѣщалось человѣкъ до пятнадцати... Толстикъ поваръ Лао-Бу-Тянь, также голый, стоялъ на днѣ лодки и рубилъ его топоромъ, но ровно ничего не могъ сдѣлать, потому что топоръ каждую минуту падалъ на гвозди. Сосновскій предполагалъ, что дно не подается, вслѣдствіе его неумѣнія, и кричалъ ему, чтобъ онъ ушелъ прочь; но тотъ, конечно, не понималъ и еще усерднѣе дѣйствовалъ топоромъ; Слѣй не понимаетъ, чего онъ хочетъ отъ Лао-Бу-Тяня, и неутомимый и опытный распорядитель выходитъ изъ себя. Дѣй- ствительно, ужасно досадно.

— Вы, господа, хоть бы [казака Смокотина прислали, обра- тился къ намъ начальникъ тономъ укоризны.

— Мы казака оставили караулить лодку, а сами пришли по- мочь, въ чемъ нужно.

— Да что пришли помочь! передразнилъ онъ насъ... Смокот- нинъ по крайней мѣрѣ переводчикомъ могъ бы быть, а то ни- чего не можешь приказать.

Такимъ образомъ, полная негодность переводчика Сюя была признана имъ самимъ официально. Андреевскаго здѣсь не было; онъ ушелъ съ фотографомъ внизъ по теченію догонять уплывавшія вещи. Я видѣлъ, что дѣйствительно безъ нашего казака тутъ ничего не выйдетъ, и потому вернулся назадъ къ своей лодкѣ; а Матусовскій остался тамъ, чтобы знать, что окажется спасеннымъ и что погбло, для того, чтобы опредѣлить, какія могутъ быть вѣроятныя послѣдствія несчастья. Кромѣ того это было очень важно въ другомъ отношеніи, въ какомъ именно, объяснится впоследствии.

Я послалъ казака, а самъ остался караульщикомъ и принялся за препарированіе убитыхъ сегодня утромъ птицъ, и былъ очень радъ этой механической работѣ, потому что никакія другія занятія на умъ не шли: бодрость духа пропала совершенно и ко всему явилась апатія. Тревожныя мысли о еще далекомъ и опасномъ пути, который намъ предстояло проѣхать на безумной тройкѣ изъ „авось, небось и какъ-нибудь“,—эти мысли наводили просто ужасъ, и не разъ думалось—а не вернуться ли лучше, потому что, иносказательно говоря, нашъ извозчикъ не хотѣлъ закладывать никакихъ другихъ лошадей... Но любознательность влекла впередъ, въ невѣдомыя страны! И вотъ во всемъ существѣ совершается борьба страстнаго стремленія въ интересную даль съ опасеніями, которыя нашептывали инныя мысли: они говорили—быть бѣдѣ; не можетъ кончиться это путешествіе благополучно; развѣ только совершится чудо... но, вѣдь, чудеса въ наше время рѣдки. Потомъ мысли обращались отъ мрачнаго будущаго къ печальному настоящему; въ глазахъ мерещился этотъ жалкій образъ погибающей лодки; жалки или возмутительны были пострадавшіе спутники; но не по своей ли винѣ они попали въ настоящее скверное положеніе. Цѣлая семья лодочника была разорена въ конецъ: потому что вмѣстѣ съ лодкой для нея погибли домъ, средства къ жизни и всѣ надежды на остальную жизнь. Скверно было и положеніе всей „учено-торговой“ экспедиціи: все цѣнное и необходимое, т.-е. деньги, оружіе, патроны и порохъ, безъ которыхъ намъ нельзя было пускаться въ край неизвѣстный и еще не успокоившійся, все это погбло. Эти вещи, какъ болъшую частью самыя тяжелыя, выпали, конечно, прежде всѣхъ и разсѣяны теперь по дну рѣки; сохранился, повидимому, одинъ ни на что не нужный хламъ. Какъ идти дальше! Пойдемъ ли мы дальше или придется вернуться? Въ такихъ соображеніяхъ

прошелъ весь мучительный день — прелестный ясный день, но не радостный для насъ. Я провелъ его одинъ и только въ сумеркахъ вернулся Матусовскій... Не стану передавать нашихъ бесѣдъ, потому что читателю не трудно угадать, что и о чемъ мы могли говорить, послѣ всего, что ему стало извѣстно. Скажу только, что мы много смѣдились надъ этимъ „слава Богу, бумаги спасены“, потому что отлично знали, что никакихъ такихъ бумагъ нѣтъ и вѣзаться имъ не отъ куда.

Мы послали въ лагерь пострадавшихъ приготовленной на нашей лодкѣ, рисовой каши съ мясомъ, согрѣтый чай и сахару, а также свѣчей, табаку и другихъ вещей первой необходимости, съ конвойными солдатами. Связаніе между мѣстами нашихъ стоянокъ было трудное, расстояние большое, и мы было хотѣли съ нашей лодкой перейти къ мѣсту другого лагеря, но наши китайцы ни за что не хотѣли проходить черезъ порогъ Луцъ-Танъ еще разъ, говоря, что никто не можетъ ручаться, что мы и во второй разъ пройдемъ его благополучно, „На этой рѣкѣ не мало додокъ гибнетъ“, прибавили они и наотрѣзъ отказались,

Итакъ, мы остались на своемъ мѣстѣ. Уже когда совсѣмъ стемнѣло и надъ горами поднялся молодой мѣсяцъ, возвратился изъ другого лагеря нашъ казакъ и сообщилъ слѣдующія новости. При помощи Вана и рабочихъ достали изъ ближайшаго селенія партію китайцевъ, искусныхъ водолазовъ, которые пріѣхали въ лодкѣ и, начавъ поиски, несмотря на всѣ помѣхи, какія дѣлали имъ ненужными совѣтами и неудобисполнимыми распоряженіями, скоро вытащили изъ воды нѣкоторыя вещи. Этимъ они собственно показали степень своего умѣнья, и доброжелательные къ намъ туземцы просили передать нашему начальнику, что если впередъ не назначить водолазамъ хорошаго вознагражденія, то они могутъ утаить серебро, сказавъ, что его не находятъ, а потомъ вынуть и раздѣлить между собою, какъ добычу. Надо пообѣщать, говорили, рублей по сту (на наши деньги) съ ящика; тогда они будутъ стараться и достанутъ. Послѣ продолжительныхъ убѣжденій, доводовъ и колебаній Сосновскій, наконецъ, согласился. Китайцамъ объявили о назначенномъ вознагражденіи и они начали плавать въ лодкѣ, которую удерживали на канатѣ въ томъ мѣстѣ, гдѣ лодку перевернуло на бокъ въ первый разъ; длинными баграми они нащупывали вещи и когда думали, что нашли что-нибудь, одинъ нырялъ, спускаясь по упертому въ дно шесту, и если какая тяжелая вещь дѣйствительно находилась на

данномъ мѣстѣ, онъ тамъ прикрѣплялъ ее къ крючку багра и при помощи веревки подавалъ сигналъ находившимся въ лодкѣ товарищамъ, чтобъ тащили, а самъ поднимался вмѣстѣ съ вещью поддерживая ее; легкіе же предметы вытаскивалъ просто, вытаскивая на поверхность воды. Такимъ образомъ были вытасканы одинъ изъ двухъ ящичковъ серебра, всомъ пудовъ въ пять, одно ружье, револьверъ (который стрѣлялъ итеперь такъ же хорошо, какъ будто и не былъ въ водѣ), дробь, всѣ ящики съ патронами, а также котелокъ лодочника, четырнадцать связокъ мѣдннхъ денегъ (чохъ), нѣсколько мѣшечковъ рису и еще кой-что изъ мелочи.

Казакъ перевозносилъ китайцевъ-водолазовъ и удивлялся ихъ искусству; но выражалъ свое изумленіе въ очень страшной формѣ:

— Ну ужъ, ваше высокоблагородіе, этакихъ ловкихъ „суфлеровъ, поддецовъ“, я еще и не видывалъ; иной нырнетъ и пропалетъ подъ водой; стоимъ, стоимъ, ждемъ,—нѣту! Ну, думаемъ, конецъ китайскѣ; не будетъ больше афіюннику курить... *) Нѣтъ, вынырнетъ; а одинъ таки чуть было думу Богу не отдалъ, тамъ что даже не съ разу и въ себя пришелъ; больше ужъ не валѣтъ нынче,—завтра, говоритъ, прїѣдемъ, опять иснать будемъ. Да вѣдь и гдѣ ныряютъ! У самаго порога, гдѣ вода такъ и кипитъ... Обѣщаютъ такъ, что будто бы все размыщутъ... Ай, ай, ай!—вдохнулъ казакъ, окончивъ свой рассказъ и задумавшись.—Господи Боже нашъ, какое несчастіе надъ нами приключилось! А сколько же говорили и предостережаній дѣлали, но на нихъ никакого „предмета не обращали“. Вотъ и вышло. Вѣдь теперь что смѣху-то будетъ у китайсковъ! Они и теперь ходочутъ, только что не смѣютъ показывать.

31 марта.

Рано утромъ я пришелъ провѣдать своихъ жалкихъ спутниковъ. Мѣсто на берегу Хань-Цзана, гдѣ имъ неожиданно пришлось расположиться лагеремъ, представляло хотя невеселую, но любопытную пеструю картину, которая даже самимъ пострадавшимъ такъ понравилась, что они фотографировали ее, для воспоминанія. Но она съ гораздо большею пользою можетъ служить назиданіемъ въ томъ, чтобы относиться къ совѣтамъ тѣхъ, кто поумнѣе, и особливо туземцевъ, съ бѣльшимъ уваженіемъ. Вотъ

*) Онъ называлъ оной не иначе какъ афіунъ; названіе это встрѣчается и въ старинныхъ книгахъ. Правильное китайское названіе Я-янь-янь.

содержаніе картины. Все, что было спасено послѣ потопленія, явилось на свѣтъ Божій, но въ такомъ видѣ, что требовалось много времени, чтобы все разобрать, просушить и хотя сколько-нибудь предохранить отъ дальнѣйшей порчи. Знакомые читателю пятнадцать ящиковъ тюменской работы съ фотографическими принадлежностями; пожертвованные влхтинскимъ купечествомъ образцы товаровъ русской мануфактуры, которымъ такъ и не суждено было явиться передъ глазами китайцевъ въ приличномъ видѣ, потому что сукна, шѣха, кожи и другія матеріи послѣ Лунъ-Танской ванны находились въ самомъ плачевномъ состояніи. На берегу въ живописномъ безпорядкѣ были разложены большіе ящики чаю, подаренные нашими соотечественниками въ Хань-Боу для употребленія въ дорогѣ, въ томъ числѣ нашъ одинъ, котораго намъ никакъ не удалось получить отъ Сосновскаго, и одинъ, подаренный казакамъ. Теперь этотъ чай, разумѣется, весь погибъ. Рядомъ съ чаемъ лежало множество книгъ, которыхъ бы хватило на маленькую бібліотеку, но, должно быть, все негодныхъ, потому что начальникъ, таскавшій ихъ для чего-то за собою, самъ же много разъ жаловался мнѣ, что ему читать нечего. Дальше слѣдовалъ какъ бы магазинъ вещей китайской работы и шелковыхъ матерій, большею частью полученныхъ въ подарокъ отъ мандариновъ, въ томъ числѣ и принадлежавшія намъ съ Матусовскимъ, также своевременно не отданныя. По соседству съ ними просушивалось платье, бѣлье и обувь, ящики съ музыкой и ящики безъ всякой музыки, запасы разнаго рода консервовъ, приготовленные для переѣзда черезъ Гоби, впрочемъ въ миниатюрномъ количествѣ, разныя вещи, предназначавшіяся для подарковъ мандаринамъ, въ родѣ игрушечныхъ волшебныхъ фонарей, умывальниковъ изъ папье-маше, двухъ, трехъ дешевыхъ серебряныхъ часовъ, хромофотографированныхъ картинъ, представляющихъ, напримѣръ, два розана и одну птичку или двѣ птички и одинъ розанъ, баночекъ съ помадой, грошевыхъ табакерокъ и т. п. Тутъ же находился подъ стекляннымъ колпакомъ рельефный пейзажъ, представляющій горы съ вертящеюся мельницею на нихъ, море съ качающимся кораблемъ и съ хриплой музыкой внутри. Лежали тутъ разныя физическіе инструменты, какіе всегда берутъ съ собою въ экспедиціи; наконецъ оба ящика серебра (другой достали сегодня), патроны, оружіе и палатки, которыя теперь были поставлены и служили мѣстомъ жительства. Словомъ, тутъ былъ цѣлый базаръ, но въ какомъ жалкомъ видѣ

находилось большинство вещей! И сколько требовалось работы, скучной, ненужной и отчасти бесплодной работы по разборкѣ, раскладкѣ, просушкѣ и новой укладкѣ на половину никуда негоднаго хлама. Къ счастью, еще не было потеряно никакихъ цѣнныхъ вещей; не пропало ничего, кромѣ нѣкотораго бѣлья, платья, нуда пороку и, говорятъ, рублей на двѣсти серебра. Читателю слѣдуетъ это помнить. Была одна потеря не цѣнная, но чрезвычайно важная: мы лишились такъ-называемаго „Охраняющаго сіянія“ (Ху-Чжао) т.-е. выданнаго намъ китайскимъ правительствомъ паспорта, который унесло водою.

Итакъ происходила просушка вещей. Всѣ были заняты пересмотромъ и раскладкой разныхъ предметовъ. Переводчикъ Андреевскій приводилъ въ порядокъ свои „бумаги“; фотографъ разбиралъ свои спасенныя вещи, желатинныя негативы и фотографическія принадлежности; казакъ Павловъ, всегда предпочитавшій роли „самыя дѣятельныя“, но въ то же время и наиболѣе покойныя, переходилъ отъ одной вещи къ другой, потрогивалъ ихъ, принималъ дѣловой и озабоченный видъ, а самъ все поглядывалъ плутовскими глазами въ стороны, чтобы знать, замѣчаютъ ли его труды и усердіе къ службѣ, и когда видѣлъ, что его неутомимая дѣятельность замѣчена начальникомъ, онъ позволялъ себѣ отдохнуть немного. Переводчикъ Сюй былъ уже въ такихъ преклонныхъ годахъ, что ему совершенно позволительно было просто топтаться на песокѣ въ своихъ бархатныхъ сапогахъ, или, сидя на корточкахъ, курить трубку и приговаривать, обращаясь то къ тому, то къ другому съ словами своего удивительнаго діалекта: „ты пасаматалі, кака сіака товаль помочи было. Какá товаль пелѣза шіпака хылошанки бѣла, подума, кака на Лунь-Танъ въ воду пошла, ниту хылошанки, андалі палапала“ *). Сосновскій осторожно просушивалъ хронометръ и чистилъ инструменты, которыхъ нельзя было довѣрить даже такому просвѣщенному и всезнающему человѣку, какъ казакъ Павловъ. Китайцы-водолазы и два другихъ казака усердно работали на лодкѣ, отыскивая и доставая изъ воды еще не найденныя вещи.

Посмотрѣвъ на эту невеселую сцену и жалѣя о напрасной тратѣ времени, а также о гибели разнаго добра, я вернулся

*) Ты посмотри, какъ всякій товаръ подмочило. Какой товаръ прежде очень хорошъ былъ, потомъ, какъ на Лунь-Танъ въ воду пошелъ, не хорошъ сталъ, все равно, что пропалъ.

на свою лодку; а Матусовскій ушелъ туда. Онъ провелъ тамъ все остальное время дня до вечера, не принеся ровно никакой пользы, и только жалѣлъ о потерянномъ времени; онъ условился, что, если что нужно будетъ, чтобъ за нами прислали. Такъ прошли два дня.

Я жалѣлъ о томъ, что берега рѣки въ этомъ мѣстѣ были очень дикіе и трудно доступные, что растительность на нихъ скудная и однообразная; птицъ было мало, а охотиться за ними, карабкаясь по крутымъ скаламъ, почти невозможно. И порисовать нечего. Поэтому я оставался въ лодкѣ, занимаясь перекладкой растений въ сухую бумагу и просушкой сдѣланныхъ чучель, число которыхъ, увы, еще не дошло и до полусотни. Хотѣлось бы скорѣй уйти отсюда, на что мы и надѣялись; но наступившее на слѣдующій день ненастье сильно испугало насъ, потому что дождь мѣшалъ просушить подмоченныхъ шутниковъ и, слѣдовательно, задержалъ бы насъ еще на большее время. Къ счастью, погода скоро измѣнилась къ лучшему.

Мы сидѣли съ Матусовскимъ въ лодкѣ, и повременамъ, отрываясь отъ занятій, начинали бесѣду о нашемъ будущемъ. Скоро оказывалось наше путешествіе водою, гдѣ мы на своей лодкѣ были, можно сказать, совсѣмъ независимы и могли сами заботиться о своихъ нуждахъ и личной безопасности; при движеніи же сухимъ путемъ положеніе дѣлъ должно будетъ измѣниться и вотъ эта-то перспектива просто пугала насъ. Да какъ было и не пугаться. Вѣдь вотъ Боярскій и Андреевскій, на примѣръ, едва-едва не погибли, вмѣстѣ съ лодкой: останься они въ постелжкѣ долѣ обыкновеннаго и въ этотъ день, какъ случалось иногда на другихъ порогахъ, не будь они на нагубѣ, когда лодку проводили черезъ Лунь-Тань, имъ бы пожалуй и не выбраться изъ каюты, потому что лодка перевернулась относительно быстро.

Мы придумывали разные планы, какъ помочь горю, и находили нѣсколько выходовъ, но каждый былъ сопряженъ съ какою-нибудь неприятною, и потому рѣшили предоставить будущее Провидѣнію, а пока заботиться объ одномъ настоящемъ. Въ настоящее же время требовалось позаботиться о самомъ существномъ: у насъ истощались припасы, такъ какъ останавливаться на Лунь-Тань не только на долго, но и вовсе, не предполагалось; мѣсто было пустынное, и ближайшее селеніе находилось отсюда верстахъ въ четырехъ. Туда и послали за провизіей, приказавъ купить всего, что встрѣтится. Достали яицъ и куръ,

которыхъ одинъ изъ мѣстныхъ жителей самъ принесъ къ намъ; ихъ,—по китайскому обычаю продавать живность,—свѣсили на безменъ и купили кофѣемъ по пятнадцати за фунтъ.

Пообѣдавъ часу въ первомъ, я отправился съ ружьемъ вдоль рѣки вверхъ, и тутъ постигъ на опытѣ всю трудность пути и понялъ всѣ муки, какія должны испытывать бѣдные китайцы, которые обязаны проходить здѣсь съ лямками, таща бечевой тяжелой лодки: весь берегъ здѣсь, также какъ и на другой сторонѣ, представляетъ беспорядочную грудю обломковъ скалъ и валуновъ; и непривычному можно дорого полатиться, если на одну минуту оторвать глаза отъ почвы, по которой пробираешься, если заглядишься на что-нибудь и будешь продолжать идти; тогда навѣрно оборвешься съ камня, ударишься о другой или, еще хуже, попадешь ногой въ какую-нибудь узкую щель, между ними, и сломаешь себѣ кости. Китайцы обыкновенно не ходятъ по такимъ мѣстамъ иначе, какъ днемъ; если же кого случайно застигнетъ здѣсь ночь, они идутъ съ фонарями, а когда его нѣтъ или не хватаетъ свѣчи, ложатся спать на мѣстѣ и ждутъ свѣта. Я шелъ медленно, то поднимаясь въ горы, то спускаясь къ самой рѣкѣ, собиралъ растенія и стрѣляя попадавшіеся мелкихъ птицъ, и добрался до ближайшаго селенія. Оно состоитъ изъ нѣсколькихъ десятковъ домиковъ, прилѣпленныхъ то тутъ, то тамъ на большой высотѣ, въ самыхъ живописныхъ мѣстахъ, около дикихъ ущелий, и окутанныхъ зеленью и цвѣтами. Поднявшись до узенькой тропинки, которая шла мимо одного ряда жилищъ и представляла до нѣкоторой степени улицу, я прошелъ по ней, доставивъ большое удовольствіе ея немногочисленнымъ жителямъ, которые, особенно женщины, ни мало не стѣсняясь, поднимали меня на смѣхъ, но пугались и прятались, если я въ это время взглядывалъ на нихъ. Я, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ былъ смѣшонъ въ своемъ костюмѣ, о которомъ я вовсе не заботился, потому что въ глазахъ китайца европеецъ одинаково смѣшонъ и во фракѣ, и въ мундирѣ, и въ одномъ бѣльѣ, и онъ не различаетъ, что прилично, что нѣтъ: поэтому не стоило и напрягаться. Отъ самой этой тропинки-улицы почти отвѣсно спустился къ рѣкѣ обрывъ, сначала, въ верхней части, заросшій небольшими деревцами и густыми кустарниками, а дальше состоящій изъ голыхъ гранитныхъ скалъ, по которымъ можно ясно видѣть, до какого уровня вода поднимается въ рѣкѣ во время лѣтняго полноводія. На рѣкѣ, открывавшейся предъ моими гла-

зами на большое пространство, слѣдовали другъ за другомъ пороги; она вся усѣяна здѣсь торчащими изъ воды большими камнями, и казалось, нигдѣ не оставалось настолько широкой и глубокой борозды, чтобъ по ней могли проходить лодки; тѣмъ не менѣе, я звалъ, что онѣ проходятъ, но только мѣстныя, приспособленныя лодки. Разсматривая это мѣсто рѣки, я невольно подумалъ: если бы наша несчастная Ма-Янь-Чуань и миновала благополучно Лунъ-Тань, то все равно здѣсь ее ожидала бы неизбежная гибель.

Я спустился къ рѣкѣ и за мною послѣдовали изъ деревни три китайца, которые, можно было подумать, пошли собственно для того, чтобъ ухаживать за мною, потому что въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ трудно было идти, они безъ моей просьбы поддерживали меня съ самой предупредительной любезностью и помогали перебираться черезъ камни, вѣроятно не предполагая во мнѣ достаточно собственной ловкости. Но имъ, конечно, интересно было разсматривать меня и бывшія со мною вещи, между которыми, кажется, самую привлекательною была моя двухстволка. На одномъ изъ камней я убилъ зимородка (*Alcedo bengalensis*), прекраснаго голубя перья котораго китайцы употребляютъ на разныя дамскія украшенія, и свойственная имъ экономность во всемъ оригинально сказалась и въ томъ, какъ они пользуются перьями этой птички: они никогда не убиваютъ Цэй-Цу, какъ они называютъ зимородка, а ловятъ его западнями и, выдернувъ нѣсколько голубыхъ перышекъ, отпускаютъ на волю, съ тѣмъ чтобъ потомъ ее опять могли поймать другіе и опять взять умеренную контрибуцію за возвращеніе свободы... Эти голубя перышки цѣнятся у нихъ на вѣсь золота, что, впрочемъ, совсѣмъ не будетъ дорого, если принять во вниманіе разницу въ ихъ вѣсѣ.

Солнце уже клонилось къ западу, великолѣпно освѣщая противоположный берегъ рѣки, покрытый довольно густою рощей, изъ-за яркой зелени которой и осыпанныхъ цвѣтами кустовъ бѣлыхъ розъ (цзы-мэй-хуа) выглядывали прелестныя крыши стоящей тутъ кумирни Ванъ-Э-Мяо и три хорошенькихъ домика, прислонившихся къ скаламъ и подпертыхъ сваями. Я былъ вѣрстахъ въ четырехъ отъ своей лодки и китайцы совѣтывали мнѣ скорѣе идти домой, указывая на солнце: совѣтъ былъ разумный; я поспѣшилъ вернуться и добрался домой уже при свѣтѣ стоявшей въ зенитѣ молодой луны. Матусовскій былъ дома; а вскорѣ

вернулся и нашъ казакъ, цѣлый день занимавшійся вмѣстѣ съ другими разборкой и просушкой вещей въ другомъ лагерѣ. Онъ сообщилъ нѣкоторыя новости отсюда. Серебро, которое китайцы просили въ награду за доставаніе изъ рѣки вещей и которое они ждали вчера до вечера, сегодня наконецъ отдало сполна, въ размѣръ ста ланъ (200 руб.); изъ воды достали еще ружье, крошечный пузырекъ съ лѣкарствомъ, — вещь ненужная, но могущая служить доказательствомъ негусства китайскихъ водолазовъ, ибо, какъ читатель помнитъ, добываніе вещей производилось въ томъ мѣстѣ рѣки, гдѣ вода несетса съ страшной быстротой; достали пороховницу, но ящика съ порохомъ, вѣсомъ въ одинъ пудъ, такъ и не могли найти; вѣроятно, его, какъ большой и относительно легкій грузъ, укатило далеко по теченію. Всѣ фотографическія принадлежности удѣляли благодаря превосходно сдѣланнымъ въ Тюмени ящикамъ. Мы спросили о состояніи духа нашихъ спутниковъ.

— Ничего-съ, не видно, чтобъ очень скучали, а капитанъ даже такъ веселъ, какъ я давно ихъ не видалъ. Они благодарили меня за помощь, продолжалъ Смокотинъ, — и сказали: жалко, не зналъ я въ Хань-Коу, что ты умѣешь такъ хорошо по-китайски говорить, а то бы я велѣлъ тебя подучить чтенію и письму...—Ты бы могъ быть переводчикомъ, говорятъ.

Да, Сосновскій очевидно не подозревалъ въ немъ такихъ познаній, иначе ни за что не предоставилъ бы его въ наше распоряженіе.

2 апрѣля.

Утро было пасмурное. Когда я вышелъ на палубу, мимо насъ проѣзжала на своей лодкѣ шартія китайцевъ-водолазовъ, отирававшихся внизъ черезъ порогъ на новые поиски. Мнѣ хотѣлось проплыть черезъ него внизъ, и я, подозвавъ ихъ къ себѣ, сказалъ, что хочу отправиться съ ними, сѣлъ въ ихъ лодку и мы поплыли. Внизъ по рѣкѣ лодки ходятъ при помощи одного теченія и имъ остается только управлять, то есть давать правильное положеніе относительно потока и оберегать отъ камней, на что при прохожденіи яли, вѣрнѣе сказать, при пролетѣ лодки черезъ порогъ требуется гораздо болѣе искусства, смѣлости и расторопности, чѣмъ при подъемѣ снизу вверхъ, такъ какъ адѣсь одного момента упущенія достаточно, чтобъ лодку моментально разбило въ щепки. И дѣйствительно, у туземцевъ гибнутъ почти

исключительно тѣ лодки, которыя спускаются по рѣкѣ, тогда какъ съ идущими противъ теченія крушенія почти не случается. Итакъ, мы отправились. Скоро прошли разстояніе до порога; вотъ близко и онъ. Китайцы бережно поддерживаютъ меня; я приготовился смотрѣть во всѣ глаза, и, чтобъ лучше видѣть моментъ проскакиванія лодки черезъ самое бурное мѣсто порога, привсталъ было съ своего мѣста, какъ китайцы мигомъ дернули меня за руки внизъ и присадили на скамейку; въ эту секунду лодка вдрогнула и забачалась, какъ будто получила мягкій толчокъ въ дно; въ ухахъ раздался оглушительный шумъ волнъ; насъ слегка обдало брыгами... Вотъ и все, что я могу рассказать: порогъ былъ уже далеко за нами. На берега я не успѣлъ и взглянуть; не замѣтилъ и самаго порога, на который приготовился смотрѣть съ самымъ напряженнымъ вниманіемъ,—такъ все совершилось быстро и неожиданно.

Я попросилъ высадить себя и побрелъ съ ружьемъ въ горы, но скоро принужденъ былъ вернуться къ своей лодкѣ, по случаю подвѣшавшагося сильнаго вѣтра. Небо затануло тучами, деревья зашумѣли и нѣкоторыя заблестѣли какъ серебро, показавъ бѣлую изнанку своихъ листьевъ; а бамбуковыя рощицы граціозно качали свои гибкими, наклоненными верхушками. Въ воздухѣ пахло дождемъ, и мы со страхомъ ожидали его, но къ счастью его пронесло стороною.

Прошелъ еще день, который мы простояли на томъ же мѣстѣ. Вечеромъ вернулся казакъ.

— Ну что, много убрали вещей? спрашиваемъ,—скоро ли можно будетъ идти дальше.

— Какое много убрали! Еще ничего не убрано; нынче „волонтерничали“ цѣлый день; никто ничего не прибираетъ: за нѣкоторыя вещи, значить, мы не смѣемъ взяться; а приказывать ничего не приказываютъ. Такъ день и прошелъ. А сами капитанъ провозились съ инструментомъ,—не открывается да и только; и масломъ смазывали, все не открывается. Ничего кромѣ этого и не дѣлали. Потомъ, передъ вечеромъ ужъ такъ потрогали кой-что, перекладывали съ мѣста на мѣсто... Еще ничего не убрано; а вещи всѣ просохли. Если бъ намъ позволили, мы бы давно все уложили и ѣхать бы можно было; такъ не велятъ. Даже китайцы удивляются, зачѣмъ они живутъ на берегу, спрашиваютъ, не будутъ ли тутъ торговать,—смѣются.

Нашъ лодочникъ и рабочіе начинаютъ роптать, что ихъ

задерживаютъ напрасно, что они подвергаются лишнимъ расходамъ. Но мы успокоили ихъ, сказавъ, что всѣ экстренные расходы принимаемъ, конечно, на себя. Намъ и самимъ надо было стоять въ мало занимательномъ мѣстѣ; продовольствоваться здѣсь было трудно, а вслѣдствіе того, что начальникъ потерялъ свою посуду, онъ отобралъ у насъ нашу, потому что она куплена не лично нами; такъ что намъ ни обѣда, ни чаю не въ чемъ было приготовить, и мы кой-какъ доставали ужь у лодочника то того, то другаго.

Жаркіе дни стояли въ то время: въ тѣни 26 градусовъ, а на солнцѣ +29° R., такъ что и китайцы начинаютъ прятаться отъ солнца, прикрываясь соломенными шляпами съ широчайшими полями. Они отдыхаютъ теперь и по цѣлымъ днямъ играютъ въ карты *), усѣвшись на корточки вокругъ большого камня, служащаго имъ столомъ, или просто растянувшись на пескѣ. Дѣти нашего Тай-Туна, дѣвочка Нянь-Хуа, мальчикъ Ванъ-Тэй и крошечная Сю-Нюй-Цзы, **) бѣгаютъ совсѣмъ голые; они роются въ пескѣ и играютъ въ то, что большіе дѣлаютъ серьезно, т.-е. изображаютъ изъ себя лягушечковъ, таская вдоль берега, вмѣсто лодки, какую-нибудь палочку или коробочку, привязанную за нитку, и подражаютъ знакомымъ читателю крикамъ рабочихъ.

4 апрѣля.

Сегодня, наконецъ, послѣдній день нашей неожиданной стоянки на Лунъ-Тагѣ,—послѣдній, если „завтра“ пойдемъ. Лодка, какую Сосновскому давно нужно было нанять, нанята наконецъ только здѣсь; и всѣ вещи и люди преспокойно помѣстились въ ней одной, хотя она была меньше нашей; слѣдовательно, можно было и раньше пережѣнить старую лодку на новую, напримѣръ, въ Ши-Цуанъ-Сянѣ, гдѣ хозяинъ погибшей лодки, прося прощенія, умолялъ о томъ, чтобъ ему позволили не идти дальше. Тогда и мы бы выиграли, и несчастный лодочникъ не былъ бы пущенъ по міру.... Впрочемъ, ему и его семейству былъ сдѣланъ подарокъ въ цѣлыхъ тридцать рублей серебромъ! (Его лодка стояла около 400 руб.) Не стану описывать тяжелую сцену,

*) Совсѣмъ особенныя, узанскія, напоминающія домино.

**) Это имя есть собственно отсутствіе имени, означая въ переводѣ—маленькая дѣвочка; такъ обыкновенно ихъ и называютъ.

Когда эта разоренная семья бѣдняковъ осталась на берегу, посреди обломковъ своей лодки. Хотя она во многомъ сама виновата, но не добромъ будетъ она поминать русскихъ людей.... Не хорошо мы сдѣлали, надо покаяться. Хотѣлъ я отдать ему изъ своихъ денегъ 400 руб., и очень жалѣю, что не сдѣлалъ этого.

8 марта.

Сѣренъкій день. Перепадаетъ мелкій дождь. Мы совсѣмъ готовы къ отбѣзду и ждемъ, пока подойдетъ другая лодка, изъ-за порога Лунъ-Танъ. И вотъ, въ одиннадцать часовъ утра она показалась въ немъ, а по берегу шель Сосновскій и вслѣдъ за нимъ несли на коромыслахъ ящики съ фотографическими принадлежностями. Лодка прошла порогъ благополучно и, причаливъ къ берегу, приняла въ себя столь предусмотрительно охраняемыя просушенные вещи и осторожнаго начальника.

Мы отирались впередъ и вскорѣ достигли того порога, до котораго я доходилъ третьяго дня, называемаго Бѣ-Танъ. Это мѣсто рѣки еще труднѣе и опаснѣе Лунъ - Туна: здѣсь на протяженіи ста сажень рѣка несетя между камней по ясно замѣтной покатости, клубясь и пѣнясь, какъ въ котлѣ; а рѣчное дно вездѣ усѣяно подводными камнями. Передъ нами проводили черезъ порогъ чьи-то двѣ грузовыя лодки, и когда я смотрѣлъ на это проведеніе, мнѣ невольно вспоминались слова путешественника Père Lecomte, который говоритъ, что, сдѣлавъ болѣе двѣнадцати тысячъ миль по самымъ бурнымъ морямъ въ свѣтѣ, въ продолженіи десяти лѣтъ, онъ не подвергался столькимъ опасностямъ, какъ въ теченіе десяти дней на китайскихъ рѣкахъ (онъ ѣхалъ изъ Кантона въ провинцію Фу-Цзянь). Хотя это и преувеличено, но даетъ понятіе о встрѣчающихся здѣсь затрудненіяхъ и возможныхъ бѣдахъ.

Для проведенія каждой лодки чрезъ упомянутый порогъ требовалось человѣкъ до пятидесяти рабочихъ! Большая часть ихъ тянуть за канаты, нѣсколько другихъ стоятъ на передней палубѣ и дѣйствуютъ баграми; одинъ или два человѣка правятъ рулемъ и еще одинъ человѣкъ стоитъ на лодкѣ наверху, т.-е. на крышѣ каюты,—это главнокомандующій; онъ распоряжается всѣмъ и всѣми. Сцена любопытная. Шумъ пороговъ и крики множества голосовъ сливаются въ такой потрясающій концертъ, что поневолѣ дѣлается жутко; чувствуешь, что происходитъ что-то величественное и весьма серьезное.

Мы миновали благополучно три порога; видѣли одну разбитую лодку, шедшую сверху съ табакомъ, и, когда готовились идти дальше, насъ нагналъ новый голецъ съ письмами. Онъ выѣхалъ изъ Хань-Боу 21 день назадъ и привезъ намъ разныя извѣстія, между прочимъ, отрицательный отвѣтъ Сосновскому отъ довѣреннаго Губкина, что послѣдній на телеграмму относительно пожертвованія въ 2000 рублей въ пользу экспедиціи такъ ничего и не отвѣтилъ. Значить пропала надежда на это „воспособленіе“ Сосновскому, и онъ былъ вынужденъ себя отъ негодованія.

Мы остановились у берега, на которомъ возвышалась упомянутая выше кумирня Ванъ-Э-Мiao, въ которую, какъ я узналъ, обязательно должны являться всѣ козьева прѣходящихъ здѣсь лодокъ и дѣлать денежное приношеніе богамъ — покровителямъ судоходства въ размѣрѣ 800 чохъ, въ полученіи которыхъ каждый получаетъ печатную квитанцію, вырываемую изъ книги, такъ что это имѣетъ видъ государственнаго сбора, — хотя ему и придается религіозный характеръ.

Пройдя еще небольшое разстояніе, остановились на ночлегъ. Погода стояла ненастная; но воздухъ, освѣженный дождемъ и шапитаннымъ ароматомъ свѣжей зелени деревьевъ и кѣттовъ, былъ такъ хорошъ, что имъ достаточно надыхаться нельзя.

6 апрѣля:

Небо проясняется, но на веркушкахъ горъ еще висятъ тучи, и лодочники слѣдуетъ выбраться изъ пороговъ, потому что, говорятъ они, отъ дождей вода можетъ сильно подняться и тогда прохожденіе чрезъ нихъ затрудняется и дѣлается гораздо опаснѣе отъ скрывающихся подъ водою камней. Пороги слѣдуютъ одинъ за другимъ, чередуясь съ промежутками совершенно спокойной воды съ зеркальной поверхностью. На всѣхъ порогахъ безъ исключенія Сосновскій выходитъ на берегъ, находя болѣе удобнымъ отдавать свои распоряженія издали, всѣ же другіе остаются въ лодкахъ и спокойно переѣзжаютъ чрезъ странныя пороги, вполне полагаясь на знаніе и ловкость китайцевъ. Въ самомъ дѣлѣ я теперь совершенно смѣло вѣрляю себя молодцу Вану, котораго всегда веселый и спокойный видъ, ловкость и вѣрность дѣйствій, быстрый и зоркій взглядъ и отсутствіе даже тѣни робости предъ опасностью въ состояніи внушить довѣріе даже самой трусливой дамѣ. Ванъ дѣлаетъ все съ такой ловкостью и съ такимъ беззаботнымъ видомъ, какъ будто онъ играетъ,

а не борется съ бушующей стихіей, хотя она могла бы въ одинъ мигъ сокрушить лодку, которой командуетъ этотъ не хитрый съ виду человекъ. Онъ все видитъ своими прищуренными глазами, слѣдитъ за каждымъ камнемъ, за каждой веревкой; тутъ подтянетъ, тамъ поддержитъ, мигомъ подскочитъ и упрется багромъ въ скалу, упрется изо всѣхъ силъ, такъ что ляжетъ на спину и въ такомъ положеніи переступаетъ ногами по выдающемуся борту лодки, все время напярав на бамбуковый шестъ, такъ что послѣдній согнется въ дугу, но выдерживаетъ и не дозволяетъ лодкѣ прикоснуться къ торчащему изъ воды камню, и тѣмъ увеличить и безъ того страшное сопротивленіе.... Пройдутъ порогъ, Ванъ возьметъ трубочку и, усѣвшись на корточкахъ на невысокомъ столбикѣ, за который цѣпляютъ канатъ, сидитъ и покуриваетъ себѣ, какъ будто онъ ничего и не сдѣлалъ, какъ будто это вовсе и не онъ работалъ сейчасъ, надрываясь изо всѣхъ силъ. И ни жалобъ на усталость, ни тѣни хвастовства, ни даже сознанія своей полезности...

Вотъ наконецъ прошли, говорятъ, послѣдній порогъ... И слава Богу, говоришь себѣ, и жаль ихъ, потому что въ нихъ столько прелести! Скоро за этимъ мѣстомъ берега стали понижаться и раздвинулись; дикій характеръ мѣстности исчезъ; опять показались пашни, частыя селенія и такія же береговыя плотины, какъ въ низовьяхъ рѣки, т.-е. въ видѣ параллельныхъ рѣкъ валовъ. Послѣдняя разливалась здѣсь широко, чтобъ выше, конечно, опять войти въ горы. Здѣсь же пороги дѣйствительно кончились, но явилась новая помѣха движенію—сильное мелководье.

Мы остановились на ночлегъ еще засвѣтло и я съ ружьемъ вошелъ на береговой валъ, за которымъ открылась великолѣпная равнина, покрытая зелеными полями густой, высокой и уже наливавшей колосья пшеницы. По другую сторону равнины возвышался рядъ прекрасныхъ большихъ деревьевъ, то съ темной, то съ яркою зеленью; нѣкоторыя были всѣ въ цвѣту и изобиліе послѣднихъ было таково, что листья на нихъ за цвѣтами были почти незамѣтны. Это — деревья Тунъ - цзы-шу или Дунъ - шу (*Sterculia platanifolia*), изъ орѣховъ котораго выдѣлываютъ масло, идущее въ краску и отличающееся необыкновенною стойкостью противъ воды; испаренія его, говорятъ, ядовиты, такъ что въ комнатѣ, гдѣ недавно что-нибудь было выкрашено такой краской, можно заболѣть и будто бы умереть; но большинство китайцевъ считаютъ его далеко не такимъ вреднымъ. Подъ тѣнью этихъ

величественныхъ стеркулій стоятъ домики поселянъ съ глиняными стѣнами, черепичными крышами и дверями, украшенными надписями на красной бумагѣ; тутъ же возлѣ домиковъ сидятъ и группы ихъ мирныхъ обитателей; а за этимъ первымъ планомъ поднимаются на нѣкоторомъ разстояніи высокія синеватыя горы, по мѣстному названію, Цзинь-Линь-Шань....

Надъ равниной стояли необыкновенныя спокойствіе и тишина; только издали чуть-чуть доносились голоса людей, и перелетавшихъ стаями черныхъ скворцовъ, да въ небѣ щебетали ласточки... Тутъ было такое царство покоя и кажущихся довольства и счастья, что мнѣ жаль было нарушить его выстрѣломъ и принести сюда смерть. Впрочемъ; еслибъ увидалъ рѣдкую птицу, думаю, не устоялъ бы!

7 марта.

Сегодня въ Россіи началась страстная недѣля съ ея молитвами, унылымъ благовѣстомъ, говѣньемъ и приготовленіями къ приближающемуся Свѣтлому празднику; и мысли умчались съ береговъ Хань-Цзяна въ туманную родную даль и на время забылась здѣшняя роскошная природа и здѣшніе люди... Да, хороши чужія страны; въ нихъ интересуется насъ все, чего у насъ нѣтъ; но любимъ мы въ нихъ то, что чѣмъ-нибудь напоминаетъ намъ родину; въ нихъ милѣе намъ тѣ цвѣты, хлѣба и голоса птицъ, какіе есть и у насъ!

По мѣрѣ нашего движенія впередъ горизонтъ расширяется; горъ вблизи уже нѣтъ, а онѣ видны только вдали; у рѣки являются равнины, оживленныя зелеными полями, жилищами и людьми; чаще встрѣчаются домашнія животныя, напримѣръ быки, похожіе осанкой на тирольскихъ, лошади и мулы. Все это обращаетъ на себя вниманіе и доставляетъ удовольствіе глазу, который уже давно не встрѣчалъ ничего, кромѣ замкнутыхъ гористыхъ береговъ.

Въ три часа пополудни мы остановились у города Янъ-Сянъ, который стоитъ на нѣкоторомъ разстояніи отъ берега и съ рѣки не виденъ. Я тотчасъ отправился въ городъ съ однимъ полицейскимъ и, пройдя сначала по дорогѣ мимо полей, потомъ предмѣстьемъ, достигъ стѣны и воротъ съ трехъярусною башнею надъ ними. За воротами идетъ по обыкновенію главная улица съ тѣми же лавками и предметами торговли, какъ вездѣ; въ перспек-

тивѣ видѣются двѣ триумфальныхъ арки въ три пролета; на улицѣ, какъ вездѣ, много людей, а лошадей и муловъ встрѣчается гораздо больше, чѣмъ въ другихъ городахъ. Проѣхала на встрѣчу китаянка, уже пожилая, верхомъ на лошади, которую велъ подъ уаццы погонщикъ. Мое появленіе на улицахъ города мигомъ произвело нарушеніе его обычнаго строя жизни и собрало толпу, которая, когда я остановился предъ одной интересной башней и стала срисовывать ее, страшно тѣснилась вокругъ меня, надоѣдала мнѣ невыносимо и стала позволять себѣ разныя грубыя выходки; и сегодня я убѣдился, какъ много значитъ имѣть при себѣ хорошаго и ловкаго полицейскаго солдата, а не такого вялаго и робкаго вахлака, какой былъ со мною. Подобно дебютирующему, да еще незнающему своей роли актеру, онъ не только ничего не умѣлъ сказать осаждавшей меня толпѣ, или сдержатъ ее своею властью, а нерѣдко даже совсѣмъ пропадалъ куда-то, такъ что я не видалъ его и вблизи, и оставался совершенно одинъ. Когда онъ вернулся, я, вида, что ему одному не справиться съ распалившейся толпой, послалъ его въ я-мынь (городское управленіе), велѣвъ привести съ собою еще двухъ солдатъ. Онъ ушелъ и я остался одинъ, что впрочемъ нисколько не измѣнило моего положенія ни въ худую, ни въ хорошую сторону. Стиснутый толпою до такой степени, что едва могъ двигать рукою, я кой-какъ окончилъ рисунокъ и, не дожидаясь своего полицейскаго, вошелъ въ одну кумирню, мигомъ наполнившуюся народомъ; мигомъ былъ занятъ каждый вершокъ свободнаго мѣста, и мальчишки безъ малѣйшихъ церемоній полѣзли на своихъ боговъ и взобрались имъ на руки и на головы, чтобъ имѣть возможность глазѣть на меня. Въ сопровожденіи густѣйшей толпы, скучной, назойливой, неделикатной, впрочемъ не причинявшей мнѣ никакихъ серьезныхъ непріятностей, отправился я черезъ городъ назадъ къ нашимъ лодкамъ и встрѣтилъ своего конвойнаго только у городскихъ воротъ, и опять одного, а не втроемъ, какъ я ожидалъ. Онъ послѣдовалъ за мною и мы добрались до рѣки безъ особыхъ приключеній. На берегу, возлѣ нашихъ лодокъ, стояли ожидавшіе меня больные изъ мѣстныхъ жителей, уже получившіе словесныя телеграммы о моемъ пріѣздѣ, и остальное время дня прошло въ пріемѣ ихъ и отпускѣ имъ лѣкарствъ, которыя я давалъ только въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ ожидалъ скорого и несомнѣннаго успѣха.

8 апрѣля.

Утромъ надъ рѣкой стоялъ такой густой туманъ, что противоположнаго берега ея совсѣмъ не было видно и рѣка казалась моремъ. Мы были готовы отправиться въ путь, какъ пришелъ казакъ и передалъ, что мы еще остаемся здѣсь нѣкоторое время, потому что „капитанъ пишетъ бумаги въ Хань-Коу“.—Вѣдь того почтара, продолжалъ казакъ, — что третьяго дня нагналъ насъ, мы сюда привезли на нашей лодкѣ. Капитанъ три дня все писалъ бумагу, чтобъ послать съ нимъ; теперь кончаютъ и какъ кончатъ, тогда и пойдемъ. Но „бумага“ сегодня не кончилась и мы остались тутъ ночевать. Сказано—завтра въ полдень выйдемъ отсюда.

9 апрѣля.

Ждали полудня и съ нимъ выѣзда; говорятъ—бумаги не готовы. Два часа прошло, три часа,—все не готовы; наконецъ въ четыре часа уѣхали, а посланецъ повезъ „донесеніе о крушеніи лодки“. И когда я прочелъ его копію, то увидаль, что это былъ большой литературный трудъ, и вонялъ, почему нужно было такъ много времени для исполненія его. Хотя оно начиналось словами: „Насъ постигло серьезное испытаніе“,—въ немъ тотчасъ за этими словами слѣдовалъ длинный и ни на что не нужный рассказъ о всемъ путешествіи по р. Хань съ самаго выступленія изъ Хань-Коу. Такой способъ изложенія Сосновскій называлъ „муссированіемъ публики“, и всегда совѣтывалъ намъ съ Матусовскимъ придерживаться его, если мы намѣрены что-нибудь писать въ Россію, въ газеты. Мы обѣщали придерживаться.

Читатель теперь знаетъ, какое „насъ постигло серьезное испытаніе“; тѣ же, кому приходилось читать полученное донесеніе, этого не вѣдали и, конечно, слѣшили узнать въ чемъ дѣло. Но они должны были предварительно ознакомиться со всѣмъ теченіемъ рѣки Хань и его особенностями; выслушать разныя соображенія на счетъ *Общесударственной Артеріи* (т.-е. р. Янь-Цзы) и той *диагоны*, изученіе которой составляетъ одну изъ *цѣлей экспедиціи*, познакомиться съ различными созданными природой рельефами *вертикальныхъ отношеній*, съ *голыми гранитными утесами*, которые *цѣпятся въ дымку облака мѣсомъ*; съ *порогами разныхъ наименованій*, которые *бываютъ то большіе, то малые; то прямые, давящіе напоромъ воды, то изломанные кольцомъ, страшатъ трудностію управиться съ судномъ*; узнать, что

число пороговъ на р. Хань равняется 360 *); что скорость теченія его громадна, если вспомнить, что 10 с. въ единицу времени (какую—не сказано) есть предѣлъ, за которымъ вода размываетъ постель изъ дикой скалы... Потомъ въ донесеніи слѣдовали характеристики жителей различныхъ провинцій Китая, примѣрно въ такомъ родѣ: у Хубейца *какая-то четырехугольная ящичкомъ голова, сплюснутый лопатой носъ, маленькіе, узкіе, глубоко утонувшіе глаза, сверкающіе хитрыми зрачками*. Далѣе шли рассказы о томъ, какъ китайцы не позволяли заниматься астрономическими наблюденіями, этими смѣхотворными наблюденіями, какъ полезно оказалось сношеніе съ высшими властями и т. д. и т. д. И, наконецъ, авторъ переходитъ къ „печальному акту“, названному въ первой строкѣ „постигшимъ насъ серьезнымъ испытаніемъ“, т.-е. крушенію лодки. Тутъ рассказывается, какъ все происходило—какъ *работіе разбѣжались; лоцманы одинъ и другой кинулись въ воду, переплыли рѣчку и постъ того мы ихъ не видали...* и т. д. Упоминается объ *измученномъ остовѣ* (лодки), *вышедшемъ изъ стремнины*, и описаніе это сопровождается восклицаніями въ родѣ: *все поглотила мотая пучина!* Затѣмъ онъ упоминаетъ о своихъ спутникахъ. *Но какъ уложить въ формѣ простой рѣчи то беззаветное самоотреченіе, въ которомъ каждый изъ сотоварищей моихъ въ святомъ сознаніи дома преслѣдовалъ лишь мысль—спасти то, что нужно для цѣлей правительства...* Потомъ прибавляется нѣсколько фразъ о потерѣ вещей, скопленныхъ тяжелымъ трудомъ, о „доблести казаковъ, напримѣръ о Степановѣ, который, презирая смерть, мнитъ только о томъ, чтобы не все отдать грозной силѣ... Мнѣ рѣшительно не сумѣть передать эти подвиги величія духа!“ восклицаетъ авторъ, и въ концѣ донесенія прибавляетъ, что „*всею больше погибло подарочныхъ вещей*“ и его *собственныхъ* **).

Когда мы отправились наконецъ и отошли на нѣкоторое разстояніе, предъ нами открылся оставленный нами городъ или собственно его зубчатая стѣна, съ башнею надъ воротами; у самаго берега начинаются и идутъ вдаль поля съ разбросанными

*) Тутъ выходитъ противорѣчіе съ показаніями Матусовскаго, которымъ нанесено на карту пороговъ и даже быстринь, всего около 80; да и все искажено или умышленно, или по невѣдѣнію.

**) Читатель уже видѣлъ, что никакихъ подарочныхъ вещей не погубило; ихъ просто не было, а какія были, тѣ только подмокли.

между ними деревьями и сельскими домиками; за городомъ возвышаются холмы и за холмами—легкія, какъ облака, отдаленныя горы въ нѣсколько плановъ. Рѣка Хань представляется здѣсь величественною по своей ширинѣ, но ея песчаное дно вездѣ видно; она вездѣ переходитъ въ бродъ и воды въ ней немного выше колѣна. Берега ея зеленѣютъ свѣжими всходами и повсюду на нихъ видны люди и села. Нѣсколько выше въ нее впадаетъ рѣчка Тянь-Шуй-Хо, разсыпающаяся на нѣсколько рукавовъ по песчано-каменистой отмели. Противъ Янь-Сяня на другомъ берегу находится большое село Тянь-Бао-Ля, скрытое за береговой плотиной, и между этими пунктами происходитъ безпрестанное сообщеніе при помощи двухъ, ходящихъ взадъ и впередъ, большихъ лодокъ, всегда переполненныхъ мужчинами, женщинами и дѣтьми; всѣ они въ шляпахъ съ широкими полями и съ разными предметами въ рукахъ, корзинами, зеленью, разными товаромъ и проч. Иногда въ лодкѣ вмѣстѣ съ людьми можно увидать носилки съ пассажиромъ внутри, а также осѣдланыхъ лошадей и муловъ. Эти лодки представляютъ весьма интересныя живыя картинки, пестряющія яркими цвѣтами.

На дворѣ тепло, какъ въ іюль, да и хлѣба въ такомъ состояніи, въ какомъ у насъ бываютъ въ этомъ мѣсяцѣ. По рѣкѣ во многихъ мѣстахъ бродятъ китайцы, собирая въ ней такъ-называемыя „дрова“, (ча-ѣ), т.-е. разнаго рода прутья, палочки и щепки, плывущія по водѣ или погрузившіяся на дно. Глубокая тишина стоитъ надъ здѣшнимъ обширнымъ открытымъ пространствомъ, занатымъ отчасти площадью рѣки, отчасти ея низкими равнинными берегами и окруженнымъ со всѣхъ сторонъ грядями отдаленныхъ горъ: ничто, кромѣ грустнаго пошвыстыванія куликовъ да легкаго журчанія воды подъ нашей лодкой, не нарушаетъ этой тишины!

Шли мы медленно, потому что приблизительно на каждыяъ двухъ, трехъ верстахъ лодки садилась на мель; и послѣ заката солнца остановились на ночлегъ среди описанной простой обстановки; но она была очаровательна нѣжностью общаго колорита, мягкостью всѣхъ очертаній и своей глубокой тишиной, которая въ шумномъ Китаѣ всегда доставляетъ особенное удовольствіе.

10 апрѣля.

Характеръ рѣки тотъ же; онъ очень напоминаетъ наши широкія степныя рѣки и разница въ пейзажѣ заключается только въ подробностяхъ, да иныхъ формахъ растительнаго царства.

Въ послѣдніе дни мы встрѣчали на берегахъ много кирпичныхъ и черепичныхъ заводовъ, и сегодня намъ съ Матусовскимъ удалось улучшить нѣсколько минутъ, чтобъ, „не задержавъ общаго движенія“,—нашего бессмысленнаго движенія,—зайти осмотрѣть одинъ изъ нихъ. Такіе заводы устраиваются обыкновенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ есть годная для кирпича глина, и все производство на нихъ отличается необыкновенной простотой. Вырывъ сколько нужно глины, ее смѣшиваютъ съ водой и потомъ не мѣсятъ, какъ у насъ, а перебрасываютъ лопатой, насаженной на длинную гибкую ручку, съ одного мѣста на другое, всю, два раза, причежъ каждый захваченный кусокъ подкидывается высоко кверху (что дѣлается легко, благодаря эластичности ручки лопаты), и, падая, сильно ударяется о землю; это и замѣняетъ процессъ мѣшенія глины. Для дѣланія кирпичей ее вдавливаютъ въ деревянные формы; приготовленіе же черепицы нѣсколько сложнее. А именно: глину складываютъ въ видѣ четырехграннаго столба и инструментомъ (ма-лѣ) въ родѣ смычка, въ которомъ вмѣсто волосъ натянута одна проволока, обравниваютъ его бока; тѣмъ же смычкомъ отрѣзываютъ съ одного бока слой глины около дюйма толщины и накладываютъ его на барабанъ, сдѣланный изъ бамбуковыхъ пластинокъ, обтянутыхъ холстомъ; три изъ этихъ пластинокъ, находясь другъ отъ друга на равныхъ разстояніяхъ, выдаются болѣе другихъ, такъ что онѣ образуютъ на барабанѣ родъ граней. Барабанъ, укрѣпленный на станкѣ, приводится ногою въ движеніе и упомянутый глиняный пластъ превращается въ открытый съ обѣихъ концовъ цилиндръ (правильнѣе, усѣченный конусъ, такъ какъ верхнее отверстіе въ немъ нѣсколько меньше нижняго); затѣмъ, снятый съ барабана, ставится для просушки, и когда онъ высохнетъ, стоитъ только слегка ударить по немъ, чтобъ онъ распался на три части, по тѣмъ бороздкамъ, которыя образуются соотвѣтственно тремъ выступающимъ бамбучинкамъ, и каждая изъ частей будетъ представлять отдѣльную черепицу. На этомъ же заводѣ имѣются деревянные рѣзаныя формы, въ которыхъ вдавливаютъ изъ глины различныя украшенія для крышъ, карнизовъ и другихъ частей зданій. Глина въ сыромъ видѣ имѣетъ обыкновенный цвѣтъ, а послѣ обжиганія и запариванія превращается изъ желтой въ сѣрую.

Мы отправились дальше и вскорѣ повстрѣчали одного оригинальнаго путешественника—китайца, плывшаго внизъ по рѣкѣ на бамбуковомъ плоту. Онъ лежалъ на немъ на спинѣ, прикрывъ

лицо отъ солнца широкой соломенной шляпой, и спалъ-себѣ съ беззаботностью ребенка, предоставивъ свою судьбу теченію, которое спокойно несло его плоть. На плоту, кромѣ этого человѣка да бумбукового багра, не было никого и ничего. Когда мы поровнялись съ нимъ, шутникъ Ванъ ударилъ своимъ багромъ по поверхности воды и обдалъ брызгами беззаботнаго путника; онъ открылъ лицо, приподнялся немного, взглянулъ и, не сказавъ ни слова, повернулся на бокъ, опять накрылся шляпой и поплылъ дальше своей дорогой.

Мы прошли мимо устья еще одного притока Хань-Цзяна съ лѣвой стороны—Синь-Шуй-Хо; устье этой рѣчки широко, но занесено пескомъ, такъ что люди переходили здѣсь рѣчку лишь по щиполку въ водѣ. Лѣвый берегъ ея низменный, песчаный, правый—возвышенный, представляющій мѣстами обнаженныя массы гранита, между которыми образуются овраги; по нимъ бѣгутъ и ниспадаютъ каскадами ручьи, а на отлогихъ склонахъ пригорковъ расположены поля пшеницы, маку и разныхъ овощей. Хань-Цзянъ сталъ такъ мелководенъ, что лодочники принуждены отыскивать мѣста, гдѣ бы могла пройти лодка, но часто имъ нигдѣ не удавалось найти фарватера и лодка буквально ползла по песку. Берега снова оживились сильнѣе обыкновеннаго; число шедшихъ по нимъ людей, по преимуществу носильщиковъ, становилось все больше, что, какъ мы знали, предвѣщало близость города. Вотъ и онъ,—городъ Чэнь-Гу-Сянь. Показались городскія башни и множество лодокъ, большею частью широкихъ и мелкосидящихъ, собравшихся здѣсь, какъ мы узнали, по случаю мелководья и ожидавшихъ поднятія воды, чтобы имѣть возможность продолжать путь. На берегу двигались въ большомъ количествѣ люди разныхъ возрастовъ, большинство въ соломенныхъ шляпахъ,—и гдѣ были люди, тамъ раздавались смѣхъ, говоръ, шумъ, брань и музыка. Жизнь кипитъ и на землѣ, и на рѣкѣ, черезъ которую безпрестанно переѣзжаютъ въ лодкахъ и во многихъ мѣстахъ въ ней купаются ребятишки. Я слышу, на берегу уже раздается если не радостная, то чрезвычайно интересная вѣсть о приѣздѣ иностранцевъ; всѣ дѣла бросаются и всѣ бѣгутъ къ берегу; многіе еще не знаютъ, куда надо бѣжать,—гдѣ они, эти неожиданные рѣдкіе гости. Вотъ мы причалили; звенитъ цѣпь и на берегъ бросается якорь.

Быль полдень, и я тотчасъ отправился въ городъ. Онъ отстоитъ отъ рѣчки приблизительно на четверть версты и окруженъ

слободами, через которыя, почти отъ самаго берега, къ нему ведетъ каменная дорога, сдѣланная изъ длинныхъ кусковъ сѣраго и красноватаго гранита, и напоминающая древне-римскія пути сообщенія; во времена оны и эта дорога, должно-быть, была великолѣпна; но теперь на толстыхъ каменныхъ плитахъ какъ ея самой, такъ и каменныхъ мостиковъ, встрѣчающихся на ней и перекинутыхъ черезъ небольшіе ручьи и каналы, колеса тачекъ вытерли и выбили глубокія борозды. Я пришелъ въ городъ и, пройдя по немъ большое пространство, нашелъ все обыкновеннымъ; мнѣ бросились въ глаза только нищія въ большомъ количествѣ и съ страшными лицами, какія можно видѣть только у умирающихъ. Меня, разумѣется, сопровождала огромная толпа, и лишь только я останавливался на минуту, какъ она окружала меня со всѣхъ сторонъ, отчего жара, и безъ того сильная, становилась еще невыносимѣе; паршивые и чесоточные прижимались ко мнѣ вплотную; и я не на шутку боялся заразиться отъ нихъ, но уберечься не было никакой возможности; запахъ чеснока, мускусу, опія и разныхъ другихъ веществъ просто душилъ меня и заставлялъ ускорять шаги. А тутъ встрѣчаются интересные предметы. Такъ, я увидалъ въ одной изъ улицъ триумфальную арку или ворота, сдѣланныя исключительно изъ гранита, на которомъ изсѣчены разныя украшенія. Подобныя каменные арки въ небольшихъ городахъ встрѣчаются вообще гораздо рѣже деревянныхъ; эта же, кромѣ того, отличалась изяществомъ стила, и я рѣшился срисовать ее, какъ это было ни тяжело. Для этого потребовалось часа два времени; но чего стоятъ эти два часа, проведенные въ самомъ близкомъ сосѣдствѣ съ такими грязнѣйшими субъектами, когда ихъ нужно безпрестанно просить сторониться, хлопать карандашомъ по рукамъ, которыми туземцы безпрестанно дотрогивались до бумаги, и по широкимъ полямъ шляпъ, закрывавшимъ отъ меня предметы, которыя я срисовывалъ! Впрочемъ, эти шляпы сейчасъ снимались по приказанію самой же толпы, которая, видимо, не хотѣла мнѣ мѣшать и, если мѣшала ужасно, то совершенно невольно.

Окончивъ рисунокъ, я прошелъ дальше по улицѣ до другихъ низенькихъ воротъ, надъ которыми была устроена театральная сцена, открытая съ противоположной стороны; на ней шло представленіе; тамъ слышались неестественные голоса актеровъ и отчаянные звуки оркестра. Пройдя подъ ворота, въ которыхъ

толпа была еще гуще, я обернулся въ спенѣ и остановился; актеры увидали „заморское чудище“ и, судя по обращеннымъ на меня взглядамъ и жестамъ съ какими-то словами, они, должно-быть, сострили что-то на мой счетъ, что привело толпу въ неистовый восторгъ. Стоявшіе дальше услышали вѣсть, что въ городъ пришелъ иностранецъ; но, не видя меня, сначала заметались въ стороны и потомъ двинулись съ такою силою, что вся толпа, точно сговорившись, разомъ хлынула въ ворота: никакое сопротивление ей было невозможно, и я, вмѣстѣ съ окружавшими меня китайцами, не вышелъ, а буквально былъ вынесенъ назадъ за ворота; поднялась давка, крики, и я поспѣшилъ уйти изъ этого узкаго мѣста, чтобъ по крайней мѣрѣ не увеличивать скопища и не сдѣлаться виновникомъ какого-нибудь несчастія. Меня толпа, разумѣется, не задавила бы, но за дѣтей, этихъ непремѣнныхъ членовъ всякаго собранія, я ужасно боялся.

Возвращаясь, я встрѣтилъ на улицѣ Вана, который нанималъ рабочихъ, взаимнѣ двухъ, остававшихся здѣсь, и вернулся съ нимъ въ своей лодкѣ. Уходящіе отсюда рабочіе пришли проститься; они долго шли съ нами и разставались, повидимому, съ сожалѣніемъ.

— Куда же вы пойдете въ чужомъ городѣ? спросилъ я.

— А тутъ гостиницы есть... Платить надо по 70 чоэкъ въ день за квартиру и пищу, а потомъ работу найдемъ, отвѣтилъ веселый, и повидимому совершенно довольный своимъ существованіемъ, здоровякъ.

Нигдѣ ничѣмъ не интересуясь, мы сегодня же оставили Чэнъ-Гу-Сянь и, пройдя небольшое разстояніе, остановились на ночлегъ у селенія Панъ-Чу-Ирь.

11 апрѣля.

Сегодня наши лодки мѣстами совсѣмъ не могутъ идти по случаю мелководья, и движеніе ихъ впередъ требуетъ огромныхъ усилій: рабочіе, Тай-Гунъ, конвойные солдаты, нашъ казакъ и слуга Чжу, дѣйствуютъ всѣ за разъ изо всѣхъ силъ, но подвинувъ лодку буквально на вершокъ, уже должны отдыхать; потомъ еще на вершокъ и опять отдыхать... Вся рѣка была одинаково мелка; но Сосновскій не хотѣлъ этому вѣрить и взялся доказать, что всѣ „жестоко ошибаются“, что достаточно глубокая борозда въ рѣкѣ есть, но ея только не умѣютъ найти. И раздѣвшись, онъ отправился искать ее, долго бѣгалъ по рѣкѣ, всего

по колѣно въ водѣ, но, несмотря на это, нѣсколько разъ увѣриль, что нашель фарватеръ, и кричалъ издали, чтобъ тащили лодки туда; но китайцы только махали рукой въ отвѣтъ на его приглашенія. „Борозда рѣки въ смелѣ судоходства“ не была открыта изслѣдователемъ и мы продолжали стоять на рѣкѣ, точно въ бурянь посреди степи, потерявъ дорогу. Выбившіеся изъ силъ рабочіе стоятъ въ водѣ возлѣ лодки; Тай-Гунъ и Ванъ бродятъ по рѣкѣ, придумывая, какъ нособить гору, и ничего придумать не могутъ. Особенно же тяжело было рабочимъ другой лодки, изъ которой даже выложили часть вещей лодочника на берегъ; но все не помогло, такъ какъ она была слишкомъ перегружена и людьми, и вещами.

Нельзя идти, да и только, потому что приходится ѣхать въ лодкѣ буквально сухимъ путемъ, хотя и по мокрому дну Хань-Цзяна. И тяжело, и страшно смотрѣть на усилія бѣдныхъ рабочихъ. Вой-кавъ, дѣланъ въ часъ шаговъ по десяти, дотащились мы до берега и китайцы остановились обѣдать. Мы съ Матусовскимъ сидѣли въ своей лодкѣ. Въ это время по берегу проходитъ одинъ китаецъ, молодой человекъ, и, увидавъ насъ, раскланивается съ нами съ самымъ любезнѣйшимъ выраженіемъ лица и снимаетъ шапочку, чего китайцы никогда не дѣлаютъ, ибо, по ихъ правиламъ приличія, снять шляпу или шапку нѣ высшей степени неучтиво. Итакъ, по одному этому поклону должно было заключить, что этотъ китаецъ—не обыкновенный. Мы отвѣтили на поклонъ. Онъ видимо желалъ подойти къ намъ, но его отдѣлялъ отъ нашей лодки впадавшій тутъ въ рѣку глубокій ручей. Незнакомецъ подозвалъ къ себѣ одного изъ нашихъ рабочихъ и, сказавъ ему два слова, сѣлъ къ нему на спину, и тотъ, перенеся его черезъ воду, доставилъ къ намъ въ лодку. Онъ вошелъ съ новыми любезными поклонами и обратился съ разговоромъ на китайскомъ языкѣ. — „Вы французы?“ спросилъ онъ. — Нѣтъ, отвѣчаю я.—„Англичане?“—Нѣтъ...—„Русскіе?“ — Да... Значить, русскихъ онъ менѣе всѣхъ ожидалъ встрѣтить.

Казакъ нашъ въ это время ушелъ купаться и мнѣ пришлось собственными силами поддерживать разговоръ съ гостемъ, но я понималъ еще слишкомъ мало; тѣмъ не менѣе онъ болталъ безъ умолку, и изъ его словъ я понялъ только, что насъ давно ожидаютъ въ Хань-Чжунъ-Фу, что тамъ уже приготовлена для насъ квартира и намъ прислано изъ Пекина серебро. Онъ предлагалъ мнѣ разные вопросы, но, видя, что я не понимаю, досталъ изъ

подъ платья бывшіе у него на шеѣ четки и крестъ съ изображеніемъ Распятія и показали намъ; тогда мы поняли, что онъ рекомендовался намъ христіаниномъ. Я сказала, что сейчасъ придетъ переводчикъ и мы побесѣдуемъ. Несмотря на жаркій день, незнакомецъ былъ одѣтъ въ теплое платье; черезъ плечо у него была перекинута длинная сума, изъ которой онъ досталъ нѣсколько китайскихъ книгъ, и, показавъ мнѣ, на этотъ разъ отрекомендовался докторомъ. Потомъ, когда пришелъ казакъ, мы узнали, что онъ принялъ христіанство уже тринадцать лѣтъ тому назадъ, что тогда же началъ заниматься медициной и что теперь идетъ въ одно село къ больному. Товарищъ спросилъ его о предстоявшемъ намъ пути на Лань-Чжоу и Хами, и получилъ неутѣшительныя извѣстія о трудности и небезопасности этой дороги. Мнѣ бы очень хотѣлось поговорить съ нимъ о нашей общей наукѣ; но при помощи нашего переводчика-казака этотъ разговоръ оказался рѣшительно невозможнымъ, и казакъ тотчасъ самъ отказался, сказавъ, что „этого разговора онъ даже по-русски понимать не можетъ“. Я узналъ отъ гостя только о томъ, что китайцы лечатъ чесотку не наружными средствами, а внутренними, что послѣднихъ противъ этой болѣзни существуетъ очень много, но всѣ они помогаютъ плохо. Узнали мы также, что онъ житель г. Хань-Чжунъ-Фу, куда онъ на дняхъ возвратится, и мы простились съ нимъ до скораго свиданія въ этомъ городѣ, такъ какъ онъ обѣщалъ непременно придти къ намъ, а теперь ушелъ своей дорогой.

Мы тоже отправились въ дальнѣйшій путь; но какъ отправились, и въ какой ужасный, мучительный путь для тѣхъ, кто долженъ былъ везти насъ съ нашимъ багажомъ!.. Если неприятно ѣхать на людяхъ въ паланкинѣ, который два человѣка несутъ сравнительно легко и идутъ свободно, то каково же было сидѣть въ большой, тяжелой лодкѣ, когда ее тащили люди по рѣчному песку! Вотъ какъ это совершалось. На передней палубѣ укрѣпили въ поперечномъ направленіи крѣпкую перекладину, концы которой выступали въ обѣ стороны на подобіе тарантасной ваги, и рабочіе, подойдя подъ нее спинами, т.-е. лицомъ назадъ и кверху, подпирали ее своими лопатками и, упираясь ногами въ дно рѣки, должны были приподнимать лодку и въ то же время подавать ее впередъ. Они при этомъ принимали сильно наклонное положеніе, такъ что лица ихъ были обращены кверху; ихъ мышцы такъ напрягались при этой работѣ, иные такъ сти-

скивали свои зубы, что я серьезно опасался, что послѣдніе разлетятся въ дребезги, или что люди поломають себѣ кости.

Пройдя такимъ образомъ до вечера ничтожное разстояніе, мы остановились ночевать. Мы не страдали, конечно; намъ даже пріятно было проводить дни въ лодкѣ посреди обширной водной поверхности, но въ голову невольно приходилъ вопросъ: да для чего же мы здѣсь ѣдемъ, когда можно бы давно перейти на сухопутную дорогу; что мы тутъ изучаемъ? Но про это мы не должны были знать. Извѣстно было только одно, что путешествіе водою стоить гораздо дешевле, чѣмъ сухопутное, да, кромѣ того, что до Хань-Чжунъ-Фу уже заплачены деньги.

12 апрѣля.

День жаркій и тихій; въ воздухѣ ужъ другой день стоитъ какая-то мгла въ родѣ дыма, и солнце представляется дискомъ безъ всякихъ лучей, такъ что на него можно смотрѣть во всѣ глаза. Ѣдемъ дальше, если можно сказать „ѣдемъ“, когда въ пять съ половиною часовъ прокоидтся менѣе четырехъ верстъ. Работу бѣдныхъ китайцевъ можно назвать просто каторжной, потому что лодка, какъ и вчера, безпрестанно садится на дно и ее должны тащить по песку, въ которомъ иногда приходилось прорывать борозду, иначе лодка не двигалась съ мѣста... Я думаю, лошади никогда не исполняли такой непосильной работы, какой здѣсь подвергаются люди... Но что это за люди! Совершая описанную каторжную работу, они и не думаютъ роптать, ни мало не тяготятся, не выходятъ изъ себя; напротивъ, они, какъ всегда, веселы и когда, двинувъ лодку на четверть аршина впередъ, останавливаются отдыхать, тотчасъ принимаются болтать безъ умолку и хохочуть, какъ ни въ чемъ не бывало.

До Хань-Чжунъ-Фу, слава Богу, остается немного и близость его уже чувствуется по многолюдству и усиленному движенію на берегахъ рѣки. Вскорѣ мы увидали его предмѣстье Ши-Па-Ли-Пу и продолжали ползти въ лодкѣ по рѣкѣ, которую туземцы переходятъ здѣсь въ бродъ. Идутъ просто пѣшеходы; припрыгиваютъ торопливымъ шагомъ носильщики съ товаромъ на коромыслахъ, которыя вогнутостью обращены вверхъ, а не внизъ, какъ у насъ, или на особыхъ приборахъ для ношенія тяжестей, надѣтыхъ на спину, весьма удобныхъ и практичныхъ, потому что въ нихъ тяжесть распредѣляется равномерно на всю верхнюю половину спины. Четверо носильщиковъ пронесли черезъ рѣку

въ паланкинѣ одну набѣленную даму съ черными подрисованными бровями и черными блестящими глазами; она замѣтила насъ и приказала носильщикамъ идти тише, чтобъ посмотрѣть на насъ; смотрѣла, покуривая трубку, и не думала прятаться за занавѣски своего паланкина; лицо ея немного улыбалось и выражало самое напряженное любопытство, какое сказывалось и въ позѣ. Она не закрылась даже и тогда, когда я навелъ на нее свой бинокль.

Китайка скоро исчезла, а мы продолжали барахтаться почти на одномъ мѣстѣ, и вдругъ... о удивленіе, смотрю и глазамъ не вѣрю,—поднимаютъ паруса... Шумъ песка и хрустѣніе гальки подъ лодкой, къ которымъ мы такъ привыкли, вдругъ прекратилась, и она пошла такъ легко, какъ будто совсѣмъ не имѣла вѣса: оказалось, что вода прибыла и подняла насъ. Мы пошли такъ быстро, что лодочники надѣялись сегодня придти въ городъ. Однако это не удалось; вечеръ засталъ насъ въ дорогѣ и мы рѣшили остановиться у берега на ночлегъ, для чего Ванъ пошелъ искать у берега удобнаго мѣста, гдѣ бы можно было пристать, не сѣвши опять на мель; а мы пока стояли, поджидая его. Вдругъ мой взглядъ бессознательно останавливается на одной точкѣ, пораженный необыкновеннымъ явленіемъ: по берегу идетъ незнакомый человѣкъ въ европейскомъ платьѣ, и необыкновенное чувство радости мигомъ охватило меня всего и удивило меня: такъ пріятно встрѣтить здѣсь роднаго человѣка; а роднымъ въ Азій является для европейца каждый европеецъ, кто бы онъ ни былъ. Мы смотримъ на незнакомца во всѣ глаза, стараемся придумать, кто онъ можетъ быть, и уже мечтаемъ о встрѣчѣ, расспросахъ и разговорахъ; но обманъ продолжался не долго,—этотъ иностранецъ оказался однимъ изъ нашихъ же спутниковъ, переводчикомъ, который, какъ мы узнали потомъ, ходилъ пѣшкомъ въ Хань-Чжунъ-Фу. Увидавъ насъ онъ показалъ пакетъ, крикнувъ: почта! Потомъ спросилъ, далеко ли за нами другая лодка?

— Далеко еще, отвѣтили мы, и предложили зайти къ намъ и обождать у насъ, пока она подойдетъ.

— Я бы зашелъ, да боюсь, какъ бы тамъ опять горячку не заporоли. Вѣдь вы его знаете... этого...

— Изъ-за чего же горячку пороть, вѣдь они не ждутъ васъ, а идутъ сюда же. Вы отдохнете, закусите съ нами, выпьете чаю и, если ваша лодка въ это время не нагонитъ насъ, мы пожалуй выпустимъ васъ на берегъ; вы и дойдете до нея. Онъ переправился къ намъ на случившейся вблизи маленькой лодкѣ какого-

то мѣстнаго китайца и вошелъ. Мы спросили о томъ, что онъ нашель въ Хань-Чжунъ-Фу, видѣлъ ли квартиру, какъ населеніе относилось къ нему и проч.; но онъ былъ такъ голоденъ, что ему некогда было говорить; онъ съѣлъ нѣсколько яицъ безъ соли, не дождавшись, пока ее принесутъ; а чай выпилъ безъ сахару, говоря, что теперь привыкъ и безъ сахару пить, потому что собственнаго нѣтъ, а казеннаго не даютъ. „Да что сахаръ, продолжалъ онъ,—мы съ голоду чуть недохнемъ: вѣдь одну курицу, батюшка, на восемь человѣкъ дѣлать; вы это понимаете! А ѣсть, какъ нарочно, страшно хочется“... Онъ торопился на свою лодку, боясь получить нагоняй за посѣщеніе нашей лодки, попросилъ посадить его на берегъ и ушелъ, а мы вскорѣ остановились на ночлегъ... Это была уже послѣдняя ночь, которую мы проводили на рѣкѣ, въ лодкѣ, служившей намъ квартирой въ теченіе почти двухъ незамѣтно пролетѣвшихъ мѣсяцевъ. Эта ночь была кануномъ Свѣтлаго Воскресенія, но теплая, какъ лѣтомъ: воздухъ оглашали тысячи голосовъ дикихъ утокъ, куликовъ и другихъ птицъ, а также однозвучные трели лягушекъ, и вся окрестность какъ будто дрожала вмѣстѣ съ этими звуками.

13 апрѣля.

Первый день Пасхи. Самый большой праздникъ у насъ и совершенно обыкновенный день здѣсь... На нынѣшній день намъ выпало даже гораздо больше будничныхъ хлопотъ, потому что сегодня мы должны были со всѣмъ багажомъ перебираться на квартиру въ городъ.

Часовъ въ семь утра наши лодки остановились въ послѣдній разъ у берега, чтобы выпустить насъ и проститься съ нами навсегда. У путешественниковъ дѣло обыкновенно горитъ, и вотъ, не успѣли мы причалить, какъ ужъ пошла работа: идутъ собраніе, укладка, увязываніе и вынесеніе всевозможныхъ вещей изъ нашей бывшей квартиры; убираются постели; и все это укладывается на тачки, присланные сюда изъ города, котораго самого отсюда не видно. Наконецъ все готово; лодка опустѣла и получила прежній неприбранный, грязный видъ; мы съ товарищемъ простились съ хозяиномъ и его семьей, къ которымъ успѣли привыкнуть за два мѣсяца, простились съ красавицей-рѣкой; и, когда нагруженные тачки тронулись въ путь, отправились за ними слѣдомъ пѣшкомъ, такъ какъ до города, говорятъ, недалеко. Рабочіе всѣ пошли провожать насъ и каждый несть что-нибудь

изъ нашихъ вещей въ рукахъ. Китайскія тачки скрипѣли еще ужаснѣе, чѣмъ крымскія арбы „честныхъ татаръ“. Это ужъ не скрипъ, а вой, стонъ, сумма всѣхъ отвратительныхъ звуковъ, какіе только можно придумать, и сравнить эту музыку можно развѣ съ визгомъ тысячи свиней, приведенныхъ въ сильнѣйшее негодованіе.

Городъ Хавь-Чжунъ-Фу *) расположенъ приблизительно въ полутора верстѣ отъ рѣки, и все это пространство занято полями, съ разбросанными по нимъ домиками поселянъ, обнесенными каждый своей низенькой оградой, подгородными селеніями и городскими предмѣстьями. Растанувшись длинной вереницей, подвигались мы по узенькой дорожкѣ между полями, засѣянными макомъ, который былъ уже въ цвѣту, дикимъ шафраномъ (Хунъ-Хуа, safflower, *Carthamus tinctorius*), готовившимся къ цвѣтенію, и чеснокомъ, посѣяннымъ вмѣстѣ съ другими хозяйственными растеніями. Видъ этихъ полей достоинъ вниманія: они не вспаханы только и заборолены, а обработаны, какъ огороды; гряды отдѣланы съ замѣчательной тщательностью и доведены просто до изящества; а кромѣ артистической отдѣлки, въ ихъ формѣ, расположеніи и посѣвѣ на нихъ растеній видна еще особая мысль, выражающая извѣстныя соображенія земледѣльцевъ. Такъ, напримѣръ, нѣкоторыя гряды представляютъ прямоугольныя, трехгранныя призмы, обращенныя гипотенузами къ югу, а вертикальными катетами къ сѣверу, такъ что одни растенія могли пользоваться полнымъ солнцемъ, какъ, напримѣръ, макъ, а другія, какъ чеснокъ, росли въ тѣни.

Наконецъ мы вступили въ улицу предмѣстья, такую узенькую, что въ ней никакъ не могли бы разѣхаться двѣ тачки если одна не свернетъ на время въ переулочъ, чтобъ пропустить другую! Вездѣ на улицѣ было множество людей,—мужчинъ, а въ воротахъ стояли, глазѣя на насъ, исключительно группы женщинъ. Возбужденіе и веселье—общія. Вотъ и городскія ворота, высокія, величественныя, съ виду очень древнія... Много бѣдъ видѣли они на своемъ вѣку, какъ гласитъ исторія, многихъ неприятелей сдержали эти ворота своимъ крѣпкимъ желѣзнымъ щитомъ, а нѣкоторыхъ и впустили. Такъ было съ послѣднимъ неприятелемъ, недавно входившимъ сюда,—своими же братьями,

---

*) Въ 1879 г. онъ вмѣстѣ съ другими сильно пострадалъ отъ землетрасенія; много жителей погибло.

мятежниками, такъ-называемыми тай-пинами; и, когда мы, миновавъ трое воротъ, вступили въ узенькую улицу, мнѣ живо представилась та страшная сцена, которая должна была совершиться здѣсь, когда ожесточенный продолжительнымъ сопротивленіемъ непріятель вошелъ наконецъ въ городъ, послѣ восьмимѣсячной осады... Лучше и не задумываться надъ этимъ.

Мы пробирались за своими тачками по узенькой улицѣ, буквально набитой народомъ, волновавшимся вокругъ насъ, но совершенно прилично и скромно, если забыть о давленіи и неистовомъ шумѣ и гамѣ. Въ это время, вижу, два хорошо одѣтыхъ молодыхъ китайца усиленно пробираются сквозь толпу и, торопливо подойдя къ намъ, обращаются съ оживленною рѣчью и блестящими глазами; но я понялъ изъ ихъ словъ столько же, сколько они изъ моего русскаго отвѣта; тѣмъ не менѣе китайцы продолжаютъ говорить, ни мало не смущаясь. Наконецъ, видя бесплодность самой ясной, по ихъ мнѣнію, рѣчи, одинъ изъ молодыхъ людей положилъ на себѣ рукою крестъ.... И скажу вамъ, читатель, безъ малѣйшей сантиментальности, а просто передавая фактъ, котораго я и не стану объяснять, скажу, что трудно передать, какое отрадное впечатлѣніе произвелъ на меня этотъ крестъ въ этой шумной толпѣ совершенно чужихъ людей, не имѣющихъ со мною ровно ничего общаго: это же движеніе руки, одно, безъ словъ и поясненій, сказало: я тебѣ братъ! И лица этихъ двухъ китайцевъ-христіанъ, хотя и не православныхъ, точно вдругъ преобразились въ моихъ глазахъ, какъ будто получили совсѣмъ другое выраженіе, а самые люди—другое значеніе.

Они приняли насъ подъ свое покровительство, оберегали отъ случайныхъ толчковъ толпы и продолжали говорить безъ умолку; и изъ всего я понялъ только, что здѣсь есть еще китайцы-христіане и что одинъ изъ нихъ умѣетъ говорить на „латинь-хуа“, т. е. на латинскомъ языкѣ, что они его къ намъ приведутъ. Доведя насъ до дому, въ которомъ для насъ была приготовлена квартира, они простились, обѣщавъ скоро вернуться. А тачки съ нашими вещами повернули въ какія-то ворота, по обѣимъ сторонамъ которыхъ были лавки. Ворота находились въ глубинѣ подъ навѣсомъ дома и были затворены, такъ что мнѣ въ первую минуту показалось, что тачки въѣхали въ лавку. Когда же ворота открыли, мы увидали предъ собою дворъ, и къ немалому удивленію встрѣтили на немъ нашего переводчика, котораго считали оставшимся съ своей компаніей на рѣкѣ. Мы узнали

отъ него, между прочимъ, что по случаю порчи многихъ вещей мы пробудемъ въ Хань-Чжунъ-Фу недѣли двѣ или даже три, потому что онѣ будутъ здѣсь исправляться.

— Ну, значить мѣсяца полтора проживемъ,—сказали мы другъ другу,—надо будетъ хорошенько устроиться, чтобъ удобно было заниматься. И тотчасъ пошли осматривать весь домъ, отданный въ наше распоряженіе, за исключеніемъ небольшой части, гдѣ жила семья домовладѣльца.

Дворъ былъ узенькій, раздѣленный легкими деревянными воротами на двѣ части и обстроенный съ трехъ сторонъ жилыми помещеніями. Три воннаты, назначенныя собственно для насъ, находились въ глубинѣ двора, т.-е. противъ воротъ; а по обѣимъ сторонамъ его въ боковыхъ флигеляхъ было еще по три, итого девять комнатъ. Но это названіе, и то съ нѣкоторой натяжкой, могло относиться лишь къ первымъ тремъ; боковыя же всѣ были такъ малы, грязны, темны и не прибраны, что скорѣе заслуживали названія сараевъ или курятниковъ, чѣмъ походили на жилища людей. Потолковъ нигдѣ нѣтъ и надъ головой чернѣется грязная, худая крыша, черезъ которую постоянно тянется сквозной вѣтеръ; полость служить сама почва, а о чистотѣ запыленныхъ и покрытыхъ паутиною и плѣсенью стѣнъ лучше и не распространяться. Кромѣ того, эти комнаты служатъ приютомъ пауковъ, сороконожекъ, сколопендръ и скорпионовъ. Последнихъ разумѣется не видишь, ихъ не много; но достаточно найти одного подобнаго сосѣда, чтобъ жилось не особенно приятно. Крошечныя окна съ грубой рѣшеткой, оклеенной изнутри бумагой, давали такъ мало свѣта, что среди бѣла-дня въ комнатахъ нельзя было читать безъ свѣчи; воздухъ былъ сырой и спертый; словомъ, все напоминало какую-то тюрьму, и съ этимъ впечатлѣніемъ вполне гармонировали стоявшія въ углу каждой комнаты кровати и ихъ матрацы.... Что это за кровати, что за матрацы! Только въ дурно устроенныхъ провинціальныхъ тюрьмахъ, да въ самыхъ убогихъ больницахъ видѣлъ я подобную мебель; — грязныя, неуклюжія, шатающіяся, съ истрепанными соломенными тюфяками, взглянувъ на которые сейчасъ представляешь себѣ спавшихъ тутъ какихъ-нибудь грязныхъ оборванцевъ, или нищихъ, покрытыхъ паразитами; и я не знаю, какъ надо хотѣть спать, чтобъ рѣшиться лечь на подобную постель....

Да не подумаетъ читатель, что описанная ужасная обстановка — нормальная для жителей Хань-Чжунъ-Фу; — нѣтъ, это только

одинъ изъ тѣхъ бѣдныхъ угловъ, какіе вездѣ можно найти. Въ этомъ городѣ можно было бы найти и прекрасный домъ; но этотъ, конечно, дешевле стоить; вотъ почему его и наняли.... Стыдно было намъ, русскимъ офицерамъ, жить при такой нищенской обстановкѣ, но разсуждать и возражать и не дозволялось, и было бы бесполезно. Не выселяться же было въ особый домъ, когда всѣ остальные помѣстятся здѣсь; да гдѣ и какъ его теперь искать? Будемъ терпѣть неудобства, хотя въ Китаѣ все не дорого.

Мы заняли одну боковую комнату изъ упомянутыхъ трехъ среднихъ, которыя были нѣсколько почище, и тотчасъ приступили къ ея уборкѣ и приведенію въ сносный видъ. Проработавъ надъ этимъ часа два, намъ удалось, при помощи дорожныхъ ковровъ, пледовъ и взятыхъ мною для этой цѣли кусковъ тикю, которыми мы завѣсили и прикрыли кой-что, устроить порядочный пріютъ хотя для ночи; а заниматься ужъ рѣшили, гдѣ придется. Одно достоинство имѣла наша обитель, какъ вообще китайскіе дома,—въ ней цѣлый день царствовала прохлада, тогда какъ на дворѣ, даже въ тѣни, стоялъ тяжкій зной. Комната ожила еще болѣе, когда въ ней явились наши рабочія принадлежности, и теперь отъ нея уже не вѣяло болѣе тюремной пустотой и плѣсенью. Не могу не упомянуть объ одномъ оригинальномъ украшеніи, поневолѣ явившемся въ ней: это наши походные сапоги, повѣшенные въ видѣ люстры подъ потолкомъ, во избѣжаніе того, чтобъ ихъ не съѣли крысы, такъ какъ они были сильно промазаны саломъ, а о прозорливости и количествѣ еще этихъ пріятныхъ сожителей насъ предупредили сами китайцы.

Устроивъ комнату, мы послали въ трактиръ за обѣдомъ и велѣли приготовить чаю; вещи съ тачекъ сняли и поставили въ одномъ изъ упомянутыхъ боковыхъ „казематовъ“, и рабочіе съ нашей лодки, помогавшіе при этомъ, не имѣя что еще дѣлать, пришли съ нами проститься... Ничего у меня не было общаго съ этими людьми, кромѣ привычки видѣть ихъ каждый день, а мнѣ было очень жаль разставаться съ ними. Ни о чемъ мы не говорили, потому что я не могъ съ ними говорить; но я научился понимать ихъ лица, а они изучили мои интересы, старались угадать мои желанія и всегда охотно, весело и безкорыстно исполняли все, что мнѣ было нужно, часто даже предупреждая мои просьбы. Задумываясь надъ поведеніемъ этихъ людей, я, какъ сынъ западной цивилизаціи, не смѣлъ вѣрить въ ихъ чистосердечіе,—послѣднее стало у насъ смѣшнымъ,—я допускалъ, что

можетъ-быть они были со мною хороши только потому, что ожидали награды; но они никогда не заикались о вознагражденіи, ни одной миной не выражали неудовольствія за то, что ихъ услуги оставались неоплаченными матеріально. Ошибаюсь я или нѣтъ, но мнѣ казалось, что эти люди дѣйствительно чистосердечные добряки, чуждые корыстолюбію и гадѣнькому прислуживанію въ надеждѣ на двугривенный... Разставаясь съ ними, я жалѣлъ, что не могъ сказать имъ на прощанье добраго слова привѣта и благодарности, которое бы они поняли; что не могъ самъ хорошо понять то, что они говорили, прощаясь со мною. Все приходилось воспринимать чрезъ переводчика, да еще такого несовершенного, какъ нашъ Смокотнинъ. Они ушли, общаясь заходить къ намъ пока будутъ оставаться въ городѣ, т.-е. до пріисканія работы на какой-нибудь новой лодкѣ.

Вскорѣ пріѣхала остальная компанія, и прежде чѣмъ всѣ успѣли устроиться, явились двое упомянутыхъ китайцевъ-христіанъ, въ сопровожденіи еще двухъ другихъ, и принесли отъ кого-то письмо, которое мы просили ихъ передать нашему начальнику. Быстрота, съ какою все это совершилось, доказывала, что они насъ ждали и, вѣроятно, даже караулили каждый день. Принесенное письмо было написано на латинскомъ языкѣ, и потому Сосновскій прислалъ его мнѣ съ просьбою прочесть его и написать латинскій отвѣтъ. Письмо было подписано итальянскимъ миссіонеромъ, патеромъ Pius Vidi изъ Вероны, который въ изящныхъ и весьма любезныхъ выраженіяхъ привѣтствовалъ наше прибытіе въ Хань-Чжунъ-Фу, извѣщалъ о своемъ пребываніи здѣсь уже въ теченіе восьми лѣтъ и выражалъ искреннее желаніе повидаться съ нами, прося назначить ему для этого время. Мнѣ было совершенно понятно его стремленіе скорѣе увидѣться съ европейцами, кто бы они ни были. Я написалъ отвѣтъ, и китайцы отправились съ нимъ домой; а мы въ продолженіе всего остальнаго дня занимались разборкой и раскладкой вещей, совершая эти скучныя занятія при закрытыхъ воротахъ, къ великой досадѣ жителей, которыхъ едва могли сдерживать приставленные къ нашей квартирѣ нѣсколько полицейскихъ солдатъ. А не будь ихъ, вся толпа, конечно, была бы у насъ на дворѣ и въ комнатахъ, т.-е. не вся, а столько, сколько могло бы втиснуться въ нихъ людей. Пока всего не привели въ порядокъ, никакія занятія не были возможны, и я, пообѣдавъ, пошелъ нѣсколько ознакомиться съ городомъ. Двое изъ полицейскихъ, сидѣвшихъ у нашихъ воротъ, встали

и безъ моего приглашенія пошли со мною, одинъ впереди, другой сзади, и это вниманіе мѣстныхъ властей, приставившихъ охранную стражу, было не только пріятно, но и необходимо для путешественника, намѣревающагося работать на улицахъ. Любезное вниманіе ихъ выразилось еще и въ присланномъ намъ сегодня цѣломъ готовомъ обѣдѣ, обильномъ и хорошо приготовленномъ.

Осмотрѣвъ ближайшія улицы, довольно широкія и всѣ вымощенныя, заглянувъ въ нѣкоторыя мастерскія, а также на одну мукомольную мельницу и въ нѣсколько кумиренъ, я возвратился домой, вынеся впечатлѣніе, что народъ въ Хань-Чжунъ-Фу довольно миролюбивый и относительно покойный,—но не знаю, сказали ли бы я то же самое, еслибы ходилъ по улицамъ одинъ. Я все еще не могу освободиться отъ навѣянныхъ опасеній передъ туземнымъ населеніемъ.

14 апрѣля.

Убѣдившись въ томъ, что быть деликатными по отношенію къ туземцамъ необходимо и въ интересахъ собственнаго дѣла, мы рѣшились на другой же день по приѣздѣ сдѣлать визиты къ мѣстнымъ властямъ. Въ полномъ парадѣ отправились мы при извѣстной уже читателю шумной и торжественной обстановкѣ черезъ городскія улицы по направленію къ казенному дому (ямьнъ), въ которомъ живетъ начальникъ округа или Чжи-Фу. Приѣхали и вошли въ пріемную,—просторную, довольно чистую и очень свѣтлую комнату, которая почти вся была въ окнахъ, лишь на полувишу заклеенныхъ бумагой, а въ нижней части ихъ вставлены стекла, что въ Китаѣ представляетъ большую рѣдкость и роскошь. Хозяинъ не заставилъ долго ожидать себя: въ комнату вошелъ небольшого роста, нѣсколько сгорбленный, сѣдой старичокъ, съ быстрыми черными глазками, очень живымъ и пріятнымъ лицомъ маньчжурскаго типа. По случаю смерти богдыхана онъ былъ въ траурѣ, т.-е. въ бѣломъ халатѣ съ голубымъ воротникомъ и безъ кисти и шарика на шляпѣ. Переводчикъ представилъ ему насъ по очереди, и онъ съ каждымъ поздоровался, чинно, по правиламъ своего этикета, и притомъ весьма любезно. Затѣмъ, усадивъ насъ на самыя почетныя мѣста, самъ сѣлъ сбоку, посадивъ около себя переводчиковъ, чтобъ удобнѣе было бесѣдовать. Сосновскій, такъ и не научившійся учтивому веденію разговора, рассказалъ, обращаясь къ переводчику Андреевскому, о постигшемъ насъ

несчастіи и понесенныхъ при этомъ большихъ потеряхъ; тотъ передалъ этотъ разсказъ Сюю на кяхтинскомъ нарѣчій, прося его „переворотить на никанска манела“, т.-е. перевести на китайскій языкъ, и отъ послѣдняго уже слова начальника доходили по назначенію. Но вслѣдствіе того, что Сюй былъ старъ, неразвѣтъ, отчасти запуганъ, и того, что онъ плохо понималъ Андреевскаго, эти слова доходили часто въ искаженномъ видѣ. Тогда тотъ останавливалъ его, поправлялъ, заставлялъ „кругло переворотить, ярово“, т.-е. хорошо и скоро; и эти наставленія Сюя дѣлались часто не въ особенно учливой формѣ и не очень мягкимъ тономъ; но онъ за это не обижался, по добродушію своему. Чжи-Фу все-таки понялъ, что мы потеряли крушеніе и чрезвычайно много потеряли всякихъ сокровищъ. Онъ выразилъ по этому поводу сожалѣніе, но о вознагражденіи потерь не заговорилъ; а я думалъ, что онъ сейчасъ прикажетъ отпустить намъ денегъ, на сколько мы понесли убытковъ, нѣтъ,—злудѣй даже и не заикнулся о „воспособленіи“ пострадавшимъ. Но они не унывали. Подали чай, стали курить, хозяинъ много говорилъ, его мало слушали и еще меньше понимали, что, однако не мѣшало намъ очень много смѣяться, часто неизвѣстно чему, такъ что визитъ получилъ въ общихъ чертахъ довольно приличный видъ. Чего же еще? Свѣдѣнія, полученныя отъ Чжи-Фу о предстоящей дорогѣ, были довольно благопріятны. При прощаніи мандаринъ проводилъ насъ до носилокъ, любезно, хотя и церемонно, раскланялся съ каждымъ изъ насъ и мы уѣхали къ военному чиновнику (Цзунъ-Бинъ).

Обстановка его дворовъ и дома была чрезвычайно оригинальна и живописна, а главный входъ въ послѣдній дворъ представлялъ нѣчто въ родѣ театральной сцены съ глубокими декораціями. Цзунъ-Бинъ—человѣкъ среднихъ лѣтъ. Это доброе лицо вовсе не имѣло китайскаго типа и держалъ онъ себя гораздо проще, т.-е. менѣе соблюдалъ правила этикета, но былъ столь же любезенъ. Разговоръ повелъ опять о крушеніи лодки и гибели всѣхъ хорошихъ вещей, которыя мы везли съ цѣлью дарить ихъ на память почтеннымъ мандаринамъ... Я слушалъ и жалѣлъ ихъ бѣдныхъ, лишенныхъ Лунъ-Таномъ великолѣпныхъ европейскихъ подарковъ, а себя мысленно спрашивалъ: для чего же это распорядитель нашъ разсказываетъ о гибели никогда не погибавшихъ и вовсе не существовавшихъ вещей?

Отъ Цзунъ-Бина проѣхали черезъ бѣдненькія, грязныя улицы,

похожі на заклустья нашихъ городовъ; здѣсь торгуютъ всякой всячиной и дома представляютъ лачужки, крытыя соломой, какъ въ деревняхъ. Почти въ такой улицѣ находятся ворота дома третьяго мандарина, Дао-Тая (нѣчто въ родѣ губернатора), къ которому мы пріѣхали. Этимъ саномъ былъ облеченъ беззубый старикъ, лицомъ и нѣкоторыми манерами очень напомнившій мнѣ нѣкоторыхъ изъ нашихъ старичковъ, гражданскихъ чиновниковъ; а приемную комнату въ его домѣ можно сравнить съ плохимъ номеромъ одной изъ нашихъ плохихъ гостинницъ. Раскланялись. Усѣлись. Начали бесѣдовать, и первый вопросъ, который Сосновскій сдѣлалъ ему, былъ уже совершенно китайскаго свойства.

— Сколько вамъ лѣтъ? спросилъ онъ и, получивъ отвѣтъ— шестьдесятъ, сталъ увѣрять его, что онъ въ сыновья ему годился; но мандаринъ изъ скромности не соглашался, тотъ продолжалъ настаивать и много смѣялся; и это состязаніе въ любезностяхъ одной стороны и скромности другой продолжалось еще нѣсколько времени. Сообщивъ потомъ, что на Лунъ-Танъ у насъ пропало все хорошее, а остались только плохія вещи, мы откланялись и поѣхали съ послѣднимъ визитомъ къ уѣздному начальнику (Чжи-Сянь), чтобъ повѣдать и ему наше горе.

Этотъ мандаринъ былъ человекъ небольшого роста, худенькій, живой, съ серьезными умными глазами, и еще болѣе простой въ обращеніи;—онъ былъ совершенно чуждъ китайской церемонности, хотя и встрѣтилъ насъ у дверей своего дома. Какъ только всѣ заняли мѣста и подали чай, Сосновскій предложилъ ему вопросъ:—какой чай идетъ изъ Цзы-Янь-Сяня, — вѣдь черный? и потомъ другой вопросъ:—есть-ли въ Хань-Чжунъ-Фу байховый чай?

— Сянь отвѣтилъ, что въ Цзы-Янь-Сянь чернаго чая совсѣмъ нѣтъ, а байховаго въ Хань-Чжунъ-Фу немного найти можно.

Оба эти отвѣта, неизвѣстно почему, были очевидно очень непріятны Сосновскому.

— Какъ нѣтъ! Что же онъ будетъ мнѣ рассказывать! возразилъ онъ, обращаясь къ переводчику.—Я-то ужъ положительно знаю, что есть...—Вѣдь ты самъ тамъ покупалъ? обратился онъ къ Сюю. Тотъ отвѣчаетъ:—я не покупалъ, я сказалъ, „черненьки чай ниту“.

Произошло недоразумѣніе, которое Сосновскій хотѣлъ здѣсь же разъяснить, и совсѣмъ забылъ про Чжи-Сяня, который сидѣлъ вѣроятно въ большомъ недоумѣніи, не понимая, почему пріѣзжіе ино-

странцы пришли въ его квартиру и стали оканчивать какой-то споръ. А этотъ послѣдній становился уже споромъ жаркимъ: на Сюя почти кричали за то, какъ онъ смѣлъ сказать, что въ Цзы-Янь-Сянь чернаго чая нѣтъ. Я сидѣлъ тоже въ недоумѣніи, почему можетъ быть такъ нужно, чтобъ въ этомъ городѣ былъ черный чай, и почему такъ обидно, что Сюй отрицаетъ его существованіе. Наконецъ неприятный споръ кончился слѣдующимъ назиданіемъ Сюя.

— Какой ты переводчикъ ести! говорить ему Андреевскій.— Ты зачѣмъ своя слофу постафи. Ты никогда за сибѣ не поговори; ты хоша знаша туда зелененьки цвѣта, а ты поговори черненьки... Когда за даженъ такое слово ести—черненьки и ты поговори черненьки.

(Это значить: какой же ты переводчикъ! Ты зачѣмъ свое говоришь; нужно говорить то, что господинъ хочетъ. Если онъ говорить это черное—и ты говори черное, хотя ты и знаешь, что зеленое).

— Ну, хылошанки; — моя сылофа отопалицы ниту (ну, хорошо, я отъ своего слова не отпираюсь), отвѣтилъ Сюй, очевидно, опять не понявъ, что требуется отъ „хорошаго переводчика“.

Итакъ вопросъ о чаѣ былъ оставленъ и разговоръ о немъ прекратился. Ученый изслѣдователь Китая перешелъ къ найму вьючныхъ животныхъ и теперь заспорилъ съ Чжи-Сянемъ о томъ, по скольку пудовъ можно влать на каждаго мула. Мандаринъ говорить—больше такого-то количества нельзя, что теперь жарко и дорога пойдетъ трудная, а тотъ доказываетъ и требуетъ, чтобъ они везли больше, желая, разумѣется, чтобъ пришлось нанять меньшее число животныхъ и слѣдовательно меньше платить... Такъ ничѣмъ не кончивъ и уѣхали.

Итакъ, визиты сдѣланы, и, слава Богу, что хоть скоро.

Мы вернулись домой въ не особенно веселомъ настроеніи духа, и я радъ былъ возобновенію комичнаго вопроса о черненькомъ цзы-янь-сяньскомъ чаѣ, къ которому Сосновскій обратилъ тотчасъ по возвращеніи. Этотъ вопросъ принадлежалъ къ числу весьма серьезныхъ, и вотъ почему: ему нужно было непременно доказать, что такъ-называемый „пресловутый красненькій семипалатинскій чай“ есть именно тотъ самый, который шель изъ Цзы-Янь-Сяня. Онъ уже давно, еще въ Семипалатинскѣ, пришелъ къ этому заключенію, и вдругъ, по приѣздѣ на мѣсто

родины пресловутаго чая, оказывается, что его здѣсь совсѣмъ не существуетъ. Это было, очевидно, только невѣдѣніе здѣшняго Чжи-Сяня и доказательствомъ недостаточной ловкости Сюя. Надо было возстановить „истинный фактъ“. Для этой цѣли было приказано достать ящикъ чаю, купленнаго для образца въ Цзы-Янь-Сянь. Достали; принесли. Сосновскій спрашиваетъ у Сюя: „это какой чай?“

— Цинъ ча, отвѣчаетъ тотъ.

— Да я спрашиваю о томъ — байховый или нѣтъ?

— Ниту бай-хао (не байховый).

— Да ты мнѣ скажи — поджаренный или не поджаренный?

Сюй молчитъ.

— Значитъ, ты совралъ? Я желаю, чтобы ты мнѣ только сказалъ: байховый это чай? черненькій?

И только теперь должно-быть Сюй понялъ приведенное выше наставленіе Андреевскаго, и отвѣтилъ:

— Така, бай-хао; черненьки ца.

— Ну, больше мнѣ ничего не нужно! отвѣтилъ достигшій наконецъ своей цѣли, все еще загадочный изслѣдователь Китая.

А въ то время, пока шель описанный распросъ Сюя, къ намъ уже пріѣхалъ Чжи-Сянь заплатить визитъ.. Вотъ какая деликатность! Онъ остановился въ носилкахъ на улицѣ за воротами и послалъ впередъ свою карточку.

— „Пусть обождетъ, сказалъ Сосновскій; да за споромъ о чаѣ и забылъ выслать просить его вѣхать во дворъ. Мы же съ Матусовскимъ узнали объ его визитѣ уже послѣ того, какъ онъ, постоявъ за воротами и прождавъ понапрасну довольно долгое время, обидѣлся и уѣхалъ домой. Хотя къ нему и послали потомъ Сюя извиняться, тѣмъ не менѣе вышла большая неловкость... Впрочемъ за серьезными чайными дѣлами не мудрено и забыть о такомъ вздорѣ.

15 апрѣля.

Я занялся приготовленіемъ собранныхъ растений въ отправкѣ въ Пекинъ, откуда изъ нашего посольства они должны были отправиться въ Россію, какъ вскорѣ пришли доложить о пріѣздѣ съ визитомъ Чжи-Фу. Его мы приняли тотчасъ; еще разъ свазали ему, что „намъ очень пріятно съ нимъ познакомиться, что мы потерпѣли крушеніе и лишились всего хорошаго, такъ что теперь не можемъ принимать любезныхъ мандариновъ, какъ при-

нимали прежде "... Когда же и гдѣ это было? невольно раздался въ ухахъ вопросъ. „Да-жень его такое слофо поговори ести,— объяснялъ переводчикъ Андреевскій переводчику Сюю, а тотъ „переворачивалъ“ мандаринамъ на ниванскій манерь.— „Лунъ-Танъ наша лодака погуби ести, така шипака побольшанки несчастански было; сяка хылошанки вещи загуби; что да-жень теперь совсѣма разорицца было; потомъ такое слово есть—покорно благодарю, что онъ похлопочи теперича насчетъ кватеръ андали сяка другое дѣло пособи, хычи кушаку, хычи лошаки (лошадей) на дорога мало-мало подешофеньки постафи, и т. д. Смысль этого такой: начальникъ приказалъ сказать, что во время большаго несчастія на Лунъ-Танѣ у насъ погибли всѣ хорошія вещи, что мы теперь совсѣмъ разорены; что мы благодаримъ за заботы о насъ насчетъ квартиры, кушанья, болѣе дешеваго найма лошадей и т. п.

Мандаринъ отвѣчалъ на эти рѣчи, что они помогутъ общими силами на сколько можно. И вѣроятно подъ вліяніемъ слышанныхъ отъ насъ жалобъ на „постигшее насъ испытаніе“, они стали присылать намъ разныя кушанья въ видѣ жареныхъ утокъ, вареныхъ куръ, печенаго хлѣба и проч. и проч. Должно-быть, наше положеніе представилось имъ въ самомъ плачевномъ видѣ; но читатель видитъ, что Сосновскій умышленно преувеличивалъ послѣдствія случившейся бѣды. Мы были совершенно всѣмъ обезпечены; денегъ у насъ и раньше было достаточно, а здѣсь мы еще получили порядочное количество серебра изъ Пекина. При крушеніи лодки, какъ было сказано, ничего важнаго не погибло; а Сюй, когда съ нимъ послали къ мандаринамъ подарки, сказалъ одному изъ нихъ, что потери наши на Лунъ-Танѣ простираются до 40.000 рублей. И какъ бы вы думали, что сказалъ ему на это Сосновскій?

— Ну зачѣмъ же врать!—На сорокъ тысячъ у насъ не пропало... *)

Вотъ какія бываютъ послѣдствія нервнаго потрясенія!

Мы уже немного устроились и начали наши занятія, которыя производили то на дворѣ за однимъ изъ столовъ, стоявшихъ подъ навѣсомъ, то въ одной изъ боковыхъ комнатъ, получившей

---

*) Вся экспедиція со всѣми расходами и даже „перерасходованными“ суммами стоила 50 т. руб.

у насъ съ Матусовскимъ собственное названіе—„въ сторонѣ отъ большаго свѣта“, какимъ величались три среднія комнаты, гдѣ находилась пріемная и помѣщался нашъ капитанъ. Частыя посѣщенія мѣшали намъ заниматься въ нашей спальнѣ, а потому мы и предпочитали работать, особенно по вечерамъ, „въ сторонѣ отъ большаго свѣта“. Днемъ же я обыкновенно уходилъ въ городъ, желая познакомиться хотя съ внѣшней стороною быта его жителей. Другіе тоже не оставались безъ дѣла. Сосновскій занимался, между прочимъ, собираніемъ свѣдѣній о такъ-называемомъ Дунганскомъ возстаніи. Съ этою цѣлью онъ приказалъ найти ему какого-нибудь „старика изъ мѣстныхъ жителей“, потому что, говорилъ онъ, „всякій старикъ есть не что иное, какъ живая хроника“. Искать долго не пришлось, потому что такая „живая хроника“ жила, оказалось, въ одномъ съ нами домѣ, въ должности кажется дворника. Но хотя онъ и былъ совершенно достаточно старъ для нашей цѣли, однако толку отъ него добились мало. Меня самого интересовалъ вопросъ о Дунганскомъ возстаніи (о немъ рѣчь впереди) и я присутствовалъ при разспросахъ старика.

Приходить „живая хроника“ въ первый разъ. Посадили ее рядомъ съ собой, подали чаю и, какъ всегда, черезъ двухъ переводчиковъ стали спрашивать.

— Ну, смотри же, братъ, Сюй-Сяньшенъ, хылошанки перево- роти, ни едина сылофа за сибѣ не прибафи,—приготавливается Андреевскій къ историческому изслѣдованію,—ты за его спроси: онъ такое слово „дунганъ“ знаетъ? передаетъ онъ вопросъ Сосновскаго.

— „Дэнь-ганъ, поправляетъ старикъ, налегая на первое сло- во;—дэнь-ганъ знаю, а дунъ-ганъ—нѣтъ.

— Ну, это все равно, справедливо замѣчаетъ Сосновскій,— это только разница въ произношеніи... Такъ пусть онъ мнѣ ска- жетъ, что значитъ дунъ,—востокъ или нѣтъ; если только во- стокъ, тогда мнѣ больше ничего не нужно.

— Дунъ значитъ востокъ, отвѣчаетъ старикъ.

— Ну и чудесно. Теперь спроси его, Саларовъ онъ знаетъ? О Сифаняхъ тоже спроси. Что они за народъ, какого толка, что у нихъ носятъ женщины—брюки или юбки? Откуда происходятъ названія Саларовъ и Сифаней, и, когда подерицза (война) была, Сифане были за Дунганъ или за ливански люди? (Китайцевъ).

Старикъ на нѣкоторые вопросы давалъ отвѣты, которые тутъ

же и записывались; но насчетъ этимологій и религіозныхъ тонкостей въ родѣ „толковъ“ оказался совсѣмъ плохъ. Тѣмъ не менѣе, постепенно приобретаемая смѣлость, онъ началъ городить всякій вздоръ и часто даже не впопадъ, что впрочемъ происходило отчасти отъ трудности самыхъ вопросовъ, какіе ему предлагались. Его напримѣръ спрашивали о томъ, здѣсь ли находится могила Фу-Си, одного изъ древнѣйшихъ китайскихъ императоровъ, просили сообщить свѣдѣнія о народахъ Далды и Мяо-Цзы и ихъ политическомъ строѣ! Спрашивали его и о мѣстной торговлѣ иностранными, русскими и тибетскими товарами и т. п. Видя, что старикъ, какъ и слѣдовало ожидать, никакихъ свѣдѣній сообщить не можетъ, я больше не присутствовалъ при разспросахъ его, которые впрочемъ и не долго продолжались. Сосновскій собственно хотѣлъ только провѣрить показанія Пржевальскаго, да ученія изслѣдованія арх. Палладія.

16 апрѣля.

Дни стали скоро мелькать одинъ за другимъ, а особенной дѣятельности ни въ чемъ не замѣтно; по всему видно, что здѣсь намѣрены пожить; такъ что, смотря на обстановку нашего дома, начинаешь совсѣмъ забывать о дорогѣ и о томъ, что мы путешественники: дѣйствительно, большая часть комнатъ завалена вынутыми изъ ящиковъ вещами всевозможныхъ сортовъ: что просушиваютъ, что подклеиваютъ, другое чистятъ и т. п., и все дѣлается безъ тѣни дорожной торопливости.

Сегодня къ намъ пріѣзжалъ миссіонеръ Pater Pius Vidi da Vegona съ китайцемъ-христіаниномъ, по имени Чжанъ. Первый былъ еще молодой человѣкъ, не болѣе тридцати пяти лѣтъ, довольно красивый; одѣтъ совершенно по-китайски, съ бритой головой и длинной искусственной косой. Руки у него отчего-то дрожать и походка не особенно твердая. Онъ живетъ въ Китаѣ уже семь лѣтъ, вѣроятно хорошо знаетъ здѣшній край; но къ сожалѣнію съ нимъ трудно было говорить, такъ какъ новыхъ европейскихъ языковъ, кромѣ итальянскаго, онъ не зналъ; латинская же бесѣда очень затрудняла меня: когда же приходится въ наше время говорить на этомъ языкѣ! По-китайски можно бы говорить, да опять не намъ. Я спрашивалъ его между прочимъ о его дѣятельности, какъ миссіонера, о китайскомъ народѣ, который онъ очень хвалилъ, какъ добрый, трудолюбивый, способный къ цивилизаціи, но объ интеллигентномъ классѣ, особенно

о людях малаго значенія на службѣ, отзывался иначе, ставя имъ въ главную вину ихъ „несносное высокомеріе“. Насъ онъ расширявалъ о дѣлѣ нашего путешествія и при этомъ также плохо скрывалъ тревогу, особенно сказавшуся, когда онъ спросилъ о нашихъ восточныхъ желѣзныхъ дорогахъ и пожелалъ узнать, много ли онѣ не доходятъ до Кульчжинскаго края. Очевидно, семь лѣтъ, проведенныя имъ въ Китаѣ, не сдѣлали его чуждымъ европейской политики и западныхъ тревогъ за судьбу востока, который, по мнѣнію Запада, непременно должна проглотить Россія! Интересовала ли его Кульчжа потому, что въ эту провинцію уѣхалъ три года тому назадъ одинъ католическій миссіонеръ и пропалъ безъ вѣсти, или имъ руководили инныя соображенія и опасенія—не знаю. Но во всякомъ случаѣ видно было, что онъ искренно радъ встрѣчѣ съ европейцами, и, прощаясь, приглашалъ насъ завтра къ себѣ въ миссіонерство. Мы обѣщали быть.

17 апрѣля.

Стоявшая до сихъ поръ ясная и очень теплая погода перемѣнилась и наступившій тихій сѣренскій день былъ весьма приятенъ. Мы отправились въ домъ католической миссіи, находящейся за городомъ, и два нашихъ знакомыхъ молодыхъ человѣка пришли, чтобъ проводить насъ. За неизмѣнимъ верховыхъ лошадей, мы поѣхали въ паланкинахъ, а китайцы-христиане шли пѣшкомъ впереди. Кромѣ того, насъ сопровождали полицейскіе, по два человѣка у каждаго изъ пяти носилокъ; такимъ образомъ всѣхъ насъ съ провожатыми набралось семнадцать человѣкъ... Цѣлая процессія! Мѣстные жители рѣдко видѣли насъ, а желаніе поглядѣть и разглядѣть поближе было громадное, и потому они были сегодня весьма обрадованы тѣмъ что могли увидѣть всѣхъ заморскихъ гостей, хотя на одну минутку.

Ѣдемъ сначала городомъ и видъ улицъ до того однообразенъ, что нѣтъ никакой возможности удержать въ памяти дорогу; да я и не пытался, потому что это было не нужно: тѣ же самые китайцы, которые несутъ меня изъ города, принесутъ и обратно домой... Несутъ, принесутъ,—точно рѣчь идетъ о ребенкѣ или больномъ.

Носильщики идутъ съ замѣчательною скоростью, но согласнымъ шагомъ, такъ что паланкинъ только слегка ритмически покачивается, что нисколько не мѣшаетъ мнѣ записывать въ памятную книжку названія встрѣчающихся предметовъ, потому

что въ памяти всего не удержишь. Они составляли главный образъ предметы мелочной туземной торговли, производимой открыто на столикахъ, выставленныхъ передъ лавками или въ этихъ послѣднихъ; и вотъ что видѣлъ я во время сегодняшняго проѣзда и въ томъ порядкѣ, какъ что попадалось на глаза. Соль разныхъ видовъ, мелкая и въ кускахъ; свертки разныхъ бумажныхъ матерій, зелень, лѣкарства, ложки, веревки, пуговицы, музыкальные инструменты, разные орѣхи, очки, вѣера, глиняные горшки, сѣда, мѣдная посуда, гребни, гвозди, разные ящики и коробочки, дрова, проросшіе бобы, вата, лапша, рѣдька, тесемки, вислиця на вѣшалкахъ, разные готовя кушанья, живая птица, пирожки, обувь, большіе горшки съ растительнымъ масломъ (чайное масло, ца-ю), сахарный тростникъ, свиное мясо, гороховый кашель (доу-фу), салыны свѣчи, готовое платье, пенька, жертвенныя свѣчи, красный стручковый перецъ, рисъ, фальшивыя косы, лакомства различнаго вида изъ кунжутнаго сѣмени и проч. Все это встрѣчается подъ рядъ, на разстояніи не болѣе полуверсты.

Кончилась улица и черезъ западныя ворота мы выѣхали за городъ. Послѣ описаннаго пестраго хаоса строеній, людей и предметовъ, послѣ суеты и убійственнаго городского воздуха, потрясаемаго тысячами разнообразныхъ звуковъ, мы вдругъ перешли къ тихой сельской жизни, очутившись среди безмолвныхъ полей... Только при существованіи городскихъ стѣнъ возможны такіе рѣзкіе переходы. Но китайскія поля по своимъ размѣрамъ совсѣмъ не то, что наши: не болѣе какъ черезъ полверсты мы снова очутились въ улицѣ подгороднаго села; миновали его, проѣхали еще шаговъ сто и омять новая деревня съ своей улицей: вездѣ многолюдство, движеніе и торговля; здѣсь въ деревняхъ лавочку можно встрѣтить также почти въ каждомъ домѣ, и только спрашиваешь себя: да кому же все это продается; кто же покупатели, когда всѣ жители купцы?

Дорога идетъ мимо полей, которыя или только вспаханы или покрыты роскошной пшеницей, ячменемъ, разноцвѣтнымъ макомъ, бобами, рѣдькой, шафраномъ; и сила растительности на этихъ поляхъ поражающая. Между ними разбѣяны отдѣльные глиняные домики съ соложенными крышами, очень напоминающіе русскія деревенскія избы; но здѣсь вблизи ихъ повсюду слышится запахъ опія, тотчасъ напоминающій о Китаѣ. На поляхъ часто встрѣчаются маленькія кумирни, небольшіе курганы и стоящія

каменные плиты, болѣе или менѣе отдѣланныя и носящія надписи,—это мусульманскіе памятники надъ могилами умершихъ родственниковъ; сельскіе жители въ Китаѣ вообще хоронятъ своихъ покойниковъ не на особыхъ кладбищахъ, а возлѣ домовъ на своихъ же поляхъ.

Равнина слегка волнуется и вся изрѣзана цѣлою сѣтью пересекающихся каналовъ, по которымъ вода бѣжитъ въ разныхъ направленіяхъ, такъ что не поймешь даже, откуда и куда она течетъ, какая сила гонитъ ее. По одному каналу, напримѣръ, вода течетъ справа налѣво, а поперекъ его идетъ другой, вода котораго пробѣгаетъ черезъ первый ручей по каменному водопроводу, устроенному надъ нимъ въ видѣ желобоватаго мостика. И только при такомъ искусномъ орошеніи и изобиліи воды, проведенной почти на каждое поле, возможно разведеніе риса на этой равнинѣ. Засѣянные этимъ злакомъ поля въ видѣ маленькихъ клочковъ часто встрѣчались сегодня, подъ названіемъ янъцай, т.-е. разсады, какъ я понялъ; а именно: рисъ сѣютъ предварительно на маленькихъ пространствахъ, и такъ густо, что всходы его похожи на богатую, сочную траву поемныхъ луговъ. Потомъ, когда онъ поднимется приблизительно до одного фута, а другія хлѣбныя растенія уже сняты съ полей, послѣднія наполняютъ водою и подъ нею перепаживаютъ; тогда рисъ съ перваго поля пересаживается на новое, но уже не часто, а рѣдкими отдѣльными кустиками. Такимъ-то образомъ земледѣльцы-китайцы соблюдаютъ экономію времени и мѣста, которая возможна, конечно, не при всякихъ условіяхъ.

Наконецъ пріѣхали въ село, на окраинѣ котораго стоитъ домъ миссіонерства. Онъ выстроенъ совершенно въ китайскомъ стилѣ, но просторнѣе, съ большимъ комфортомъ и содержится чище. Насъ встрѣтили и приняли съ самой изысканной любезностью; и, посидѣвъ недолго въ пріемной, мы пошли осмотрѣть помещеніе и церковь, въ которой въ это время происходила молитва. Двѣнадцать китайнокъ, всѣ покрытыя однообразными черными платками, стояли на колѣнахъ въ лѣвой половинѣ церкви, а въ правой человекъ двадцать пять мужчинъ; и всѣ бывшіе въ храмѣ пѣли громко, но ужасно нестройно и фальшиво; завидовалъ я только необыкновенной звонкости и силѣ китайскихъ голосовъ... Неловко было касаться деликатнаго вопроса о числѣ христіанъ-туземцевъ, да и трудно получить вѣрный отвѣтъ: но кажется, миссія дѣйствуетъ не особенно успѣшно; вообще мнѣ

кажется, что въ Китаѣ христіанство существуетъ больше номинально или изъ расчетовъ.

Разговоръ за обѣдомъ, къ которому насъ пригласили изъ церкви, касался многихъ предметовъ, но шелъ беспорядочно, по трудности взаимнаго общія мыслей. Не знаю, были ли отецъ Пій и Чжанъ довольныѣ результатомъ нашего свиданія, а я не доволенъ, и мы вскорѣ послѣ обѣда уѣхали; да и поздно ужъ было, и небо хмурилось: надо было торопиться домой.

Сдѣлавъ эти визиты, мы зажили такъ-сказать внутренней жизнью, то-есть въ своемъ домѣ, на своемъ дворѣ; и я расскажу вой о чемъ изъ нашихъ здѣшнихъ занятій, и о томъ немногомъ съ чѣмъ удалось познакомиться.

Погода стояла почти все время нашего здѣсь пребыванія ясная и теплая,—только нѣсколько дней было дождливыхъ,—и намъ, привывшимъ къ апрѣлямъ инаго рода, подъ лучами здѣшняго солнца, среди вполнѣ развившейся растительной жизни и нѣкоторыхъ уже послѣвшихъ фруктовъ, какъ на примѣръ черешни (инъ-тоу), пи-ба *) и абрикосовъ, намъ казалось, говорю, что на дворѣ стоитъ июль. А дни наши проходили примѣрно слѣдующимъ образомъ. Вставали обыкновенно съ солнцемъ, умывались на дворѣ, какъ это дѣлаютъ китайцы; на дворѣ пили чай, и, если никуда не уходили, тутъ же садились заниматься. Во время остановокъ у меня съ Матусовскимъ было много общихъ занятій, для успѣшности которыхъ, т.-е. чтобъ намъ никто не мѣшалъ, мы обыкновенно помѣщались въ боковой комнаткѣ, гдѣ было хотя и грязно, за то прохладно, или совсѣмъ уходили изъ дому, отыскавъ себѣ оригинальный кабинетъ, какой можно устроить, я думаю, только въ одномъ Китаѣ: этимъ кабинетомъ намъ служилъ,—читатель не угадаетъ,—дворъ одного изъ здѣшнихъ храмовъ. И вотъ какимъ образомъ. Я бралъ съ собою рисовальныя принадлежности; товарищъ—одну переводимую книгу, тетрадь и чернильницу съ перомъ; полицейскій солдатъ несъ мой складной стулъ и зонтикъ, и мы отправлялись въ очень красивый храмъ Фу-Мяо, который мнѣ непремѣнно хотѣлось нарисовать, почему мы и избрали его.

Не безынтересно наше прибытіе туда и вступленіе на церковный дворъ. Идемъ по улицѣ, и быстро образовавшаяся, постоянно возрастающая толпа, разумѣется, валить за нами

*) *Eriobotria japonica* Lindl.

слѣдомъ. Мы приближаемся къ храму, и я тихонько говорю полицейскому, чтобъ во дворъ никого не пускать.— „Ни!“ отвѣчаетъ онъ: При храмѣ дворовъ и слѣдовательно воротъ—нѣсколько; и вотъ, когда подходимъ къ первымъ, полицейскій пропускаетъ насъ, а самъ останавливается въ проходѣ и начинаетъ войну съ толпой, отчаянно крича: „Не дѣзь, не дѣзь! Никого не приказано пускать!“ и размахивая въ воротахъ палкой, которая, свистя въ воздухѣ, наводитъ страхъ на каждаго, намѣревающагося проскочить во дворъ. Крики этого полицмена и горластой толпы заставляютъ жителей ближайшихъ домовъ выбѣгать, чтобъ узнать въ чемъ дѣло; выходятъ также и живущіе при храмѣ духовныя особы, и полицейскій кричитъ имъ, не переставая махать палкой:

— Скорѣй, запирай ворота! Не пускать никого! Я сейчасъ войду, а ты запирай!

Духовенство, въ числѣ трехъ священниковъ, бѣжитъ къ воротамъ и затворяетъ ихъ, оставляя щель, чтобъ могъ проскочить полицейскій; онъ быстро вбѣгаетъ во дворъ, и за нимъ таки удается проскользнуть человѣкамъ тремъ, четыремъ, тотчасъ получающимъ отъ него по подзатыльнику, тѣмъ не менѣе очень счастливымъ и даже гордымъ, что имъ удалось пробраться. Теперь, они знали, что ихъ выгонять ужъ не будутъ, чтобъ вмѣсто изгоняемыхъ четырехъ не впустить четырехъ сотъ. Да и нѣтъ необходимости гнать ихъ, потому что четыре человѣка навѣрно будутъ вести себя какъ нельзя болѣе учтиво и скромно. Толпа, гадѣвшая за воротами и стучавшая въ нихъ, вдругъ удаляется какъ по командѣ, и крикъ ея быстро стихаетъ... Слава Богу, ушли, думаю я; но полицейскій знаетъ ее лучше, и, смекнувъ въ чемъ дѣло, стрѣлой пускается черезъ всѣ дворы,—неизвѣстно куда и зачѣмъ; оказывается, онъ бѣжитъ запирать ворота, выходящія на другую улицу. Такимъ образомъ, изолированные отъ доувчливыхъ зрителей, мы могли совершенно сповоино предаться своимъ занятіямъ до тѣхъ поръ пока не придутъ извѣстить, что обѣдъ готовъ.

Я просилъ священника принести столъ, табуретъ и чашку воды, что черезъ нѣсколько минутъ и доставлялось съ полною готовностью; даже самый подозрительный человѣкъ не разглядѣлъ бы на лицахъ этихъ простыхъ и услужливыхъ людей какого-нибудь неудовольствія или досады за причиняемую тревогу; а напротивъ, черезъ минуту передъ нами появлялись безъ нашей просьбы даже чашки съ чаемъ,—это ужъ обычная китайская

учтивость. Мы располагались как намъ было удобно и просиживали тутъ совершенно спокойно за своей работой часа по четыре; я рисовалъ и, заглядывая по временамъ къ книгу, диктовалъ товарищу переводъ, который онъ писалъ. Мы приходили сюда нѣсколько разъ, пока я не кончилъ рисунка; и когда я предложилъ старшему изъ хэнановъ, маленькому поделѣноватому старичку, нѣсколько денегъ за услуги, онъ наотрѣвъ отказался, а принесть вѣрѣ и съ низкими поклонами просилъ нарисовать ему на память „заморскій рисунокъ“... Господи!.. Стариканша ужъ одной ногой въ гробу стоитъ, а его занимаетъ картинна на вѣрѣ!.. И можно ли отказать въ подобной просьбѣ—тѣмъ болѣе, что ее такъ легко исполнить. Я изобразилъ ему на шелковомъ вѣрѣ, разумѣется слабое подобіе Зимняго Дворца съ Александровской колонной, какъ они представляются изъ-подъ арки Главнаго Штаба съ частью послѣдней, и объяснилъ ему, что это домъ нашего Хуанъ-Ди (Императора). И достаточно видѣть одинъ разъ выраженіе подобнаго удовольствія, какое явилось на лицѣ этого старика, чтобъ потомъ языкъ не повернулся произнести надъ китайскимъ народомъ общій приговоръ, какъ надъ людьми, преданными исключительно барышу и желудку. Кто такъ думаетъ, тотъ, мнѣ кажется, очень ошибается.

Но не часто удавалось мнѣ работать среди описаннаго спокойствія; большею частью толпа прорывалась, несмотря на палки полицейскыя, и тѣсной стѣной окружала меня; пройти же по городу тайно не было никакой возможности, если не надѣвать китайскаго костюма, чего я не дѣлалъ, какъ потому что не надѣялся остаться неузнаннымъ, такъ и по скучной необходимости постоянно брить голову, усы и бороду, и, если не желать изображать изъ себя духовную особу, то еще носить искусственную косу. Итакъ, я всегда носилъ европейское платье, появленіе въ которомъ на улицѣ влекло за мною каждого, кто имѣлъ часокъ, другой досуга.

Да и независимо отъ этого, собраніе уже имѣлось всегда готовымъ у воротъ нашего дома. Въ щели послѣднихъ всегда смотрѣли, такъ-сказать, вѣстовые, постоянно увѣдомлявшіе толпу обо всемъ, что имъ удавалось увидеть на нашемъ дворѣ; и такъ какъ я почти каждый день ходилъ куда-нибудь въ городъ, то жители ближайшихъ улицъ уже почти всѣ знали меня подъ именемъ „заморскаго“—то „доктора“, то „художника“. Какъ только я шелъ черезъ дворъ къ выходнымъ воротамъ съ альбомомъ въ

ругъ, такъ на улицѣ тотчасъ раздавались крики: „лай-лѣ, лай-лѣ!“ (идеть, идеть!) и вся толпа валила за мной съ выраженіемъ шумной радости; а тѣ, которые шли ближе ко мнѣ, предлагали наперерывъ свои услуги нести мои вещи.

Однажды я отправился въ одинъ храмъ, который случайно увидалъ наванунѣ во время прогулки; онъ имѣлъ необыкновенно праздничный видъ по случаю какаго-то торжества; въ Китаѣ это бываетъ не часто, и я хотѣлъ воспользоваться случаемъ, чтобъ перенести на бумагу его праздничную обстановку. Пришелъ. Толпу попробовали было остановить въ воротахъ, но не удалось: она хлынула, какъ вода, прорвавшая шлюзъ, во дворъ, и тутъ ужъ всѣ старанія двухъ полицейскихъ, бывшихъ со мною, были напрасны. Попробовали впустить меня одного въ храмъ за рѣшетку, отдѣляющую его внутренность отъ двора, но изъ боязни, чтобъ она не была сломана напиравшею толпою, принуждены были открыть и ея дверь: публика ввалилась въ средину, а за рѣшеткой остались только представительницы прекраснаго пола, которыхъ на этотъ разъ собралось что-то необыкновенно много, и онѣ были отъ меня также необыкновенно близко,—всего шагахъ въ двухъ, только сзади. Но любопытіе всего въ этомъ случаѣ то, что описываемая сцена происходила во время богослуженія! Для кого же и для чего совершается здѣсь богослуженіе,—неволью приходилъ мнѣ на умъ вопросъ, когда я смотрѣлъ на эту толпу, не обращающую ни малѣйшаго вниманія на духовныхъ особъ, находившихся въ глубинѣ храма, преклонявшихся предъ идолами и выражавшихъ свое умиленіе ужаснымъ пѣніемъ подъ звуки еще болѣе ужасной музыки? Стоявшіе около меня не только вели громкую бесѣду о моемъ платьѣ, сапогахъ, бумагахъ, карандашахъ и проч., всему удивляясь и все расхваливая, но толкались и ссорились за мѣста; нѣкоторые вступали даже въ рукопашный бой, но такихъ немедленно выпроваживали во дворъ; и то, казалось, болѣе изъ уваженія ко мнѣ, а не къ храму или духовенству. Полицейскіе усмиряли толпу, размахивая палками, и не рѣдко задѣвая ими фонари и другіе церковные предметы... Вотъ какое благочиніе наблюдается въ здѣшнихъ храмахъ! Потомъ многіе закурили трубки; я, разумѣется, тоже достаю папиросу; какъ тотчасъ одинъ изъ священнослужителей, проходившихъ мимо въ религіозномъ шествіи, беретъ со столба дымившуюся передъ богами жертвенную свѣчу и подноситъ мнѣ, чтобъ я могъ закурить, и, сказавъ при этомъ: „очень хорошій

табаки, ароматный", продолжает свое священнодѣйствіе. Два свѣтскихъ витайца, приличные по наружности и хорошо одѣтые, почему-то распорядившіеся въ храмѣ, принесли и поставили передо мной столъ для моихъ рабочихъ принадлежностей и предложили чай. И тутъ чай! Нигуда отъ него не уйдешь.

Хотя китайскіе храмы никогда не внушали мнѣ особеннаго чувства благоговѣнія, тѣмъ не менѣе мнѣ какъ-то неловко было сидѣть внутри его, въ фуражкѣ, съ папиросой во рту, и заниматься рисованіемъ, да еще во время самаго богослуженія; но туземцевъ это нисколько не смущало, да и не могло смущать, потому что они сами все позволяютъ себѣ. На меня чрезвычайно непріятно дѣйствовала эта крайняя степень неуваженія, если не къ мѣсту и засѣдавшему въ немъ идоламъ, то къ происходившему въ эту минуту богослуженію, къ людямъ, совершавшимъ его; а подъ вліяніемъ галдѣвшей толпы, крикъ которой, въ свою очередь, заглушался флейтами, кларнетами, мѣдными тазами, барабаномъ и деревянными колотушками въ родѣ тѣхъ, какія употребляются иногда у насъ ночными сторожами,—подъ вліяніемъ всего этого, говорю, мои нервы напрягались просто до дрожи въ рукахъ. Адъ кромѣшный былъ вокругъ меня,—но видъ этого ада былъ бы весьма изященъ, еслибы не было такой варварской пестроты красокъ и беспорядочно нагроможденной на нѣсколькихъ столахъ и вокругъ ихъ массы самыхъ разнообразныхъ предметовъ. Тутъ были доски съ надписями, стоявшія въ рамахъ, зеркала, цвѣты и маленькія деревца въ горшкахъ, разные символическіе знаки въ видѣ руки, головы дракона, ножа, хоругви и т. п., придѣланные къ длиннымъ пальцамъ и разставленные рядами по обѣ стороны алтаря. На среднемъ столѣ стояли на рѣзныхъ подставкахъ блюдечки съ разными конфетами и пирожками; надъ ними возвышались куклы изъ разноцвѣтной и золотой бумаги, долженствовавшія изображать разныхъ умершихъ родственниковъ; здѣсь были жертвенницы съ золой и воткнутыми въ нее курившимися свѣчами; на боковыхъ столахъ лежало множество пачекъ такихъ же свѣчъ, завернутыхъ въ желтую бумагу и проч. Все это были жертвы прихожанъ.

Я былъ очень радъ, когда священники, повидимому, окончивъ богослуженіе, направились изъ глубины храма въ переднее отдѣленіе. Авось, думалъ я, потише станетъ... Толпа закричала, чтобъ посторонились и дали имъ мѣсто. Бритые жрецы въ черныхъ шапочкахъ и, какъ казалось, во множествѣ одеждъ шелковыхъ и

бумажныхъ, и страшно засаленныхъ, вышли впередъ и расположились въ рядъ, свиною ко мнѣ, предъ самымъ моимъ столомъ; они клали, молча и благоговѣнно, земные поклоны, и я невольно приостановилъ работу изъ уваженія къ ихъ молитвѣ, и задумался-было о Томъ, Кому молятся по-своему люди всѣхъ мировъ... Но мои мысли разогналъ одинъ малый, который, грызя палку сахарнаго тростника, остановился передо мною и принялся разсматривать меня; а тутъ большой лохматый песъ залаялъ на другую собаку, явившуюся сюда же со двора!.. Жрецы удалились и работать стало удобнѣе, хотя мнѣ не переставали мѣшать отдѣльные субъекты, появлявшіеся по временамъ въ томъ свободномъ промежуткѣ, который оставался передо мною незанятымъ. Иногда поднимаешь глаза отъ бумажки и, вмѣсто изображаемаго предмета, на который хочешь взглянуть, видишь передъ собой фигуру въ синей блузѣ и соломенной шляпѣ съ аршинными полями. И этотъ любознательный человѣкъ такъ спокойно и наивно разсматриваетъ васъ, какъ будто вы пришли и сѣли здѣсь собственно для того, чтобъ онъ могъ придти и хорошенько познакомиться съ вашею наружностью. Махнешь ему молча рукой въ сторону, чтобъ онъ уходилъ прочь, а толпа, составляющая нѣкоторымъ образомъ моихъ помощниковъ, въ качествѣ блюстителей порядка, тотчасъ кричитъ ему разомъ во сто сердитыхъ голосовъ.

— Шанъ-кай! Шанъ-кай! Ай-еу! (въ сторону, въ сторону, ай-ай-ай!)

Интересуетъ толпу по преимуществу личность иностранца; но бываютъ рѣдкія и трудно объяснимыя исключенія. Такъ сегодня одинъ китаецъ, лѣтъ сорока, одѣтый въ чистую синюю блузу, каковую носятъ большинство, что-то напѣвая вполголоса, развязно подходитъ къ столу, и, не обращая на меня ни малѣйшаго вниманія, взглянулъ на мою работу, постоялъ минуту, не переставая напѣвать, и отошелъ въ сторону, помѣстившись вмѣстѣ съ другими. Онъ сдѣлалъ все это, какъ живущій со мною въ одномъ домѣ старый пріятель, который недавно вышелъ изъ комнаты и, вернувшись, подошелъ взглянуть, что сдѣлано новаго. Такія исключенія изъ общаго правила невольно обращаютъ на себя вниманіе и надъ ними задумываешься, спрашиваешь себя: отчего же я этому человѣку вовсе не интересенъ? Но здѣсь вѣроятно многіе успѣли приглядѣться ко мнѣ и я сталъ для нихъ явленіемъ обыкновеннымъ. Дѣйствительно, недѣли черезъ двѣ

послѣ нашего приѣзда въ Хань-Чжунь-Фу, когда мнѣ случалось проходить по улицамъ той части города, гдѣ находилась наша квартира, за мною уже не неслась съ шумомъ и радостными криками веселая толпа, а всѣ оставались на своихъ мѣстахъ, при своихъ дѣлахъ; иной только привстанеть съ мѣста, высунется нѣсколько впередъ, чтобъ поближе взглянуть и, сказавъ какъ бы самому себѣ: вотъ, иностранный человѣкъ прошелъ,— опять спокойно садится на свое мѣсто. Нѣкоторые, почему-либо считая себя моими знакомыми, любезно раскланивались; а знакомыми они дѣлались или потому, что я сказалъ съ ними когда-нибудь нѣсколько словъ, подарилъ имъ кусочекъ карандаша или резинки, листокъ бумаги или ничтожную картинку,—вещи въ глазахъ китайцевъ очень цѣнныя и интересныя; къ инымъ заходить въ домъ или лавку съ цѣлью просто посмотреть или купить что-нибудь и т. п. И всѣмъ этимъ людямъ уже казалось неловкимъ не раскланяться съ такимъ знакомымъ человѣкомъ. Многие, наконецъ, приходили и къ намъ въ домъ подъ разными предлогами. Они обращались съ предложениемъ разныхъ вещей, или съ различными просьбами, напримѣръ, помочь больному, поправить испорченные часы или табакерку съ музыкой,—вещи европейской работы, которыхъ сами они починить не могли. Починку этихъ испорченныхъ вещей охотно бралъ на себя Сосновскій; но поправить, оказывалось, ничего не могъ, и онѣ, пролежавъ у него недѣлю и больше, такъ и возвращались въ прежнемъ видѣ, къ великому огорченію надѣявшихся китайцевъ. Нѣкоторые являлись съ просьбами нарисовать съ нихъ портреты; любопытнѣе всего было то, что эти господа не всегда желали получить снимокъ въ собственное владѣніе, а имъ только хотѣлось быть изображенными и еще непременно нарисованными, а не фотографированными. „Это,—говорятъ они про фотографію,— не мудрено, хотя и непонятно“. Эта черта китайцевъ также весьма интересна: казалось бы, должно быть наоборотъ,—фотографія должна бы поражать ихъ,—такъ нѣтъ... Рисованіе понятнѣе и нагляднѣе, не имѣетъ закулисныхъ процессовъ и результатъ сейчасъ налицо; — должно-быть въ этомъ и причина предпочтенія послѣдняго.

Итакъ посѣтителѣ бывали у насъ постоянно. Однажды вечеромъ возвращаюсь изъ города, и изъ вторыхъ воротъ нашего дома выхожу на встрѣчу огромнаго роста незнакомый китаецъ съ довольно красивымъ и пріятнымъ лицомъ. Онъ поразилъ меня

своимъ ростомъ, который отъ длиннаго халата и не особенной полноты казался еще выше; и, желая узнать точно его мѣру, я, поздоровавшись съ нимъ, остановилъ его и попросилъ на одну минуту прислониться спиною къ стѣнѣ. Онъ понялъ, что я хочу, и съ улыбкой исполнилъ просьбу. Я сдѣлалъ мѣтку и потомъ, смѣривъ, получилъ два аршина и десять вершковъ.

— Не видали ли, сейчасъ, ваше высокоблагородіе, большущаго китайца? спросилъ меня казакъ, когда я вошелъ въ комнату.

— Видѣлъ; а что?

— Онъ къ намъ наниматься въ услуженіе приходилъ... Вотъ ужъ, ваше высокоблагородіе, китаецъ такъ китаецъ! Я такихъ благочестивыхъ и „толкованныхъ“ еще не видалъ. Синъ-Ванъ нашъ молодець, а ужъ этотъ какой,—я и сказать не умѣю. Я съ нимъ пробовалъ говорить, такъ онъ все на-лету такъ и хватаетъ, просто сказать не даетъ,—знаю, понимаю, говорить, и все сейчасъ мнѣ разъяснить, о чемъ я его ни спрошу. И намъ этакого человѣка никакъ не надо упускать, потому лучше его намъ не сыскать... Ну ужъ китаецъ!—еще долго потомъ восхищался, радовался и ахалъ казакъ Смокотнинъ.—Онъ завтра придетъ; вотъ вы съ нимъ поговорите, такъ увидите, что это за прекрасный человѣкъ; и афіюну не курить. Онъ офицеръ, ваше высокоблагородіе, два чина имѣеть, а только—ничего, говорить, я все могу дѣлать,—лошадей ли осѣдлатъ—разсѣдлатъ, кушанье сготовить, бѣлье мыть,—все, говорить, могу.

Любопытная личность, подумалъ я; только что-то странно,—и офицеръ, и бѣлье будетъ мыть, и кушанье готовить.... Мы съ Матусовскимъ чувствовали, что намъ необходимо имѣть при себѣ грамотнаго и развитаго туземца для собиранія разныхъ свѣдѣній, для точнаго записыванія названій на китайскомъ языкѣ, разъясненія нѣкоторыхъ непонятныхъ вещей и т. п. Отъ него требовалось, чтобъ онъ понималъ, что намъ нужно, и писалъ отвѣты на вопросы по-китайски, — въ Россіи ихъ намъ прочтутъ. Вотъ этакого-то человѣка мы и подыскали. Наняли-было нашего лощмава Вана, но этотъ „профессоръ судоходства“ на рѣкѣ, оказался на сушѣ не вполнѣ удовлетворявшимъ нашимъ цѣлямъ, по недостаточному образованію, въ чемъ онъ и самъ признавался, и совѣтовалъ найти другаго человѣка. И вотъ, на другой день послѣ описанной встрѣчи, великанъ пришелъ къ намъ съ исполненнымъ порученіемъ, заданнымъ ему товарищемъ въ видѣ экза-

мена. Порученіе было исполнено вполне удовлетворительно, и мы рѣшили во что бы ни стало удержать его при себѣ, если удастся, на все путешествіе. Имя его было Танъ, а какъ офицера, мы, обращаясь къ нему, называли его не иначе, какъ господиномъ Танъ, — Танъ-Лао-Ъ, или для браткости Танъ-Лоъ. Относительно жалованья сошлись на 25 руб. въ мѣсяцъ, съ тѣмъ что мы не должны будемъ заботиться ни о чемъ, что его касалось, — даже лошадь у него была своя, и содержалъ онъ ее на свой счетъ.

Въ Танъ-Лоъ мы нашли просто кладъ: помимо его природной смысленности, хорошаго образованія (китайскаго, разумѣется), онъ былъ чрезвычайно пріятный человѣкъ: учтивъ, какъ благовоспитанный юноша; вѣжливъ, какъ самый свѣтскій человѣкъ; и въ то же самое время не было ни одного дѣла, которое бы онъ считалъ для себя унизительнымъ. Мы узнали, что онъ былъ женатъ, жилъ въ Хань-Чжунъ-Фу безбѣдно, въ своемъ маленькомъ домикѣ, и поступалъ къ намъ вовсе не изъ нужды, а единственно изъ любознательности: ему, какъ онъ объяснилъ, интересно было пожить съ людьми инаго государства, хотѣлось взглянуть на отдаленные края своей родины и даже онъ серьезно рѣшался ѣхать съ нами въ Россію, прося только объ одномъ, — чтобы ему было обеспечено возвращеніе на родину, когда онъ того пожелаетъ. Изъ-за этой любознательности онъ покидалъ надолго свой домъ, своихъ жену и дочь, — дѣвочку лѣтъ пяти.

Итакъ, великанъ Танъ сталъ нашимъ товарищемъ и помощникомъ. Пока мы оставались въ Хань-Чжунъ-Фу, онъ жилъ въ своемъ домѣ, а къ намъ приходилъ каждый день за разными порученіями, и аккуратно и быстро исполнялъ ихъ; сопровождалъ насъ во время прогулокъ по городу, ходилъ вмѣстѣ за покупками и т. п. Онъ скоро понялъ, кого изъ насъ что интересовало въ ихъ странѣ, и иногда даже самъ указывалъ намъ, куда сѣбѣ сходить, что осмотрѣть или приобрести.

Такъ однажды онъ предложилъ мнѣ пойти осмотрѣть заводъ, на которомъ приготавливаются селитра и соль. Мы отправились... Въ Китаѣ все такъ непохоже на наше, что, употребляя многія слова, наприм. домъ, храмъ, дворецъ, заводъ и т. п., чувствуешь всю ихъ непригодность, потому что они, создавая въ воображеніи читателя извѣстное представленіе, непременно будутъ вводить его въ заблужденіе; и во избѣжаніе этого слѣдовало бы въ крайней мѣрѣ употреблять каждое подобное слово въ умень-

тельной формѣ. Когда я говорю наприимѣръ, что мы пришли на заводъ, невольно чувствую, что это слово совсѣмъ неумѣстно въ данномъ случаѣ. Дѣйствительно, европеецъ, обойдя его весь, все будетъ искать и ждать завода, но такъ и не найдетъ. Осмотрите вмѣстѣ вотъ этотъ и вы увидите, почему.

Мы вошли съ Танъ-Лоъ на небольшую дворъ, гдѣ насъ встрѣтилъ козачицъ, предупреденный наканунѣ о моемъ посѣщеніи, и любезно показалъ мнѣ все несложное дѣло своего промысла. Добываніе селитры и соли производится изъ земли, называемой „ту“ и представляющей матеріалъ бывшихъ стѣнъ разрушенныхъ домовъ, но непременно старыхъ, т. е. въ которыхъ долго жили. Эту землю свозятъ изъ разныхъ мѣстъ города и складываютъ въ сараѣ. Затѣмъ берутъ извѣстное количество этой земли и смѣшиваютъ съ водой въ четырехугольной ямѣ, выложенной внутри камнемъ и обмазанной цементомъ. Яма вырота въ землѣ на подобіе походной печи, и одна сторона ея въ видѣ стѣны глядитъ наружу, а въ ея нижней части находится отверстие, чрезъ которое вода вытекаетъ въ другую яму, находящуюся подъ нимъ; эта ямѣтъ круглую форму и также обложена въ срединѣ камнемъ. Собирающуюся въ ней воду переливаютъ въ котель, замазанный въ стоящую неподалеку печь и кипятятъ. Изъ котла чрезъ отводящую трубку вода переходитъ въ поставленный рядомъ чанъ и изъ него черезъ кранъ—въ поставленные плоскія деревянныя чашки, оболы полутора фута въ діаметрѣ. Въ этихъ сосудахъ, оставленныхъ въ покоѣ, жидкости даютъ охладѣть и въ нихъ-то селитра кристаллизуется на ея поверхности, откуда ее и снимаютъ; а соль осаждается въ нижнихъ слояхъ раствора, изъ котораго потомъ добывается выпариваніемъ. Число рабочихъ на этомъ заводѣ не превышало всего десяти человекъ. Вотъ вамъ и заводъ.... (Не умѣя хорошо объясняться, я не могъ узнать, какой процентъ селитры и соли получаютъ они изъ даннаго количества земли и всякая ли земля, служившая стѣнами, содержитъ эти вещества).

Въ другой разъ Танъ-Лоъ показалъ мнѣ, по моей просьбѣ, какъ дѣлаются статуи идоловъ. Это производилось въ одной кумирнѣ, прямо на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они должны были остаться. Хотя мы не встали скульпторовъ и не могли видѣть приѣмовъ ихъ работы, я однако могъ догадаться о ней по нѣсколькимъ начатымъ фигурамъ. Онѣ дѣлаются изъ деревяннаго статива, на который потомъ налѣпливается глина, смѣшанная съ паклей. Сто-

явные здѣсь идола были только-что оболванены, т.-е. были на-
шѣчены только общія части фигуръ, и въ этихъ еще грубыхъ
болванахъ, только-что принявшихъ формы человѣческаго тѣла,
дарованіе художника сказывалось гораздо сильнѣе, чѣмъ оно
проявляется въ совершенно ованченныхъ статуяхъ, обыкновенно
сильно погрѣшающихъ въ подробностяхъ, безвкусно раскрашивае-
мыхъ условными яркими красками и получающихъ въ большин-
ствѣ случаевъ страшныя или отвратительныя фізіономіи.

При этой кумирнѣ находилась школа, и пока я тамъ находи-
ся, до моихъ ушей доносились извѣстные крики учениковъ, чи-
тающихъ свои уроки по китайскому обычаю непрестанно вслухъ
и какъ можно громче. Я вошелъ. Школа представляла большую
и свѣтлую комнату, одной сторонаю совсѣмъ открытую во дворъ
и только отдѣленную отъ него легкой рѣшеткой; въ разныхъ мѣ-
стахъ у стѣнъ стояло въ безпорядкѣ нѣсколько столовъ съ узень-
кими деревянными скамейками возлѣ нихъ, на которыхъ сидѣло
по одному или по два мальчика. Всѣхъ учениковъ было человѣкъ
до двѣнадцати. Большинство выкрикивало громко свои уроки,
непрестанно качаясь назадъ и впередъ, въ родѣ тѣхъ куколъ съ
тяжелымъ и округленнымъ основаніемъ, которыя, какъ ни клади
ихъ на бокъ, непрестанно встанутъ и будутъ качаться, пока не
придутъ въ вертикальное положеніе. Меня встрѣтили два уже
не молодыхъ китайца, — это были учителя, — и, раскланявшись
со мной, тотчасъ предложили стулъ и вступили въ разговоръ,
котораго я, разумѣется, не могъ поддержать. Сказавъ имъ,
что къ сожалѣнію не умѣю говорить по-китайски, я сталъ на-
брасывать въ свой альбомъ видъ школьной комнаты. Ученики
продолжали свои занятія, хотя и развлекались нѣсколько, часто
поглядывая на меня. Вѣроятно, только изъ страха быть наказан-
ными, они вели себя чинно и не смѣли поднять меня на смѣхъ,
что, конечно, имъ отъ всего сердца хотѣлось предѣлать, потому
что школьники вездѣ одни и тѣ же. Но учитель былъ тутъ, а
слѣдовательно были налицо и всякія мѣропріятія для удержа-
нія страстей мальчишекъ. Интересно, что и многія „мѣропріятія“
для внушенія благонамѣренности и въ Китаѣ тѣ же, какія упо-
треблялись и до сихъ поръ употребляются въ Европѣ во мно-
гихъ мѣстахъ. Тамъ, напримѣръ, въ моемъ присутствіи одинъ
шестилѣтній стоялъ на полу на колѣнахъ; узнавъ я, что у нихъ
также дерутъ за уши, бьютъ линейкой по ладонямъ и т. п. Вотъ
ушъ за вихорь китайскаго мальчишку на надерешъ, потому что

такого нѣтъ, и его отвѣтственность принимаютъ на себя коса или косички, которыхъ у маленькихъ дѣтей бываетъ иногда по нѣскольку.

Большинство дѣтей не отличалось особенно цвѣтущимъ видомъ; нѣкоторые были болѣзненны и лишь немногія — здоровыя, съ круглыми щеками. Одинъ такой крѣпышъ, — мальчишка лѣтъ шести или семи, — чрезвычайно заинтересовалъ меня своей необыкновенной серьезностью и преданностью наукѣ. Онъ сидѣлъ противъ двери въ боковой комнатѣ и вода пальцемъ по книгѣ, выкрикивалъ названія іероглифовъ, то смотря въ книгу, то на память. Когда я сѣлъ и сталъ срисовывать школу, онъ видѣлъ меня, но не только не прервалъ своего чтенія ни на секунду, но даже ни разу не взглянулъ на меня обычнымъ, исполненнымъ возбужденнаго любопытства взглядомъ, который я такъ привыкъ встрѣчать со стороны китайцевъ всѣхъ классовъ и возрастовъ, и особенно дѣтей. Этотъ же стоикъ продолжалъ громко читать, раскачиваясь взадъ и впередъ; онъ иногда случайно взглядывалъ на меня, но такимъ равнодушнымъ и даже бессознательнымъ взглядомъ, который ясно говорилъ, что онъ обо мнѣ вовсе не думалъ, а смотрѣлъ на меня, какъ на колоколь или доску съ надписью, которые висятъ въ школѣ и которые онъ видитъ каждый день. Я часто посматривалъ на него; онъ непоколебимо читалъ и оставался серьезнымъ; я попробовалъ размѣшить его гримасой, что съ другими дѣтьми всегда удавалось очень легко; — этотъ и глазомъ не моргнулъ. Окончивъ рисунокъ, удостоившійся одобренія школьныхъ учителей, я подошелъ къ интересному мальчугану, спросилъ его имя и каково его „долгоденствіе“ (гао-шоу?), нарочно употребивъ это выраженіе, предлагаемое только старикамъ, вмѣсто обыкновеннаго: ци-суй? какъ спрашиваютъ у взрослыхъ и дѣтей, желая освѣдомиться о ихъ возрастѣ.

— „Гао-шоу!“ размѣялись учителя, а мальчуганъ пресерьезно отвѣтилъ: семь, и показалъ число семь на пальцахъ. Я потрепалъ его по круглой щекѣ, похвалилъ его прилежаніе и сказалъ, что онъ „пойдетъ, какъ китайцы говорятъ, большой дорогой“, т. е. сдѣлаетъ хорошую карьеру.

— Хао-ва-цзы (хорошій мальчикъ), согласился со мной учителя и велѣли ему сдѣлать „цзо - и“, т. е. раскланяться по извѣстнымъ правиламъ. Мальчикъ слѣзъ со скамьи, сталъ передо мной, сложилъ ручки, поднялъ ихъ надъ головой и низко поклонился. Простившись съ нимъ, я не успѣлъ уйти; какъ онъ

опять вскарабкаться на скамью и уже опять продолжалъ качаться и читать свою истрепанную книжку, какъ будто она была и не вѣсть какъ занимательна. Интересно было бы узнать, что выйдетъ впоследствии изъ этого оригинальнаго ребенка. Но, конечно, читатель, мы съ вами этого никогда не узнаемъ, если даже онъ сдѣлается въ своей имперіи первымъ министромъ, что тамъ совершенно возможно: у нихъ и имена мѣняются нѣсколько разъ въ жизни.

Проведя здѣсь утро, я ознакомился со школой и ея дѣятельностью. Академическаго года въ этой школѣ (какъ вѣроятно и въ другихъ) и правильнаго распредѣленія курсовъ и часовъ занятій нѣтъ; также не существуетъ совмѣстнаго обученія цѣлаго класса одному и тому же. Нѣтъ и вакаціоннаго времени за исключеніемъ первыхъ дней новаго года, да десяти или двѣнадцати праздниковъ: школа дѣйствуетъ постоянно и отерывается ежедневно отъ восхода солнца до десяти часовъ, когда дѣти уходятъ завтракать; черезъ часъ или полтора они приходятъ снова и остаются до пяти часовъ, но лѣтомъ этихъ уроковъ не бываетъ. Для тѣхъ дѣтей, кто днемъ занятъ ремесломъ, школа открыта вечеромъ. Правиль поступленія въ школу въ сущности нѣтъ никакихъ: поступить можно во всякое время года, потому что каждый ученикъ учитъ свой урокъ тутъ же въ школѣ, самостоятельно и совершенно отдѣльно отъ другихъ, хотя учитель и старается вести нѣсколькихъ мальчиковъ параллельно, чтобъ облегчить себѣ трудъ и сберечь время.

Приводитъ отецъ своего сынишку въ школу; ему, послѣ исполненія нѣкоторыхъ формальностей, или скорѣе принятыхъ обычаевъ, даютъ книгу, и учитель задаетъ урокъ, т.-е. называетъ нѣсколько первыхъ простѣйшихъ іероглифовъ, объясняя ихъ значеніе. Ученикъ или ученики, если такихъ сверстниковъ нѣсколько, повторяютъ за нимъ названія іероглифовъ и притомъ такъ громко, на сколько у кого хватаетъ силы, и нѣсколько на расивъ. Такъ продолжается до тѣхъ поръ, пока ученикъ не будетъ въ состояніи проговорить урокъ по книгѣ безъ учителя; тогда онъ долженъ повторять его, покуда не выучитъ на память. Обученіе въ такомъ видѣ идетъ далѣе безъ перемѣны; перемѣняются только книги, и эти книги для всей Имперіи одни. Хороши они или нѣтъ—не знаю, но несомнѣнно, что такое однообразіе въ школьномъ образованіи роднитъ и связываетъ все громадное населеніе Имперіи, самой старой на землѣ. Итакъ, съ

тѣхъ поръ, какъ одинъ изъ учениковъ Кунъ-Фу-Цзы или Кунъ-Цзы (такъ Китайцы называютъ своего великаго учителя), написалъ книгу, которая была принята какъ руководство для первоначальнаго обученія, надъ нею провачался и прокричалъ всѣ лучшіе годы своего дѣтства каждый грамотный китаецъ.

Итакъ, всѣ кричатъ во все горло и каждый свое, а учитель прислушивается къ чтенію то того, то другаго и поправляетъ произносящихъ неправильно. Ученикъ, выучившій заданный урокъ, подходитъ къ учителю, дѣлаетъ извѣстный поклонъ (цзо-н), кладетъ передъ нимъ на столъ книгу и поворачиваясь къ нему спиной, чтобъ не имѣть возможности заглядывать на крупные и легко различимые издали іероглифы, отвѣчаетъ заученныя фразы по запечатлѣвшейся въ памяти страницѣ съ письменными знаками. Если онъ знаетъ заданный урокъ, получаетъ новый и т. д. пока не выучитъ всѣ 178 стиховъ, заключающихся въ Санъ-Цзы-Цзинъ, послѣ которой онъ переходитъ ко второму руководству,—Сы-Шу (четыре классическихкія книги) и Цзинъ (пять священныя книги). Этими предметами общее образованіе оканчивается. Чтобы сколько-нибудь познакомить читателя съ содержаніемъ этихъ книгъ, скажу два слова о первой изъ нихъ, которая представляетъ энциклопедію и начинается словами, что „человѣкъ при сотвореніи его былъ совершенно святъ“. Затѣмъ говорится о природѣ настоящаго человѣка, о необходимости воспитанія и образованія его и о различныхъ методахъ послѣдняго; о важности общественныхъ обязанностей, о трехъ свѣтилахъ, четырехъ временахъ года, пяти стихіяхъ и пяти добродѣтеляхъ (человѣколюбіе, справедливость, обладаніе только своею собственностью, умъ и правдивость); о шести родахъ хлѣбныхъ растений, шести классахъ домашнихъ животныхъ, семи главныхъ порокахъ, о восьми музыкальныхъ нотахъ, о девяти степеняхъ родства, о всеобщей исторіи и порядкѣ династій. Тутъ же приводится много примѣровъ того, какъ прилежно занимались нѣкоторые доблестные мужи древности и какихъ почестей достигали люди путемъ прилежанія; какъ нѣкоторые за неимѣніемъ бумаги писали свои уроки на тростникѣ и стволахъ бамбука, какъ одинъ привязалъ свою косу къ перекладнѣ, чтобъ голова не падала, когда его одолѣвалъ сонъ, а другой съ тою же цѣлью воткнулъ себѣ шило въ бедро и т. п.

Приведу два, три случайныхъ отрывка, чтобы познакомить читателя съ характеромъ изложенія общеобразовательныхъ китай-

скихъ книгъ, читанныхъ мною въ извлеченіи и, конечно, въ переводахъ. Вотъ, напримѣръ, отрывокъ о важности спокойнаго состоянія духа:

„Сначала нужно узнать цѣль, къ которой должно стремиться, и потомъ рѣшить, какъ поступать. Рѣшивъ, какъ поступать, можно достигнуть спокойнаго состоянія ума. Достигнувъ спокойнаго состоянія ума, можно наслаждаться тѣмъ невозмутимымъ спокойствіемъ, котораго ничто не можетъ нарушить. Дойдя до этого состоянія невозмутимаго спокойствія, можно размышлять и составлять сужденія о сущности вещей. Размышляя и составивъ себѣ сужденіе о сущности вещей, можно достигнуть желаемаго совершенства“ и т. д.

Вотъ другой,—о долгѣ и самоусовершенствованіи: „Отъ чловѣка, поставленнаго выше всѣхъ, до самаго низшаго и темнаго, долгъ для всѣхъ одинаково важенъ. Исправлять и улучшать самого себя или самоусовершенствованіе—вотъ прочное основаніе всякаго прогресса и всякаго нравственнаго развитія“ и т. д.

О чловѣческихъ доблестяхъ говорится въ такой формѣ:

„Ученикъ Сы-Лу спросилъ однажды своего учителя о могуществѣ чловѣка. Кунъ-Фу-Цзы отвѣчалъ: ты спрашиваешь меня о могуществѣ мужа странъ полуденныхъ или о могуществѣ мужа полныхъ странъ? Или ты спрашиваешь о своемъ собственномъ могуществѣ? Имѣть мягкія и пріятныя манеры, чтобъ поучать людей, имѣть состраданіе къ безумцамъ, возстающимъ противъ разума,—вотъ сила мужей, свойственная странамъ полуденнымъ; ею обладаютъ великіе. Дѣлать свою постель изъ желѣзныхъ досокъ и одѣваться въ кожи дикихъ звѣрей; встрѣчать безъ содроганія приближеніе смерти,—въ этомъ заключается могущество мужей странъ полныхъ: имъ обладаютъ храбрые. Но сила души мудраго, который живетъ съ людьми всегда въ мирѣ и не даетъ страстямъ завладѣть собою, гораздо больше и гораздо величественнѣе. Сила души того, кто не уклоняется отъ прямого пути, удаляясь отъ всякихъ крайностей, гораздо больше и гораздо величественнѣе (т.-е. первыхъ двухъ).

„Тотъ, кто видя, что его страна, благодаря ему, хорошо управляется, не возгордится этимъ, тотъ гораздо больше и гораздо величественнѣе“.

„Тотъ, кто, видя свою страну, лишенную хорошаго управленія, остается вѣрнымъ добродѣтели до своей смерти, гораздо больше и гораздо величественнѣе“.

Но, чтобъ не увлечься, мы этимъ и ограничимся. Прибавлю только, что точныхъ наукъ и линакихъ специальныхъ школъ въ Китаѣ не существуетъ. Даже ариметикѣ дѣтей въ школахъ не учатъ, а они выучиваются счету на практикѣ, дома или въ лавкахъ. Школьное образованіе—по преимуществу нравственное.

Со школами высшаго образованія мнѣ не удалось лично познакомиться и я не буду о немъ упоминать, да и вопросъ этотъ громадный, о которомъ нельзя ничего сказать въ немногихъ словахъ; но вопросъ въ высокой степени интересный.

Женскихъ школъ не существуетъ вовсе, и женщины остаются безграмотными, за весьма рѣдкими исключеніями. Но должно замѣтить, что китайцы не по принципу лишаютъ женщинъ образованія, а потому что, говорятъ они, оно не можетъ продолжаться болѣе десяти лѣтъ (т.-е. лѣтъ до семнадцати),—этого же времени, по ихъ мнѣнію, слишкомъ мало для полнаго уразумѣнія началъ, изложенныхъ классиками въ ихъ сочиненіяхъ. Когда же женщинамъ случается достигнуть высшаго образованія, всѣ относятся къ нимъ съ необыкновеннымъ почтеніемъ. И въ китайской литературѣ есть представители и прекраснаго пола,—есть женщины-философы, поэты и ученые.

Скажу кстати, что судьба китайской женщины вообще не завидна,—по крайней мѣрѣ, такъ кажется постороннему наблюдателю; но съ другой стороны, не трудно замѣтить и то, что китайки не особенно тяготеютъ своею участію; онѣ свыкаются съ извѣстными бытовыми условіями съ самаго ранняго дѣтства, и такъ какъ объ иныхъ порядкахъ ничего не знаютъ, то и не думаютъ о нихъ, не смущаются. Это не малое. А если не счастье, то, по словамъ поэта, „замѣна счастью“, какъ привычка.

Тяжкое впечатлѣніе я вынесъ изъ моихъ наблюденій за четырьмя женщинами, жившими здѣсь въ одномъ съ нами домѣ. Я, кажется, не сказалъ, что обитаемый нами домъ принадлежалъ одному маленькому семейному чиновнику Чжу; но о немъ рѣчь впереди, а теперь познакомимся съ дамами. Онѣ были: первая и вторая жены Чжу; барышня—его дочь, и жена его старшаго сына. Хотя онѣ, за исключеніемъ старшей жены, иногда проходившей на улицу черезъ нашъ дворъ, никогда и никуда не выходили изъ своего дворика, находившагося позади нашей квартиры; но когда я заходилъ туда, чтобъ посмотрѣть на ихъ житье-бытье (что мнѣ, какъ врачу, не запрещалось), онѣ сначала дичились нѣсколько, посмѣивались и убѣгали, а потомъ перестали обращать на меня

вниманіе, и въ моемъ присутствіи спойойно продолжали свои занятія, за какими я ного заставлялъ,—варили обѣдъ, шили, нанчили и кормили груднымъ дѣтѣмъ или просто сидѣли и болтали; болтливость же, и по свидѣтельству китайцевъ, служить отличительной чертой женщины.

Старшая жена нашего маленькаго и непредставительнаго Чжу-Лоѣ была женщина высокаго роста, полная и уже пожилая; она обладала громкимъ басистымъ голосомъ, нрава была, повидному, строгаго и за эти качества была прозвана казаками „генеральшей“. Ее можно было скорѣе принять за мать, чѣмъ за жену Чжу-Лоѣ, который, какъ всѣ китайцы, благодаря бритью усовъ и бороды, казался значительно моложе своихъ лѣтъ. Генеральша, кажется, держала своего супруга въ рукахъ, и какіе бы обычай и порядки въ Поднебесномъ государствѣ ни существовали, главою въ семьѣ и въ домѣ была, конечно, она, а не онъ, потому что она была энергична и умна, а супругъ обладалъ кроткимъ нравомъ и ограниченными умственными способностями, и, какъ увидимъ ниже, отличался дѣтскимъ легковѣріемъ. Несмотря на то, что онъ былъ удостоенъ перваго чина, грамоты онъ не зналъ вовсе: это можетъ удивить читателя послѣ сказаннаго выше о распространеніи грамотности въ китайскомъ народѣ. Но дѣло въ томъ, что онъ былъ чиновникъ военный, а за грамотностію военныхъ въ Китаѣ не гонятся: воину не грамотность нужна, говорятъ китайцы, и потому у нихъ, говорятъ, отличившійся солдатъ, даже не умѣющій подписать своего имени, безъ всякихъ экзаменовъ можетъ быть произведенъ въ чинъ, только за воинскія отличія, можетъ даже достигнуть высокихъ чиновъ, и въ нашемъ дальнѣйшемъ странствованіи мы дѣйствительно встрѣтимъ лицъ совершенно неграмотныхъ, тѣмъ не менѣе съ краснымъ, т.-е. генеральскимъ шарикомъ на шляпѣ...

Итакъ, жена Чжу-Лоѣ была главою и грозю въ домѣ. Она почти постоянно курила свою трубку, почти всегда распѣвала кого-нибудь, то невѣстку, то свою соперницу—вторую жену, или своего мужа; первыя отъ нея даже иногда плакали. Генеральша читала выговоры и нотации работнику и нерѣдко награждала своего младшаго сына, хорошенькаго мальчишку лѣтъ десяти, щелчками по головѣ своимъ тоненькимъ бамбуковымъ чубучкомъ,—впрочемъ слегка, когда тотъ, повидному ея любимецъ и баловень, не оказывалъ ей должнаго послушанія, когда очень шалилъ или слишкомъ часто просилъ ѣсть. Ея занятія состояли въ

общемъ управленіи домою, а также приготовленіи обѣда; видѣль я ее также за мытьемъ бѣлья, для чего она садилась на низенькую скамеечку, а на землю ставила между своими маленькими ножками деревянную чашку съ горячей водой; иногда она для чего-то переваривала въ мѣдномъ тазикѣ ошій, который супругъ ея бурилъ въ изрядномъ количествѣ.

Этотъ живой, списанный съ натуры, портретъ китайской дамы вовсе не походилъ на тотъ фантастическій образъ, который содался въ моемъ воображеніи по видѣннымъ раньше китайскимъ рисункамъ, гораздо сильнѣе врѣзавшимся въ память, чѣмъ всякія описанія путешественниковъ. Ничѣмъ не подходила генеральша и къ идеалу, созданному китайскими поэтами, потому что щеки ея нисколько не напоминали „цвѣтовъ миндальнаго дерева“; ея толстыя губы, изъ-за которыхъ торчали впередъ, хотя и бѣлыя, но очень большіе зубы, нисколько не походили на цвѣтокъ гранатнаго дерева; плотный станъ не гнулся „подобно листочку ивы“; а узкопрорѣзанные черные глаза, хотя и не лишенные блеска, все-таки не сверкали „подобно водянымъ струямъ подъ лучами солнца“... Одно, чѣмъ она достойно могла гордиться и что вознаграждало многіе недостатки красоты,—это дѣйствительно маленькія ножки, на которыхъ она, несмотря на ихъ малость, ходила довольно свободно, хотя походка ея и представлялась, какъ у всѣхъ китайнокъ, оригинальной.

Генеральша, я сказалъ, была на видъ сурова и строга, но въ ея наружности не было ничего злобнаго; иногда же мнѣ случалось видѣть ее въ хорошемъ и даже игривомъ настроеніи духа, и повидимому была не прочь побесѣдовать со мною, когда мнѣ случалось заходить на ихъ дворъ; да къ сожалѣнію я могъ сказать ей и понять изъ ея словъ весьма немного. Она иногда даже начинала заигрывать, дотрогиваясь до меня своей трубочкой или легонько постукивая ею по моей фуражкѣ. Это было, когда я однажды сидѣлъ на ихъ дворикѣ, срисовывая послѣдній, и когда она вмѣстѣ съ другими обитателями дома подходила посмотреть на рисунокъ.

Молодыя дамы и барышни также не отличались красотой, а двѣ даже не были типичны, и если бы я встрѣтилъ ихъ въ Россіи, если бы ихъ не выдавали изуродованныя ножки, я бы никакъ не принялъ ихъ за китайнокъ; тѣмъ не менѣе я считалъ не безынтереснымъ снять со всѣхъ ихъ портреты. Но позировали онѣ всѣ, кромѣ барышни, неохотно; а генеральша, вѣроятно

изъ чувства кокетливости, ни за что не хотѣла дозволить рисовать съ нея; и такъ какъ ей никто приказывать не смѣлъ, то мнѣ пришлось сдѣлать ея портретъ украдкой. Молодыя дамы тоже было воспротивились; но ставшій моимъ прітелемъ Чжу-Лоѣ приказалъ и своей второй женѣ, и невѣсткѣ сидѣть передо мною смирно столько времени, сколько мнѣ будетъ нужно; и, ужъ конечно, не повиноваться онѣ не смѣли. Первая очень близорукая и флегматическая женщина, еще очень молодая, отнеслась къ сидѣнью передо мною вполне индифферентно и во время сеанса спокойно шила что-то изъ синей бумажной матеріи; второй же почему-то ужасно не хотѣлось позировать и она сидѣла съ сердито-надутыми губками и по временамъ даже что-то ворчала себѣ подъ носъ. Барышня же, живая и веселая говорунья, которая казалось минуты не оставалась въ покоѣ, напротивъ, ужасно боялась остаться ненарисованной и все спрашивала меня, буду ли я рисовать портретъ также и съ нея, и скоро ли?

— Непремѣнно, непременно, успокоивалъ я ее, и она, веселая, бѣжала сообщить объ этомъ своему брату, хотя тотъ и самъ хорошо слышалъ, что я сказалъ.

Но, описывая моихъ знакомыхъ китайскихъ дамъ и барышню, я чувствую, что въ представленіи читателя могутъ составиться невѣрные, слишкомъ лестныя, представленія о нихъ, и потому считаю долгомъ прибавить, что видомъ своимъ, по крайней мѣрѣ въ своихъ будничныхъ бумажныхъ одеждахъ синяго или зеленаго цвѣта, онѣ походили на нашихъ горничныхъ, да еще не городскихъ, а деревенскихъ, и походили на нихъ не одними одеждами, а своей неряшливостью и своими мало изящными манерами. Такъ, напримѣръ, хорошенькія, но плохо вымытыя руки барышни были покрыты чесоточной сыпью, которая вѣроятно покрывала и другія части ея тѣла, потому что она постоянно и много разъ во время сеанса немилосердно чесалась заплечной рукой, такъ что я ясно слышалъ звуки, производимыя ногтями, усердно царапавшими кожу. Итакъ, вотъ каковъ внѣшній видъ китайянокъ средняго сословія. Хотѣлось бы поговорить съ ними или подслушать ихъ бесѣды между собою, да не удалось.

Однажды я провелъ утро на ихъ дворикѣ, почти лишенномъ солнечнаго свѣта и чистаго воздуха; послѣдній въ этомъ тѣсномъ промежуткѣ между стѣнами и почти закрытомъ сверху навѣсами крышъ, до того спертъ и зараженъ мiasмами отъ грязнаго

содержанія двора, что нельзя не пожалѣть ихъ бѣдныхъ. Воздухъ на этомъ тѣсномъ дворикѣ такой, что я могъ высиѣть тамъ долго только благодаря сигарѣ, которой ни на минуту не вынулъ изо рта. И я не мало удивлялся тому, какъ онѣ при такихъ условіяхъ еще могутъ сохранять относительно здоровый видъ; только одна молодая жена Чжу-Лоѣ была блѣдна и худя, остальные же были полны, бодры и довольно крѣпки. Надъ этимъ можно также задуматься, видя ихъ пищу, почти исключительно растительную. Во время моей работы на ихъ дворѣ, онѣ при мнѣ готовили обѣдъ въ кухнѣ, помѣщавшейся въ глубинѣ дворика; при мнѣ же происходилъ и этотъ обѣдъ, котораго едва могъ дожждаться мальчуганъ,—генеральшинъ сынъ.

— Ма!.. Ма-а! (мать), приставалъ онъ къ ней съ нѣкоторыми слезами въ голосѣ,—скоро ли мы будемъ ѣсть?

Та молчитъ. Онъ повторяетъ вопросъ и начинаетъ хныкать и дергать ее за платье.

— Не дамъ я тебѣ ѣсть!—громко и такъ рѣшительно отвѣчаетъ генеральша, что можно было бы потерять всякія надежды на полученіе отъ нея чего-нибудь: но мальчишка, должно-быть, зналъ что смыслъ словъ: „не дамъ я тебѣ ѣсть“—былъ совсѣмъ другой. И дѣйствительно, когда обѣдъ былъ готовъ, онъ первый получилъ свою чашку рису съ проросшими бобами, съ какою-то еще зеленью и нѣсколькими кусочками свиного сала. Получивъ порцію, онъ явился со своей чашкой ко мнѣ и, поглядывая на рисунокъ, старательно уплеталъ кашу, быстро дѣйствуя палочками, подбирая и препровождая ее въ ротъ прямо черезъ край чашки, несмотря на то, что каша была сейчасъ съ огня. Онъ, казалось, такъ хотѣлъ ѣсть, что готовъ былъ сразу вдохнуть въ себя все, что было въ чашкѣ, чтобъ поспѣть во-время явиться за второй порціей. Не менѣе усердно и живо дѣйствовали палочками дамы и барышня, которыя также обѣдали прямо на дворѣ, кто сидя на порогѣ въ дверяхъ, кто стоя; только генеральша ѣла не спѣша и сидя на стулѣ, но тоже на дворѣ.

Надо упомянуть еще объ одномъ членѣ семьи, объ обезьянѣ, сидѣвшей на привязи на этомъ же дворикѣ, въ небольшой открытой комнатѣ. Ей также была принесена чашка рису, только безъ сала, и она живо запрягала его весь въ свои защечные мѣшки, работая обѣими руками или прямо ртомъ; а потомъ понемногу выталкивала изъ защечныхъ магазиновъ въ ротъ, пожимая свои

раздувшіяся щеки большимъ пальцемъ руки то съ той, то съ другой стороны.

Недостаточная питательность пищи этихъ людей ясно сказывалась въ томъ, что вся семья не разъ просыпалась по ночамъ и на кухнѣ, которая была за стѣной нашей спальни, я слышала, поднималась стряпня и жаренье чего-то. Мнѣ особенно ясно слышался трескъ кипящаго масла, да такой трескъ, что можно было подумать, что тамъ жарятъ цѣлаго быка. Иногда случалось даже, что сосѣдки мои просыпались, страпали и ѣли два раза впродолженіи одной ночи! Это ужь совсѣмъ непонятно, но и бывало это рѣдко.

И такъ, всѣ пообѣдали. Мой рисунокъ двора приходилъ къ концу, и всѣ дамы, сначала ничего не понимавшія, теперь чрезвычайно заинтересовались имъ и всякая хвалила въ немъ свое: одной нравилась проходившая и также попавшая на картину курица; другой—платье нарисованной дамы, которую онъ узнали, называли и смѣялись; третью удивляло углубленное рѣшетчатое окно; а возвратившійся женатый сынъ генеральши долго смотрѣлъ и хохоталъ отъ удовольствія, находя, что рисунокъ и настоящій дворъ имѣютъ совершенно одинъ и тотъ же образъ. „И-го-янь“, „и-янь-дэ“!—восторгался онъ.

Такъ проходили наши дни въ Хань-Чжунъ-Фу, пока чинились, склеивались и чистились вещи нашихъ спутниковъ, пока Сосновскій собственноручно отбиралъ для неизвѣстныхъ цѣлей стебли и негодные листья изъ купленныхъ здѣсь разныхъ сортовъ чаю. Я узналъ потомъ, что эти сорта чаю должны были служить въ Россіи образцами, но не могъ пока уразумѣть, для чего же ихъ передѣлывать, поправлять, очищать, смѣшивать? Образцы чего же они будутъ теперь?

Ожидали мы, пока дѣлались столярюмъ разныя модели, заказанныя здѣсь Сосновскимъ по примѣру Матусовскаго, который сдѣлалъ это въ Пекинѣ и оттуда отправилъ свою коллекцію въ Россію.

Ожидали мы тутъ еще окончанія донесенія, которое онъ намѣревался послать отсюда. Надо было увѣдомить Петербургъ о нашемъ движеніи и дѣятельности; а также сообщить результаты своихъ изслѣдованій разнаго рода, и между прочимъ о чайной торговлѣ, хотя ровно никакихъ изслѣдованій нигдѣ до сихъ поръ не производилось. Поэтому все, что писалъ онъ въ своихъ донесеніяхъ, было однимъ вымысломъ. Онъ сообщалъ, на примѣръ,

что чай, собираемый въ мѣстности, лежащей на верховьяхъ Хаян-Цзана, есть чай превосходнаго качества; но что его приготавливаютъ чрезвычайно небрежно, со всякимъ соромъ.

„На ряду съ листомъ отмѣнныхъ качествъ, писалъ Сосновскій,—переросшій, отжившій, разныя хлѣбныя сѣмена и посторонній соръ—тоже неизбѣжное содержимое“.

Вотъ это-то „неизбѣжное содержимое“ и приходилось ему теперь отбирать по цѣлымъ днямъ, чтобъ оставить только одни „отмѣнные качества“... Но вѣдь это хорошо дѣлать въ небольшихъ количествахъ, для того, чтобъ представить „образцы“ мѣстнаго продукта! Далѣе онъ пришелъ къ совершенно произвольному заключенію, что „пресловутый красненькій семипалатинскій чай, о которомъ повѣствуютъ и понынѣ учебники географіи“, и который „во времена Чугучака и нашей тамъ факторіи“ доставлялся въ Россію, есть именно чай изъ уѣзда Цзы-Янь-Сянь! Но когда мы всѣ стали пробовать различныя мѣстные сорта, то нашли ихъ совсѣмъ не подходящими къ тому, къ какому привыкли въ Россіи. Да наконецъ и чайныхъ плантацій-то въ здѣшней мѣстности мы почти не видали.

Вотъ посмотримъ, что окажется въ провинціи Сы-Чуань, въ которую отправляемся отсюда. Читаемъ съ Матусовскимъ письма барона Рихтгофена, недавно посѣтившаго ее, и намъ хочется скорѣе отправляться въ путь: богатство естественныхъ произведеній, великолѣпная столица, живописная природа и симпатичный народъ,—все влечетъ къ себѣ, и мы весело подготовляемся къ новой пріятной и бодрой дѣятельности... Но вдругъ, къ величайшему огорченію узнаемъ, что планъ нашего движенія измѣняется, что въ Сы-Чуань рѣшено не заходить, а направиться отсюда прямо въ обратный путь, т.-е. не на югъ, а на сѣверо-западъ, къ Россіи... Спрашиваемъ: отчего? Какъ же, говоримъ, не зайти, находясь такъ близко, и въ такой важный пунктъ,—вѣдь это же будетъ непростительнымъ упущеніемъ! Что же мы скажемъ въ свое оправданіе правительству? Но кромѣ—„нахожу неудобнымъ“, мы ничего не могли узнать и принуждены были помолиться съ этимъ неожиданнымъ горемъ. Но что ужъ теперь, когда пишу, предаваться безплоднымъ сожалѣніямъ. Не лучше ли было бы и эготъ фактъ пройти молчаніемъ, какъ первое сдѣланное нами безпричинное отступленіе отъ первоначальнаго плана: вѣдь столицы провинціи Шэнь-Си, города Си-Ань-Фу, мы также не посѣтили, и также ради одной экономіи времени и денегъ.

Итакъ, Сосновскій нашелъ ненужнымъ посѣщеніе самой интересной и важной, по задачамъ экспедиціи, провинціи и ограничился лишь разспросными свѣдѣніями, которыя также подтверждаютъ то, что намъ слѣдовало бы употребить мѣсяць на путешествіе въ Чэнь-Ды-Фу.

Стоитъ заговорить, нишетъ онъ въ краткомъ официальномъ донесеніи изъ Хань-Чжунъ-Фу, съ любяжъ китайцемъ, побывавшимъ въ Сы-Чуани, чтобы по одной шпръ физіономіи, поднимлющейся влеченіемъ неудержимаго восторга, понять, какія сотыма впечатлительныя вызываютъ воспоминанія о ней. Какими красками начнетъ онъ рисовать страну, ея природу, ея естественныя богатства и наконецъ полный энергіи и предприимчивой дѣятельности народъ, стяжавшій громкую репутацію, и т. д.

Да, хотя бы ради громкой репутаціи полного энергіи и предприимчивой дѣятельности народа мы заглянули на его родину... Вѣроятно переводчики на этотъ разъ вели себя молодцами и такъ сверхъестественно хорошо передавали отзывы туземцевъ, побывавшихъ въ Сы-Чуани, что и не бывшій въ ней Сосновскій восклицаетъ въ своемъ официальномъ донесеніи: *меня трогательно изумляютъ богатства этой страны!* Изумлялись и мы съ товарищемъ, только совсѣмъ другому... Руки опускались; и теперь ужъ хоть бы скорѣе домой ѣхать, думалось намъ... Мы же сидѣли въ городѣ, приобретаая весьма мало или почти ничего.

А пора была самая счастливая для изученія природы страны и ея произведеній; мнѣ бы слѣдовало быть внѣ города, хотѣлось бы хотя экскурсіи дѣлать; да куда пойдешь безъ языка. Говорю объ этомъ Сосновскому.—„Очень хорошо, говорить, сдѣлайте экскурсію, въ горы, напริมѣръ; что жъ вамъ тутъ сидѣть. Я даже расходы по разѣздамъ могу принять на счетъ экстраординарной суммы.“ (Она равнялась 12000 р.) Я, конечно, радъ, готовъ къ отъѣзду и только прошу, чтобъ со мной отпустили Смокотнина, какъ помощника и переводчика. „Нѣтъ, отвѣчаетъ,—это уже положительно неудобно: вѣдь онъ не драбантъ (я этого слова не знаю); да онъ и здѣсь нуженъ“... Я не повторилъ просьбы, зная что это приведетъ только къ неудовольствіямъ, и сталъ бродить по городу, дѣлая и собирая, что случайно попадалось на глаза и подъ руки; въ городскихъ садахъ, находящихся здѣсь при казенныхъ домахъ, собиралъ растенія и насѣкомыхъ и стрѣлялъ птицъ, которыхъ въ нихъ всегда много (но онѣ большею частью однѣ и тѣ же, по преимуществу—ястребы и горлинки, стрижи,

сворцы, много *Edolius furcatus* Wagl. и других), и приготовлялъ изъ нихъ чучела. Приходилось не мало и рисовать на досугѣ, если обстановка позволяла.

Въ городѣ я пересмотрѣлъ все сколько-нибудь выдающееся или новое. Расскажу, на примѣръ, о галлерей, находящейся при одномъ храмѣ и представляющей всевозможныя сцены адскихъ мученій, расскажу не потому, что нахожу ихъ особенно интересными, а полагая, что они могутъ служить объясненіемъ нѣкоторымъ нелѣпнымъ рассказамъ о страшныхъ мученіяхъ и родахъ смертной казни, будто бы и теперь производимыхъ въ Китаѣ. Галлерей, о которой идетъ рѣчь, устроена на дворѣ одного главнаго храма, по тремъ сторонамъ его, и похожа отчасти на открытую лавку скульптурныхъ произведеній, забранную рѣшеткой. Мнѣ очень хотѣлось сдѣлать рисунокъ части этой галлерей, но масса разставленныхъ въ беспорядкѣ статуй представляла такую путаницу, что для удовлетворительнаго исполненія его потребовались бы большіе размѣры и слишкомъ много времени; поэтому мнѣ пришлось ограничиться набросками нѣкоторыхъ отдѣльныхъ фигуръ и сценъ. Срисовывая ихъ, я смутно вспоминалъ читанное въ дѣтствѣ чье-то описаніе Китая, въ которомъ рассказывалось про ужасныя пытки и казни, какимъ тамъ подвергаютъ преступниковъ. Всѣ эти сцены были теперь передо мною, рельефно изображенными со всѣми ужасами, которымъ въ дѣйствительности нѣтъ ничего подобнаго. Извѣстно, что въ Китаѣ за различныя преступленія назначается смертная казнь, что она производится тремя различными способами: черезъ задушеніе (обыкновенно въ два приѣма, чтобы дать возможность душѣ вылетѣть изъ тѣла); черезъ отсѣченіе головы и четвертованіе; по крайней мѣрѣ такъ говорится въ сочиненіяхъ серьезныхъ писателей, а въ китайскихъ уголовныхъ законахъ даже не упоминается послѣдняя. Самъ я не видалъ ни одного случая (о чемъ и не сожалѣю, хотя непремѣнно пошелъ бы смотрѣть), и потому не стану распространяться о подробностяхъ этого всегда непріятнаго акта человѣческаго правосудія. Но эти роды лишенія чловѣка жизни ничто въ сравненіи съ тѣми ужасами, какіе измыслила народная фантазія, а художникъ изобразилъ въ сценахъ, по содержанію напоминающихъ наши старинныя картины адскихъ мученій... И какое тяжелое впечатлѣніе выносишь изъ этого собранія отвратительныхъ фізіономій и еще болѣе отвратительныхъ дѣяній ихъ. Тутъ, на примѣръ, представленъ чловѣкъ,

котораго варятъ въ котлѣ; тамъ смазываютъ женщину между двухъ жернововъ или толкутъ въ ступѣ; дальше человека расплываютъ пилой вдоль всего тѣла и т. п. ужасы, о которыхъ неприятно даже входить въ подробности... Какъ ни слабо исполнены эти фигуры и сцены, на нихъ все-таки нельзя смотрѣть равнодушно.

На лицахъ казнимыхъ людей то выражается страданіе и ужась, то они почему-то смѣются или совершенно спокойны. Физиономіи боговъ, сидящихъ тутъ же, только на возвышеніи идущемъ вдоль стѣны, также различны: одни невозмутимо смотрятъ внизъ на совершаемыя у ногъ ихъ звѣрства; другіе совсѣмъ не обращаютъ вниманія на людей, какъ бы пришедшихъ и обращающихся къ нимъ, а тупо глядятъ въ сторону; нѣкоторые строги и грозны, и или благообразны, или отвратительны и ужасны. Между множествомъ фигуръ, представляющихъ боговъ, людей-исполнителей, то-есть въ роли палачей, и истязуемыхъ, есть еще родъ какихъ-то посредниковъ между тѣми и другими, или докладчиковъ, у которыхъ иногда повѣшена черезъ плечо чья-нибудь голова, на подобіе дорожной сумки. Отъ нихъ, по народному вѣрованію, должно-быть многое зависить въ будущей жизни, потому что имъ дѣлаются, какъ видно, частыя жертвоприношенія въ видѣ сожиганія передъ ними жертвенныхъ свѣчъ, смазыванія имъ губъ масломъ или обрызгиванія физиономій кровью убиваемыхъ передъ ними животныхъ, чаще всего пѣтуховъ. Еще здѣсь можно увидать непонятныя фигуры, приходящія съ какими-то просьбами къ богамъ: онѣ обезглавлены, и головы ихъ также повѣшены у нихъ сбоку за волосы...

Осмотрѣлъ я всѣ здѣшніе сады, клубы, лавки, храмы, мастерскія, торговые дома (ханъ), побывалъ у многихъ мандариновъ, перебивалъ на всѣхъ вышкахъ, познакомился съ окрестностями, но не много нашелъ особенностей. Побывали мы съ товарищемъ въ гостяхъ у нашего милаго Тана, который желалъ непременно принять насъ у себя и угостилъ обѣдомъ; но, какъ ни симпатизировалъ намъ, жены не показалъ; впрочемъ мы и не выразили желанія познакомиться съ нею...

Вотъ какъ проходило здѣсь наше время. Пора, пора уѣзжать; мѣстныя власти уже начинаютъ присылать освѣдомляться, когда мы намѣрены уѣхать? Но еще не всѣ сорта купленныхъ здѣсь чаевъ приведены въ такой видъ, какой они должны имѣть, если отъ нихъ отдѣлать худые листья, вѣтки и соръ; еще не просохли кирпичи подмоченнаго чая, которые предназначаются для подар-

ковъ въ дорогѣ; еще не пережиты разноцвѣтныя сукна изъ кяхтинскихъ образцовъ, подмоченныхъ на Лунъ-Танъ; еще не вончено донесеніе въ Петербургъ и т. п.

Если бы знать, что столько времени придется просидѣть здѣсь, мы бы съ Матусовскимъ могли съѣздить въ Чэнъ-Ды-Фу и вернуться... И какъ результаты экспедиціи отъ этого выиграли бы! Но развѣ можно найти это удобнымъ?! А мы напрасно сидимъ здѣсь, совершенно напрасно: ничего не сушимъ и не склеиваемъ: просто сидимъ и ждемъ дня выѣзда, не разсуждая, не обсуждая, не совѣтуясь, никогда не говоря объ общихъ задачахъ и о томъ, какъ ихъ лучше исполнить....

Къ намъ въ квартиру часто приходятъ разные посѣтители,—купцы съ разными предложеніями, продавцы зелени и фруктовъ, нѣкоторые знакомые изъ мѣстныхъ жителей или больные, такъ что можно было бы по крайней мѣрѣ хорошо познакомиться со многими сторонами здѣшней жизни; но, конечно, не при „учено-торговой“ обстановкѣ. Приѣзжалъ ко мнѣ съ визитомъ тотъ докторъ, китаецъ-христіанинъ, о которомъ я упоминалъ выше, и я кой-какъ при помощи словаря могъ обмѣняться съ нимъ нѣсколькими фразами. Зная, какое важное значеніе въ китайской медицинѣ придается изслѣдованію пульса, я между прочимъ попросилъ его показать мнѣ, какъ они это дѣлаютъ, а кстати и сказать свое мнѣніе насчетъ моего здоровья. Врачъ охотно исполнилъ просьбу: взялъ меня сначала за одну руку, положилъ на предплечье свои три пальца и, закрывъ глаза, началъ изслѣдованіе, продолжавшееся по крайней мѣрѣ минутъ десять, такъ что мнѣ, здоровому, эта процедура ужасно наскучила. Онъ переставлялъ свои пальцы то выше, то ниже, нажималъ, отнималъ, перебиралъ и слегка ударялъ, какъ будто играя на скрипкѣ, и думалъ, думалъ, думалъ безъ конца; причемъ на его лицѣ можно было читать всѣ его соображенія, хотя и не всегда понятныя... Передъ его закрытыми глазами, открывалась,—подумалъ бы я, еслибъ не былъ врачомъ,—открывалась, какъ подъ микроскопомъ, вся картина жизни моего тѣла со всѣми его процессами, и на непосвященнаго это утомительно-долгое изслѣдованіе, это глубокомысленное лицо и таинственное перебирание пальцевъ должны производить могущественное дѣйствіе,—тѣмъ сильнѣе, разумѣется, чѣмъ невѣжественнѣе будетъ пациентъ. Пока коллега сидѣлъ передо мной съ закрытыми глазами и будто бы читалъ какъ по книгѣ, что совершается въ тайникахъ моего организма, я, грѣш-

ный человекъ, думалъ про себя: шарлатанъ ты, братъ, если, самъ не вѣря въ то, что дѣлаешь, морочишь ближняго своего! Если же ты вѣруешь въ то, что ты много знаешь и много можешь узнать, изслѣдуя одинъ пульсъ, то какъ мало долженъ ты быть знакомъ съ настоящей наукой, которая по крайней мѣрѣ учитъ познавать собственное невѣдѣніе... Окончивъ изслѣдованіе моего пульса, онъ сказалъ мнѣ, что состояніе моего здоровья находится въ полной гармоніи (что и такъ было видно)... Интересно было бы слышать его опредѣленіе болѣзни, если бы она была. Или даже не интересно, потому что врачу не могутъ внушать никакого довѣрія такіа претензіи, какъ опредѣленіе, на примѣръ, по пульсу женщины того, кто родится у нея—сынъ или дочь... Нѣтъ, совсѣмъ плохи мои коллеги, потому что во что извинительно вѣрить публикѣ, то непростительно утверждать врачу; китайскіе же врачи, какъ извѣстно, не прочь щегольнуть этимъ. Попаду, думаетъ,—слава готова; не угадаю,—не сѣдятъ... Словомъ они похожи на всѣхъ шарлатановъ, и только благодаря темнотѣ, въ какой бродитъ масса человѣчества, они могутъ существовать и успѣшно вести свои дѣла. Впрочемъ въ Китаѣ благосостояніе людей, занимающихся увѣреніями, будто они излѣчиваютъ болѣзни, вовсе не блестящее. Я полюбопытствовалъ узнать у моего гостя, какъ у нихъ оплачивается трудъ врача и онъ сообщилъ, что плата за визитъ (или, какъ она тамъ называется, „деньги на извозчика“,—*ма-цань*) колеблется въ среднемъ между 10 и 50 коп.; а вознагражденіе въ два серебряныхъ рубля (одинъ лапъ или мѣдной монетой 2000 чохъ) считается такой высокой, что больше этого и желать ничего не остается.

Въ другой день ко мнѣ является другой врачъ, уже старикъ, и,—какъ мнѣ представили его,—„самый главный докторъ въ Хань-Чжунъ-Фу“. Онъ привезъ съ собою своего внука, который былъ боленъ уже около двухъ мѣсяцевъ, и просилъ помочь ему, признаваясь, что самъ ничѣмъ излѣчить его болѣзни не могъ. Я осмотрѣлъ мальчика и нашелъ у него большой и довольно глубокой нарывъ на бедрѣ. Болѣзнь была вполне понятна и требовала хирургической помощи, а именно одного широкаго разрѣза; дѣдушка же лѣчилъ его всякой дрянью, которую заставляетъ своего внука глотать, и удивлялся, что нѣтъ никакой пользы. Я высказалъ ему свое мнѣніе и не смѣло предложилъ операцію, не думая, что онъ согласится; но онъ и не занкнулся; тотчасъ изъявилъ согласіе, не выражая ни сомнѣній, ни опасеній, что

доказываетъ большую степень довѣрія въ докторамъ-иностранцамъ. Операция почти не требовала приготовленій и была сдѣлана тутъ же на дворѣ; мальчикъ послѣ разрѣза скоро успокоился и избавленный отъ своихъ страданій уѣхалъ домой.

Черезъ нѣсколько дней онъ явился ко мнѣ почти здоровымъ съ своимъ дѣдушкой и съ цѣлымъ подносомъ подарковъ въ видѣ чаю, фруктовъ и разныхъ сладкихъ печеній; а почтенный коллега, поклонившись мнѣ чуть не въ землю, наговорилъ съ три короба любезностей, похвалъ и выраженій благодарности, которыя я, къ сожалѣнiю, не помалѣе и не могу передать въ точности. Вѣроятно тутъ не обошлось безъ фразъ, какими вообще прославляютъ въ Китаѣ врачей, напримѣръ: „Узнаете болѣзни, какъ духъ“; „оказываете благодѣянiя мiру, подобно возвращенiю весны“; „вы соперникъ Хо и Хуанъ“ (знаменитые врачи въ древности) и т. п. Онъ удалился, думая, можетъ-быть, что заморскiе врачи всегда бываютъ такъ могущественны, какъ въ данномъ случаѣ.

Пациентовъ въ этомъ городѣ у меня было много, и я уже успѣлъ приобрести извѣстность и нѣкоторое уваженiе, такъ что большинство городскихъ жителей знали меня въ лицо, а пациенты, зная, что я не принимаю платы, старались чѣмъ-нибудь выразить свою признательность. Они приносили разные подарки, по преимуществу въ видѣ съѣстныхъ припасовъ, не исключая и живыхъ куръ. Эти подарки нѣкоторые присылали ко мнѣ даже впередъ, только еще намѣреваясь обратиться ко мнѣ съ просьбою о помощи.

Разъ одинъ изъ пациентовъ, какой-то мандаринъ, заходитъ ко мнѣ и предлагаетъ пойти вмѣстѣ на театральное представленiе, которое давалось при одномъ изъ храмовъ по случаю мѣстнаго праздника. Я уже говорилъ, что въ Китаѣ почти нѣтъ постоянныхъ театровъ съ постоянными труппами актеровъ, а послѣднiе странствуютъ обществами подъ разными громкими и иногда забавными названiями (въ родѣ „Счастье“, „Благословенное общество“, „Общество Славнаго Появленiя“ и т. п.) и даютъ свои представленiя по частному приглашенiю богатыми людьми въ ихъ домахъ, или на театральныхъ сценахъ, находящихся при храмахъ, въ праздничные дни. Вотъ на одинъ изъ такихъ спектаклей и приглашалъ меня пациентъ. Я, разумѣется, пошелъ, потому что, какъ ни безобразенъ китайскiй театръ, онъ все-таки представляеть для путешественника много интереса, хотя мнѣ приходилось ограничиваться созерцанiемъ одной внѣшности и игры. Мы

взяли съ собой двухъ полисменовъ, и когда пришли, представленіе уже началось. Публика входила по обыкновенію бесплатно. Весь дворъ и всѣ возвышенные предметы были усѣяны зрителями, которые большею частію стояли на ногахъ, другіе же сидѣли прямо на землѣ на корточкахъ. Полицейскіе громкими криками очистили намъ дорогу, но, къ счастью, въ самой толпѣ было довольно шуму, и этому непрощенному возгласу не удалось обратиться на насъ всеобщаго вниманія. Насъ замѣтили только ближайшіе и тотчасъ, позабывъ сцену и повернувшись къ ней спиной, уставились на меня, находя, что заморскій человекъ, даже уже болѣе или менѣе знакомый, гораздо интереснѣе представленія домашнихъ актеровъ. Зрители стали собираться около меня въ кружокъ; полицейскіе принялись разгонять ихъ, и ни мало не стѣсняясь, кричали во все горло. Все это было ужасно непріятно, потому что я вовсе не желалъ нарушать общественный порядокъ, и если мнѣ не было очень совѣстно, то только потому, что этого порядка и безъ того почти не существовало: многіе зрители расхаживали, говорили, потягивались, громко сосали палки сахарнаго тростника, курили трубки; нѣкоторымъ цирюльники брили головы; и надъ этимъ оригинальнымъ партеромъ подъ открытымъ небомъ просто стонъ стоялъ отъ множества безъ церемоній горланившихъ людей. Не потому ли китайскій театръ и музыку такую выработалъ, что она всегда въ силахъ покрывать собою шумное поведеніе публики.

Я смотрѣлъ на сцену, не понимая, въ чемъ заключалась пьеса, и потому мнѣ скоро наскучило созерцаніе тѣхъ отвратительныхъ фисіономій, въ какія актеры при помощи разныхъ красокъ превращаютъ свои лица; не находилъ я ничего привлекательнаго въ тѣхъ неестественныхъ условныхъ движеніяхъ, даже просто крикливо-вняныхъ, съ подниманіемъ ногъ и хлопаньемъ объ нихъ руками и искаженіемъ ручныхъ кистей, которыя у китайцевъ вообще очень развиты, а у актеровъ изумительно гибки и способны къ самымъ необычнымъ позамъ и движеніямъ.

Музыканты помѣщались на самой сценѣ, на заднемъ планѣ, и въ то время, когда по ходу пьесы не должны были играть, они тутъ же набивали, и курили трубки, сосали сахарный тростникъ или пили чай, что нисколько не мѣшало актерамъ сражаться, любезничать, убиваться или произносить торжественные монологи. Ни занавѣса, ни декораций нѣтъ, какъ нѣтъ и антрактовъ отъ начала до конца пьесы; поэтому, когда нужна какая-нибудь

перемѣна въ обстановкѣ, на сцену очень просто является прислуга и дѣлаетъ то, что слѣдуетъ, убираетъ или приноситъ и разставляетъ новые предметы. Когда нужно показать пламя, одинъ изъ слугъ является на сцену, высыпаетъ на воздухъ запасъ воспламеняющагося порошка и зажигаетъ его зажженной бумагой. И все остальное происходило въ томъ же родѣ.

Хотя я уже приглядѣлся къ быту китайцевъ и ихъ обстановкѣ и находилъ ее менѣе привлекательной, чѣмъ въ началѣ, но дворъ, съ находившейся въ немъ публикой, былъ для меня гораздо интереснѣе сцены. Тутъ мѣстами были натянута полотняные шатры и подъ ними разставлены чайныя столики; на паперти главнаго храма, т.-е. противъ сцены, въ противоположной сторонѣ двора, очень усердно дѣйствовали цирюльники, потому что по китайскимъ воззрѣнiямъ наслажденiе театромъ, бритье головы, расчесыванiе вѣсы и удовольствiе, испытываемое въ то время, когда цирюльникъ барабанитъ руками по спинѣ,—все это акты совершенно совмѣстимыя. Зрѣлище, которое представлялъ дворъ, было оригинальное, какого въ другомъ мѣстѣ не встрѣтить. Хорошо бы перенести его на бумагу, но развѣ это здѣсь возможно!..

Оставивъ моего спутника, я ушелъ, но хотѣлъ еще разъ бросить взглядъ на любопытную картину, ярко освѣщенную косыми лучами вечерняго солнца,—картину своеобразной жизни, Богъ знаетъ съ какихъ поръ совершающейся здѣсь, можно сказать, невѣдомо для цѣлаго міра и ничего не вѣдающей о немъ. Для этого я взшелъ на небольшое возвышенiе окружающей дворъ галлерей, не замѣтивъ вовсе, что передо мной сидѣло нѣсколько женщинъ, въ свою очередь не подозрѣвавшихъ моей близости къ нимъ. Когда меня увидали со двора и стали смотрѣть въ мою сторону, указывая другъ другу, одна изъ зрительницъ обернулась и, увидавъ за собою меня, вскочила со своего мѣста, какъ обожженная и ушла въ сторону; другія же остались на своихъ мѣстахъ, но чувствовали себя, какъ на иголкахъ. Живая картина нравилась мнѣ все больше и больше, и я было раскрылъ альбомъ; но толпа, замѣтивъ мое намѣренiе, вдругъ стѣной двинулась ко мнѣ, чтобъ поскорѣе занимать около меня мѣста, и чуть-было не опрокинула скамейку, на которой сидѣли женщины и дѣвочки. Въ виду такой „любви къ искусству“ я поторопился закрыть альбомъ и вскорѣ ушелъ домой. По городу же я теперь одинъ расхаживалъ всюду, словно старожилъ здѣшній.

На другой день труппа актеровъ была приглашена нашимъ началь-

никогда къ намъ въ домъ, главнымъ образомъ для того, чтобы сдѣлать съ нихъ снимки для его будущаго фотографическаго альбома. Она состояла человекъ изъ двадцати; актеры явились со своими лицами, точно такъ же гримировались и переодѣвались, какъ на сценѣ, и играли цѣлые полдня, а потомъ позировали для фотографа; и за все, по уговору, имъ было заплачено только 5.000 чохъ (около пяти рублей) на всѣхъ... Вотъ какія въ Китаѣ цѣны!

Заходили къ намъ одинъ разъ странствующіе пѣвцы: какой-то старикъ съ дѣвочкой лѣтъ двѣнадцати и взрослой пѣвицей; но ни акробатовъ, ни фокусниковъ я въ Китаѣ не видалъ. Ихъ вообще, говорить, немного, но, говорить, есть очень искусные.

Между разными посѣтителями къ намъ являлось также нѣсколько просителей, какъ къ „вельможамъ“; и этого читатель навѣрно ужъ никакъ не ожидалъ. Одни приходили съ оригинальными просьбами—о повышеніи въ чинъ, другіе—о разбирательствѣ разныхъ жалобъ, о защитѣ предъ судомъ и т. п. Но не слѣдуетъ думать, чтобы это происходило отъ наивности китайцевъ,—нѣтъ, они слишкомъ умны и практичны для этого; а къ недоразумѣнію, вѣроятно, подало поводъ какое-нибудь случайное обстоятельство, которое ввело ихъ въ заблужденіе относительно нашего могущества. Очень можетъ быть, что до тѣхъ, кто являлся въ нашъ домъ съ просьбами, дошли рассказы Сосновскаго о томъ, какъ, напримѣръ, онъ только одно слово сказалъ какому-то Жуну *), и тотъ сейчасъ же, при немъ, велѣлъ принести шарикъ и надѣлъ тому, о комъ онъ просилъ. Можетъ быть также, что причиною ложныхъ взглядовъ на насъ послужили фонари. На нашемъ дворѣ, у входа въ домъ, были повѣшены два фонаря, заказанные здѣсь начальникомъ и по китайскому обычаю на нихъ сдѣланы крупными буквами надписи съ обозначеніемъ имени живущаго въ домѣ и его званія; а въ этомъ послѣднемъ онъ велѣлъ поставить титулъ цзанъ-цзюнь, т.-е. генераль-губернаторъ, и китайцы приняли это самозванство за чистую монету... Было, наконецъ, и еще одно обстоятельство, которое могло способствовать заблужденію нѣкоторыхъ изъ здѣшнихъ жителей, а именно: раньше всѣмъ было извѣстно, что нашъ переводчикъ Суй былъ простой прикащикъ изъ лавки; а потомъ, въ одинъ прекрасный день, его видятъ съ синимъ шарикомъ на шляпѣ. А этотъ

*) Губернаторъ, кажется; но гдѣ онъ съ нимъ встрѣчался, не знаю.

шарикъ, пожалованный ему „генераль-губернаторомъ“ Сосновскимъ, служить въ Китаѣ выраженіемъ достоинства, соотвѣтствующаго примѣрно нашему полковничьему чину. Нашъ глуповатый домохозяинъ такъ былъ пораженъ этимъ быстрымъ повышеніемъ Сюя, что сталъ просить о производствѣ и его, хотя въ слѣдующій чинъ. Сосновскій, для котораго, по его словамъ, это было очень легко сдѣлать въ Китаѣ, общалъ,—но только не здѣсь, а въ г. Лань-Чжоу (почему въ этомъ совсѣмъ неизвѣстномъ намъ городѣ—еще никто не зналъ).

Посѣтители являлись даже и къ намъ съ Матусовскимъ и просиди черезъ нашего казака, чтобъ мы также приняли въ нихъ участіе, поговорили отъ себя нашему „цзянь-цзюню“. И, какъ всегда дѣлается въ подобныхъ случаяхъ, предлагали за хлопоты принять отъ нихъ „бездѣлицу“ въ родѣ шелковыхъ матерій, тибетскаго шафрану, дорогаго чаю, ласточкиныхъ гнѣздъ и т. п. цѣнныхъ вещей!.. Это обстоятельство просто испугало насъ, и мы, даже не спрашивая, въ чемъ ихъ дѣло, что имъ надо, выпроваживали ихъ отъ себя, ничего не обѣщая и прося ни на что не надѣяться; а казаку запрѣтили кого-либо слушать, никакихъ просителей не принимать и объяснять всѣмъ, что мы никакого вліянія въ ихъ странѣ имѣть не можемъ, что это все вздоръ, придуманный кѣмъ-то... Въ самомъ дѣлѣ, что мы могли сдѣлать, если бы даже и желали кому-нибудь помочь въ правомъ и чистомъ дѣлѣ? Какъ и съ кѣмъ объясняться? На какомъ основаніи вмѣшиваться въ разбирательства дѣлъ въ чужомъ государствѣ?.. И какъ можно было прибѣгать къ такому обману въ чужой странѣ лицу, командированному правительствомъ?

Мы ужъ слишкомъ засидѣлись въ Хань-Чжунъ-Фу. Отъ мѣстныхъ властей уже не разъ присылали узнавать, когда мы думаемъ выѣхать, и въ послѣдніе дни стали усилленно присылаться обѣды то отъ одного, то отъ другаго, то отъ двоихъ въ одинъ день. И опять, какъ своеобразно это дѣлается. Полный обѣдъ, состоящій изъ нѣсколькихъ десятковъ блюдъ, содержащихся въ чашкахъ, похожихъ на чайныя, устанавливается на особомъ открытомъ приборѣ въ видѣ большаго лотка или неглубокаго ящика, и нѣсколько человекъ несутъ его на коромыслахъ по городу. А если въ составъ обѣда входитъ жареная птица, то послѣднюю тащатъ отдѣльно, вслѣдъ за первыми носильщиками, и еще болѣе торжественно: ее насаживаютъ на вилки и, поднявъ кверху, такъ и идутъ съ ними по улицамъ; но вилки, употребля-

емя для этого, такіа большія, что ихъ держать точно ружья на плечахъ. Въ этакое-то видѣ къ намъ пожаловали сегодня двѣ жирныя жареныя утки... И какъ радуешься всякой новинкѣ подобнаго рода, т.-е. не уткамъ, а оригинальному способу ихъ поднесенія. Компаніоны Сосновскаго, впрочемъ, радовались и уткамъ, потому что теперь могли оправиться отъ выдержаннаго трехмѣсячнаго голоданія.

Не менѣе эффектно были доставлены къ намъ на квартиру и деньги, полученныя здѣсь на наше имя изъ Пекина, въ видѣ китайскихъ слитковъ (юань-бао). Серебра было около двухъ съ половиною пудовъ, и его принесли два солдата также на коромыслѣ: на срединѣ его, на подобіе чашки большихъ вѣсовъ, была повѣшена доска, на которой покоились ящики съ серебромъ, покрытые деревянной крышкой, и на послѣдней сверху положены двѣ вѣтки гранатоваго дерева съ ихъ прекрасными пунцовыми цвѣтами... Не правда ли, какъ мило и граціозно! И вмѣстѣ съ тѣмъ это доказывало до извѣстной степени вниманіе и любезное отношеніе къ намъ китайцевъ, ибо красный цвѣтъ у нихъ вообще служить эмблемой радости и благополучія, а также употребляется для выраженія всякаго рода добрыхъ пожеланій. Читатель можетъ увидать противорѣчіе въ послѣднихъ словахъ со сказаннымъ выше относительно частыхъ вопросовъ, когда мы уѣзжаемъ. Но для этихъ вопросовъ служило основаніемъ то, что мы уже нѣсколько разъ назначали день своего выѣзда и откладывали; а китайцы, какъ мы потомъ увидимъ, намѣревались сдѣлать различныя распоряженія относительно нашего же благополучнаго странствованія по дальнѣйшему пути...

Наконецъ отъѣздъ еще разъ назначенъ теперь на 19 мая, а 16 числа мы отправились къ мѣстнымъ властямъ съ прощальными визитами. Эти визиты были къ счастью коротки и бесѣда во время ихъ заключалась почти исключительно въ слѣдующихъ словахъ, которыя я воспринималъ въ такомъ видѣ, какъ Андреевскій передавалъ ихъ Сюю на кяхтинскомъ нарѣчій... И не думалъ я, что этому послѣднему суждено будетъ играть во всемъ нашемъ путешествіи такую видную роль...

— Да жень така сылофа есть, говорилъ Андреевскій, — покорно благодарю, за сяка пособляй, хычи кушаху, хычи кватеръ; за тута цѣленьки мѣсяцы поживи, за лошаки дешофеньки постафи и т. п., то-есть: господинъ приказалъ благодарить за всякую оказанную намъ помощь, за хлѣбъ, за соль, за квартиру, въ кото-

рой мы прожили цѣлый мѣсяць, за всякія хлопоты, за дешевый наемъ лошадей и проч.

Слова эти такъ стереотипно повторялись каждому изъ четырехъ посѣщенныхъ нами мандариновъ, что Сосновскій даже считалъ лишнимъ повторять ихъ переводчикамъ, а прямо приказалъ Сквору проговаривать ихъ въ томъ же порядкѣ самому!

— Ну же, говори самъ, Сюй-Сяньшенъ,—вѣдь все андали ма-неръ сылофа (вѣдь все одни и тѣ же слова).

Дѣйствительно, другихъ словъ и не было. Изъ того, что говорили мандарины, почти ни одного слова не доходило до нашего сознанія, оставаясь внутри переводчиковъ, такъ какъ имъ было приказано, въ виду сбереженія времени, не заниматься переводомъ тутъ же во время визита, а сообщать сказанное китайцами послѣ, дома.

Когда, по окончаніи визитовъ, мы вернулись домой, къ намъ вскорѣ привесли обѣдъ отъ Чжи-Фу, потомъ такой же отъ Чжи-Сяня. Вѣроятно эти будутъ послѣдними, потому что всѣ серьезно готовились къ отъѣзду... Мы ѣхали отсюда верхомъ на наемныхъ лошадяхъ; а подъ багажъ были наняты мулы съ вьючными сѣдлами, такъ какъ намъ предстоялъ перевалъ черезъ горы, гдѣ не существуетъ колеснаго пути. На дворѣ появились ящики, тюки, сундуки; происходила укупорка ихъ и распредѣленіе всѣхъ вещей на столько группъ, сколько было вьючныхъ животныхъ. И посмотрите, какъ благоразумно, какъ аккуратно и обдуманно производится это китайцами! Предварительно они взвѣшиваютъ каждое отдѣльное мѣсто и записываютъ на немъ его вѣсъ; потомъ сумму всего багажа дѣлятъ довольно точно поровну на число нанятыхъ муловъ, такъ что каждому достается приблизительно одинаковая тяжесть. Я наблюдалъ за ними и видѣлъ, что ни одной маленькой вещи не положили они на мула, не взвѣсивъ ее предварительно. Вотъ это не мѣшало бы перенять нашимъ ломовымъ извозчикамъ, дѣлающимъ все на глазомѣръ и не разбирающимъ часто ни времени года, ни качества дороги... Но самое взвѣшивание производилось китайцами очень первобытнымъ способомъ. Два человѣка становятся одинъ противъ другаго и кладутъ себѣ на плечи толстую жердь, на нее надѣваютъ вѣсы имѣющіе форму нашего безмена, и когда нужно взвѣсить ящикъ, они нѣсколько присѣдаютъ; третій человѣкъ задѣваетъ въ это время крючокъ за веревку, которой ящикъ обязанъ, и двое первыхъ, выпрямляясь, приподнимаютъ отъ земли грузъ; а тотъ устанавливаетъ на рычагѣ безмена гиру для

уравновѣшенія и записываетъ полученный вѣсъ... Хоть не совсемъ удобно, за то просто, и эти ходячіе вѣсы безъ затрудненія переносятся всюду, куда нужно.

Отъѣздъ отложили еще разъ, до 20 мая; и опять пришлось развязывать тюки съ необходимыми вещами и постелями, и, проскачавъ цѣлый безтолковый день, переночевали еще одну ночь въ разоренной комнатѣ, чтобъ завтра, какъ общалъ начальникъ, выступить раннимъ утромъ и ѣхать... Но ѣхать, какъ я сказала, къ величайшему сожалѣнію, не туда, куда хотѣлось и куда слѣдовало по обязанности,—не на югъ сначала, въ Сы-Чуань, а прямо на сѣверъ, въ провинцію Гань-Су.

Отсюда мы уѣзжали въ большемъ составѣ, потому что Сосновскій пригласилъ ѣхать съ нами хозяина нашего дома, Чжу-Лоѣ, и нанялъ двухъ слугъ, изъ которыхъ одинъ былъ весьма искусный слесарь и, страстно желая учиться, рѣшился уѣхать съ нами даже въ Россію, чтобъ быть въ состояніи производить такія же металлическія вещи, какія онъ у насъ видѣлъ, а потомъ вернуться на родину... Съ нами ѣхалъ великанъ Танъ-Лоѣ и слуга Лю-Ба, а также нанятъ былъ носильщикъ, имени котораго не помню; ему мы съ Матусовскимъ поручили нести ящики съ нашими записками и моими рисунками, опасаясь какого-нибудь приключенія въ дорогѣ, въ родѣ паденія мула съ вьюкомъ въ воду или съ горы въ пропасть, что, при движеніи по горнымъ дорогамъ, всегда слѣдуетъ имѣть въ виду. Итого насъ было теперь пятнадцать человекъ. Увеличился здѣсь и нашъ багажъ нѣкоторыми прибрѣтенными вещами по части этнографія, растений, чучель, запаса бумаги для сушки растений, досокъ и ящичковъ; послѣдніе, между прочимъ, были весьма искусно и прочно сдѣланы изъ бамбука и оклеены внутри промасленной бумагой, не пропускающей воды. Эти ящики предназначались для новыхъ предметов моихъ коллекцій. Наконецъ должно упомянуть еще о трехъ живыхъ существахъ, отправлявшихся съ нами отсюда: это—обезьяна изъ породы мартышекъ, подаренная начальнику нашимъ домохозяиномъ, можетъ-быть, не безъ коварной мысли о производствѣ въ слѣдующій чинъ, въ г. Лань-Чжоу; попугай (*Phalacrocorax melanogynchus* Wagl.), подаренный мнѣ однимъ пациентомъ, и бѣлка, купленная Боярскимъ еще на Хань-Цзянѣ, также потерявшая на Лунь-Танѣ крушеніе и чудесно спасшаяся отъ потопленія, несмотря на то, что была привязана къ двери каюты; на ней она и приплыла. Ну, теперь кажется никто не забылъ; всё въ сборѣ: можно выѣзжать.

ГЛАВА IX.

ВЪ ГОРАХЪ.

Дорожные сборы.—Выездъ изъ города.—Вооруженный конвой.—Равнина Хань-Чжунъ-Фу.—Первый приятный ночлежь.—Г. Мань-Сянь.—Ущелье и подъемъ въ горы.—Густое населеніе и горные пейзажи.—Картинка семейной жизни китайца-простолюдина.—Горное невастье.—Г. Ло-Янь-Сянь.—Мой оригинальный визитъ.—Г. Пэй-Фэй-Сянь.—Операція на дорогѣ.—Двѣ головы въ клеткахъ.—Трудная дорога.—Харчевня и необыкновенное тѣсто.—Г. Хуй-Сянь.—Визиты мѣстныхъ мандариновъ.—Изобиліе фазановъ.—Первые слѣды военнаго погрома.—Еще двѣ отрубленныя головы.—Любезность къ намъ китайцевъ.—Земляныя жилища.—Г. Цинь-Чжоу. Любезный приемъ.—Обмѣнъ визитами съ мѣстными властями.—Разсужденія о выборѣ дальнѣйшей дороги.—Маленькая бѣда.

Итакъ, кончилось наше водное странствованіе. Теперь намъ предстоитъ длинная сухопутная дорога черезъ сѣверо-западный уголь Собственнаго Китая и громадную монгольскую степь, по направленію къ родинѣ, до которой еще очень далеко; далеко особенно потому, что мы поѣдемъ верхомъ, и не рысью, а шагомъ, такъ какъ дорогу надо осмотрѣть, описать, дать отчетъ обо всемъ видѣнномъ. Вотъ что предстоитъ намъ пройти въ общихъ чертахъ: мы выйдемъ изъ бассейна р. Янь-Цзы, перейдя черезъ хребетъ Цзунъ-Линъ-Шань, и спустившись съ него, вступимъ въ бассейнъ другой громадной рѣки Китая, — Хуанъ-Хо (Желтой); пересѣчемъ ея долину у г. Лань-Чжоу-Фу; перевалимъ черезъ хребетъ, окаймляющій эту долину съ сѣверной стороны и служащій здѣсь крайнимъ предѣломъ высокаго среднеазиатскаго нагорья, по которому будетъ лежать нашъ путь. Оно носить по преимуществу равнинный характеръ то населенной степи, то безплодной пустыни, и тянется сплошь до подножія

хребта Небесныхъ Горъ (Тянь-Шань), за которымъ пойдутъ новыя степи, представляющія въ общихъ чертахъ также равнину, окаймленную съ сѣвера горами, принадлежащими уже къ системѣ нашего Алтая... Итакъ, ѣдемте.

20 мая.

Всходитъ солнце. На синеголубомъ небѣ нигдѣ ни облачка, и воздухъ, послѣ недавнихъ дождей, такъ прозраченъ и чистъ. Всѣ ужь встали, и всѣ въ хлопотахъ: а маленькій дворикъ нашего дома весь загроможденъ вьючными сѣдлами, съ привязанными къ нимъ многочисленными мѣстами нашего багажа. Еще идетъ окончательное приспособленіе и размѣщеніе вещей; крикъ, суматоха и толкотня, какъ на пожарѣ. Одни отдають приказанія на русскомъ языкѣ; китайцы, къ которымъ съ ними обращаются, разумѣется, не понимаютъ, вслѣдствіе чего первые выходятъ изъ себя, а вторые опускають руки и смотрять въ недоумѣніи, чего отъ нихъ желаютъ. Въ одномъ углу еще работаютъ буравъ, молотокъ и пила,—это закупориваютъ послѣдніе ящики: дѣйствуютъ, какъ клещи, рабочія руки молодцовъ-китайцевъ, завязывая, подтягивая и прилаживая. Кто расплачивается, кто пишетъ письма; нѣкоторые, совсѣмъ убравшись, сидятъ спокойно покуривая трубочки, или утоляютъ жажду фруктами пи-ба или чаемъ.

Хотя еще рано, но солнце уже не грѣетъ, а жжетъ, накаляя всѣ вещи до такой степени, что къ нимъ прикоснуться невозможно, потому что онѣ буквально обжигаютъ руки. Многіе разбрелись по разнымъ уголкамъ и попрятались въ тѣнь. Наконецъ работа на дворѣ затихла на время: а въ третьемъ часу дня муравейникъ снова зашевелился, и китайцы-извозчики приступили къ вьючѣ. Они всѣ въ соломенныхъ шляпахъ, съ такими широчайшими полями, что послѣднія при тѣснотѣ, какаю была на дворѣ, часто заходили краями другъ за друга и образовали какъ бы сплошной помостъ, такъ что, смотря на нихъ сверху, напимѣръ съ лошади, ничего вокругъ себя не видишь, кромѣ плятѣ. Явились солдаты и офицеры, которые должны были конвоировать насъ; привели наемныхъ верховыхъ лошадей подъ нашими сѣдлами, и такъ какъ мы съ Матусовскимъ были готовы, транспортъ нашъ—тоже, то мы рѣшились тронуться впередъ, чтобъ избавиться отъ наскучившей суматохи и освободить другимъ мѣсто. Съ нами отправлялись пѣшкомъ восемь человекъ конвоировъ изъ мѣстной полицейской команды, которымъ мы роздали въ руки

разныя вещи, другія надѣли на себя и тронулись, едва превратившись черезъ загроможденный дворъ. Но не просторѣе было и на улицѣ, которая была не усѣяна, а просто набита народомъ, и намъ для проѣзда осталась лишь узенькая свободная тропинка;— и то хорошо... Мы поѣхали по ней, оглядываясь на знакомые дома и прощаясь съ улицами города. Толпа стояла совершенно спокойно и только жужжала, какъ пчелиный рой; всѣ были почтительны: намъ не сдѣлано ни малѣйшей обиды, не крикнуто ни одного браннаго слова; нѣкоторые знакомые прощались и что-то кричали, махая руками. При такой обстановкѣ проѣхали черезъ весь городъ. Вотъ мы уже за его воротами, проѣзжаемъ предмѣстье; вотъ и нивы съ убранной или еще стоящей на корню пшеницей и хлопчатникомъ; а тамъ рисовыя поля сверкаютъ, какъ огромныя зеркала, положенныя на землю; ихъ только-что наполнили водой и перепахиваютъ подъ нею, а по другимъ уже разсаживаютъ рисъ, бродя по колѣна въ водѣ. На гумнахъ идетъ молотѣба цѣпами, такими же какъ у насъ и такъ же, какъ у насъ, маленькими группами людей; такъ что картина молотѣбы неволью перенесла меня въ русскія деревни.

Теперь намъ была хорошо видна громадная равнина, Хань-Чжунъ-Фу, знаменитая своимъ плодородіемъ, богатою растительностью и густымъ населеніемъ; китайцы, говорятъ, называютъ ее земнымъ раемъ. Но, должно-быть, она рай не для тѣхъ, кто здѣсь живетъ, потому что почти всѣ здѣшніе жители имѣютъ блѣдный, болѣзненный видъ; много людей съ больными глазами и даже почти или совсѣмъ слѣпыхъ... Ихъ неволью замѣчаешь, когда они, бѣдные, при раздающихся крикахъ: „иностранцы ѣдутъ“,—также спѣшатъ посмотрѣть, напрасно раскрывая свои недѣйствующіе глаза...

Описываемая равнина такъ велика, что окраины ея, уходящія въ даль, недоступны глазу и, какъ кажется, упираются въ подножія отдаленныхъ горъ, замыкающихъ ее со всѣхъ сторонъ. Вся она испещрена разноцвѣтными полями, деревеньками, фермами и хорошенькими кумирнями, а также усѣяна группами деревьевъ, между которыми встрѣчаются невысокія вѣрныя пальмы (Шапагоры), персики и абрикосы, и въ густой древесной листвѣ воркуютъ горлинки, кричатъ удода и другія птицы. Равнина изрѣзана множествомъ густо обросшихъ зеленою канальемъ, по которымъ журча быстро бѣжитъ чистая горная вода; черезъ каналы перекинуты каменные мостики на аркахъ, но безъ перилъ.

Надъ водой перелетаютъ кулики, вьются стрекозы, бабочки, жуки и другія насѣкомыя. Воздухъ необыкновенно прозраченъ, но дышать имъ тяжело, потому что онъ переполненъ миазмами отъ удобреній. Да и густота населенія здѣсь поражающая: куда бы ни обратился взглядъ, онъ непремѣнно встрѣтитъ человѣческое жилище и увидитъ людей то занятыхъ уборкою хлѣба и сѣна, то обрабатывающихъ поля или ѣдущихъ въ носилкахъ; разглядить голыхъ или полуголыхъ дѣтей, бѣгающихъ около своихъ домовъ и, должно-быть, цѣлые дни проводящихъ на солнцѣ, потому что цвѣтъ кожи у нихъ, какъ и у взрослыхъ, болѣе или менѣе коричневый.

Мы ѣхали, по временамъ останавливаясь, поджидая своихъ спутниковъ. Наконецъ наша компанія въ полномъ составѣ... Въ первый разъ по этой равнинѣ ѣдутъ верхомъ восемь человѣкъ русскихъ, которыхъ сопровождаютъ верхомъ же нѣсколько китайскихъ офицеровъ; четыре солдата несутъ въ носилкахъ главного изъ мандариновъ, сопровождающихъ насъ до ближайшаго города, и носильщики идутъ быстрее нашихъ лошадей. Далѣе слѣдуетъ конвой изъ восьми человѣкъ, одѣтыхъ въ форменное платье и шляпы, и вооруженныхъ страшнымъ на видъ холоднымъ оружіемъ въ родѣ алебардъ, ножеобразныхъ копій и зазубренныхъ ножей; за ними идутъ шестнадцать человѣкъ пѣшей прислуги изъ полицейскихъ солдатъ, и за этой многочисленной группой людей тянется длинной вереницей транспортъ изъ тридцати вьючныхъ муловъ подъ нашимъ багажомъ. Подлѣ муловъ идутъ пѣшіе извозчики, загорѣлые и запыленные; тѣмъ не менѣе они закрываются отъ солнца и обмахиваются вѣерами, подобно нашимъ дамамъ. Одинъ изъ солдатъ несъ моего попугая въ желѣзномъ' кольцѣ; другой вель на цѣпочкѣ обезьянку Сосновскаго. Пройдя съ версту пѣшкомъ на четверенькахъ, она уже устала и легла; солдатъ взялъ ее на руки, и теперь она дозволила сдѣлать это безъ малѣйшаго сопротивленія, хотя обыкновенно отличалась очень нелюбезнымъ нравомъ и на чужихъ бросалась и кусала.

Медленнымъ, но спорнымъ шагомъ подвигался нашъ караванъ по равнинѣ; солнце просто жгло, несмотря на соломенные шляпы съ широчайшими полями и вѣера, которыми мы запаслись на дорогу; жаръ спалъ, только когда солнце скрылось за горы. Въ это время мы подъѣзжали къ селенію, въ которомъ китайцами была приготовлена для насъ квартира, и всѣ уже считали сегодняшній переѣздъ оконченнымъ, надѣялись сейчасъ успокоиться

и отдохнуть послѣ исполненнаго трудовъ и суматохи дня. Я подъѣхалъ къ одному большому дереву, котораго не могъ опредѣлить издали. Это была огромная стеркулія, и она, какъ оказалось, служила ночнымъ пріютомъ для множества большихъ и малыхъ птицъ; тутъ былъ, можно сказать, цѣлый міръ пернатыхъ, и когда я сдѣлалъ выстрѣлъ по одной незнакомой мнѣ птицѣ, надо мной поднялся такой крикъ, какъ будто вдругъ цѣлый городъ проснулся. Тутъ были представители голенастыхъ, голубиныхъ, вороньихъ и другихъ породъ птицъ. Встревожившись, онѣ не думали улетать, такъ что подъ этимъ деревомъ натуралисту можно бы сдѣлать богатое пріобрѣтеніе; но я съ грустнымъ сердцемъ долженъ былъ тотчасъ уйти отсюда, чтобъ догонять удалявшійся караванъ. Ему, къ общему разочарованію, было объявлено, что здѣсь ночевать не остановимся, а пойдемъ до слѣдующаго селенія, находящагося отсюда въ разстояніи пятнадцати верстъ! Китайцы попробовали возразить, говоря, что это собьетъ весь ихъ порядокъ, перепутаетъ уже сдѣланныя распоряженія. Но всѣ ужъ ушли, и я даже не имѣлъ времени снять съ дерева повиснувшую на вѣтвяхъ убитую птицу, на что потребовалось бы, пожалуй, минутъ десять.

Небо уже начинало темнѣть; голубая вечерняя мгла ложилась на равнину и одѣвала окаймляющія ее горы, къ которымъ мы приближались. На нихъ можно было уже различить обработанныя поля, по тѣмъ горизонтальнымъ линіямъ, какими онѣ казались расчерченными въ своей нижней половинѣ. Еще засвѣтло переѣхали въ бродъ довольно широкой ручей, встрѣтившійся на дорогѣ, и потомъ рѣку, оказавшуюся нашимъ старымъ пріятелемъ, Хань-Цзѣномъ... Онъ здѣсь не широкъ, течетъ въ отлогихъ берегахъ и, какъ ни мелокъ, а лодки по немъ все-таки идутъ, и порядочныя.

Миновавъ селеніе, въ которомъ должны бы остановиться на ночлегъ,—большое селеніе, вѣроятно превышающее числомъ жителей не одинъ изъ нашихъ уѣздныхъ городовъ,—мы подвигались впередъ, ничего не видя, ни о чемъ отъ усталости не думая. Сначала ѣхали по той же равнинѣ, потомъ берегомъ рѣки Мянъ-Сянь-Хо, про которую можемъ только сообщить, что въ ней отражались ярко горѣвшія звѣзды, такъ какъ уже наступили полныя потемки; а „учено-торговая“ экспедиція продолжаетъ свои „изслѣдованія“.

И долго еще тащились мы въ ночномъ мракѣ и, наконецъ, до-

стигла селенія, окруженнаго стѣною. Вступили черезъ ворота въ улицу и, усталые, мечтали объ отдыхѣ, о пріютѣ на ночь; но въ томъ-то и горе, что здѣсь нивагого пріюта не было; пришлось еще отыскивать себѣ помѣщеніе, что ночью не неудобно только въ европейскихъ городахъ, стоящихъ на желѣзныхъ дорогахъ и имѣющихъ гостиницы, всегда открытыя и ожидающія пріѣзжихъ гостей. Хотя многіе изъ жителей села еще не спали, хотя многіе изъ нихъ выбѣгали на улицу съ зажженными лучиночками, встревоженные многими голосами, стукомъ копытъ и звономъ бубенчиковъ, висѣвшихъ на мулахъ, тѣмъ не менѣе найти себѣ квартиру мы не могли, и, чтобъ не оставаться всю ночь на улицѣ, принуждены были вѣзхать на тотъ же постоянный дворъ, куда вводили нашихъ вьючныхъ муловъ. Сопровождавшіе насъ китайцы, до извѣстной степени разгнѣванные нашимъ непослушаніемъ и пренебреженіемъ въ ихъ заботамъ, теперь и не думали хлопотать о томъ, гдѣ и какъ мы проведемъ ночь. Они потерялись въ ночномъ мракѣ, когда мы вѣзжали въ ворота постоялаго двора и, какъ по командѣ, всѣ до одного исчезли. Вѣроятно они устроились на эту ночь болѣе комфортабельно, чѣмъ мы; а Сосновскому была предоставлена полная свобода дѣйствовать самостоятельно.

Темная ночь. Стоимъ на тѣсномъ постояломъ дворѣ посреди муловъ и извозчиковъ. Каждый кричитъ свои одинаково непонятныя для насъ слова и проходитъ мимо съ своими заботами; до васъ никому нѣтъ дѣла; вы спрашиваете, куда же пройти,—никто васъ не слушаетъ или слушаетъ да не понимаетъ и, сказавъ что-то, уходитъ прочь. Я долго сидѣлъ на лошади, ожидая, что кто-нибудь явится взять ее, чтобъ поставить къ мѣсту, и дождался наконецъ. Офицеръ Танъ взялъ ее, а миѣ указалъ, куда идти, прибавивъ:—домъ плохой, домъ очень не хорошъ! Войдя по указанному направленію въ какое-то большое пространство, ограниченное сверху соломенной крышей, а съ боковъ законченными, проитанными дымомъ, глиняными стѣнами и, предполагая, что это какой-нибудь проходной сарай, за которымъ находится чистый дворъ и на немъ домъ, я напрасно искалъ изъ него выхода,—двери нигдѣ не было. Значитъ этотъ-то грязный сарай, освѣщенный однимъ тусклымъ ночникомъ, въ одной половинѣ набитый до верху соломой, а въ другой имѣющій широкую лежанку (канъ) человѣкъ на двадцать, и есть тотъ самый пріютъ, котораго мы ждали и о которомъ мечтали. Итакъ, только эта

лежанка, да отсутствіе яслей для животныхъ отличали его отъ помѣщенія для ословъ и муловъ. И Сосновскій, чтобъ скрыть свой стыдъ, нашель помѣщеніе превосходнымъ. Гдѣ-то нашли столъ и двѣ скамьи, потомъ достали яицъ и приготовили чай. Пыль и грязь кругомъ были невообразимыя. Положимъ, въ дорогѣ легко миришься со всѣмъ, но намъ, русскимъ офицерамъ, совѣстно было передъ своими извозчиками; но развѣ можно чѣмъ-нибудь заняться въ подобной обстановкѣ!

Расположились на грязной лежанкѣ, даже не покрытой циновкой, какая обыкновенно имѣется въ самомъ бѣдномъ домикѣ, и стараясь не думать о ночевавшихъ здѣсь вчера грязныхъ китайскихъ извозчикахъ, пожалуй осыпанныхъ паразитами, улеглись на покой; а наши конвоиры-китайцы, вѣроятно, поднимали насъ на смѣхъ. Долго не спалось мнѣ, какъ отъ отвратительной обстановки, въ которую мы влѣзли, неизвѣстно ради какихъ выгодъ, такъ и отъ тяжелыхъ мыслей, которыя, конечно, не мнѣ одному невольно приходили въ голову; и я долго слушалъ, какъ фыркали и работали челюстями мулы и лошади, да возились въ соломѣ крысы...

Ну, начало сухопутнаго странствованія сдѣлано,—каковъ-то будетъ его конецъ!

21 мая.

Встали рано, и хотя въ нашемъ салонѣ приличіе было бы жевать овесъ и сѣно, мы стали пить чай, который черезъ нѣсколько секундъ дѣлался мутнымъ отъ примѣси пыли, наполнявшей занимаемый нами хлѣвъ. Наши конвойные явились откуда-то и, взявъ изъ нихъ трехъ, моихъ знакомыхъ по Хань-Чжунъ-Фу, которыхъ звали Фей-Лѣу-Бэ, Сю-Ай-Дэ и Янь-Цзень-Чжанъ, я поѣхалъ впередъ, надѣясь выиграть хоть немного времени. Эти мои спутники, несмотря на жару бодро шагавшіе около меня, хотя и были солдаты, но своими молодыми лицами безъ одного волоска на губахъ и бородѣ, своими широкими соломенными шляпами, широкой одеждой и косами, гораздо болѣе походили на нашихъ женщинъ, чѣмъ на воиновъ.

Мѣстность имѣла тотъ же характеръ, что и вчера: тѣ же горы, охватывающія горизонтъ, оставляя въ немъ только одно мѣсто открытымъ,—гдѣ проходитъ долина Хань-Цзяна; та же равнина съ полями разнаго хлѣба. Только сегодня чаще встрѣчаются плантаціи мака, и на каждой маковой головкѣ видны надрѣзы;

сдѣланные ножичкомъ для полученія губительнаго сока, опиума. Дороги, которыхъ здѣсь много, мѣстами обсажены огромными прекрасными деревьями или густымъ, высокимъ кустарникомъ, такъ что по временамъ забудешься и думаешь, что ѣдешь ка-кимъ-нибудь паркомъ. Проѣхали чрезъ большое оживленное село, но оно оживлено лишь одной торговлей;—ни общественныхъ удо-вольствій, ни отдѣльныхъ забавъ не встрѣчаешь здѣсь вовсе, и кажется, что люди тутъ живутъ одной физической жизнью, отъ чего она и не производитъ пріятнаго впечатлѣнія.

Въ дорогѣ я часто слѣзалъ съ лошади и шелъ пѣшкомъ, собирая растенія, ловя насѣкомыхъ и высматривая птицъ, но послѣднія вѣроятно попрятались отъ жара. Такъ прошелъ цѣлый день.

— Вотъ Мянъ-Сянъ! указалъ мнѣ одинъ изъ провожатыхъ.

Недалекъ, у подножія горы, стояла группа деревьевъ, между которыми видѣлись городская стѣна и крыши домовъ, а надъ ними возвышалась тонкая, высокая башня, ярусомъ въ десять. Мы скоро достигли стѣны и воротъ, но не города Мянъ-Сянъ, а его предмѣстья, гдѣ, какъ оказалось, для насъ была отведена квартира; и я былъ очень радъ, что мы опять не проѣхали дальше, на что чуть-было не послѣдовало распоряженіе нашего мудраго капитана. Мнѣ указали комнату Матусовскаго, и войдя, я былъ неожиданно обрадованъ: какъ вчерашній ночлегъ былъ непріятенъ и грязенъ, такъ сегодняшній поразилъ меня своей чистотой и относительнымъ удобствомъ. Комната была оклеена чистой бѣлой бумагой, въ ней стояли новенькія кровати, столъ и узенькія скамейки, какія обыкновенно дѣлаются въ Китаѣ. Товарищъ спалъ, но на столѣ я нашелъ готовый чай и фрукты пи-ба.

Отъ недостаточнаго сна прошлой ночью я тоже чувствовалъ усталость и неохоту за что-либо приняться; однако заставилъ себя уложить въ прессъ новыя растенія, переложилъ старыя въ сухую бумагу, и потомъ, когда жаръ спалъ, пошелъ познакомиться съ городомъ, къ общему удовольствію жителей, желавшихъ поближе посмотреть на иностранца. Вотъ и городская стѣна, старая, сѣрая съ большими воротами; вхожу въ нихъ, ожидая вступить въ тѣсную и шумную улицу, но вмѣсто ея домовъ и шумной толпы, вижу передъ собою поросшую зеленой травой площадь, да кой-гдѣ кучи битыхъ кирпичей и извести... Вотъ первый историческій памятникъ междоусобной войны: отъ Мянъ-Сяна уцѣлѣли

только стѣны, а вмѣсто города получился четырехугольный плацъ или пустой резервуаръ, что хотите;—отъ всѣхъ зданій въ стѣнахъ не осталось ни одного сарайчика. Огонь, принесенный мятежными мусульманами, въ нѣсколько часовъ, говорятъ, истребилъ все, что было построено и припасено цѣлыми столѣтiami. Мянъ-Сянъ уничтоженъ десять лѣтъ тому назадъ, и жители не захотѣли снова поселяться внутри стѣнъ, а образовали новый городокъ, внѣ ихъ, представляющій упомянутое мною предмѣстье. Въ стѣнахъ же бывшаго города они разводятъ теперь кукурузу, пшеницу и другой хлѣбъ.

Вернувшись домой, я засталъ мандарина, вѣдущаго съ нами въ качествѣ нашего покровителя, и такъ какъ онъ былъ отчасти свой, то съ нимъ „много не разговаривали“.

Конвойные, получивъ отъ Сосновскаго копѣекъ по восьми на наши деньги, хотя и сдѣлали реверансы съ преклоненiемъ на одно колѣно, ушли не совсѣмъ довольные въ Хань-Чжунъ-Фу, а ихъ замѣнили новые, здѣшнiе.

22 мая.

Утромъ выѣхали изъ города и скоро приблизились къ горамъ. Онѣ въ этомъ мѣстѣ обработаны до самыхъ вершинъ, причемъ многія поля выравнены террасами; почва на нихъ глинистая, желто-краснаго или зеленовато-сѣраго цвѣта, а невоздѣланныя пространства покрыты травой и мелкимъ кустарникомъ. На пути часто встрѣчаются селенiя, отбѣненные роскошными вѣковыми деревьями, придающими имъ весьма живописный видъ; и особенно уютной и красивой показалась мнѣ деревенька, расположенная вдоль берега маленькой рѣчки Пэй-Ма-Хо; вся она скрыта въ зеленой тѣни тополей, между которыми мелькаютъ гранатовыя деревья съ ихъ прекрасными пунцовыми цвѣтами. На рѣчкѣ работала мельница и нѣкоторые деревенскiе домики расположены также у самой воды.

Я остановился, чтобъ полюбоваться симпатичной картиной тихой, никому невѣдомой жизни горсточки людей, въ свою очередь не вѣдающихъ ничего объ иныхъ краяхъ и не интересующихся ими. Всѣ они были заняты хозяйственными заботами: женщины на берегу мыли бѣлье, колотя его вальками, точь-въ-точь, какъ это дѣлаютъ наши прачки; другiя тольли камешкомъ въ каменныхъ чашкахъ пшеницу, превращая ее такимъ первобытнымъ способомъ въ муку для своего маленькаго домашняго хозяйства;

а другимъ проявленіемъ малыхъ потребностей здѣшнихъ жителей являлись засѣянные пшеницей клочки земли около домовъ, не болѣе аршина или двухъ величиной. Неподалеку, подъ тѣнью дерева, два человека чистили убитую и повѣшенную на деревѣ за заднія ноги свинью, усердно колотя потомъ палками по ея кожѣ, имѣющей у китайскихъ свиней необыкновенную бѣлизну. (Мнѣ объясняли, что посредствомъ этого колоченія сало дѣлается рыхлымъ и нѣжнымъ). Вблизи бродили разныя домашнія животныя, куры, утки, цыплята, собаки, коровы и свиньи съ поросятами, на которыхъ ходили китайчата лѣтъ двухъ, трехъ и даже старше—тѣмъ, что матери кормятъ ихъ до этого возраста, что въ Китаѣ—явленіе, говорятъ, довольно обычное. Тутъ я видѣлъ двухъ тавихъ сосуновъ, которые уже бѣгали и играли.

Мы постепенно поднимались по дорогѣ и уже послѣ перваго поворота ея увидали себя окруженными со всѣхъ сторонъ горами. Но дорога не стала пустыниѣ: на ней безпрестанно встрѣчались пѣшіе китайцы въ соломенныхъ шляпахъ и соломенныхъ башмакахъ, состоящихъ почти изъ однѣхъ подошвъ; у каждого въ рукахъ былъ зонтикъ, который однако предназначался, какъ видно, на случай дождя, а не въ защиту отъ солнца, потому что люди несли его на плечѣ сложеннымъ, повѣсивъ на него верхнее платье и кисеть съ табакомъ. Встрѣтилась одна хорошенькая женщина, проѣхавшая верхомъ на ослѣ, котораго вель подъ уздцы мущина; часто попадались на встрѣчу караваны муловъ, которые шли со своей ношей, по обыкновенію гремя бубенчиками. Они везли по преимуществу разныя лѣкарства и табакъ изъ Лань-Чжоу.

Дорога идетъ бокомъ живописнаго ущелья, по дну котораго съ звонкимъ журчаньемъ бѣжитъ и скачетъ ручей, а по бокамъ растутъ прекрасныя деревья грецкаго орѣха, тополи, айланты, діоспирозы и другія. Въ немъ во многихъ мѣстахъ пріютились домики, глиняные съ соломенными или черепичными крышами; кой-гдѣ торчатъ голыя скалы сланца, а надъ ними густо заросъ высокій кустарникъ разныхъ породъ, и изъ его непроницаемой чащи доносятся голоса разныхъ птицъ и мучатъ меня, потому что мнѣ хотѣлось бы пробраться въ горы, походить за ними и добыть новыя экземпляры для моей коллекціи; Но я не смѣлъ далеко уйти отъ дороги или долго оставаться на одномъ мѣстѣ на основаніи закона, выражаемаго пословицей: семеро одного не ждутъ. Вотъ и догоняй этихъ семерыхъ!

Мы то поднимались въ гору, иногда по избѣченнымъ въ скалахъ лѣстницамъ, то спускались по такимъ же ступенямъ въ долины, или проходили по извилистому ущелью; и виды природы всюду были такъ привлекательны, растительность такъ роскошна и красива, что я не могъ отдѣлаться отъ чувства глубокаго сожалѣнія и досады о томъ, что по неволѣ проѣзжаю мимо всего, едва успѣвая лишь взглянуть на эти очаровательныя и богатыя мѣста. Собирая, что было возможно, хотя и на лету, на скорую руку, я все-таки отставала отъ остальной компаніи, и потомъ долженъ былъ догонять ее, вслѣдствіе чего страдали моя лошадь и находившіеся при мнѣ конвойные, которымъ не оставалось времени, чтобъ отдохнуть и поѣсть на временномъ привалѣ.

Но вотъ небо заволокло тучами; горы нахмурились; изъ ущелья потянуль сильный вѣтеръ, и термометръ упалъ до 19,5° Р., а намъ при этой температурѣ уже казалось холодно. Вѣтеръ шумить въ кустахъ и деревьяхъ, качая граціозныя гирлянды бѣлой китайской розы. Этотъ дико растущій кустарникъ взбирается на другіе кустарники и деревья, густо оплетаетъ ихъ своими длинными вѣтвями, осыпанными безчисленными бѣлыми цвѣтами, и разливаетъ въ воздухъ нѣжный аромат. Дорога вдругъ превратилась въ отлогую каменную лѣстницу, какъ бы сложенную изъ большихъ природныхъ плитъ, ужасно изрытыхъ и напомнимшихъ мнѣ дорогу въ Гуань-Гоускомъ ущельѣ. Лошадямъ чрезвычайно трудно взбираться по этой лѣстницѣ, да и не малая крѣпость нервовъ требуется также отъ тѣхъ, кто проѣзжаетъ здѣсь верхомъ, потому что съ лѣвой стороны дороги, отъ самаго ея края, почва круто опускается до дна глубокаго ущелья, по которому съ шумомъ скачутъ небольшіе водопады: оступись лошадь, поскользнись у ней нога — и ничего нѣтъ мудренаго, что слетишь вмѣстѣ съ нею на дно пропасти.

Мы поднялись благополучно по этой лѣстницѣ, и дорога пошла тропинкой, все въ гору; потомъ опять превратилась въ лѣстницу, и, поднявшись по ней, мы достигли вершины горы. Тутъ, подъ тѣнью роскошной растительности, стоитъ кумирня, портикъ которой образуетъ выступъ съ навѣсомъ, такъ что дорога проходитъ подъ нимъ, и ни одинъ путникъ не можетъ миновать его, потому что другаго пути нѣтъ; потолокъ этого навѣса, подпертаго нѣсколькими деревянными столбами, расписанъ самымъ пестрымъ и ярцевѣтнымъ узоромъ. Въ кумирнѣ стоитъ идолъ; возлѣ него повѣшенъ колоколь, въ который хэ-шань (священникъ),

живущій при кумирѣ, ударяетъ нѣсколько разъ, когда кто-нибудь проходитъ или проѣзжаетъ мимо, пригласяя этимъ къ пожертвованію; но въ пользу кого или чего, я не могъ спросить, потому что былъ одинъ. Тутъ же находился и другой жрецъ,— альбиносъ, съ совершенно бѣлыми волосами и красными, боающимися свѣта, глазами.

Постоявъ на верхней площадѣ и полюбовавшись глубокимъ ущельемъ, убраннымъ пушистою зеленью и полями, находившимися на другой сторонѣ его и лежавшими еще выше меня, я поѣхалъ дальше,—теперь внизъ, по такой же лѣстницѣ и спустившись, нѣсколько разъ оборачивался назадъ, чтобъ еще взглянуть на прекрасный видъ; смотрѣлъ и не могъ оторвать отъ него глазъ....

По дорогѣ чуть не на каждомъ шагу встрѣчаются то отдѣльныя жилища, то деревни. Жители ихъ китайцы; но ихъ физиономіи иногда заставляли забывать о Китаѣ, а уносили мысли въ Россію, къ нашимъ мужичкамъ. Смотришь на эти загорѣлыя коричневыя лица, на эти крѣпкія мозолистыя руки, и думаешь—нѣтъ, это не китаецъ,—желтый и слабый, какимъ представляло его воображеніе; это все русскіе мужики, точь-въ-точь наши Антипы, Петры, Иваны. Такъ они похожи одни на другихъ.

Но не похожа здѣшняя обстановка на нашу. Здѣсь красивая вѣрная пальма, колеблемая легкимъ вѣтромъ, качаетъ своими тонкими листьями; въ воздухѣ разлитъ ароматъ душистыхъ цвѣтовъ; кругомъ вездѣ богатѣйшая растительность; всюду такъ красиво, что все бы перерисовалъ, если бы позволяло время... Намъ же, несчастнымъ, невогда даже и посмотреть на что-нибудь достаточно внимательнымъ взглядомъ.

Китайскіе солдаты, находившіеся при мнѣ, были большею частью молодые люди, и хотя съ нѣкоторымъ недоразумѣніемъ смотрѣли на мои занятія по части собиранія всякой всячины, но скоро увлекались сами и помогали мнѣ, чѣмъ могли. Были очень любезны и всѣ встрѣчавшіеся на дорогѣ туземцы, если представлялся случай оказать мнѣ какую-нибудь услугу. Напримѣръ, однажды я увидалъ на крутомъ склонѣ горы, невысоко надъ дорогой, одно интересное растеніе и попробовалъ достать его, что оказалось нѣсколько затруднительнымъ. Тогда одинъ изъ сидѣвшей подъ навѣсомъ скалы группы отдыхающихъ китайцевъ-носильщиковъ, замѣтивъ мое намѣреніе, тотчасъ вскарабкался на скалу, сорвалъ его и любезно подаль мнѣ, прежде

чѣмъ я успѣлъ сказать одно слово просьбы. Подобное вниманіе и предупредительность простаго человѣка не могутъ проходить, не оставляя симпатіи къ нему и его народу вообще.

День уже клонился къ вечеру, и мнѣ надо было спѣшить, чтобъ не опоздать, а то ночью тутъ ѣхать плохо, потому что дорога каменистая и очень неровная. Лошадь моя была голодна, утомилась и шла еще медленнѣе обыкновеннаго; поэтому я пошелъ пѣшкомъ, а погонщикъ повелъ ее въ поводу. Мы добрались до села, гдѣ мои спутники остановились на ночлегъ; но такъ какъ мы сбили сопровождавшихъ насъ китайцевъ и произвели беспорядокъ въ ихъ расчетахъ, то квартиры здѣсь опять не было. Основскаго съ его компаніей помѣстили въ одномъ домѣ, а намъ съ Матусовскимъ въ немъ мѣста не было; пришлось еще отыскивать себѣ пріютъ, который, впрочемъ, мы скоро нашли, благодаря умному и расторопному Тану.

— Только домикъ бѣдный, комната плохая, предупредилъ онъ, вводя насъ въ избушку.

Мы вошли въ черную, грязную и сильно прокопченную дымомъ, маленькую комнату, съ однимъ столомъ и скамейкой и съ грязнымъ изрытымъ поломъ; но со всѣмъ этимъ еще можно было бы помириться, хотя и очень скрѣпя сердце. Бѣда была въ другомъ: рядомъ съ комнатой, занятой нами, находилась другая, въ которой помѣщалась семья домовладѣльца съ малейшими дѣтьми и они уже заявили о своемъ пребываніи известной музыкой, называемой дѣтскимъ плачемъ. Отдѣлялось же наше помѣщеніе отъ хозяйской половины только одной дырявой циновкой, привѣшенной къ потолку; слѣдовательно мы находились собственно въ одной съ ними комнатѣ. Нечего дѣлать — надо было помириться, потому что ужъ наступила ночь; да къ тому же пошелъ дождь, и искать что-нибудь лучшее и думать было нечего. Съ другой стороны не безынтересно, думаю себѣ, хотя поверхностно познакомиться съ житьемъ-бытьемъ китайскаго мужичка здѣшнихъ мѣстъ.

До сихъ поръ нашу комнату освѣщалъ Танъ-Лоѣ фонаремъ, который онъ взялъ въ видѣ дани у одного китайца, проходившаго мимо и остановившагося поглазѣть на насъ; но послѣдній торопился домой и просилъ фонарь возвратить. Нашихъ свѣчъ еще не достали, а у хозяина не нашлось ничего кромѣ лучины, зажженный пучъ которой онъ и принесъ, чтобъ посвѣтить намъ; однако его тотчасъ прогнали съ нею, потому что ѣдкій и горькій

дымъ отъ нея просто задушилъ насъ. Любезный хозяинъ поправилъ свою оплошность и принесъ фонарь; но изъ него валилъ густой столбъ смрадной копоти. Прогнали опять и предпочли остаться въ потьмахъ, пока казакъ достанетъ свои свѣчи. А я тѣмъ временемъ подошелъ къ дырявой цинковкѣ, весьма удобной для наблюдений, и съ свойственной путешественникамъ нескромностью наблюдалъ за происходившимъ по другую сторону ея. Но тяжелый спертый воздухъ отбивалъ охоту долго оставаться около нея,* да и не на что было засмотрѣться въ той грустной картинѣ гнетущей бѣдности, какая явилась предъ моими глазами: два полуголыхъ больныхъ ребенка на полу; мать съ третьимъ на рукахъ; безобразная дряхлая старуха, съ трубкой въ зубахъ, бабушка должно-быть; да разныя лохмотья около этихъ людей,— вотъ и все.... Ни стола, ни скамьи, ни кровати....

Тѣмъ временемъ зажгли свѣчи, и теперь старуха въ свою очередь стала разсматривать, какихъ это гостей, говорящихъ на неслыханномъ языкѣ, послало имъ небо въ эту темную непогожую ночь, и что у нихъ происходитъ. А у насъ происходило слѣдующее. Усѣвшись у единственнаго убогаго стола, мы стали писать каждый свои замѣтки за прошлый день; потомъ я принялся за укладку въ бумагу собранныхъ сегодня растений, а Матусовскій устраивалъ импровизированную кровать изъ двухъ скамеекъ и досокъ, приносимыхъ по одной откуда-то со двора. Спать хотѣлось ужасно, да и шумѣвшій дождикъ такъ располагалъ ко сну; а мнѣ еще нужно было снять кожу съ убитой птицы *) и переложить въ сухую бумагу прежде собранныя растения.... Но тѣснота, усталость, плохое освѣщеніе и удушливый воздухъ отнимали всякую охоту что-нибудь дѣлать; хотѣлось скорѣе хоть заснуть, чтобъ раньше встать и уйти отсюда; а то изъ такой хаты свѣжему человѣку не долго и заразительную болѣзнь унести.

Когда я колебался между вопросами—сдѣлать ли все сегодня или послѣдовать мудрому правилу, никогда не дѣлать сегодня того, что можно сдѣлать завтра, — явился переводчикъ и объявилъ, что завтра здѣсь намѣрены фотографировать „виды природы“, поэтому выступленіе назначено не рано, только въ восемь часовъ. Это благое намѣреніе рѣшило дѣло въ пользу мудраго правила, и я залегъ спать.

*) Зеленый дятель (*Genicus tancolo* Gould).

23 мая.

Въ пять часовъ утра меня разбудили звонъ бубенчиковъ и крики извошниковъ, уже отправлявшихся съ транспортомъ впередъ. Погода была дурная, — дождь шелъ, и дулъ холодный вѣтеръ, такъ что для фотографа снимать „виды природы“ оказалось неудобнымъ, значить—не зачѣмъ тутъ и сидѣть, потому что занятіямъ другихъ лицъ экспедиціи Сосновскій не придавалъ никакого значенія. Приказано выступать тотчасъ вслѣдъ за транспортомъ. Такимъ образомъ растенія остались въ той же бумагѣ, а птицу пришлось выбросить.

Одѣвшись въ военные сюртуки, какъ болѣе теплые, и въ кожаные плащи, усѣлись мы на лошадей, раскрыли надъ собою китайскіе зонтики и поѣхали. Дорогу сильно размягчило дождемъ, ноги лошадей вязли по щиколку, и бѣднымъ пѣшеходамъ, сопровождавшимъ насъ, было очень тяжело идти. Дождь и вѣтеръ были потому особенно неприятны, что мѣшали предаваться и тѣмъ убогимъ занятіямъ, какія судьба еще оставила на нашу долю. Я ѣхалъ и посматривалъ по сторонамъ на красивыя мѣста оживленной горной страны. Жители деревень, мимо которыхъ мы проѣзжали, сидѣли въ своихъ домикахъ у открытыхъ дверей или на террасахъ подъ навѣсами, съ огромнымъ любопытствомъ осматривали насъ издали, но выбѣгать и слѣдовать за нами отнюдь не думали, какъ это бываетъ въ хорошую погоду. И это можетъ служить лучшимъ мѣриломъ того отвращенія къ дождю, какое имѣютъ вообще китайцы.

Я ѣхалъ вмѣстѣ съ Матусовскимъ, и когда наши конвойные попросили позволенія остановиться позавтракать, мы сами рѣшили закусить и вошли въ харчевню, какихъ находится здѣсь по нѣскольку въ каждой деревнѣ, и хотя многого въ нихъ не найдешь, но за то тутъ и не умрешь съ голоду, куда бы ни зашелъ: здѣсь, напримѣръ, мы достали яицъ, хлѣба и рѣдьки, чего для завтрака непряхотливыхъ путешественниковъ вполне достаточно.

Дорога все шла горами; сегодня мы сдѣлали два перевала, поднимаясь на значительную высоту и спускаясь потомъ въ глубокія долины; но еще не достигли главнаго, то-есть самаго высокаго края, служащаго водораздѣльной линіей между притоками Янь-Цзы съ юга и Хуань-Хэ съ сѣвера. Каждую минуту, при всякомъ новомъ поворотѣ, открывались новыя величественныя картины горной природы, живописныя въ цѣломъ и привле-

кательныя въ своихъ подробностяхъ. Остановимся на минуту. Посмотрите вотъ, какой необъятной величины долина явилась предъ вами, у вашихъ ногъ, и распростерлась далеко, далеко до новой гряды горъ, замыкающей горизонтъ, и на которую намъ предстоитъ подниматься! Какой громадный амфитеатръ, точно устроенный изъ зеркальныхъ ступеней, какими представляются съ высоты расположенныя террасами рисовыя поля! И какииъ маленькииъ показался бы здѣсь великiй Колизей, если бы онъ очутился теперь посреди этой долины.... Взгляните дальше, въ стороны, и вы увидите живописныя склоны съ разсыпанными по нимъ обломками скалъ, убранныхъ растенiями самыхъ очаровательныхъ формъ; тамъ ущелья съ ручьями и рѣчками, бѣгущими въ самыхъ разнообразныхъ направленiяхъ; между ними новыя гребни, раздѣляющiе между собою новыя ущелья, и такъ далѣе.

А это что за зубчатая стѣна, которая лѣзится по склонамъ горы, взбираясь далеко вверхъ? Это, говорятъ вамъ, стѣна, окружающая городокъ Ло-Янъ-Сянь. Неподалеку отъ нея, на отдѣльномъ высокомъ холмѣ возвышается, какъ будто стремясь къ небу, многоэтажная высокая башня; а у подошвы городской стѣны бѣжитъ быстрая рѣчка съ чистой, какъ хрусталь, водой. Мы приближаемся къ ней и, спустившись съ горы, переѣзжаемъ въ бродъ, а потомъ по небольшой, но чрезвычайно крутой лѣстницѣ, не сходя съ лошадей поднимаемся на площадку, идущую вдоль городской стѣны. Вотъ и городскiя ворота и мы вступили въ городъ. Его также постигла горькая участь Мянъ-Сяня: я въѣхалъ черезъ ворота внутрь его, а показалось мнѣ, что я въѣхалъ изъ воротъ за городъ;—и на мѣстѣ Ло-Янъ-Сяня теперь остался только заросшiй бурьяномъ пустырь, на которомъ кой-гдѣ виднѣются поля пшеницы, стоитъ въ разныхъ мѣстахъ до десяти домиковъ, уже послѣ войны построенныхъ здѣсь, да возвышается нѣсколько осиротѣвшихъ деревьевъ, подъ тѣнью которыхъ еще не очень давно отдыхали и пили чай тогда неутомимые, теперь покойные труженики.

— Въ Китаѣ нѣтъ городовъ безъ стѣнъ, за то есть много стѣнъ безъ городовъ, сказалъ однажды Матусовскiй.

Дѣйствительно стѣны сохранились превосходно. На этихъ, на примѣръ, вполне уцѣлѣли лѣстницы, устроенныя въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ стѣна идетъ по крутымъ склонамъ; сохранились украшенiя и маленькiе домики, бывшiя кумирни или жилища сол-

дать бывшего мѣстнаго гарнизона... И плохъ, видно, былъ этотъ гарнизонъ или не имѣлъ силы защитить городъ отъ непріятеля и самъ вѣроятно погибъ тутъ. Не спасли его и ограды; и теперь китайцы убѣдились, что городскія стѣны плохо оберегаютъ ихъ отъ непріятеля; онѣ защищаютъ только на время, но когда голодъ, напримѣръ, заставляетъ открыть ворота побѣдителю, то тѣ же стѣны являются непреодолимымъ препятствіемъ къ спасенію бѣгствомъ, и изъ осажденныхъ городовъ живымъ не ухотило, говорятъ, ни одинъ изъ жителей. Вотъ почему они строятся вновь не въ прежнихъ стѣнахъ, а образуютъ предмѣстья бывшихъ городовъ, оставляя первыя пустыми. Слѣдовательно, теперь можно сказать, что и китайцы стали строить города, не обнося ихъ стѣнами.

Когда я проѣзжалъ по улицѣ предмѣстья или новаго города Ло-Янь-Сянь, одинъ изъ конвойныхъ солдатъ, стоявшій у воротъ поджидая меня, указалъ отведенную для насъ квартиру, находившуюся въ одномъ изъ маленькихъ переулковъ. Домъ расположенъ на косогорѣ, и у воротъ его стояла толпа зрителей, которыхъ находившійся тутъ полицейскій, увидавъ меня, счелъ долгомъ предупредить о моемъ приѣздѣ; но сдѣлалъ это столь поспѣшно и неожиданно, и такимъ неистовымъ крикомъ, вѣроятно изъ собственного почтенія, какъ будто я мчался во весь опоръ, а не ѣхалъ шагомъ, и людямъ могла грозить опасность, что я ихъ передавлю. Смотрѣвшіе во дворъ китайцы разлетѣлись при этомъ внезапно крикѣ въ стороны, какъ брызги воды отъ брошеннаго въ нее тяжелаго камня... Сцена вышла комическая; я невольно разсмѣялся, и вмѣстѣ со мной уже хохотали и сами испугавшіеся. Ворчалъ только, отряхивая платье, одинъ китаецъ, котораго въ моментъ произведеннаго переполоха сшибли съ ногъ, и онъ попалъ въ лужу воды, оставшуюся отъ недавняго дождя.

Вѣзжаю на просторный и довольно чистый дворъ; на немъ по обѣимъ сторонамъ воротъ—стойла и ясли для лошадей; дальше, по бокамъ, жилия помѣщенія и кухня; а прямо передо мною, на возвышеніи, на которое ведетъ лѣстница,—главныя комнаты, гдѣ я нашелъ своихъ спутниковъ. Первая комната была довольно большая съ глиняными стѣнами, широкимъ каномъ въ лѣвой сторонѣ и глинянымъ прилавкомъ, тянувшимся по двумъ другимъ сторонамъ комнаты. Потолка нѣтъ; на стѣнахъ висятъ грубо сдѣланныя картины, отпечатанныя съ деревянныхъ досокъ, и крупныя

письмена на красной бумагѣ. Другая комната, направо, значительно меньше этой; въ ней стоятъ двѣ кровати, безъ постелей, только покрыты новенькими циновками, столъ и два стула съ наброшенными на нихъ красными чехлами съ черной каймой. Дворъ былъ очень оживленъ: мѣстная китайская прислуга готовила и подавала обѣдъ, грѣла чай, приносила и уносила посуду.

Подкрѣпивъ силы, я пошелъ въ городъ въ сопровожденіи двухъ солдатъ изъ мѣстной полиціи, весьма вѣжливыхъ, но ужь слишкомъ усердныхъ гонителей народа и необыкновенныхъ болтуновъ. Это послѣднее качество было бы неопѣненнымъ, если бы я все понималъ, а то они пристають ко мнѣ съ разговоромъ, а я и десятого слова не понимаю изъ того, что они трещать, то рассказывая и объясняя мнѣ, то спрашивая о чемъ-то меня. И мнѣ, и вамъ, читатель, досадно, что содержаніе ихъ несмолкаемаго разговора осталось неизвѣстнымъ... Будемъ утѣшаться ѣдой; въ ней тоже не малое наслажденіе, особенно когда она такъ щедро предлагается гостепримными китайцами, да и стбитъ такъ не дорого. Вотъ сейчасъ дорогой я купилъ фруктовъ эриоботріа (пи-ба) въ родѣ мелкихъ, но сочныхъ и вкусныхъ яблочковъ, сидящихъ пучкомъ на одной вѣткѣ, и абрикосовъ; первые стоятъ 25 чоухъ или 3 коп. за полтора фунта, а вторыхъ даютъ четыре штуки за одинъ чоухъ, или тридцать два абрикоса на одну нашу копѣйку!— „Это какой-то безгрѣшный народъ“, вспомнилъ я слова одного изъ казаковъ про китайцевъ.

Стоявшая у воротъ толпа повалила за мной съ криками радости и восторга; каждый съ бою занималъ мѣсто поближе ко мнѣ и своими боками покупалъ себѣ выгодную позицію, а мальчишкамъ пришлось даже получить не одну звонкую затрещину по чемъ попало отъ рукъ того или другаго изъ усерднѣйшихъ къ своей службѣ полисменовъ. Но они отъ этого въ грусть не впадали, а припрыгивали и хохотали даже какъ будто бы еще веселѣе, точно видѣли въ этомъ особенное вниманіе къ себѣ со стороны начальства, ревностный пылъ котораго мнѣ никакъ не удавалось унять.

Направляясь къ протекающей черезъ городъ рѣчкѣ Сяо-Хо и переходу по легонькому мостику на другую сторону къ такъ называемому „Старому Городу“. Онъ имѣетъ свою особую стѣну и какимъ-то чудомъ спасся отъ военнаго погрома. Это—весьма интересное явленіе, и намъ слѣдовало бы узнать, почему изъ двухъ рядомъ стоящихъ городовъ одинъ уничтоженъ до тла, другой

стоять цѣль-цѣлехоневъ? Но благодаря Сосновскому всѣ подобные вопросы остались нерѣшенными.

Старый Ло-Янь-Сянь представлялъ всѣ атрибуты китайскаго города,—многолюдныя улицы съ лавками и кумирнями, до-нельзя испорченный воздухъ, грязь и соръ вездѣ, гдѣ только они могутъ лежать спокойно, шаршивыхъ собакъ и черныхъ толстопузыхъ свиней китайской породы. Провожатые мои, говорю, не молчали ни одной секунды и, какъ будто не допуская мысли, что я могу не понимать ихъ, объясняли мнѣ, гдѣ что находится, называли кумирни, мимо которыхъ мы проходили, и, замѣтивъ, что я всѣмъ интересовался, предлагали заходить въ лавки и разсматривать продающіеся тамъ предметы. И какъ я ни мало понималъ ихъ, меня все-таки радовало то, что теперь я уже не былъ въ томъ тяжеломъ положеніи, когда не знаешь ни одного слова туземнаго языка... Теперь у насъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ происходила даже бесѣда.

Мы осмотрѣли лучшіе храмы, которые всѣ болѣе или менѣе красивы, и хотя они въ общихъ чертахъ похожи другъ на друга, но въ каждомъ есть какія-нибудь интересныя особенности—въ подробностяхъ, въ расположеніи, въ отдѣлѣхъ и случайныхъ украшеніяхъ. Одивъ, напримѣръ, расположенъ нѣсколькими террасами; въ другомъ чрезвычайно красиво отдѣланы крыши; въ третьемъ встрѣтилось одно оригинальное украшеніе, только разъ и видѣнное мною. А именно: у потолка, передъ главнымъ алтаремъ, висятъ одинъ подъ другимъ два шара; верхній имѣетъ болѣе аршина въ діаметрѣ, нижній нѣсколько меньше; оба они сдѣланы изъ одного фарфора и представляются какъ бы сплетенными изъ сѣтки, состоящей изъ цвѣтовъ и древесныхъ вѣтвей. Работа хотя и не особенно тонкая, но въ общемъ эти шары чрезвычайно красивы. И я невольно вспомнилъ о любителяхъ рѣдкихъ китайскихъ вещей... Какъ у нихъ заблестѣли бы глаза; какого почета удостоились бы они въ европейскихъ салонахъ, а здѣсь, въ какомъ-то невѣдомомъ Ло-Янь-Сянь, они висятъ подъ потолкомъ, въ темномъ мѣстѣ, никого, повидному, не радуя, не удостоиваясь ни чьей о себѣ заботы: съ нихъ должно быть ни разу не сметалась пыль, потому что она толстымъ слоемъ лежитъ на ихъ верхнихъ половинкахъ. Очень можетъ быть, что нѣкоторые изъ окружавшей меня густой толпы городскихъ обывателей, смотрѣвшіе то на меня, то на тѣ предметы, которые я разсматривалъ, только теперь въ первый разъ замѣтили это украшеніе, потому что

нѣкоторые говорили своему сосѣду тономъ удивленія:—Какая славная вещь! Хорошая вещь! Хорошо сдѣлано!—воскликали они и принимались внимательно разсматривать ее.

Когда я выходилъ изъ этого храма, одинъ полицейскій, указывая на китайца, стоявшаго на дворѣ съ ребенкомъ на рукахъ и кланявшася мнѣ, объяснилъ, что онъ проситъ меня помочь его большому сыну, нечаянно отрубившему себѣ палець на ногѣ. Я осмотрѣлъ рану и велѣлъ ему идти въ нашъ домъ, сказавъ, что сейчасъ возвращусь, а самъ отправился дальше и зашелъ еще въ одинъ храмъ. Здѣсь на одной изъ террасъ стоялъ амбаріумъ, внутри котораго былъ положенъ большой кусокъ рихлаго известняка, такъ что верхняя его половина была выше уровня воды, и верхушка этого камня была обдѣлана рукою какого-то талантливаго художника, въ двѣ головы, обращенныя одна къ другой и представляющія беззубыхъ смѣющихся старика и старуху, какъ бы скрывающихся за камнемъ. Я былъ пораженъ мастерствомъ, съ какимъ выполнены эти двѣ головы: въ ихъ лицахъ столько жизни, выраженіе смѣха до такой степени натурально, что невольно ищешь за камнемъ ихъ фигуръ и непремѣнно желаешь узнать причину, заставившую ихъ такъ задушевно расхохотаться. И я такъ заглянулъ за камень въ надеждѣ найти объясненіе ихъ смѣха, но продолженія фигуръ не было... Я жалѣлъ, что камень очень великъ, чтобъ увести его съ собою, а мнѣ ужасно хотѣлось приобрѣсти его, и я думаю, это было бы возможно. Мнѣ и теперь жалко, что я не купилъ его, и досадно, что не имѣлъ времени хотя тщательно срисовать эти замѣчательныя физиономіи.

Осмотрѣвъ окрестности города, я вернулся домой, перевязалъ маленькаго раненаго и потомъ принялся утѣшать себя присланнымъ отъ мѣстнаго начальника ужиномъ, которые одни только и занимали нашего ученаго предводителя, гнавшаго экспедицію безъ остановокъ.

24 мая.

Сѣреный день. Мороситъ мелкій дождикъ. Уѣзжаемъ, не зная, гдѣ остановимся на ночлегъ или, другими словами, сколько верстъ предполагается проѣхать сегодня; а не зная этого впередъ, не знаешь и того, какимъ временемъ можешь располагать въ данный день.

Ѣдемъ ущельемъ, безпрестанно переѣзжая извивающуюся по немъ рѣчку. Мѣстность поражаетъ красотой видовъ и богатствомъ

растительности, воздѣланностью почвы, густотою населенія и вмѣстѣ съ тѣмъ его необычайною бѣдностью: дома, покрытые аспидными плитами, большею частью крошечные, убогіе, жалкіе... А край, вѣстаетъ, такой привольный. Многіе изъ здѣшнихъ жителей занимаются, кромѣ земледѣлія, приготовленіемъ бумаги изъ коры араліи (коу-шу), или разработкою каменнаго угля.

Приглядѣлись и ужъ порядочно прискучили мнѣ все маленькіе да бѣдные домики, потому что бѣдность и вчужѣ не радуетъ. Наконецъ встрѣчаю у дороги большой богатый домъ, разумѣется обнесенный высокою стѣною, и мнѣ ужасно захотѣлось познакомиться съ его внутреннимъ устройствомъ и жизнью его обитателей. Но какъ это сдѣлать? Остановился въ раздумьи и осматриваю его снаружи. Онь стоитъ совсѣмъ отдѣльно, какъ замокъ, въ долину у подножья горы, одѣтой богатой растительностью; отъ дома идетъ глухая каменная стѣна, окружающая садъ; красивыя ворота съ высокою каменной лѣстницей ведутъ во дворъ, но заглянуть въ него, не поднявшись на ея ступени, нельзя; да и ворота закрыты. Воображеніе рисовало мнѣ за этой оградой хорошенькіе дворы, террасы и прелестный садъ извѣстнаго типа; но я совсѣмъ не могъ представить себѣ обитателей и ихъ образа жизни, занятій и удовольствій; а на нихъ-то по преимуществу мнѣ и хотѣлось взглянуть... Какъ же войти? Въ Европѣ это очень трудно, если не прибѣгнуть къ какой-нибудь невинной лжи, или даже совсѣмъ невозможно. Я вспомнилъ, какъ однажды въ Рюдесгеймѣ, на Рейнѣ, одна сердитая нѣмка хлопнула передо мною дверью и заперла ее на крючокъ, когда я попросилъ позволенія осмотрѣть ея помѣщеніе (она жила въ развалинахъ находящагося тамъ стариннаго замка). И видъ этой барыни, такъ не кстати пришедшій теперь на память, отнималъ у меня храбрость... Но, думаю себѣ, рискну; авось въ таинственномъ, отъ всѣхъ запирающемся, Китаѣ войти въ чужой домъ окажется легче. Мой собственный опытъ говорилъ мнѣ, что это совсѣмъ легко и просто,—войти и только. Но я предпочелъ послать полицейскаго, поручивъ ему сказать, что я, проѣзжающій иностранецъ, прошу позволенія у хозяина осмотрѣть его прекрасный домъ; а самъ остановился у лѣстницы и, не слѣзая съ лошади, жду. Всѣ слугники уже уѣхали; я одинъ съ солдатомъ.

Посланный скоро вернулся и объявилъ, что „господина“ просятъ пожаловать; и взявъ подъ уздцы мою лошадь, ввелъ ее вмѣстѣ со мною по лѣстницѣ до площадки, на которой стоятъ

верота. Тутъ я сошелъ на землю и вступилъ во дворъ, гдѣ тотчасъ меня встрѣтилъ прилично, но скромно одѣтый пожилой человѣкъ: это былъ самъ хозяинъ. Онъ любезно раскланялся со мною и пригласилъ войти въ домъ, пропуская меня впередъ; за нами слѣдовали двое слугъ, которые черезъ минуту принесли двѣ чашки горячаго чаю и подали мнѣ и хозяину. Я объяснилъ, какъ умѣлъ, свое желаніе, и онъ, не выражая ни особеннаго любопытства, ни удивленія по случаю моего появленія, какъ будто оно было дѣломъ самымъ обыкновеннымъ, провелъ меня вглубь дома и показалъ нѣкоторые дворники, окруженные со всѣхъ сторонъ жилыми помѣщеніями; но окна и двери ихъ были, къ сожалѣнію, закрыты. Все было отдѣлано за-ново, позолота блестѣла, доски съ надписями около дверей пестрѣли чистыми, яркими красками; на мощенныхъ плитами дворикахъ стояли этажерки, уставленные горшками цвѣтовъ и красивыхъ зеленыхъ растений. Все необыкновенно уютно, красиво, чисто, но все убійственно мертво, вездѣ пусто; всѣ кажется вымерли,—жизни нѣтъ. И чувствуется, что недостаетъ здѣсь животворящаго духа образованной женщины, женщины, принимающей участіе въ жизни, а не только живущей гдѣ-то на задворкахъ, въ роли жены, матери, дочери или служанки. И какъ бы сейчасъ ожилъ этотъ прекрасный домъ, если бы на встрѣчу вышла хозяйка и ея дочь, если она есть, и также приняли бы участіе въ бесѣдѣ. А то только одинъ этотъ человѣкъ и былъ здѣсь. Онъ провелъ меня въ одну комнату, судя по обстановкѣ—его кабинетъ, и пригласилъ сѣсть отдохнуть, хотя устать было не отъ чего.

Я зналъ, что больше ничего не увижу, потому что онъ больше ничего не покажетъ, и собирался проститься съ любезнымъ хозяиномъ, но одинъ изъ его слугъ что-то шепнулъ ему на ухо, послѣ чего онъ обратился ко мнѣ съ очень вѣжливой просьбой оставить воспоминаніе о своемъ посѣщеніи,—что-нибудь нарисовать ему, что онъ всегда будетъ хранить это и вспоминать обо мнѣ. Онъ такъ усердно просилъ, да и мнѣ самому всегда пріятно оставлять по себѣ память; и я попросилъ кисть и туши и, указавъ на стѣну, спросилъ: можно?—Можно, можно! отвѣчалъ онъ, видимо довольный и складывая руки въ знакъ почтенія. Я нарисовалъ ему на одной стѣнѣ любимый китайцами пейзажъ съ горами, водой и идущимъ по ней пароходомъ, а на другой—свой портретъ.

Получивъ множество поклоновъ и благодарностей, я простился

и уѣхалъ, оставивъ его размышлять о странности моего неожиданнаго посѣщенія. Дорога и дальше шла все тѣмъ же красивѣйшѣмъ ущельемъ, иногда упираясь въ лѣстницы, передъ которыми я не разъ останавливался, не зная куда мнѣ ѣхать, никакъ не предполагая, что лѣстницы составляютъ продолженіе той же дороги.

— Прямо, прямо, говорили провожатые и поднимались по ней; я слѣдовалъ за ними, не мало удивляясь ловкости здѣшнихъ лошадей, съ какою онѣ ходятъ по каменнымъ ступенямъ.

Одинъ разъ я подумалъ на минуту, что теперь провожатые сами ведутъ меня къ кому-то въ гости, въ домъ; но нѣтъ.—оказалось, что домъ только стоялъ у самой дороги, которая проходила черезъ его высокое крыльцо. Приѣхавъ на квартиру въ селеніи Тѣ-Чаннѣ, я узналъ, что спутники мои уже давно здѣсь. Фотографъ, повидному, снималъ виды; Матусовскій писалъ и вычерчивалъ свою карту; Сосновскій, никогда ничего не дѣлавшій, по обыкновенію укладывался спать. На дворѣ было еще достаточно свѣтло, чтобъ работать, и я, закусивъ и выпивъ чаю, успѣлъ снять кожу съ двухъ убитыхъ сегодня птицъ; потомъ приступилъ къ перевладѣ растений въ сухую бумагу, что продолжалось довольно долго. Но хозяинъ, въ домъ котораго мы помѣстились, и его слуга не ложились спать, пока я не легъ, и дѣлали это, кажется, изъ учтивости; а я такъ нетерпѣливо ожидалъ, чтобъ онъ убрался, потому что онъ не переставая курилъ свой табакъ съ масломъ и постоянно плевалъ по всей комнатѣ. Потомъ онъ ушелъ ужинать, и слуга принесъ также и мнѣ чашку горячаго ми-таннѣ, т.-е. рисоваго супу; но я поблагодарилъ его и отказался, зная весьма малую привлекательность этого кушанья.

25 мая.

Утро ясное; небо почти безоблачное. Уѣхали и вскорѣ опять начался подъемъ. Мы пробирались по такой крутой, извилистой горной тропинкѣ, выбитой въ скалахъ и сплошь усыпанной ихъ обломками, что, поднимаясь по ней, стараешься не смотрѣть себѣ подъ ноги, а предоставляешь ужъ лошади дѣйствовать, какъ она найдетъ лучшимъ. Наклонъ горы, по которому тропинка вьется частыми короткими изгибами, вообще такъ крутъ, что, сорвавшись разъ, удержаться было бы немислимо... И по такой-то дорогѣ происходитъ постоянное караванное движеніе на вьючныхъ мулахъ! Я не могъ себѣ представить, какъ поступаютъ люди, когда тутъ сходятся два встрѣчныхъ каравана; но лучше и уѣхать, не зная, чѣмъ повстрѣчаться съ однимъ изъ такихъ здѣсь.

Мы достигли, наконецъ, высшей точки кряжа, служащаго раздѣльной чертой водъ бѣгущихъ съ одной стороны въ рѣку Хань-Цзянь, съ другой—въ Цзя-Линь-Цзянь. На этомъ перевалѣ, называемомъ Ба-Ду-Шань, также находится кумирня, при которой живутъ нѣсколько священниковъ, и я невольно позавидовалъ имъ: съ какимъ бы наслажденіемъ провелъ я здѣсь съ ними нѣсколько времени;—мѣсто было чрезвычайно интересное въ научномъ отношеніи, не говоря уже объ его живописности.

Но ничто насъ не трогало, и мы неопозволительно-скоро проѣхали впередъ: не больше четверти часа удалось мнѣ остаться тутъ, такъ что я едва успѣлъ оглядѣть горизонтъ и панораму великолѣпнаго горнаго хребта. Какіе виды открываются отсюда на волнующуюся, словно каменное море, поверхность земли; какой величественный покой и тишина царствуютъ здѣсь; какъ свѣжъ и прозраченъ воздухъ, и какъ симпатично жилище отшельниковъ, пріютившееся подъ защитою скалъ въ тѣни развѣсистыхъ каштановыхъ деревьевъ, которые теперь были еще въ полномъ цвѣтѣ. Сколько здѣсь интересныхъ деревьевъ и кустарниковъ, одѣвающихъ глубокія долины и склоны горъ, по которымъ разсѣяны фермы и воздѣланныя поля, взбирающіяся почти до самыхъ вершинъ горъ, достигающихъ здѣсь надъ моремъ почти девяти тысячъ футовъ!.. Это трудъ, передъ которымъ, если его взять въ общей сложности, блѣднѣетъ даже тотъ, какой потребовался на сооруженіе Великой Стѣны;—сколько его, и какого, ежегодно полагается людьми на обработку этихъ полей!

Собравъ растенія, какія находились неподалеку, и стараясь не слышать голосовъ птицъ, доносившихся изъ зеленой чащи изъ глубины долинъ, я спустился съ перевала въ ущелье. По каменистому дну его бѣжала рѣчка, и прѣшіе конвойные присѣли возлѣ нея подъ тѣнью дерева, объяснивъ, что здѣсь надо отдохнуть, потому что опять станемъ подниматься на высокую гору. Дѣйствительно, отдыхъ былъ необходимъ легкимъ, ногамъ и всему тѣлу, такъ какъ въ воздухѣ стоялъ зной; а мы опять поднялись на большую высоту, съ которой также открылась новая, еще болѣе интересная картина.

Здѣсь, на мѣстѣ перевала, отъ самой дороги почва почти вертикальной зеленой стѣной спускается внизъ, такъ что голова кружится, когда взглянешь туда. Тамъ, далеко, далеко подъ ногами медленно и спокойно течетъ довольно широкая рѣка Та-Хо, образуя въ этомъ мѣстѣ полукруглый изгибъ, омывающій боль-

шую, округленную и довольно отлогую гору, возвышающуюся на ея противоположномъ берегу. Какъ на положенной передо мною картинѣ, написанной съ высоты птичьяго полета, видѣлъ я съ своего мѣста многіе впадающіе въ Та-Хо мелкіе притоки съ чистой изумрудно-зеленой водой; видѣлъ боковые склоны горъ, одѣтые роскошной зеленью, изъ которой выступаютъ голыя скалы и плоскія вершины горъ, пестрѣющія пашнями и полями созрѣвшей пшеницы. Во многихъ мѣстахъ ее ужъ убрали и передъ моими глазами работали цѣлыя сотни разсѣянныхъ по нивамъ жнецовъ. Какая необыкновенная точка зрѣнія и какая привлекательная панорама! Смотрю и наглядѣться не могу!..

На нѣкоторомъ разстояніи вверхъ по рѣкѣ Та-Хо, отъ меня вправо, на ея лѣвомъ берегу раскинулся городокъ Пэй-Фэй-Сянь, отъ котораго отсюда видна лишь небольшая часть; видны также лодки, стоящія около него, у берега; люди, расхаживающіе группами у рѣки и переправляющіеся въ лодкѣ на противоположную сторону, гдѣ лежитъ большое торговое село. Дома, лодки и люди кажутся отсюда такими крошечными, потому что до нихъ очень далеко, такъ далеко, что до меня не долетать буквально ни одинъ звукъ, — отъ китайскаго-то города! — и мнѣ казалось ужасно страннымъ это безмолвіе большаго живаго пункта со всѣми его двигавшимися людьми... Здѣсь, на этой высокой дорогѣ, царитъ такая тишина, что буквально слышно, какъ муха прожужжитъ крыломъ, какъ листъ упадетъ съ дерева. Воздухъ былъ совершенно неподвиженъ, жара стояла нестерпимая, отнимавшая бодрость, и я, убѣжденный, что мы остановимся въ этомъ городѣ до завтра, — ужъ о болѣе долгой остановкѣ я и не мечталъ, — отправился за уѣхавшей впередъ компаніей, чтобъ оставить тамъ своихъ провожатыхъ и лишнія вещи, и потомъ, утоливъ голодъ и жажду и отдохнувъ немного, скорѣе вернуться на это мѣсто съ бумагой и красками.

Ѣду, спѣшу и, спустившись съ горы, скоро достигаю Пэй-Фэй-Сяня. Меня томила жажда, и я съ нетерпѣніемъ искалъ глазами дома, стараясь угадать въ немъ отведенную для насъ квартиру; искалъ толпу туземцевъ, обыкновенно собирающуюся тамъ, гдѣ мы останавливались; но нигдѣ не нахожу ея... Вотъ уже и городу конецъ; куда они запрятались, думаю себѣ. Спрашиваемъ — и узнаемъ, что иностранцы были вотъ въ этомъ домѣ, позавтракали здѣсь, напились чаю и уѣхали дальше съ тѣмъ, чтобы остановиться ночевать въ пятнадцати верстахъ отсюда...

Понимаете вы, читатель, мою досаду и огорченіе! Но я все еще не вѣрю...

Смотрю, на берегу рѣки стоятъ Матусовскій съ казакомъ, Танъ-Лоъ и нѣсколькими конвойными: онъ производитъ съемку; значить остальные дѣйствительно проѣхали мимо. Переправившись черезъ рѣку въ лодкѣ я подѣхалъ къ нему и еще разъ спрашиваю; онъ подтвердилъ, что всѣ уѣхали... Что же оставалось мнѣ дѣлать? Забыть усталость отъ жары, голодъ и жажду, забыть то, что такъ хотѣлось приобрѣсти и, ни о чемъ не думая, „подтягиваться“, потому что начальникъ сытъ и ничѣмъ интересоваться не желаетъ.

— Да кто насъ въ шею гонить? Куда мы летимъ? Зачѣмъ же мы поѣхали сюда? Ужели затѣмъ, чтобъ сказать, вернувшись въ Россію, что мы проѣхали черезъ весь Китай, да еще вотъ какъ скоро!—восклицаю я въ неудержимой досадѣ и сознаниіи безсилія помочь общему горю.

— Да-съ, попали мы съ вами въ „учено-торговую“... только и отвѣтилъ также взволнованный товарищъ.

Я такъ изнемогалъ физически отъ жары, такъ хотѣлъ ѣсть и пить, что не могъ двигаться, развѣ опять разстрѣляніемъ начальникъ пригрозилъ бы. Но въ эту минуту его здѣсь не было; и я, взявъ у казака чаю и сахару, вернулся на другой берегъ и расположился на немъ со своимъ походнымъ стуломъ и зонтикомъ, точно какой фокусникъ, окруженный толпою, попросивъ одного изъ конвойныхъ заняться приготовленіемъ чая, а другому приказалъ принести изъ города чего-нибудь поѣсть.

Скоро было готово то и другое. Жажда и голодъ утолены, но отъ горячаго чая, котораго я выпилъ съ жадностью нѣсколько чашекъ, я впалъ въ страшную мучительную испарину, которой до питья почти не было. Бѣлье прилипло къ тѣлу, по лицу ручьями лился потъ, бодрость покидала меня; а толпа жалась ко мнѣ со всѣхъ сторонъ, заражая воздухъ міазмами и поднимая ногами пыль... Не хорошо было! Хотѣлось бы выкупаться, перемѣнить бѣлье, отдохнуть; но первое было невозможно, а отдыхать я считалъ грѣхомъ, и я заставилъ себя приняться за работу и сѣлъ рисовать, но не тотъ прелестный видъ, о которомъ я мечталъ и съ которымъ теперь простился, конечно, на вѣки: у меня не было времени, чтобъ вернуться на гору, потому что я не могъ одинъ остаться ночевать здѣсь;—умѣй я лучше говорить по-китайски и будь со мною достаточно денегъ, я бы непре-

мѣнно остался и завтра бы догналъ; а теперь это было невозможно. Набросивъ эскизъ, я сталъ поспѣшно собирать вещи, чтобъ схватъ догонять учено-торговыхъ изслѣдователей Китая, а то опять пойдутъ упреки въ задерживаніи общаго движенія, разговоры и позорныя угрозы разстрѣляніемъ и слѣдующее затѣмъ разстройство нервовъ...

— Господинъ докторъ! обращается ко мнѣ одинъ изъ конвойныхъ, которые всѣ знали, что я врачъ.

Я взглянулъ на него. Онъ указалъ на женщину, стоявшую на колѣнахъ и кланявшуюся въ землю, и что-то говорилъ мнѣ. Одна рука ея страшно опухла почти до локтя, покраснѣла и, намазанная масломъ, блестѣла, какъ покрытая лакомъ. Болѣзнь узнавалась съ перваго взгляда; я зналъ, что она сопровождается жестокими страданіями, и что за двумя, тремя глубокими разрѣзами могу избавить ее отъ нихъ почти моментально; но какъ быть? Время у меня было размѣрено; я долженъ спѣшить; а операція и перевязка могли легко задержать меня въ случаѣ, на примѣръ, упорнаго кровотеченія, не остановивъ котораго я не могъ бы оставить больную. Сообразивъ все это, я отказался, какъ ни жаль было бѣдную женщину.

„Мнѣ некогда, не могу“, — говорю и сажусь на лошадь. Въ отвѣтъ на мои слова она и какой-то мужчина опять становятся на колѣни, кланяются въ землю и неотступно просятъ о помощи. Слезы изъ глазъ бѣдной женщины падали на усѣянную камнями землю. Прошло нѣсколько тяжелыхъ минутъ колебанія... И не дай Богъ вамъ никогда, читатель, уходить отъ жестоко-страдающаго человѣка, когда вы убѣждены, что можете въ нѣсколько минутъ избавить его отъ мученій! Этотъ человѣкъ не дастъ вамъ покою; всю жизнь вы будете вспоминать о немъ и упрекать себя, если уйдете отъ него, не оказавъ помощи... А я былъ убѣжденъ въ цѣлебной силѣ разрѣза въ данномъ случаѣ... Ну, будь что будетъ, сказалъ я про себя.

— Давай сумку, обращаюсь къ одному изъ конвойныхъ. Въ ней были инструменты и необходимые для перевязки предметы, а вся она находилась въ рукахъ у одного изъ конвоировъ. Но оказывается, что онъ ушелъ впередъ и уже давно... Нечего было дѣлать: я велѣлъ принести чистыхъ тряпокъ, клеенки и воды, и произвелъ не хитрую операцію перочиннымъ ножомъ.

Толпа, стоявшая кругомъ, вся превратилась во вниманіе и ближайшіе къ центру стояли, можно сказать, какъ мертвые.

Произошло же только то, что должно было произойти при вскрытии большого нарыва, и все кончилось благополучно; рука перевязана: больная почувствовала облегчение, и благодарностямъ ея и ея мужа не было конца. Нѣкоторые изъ окружавшихъ меня зрителей обращались ко мнѣ съ цоквадами: — хорошій великій господинъ! великій докторъ! — говорили они, точно я не вѣсть какую премудрость совершилъ передъ ними, и на этотъ разъ, какъ всегда, показывали руки съ поднятымъ большимъ пальцемъ.

Но, не скрою, не совсѣмъ смѣло дѣлалъ я операцію: Богъ знаетъ, какъ могла бы отнестись темная суевѣрная толпа къ подобному дѣйствию профѣзага человѣка!..

Всѣ вещи собраны, окровавленные руки вымыты, и я иду садиться на лошадь, — цора ѣхать; но тутъ опять раздаются голоса изъ толпы:

— Великій господинъ! великій господинъ докторъ! помоги намъ!.. (Больныхъ явилось уже до десятка.)

— Не могу, простите, некогда, — отвѣчаю имъ и, не оборачиваясь, уожу. Они все продолжали кричать: помоги, время есть! Дорога впереди хорошая! И какъ ножомъ рѣзали меня по сердцу...

Грустный, разстроенный и сердитый уѣхалъ я изъ Пэй-Фэй-Сяня... Ёду потихоньку. Жара невыносимая; но вотъ мы спустились въ ущелье къ рѣкѣ, — названія не узналъ: не до разспросовъ было; она течетъ между высокими и почти какъ стѣны отвѣсными горами, которыя подобно необъятнымъ колонамъ подпирали небо, сіявшее золотыми облаками; и влажный и прохладный воздухъ этого ущелья доставлялъ мнѣ послѣ зноя неизъяснимое наслажденіе. Мѣстами на нижней части склоновъ горъ и на самомъ днѣ ущелья, по берегамъ рѣки растутъ прекрасныя деревья, въ зелени которыхъ мелькаютъ домики съ черепичными крышами, издали очень красивые, но вблизи грубые и внутри бѣдные и неудобные. Подъ деревьями пролегалъ дорога, переходя съ одного берега на другой; порхали и пѣли птицы, жужжали насѣкомыя; въ заводяхъ, образуемыхъ рѣкою, копошились водяныя животныя, словомъ все жило полною жизнью... Впрочемъ нѣтъ, не все! На густомъ роскошномъ ясенѣ, къ одному изъ его нижнихъ сучьевъ была привязана поперечная палка, а на концахъ ея висѣли, слегка покачиваясь, двѣ деревянные клѣтки съ человѣческими головами. Страшные предметы для назиданія другимъ! Но я испыталъ на себѣ, какъ мало назидательнаго въ этой выставкѣ отрубленныхъ головъ: какъ ни недавно я въ Китаѣ,

а я ужъ привыкъ видѣть ихъ, и голова недавно живаго человека, думавшаго, страдавшаго въ ожиданіи смертнаго часа, недавно говорившаго,—эта голова, съ закрытыми глазами и сомнутымъ ртомъ, висѣющая въ тѣсной клѣткѣ, теперь не производила на меня сильнаго впечатлѣнія: я смотрѣлъ на нее равнодушно; а китайцы, для которыхъ собственно она вывѣшивалась, относились къ ней еще хладнокровнѣе... Отъ одного встрѣтившагося китайца мы узнали, что эти головы принадлежали двумъ молодымъ людямъ, лѣтъ по двадцати съ небольшимъ, которые напали среди дня на двухъ проѣзжавшихъ купцовъ, ограбили ихъ и убили на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь висятъ ихъ головы. Не успѣвъ скрыться съ награбленнымъ имуществомъ, они были схвачены народомъ и переданы въ руки полиціи.

Продолжаю путь цвѣтущимъ и живописнымъ ущельемъ, но впечатлѣніе, производимое видомъ встрѣчающихся людей, вовсе не гармонируетъ съ могущественной растительностью и красотой здѣшней природы: жители этого очаровательнаго уголка почти всѣ безъ исключенія болѣзненны, худы и малорослы; многихъ можно даже назвать карликами и большинство ихъ съ большими глазами.

Вечеромъ добрался до селенія Та-Хо-Дянь, гдѣ спутники расположились на ночлегъ. У воротъ квартиры собралась толпа, но стояла въ нѣкоторомъ отдаленіи, потому что ея не подпускала привязанная у двери обезьяна, которая дѣйствовала исправнѣе нѣсколькихъ полицейскихъ. Всѣ уже расположились и отдохнули, приготовляясь приняться за ужинъ, присланный сюда начальникомъ города Хуй-Сянь, за цѣлыхъ двадцать пять верстъ; и несмотря на это онъ состоялъ блюдъ изъ пятнадцати! Квартира была просторная, удобная и, видимо, нарочно убрана для пріема насъ; интереснаго въ ней встрѣчается много на каждомъ шагѣ, напримѣръ, внутреннее устройство этого дома было очень оригинально; но нѣтъ досуга, а слѣдовательно и силъ все описать и нарисовать; а чего на мѣстѣ тотчасъ не сдѣлалъ, съ тѣмъ простись: завтра столько же новыхъ впечатлѣній.

26 мая.

Чтобы скорѣе двигаться и не такъ отставать отъ ретивыхъ „ислѣдователей“ Китая, я перемѣнилъ свою лошадь, которая была тяжела и не имѣла скорого шага. Новая была нѣсколько лучше, но совсѣмъ не отставать я никакъ не могъ, если не сложить руки, сказавъ себѣ: ничего, отговорюсь какъ-нибудь тѣмъ,

что туземцы ничего не давали дѣлать—безпрестанно останавливаешься то за тѣмъ, то за другимъ, слѣзаешь съ лошади и по временамъ идешь пѣшкомъ, что, конечно, удобнѣе всего для собиранія.

Поднимаемся на гору, и на встрѣчу спускается караванъ вьючныхъ муловъ, ослонъ и лошадей; дорога такъ узка, что мнѣ приходилось прижиматься къ самой горѣ, чтобъ пропустить навьюченное животное... Но какъ тутъ расходятся два навьюченныхъ мула—и представить себѣ не можешь. Нельзя безъ состраданія смотрѣть на бѣдныхъ животныхъ, взбирающихся на крутыя горы и спускающихся съ нихъ: они шатаются подъ тяжелой ношей и иногда такъ и кажется, что вотъ который-нибудь изъ муловъ обрвется и полетитъ въ пропасть. И я думаю-таки, что подобные случаи здѣсь не рѣдкость...

Бду и забываю, что я въ дорогѣ; опять кажется, что дѣлаешь прогулку въ паркѣ, среди роскошныхъ деревьевъ, разнообразныхъ кустарниковъ и цвѣтовъ; проѣзжаю мимо величественныхъ скалъ, возлѣ шумящихъ ручьевъ, и слушаю поющихъ на разные лады птицъ. Хороша горная дорога, ни съ чѣмъ не сравнима горная страна; но тяжело пробираться по ней тѣмъ, кто по неволѣ долженъ идти черезъ нее во всякій жаръ, да еще съ тяжелой ношей на плечахъ, подобно китайцамъ-носильщикамъ; какъ надрывается тутъ грудь, изнуряются ноги и плечи! Тяжело и моимъ бѣднымъ конвойнымъ, которые идутъ всю дорогу пѣшкомъ; но они еще не несутъ ничего тяжелого; они часто отдыхаютъ на самой дорогѣ или въ трактирахъ...

Войдемте, читатель, и мы; посидимъ немного въ тѣни и выпьемъ чаю,—жарко на дворѣ, а отъ горячаго питья легче дѣлается. Домишко—маленькій, открытый на улицу; въ передней половинѣ стоятъ два, три грубыхъ стола и скамьи; а въ глубинѣ помѣщаются кухня и отдѣльныя комнаты для посѣтителей, желающихъ уединиться отъ остальной публики. Въ кухнѣ устроена длинная печь въ видѣ плиты и на ней въ плоскомъ котелкѣ ключомъ кипитъ вода; передъ плитой сидитъ не отходя пожилой китаецъ, худой, съ страдальческимъ выраженіемъ лица, и постоянно работаетъ мѣхомъ для усиленія дѣйствія огня. Любезно раскланявшійся съ нами хозяинъ трактира состоитъ также и въ должности повара и занятъ въ настоящее время приготовленіемъ нѣсколькихъ порцій лапши, заказанной моими конвоирами. Онъ совершаетъ это такъ искусно и необыкновенно, что вы не

пожалѣете нѣсколькихъ минутъ, мысленно проведенныхъ въ китайской харчевнѣ, и посмотрите на необыкновенное китайское искусство.

Берегъ хозяинъ харчевни кусокъ заранѣе приготовленнаго тѣста, нарѣзаннаго на равныя части въ видѣ цилиндровъ, раскатываетъ на столѣ въ пластинку и, взявъ послѣднюю за оба конца, быстро растягиваетъ ее въ ленту, во всю длину своихъ рукъ; потомъ перехватываетъ по срединѣ и, сложивъ вдвое, снова быстро растягиваетъ до той же длины; потомъ еще, и еще, и въ одну минуту у него въ рукахъ уже цѣлый пучекъ узенькихъ правильныхъ ленточекъ. Каковъ артистъ, и какое удивительное тѣсто! Затѣмъ, держа пучекъ за оба конца, онъ хлопаетъ имъ по столу, всѣ ленточки раздѣляются, и порція вермишели готова. Разрывая ее потомъ на нѣсколько частей, онъ бросалъ ее въ убюмянутый котелокъ съ кипяткомъ, въ которомъ она и варилась. Третій человекъ стоялъ возлѣ этого послѣдняго и минуты черезъ двѣ вынималъ вермишель двумя палочками, клалъ въ чашку, прибавлялъ щепотку какой-то вареной травы, вливалъ немного неизвѣстнаго состава кислой красноватой жидкости; изъ четвертой чашечки бралъ краснаго перцу и прибавлялъ туда же; кто хотѣлъ, тотъ могъ положить еще сахарнаго песку, стоявшаго здѣсь, въ чашкѣ. Получалось блюдо, съ виду похожее на жирный раковый супъ, и подавалось посѣтителю, а онъ вручалъ за него 12 чохъ или, по здѣшнему курсу, 1 $\frac{1}{2}$ копѣйки и, несмотря на то, что кушанье снималось прямо съ огня, немедленно принимался за его истребленіе, не дожидаясь ни минуты, чтобъ оно хотя немного остыло. Я спросилъ и себѣ чашку этого кушанья, чтобъ познакомиться съ его вкусомъ; но могъ только попробовать его, а не ѣсть: это была горячая, кисловатая вода, страшно жгущая горло; но китайцы ѣли ее съ замѣтнымъ удовольствіемъ... Забылъ сказать, что каждый изъ солдатъ, получивъ свою чашку, предлагалъ ее предварительно мнѣ со словами: вы покушайте, господинъ.

— Я ѣлъ, я не буду ѣсть; кушайте пожалуйста, отвѣчалъ я.

Потѣвъ, они закурили свои крошечныя трубочки и, съ шумомъ втягивая воздухъ съ одной стороны открытымъ ртомъ, курили свой промасленный табакъ съ тѣмъ же наслажденіемъ, съ какимъ сейчасъ ѣли кислое подобіе раковаго супа съ вермишелью, а потомъ, также, казалось, съ наслажденіемъ и какъ бы съ нѣкоторою

гордостью, производили громогласную отрывку въ доказательство того, что они очень хорошо пообѣдали...

Однако ѣдемте дальше. Виды безпрестанно мѣняются, но описывать ихъ нѣтъ возможности; да и какъ ни описывай ихъ, все выйдетъ не то, чего я хочу. Рисовать слѣдовало бы красками, а не словами... Очень хорошо вездѣ, куда ни поглядишь!.. Но воздухъ на протяженіи всей дороги наполненъ мiasмами отъ свозимыхъ на поля удобреній; да и почва на самой дорогѣ, хотя и сухая, сильно пропитана выдѣленіями проходящихъ здѣсь во множествѣ животныхъ.

Вскорѣ показалось предмѣстье Хуй-Сяня, а потомъ и самый городъ, расположенный въ ложбинѣ и окруженный рисовыми полями и огородами. Конвойные, которые шли дорогой полуголыми, снявъ свое верхнее платье и неся его въ рукавахъ или на палькѣ за спиной, теперь, соблюдая благочиніе, одѣлись и въ приличномъ видѣ вступили въ городъ. Жители посматривали на меня молчаливо и не то робко, не то почтительно въ такой степени, что я былъ просто удивленъ ихъ скромностью. Когда я проѣзжалъ по улицѣ, на встрѣчу несли въ носилкахъ какого-то мандарина; я раскланялся съ нимъ и получилъ въ отвѣтъ самое любезное привѣтствіе, выраженное поднятіемъ надъ головой сложенныхъ рукъ. Вскорѣ потомъ встрѣтился другой чиновникъ, судя по шляпѣ—военный. Онъ ѣхалъ верхомъ и, еще не доѣзжая до меня нѣсколькихъ шаговъ, мигомъ соскочилъ съ лошади, сталъ въ сторонѣ въ неподвижную позу и смотрѣлъ на меня. Это была изысканная китайская вѣжливость, на которую я не могъ не отвѣтить тѣмъ же, и сойдя съ лошади, поздоровался поклономъ и просилъ сѣсть на лошадь, чтобъ продолжать свой путь; онъ просилъ о томъ же меня. Завязалась борьба двухъ учтивостей и, конечно, китаецъ взялъ надо мною верхъ. Я зналъ, что могъ продержатъ его до ночи на этомъ мѣстѣ, не заставивъ сѣсть на лошадь прежде себя, и потому сдался.

Проѣхавъ еще немного, я вскорѣ увидалъ у воротъ одного дома русскій флагъ, какіе имѣлись при нашемъ транспортѣ, и около нихъ неизбѣжную толпу, стоявшую въ почтительномъ молчаніи;—значить, здѣсь наша квартира. На дворѣ стоятъ нѣсколько человѣкъ солдатъ мѣстной полиціи и какіе-то посторонніе китайцы, которые видимо стараются сдѣлать видъ, что вовсе не изъ любопытства пришли сюда, а такъ, по своимъ дѣламъ.

Вхожу со двора въ комнату, хорошенькую, довольно чистую, полусвѣтлую, съ разноцвѣтными окнами, и спѣшу утолить давно мучившую меня жажду, а потомъ сажусь за препаровку убитыхъ дорогой птицъ, какъ входитъ одинъ изъ приставленныхъ мѣстныхъ полицейскихъ и таинственно сообщаетъ, что „сейчасъ самъ Чжи-Сянь будетъ съ визитомъ“, то-есть, уѣздный начальникъ. Онъ дѣйствительно скоро пріѣхалъ; но визиты мандариновъ, которые могли бы быть и весьма интересны и полезны для насъ, теперь были только тягостны. Не интереснѣе было и ему съ иностранцами, явившимися безъ наряднаго переводчика; и посидѣвъ не болѣе пяти минутъ, мандаринъ уѣхалъ, а вслѣдъ за нимъ явился другой,—только чтобъ представиться намъ, какъ ѣдущій съ нами отсюда дальше до слѣдующаго города. Вскорѣ мѣстный уѣздный начальникъ прислалъ два обѣда, въ каждую квартиру отдѣльно, и за это-то особенно мы говорили ему большое спасибо... Какъ мы отдаривали китайцевъ за ихъ любезности, видно изъ того, что этому, напримѣръ, былъ посланъ въ знакъ памяти убитый дорогой фазанъ! Что дѣлать, — Лунъ-Танъ, все Лунъ-Танъ виновать!

Наступилъ вечеръ, превосходный, тихій; небо было совершенно ясно. Вдругъ, невѣдомо откуда подкралась туча, сверкнула молнія, раздались страшные раскаты грома, и дождь хлынулъ, какъ изъ ведра, такъ что прислуга едва успѣла покрыть циновками наши вещи. Но не прошло и получаса, какъ на небѣ опять не было ни облачка: снова загорѣлись яркія звѣзды, и лунный свѣтъ упалъ на половину нашего двора. Таково вообще свойство горныхъ грозъ... Жалко было спать въ такую ночь, но утомленіе взяло свое; да и вставать завтра надо рано для новыхъ страданій.

27 мая.

По истинѣ можно думать, что насъ преслѣдуетъ непріятель и мы отступаемъ форсированнымъ маршемъ. Не успѣемъ открыть глазъ, какъ изъ „главной квартиры“ являются курьеры съ приказаніями скорѣе выступать. И вотъ въ одно и то же время приходится и работать, и укладывать вещи, и глотать чай, потому что чашку изъ рукъ рвутъ, говорятъ: пожалуйста поскорѣе, ужъ уѣхали всѣ, укладывать нужно... Нервы напрягаются отъ шума и суматохи, отъ досады, что не можешь ничего сдѣлать сколько-нибудь толково, и бранишь свое неблагоприятное стремленіе къ добросовѣстному исполненію принятыхъ на себя обязанностей; а

судьбѣ посылаешь проклятiя за пожалованнаго въ начальнига капитана съ „общегосударственными заданiями“. О, еслибъ изъ Петербурга могли видѣть наше старанiе скорѣе исполнить эти „заданiя“! Если бы посмотрѣли, какъ мы изслѣдуемъ географiю страны, какъ изучаемъ туземную торговлю! Чтѣ бы сказали, какихъ бы наградъ удостоили насъ!.. Но вѣдь есть туземцы—китайцы, которые, какъ извѣстно, ужасно мѣшаютъ всѣмъ ученымъ изслѣдователямъ. А кромѣ того намъ будто бы сказано: „достаточно будетъ и того, если мы вернемся живыми, чтобъ экспедицiя не считалась напрасной“.

Выѣхали. Ѣдемъ по улицѣ. Она для бѣлаго взгляда—та же и все въ ней то же, что и вездѣ въ Китаѣ; одно, что я замѣтилъ здѣсь новаго, это раскрашенные яркими красками лепешки и баранки или бублики, совершенно такiе же, какiе дѣлаютъ и у насъ и такъ же нанизанные связками. Еще замѣтилъ у здѣшнихъ женщинъ оригинальный головной уборъ, въ составъ котораго входитъ особое украшенiе въ родѣ лодочки около полуаршина длины, сдѣланной изъ рога или дерева и выкрашенной въ черный цвѣтъ. Его прикрѣпляютъ большими булавками къ собственнымъ волосамъ и носятъ на затылкѣ.

Дальнѣйшая и сравнительно хорошая дорога пролегла также по живописнымъ горамъ, долинамъ и ущельямъ, столь же густо заселеннымъ, но растительность здѣсь менѣе роскошна и не такъ разнообразна. Сегодня опять сдѣлали два перевала черезъ высокiе края и пройдя верстъ тридцать, остановились въ одной деревнѣ почевать. Начальникъ оставленнаго нами города Хуй-Сяня и сюда выслалъ, еще вчера, оказывается, повара съ запасомъ провизiи; и по приѣздѣ на вочлегъ мы опять нашли готовый обѣдъ... Вотъ до чего простиралось гостепрiимство китайцевъ; вотъ какъ судьба благопрiятствовала намъ, чтобъ только мы могли предаваться спокойно своему дѣлу... Плохо только было сегодня помѣщенiе; оно походило на пустую лавку или проходной сарай,—неудобный, темный и страшно прокопченный дымомъ; черный и блестящiй отъ дымовыхъ осадковъ потолокъ казался вымазаннымъ дегтемъ; чрезъ находившiяся въ немъ щели къ намъ часто падали съ чердака зерна сложенной кукурузы, которую, какъ было ясно слышно, грызли тамъ мыши; а блохи почти всю ночь не дали намъ заснуть... Сонъ же для ежедневно утомляющихся путниковъ—вещь первой важности. Отчего бы, думалось мнѣ, не ставить палатки, которыя везлись

въ нашемъ багажѣ, въ мѣстахъ, гдѣ не находится порядочно помѣщенія?! Но стоитъ ли объ этомъ думать тому, кто ддемъ могъ выспаться; слѣдовало и намъ только скорѣе ѣхать и равнѣе прѣвзжать на ночлеги.

28 мая.

Дорога шла сначала по песчаному руслу, по которому тѣла мелкая рѣчка: кулики разныхъ породъ бродили по ней и были до того довѣрчивы къ человѣку, что подпускали къ себѣ на разстояніе двухъ, трехъ шаговъ. На вершинахъ ближайшихъ горъ стали часто показываться деревни, обнесенныя стѣнами и представлявшіяся поэтому крѣпостцами. Я ужъ упоминалъ о нихъ и говорилъ, что онѣ представляютъ новыя поселенія здѣшнихъ жителей, которые, опасаясь нашествія непріятеля, забираются на эти вышки.

Не мало деревень разсѣяно и въ долинахъ; и когда я проѣзжалъ чрезъ одну изъ нихъ, ко мнѣ подходитъ одна пожилая женщина и подаетъ клочекъ сложенной бумаги, — нашей бумаги европейской, что меня, разумѣется, не мало удивило. Не было обыкновеннымъ явленіемъ и это смѣлое обращеніе ко мнѣ китаянки. Беру и читаю; оказывается записка ко мнѣ отъ нашего переводчика, который передаетъ просьбу этой женщины помочь ея больному сыну, пять лѣтъ назадъ укушенному волкомъ; съ того времени до сихъ поръ рана еще не зажила совсѣмъ. Болѣзнь наружная, значить говорить много не придется, подумалъ я, и сойдя съ лошади, пошелъ за женщиной, которая привела меня къ домику, пріютившемуся у дороги подъ вѣковыми тополями и развѣсистыми грушами. Тутъ на открытомъ воздухѣ стоитъ столъ и возлѣ него скамья. Я присѣлъ. Ко мнѣ тотчасъ подвели мальчика, лѣтъ десяти, на лицѣ у котораго былъ глубокій шрамъ, сильно обезобразившій его лицо, и въ одномъ мѣстѣ остатокъ раны, не закрывавшейся вѣроятно вслѣдствіе одной неряшливости, а можетъ-быть вслѣдствіе слишкомъ усерднаго лѣченія. Я далъ лѣкарства изъ имѣвшагося всегда подъ рукою запаса и растолковалъ, насколько сумѣлъ, какъ его употреблять. Тутъ же возлѣ стола, сидѣлъ слѣпой старикъ, имѣвшій въ обоихъ глазахъ катаракты, удаливъ которые я могъ бы возвратитъ ему зрѣніе, но, разумѣется, могъ сдѣлать это не на ходу, а потому и не сталъ говорить ему о возможности исцѣлить его слѣпоту, чтобъ не отравлять безъ пользы и безъ того тяжкаго существованія, съ которымъ онъ уже помирился въ силу привычки. А вѣдь можно

бы было остановиться дня на три, по прошествии которых большого уже можно бы было предоставить попечению родныхъ.

Меня проводили съ поклонами, и я уѣхалъ. Голоса фазановъ безпрестанно раздавались по сторонамъ дороги и иногда слышались очень близко. Количество ихъ, должно-быть, огромное, и если бы тутъ посвятить день охотѣ за ними, ихъ навѣрно можно бы настрѣлять цѣлые десятки. Но охотиться было некогда, потому что я и такъ отсталъ и ѣду опять одинъ.

Пріѣзжаю въ селеніе Му-Ли-Чэнь. Тутъ на встрѣчу ко мнѣ идетъ одинъ китаецъ, одѣтый въ новое платье и парадную шляпу, учтиво раскланивается и затѣмъ безъ всякихъ объясненій беретъ мою лошадь подъ уздцы и ведетъ во дворъ. Меня, уже привыкшаго къ миролюбивому нраву китайцевъ и тому почету, какимъ они въ послѣднее время постоянно окружали насъ, нисколько не смутило подобное самовольное распоряженіе моей особой, и я предоставилъ ему дѣлать съ собой, что ему угодно. Ведетъ онъ моего коня, и я, нѣкоторымъ образомъ подобно триумфатору, ѣду по улицѣ; по сторонамъ въ почтительномъ безмолвіи стоитъ народъ. Что за чудо? Китайцы—и не кричатъ! Лишь по временамъ слышу то тутъ, то тамъ слова: заморскій докторъ... Мой незнакомецъ и, такъ-сказать, новый начальникъ вводитъ мою лошадь въ ворота одного дома съ большимъ дворомъ, ведетъ чрезъ этотъ послѣдній, и въ глубинѣ, подъ навѣсомъ, я вижу Матусовскаго, сидящаго вдвоемъ съ казакомъ. Китаецъ подвелъ лошадь къ самой галлерей, помогъ сойти съ нея и затѣмъ отвелъ ее подъ навѣсъ, а я присоединился къ своимъ спутникамъ, которые лишь не задолго передъ тѣмъ вѣхали сюда.

— Мы съ вами странствуемъ, точно герои тѣхъ сказокъ, которыя слышали въ дѣтствѣ, говорю я товарищу, подходя къ столу, уставленному блюдами и чашками:—ѣдемъ по невѣдомымъ странамъ и на нашемъ пути, будто по слову добродѣтельной волшебницы, являются добрые люди, разставляютъ для насъ столы съ яствами и шатры съ приготовленными постелями, и съ поклонами приглашаютъ покушать и отдохнуть.

— Да, мнѣ ужъ самому думалось это; только на душѣ тяжело, отвѣтилъ онъ,—такъ тяжело, какъ будто меня самого съѣсть должны.

— Ну ужъ о душѣ не вспоминайте; дайте хотя на нѣсколько часовъ забыться.

— Ну, забудемся; а для этого надо только думать, что мы съ вами вдвоемъ ѣдемъ; будемъ такъ думать и давайте ѣсть. Мы уже поработали сегодня, значить имѣемъ право выпить водки и закусить. Выпей, Матусовскій! обратился онъ къ самому себѣ.

Но кто же эта добродѣтельная волшебница, кто эти для насъ добрые люди, которые такъ заботятся о насъ? Мѣстные китайскія власти и мѣстные жители, которымъ заранѣе отдается приказаніе устраивать для гостей,—гдѣ чай, гдѣ завтракъ. Здѣсь, напримѣръ, насъ принималъ и угощалъ сельскій старшина, конечно, на общественный счетъ и, конечно, въ увѣренности, что мы въ долгу не останемся. Скромный деревенскій завтракъ состоялъ изъ вареныхъ яицъ, очищенныхъ и нарѣзанныхъ кусочками, варенаго молодого картофеля и чаю; но и за то спасибо. Главное было то, что намъ не нужно было самимъ заботиться о хлѣбѣ насущномъ, особенно въ этомъ голодномъ краю.

Толпа зрителей, собравшихся изъ села посмотрѣть на заѣзжихъ гостей, стояла почтительно въ сторонѣ, напоминая не очень старыя для Россіи времена, когда, бывало, крестьяне собирались къ барскому дому и робко посматривали на своихъ пріѣхавшихъ откуда-то изъ „нѣмечины“ и, пожалуй, столь же невиданныхъ господъ. Я въ свою очередь разсматривалъ ихъ. Они были большею частью худы, плохо одѣты и своимъ робкимъ видомъ производили грустное впечатлѣніе. Это все былъ народъ, чернь, простолюдинъ, да еще несчастный, полуголодный, измученный, а не тѣ бѣлые, круглолицыя щеголи въ разноцвѣтныхъ одеждахъ, какіхъ каждому, вѣроятно, приходилось видѣть изображенными на чайныхъ ящикахъ, вазахъ и другихъ китайскихъ издѣліяхъ и можетъ-быть думать, что всѣ китаецы таковы.

Мы дали хозяину бездѣлицу за его хлопоты, а онъ въ благодарность два раза поклонился намъ въ землю, словно не вѣсть что получилъ отъ насъ. Уѣзжая со двора, мы поблагодарили его еще словами, но пожалѣли, что сдѣлали это, потому что онъ опять бухнулъ намъ въ ноги и тѣмъ ужасно смутилъ насъ, хотя для него это было, конечно, только обычаемъ, освященнымъ вѣками, и какъ видно, такимъ же обыкновеннымъ дѣйствіемъ, какъ для насъ рукопожатіе или сниманіе шляпы съ головы. Въ этомъ обычаѣ сказывался, между прочимъ, порядокъ государственной жизни и взаимныхъ отношеній гражданъ между собою; но должно замѣтить, что онъ не вездѣ въ употребленіи. Можетъ-быть, въ этомъ добровольномъ самоуниженіи проявлялся свѣжій слѣдъ

недавно затихнувшей войны,—въ область, по которой она пронеслась, мы теперь вступаемъ.

По мѣрѣ нашего движенія впередъ, деревни на вершинахъ горъ встрѣчаются все чаще и чаще и составляютъ главный предметъ моихъ наблюденій. Они занимаютъ на горахъ весьма небольшія площади, такъ что дома ихъ сбиты въ тѣсную кучу, просто сидятъ одинъ на одномъ; по крайней мѣрѣ такъ кажется, когда смотришь на нихъ снизу. Мнѣ очень хотѣлось бы подняться къ одному изъ такихъ селъ и посмотрѣть на жизнь его обитателей, но для этого потребовалось бы нѣсколько часовъ; мнѣ же приходилось дорожить почти минутами. Подождемъ удобнаго случая,—авось онъ представится.

Ночевали въ селѣ, въ хорошо устроенномъ домѣ, но пропитаннымъ дымомъ, такъ что даже чувствовалась горечь въ горлѣ. Сюда также былъ высланъ поваръ и, по приѣздѣ на ночлегъ, мы нашли готовый обѣдъ и ужинъ. Вечеромъ опять разразилась гроза и освѣжила накаленный за день воздухъ.

29 мая.

День сулитъ быть очень жаркимъ, потому что, несмотря на ранніе часы, солнце уже жжетъ; душно, несмотря на самую легкую одежду; но начальникъ нашъ нарядился въ суконный форменный сюртукъ, вѣроятно потому, что китайцы (по преимуществу) по платью встрѣчаютъ, а когда съ ними нельзя объясняться, такъ и провозжаютъ по платью... Но воображаю его положеніе. Впрочемъ, какъ же иначе отличиться отъ другихъ, чтобъ приѣзжающихъ послѣ не считали за болѣе важныхъ; онъ же всюду ѣхалъ въ качествѣ нашего квартирмейстера.

Мы проѣзжали превосходными мѣстами: на большомъ пространствѣ почти непрерывно тянулся молодой лѣсъ, наполненный множествомъ разнородныхъ птицъ, между которыми было не мало и нашихъ знакомыхъ: иволга, удова, горлянокъ, соея, скворцовъ и другихъ; мириады насѣкомыхъ поднимались изъ травы и жужжали въ воздухѣ... Вотъ бы дневу тутъ сдѣлать! Въ одинъ день тутъ до тысячи интереснѣйшихъ экземпляровъ можно бы приобрести, и почти не сходя съ мѣста... Но мы ѣдемъ и ѣдемъ... И вспоминаются мнѣ группы слѣпыхъ нищихъ, бродящихъ по дорогамъ, или партіи арестантовъ, обязанныхъ придти въ назначенное время въ назначенное мѣсто; представляются погонщики муловъ, которые ужъ въ сотый разъ проходятъ съ транспортомъ

по этой дорогѣ и которыми поэтому все приглядѣлось и надоѣло, и одна у нихъ завѣтная мечта:—Господи! хоть бы до мѣста поскорѣе добраться! Вотъ та же мечта и у нашего „квартирмейстера“. И я жалѣлъ, что не былъ въ то время слѣпцомъ или тупымъ погонщикомъ муловъ: тогда я бы не страдалъ о томъ, что все безвозвратно проходило мимо. Многое, что можно было добыть и привезти съ собою, оставалось невзятымъ; многія явленія—недосмотрѣнными; причины и смыслъ событій, недавно совершавшихся здѣсь—непонятыми...

Извините, читатель,—это „бредъ идеалиста“, человѣка гонящагося за призраками, за несущественнымъ. Существеннаго мы не пропускаемъ. Пища, сонъ и нѣкоторыя развлеченія въ видѣ почетныхъ пріемовъ,—вѣдь вотъ что въ путешествіи существовавшее. Вотъ въѣхали въ селенье; приглашаютъ войти въ домъ и предлагаютъ завтракъ. Китаецъ опять ведетъ въ поводу мою лошадь, и я въѣзжаю въ узенькій, открытый сверху, корридоръ, оканчивающійся въ глубинѣ красиво отдѣланнымъ щитомъ. Остановился передъ нимъ и, сойдя съ лошади, прошелъ за провожатымъ во дворъ, очень чистый, окруженный новыми постройками, съ галлереей кругомъ всего двора. Вхожу въ чистую и мило убранную комнату; канъ покрытъ новыми бѣлыми войлоками и на нихъ положены подушки, цилиндрической или кубической формы; стѣны украшены картинами; посреди ея стоитъ столъ, уставленный разными кушаньями и между прочимъ земляникой. Позавтракали, отдохнули и ѣдемъ дальше. Вниманію и любезностямъ китайцевъ нѣтъ предѣловъ; они просто рѣшились обворовать насъ. Сегодня, напримѣръ, къ обыкновеннымъ конвойнымъ присоединились еще новые, выѣхавшіе на встрѣчу солдаты, въ полномъ парадѣ, съ желтыми и бѣлыми знаменами въ рукахъ, и всадники.

Мы ѣдемъ вдвоемъ съ Матусовскимъ и бесѣдуемъ о занимающемъ насъ будущемъ. Гдѣ остальная компанія—не знаемъ; думаемъ впереди, вонечно. Вдругъ насъ обгоняетъ начальникъ со свитой. Они проскакали галопомъ впереди и—читатель не повѣритъ—пѣшіе конвойные принуждены были бѣжать за ними подъ жгучими лучами солнца!.. Неизвѣстно откуда взявшаяся и куда сбѣжавшая кавалькада скрылась вдали; а мы продолжали ѣхать шагомъ по дорогѣ, по сторонамъ которой на глаза безпрестанно попадались слѣды разрушенія въ долинахъ и новые поселки на мавушкахъ горъ. Еще встрѣтили двѣ клѣтки съ отрубленными головами; отъ одной остались только волосы, другая же была

еще настолько свѣжа, что сохранилось выраженіе лица и можно было опредѣлять возраст казненнаго,—ему было лѣтъ тридцать; а выраженіе лица казалось совершенно покойнымъ. Раны на шеѣ нельзя было видѣть, потому что на дно клѣтки обыкновенно вкладется нѣсколько соломы; а мнѣ интересно было, потому что по ней можно заключить о быстромъ дѣйствіи меча.

30 мая.

Утро. На травѣ лежитъ обильная роса, сверкая миллионами брилліантовъ; на вершухахъ горъ висятъ облака: въ воздухѣ пахнетъ сѣномъ. Горы постепенно становятся все ниже и ниже; онѣ даже не заслуживаютъ этого имени, а сворѣе могутъ быть названы высокими холмами; склоны ихъ покрыты травою или полями еще зеленой пшеницы, и мѣстность очень напоминаетъ холмистыя полосы Россіи; да и деревни здѣсь похожи на наши. Пусто, безмолвно кругомъ; только вѣтеръ шумитъ въ листьяхъ одиноко стоящихъ деревьевъ, волнуется колосья пшеницы, и волны его, точно пламя, перебѣгаютъ снизу до верху по нивамъ, расположеннымъ на склонахъ горъ.

Горная страна кончилась. Характеръ мѣстности рѣзко пере-мѣнился, и жаль мнѣ стало тѣхъ роскошныхъ и оживленныхъ долинъ, которыя теперь остались позади насъ. Тутъ поля пусты и на нихъ лишь изрѣдка увидишь человѣка, работающаго гдѣ-нибудь съ киркою въ рукѣ или съ плугомъ на парѣ воловъ.

Мы приближались къ сѣверной окраинѣ перейденнаго хребта горъ и на мгновеніе въ разсѣлиніи одного ущелья передъ глазами мелькнула синяя даль, которой мы нигдѣ ни разу не видали съ самаго вступленія въ горы. Постепенно спускаясь по зигзагамъ извиистой дороги, мы очутились наконецъ въ глубокой и оживленной долинѣ. Она вся была усыяна крошечными деревеньками и отдѣльными домиками, пріютившимися подъ тѣнью великолѣпныхъ деревьевъ...

Она промелькнула передъ глазами и скоро забылась, какъ сонъ; а дорога вошла въ ущелье или сухое русло, усыянное галькой; по дну его бѣжалъ, въ одномъ направленіи съ нами, быстрый и шумный ручей или рѣчонка съ водою грязно-желтаго цвѣта; холмы, окаймляющіе ущелье, состоятъ изъ желтой и красной глины, а также слюдистаго сланца и почти невоздѣланы; на ихъ вершинахъ видѣются зубчатые стѣны укрѣпленныхъ деревень,—и вотъ все, что встрѣчаетъ здѣсь глазъ. Это одно-

образное и скучное ущелье тянулось бесконечно долго, нагоняя скуку, которую увеличивалъ еще сильный вѣтеръ; онъ безпрестанно срывалъ шляпу, мѣшалъ читать и писать, что я обыкновенно дѣлалъ сидя на лошади, когда смотрѣть было не на что и собирать нечего.

Наконецъ, стѣны ущелья раздвинулись, и оно превратилось въ песчано-каменистую лошину, по бокамъ которой стояли невысокіе холмы, пестрѣвшіе пашнями, точно усталые множествомъ ковровъ желтаго, зеленаго и оранжеваго цвѣтовъ. Поля во многихъ мѣстахъ расположены террасами, отчего крутые склоны холмовъ казались расчерченными правильными горизонтальными линіями и между этими послѣдними на широкихъ вертикальныхъ площадкахъ виднѣлись маленькія черныя арки, какъ будто отверстія какихъ-то пещеръ или норъ, которыя оказались входами въ особаго рода человѣческія жилища. Селенія здѣсь многочисленны; при нихъ разведены большіе фруктовые сады; но послѣдніе часто не обнесены никакой оградой, что въ Китаѣ явленіе совсѣмъ не обыкновенное, невольно останавливающее на себѣ вниманіе; и тотъ, кто побывалъ въ нѣсколькихъ китайскихъ селахъ, непременно спросить: отчего же тутъ нѣтъ стѣны кругомъ?

Дѣйствительно, эти раскрытые сады суть послѣдствія все той же недавней войны китайцевъ съ мусульманами, какъ и безпрестанно всюду встрѣчающіяся развалины домовъ и деревень. Отъ послѣднихъ нѣрѣдко не осталось и половины; за то увеличились кладбища, на которыхъ, какъ не трудно замѣтить, разомъ прибавилось много свѣжихъ коническихъ могилъ, обмазанныхъ глиною. Слѣды разрушенія и погрома на каждомъ шагу становятся все чаще и ужаснѣе... Вотъ стоитъ высокая глиняная стѣна, окружающая большую площадь четырехугольной формы; это обыкновенный видъ большаго села. Ворота, ведущія внутрь его, открыты; но, странно, людей нигдѣ не видно, ни въ нихъ, ни вблизи ихъ; подъѣзжаю ближе, заглядываю внутрь, и вмѣсто предполагаемаго оживленнаго села, вижу передъ собою гладкую площадь, заросшую травой, да десятокъ могилъ, возвышающихся надъ нею... Что же это значитъ? невольно спрашиваешь себя, ошеломленный этимъ зрѣлищемъ. А это значитъ, что всѣ жители его переселились къ предкамъ или ушли на вершину горы, основавъ себѣ тамъ новое село, что виднѣется неподалеку на Макузикѣ.

Вечерѣтъ. Въ селахъ тихо, дымки дыматся, потому что готовить ужинъ; вдали слышно отвратительное ржаніе словъ. До Цань-Чжоу остается, говорятъ, только мять ли; спутники навѣрно ужъ тамъ, а я подвигаюсь одишь съ своими десятью конвойными. Вотъ и предмѣстье города. Жители его поспѣшно выбѣгаютъ изъ своихъ домовъ на дорогу, чтобъ взглянуть еще на одного заѣзжаго человѣка. Ихъ громкіе крики: прѣхаль! прѣхаль! — доносятся въ городъ, и изъ его воротъ тоже высыпаетъ народъ и выстраивается, словно по командѣ, по обѣимъ сторонамъ дороги. Въѣзжаю въ ворота небольшія и невзрачныя, за то улица слѣдующая за нимъ очень оживлена и по-своему красива, благодаря многимъ деревьямъ, а также выходящимъ на улицу фронтонамъ ватвѣливо отдѣланныхъ кумирень.

По количеству людей на улицѣ непривычный человѣкъ предположилъ бы, что въ городѣ праздникъ или базарный день; но ни того, ни другаго сегодня здѣсь нѣтъ и необыкновенное оживленіе произведено только нашимъ прѣздомъ: сегодня мы герондны, и кому бы ни взглянуть въ лицо изъ этихъ тысячъ человѣкъ, непременно встрѣтитъ его взглядъ. Вся толпа состоитъ изъ однихъ мужчинъ; а женщины выглядываютъ изъ дверей, изъ лавокъ или изъ узенькихъ слѣпыхъ переулочковъ; но даже изъ этихъ безопасныхъ позицій онѣ выглядываютъ съ робостью, почти со страхомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ съ нежиряющимъ любопытствомъ, какое написано на ихъ лицахъ.

Прѣхаль на квартиру и войдя въ комнату, я былъ пріятно пораженъ чистотою ея стѣнъ и потолоковъ, оклеенныхъ бѣлѣйшей бумагой, и блескомъ черной деревянной мебели, какъ видно за-ново выкрашенной и покрытой лакомъ. Очевидно весь домъ былъ отдѣланъ передъ нашимъ прѣздомъ и, очень можетъ быть, для нашего прѣзда. Эти чистенькія комнаты, просторный чистый дворъ, бѣлый золотяный навѣсъ надъ нимъ для защиты отъ солнца; чисто одѣтая и утонченно вѣжливая прислуга, предупреждающая малѣйшія желанія; ни одного посторонняго человѣка на дворѣ; поданный великолѣпный обѣдъ,—все выражало самое любезное вниманіе со стороны туземцевъ. Все это, съ другой стороны, располагало Сосновскаго въ тому, чтобъ мы не спѣшили уѣзжать отсюда и подъ предлогомъ потѣшныхъ астрономическихъ „наблюденій“ остались здѣсь на нѣсколько дней; и завтра рѣшено даже сдѣлать визиты здѣшнимъ мадамъ.

Визиты назначены въ часъ пополудни, о чемъ они были увѣ-

домлены, но по существующимъ у насъ обычаямъ мы собрались только къ четыремъ, и слѣдовательно заставили мандариновъ потерять цѣлый день въ скучномъ ожиданіи нашего посѣщенія... Лучше было бы ужь совсѣмъ не ѣздить, — до того было совѣстно переть китайцами. Но мы отправились. Облечшись въ полную парадную форму и разбѣстившись въ пяти паланкинахъ, которые каждый несли четыре китайца и также каждый сопровождали четыре конвойныхъ солдата въ парадной формѣ, мы отправились. Кромѣ конвоировъ впереди процессіи ѣхали веркомъ нѣсколько человекъ мандариновъ младшихъ чиновъ. Насъ несли чрезъ улицы по узенькой дорожкѣ, оставшейся между двумя живыми стѣнами собравшихся жителей, вонечно давно извѣщенныхъ о томъ, что иностранцы поѣдутъ сегодня туда-то и туда-то. Погода была великолѣпная; картина оживленная и интересная, и я жалѣлъ о томъ, что ѣхалъ въ носилкахъ, а не находился гдѣ-нибудь въ сторонѣ, на небольшомъ возвышеніи, чтобъ оттуда посмотрѣть на нашу процессію, двигавшуюся посреди этой тѣсной улицы, залитой народомъ и осѣненной тѣнью вѣковыхъ деревьевъ.

Проѣзжая по городу, я могъ видѣть только, что дома стоятъ очень тѣсно, что улицы узки, вымощены камнемъ, но ужасно изрыты, потому что мостовыя не поддерживаются; что въ городѣ много лавокъ, и народъ кипитъ повсюду, какъ муравьи. Первый визитъ былъ къ Дао-Таю. Подѣхавъ и остановившись у воротъ, мы долго ожидали возвращенія слуги, который пошелъ доложить; наконецъ онъ вернулся и объяснилъ, что барина дома нѣтъ. Ясно, что Дао-Тай былъ дома, только не захотѣлъ насъ принять: иначе зачѣмъ было слугѣ уходить? Развѣ слуга въ Китаѣ можетъ не знать, дома или нѣтъ его господинъ!

Получивъ этотъ заслуженный уронъ вѣжливости, мы отправились къ Чжи-Сяню. Онъ тоже заставилъ насъ простоять у воротъ довольно долго, не встрѣтилъ насъ на дворѣ, какъ того требовала китайская учтивость и какъ это всегда дѣлается съ тѣми, кто самъ вѣжливъ; однако принялъ. Онъ былъ еще молодой человекъ, бѣлый, умѣренно полный, съ серьезнымъ и умнымъ лицомъ и самыми изящными манерами. Соблюдая до тонкостей всѣ правила этикета, онъ усадилъ насъ на почетныя мѣста, самъ снималъ съ подноса, принесеннаго слугою, чашки съ чаемъ и ставилъ около каждаго по одной; но опять не просто, а по правиламъ этикета: онъ бралъ каждую чашку не иначе, какъ двумя руками и прежде чѣмъ поставить около гостя, поднималъ ее

передъ собой выше головы. Поставивъ ихъ всѣ, онъ сѣлъ на послѣднее, даже низенькое; мѣсто и, опять изъ учтивости, молчалъ въ ожиданіи начала бесѣды.

Читатель уже знаетъ, конечно, что она началась краткимъ повѣствованіемъ о постигшемъ насъ бѣдствіи, отразившемся и на участи мандариновъ; потомъ Сосновскій попросилъ его указать, гдѣ здѣсь находится домъ Конфуція (жившаго, какъ извѣстно, за 500 лѣтъ до Р. Х.), но получилъ отвѣтъ, что онъ находится не здѣсь, а въ другомъ городѣ Цинь-Чжоу, въ провинціи Ху-Бэй; спрашивалъ о могилѣ императора „Фуся“, и ее также ему не могли указать, въ чемъ нѣтъ ничего мудренаго, такъ какъ Фу-Си жилъ почти за 3000 лѣтъ до Р. Х. Поговорили еще о чемъ-то подобномъ и замолчали.

Умный китаецъ счелъ нужнымъ выразить удивленіе, что мы, иностранцы, знаемъ о Кунь-Фу-Цзы и даже о Фу-Си. Это очень ободрило Сосновскаго, и онъ заставилъ его удивиться еще болѣе тѣмъ, что назвалъ ему нѣкоторыя изъ царствовавшихъ въ Китаѣ династій. Чжи-Сянь выразилъ свое новое удивленіе вопросомъ: по какимъ же книгамъ познакомились вы съ нашею страной?

— А по англійскимъ, французскимъ и нѣмецкимъ, и наконецъ по русскимъ источникамъ, весело отвѣтилъ тотъ.

Матусовскій взглянулъ на меня, и въ его взглядѣ выразился вопросъ: какъ же мы думали, что нашъ начальникъ на иностранныхъ языкахъ не читаетъ?

Затѣмъ Сосновскій высказалъ свое мнѣніе о китайскихъ сочиненіяхъ о Россіи,—одно похвалилъ, а другаго даже не совѣтывалъ читать!...

Этого было ужъ вполне достаточно, чтобъ кончить визитъ, и мы уѣхали, чтобы сдѣлать еще одинъ, послѣдній, къ начальнику мѣстныхъ войскъ.

Пріѣзжаемъ въ лагерь, расположенный на окраинѣ города. Бѣдный военный генераль, продежурившій цѣлый день въ форменномъ платьѣ, былъ повидимому очень невлобиваго характера и, простивъ намъ нашу неделикатность, принялъ насъ, не заставивъ долго ждать у своихъ воротъ, чего мы ужъ сами ожидали и на этотъ разъ.

Онъ былъ небольшого роста толстякъ и съ самой дюжинной фізіономіей простаго солдата. Хотя наружность часто и бываетъ обманчива, но на этотъ разъ она едва ли говорила неправду, потому что генераль, казалось, былъ очень простъ, о чемъ я заклю-

чилъ по нѣкоторымъ его взглядамъ, такъ и выдававшимъ его невѣдѣніе во всѣхъ областяхъ знанія, начиная съ его специальности, т.-е. военнаго дѣла. Мнѣ особенно потому казалось это, что одинъ изъ его адъютантовъ или совсѣмъ не давалъ ему сказать ни одной фразы, или какъ бы диктовалъ то, что слѣдовало говорить, и генераль произносилъ ее, какъ бы отъ себя. Такъ продолжалось во все время визита. Задасть, наприимѣръ, ему Сосновскій вопросъ: сколько разъ въ недѣлю его солдаты мѣняютъ бѣлье? Генераль приготовится отвѣчать съ видомъ экзаменуемаго гимназиста, но только отворитъ ротъ, какъ адъютантъ ужъ отвѣтилъ. Непосредственно за этимъ отвѣтомъ слѣдуетъ новый вопросъ нашего предводителя о томъ, какъ дѣйствовала армія Ли-Хувъ-Чжана противъ мусульманъ? Адъютантъ отвѣчаетъ: „да-жень-бу-чжи-дао“, т.-е. генераль не знаетъ! И въ такихъ случаяхъ генераль ужъ и не пробуетъ возражать, и ни мало не удивляется, почему этому шустрому человѣку извѣстно, что онъ знаетъ, а чего и знать не можетъ. Разговоръ происходилъ, какъ будто съ нимъ, потому что къ нему обращались, но въ сущности онъ только слушалъ, невинно посматривая то на того, то на другаго, и все только собирался отвѣчать намъ; а Сосновскій такъ и засыпалъ его вопросами, точно выучилъ ихъ предварительно на память и боялся позабыть.

Смотря на эту сцену, я даже подумалъ, не переодѣтый ли это генераломъ солдатъ, не хитрость ли тутъ или не насмѣшка ли какая со стороны китайцевъ, которые, говорятъ, продѣлываютъ иногда подобныя вещи. Мнѣ постоянно казалось, что адъютантъ опасался, какъ бы „его превосходительство“ не сморозилъ чего-нибудь лишняго, и что назначеніе его при мнимомъ генералѣ въ томъ и состояло, чтобъ не давать ему говорить во избѣжаніе какой-нибудь бѣды.

Визитъ кончился; генераль весьма любезно проводилъ насъ чрезъ дворъ, на которомъ въ два ряда стояли офицеры и оставались тутъ до тѣхъ поръ, пока мы не сѣли въ носилки и не уѣхали. Теперь каждаго изъ насъ сопровождали по восьми человекъ солдатъ въ новенькомъ форменномъ платьѣ; они проводили насъ до дому и вернулись. А къ намъ вскорѣ послѣ нашего возвращенія домой пріѣхалъ Дао-Тай, въ тотъ самый часъ, въ который назначилъ, и этимъ далъ второй урокъ вѣжливости. Онъ просидѣлъ у насъ съ полчаса, которые прошли въ убогихъ разговорахъ, производившихся только потому, что нельзя же было

сидѣть молча, и главнымъ предметомъ разговора былъ, — читатель не повѣрить, — оная пороги Луиъ-Танъ!... И какъ онъ надоѣлъ, какъ наскучили все одни и тѣ же разговоры, которые переводчики должны были давно знать на память, тѣмъ не мѣше между ними почти каждый разъ происходила чуть не ссора. Сегодня, напримеръ, Сюй началъ было рассказывать, что при крушеніи лодки у насъ погибли табакъ, свѣчи, сахаръ и другія подобныя цѣнности, какъ вдругъ Андреевскій, конечно въ силу распоряженія начальства, напустился на него:

— Кто тебя просить рассказывать, что пропало? Ты говори просто, что много хорошихъ вещей погибло. Старикъ, опѣшивъ, остановился и сдѣлалъ видъ, что теперь понял. Онъ поправился и объявилъ, что не табакъ и свѣчи, а хорошія, дорогія вещи погибли на Луиъ-Танъ...

Ужасно хотѣлось бы знать, какое впечатлѣніе выносили мандарины изъ свиданій съ нами; много ли они понимали изъ того, что имъ говорилось, и въ какой формѣ это доходило до ихъ сознанія; но наше нѣмое и конфузное положеніе во время визитовъ было такъ тягостно, что я всякій разъ былъ радъ, когда они кончались, и свѣшилъ чѣмъ-нибудь развлечь себя, чтобъ поскорѣе позабыть то, что говорилось и какъ говорилось.

И вотъ, только-что Дао-Тай уѣхалъ, я отправился вмѣстѣ съ Танъ-Лоѣ въ городъ. Проходя улицей, я замѣтилъ женщину, проѣхавшую по улицѣ верхомъ подъ густою черною вуалью, чего не встрѣчалъ прежде ни въ одномъ изъ видѣнныхъ городовъ. Лошадь ея велъ подъ уздцы китаецъ въ парадной шляпѣ, т. е. соломенной, конической формы, съ красною кистью наверху. Заходя во дворы, находящіеся при храмахъ, я видѣлъ на нѣкоторыхъ изъ нихъ превосходныя деревья (софоры), старыя и уже разрушающіяся, но заботливо поддерживаемыя китайцами при помощи желѣзныхъ обручей или цѣпей и подпорокъ, предохраняющихъ дряхлыя сучья отъ паденія. Возрастъ одной софоры (хуай-шу) мѣстные жители опредѣляютъ въ 700 лѣтъ. Видѣлъ я въ городѣ много прелестныхъ уголковъ и красивыхъ кумиренъ; встрѣчалось много изящно отдѣланныхъ воротъ, миниатюрныхъ двориковъ, чрезвычайно мило убранныхъ живою зеленью, и т. п. Все было интересно, и все просилось на бумагу. Жители, конечно, густою толпою сопровождали насъ всюду.

Вернувшись домой, я узналъ о визитахъ двухъ другихъ мандариновъ и радъ былъ, что они совершились безъ меня; спутники

мои сидѣли уже за столомъ, собираясь ужинать, и вели между собою бесѣду о томъ, какъ ѣхать дальше. Между Цинь-Чжоу и Лань-Чжоу-Фу, куда лежалъ нашъ путь, существуютъ два тракта: одинъ телѣжный, нѣсколько окольный, черезъ г. Гунь-Чань-Фу, и другой болѣе прямой, но вьючный. Разговоръ объ этомъ уже происходилъ два дня назадъ, и Сосновскій рѣшилъ ѣхать первымъ путемъ, представляя намъ слѣдующія выгоды:

„Въ торговомъ отношеніи, говорилъ онъ, для насъ чрезвычайно важно изслѣдовать телѣжный путь, по которому проѣзжаютъ кушцы съ товарами. Въ естественно-историческомъ отношеніи представляется большой интересъ, потому что мы болѣе пододимся на западъ, къ границамъ Тибета; втретьихъ, въ телѣгахъ удобнѣе везти багажъ, чѣмъ на вьюкахъ и, наконецъ, это будетъ дешевле стоить: во времени же разница пустая,—тутъ всего однимъ днемъ больше“.

Мы были совершенно согласны съ приведенными основаніями и радовались всякой лишней миле, видѣнной и хотя сколько-нибудь изслѣдованной въ такой малоизвѣстной странѣ, новыми свѣдѣніями о которой такъ будетъ интересоваться весь просвѣщенный міръ. Итакъ, вопросъ считался рѣшеннымъ; но вдругъ сегодня по совершенно неизвѣстнымъ для насъ причинамъ начальникъ измѣнилъ намѣреніе и предлагалъ идти кратчайшимъ путемъ на вьючныхъ животныхъ. Не представляя никакихъ преимуществъ послѣдняго пути, онъ просто говорилъ, что идти на Гунь-Чань-Фу совсѣмъ не стоить, а что гораздо интереснѣе узнать здѣшній вьючный трактъ, потому что телѣжные пути вездѣ одинаковы. Кромѣ того, по дорогѣ на Гунь-Чань-Фу, говорилъ онъ, нужно переправляться черезъ р. Бэй-Хо, которая послѣ ненастной погоды разливается и можетъ насъ задержать. Теперь онъ находилъ, что и въ естественно-историческомъ отношеніи здѣсь больше интереса, потому что здѣсь будутъ горы; а кромѣ того, тутъ оказывается дешевле на 20,000 чохъ (20 или 25 руб. по здѣшнему курсу).

Эта поразительная перемена взглядовъ была такъ рѣзка и неожиданна, что Сосновскій нашелъ нужнымъ спросить насъ, какого мы мнѣнія. Мы высказались за первый путь, какъ главный и болѣе длинный, сказавъ, что лишній расходъ въ 20—25 руб. на всю экспедицію ужъ такіе пустяки, что ихъ рѣшительно не стоить принимать въ расчетъ. Матусовскій даже утверждалъ, что разница въ стоимости проѣзда по собраннымъ имъ свѣдѣ-

ніамъ будетъ еще менѣе. Соеновскій однако стоялъ за вѣчный трактъ, и рѣшеніе вопроса оставили до другого дня.

На слѣдующій день меня разбудили и, какъ вылитый на меня кувшинъ холодной воды, заставили вскопчить слѣдующія слова казака Смокотнина:

— Ваше высокоблагородіе! кошка-то птичекъ вашихъ всѣхъ попортила.

Эти мои „птички“ были приготовленныя въ дорогѣ чучела, которыя въ числѣ около пятидесяти были разложены въ сосѣдней комнатѣ для просушки. Глупая кошка, вѣроятно наѣвшаяся мышьяку, которыми промазываются шкурки, къ счастью ограничилась уничтоженіемъ четырехъ штукъ, но и ихъ было жалъ, потому что вѣдь это работа моихъ собственныхъ рукъ, трудившихся безъ одного помощника... Я утѣшилъ себя тѣмъ, что могло быть гораздо хуже, и принялся за свои занятія.

Всѣ сидѣли или ходили на дворѣ передъ домомъ въ тѣни бѣлаго тента, куда я вынесъ себѣ столъ и стулъ и производилъ тутъ перекладку растений, отнимавшую у меня много времени и которую я легко могъ бы довѣрить казаку, если бы имѣлъ такого, а самъ бы дѣлалъ другое, чего ни казакъ, ни кто другой не могли исполнить: я говорю о рисункахъ, которые въ путешествіи составляютъ одно изъ самыхъ цѣнныхъ приобрететей. Къ сожалѣнію, начальникъ плохо пользовался моими способностями, хотя и отдавалъ справедливую дань таланту и добросовѣстному отношенію къ дѣлу. Когда я сдѣлалъ сегодня рисунокъ нашего двора, онъ подходитъ ко мнѣ и, слѣдя за работой, говорить:

— Просто удивительно, съ какой быстротой вы работаете! И у васъ замѣчательно вѣрный взглядъ; вы необыкновенно точно схватываете формы и передаете колоритъ *).

Онъ подходилъ нѣсколько разъ; но сегодня былъ особенно невеселъ и часто вздыхалъ.

— Что вы такъ скучны, Юліанъ Адамычъ, спрашиваю его,— здоровы ли вы?

— Нѣтъ, ничего, здоровъ, а такъ скучно; теперь скучная дорога

*) Привожу эти слова, важныя для меня, какъ отзывъ чловѣка, который видѣлъ всѣ мѣста, снятыя мною, и слѣдовательно могъ слѣдить копій съ оригиналами, вѣрно судить о точности моихъ снимковъ, чтѣ составляло для меня главную задачу при составленіи коллекціи видовъ Китая.

пойдетъ... А тутъ сегодня хронометръ забыть завести... Ахъ ты, Богъ ты мой!... Хоть бы до Лань-Чжоу скорѣе доѣхать.

— Да что жь особеннаго въ Лань-Чжоу? Интересно, разумеется, — совершенно незнакомый городъ; но больше-то что жь?

— Э, нѣтъ, батенька! Намъ бы только до Лань-Чжоу добраться, а ужъ тамъ!.. Онъ не кончилъ какой-то своей мысли.—Вѣдь онъ входитъ въ область нашего торговаго вліянія... Это самый важный пунктъ изъ всего путешествія, прибавилъ онъ...

Въ это время явился посланный отъ здѣшняго Дао-Тая и прервалъ нашъ разговоръ, и мнѣ такъ и не удалось узнать въ чемъ заключается для насъ важность Лань-Чжоу. Посланный привезъ подарки въ отвѣтъ на полученный отъ нашего начальника (пистолеть монтекристо съ коробочкой патроновъ, которые я уступилъ по его просьбѣ, такъ какъ дарить, по его словамъ, было нечего).

Читателю конечно интересно будетъ познакомиться съ характеромъ подарковъ мандарина, а потому я назову ихъ. Онъ прислалъ китайскую пашку, ящикъ чаю, по ящику сухихъ фруктовъ нѣсколькихъ сортовъ и сахару въ видѣ леденца, и всего въ большомъ количествѣ. Нѣкоторые изъ этихъ предметовъ, хотя они вовсе не составляли рѣдкости и находились всюду въ продажѣ, поступили цѣликомъ, будто бы въ „собраніе образцовъ для предполагаемой выставки предметовъ, вывезенныхъ экспедиціей изъ Китая“.

Послѣ обѣда я пошелъ съ альбомомъ въ городъ, чтобы сдѣлать рисунки съ интересовавшихъ меня и замѣченныхъ пунктовъ. Расположился на улицѣ, и толпа около меня страшная; полицейскіе, несмотря на мои просьбы и приказанія не бить людей, работали палками съ необычнымъ усердіемъ, тѣмъ не менѣе едва могли сдерживать натискъ возбужденныхъ любопытствомъ зрителей. Пыль и отвратительныя испаренія душили меня; а отъ неистовыхъ криковъ ни на секунду не умолкавшей толпы, голова, казалось, готова была треснуть... Прибавьте къ этому расслабляющій жаръ, и вы поймете, что, не сдѣлавъ привычки, при подобной обстановкѣ работать совсѣмъ невозможно. Да и для привычнаго это не легко достается.

Возвращаюсь домой; у воротъ нашего дома на улицѣ собрались китайцы; стоятъ телѣги и на нихъ укладываютъ вещи. Казакъ Павловъ распоряжается и его звонкій голосъ раздается громче всѣхъ. Бойко, но еще болѣе фальшиво кричитъ онъ по-китайски

извозчикамъ, чтобъ они особенно осторожно укладывали одинъ какой-то ящикъ, объявляя во всеуслышаніе, что въ немъ находится дорогая вещь, стеклянная, предназначенная въ подарокъ „Цзо-гумбауму“ и что „она сто ланъ стбитъ“, — по его мнѣнію, высшій предѣлъ стоимости дорогой вещи.

Когда я намѣревался войти въ ворота своего дома, одинъ глупый и жестокій полицейскій изъ сопровождавшихъ меня сталъ разгонять собравшуюся возлѣ нихъ толпу и, махая палкой, вовсе не заботясь о томъ, по комъ и по чемъ кому она попадетъ, ударилъ одного проходившаго китайца по лицу, разбилъ ему очки и разбившіяся стекла сдѣлали на лицѣ нѣсколько ранъ, къ счастью не важныхъ. Пострадавшій схватилъ струсившаго полицейскаго за рукавъ и хотѣлъ отвести въ ямынь; но мнѣ удалось помирить ихъ; я промылъ раны, залѣпилъ ихъ пластыремъ и завязалъ глазъ; а за разбитые очки заплатилъ одинъ ланъ серебра, полицейскаго же лишилъ обычнаго вознагражденія, какое онъ долженъ былъ получить отъ меня за сопровожденіе въ городъ.

Ночью пролился страшный ливень и прибилъ пыль на дорогѣ, по которой завтра намъ предстояло отправиться. А далѣе пойдетъ также значительно возвышенная надъ уровнемъ моря (до 5,000 ф.) и сильно взволнованная страна, но менѣе богатая растительностью и почти нигдѣ не представляющая обнаженныхъ горныхъ породъ. Такой характеръ мѣстность удерживаетъ на всемъ протяженіи бассейна Желтой рѣки.

Г Л А В А X.

ИЗЪ ЦИНЬ-ЧЖОУ ВЪ ЛАНЬ-ЧЖОУ-ФУ.

Отъездъ.—Слѣды разоренія.—Посѣщеніе нагорнаго селенія.—Освѣщеніе факелами дороги.—Экономія времени.—Пещерные жители.—Цѣлыя села выртыя въ почвѣ.—Возрождающееся село.—Живописный городъ Фу-Цзянь-Сянь.—Оживленная равнина.—Прелестный уголокъ.—Шумная толпа.—Г. Нинь-Юань-Сянь.—Разоренныя села и новыя оригинальныя постройки.—Несчастный г. Гунь-Чань-Фу.—Торжественныя проводы.—Почетный пріемъ въ лагерь.—Г. Вэй-Юань-Сянь.—Жалкіе люди.—Оригинальная спальня.—Г. Ти-Дао-Чжоу.—Гроза.—Возрожденіе разоренныхъ городовъ.—Чрезмѣрное утомленіе.—Высланный на встрѣчу „Мѣдный шарикъ“.—Еще пещерныя жилища.—Пріездъ въ завѣтный городъ.

3 июня.

Читатель помнитъ, что вопросъ о выборѣ дороги остался нерѣшеннымъ, и только сегодня мы узнали, что ѣдемъ на Гунь-Чань-Фу, сами—верхомъ, а багажъ везется въ телѣгахъ, и весь нашъ поѣздъ съ конвойными состоялъ сегодня человѣкъ изъ пятидесяти. На улицахъ насъ сопровождала густѣйшая толпа народа; ворота чрезъ которыя мы выѣхали были убраны флагами.

Уѣзжая изъ города, Матусовскій обыкновенно всходитъ на стѣну, чтобы взять бусолюю направленіе предстоящей дороги и нанести на карту; а я дѣлалъ свои наброски мѣстности для выполненія задуманной мною панорамы всего пройденнаго нами пути *), для чего всегда прибѣгала къ восхожденіямъ на какіе-

*) Панорама эта исполнена мною весной 1877 года, была выставлена въ Зимнемъ Дворцѣ для представленія Государю Императору, удостоившему ее подробнаго осмотра, и потомъ нѣсколько разъ демонстрирована въ засѣда-

либо возвышенные пункты. Съ городскихъ же стѣнъ, кромѣ того, всего удобнѣе знакомиться съ общимъ характеромъ городовъ. Такъ, Цинь-Чжоу представился мнѣ отсюда старымъ запущеннымъ садомъ; въ густой зелени его вѣковыхъ деревьевъ жили цѣлые рои птицъ, по преимуществу горлинокъ, несмолгаемое унылое воркованіе которыхъ цѣлые дни оглашаетъ воздухъ надъ всѣмъ городомъ.

Цинь-Чжоу не пострадалъ во время войны съ мусульманами, вѣроятно благодаря стоявшимъ здѣсь въ достаточномъ количествѣ войскамъ; окрестности же его повсюду представляютъ грустныя картины разрушенія. Мы ѣхали глинистой долиной, покрытой полями пшеницы, гороху и кукурузы, и окаймленной по сторонамъ горами, на которыхъ также видѣлись поля и деревни; въ какомъ состояніи находились послѣднія, я не могъ видѣть, но всѣ селенія, встрѣчавшіяся близъ дороги, были страшно разорены: дома сожжены и развалились до основанія, сады грушевыхъ, персиковыхъ и другихъ фруктовыхъ деревьевъ стояли раскрытыми, безъ оградъ; но деревья не уничтожены; на сельскихъ же улицахъ не осталось ни одного живаго дерева,—они всѣ обгорѣли и теперь стоятъ сухими. Людей посреди этихъ развалинъ нѣтъ.

Долину замыкаютъ снѣжющія вдали горы и на встрѣчу намъ бѣгутъ съ шумомъ мутные ручьи желтой воды—остатки вчерашняго ливня.

Мы ѣхали уже нѣсколько часовъ и добрались до селенія, стѣна котораго пересѣкала дорогу, такъ что послѣдняя уходила въ ея ворота. На нихъ развѣвались два флага, въ честь нашего пріѣзда, какъ объясняли мнѣ мои конвойные солдаты, съ которыми у меня обыкновенно скоро завязывалась дружба. Въѣжаемъ въ село Сань-Ши-Ли-Пу и за его воротами встрѣчаемъ двухъ китайцевъ въ форменныхъ шляпахъ: они тотчасъ стали на колѣни и поклонились намъ въ землю, опять ужасно смутивъ насъ этимъ непривычнымъ привѣтствіемъ. Дальше стоялъ рядъ, но не солдатъ, а поселянъ, какъ должно было думать, судя по ихъ платью, хотя они и держали въ рукахъ разное оружіе, а у

нѣхъ Географическаго Общества. Она представляетъ картину, сдѣланную акварелью, въ 102 аршина длины, при трехъ четвертихъ аршина ширины, и обвиваетъ собою весь путь, отъ г. Хань-Коу до Зайсанскаго моста, въ непрерывномъ изображеніи.

стоявшаго посреди́ былъ большой флагъ. Привѣтствовавшіе насъ земнымъ поклономъ приглашаютъ заѣхать въ домъ отдохнуть и закусить;—домъ, видимо, убранъ прилично случаю: дверь завѣшена новымъ траверсомъ, а каны покрыты тонкими бѣлыми войлоками.

День былъ очень жаркій; мы порядочно устали и были весьма рады отдохнуть и хотя на время скрыться отъ горячихъ лучей солнца. Позавтракавъ, утоливъ жажду и отдохнувъ, мы продолжали путь, причемъ принимавшіе насъ два уже пожилыхъ китайца проводили насъ до выѣздныхъ воротъ и тутъ опять положили по земному поклону, прощаясь съ нами... О, бѣдные люди!

Ѣдемъ дальше, и я замѣчаю, что число бѣгущихъ на встрѣчу ручьевъ становится все больше и шумъ ихъ слышнѣе; небо нахмурилось и грозило дождемъ, всегда неприятымъ въ дальной дорогѣ; онъ, наконецъ, пошелъ, но, къ счастью, скоро пересталъ.

Сосновскій съ компаніей вскорѣ исчезъ, такъ что я ничего о нихъ не знаю и сообщить не могу; мы Ѣдемъ вдвоемъ съ Матусовскимъ, съ нашимъ казакомъ и Таномъ. Товарищъ остановился работать, а я пошелъ съ ружьемъ вдоль одного ручья и увидалъ большую бѣлую птицу, опустившуюся на одно дерево, но довольно далеко отъ меня. Это былъ Ibis Nirron (бэй-хо, по-китайски). Я видѣлъ ихъ нѣсколько штукъ за послѣдніе дни; но они чрезвычайно осторожны и, когда сидятъ на открытомъ мѣстѣ, ни за что не подпускаютъ на выстрѣлъ, такъ что убить этого ибиса можно не иначе, какъ изъ засады. Благодаря густымъ деревьямъ, образующимъ здѣсь небольшую рощу, мнѣ удалось подойти на выстрѣлъ, который я и сдѣлалъ; но ружье было заряжено дробью, хотя крупной, птица же эта такъ крѣпка, что ее надо бить не иначе, какъ пулей или картечью. Бѣдная птица была только ранена мною, что ясно изъ того, что, улетѣвъ, она скоро сѣла на другое дерево, чего безъ раны она бы ни въ какомъ случаѣ не сдѣлала и скрылась бы изъ виду. Тѣмъ не менѣе разстояние было слишкомъ далеко и я, за неимѣніемъ времени, не пошелъ за нею. Сдѣланный мною упомянутый выстрѣлъ поднялъ страшную тревогу въ цѣломъ царствѣ птицъ, до того незамѣтно скрывавшихся въ густой чащѣ растущихъ здѣсь великолѣпныхъ асе-ней и можжевельниковъ. Суматоха была страшная: онѣ слетѣлись на нижнія вѣтви, съ которыхъ могли меня видѣть, и каждая съ своимъ крикомъ, передвигаясь съ мѣста на мѣсто, заглядывала на меня; онѣ нахохливались, какъ будто выражая свое негодованіе, и

отнюдь не думали улетать прочь, очевидно, рѣшившись выгнать вонъ меня, непрощеннаго гостя; даже горлинки—эти эмблемы кротости и доброты—и тѣ какъ будто сердились, громко повторяя свое грустное воркованіе. Обитатели этой рощицы были по преимуществу голубши сороки съ черными головками (*Pica cyanus* Pall.), скворцы (*Sturnus cineraceus* Tem.) и горлинки (*Turtur sincipitis* Scop. и *T. vitticollis* Tem.). Вѣроятно выстрѣлъ былъ для нихъ совершенно новымъ явленіемъ, которое только изумило ихъ, испугало, но не внушило опасеній, а судя по ихъ внимательному разсматриванію меня, онѣ и во мнѣ видѣли человѣка, который ихъ поразилъ своимъ незнакомымъ видомъ. Можетъ быть даже, что онѣ въ послѣднее время совсѣмъ не видали людей, такъ какъ эта рощица стояла въ сторонѣ отъ дороги, а находившееся подъ тѣнью ея деревьевъ селеніе было совершенно разрушено и въ немъ не осталось ни одного жилого дома: отъ домовъ и храмовъ уцѣлѣли однѣ стѣны да полуразвалившіяся ограды. На многихъ внутреннихъ стѣнахъ, стоящихъ теперь открыто, еще сохранились фрески, изображающія боговъ и великихъ мужей глубокой древности, которыя какъ бы въ раздумьи смотрятъ на позорныя дѣла человѣчества, на опустѣвшіе, заросшіе густою травой дворы.

Я вернулся къ Матусовскому, и мы продолжали путь до одного села, въ которомъ нашли остановившіяся телѣги нашего транспорта. Извозчики и конвойные спрашивали насъ, гдѣ назначенъ сегодня ночлегъ; но мы сами не знали, и остановились тутъ въ ожиданіи возвращенія Сосновскаго съ охоты. Я воспользовался этой остановкой, чтобы осуществить давно интересовавшую меня побѣдку въ одно изъ тѣхъ нагорныхъ селъ, о которыхъ я упоминалъ. Здѣсь, на вершинѣ стоявшей неподалеку горы, находилось такое село, обнесенное стѣною, изъ-за которой почти ничего нельзя видѣть; да и разстояніе до верху довольно большое. Я отправился вдвоемъ съ Таномъ.

Мы поднялись по дорогѣ, идущей полуспиралью вокругъ высокаго конусообразнаго холма, до стѣны и у низенькихъ входныхъ воротъ оставили лошадей, такъ какъ въѣхать въ нихъ на лошадяхъ было невозможно. Входимъ пѣшкомъ. Тотчасъ за воротами идетъ крутая тропинка въ гору и, поднявшись по ней, мы вошли въ самое селеніе, прошли по нѣкоторымъ улицамъ, заглянули въ разные углы и нѣсколько домовъ. И этотъ видъ посѣщеннаго села и его жителей произвелъ на меня подавляю-

щее впечатлѣніе: мнѣ вѣжется, никогда и не видавъ болѣе тяжелой картины бѣдности со всѣми ея спутниками, какъ здѣсь!а. Между мазанками, которыхъ по ихъ устройству вѣрнѣе всего можно назвать жалкими хлѣвами,—тѣмъ болѣе, что здѣсь же съ лѣвдыми помѣщаются и животныя,—проходятъ узенькіе (до аршина) горбатые переулочки. Эти жилища невообразимо малы, низки и тѣсны; при нѣкоторыхъ я видѣлъ грязные дворики въ нѣсколько квадратныхъ аршинъ; но и такими пользовались не всѣ домовладѣльцы: домики другіхъ лѣпятся другъ къ другу вплотную. Запахъ ѣдкаго дыма, которымъ пропитались сложенные изъ камня стѣны и соломенные крыши, наполняетъ весь воздухъ переулковъ; и всюду пахнетъ пожарищемъ. Люди имѣютъ ужасающій болѣзненный видъ; одѣты... впрочемъ они совсѣмъ не одѣты, а прикрыты только невообразимо грязными тряпками; люди, ослы и свиньи сбились въ однихъ помѣщеніяхъ, въ которыхъ воздухъ до густоты пропитанъ органическими испареніями... И это еще лѣтомъ, когда тепло, когда двери постоянно открыты и окна тоже, хотя эти окна суть дырочки четверти въ полторы или въ поларшина величины, съ грубой рѣшеткой...

Итакъ, вотъ условія жизни, какую проводятъ здѣсь эти несчастные люди, не знающіе ничего въ своей жизни, кромѣ заботъ о томъ, чтобъ сегодня не умереть съ голоду до завтра, отъ завтра до послѣ завтра и такъ далѣе. Я ничего не преувеличилъ; напротивъ, скорѣе многого еще не досказалъ.

Въ этомъ селѣ жителей считаютъ, какъ намъ сказалъ одинъ изъ нихъ, до 170 человѣкъ съ женщинами и дѣтьми. Они питаются исключительно произведеніями своихъ полей, находящихя внизу на долину, куда они отправляются ежедневно на работу; оттуда же, снизу, добываютъ они и воду. Люди чрезвычайно дики, какъ будто испуганы, и они производили на меня впечатлѣніе звѣрей, попавшихъ въ западню. Съ нами встрѣтилась, напримѣръ, одна женщина, которая пронесла пучокъ травы, служащей вмѣсто трута (разъ зажженная, эта трава тлѣетъ, пока не сгоритъ вся). Я обратилъ вниманіе на эту траву, и женщина тотчасъ сама стала подробно объяснять ея назначеніе и способъ употребленія; но она проговорила это, какъ будто оправдывалась въ чемъ-то, какъ говорятъ запуганныя дѣти,—съ поблѣднѣвшимъ лицомъ и обрывающимся отъ страха голосомъ. Попадись намъ на встрѣчу эта женщина не врасплохъ, не въ узенькомъ переулкѣ, въ которомъ двоимъ разойтись трудно, не стала бы она

со мною такъ, будто бы охотно, разговаривать, а предпочла бы шмыгнуть въ свою лачужку и поскорѣе прихлопнуть за собою дверь, какъ это дѣлали здѣсь другія при моемъ приближеніи и потомъ выглядывали въ окна съ любопытствомъ и страхомъ на лицахъ, но тотчасъ же прятались назадъ.

Не болѣе храбрости выказали и мужчины въ первыя минуты послѣ нашего неожиданнаго появленія; потомъ уже, когда Таня объяснилъ имъ, кто я, откуда и съ какою цѣлью явился сюда, они стали смѣлѣе, и три человѣка сопровождали насъ теперь, казалось, не ожидая себѣ предательской смерти.

Вотъ вамъ, читатель, ничтожная сцена изъ жизни ничтожнаго человѣчества,—той жизни, которую, вѣроятно, и теперь, точно такъ же, какъ тогда при мнѣ, коротаютъ тамъ эти горемычные люди. И такихъ страдальцевъ въ описываемыхъ мѣстахъ ужасно много, хотя сравнительно съ прежнимъ населеніемъ число ихъ совсѣмъ ничтожно.

Я спѣшилъ вернуться внизъ и нашелъ Матусовскаго, сидѣвшаго на томъ же мѣстѣ въ невѣдѣніи что дѣлать, и въ ожиданіи новыхъ распоряженій. День клонился къ вечеру; вездѣ варили ужины и вся улица переполнилась дымомъ, что происходитъ отъ непонятнаго для меня обычая—выводить трубы и дымовыя отверстія не на верху, въ крышѣ, а въ бокахъ стѣнъ и не болѣе какъ на аршинъ или полтора отъ земли. Вѣроятно въ основѣ этого лежитъ какое-нибудь соображеніе, наблюденіе или иная причина; но я не могъ узнать... Женщины хозяйничали въ домахъ, а десятка два, три мужчинъ собрались около Матусовскаго и казаковъ и, стоя въ почтительныхъ позахъ, смотрѣли на нихъ, потихоньку разговаривая между собою.

Наконецъ пріѣхалъ Сосновскій и рѣшилъ вопросъ что дѣлать—становиться ли на ночлегъ или ѣхать дальше. Послѣдовало второе распоряженіе, несмотря на приближавшійся вечеръ, несмотря на то, что многія телѣги отстали и были еще далеко назадъ, о чемъ ему тутъ докладывали. Отправились дальше, и какъ ни торопились, чтобъ засвѣтло добратся до ближайшаго села, ночь таки застала насъ въ дорогѣ; вниманіе же къ намъ китайцевъ простиралось до того, что изъ селенія, куда мы должны были пріѣхать, были посланы на встрѣчу до десяти человѣкъ съ огромными факелами, сдѣланными изъ сухой травы. Факелы эти зажглись, когда мы были еще верстахъ въ трехъ, четырехъ

отъ села и служили намъ маяками, а потомъ насъ провожали съ ними дальше, освѣщая дорогу.

Эта „факельная процессія“ вступила въ село, и такъ какъ китайцы теперь рѣшительно не могли знать, гдѣ готовить для насъ квартиры, то они на всякій случай назначали какой-нибудь домъ, въ который насъ должны были ввести. Въ такую-то квартиру и привели насъ факельщики-проводатше... Спасибо еще вамъ, добрые, внимательные люди; а то бы мы пропали съ нашимъ предводителемъ. И мы сумѣемъ отплатить вамъ тѣмъ же, если вы когда-нибудь приѣдете къ намъ.

Домъ, въ который мы вошли, состоялъ изъ двухъ маленькихъ комнатъ, страшно пропитанныхъ пригорѣлымъ и чрезвычайно тяжелымъ запахомъ дыма. Въ комнатахъ темно, а транспортъ не пришелъ; слѣдовательно у насъ не было ни свѣчей, ни постелей, ни чаю; онъ не пришелъ сегодня совсѣмъ, и мы принуждены были провести эту ночь безъ всего, не раздѣваясь; и такъ и провертѣлись на однихъ войлокахъ.

4 юня.

Проснулись, разувѣтся, не рано. На дворѣ сѣренькій тихій день. Мы, какъ читатель видитъ, ужасно „дорожимъ временемъ“, спѣшимъ ѣхать, но пова ходимъ въ нетерпѣливомъ ожиданіи до сихъ поръ не пришедшаго транспорта. Ходимъ часъ, ходимъ два, а отставшихъ вчера телѣгъ нѣтъ. Хочется чаю, а у насъ ничего нѣтъ. Достали туземнаго чаю и сахарнаго песку, котораго одинъ изъ извозчиковъ принесъ откуда-то въ узелкѣ изъ своего платка, которымъ онъ повязываетъ себѣ голову. Напились, и я принялся за убитыхъ вчера мною и Сосновскимъ птицъ *); Матусовскій усѣлся за свой маршрутъ и дневникъ; начальникъ уѣхалъ на охоту. Наконецъ, спустя еще часа два, пришли только четыре телѣги изъ всѣхъ двѣнадцати.

Не знаю, какъ дѣйствовали на другихъ подобныя не предусмотрѣнныя и ни на чемъ не основанныя дневки, а я всегда былъ душевно радъ каждой изъ нихъ, потому что каждая остановка тотчасъ обогащала мѣн собранія; желалось бы только осмыслить эти дневки, т.-е. чтобы назначали ихъ не мулы, которые везли телѣги съ нашимъ багажомъ, а мы сами. Но для Сосновскаго

*) *Ibidorhyncha Struthersii* Vig., *Ardea cinerea*, *Ibis Nippon*, *Sterna hirundo* Lin., *Himantopus candidus* Br.

всякая остановка считалась временем потерянным: таким образом мы уже давно потеряли то, что приобрели вчера нашим ночным движением. Сидим и ждемъ.

Наконецъ, со станціи послали людей, пѣшкомъ, на встрѣчу телѣгамъ; посланные ушли и пропали. Такое промедленіе стало наводить на тревожныя мысли—не случилось ли тамъ чего серьезнаго, даже въ родѣ нападенія и разграбленія, что легко могло быть; мѣстность малолюдная, разоренныхъ, голодныхъ бѣдняковъ много, значить и преступленіе возможно. Эта мысль сильно испугала Сосновскаго,—вѣдь тамъ было серебро,—и онъ съ переводчикомъ и казакомъ Степановымъ отправился обратно по дорогѣ. Но они скоро встрѣтили телѣги уже на пути и узнали, что запоздали онѣ по самой простой причинѣ, что возы были слишкомъ тяжелы, а бѣдные мулы измучены и едва-едва могли тащить ихъ. Надо, говорятъ, еще телѣги три, четыре прибавить, а то скотина изъ силъ выбилась; ѣхать же еще далеко.

Весь транспортъ собрался только къ шестому часу, и извозчики, разумѣется, рассчитывали на отдыхъ для себя и животныхъ, которыхъ надо было кормить; мы тоже не допускали мысли, чтобы сегодня можно было пускаться въ дорогу,—и слишкомъ поздно, и мулы измучены,—и стали готовиться къ новой ночевкѣ здѣсь же. Я все отыскивалъ мѣста на дворѣ, гдѣ бы можно было лечь спать, чтобы не задыхаться въ убійственной атмосферѣ здѣшнихъ домишекъ, какъ пріѣзжаетъ переводчикъ и сообщаетъ, что Сосновскій уѣхалъ на охоту и велѣлъ себя не ждать, а намъ приказалъ сейчасъ выступать, пройти верстъ тридцать пять и остановиться на ночлегъ; онъ туда подѣдетъ. Мы три раза переспрашивали Андреевскаго, такъ ли онъ понялъ приказаніе, но должны были повѣрить и, нечего дѣлать, стали готовиться къ отъѣзду. Несчастные китайцы-извозчики приходятъ къ намъ, становятся на колѣни и просятъ не заставлять ихъ идти сегодня дальше,—о себѣ ничего не говорятъ—скотину пожалѣть просятъ. Глупое сердце защемило, и еще болѣе глупая, непрошенная слеза затуманила глазъ... Но мы отвѣтили, что не можемъ распорядиться и сейчасъ уѣзжаемъ, а слѣдовательно и они обязаны трогаться въ путь.

Видя, что снисхожденія, пощады и жалости отъ насъ не дожидаться, они стали доказывать, что если мы заставимъ ихъ идти сегодня, они завтра опять опоздаютъ столько же или еще больше, потому что мулы могутъ совсѣмъ потерять силы или даже

издохнуть въ дорогѣ; тогда вещи придется раскладывать на другія телѣги, а возы-то,—вы видите,—и такъ какіе огромныя. Доводы ихъ были совершенно разумны и убѣдительно; но начальникъ уѣхалъ, и его теперь не найти, чтобъ передать ему слова китайцевъ противъ сегодняшняго выступленія, а рѣшить самимъ, значить—нарушить дисциплину, посягать на чужія права: мы уже знали, къ чему это могло привести — къ неприяностямъ и оскорбленіямъ. Но все такъ убѣдительно говорило въ пользу ночевки здѣсь и выступленія пораньше завтра, что мы рѣшились рискнуть, тѣмъ болѣе, что во время этихъ разговоровъ и просьбъ еще около часа прошло. Дальнѣйшія подробности для читателя не интересны.. или слишкомъ тяжелы для меня, и я пройду ихъ молчаніемъ. Итакъ, мы провели еще ночь въ отвратительномъ помѣщеніи и голодали, потому что своихъ запасовъ не было; конвоиры-китайцы здѣшной остановки не могли предвидѣть, а у туземцевъ почти ничего нельзя было достать.

5 іюня.

Собираемся въ дорогу. Утро ясное, сіяющее; въ тѣни еще прохладно, а солнце уже жжетъ. Мы стоимъ еще на дворѣ, а въ домъ, служившій намъ квартирой, явилось нѣсколько человекъ изъ мѣстныхъ жителей за своими войлоками и потащили ихъ по разнымъ домамъ; значить, они доставляли ихъ по распоряженію въ видѣ натуральной повинности, и не трудно себѣ представить, какъ чисты должны быть эти войлоки, если описанный мною домъ былъ самымъ лучшимъ въ селѣ.

Дорога пошла въ гору, и съ высшей точки ея пройденная нами долина представляла красивую картину, пестрѣвшую полями, селами и садами; но эти села, какъ мы видѣли, теперь—не что иное, какъ груды развалинъ; сады же непріятель (мусульмане, дунгане) пощадилъ, можетъ-быть потому, что предполагалъ самъ здѣсь жить. Далѣе же, впереди, открывалась картина лѣсной *) страны съ ея полями, расположенными террасами, и множествомъ пещерныхъ жилищъ, образующихъ иногда цѣлыя села, нерѣдко расположенныя въ два яруса, но такъ, что жилища верхняго ряда приходятся надъ промежутками, остающимися между жилищами въ нижнемъ ряду.

*) Лѣсъ (loessa) есть особаго рода почва, похожая на глину, но представляющая многія особенности, главнѣе не свойственныя.

Пещерная жизнь людей въ наше время и въ такихъ размѣрахъ представляетъ настолько интересное явленіе, что на немъ стоить остановиться и поговорить подробнѣе. Когда вы, подѣзжая къ пещерамъ, видите ихъ издали, вы замѣчаете на покатостяхъ горъ большею частью горизонтальныя или нѣсколько наклонныя параллельныя линіи, въ которыхъ сразу узнаете слѣды человѣческаго труда. Дѣйствительно, онѣ обозначаютъ террасы, искусственно выдѣланныя людьми въ почвѣ, покрывающей горы; у каждой изъ такихъ террасъ будетъ находиться, какъ вамъ понятно, вертикальный уступъ, надъ которымъ находится слѣдующая вышележащая терраса со своимъ такимъ же уступомъ и оба они сообщаются между собою лѣстницами. Вотъ въ этихъ-то вертикальныхъ площадяхъ и видите вы пробитыя черныя дыры, издали очень напоминающія отверстія норъ береговыхъ ласточекъ: эти дыры суть двери или входы въ пещеры и ихъ окна. При помощи бинокля я могъ хорошо видѣть ихъ; но удивлялся только отсутствію людей около этихъ жилищъ; оказалось, что многія изъ этихъ селъ также пострадали отъ послѣдней войны и населеніе ихъ истреблено. Нѣкоторыя изъ нихъ поправлялись во время нашего проѣзда; и когда смотришь на этихъ копошащихся тамъ работниковъ, невольно приходитъ на память разоренный муравейникъ съ его многочисленнымъ населеніемъ, принявшимся за починку и новое возведеніе жилищъ и разныхъ другихъ поврежденныхъ построекъ; китайцы работали усленно: ставили столбы, укрѣпляли стропила, дѣлали кирпичи, рыли новыя ямы, обзаводились новою домашнею утварью, собирали хворостъ или сушили нарубленные свѣжія вѣтви для топлива, варили пищу, таскали воду.

И вотъ опять пошла жизнь для жизни, съ заботами о жизни и безъ всякихъ другихъ стремленій, задачъ и плановъ. Здѣсь, среди хлопотавшихъ отцовъ и старшихъ братьевъ, еще молоденькихъ или уже пожилыхъ матерей съ грудными дѣтьми на рукахъ, бѣгали или рылись въ землѣ почти или совсѣмъ голыя дѣти; нѣкоторыя изъ нихъ стояли на своихъ изогнутыхъ, какъ у иныхъ кавалеристовъ, ногахъ у самой дороги и, равнодушно посматривая на насъ, когда мы проѣзжали, играли пальцами на своихъ свѣжихъ, какъ весенняя ягода, губкахъ, смутно понимая настоящее, ничего не вѣдая объ ужасахъ недавняго прошлаго и не заглядывая въ будущее. Каково-то будетъ оно для этого новаго поколѣнія, а на долю ихъ отцовъ выпала тяжелая жизнь среди

неустаннаго труда, всевозможныхъ лишеній, грязи, дыма и почти непрерывнаго страха за свою жизнь; а для несмѣтнаго множества людей—и преждевременная насильственная смерть...

Какъ хотѣлось бы остановиться тутъ, распросить, узнать и, хотя не тысячи вопросовъ толпились въ головѣ, какъ обыкновенно говорится, но во всякомъ случаѣ многое надо и можно было узнать... Напримѣръ, кто эти люди? Спасшіеся старожилы? Какъ они спаслись? гдѣ жили послѣ разоренія ихъ домовъ и чѣмъ питались? Или это совсѣмъ новые люди, переселенцы? откуда они и когда пришли?—и т. п.

Далѣе мѣстность стала оживляться; въ селахъ чаще встрѣчались деревья, по преимуществу орѣхъ, айлантъ и вязъ. Мы поднимаемся на гору; вправо отъ дороги, по покатымъ склонамъ горъ разстилаются засѣянные поля, съ которыхъ доносятся голоса фазановъ, и мои конвойные, думая, что я и не слышу, постоянно обращаютъ на нихъ мое вниманіе. Вотъ одинъ закричалъ близко, но его не видно въ высокой пшеницѣ; я пошелъ на голосъ, а китаецъ, притаивъ дыханіе, слѣдилъ за мной; фазанъ скоро вальтѣлъ, сильно шума крыльями; раздался выстрѣлъ и онъ тяжело шлепнулся на землю. Солдаты кинулись къ нему, какъ молодые собаки, и неся его, потомъ долго разсуждали о томъ, какъ это трудно убить на лету птицу.

Встрѣчи на дорогахъ въ здѣшнихъ мѣстахъ рѣдки, особенно съ дамами, а потому нельзя не упомянуть о хорошенькой, но ужасно набѣленной китаянкѣ съ черными блестящими глазами, проѣхавшей мимо въ носилкахъ, съ четырьмя носильщиками, и сопровождаемую, вѣроятно, супругомъ, который шелъ позади пѣшкомъ, подъ зонтикомъ. Они всѣ остановились, съ любопытствомъ смотря на насъ, и долго еще стояли и глядѣли намъ вслѣдъ, а мнѣ опять хотѣлось распросить—это такая дама, откуда и куда ѣдетъ, гдѣ живетъ и проч. Встрѣтились на одно мгновеніе въ жизни и разстались на вѣчность,—вещь самая естественная, а заставляетъ задумываться, и характеръ этой праздной мысли имѣетъ отгѣнокъ грусти...

Дорога то поднималась на вершины пригорковъ, то спускалась въ долины съ живописно расположенными и обитаемыми селеніями; послѣднія окутаны зеленью и манятъ въ прокладную тѣнь своихъ деревьевъ, подъ которыми на открытомъ воздухѣ стоятъ столы съ поставленными возлѣ нихъ скамьями. Конвойные, шедшіе пѣшкомъ, попросили у меня позволенія отдохнуть и поѣсть; а я

въ это время усѣлся въ тѣни и переложилъ изъ жестянки въ бумагу собранныя растенія. Столпившіеся китайцы смирно стояли въ сторонѣ, но какъ бы они надоѣли намъ, если бы при насъ не было конвой!.. Это ужъ не подлежитъ сомнѣнію.

Мы приближаемся къ городу Фу-Цзянь-Сянь, до котораго остается, говорятъ, восемь ли; но я чуть было не окончилъ здѣсь вмѣстѣ съ жизнью своего путешествія, чуть-чуть не оборвавшись въ глубочайшій оврагъ, на краю котораго я выдернулъ съ корнемъ одно интересное растеніе. Меня успѣли схватить за руку, когда почва рухнула изъ-подъ моихъ ногъ сажень на двадцать въ глубину... Значить, еще не пришелъ мой часъ, подумалъ я, такъ порядочно взволнованный, когда услышалъ шумъ и глухой ударъ земли, подъ которою я могъ быть сейчасъ погребеннымъ. Не менѣе меня были встревожены и долго ахали конвойные солдаты, и когда я потомъ шелъ за какимъ-нибудь растеніемъ, двое изъ нихъ, точно няньки, не отходили отъ меня; и чуть только я наклонялся, они держали меня за руки или за платье, нерѣдко даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда и упасть вовсе было некуда.

Люди стали встрѣчаться чаще; проходили вьючные ослы и лошади; мѣстами у дороги сидѣли женщины-торговки съ стоявшими подлѣ нихъ ведрами, наполненными какой-то густой жидкостью чрезвычайно некрасиваго вида; это было особое кушанье, въ родѣ квасной гущи, которое онѣ продавали проѣзжавшимъ по этому тракту извозчикамъ; эти ѣли его съ видимымъ удовольствіемъ, вмѣстѣ съ лепешками изъ пшеничной муки и намъ хорошо знакомыми; но этой жидкой приправы я попробовать не рѣшился, не особенно довѣряя чистотѣ ея приготовленія.

Поднявшись еще на одинъ пригорокъ, мы увидали передъ собою обширную равнину, замкнутую со всѣхъ сторонъ горами, водѣланными и цестрѣвшими разноцвѣтными нивами; на этой равнинѣ разсѣяно много деревьевъ: изъ, пирамидальныхъ тополей, шелковичныхъ деревьевъ, туій, айлантовъ и вязовъ; видно много разрушенныхъ селъ, и на ней же стоитъ городъ Фу-Цзянь-Сянь со своею стѣною и башнями. Скоро мы были внутри этой стѣны, въ городѣ, среди его тѣсно скученныхъ домовъ, испорченной атмосферы, шумной и волновавшейся толпы; мы ѣхали мимо лавокъ, проѣзжали чрезъ триумфальныя арки, стояція на улицахъ, находя все ту же типичную обстановку города лишь съ нѣкоторыми внѣшними особенностями.

Я оглянулся назадъ и былъ пораженъ красивымъ видомъ: улица

съ громоздившимися въ глубинѣ и по сторонамъ башнями, изящными воротами, превосходными деревьями, храмами, домиками, разноцвѣтными матеріями, вывѣшенными возлѣ одной красильни для просушки и представлявшими подобіе огромныхъ флаговъ, какими въ Европѣ убираютъ города въ торжественные дни,— все было въ высшей степени красиво и привлекательно; а видъ боковой улицы съ перекрестка еще живописнѣе и интереснѣе. Вообще Фу-Цзянь-Сянь, также уцѣлѣвшій отъ погрома, произвелъ на меня впечатлѣніе одного изъ живописнѣйшихъ маленькихъ городовъ, и я бы въ немъ непременно остановился хотя на день. Но когда я вѣхалъ въ приготовленную для насъ квартиру, гдѣ нашелъ своихъ спутниковъ, Сосновскій, уже позавтракавшій и успѣвшій отдохнуть, собирался уѣзжать, а насъ просилъ долго не засиживаться и „подтягиваться“, потому что сегодня мы должны проѣхать еще пятьдесятъ ли. Почему „должны“? Чтò насъ такъ неудержимо влекло впередъ, заставляя рѣшительно всѣмъ пренебрегать,—никто еще не зналъ и догадаться не могъ; но скоро объ этомъ узнаетъ и читатель. Только разводили руками, вздыхали и повиновались.

Домъ, въ которомъ мы остановились, былъ очень мило убранъ матеріями и фонарями; комнаты отдѣланы богато и изящно; вся мебель и каны покрыты чехлами изъ краснаго сукна, расшитаго шелками; на стѣнахъ висѣли картины мастерской кисти. Дворъ обширный и чистый; по немъ были разсѣяны мандарины и солдаты въ полной формѣ: но я ничего не могъ даже осмотрѣть порядочно, не только записать или срисовать, чтобъ потомъ подѣлиться съ другими видѣннымъ мною: я долженъ былъ сначала поѣсть, утолить жажду, а затѣмъ... затѣмъ догонять.

Мы съ Матусовскимъ пробыли здѣсь съ полчаса, и мнѣ едва удалось набросать одинъ изъ такъ понравившихся мнѣ видовъ города. Любопытство толпы во время моего рисованія было возбуждено просто до болѣзненной степени, и палки солдатъ, кажется, совсѣмъ потеряли свое „обаяніе“ и болѣе не внушали страха; это была точно стая неотвязныхъ комаровъ, которая толпилась и лѣзла къ скамейкѣ, на которой я сидѣлъ посреди улицы со своей работой, въ облакахъ густой пыли, поднимаемой ногами колебавшейся толпы.

Уѣзжая изъ города, я встрѣтилъ на улицѣ двухъ китайнокъ, проѣхавшихъ верхомъ на лошадяхъ; онѣ обѣ были закрыты густыми черными вуалями; обѣ очень нарядно одѣты и сидѣли по

мужски; любезный вѣтеръ приподнялъ у одной вуаль и на мгновение открылъ ея довольно красивое молоденькое лицо; вѣтеръ же, а не она сама, и закрылъ вуаль дѣвушки или молодой дамы, повидимому, нисколько не смутившейся тѣмъ, что на нее взглянули иностранные мужчины. Женщины бѣдныхъ классовъ свободно ходили съ открытыми лицами, но на улицѣ ихъ было немного и то только пожилыхъ; а вся толпа состояла изъ мужчинъ; и эти увлеклись до того, что отправились провожать насъ за городъ.

Въ окрестности Фу-Цзянь-Сяня находится весьма интересная кумирня Фо-Ъ-Мяо съ огромной бронзовой статуей Будды, помѣщенной на большой высотѣ въ углубленіи, изсѣченномъ въ горѣ. Мы и ея не поинтересовались: проѣхали мимо, несмотря на то, что для поднятія въ ней и осмотра потребовалось бы не болѣе двухъ часовъ времени, такъ что я могъ только издали при помощи бинокля нѣсколько разсмотрѣть ее, но никакихъ подробностей, конечно, сообщить не могу.

Подвигаемся дальше по той же равнинѣ, безпрестанно проѣзжая мимо сель, которыя почти не прерываются; многія изъ нихъ, видно, за-ново отстроены, окружены богатыми полями и украшены тѣнистыми деревьями, существовавшими, судя по ихъ возрасту, еще до войны. Ихъ здѣсь такъ много, что всю равнину можно назвать садомъ, и этотъ садъ наполненъ множествомъ птицъ; голуби, горлянки, фазаны, скворцы, голубыя сороки, иволги и удода перелетали, видѣлись и слышались всюду. Горы, окаймляющія равнину съ сѣверо-восточной стороны, также воздѣланы, а противоположныя — голыя, состоятъ изъ краснаго песчаника и поднимаются отъ основанія вертикальными стѣнами въ видѣ какъ бы округленныхъ башенъ гигантскихъ размѣровъ.

Читатель помнитъ, что мы находимся теперь въ бассейнѣ Желтой рѣки. Переѣхавъ черезъ одно сухое русло какого-то канала, окаймленное плотинами и лежащее выше общаго уровня почвы сажени на полторы или на двѣ, и поднявшись еще на пригорокъ, мы увидели первый значительный притокъ Хуанъ-Хэ — рѣку Ю-Хо, блестящую, какъ серебро. Она течетъ здѣсь между рощами, надъ которыми возвышаются стройныя пирамидальныя тополи, и послѣ недавнихъ дождей была такъ полноводна, что переѣздъ, черезъ нее совершаемый не иначе какъ въ бродъ, оказался невозможнымъ, такъ что мы принуждены были отправиться окольной дорогой по горамъ, на которыя и поднялись.

Движеніе по этой дорогѣ совершалось довольно оживленное: тутъ безпрестанно встрѣчались пѣшеходы, носильщики, караваны вьючныхъ животныхъ и нерѣдко проѣзжали верхомъ нарядныя женщины, къ сожалѣнію, неизвѣстно откуда и куда, — неужели изъ Нинъ-Юань-Сяня, куда мы направлялись, въ оставленный нами Фу-Цзинъ-Сянь. Дорога шла по горамъ зигзагами, нерѣдко у самыхъ краевъ пропасти; но горы здѣсь не высоки, — это скорѣе большихъ размѣровъ холмы; они покрыты лѣсомъ и обработаны до самыхъ вершинъ. Я часто замѣчалъ здѣсь въ почвѣ какія-то круглыя отверстія вертикальныхъ, какъ будто искусственно просверленныхъ буровомъ дыръ; иногда встрѣчались большія круглыя ямы до сажени глубины съ вертикальными краями и богатою растительностью на ихъ днѣ; — тѣ и другія, вѣроятно, обязаны своимъ происхожденіемъ бѣгущимъ съ горъ ручьямъ, а можетъ-быть, они имѣютъ другое, неизвѣстное мнѣ значеніе. Отовсюду слышались голоса горныхъ куропатоекъ, скрывавшихся въ хлѣбахъ или бѣгавшихъ по полямъ цѣлыми стадами, и клушицъ (*Fregilus Graculus* L.); я убилъ нѣсколько штукъ большихъ куропатоекъ (*Cassavis magna* Przew., въ первый разъ описанныхъ Н. М. Пржевальскимъ) и остановился на самой верхней точкѣ, чтобъ полюбоваться обширнымъ и великолѣпнымъ видомъ на долину и противоположныя горы.

Жара стояла страшная; меня томила жажда; но я, изъ предосторожности, вообще не пилъ сырой воды и сѣшилъ укрыться хотя въ тѣнь, которой внизу, на долинѣ, такъ много; здѣсь же не было буквально ни одного дерева. Спустился съ горы — и какой вдругъ переходъ отъ неприглядныхъ холмовъ! Я точно въ раю очутился: тутъ, у подножія отвѣсныхъ или даже мѣстами нависшихъ, совершенно голыхъ массъ краснаго песчаника, раскинулся живой зеленый шатеръ изъ древесныхъ вѣтвей насаженной здѣсь роши; я вѣхалъ въ ея тѣнь, оглядываюсь кругомъ — и глазамъ плохо вѣрю отъ неожиданной перемены въ характерѣ мѣстности. Тутъ, въ этой рошѣ, въ большомъ количествѣ разсѣяны домики поселянъ отдѣльными усадьбами или небольшими группами по три, по четыре домика; между ними стоятъ наполненные водою, приготовленные подъ рисъ поля, и въ ихъ гладкихъ поверхностяхъ, какъ въ громадныхъ зеркалахъ, отражаются хорошенькіе домики, фигуры полуголыхъ катайцевъ въ широкихъ соломенныхъ шляпахъ и фантастическій потолокъ изъ древесныхъ

вѣтвей, которыя такъ густо перешлелись между собою, что чрезъ него слабо проникаетъ даже дневной свѣтъ.

Всѣ названные предметы этой фантастической оранжереи или роскошнаго ботаническаго сада окутаны таинственной зеленою тѣнью, и кой-гдѣ скользящія лучи заходящаго солнца ярко озарили полосой свѣта богатую растительность, какую-нибудь убогую, но живописную мазанку, ту или другую фигуру человѣка или группу пасшихся черныхъ козъ и бѣлыхъ барановъ. Людей было хотя и много, но они были разсѣяны по одному, или небольшими группами, и работали на огородахъ и рисовыхъ поляхъ; одни окапывали деревья, которыя всѣ стояли какъ будто въ огромныхъ глиняныхъ вазахъ; другіе тащили тяжелое колесо чрезъ пашню, продѣлывая на ней такимъ образомъ канавки для проведенія воды... Какое симпатичное и интересное зрѣлище! Сколько картинъ, куда ни поглядишь, и какая поразительная тишина и словно какое-то задумчивое спокойствіе царствуетъ здѣсь: всѣ какъ будто сговорились вести себя какъ можно тише; здѣсь не слышно голосовъ людей, и только вверху, въ чащѣ древесной листвы, раздается неумолкаемое воркованіе цѣлыхъ мириадъ здѣшнихъ горлинокъ; а изъ воды доносится заунывное уванье тритоновъ, да слышится тихое журчаніе скрытыхъ въ зелени ручьевъ...

Я мало встрѣчалъ такихъ тихихъ и симпатичныхъ уголковъ, и какъ захотѣлось мнѣ, хотя не пожить, — развѣ мы смѣемъ объ этомъ думать, — а только остановиться на нѣсколько часовъ, чтобы подольше посмотреть на эту оригинальную жизнь, среди такой необыкновенной обстановки, и перенести что-нибудь на бумагу изъ этого въ высшей степени своеобразнаго пейзажа... Но я очень отстану, и ночь застигнетъ меня въ дорогѣ прежде, чѣмъ я догоню нашего жалкаго начальника... Вотъ я чтѣ долженъ былъ думать...

Описанное мѣстечко составляетъ нижнюю половину села Сань-Ши-Ли-Пу, другая часть котораго расположена на нѣкоторомъ возвышеніи на горѣ; и какъ два родныхъ брата бываютъ иногда совсѣмъ не похожи другъ на друга, такъ эти двѣ части одного селенія не имѣютъ между собою ничего общаго; въ нагорной части села нѣтъ ни одного деревца, ни одного зеленаго куста, а вы видите передъ собою только массу тѣсно скученныхъ построекъ однообразнаго глинянаго цвѣта и лишь по дверямъ да окнамъ узнаете въ ней группу человѣческихъ жилищъ, — вотъ и все.

Вскорѣ наступилъ вечеръ, потомъ взошла полная луна и освѣтила землю, придавая все тянувшимся садамъ и осиротѣлымъ стѣнамъ разрушенныхъ домовъ и дворовъ еще болѣе унылый видъ. Глубокая тишина царила надъ уснувшей долиной и невольно уносила мысли къ недавно совершавшимся здѣсь ужасамъ варварской войны, не щадившей ни беззащитныхъ жителей, ни возраста, ни пола; мнѣ грезились страшныя злорадствующія фізіономіи однихъ и искаженныя ужасомъ и страданіями лица другихъ; вставали картины пожара, группы бѣгущихъ, прощающихся передъ смертью матерей, дочерей, отцовъ, сыновей и братьевъ; чудились страшныя медленныя томленія отъ голода и жажды, которыя, какъ рассказываютъ очевидцы, заставляли людей ѣсть трупы человѣческіе и сосать изъ нихъ кровь. Все это тутъ происходило недавно; все это пережили бывшіе жители этой долины, теперь почти всѣ уснувшіе вѣчнымъ сномъ. Вотъ ихъ дома, дворы, сады, кой-гдѣ даже переломанная утварь и перебитая посуда; а ихъ самихъ нѣтъ...

Утомленный, въ сопровожденіи своихъ еще болѣе измученныхъ пѣшихъ конвоировъ, дотащился я до мѣста ночлега, съ сравнительно ничтожною добычей; но для того, чтобъ и она не пропала, долженъ еще былъ нѣсколько часовъ проработать на станціи!... Вотъ какъ ходятъ „учено-торговые“ путешественники по неизслѣдованнымъ странамъ съ „Сосновскими“ во главѣ.

6 іюня.

Сегодня пріѣзжаемъ въ слѣдующій уѣздный городъ Нинъ-Юань-Сянь. На небѣ тучи, но въ воздухѣ душно. Путь лежитъ по той же долинѣ, которая представляетъ, можно сказать, одно безконечное село съ разбросанными группами домовъ и кумирень, съ садами, рощами и полями, засѣянными пшеницей, горохомъ, макомъ и коноплей; хлѣба всѣ хорошо родились, а конопля особенно роскошна,—она стоитъ по бокамъ дороги точно миниатюрный тропическій лѣсъ, густой, стройный и совершенно непроницаемый для солнечныхъ лучей.

Ѣду по дорогѣ, раздосадованный тѣмъ, что упустилъ интересную незнакомую птицу, и вдругъ неожиданно вѣзжаю въ большое многолюдное село Лао-Мынь, и сразу очутился въ его самомъ оживленномъ мѣстѣ. На небольшой площадкѣ передъ кумирней волновалась большая толпа народа; тутъ же на землѣ сидѣли продавцы разныхъ съѣстныхъ припасовъ, абрикосовъ, а также всякой рухляди.

Толпа шумѣла и кричала неистово, т. е. вела себя совершенно нормально, какъ надлежитъ толпѣ вообще и китайской въ особенности,—хотя тутъ же, на открытой сценѣ, шло представленіе. Мнѣ было необходимо пробѣжать черезъ толпу, потому что она загрохотала всю улицу; мои конвойные кричали, чтобъ очищали дорогу; они хлестали публику своими косами направо и налево. плевали въ лица и лягались ногами.

И благодаря только этимъ милымъ мѣрамъ мой проѣздъ совершился такъ скоро, что толпа, занятая своими дѣлами и представленіемъ, не успѣла замѣтить присутствія среди нея иностранца; меня замѣтили только ближайшіе къ дорогѣ. Повернувъ съ площади за уголъ одного дома, я увидалъ передъ собою, надъ оградой, нѣчто въ родѣ огромной ложи, какія устраивались во время оно въ амфитеатрахъ; она была наполнена исключительно зрителями прекраснаго пола, которыхъ я насчиталъ до двадцати, большею частью молодыхъ, довольно нарядныхъ, но не очень привлекательной наружности; только немногія лица показались мнѣ относительно красивыми. Въ этотъ мигъ извѣстіе о проѣздѣ иностраннаго человѣка успѣло облетѣть толпу, и она съ криками и, какъ мнѣ показалось, насмѣшками, хлынула было за мною, но конвойные, обернувшись, встрѣтили ее палками; всѣ бросились назадъ и въ то же мгновеніе почти скрылись въ густомъ облакѣ поднятой пыли. Во время этого неожиданнаго поворота отступившей толпы многіе попадали на землю, и раздавались крики придавленныхъ людей.

Не знаю, чѣмъ кончилась эта неприятная сцена, отъ которыхъ я всегда ожидалъ озлобленія туземцевъ и возмущенія противъ меня, какъ виновника полученныхъ ударовъ, часто безжалостныхъ и жестокихъ. Но и на этотъ разъ, какъ прежде, меня поражало то, что никто изъ толпы не думалъ выразить и малѣйшее неудовольствіе на жестокое обращеніе: нигдѣ ни одной жалобы, ни обиды. Напротивъ, и теперь раздавались только веселый смѣхъ и даже крики поощренія, относившіеся къ конвойнымъ: валяй, валяй, валяй! Бей, бей! Валяй ихъ! — гудѣла съ хохотомъ сама толпа. Она все-таки послѣдовала за мною, но теперь чинно, безъ насмѣшекъ и криковъ. Когда я съ этой свитой вѣхалъ съ упомянутой площади въ улицу, конвойные отпросились обѣдать въ харчевню, бывшую неподалеку; а я остался ожидать и, чтобъ укрыться отъ солнца, вошелъ въ лавку. Толпа сплотилась передо мною; но ни у кого не было и улыбки на лицѣ: у однихъ выра-

жалось любопытство, у другихъ страхъ, а у иныхъ просто тупоумное удивленіе.

Конвойные вернулись, и мы продолжали нашъ путь вдоль сельской улицы. Здѣсь было очень мало мужчинъ и, вѣроятно, по этой причинѣ часто попадались женщины. Онѣ были большею частью худыя, болѣзненныя, но встрѣчались и здоровыя, толстыя, большею частью безобразныя; впрочемъ видѣлъ и нѣсколько очень пріятныхъ лицъ. Женщины большею частью сидѣли на скамеечкахъ у своихъ домовъ, и тутъ я въ первый разъ замѣтилъ женщину, вязавшую, какъ мнѣ показалось, чулокъ на большихъ спицахъ; а можетъ-быть, другое что-нибудь, потому что я никогда не видалъ на китайцахъ вязаныхъ чулокъ, — они шьются у нихъ изъ холста на подобіе нашихъ больничныхъ.

Другія продавали что-нибудь съѣстное, и не разъ видѣлъ я тутъ, что на улицѣ передъ домомъ стоитъ столикъ, на которомъ лежатъ хлѣбъ и деньги; но ни у столика, ни въ домѣ не видно ни одного человѣка; значить скрывшійся хозяинъ не опасался за сохранность того и другаго, и приходящіе могли покупать сами;—явленіе знаменательное, доказывающее, что воровство здѣсь почти или вовсе не существуетъ!

За селомъ опять танулись непрерывныя поля съ разсѣянными по нимъ хижинками; на поляхъ кой-гдѣ виднѣлись рабочіе, и иногда я встрѣчалъ тутъ цѣлыя семейства въ полномъ составѣ: одинъ вѣтаецъ, напримѣръ, молотъ поле, выкапывая ножомъ каждый кустикъ травы отдѣльно; его жена одною рукою держала груднаго ребенка, а другою также выдергивала негодную траву; тутъ же спалъ на землѣ ребенокъ лѣтъ четырехъ, а третій, постарше, сидя на корточкахъ, что-то лѣпилъ изъ земли и разговаривалъ самъ съ собою. Неподалеку на этомъ же полѣ стояли и могилы предковъ, представлявшія деревца можжевельника, обнесенныя каменными оградами, величиною около кубическаго аршина.

Вскорѣ я догналъ нашъ транспортъ и старался поскорѣе проѣхать мимо, чтобъ не видать мученій бѣдныхъ муловъ и лошадей, тащившихъ непомѣрно тяжелыя возы съ нашими вещами, и не могъ утѣшиться даже тѣмъ, что намъ приходилось платить только за двѣнадцать телѣгъ вмѣсто пятнадцати, сколько людямъ, менѣе „практическимъ“, слѣдовало бы нанять по количеству груза.

Вечеромъ добрался я до города Нинъ-Юань-Сянь, предмѣстья

котораго представляли картину страшнаго разрушенія: изъ всей густой массы домовъ находившихся здѣсь пригородовъ уцѣлѣла одна безобразная на видъ, но прочно построенная башня; всѣ же остальные постройки представляли груды мусора.

Пріѣхавъ въ отведенную квартиру, я засталъ въ ней, кромѣ своихъ спутниковъ, пріѣхавшаго съ визитомъ мѣстнаго начальника, Чжи-Сяня. Большую комнату гускло освѣщали двѣ салныхъ свѣчи съ нагорѣвшими свѣтлынями; у стола сидѣли Сосновскій и гость, — человѣкъ среднихъ лѣтъ, съ очень живымъ лицомъ, развязный, говорившій очень бойко и быстро, и по манерамъ, лишеннымъ всякой аффектаціи, вовсе непохожій на китайскаго чиновника. Познакомившись съ нимъ, я подошелъ къ Матусовскому, сидѣвшему въ сторонѣ въ качествѣ молчаливаго слушателя разговора съ гостемъ черезъ двухъ переводчиковъ. Послѣдніе оба стояли рядомъ съ какимъ-то туземнымъ чиновникомъ, пріѣхавшимъ вмѣстѣ съ Чжи-Сянемъ и немилосердо чесавшимся. Я также сталъ слушать бесѣду, предметомъ которой была предстоявшая намъ завтра переправа черезъ рѣку Ю-Хо.

— *Ты за ёво прашивай*, говоритъ Андреевскій Сюю, — *туда за сьяка время вода по большанки ести или пелѣца шибко по большанки было? Подума прашивай какѣ течета, шибко или не шибко жестокѣ?* (Въ переводѣ это значитъ: спроси его, т.-е. Чжи-Сяня, всегда ли здѣсь большая вода или прежде была больше; потомъ спроси, очень ли быстрое теченіе или не очень).

И такъ далѣе, вся бесѣда была въ высшей степени комична. Но мы ужъ стали свыкаться съ подобными сценами и онѣ изъ грустныхъ, просто обидныхъ, стали для насъ только смѣшными и забавными, какъ и многое другое, что прежде считали серьезнымъ и достойнымъ уваженія. Но по временамъ все-таки тяжело становилось и я ушелъ изъ комнаты и на открытомъ воздухѣ принялся за препарированіе убитыхъ сегодня птицъ *). Полная луна заглядывала черезъ крышу дома на крошечный дворикъ, окруженный со всѣхъ сторонъ такими же миниатюрными жилыми покоями, и ея блѣдно-зеленый свѣтъ очень гармонировалъ съ краснымъ свѣтомъ фонарей, висѣвшихъ на дворѣ у входа въ нашу квартиру.

Визитъ кончился; мандаринъ уѣхалъ. Сосновскій уходилъ спать

*) *Erythropus amurensis* Radde. *Turtur vitticolis* Tem. *Sturnus dauricus* Pall. *Milvus melanotis* Tem. et Schleg.

и, уходя, обратился къ Сюю съ словами: „ты вставай рано и, если я спиху буду, ты ходи побудица меня; т.-е. просиль придти пораньше и разбудить его, если онъ будетъ спать. Каково нарѣчіе!... Мнѣ принесли холодные остатки обѣда; я поужиналъ и, чувствуя сильную усталость, оставилъ двухъ птицъ до завтра; и, несмотря на неприятную обстановку, скоро заснулъ. Да какъ и не заснуть послѣ трехъ ночей, какія провели съ Матусовскимъ, — безъ постелей, не раздѣваясь, на однихъ кожаныхъ плащахъ со скомканнымъ пледомъ подъ головой, вмѣсто подушки.

7 іюня.

Съ самой ранней зари поднялась суматоха по случаю сборовъ въ дорогу и перемѣны здѣсь верховыхъ лошадей. — Наконецъ, передовой отрядъ выѣхалъ, и на дворѣ стало тихо. Я оканчивалъ недодѣланное вчера; товарищъ разспрашивалъ черезъ казака у туземцевъ и записывалъ разныя практическія свѣдѣнія. Мы оба сидѣли на дворѣ, и въ это время съ улицы впускались по очереди китайцы изъ мѣстныхъ жителей, человѣкъ по десяти, по пятнадцати и, нисколько не мѣшая нашимъ занятіямъ, предавались созерцанію и изученію насъ; потомъ смѣнялись другими и т. д. Потомъ узнаемъ, что ихъ впускали во дворъ, какъ въ театръ, за какую-то ничтожную плату, взимавшуюся привратникомъ нашего дома съ каждаго посѣтителя!...

Скучный переѣздъ былъ сегодня: всѣ села, встрѣчавшіяся на пути, представляли однѣ развалины, среди которыхъ жили кой-гдѣ люди въ поправленныхъ хижинахъ... И при этомъ какая безотрадная природа! Ни одного кустика нигдѣ, не только дерева; все сухо и мертво; передъ глазами только глина да жалкая трава. Солнце жжетъ, и отъ него негдѣ укрыться; воздухъ оглашаетъ только трескъ множества кузнечиковъ... Зной нестерпимый, и даже сильный вѣтеръ нисколько не прохлаждаетъ; кожаные сапоги просто накаляются и жгутъ ноги; и я пожалѣлъ, что не запасся китайскою обувью, т.-е. полотняными чулками и башмаками, которые должны лучше предохранять отъ жара.

Дорога снова пошла въ гору, извиваясь зигзагами, и съ высшей точки, какой она достигаетъ, открылся пространный видъ на долину, по которой съ шумомъ течетъ быстрая рѣка Ю-Хо; на ней расположены въ этомъ мѣстѣ восемь большихъ селъ. Они всѣ разорены до основанія, но въ каждомъ изъ нихъ посреди развалинъ или нѣсколько въ сторонѣ возвышается родъ крѣ-

постцы, въ видѣ четырехугольной землебитной стѣны съ выступающими башенками или бойницами на каждомъ углу. Эти бойницы построены не на стѣнахъ, а образуютъ выступы; онѣ какъ бы привѣшены къ нимъ съ боку и, вѣроятно, имѣютъ назначеніе караулокъ или баттарей. Эти крѣпостцы суть новыя селенія, построенныя оставшимися въ живыхъ прежними жителями или предыдущими сюда переселенцами.

Спустившись съ горъ въ упомянутую долину, мы переправились сначала черезъ Ю-Хо и потомъ черезъ Нань-Хо, — чрезвычайно быстрыя, но здѣсь не глубокія рѣки, такъ что въ мѣстѣ переправы лошади не погружались въ воду выше колѣнъ.

Отдохнувъ и закусивъ въ селѣ Сань-Ши-Ли-Пу тѣмъ, что было предложено мѣстными жителями, мы отправились далѣе тою же долиной; но она въ этой части уже не имѣетъ прежняго оживленнаго вида, а носитъ характеръ заустѣнія: здѣсь менѣе долей, и большія пространства земли остаются пустыми; по нимъ растетъ низенькая трава съ разсѣянными по ней кустиками одного луковичнаго растенія *), листья котораго гибки, мягки, но весьма крѣпки, и туземцы дѣлаютъ изъ нихъ очень хорошую и, говорятъ, довольно прочную обувь, въ родѣ лаптей, употребляемую здѣсь бѣднымъ классомъ. Мѣстность представляется взволнованною, изрытою оврагами, и въ вертикальныхъ обрывахъ, окаймляющихъ послѣдніе, можно видѣть, что почва здѣсь состоитъ изъ слоевъ глины въ перемежку съ горизонтальными пластами крупной и мелкой гальки или большихъ камней, которые по ихъ виду и расположенію можно бы принять за стѣны древнихъ построекъ; но эти слои тянутся на такія большія пространства, что трудно предположить, чтобъ они были остатками какихъ-либо сооруженій человѣка, если только это не было что-нибудь, по размѣрамъ подобное Великой Стѣнѣ. Кромѣ того, въ этой мѣстности почти нѣтъ каменныхъ построекъ, а почти всѣ онѣ сдѣланы изъ сырца или сбиты изъ почвы, по своимъ свойствамъ весьма пригодной для этой цѣли. Сегодня, напримѣръ, я видѣлъ, какъ одинъ китаецъ выдѣлывалъ кирпичи изъ мѣстной глины безъ всякой примѣси воды; онъ просто прессовалъ достаточно сырую почву въ рамкахъ и спрессованные кирпичи разставлялъ потомъ на землѣ рядами для просушки.

Около села Сы-Ши-Ли-Пу мы еще разъ переправились въ

*) *Iris tectorum* Maxim.

бродъ черезъ р. Ю-Хо. Горы, возвышающіяся здѣсь на ея лѣвомъ берегу, представляются обнаженными, каменистыми съ ясно выраженнымъ слоистымъ характеромъ. Слои наклонены къ горизонту противъ теченія рѣки приблизительно на 45° ; а на боковой поверхности ихъ образовались, вѣроятно отъ дѣйствія воды, оригинальныя фигуры, въ родѣ пирамидъ, съ округленными гранями, или на подобіе сахарныхъ головъ.

Спутники мои давно проѣхали впередъ; я одинъ со своими провожатыми вѣзжаю въ село, въ которомъ, говорятъ они, будетъ ночевать; но этому трудно повѣрить, потому что, кромѣ совершенно безлюдныхъ развалинъ, я ничего здѣсь не вижу; потомъ передо мною является стѣна и въ ней ворота... А, такъ вотъ село, думаю себѣ: то было; такъ-сказать, предмѣстье. Но вѣхавъ въ ворота, я и здѣсь увидать то же, то-есть тѣ же совершенно мертвыя развалины и между ними только четыре жилыя хижинки; не вижу также никакихъ признаковъ нашего транспорта; проѣзжаю дальше и чрезъ противоположныя ворота ѣду вонъ изъ села... Значить, ошиблись,—не здѣсь ночлегъ, значить еще дальше ѣхать; но, къ моему удивленію, непосредственно за этими воротами началось новое село и также разрушенное; только здѣсь за развалинами тянется улица, въ которой число жилыхъ лачужекъ преобладаетъ надъ грудями камней и обломковъ стѣнъ; тутъ видѣются и люди. Здѣсь находился и постоянный дворъ съ тремя домиками по сторонамъ, въ которыхъ мы и расположились.

За этимъ дворомъ, на высокомъ пригорѣкъ громоздятся стѣны и видѣются ворота нагорнаго села, гдѣ видны двигающіеся люди. Они узнали о нашемъ пріѣздѣ, выходятъ изъ-за стѣны и, располагаясь группами, смотрятъ на нашъ дворъ сверху, а мы наблюдаемъ ихъ; но разстояніе между нами такъ велико, что только съ помощью бинокля возможно разсмотрѣть ихъ лица. Между зрителями довольно много женщинъ. Многіе изъ туземцевъ собрались на нашемъ дворѣ, и такъ какъ въ комнатахъ было темно, то мнѣ пришлось производить свои занятія, т.-е. укладку растений и препарированіе птицъ *), такъ сказать, публично, на открытомъ воздухѣ.

---

*) *Bubo sibiricus*, *Fregilus graculus* L., *Perdix barbata* J. Verr., *Anthus Richardii* Vieil.

Ужинъ былъ приготовленъ высланными на встрѣчу китайцами въ города Гунъ-Чанъ-Фу, въ который мы должны были прѣхать завтра.

8 июня.

Утро ненастное съ дождемъ и вѣтромъ. Характеръ мѣстности тотъ же. Мы добрались наконецъ до города, увидавъ издали его высокую башню, возвышающуюся надъ городской стѣною. Последняя сдѣлана изъ обожженного кирпича и имѣетъ величественный видъ, особенно ея полукруглый выступъ, въ боку котораго находятся городскія ворота и возвышающаяся надъ ними грандіозная башня; толщина стѣны въ пролетѣ воротъ неизмѣрная; словомъ, все сулитъ въѣзжающему путешественнику картины богатаго и красиваго города. Мы въѣхали чрезъ первыя ворота въ полукруглый дворъ и изъ него повернули въ другія такія же, за которыми передъ нами открылась... вмѣсто знакомой читателю, длинной, оживленной народомъ и кипящей дѣятельностью улицы,—огромная безмолвная площадь, окруженная со всѣхъ сторонъ высокими стѣнами и покрытая горами развалинъ, между которыми лишь кой-гдѣ стояли отдѣльныя убогія лачужки, да уцѣлѣвшіе обломки разрисованныхъ стѣнъ и когда-то изящныхъ воротъ и башенъ...

Видъ этихъ слѣдовъ ужаснаго разрушенія, крикъ кукушки надъ ними и ненастная погода, произвели на душу чрезвычайно тяжелое впечатлѣніе и, кажется, не воскреснуть никогда этому покойному городу, не достигнуть вновь прежней силы и значенія. Говорятъ, десять лѣтъ прошло со времени его разрушенія, а въ немъ едва-едва начинаютъ показываться порядочные дома... Впрочемъ, чего не въ состояніи сдѣлать Китай съ его силою, которою онъ богаче всѣхъ странъ въ мірѣ,—силою человеческого труда и безпримѣрныхъ настойчивости и терпѣнія.

Намъ отвели квартиру въ новомъ, еще не оконченномъ казенномъ зданіи, назначенномъ, какъ говорятъ, для производства экзаменовъ молодымъ людямъ, являющимся для полученія ученыхъ степеней. Но какимъ, откуда они прѣдутъ?! невольно спрашиваешь себя. Зданіе занимаетъ огромное мѣсто и состоитъ изъ многихъ изящно отдѣланныхъ жилыхъ помѣщеній, расположенныхъ вокругъ нѣсколькихъ обширныхъ дворовъ. Первый дворъ, на которомъ расположился нашъ транспортъ, былъ пустой; на второмъ по обѣимъ сторонамъ идущей посреди его вы-

мощенной плитамъ дороги стоять подъ навѣсами скамьи въ родѣ того, какъ это дѣлается въ лютеранскихъ церквахъ. Изъ втораго двора ведутъ красивыя крытыя ворота съ деревяннымъ помостомъ, возвышающимся на три ступени, и двумя комнатами, расположенными на вышинѣ этого помоста, по обѣимъ сторонамъ проѣзда.

Я въѣхалъ во дворъ. Двое изъ мѣстныхъ солдатъ, встрѣтившіе меня за воротами, ведутъ мою лошадь въ поводу, вводятъ въ эти ворота, заставляють ее взойти по ступенямъ на упомянутый деревянный помостъ и чрезъ ворота проводятъ на слѣдующій дворъ, небольшой, съ двумя круглыми воротами, которыя вели въ другіе боковые дворы, а передо мною находятся вторыя крытыя ворота, также надъ возвышеніемъ въ три ступени и также съ жилыми помѣщеніями по бокамъ. Солдаты и чрезъ нихъ проводятъ мою лошадь далѣе, на четвертый дворъ, обстроенный съ обѣихъ сторонъ. Наконецъ передо мною явилась дверь, которая вела въ среднее помѣщеніе, гдѣ была наша квартира. Тутъ мои провожатые предложили мнѣ сойти съ лошади и пригласили войти въ домъ.

Квартира состояла изъ трехъ прекрасныхъ комнатъ, высокихъ, свѣтлыхъ и чистыхъ; въ средней, пріемной, стояли круглый столъ и кресла; въ двухъ боковыхъ, кромѣ того, были устроены еще каны, такіе широкіе, что на нихъ могутъ свободно лечь поперекъ человекъ пять. Входъ въ квартиру одинъ, чрезъ среднюю комнату, которая освѣщалась дверью, а въ боковыхъ находилось по одному большому окну, заклеенному бѣлой и красной бумагой. Пользуясь удобной обстановкой и свѣтлымъ временемъ, я занялся перекладкою всѣхъ растений, собранныхъ за последнее время, и къ величайшему огорченію увидалъ, что половина ихъ протала: они стнли, вслѣдствіе невозможности достаточно часто перекадывать ихъ въ сухую бумагу; а эта невозможность произошла вслѣдствіе нашего безостановочнаго движенія, да еще каждый день большими переходами. Я не могъ не жалѣть погибшаго труда, но особенно горько было то, что потеря эта невознаградимая. Вѣдь за ними не вернешься.

Сегодня я присутствую за обѣдомъ, чего уже давно не было. Сосновскій хотѣлъ послать подарки мѣстнымъ властямъ; но не имѣя у себя никакихъ подходящихъ для этого вещей, высказалъ намѣреніе послать имъ просто денегъ, рубля по три, по пять, и спросилъ наше мнѣніе объ этомъ. Мы высказались, что они

могутъ обидѣться вообще денежнымъ подаркомъ и особенно въ такомъ размѣрѣ, и предложили выразить нашу признательность за любезный приемъ пожертвоваціемъ въ пользу бѣдныхъ жителей Гунъ-Чанъ-Фу. Онъ такъ и сдѣлалъ, отправилъ 60,000 чохъ (рублей 50), велѣвъ сказать, что жертвуетъ это на бѣдныхъ... и „на кумирни“, прибавилъ онъ уже отъ себя... Хоть и кумирня, а все же храмъ Божій.

9 іюня.

Я думалъ, что мы ближе поинтересуемся судьбою и видомъ несчастнаго города; но нѣтъ, уѣзжаемъ сегодня же, надо только переѣхать наемныхъ лошадей и муловъ. Какъ экономные и разсудительные люди, мы желаемъ нанять ихъ какъ можно дешевле; но животныхъ въ подобныхъ разоренныхъ мѣстахъ очень мало, и кому же охота отдавать свою лошадь или мула, когда хозяинъ ихъ даже не надѣется получить за это порядочной платы. И вотъ поэтому приходится долго торговаться, просить и ждать содѣйствія властей, и хотя на это у Сосновскаго времени много, ему все-таки досадно, что задерживаютъ: онъ негодуетъ на прислугу, конвойныхъ, своихъ переводчиковъ, на мѣстныхъ властей и вообще на китайцевъ, которые оказываются „ужасными лѣнтями, способными только ѣсть, да курить опиѣ“.

Наконецъ все готово. Сосновскій забираетъ всѣхъ конныхъ конвоировъ и отправляется по обыкновенію впередъ рысью, потому что, разсуждаетъ онъ, скучно тащиться шагомъ цѣлый день. Отправляемся и мы слѣдомъ. Несчастный городъ провожаетъ насъ еще съ почетомъ: на городскихъ воротахъ развѣваются флаги; у воротъ выстроены десятка три солдатъ съ флагами и оружіемъ въ рукахъ; съ городской стѣны другіе солдаты играютъ въ трубы.

Дорога пошла тою же гладкой долиной, поросшей густою травой, рѣдкимъ ивовымъ кустарникомъ, да деревьями, которыя большею частью были срублены и теперь пустили новые побѣги. И сегодня передъ глазами тѣ же развалины и развалины, какія мы видимъ вотъ уже недѣли двѣ; онѣ или совершенно покинуты людьми, или обитаемы нѣсколькими семействами, имѣющими видъ почти нищихъ. Поля не обработаны, луга поросли высокой и густой травой. Впрочемъ встрѣчаются небольшія нивы пшеницы, гороху, воздѣланная, какъ я узналъ, солдатами расположенныхъ здѣсь войскъ.

11*

Вдоль дороги въ небольшихъ крѣпостяхъ, отстоящихъ недалеко одна отъ другой, расположены гарнизонами китайскія войска, назначенныя для охраненія края отъ новаго вторженія мусульманъ. Начальникамъ этихъ гарнизоновъ было дано знать о нашемъ проѣздѣ, и они поочередно выходили къ намъ на встрѣчу съ солдатами, версты за двѣ, съ флагами, ружьями и музыкой и встрѣтивъ насъ салютными выстрѣлами, провожали потомъ до своего лагеря, гдѣ происходила такая же торжественная встрѣча съ новыми салютами и проводами. Такъ прошелъ цѣлый день до вечера. Это очень льстило нашему самолюбію, ѣхать было весело; подобно Сосновскому я чувствовалъ себя чѣмъ-то въ родѣ настоящаго генераль-губернатора (цзянь-цзюнь), и, подобно ему, мнѣ все хотѣлось пришпоривать своего несчастнаго наемнаго коня и проскакать галопомъ, чтобы измученные солдаты бѣжали за мною... Это такъ эффектно!

На половинѣ пути былъ приготовленъ высланнымъ на встрѣчу поваромъ обѣдъ. Сюда же приѣхалъ одинъ офицеръ Лю, жившій прежде въ Хань-Коу, о которомъ, какъ и о своемъ знакомствѣ съ иностранцами, онъ рассказывалъ съ восторгомъ и даже гордостью; онъ жаловался на скучную жизнь въ здѣшнемъ разоренномъ краю, видимо грустилъ о прошломъ, и со вздохами вспоминалъ о крошечныхъ ножкахъ своихъ дамъ, которыхъ тутъ нѣтъ.

Да, незавидное существованіе, подумалъ я, и мнѣ стало жаль его и всѣхъ, на чью долю выпала тяжелая обязанность жить тутъ. Лю былъ еще молодой человѣкъ, простой, большой говорунъ, и я, насколько могъ, поддерживалъ съ нимъ бесѣду; но, къ сожалѣнію, не могъ поговорить о томъ многомъ, что интересно было бы узнать. Я спрашивалъ его о предстоящей дорогѣ, съ которой онъ хотя не былъ знакомъ лично, но зналъ что край теперь покоенъ, что мятежниковъ и разбойниковъ больше нѣтъ, и успокаивалъ насъ, говоря:

— Не бойтесь, мы васъ проводимъ, до самаго вашего государства проводимъ.

Потомъ онъ принимался мечтать о своемъ возвращеніи въ Хань-Коу и выражалъ надежду встрѣтиться тамъ со мною, говоря, что я вѣроятно „захочу побывать еще разъ въ ихъ государствѣ, узнавъ, какіе добрые люди китайцы и какъ они рады гостямъ, приѣзжающимъ къ нимъ изъ чужихъ странъ“.

Дѣйствительно съ нами всѣ были чрезвычайно учтивы и любезны. Но китайцы — такіе свѣтскіе люди; они такъ умѣютъ

владѣть собою, что въ сношеніяхъ съ ними легко можно предположить искренность тамъ, гдѣ была только изящная внѣшность, пріятныя для самолюбія фразы, свѣтскій лоскъ и замѣчательный житейскій тактъ. Во всякомъ случаѣ ихъ отношенія къ намъ были, за немногими исключеніями, весьма пріятны. Очень можетъ быть, что они и въ самомъ дѣлѣ были рады нашему посѣщенію.

Въ сумеркахъ мы достигли одного большого укрѣпленнаго лагеря, гдѣ насъ приняли съ большимъ почетомъ: начальники лагеря вышли на улицу встрѣтить насъ; солдаты салютовали ружейными выстрѣлами и играли въ трубы; на стѣнахъ укрѣпленія развѣвались флаги. Насъ пригласили сначала войти въ небольшую комнату одного домика, стоявшаго у дороги и мило убраннаго цвѣтными матеріями. Здѣсь мы обмѣнялись первыми привѣтствіями, выпили чаю,—этой китайской хлѣба-соли,—и потомъ отправились въ лагерь, расположенный на довольно большой возвышенности. Два генерала, четыре офицера, солдаты и мѣстное население съ фонарями въ рукахъ, всѣ толпою стали подниматься по дорогѣ въ гору, къ крѣпостнымъ воротамъ и, когда мы достигли ихъ, опять раздались салютные выстрѣлы и завывающіе звуки военныхъ трубъ.

Вошли во дворъ, потомъ въ квартиру одного изъ начальниковъ, состоявшую изъ двухъ крошечныхъ комнатокъ, и въ первой стоялъ столъ съ приготовленными приборами для ужина, къ которому немедленно и приступили. Во время его поговорили о дунганскомъ возстаніи, въ извѣстномъ читателю стилѣ,—помните „живую хронику“,—и потомъ отправились на покой. Одинъ изъ офицеровъ взялъ фонарь и проводилъ насъ съ Матусовскимъ въ отдѣльный домикъ, расположенный позади солдатскихъ казармъ и служившій квартирою второму изъ начальниковъ. Она также состояла изъ двухъ маленькихъ комнатокъ, одной полутемной и съ землянымъ поломъ и другой съ однимъ небольшимъ окномъ, столомъ около него, кроватью подъ альковомъ и каномъ; эта, очевидно, служила хозяину спальней и кабинетомъ. Комнатка крошечная, но уютная..

Мы сѣли къ столу, чтобъ окончить свои дневныя работы; но явившійся хозяинъ квартиры, тоже генералъ, помѣшалъ намъ; онъ пришелъ освѣδοчиться хорошо ли намъ, не нужно ли чего-нибудь, и потомъ заинтересовался разными вещами, особенно нашимъ письмомъ, оружіемъ и часами, которыя просилъ позволенія понести показать кому-то; но изъ боязни, чтобъ ихъ не

испортили, мы не дали. Онъ спрашивалъ, нѣтъ ли у насъ въ запасѣ другихъ, которыя мы могли бы уступить ему; но у насъ такихъ къ сожалѣнію не было. Генераль хотя и былъ очень любезенъ, но сильно мѣшалъ намъ, и потому мы были очень довольны, когда наконецъ онъ оставилъ насъ въ покоѣ, пожелавъ намъ спокойнаго сна.

10 іюня.

Неизвѣстно почему, сегодня не торопились выступленіемъ, такъ что я могъ окончить свои занятія, несмотря на то, что насъ съ утра безпрестанно посѣщали непрошенные гости, по преимуществу солдаты; и хотя всѣ они вели себя скромно и не мѣшали занятіямъ, тѣмъ не менѣе были весьма неприятны своимъ безцеремоннымъ обхожденіемъ; подходя близко они сошлись надъ самымъ ухомъ, безпрестанно чесались и рыгали на всю комнату. Мы едва успѣли окончить свои дѣла только къ полудню; а тутъ вдругъ пришло распоряженіе, что сегодня пройдемъ восемьдесятъ ли, а если будетъ не поздно, такъ еще ли десять или пятнадцать; итого значить около пятидесяти верстъ... Пріятная перспектива!

Послѣ завтрака мы разстались съ любезными генералами и поѣхали дальше, въ сопровожденіи офицеровъ и солдатъ. Мѣстность была однообразна и скучна, да и мысль уставала отъ многихъ внутреннихъ причинъ, главнымъ же образомъ отъ утомительнаго движенія только по дорогѣ и по дорогѣ, не смѣя отставать въ виду большихъ переходовъ и не имѣя возможности отѣвѣжать въ сторону, за недостаткомъ лишней лошади. Потомъ растительность стала богаче; многія растенія были въ цвѣту, и я собралъ ихъ порядочное количество; встрѣчались кустарники (изъ бобовыхъ) и деревья, по преимуществу ива и вязъ; изъ пернатыхъ обыкновенныя сороки и стаи галокъ (*Corvus dauricus*).

Наконецъ передъ нами показался городъ Вэй-Юань-Сянь, на стѣнахъ котораго развѣвались бѣлые и разноцвѣтные флаги, издали выражавшіе намъ привѣтствіе ожидавшихъ насъ людей. Въ городѣ насъ встрѣтили два мандарина, солдаты и толпа любопытныхъ; пригласили въ домъ, накормили завтракомъ, чаемъ напоили и на прощаньи одинъ изъ мандариновъ подарилъ намъ живую обезьяну, а отъ Сосновскаго получилъ убитаго зайца!...

Этотъ городъ мы изслѣдовали въ полчаса, и отправились дальше, какъ послѣдовало распоряженіе, на 60 ли. Жара стоитъ такая,

что, кажется, все время находишься передъ огромной мечью. Мѣстность здѣсь неровная; высокіе, наверху совершенно плоскіе, холмы сѣвняются долинами, котловинами и оврагами; дорога пролегаетъ главнымъ образомъ по верхнимъ плоскостямъ возвышенностей, которыя иногда напоминаютъ насыпи, какія дѣлаются для проведенія желѣзныхъ дорогъ, только тутъ онѣ имѣютъ огромныя размѣры; такъ же обширны и лежація по бокамъ ихъ долины. Послѣднія, какъ и склоны горъ, почти сплошь покрыты травянистой растительностью; по мѣстамъ встрѣчаются кустарники и деревья, за которыми я не имѣлъ времени сѣздить, а издали не могъ точно опредѣлить; но, кажется, это были тополя и ивы.

Мѣстность такъ однообразна, что часто казалось, будто все находишься на одномъ мѣстѣ: холмы состоятъ изъ красной глинистой почвы; бока ихъ обдѣланы террасами и похожи на внутренность гигантскихъ амфитеатровъ; но террасы эти стоятъ теперь невоздѣланными и покрыты вмѣсто хлѣбныхъ растений травою, потому что теперь и сѣять некому и не для кого: существовавшіе недавно села и ихъ жители, руками которыхъ были обработаны снизу до верху эти холмы, исчезли, и отъ первыхъ остались лишь груды развалинъ, а о вторыхъ одно воспоминаніе. Смотришь вправо съ высокой дороги, по которой ѣдешь, взглянешь налево,—все одна и та же картина, тишина, безлюдье и мертвенный покой кругомъ, нарушаемый только голосами мелкихъ птичекъ да кудахтаньемъ фазановъ *). Скучная и бѣдная жизнь людей сосредоточилась здѣсь только въ лагеряхъ, стоящихъ на извѣстныхъ разстояніяхъ одинъ отъ другаго; и въ нихъ, кромѣ солдатъ (по 500 человѣкъ) да ихъ начальства, никого нѣтъ.

Бду одинъ, отставъ отъ всѣхъ, вслѣдствіе моихъ неизбежныхъ остановокъ. Солнце садилось, и надъ долиной, въ которую я спустился, раздавался неподражаемый концертъ самыхъ симпатичныхъ пѣвцовъ полей—жаворонковъ. Ихъ пѣсни были тѣ самыя, какія раздаются надъ нашими степями и лугами, и къ этимъ послѣднимъ унеслись оторванные отъ дѣйствительности мысли. Да и не жаль было оторваться отъ нея, потому что она съ каждымъ днемъ становилась непріятнѣе: прежде еще поддерживали надежды; думалось, — можетъ-быть, еще многое переживится... Теперь

*) Phasianus Strauchi Przew.

характеръ всего уже слишкомъ ясно сказался и измѣненія мы не ждали; да и упустили уже такъ много, что теперь вернуть это упущенное можно только вернувшись назадъ; мы же неудержимо стремились впередъ.

Не знаю, какъ смотрѣли на себя другіе, а я представлялся самому себѣ пересыльнымъ арестантомъ, которому назначался извѣстный маршрутъ верстъ на пятьдесятъ, на шестьдесятъ въ день; на привалѣ давалась пища, и затѣмъ начальство снисходительно смотрѣло на занятія этого арестанта въ дорогѣ: пускай его пишетъ и собираетъ тамъ что-то, — думаетъ про себя мое жалкое начальство, — вѣдь всегда можно будетъ отобрать, что онъ сдѣлаетъ, и въ случаѣ надобности уничтожить... Такъ я и смотрѣлъ на свои дорожныя приобрѣтенія: сегодня это мои сокровища, а завтра скажутъ: „это нужно для цѣлей правительства“, и преступно прикрывшись этой фразой, отберутъ все. Это мнѣ такъ представлялось, говорю, — отъ скуки...

Что это за группа всадниковъ ѣдетъ на встрѣчу, съ пиками и флагами? — смотрю я впередъ. Это оказывается конный конвой, провожавшій Сосновскаго и теперь возвращающійся домой. Но что за странность: китайцы, обыкновенно столь привѣтливые, или живые и любопытные, проѣхали мимо меня надутые, точно озлобленные; ни одинъ даже не взглянулъ, а нѣкоторые что-то проворчали такимъ сердитымъ тономъ, какимъ только посылаютъ ругательства ненавистному человеку. Сообщаю этотъ фактъ, какъ необыкновенный, обратившій на себя вниманіе своею странностью; но вотъ и объясненіе. Солдаты рассчитывали получить ту бездѣлицу, какую получали раньше другіе, когда конвой не перемѣнялся такъ часто, а провожавшіе Сосновскаго китайскіе офицеры мечтали о какихъ-нибудь заморскихъ вещахъ, въ родѣ сигаръ, вина, нашей монеты и другихъ интересныхъ для нихъ предметовъ, какіе имъ хотѣлось и они надѣялись получить отъ насъ. Но ни тѣ, ни другіе не получили ровно ничего.

Я догналъ Матусовскаго, который уже едва могъ работать по случаю наступившихъ сумерекъ. Воздухъ становился все свѣжѣе, и мы, чтобъ согрѣться, пошли пѣшкомъ, продолжая спускаться въ долину, и отъ скуки рассказывали другъ другу разные эпизоды изъ одной „сказки про Оленя“ (которую, можетъ-быть, я когда-нибудь повѣдаю читателю), и наконецъ доплелись до маленькаго жилаго селенія, въ которомъ, какъ намъ сообщили бродившіе тутъ туземцы, спутники наши останѣвились ночевать. Это

было совершенно неожиданное и весьма радостное извѣстіе, такъ какъ мы было уже помирились съ горькою необходимостью тащиться, какъ было приказано, еще болѣе десяти верстъ.

Встрѣтили казака Степанова, который указалъ намъ назначенное для насъ помѣщеніе. Оно представляло грязный сарай, служившій, судя по обстановкѣ, конюшней, и воздухъ въ немъ былъ до того пропитанъ амміакомъ и дымомъ, что отъ него буквально дыханіе спирало въ груди. По счастью, возлѣ этого дома на улицѣ былъ устроенъ какой-то навѣсъ изъ древесныхъ вѣтвей съ такими же боковыми загородками. Подъ нимъ стояли двѣ скамьи, и днемъ тутъ, вѣроятно, производилась торговля какими-нибудь съѣстными припасами или чаемъ; — а въ нынѣшнюю ночь эта лавочка превратилась въ поэтическую спальную для двухъ русскихъ офицеровъ.

— Вотъ гдѣ чудесно спать, говорю я товарищу, — по крайней мѣрѣ на свѣжемъ воздухѣ.

— На этихъ-то узенькихъ лавкахъ?! Покорно благодарю.

— Подождите немного, — вы увидите, какая у насъ спальня будетъ.

Я сообщилъ свой проектъ Тану, и онъ очень понравился ему. Живо сняли мы съ петель половинку воротъ упомянутаго сарая, положили ее на двѣ скамьи и потомъ постлали на нихъ наши постели, и спальня была готова. Поужинавъ и напившись чаю, мы, совершенно какъ у себя дома, стали укладываться на покой. Такъ какъ все это происходило на улицѣ, такъ какъ въ нашемъ импровизированномъ пріютѣ загорѣлись двѣ стеариновыя свѣчи, то полуночники-китайцы пришли любопытствовать, удивляться и восхищаться. Ихъ было немного, да и деревенька-то крошечная, всего дворовъ тридцать, расположенныхъ въ одинъ рядъ у подножія горы; и пора была поздняя. Зрители долго стояли передъ нами, когда мы уже лежали въ постеляхъ и еще записывали кой-что; они тихонько говорили между собой, перещупали наши одѣяла, простыни и подушки, подавили рукой матрацы и, присѣвъ на корточки, потрогали сапоги, поставленные просто на улицѣ, на землѣ, и все похваливъ, стояли и смотрѣли на необыкновенныхъ посѣтителей, не сводя съ насъ глазъ. Они ушли домой только тогда, когда я погасилъ свѣчу и, пожелавъ имъ покойной ночи, сказалъ, что теперь мы хотимъ спать и просимъ не мѣшать намъ. Просьба была исполнена немедленно; а будь толпа, не удалось бы намъ скоро заснуть...

Воздухъ здѣсь былъ чистый; ночная свѣжесть была такъ пріятна, а сквозъ вѣтви и листья нашего потолка пробивался свѣтъ полной луны и мерцали горѣвшія на небѣ звѣзды.

„Есть наслажденіе и въ дикости лѣсовъ!“ сказалъ Матусовскій, теперь очень довольный тѣмъ, что намъ не привелось спать въ смрадномъ сараѣ.

11 іюня.

Вчера луна и звѣзды убаюкали насъ, а сегодня разбудили нервные лучи солнца... На-скоро напившись чаю и на-скоро окончивъ свои занятія, мы отправились вслѣдъ за Сосновскимъ, опять уѣхавшимъ впередъ, и опять рысью; несчастные пѣшіе конвоиры должны были опять бѣжать за нимъ слѣдомъ! Насъ проводили тремя салютными выстрѣлами и звуками трубъ, раздавшимися изъ находившагося въ сосѣдствѣ военного лагеря.

День былъ жаркій, и многіе изъ солдатъ подѣлали себѣ вѣнки изъ пвовыхъ прутьевъ съ листьями и надѣли на головы для защиты отъ солнца.

Мѣстность представлялась пустынною; сегодня даже развалины не встрѣчалось по дорогѣ; не видно также слѣдовъ бывшихъ полей, такъ что можно думать, что эта страна и прежде не была заселена. Ее лишь нѣсколько оживляли птицы, но онѣ были не особенно разнообразны: высоко летали съ крикомъ красноносыя альпійскія вороны (клушица Гріонъ, *Fregilus graculus* L.),— эти обитательницы высокихъ мѣстностей; бродили по дорогѣ и перелетали съ мѣста на мѣсто голуби да галки, отличающіяся отъ нашихъ только бѣлыми шеями; порхали чекканы и плиски, ловя насѣкомыхъ, и неподалеку по сторонамъ раздавались голоса фазановъ. Мѣстность стала понижаться; на дорогу вышла сбоку мутная рѣчка, которая текла дальше рядомъ съ нею въ направленіи нашего движенія. Въ горахъ показались обнаженные пласты песчаника, горизонтальные или наклонные, то въ сторону по теченію упомянутой рѣчки, то противъ него.

Скучна сегодня дорога; да и апатія нападаетъ отъ машинальнаго и почти безсознательнаго движенія впередъ, безъ возможности глубже задуматься надъ чѣмъ-нибудь. Въ такомъ состояніи я подѣзжалъ къ новому городу, стоявшему на нашемъ пути,— Ти-Дао-Чжоу. Тороплюсь скорѣе добраться, потому что приближается темная грозовая туча, изъ которой въ небольшомъ разстояніи отъ насъ, видно было, шелъ проливной дождь. Догоняю

Матусовскаго, который тоже спѣшить; а туманная завѣса дождя, камется, догоняетъ насъ. Вотъ прокатился ударъ грома, за нимъ второй и застучали по травѣ и зашлепали по дорогѣ крупныя дождевыя капли... Иногда пріятно побывать подъ теплымъ ливнемъ; но не въ дорогѣ.

На наше счастье у дороги стоялъ отдѣльный маленькій домикъ, въ который мы успѣли войти сами и даже ввели въ него своихъ лошадей, чтобъ уберечь отъ дождя сѣдла. Этотъ домикъ, хотя въ немъ и жили люди, по внутреннему устройству походилъ скорѣе на сарай, только съ двумя канами и печкой. Тутъ жила одна китайская семья. Хозяинъ принялъ насъ любезно и даже былъ радъ случаю, заставившему иностранцевъ такъ долго оставаться у него въ гостяхъ. Онъ былъ радъ мнѣ, какъ врачу, потому что его жена была больна глазами, вѣроятно вслѣдствіе дыма, которымъ домишко прокопченъ насивозъ; одинъ ребенокъ только-что выздоравливалъ отъ оспы и былъ еще слабъ, — и я далъ кой-какія наставленія и лѣкарство отъ болѣзни глазъ, которое въ послѣднее время постоянно имѣлъ при себѣ въ виду сильнаго распространенія между туземцами глазной болѣзни (хроническаго катарра вѣкъ).

Въ этотъ домикъ, какъ единственный въ этомъ мѣстѣ, явились еще нѣсколько человѣкъ китайцевъ, тоже спасавшихся отъ дождя, который лилъ какъ изъ ведра и загналъ сюда же со двора поросятъ и куръ. Хозяева и гости разсматривали насъ и наши вещи, изъ которыхъ имъ особенно понравились наши дорожные кожаные плащи, о какихъ они, какъ видно, и понятія не имѣли. Мы посматривали на ихъ бѣдную обстановку и незавидную жизнь, и на нихъ самихъ.

Дождь наконецъ почти пересталъ и мы могли продолжать нашъ путь. Городъ, къ которому мы подъѣзжали, былъ довольно долгое время центромъ мятежныхъ мусульманъ, и намъ указали стѣну ихъ бывшей крѣпости; тутъ же рядомъ находится мусульманское же кладбище съ низенькими земляными могилками въ формѣ пирамидъ и маленькихъ часовенъ, а на одной изъ нихъ былъ, повидимому, поставленъ, а не случайно попалъ, пустой боченокъ. Мы долго ѣхали вдоль городской, вполнѣ сохранившейся, стѣны, пока не достигли восточныхъ воротъ, которые только одни открыты. Стѣна городская уцѣлѣла, но не спаслось то, что она должна была охранять и спасать: весь городъ былъ разоренъ и теперь возобновляется; но какія жалкія, точно ушедшія

въ землю, мазанки стоятъ по сторонамъ улицы; такъ что бѣдныя лавчонки съ мелочнымъ товаромъ кажутся ужъ чѣмъ-то наряднымъ и богатымъ посреди общей нищеты и разоренія. Отстраивается вновь одна кумирня; передъ нею выводятся своды для мостиковъ, долженствующихъ служить украшеніемъ; кладутся стѣны будущихъ резервуаровъ и миниатюрныхъ прудовъ; послѣднія опять обводятся новыми узорчатыми оградами; вновь отдѣлываются изящныя крыши, рѣшетчатые окна, расписываются красками карнизы и стѣны. Хотя мнѣ всегда болѣе нравились старыя китайскія зданія, но и въ новыхъ очень много своеобразной прелести.

Квартира для насъ была отведена также въ одной за-ново отдѣланной кумирнѣ, съ большимъ главнымъ и маленькими боковыми двориками, на которыхъ расположены жилия помещенія; но послѣднія, несмотря на свою новизну, были до-нельзя закопчены и пропитаны отвратительнымъ навознымъ дымомъ. Слава Богу, что погода стояла хорошая и всѣ занятія можно было производить на дворѣ. подъ широкими навѣсами крышъ, образующихъ нѣчто въ родѣ крытыхъ галлерей вокругъ китайскихъ домовъ.

12 юня.

Наступило чудесное утро, одно изъ тѣхъ, въ которые на душѣ дѣлается и весело, и какая-то ноющая грусть вдругъ защемило сердце и ничѣмъ не разсѣешь ее: весело потому, что небо ясно, что солнце ярко свѣтитъ, и тогда кажется, что всѣмъ и всему хорошо подъ его лучами; грустно же оттого, что вспоминаются другія подобныя утра, проведенныя въ другихъ мѣстахъ, въ пору молодости,—грустно отъ сознанія, что это утро жизни прошло, съ тѣмъ, чтобъ никогда, никогда не повториться...

Но путешественнику нельзя поддаваться поэтическимъ смущеніямъ; надо бодро готовить свой локомотивъ къ отходу, заложить въ печь горячаго матеріала и влить воды, чтобъ было что расходовать дорогой. Матеріаль этотъ намъ всюду предлагается гостепріимными китайцами даромъ. И что это за чудесная страна: квартира даромъ, ѣда по нѣскольку разъ въ день—даромъ; не достааетъ только, чтобъ насъ везли даромъ. И мнѣ даже удивительно, что, несмотря на всѣ исчисленныя благополучія, Сосновскій торопится ѣхать;—развѣ только, что природа здѣшнихъ мѣстъ очень непривлекательна. Дѣйствительно, она пустынна,

гола и однообразна; да и пора стоит знойная, а укрыться от солнца некуда. Лицо просто печет жаромъ, отраженнымъ от раскаленной земли; тѣни нигдѣ никакой; да, пожалуй, и хорошо, что нѣтъ, потому что все равно, сидѣть подъ нею было бы некогда.

Мѣстность пустынна, но сегодня на дорогѣ замѣчается большое движеніе; сегодня встрѣтились верблюды, которыхъ мы уже давно, давно не видали, и мы обрадовались имъ; проходили намъ навстрѣчу караваны ословъ и муловъ, навьюченныхъ кожами и шерстью; и при видѣ этихъ предметовъ и верблюдовъ на насъ повѣяло Монголіей... На 25-й верстѣ отъ прошлаго ночлега, мы съ Матусовскимъ заѣхали въ одно селеніе Синь-Тэрръ, многолюдное и оживленное торговлей. Наши „квартирмейстеры“ позавтракали здѣсь, уже второй разъ сегодня, успѣли выспаться послѣ завтрака и ускакали впередъ, такъ что мы ихъ совсѣмъ не видимъ, и потому я ничего болѣе интереснаго сообщить о нихъ не могу.

Отдохнувъ немного, мы послѣдовали за ними. Мѣстность вскорѣ оживилась рѣчкой, по берегамъ которой тянулись заливные луга, оживилась богатыми полями ячменя и пшеницы, а также арыками съ бѣгущей по нимъ водой, и какъ будто уже одинъ видъ воды дѣлаетъ зной менѣе чувствительнымъ, вѣроятно потому, что вниманіе отвлекается отъ субъективныхъ ощущеній. Появились различные кустарники и деревья (вязъ и айлантъ); почва почти вся обработана; встрѣчаются возстановленные изъ развалинъ селенія, и люди имѣютъ не такой измученный и болѣзненный видъ, къ какому привыкли глаза за послѣднее время; но между ними встрѣчаются многіе съ слѣдами недавней оспы на лицѣ, особенно женщины. Въ зелени деревьевъ и кустарниковъ много птицъ: опять показались голубыя сороки, скворцы, рыболовы и чаще раздаются голоса фазановъ все одного и того же вида.

Прошелъ день почти безостановочнаго движенія; надвигаются сумерки, а мѣста ночлега мы все еще не достигли; люди, шедшіе цѣлый день пѣшкомъ, измучились, и многіе отстали. Они большею частью худы, малорослы, одѣты грязно и бѣдно, говорятъ хотя и по-китайски, но особымъ нарѣчіемъ, такъ что ни я ихъ, ни они меня не понимаютъ, тогда какъ съ другими китайцами я въ это время уже могъ свободно объясняться обо всѣхъ обыкновенныхъ предметахъ.

Мы все ожидали, что вотъ появятся огоньки, вотъ въѣдемъ въ село, увидимъ ворота и людей въ нихъ, но ничего этого не являлось, а дорога стала подниматься въ гору, извиваясь заградами между высокими обрывами и обходя глиняныя глыбы, торчавшія на ней въ видѣ разнообразныхъ монументовъ. Поднявшись на верхъ горы, мы очутились на открытой равнинѣ и поѣхали по ней, не видя и не слыша признаковъ близкаго селенія; а небо все темнѣло и только на западѣ еще оставалась свѣтлая полоска, на которой вырѣзывался силуэтъ темно-синихъ горъ.

Все было молчаливо и тихо и только гдѣ-то вдалекѣ раздавались трели лягушекъ. Я ѣхалъ по обыкновенію одинъ со своими конвойными, и еще долго шли мы, то спускаясь, то поднимаясь опять по тропинкѣ, которая шла иногда у самаго края глубокихъ отвѣсныхъ обрывовъ, свойственныхъ здѣшной почвѣ (лѣсъ). Солдаты-китайцы весьма заботливо охраняли меня, осматривали дорогу впереди, а одинъ вель подъ уздцы мою лошадь, въ вѣрной поступи которой я, впрочемъ, былъ увѣренъ, и потому паденія не ожидалъ. Я чувствовалъ только большую усталость, да сильно болѣла, просто обожженная солнцемъ, кожа лица.

Долго еще тащились мы; наконецъ послышался запахъ дыма, потомъ недалеко мелькнули огоньки, и до насъ донеслись звуки людскаго говора и смѣха и лай собакъ. Слава Богу, подумалъ я, находясь въ полной увѣренности, что добрался до ночлега.

Мы спустились по крутой тропинкѣ въ селенію, расположенному, какъ мнѣ показалось, въ небольшой котловинѣ въ горахъ. Конвойные стали спрашивать домъ, въ которомъ остановились иностранцы, но получили отвѣтъ, что всѣ уѣхали дальше... А небо темнѣло все сильнѣе; мы въ потьмахъ потеряли дорогу и ужъ одинъ любезный китаецъ вывелъ насъ. Проѣхавъ еще съ полверсты и перейдя въ бродъ какую-то рѣчку, мы достигли военнаго лагеря, Сань-Цзанъ (съ 500 чел. солдатъ), во дворъ котораго и направились; а вскорѣ я увидалъ въ одномъ домѣ чрезъ открытую дверь Матусовскаго и нашего казака, сидѣвшихъ въ освѣщенной комнатѣ, куда и вошелъ.

Это была низенькая коморка съ чернымъ потолкомъ, двумя казанами, надъ которыми висѣли циновки въ видѣ крышъ, съ небольшимъ столомъ и двумя кроватями; и только висѣвшія надъ столомъ картины, да приврѣпленные къ стѣнѣ красныя визитныя карточки нѣсколько оживляли ея мрачный видъ; но для солдатской казармы, какою она служила, она была даже комфорта-

бельна. За нашей комнатой находилась другая, гдѣ толпились солдаты; они курили опиѣ и кричали во все горло, что было не особенно удобно; главная же неприятность заключалась въ томъ, что они безпрестанно ходили черезъ нашу комнату и обращались съ нами за панибрата, какъ съ прислугой, на томъ основаніи, что мы были помѣщены не съ „господами“, тогда мѣста тамъ для всѣхъ было достаточно.

Но здѣсь, какъ мы узнали, нашъ начальникъ долженъ былъ соблюсти представительность; поэтому ему нужна была отдѣльная приемная комната; повода же къ особенной представительности мы еще не знали.

Когда насъ позвали ужинать, мы, придя, нашли Сосновскаго въ очень разгнѣванномъ состояніи, которое скоро объяснилось. Изъ его краткаго разсказа узнаемъ, что изъ г. Лань-Чжоу прибыли сюда два мандарина, отправленные тамошнимъ генераль-губернаторомъ къ намъ на встрѣчу, и они, оказалось, не встрѣтили Сосновскаго при вѣздѣ въ лагерь, — можете себя представить! — А вторыхъ, одинъ изъ нихъ, имѣющій на шляпѣ „только бронзовый шарикъ“, т.-е. состоящій въ первомъ чинѣ, держалъ себя съ нимъ чрезвычайно гордо и надменно, и провелъ эту роль отъ начала до конца. Явившись съ визитомъ, онъ очень громко говорилъ, упоминалъ о своемъ родствѣ съ генераль-губернаторомъ, закурилъ трубку и повелъ съ начальникомъ разговоръ на ты. Разговоръ же главнымъ образомъ вертѣлся на одномъ вопросѣ, который онъ предложилъ Сосновскому и требовалъ отъ него точнаго отвѣта.

Безъ насъ произошло, судя по волненію разсказчика, дѣйствительно что-то необыкновенное и очень неприятое для его самолюбія.

— Входитъ этотъ „мѣдный шарикъ“, говоритъ онъ, — ко мнѣ въ комнату, вмѣстѣ съ другимъ, указываетъ на меня пальцемъ и спрашиваетъ, — это-то Сосновскій?! Потомъ безъ приглашенія садится на первое мѣсто и начинаетъ разговоръ на ты. „Мнѣ, говоритъ, генераль-губернаторъ поручилъ передать тебѣ, что хотя въ Лань-Чжоу найдется для всѣхъ и казенная квартира, но онъ приказалъ спросить: закотите ли вы помѣститься въ ней, или наймете себѣ помѣщеніе въ гостиницѣ“. Я ему на это отвѣчаю, что предоставляю это совершенно на благоусмотрѣніе генераль-губернатора; а онъ, какъ съ ножомъ къ горлу, присталь: „скажи да и только, гдѣ мы желаемъ остановиться?“ Я

опять отвѣчаю на это:—тамъ, гдѣ будетъ угодно генераль-губернатору, а онъ опять свое...

Переводчикъ и фотографъ также были возмущены и отъ времени до времени вставляли свои слова: „а помните еще вотъ то-то“; „а какъ онъ вотъ это сказалъ“; „да все какимъ тономъ!“... Они за дорогу привыкли къ инымъ приемамъ, а тутъ, судя по ихъ словамъ, что называется „отдѣлали“.

Это явленіе было весьма странное и не могло не имѣть въ нашихъ глазахъ значенія послѣ тѣхъ торжественныхъ встрѣчъ, какія намъ раньше оказывались; но мы не могли ничего придумать, чѣмъ можно бы было объяснить, во первыхъ, высокомерное обращеніе съ Сосновскимъ самаго маленькаго чиновника, а также и эти настойчивые вопросы о томъ, гдѣ мы намѣрены поселиться въ Лань-Чжоу,—на казенной или на частной квартирѣ. Загадочно; все же загадочное интересно, а потому намъ хотѣлось лично познакомиться съ этими надменными мандаринами, и мы просили переводчика передать имъ объ этомъ нашемъ желаніи. Начальникъ позволилъ и произнесъ слѣдующую замѣчательную фразу, ясно доказывающую, какъ онъ старался стать повыше и казаться важнѣе меня съ Матусовскимъ.

— Вы скажите имъ это въ такой формѣ, обратился онъ къ переводчику:—такъ какъ генераль-губернаторъ, который прислалъ ихъ для сопровожденія меня, вѣроятно также заботится и о моихъ спутникахъ, то они не дурно сдѣлаютъ, если придутъ познакомиться также и съ ними... Вотъ такъ и скажите имъ; въ такой формѣ будетъ лучше.

Разговоръ о возмутительномъ поведеніи „мѣднаго шарика“ продолжался во все время ужина, по окончаніи котораго мы ушли къ себѣ ожидать визита мандариновъ, если они насъ его удостоятъ. „Какъ это они обойдутся съ нами, помѣщенными въ солдатской казармѣ“, думаемъ себѣ. Сидимъ и ждемъ, и даже съ нѣкоторымъ интересомъ,—по крайней мѣрѣ новое явленіе, оригинальный человѣкъ и до извѣстной степени загадка, которую надо разрѣшить: нашъ, притупившійся за послѣднее время, умъ обрадовался и этой дѣятельности.

Мы думали, что мандарины, если придутъ, то придутъ сейчасъ, а то, пожалуй, они ужъ и спятъ. Поэтому, дождавъ съ четверть часа, рѣшили, что они не будутъ, и легли сами, какъ является солдатъ съ ихъ карточками и спрашиваетъ, можемъ ли мы ихъ принять? Досадно было ужасно, но ужъ не хотѣлось

вставать и одѣваться, и мы просили извинить насъ,—отложить визитъ до завтра.

Но лучше бы мы ужъ встали и побесѣдовали съ ними, потому что солдаты почти всю ночь не дали намъ спать своимъ хожденіемъ чрезъ нашу комнату и громкими разговорами, безъ малѣйшаго стѣсненія присутствіемъ „своего брата солдата, только иностраннаго“,—иначе они насъ разумѣть не хотѣли.

13 іюня.

За сборами къ отъѣзду и торопливымъ отправленіемъ въ путь мы не успѣли ни принять мандариновъ у себя, ни сдѣлать визита имъ, и потому такъ и уѣхали, не познакомившись съ загадочнымъ посланцомъ повелителя Замаднаго Китая.

Небо было облачно, но солнце такъ сильно грѣло, какъ это бываетъ передъ дождемъ. Дорога шла по скучной гористой мѣстности, которую можно охарактеризовать словами: глина, горы, рытвины и кой-гдѣ однообразная растительность (главнымъ образомъ мелкія астры и регалиш, — послѣднее встрѣчается во множествѣ). Большинство селеній представляетъ однѣ покинутыя развалины; жители хотя и встрѣчаются въ нѣкоторыхъ селахъ и деревняхъ самаго жалкаго вида, но въ чрезвычайно маломъ числѣ; тѣмъ не менѣе мы видѣли сегодня двѣ клѣтки съ отрубленными головами казенныхъ преступниковъ.

Такой характеръ мѣстность удерживала, пока мы поднимались; но съ перевала, откуда открывается видъ на долину Желтой рѣки и отдаленныя горы, въ ней вдругъ замѣчается рѣзкая перемѣна: цвѣтъ почвы становится краснѣе, является богатая растительность; разнообразныя деревья и кустарники одѣваютъ сѣверные склоны горъ, изрѣзанные глубокими пропастями, видъ и подраздѣленія которыхъ ясно указываютъ на ихъ происхождение, то-есть, что онѣ вымыты водою.

Населеніе здѣсь гуще, но люди живутъ по преимуществу въ пещерахъ, вырытыхъ въ землѣ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ почва образуетъ вертикальные обрывы, и эти пещеры располагаются или у самаго дна овраговъ, или на нѣкоторой высотѣ на ихъ бокахъ. Тутъ, можно сказать, цѣлое подземное царство, особый міръ какъ будто особенныхъ людей, живущихъ то обществами въ пещерныхъ селахъ, то отдѣльными семьями, и вотъ эти одиночныя подземныя жилища особенно поражаютъ. Иногда ѣдешь по мѣстности, повидимому, совершенно безлюдной,—и забудешь про

людей; вдруг слышишь человеческие голоса или лай собаки; оглядишься—и гдѣ-нибудь въ боку оврага увидишь черную дверь и окошечко, по которымъ узнаешь о находящемся тутъ пріютѣ цѣлой семьи. Читателю, конечно, хочется скорѣе войти внутрь, посмотреть, какъ тамъ устроены эти оригинальныя жилища и какъ живетъ въ нихъ; но я еще самъ не видалъ: все некогда,—летимъ въ Лань-Чжоу,—и я съ нетерпѣніемъ жду случая, когда, наконецъ, можно будетъ перестать „подтягиваться“, и осмотрѣть хоть одну такую пещеру. Надѣюсь, что завтра это удастся, потому что послѣ завтра куда-то стремиться, такъ какъ пріѣзжаемъ въ этотъ городъ.

Передъ вечеромъ показались домики селенія Уо-Гань-Чэнъ, въ которомъ мы остановились ночевать. Наше помѣщеніе съ Матусовскимъ было, по обыкновенію, весьма плохо и неудобно для занятій, особенно въ ночное время, когда нельзя было работать на дворѣ; мнѣ же навѣрно около половины всѣхъ моихъ научныхъ работъ приходилось совершать ночью, потому что почти все свѣтлое время дня мы всегда находились въ движеніи; о дневкахъ же у насъ, какъ читатель видѣлъ, и помину не было... Валѣдствіе этого, разумѣется, и собиралось немного, да и изъ этого малаго приходилось половину терять, потому что многое не успѣвало высылать и портилось; другаго не успѣвалъ сдѣлать. Сегодня напримѣръ нужно было препарировать шесть маленькихъ птицъ, что пришлось отложить до завтра, и, если не успѣю, то придется опять выбросить.

14 іюня.

И такъ сегодня пріѣзжаемъ въ Лань-Чжоу-Фу. Мы знаемъ, что это главный городъ провинціи Гань-Су, что онъ довольно большой и богатый, что въ немъ живетъ генералъ-губернаторъ провинцій Шань-Си и Гань-Су, да пожалуй и только: тѣмъ болѣе поэтому онъ для насъ интересенъ; а кромѣ того, нашъ начальникъ возбуждалъ въ насъ ожиданіе отъ Лань-Чжоу чего-то особеннаго, но чего именно — мы не знали. Мы ясно видѣли, что онъ необыкновенно стремился къ нему, часто упоминалъ въ разговорахъ; но, какъ непосвященные, чувствовали только, что въ этомъ городѣ должна будетъ начаться въ нашей жизни какъ будто новая эра.

Утро было пасмурное. шелъ небольшой дождь, но небо обѣщало, что тучи скоро разсѣются, и, такъ какъ переходъ отъ

этого почлега до Лань-Чжоу была небольшой, то мы думали обождать несколько, пока дождь перестанет, тѣмъ болѣе, что у меня съ Матусовскими были еще не окончены нѣкоторые дѣла; Сосновскій же почему-то ужасно торопился, даже былъ плохъ, и тотчасъ послѣ завтрака уѣхалъ въ сопровожденіи своей команды, т.-е. фотографа, двухъ переводчиковъ, двухъ казаковъ и китайскаго конвоя. А мы тронулись только въ два часа. Дождь вскорѣ пересталъ; облака разсѣлились, и яркое солнце опять принялось печь насъ по прежнему.

Такъ какъ сегодня можно не снѣшить, то мы, наконецъ, можемъ остановиться и зайти посмотрѣть на житье-бытье китайцевъ въ упомянутыхъ земляныхъ жилищахъ, тѣмъ болѣе, что ихъ сегодня много встрѣчается по сторонамъ не далеко отъ дороги. Заѣдемте въ любое. Вотъ мы видимъ передъ собою дворникъ, обнесенные сбитой изъ глины стѣной: сюда загоняютъ домашнихъ животныхъ; здѣсь же хранятся запасы сѣна, дровъ и другихъ предметовъ домашняго обихода. На иныхъ посажены деревья, разбиты куртины и устроены, также изъ почвы, столы и скамьи въ видѣ простыхъ возвышеній, а также выдѣланы ясли, нечи и т. п. Стѣна, окружающая дворникъ, примыкаетъ къ вертикальному обрыву почвы и въ послѣдней находится дѣла, въ который ведетъ выдолбленное отверстіе, въ видѣ норы, съ навѣшенной въ ней деревянной дверью; около нея замѣчаете окно съ рѣшеткой и отверстія дымовыхъ трубъ.

Войдя внутрь, вы увидите передъ собою комнату, довольно свѣтлую, въ стѣнахъ которой находятся двери, ведущія въ другія такія же комнаты; онѣ чаще расположены въ рядъ со среднею, въ которую мы вошли, и тогда бываютъ свѣтлыя, съ окнами, или уходятъ въ глубь и освѣщаются только чрезъ дверь. Стѣны, полъ и потолокъ состоятъ изъ почвы, выравненной и обглаженной. Въ обстановкѣ комнаты, за исключеніемъ посуды и нѣкоторыхъ рабочихъ инструментовъ, нѣтъ почти никакихъ подвижныхъ предметовъ, напримѣръ столовъ, кроватей, стульевъ, или скамеекъ, а всѣ подобныя предметы „движимаго имущества“ въ этихъ жилищахъ должно отнести къ „недвижимой собственности“ домовладельцевъ, потому что всѣ они выдѣланы изъ почвы на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ находятся. Такъ, напримѣръ, кровать служитъ обыкновенный китайскій кафъ, т.-е. оставленное возвышеніе въ видѣ широкой лежанки; онъ обыкновенно помѣщается недалеко отъ наружной стороны съ тою цѣлью, чтобъ удобнѣе

было выводить трубы изъ печей находящихся въ канахъ, которыя въ холодное время года отапливаются. Другое кубическое возвышеніе меньшей величины, но выше кана, служить столонъ; оно находится подъ маленькимъ окномъ, дающимъ хотя не особенно много свѣта, но достаточно для работы, состоящей главнымъ образомъ въ приготовленіи обѣда; оно покрыто циновкой, а у людей, болѣе достаточныхъ, доскою. Третьею существенною принадлежностью землянаго жилища служить печь, точно такъ же выдѣланная въ стѣнѣ и служащая для приготовленія пищи. Вотъ и вся главная обстановка, встрѣчающаяся въ каждомъ изъ описываемыхъ жилищъ.

Въ нѣкоторыхъ домахъ-пещерахъ я видѣлъ еще углубленія въ стѣнахъ въ родѣ шкафовъ, для помѣщенія постелей и посуды, а также ясли для кормленія осла, который находился тутъ же въ общемъ помѣщеніи, или еще придаточныя углубленія, вырытыя внизу въ стѣнѣ наравнѣ съ поломъ; они назначались для другихъ домашнихъ животныхъ — свиней, телятъ или куръ. Люди, болѣе состоятельные, имѣющіе нѣсколько животныхъ, дѣлаютъ для нихъ отдѣльное помѣщеніе рядомъ, чаще съ отдѣльнымъ входомъ, а иногда безъ него, а только съ окнами для свѣта и доступа воздуха; въ такомъ случаѣ животныя входятъ и выходятъ черезъ жилия комнаты.

Иногда подобныя жилища устраиваются не на уровнѣ почвы, а аршина на два, на три, или болѣе выше, его и тогда у входной двери находится крыльцо съ лѣстницей, которая также выдѣлана изъ почвы; только на ея ступени, чтобъ они слишкомъ скоро не обтирались, кладутся камни крупнаго булыжника или плитняка.

Итакъ, для устройства этихъ жилищъ не требуется никакого строительнаго матеріала, если исключить деревянную дверь и такую же рѣшетку въ окнѣ. Они достаточно теплы зимою; лѣтомъ же даютъ пріятную прохладу, хорошо провѣтриваются и, когда я ихъ видѣлъ, т.-е. лѣтомъ, вовсе не имѣли сырости, и воздухъ въ нихъ былъ гораздо лучше, чѣмъ въ большинствѣ тѣхъ прокопченныхъ дымомъ домовъ, въ какихъ намъ приходилось проводить ночи на нашихъ остановкахъ. Люди, живущіе въ такихъ помѣщеніяхъ, по своему виду не представляются менѣ здоровыми, чѣмъ остальные; да и самый опытъ, вѣроятно, убѣдилъ китайцевъ въ годности ихъ, потому что въ Китаѣ въ такихъ пещерахъ, по свидѣтельству путешественниковъ, живутъ цѣлые миллионы людей, главнымъ образомъ въ долинѣ Желтой рѣки.

Только въ здѣшнихъ мѣстахъ населеніе страшно истреблено; и я видѣлъ множество селъ, вырытыхъ въ землѣ, стоящихъ теперь пустыми и также носящими на себѣ слѣды разрушенія, пожара и злобы непріятели.

Дорога, по которой мы приближались къ Лань-Чжоу, шла ущельемъ съ такими отвѣсными боками, какъ будто оно было прорыто искусственно, но нельзя сомнѣваться въ его естественномъ происхожденіи: оно, какъ и другія ему подобныя, образовалось вслѣдствіе особеннаго свойства здѣшной почвы (лѣсъ) легко раскалываться по вертикальному направленію и большой прочности въ горизонтальныхъ пластахъ. Вслѣдствіе этихъ особенностей здѣсь можно нерѣдко встрѣтить какъ бы естественныя ворота, арки, подобіе колоннъ и тому подобныя образованія, состоящія только изъ почвы. Черезъ ущелье, по которому мы ѣхали, надъ нами часто проходили деревянные водопроводы, перекинутые съ одного края на другой и подпертые въ двухъ, трехъ мѣстахъ шестами; и по этимъ жолобамъ бѣжала вода, назначенная для поливки полей, которыя находились по обѣ стороны дороги, на верхнихъ площадяхъ, для насъ со дна ущелья совершенно невидимыхъ.

Мѣстность постепенно принимала болѣе оживленный видъ: селенія слѣдовали одно за другимъ; чаще встрѣчались люди, обозы на телѣгахъ и вьючныя животныя, на которыхъ практичныя китайцы ухитряются перевозить всякіе предметы, какъ бы они ни казались неудобны для вьючной транспортировки. Сегодня, напримѣръ, я видѣлъ, какъ везли на вьючныхъ мулахъ длинныя и толстыя бревна: у каждаго мула черезъ сѣделку была перекинута двойная веревочная петля и въ нее, съ каждой стороны, продѣты и закрѣплены концы бревень, помѣщавшихся съ боковъ у муловъ, которые находились между ними, какъ между оглоблями, и шли съ этой ношей, повидимому, очень легко.

Наконецъ показали городскія зданія; ущелье расширилось и на бокахъ окаймляющихъ его горъ то тутъ, то тамъ замелькали красивыя крыши загородныхъ храмовъ, окутанныхъ густою зеленью садовъ и обнесенныхъ каменными оградами. Вотъ и стѣна Лань-Чжоу, съ правой стороны примыкающая къ боковой горѣ, а съ другой—потянувшаяся вдаль по ущелью; вотъ у самой этой горы ворота, ведущія въ городъ, или собственно во внѣшній городъ, Вай-Чэнъ, такъ какъ Лань-Чжоу состоитъ изъ двухъ частей, раздѣленныхъ стѣною.

Матусовскій остановился передъ воротами для производства съема уцеля; а я прошелъ чрезъ ворота въ улицу. Вдоль ея справа продолжается та же гора, съ расположенными наверху стѣнами неизвѣстно какихъ зданій, а слѣва тянется рядъ, по обыкновенію, низенькихъ домовъ и, по обыкновенію, съ лавками, въ которыхъ сидятъ купцы и прикащики; народу на улицѣ немного. Но въ ту же минуту раздались крики: янь! янь-жень!“ (заморскій! заморскій человѣкъ!) и всѣ, кто слышалъ и не боялся бросить свою лавочку, сбѣжались и собрались около меня. Я чертилъ кой-что въ альбомѣ, а туземцы наслаждались созерцаніемъ близки и изученіемъ „необыкновеннаго существа“.

Подѣхалъ товарищъ съ казакомъ, Тамомъ и конвойными солдатами; я тоже сѣлъ на свою лошадь,—и мы отправились дальше. По мѣрѣ углубленія въ городъ, на каждомъ шагу открывались и смѣнялись тѣ живописные уголки, какими такъ богаты большіе оживленные китайскіе города, и они тѣмъ сильнѣе произвели на меня впечатлѣніе, что мы за послѣднее время видѣли только развалины и развалины. Тутъ опять передъ глазами являлись, по мѣрѣ нашего движенія, великолѣпные старинные храмы съ ихъ привлекательной пестротой крышъ, карнизовъ и оконъ; триумфальныя арки, перспективы дворовъ казенныхъ зданій, вѣковныя деревья, трельяжи и тенты надъ улицами, и вездѣ кипящій китайскій людъ, къ которому я привыкъ и былъ радъ снова увидеть эту шумную, до разгуда веселую толпу...

Вотъ и ворота внутренней стѣны и возлѣ нихъ на этой стѣнѣ свидѣтельство строгости китайскихъ законовъ—пять кѣтговъ съ головами недавно казненныхъ дунганъ (мусульманъ); но до этикъ страшныхъ головъ никому нѣтъ дѣла; люди толпятся на улицѣ, выбѣгаютъ изъ дверей, смотрятъ изъ лавокъ, съ крышъ, изъ дверей, отовсюду куда только можно было пробраться и откуда можно было увидеть насъ... Да, возмущеніе всѣхъ жителей Лань-Чжоу до одного свидѣтельствовало, что этотъ городъ не былъ знакомъ съ людьми иной націи.

И я самъ заглядѣлся на интереснѣйшую живую картину, которая была бы привлекательна и на холстѣ и на театральной сценѣ, а въ натурѣ во сто разъ интереснѣе и привлекательнѣе. Солнце свѣтило намъ вслѣдъ, и когда я, чтобъ все видѣть, обочивался назадъ, передъ моими глазами являлось поразительное зрѣлище какъ будто фантастической городской улицы: во всю ширину ея съ неистовымъ шумомъ и гамомъ валила толпа

людей, которые шли, бѣжали, перепрыгивали черезъ попадавшіеся по сторонамъ улицы предметы,—какіе именно—за толпой нельзя было видѣть. И вся эта масса людей двигалась, словно въ дыму пожара, въ облакахъ поднятой ногами пыли, сквозь которую пробивались лучи горячаго солнца и точно сіяніемъ окружали каждую голову или возвышавшуюся фигуру, напримѣръ, людей, вѣхавшихъ на лошадакъ... Въ такой-то толпѣ еще вѣдутъ верхомъ! Велика должна быть привычка у лошадей и муловъ къ подобной обстановкѣ, чтобы не взбѣситься, когда люди жмутъ и толкаютъ ихъ со всѣхъ сторонъ;—въ такой-то толпѣ нѣкоторые падали и на нихъ валялись другіе; и, разумѣется, напрасно было бы останавливаться и спрашивать, не случилось ли съ кѣмъ чего, не задавили ли кого?... Да кромя того, остановиться значило еще болѣе увеличить смятеніе, потому что всѣ эти тысячи людей составляли какъ будто одну цѣлую массу, двигавшуюся вдругъ, какъ идетъ по рѣкѣ валоманный ледь...

Я смотрѣлъ во всѣ глаза, стараясь ничего не пропустить, и хотя, казалось, успѣлъ въ этомъ, но впечатлѣній было получено во время проѣзда по улицамъ города до нашей квартиры такъ много, что всѣ подробности перенутались и слились въ одно общее ощущеніе чего-то чарующаго, торжественнаго и въ высокой степени интереснаго. Такія сцены, видѣныя разъ въ жизни, никогда не выглаживаются изъ памяти... Да, въ Европѣ этого не увидать!

Городъ Лань-Чжоу великъ, богатъ, многолюденъ и нѣсколько напоминаетъ лучшія части Цеккина. Вотъ первое впечатлѣніе, произведенное имъ на меня.. Въ одной изъ улицъ насъ встрѣтили нѣсколько человекъ конныхъ солдатъ. Поровнявшись съ нами, они повернули налѣво кругомъ и поѣхали впередъ, расчищая и указывая дорогу къ нашей квартирѣ, —гдѣ будетъ которая—мы еще не знали, потому что показаніе насъ было предоставлено, какъ читатель помнитъ, волѣ и личному желанію здѣшняго генераль-губернатора, а его воли и желаній мы знать не могли. Тѣмъ интереснѣе... Совершенно, какъ въ нашей „сказкѣ про Оленя“,—вѣдь и ничего не знаешь, что будетъ черезъ пять минутъ потомъ...

Слѣдуя за провожатыми и нисколько не стѣсняясь ихъ присутствіемъ, я дѣлалъ разныя замѣтки въ своей памятной книжкѣ, напримѣръ: куда потомъ предти, о чемъ спросить, что осмотрѣть, кунить, срисовать и т. п. Наконецъ, они повернули въ одинъ

узенькій переулочекъ. куда толпа не рѣшилась послѣдовать за нами—можетъ-быть, изъ чувства самосохраненія, а можетъ-быть, потому, что этотъ переулочекъ велъ, какъ оказалось, къ дому повелителя Шань-Си и Гань-Су, генерала Цзо, которому, вѣроятно, неловко было еще разъ спросить насъ, гдѣ мы остановимся, въ казенной или частной квартирѣ, и послѣдняя, *volens-nolens*, была-таки отведена въ занимаемомъ имъ казенномъ домѣ.

Вдоль узенькаго переулка потянулись по обѣимъ сторонамъ глухія стѣны, и вскорѣ влѣвой сторонѣ явились ворота; чрезъ послѣднія мы вѣхали на обширный чистый дворъ, на которомъ до тридцати человекъ солдатъ водили хорошихъ породистыхъ лошадей. Проѣхавъ черезъ него, мы вступили чрезъ слѣдующія ворота на второй дворъ съ выходящей на него террасой дома, находившагося на третьемъ дворѣ; тутъ—нѣсколько воротъ въ разныхъ его сторонахъ, и мы не знали, какія намъ избрать, куда направиться, такъ какъ ѣхавшіе передъ нами конвоиры остались на первомъ дворѣ. Но вышедшіе навстрѣчу нѣсколько человекъ новыхъ солдатъ вывели насъ изъ затрудненія,—взяли лошадей подъ уздцы и подвели къ однимъ изъ воротъ, которыя были прямо противъ насъ; здѣсь предложили сойти съ лошадей, и мы пѣшкомъ вступили на третій дворъ, куда выходилъ главнымъ фасадомъ довольно большой и красивый домъ, съ крытой террасой, на которую вела широкая лѣстница въ четыре ступени. На нихъ стояли до десяти человекъ солдатъ, одѣтыхъ въ новое форменное платье, и когда мы съ Матусовскимъ, взойдя на лѣстницу, приблизились къ двери, завѣшенной траверсомъ, двое приподняли послѣдній и, ставъ въ почтительныя позы, пропустили насъ въ комнаты...

Но куда идемъ, что будетъ дальше, гдѣ наши спутники—еще ничего не знаемъ... Войдя, я невольно подумалъ, что мы очутились въ пріемной генералъ-губернатора:—такъ эта комната была велика, высока и такъ парадно убрана. Оказалось же, что это была пріемная отведенной для насъ квартиры; а по бокамъ ея находились жилыя комнаты, изъ которыхъ намъ слышались знакомые голоса нѣкоторыхъ изъ нашихъ спутниковъ, такъ какъ онѣ отдѣлялись отъ средней тоненькими, оклеенными бумагой перегородками. Вышелъ Степановъ и указалъ комнату, назначенную для насъ съ Матусовскимъ. Она помѣщалась съ лѣвой стороны и была раздѣлена деревянной перегородкой на двѣ части; въ первой мы помѣстили Смокотнина и Тань-Лофъ, вторую заняли сами.

Если хотите заглянуть въ нее,—загляните; но особенно похвастать нечѣмъ. Она не велика, въ одно окно; полъ, какъ и во всѣхъ остальныхъ комнатахъ, сдѣланъ изъ квадратныхъ кирпичныхъ плитъ; стѣны грязныя, мебель состоитъ изъ двухъ грубыхъ деревянныхъ кроватей, двухъ простыхъ старыхъ столовъ и двухъ табуретовъ съ положенными на нихъ стеганными плоскими подушками. Большое окно заклеено бумагой, мало пропускающей какъ свѣта, такъ и воздуха, поэтому я тотчасъ выдралъ бумагу изъ нѣсколькихъ четырехугольниковъ рамы, и увидалъ, что окно выходило на маленький пустой дворикъ, также вымощенный кирпичными плитами и окруженный высокой бѣлой стѣной. Тутъ росли два тощихъ вяза, стояла скамья и небольшая переносная печка, на которой прислуга кипятила въ чайникахъ воду. Вотъ наша обитель, неизвѣстно на какой срокъ, и виды, которыми мы можемъ любоваться.

Внесли вещи, бывшія на рукахъ у конвойныхъ, потомъ принесли и постлали постели, и все было быстро размѣщено по своимъ мѣстамъ, такъ что домъ, въ которомъ можно жить и работать, готовъ. Теперь ѣсть и пить хочется; но мы въ гостяхъ,—заказывать и требовать нельзя, какъ въ гостинницѣ, —теперь на все его воля, воля генерала Цзо-Цзунъ-Тана, какъ его здѣсь называютъ, или Цзо-Гун'-Бао. Говорятъ, обѣдъ скоро будетъ готовъ, и въ ожиданіи его мы стали приводить въ порядокъ свои рабочія принадлежности. Въ это время къ намъ входитъ казакъ Павловъ, который, какъ пріятель и сообщникъ Сосновскаго, не пользовался нашими симпатіями; онъ хорошо зналъ это самъ, и потому являлся къ намъ не иначе, какъ только по дѣлу. А на этотъ разъ, оказалось, пришелъ просто побесѣдовать, чѣмъ, конечно, не мало удивилъ насъ. Хотя его вовсе не спрашивали, онъ почему-то счелъ нужнымъ сообщить намъ, что „капитанъ отправились къ Цзогумбауму, что они было и не хотѣли идти сегодня, да Цзогумбаумъ самъ ужъ очень просилъ ихъ придти поскорѣ“. Черные глаза его, всегда не охотно смотрящіе прямо; какъ и у пріятеля его, теперь особенно сильно бѣгали въ стороны; выдавая какое-то внутреннее волненіе; они какъ будто спасались отъ прямого взгляда.

— Ну, что жъ, слава Богу, значить ему интересно его видѣть, отвѣтили мы.

Но мы хорошо знали обычай китайцевъ, и намъ показалось очень страннымъ и даже неловкимъ требованіе къ себѣ только-

что приѣхавшаго гостя. Мы знали, что если китаецъ желаетъ скорѣе видѣть приѣжающаго, онъ самъ явится къ нему съ визитомъ. Потребовать же, хотя и въ видѣ просьбы, едва успѣвшаго войти въ домъ, значитъ мало уважать человѣка, до известной степени затреговывать его самолюбіе. — Загадочно и совсѣмъ не по-китайски поступаетъ генераль Цзо, подумали мы. И Павловъ точно прочелъ наши мысли, и опять продолжалъ рапортовать:

— Цзогумбаумъ самъ просилъ ихъ придти скорѣе, чиновника присылалъ; такъ присталь, — вотъ приходите сейчасъ, да и только; ну, капитанъ одѣлся въ парадную форму, — мы ее на всякій случай съ собой захватили, — и пошли.

Но Павловъ, скажемъ, не зналъ, какъ что было, потому что изъ его рассказовъ выходило, какъ будто нашъ начальникъ заранѣе готовился къ этому посѣщенію визиту, какъ будто и выѣхалъ для этого сегодня рано, несмотря на дождь; точно и парадную форму для этого съ тобою „случайно захватилъ“, и тому подобныя, совсѣмъ мало вѣроятныя вещи. Мы знали, наконецъ, нашего начальника за человѣка самолюбиваго; и вы помните, читатель, какъ обыкновенно онъ заставлялъ китайцевъ ожидать своего визита, — ужь даже слишкомъ долго... Тутъ, очевидно, что-нибудь не такъ, и мы съ нетерпѣніемъ ожидаемъ возвращенія Сосновскаго, чтобъ узнать новости.

Приблизительно черезъ часъ онъ возвратился, и ужь давно мы не видали его въ такомъ веселомъ настроеніи духа... Предполагая, что мы ничего не знали о визитѣ, онъ рассказалъ, что былъ уже у Цзо-Цаунъ-Тана, также повторилъ, что онъ самъ ужасно просилъ его придти сейчасъ же, какъ только онъ приѣхалъ, что „просто дожидаться не могъ“; высказалъ свое мнѣніе, что онъ „чудесный старикъ, умный, очень образованный, а главное дѣльный человѣкъ“...

— Онъ долго разговаривать не любитъ, продолжалъ Сосновскій, — и пустяковъ не болтаетъ, а прямо приступилъ къ сути; и мы съ нимъ ужь дѣло устроили, говорилъ онъ, весело смѣясь и отъ удовольствія болѣе обыкновеннаго жестикулируя. — Прелестнѣйшій старикъ! восклицалъ онъ въ еще не совсѣмъ понятномъ для насъ восторгѣ. — Вотъ этакихъ бы къ намъ на границу: вотъ съ такими можно дѣла обдѣлывать... И я ужасно доволенъ, что край этотъ отданъ въ его руки! Прихожу, ну, тамъ поговорили кой о чемъ, потомъ онъ чуть не съ первыхъ словъ говоритъ: вотъ вы наши сосѣди и старые друзья; а вотъ докажете дружбу на дѣлѣ. — Но-

можете намъ, дайте хлѣба для нашей арміи, потому что у насъ свой хотя есть, да его сюда привезти невозможно; а вамъ ничего не стоить доставить намъ отъ себя; за цѣной, говорить, ужъ мы не постоимъ,—что хотите, заплатимъ, потому что, говорить, серебра-то у насъ много, да вѣдь серебромъ солдата не накормишь.

— Извольте, я говорю, мы можемъ дать вамъ хлѣба; только, говорю, пожалуй дорогого покажется.—Все заплатимъ, говорить: ну я ему и махнулъ: хотите, говорю по 15 лань, то-есть по 30 серебряныхъ рублей за четверть. А онъ сразу: — извольте, говорить.

Такъ мы и порѣшили: что я берусь доставить на первый разъ 25,000 четвертей, по тридцати серебряныхъ рублей за каждую!... Вы понимаете, что это составляетъ! восклицалъ отъ радости болѣе обыкновеннаго визгливымъ голосомъ Сосновскій.

Я ничего не понималъ, да и теперь тоже, какъ во всякаго рода торговыхъ операціяхъ, а потому и мало интересовался этимъ вопросомъ; не зналъ степени его выгоды или невыгоды и риска, не говоря ужъ о другихъ тонкостяхъ въ родѣ того, какое отношеніе имѣетъ эта сдѣлка о поставкѣ провіанта китайской арміи къ нашей экспедиціи, почему начальникъ такъ доволенъ и какія изъ всего этого будутъ послѣдствія; но тоже лѣзу въ разговоръ.

— А не боитесь вы браться за подобную операцію,—говорю я ему;—ну, какъ вдругъ не исполните, не найдете, напримѣръ, перевозочныхъ средствъ, или хлѣбъ будетъ дорогъ... Да вообще, говорю, незнакомое дѣло, и когда вамъ заниматься имъ: тутъ отчетъ по экспедиціи, выставка работъ, мало ли въ Россіи хлопотъ будетъ! Мнѣ вчужѣ страшно; я бы не взялся...

— Ну-у, хлѣбъ дорогъ! возразилъ онъ и даже очень близко махнулъ на меня ручной кистью,—а я для чего же назначилъ 30 руб. за четверть? Какъ бы дорогъ ни былъ, а мы все въ убыткѣ не будемъ, да у насъ въ Семипалатинской области хлѣба дѣвать некуда, вѣдь тамъ, батенька, въ казну по пяти рублей четверть ставятъ. А что вы говорите — перевозочныхъ средствъ, такъ ихъ сколько угодно; мнѣ стоить только записку написать къ киргизамъ, такъ сейчасъ верблюдовъ будетъ даже болѣе, чѣмъ нужно.

Онъ вспомнилъ о Семипалатинской области, о киргизахъ и оживился еще болѣе. Но мнѣ ужъ стало скучно; меня тянуло скорѣе

туда, въ шумную живописную улицу... Пообѣдать бы скорѣе, и я бы ушелъ. Но обѣда не несуть.

— Киргизы меня знаютъ, продолжаетъ Сосновскій,—да до чего! У нихъ даже мои простыя записки, какъ деньги, ходятъ; бывало, прїѣдетъ одинъ и просить: пожалуйста, говоритъ, записочку, съ меня вотъ долгъ, тамъ что ли, взыскивають, такъ чтобъ для успокоенія имъ я, говоритъ, вашу записочку и представлю... Это сплошь и рядомъ бывало... И сколько я такихъ записокъ выпустилъ!... Да, положительно, какъ деньги, ходили....

— Положимъ, что операція эта несомнѣнно сулитъ огромные барыши, заговорилъ Матусовскій, — но намъ доставлять китайцамъ хлѣбъ едва ли удобно по многимъ политическимъ соображеніямъ. Теперь у насъ на границѣ, слава Богу, успокоилось, кончилась рѣзня, грабежи и эта безконечная трескотня китайцевъ съ мусульманами и обратно; а дадимъ мы имъ хлѣба, они опять приведутъ войска, и тутъ воскреснутъ снова и кашгарскій вопросъ, и кульджинскій вопросъ, и мусульманъ они до рѣзывать пойдутъ... Нѣтъ, вы не дѣлайте этого; это совсѣмъ не въ нашихъ интересахъ и даже не въ интересахъ челоѣколюбія вообще... Помните мое слово, что изъ этого хлѣба кромѣ рѣзни ничего не выйдетъ, говорилъ, словно пророкъ, коренастый челоѣкъ, задумавшись и разглаживая свою густѣйшую бороду.

— Экъ куда хватили, возразилъ не безъ досады Сосновскій:— да что же вы мнѣ будете рассказывать, когда я отлично знаю всѣ пограничныя дѣла! Вѣдь, я думаю, я самъ въ Семипалатинскѣ служу; такъ ужъ позвольте мнѣ лучше знать общегосударственныя пользы. Наконецъ, мы этимъ самымъ открываемъ уже и торговныя сношенія новымъ путемъ: разъ наши караваны съ хлѣбомъ пошли, вотъ путь и открыть!

— Да, для нашего хлѣба онъ будетъ открытъ, но только для него, и только до тѣхъ поръ, пока въ немъ будутъ нуждаться, а потомъ, какъ свои посѣвы сдѣлаютъ, такъ и хлѣба не впустятъ, особенно по этакой-то цѣнѣ. Вѣдь они не дураки тоже... А кромѣ того, развѣ Цзо своею властью можетъ открывать новые торговые пути; вѣдь это дѣло правительства... По моему, это дѣло для насъ вредное, и вы, если подумаете, навѣрно со мной согласитесь. Что оно выгодно для того, это будетъ поставлять хлѣбъ, я спорить не стану: тутъ отъ первой поставки сотни тысячъ барыша получатся. Но вѣдь государственные интересы не въ томъ заключаются, чтобъ отдѣльные купцы наживали большіе барыши...

И вы лучше сдѣлаете, если бросите это дѣло; послушайтесь меня и подь какимъ-нибудь благовиднымъ предлогомъ откажитесь, или условно скажите,—тамъ, если можно будетъ, пожалуй,—а положительнаго обѣщанія не давайте...

Но Сосновскій, очевидно, былъ дальновиднѣе и кончилъ разговоръ тѣмъ, что Матусовскій слишкомъ неопытенъ и плохо знаетъ наши „политическія и торговыя сношенія съ Китаемъ“, и даже „можно сказать, что это выходитъ изъ предѣловъ его компетентности“.

Слава Богу, разговоръ, начавшій принимать непріятный характеръ, кончился, и мы приступили къ чтенію писемъ изъ Россіи, а также изъ Пекина, изъ нашего посольства; за этимъ хлѣбомъ мы даже про нихъ забыли. Сосновскій сообщилъ намъ, впервыхъ, что въ Хами насъ встрѣтитъ высланный туда (по его просьбѣ, отправленной еще изъ Хань-Коу) русскій военный отрядъ, подь охраною котораго мы возвратимся въ Россію; и вторыхъ, что англійская экспедиція полковника Броуна, вступившая въ Китай изъ Индіи, принуждена была вернуться вслѣдствіе какого-то столкновенія съ туземцами; что одинъ изъ членовъ ея, Маргари, убитъ, и голова его была выставлена на городской стѣнѣ... Эти двѣ новости были для насъ непріятны: первая потому что обстоятельства нашего движенія сложились такъ, что высылка отряда къ намъ на встрѣчу была совершенно не нужна, а могла скорѣе повредить и дѣлу; и лично намъ, не говоря ужъ о совершенно безплодныхъ расходахъ казны,—а они не маленькіе; вторая новость еще объ одномъ убійствѣ европейца китайцами не могла успокоительно подѣйствовать на насъ, находившихся еще за три тысячи верстъ отъ нашей границы. Мы приуныли немножко, и болѣе всѣхъ начальникъ, который, какъ онъ любилъ говорить, „несъ за всѣхъ насъ нравственную отвѣтственность“.

День уже оканчивался; китайская прислуга принесла ужъ не обѣдъ, а ужинъ, за которымъ продолжались бесѣды на тѣ же темы, впрочемъ не долго, такъ какъ мы разошлись по своимъ комнатамъ.

Г Л А В А XI.

МѢСЯЦЪ ВЪ ЛАНЬ-ЧЖОУ-ФУ.

Общій визитъ въ генераль-губернатору. — Его визитъ къ намъ. — Знакомство съ городомъ. — Желтая рѣка. — Мостъ. — Оригинальные платья. — Водоходъ и лодочная машина. — Бассейнъ и милосердіе генерала Цзо. — Лань-Чжоу съ высоты. — Парадный обѣдъ. — Злой мальчишка. — Наказаніе бамбуковой линейкой. — Ужинъ съ генераломъ. — Ученіе войскамъ. — Трупъ человѣка на улицѣ. — Буря. — Осмотръ тюремъ. — Губернаторъ, закованный въ дѣлн. — Орудія пытокъ. — Неожиданная новость. — Договоръ о посылкѣ хлѣба. — Стрѣльба изъ пушекъ въ цѣль. — Пльннне мусульмане. — Мое неудачное ходатайство. — Наши посѣтители. — Портретъ генерала Цзо. — Ненастые. — Тревожныя вѣсти. — Подарки Цзо-Цзунъ-Тана. — Осмотръ казеннаго дома и сада. — Мои блужданія по городу. — Интересныя фрески. — Сборн въ дорогу. — Прощальныя визиты и обѣдъ. —
Отъѣздъ.

15 іюня.

Мнѣ хотѣлось скорѣе отправиться въ городъ, но по случаю визита къ Цзо-Цзунъ-Тану я долженъ былъ отложить свои намѣренія, а доставать парадное платье и отправляться съ остальными. Надо было и учтивость соблюсти, да и очень интересно было познакомиться съ столь лестно рекомендованнымъ намъ человѣкомъ и важнымъ сановникомъ, какихъ въ Китайской имперіи не много, всего шесть; а вѣдь все то чего на свѣтѣ меньше, то больше интересуется.

Вотъ всѣ въ сборѣ, всѣ въ полномъ парадѣ, даже и всѣ казаки съ нами въ своихъ высокихъ черныхъ папахъ, при палахахъ; отправляемся въ квартиру генераль-губернатора Цзо. Онъ жилъ на другомъ дворѣ, отдѣленномъ отъ нашего еще нѣсколькими промежуточными. Пройдя эти нѣсколько дворовъ и столько же

воротъ между ними, мы наконецъ вступили въ обширное, съ одной стороны открытое помѣщеніе въ родѣ лѣтнихъ сценъ нанкинъ увеселительныхъ садовъ, но служащее совсѣмъ для другой цѣли, — для засѣданій генераль-губернатора во время суда. Тутъ стоялъ столъ, покрытый краснымъ сукномъ; нѣсколько креселъ подъ такими же чехлами; тумба красного цвѣта съ зеленымъ ободкомъ и на ней шкатулка, въ которой хранится императорская печать; а позади стола находится щитъ, скрывающій входъ въ дальнѣйшіе, невѣдомые намъ покои.

Изъ этой оригинальной судебной залы шла одна дверь направо въ приемную комнату, куда насъ ввели два мандарина. Она имѣла обыкновенный характеръ, то-есть представляла длинную узкую комнату съ поставленными у стѣнъ креслами и столиками между ними и съ почетнымъ мѣстомъ въ глубинѣ ея, устроеннымъ на канѣ. Въ обоихъ противоположныхъ концахъ ея находилось по одному большому окну, а на стѣнахъ висѣли изящныя надписи и снимки съ разныхъ старинныхъ памятниковъ, — наиболѣе обыкновенное украшеніе стѣнъ въ китайскихъ комнатахъ.

Цзо-Цзунъ-Танъ не только не встрѣтилъ насъ, какъ это сдѣлалъ не менѣе его важный сановникъ, генераль-губернаторъ провинцій Ху-Бэй и Ху-Нань, Ли-Да-Чэнь, — онъ еще заставилъ довольно долго подождать себя, что, разумѣется, было тѣмъ болѣе неучтиво и неожиданно, что нашъ начальникъ уже сдѣлалъ ему визитъ вчера, да еще тотчасъ по пріѣздѣ... Наконецъ стоявшіе у дверей мандарины шепнули намъ съ извѣстной таинственностью: идти! — и приняли почтительныя позы. Начальникъ также выстроилъ насъ въ рядъ по чинамъ, противъ входной двери, въ которой вскорѣ показался повелитель Гань-Су и Шэнь-Си, въ сопровожденіи челоуѣкъ двѣнадцати мандариновъ, одѣтыхъ въ полную парадную форму; а на немъ самомъ была только форменная шляпа.

Генераль Цзо челоуѣкъ небольшого роста, довольно полный, лѣтъ около шестидесяти, и своимъ серьезнымъ и умнымъ лицомъ нѣсколько напомнилъ мнѣ Бисмарка, только въ смугломъ видѣ, и не съ голубыми глазами и рыжими, посѣдѣвшими волосами, а черноглазаго брюнета; „три же волоска“ растутъ у Цзо-Цзунъ-Тана не на головѣ, а на бородѣ въ видѣ намека на эспаньолку. Тонкіе, но не длинные усы состоятъ изъ числа волосковъ нѣсколько большаго... Такова ея наружность; а въ медленныхъ движеніяхъ проявлялось сознание собственнаго достоинства; но

было не мало и аффектаціи, разсчитанной, очевидно на то, чтобы произвести сильное впечатлѣніе, до тумана въ глазахъ, что называется, до дрожи въ колѣнкахъ. Но, кажется, этого онъ вовсе не достигъ; впрочемъ, я только о себѣ говорю, потому что все мое вниманіе было обращено на него одного.

Входя въ комнату, онъ сдѣлалъ общій весьма ограниченный поклонъ и остановился какъ будто удивленный какою-то неожиданностью; сдѣлалъ шагъ въ комнату и снова остановился, ничего не говоря и съ важной серьезностью смотря на всѣхъ вообще. Одинъ изъ мандариновъ подалъ ему списокъ всѣхъ представлявшихся. Онъ медленно взялъ его въ руку и отнесъ возможно дальше отъ глазъ, внизъ и нѣсколько въ бокъ, какъ это обыкновенно дѣлаютъ старики высокаго достоинства;—неважные, тѣ разсматриваютъ предметъ, держа его на уровнѣ глазъ, или даже выше и смотрятъ какъ бы поверхъ очковъ.

Итакъ, взглянувъ на списокъ, онъ произнесъ первое имя, начальника, и самъ указалъ на него, какъ бы говоря, — знаю; потомъ произнесъ второе и поднялъ глаза, ожидая, когда ему укажутъ того, кто носить это имя, и такъ далѣе, поочереди. Онъ вызывалъ; ему указывали, и онъ медленно и пристально разсматривалъ каждаго, какъ будто собирался приобрести себѣ котораго-нибудь изъ насъ и только выбиралъ, не зная которому отдать предпочтеніе. Затѣмъ онъ рѣшился тутъ же, у дверей, теперь же выучить всѣ наши имена, даже казаковъ, что, разумѣется, не сразу далось ему; но онъ и не спѣшилъ; настоялъ-таки на своемъ—выучилъ, хотя тотчасъ опять всѣхъ перепуталъ: Со оказался Па, Анъ—По, и такъ далѣе *).

А мы все стоимъ передъ нимъ; и онъ стоитъ и отъ двери не отходить, какъ будто намѣренъ тутъ и визитъ кончить. Меня это сначала не сердило, потому что я и не думалъ о томъ, стоимъ мы или ужъ сѣли: я изучалъ китайскаго сановника съ меньшимъ вниманіемъ, чѣмъ онъ насъ. Но когда мой осмотръ кончился, и я вспомнилъ, что не подобаетъ намъ такъ долго оставаться передъ нимъ, стоя я говорю своимъ спутникамъ:

— Что же, садитесь, господа, я вижу, что онъ самъ пригласить насъ сѣсть не намѣренъ.

---

*) Читатели помнятъ, что китайцы называютъ иностранцевъ только первымъ слогомъ ихъ фамилій.

Я сдѣлалъ движеніе къ кану, и хотя Цзо не могъ понять моихъ словъ, но понялъ жестъ и тронулся отъ двери, прося насъ проходить впередъ. Но шель онъ необыкновенно медленными шагами и все продолжалъ осматривать насъ и какъ бы сравнивать между собою. Сдѣлавъ шагъ, онъ останавливался; останавливались и мы всѣ; еще шагъ и опять остановка... И какъ должно-быть смѣшны мы были всѣ въ этой комедіи: точно обѣ стороны ожидали другъ отъ друга какой-нибудь нескромной и не совсѣмъ безопасной выходки; и остерегались.

Да, Цзо принималъ насъ такъ, какъ не принималъ еще никто до сихъ поръ. Но почему же это? спрашиваю себя мысленно. Почему прежде не случалось ничего подобнаго? Чтѣ должно было выразить его странное поведеніе? Хотѣлъ ли онъ показать намъ всѣмъ, что онъ считаетъ насъ за такихъ неважныхъ людей, съ которыми можно и нужно обращаться свысока, чтобъ не скомпрометтировать свое достоинство, оказавъ слишкомъ много вниманія и уваженія людямъ, которые по своему положенію того не заслуживали? Предположить это тѣмъ возможно, что китайцамъ, при ихъ незнаніи ничего о чужихъ обычаяхъ и жизни, чрезвычайно трудно опредѣлять при встрѣчѣ съ иностранцами, съ кѣмъ они имѣютъ дѣло; а какъ мы были ему рекомендованы наканунѣ нашимъ капитаномъ, намъ было неизвѣстно.

Мнѣ казалось, онъ долго затруднялся, не зная, слѣдуетъ ли ему пригласить садиться всѣхъ или только одного Сосновскаго. Онъ, видимо, даже долго не рѣшался провести насъ въ глубину комнаты, имѣя, повидимому, намѣреніе отпустить насъ тутъ же въ дверяхъ, но не рѣшался. Выраженіе его лица то было серьезно, и онъ молча продолжалъ осматривать насъ, то, какъ бы опомнившись, замѣнялъ его любезнымъ и тихо смѣялся, безъ видимой причины, басистымъ генеральскимъ смѣхомъ, изобличавшимъ какую-то мысль, которая такъ и сквозила въ этомъ смѣхѣ, и особенно въ лицѣ, когда оно опять принимало серьезное и задумчивое выраженіе; но прочесть ее ясно и безошибочно было трудно. Эта тягостная и непріятная сцена продолжалась, какъ мнѣ казалось, минутъ десять, и дѣйствующимъ лицомъ былъ исключительно Цзо-Цзунъ-Танъ; наше же дѣло было только бояться и благоговѣть.

Наконецъ мы доползли до кана и вресель; я не выдержалъ и, пригласивъ своихъ товарищей садиться, сѣлъ самъ, чтобъ вывести бѣднаго генерала изъ затрудненія и успокоить его насчетъ

того, что онъ имѣеть дѣло не съ прислугой нашего начальника, а также съ „чиновными особами“. И это, повидимому, развязало и языкъ, и всѣ движенія Цзо-Цзунъ-Тана, который тотчасъ пригласилъ насъ садиться, сейчасъ же сѣлъ самъ и приказалъ подать чай.

Началась бесѣда, въ которой говорилъ опять почти одинъ Цзо: онъ показаль, что знакомъ съ иностранцами, что знаетъ о нихъ кой-что, приводилъ нѣкоторыя различія между китайскими обычаями и европейскими, на примѣръ въ манерѣ чтенія и письма; онъ представлялъ какъ читають китайцы сверху внизъ и отъ правой руки къ лѣвой, и какъ мы это дѣлаемъ. Онъ водилъ пальцемъ въ горизонтальномъ направленіи какъ бы по строчкамъ, изображая нашу манеру писать непрерывно, быстро и мелко и, водя пальцемъ по воображаемой страницѣ, приговариваль: ту-ту-ту-ту-ту!... ту-ту-ту-ту-ту! Потомъ онъ освѣдомился у насъ, умѣемъ ли мы говорить и читать по-китайски, и когда ему сказали, что нѣкоторые научились немногу, онъ произвелъ легкій экзамень: но теперь ужъ безъ важности, а любезнымъ тономъ и съ веселыми улыбками. Разговоръ шель приблизительно въ томъ же духѣ.

Визитъ продолжался долѣе обыкновеннаго; но мы вынесли изъ него, какъ вообще бываетъ при первыхъ визитахъ, чрезвычайно мало; видно было только, что Цзо хотѣлось поближе познакомиться съ нами, многое узнать отъ насъ, что оказалось почти невозможнымъ, потому что наши и его слова, прошедшія чрезъ уста двухъ переводчиковъ, лишь изрѣдка доходили до взаимнаго пониманія; объ остальномъ кой-какъ догадывались или не принимали.

При прощаніи генераль опять внимательно осматриваль насъ, заинтересовался нашимъ форменнымъ платьемъ, значками разнаго рода и различіями нашихъ мундировъ, разспрашивая зачѣмъ это, что значить то, и между прочимъ спросилъ, отчего у меня эполеты густые, а у Сосновскаго нѣтъ, на что получилъ отъ него отвѣтъ, что это обозначаетъ разныя вѣдомства, въ которыхъ мы служимъ (а я до сихъ поръ находился въ заблужденіи, думая, что они служатъ выраженіемъ высшаго чина, независимо отъ разницы въ вѣдомствахъ).

Въ судебной залѣ мы разстались и, вернувшись къ себѣ, нѣкоторое время ожидали визита Цзо, на основаніи предшествовавшихъ примѣровъ, а потому не переодѣвались и не начинали

никакихъ занятій. Но наши ожиданія были напрасны: генераль не только не отдалъ намъ оффиціального визита, но даже не прислалъ никого вмѣсто себя извиниться, что самъ почему-либо быть не можетъ, какъ это всегда дѣлается по законамъ китайской учтивости. Словомъ, пріемъ вышелъ необыкновенный и для нашего самолюбія очень и очень обидный. Это всѣ видѣли и чувствовали.

День прошелъ у меня очень безтолково, почти ничего не принесъ съ собою; а вечеромъ, совершая свою обычную прогулку, Цзо зашелъ къ намъ запросто, хотя и со свитой, но одѣтый также по домашнему. Это была новая неучтивость, что мы опять всѣ понимали, но не всѣ желали протестовать: начальникъ на-примѣръ оправдывалъ эту не деликатность его преклоннымъ возрастомъ. Сановный гость пробылъ у насъ съ полчаса, въ продолженіе которыхъ Сосновскій посвящалъ его въ тайны географіи Китая или, лучше сказать, щеголялъ передъ нимъ своими обширными свѣдѣніями по этой части; потомъ указалъ пройденный нами путь, и по поводу послѣдняго Цзо выразилъ большое удивленіе,—отчего мы ѣхали по р. Хань-Цзяну до Хань-Чжунь-Фу, и какъ же не посѣтили Си-Ань-Фу, находясь отъ него такъ близко. Онъ говорилъ, что мы много потеряли, не видавъ этого замѣчательнаго города, красиваго по своему виду, интереснаго въ историческомъ отношеніи, какъ бывшаго столицей Китая, и чрезвычайно важнаго въ торговомъ отношеніи.

Какъ ни мало мы понимали изъ того, что говорилъ Цзо, нельзя было не замѣтить, что онъ уменъ и по-китайски хорошо образованный человѣкъ; а слушая его плавную рѣчь, оживленную выразительною игрою фізіономіи и жестами, нельзя было не чувствовать, даже не понимая языка, что онъ говорилъ краснорѣчиво и увлекательно, что заставляло меня еще болѣе сожалѣть о немѣннѣи средствъ хорошо понимать его и толково побесѣдовать съ нимъ.

Уже стемнѣло, когда онъ собрался уходить домой. Свита его, все время стоявшая позади его кресла и, казалось, внимательно слушавшая его, какъ будто пробудилась отъ пріятной дремоты и засуетилась. Генералу подали его длинную палку съ золотымъ набалдашникомъ, въ родѣ архіерейскаго посоха; два солдата, ожидавшіе его за дверьми на террасѣ, зажгли большіе шарообразные фонари изъ прозрачной шелковой матеріи бѣлаго цвѣта съ крупными красными буквами, изображавшими его имя и

титულъ. Онъ всталъ со стула и, простившись съ нами, обѣщаль заходить по вечерамъ вмѣстѣ ужинать и бесѣдовать; двое изъ свитскихъ, слегка поддерживая его подъ руки, свели съ лѣстницы, и онъ, выставивъ впередъ свой животъ и постукивая длинной палкой съ желѣзнымъ наконечникомъ, медленными шагами направился черезъ дворъ къ воротамъ. Мы по обычаю пошли проводить его до первыхъ воротъ, гдѣ онъ остановился, простился со всѣми еще разъ и просилъ насъ не беспокоиться, не провожать болѣе и возвратиться къ себѣ; но мы, соблюдая этикетъ, выражали желаніе проводить еще; однако принуждены были уступить его сопротивленію и вернулись въ свою комнату, каждый со своими впечатлѣніями, еще не сообщенными другъ другу.

Какъ всегда бываетъ, впечатлѣнія были различны: Сосновскій былъ отъ него въ восхищеніи, и при прощаніи даже сдѣлалъ такое неловкое движеніе, что другимъ показалось, какъ будто поцѣловалъ „прелестнѣйшаго старика“ въ руку; на насъ съ Матусовскимъ онъ произвелъ впечатлѣніе человѣка съ большимъ умомъ и тактомъ, но аффектированнаго и сухаго. Сосновскій утверждалъ, что онъ „замѣчательно добрый человѣкъ“, а мы думали: нѣтъ, этому пальца въ ротъ не клади... Но, разумѣется, всѣ эти заключенія строились лишь на первомъ впечатлѣніи и слѣдовательно большаго значенія имѣть не могли.

16 Іюня.

Нынѣшній день прошелъ въ дѣланіи визитовъ къ мѣстнымъ властямъ, но къ кому именно—я даже этого не могъ толкомъ добиться. Въ полной формѣ, верхомъ на лошадахъ, совершали мы наши по истинѣ торжественныя шествія по улицамъ Лань-Чжоу, и такъ какъ на этотъ разъ китайцамъ удобнѣе было насъ видѣть, чѣмъ если бы мы ѣхали въ паланкинахъ, то интересъ, возбужденный нашимъ появленіемъ, былъ еще сильнѣе, и на улицахъ происходило просто смятеніе. Толпа бѣжала, прыгала, хохотала, нестово кричала отъ удовольствія. Казалось, все было забыто и брошено, и въ домахъ тѣхъ улицъ, по которымъ мы проѣзжали, навѣрно не оставалось никого, кромѣ тяжело больныхъ да самыхъ маленькихъ дѣтей. Жара, пыль и давка были невыносимыя; но мнѣ было весело смотрѣть на эту оживленную сцену. Но не веселый вернулся я домой.

Изъ шести мандариновъ, къ которымъ мы прїѣзжали, насъ принялъ только одинъ. Изъ воротъ же ямыней остальныхъ выходили одѣтые въ форменное платье слуги и, преклоняясь на одно колѣно или даже клая земные поклоны, объясняли намъ, что „ихъ великій господинъ или боленъ, или не дома“. Насколько было въ этомъ правды, насколько свѣтскихъ махинацій—трудно было отгадать; но не могло не казаться страннымъ, что они всѣ точно стоворились заболѣть въ это утро или не быть дома, хотя о нашемъ намѣреніи „нанести имъ визиты“, какъ говорятъ въ Пекинѣ наши соотечественники, они были предупреждены... Странно и до нѣкоторой степени неприятно, а главное странно и непонятно: до сихъ поръ, говорю, насъ нигдѣ такъ не принимали! А я вначалѣ думалъ,—чѣмъ дальше будемъ ѣхать, тѣмъ больше познакомятся съ нами и тѣмъ прочнѣе установится наша добрая слава... Увы! тутъ мы увидали, что мы прославились совсѣмъ иначе.

Теперь все официальное исполнено, и мы можемъ войти опять въ свою колею рабочей жизни путешественниковъ, занимающихся чѣмъ кто можетъ. Поэтому прервемъ дневникъ и расскажем въ общихъ чертахъ, какъ проходили наши дни въ г. Лань-Чжоу.

Живемъ мы здѣсь, можно сказать, припѣваючи, въ хорошемъ домѣ, гдѣ тѣнь и прохлада; заботиться не надо ни о чемъ, потому что намъ подаются готовые обѣды и ужины, и все это даромъ; прислуга въ видѣ китайскихъ солдатъ на каждомъ шагу; сиди дома и занимайся чѣмъ хочешь, или возьми провожатыхъ изъ тѣхъ же солдатъ и иди гулять, осматривать городъ и изучать то, что интересуетъ.

Такъ какъ на мою долю досталось знакомство съ внѣшней бытовой стороной, то я этимъ и занимаюсь. Беру съ собой Таа и одного изъ здѣшнихъ солдатъ и отправляемся верхомъ на лошадахъ знакомиться съ городомъ, чтобъ потомъ самому ориентироваться въ немъ и чтобъ отмѣтить пункты наиболѣе интересные. Лань-Чжоу—городъ большой и освоиться съ нимъ не легко; но я еще раньше замѣтилъ, стоящую на высокой горѣ многоэтажную пагоду, на которую стоить подняться, чтобы весь городъ былъ передъ зрителемъ, какъ на ладони. Къ ней мы и направились. Провожатый вывелъ насъ къ сѣвернымъ городскимъ воротамъ, и чрезъ нихъ мы выѣхали за городъ, который лежитъ на правомъ, т.-е. южномъ берегу Желтой рѣки, и вдоль нея тянется сѣверная сторона окружающей его величественной кир-

пичной стѣны. Прямо противъ упомянутыхъ воротъ устроены поитонный мостъ на двадцати четырехъ большихъ баркахъ, и мы остановились на минуту, чтобъ бросить взглядъ на рѣку и на этотъ мостъ.

Могущественная и страшная своими наводненіями Хуанъ-Хэ, протекающая отсюда до своего устья еще 1130 миль, имѣетъ здѣсь около двухъ верстъ ширины. Вода ея, если не желтая въ буквальномъ смыслѣ, то чрезвычайно мутная, глинистаго цвѣта, отъ примѣси огромнаго количества почвы, которую она размываетъ и уноситъ своимъ быстрымъ теченіемъ. Большая сила послѣдняго сказывается въ слѣдующемъ интересномъ явленіи: устроенный здѣсь мостъ производитъ на первый взглядъ очень странное впечатлѣніе тѣмъ, что онъ представляетъ не прямую линію, а дугу или зигзагъ въ видѣ буквы S; потому что барки, на которыхъ устроенъ мостъ, не укрѣплены якорями ко дну рѣки, и вода своимъ напоромъ въ мѣстахъ наиболѣе сильнаго теченія относитъ ихъ внизъ. И такъ какъ, слѣдовательно, суда не стоятъ постоянно на одномъ мѣстѣ, то между ними невозможно никакая прочная деревянная связь, ибо они удерживаются только силою двухъ крѣпчайшихъ желѣзныхъ цѣпей и четырнадцати канатовъ, толщиною около четверти аршина въ діаметрѣ каждый, свитыхъ изъ шерстяныхъ веревокъ или изъ волоконъ пальмы чамагероръ. Концы цѣпей и всѣхъ канатовъ укрѣплены на берегахъ около толстыхъ каменныхъ столбовъ, поставленныхъ наклонно въ сторону отъ рѣки и глубоко врытыхъ въ землю.

Не знаю, отчего китайцы не прибѣгаютъ къ якорямъ и не устраиваютъ прочнаго разводнаго моста; но теперь, при подвижности каждой барки относительно другъ друга, невозможно, разумѣется, устроить прочной настилки, хотя можно бы сдѣлать ее все-таки болѣе удобной, чѣмъ въ настоящее время: китайцы ужъ слишкомъ небрежно относятся къ этому пути сообщенія, и Ланъ-Чжоу-скій мостъ просто ужасенъ, такъ-что, хотя я и имѣю счастье не принадлежать къ особенно „робкому десятку“, тѣмъ не менѣе почувствовалъ себя не совсѣмъ спокойнымъ, когда мы ѣхали по немъ. Доски и бревна только набросаны на барки, такъ что, когда идутъ и ѣдутъ по нимъ, они движутся и пляшутъ; лошадь того и гляди попадетъ ногою въ одну изъ широкихъ щелей, остающихся между ними, а самые суда находятся въ постоянномъ колебаніи какъ отъ волненія просто ревущей здѣсь рѣки, такъ и подъ тяжестью проѣзжающихъ по мосту мно-

жества людей, лошадей и повозокъ... Туземцы привыкли къ нему и ѣдутъ по нему преспокойно, а я таки не разъ подумалъ о томъ, не пришлось бы выкупаться въ мутноводной Хуанъ-Хэ, если этому животрепещущему мосту вздумается порваться въ какомъ-нибудь мѣстѣ. Упомяну здѣсь встать, что англичане предлагали устроить здѣсь постоянный каменный мостъ, на что китайское правительство соглашалось, только не сошлись въ цѣнѣ. Компанія просила на наши деньги, кажется, четырнадцать или шестнадцать милліоновъ рублей.

Перебравшись на сѣверный берегъ, круто поднимающійся почти отъ самой рѣки, мы стали взбираться на него пѣшкомъ по крутымъ тропинкамъ или высѣченнымъ въ почвѣ лѣстницамъ, переходя отъ одной кумирни къ другой, во множествѣ разбѣянныхъ по горѣ въ разныхъ мѣстахъ, безъ всякаго плана или симметріи. Усталость отъ движенія въ гору, а главное—сильный вѣтеръ, помѣшали намъ подняться, какъ мнѣ хотѣлось, до самой верхней точки, гдѣ стоитъ высокая многоэтажная пагода; но и съ той высоты, какой мы достигли, хорошо были видны долина Желтой рѣки, городъ съ его окрестностями и стоящая за нимъ гряда желтоватыхъ глинистыхъ горъ.

Широкая полоса водъ Хуанъ-Хэ образуетъ здѣсь изгибъ, начало котораго скрывается горами, а въ нижней части, гдѣ на рѣкѣ зеленѣютъ нѣсколько острововъ, она уходитъ въ даль и сливается въ неясныхъ очертаніяхъ съ такою же безцвѣтною, какъ и вода, почвою здѣшней мѣстности. Городъ стоитъ противъ насъ на ровной обширной отлогости праваго берега и весь отлично виденъ со своими величественными стѣнами, раздѣляющими его на двѣ части; съ ихъ арками, украшающими улицы, съ изящными крышами храмовъ, желтаго, зеленаго, голубаго и сѣраго цвѣтовъ, и наконецъ со множествомъ домовъ, слившихся въ одну массу то неструю, то одноцвѣтную, напимѣръ, тамъ, гдѣ преобладаютъ плоскія глиняныя крыши большинства частныхъ жилищъ, они не красивы и по колориту, и по очертаніямъ, но ихъ оживляютъ сады, находящіеся большею частью при храмахъ и казенныхъ квартирахъ чиновниковъ. На нѣкоторомъ разстояніи за городомъ возвышаются грядою отошедшія отъ рѣки горы, такія же скучныя, сѣровато-глинистыя, изрытыя водяными потоками и почти лишенныя всякой растительности; окрестности Ланъ-Чжоу и его предмѣстья также мало оживлены и, кромѣ того, почти въ концѣ разорены неприятелемъ. Но въ цѣломъ картина, занимающая почти половину горизонта, привлекательна и интересна.

Я сдѣлалъ ея набросокъ, и мы, вернувшись на правый берегъ, поѣхали вдоль городской стѣны, вѣѣ ея, по широкой площадкѣ устроенной здѣсь набережной, которая ведетъ къ водоподъемной машинѣ, и ѣдемъ разсмотрѣть ее поближе; вдругъ моя лошадь шарахнулась въ сторону, испуганная кажими-то странными предметами, которыхъ я и самъ не могъ опредѣлить въ первую минуту. Это были бурдюки, сдѣланные изъ цѣльныхъ бычачьихъ кожъ, завязанныхъ на ногахъ и на шейной части и туго надутыхъ воздухомъ. Эти громадные крѣпчайшіе пузыри употребляются китайцами для устройства плотовъ, на которыхъ по Желтой рѣкѣ сплавляютъ разные товары, и преимущество ихъ состоитъ въ томъ, что, благодаря своей упругости и эластичности ткани, они не разбиваются отъ случайныхъ ударовъ, что легко можетъ произойти, напримѣръ, съ деревянными боченками. Этотъ способъ плаванья на бычачьихъ кожахъ былъ для меня новостью; но, къ сожалѣнію, мнѣ не удалось увидать вблизи самаго плота, чтобъ разсмотрѣть способъ прикрѣпленія къ нимъ деревянныхъ брусевъ и настилки.

Мы подѣхали къ водоподъемной машинѣ, также оригинальной и до Китая мною не видацной. Она состоитъ изъ огромнаго колеса, установленнаго на подобіе мельничныхъ надъ водою и приводимаго въ движеніе самимъ теченіемъ воды, въ которую оно погружается своею нижнею частью; слѣдовательно до тѣхъ поръ, пока будетъ бѣжать вода въ рѣкѣ, колесо будетъ безостановочно вертѣться и производить ту работу, какую ему дадутъ. Этому колесу поручено снабжать водою весь городъ и его окрестности; и оно, не требуя ни присмотра людей, ни топлива, работаетъ въ буквальномъ смыслѣ безъ устали, и, если считать теченіе Желтой рѣки вѣчнымъ, это колесо также будетъ вѣчной двигательной машиной, *perpetuum mobile*.

Воду же оно поднимаетъ изъ рѣки и выливаетъ въ подведенный къ нему жолобъ слѣдующимъ, также не хитрымъ, но не лишнимъ остроуміемъ. Колесо, устроенное изъ двухъ параллельныхъ рядовъ брусевъ, связанныхъ между собою, имѣетъ ширины до двухъ аршинъ и на его окружности укрѣплены, нѣсколько большей длины, деревянные черпаки въ видѣ бочаловъ, только безъ ножекъ; они установлены въ косомъ направленіи и обращены своими отверстиями всѣ въ одну сторону, такъ что каждый изъ двѣнадцати черпаковъ, погружаясь при постоянномъ вращеніи колеса въ воду, глядитъ отверстиемъ внизъ и въ бокъ,

а выходя изъ воды, получаетъ обратное положеніе, т.-е. отверстіе его обращено въ бокъ и вверхъ. Погрузившись въ воду, онъ, конечно, наполнится ею и несетъ ее въ себѣ, не проливая, до тѣхъ поръ, пока не перейдетъ черезъ высшую точку колеса; тогда онъ снова обращаетъ отверстіе внизъ, а дно къверху, и вся вода изъ него выливается. Это дѣлается каждымъ черпакомъ въ одномъ и томъ же мѣстѣ, гдѣ и находится принимающій воду главный жолобъ, проходящій потомъ сквозь городскую стѣну по каменному каналу, по которому вода бѣжитъ въ городъ и разносится въ нѣсколько устроенныхъ въ разныхъ мѣстахъ превосходныхъ резервуаровъ.

Но неудобство этой водоподъемной машины заключается въ томъ, что колесо не можетъ подниматься и опускаться сообразно колебаніямъ уровня воды въ рѣкѣ; такъ что, когда она сильно падаетъ, колесо перестаетъ дѣйствовать, и городъ остается безъ воды. Въ такихъ случаяхъ ее наливаютъ въ жолобъ люди, таская изъ рѣки ведрами и бадьями на веревкахъ, — что составляетъ огромное затрудненіе, хотя человѣческій трудъ въ Китаѣ и баснословно дешевъ.

Но вотъ какой прогрессъ: нѣсколько лѣтъ тому назадъ, здѣсь была устроена иностранцами (къмъ именно—мы не сумѣли объяснить) паровая водочащальная машина, которая уставлена въ стоящемъ неподалеку отсюда домикѣ. Пошелъ посмотрѣть, но оказалось, что она теперь не дѣйствуетъ, потому что съ машиной не сумѣли справиться, когда въ ней что-то испортилось, и бросили.

Самый большой изъ упомянутыхъ резервуаровъ, наиболѣе изящно отдѣланный, находится въ одномъ изъ дворовъ генераль-губернаторскаго дома, куда однако отнюдь не „возбраняется“ никому приходить за водой; и тутъ цѣлый день происходитъ непрерывное движеніе взадъ и впередъ: водоносовъ съ ведрами на корытлахъ, вьючныхъ животныхъ съ баклажками и бадьями на своихъ бокахъ, или телѣжекъ съ небольшими бочками, которыя везутъ то люди, то животныя. Они всѣ подходятъ по очереди съ одной стороны резервуара, занимающаго половину довольно большаго двора, а съ трехъ другихъ его сторонъ устроена галерея, на которой въ одномъ мѣстѣ стоятъ два стола и нѣсколько кресель, какъ бы для чьего-то отдохновенія.

Дѣйствительно, тутъ, на этой галереѣ, ежедневно происходитъ оригинальная, намъ европейцамъ совсѣмъ незнакомая сцена, при

которой я сегодня же вечеромъ присутствовалъ; и вотъ какъ я на нее попалъ. Возвращаясь съ работы изъ города домой, я встрѣтилъ на одномъ изъ дворовъ генерала Цзо, который совершалъ свою обычную прогулку съ тѣмъ же посохомъ, со своей свитой, съ которою онъ велъ бесѣду, и такими же медленными шагами. Я раскланялся хотя весьма учтиво, но сухо, и помня басню о „глиняномъ и серебряномъ горшкахъ“, хотѣлъ обойти его стороной и продолжать свой путь; но онъ остановилъ меня, обратившись ко мнѣ съ вопросомъ.

— Хуа-ле? (рисовали?) спросилъ онъ, указывая на альбомъ и попросилъ позволенія посмотреть.

Посмотрѣлъ, узналъ мѣсто, конечно, похвалилъ и, взявъ меня подъ руку, предложилъ мнѣ осмотрѣть устроенный имъ упомянутый резервуаръ.

— Васъ все интересуетъ, вамъ все надо видѣть,—вы его нарисуете, сказалъ онъ.

И, bras dessus bras dessous, мы отправились осматривать резервуаръ, до котораго ползли по крайней мѣрѣ въ четыре раза дольше, чѣмъ было нужно. Пришли и усѣлись у стола въ креслахъ; а всѣ мандарины оставались на ногахъ. Очевидно по заведенному порядку, черезъ минуту однимъ изъ нихъ была взята у слуги большая корзина съ булками и поднесена къ генералу Цзо, а другой скомандовалъ: подходите,—обратившись въ ту сторону, гдѣ стояло до сотни ребятишекъ разнаго возраста и обоего пола. Они еще продолжали прибывать изъ тѣхъ же воротъ, чрезъ которыя входили и въѣзжали водовозы и водоносы, и становились другъ за другомъ въ правой половинѣ галлерей. Услыхавъ команду, дѣти стали подвигаться не слѣша, не толкаясь и не ссорясь и, приблизившись къ столу, у котораго мы сидѣли, останавливались.

— Ну подходите! закричалъ имъ Цзо съ добродушною улыбкой.

Дѣти тронулись и, подходя по одиночѣ, кланялись передъ нимъ въ землю (этотъ поклонъ называется ко-тòу, буквально—бить головой), получали изъ его рукъ булку, дѣлали второй поклонъ, но ужъ не земной, проходили дальше, удаляясь черезъ лѣвую половину галлерей и потомъ черезъ дворъ въ ворота домой.

Между дѣтьми, вообще очень легкими одѣтыми и полуодѣтыми, были и совершенно голенькія, особенно между малолѣтними, напримѣръ, лѣтъ двухъ и даже менѣе, которыхъ приводили съ собою

братья или сестры постарше. Эти мальцы еще не понимали важности сидѣвшаго передъ ними сановника и, не имѣя понятія о приличіяхъ, подходили безъ поклона.

— Ко-тоу, ко-тоу! кричалъ имъ, смѣясь, Цзо, и дѣти, складывая рученки, кланялись въ землю, но нѣкоторые были такъ малы, что потомъ едва могли встать, а иные и совсѣмъ не могли... Картина была интересная, и просто какъ картина, которой для большей прелести недоставало только деревьевъ, и какъ черта народнаго быта, въ ней было что-то ветхозавѣтное, простодушное, теплое, отъ чего мы совсѣмъ отвыкли. Тутъ исчезала проасть между человѣкомъ—генераль-губернаторомъ и людьми—дѣтьми бѣдняковъ.

На слѣдующій день я осмотрѣлъ другія части города, болѣе замѣчательные храмы, сады и изящныя зданія клубовъ съ ихъ красивыми дворами, на которыхъ растутъ прекрасныя деревья; потомъ еще разъ поднялся на возвышенный пунктъ, внутри города, гдѣ на пригорѣѣ стоитъ одинъ храмъ, и съ него осмотрѣлъ Лань-Чжоу съ высоты. Видъ для европейца также не обыкновенный. Я видѣлъ оттуда только крыши и стѣны; въ городѣ для глаза не замѣтно никакого движенія; вовсе не видно людей, потому что они скрываются сильно свѣшенными крышами; весь онъ имѣетъ какой-то мертвый видъ, и хотя онъ не былъ разрушенъ, однако очень походить на тѣ одноцвѣтныя развалины, къ какимъ привыкъ мой глазъ за послѣднее время. Смотри на Лань-Чжоу съ этого пункта, можно бы было подумать, что городъ почти необитаемъ, еслибы до слуха не доходило множества разнообразныхъ звуковъ, свидѣтельствовавшихъ о томъ, что, незамѣтно для глаза, подъ этими крышами и ихъ навѣсами жизнь кипѣла ключомъ; крики и говоръ людей, тысячи голосовъ разныхъ птицъ, звонъ бубенчиковъ, которыми китайцы убираютъ своихъ лошадей и особенно ословъ, ржаніе тѣхъ и другихъ, стукъ топоровъ, дѣтскій смѣхъ и дѣтскій плачь, напѣвы и завыванія мѣдныхъ тазовъ, все это сливалось въ одинъ общій концертъ, походящій издали на жужжаніе мириадъ насѣкомыхъ, — вотъ что услышите вы, стоя высоко надъ китайскимъ городомъ.

Помирившись съ мыслью, что никакія знакомства съ интересовавшими меня туземцами и сколько-нибудь дѣльная бесѣда съ ними невозможна, я, оставаясь въ городахъ, работалъ по преимуществу кистью. Такъ, сегодня я вернулся домой съ большимъ запасомъ отмѣченныхъ интересныхъ пунктовъ, которыми долженъ

былъ обогатиться мой альбомъ, и сталъ дѣлать приготовленія къ работѣ на завтрашній день, но явившійся къ намъ адъютантъ генералъ-губернатора, Ши, передалъ, что завтра утромъ Цзо-Цзунъ-Танъ приглашаетъ насъ къ себѣ обѣдать. Приглашеніе было официальное, поэтому отказаться было бы не ловко; да кромѣ того меня интересовалъ и самъ *парадный обѣдъ* у такого важнаго китайскаго вельможи.

На слѣдующій день утромъ каждый изъ насъ получилъ по большому запечатанному конверту изъ красной бумаги, съ наклеенной на него вдоль полоской также красной бумаги, на которой былъ написанъ адресъ каждаго. Внутри конверта заключался сложенный втрое листокъ красной бумаги, на которой было написано, какъ объяснилъ намъ Ши, что Цзо-Цзунъ-Танъ приглашаетъ къ себѣ кушать такого-то, въ такой-то день и часъ. Этотъ часъ по нашему былъ бы для нѣкоторыхъ слишкомъ раннимъ даже для утренняго чаю, не только для обѣда, потому что генералъ приглашалъ насъ къ десяти часамъ утра. Но въ чужой приходъ со своими обычаями не ходять, и мы, въ виду официальности приглашенія, надѣли мундиры и, едва успѣвъ выпить чаю, отправились.

День былъ чудесный, солнечный.

Цзо на этотъ разъ встрѣтилъ насъ подъ знакомымъ читателю навѣсомъ или въ открытой судебной залѣ. Онъ и вся его свита были въ форменномъ платьѣ. Значить теперь онъ понялъ то, чего раньше не понималъ, и, приглашая насъ всѣхъ, не боялся уронить своего достоинства... Поздоровавшись и потомъ взаимно уступая дорогу, которая вела теперь не въ знакомую намъ приемную, а вглубь залы, на таинственный дворъ, черезъ дверь, закрытую щитомъ. Мы употребили по крайней мѣрѣ съ четверть часа, чтобъ пройти этотъ и еще одинъ дворъ и трое дверей, пока наконецъ вступили въ комнату, гдѣ уже былъ приготовленъ обѣденный столъ и стояли четыре слуги, одѣтые въ новые халаты изъ легкой шелковой матеріи блѣдно-оранжеваго цвѣта и въ форменныхъ шляпахъ на головахъ.

Эта комната, которой трудно дать названіе по ея виду и обстановкѣ, походила отчасти на кабинетъ. Она была раздѣлена аркой на двѣ половины и имѣла такіе скромные размѣры, что стоявшій въ ея первой половинѣ небольшой четырехугольный столъ, за которымъ могло сѣсть никакъ не болѣе восьми чловѣкъ, занималъ ее почти всю. Въ обоихъ отдѣленіяхъ комнаты

были устроены ниши съ окнами и въ нихъ каны, которые были заложены бумагами и книгами, но нигдѣ не было даже подобія рабочаго стола.

Въ первомъ отдѣленіи, въ которомъ мы всѣ собрались, я замѣтилъ у дверей собраніе палокъ, съ какими Цзо совершаетъ свои прогулки и до которыхъ онъ, должно-быть, охотникъ, а на низенькомъ столикѣ, стоявшемъ на канѣ, — значить на самомъ почетномъ мѣстѣ,—былъ поставленъ подарокъ, поднесенный Цзо-Цзунъ-Тану нашимъ начальникомъ въ первый же день приѣзда,— тотъ самый, о сохранности котораго, помните, казакъ Павловъ такъ заботился, когда мы собирались уѣзжать изъ Цинъ-Чжоу и вещи наши укладывались на телѣги. Теперь и мы могли полюбоваться этой дорогой вещью, стоящею, по словамъ Павлова, двѣсти рублей, такъ какъ раньше намъ не случилось ея видѣть. Она была, разумѣется, европейской работы,—потому что нельзя же китайцу дарить что-нибудь китайское,—и представляла,—читатель не повѣритъ,—стеклянный колпакъ, подъ которымъ были изображены изъ картона горы, обсыпанныя пескомъ и убранныя камешками, а также оклеенныя мохомъ, на подобіе деревьевъ; на горахъ стоитъ мельница, четыре крыла которой могутъ быть приведены во вращательное движеніе, и разбросаны нарисованные домики, а внизу, на синихъ бумажныхъ волнахъ, представленъ корабль съ парусами и мачтами, могущій совершать колебанія съ боку на бокъ; кромѣ того, въ глубинѣ этой живой картины скрыта табакерка съ музыкой, играющая пьесу на мотивъ „Чѣмъ тебя я огорчила“... Попросту говоря, это была всѣмъ извѣстная и, можно сказать, грошевая игрушка.

— Видите? обратился онъ къ Сосновскому, какъ только мы вошли въ комнату, — вашъ подарокъ... Я поставилъ его на первомъ мѣстѣ въ своей комнатѣ.

Онъ очень мило и любезно разсмѣялся и еще разъ поблагодарилъ его какъ будто эта вещь заинтересовала его; но истинный смыслъ этихъ восторговъ былъ понятенъ...

Я продолжалъ осматривать комнату и замѣтилъ еще стоящую на небольшомъ консолѣ, надъ нишей, почти у самаго потолка, желтую шкатулку съ нарисованнымъ на ней дракономъ, и генераль объяснилъ, что въ ней находится одна изъ одеждъ богдохана, кажется, пожалованная ему въ видѣ особой милости.

Затѣмъ моимъ вниманіемъ овладѣлъ обѣденный столъ. Онъ былъ черный лакированный, ничѣмъ не покрытый, и на немъ не

находилось никаких салфетокъ, а были положены только приборы и стояли блюда съ первыми кушаньями, какими обыкновенно начинается китайскій обѣдъ; а именно: разнаго рода лакомства въ родѣ цукатовъ, сухихъ вареній и фруктовъ въ сахарѣ (очень похожихъ на наши киевскіе консервы), нарѣзанные ломтиками свѣжіе фрукты и пастила изъ плодовъ діоспирозъ, а также, по непонятной для насъ прихоти китайскаго вкуса, ветчина и вяленая соленая рыба. Вотъ удивительное сочетаніе! Всѣ эти предметы были очень искусно и изящно положены на блюдахъ въ видѣ прозрачныхъ пирамидокъ. Каждый же приборъ состоялъ изъ фарфоровыхъ блюдецъ и двухъ маленькихъ чашечекъ, изъ серебряной вилки о двухъ зубцахъ и двухъ палочекъ изъ слоновой кости. Вокругъ стола стояли шесть табуретовъ съ надѣтыми на нихъ чехлами синяго цвѣта и положенными сверхъ ихъ плоскими красными подушками.

Затѣмъ Цзо приступилъ къ *предобѣденной церемоніи*. Всѣ еще были на ногахъ, ходили по комнатѣ или, лучше сказать, переступали съ ноги на ногу, потому что ходить было негдѣ, и стояли. По данному знаку, подошелъ къ хозяину слуга, державшій въ лѣвой рукѣ подносъ съ мелкими чашечками, а въ правой металлическій, — а бы сказалъ графинъ съ виномъ, еслибы онъ не былъ вполнѣ похожъ на чайникъ. Тотъ взялъ двумя руками одну чашечку, хотя она была мала и для двухъ пальцевъ; слуга налилъ въ нее вина и Цзо, обратившись къ намъ, назвалъ по имени нашего начальника, которому въ это время адъютантъ указалъ его мѣсто за столомъ, шепнувъ: только не садитесь, пока Цзо-Гунъ-Бао не пригласитъ къ столу всѣхъ. Хозяинъ поднялъ надъ головой чашечку и, торжественно подойдя къ указанному мѣсту, поставилъ ее на столъ у его прибора; потомъ бралъ отдѣльно каждую вещь прибора также двумя руками, каждую поднималъ надъ своей головой и клалъ обратно на свое мѣсто; затѣмъ подвинулъ табуретку и рукою смахнулъ съ нея пыль, хотя ея тамъ не было. Сдѣлавъ это, онъ снова поднималъ сложенные руки надъ головой, причѣмъ широкіе рукава его курмы совершенно закрыли его лицо, низко поклонился Сосновскому и молча указалъ рукою мѣсто, возлѣ котораго тотъ остался, стоя.

Тѣ же самыя провозглашенія имени, подниманія вещей и поклоненія, съ тою же торжественностью и серьезностью были повторены генераломъ Цзо надъ вещами остальныхъ приборовъ и табуретами, кромѣ своего.

Когда всё такимъ образомъ были разставлены у своихъ мѣстъ, Цзо подошелъ къ своему, считавшемуся, разумѣтся, наименѣ почетнымъ, пригласилъ насъ садиться; мы просили его сѣсть прежде насъ; начались препиранія, но, конечно, онъ сѣлъ послѣ всѣхъ. Цзо, очевидно, рѣшился поразить насъ и любезностью, и учтивостью, и гостепріимствомъ.

Всѣ усѣлись. Одинъ изъ слугъ, стоявшій позади хозяина, по-вѣсилъ ему на грудь салфетку, но какую! бакою у насъ развѣ посуду перетирають на кухнѣ, и то не вездѣ: изъ грубой ткани съ не менѣ грубымъ рисункомъ въ два цвѣта, синяго съ бѣлымъ; затѣмъ онъ положилъ около него на столъ кусочекъ не менѣ грубой, бѣлой холстины, сложенной вчетверо, и на нее зубочистку изъ слоновой кости. Другой слуга положилъ около каждого изъ насъ маленькія бумажки, сложенныя вчетверо, не болѣе вершка въ квадратъ, и долженствовавшія играть роль салфетокъ.

Обѣдъ начался. Цзо взялъ свою чашечку вина и, вставъ, поклонился намъ, пригласивъ пить; мы отвѣтили тѣмъ же и, сѣвъ, онъ сталъ брать своими палочками кусочки разныхъ конфектъ и фруктовъ, ветчины и соленой рыбы, и положивъ каждому по кусочку каждого кушанья собственноручно, предложилъ брать самимъ, кому что угодно. Затѣмъ началось подаваніе кушаній и первымъ блюдомъ, конечно, явился супъ изъ ласточкиныхъ гнѣздъ, за которымъ потянулся длинный рядъ блюдъ, и я скоро имъ и счетъ потерялъ; ихъ было не менѣ пятидесяти, всякихъ, — вареныхъ, пареныхъ, жареныхъ, соусовъ, всевозможныхъ смѣсей, состава которыхъ и не разберешь, но большею частью очень вкусныхъ. Изъ каждого блюда хозяинъ сначала самъ клалъ каждому гостю на блюдечко понемногу и потомъ приглашалъ каждого брать и кушать, кому и что угодно. Эти кушанья не подавались одно за другимъ, а оставались на столѣ до тѣхъ поръ, пока на немъ не оставалось и вершка свободного мѣста; тогда раньше поданныя убирались со стола, и замѣнялись новыми, подававшимися также по нѣскольку за разъ. Среди обѣда безпрестанно подливалось вино, такъ что чашечки-рюмки ни минуты не оставались не наполненными до краевъ.

Замѣтивъ, что мы мало пили вина, онъ спросилъ, не желаемъ ли мы европейскаго, прибавивъ не безъ гордости, что у него есть и европейскія вина. Мы отвѣтили, что намъ интереснѣе и пріятнѣе пить китайское, просили его не беспокоиться и побережъ

европейское для своих друзей китайцевъ, для которыхъ оно будетъ любопытною рѣдкостью.

— Нѣтъ, я самъ часто пью и постоянно получаю ихъ, сказалъ онъ, и отдалъ приказаніе слугѣ; тотъ ушелъ и вскорѣ возвратился съ подносомъ, на которомъ стоялъ великолѣпный хрустальный приборъ превосходной европейской работы, состоявшій изъ двухъ изящныхъ графиновъ и полдюжины рюмокъ, заключавшихся въ небольшомъ швафчикѣ изъ толстыхъ шлифованныхъ стеколъ оправленныхъ вызлащенной бронзою. Слуга налилъ рюмки и подалъ.

— Линъ-вэнь, назвалъ хозяинъ вино, не будучи въ состояніи точнѣе произнести слово рейнвейнъ.

Онъ спрашивалъ у насъ, хорошо ли вино, которое и самъ пилъ съ видимымъ удовольствіемъ, хорошо ли приборъ, и очевидно щеголялъ передъ нами тѣмъ, что имѣлъ у себя европейскія вещи и европейское вино. Онъ извинился, что въ настоящее время не имѣеть „шань-пань-цзю“ (шампанскаго; цзю значитъ вино), которое, я знаю, говорилъ онъ, европейцы очень любятъ.

Обѣдъ продолжался долго; но такъ какъ Цзо говорилъ почти безъ умолку и изъ разговоровъ кой-что понималось, кой-что удавалось сказать и намъ самимъ, то время проходило не особенно скучно.

Я говорилъ, однако, какое непріятное напряженіе мозга чувствуешь при разговорахъ черезъ переводчика, какъ утомляешься и какъ скоро потомъ забываешь о чемъ шла рѣчь. Такъ и теперь: я чего не понялъ, что позабылъ или пропустилъ, и изъ всѣхъ продолжительныхъ бесѣдъ дошло до моего сознанія и осталось въ памяти не много. Интересенъ былъ, между прочимъ, высказанный имъ взглядъ на сердце людей, принадлежащихъ къ различнымъ націямъ.

— У людей великихъ государствъ (въ смыслѣ ихъ размѣровъ), говорилъ онъ,—сердце прямое и, напротивъ, у людей государствъ маленькихъ—оно кривое; и онъ даже изображалъ это наглядно, показывая указательный палецъ своей руки то вытянутымъ, то согнутымъ.

Далѣе онъ спрашивалъ о нѣкоторыхъ европейскихъ государствахъ, изъ которыхъ зналъ, кромѣ Россіи, Инъ-Чжи-Ли, Фалинь-Сі, И-Та-Ли, Пу-Люсь и Туль-Си, то-есть Англію, Францію, Италію, Пруссію и Турцію; онъ зналъ кой-что о европейской политикѣ, но весьма немного, и желалъ получить отъ насъ

нѣкоторыя свѣдѣнія объ отношеніяхъ названныхъ государствъ между собою, напริมѣръ, кто изъ нихъ сильнѣе всѣхъ, кто съ кѣмъ больше въ ладу живетъ; спрашивалъ о нашихъ отношеніяхъ къ другимъ государствамъ и точно обрадовался, когда услышалъ, что Англія всегда недружелюбно относится и къ Россіи, что она всегда старается вредить намъ и помогаетъ нашимъ врагамъ. Онъ какъ будто нашель подтвержденіе своей мысли, что иначе быть не можетъ, и изобразилъ сильно согнутымъ указательнымъ пальцемъ степень „кривизны“ англійскаго сердца.

Потомъ онъ сталъ проводить параллель между Россіей и Китаемъ и между прочимъ предложилъ вопросъ, кто изъ насъ кого побѣдитъ, если бы у насъ произошла война.

— Ну, какая же война съ нами, изъ-за чего намъ ссориться! возразили мы.—Намъ надо быть друзьями, въ общихъ интересахъ, и мы вѣрно никогда съ вами воевать не будемъ.

— Конечно, я и самъ такъ думаю; но мнѣ все-таки хочется знать ваше мнѣніе, такъ какъ вы видѣли много нашихъ войскъ... Чьи солдаты побѣдятъ, если взять равныя количества? любопытствовалъ Цзо-Цзунъ-Танъ.

Мы отвѣтили ему уклончиво, что вѣроятно, силы окажутся равными, потому что китайская армія многочисленнѣе, но наши люди крѣпче и, можетъ-быть, вооружены лучше; но что храбрость войскъ, мы думаемъ, одинаковая. Но Цзо не довольствовался и настаивалъ на прямомъ отвѣтѣ на прямо поставленный вопросъ,—кто кого побѣдитъ, если бы была война, словно онъ въ самомъ дѣлѣ собирался предпринять ее. И онъ попросилъ отвѣчать искренно, какъ мы думаемъ, оставивъ въ сторонѣ деликатность, которая, конечно, велить намъ сказать ему любезность. Тогда Сосновскій отвѣтилъ ему, что въ случаѣ войны Россія одержитъ верхъ. Генераль спросилъ сидѣвшаго рядомъ Матусовскаго, какъ онъ думаетъ? Матусовскій отвѣтилъ то же. Потомъ онъ отобралъ мнѣнія у всѣхъ поочереды,—и отъ всѣхъ получилъ одинъ отвѣтъ, что русскіе побѣдятъ китайцевъ.

Старикъ, повидимому, никакъ не ожидалъ этого и на нѣсколько минутъ даже упалъ духомъ, вдругъ задумался и какъ будто загрустилъ. Онъ, должно-быть, въ самомъ дѣлѣ воображалъ въ простотѣ сердечной, что Китай въ состояніи не только бороться съ Россіей, но даже и побѣдить ея армію. Мнѣ даже жалко его стало... Но не самъ ли ты желалъ слышать правду, думаю себѣ: вотъ теперъ и грусти. А эта внезапная грусть, которой онъ не

въ сѣлахъ былъ скрѣтъ, изобличала какіе-то замыслы противъ Россіи, которые онъ, очевидно, имѣлъ въ своей головѣ. По крайней мѣрѣ мнѣ это тогда казалось несомнѣннымъ.

Наконецъ, обѣдъ, прерывавшійся разъ для питья чаю съ цѣлю „осажденія пиши внизъ“ и разъ для куренья, и продолжавшійся шесть часовъ,—кончился. Важный и нѣсколько надменный, но утонченно-вѣжливый генераль-губернаторъ рыгаль въ продолженіи егѳ не только на всю комнату, но и на весь дворъ; впрочемъ, что значить отрыжка!... Да, онъ убѣдительно доказалъ, что приличія—вещь чисто условная. Впрочемъ Цзо былъ первый и единственный въ такой степени физиологически-безцеремонный китайскій сановникъ изъ всѣхъ видѣнныхъ нами.

Читатель знаетъ уже, что, по китайскимъ понятіямъ, учтивость требуетъ, чтобъ гости немедленно послѣ обѣда прощались съ хозяиномъ и оставляли его въ покоѣ—отдыхать и переваривать пищу; а Цзо истребилъ ея огромное количество; мы тоже набѣлись изъ любовнательности до чувства тяжести въ желудкѣ: надо же было все перепробовать, хотя было бы гораздо интереснѣе узнать, какъ и изъ чего что дѣлается. Мы встали и, поблагодаривъ хозяина, стали прощаться, прося его не беспокоиться и не провожать насъ; но онъ, какъ учтивѣйшій китаецъ, не могъ этого допустить и отправился съ нами черезъ дворъ.

Шелъ онъ черезъ этотъ дворъ—въ какихъ-нибудь пятьдесятъ шаговъ ширины,—я думаю, цѣлую четверть часа, медленно переставляя ноги и безпрестанно останавливаясь, чтобъ еще поболтать и узнать что-нибудь. Не припомню, какъ разговоръ опять перешелъ къ европейцамъ, и онъ рассказалъ намъ объ одномъ французѣ, который находился нѣсколько лѣтъ назадъ на китайской службѣ и, уѣхавъ въ Парижъ, прислалъ ему оттуда на память подарокъ; Цзо остановился и велѣлъ одному изъ сопровождавшихъ насъ слугъ принести его. Тотъ скоро возвратился съ маленькимъ футляромъ въ рукахъ и подалъ. Цзо открылъ и показалъ намъ великолѣпные золотые часы-хронометръ съ парижской выставки 1872, что было обозначено на нижней доскѣ, а на верхней была сдѣлана изъ эмали военная мандаринская шляпа съ краснымъ шарикомъ и павлиньимъ перомъ съ двумя глазами,—гордость китайскихъ сановниковъ. Хитрый генераль сдѣлалъ видъ, что самъ не понимаетъ, хорошая ли это вещь или нѣтъ, и опять у каждаго поочереды спросилъ наше мнѣніе. И когда мы всѣ похвалили, онъ объяснилъ, что часы эти и стоятъ около

тысячи рублей. Онъ возвратилъ ихъ слугѣ и велѣлъ отнести на мѣсто, а самъ остановился и, смотря на насъ, опять задумался, какъ при первомъ свиданіи, и опять тихо разсмѣялся особеннымъ басистымъ смѣхомъ, и если бы нужно было какъ-нибудь назвать послѣдній, я назвалъ бы его незаслуженно обиднымъ; а причины его точно не зналъ.

Проводивъ насъ до дверей втораго двора, онъ простился съ нами и возвратился къ себѣ, а мы прошли еще черезъ одинъ дворъ въ свою квартиру и нѣсколько времени вели бесѣду относительно Цзо-Цзунъ-Тана, который чрезвычайно нравился Сосновскому, и онъ даже говорилъ: „я ужасно доволенъ тѣмъ что Западный Край отдали въ его руки“!

Поговорили объ европейскихъ вещахъ и винѣ, задумались надъ тѣмъ, зачѣмъ онъ показавъ намъ подарки другихъ европейцевъ и рѣшили, что онъ до нѣкоторой степени недоволенъ подаркомъ нашего начальника. А тутъ, вскорѣ послѣ нашего возвращенія домой, является маленький мандаринъ съ просьбою отъ Цзо-Цзунъ-Тана прислать ему футляръ отъ подаренной нами вещи... Это поставило Сосновскаго въ немалое затрудненіе, такъ какъ извѣстно, что для подобныхъ сокровищъ никакихъ футларовъ не дѣлается. Простаго же деревяннаго ящика съ соломой мы заблагодарасудили не возсылать, а приказали сказать, что футляръ погибъ, т.-е. расклеился и испортился на порогѣ Лунъ-Танъ. Спасибо, онъ еще разъ выручилъ; хотъ и прозрачно, а все-таки выручилъ.

Я ушелъ съ альбомомъ въ городъ; четверо конвойныхъ съ палками отравились за мною слѣдомъ, и къ намъ присоединился сынъ одного изъ приближенныхъ къ Цзо-Цзунъ-Тану мандариновъ, мальчикъ лѣтъ двѣнадцати, котораго я нерѣдко видѣлъ на нашемъ дворѣ и который всегда возмущалъ меня своимъ дурнымъ характеромъ. Онъ былъ косноязыченъ и, должно-быть, отъ природы злой, потому что трудно объяснить его жестокосердіе одной нравственной порчей и вліятельнымъ положеніемъ его отца, вслѣдствіе чего его никто не смѣлъ ослзательно вразумить въ томъ, что онъ самъ по себѣ есть такое же ничтожество, какъ всякій другой человекъ. Онъ иногда заходилъ къ намъ, и съ нами обращался вѣжливо, конечно, потому что боялся; но по отношенію къ народу и солдатамъ онъ являлся не по лѣтамъ жестокимъ тираномъ; и я съ удивленіемъ и часто съ негодованіемъ смотрѣлъ на это молодое, но такое злое созданіе: на улицахъ онъ

безпрестанно приказывалъ солдатамъ бить людей при всякомъ малѣйшемъ поводѣ, но безъ всякой надобности; онъ, казалось, начиналъ свучать, когда ихъ палки оставались въ бездѣйствіи. И если, напримѣръ, во время моей работы, толпа вела себя чинно и солдатамъ некого было бить, онъ нарочно задѣвалъ кого-нибудь, толкалъ и огрызался; и если задѣтый, не зная, что онъ имѣетъ дѣло съ сыномъ человѣка, близкаго къ вельможѣ, обходился съ нимъ, какъ съ простымъ смертнымъ, т.-е. тоже толкалъ или огрызался, тотъ немедленно начиналъ плакать и жаловаться, что его обидѣли и приказывалъ солдатамъ наказать виновника. Солдаты, жестокіе сами по себѣ, какъ видно не смѣли не слушаться его приказаній и безпощадно колотили оскорбителя палками, пока тому не удавалось скрыться въ толпѣ, а плакавшій мальчишка уже хохоталъ отъ удовольствія... А между прочимъ его отецъ былъ очень добрый и мягкій человѣкъ; и я не знаю, зналъ ли онъ о поведеніи своего сына, котораго портила прислуга, занекая у него расположеніе, все прощая и унижаясь передъ нимъ изъ страха или гаденькихъ расчетовъ.

Мальчишка былъ мнѣ очень непріятенъ; а онъ какъ нарочно любилъ сопровождать меня, когда я уходилъ въ городъ; но не потому, что я ему былъ интересенъ или что его занимала моя работа,—нисколько!—онъ только рисовался тѣмъ, что могъ подходить ко мнѣ, когда всѣхъ другихъ солдаты прогоняли; онъ зналъ, что около меня будетъ толпа, что солдаты будутъ разгонять ее и бить палками, и видъ чужихъ страданій доставлялъ ему непонятное удовольствіе.

Однажды я услыхалъ неистовые продолжительные крики, сопровождаемые какимъ-то страннымъ речитативомъ, и не зная въ чемъ дѣло, выскочилъ изъ своей комнаты и побѣжалъ туда, откуда неслись крики, думая, что случилось какое-нибудь несчастье; но это кричалъ одинъ несчастный солдатъ, который чѣмъ-то заслужилъ наказаніе бамбуковой линейкой. Противный хищный звѣрокъ,—упомянутый мальчишка, былъ тутъ и, посматривая то на того, то на другаго, весело посмѣивался, какъ будто вовсе не слыша раздравшихъ душу криковъ человѣка.

А на плечахъ и ногахъ этого бѣдняги, положеннаго на полу лицомъ внизъ, сидѣло по одному солдату; третій же, сидя около него на корточкахъ, часто ударялъ по ногамъ, выше колѣнныхъ сгибовъ, бамбуковой линейкой, и какъ бы напѣвая веселую пѣсню считалъ свои удары: „и, лянъ; санъ, сы; у, лю; ци, па; цзю,

ши; ши-и; ши-эрр; ши-сань, и т. д., т. е. разъ, два; три, четыре; пять—шесть, и т. д. напѣвалъ солдатъ, наказывавшій товарища по приказанію начальника, который сидѣлъ тутъ же и слѣдилъ за исполненіемъ наказанія.

Бамбуковая линейка вовсе не толста; она не больше аршина длины и ударяютъ ею, повидимому, не сильно, безъ размаха и особеннаго усилія; но кожа на мѣстѣ ударовъ уже посинѣла, когда я пришелъ, и изъ нея выступила кровь. Мальчишка смотритъ и подпрыгиваетъ отъ удовольствія; а я, грѣшный человѣкъ, пожалѣлъ, что не разложить его и не познакомить съ тѣмъ полезнымъ знаніемъ, которое называется болью. Можетъ-быть и поумнѣлъ бы этотъ будущій тиранъ, если его никто не придушитъ подъ сердитую руку. Отсчитывавшій удары солдатъ дошелъ до сотни, и это, говорили, была уже третья! Онъ остановился и взглянулъ на начальника, ожидая распоряженія.

— Цзай-да (еще бей), крикнулъ тотъ. Линейка опять заходила, опять раздались новые крики и речитативъ:—разъ, два; три, четыре; пять, шесть; и такъ далѣе.

Я подошелъ къ начальнику и попросилъ его простить виновнаго, и онъ, спасибо ему, тотчасъ уважилъ мою просьбу.

— Ёу-ю-да (не надо бить), тотчасъ скомандовалъ онъ. Я поблагодарилъ его и, взволнованный отвратительной сценой, скорѣе удался домой, но, проходя, невольно взглянулъ на мальчишку... Надо было видѣть выраженіе досады на его лицѣ и злаго упрека, обращеннаго ко мнѣ за прерванное удовольствіе... Что можетъ выйти изъ этого ребенка, когда онъ вырастетъ? подумалъ я. Но хорошо, что въ Китаѣ личныя заслуги, отличіе и добродѣтели гораздо болѣе значатъ чѣмъ заслуги, почетъ и вліяніе отца,—значить этотъ далеко не пойдетъ.

Итакъ, жизнь наша въ Лань-Чжоу вошла въ обычную колею; и я, ознакомившись съ городомъ, часто уходилъ въ то или другое мѣсто и преспокойно предавался своимъ занятіямъ. Китайцы теперь не ввухали мнѣ ни малѣйшихъ опасеній, и мнѣ въ толпѣ было даже весело. Придешь, поставишь свой складной стулъ и начинаешь работу. Китайцы размѣщаются кругомъ меня вездѣ; гдѣ только можно. Удобно смотрѣть на мою работу могли, разумеется, весьма немногіе, а остальные ждали, можетъ-быть, что и имъ удастся взглянуть, или интересовались мною самимъ и смотрѣли отовсюду, съ улицы, съ балконовъ, изъ лавокъ; нѣкоторые взбирались на деревья; другіе вѣлѣзали на плоскія крыши

невысокихъ домовъ, возлѣ которыхъ я находился, и, лежа на животѣхъ и свѣсивъ головы, наблюдали за моею работою сверху. И нѣкоторые простаивали около меня, не отходя ни на минуту, все время, пока я оставался на своемъ мѣстѣ.

Такимъ образомъ я проводилъ въ городѣ, на улицахъ или на дворахъ крѣмовъ по нѣсколькимъ часамъ. Всѣ жители Лань-Чжоу успѣли ко мнѣ привыкнуть, — не дивились больше при моемъ появленіи. И ни злобы, ни досады не возбуждаешь ни въ комъ, и не пугаешь никого больше; даже ребятишки, и тѣ начинаютъ заигрывать и лишь очень изрѣдка какой-нибудь шалуни крикнетъ въ слѣдъ: заморскій чортъ! заморскій чортъ! А улыбнешься ему въ отвѣтъ, и онъ весело улыбается.

Возвращаясь домой обыкновенно въ сумеркахъ, я иногда заставалъ у насъ въ гостяхъ Цзо-Цзунъ-Тана, который приходилъ ужинать съ нами запросто. Обыкновенно въ такихъ случаяхъ изъ его квартиры приносились къ намъ заранѣе европейскіе серебряные подсвѣчники съ нѣсколькими стеариновыми свѣчами, и они такимъ образомъ были его вѣрнымъ предвѣстникомъ... И все-то европейскими вещами Цзо намъ точно глаза колетъ; но ни слова не говоритъ, что онъ хочетъ этимъ сказать.

Прихожу разъ домой. Всѣ уже сидятъ за столомъ. Цзо конро-силъ показать ему, что я нарисовалъ сегодня въ городѣ; смотрѣлъ, хвалилъ, но, казалось, ничего не понималъ въ живописи, — за то нѣкоторые изъ стоявшей за нимъ свиты такъ и впивались глазами въ рисунокъ изъ-за спины своего начальника и, не смѣя говорить въ его присутствіи, молча расхваливали его, показывая мнѣ большіе пальцы и кивая головами. За ужиномъ Цзо много спрашивалъ про нашего Государя, про его видъ, ростъ, образъ жизни, спрашивалъ показывается ли онъ народу и былъ ужасно удивленъ, когда узналъ, что нашъ Государь не только открыто ѣздитъ по улицамъ, но даже гуляетъ пѣшкомъ.

Полубопытствовалъ Цзо и насчетъ нравственности нашихъ чиновниковъ, спрашивалъ, учиняютъ ли они всякія беззаконія? На это Сосновскій отвѣтилъ ему, что хотя это и случается, но очень рѣдко, потому что у насъ это опасно, — сейчасъ въ газетахъ отдѣлаютъ, — и рекомендовалъ китайцамъ гласность, какъ самое лучшее средство для исправленія чиновниковъ!... Интересовался любознательный Цзо-Цзунъ-Танъ и военнымъ дѣломъ, и нашими философскими воззрѣніями, и настоящимъ бытомъ русскихъ, желая отчасти, можетъ быть, блеснуть своими свѣдѣніями о чужихъ стравахъ;

но лучше бы онъ этого не дѣлалъ, потому что изобличалъ только свое невѣдѣніе, которое, впрочемъ, насъ ни мало не удивляло.

Рѣшился удивить насъ сегодня нашъ знаменитый начальникъ своими непостижимыми отвѣтами генералу Цзо на нѣкоторые изъ его вопросовъ, такъ что и до сихъ поръ я не могу ихъ понять.

— Сколько лѣтъ, напримѣръ, по мнѣнію русскихъ, существуетъ вселенная? спросилъ Цзо.

Сосновскій отвѣчаетъ:— семь тысячъ триста... и такъ далѣе.

Тотъ лукаво улыбнулся и обратился къ своей свитѣ съ какими-то замѣчаніемъ, котораго никто изъ насъ не разслышалъ. Мандарины только усмѣхнулись молча.

— Да наша имперія больше лѣтъ существуетъ, возразилъ намъ генераль.

Я также говорю Сосновскому, что, вѣдь, это же лѣтосчисленіе церковное; а научные выводы заставляютъ предполагать...

— Да что же вы мнѣ будете рассказывать о научныхъ выводахъ, когда это однѣ теоріи, которымъ ни одинъ образованный человекъ не вѣритъ, озадачиваетъ онъ меня...

Я не спорилъ, и разговоръ о матеріяхъ трудно разрѣшимыхъ прекратился; а Цзо перешелъ къ вопросамъ современнымъ и болѣе существеннымъ.

— Всѣ ли въ Россіи ѣдятъ лошадиное мясо? спросилъ онъ и, получивъ въ отвѣтъ, — далеко не всѣ, — удивилъ насъ другимъ, ужъ совсѣмъ неожиданнымъ вопросомъ.

— А людоѣдство въ Россіи еще есть до сихъ поръ?

— Есть, но въ очень немногихъ мѣстахъ; въ очень немногихъ, отвѣтилъ Сосновскій такъ же просто, какъ на самый обыкновенный вопросъ.

Мы удивленно взглянули на него, раскрывъ глаза и недоумѣвали, къ чему поведетъ эта шутка. Только видимъ онъ не шутить, и переводчикъ готовъ передать его отвѣтъ.

— Ну зачѣмъ же вы его вводите въ такое неприятое для Россіи заблужденіе, говорите и я, и Матусовскій. — Гдѣ же у насъ людоѣдство?! воскликнули мы въ одинъ голосъ.

— Вы даже и этого не знаете, даже подтруниваете надъ нами начальникъ. — А про самоѣдовъ-то вы, господа, забыли; вѣдь ужъ одно это названіе доказываетъ вамъ существованіе факта, а вы будете со мною спорить... Повторите-ка географію...

— Позвольте, самоѣдъ не русское слово и значить...

— Да что же вы будете мнѣ рассказывать!

— Но зачѣмъ же китайскій мандаринъ будетъ имѣть о Россіи...
 — Да оставьте пожалуйста. Что у васъ за страсть... тотъ... противорѣчить... тотъ... ради одной оппозиціи... Иннокентій Степанычъ, передавайте, что я вамъ говорю, а то мы этакъ... тотъ... никогда не кончимъ...

Удивленные не менѣе, чѣмъ удивились бы передъ самымъ актомъ людоедства въ Россіи, мы сидѣли за ужиномъ съ нетерпѣніемъ ожидая когда онъ кончится. А Цзо, можетъ-быть, радовался совершенно новымъ свѣдѣніямъ о Россіи...

Впрочемъ, утѣшали мы себя надеждою, авось не все дошло до его сознанія... А можетъ-быть это-то, какъ нарочно, и доидетъ.

Приведенныя непостижимыя рѣчи такъ ошеломили меня, что я ничего не видалъ и не слыхалъ кругомъ: совершенно не замѣтилъ, какъ принялъ свѣдѣніе о „лудоедствѣ въ немногихъ мѣстахъ Россіи“ Цзо-Цзунъ-Танъ, что выражали въ это время лица стоявшихъ позади его мандариновъ.

Гостепримный, — неизвѣстно кто, гость или хозяинъ, — генераль Цзо усиленно, словно хохоль, приставалъ къ намъ безпрестанно съ подчиваніемъ и упрашиваніемъ отвѣдать того, поѣсть другаго. Особенно усиленно угощалъ онъ насъ сегодня бараниной, поданной очень оригинально: въ комнату на особомъ низенькомъ столикѣ былъ принесенъ поставленный на ноги цѣлый жареный баранъ, изъ котораго поваръ тутъ же вырѣзывалъ мясо мелкими кусочками и на блюдцѣ подавалъ на столъ. Мы ѣли ужасно много, только уступая просьбамъ, а въ ушахъ все раздавались: — лудоеды, самоѣды, однѣ теоріи...

Когда послѣ этого разговора я встрѣчалъ Цзо-Цзунъ-Тана или кого-нибудь изъ здѣшнихъ мандариновъ, мнѣ всякій разъ приходило въ голову: — а можетъ-быть онъ смотритъ на меня и хотя любезничаетъ, а про себя думаетъ — пожалуй и ты, братъ, изъ „весьма немногихъ мѣстъ Россіи“; пожалуй онъ только изъ деликатности не спрашиваетъ, — вкусно ли „жень-дз-жоу“ (человѣческое мясо).

И эта мысль не совсѣмъ праздная; потому что, если насъ могли спросить о русскомъ лудоедствѣ, значитъ они думали, что оно есть, хотя можетъ-быть и сомнѣвались; теперь же, когда начальникъ нашъ разсѣялъ эти сомнѣнія, мысль о немъ вполне законна... Ахъ, какъ бы хотѣлось послушать бесѣды Цзо съ своими пріятелями послѣ этого замѣчательнаго вечера 20 іюня. Но

еще болѣе хотѣлось бы забыть объ этомъ вечерѣ, какъ о многомъ другомъ, и навсегда.

Всего мы провели въ Лань-Чжоу почти мѣсяцъ; но въ сущности неизвѣстно зачѣмъ, потому что все, сдѣланное здѣсь нами, могло совершиться столь же успѣшно въ недѣлю, много въ двѣ, вмѣсто двадцати семи дней. Я, разумѣется, не хочу этимъ сказать, что въ Лань-Чжоу и не могло найтись дѣла для учено-торговой экзедиции; напротивъ, тутъ можно было найти много матеріала для самой усердной работы. Но у насъ не было усиленныхъ занятій; начальникъ самъ, повидимому, скучалъ, но все находилъ необходимымъ остаться еще то на два дня, то на три, на одинъ день и потомъ опять на четыре дня... Другіе работали только потому, что привыкли быть занятыми, и безъ дѣла скучали. Смотрѣли и видѣли мы въ городѣ не много. Такъ, напримѣръ, ходили всей компаніей осматривать находящійся здѣсь ружейный и пушечный заводъ, представляющій чрезвычайно много интереснаго; видѣли маневры, производимые китайскимъ войскамъ каждое первое число въ присутствіи Цзо-Цзунъ-Тана; но я не буду описывать подробностей ни того, ни другихъ, предоставляя эти спеціальныя вопросы Сосновскому; скажу только, что заводъ работает паромъ, и на немъ въ настоящее время нѣтъ ни одного иностранца: и распорядители, и рабочіе, всѣ до одного китайцы, по преимуществу кантонцы. А о маневрахъ расскажу только съ ихъ внѣшней стороны, понятной и интересной и для неспециалистовъ военнаго дѣла, сущность котораго для меня самого, къ сожалѣнію, темна.

Двадцать перваго іюня, еще до восхода солнца, мы были разбужены необычайными звуками какъ будто поднявшейся въ городѣ тревоги,—выстрѣлами, барабаннымъ боемъ и отчаянными завываніями военныхъ трубъ, которыя, казалось, раздирали воздухъ или сами дрались на части. Съ просонокъ я подумалъ, не подступилъ ли къ городу непріятель и началъ осаду его, — что не собираютъ ли гарнизонъ для отраженія врага? И не будь мы предупреждены наканунѣ объ имѣющихъ быть въ этотъ день маневрахъ, мы не сразу бы поняли, что значитъ эта ранняя, небывавшая тревога и, пожалуй, не отнеслись бы покойно къ поднявшейся суматохѣ. Суматоха же и шумъ происходили оттого, что войска, расположенныя въ ямыни, отправлялись на мѣсто ученія.

Съ восходомъ же солнца встали и мы, и вскорѣ были совсѣмъ готовы, чтобъ ѣхать за городъ на мѣсто ученія; но Сосновскій

нашелъ нужнымъ обождать, чтобы дать время Цзо-Цзунъ-Тану проѣхать туда, потому что намъ, говорилъ онъ, приличнѣе явиться послѣ него. Что касается меня, я не зналъ, что для насъ приличнѣе; но пожалѣлъ о томъ, что мы не увидимъ всего съ самаго начала, напримѣръ приѣзда Цзо-Цзунъ-Тана, встрѣчи его войсками и т. п. Наконецъ, вѣдь мы сказали—непремѣнно будемъ, такъ не стали бы ждать насъ, какъ это было въ Фань-Чанъ... Но сказано, что мы выѣдемъ не раньше какъ послѣ выстрѣла изъ пушки, извѣщающаго обыкновенно о выѣздѣ генераль-губернатора изъ своего дома. Ждали мы, ждали этого выстрѣла; а Цзо, какъ оказалось потомъ, ждалъ нашего отъѣзда, для того чтобы не приѣхать раньше, чтобы не онъ насъ встрѣтилъ, а мы его.

Мандарины безпрестанно прибѣгали на нашъ дворъ справляться, уѣхали ли мы или еще нѣтъ; адъютантъ Ши нѣсколько разъ приходилъ спрашивать, когда же мы поѣдемъ, прямо говорилъ, что пора ѣхать, что всѣ уже въ сборѣ и ждутъ. Ему отвѣчали—сейчасъ поѣдемъ, и опять сидѣли въ ожиданіи распоряженія Сосновскаго.

Не знаю, что чувствовалъ Цзо, поставленный въ такое неприятное положеніе; но онъ наконецъ не выдержалъ, и три выстрѣла дали знать всему городу, что онъ отправился на мѣсто маневръ, гдѣ его, конечно, давно ожидали.

— Ну, вотъ теперь обождемъ съ четверть часа, чтобы дать время ему доѣхать, и можемъ тронуться, объявилъ Сосновскій.

Черезъ четверть часа мы отправились; и теперь нашъ начальникъ вдругъ сталъ торопиться, и вмѣсто того, чтобы намъ прибыть чинно, всѣмъ вмѣстѣ, нашелъ нужнымъ ускákat впередъ, даже не приказавъ на этотъ разъ, чтобы мы „подтягивались“. Казаки Павловъ послѣдовалъ за нимъ, а гдѣ были другіе, я не замѣтилъ, потому что всѣ какъ-то разсѣялись; да и на душѣ было въ этотъ день отчего-то скверно и болѣе чѣмъ когда-нибудь не хотѣлось быть вмѣстѣ. Мы съ Матусовскимъ, Смокотиннымъ и Таномъ ѣдемъ гдѣ рысцой, гдѣ шагомъ, смотря по дорогѣ. Теперь спѣшить нечего, потому что интересный моментъ уже пропущенъ и его не воротить.

Маневры происходили за городомъ, примѣрно верстахъ въ трехъ отъ него. Погода была прекрасная, и толпы народа валили по дорогѣ, такъ какъ въ городѣ знали, что и приѣзжіе иностранцы будутъ присутствовать на разводѣ. Вотъ мы ужъ не далеко, и

дорога, ведущая къ мѣсту маневръ, обогнувъ развалины какихъ-то домиковъ, поворачиваетъ налѣво; вправо отъ насъ расположены вдали войска, на равнинѣ, окаймленной по одну сторону горами, а по другую—городскою стѣною; влѣво же, противъ фронта, находится небольшой домикъ, въ которому мы и направились, такъ какъ оттуда, говорятъ, мы должны смотрѣть. Онъ состоитъ изъ трехъ крытыхъ террасъ или открытыхъ комнатъ, изъ которыхъ средняя по обыкновенію назначается для лицъ болѣе почетныхъ, куда, безъ сомнѣнія, пригласятъ и насъ, думаемъ себѣ, подѣвжая къ домику. Въ этомъ среднемъ отдѣленіи мы ожидали найти нашего начальника рядомъ съ генераль-губернаторомъ; но, подѣвжавъ, видимъ въ немъ лишь нѣсколько незнакомыхъ мадариновъ, изъ которыхъ ни одинъ не только не поздоровался съ нами, но, очевидно, и замѣтить не хотѣлъ или не могъ, какъ будто мы и въ самомъ дѣлѣ были незамѣтны.

Мы поняли, что на насъ сильно разсердились за наше дѣйствительно неловкое промедленіе; но не понимаемъ еще, отчего же все сидятъ и ходятъ въ какомъ-то сонномъ настроеніи? Отчего не начинаютъ маневръ,—вѣдь Цзо-Цзунъ-Танъ и даже нашъ начальникъ ужъ давно должны были пріѣхать. Только—гдѣ они, еще не находимъ; не видимъ ни того, ни другаго... Должно-быть, не къ тому домику намъ надо подѣвхать: тутъ, вѣрно, офицеры одни, а генераль-губернаторъ съ Сосновскимъ гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ. Ищемъ такого и не находимъ; а Танъ утверждаетъ, что здѣсь, и предлагаетъ слѣзать съ лошадей.

Сошли и увидели знакомаго адъютанта Цзо, Ши-Да-Лоъ, который раскланивается и сходитъ со ступеней лѣстницы, адорюется и, забирая насъ подъ руки, всходитъ съ нами наверхъ террасы. Здѣсь, какъ-то нерѣшительно, заминаясь и краснѣя, онъ указываетъ намъ наши мѣста въ боковомъ отдѣленіи съ лѣвой стороны. Здѣсь у стола сидѣлъ Сосновскій, и почему-то старался ободрить насъ своимъ примѣромъ. Чѣмъ-то смущенный Ши предлагаетъ намъ усаживаться около стола, но дѣлаетъ это такъ не смѣло, какъ будто ожидаетъ съ нашей стороны какого-нибудь возраженія въ родѣ: что вы, съ ума сошли, или: съ чего же взяли, что мы тутъ садимъ! И мы дѣйствительно почувствовали нѣчто такое, что заставляетъ человѣка дѣлать возраженія въ духѣ вышеприведенныхъ.

— Это что же? за задній столъ съ музыкантами? обращаюсь я къ Сосновскому.—Я тутъ не сяду, говорю.—За кого же они

насъ принимаютъ? Вѣдь это не дома: тутъ войска, толпа народа... Мое мнѣніе таково, что здѣсь нельзя не считаться мѣстами, какимъ бы вздоромъ это въ сущности ни было.

Сосновскій согласился, и Матусовскій поддержалъ меня; и я, ободренный тѣмъ, что попалъ въ тонъ, продолжаю говорить въ томъ же духѣ и совѣтую или не усаживаться здѣсь совсѣмъ, а ѣхать сейчасъ обратно домой, или пойти и занять мѣста въ среднемъ отдѣленіи рядомъ съ Цзо. Пусть попробуютъ попросить встать...

Мандаринъ Ши, хотя и не понималъ по-русски, но догадался о чемъ у насъ шель оживленный разговоръ и скрылся. Хотя я и сознавалъ, что мы сами заставили всегда учтивыхъ и весьма любезныхъ къ намъ китайцевъ дать намъ почувствовать, что нельзя же безнаказанно такъ поступать съ ихъ генераль-губернаторами, тѣмъ не менѣе досада меня разбирала сильная... И совѣстно, и обидно! А главное—сознаешь свое безсиліе поправить непоправимое... И жалко, наконецъ, было той пріятной и веселой встрѣчи, которая несомнѣнно была бы намъ сдѣлана. И почетъ—хорошая вещь, и веселое настроеніе духа; оно даже еще дороже: иначе на весь міръ смотришь, когда весель; живѣе умъ, и всѣ чувства тогда острѣе.

— Ну, что же, господа, уѣдьте или пойдѣмъ на приличныя мѣста? обращаюсь я главнымъ образомъ въ Сосновскому.—Ви-дѣлись ли вы съ Цзо-Цзунъ-Таномъ, и какъ онъ васъ принялъ? спрашиваю его.

— А... тотъ... Цзо-Цзунъ-Тана что-то задержало, и онъ... тотъ... прислалъ сказать, что сейчасъ будетъ; онъ-было... тотъ... вы-ѣхалъ, да съ дороги вернулся.

А, вотъ чемъ дѣло!.. Теперь для меня все стало ясно...

— Лай-лѣ, лай-лѣ! (ѣдетъ, ѣдетъ!) раздались голоса и всѣ задвигались, какъ всегда бываетъ при приближеніи важной особы; послышался какой-то легкій порошокъ въ родѣ предвѣстника какъ бы надвигающейся бури, и потомъ всѣ притихли.

Итакъ, Цзо-Цзунъ-Танъ перехитрилъ насъ: значитъ, выстрѣлы, извѣщавшіе объ его выѣздѣ, были фальшивые... Этакіе коварные люди!.. Мы желали, чтобъ онъ встрѣтилъ насъ; а онъ, безъ сомнѣнія, хотѣлъ показать намъ свой пріѣздъ и увеличить число встрѣчавшихъ его лицъ еще и иностранными гостями... Да, если спокойно рассуждать, положеніе его было дѣйствительно затруднительное: и неловко старику, генераль-губернатору, встрѣчать

насъ; неловко съ другой стороны и не встрѣтить. Вотъ почему, вѣроятно, и вынужденъ онъ былъ вступить съ нами въ препира- нія по поводу того, кому раньше приѣхать на разводъ... А мы были наказаны и могли только протестовать; но нашъ протестъ могъ быть замѣтнымъ только въ случаѣ удаленія одновременно всѣхъ; теперь же Сосновскій уже не находилъ удобнымъ это сдѣ- лать, что и справедливо. Можно было уѣхать еще потомъ по приѣздѣ Цзо-Цзунъ-Тана, отговорившись напримѣръ дѣлами или болѣзнью; а теперь, когда онъ подѣвжаетъ къ намъ,—уѣзжать нескладно.

— Ну, тамъ посмотримъ, отложили рѣшеніе Сосновскій.

Вдали, въ облакѣ пыли, показалась группа всадниковъ; войска зашевелились, точно колосья на нивѣ отъ дуновенія вѣтра; впе- редь къ нашей палаткѣ прискакало нѣсколько человекъ солдатъ; вскорѣ за ними подѣехала свита: находившіеся здѣсь два пала- ча,—непремѣнные символы власти важнаго сановника, — вышли впередъ и стали по сторонамъ дороги, опершись обѣими руками на свои длинныя палки, выставивъ нижніе концы ихъ впередъ; солдаты сомкнулись рядами вдоль дороги и изъ множества ихъ разноцвѣтныхъ флаговъ вдругъ образовалась цѣлая аллея, пест- рѣвшая, какъ гигантскій цвѣтникъ, самыми яркими красками.

Въ противоположномъ концѣ аллеи показался всадникъ, быстро ѣхавшій на превосходномъ иноходцѣ небольшого роста, цѣлво несшемся вдоль этой фантастической аллеи. Тотъ всадникъ былъ невысокій толстый генераль, одѣтый въ курму яркаго желтаго цвѣта, въ черной шляпѣ на подобіе ковшнива; а за нимъ, не отставая отъ него, слѣдовали четыре мандарина... Это былъ самъ генераль Цзо, который черезъ нѣсколько секундъ остановился передъ палаткой.

Лицо его было серьезно, съ выраженіемъ невозмутимаго спо- койствія, а нахмуренныя брови придавали ему отгѣнокъ сосре- доточенной мысли и даже нѣкотораго гнѣва. Выражалось на немъ и сознаніе своего достоинства, и сознаніе важности того, что совершалось вокругъ и что совершалъ онъ самъ.

Его лошадь въ тотъ же мигъ была взята подъ уздцы; генераль, принятый на руки двухъ мандариновъ и поддерживаемый подъ руки, снятъ и введенъ по нѣсколькимъ ступенямъ на площадку, гдѣ его ожидали мандарины и мы. Всѣ встали; китайцы стояли въ почтительной неподвижности, которая должна была изобра- жать готовность на все и окаменѣніе отъ страха передъ всемогу-

чимъ человекомъ, какимъ дѣйствительно является здѣсь начальникъ края.

Цзо поздоровался съ мандаринами и потомъ сталъ какъ бы отыскивать кого-то, оглядывался по сторонамъ; онъ, очевидно, умышленно не замѣчалъ насъ, которыхъ на версту отличали отъ всѣхъ остальныхъ наши мундиры; онъ искалъ именно насъ, стоявшихъ отъ него въ двухъ шагахъ, и наконецъ нашелъ, и даже какъ будто обрадовавшись, поздоровался, придавъ лицу любезное выраженіе. Потомъ прошелъ въ среднее отдѣленіе, гдѣ съ нимъ помѣстились три генерала и гдѣ кромѣ того стояли три пустыхъ кресла, приготовленные, безъ сомнѣнія, для насъ. Но приглашенія не послѣдовало, и мы принуждены были сѣсть на прежнія мѣста въ мало-почетномъ лѣвомъ отдѣленіи, за перегородкой, у особаго стола.

— Теперь уѣдте, говорю я опять; простимся и уѣдемъ.

— Ну, что обижать старика, отвѣтилъ Сосновскій, — вѣдь это только незнаніе европейскихъ обычаевъ; а никакого особаго умысла я здѣсь положительно не вижу.

Ну, если начальныя не видятъ, значить его нѣтъ. Значить, тутъ просто незнаніе европейскихъ обычаевъ, нечего дѣлать! И я также сѣлъ къ столу: для чего же я одинъ уѣду, думаю себѣ. А интереснаго тутъ много...

На столѣ тотчасъ явились чай и разныя печенья, — этого насъ не лишили; но ни чай, ни сладкія печенья не уменьшали горечи проглоченной обиды, да еще проглоченной такъ вротко, покорно, можно сказать, работѣнно. Хотя обиду мы и сами выхлопотали себѣ своимъ малымъ знаніемъ житейскаго такта, все-таки не позволительно было, по моему, такъ унижительно переносить ее передъ такимъ многочисленнымъ собраніемъ... Но допустимъ, что все это мнѣ только казалось, положимъ, въ силу моей страсти къ оппозиціи; можетъ-быть, все совершалось именно такъ, какъ должно.

— Уймется волненія страсти, шепчетъ мнѣ Матусовскій, — теперь ужъ ничего не поправите. Отдѣлали васъ, ну и сидите теперь смиренно, и собирайте коть „плоды лестнаго воображенія“... Такъ онъ называлъ мои дорожныя замѣтки, заимствовавъ это выраженіе изъ сочиненія Дюгальда о Китаѣ.

Ну, нечего дѣлать, обратимся къ „плодамъ лестнаго воображенія“. Будемъ смотрѣть, что кругомъ насъ происходитъ.

Цзо сѣлъ на свое мѣсто и къ нему стали подходить мандарины съ красными, синими и другими шариками на шляпахъ, — и кланялись передъ нимъ въ землю. На эту церемонію потребовалось около десяти минутъ; потомъ отъ насъ полетѣлъ стрѣлой одинъ офицеръ, передать распоряженіе Цзо начинать маневры. На плацу находились войска пѣхоты и конницы, все одѣтые въ яркочвѣтное платье; и вскорѣ они начали свои передвиженія, построенія, нападенія, отступленія и стрѣльбу залпами и бѣглымъ огнемъ, — словомъ, для непосвященнаго, все то же, что всегда бываетъ на маневрахъ. Послѣдніе продолжались около трехъ часовъ съ перерывами, въ теченіе которыхъ солдаты садились на землю отдыхать, разсѣявшись группами, и тогда равнина казалась издали покрытою многочисленными кучками яркихъ цвѣтовъ.

Когда кончился смотръ настоящимъ солдатамъ, на сцену передъ самой бесѣдой, въ которой мы находились, явились представители потѣшной арміи, — солдаты-дѣти лѣтъ десяти, двѣнадцати, — такъ-называемые Юй-Бини, въ числѣ пятнадцати или двадцати человекъ, обучаемыхъ, по мысли Цзо, военному дѣлу. Одинъ изъ генераловъ, сидѣвшихъ въ среднемъ отдѣленіи, сдѣлалъ имъ перекличку, причемъ каждый выбѣгалъ впередъ и крикнувъ: кань-уо! то-есть: посмотри на меня, возвращался на свое мѣсто. Послѣ переклички они стали показывать нѣкоторыя гимнастическія упражненія, стрѣляли изъ лука и небольшихъ ружей; но при этомъ все ихъ движенія сопровождалось какими-то странными ужимками и кривляньями, совершенно приличными клоунамъ, но вовсе не идущими къ солдату: они ужасно напоминали неприятныя и неграціозныя лоханья китайскихъ актеровъ. Тѣмъ не менѣе эти живыя куклы съ ихъ уродливыми гримасами, казавшееся, очень занимали сановника Цзо, и онъ, до сихъ поръ молчавшій (онъ тоже былъ не въ духѣ), теперь постоянно дѣлалъ замѣчанія, хвалилъ, неправялъ и шутилъ. Онъ, говорятъ, придаетъ этимъ юй-бин'амъ серьезное значеніе; они даже какое-то жалованіе получаютъ. Мысль-то въ основѣ справедливая и хорошая; но для чего учить ребятъ паясничать, — не понимаю: неужели они возлагаютъ какіи-нибудь надежды на акробатскія штуки, какія солдатъ будетъ умѣть дѣлать...

Послѣ упомянутыхъ воиновъ-маріонетокъ, передъ нами явились стрѣлки съ особаго рода потѣшными ружьями. Послѣднія представляютъ одни стволы безъ прикладовъ (!) и служатъ выраженіемъ самой безжалостной насмѣшки англичанъ надъ китайцами.

Послѣднимъ были проданы старыя ружейныя стволы (безъ дерева, которое, конечно, пошло въ дѣло) и передѣланы по особому нигдѣ мною не виданному образцу. Увидавъ ихъ въ первый разъ въ здѣшнемъ арсеналѣ, я даже не могъ себѣ представить, какъ же изъ нихъ стрѣлять, и сегодня здѣсь я это видѣлъ.

Чтобъ читателю было все понятно, я долженъ сказать, что курокъ въ нихъ находится не сбоку, а наверху ствола, у казенной части; собачки нѣтъ, а онъ спускается посредствомъ прицѣлѣнной сбоку пружинки, которую надо придавить. Солдатъ беретъ такой ружейный стволъ въ обѣ руки, какъ авробать свой балансъ, потомъ сгибаетъ руки въ локтяхъ, плотно прижимаетъ послѣднiе къ туловищу, и онъ поднеся ружье близко къ лицу, смотритъ влѣво, вдоль ствола, и такимъ образомъ прицѣливается; затѣмъ нажимаетъ боковую пружину и дѣлаетъ выстрѣлъ... Каково!... Вѣдь кто имѣетъ хотя малѣйшее понятiе о ружьѣ и способѣ стрѣльбы изъ него, тотъ пойметъ всю нелѣпность описанныхъ ружья и приема, а также все неудобство и трудность стрѣльбы; пойметъ, сколько выстрѣловъ вкяду можно сдѣлать изъ такого ружья, и каково должно быть рукамъ несчастныхъ солдатъ. Конечно, путемъ долгаго упражненiя можно научиться стрѣлять изъ всякаго оружiя, при всякомъ положенiи; но насколько это будетъ удобно въ сраженiи, не трудно себѣ представить... О, Господи, какъ плохо, когда начальство такъ мало образовано и такъ мало думаетъ, какъ китайскiе военные мандарины! Но съ нихъ и спрашивать много нельзя.

Я уже не разъ говорилъ, какъ мало вниманiя обращаютъ китайцы на обученiе стрѣльбѣ въ цѣль: въ ихъ армiи почти не существуетъ этого, самаго существеннаго, упражненiя, и я не видалъ ни одного солдата изъ тѣхъ, кого заставлялъ прицѣливаться, который бы имѣлъ понятiе о правильномъ держанiи ружья и умѣлъ бы вѣрно наводить его; а такихъ опытовъ я сдѣлалъ по крайней мѣрѣ до ста въ разныхъ мѣстахъ; большинство изъ нихъ даже прямо признавались, что они умѣютъ стрѣлять только не въ цѣль. Дѣйствительно, они стрѣляютъ изъ ружей, держа ихъ такъ, какъ будто намѣреваются идти въ штыки, и во время выстрѣла смотрятъ вдаль на предметъ, въ который хотятъ попасть... И въ массу людей, говорятъ, попадають, если только она стоитъ не внѣ выстрѣла китайскихъ ружей.

Итакъ, ружейной стрѣльбы пулами я не видалъ; за то видѣлъ, какъ солдаты стрѣляли въ цѣль изъ упомянутыхъ безпривлад-

нихъ ружей. Но какъ это дѣлается! Что за мишень! Какіе требуются результаты!... Мишень представляетъ насаженное на палку металлическое кольцо въ поларшина въ діаметрѣ и находящееся приблизительно на уровнѣ головы стрѣлка; въ срединѣ кольца привѣшено кожаный кругъ, меньшей величины, и онъ свободно качается въ кольцѣ, если его вывести изъ равновѣсія. Мишень ставятъ отъ стрѣлка шагахъ въ пяти, шести (!) и стрѣляютъ холостыми (!) зарядами; а удачнымъ выстрѣломъ считается тотъ, отъ котораго каждый кругъ въ кольцѣ закачается... Не хитро, кажется, хорошо стрѣлать при такихъ условіяхъ; но солдаты и тутъ нерѣдко дѣлали промахи, то-есть кругъ оставался неподвижнымъ; впрочемъ, вину слѣдуетъ приписать не столько неумѣнію солдатъ, сколько нелѣпымъ ружьямъ.

А Цзо-Цзунъ-Танъ спрашивалъ, кто кого побѣдитъ!... Какъ захотѣлось мнѣ въ эту минуту показать ему то, что называется арміей, — что такое, напримѣръ, русскій солдатъ. Тогда бы онъ не спрашивалъ, кто кого побѣдитъ.

Маневры кончились; всѣ майдарины вдругъ задвигались; толпа народа, слѣдившая за нами съ большимъ любопытствомъ, чѣмъ за ходомъ военныхъ дѣйствій, за исключеніемъ тѣхъ моментовъ когда раздавалась пальба, теперь заволновалась и полѣзла къ мѣсту, гдѣ мы находились; но солдаты сдерживали ее то словами, то болѣе дѣйствительными мѣрами. Адъютантъ Цзо-Цзунъ-Тана пришелъ отъ послѣдняго съ приглашеніемъ насъ позавтракать вмѣстѣ съ нимъ, здѣсь же, въ палаткѣ, но, слава Богу, мы на это не пошли, почувствовавъ себя наконецъ оскорбленными „чудеснѣйшимъ старикомъ“, и къ счастью уѣхали домой.

Послѣ прочитанныхъ вами страницъ, мнѣ слѣдовало бы прервать на время бесѣду. Но вы сдѣлайте это сами, а потомъ продолжайте слѣдовать за мною. Чтобъ нѣсколько разсѣяться отъ незаслуженныхъ сюрпризовъ нынѣшняго утра, я поѣхалъ съ Таномъ въ городъ и отправился по лавкамъ съ цѣлью выбора и покупки нѣкоторыхъ вещей для своей этнографической коллекціи.

Лавки въ Лань-Чжоу довольно богаты, но сравнительно съ городами среднихъ провинцій здѣсь почти все продается въ тридорога. Въ лавкахъ встрѣчаются нѣкоторые иностранные товары, напримѣръ стеариновые свѣчи, мыло, конфеты въ банкахъ, иголки, немного стеклянной посуды и изрѣдка карманные часы. Видѣлъ также не мало иностранныхъ матерій; но собраніе свѣдѣній, вообще касавшихся торговли, я предоставлялъ болѣе меня свѣ-

душимъ по этой части, такъ какъ у меня не было для этого ни досуга, ни знаній.

Во время этой прогулки я увидалъ въ одной улицѣ лежавшій на землѣ трупъ человѣка. Прикрытый грязнымъ одеяломъ, онъ лежалъ возлѣ одной лавки. Остановившись на минуту передъ покойникомъ, очень исхудавшимъ и болѣзненнымъ на видъ, я не мало удивлялся тому равнодушію, съ какимъ толпа относилась къ явленію смерти и къ самому трупу. У насъ умереть на улицѣ человѣкъ, — сейчасъ соберется толпа, начинается суматоха, бѣгутъ за докторами, стараются — нельзя ли еще помочь; здѣсь все равнодушно проходили мимо умирающаго или уже умершаго; хотя и видѣли его, но никто не остановился около несчастнаго, можетъ-быть, изъ опасенія быть привлеченнымъ къ суду. Подобное равнодушіе легко приписать, — что нерѣдко и дѣлають, — черствости сердца китайцевъ; но мнѣ кажется, оно прямо является слѣдствіемъ закона, по которому мертвый или умирающій человѣкъ для каждаго китайца опаснѣе огня. Съ другой стороны, часто повторяющіеся случаи смерти безпріютныхъ бѣдняковъ, кончающихъ свои печальные дни на улицахъ, приучили китайцевъ къ самому явленію смерти, такъ что она никому не внушаетъ ни сожалѣнія, ни страха, какъ вообще людямъ, часто видящимъ умирающихъ или покойниковъ.

Съ достаточнымъ количествомъ покупокъ мы вернулись домой и занялись укладкой ихъ въ ящики для дальняго пути.

Время шло, и наши дни проходили одинъ за другимъ среди полнаго физическаго довольства. Погода была ясная и на дворѣ стоялъ зной, но въ комнатахъ у насъ было такъ прохладно, что не хотѣлось и выходить изъ нихъ; да вѣдь, сидя дома, ничего не высидишь: надо идти на зной, смотрѣть, наблюдать, работать. А жарко! Очень тяжело бывало!

Только въ теченіе одной недѣли каждый день послѣ обѣда поднимался сильнѣйшій вѣтеръ, и одинъ разъ онъ достигъ степени просто урагана, — поломалъ много деревьевъ, понесъ крышъ и даже уничтожилъ не мало домишекъ бѣдняковъ; пронеслось надъ Лань-Чжоу во время нашего пребыванія въ немъ (съ 14 іюня по 10 іюля) нѣсколько грозъ съ проливными дождями, во время которыхъ бумага въ окнахъ мгновенно пробивалась, и дождь лилъ къ комнаты... И тутъ только мы вполнѣ оцѣнили услугу, какое оказываетъ человѣку наше столь обыкновенное стекло.

Итакъ, говорю, дома сидѣть я себѣ не давалъ, а почти каждый день уходилъ въ городъ, большею частью съ альбомомъ, и благодарилъ судьбу за то, что я по крайней мѣрѣ могъ рисовать; а то, что бы я сталъ дѣлать во время подобныхъ продолжительныхъ остановокъ въ городахъ! Только ходить и смотрѣть... Но что пользы изъ того другимъ, что я увижу много! Теперь же у меня уже составилъ довольно полный альбомъ, который я могу показать всѣмъ. Изъ многихъ же не художественныхъ прогулокъ и осмотровъ разскажу о посѣщеніи мною здѣшнихъ тюремъ.

Однажды, Цзо-Цзунъ-Танъ сидѣлъ у насъ вечеромъ за ужиномъ и я обратился къ нему съ просьбой о дозволеніи мнѣ осмотрѣть тюрьму. Онъ былъ очень удивленъ странностью моего желанія, переспросилъ, такъ ли онъ понялъ мои слова, и отвѣтилъ:

— Что же вамъ за охота смотрѣть такую дрянъ; вѣдь тамъ скверно! сказалъ онъ, и его даже всего передернуло.— Впрочемъ, если вы непременно желаете, сдѣлайте милость; я отдамъ распоряженіе, чтобъ васъ всюду провели и все показали.

Я отправился на слѣдующій же день въ сопровожденіи Тана, который вполнѣ понималъ меня во всемъ, что меня интересовало, а также мою неискusstную китайскую рѣчь; и я научился понимать его языкъ лучше другихъ. Хорошо было бы, конечно, русскаго переводчика попросить пойти со мною, но махнемъ рукой и пойдемъ безъ переводчика; авось что-нибудь поймемъ по-китайски, или умозрительно...

Пріѣхали, говорятъ, а я еще ничего не вижу. Мы привыкли соединять съ словомъ тюрьма представленіе о большомъ зданіи известной постройки, обнесенномъ стѣною, съ желѣзными рѣшетками въ окнахъ, съ часовыми у воротъ и тому подобными принадлежностями... Ровно ничего даже похожаго на тюрьму по вѣшнему виду здѣсь не имѣется. Насъ ввели въ обыкновенный домикъ, гдѣ мы встрѣтили мандарина,—оказалось тюремнаго смотрителя, — сухаго, черстваго старичка, нѣсколько суроваго на видъ и рѣзнаго, даже грубоватаго въ своемъ обращеніи. Онъ принималъ насъ не то съ нѣкоторой досадой, не то свысока, и только когда узналъ, что я докторъ, сдѣлался гораздо любезнѣе, вѣроятно потому, что, страдая одной болѣзью въ животѣ, намѣревался обратиться ко мнѣ за помощью. Поговоривъ нѣсколько о своей болѣзни, онъ поручилъ насъ одному изъ служащихъ при тюрьмѣ чиновниковъ, и мы отправились.

Вышли назад на улицу и, войдя потомъ въ одинъ узенькій переулокъ, остановились у маленькой деревянной двери, запертой на замокъ. За нею находился небольшой дворикъ, въ другой сторонѣ котораго была вторая дверь, также запертая на замокъ. Провожатый отперъ ее, впустилъ насъ и, войдя за нами, тотчасъ же заперъ ее за собой. Отсюда мы вступили на большой дворъ, обнесенный высокой землебитной стѣной, и на немъ находились отдѣльныя постройки въ видѣ небольшихъ флигелей, всѣ двери которыхъ были открыты настежь. На этомъ дворѣ ходили или сидѣли арестанты въ разнообразномъ собственномъ платьѣ, потому что никакой особенной казенной формы для нихъ не существуетъ. Въ одномъ углу этого двора находилась небольшая кумирня, на террасѣ которой отдѣльно помѣщался арестантъ, сидѣвшій на кровати. Мы подошли къ нему.

— Губернаторъ, шепнулъ намъ сопровождавшій насъ чиновникъ...

Это былъ человекъ высокаго роста, съ рѣзкими и крупными чертами лица; голова его обросла длинными волосами, въ безпорядкѣ торчавшими и висѣвшими по плечамъ; и онъ имѣлъ страшный, разбойничій видъ. На грудь опускалась густая, черная борода, скрывавшая толстую желѣзную цѣпь, окружавшую его шею и спускавшуюся внизъ; у живота она раздѣлялась на двѣ другихъ цѣпи такой же толщины, и послѣднія шли къ обѣимъ ногамъ, прикрѣпляясь къ кандаламъ, въ которыя были закованы его ноги. Интересно было бы точно и подробно узнать, въ чемъ состояло его преступленіе, которое привело его въ настоящее ужасное положеніе, но для меня это было недоступно; я могъ понять только, что вина состояла въ какихъ-то дурныхъ распоряженіяхъ во время войны съ дунганями. Не мусульманинъ ли былъ онъ самъ, какъ мнѣ казалось по типу; но нѣтъ, говорятъ, китаецъ.

Когда мы подошли къ нему, Танъ назвалъ ему меня и объяснилъ, какимъ образомъ я очутился въ Китаѣ, въ Лань-Чжоу и въ тюрьмѣ. Тяжело мнѣ было находиться передъ этимъ бывшимъ вельможей, находящимся уже два года въ такомъ печальномъ положеніи и, какъ видно, совсѣмъ забывшимъ свое прошлое за это время: онъ всталъ и стоялъ передо мною, не рѣшаясь сѣсть, такъ что я едва упробилъ его и сѣлъ съ нимъ рядомъ на его постель. Не жалуясь на судьбу, онъ только пожаловался мнѣ, какъ врачу, на свою болѣзнь, которая оказалась хроническимъ

катарромъ пищеварительныхъ органовъ, и я обѣщала прислать ему изъ дому лѣкарства... Страшно и тяжело видѣть человѣка въ такомъ положеніи, если даже знаешь, что онъ тяжкій преступникъ, и еще тяжелѣе, когда можно сомнѣваться въ томъ, дѣйствительно ли вина несчастнаго такъ велика, чтобъ заслужить подобное униженіе и наказаніе... Два года просидѣть на цѣпи! Сидѣть и не знать, когда это кончится и чѣмъ кончится!... Уйдите лучше...

Я простился съ нимъ и пошелъ дальше. У стѣны одного изъ флигелей стояли четыре человѣка,—дунганъ, какъ мнѣ сказали. Двое изъ нихъ были взрослые, а двое почти дѣти, лѣтъ не болѣе четырнадцати, пятнадцати. Взрослые были закованы въ цѣпи, окружающія шею и идущія къ ножнымъ кандаламъ; а руки ихъ у запястья продѣты въ двойной браслетъ, такъ что онѣ перекрещиваются; браслетъ запертъ висячимъ замкомъ и хотя кольца и не очень плотно обхватываютъ руки, но движенія ими едва возможны,—ихъ можно сгибать только въ локтяхъ. Дѣти не имѣли цѣпей, потому ли, что считались менѣе виновными, или еще пока не имѣли, какъ дѣти,—не знаю.

Эти четверо несчастныхъ были остатки изъ мусульманъ города Сю-Чжоу-Фу, и ихъ не казнили, потому что вина ихъ всѣхъ не такъ тяжела; виновность же горемычныхъ юношей состояла только въ томъ, что они были дѣтьми одного изъ дунганскихъ начальниковъ, Ма-Гуй-Юань, и племянниками Ма-Бэй-Юань, который занималъ мѣсто главнаго начальника мятежниковъ въ Синь-Фу, когда тамъ китайцы были истреблены мусульманами. Оба послѣдніе были казнены, и лучше было бы, я думаю, и дѣтямъ ихъ погибнуть одновременно съ ними, по крайней мѣрѣ разомъ, чѣмъ протомиться здѣсь,—„вѣроятно всю жизнь“, какъ сказалъ Танъ, когда я спросилъ его: на долго ли они посажены? Дѣйствительно, ихъ держать въ тюрьмѣ, какъ объяснилъ тюремный чиновникъ, изъ опасенія, что они впоследствии станутъ мстить за смерть своихъ отца и дяди... А когда же можно сказать себѣ, что жажда мести прошла, что они стали безопасными людьми, которымъ можно дать свободу? Сидятъ они здѣсь уже три года, проводятъ время въ совершенной праздности, такъ какъ ихъ ничему не учать, не даютъ никакого занятія, о чемъ, вѣроятно, и мысль никому не придетъ въ голову... О, земля, земля! Вся-то ты одинъ скорбный домъ; нива, политая слезами и часто неповинной кровью!... Чье сердце не содрогнется, на-

примѣръ, при мысли объ участи этихъ несчастныхъ жертвъ. Жертвъ чего? Для чего и въ назиданіе кому?... Уйдемъ и отъ нихъ скорѣе, потому что горю ихъ мы помочь не въ состояніи.

Дома, въ которыхъ живутъ заключенные по нѣскольку человѣкъ вмѣстѣ, представляютъ внутри довольно просторныя помѣщенія, но темныя, потому что они освѣщаются, какъ сарай, только черезъ двери; послѣднія запираются лишь на ночь, а весь день стоятъ открытыми. Арестантскія камеры и пусты внутри, какъ сарай: ни стула, ни стола, ни кровати въ нихъ нѣтъ вовсе, что мнѣ показалось мѣрой жестокой и тяжелой, потому что китаецы въ обществѣ привыкли и къ стульямъ, и къ кроватямъ.

Когда я подходилъ къ кому-нибудь изъ арестантовъ, онъ тотчасъ кланялся въ землю, потомъ оставался на колѣнахъ, и въ такомъ положеніи отвѣчалъ на мои вопросы, и заставить его встать стоило всегда большаго труда. Встанеть, но какъ только обратись къ нему съ новымъ вопросомъ, онъ опять становится на колѣни, вѣроятно по установленнымъ правиламъ, не смѣя отвѣчать иначе какъ стоя на колѣнахъ.

Одиночныхъ камеръ, я сказалъ, нѣтъ, а заключенные живутъ компаніями, безъ различія званія; такъ, въ одномъ изъ помѣщеній между арестантами-простолюдинами находился одинъ мандаринъ, бывшій военный начальникъ (Чжэнъ-Тай), командовавшій пятью лагерями. Онъ былъ извѣстенъ, говорятъ, своею храбростью, но въ то же время и разнузданностью страстей, что у него проявлялось не только во время войны въ непріятельскихъ мѣстностяхъ, — за что, конечно, въ тюрьму не сажаютъ, — но и въ своемъ государствѣ, въ мирное время. Узнавъ о дошедшихъ на него многихъ жалобахъ и назначеніи надъ нимъ суда, онъ бѣжалъ, скитался неизвѣстно гдѣ въ продолженіи трехъ лѣтъ, и лишь нѣсколько дней назадъ былъ схваченъ и посаженъ въ тюрьму. Его лицо, обезображенное оспою, и вся фигура не представляли ничего, что бы обращало на себя вниманіе, — совершенно дюжинная физиономія.

Онъ былъ прикованъ одною цѣпью съ другимъ человекомъ, котораго всего естественнѣе было бы принять за какого-либо соучастника его; оказалось же, что то былъ вовсе даже не преступникъ и de jure не арестантъ, а полицейскій солдатъ, представленный къ нему въ караульные съ обязанностию смотрѣть, чтобъ тотъ опять не убѣжалъ... Вотъ это хорошо приставленъ, подумалъ я, — сторожъ надежный; ужъ онъ не уйдетъ отъ кліента

его не прогуляеть!... Такие караульные переменяются два раза въ день. Этотъ Чжэнь-Тай, какъ говорили мнѣ потомъ, обвинялся кромѣ того въ государственной измѣнѣ, и изъ Пекина ожидали его смертнаго приговора. Говорили, что его должны будутъ казнить четвертованіемъ, и услыхавъ объ этомъ, я долго не могъ избавитъся отъ тягостнаго представленія: онъ все стоялъ передо мною въ моментъ имѣющей совершиться надъ нимъ, страшной казни, состоящей въ томъ, что человѣку по частямъ отрубають руки въ нѣсколько приемовъ, потомъ ноги—также въ нѣсколько приемовъ, и наконецъ уже голову отъ оставшагося туловища.

Арестантовъ въ тюрьмѣ было человѣкъ до пятидесяти, отъ стариковъ до дѣтей даже девятилѣтнаго возраста. Послѣдній мальчикъ былъ также сынъ казненнаго Ма-Гуй-Юань. Одинъ старикъ, весьма почтенной наружности, содержался здѣсь на основаніи предположенія, что онъ знаетъ, гдѣ скрыто серебро одного убитаго и ограбленнаго купца; предполагалось же, что онъ долженъ знать, только потому, что убійство совершено неподалеку отъ его усадьбы. Другіе арестанты сидѣли въ тюрьмѣ за грабежь, нанесеніе тяжкихъ побоевъ и другія важныя преступленія, или по подозрѣнію въ такихъ.

Я прошелъ потомъ въ другое отдѣленіе тюрьмы, помѣщавшееся въ другомъ домѣ, черезъ улицу. Тутъ сидѣли люди, совершившіе преступленія менѣе важныя, и содержались не такъ строго,—безъ цѣпей и за менѣе крѣпкими затворами. Домъ, служившій тюрьмою, выходилъ на улицу, и дверь въ переднемъ отдѣленіи оставалась даже открытою; вторая камера отдѣлялась отъ первой грубою деревянною рѣшеткою и такими же рѣшетками раздѣлялась на три части.

Но хотя эти менѣе тяжкіе преступники и не носили цѣпей, не были уединены отъ міра стѣною, положеніе ихъ было не лучше, вслѣдствіе невообразимой грязи и ужаснаго воздуха, какимъ они дышали и который, можетъ-быть, скорѣе цѣпей подрывалъ ихъ здоровье. Не трудно представить себѣ, какова должна быть въ лѣтнее время атмосфера въ этомъ помѣщеніи, гдѣ сидѣли почти битвомъ набитые тридцать пять человѣкъ, и когда тутъ же въ одномъ углу этого помѣщенія, которому не придумаешь и названія, сваливались и сливались всякія очистки, помой и нечистоты. Когда я подошелъ къ рѣшеткѣ, то не только мое обоняніе было поражено до возбужденія тошноты, — у меня стало щипать въ глазахъ отъ вредныхъ газовъ, содержащихся въ воз-

духъ этого убійственнаго жилища. И видъ сидѣвшихъ здѣсь арестантовъ былъ ужасенъ; они были едва прикрыты кой-какой убогой одеждой, а нѣкоторые оставались почти голыми; тѣло ихъ было невообразимо грязно; лица безкровныя и одутловатыя, какъ у водяночныхъ больныхъ; на ногахъ у нѣкоторыхъ были скорбутныя пятна и язвы; вѣки у всѣхъ безъ исключенія поражены катарромъ...

Изъ тюремной кухни, которая помѣщалась тутъ же на улицѣ, подъ навѣсомъ того же дома, при мнѣ принесли и стали раздавать арестантамъ горячую пшеничную кашу; я попробовалъ и нашелъ ее недурной: хорошо сваренная, довольно густая, посоленная и приправленная саломъ, она даже была вкусна. Такая каша или рисъ даются имъ три раза въ день, а для питья отпускается чай, и не въ опредѣленное время, а всегда, когда кто пожелаетъ пить.

Изъ описаннаго помѣщенія насъ провели опять черезъ улицу въ новый домъ со многими дворами и домиками; онъ имѣлъ видъ ямы; здѣсь насъ встрѣтилъ новый мандаринъ, молодой и учтивый человекъ, и провелъ въ отдѣленія, гдѣ находились орудія для разныхъ наказаній и пытокъ; а проходя чрезъ одинъ изъ дворовъ, мы встрѣтили на немъ солдата, прикованнаго къ столбу длинною цѣпью и ходившаго взадъ и впередъ, гремя желѣзомъ по каменному полу. Онъ былъ посаженъ на цѣпь на два дня за очень грубое обращеніе съ товарищемъ. Мы перешли къ осмотру *инструментовъ наказаній и пытокъ*, изъ которыхъ мнѣ показали слѣдующіе.

Такъ-называемую Сяо-Пань-Цзы—бамбуковая линейка съ однимъ тонкимъ концомъ, за который ее держать, и другимъ широкимъ, вершка въ полтора; ею бьютъ по бедрямъ, сзади, надъ колѣнами, опредѣленное число ударовъ отъ нѣсколькихъ десятковъ до нѣсколькихъ сотъ. Наказаніе такой линейкой можетъ быть примѣнено, какъ мнѣ рассказывали, даже къ мандаринамъ, и даже имѣющимъ на шляпѣ красный шарикъ.

Бэй-Хуа-Гяо-Цзы представляетъ три бамбуковыхъ палочки, каждая толщиною съ гусиное перо и обвитыя спирально бичевой. Этимъ эластичнымъ прутомъ бьютъ по натянутой спинѣ; наказаніе, говорятъ, жестокое и назначаемое только для людей, не имѣющихъ чиновъ.

Цюй-Па-Цзы состоитъ изъ короткой деревянной рукоятки, къ которой прикрѣплены два сложенныхъ вмѣстѣ языка изъ толстой

ножи. Имъ наказываютъ по преимуществу женщинъ за злоязычіе, и въ такомъ случаѣ ея ударяютъ по губамъ,—или чиновниковъ неважныхъ степеней, причемъ оскорбленію подвергаются щеки, и это производится довольно унижительнымъ манеромъ: виновный мандаринъ долженъ стать на колѣни и положить свою голову на колѣно сидящаго на скамейкѣ палача, который и ударяетъ по щекамъ кожаной цюй-па-цзы. Это орудіе наказанія, говорятъ, дѣйствуетъ очень жестоко, несмотря на всю его незамысловатость, и видѣвшіе наказанныхъ этимъ способомъ рассказывали мнѣ, что щеки и особенно губы несчастныхъ жертвъ страшно распухаютъ и принимаютъ почти черный цвѣтъ, какъ это бываетъ послѣ сильныхъ ушибовъ.

Гуань-Гуань-Цзы — тоже несложный и нехитрый снарядъ, но еще болѣе жестокой. Онъ состоитъ изъ двухъ частей, представляющихъ двѣ палки не болѣе поларшина длины и пальца въ два толщины; одна изъ палочекъ имѣетъ на концѣ вѣрную веревочную петлю, и эту послѣднюю надѣваютъ на большой палецъ ноги виновнаго и, закрутивъ настолько, чтобъ петля не могла соскочить съ пальца, удерживаютъ за нее ногу, а другой палкой бьютъ по щиколкѣ. Я не видалъ, да едва ли бы и сталъ смотрѣть на подобное отвратительное зрѣлище. А Танъ, видѣвшій это наказаніе, говорилъ, что кость скоро обнажается и дальнѣйшее колоченіе продолжается по открытой кости!... Это наказаніе назначается для простолудиновъ за грабежъ, а также за похищеніе чужой жены. Такъ, мнѣ говорили здѣсь.

Далѣе мандаринъ повелъ меня къ узенькой скамьѣ съ утвержденною на ней у одного конца вертикальною стойкою, въ которой наверху находится отверстіе. Человѣка, одѣтаго только до половины, сажаютъ на скамью, прислонивъ спиною къ вертикальной стойкѣ; косу его продѣваютъ въ упомянутое отверстіе и привязываютъ, такъ что голова дѣлается почти неподвижною; опущенныя внизъ и нѣсколько назадъ, вытянутыя руки привязываютъ у боковъ скамьи, а протянутыя вдоль ея ноги также обвязываются веревками около колѣнъ вмѣстѣ со скамьею. И въ такомъ мучительномъ неподвижномъ положеніи провинившагося оставляютъ на нѣсколько часовъ, сутки и даже болѣе!

Большія квадратныя доски съ отверстіемъ посрединѣ, о которыхъ я упоминалъ въ первомъ томѣ, когда случалось встрѣчать наказанныхъ такимъ образомъ и выставленныхъ на поворъ. Эти доски имѣютъ различный вѣсъ, отъ двадцати фунтовъ до полутора

туда; ихъ надѣваютъ на шею провинившимся въ буйствѣ, воровствѣ и другихъ преступленіяхъ, и оставляютъ на болѣе или менѣе долгое время, говорить—до мѣсяца и болѣе. Доска не снимается ни днемъ, ни ночью; и днемъ навазуемыхъ такимъ образомъ обыкновенно выводятъ на улицы, гдѣ они должны оставаться для посрамленія и въ назиданіе другимъ.

Наконецъ въ заключеніе мнѣ показали довольно сложный станокъ, въ который помѣщаютъ человѣка, поставленнаго на колѣни на деревянной доскѣ, а для болѣе виновныхъ, на нее кладутъ сложную желѣзную цѣпь и на нее ставятъ на колѣни, причѣмъ преступникъ не можетъ измѣнить своего положенія: распростертыя руки его продѣваются въ отверстія боковыхъ стоекъ и закрѣпляются; ноги надъ нитками также запираются болтомъ, а коса продѣвается въ кольцо другой стойки, помѣщенной сзади.

Всѣ эти инструменты, употребляемые то для наказанія, то какъ орудія пытки, страшны болѣе или менѣе, смотря по числу наносимыхъ ударовъ или продолжительности времени, на которое осуждается несчастный. Знакомиться съ этими грустными остатками темныхъ страницъ исторіи человѣчества хотя и весьма непріятно, но нельзя отворачиваться отъ дѣйствительности, какова бы она ни была; и я желалъ видѣть все, что существуетъ и донныѣ въ Поднебесной имперіи. Я просилъ показать мнѣ желѣзный и, для большей тяжести наполненный ртутью, ножъ или косякъ, которымъ отрубаютъ головы приговореннымъ къ смертной казни, а также столбъ и доски, на которыхъ производятся казни посредствомъ задушенія и четвертованія; интересовало меня женское отдѣленіе тюрьмы, но мнѣ сказали, что здѣсь нѣтъ ни этихъ снарядовъ, ни женскаго отдѣленія. Говорили ли они правду, или почему-нибудь не желали показать ихъ—я не могъ узнать, а потому и не настаивалъ.

Разспрашивалъ я китайцевъ о страшныхъ казняхъ, о которыхъ рассказывалось въ прежнихъ описаніяхъ Китая, какъ напримѣръ о распиливаніи деревянной пилой, о перемальваніи людей между жерновами, и тому подобныхъ; но всѣ они только смѣялись и совершенно отрицали ихъ существованіе.

Съ довольно тяжелымъ чувствомъ вернулся я домой.

Прошло уже полторы недѣли, а мы не свѣдимъ ѣхать и объ отъѣздѣ рѣчи нѣтъ; но если бы кто-нибудь насъ спросилъ: господа, что вы такъ долго сидите въ Лань-Чжоу, какія у васъ дѣла не кончены,—я по чистой совѣсти отвѣтилъ бы: не знаю,

никакихъ мы дѣлъ здѣсь не начинали, а слѣдовательно и заканчивать нечего. Вѣроятно, то же самое отвѣтилъ бы и Матушевскій; мы работали, потому что жили въ Лань-Чжоу, а никакъ не потому жили, что мы работали. Серьезное дѣло, „общегосударственное“, было здѣсь одно, это — дѣло о продажѣ китайцамъ хлѣба, и оно-то исключительно и держало насъ тутъ.

Однажды Сосновскій сообщаетъ намъ, что онъ посылаетъ отсюда казака Павлова въ Россію, гонцомъ, съ какими-то бумагами.

— За него-то я не боюсь, прибавилъ онъ, — потому что китайцы будутъ вездѣ давать ему конвой, и сами провезутъ, даже на свой счетъ; онъ-то пройдетъ баринкомъ; а вотъ денегъ я было хотѣлъ послать съ нимъ такому-то (онъ называлъ одного нашего общаго знакомаго) 4.000 руб., да не рѣшаюсь.

Намъ, собственно говоря, вовсе и не нужно было знать, посылается ли онъ съ Павловымъ 4.000 рублей, или нѣтъ; да мы и не знали ничего, что за бумаги везъ Павловъ въ Россію, что за деньги, которыми вдругъ надо помогать нашему общему знакомому изъ Лань-Чжоу, и почему такъ слѣшно, что потребовалось посылать курьеромъ казака за три тысячи верстъ... Мы могли сколько угодно догадываться, но положительно ничего не знали, да и узнавать не старались: Павловъ намъ не нуженъ, кускай себя ѣдетъ и везетъ экстренной важности бумаги, везетъ или не везетъ деньги, — это намъ все равно.

Не хлѣбъ и не деньги занимали насъ здѣсь; но по неволѣ приходилось слушать и объ этомъ дѣлѣ, потому что дома ни о чемъ другомъ у насъ теперь и разговора не было. Сколько, напримеръ, было хлопотъ по написанію контракта на двухъ языкахъ! Наконецъ онъ заключенъ, написанъ въ двухъ экземплярахъ; нашъ начальникъ обмѣнялся имъ съ Цзо-Цзунъ-Таномъ, а я чуть не на память его выучилъ, потому что послѣдніе дни только и слышишь диктантъ по цѣлымъ днямъ; и ляжешь спать, а въ ушахъ все раздается этотъ оригинально составленный документъ.

„Великаго Россійскаго Государства, капитанъ Генеральнаго Штаба Сосновскій, Великаго Дайцинскаго Государства, Военный Шаньгаальскій Цзунду и завѣдывающій всею Западною окраиною Цзо... Договоръ въ томъ. Нынѣ въ Западномъ Китаѣ военныя дѣйствія противъ татаръ; почему потребность въ пшеницѣ. (По всей вѣроятности дукъ китайскаго языка требовалъ таковой страшной редакціи.)

„Капитанъ Сосновскій, побуждаемый гѣсной дружбой къ Китаю, взялъ на себя трудъ“ и т. д.... То-есть трудъ доставлять китайцамъ хлѣбъ по 30 серебряныхъ рублей за четверть, но съ обѣщаніемъ съ этой цѣны сбавить, если цѣны на хлѣбъ въ Зайсанскомъ округѣ будутъ не высоки... Далѣе тамъ слѣдуютъ подробности, хотя и интересныя, но не для нашихъ читателей.

Вотъ, Павловъ собрался уѣзжать въ Россію, впередъ, какъ можно быстрѣе. И оригиналенъ былъ этотъ отъѣздъ!.. Передъ нимъ лежали три тысячи верстъ до нашей границы, а въ карманѣ находилось двадцать рублей, выданныхъ ему Сосновскимъ на дорогу! Но китайцы, разумѣется, брали на себя всѣ расходы по его проѣзду и обязались давать ему конвой, болѣе или менѣе многочисленный, смотря по надобности.

Павловъ пошелъ откланяться Цзо-Цзунъ-Тану и получилъ отъ него на водку шестьдесятъ рублей. Онъ наконецъ уѣхалъ, а мы невольно позавидовали ему, потому что для него уже кончилось учено-торговое путешествіе по Китаю... А мы еще не знаемъ, когда выберемъ изъ Лань-Чжоу. Тоскливо и просто страшно становится по временамъ, когда задумаешься надъ участію въ-решнаго намъ дѣла и надъ своимъ положеніемъ.

Цзо-Цзунъ-Танъ является къ намъ черезъ день ужинать и говорить безъ умолку цѣлыя вечера; а слушая его, не можешь перестать жалѣть о томъ, что не понимаешь его рѣчей, какъ слѣдуетъ. Говорить онъ замѣчательно,—такъ плавно, какъ будто читаетъ по книгѣ, да не просто читаетъ, а декламируетъ. Одушевленная рѣчь его, сопровождаемая сильными выразительными жестами, должно-быть, была просто увлекательна, и я смотрѣлъ на него и слушалъ, какъ слушаютъ на сценѣ артистовъ, играющихъ на непонятномъ языкѣ. А съ другой стороны я удивлялся Цзо-Цзунъ-Тану, какъ можно говорить съ такимъ увлеченіемъ, когда знаешь, что слушатели не понимаютъ и четверти сказаннаго... Или онъ этого не зналъ, не догадывался, или не могъ допустить, чтобъ люди могли пріѣхать въ чужую страну безъ знающихъ переводчиковъ. Трудно допустить это и скорѣе можно предположить, что онъ принадлежалъ къ тому разряду говорунговъ, которые, какъ соловьи, слушаютъ самихъ себя, вовсе не заботясь о томъ, слушаетъ ли ихъ кто-нибудь или нѣтъ.

Цзо, можно сказать, не говорилъ, а игралъ на своей гортани, сопровождая эту музыку игрою своей физиономіи: то онъ говорилъ медленно, тихо, съ серьезнымъ и задумчивымъ выраженіемъ

лица; то одушевлялся, и тогда слова, на мой слух довольно гармоничного китайскаго языка, лились быстрѣе; а лицо принимало гнѣвное или доброе выраженіе, смотря по содержанію рѣчи. Иногда онъ вдругъ вскрикивалъ своимъ сильнымъ баритономъ, вскрикивалъ такъ, что, казалось, всё предметы въ комнатѣ вздрагивали, и потомъ оканчивалъ быстро проговоренную фразу тихими и нѣжными высокими нотами. И мнѣ всякій разъ при этой удивительной декламациі вспоминались слова Крылова въ баснѣ о соловьѣ, который „танулъ, переливался, то нѣжной вдалекѣ свирѣлю отдавался, то крупной дробью вдругъ по рощѣ разсыпался“... Къ сожалѣнію только ораторъ часто прерывалъ свою увлекательную рѣчь таковой громогласной отрывкой, что она въ состояніи была испугать непривычнаго и не ожидающаго ея человѣка!

Эти вечернія бесѣды прерывались ѣдой и неотступными угощеніями хлѣбосола-хозяина: онъ, казалось, собирался просто закормить или подкупить насъ въ свою пользу. Ужины были обильные, вкусные и продолжались всякій разъ часа по два и болѣе. Цзо самъ ѣлъ съ аппетитомъ и безпрестанно угощалъ насъ, крича: Чы чже-гэ! Чже-гэ хао! (Скушайте это! Это хорошо!) Но мнѣ, къ сожалѣнію, не думалось „о хлѣбѣ единѣмъ“—хотѣлось знать и понимать, что и какъ говорить краснорѣчивый Цзо; переводчикъ же, безпрестанно погоняемый и распекаемый, терялся, конфузился, несчастный и, я думаю, проливалъ свою судьбу. Тѣмъ не менѣе все-таки кой-что можно было улавливать; впоследствии же Сосновскій совсѣмъ запретилъ переводить слова Цзо здѣсь, теперь же!...

— Это, говорить, вы все потомъ напишете и подадите мнѣ, а теперь только слушайте; а то ужасно много времени уходитъ у насъ на эти переводы!..

Приходилось, значитъ, пробавляться своими силами, а какія же онѣ были!.. Оттого и не могу я почти ничего привести изъ нашихъ бесѣдъ. Но передамъ хоть то, что удалось понять. Такъ однажды рѣчь зашла о религіяхъ; Цзо говорилъ что-то съ откровенной злобой противъ миссіонеровъ и переходящихъ въ христіанство китайцевъ и высказывалъ свой взглядъ, что крестившимся китайцамъ ужъ и не надо оставаться въ Китаѣ... „Принимай другую вѣру, такъ ступай вошь изъ своего государства,—ты ужъ здѣсь не нуженъ“.

Онъ говорилъ съ необыкновеннымъ почтениемъ о Кунъ-Фу-Цзы, ставилъ его выше Я-Су (Иисуса) и никакъ не могъ согласиться съ заповѣдью Христа о прощеніи враговъ.

— Развѣ не лучше простить человѣку, который насъ, напримѣръ, ударилъ? спросилъ я.

— Нѣтъ, ударить его самого—лучше, отвѣтилъ Цзо.

Онъ не прощаетъ своихъ враговъ, подумалъ я, — и открыто признается въ этомъ, а мы исповѣдуемъ завѣщанное Христомъ правило, но не только не прощаемъ врагамъ, а даже и тѣхъ, кого называемъ въ глаза друзьями, нерѣдко обманываемъ и стараемся вредить имъ...

— Я-Су былъ великій учитель, но когда у насъ есть Кунъ-Фу-Цзы, продолжалъ Цзо,—не надо намъ Я-Су.

Итакъ, этотъ сановникъ не выразилъ симпатіи ни къ христіанству, ни къ переходящимъ въ него китайцамъ.

Потомъ заговорили мы о нѣкоторыхъ изъ новѣйшихъ открытій въ области естественныхъ наукъ и ихъ практическихъ примѣненіяхъ. Онъ немного зналъ о нихъ; но себѣ не желалъ изъ этихъ полезныхъ открытій ничего.

— Не надо намъ, говорилъ онъ,—ни телеграфовъ, ни желѣзныхъ дорогъ; потому что первые народъ будутъ безпрестанно портить, а вторые—сдѣлаютъ то, что множество людей останется безъ работы и умретъ съ голоду.

Разговоръ, нашъ конечно, происходилъ въ самой убогой формѣ и былъ самага безсвязнаго содержанія. Это былъ собственно не разговоръ, а, такъ-сказать, намеки на разные предметы или темы для бесѣды...

И вотъ, не помню ужъ какъ и почему, заговорили о чудесныхъ явленіяхъ въ природѣ и, между прочимъ, о драконахъ (лунъ).

— Есть одинъ большой драконъ съ желтой головой и другіе маленькіе, рассказывалъ Цзо.—Я самъ видѣлъ разъ большаго дракона, прилетавшаго въ посвященную ему куирню, свазалъ онъ и овлаживалъ насъ, какъ будто желая услышать или угадать, какое впечатлѣніе произведутъ на насъ его слова.

Была ли у него когда на самомъ дѣлѣ подобная галлюцинація и вѣрилъ ли онъ въ существованіе драконовъ, или только соблюдалъ приличіе передъ своей свитой изъ уваженія къ своему культу, или онъ всмытывалъ насъ,—рѣшить трудно.

— Что же, вы испугались? спросилъ я.—Страшно вамъ было, когда вы его увидали?

— Какъ странно! вскрикнулъ удивленно и, какъ будто даже нѣсколько обидѣвшись, Цзо. И потомъ продолжалъ вразумительнымъ тономъ:—Это хорошо! Видѣть его—большое счастье... И онъ очень красивъ..

— А у васъ прилетаютъ ли драконы? вдругъ переѣвилъ онъ разговоръ и обратился къ Сосновскому.

— Нѣтъ, отвѣтилъ онъ,—но у насъ ангелы прилетаютъ, и для поясненія непереводаимаго слова и понятія ангель представилъ на себѣ, какіе они бываютъ.

Такимъ образомъ Цзо обогатился новымъ свѣдѣніемъ о Россіи и теперь будетъ знать, кромѣ того что узналъ прежде, что въ Россіи, несмотря на „людоѣдство“, вмѣстѣ драконовъ, прилетаютъ на землю ангелы и какой у нихъ видъ.

Смыслъ и этихъ рѣчей ученаго капитана для меня былъ совершенно непонятенъ.

Потомъ отъ предметовъ, до извѣстной степени отвлеченныхъ, перешли къ земному.

— Вы всѣ, конечно, женаты, спросилъ генералъ и, не ожидая отрицательнаго отвѣта, продолжалъ:—какъ же вы оставили своихъ женъ на такое долгое время? Но онъ былъ ужасно удивленъ, когда узналъ, что ни одинъ изъ насъ не женатъ; онъ даже долго не хотѣлъ намъ вѣрить, пока начальникъ не убѣдилъ его, сообщивъ, ни мало не стѣняясь, что — „у насъ рано женятся только купцы да мужики“.

Цзо-Цзунъ-Тану это свѣдѣніе о Россіи не понравилось; его даже какъ будто поворобило, и онъ переѣвилъ разговоръ и сталъ расспрашивать о разныхъ вещахъ, имѣвшихся у насъ, и попросилъ показать что-нибудь. Его очень заинтересовали хирургическіе инструменты, гармоника, на которой онъ пробовалъ играть, микроскопъ и проволока магнія. Последняя поразила и заняла его болѣе всего.

Былъ уже поздній часъ; Цзо собирался уходить домой и, сообщивъ, что завтра будетъ *стрѣльба изъ ружей и шумъ въ шляхъ*, предложилъ намъ поѣхать посмотреть; и затѣмъ обычнымъ порядкомъ торжественно удалился къ себѣ.

На слѣдующій день, вставъ съ восходомъ солнца и напившись чаю,—что дѣлалось обыкновенно на дворѣ, на террасѣ,—я отправился на стрѣльбище въ сопровожденіи нашего казака, Танъ-Лоѣ, и двухъ мандариновъ, которымъ отдано было распоряженіе сопровождать насъ; но имъ пришлось сопровождать меня одного,

потому что товарищ мой вчера очень поздно заснул и сегодня полѣнился встать такъ рано.

А начальникъ экспедиціи, специалистъ военнаго дѣла, неужели онъ не поинтересовался и этимъ? удивится читатель... Нѣтъ, не поинтересовался, и даже еще вчера съ вечера сказалъ, что не поѣдетъ.

— Не до стрѣльбищъ мнѣ теперь, говорить.—И такъ не успѣваешь всего сдѣлать.

Я только изумлялся, и мнѣ за него страшно становилось, когда я думалъ о томъ, съ чѣмъ онъ явится въ Россію?!

Мы отправились. Хотя и рано еще, но ужъ жарко и въ городѣ особенно неприятно: почти во всѣхъ домахъ топятся кухонныя печи, и нѣкоторыя улицы такъ наполнены дымомъ, словно тутъ пожаръ гдѣ-нибудь,—и причина этого заключалась въ томъ, что и здѣсь существуетъ обычай выводить трубы не въ крышахъ домовъ, а въ стѣнахъ.

Спрашиваю, — зачѣмъ это дѣлаютъ? Вѣдь это и противно, и вредно; вѣдь оттого у васъ столько больныхъ глазами, говорю.

Противно, северно, соглашаются китайцы, но никто объяснить не можетъ, отчего не дѣлаютъ иначе. И эти несчастные люди просто копятъ себя, какъ ветчину, и, конечно, здоровѣе отъ этого не дѣлаются.

Выбравшись за городъ чрезъ восточныя ворота, мы ѣхали по окрестности занятой бѣдной подгородной слободой съ ея убогими, но живописными хижинками и разведенными возлѣ нихъ огородами съ разными овощами и плантаціями табаку, который, какъ говорили мнѣ, считается однимъ изъ лучшихъ въ Китаѣ *).

Далѣе потянулось безконечное поле могилъ и памятниковъ, перемежающихся съ развалинами, оставленными побывавшимъ здѣсь неприятелемъ. Наконецъ мы услышали пушечный выстрѣлъ и, поднявшись на небольшой валъ, увидали невдалекѣ передъ собою синюю палатку, группу людей и нѣсколько поставленныхъ въ рядъ пушекъ.

*) Китайскій курительный табакъ имѣетъ много хорошихъ качествъ, но обладаетъ особеннымъ ароматомъ, который безъ привычки неприятенъ, а потому не замѣчается. Опія съ табакомъ китайцы никогда не смѣшиваютъ, какъ думаютъ нѣкоторые. Нухательный табакъ ихъ дѣлается, въ видѣ тончайшаго порошка, и его обыкновенно душатъ цвѣтами жасмина. Нуханіе довольно распространено, но по преимуществу въ высшемъ классѣ, а не въ народѣ.

Начальникъ здѣшняго арсенала, кантонецъ, съ которымъ я уже былъ знакомъ, встрѣтилъ меня и провелъ въ палатку, гдѣ стояли столъ, скамейка и стулья, и предложилъ разумеется сначала вынуть неизбежную чашку чаю. За нами вошли въ палатку еще нѣсколько мандариновъ и, усадивъ меня, принялись изучать мою особу, мое платье, портсигаръ, табакъ, мундштукъ, карандашъ и записную книжку. Заплативъ эту дань любопытству китайскихъ артиллеристовъ, я принужденъ былъ самъ пригласить ихъ отправиться къ тому мѣсту, гдѣ стояли пушки, и начать стрѣльбу, потому что они, казалось, были не прочь ограничиться только созерцаемъ и бесѣдой со мною.

Пришли. Начальникъ завода показалъ сдѣланныя китайцами стальные наръзные орудія, заряжающіяся съ казенной части. Ихъ было четыре разныхъ калибровъ, наибольшее девяти дюймовое и, насколько я могъ судить, были сдѣланы хорошо,—чисто, аккуратно; но скромный мандаринъ, вѣроятно предполагая, что я-то самый специалистъ военного дѣла и есть, конфузился и не вѣрилъ ни въ свои силы, ни въ свои познанія, сознавая все превосходство европейцевъ и свою отсталость въ военномъ дѣлѣ. Онъ робѣлъ, какъ молодой художникъ, показывающій мастеру свою первую картину, и со страхомъ ожидалъ приговора; мнѣ даже жалко его стало; но скоро онъ меня разсмѣшилъ. Видимо влюбленный въ свои произведенія, онъ питалъ къ нимъ симпатію лишь до тѣхъ поръ, пока они представляли чистенькія гладенькія невинныя трубы; но какъ только въ нихъ вкладывался снарядъ,—его собственное дѣтище превращалось для него въ источникъ непреодолимаго страха, и онъ торопливо уходилъ прочь, подальше.

Стали готовиться къ стрѣльбѣ. Одинъ солдатъ побѣждалъ впередъ, чтобъ установить флагъ, который долженъ былъ служить мишенью; другіе стали заряжать самую большую пушку, а отецъ ея, начальникъ завода, сидѣлъ уже въ палаткѣ. Я слѣжу за дѣйствіями солдатъ и вижу, что они ведутъ себя молодцами, не трусятъ и работаютъ быстро и ловко. Стою и жду; сейчасъ должны сдѣлать выстрѣлъ,—но подходитъ одинъ изъ мандариновъ, беретъ меня подъ руку и приглашаетъ скорѣе уходить, туда же, въ палатку, говоря, что оттуда будетъ лучше смотрѣть и не будетъ неприятно ушамъ. Палатка же стояла шагахъ во ста и оттуда ровно ничего нельзя было бы видѣть, такъ какъ она находилась за небольшимъ холмикомъ. Я сказалъ, что мои уши

не бояться и что мнѣ интересно остаться тутъ, возлѣ орудія; но китаецъ ни за что не дозволилъ мнѣ этого, очевидно опасаясь на мою жизнь. Я продолжаю настаивать и удерживаю его здѣсь же. Солдаты ждутъ, не стрѣляютъ, пока мы уйдемъ. Заткнувъ себѣ уши ватой, которая, какъ видно, припасается для этой цѣли, и увѣряя, что опасается разрыва пушки, еще недостаточно испытанной, онъ почти насильно оттащилъ меня въ сторону, шаговъ за пятьдесятъ, гдѣ мы и остановились на небольшомъ валу!... Хорошо еще, что на это согласился, а то—пойдемъ за валъ, да и только.

Подозрительный или болѣе наблюдательный путешественникъ, можетъ-быть, провидѣлъ бы въ этомъ маневрѣ не страхъ, а маневръ китайской хитрости, желаніе отвести меня и мои глаза, чтобъ они ничего не подмѣчали. Но я вынесъ только одно впечатлѣніе, что тутъ, кромѣ страха, непобѣдимаго и даже не скрываемаго, ничего другаго не было...

Наконецъ флагъ поставленъ примѣрно на разстояніи верстъ двухъ возлѣ одной разрушенной стѣны; солдаты наводятъ орудіе, одни, безъ офицеровъ, потому что ихъ нѣтъ; раздается выстрѣлъ; пушку не разорвало, а граната упала и разорвалась неподалеку отъ стѣны, служившей мишенью. Потомъ сдѣлали еще нѣсколько выстрѣловъ въ то же мѣсто изъ этого и другихъ орудій, а также изъ небольшой пушки—фалконета, которую въ моментъ выстрѣла четыре солдата удерживали палками. Всѣ выстрѣлы по мѣткости были вообще порядочные и слабѣе всѣхъ изъ послѣдней пушки, что очень смущало ея стрѣлковъ; но совершенно напрасно, потому что плохая стрѣльба зависѣла отъ несовершенства самаго устройства ея.

Неподалеку отъ мѣста стрѣльбища стояла, я замѣтилъ, деревянная мишень; но ее, должно-быть, поставить не рѣшились... Не было и стрѣльбы изъ ружей, хотя Цзо и сказалъ вчера, что будутъ и эти упражненія. Отчего ихъ не было, я не могъ узнать, но думаю, что китайцы или вовсе не стрѣляютъ въ цѣль изъ ружей, или результаты стрѣльбы слишкомъ плохи, и ихъ не хотѣли намъ показать.

Итакъ, военные упражненія кончились. Мандарины опять привели меня въ палатку, заставили еще выпить нѣсколько глотковъ горячей воды безъ сахара, т.-е. китайскаго чаю, и все смотрѣли на меня какъ на диво и, кажется, сиди я тутъ день, недѣлю, они бы все не сводили съ меня глазъ. Наконецъ я простился и

отправился, какъ предполагалъ сегодня, взглянуть на плѣнн ыхъ мусульманъ.

Эти *плѣнные мусульмане* были дунгане,—несчастныя единицы истребленныхъ милліоновъ, какимъ-то чудомъ не убитые во время взятія въ плѣнъ и не казненныя потомъ. Они представляли большую рѣдкость, а кромѣ того интересовали меня, какъ народъ, и втретыхъ, мнѣ хотѣлось посмотрѣть, какъ вообще содержатся въ Китаѣ плѣнные враги. Я заранѣе приготовился къ ужаснымъ зрѣлищамъ, но, пріѣхавъ, не нашелъ ихъ, а меня ожидали здѣсь другія тяжелыя сцены. Они живутъ въ помѣщеніяхъ одного изъ храмовъ и содержатся настолько свободно, что ворота во дворъ этого храма не заперты и сами заключенные ходятъ около нихъ на улицѣ. Всѣхъ ихъ здѣсь двадцать шесть человекъ, по преимуществу женщинъ и дѣтей. Китайцы называютъ ихъ Чанъ-Тоу (длинноголовые) или Чанъ-Моу (длинноволосые), а сами они называли себя Таранчи; и бывший со мною казакъ Смокотинъ, познакомившійся съ ихъ одноплеменниками въ Кульчжѣ, довольно свободно объяснялся съ ними на киргизскомъ языкѣ.

Мы узнали, что они приведены сюда изъ Хами. Женщины были почти исключительно старухи; нѣкоторыхъ можно было назвать не старыми, но молодой не было ни одной. Онѣ сообщили, что до нихъ дошли слухи о нашемъ пріѣздѣ въ Ланъ-Чжоу, что мы русскіе и что мы, продолжая путь, будемъ въ ихъ родномъ городѣ. И Богъ знаетъ, что думали эти несчастныя о насъ,—за кого они меня принимали, когда я пріѣхалъ къ нимъ; Богъ знаетъ почему думали, что я могу выхлопотать имъ прощеніе и разрѣшеніе возвратиться на родину; но онѣ это думали и, взволнованныя воскресшей надеждой, плакали передо мной, кланялись въ землю и просили о томъ, чтобы я постарался возвратить ихъ въ Хами.

— Они совсѣмъ увѣровали, ваше высокоблагородіе, говорилъ казакъ,—что вы ихъ непременно велите препроводить на родину.

Ужасно тяжело было слушать эти горячія просьбы; я просто смотрѣть на нихъ не смѣлъ, сознавая, что моя власть исполнить ихъ завѣтное желаніе равнялась нулю...

Раньше я видѣлъ плѣнныхъ только въ дѣтствѣ, во время крымской кампаніи; но тогда я былъ ребенкомъ и смотрѣлъ на плѣнныхъ турокъ только какъ на занимательный предметъ, какъ на интересныхъ своимъ видомъ людей; теперь я самъ былъ хотя и не въ плѣну, но на чужой сторонѣ, самъ стремился на родину;

теперь я—не любопытное и, по невѣдѣнію своему, равнодушное дитя: теперь я понялъ всю степень ихъ душевныхъ страданій и всю силу желанія возвратиться домой въ свой родной городъ.

Они осаждаютъ казака со всѣхъ сторонъ за разъ высказываемыми просьбами, и въ этихъ послѣднихъ чаще и громче всѣхъ повторялись слова: уйти домой и отыскать дѣтей, о которыхъ они ничего не знали, потому что и не помнятъ, какъ и гдѣ потеряли ихъ, какъ расстались въ послѣдній разъ. Казакъ даже растерялся, не зная кого и что слушать.

— Они, ваше высокоблагородіе, все одно слово твердятъ, говорили онъ,—ѣхать и ѣхать; чтобы вотъ только на свою родину, значитъ; просто помѣшались, одичали совсѣмъ.

Я стоялъ, не смѣя уйти отъ бѣднѣягъ, не выслушавъ ихъ просьбъ, не смѣлъ сказать имъ: это не мое дѣло; я ничѣмъ не могу вамъ помочь,—что долженъ былъ бы сказать по правдѣ. Въ самомъ дѣлѣ, что я могъ для нихъ сдѣлать?!

А не попросить ли мнѣ Цзо-Цзунъ-Тана, мелькнула у меня мысль, о томъ, чтобы онъ исходатайствовалъ имъ прощенье и помогъ вернуться въ Хаши, куда постоянно отправляются казенные транспорты.

И я уѣхалъ отъ несчастныхъ, благословлявшихъ мое появленіе, какъ будто я уже принесъ имъ прощенье и избавленіе отъ плѣна. Мысль о ходатайствѣ передъ генераль-губернаторомъ объ этихъ, конечно не опасныхъ, старухахъ, старикахъ и дѣтяхъ нѣсколько облегчала тяжелое чувство, сдавившее душу; но я вспоминалъ, что сердце сановника Цзо, кажется, тверже камня, и прощать враговъ было не его правиломъ; а таранчи—враги ужъ по одному названію. У меня уже былъ одинъ случай, который даетъ мнѣ право думать о Цзо-Цзунъ-Танѣ такимъ образомъ.

Когда я осматривалъ тюрьмы, сопровождавшій меня Танъ-Лоѣ встрѣтилъ тамъ неожиданно одного своего знакомаго и узналъ отъ него, какъ онъ попалъ въ тюрьму. Онъ разсказалъ, что однажды побилъ своего конюха, который послѣ побоевъ захворалъ и умеръ. Смерть была приписана побоямъ, и вотъ онъ уже три года сидитъ въ тюрьмѣ. Танъ зналъ его за человека добраго, порядочнаго и рѣшился обратиться черезъ меня съ просьбою къ генераль-губернатору о его прощеніи, на томъ основаніи, чтобы трехлѣтнее тюремное заключеніе было вмѣнено въ наказаніе. Я долго не рѣшался передать просьбу Тана, не желая вмѣшиваться не въ свое дѣло. Но Танъ увѣрялъ меня, что неловкости во всякомъ

случаѣ не будетъ. И однажды послѣ ужина я сказалъ Цзо, что рѣшаюсь просить его объ одномъ арестантѣ...

— О комъ это, о какомъ арестантѣ вы просите? спросилъ онъ.

Въ это время Танъ, находившійся въ дверяхъ сосѣдней комнаты, подошелъ къ нему, положилъ передъ нимъ земной поклонъ и потомъ, оставшись на колѣнахъ, сталъ было объяснять дѣло въ непонятныхъ для меня выраженіяхъ.

— Это что за человекъ? не спросилъ, а почти закричалъ Цзо, хотя и зналъ его, потому что онъ былъ ему представленъ, какъ нашъ спутникъ; онъ не разъ, конечно, его видѣлъ и замѣтилъ, потому что и нельзя не замѣтить человека такого роста.— „Смотри, братъ, чтобъ тебя самого туда же не убрали“!... Таковъ былъ смыслъ словъ, сказанныхъ Цзо.— „Разобрать завтра, чего онъ хочетъ“, отдалъ онъ распоряженіе, ни къ кому лично не обращаясь, и, неизвѣстно чѣмъ разгнѣванный, вскорѣ удалился къ себѣ.

Это произвело общее смущеніе; всѣ остались подъ весьма неприятнымъ, какимъ-то давящимъ впечатлѣніемъ; словно въ воздухѣ вдругъ почувствовалось присутствіе безумной силы всеокрушающаго произвола, опасность котораго могла угрожать каждому.

На какой же успѣхъ, говорю, послѣ этого эпизода можно было рассчитывать, прося простить тѣхъ, чьи мужья и сыновья воевали противъ китайцевъ и убивали ихъ... Я такъ и не сталъ ничего говорить... И какъ противна показалась мнѣ наша „юдола плача и печали“!...

Невеселый вернулся я домой и засталъ у себя двухъ незнакомыхъ посѣтителей. Такія посѣщенія бывали нерѣдко, и непрощенные гости заходили къ намъ отъ времени до времени, просто изъ любопытства, посмотрѣть на насъ и наши занятія. Они приходили съ должнымъ почтеніемъ, и мы, какъ гостей, желавшихъ познакомиться съ нами, и принимали ихъ. Одинъ изъ этихъ былъ съ краснымъ шарикомъ на шляпѣ; но что за наивный умъ находился подъ этой генеральской шляпой; какія дѣтскія невѣдѣніе и наивность! Онъ разсматривалъ насъ, и лицо его говорило, что онъ былъ пораженъ неожиданностью того, что увидалъ!... Увидалъ же онъ вотъ что.

Послѣ нѣсколькихъ обычныхъ привѣтствій и вопросовъ, онъ сталъ осторожно трогать насъ за волосы, осматривалъ уши, руки, ногти, линіи на ладоняхъ и, сравнивая со своими, усмѣхался

вслухъ и потомъ обращался къ своему пріятелю, опять съ выраженіемъ дѣтскаго удивленія.

— Одинаковыя! Все одинаковое, какъ у насъ! говорилъ онъ и показывалъ ему мою ладонь.—Посмотри самъ, передавалъ онъ мою руку и разражался веселымъ смѣхомъ отъ непонятнаго для меня удовольствія.

Не будучи въ состояніи завести съ нашими гостями интересный разговоръ, мы скучали съ ними, и они только мѣшали намъ заниматься, а потому приходилось забывать до извѣстной степени правила учтивости и, не обращая на нихъ вниманія, переходить къ своимъ занятіямъ, или, въ случаѣ излишней безцеремонности гостя, просить его пожаловать въ другое, болѣе удобное время,—потому что теперь намъ некогда; и мандарины уходили, не обижаясь... Хорошо—хоть не обидчивы!

На этотъ разъ я скоро оставилъ своихъ гостей, объявивъ имъ, что иду къ Цзо, чтобъ рисовать себѣ на память его портретъ; они были пріятно поражены этимъ извѣстіемъ, сулившимъ имъ интересное развлеченіе, и оба отправились за мною слѣдомъ.

Я торопился, такъ какъ относительно сегодняшняго сеанса мы уже заранѣе условились съ Цзо-Цзунъ-Таномъ, и я нашелъ его въ своемъ кабинетѣ въ полномъ парадѣ. Чтобъ не терять дорогаго времени, я тотчасъ попросилъ его сѣсть передъ собою и началъ работу, а позади меня собралось человѣкъ до десяти разныхъ мандариновъ, которые начали высказывать шепотомъ свое сужденіе о сходствѣ чуть не съ первыхъ чертъ, хотя въ нихъ еще едва можно было узнать человѣческую фигуру.

— Не похоже! говорить одинъ.

— Ай, какъ не хорошо! совсѣмъ не похоже! вторить другой, предполагая, конечно, что я не понимаю ихъ разговора.

— Этого нельзя сдѣлать; не можетъ быть, чтобъ вышло похоже,—очень трудно! говорилъ третій. — Вовсе не надо бы рисовать, приходилъ къ заключенію четвертый, и т. д. Вскорѣ однако ихъ мнѣнія измѣнились, и начинались смѣхъ и удивленіе, вызываемые постепенно увеличивавшимся сходствомъ портрета съ оригиналомъ. Тогда Цзо не выдержалъ, всталъ и пришелъ поглядѣть; онъ также былъ не менѣе обрадованъ, но сдѣлалъ два замѣчанія: что на портретѣ онъ кажется моложе, и второе,—отчего же я не нарисовалъ двухъ павлиньихъ глазковъ, какіе находятся на перѣ его шляпы.

Этотъ пучокъ перьевъ (такъ-называемая линь-цзы) опускается съ шляпы назадъ и внизъ, а глазки находятся на концѣ пучка, на его верхней сторонѣ,—слѣдовательно они никакъ не могутъ быть видимы для человѣка, стоящаго впереди; но Цзо не могъ или, скорѣе, не желалъ этого понять и усердно просилъ, чтобъ я изобразилъ на портретѣ этотъ знакъ его высшаго достоинства. Это невозможно, говорилъ я, и старался объяснить—почему; и такъ и не сдѣлалъ, не желая себя компрометтировать.

Когда портретъ былъ оконченъ, началось разсматриваніе его самимъ Цзо и мандаринами; смотрѣли вблизи, смотрѣли издали,—то просто, то черезъ кулакъ. Наконецъ Цзо велѣлъ привести бинокль, лупу и даже стереоскопъ и пробовалъ разсматривать портретъ черезъ всѣ эти аппараты.

Раньше у насъ былъ уговоръ, что портретъ я дѣлаю для себя, а теперь онъ сталъ просить подарить его ему.

— Но мнѣ; говорю, онъ дорогъ, какъ воспоминаніе.

Тогда Цзо просилъ сдѣлать ему копію, которую ему хотѣлось послать своему другу. Нельзя было отказать ему, все-таки оказавшему намъ такъ много любезностей; и на слѣдующій день, когда копія была готова, я предложилъ ему выбирать одинъ изъ двухъ одинаковыхъ портретовъ. Онъ не рѣшился одинъ сдѣлать выборъ, а созвалъ человѣкъ до двадцати мандариновъ и они, злодѣи, всѣ указали на оригиналь, какъ болѣе похожій. Цзо былъ очень обрадованъ полученіемъ своего портрета и, повѣсивъ его у себя въ кабинетѣ, все, говорили мнѣ, ходилъ потомъ смотрѣть на него, но не могъ утѣшиться и не переставалъ сожалѣть, что на линь-цзы не видно глазковъ... Я убѣжденъ, что послѣ они нарисовали ихъ сами.

Такъ проходили наши дни въ Лань-Чжоу, и наконецъ стали поговаривать объ отъѣздѣ, а то было совсѣмъ забыли, что намъ еще предстоитъ проѣхать тысячи три верстъ до нашей границы. Теперь по крайней мѣрѣ завели рѣчь о способахъ дальнѣйшаго движенія, о наймѣ извозчиковъ для транспорта, и обратились къ Ши-Лоу съ просьбою помочь намъ въ этомъ; но онъ сказалъ, что тутъ, кромѣ казенныхъ подводъ, никакихъ найти нельзя; что, можетъ-быть, Цзо-Цзунъ-Танъ разрѣшитъ дать намъ казенныя телеги. Мы сказали, что были бы очень благодарны и спросили, чтѣ должны будемъ заплатить за нихъ; но Ши проговорилъ въ нерѣшительности:

— Зачѣмъ же платить!.. намъ совѣстно...

— Нѣтъ, какъ же такъ, отвѣтили ему.— Впрочемъ, если Цзо-Цзунъ-Тану угодно, такъ мы... очень благодарны...

И вопросъ о даровыхъ подводахъ на весь остальной путь былъ тутъ же рѣшенъ.

Объ отъѣздѣ намъ напомнило еще одно новое извѣстiе, полученное китайцами изъ тѣхъ странъ, черезъ которыя лежалъ отсюда нашъ путь.

Былъ пасмурный день. Затянутое тучами небо, частый дождь, шедшій съ утра, холодный воздухъ, мокрая, словно плачущiя деревья и лужи воды на землѣ напомнили объ осени, которая должна будетъ смѣнить лѣто. Въ глубокую осень хорошо сидѣть дома, въ сухѣ да въ теплѣ, и ненастье только увеличиваетъ прелесть домашнего очага; но путешествовать въ такую погоду не хорошо... И какое-то жуткое чувство заползало въ душу подъ шумъ деревьевъ, качаемыхъ вѣтромъ, да подъ стукъ дождя, ударявшагося въ крышу и наши бумажныя окна; но, до осени еще далеко, — только седьмое iюня...

Приходить къ намъ въ этотъ ненастный день адъютантъ Цзо-Цзунъ-Тана, Ши, очень подружившiйся съ нами, простой и добродушный человекъ, и сообщаетъ только-что полученную неприятную новость, что дунгане подъ предводительствомъ Би-Янгъ-Ху подступили къ г. Баркуль, и что снова началась война и рѣзня между ними и китайцами. Это извѣстiе на всѣхъ произвело неприятное впечатлѣнiе, но болѣе всего оно поразило нашего начальника, вѣроятно потому, что онъ „несъ за всѣхъ нравственную отвѣтственность“. Онъ сильно упалъ духомъ и цѣлый день ходилъ по комнатѣ изъ угла въ уголъ и размышлялъ о томъ, какъ выдти изъ затруднительнаго положенiя, и рѣшилъ тѣмъ, что мы останемся въ г. Су-Чжоу и тамъ будемъ ждать, чѣмъ кончится война съ мусульманскими мятежниками. А восторыхъ, подъ влиянiемъ того же извѣстiя, онъ нашелъ нужнымъ сдѣлать еще одно измѣненiе въ первоначальномъ планѣ экспедицiи, еще обрѣзать ее и слѣдовательно уменьшить ея результаты, а именно: теперь же было рѣшено не заходить, какъ сначала предполагалось, въ города Пи-Чанъ, Турфанъ, Урумци и Манась. И эта новая неудача вмѣстѣ съ ненастьемъ нагоняли хандру.

Уйдя въ свою комнату, я принялся за переводъ писемъ барона Рихтгофена о Китаѣ, которыя думалъ напечатать по прiѣздѣ. Матусовскiй что-то чертилъ. Но нашимъ занятiямъ сегодня помѣшали. Отъ Цзо-Цзунъ-Тана явился его адъютантъ, а за нимъ

шли двое слугъ съ огромнымъ подносомъ, на которомъ лежала цѣлая гора вещей; и я слышу, переводчикъ передаетъ Сосновскому, что это Цзо прислалъ намъ подарки.

— Скажите Цзо-Цзунъ-Тану, отвѣчаетъ тотъ, — что мы очень благодарны, что намъ очень приятно; только что жъ, вѣдь я... если бы тотъ... если бы не Лунъ-Танъ... только зачѣмъ же онъ цѣлый возъ... Ну, ужъ я ему потомъ пришлю всего изъ Россіи...

Подобная рѣчь продолжалась еще нѣкоторое время. Потому что-то говорилъ Ши-лоъ, вѣроятно, что-нибудь въ томъ же родѣ. А Сосновскій, пораженный множествомъ присланныхъ вещей, вынужденъ былъ спросить Ши:

— Что, эти подарки присланы мнѣ одному или всѣмъ?

Переводчикъ спросилъ; Ши замаялся, не зная, что отвѣчать, и потомъ сказалъ: да, ему одному,—и ушелъ.

Потомъ, вернувшись черезъ часъ, явился къ намъ въ комнату съ новыми подарками,—для меня и Матусовскаго. Они состояли изъ четырехъ кусковъ шелковой матеріи, четырехъ бумажныхъ свертковъ съ изреченіями, написанными самимъ Цзо, и изъ двухъ небольшихъ, но тяжелыхъ свертковъ, въ которыхъ, къ нашему изумленію, заключалось, какъ объяснилъ Ши-Лоъ, по двѣсти рублей серебра.

Этого послѣдняго явленія мы ужъ никакъ не ожидали, и отвѣтили Ши, что благодаримъ Цзо-Цзунъ-Тана за вниманіе, и принимаемъ изъ присланныхъ вещей сдѣланныя имъ надписи, какъ воспомнаніе о немъ; матерій же намъ не надо, потому что мы уже купили себѣ столько, сколько намъ было нужно, и можемъ купить въ десять разъ больше; что же касается присылаи намъ денегъ, говоримъ мы, то, безъ сомнѣнія, генералъ желалъ насъ обидѣть.

Мы это чувствуемъ,—говоримъ,—сожалѣемъ объ этомъ и даже гнѣваться изволимъ, потому что намъ кажется, что мы никакого повода къ оскорбленію не подавали и его не заслужили. Думаемъ, что онъ находится въ заблужденіи, неправильно на насъ смотритъ.

Мы отдали деньги назадъ съ просьбою возвратитъ ихъ генералу и объяснить, что у насъ деньги дарятъ только прислугѣ, точно такъ, какъ и у нихъ, китайцевъ. Ши сталъ упрашивать насъ не отказываться и, видя насъ взволнованными, старался по его мнѣнію поправить дѣло.

— Это деньги, — объяснил онъ, Цзо-Цзунъ-Танъ прислалъ не въ подарокъ вамъ, а для того, чтобы вы ихъ раздавали дорогой нашимъ же людямъ, китайцамъ, за разныя услуги, — напри- мѣръ, солдатамъ, извозчикамъ.

Въ этихъ словахъ заключался ясный намекъ на то, что мы платили часто чрезвычайно скупо, а иногда и совсѣмъ ничего. Но даже размѣръ такой платы, какъ, напри- мѣръ, на чай кон- воирамъ—опредѣлялся у насъ начальникомъ и мы больше поло- женнаго давать не смѣли. Это было установлено потому, что между конвоирами не разъ возникали споры, когда наши полу- чали вчетверо больше, чѣмъ отъ Сосновскаго.

Ши-лофъ продолжалъ упрашивать насъ, чтобы мы приняли деньги, говоря, что иначе мы обидимъ Цзо-Цзунъ-Тана.

— Мы не желаемъ его обижать, но не желаемъ и отъ него переносить незаслуженныхъ оскорбленій. Потрудитесь возвратить деньги и передать ему въ точности наши слова; объясните ему, что Пя и Ма—господа, а не слуги.

Мы вели эти переговоры черезъ нашего казака. Начальникъ изъ сосѣдней комнаты слышалъ все и, придя къ намъ, сталъ убѣждать „абсурдовъ“ не дѣлать, а совѣтовалъ принять деньги, доказывая, что никакого намѣренія обижать насъ старикъ не имѣлъ, что въ Китаѣ есть обычай дарить серебро не только при- слугѣ, но даже чиновникамъ, и поддѣрпывалъ свои слова примѣ- рами.

Хотя мы, конечно, и могли проглядѣть и не знать китайскаго обычая на счетъ денежныхъ подарковъ, но рѣшительно отказа- лись отъ своихъ четырехъ сотъ рублей и сдѣлали уступку лишь въ томъ, что согласились принять матеріи, и тутъ же подарили ихъ казакамъ, Смокотнину и Степанову; а Сосновскому были очень благодарны, что онъ больше не настаивалъ и приказанія „принять“ не отдалъ, такъ что оппозиція была непродолжитель- ная. Ши унесъ серебро обратно.

Насъ позвали къ обѣду. За нимъ разговоръ продолжался на ту же тему; и мы съ Матусовскимъ не могли не чувствовать себя безъ вины оскорбленными, — это ужъ извѣстная щепетиль- ность, свойственная маленькимъ людямъ; а начальникъ спра- ведливо возражалъ:

— Вѣдь вотъ онъ прислалъ также по сту ланъ Андреевскому и Боярскому; они же приняли и не обидѣлись... Положимъ, что двѣсти рублей деньги небольшія, но вѣдь и ихъ на дорогѣ не поднимешь.

— Отчего же онъ вамъ не прислалъ въ подарокъ серебра? спросилъ я.

— Такъ, все равно, онъ прислалъ мнѣ между китайскими предметами и двѣ европейскія вещи,—тѣ часы съ парижской выставки, которыя, помните, онъ показывалъ намъ, и сервизъ. Вѣдь это тѣ же деньги. Вѣдь и это, пожалуй, не менѣе обидно,—европейцу дарить европейскія вещи.

— Еще бы! Конечно, это также оскорбленіе, и вотъ видите,—вы же обидѣлись и, вѣроятно, возвратили ихъ назадъ, потому что этого поступка нельзя принять ни за что другое, какъ за новый щелчокъ вашему самолюбію, а слѣдовательно и намъ всѣмъ, и вообще русскимъ. А развѣ это можно допустить! Мы, вѣдь, официальные лица...

— Конечно, слѣдовало бы возвратить, но я остановился и раздумалъ, потому что—пошлешь,—обидишь старика. И вы также напрасно меня не послушались... онъ столько для насъ сдѣлалъ...

Для кого? чего? что такое онъ сдѣлалъ? завертѣлись вопросы въ головѣ... Но Ши-Лоъ явился опять, и опять принесъ свертки съ серебромъ, снова упрасивая принять послѣднее, — такъ какъ, говорилъ онъ, генералъ его уже отдалъ вамъ и назадъ взять не можетъ... Оно теперь ваше, а не его, и вы можете дѣлать съ нимъ, что вамъ угодно.

— Ну выбросьте его вонъ, повысивъ голосъ, отвѣтилъ я, отдайте его кому хотите; раздайте бѣднымъ, что ли; словомъ — дѣлайте, что желаете, а съ нами больше разговора о немъ не заводите...

Онъ уходилъ, говоря, что передастъ генералу, что мы просимъ раздать деньги бѣднымъ отъ нашего имени, а серебро оставилъ на столѣ.

— Это вы можете сдѣлать только въ томъ случаѣ, говорю я,—если примете отъ насъ по сту ланъ серебра также въ пользу бѣдныхъ.

— Хорошо, я передамъ это генералу, говоритъ Ши.

Когда онъ ушелъ; мы съ Матусовскимъ рѣшили, что намъ всѣмъ, для возстановленія собственнаго достоинства, слѣдуетъ приложить равную сумму денегъ отъ себя, т.-е. 400 ланъ,—800 серебряныхъ рублей, и послать вмѣстѣ съ присланными обратно; но мы лично не располагали никакими экстраординарными суммами, а изъ своихъ денегъ подобныхъ пожертвованій дѣлать, конечно, не могли. Сосновскій былъ того же мнѣнія.

Обѣдъ кончился, и, уходя, мы взглянули на канъ, заложенный цѣлою грудой дорогихъ вещей: свертками и ящиками чаю высокыхъ сортовъ, коробками съ ласточкиными гнѣздами и дорогимъ тибетскимъ шафраномъ, лаковыми коробками изящной работы, цѣлою кучей кусковъ шелковыхъ матерій, и проч., и проч.—Всего и не разглядѣть и не упомнить,—надо было все переписать, чтобъ удержать въ памяти. Но не трудно было замѣтить среди этой груды китайскихъ вещей знакомый читателю сервизъ; а хронометръ Цзо-Цзунъ-Тана Сосновскій носилъ уже на себѣ.

Послѣ обѣда является Ши и, вмѣсто того, чтобы избавить насъ отъ денежныхъ подарковъ, принесъ еще 250 ланъ серебра и роздалъ его казакамъ и нашей китайской прислугѣ... «Теперь, значить, всѣ были „облагодѣтельствованы чудеснѣйшимъ старикомъ“.

Нашъ начальникъ, занятый болѣе серьезными дѣлами, пропустилъ мелочи мимо ушей, и эти 250 ланъ были съ благодарностью приняты и розданы по назначенію; мы же съ товарищемъ, читатель ужъ знаетъ, не имѣли права ничѣмъ распорядиться. Намъ съ Матусовскимъ едва удалось убѣдить Сосновскаго, чтобъ деньги, во что бы ни стало, были возвращены; но ихъ возвратили не вдвойнѣ, а только то, что было получено. Цзо принялъ ихъ назадъ, но не иначе, какъ обѣщая ихъ употребить, по нашему желанію, на благотворительное дѣло, и приказалъ даже очень благодарить насъ, и восхвалялъ наше „великодушіе и сердечную доброту“!... Такъ по крайней мѣрѣ намъ передавали; а можетъ-быть Цзо ничего не зналъ объ участи посланныхъ 800 руб. и имѣлъ основаніе думать, что подарки приняты и нами.

Теперь зашла рѣчь о томъ, что слѣдуетъ непременно возвратить Цзо часы и сервизъ, также выразивъ ему, что мы всѣ считаемъ это за обиду, съ чѣмъ согласался и нашъ начальникъ; но вещи, оказалось, уже уложены въ дорогу, что ихъ уже трудно достать!

Теперь не было никакого сомнѣнія, что, вопервыхъ, въ этой массѣ подарковъ, а главное—въ присылкѣ въ числѣ ихъ двухъ европейскихъ вещей выражалось не простое исполненіе обычая дарить, а заключалась какая-то иная, скрытая мысль. Съ другой стороны, очень можетъ быть, что Цзо, желая только выразить эту свою мысль, шелъ на рискъ, предполагая, что посланныя вещи, сдѣлавъ свое дѣло, будутъ ему возвращены. Онъ, вѣроятно, былъ убѣжденъ, что тутъ даже и риска никакого нѣтъ, что оскорбленный непременно возвратитъ ихъ; но очень ошибся въ расчетѣ

и, давъ намъ урокъ, получилъ въ свою очередь самъ не рисковать такъ смѣло со всякимъ; и этотъ урокъ стоилъ ему, какъ читатель видитъ, не дешево: онъ лишился и сервиза и хронометра.

Такимъ образомъ между генераломъ Цзо и нами происходила какая-то серьезная игра, которой не сразу подберешь названіе; только она была невеселая,—и состояніе духа было до того разстроено, что никакая умственная работа на умъ не шла; приходилось обращаться къ природѣ и рисованію—двумъ вѣрнымъ средствамъ, всегда исцѣляющимъ душу и возвращающимъ ей покой и ясность, по крайней мѣрѣ на сколько они были возможны въ нашей обстановкѣ.

Я ушелъ съ альбомомъ и красками въ садъ, находящійся при генераль-губернаторскомъ домѣ. Чтобы дойти до него, нужно миновать нѣсколько дворовъ, двориковъ, узкихъ проходовъ, въ родѣ открытыхъ сверху корридоровъ, и пройти черезъ десять, если не больше, воротъ и дверей.

О китайскихъ садахъ многіе писали и рассказывали съ восторгомъ, представляя ихъ въ увлекательныхъ картинахъ, и создавали въ воображеніи читателя или слушателя въ высшей степени заманчивыя, почти фантастическія представленія. Но изъ всѣхъ мною видѣнныхъ въ Китаѣ садовъ ни одинъ не произвелъ на меня сильнаго впечатлѣнія, ни одинъ не гармонировалъ вполне съ представленіемъ, созданнымъ по описаніямъ и рисункамъ. Они занимали меня своею оригинальностью, нравились уютностью, но и только,—наслажденія же не доставляли.

Когда я входилъ въ первый разъ, напримѣръ, сюда, я надѣялся найти здѣсь нѣчто лучшее, но ожиданіе не сбылось и на этотъ разъ; садъ занимаетъ огромное мѣсто, и черезъ него проходятъ въ видѣ землянаго вала остатки Великой Стѣны, такъ что она раздѣляетъ его на двѣ части; первая представляетъ собственно огородъ съ различными овощами, вторая—садъ; но и послѣдній, несмотря на выложенныя кирпичомъ дорожки, на резервуары въ каменныхъ берегахъ, мосты и бесѣдки въ видѣ разбросанныхъ дачъ, оригинальныя арки или двери, разставленныя на дорожкахъ и представляющія то чайниці, то вазу, то правильный кругъ; несмотря на все это, говорю, садъ едва заслуживалъ такое названіе по бѣдности деревьевъ и вообще зелени, а также цвѣтовъ. Въ немъ нѣтъ густоты и тѣни, тѣхъ заманчивыхъ, теряющихся въ зелени дорожекъ, какія бываютъ у насъ; нѣтъ ни

цвѣтниковъ, ни газоновъ, ни отѣненныхъ прудовъ... Нѣтъ, это — не „пріютъ задумчивыхъ Дріадъ“!...

Да видно и настоящій хозяинъ не любитель пріютовъ подобныхъ созданій; онъ, говорятъ, почти не заглядываетъ сюда, такъ что тутъ кромѣ солдатъ да рабочихъ я никого больше и не встрѣчалъ. Этотъ садъ, какъ и весь генераль-губернаторскій домъ, представляющій, можно сказать, небольшой городокъ, производитъ какое-то подавляющее впечатлѣніе чего-то безжизненнаго; это — не то суровая казарма, не то тюрьма или обитель какихъ-нибудь сектантовъ, запирающихся по своимъ дворикамъ и кельямъ; — вы не встрѣтите въ немъ ни женщины, ни ребенка, ни гостей, приходящихъ гулять и отдыхать... Только одни солдаты тоскливо бродятъ здѣсь, видимо скучая отъ бездѣлья.

Выбравъ пунктъ, я раскрылъ свой стулъ и приготовился начать работу. Увидавъ это, солдаты стали собираться позади меня, готовясь къ наблюденію. Нѣкоторые изъ нихъ жили въ саду, въ стоявшемъ неподалеку домикѣ, и двое безъ моей просьбы тотчасъ принесли мнѣ оттуда столикъ, воды и чашку горячаго чаю, угощая меня. Терпѣливо ожидая появленія еще неизвѣстно чего, они смирно стояли сзади и зорко наблюдали за работой, толковали между собою по поводу разныхъ моихъ вещей, а потомъ восхищались рисункомъ, удивлялись и хохотали отъ удовольствія, когда увидали на бумагѣ то же, что было передъ глазами въ натурѣ. Они смотрѣли сверху, рассматривали снизу, опять смѣялись и восхваляли мое искусство... И сколько живаго удовольствія доставляли этимъ простымъ людямъ и картина, и самый процессъ рисованія.

На дворѣ стоитъ невыносимая іюльская жара, отнимающая всякую бодрость тѣла; впадаешь въ состояніе изнеможенія; пропадаетъ желаніе что-нибудь дѣлать, — и изъ комнаты, гдѣ еще можно дышать, не вышелъ бы... Но какъ сидѣть, когда нужно еще осмотрѣть такъ много. И вотъ, дѣлаешь надъ собой немалое усиліе, берешь что надо, и въ сопровожденіи конвоировъ солдатъ отправляешься въ городъ, въ заранѣе осмотрѣнный и намѣченный мѣста. Сегодня я пошелъ въ шаньсійскій клубъ, который представляетъ самое большое и самое богатое учрежденіе въ Лань-Чжоу. Типъ его все тотъ же, уже знакомый читателю: нѣсколько дворовъ, обсаженныхъ деревьями; на дворахъ въ тѣни ихъ расположены храмы, театральныя сцены и жилия помѣщенія;

обстановка здѣсь богата, изящна и красива, и особенно живописны крыши, одѣтыя сѣрой, голубой и желтой черепицей.

Я былъ уже знакомъ съ жившими при храмѣ хэ-шан'ами, и они встрѣчали меня съ большимъ почетомъ, точно и не вѣсть какую персону, а также и съ неподдѣльнымъ удовольствіемъ.

— Жарко, говорили они, вводя меня въ свою маленькую, полусвѣтлую и прохладную комнату;—теперь ничего дѣлать нельзя,—тяжело: надо сидѣть въ комнатѣ и пить чай.

Посидѣть въ комнатѣ было необходимо; но что касается кипящаго чая, то я еще недостаточно превратился въ истаго китайца, чтобъ прибѣгать къ его „прохлаждающимъ“ свойствамъ, когда меня не томила жажда. Я остался у нихъ и нарисовалъ внутренность ихъ комнаты, маленькой, не особенно красивой, но оригинальной, и, отдохнувъ, ушелъ въ другую, отдаленную часть Лань-Чжоу, въ кумирню, стоявшую на возвышенномъ мѣстѣ. Съ ея террасы открывается очень красивый и интересный видъ на окрестности города, который мнѣ и хотѣлось привезти въ Россію; но освѣщеніе въ этотъ часъ было такъ неудобно, что пришлось отказаться отъ своего намѣренія и заняться случайнымъ дѣломъ. Здѣшній хэ-шанъ былъ также мой знакомый, потому что я уже былъ здѣсь нѣсколько разъ, и онъ давно самымъ нѣжнымъ тономъ выпрашивалъ у меня картинку. Но мнѣ поневолѣ приходилось скупиться и своимъ временемъ, и даже бумагой, которую я берегъ больше денегъ.

— Да я вамъ цѣлую гору бумаги принесу, упрасивалъ хэ-шанъ.

Но китайская бумага или совсѣмъ не годится для нашего рисованія, или весьма неудобна, главнымъ образомъ по своей тонкости и промокаемости...

Хэ-шанъ тронулъ меня своими просьбами, которыхъ онъ не прекращалъ, и, проведя меня за руку въ одно изъ отдѣленій храма, свѣтлое, выходящее на террасу, указалъ на чистую бѣлую стѣну, принесъ вѣсти, воды и тушь, и еще разъ поклонился чуть не въ землю... Чтѣ станете дѣлать!... Принимаюсь расписывать стѣну, и черезъ часъ восхищенный служитель алтаря снова кланялся мнѣ уже въ знакъ благодарности, а обѣ руки съ поднятыми большими пальцами были поднесены чуть не къ самому моему лицу. И ужь о большей наградѣ мнѣ и думать было бы стыдно.

Толпа, сопровождавшая меня по улицѣ, когда я шелъ сюда, и стоявшая внизу, у воротъ, потому что во дворъ солдаты ея не

пустили,—эта толпа уже знала, что тутъ на стѣнѣ явились море, горы и лодки съ огненными колесами (пароходъ), и ломилась въ двери, прося позволенія посмотрѣть на „инострannую картину“. Но ее впустили только, когда я ушелъ, и она волною хлынула во дворъ,—даже меня никто провожать не пошелъ.

Что это, размышляя я дорогой,—любопытство праздныхъ людей, или врожденная любовь къ искусству? Думаю, что послѣднее будетъ справедливѣе... А на другой день Танъ, вернувшись изъ города, рассказалъ, что въ этомъ храмѣ въ теченіе цѣлаго дня толпится народъ, все идутъ смотрѣть на картину. Вотъ вамъ и подтвержденіе... Да, въ Китаѣ легко прославиться художнику!

Въ одинъ изъ слѣдующихъ, не менѣе знойныхъ дней я пошелъ за городъ, гдѣ находилось нѣсколько храмовъ, окруженныхъ небольшими, но густыми рощицами, и осмотрѣлъ изъ нихъ три. Во дворѣ одного храма находится открытая галерея, обходящая вокругъ всего двора, и стѣна его, имѣющая во всѣхъ четырехъ сторонахъ, я думаю, около полуверсты, вся расписана фресками, которыя представляютъ одну непрерывную картину безъ подраздѣленій, такъ что изображаемая въ ней отдѣльная сцена непосредственно переходятъ одна въ другую и, какъ должно думать, представляютъ одну какую-то эпопею.

Начинается эта живописная исторія съ лѣвой стороны отъ входной двери, потому она обходитъ весь дворъ и оканчивается у тѣхъ же воротъ. Разсматривая ее, я безконечно сожалѣлъ, что не имѣю подлѣ себя человѣка, который бы могъ спросить и передать мнѣ объясненія этой любопытной картины. Сожалѣлъ и еще о другомъ, — что не смѣлъ распорядиться экспедиціонной фотографіей (которая ни съ того ни съ сего уже давно получила странный характеръ собственности Сосновскаго), а то я непремѣнно посоветовалъ бы снять ее всю. Самому же срисовывать было невозможно, какъ по величинѣ работы, которая требовала много времени, такъ и потому, что копировать китайскія картины—дѣло чрезвычайно трудное: здѣсь нужна самая точная копія, а для этого нужно стараться рисовать дурно, иногда такъ искажая формы, что почти невозможно заставить себя скопировать, напримѣръ, какую-нибудь уродливую руку, ногу, или искаженное перспективное изображеніе.

Содержаніе представленной въ картинѣ эпопеи было, какъ мнѣ казалось, что-то въ родѣ зарожденія Будды и исторія его развитія; далѣе сотвореніе людей, сцены ихъ мирнаго существованія,

потомъ періодъ войны и наказаній человѣческаго рода и, наконецъ, нѣчто въ родѣ сценъ изъ загробной жизни: А именно. Картина начинается, какъ должно думать, представленіемъ хаоса, предшествовавшаго сотворенію міра и зарожденію самого божества; затѣмъ среди этого хаоса образовался кругъ, какъ бы плавающий среди облаковъ и заключающій въ среднѣй пятно, состоящее изъ плотно свернутой спирали. Рядомъ съ этимъ нарисованъ другой кругъ, такой же величины и среди такихъ же облаковъ, но въ центрѣ его, вмѣсто спирали, сидитъ, поджавши ноги, маленькій благословляющій Будда; въ третьемъ и последнемъ кругѣ заключаются три божества, — тотъ же Будда и по бокамъ его два подобныхъ ему существа, только меньшей величины.

Далѣе картина представляетъ сцену, въ которой участвуютъ много людей, все, повидимому, добрыхъ, благочестивыхъ и наслаждающихся ничѣмъ ненарушаемымъ счастьемъ. Потомъ начинаются сцены вражды людей между собою и война людей съ богами; далѣе — наказаніе людей огнемъ, различнымъ оружіемъ и водою, проливаемою съ неба богами изъ сосудовъ, сдѣланныхъ изъ тигровыхъ или другихъ кожъ. За ними слѣдуетъ длинный рядъ непонятныхъ сценъ, совершающихся при различной обстановкѣ: посреди горъ или облаковъ, на водѣ или на зеленыхъ равнинахъ, на террасахъ домовъ, въ садахъ или внутри домовъ, въ комнатахъ. Въ этихъ сценахъ участвуютъ или обыкновенные люди, или герои, а также люди съ признаками величія, святости или божественнаго происхожденія, напримѣръ, большая женщина, предъ которой съ почтеніемъ преклоняются люди. Эти существа представлены то летящими на облакахъ, то ѣдущими на лошадяхъ самыхъ невозможныхъ цвѣтовъ, напримѣръ ярко-розового цвѣта съ зелеными гривами, или въ паланкинахъ, запряженныхъ драконами, а то въ телѣгѣ, которую везетъ корова; другіе ѣдутъ на аистахъ, или баснословной китайской птицѣ ци-линь, и ихъ съ почетомъ встрѣчаютъ люди, принося въ рукахъ различные жертвенные дары.

Въ картинѣ часто встрѣчаются разные аксессуары непонятнаго символическаго характера, напримѣръ облако черного дыма какъ бы выходящаго изъ земли чрезъ узкое отверстіе, и въ этомъ облакѣ пять драконовыхъ головъ, сидящихъ, подобно цвѣтамъ, на длинныхъ стебелькахъ.

Мнѣ не хотѣлось снять ни одной сцены, какъ по недостатку времени, такъ главнымъ образомъ потому, что выхваченная изъ

цѣлаго, она, подобно отдѣльной страницѣ изъ книги, не имѣла бы никакого значенія.

Я продолжалъ осматривать другіе дворы и кумирни, но они не представляли рѣзкихъ отличій отъ обыкновеннаго типа. Не исключительнымъ явленіемъ была и сцена, происходившая въ одномъ изъ отдѣленій храма, куда я былъ привлеченъ раздававшимися тамъ громкими веселыми криками многихъ голосовъ. Эта сцена, какъ и многія другія, показываетъ, какъ своеобразно относятся китаецы къ своимъ храмамъ и богамъ. Привлеченный шумомъ, криками и хохотомъ, я подошелъ къ дверямъ и остановился при входѣ, гдѣ стояло нѣсколько человѣкъ китаецевъ, а внутри полутемнаго храма, имѣвшаго небольшіе размѣры, столбомъ стояла пыль, и въ этой пыли бѣгали и прыгали мальчишки, бросая вверхъ деревяшки, комки земли, камни или снятое съ себя платье;—веселье было самаго неудержимаго характера. Я не сразу понялъ въ чемъ дѣло, что это—игра, или совершеніе какого обряда; спрашиваю у одного изъ сосѣдей, которые смотрѣли на ребятишекъ и сами отъ души хохотали.

— Янь бянъ-ху (летучія мыши), лаконически отвѣчаетъ сосѣдъ, продолжая хохотать:—тутъ ихъ пропасть, едва выговорилъ онъ съвозъ смѣхъ, наблюдая за мальчишками. Оказалось, что здѣсь происходила охота за летучими мышами, которымъ открытые темные храмы служатъ обыкновеннымъ дневнымъ пріютомъ. Бѣдныя животныя десятками летали подъ потолкомъ, садясь отдохнуть, или стараясь спрятаться отъ безпощадныхъ преслѣдователей; но ихъ опять спугивали, и нѣкоторыя падали на полъ убитыми или ранеными и доставались въ руки хотя не злыхъ, но жестокихъ тирановъ. И ни одинъ изъ стоявшихъ тутъ взрослыхъ китаецевъ не сказалъ дѣтямъ, что они дѣлаютъ дурно, убивая невинныхъ животныхъ. Но не то же ли можно встрѣтить и повсюду въ темной массѣ.

Мнѣ удалось остановить избіеніе летучихъ мышей, и я уже вечеромъ возвращался домой пѣшкомъ. Жители Лань-Чжоу такъ привыкли ко мнѣ, что почти не обращали на меня никакого вниманія, и я шелъ рядомъ съ другими такъ же спокойно, какъ будто находился въ одномъ изъ русскихъ городовъ;—меня всѣ видѣли, потому что мой европейскій костюмъ рѣзко отличался отъ всѣхъ, но всякій шелъ своей дорогой, или занимался своимъ дѣломъ. И лишь изрѣдка кто-нибудь толкнетъ сосѣда и вполголоса скажетъ: иностранецъ,—и кивнетъ на меня головой.

Возвращаясь домой, я думаю — не застаю ли у себя сегодня Цзо-Цзунь-Тапа. Но нѣтъ, — онъ съ тѣхъ поръ, какъ прислалъ подарки, пересталъ у насъ бывать! Прошло еще нѣсколько дней; онъ такъ и не появлялся и не прислалъ ни съ чѣмъ...

Вотъ наступилъ и каунтъ отъѣзда, и завтра, оповѣстивъ насъ, мы отправляемся къ нему сами съ прощальнымъ визитомъ, а десятаго числа назначенъ выѣздъ изъ Лань-Чжоу. Мы условились, что во время этого визита мы всѣ поочереди выскажемъ генералу въ тонкихъ и вѣжливыхъ выраженіяхъ, что чувствуемъ себя обиженными его подарками: мы съ Матусовскимъ — деньгами, а Сосновскій — часами и сервизомъ. Онъ долженъ былъ начать объясненіе первый, хотя я и не совсѣмъ понималъ, какъ же это онъ будетъ говорить объ обидѣ, когда вещи, вмѣсто того, чтобы быть возвращенными тогда же или теперь, были уложены въ сундуки и отправлялись съ нимъ въ дорогу...

Деятаго іюля съ утра начались сборы и приготовленія къ отъѣзду, — сборы, всегда скучные, непріятные, составляющіе самую темную сторону путешествій вообще.

Предупредивъ генераль-губернатора о нашемъ желаніи сдѣлать ему прощальный визитъ и получивъ приглашеніе пожаловать, мы отправились. Онъ встрѣтилъ насъ въ той же пріемной, въ которой принялъ въ первый день нашего знакомства, въ форменной шляпѣ и костюмѣ, состоявшемъ изъ бѣлаго шелкового халата, сверхъ котораго былъ еще надѣтъ другой желтый, подпоясанный поясомъ съ серебряными узорчатыми пряжками, и черная прозрачная накидка, длинная, тоже въ родѣ халата, чрезъ который просвѣчивали первые два.

Цзо извинился, что давно не видалъ насъ, оправдываясь болѣзнью, и дѣйствительно нѣсколько измѣнился въ лицѣ. Онъ старался быть любезнымъ, но, казалось, чувствовалъ себя сконфуженнымъ или какъ бы виноватымъ передъ нами: до него, по видимому, дошли наши выраженія неудовольствія за его загадочные подарки... Итакъ, встрѣтились въ судебной залѣ и проходимъ въ пріемную. Усѣлись, и мы ожидаемъ начала той рѣчи, какую нашъ начальникъ долженъ держать къ китайскому сановнику, и готовимся присоединить и наши голоса.

Сосновскій началъ самымъ любезнымъ тономъ, словами благодарности за всѣ его любезности, радушіе, доброту и гостепримство; потомъ сказалъ фразу, — „я еще разъ повторяю, что вотъ только напрасно онъ европейскія вещи“... И потомъ, махнувъ

ршии, обратился къ намъ со словами:— „да впрочемъ, ужь оста-
те; теперь не время и не мѣсто; не стоить толковать изъ-за пу-
сидовъ“...

Такимъ образомъ мы приняли и поблагодарили Цзо-Цзунъ-Тана!... Онъ принялъ благодарность, разумеется, какъ должное, потому что многое было действительно заслужено имъ; потомъ поговорили ней о чемъ постороннемъ, причемъ намъ съ Матусовскимъ не удалось сказать отъ себя и двадцати словъ, и мы сидѣли больше въ качествѣ молчаливыхъ свидѣтелей совершающихся передъ нами, хотя и пустыхъ, но не совсѣмъ маловажныхъ событій.

Цзо на этотъ разъ далъ намъ ясно понять, что считаетъ свою родину если не выше всѣхъ государствъ на свѣтѣ, то и не ниже нѣкогда, и этою любовью къ ней онъ, конечно, только располагалъ меня въ свою пользу. Проводя параллель между Китаемъ и европейскими націями, онъ сказалъ, что „европейцы замѣчательны своими новыми открытіями, а мы, китайцы, постоянно отверываемъ новости въ своей старинѣ, въ нашихъ письменахъ, которыхъ еще не могли всѣхъ разработать, а многихъ до сихъ поръ даже не прочелъ никто“...

Этотъ послѣдній визитъ къ Цзо-Цзунъ-Тану кончился и при прощаньи онъ сказалъ, что придетъ сегодня къ намъ обѣдать. Действительно, вскорѣ явилась прислуга и приготовила въ нашей приемной столъ, а потомъ явился и самъ генералъ въ парадѣ и съ парадно одѣтой свитой. За этимъ обѣдомъ имъ такъ же, какъ и въ первый разъ, были повторены всѣ церемоніи съ каждымъ предметомъ каждаго прибора; затѣмъ слѣдовали церемонные поклоны, и наконецъ всѣ усѣлись и приступили къ обильнѣйшему обѣду, которымъ все-таки угощалъ онъ насъ, а не мы его...

А намъ слѣдовало бы хотя одинъ разъ принять его у себя самимъ, угостить своимъ обѣдомъ, что было очень легко и просто сдѣлать: призвать изъ города повара, заказать обѣдъ и пригласить генерала официально. Но мы такъ увлеклись „учено-торговыми“ дѣлами, что забыли и обычай своей страны, и общечеловѣческія правила приличій; мы какъ будто лишились даже чувства собственнаго достоинства, потому что, какъ говорю, ни разу не угостили у себя Цзо-Цзунъ-Тана ничѣмъ, кромѣ еще въ счастьи остававагося у насъ съ Матусовскимъ русскаго сахара. Мы отдали его весь, сколько у насъ было, и онъ долго любовался имъ, признаваясь, что никогда не видалъ подобнаго по бѣлизнѣ

и крѣпости. И онъ даже подѣлился этими своими впечатлѣніями со свитой.

Итакъ мы сидимъ у себя дома, а Цзо угощаетъ насъ у насъ же своимъ обѣдомъ!

Послѣдній продолжался уже часа два; всѣ уже были сыты, а онъ, должно думать, только на половинѣ. Бесѣда на этотъ разъ не вязалась; всѣ чувствовали себя въ нѣсколько натянутомъ положеніи, потому что всѣ чувствовали, что отношенія были не прежнія, — между нами и Цзо пробѣжала черная кошка, хотя и трудно положительно сказать въ образѣ чего: нашего ли подарка ему, слишкомъ ли дорогой цѣны на хлѣбъ, дорогихъ ли часовъ, которыхъ онъ такъ опрометчиво лишился, тѣхъ ли неловкостей, которыя мы такъ тонко, съ такимъ замѣчательнымъ тактомъ здѣсь учиняли, по милости одного Сосновскаго, или наконецъ въ образѣ нашего собственнаго неумѣнія достаточно уважать себя, свое національное имя и свою родину. И какъ ни старался нашъ начальникъ казаться веселымъ, какъ ни смѣялся и ни жестикулировалъ, все было напрасно: всѣмъ было тяжело, и даже въ комнатѣ какъ будто темно было, несмотря на ясный день. Мнѣ же стало до того тяжело и грустно, что я подъ предлогомъ нездоровья попросилъ у нашего гостя-хозяина извиненія и позволенія оставить компанію. Цзо выразилъ сожалѣніе о моемъ нездоровьѣ и, спасибо, не сталъ удерживать. Я ушелъ въ свою комнату, а оттуда въ городъ, какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ, съ рисовальными принадлежностями и сдѣлалъ два дѣла, — нѣсколько развлекся и принесъ домой весьма интересный рисунокъ — давно намѣченный видъ наиболее красивой части Лань-Чжоу съ городской стѣны.

Наступилъ десятый день іюля, и мы сегодня покидаемъ городъ, въ который не очень давно страстно стремились, какъ въ какую-то обѣтованную землю. День былъ пасмурный. Наша тихая квартира сегодня необыкновенно оживилась, но оживилась только для того, чтобъ потомъ опустѣть; во всѣхъ комнатахъ происходила суматоха: тольлись слуги, солдаты и извозчики, выносившіе вещи; приходили прощаться знакомые; являлись мои пациенты, чтобъ запастись лѣкарствами и совѣтами на будущее время, надолго, чуть ни на цѣлую жизнь; съ прежними пациентами являлись даже новыя, до которыхъ только вчера дошла вѣсть о будто бы чудесныхъ исцѣленіяхъ, о которыхъ молва всегда распространяется болѣе, чѣмъ о тѣхъ случаяхъ, гдѣ врачъ остается безомыленнымъ,

и когда онъ самъ говоритъ, что „отъ смерти, вѣдь, не избавишь и неизлѣчимой болѣзни не вылѣчишь“.

Хотя и предполагалось выѣхать сегодня раннимъ утромъ, но собрались только къ часу; наконецъ все вынесено, всё на ногахъ, съ надѣтыми на себя дорожными принадлежностями; верховныя лошади, которыхъ мы здѣсь купили себѣ, потому что дальше, пожалуй, не у кого будетъ достать наемныхъ, стоять у подвѣзда. Но для переводчика и фотографа лошадей не куплено, и Сосновскій требуетъ вазенныхъ.

Провожавшіе насъ мандарины съ ногъ сбились, бѣгая то за тѣмъ, то за другимъ. Привели лошадей; теперь оказывается сѣдель нѣтъ; послали спросить у генераль-губернатора: нельзя ли дать на время два сѣдла изъ его собственныхъ? Тотъ велѣлъ подарить...

Пока мы стояли и ходили въ ожиданіи окончанія всѣхъ приготовленій, въ наши комнаты уже явилась прислуга и начала выносить мебель, мести полы, причеъ поднялась страшная пыль, въ которой мы поневоль должны были находиться.

И я не знаю, существуетъ ли въ Китаѣ обычай такъ торопиться съ уборкой оставляемой, но еще не оставленной квартиры, или это была демонстрація, выраженіе нетерпѣнія и удовольствія, что мы наконецъ уѣзжаемъ; — во всякомъ случаѣ это не могло служить доказательствомъ особеннаго къ намъ почтенія.

Собравшись совсѣмъ и стоя въ бездѣйствіи на террасѣ на дворѣ, я посматривалъ на толпившихся и стоявшихъ людей, также праздно смотрѣвшихъ на наши сборы, и не подиѣтилъ ни у кого выраженія сожалѣнія или грусти; а насмѣшливыя выраженія на лицахъ солдатъ и даже мандариновъ мелькали довольно часто и явно показывали намъ, что оказанныя любезности, какъ даровое помѣщеніе, даровое кормленіе пятнадцати человѣкъ нашей компаніи въ продолженіи почти мѣсяца, и щедрые подарки Цзо, никакъ не слѣдуетъ принимать, какъ я и раньше предполагалъ, за выраженіе нѣжной дружбы и платонической любви къ намъ здѣшнихъ китайцевъ... Да и за что же бы, правду говоря, они могли воспламениться по отношенію къ такой учено-торговой экспедиціи подобными чувствами?

Цзо-Цзунъ-Танъ не пришелъ проститься съ нами и подъ предлогомъ болѣзни отказался принять насъ даже тогда, когда нашъ начальникъ выразилъ желаніе еще разъ проститься съ нимъ.

Насъ провожалъ и исполнялъ всѣ наши просьбы и порученія адъютантъ Цзо,—Ши-лоу, бѣлый, толстый добрякъ, который бывалъ у насъ каждый день по нѣскольку разъ, и все время находился въ роли коммиссіонера, исполняя ее неумоимо и всегда самымъ любезнымъ образомъ. Но за эти услуги и доброе расположеніе къ намъ Сосновскій подарилъ ему при прощаньи,—никто не повѣритъ, — клеенчатый поддонникъ, баночку помады и маленькое открывающееся костяное яичко, величиною съ простой орѣхъ, изъ котораго что-то вынималось, кажется цѣпочка изъ нѣсколькихъ стеклянныхъ зернышекъ!...

„Лунь-Тань!“—точно раздалось въ ухахъ... Впрочемъ онъ обѣщаль прислать Ши изъ Россіи всего, всего... Потомъ онъ передалъ ему рублей на сто серебра, прося раздать поварами, прислугѣ, конюхамъ и конвойнымъ солдатамъ, служившимъ намъ во время нашего пребыванія въ Лань-Чжоу. (Мы съ Матусовскимъ вели свои расходы и счета отдѣльно.)

Наконецъ кончились всѣ сборы; мы простились больше знаками и жестами, потому что передать толково хотя бы одну фразу не было никакой возможности,—и уѣхали... я было хотѣлъ сказать безъ всякаго сожалѣнія, но нѣтъ... Мнѣ было жаль покидать добродушнаго толстяка Ши, нѣкоторыхъ изъ своихъ пациентовъ, которые пришли проводить меня, и солдатъ, добродушныхъ мальхъ, привыкшихъ ко мнѣ во время нашихъ прогулокъ и работы въ городѣ. Грустили и они, провожая меня, и, выражали это, кто какъ умѣлъ. А можетъ-быть этого и не было и мнѣ только такъ казалось, вслѣдствіе самообольщенія.

Тронулся транспортъ изъ пятнадцати телѣгъ; за нимъ уѣхали со двора и мы... Но уѣхали какъ-то странно, даже, можно сказать, неловко. Послѣ встрѣчи до нѣкоторой степени почетной, послѣ, какъ казалось, такого любезнаго приѣма, насъ проводили такъ, какъ будто не проводили, а выпроводили... Въ самомъ дѣлѣ,—китайцы, такіе охотники до всякаго рода демонстрацій, теперь не сдѣлали ни одного выстрѣла, не выставили ни одного флага; никто не явился хотя бы съ однимъ словомъ отъ генераль-губернатора; ни одинъ мандаринъ не поѣхалъ проводить насъ хотя бы до городскихъ воротъ, какъ это дѣлается у китайцевъ при малѣйшемъ вниманіи къ людямъ...

Словомъ, благодѣяній намъ въ Лань-Чжоу было оказано чрезвычайно много, а выраженія почтенія—ни на волосъ. Казаться мнѣ это не могло, потому что одно и то же всѣмъ вдругъ не

кажется, стало-быть таковъ фактъ; а какія были его причины,—доподлинно неизвѣстно, и поэтому я пройду ихъ молчаніемъ. Но не могу не сказать, что мы съ Матусовскимъ имѣли основаніе думать, что опохмѣляемся горькимъ виномъ на чужомъ непочетномъ пиру... А что думаетъ на этотъ счетъ капитанъ Сосновскій,—это мы прочтемъ въ его сочиненіи о его путешествіи въ Китай.

Мы выѣхали за городъ, а мысли возвращаются туда, и внутренними очами я вижу и слышу, что теперь тамъ происходитъ и что говорится...

Такимъ-то образомъ кончился первый длинный періодъ нашего путешествія, который можетъ быть названъ часто повторявшимися словами распорядителя экспедиціи: „Намъ бы только до Лань-Чжоу добраться!“ Теперь начинается періодъ второй и послѣдній, характеризуемый безпрестаннымъ восклицаніемъ того же распорядителя: „Господи, когда жъ это мы до Зайсана доберемся!“

Г Л А В А XII.

ВДОЛЬ ВЕЛИКОЙ СТѢНЫ.

Дорога отъ Лань-Чжоу-Фу.—Ночныя блужданія.—Новыя оригинальныя по-
стройкы.—Г. Пинь-Фань-Сянь.—Великая Стѣна.—Пріемы насъ туземцами.—
Тангуты.—Свѣдѣнія о реvent.—Холодный пріемъ въ лагерѣ.—Переваль
У-Ши-Линь.—Картини разрушенія.—Г. Гу-Лань-Сянь.—Зной морить.—Не-
выне спутники.—Богатство разваливъ и бѣдность населенія.—Г. Лань-Чжоу-
фу.—Г. Юнь-Чань-Сянь.—Гроза и ливень.—Разоренныя села.—Слухи о
русскомъ отрядѣ, идущемъ на встрѣчу.—Ночной караулъ.—Внутренность
дома-крѣпости.—Г. Шань-Дань-Сянь.—Огромная статуя Будды.—Г. Гань-
Чжоу.—Озера и изобиліе деревьевъ въ немъ.—Толпа и мои конвойные.—
Тяжелая дорога.—Жалкая деревня.—Купанье въ ручьѣ.—Пески и болота.—
Трудъ носильщиковъ.—Г. Коу-Тай-Сянь.—„Полный ходъ.“—Ушедшій и вер-
нувшійся спутникъ.—На сторожевой башнѣ.—Жалкая страна и жалкіе люди.—
Встрѣча насъ мандариномъ и вооруженнымъ конвоемъ.—Г. Су-Чжоу.—Сте-
жень его разоренія.—Вѣсто чина отставка.—Крѣпость Цзя-Юй-Гуань.—
Встрѣча.—Визитъ мандарина.—Конецъ Великой Стѣны.—Безотрадная картина.

Итакъ, мы изучили завѣтный городъ, начали новую эру путе-
шества, и вотъ опять въ дорогѣ. Намъ предстоитъ теперь пройти
сѣверную половину бассейна Желтой рѣки, подняться на окай-
мляющія ее горы и выбраться на степь, которая потянется до
самой Гоби.

Выѣхавъ изъ сѣверныхъ воротъ Лань-Чжоу и переѣхавъ рѣку
Хуань-Хо по описанному выше мосту, мы направились противъ
теченія сначала вдоль рѣки, по ея лѣвому берегу, по которому
тянутся каменистыя, почти голыя горы, мѣстами покрытыя бѣд-
ной сѣрвотой травой; на отлогости, у самой рѣки, зеленѣющая
доля и стоятъ небольшія рощицы цзао-шу*); рядомъ пестрѣютъ

---

*) *Zizyphus vulgaris*.

поля хлопчатника въ цвѣту; поля, приготовленные подъ посѣвы, и бакчи съ арбузами, дынями и тыквами и сдѣланными изъ соломы шалашами для караульщиковъ. Вдоль дороги опять стали попадаться развалины деревень и деревни въ видѣ маленькихъ замковъ; встрѣчались большіе фруктовые сады персиковыхъ и абрикосовыхъ деревьевъ; встрѣтилась у дороги на деревѣ клѣтка съ головой недавно казненнаго человѣка; а въ небесахъ раздаются пѣсни жаворонковъ, и въ горахъ покрикиваютъ куропатки. Дорога идетъ параллельно съ полуразрушенной Великой Стѣной, представляющей здѣсь земляной валь, часто прерывающійся и не имѣющій ничего грандіознаго, кромѣ своей длины. Этотъ историческій памятникъ доживаетъ свой вѣкъ, и скоро вода и воздухъ окончателно сотрутъ его съ лица земли, такъ какъ его не поддерживаютъ вовсе. Желтая рѣка здѣсь широка, и правый берегъ ея казался окутаннымъ голубоватою мглою; теченіе быстро, и по временамъ по рѣкѣ проносились плоты съ грузомъ, устроенные на надутыхъ бычачьихъ кожахъ.

Мы съ Матусовскимъ скоро остались только со своимъ казакомъ и Тань-лоѣ, потому что Сосновскій уѣхалъ рысью впередъ и исчезъ изъ вида, предоставивъ намъ полное право заниматься изслѣдованіемъ большой дороги, съ которой можно было видѣть порхавшихъ вдали птицъ, вившихся въ воздухѣ насѣкомыхъ, собирать и изучать ихъ со всею подробностью, но заботиться болѣе о томъ, чтобы не задержать общаго движенія.

Небо гуще и гуще покрывалось тучами, нависшими надъ горами, которыя приняли мрачный, темно-синій цвѣтъ. Дорога повернула отъ рѣки вправо по горамъ, и мы скоро вступили въ одно изъ ущелій, навсегда простившись съ Желтой рѣкой. Мѣстность въ ущельѣ и въ видимыхъ съ дороги горахъ имѣетъ пустынный, унылый характеръ: все тутъ желтовато-краснаго цвѣта, голо и пусто; лишь изрѣдка попадаются отдѣльные домики, обитаемые людьми, и мнѣ за нихъ становилось жутко при мысли о томъ, что здѣсь они проводятъ весь свой вѣкъ. Растительности почти никакой нѣтъ, и глазу не на чемъ остановиться кромѣ встрѣчающихся здѣсь на вершинахъ холмовъ интересныхъ остатковъ почвы, въ видѣ отдѣльно стоящихъ большихъ бугровъ, имѣющихъ сходство съ различными предметами, напримѣръ, съ домами, башнями, огромными грибами или замками. Скоро сталъ накрапывать дождь, и мало-по-малу надвинулись сумерки.

Опять мы ъдемъ, какъ сказочные герои, не зная когда и гдѣ найдемъ пріютъ на ночь; обогнали нашъ транспортъ; потому встрѣтили одного случайнаго путника и узнали отъ него, что онъ видѣлъ проѣхавшихъ иностранцевъ, что они остановились ночевать въ селѣ за 30 ли отсюда. Еще пятнадцать верстъ, а день уже кончается... Утѣшительно! Когда-то еще доберемся до ночлега... И какъ Матусовскому производить свою съемку?

До сихъ поръ хотя дорога была одна; но вотъ она раздѣлилась на двѣ вѣтви, круто отходящія другъ отъ друга, и по которой ѣхать—никто не знаетъ; спросить не у кого, потому что кругомъ все пустынно. Мы сообразили, и взяли налѣво; однако послали Тана впередъ съ тѣмъ, что не встрѣтится ли селенья, гдѣ бы можно было узнать, туда ли мы ѣдемъ, куда слѣдуетъ. Но онъ вернулся, не найдя ни селенья, не встрѣтивъ ни одного человѣка, а ужъ ночь наступила; и вотъ мы втроемъ среди пустынныхъ горъ, на большой дорогѣ, остановились ожидать нашего транспорта, а казакъ поѣхалъ назадъ караулить его у раздѣленія дороги. Наконецъ мы услышали позади себя крики погонщиковъ и скрипъ телѣжныхъ колесъ и обрадовались, что не ошиблись. Тронулись дальше уже въ совершенныхъ потемкахъ и то поднимались въ гору, то спускались внизъ по краямъ глубокихъ овраговъ; лошадь моя пугалась чего-то и храпѣла, пугая меня своимъ вздрагиваніемъ: ну какъ, думаешь себѣ, вздумаетъ шарахнуться въ сторону оврага!..

Едва различая дорогу и, разумѣется, ровно ничего не видя кругомъ, пробирались мы почти ошущью въ лабиринтъ горъ и съ нетерпѣніемъ ждали конца этому ночному научному изслѣдованію новой страны.

— Гдѣ мы должны ночевать? спрашиваемъ у извозчиковъ.

— Въ селѣ Юй-Цзя-Ванъ.

— А далеко ли еще до Юй-Цзянь-Ванъ, много разъ повторился вопросъ, пока, наконецъ, не получили въ отвѣтъ,—одна ли.

Впереди показались среди чернаго мрака огоньки; мы оживли и какъ будто проснулись. Добрались до деревни, нашли домъ... И что же! Ни комнаты, назначенной для насъ, ни свѣчи, ни чашки чаю.

Вошли въ комнату, занятую нашими спутниками. Они сидѣли за столомъ и бесѣдовали послѣ ужина... Читатель вѣроятно думаетъ, они бесѣдовали объ оставленномъ городѣ или о предстоящемъ пути и предстоящихъ задачахъ. Я самъ такъ думалъ,

и въ ожиданіи, пока намъ приносили остатки ужина, присѣлъ къ нимъ, но скоро ушелъ, потому что дѣло меня не касалось и не интересовало. Сосновскій рассказывалъ объ одномъ довольно важномъ служебномъ лицѣ (которое называлось полнымъ именемъ и при которомъ онъ служилъ чѣмъ-то); онъ повѣствовалъ, какъ это лицо приходило когда-то къ нему съ бумагами, поутру, когда онъ еще спалъ, садилось въ ногахъ на его кровать и ожидало его пробужденія... Хотя это и многозначительно, но меня не интересовало, какъ и то, что ему, капитану, были подчинены надворные совѣтники, и что онъ писалъ имъ ужасно строгія бумаги!...

Я ушелъ, и мы съ товарищемъ, поужинавъ, скоро улеглись спать, но заснуть почти не удалось во всю ночь, вслѣдствіе происходившаго на дворѣ шума и крика вѣтальцевъ-извозчиковъ и постоянного бречанія бубенчиковъ, какими обильно украшаются головы ихъ муловъ.

11 июля.

Усталость послѣ безсонной ночи, пасмурная погода, отсутствие конвойныхъ, которыхъ намъ не дали изъ Лань-Чжоу, и невозможность поэтому имѣть подъ руками всѣ необходимыя для дорожныхъ занятій вещи,—все это нагоняло на меня хандру. Не веселѣ былъ и мой постоянный спутникъ. Но мы не унывали очень и продолжали работать, такъ какъ шли, вѣдь, совсѣмъ новымъ краемъ, знать о которомъ рѣшительно все интересно.

Итакъ ѣдемъ, и будемъ описывать хотя то, что видимъ.

Та же песчано-глинистая дорога шла сегодня по печальной гористой мѣстности, но нѣсколько болѣе оживленной, чѣмъ вчера; въ долинахъ чаще встрѣчались зеленѣющія поля проса (куцзы), кой-гдѣ видѣлись деревья и группы глиняныхъ мазанокъ,—или обитаемыхъ, или разрушенныхъ и заброшенныхъ. Иногда увидишь кумирню подъ тѣнью дерева, услышишь говоръ людей, нѣнне дѣтуховъ, плачь дѣтей и другіе признаки жизни; но въ долинахъ жизни мало: она сосредоточена здѣсь по преимуществу на вершинахъ холмовъ, въ устроенныхъ тамъ и уже знакомыхъ читателю, селеніяхъ. Тамъ же воалѣ никъ видѣются на поватостяхъ холмовъ и черныя отверстія входовъ въ земляныя жилища, которыя, судя по отсутствію около нихъ людей, теперь также заброшены.

На сторонахъ дороги попадаетъ кой-какая травянистая растительность, да въ небольшомъ количествѣ тощія кустарники; но хотя земля кажется почти голою, а наклонившись къ ней—отъ нея такъ и пышетъ ароматомъ душистыхъ травъ; только и кромѣ полни никакихъ другихъ пахучихъ растений тутъ не находилъ. Почва изрыта множествомъ суслицьихъ норъ; пусто и тихо кругомъ, и жизнь замѣтна только, когда близко присмотрѣться къ землѣ: тутъ бѣгаютъ ящерицы, ползаютъ и скачутъ разныя насѣкомыя, да суслики мелькаютъ между полынью и низкими кустиками и переключаются другъ съ другомъ, своимъ однозвучнымъ свистомъ. Ни одной птицы не видно и не слышно; даже около полей, которыя изрѣдка встрѣчаются здѣсь, не видать ихъ; не видно и людей въблизи этихъ полей, потому что они принадлежатъ жителямъ нагорныхъ селъ. На нихъ растутъ здѣсь пшеница, ячмень и *brassica campestris*, изъ которой приготавливается масло; пшеница и ячмень уже убраны или только убираются, а просо стоитъ еще зеленое; оно только-что начинаетъ колоситься, и те не ведаѣ. Дальше встрѣчаются кой-гдѣ влажныя мѣста и на нихъ растутъ деревья—пирамидальныя тополи, вязы и плавуція ивы. Въ горахъ показались альпійскія галки, носившіяся въ вышинѣ большими стаями.

Страшная скука ѣхать здѣсь шагомъ, не имѣя никакого занятія. Только бесѣда съ товарищемъ и сокращала нѣсколько утомительную дорогу; и мы такъ увлеклись, что не замѣтили, какъ позади насъ собралась темная туча, грозившая проливнымъ дождемъ. Увидали и слышимъ, чтобъ до дождя добраться до видѣвшагося передъ нами села Ти-Цзя-Пу, довольно большого и многолюднаго.

Пока товарищъ дѣлалъ съему, я прошелъ вдоль улицы села и, увидавъ на одномъ изъ высокихъ деревьевъ коршуна *), прекратилъ его существованіе, въ немаломъ изумленію и радости сбѣжавшихся китайчатъ. Кромѣ того успѣлъ набросать въ альбомъ рисунокъ одной оригинальной затѣи китайскаго творчества. На сельской улицѣ стояло большое дерево, которое засохло, и, можетъ-быть, въ силу какого-нибудь особеннаго почтенія, китайцы не уничтожили его совершенно, а спиливъ сажени на двѣ отъ земли и обрубивъ сучья, счистили кору и устроили на вер-

*) *Milvus melanotis* Tem. et Schleg.

хушкѣ ствола, а также на нѣкоторыхъ изъ его боковыхъ выступовъ, божницы, на подобіе маленькихъ кузиренъ; онѣ сдѣланы изъ кирпича, и внутри ихъ помѣщаются фигуры боговъ. Такихъ миниатюрныхъ божницъ на деревѣ находилось четыре, и еще одна была выдѣлана въ толщѣ самого ствола.

Надъ нами пролился сильный дождь и, переждавъ его подъ навѣсомъ крыши одного дома, мы отправились далѣе и только къ вечеру пріѣхали въ село Хунъ-Чанъ-Цзы, дымившееся отъ известной читателю причины, какъ во время пожара, и здѣсь заночевали.

12 июля.

Мы постепенно поднимаемся выше и выше и сегодня ѣдемъ по богатой, воздѣланной и довольно населенной нагорной равнинѣ, которую по имени стоящаго на ней, но еще не видимаго города можно назвать равниною Пинъ-Фанъ-Сянъ. Мѣстность открывается передъ глазами на огромное пространство, и на немъ съ одной точки можно насчитать въ разныхъ мѣстахъ болѣе десяти селъ и отдѣльныхъ хуторовъ или фермерскихъ домовъ, стоящихъ среди воздѣланныхъ богатыхъ полей, за которыми на сѣверо-западѣ виднѣется гряда голубыхъ горъ *).

Всѣ эти пріюты людей, воздвигнутые послѣ дунганскаго погрома, такъ похожи на укрѣпленія, что, въ случаѣ войны въ здѣшнихъ мѣстахъ, навѣрно бы обстрѣливались непріятелемъ, принятые за редуты или что-нибудь подобное. Они очень интересовали меня оригинальностью своей постройки, и мнѣ хотѣлось ознакомиться съ ихъ внутреннимъ устройствомъ; но я, конечно, долженъ ждать удобнаго случая, а пока рассматриваю ихъ снаружи. Всѣ они обнесены высокими землебитными стѣнами, надъ которыми, болѣею частью по угламъ, возвышаются сторожевыя башенки; въ наружной стѣнѣ имѣется лишь одна входная дверь и, кромѣ нея, нѣтъ ни одного окна, никакого другаго отверстія, ни одной стороны. Жители ихъ сидятъ внутри, и жизнь ихъ совершенно скрыта за этими высокими стѣнами отъ глазъ цѣлаго міра. Люди виднѣются кой-гдѣ на поляхъ, за работой, или проходятъ и проѣзжаютъ между полями.

---

*) Сянъ-Лу-Шанъ, а на сѣверо-востокѣ другая гряда ниже, — Цинъ-Лушъ-Шанъ.

День пасмурный, и съ утра мороситъ дождь, который мочитъ насъ всю дорогу и сильно разгравнилъ землю. Добрались до городка Пингъ-Фань-Сянь, гдѣ остановились на ночлегъ. Ночь была свѣжая, даже холодная, что свидѣтельствовало, что мы уже значительно поднялись надъ уровнемъ моря.

13 мая.

Тихое и ясное утро, и какъ легко дышется въ этомъ прозрачномъ воздухѣ, освѣженномъ вчерашнимъ дождемъ! Пока здѣсь перемѣняли телѣги и нашихъ конвоировъ, я поднялся у городскихъ воротъ на стѣну и сдѣлалъ видъ открывающейся отсюда въ сѣверу равнины *).

Она окаймлена горами и, какъ видно, прежде была густо населена, а теперь устья развалинами деревень и селъ. Въ правой сторонѣ ея по ближайшимъ холмамъ тянется или, какъ говорить нашъ начальникъ, „нелѣпо взбирается“ Великая Стѣна.

Всѣ ужъ уѣхали впередъ, и ихъ ужъ и слѣдъ простылъ,—укачили рысью. Надо догонять.

Дорога нѣсколько просохла, но по колеямъ еще бѣгутъ на встрѣчу ручьи мутной воды глинистаго цвѣта. Вблизи города мнѣ часто встрѣчались люди, пѣшіе, конные или въ телѣгахъ, и между ними я въ первый разъ встрѣтилъ китайца-блондина, да больше и не встрѣчалъ. Только здѣшніе жители на мой взглядъ вообще мало походили на китайцевъ, и типомъ, и костюмомъ; а многіе гораздо болѣе напоминали мнѣ нашихъ крестьянъ, такъ что мнѣ даже пріятно было смотрѣть на нихъ; а пѣсни жаворонковъ, лившіяся съ голубаго неба, еще болѣе оживляли воспоминанія о родинѣ; но долго задумываться о ней было некогда,—надо смотрѣть кругомъ...

А кругомъ — царство глины, стѣны и развалины разнообразныхъ зданій, башенъ, крѣпостей и кумиренъ съ ихъ прелестными крышами, отъ которыхъ просто глазъ не оторвешь...

Встрѣчавшіеся или обгонявшіе меня туземцы были учтивы, но проявляли до странности мало любопытства при встрѣчѣ со мною, такъ мало, что я надъ этимъ невольно задумывался; и мнѣ казалось, что здѣшніе люди еще находятся подъ вліяніемъ недавнихъ ужасовъ, такъ что появленіе каждаго невиданнаго

*) Ее орошаетъ рѣчка Пингъ-Фань-Хэ.

человѣка возбуждаетъ въ нихъ гораздо болѣе чувство страха и мысль о возможности быть немедленно убитымъ этимъ пришельцемъ. Вотъ почему, я думаю, они и старались не заглядываться очень пристально на иностраннаго гостя и прохзать незамѣтными, сторонясь отъ него слѣко возможно подальше. При встрѣчѣ, напримѣръ, они далеко отъѣзжали въ сторону и, смотря вдаль, ждали, пока я проѣду, хотя мѣста на дорогѣ было слѣшкомъ достаточно даже для двухъ троекъ, а не для одного всадника... Если двое встрѣчныхъ туземцевъ вели между собою разговоръ, они какъ бы изъ деликатности прерывали его и давали прохзать.

Такъ встрѣчается мнѣ сегодня одинъ мальчишка, сидѣвшій на кучѣ хвороста, внутри котораго почти совсѣмъ спрятался его маленькій осликъ, тащившій на себѣ и этотъ хворостъ, и самого мальчугана. Послѣдній, замѣтивъ меня, мигомъ и очень ловко соскочилъ сверху, столь же ловко и быстро толкнулъ осла въ сторону и далъ мнѣ дорогу, хотя въ этомъ опять не было ни малѣйшей надобности. И я затрудняюсь, говорю, за что принимать подобныя дѣйствія туземцевъ, — только ли за выраженіе обычной учтивости, или страха передъ человѣкомъ, по ихъ мнѣнію, не совсѣмъ безопаснымъ.

Далѣе дорога подходитъ къ самой Великой Стѣнѣ, и теперь я могъ нѣсколько подробнѣе познакомиться съ нею въ этой части и разсматривать ее. Какъ ни „нелѣпо взбирается“ она на холмы, перебѣгая черезъ долины съ одного на другой, тѣмъ не менѣе нельзя равнодушно смотрѣть на эту гигантскую работу людей, на этотъ интереснѣйшій памятникъ древности. Я сказалъ, что она находится въ полуразрушенномъ состояніи: дожди и вѣтры разрушаютъ ее, и она постепенно истончается, особенно въ верхнихъ частяхъ. Во многихъ мѣстахъ она почему-то совершенно прерывается, точно ее перерыли здѣсь искусственно, тогда какъ въ другихъ она какъ будто еще сохранила свою прежнюю толщину, то-есть, что и вверху она имѣетъ почти ту же ширину, какую имѣетъ и въ основаніи, а именно отъ полутора до двухъ сажень. Стѣна тянется здѣсь по долинѣ у подножія горъ, и не трудно замѣтить, что противъ каждаго горнаго ущелья, выходящаго на долину, она такъ-сказать раздваивается, образуя довольно большой дворъ, въ которомъ могли помѣщаться, примѣрно, сотни три, четыре человѣкъ; и на той стѣнѣ, которая обращена къ ущелью, находится башня съ бойницами, назначеніе которыхъ понятно. Такихъ дворовъ и башенъ сохранилось до настоящаго

времени очень немного и то лишь въ видѣ жалкихъ обломковъ. Параллельно Стѣнѣ тянется ровъ.

Равнина, по которой ѣдемъ, поросла кустами тальника и тамариска, покрыта густой травой и усѣяна желтыми, розовыми, голубыми и темносѣрыми цвѣтами; и по этому роскошному пестрому ковру мчится съ шумомъ и ревомъ горная рѣчка У-Ши-Ни-Хо. Въ воздухѣ носятся цѣлыя рои неотвязчивыхъ мухъ, которыя просто залѣпляютъ морды и глаза нашихъ лошадей; тысячи бабочекъ порхаютъ въ воздухѣ; въ густой травѣ бродятъ выводки фазановъ, а въ прохладной тѣни мѣстами густо разросшагося кустарника перелетываютъ зеленые дятлы. Мѣстность ожила, и усталость и скука исчезли; сердце проснулось при видѣ кипящей жизнью природы; захотѣлось, разумѣется, остановиться здѣсь, чтобъ собрать образцы здѣшней фауны и флоры. Я ожидалъ, что авось тутъ остановятся, хотя бы часа на два, — нѣтъ, проѣхали мимо безъ остановки: ничто не трогало и ничто пока не считалось достойнымъ нашего вниманія. Я прошелъ версты три пѣшкомъ, собирая на ходу, что было возможно, потомъ опять поѣхалъ и догналъ Матусовскаго.

Въ воздухѣ стоялъ удушливый зной; жажда томила насъ, но изъ осторожности я нигдѣ въ Китаѣ не пилъ сырой воды. Мы рѣшили остановиться въ ближайшемъ селѣ, чтобъ посидѣть нѣсколько въ тѣни и напитокъ чаю въ одной изъ уличныхъ харчевенъ. Но проѣзжая улицей села, мы увидали ворота одного дома, убраннаго красной матеріей, и передъ ними устроенный изъ палатки навѣсъ. По этимъ знакомымъ примѣтамъ не трудно было угадать, что эта парадная обстановка была сдѣлана именно для насъ; и дѣйствительно, вышедшій на встрѣчу китаецъ, представитель мѣстныхъ жителей, приглашаетъ войти въ домъ, напитокъ чаю, позавтракать и отдохнуть... Какія все хорошія слова и какъ все было кстати, потому что мы и проголодались порядочно. Но какъ неприятно послѣ отдыха опять выходить на солнцепекъ, въ горячій воздухъ изъ прохладной комнаты, и тащиться до ночи, сидя на лошади...

Долина съ бѣжавшею по ней рѣчкой повернула къ западу, гдѣ она замыкалась величественными горами *), на вершинахъ которыхъ бѣлѣли пятна снѣга. Мы все постепенно поднимались и сегодня намъ предстоялъ перевалъ черезъ горы. Растительность

*) На картѣ Williams'a онѣ называются Ци-Линь.

стала бѣднѣе и преобладающей формой здѣсь является злакъ чай, деревьевъ нѣтъ вовсе.

У дороги, на небольшихъ расстояніяхъ другъ отъ друга, здѣсь расположены пикеты, гдѣ живутъ человѣка по два и по четыре китайскихъ солдатъ, которые должны поочереды сидѣть на сбитыхъ изъ глины возвышеніяхъ въ родѣ невысокихъ башенъ. Эти караулы имѣютъ значеніе, конечно, не оборонительной силы, а играютъ роль живаго телеграфа: на каждомъ пикетѣ находится черный флагъ, и при помощи ихъ отъ башни до башни передаются условные знаки въ случаѣ какой-нибудь опасности, ожидаемой все отъ тѣхъ же дунганъ. Но сегодня эти сигнальные флаги исполняли другое назначеніе,—ими китайцы выражали намъ свое привѣтствіе и почтеніе...

А какіе жалкіе люди здѣсь живутъ, какая тяжелая безотрадная жизнь на этихъ пикетахъ! Какое невеселое занятіе—сидѣть на башнѣ и смотрѣть въ пустое пространство въ ожиданіи возможнаго появленія непріятеля!...

Близъ селеня Ча-Ку-И, въ которомъ мы должны были ночевать, съ нами повстрѣчались четыре всадника, и мой глазъ, привыкшій въ послѣднее время видѣть только китайцевъ, тотчасъ замѣтилъ особенности въ ихъ лицахъ и фигурахъ; мнѣ показалось, что эти люди иной расы. Я попросилъ Танъ-Лоъ спросить ихъ, китайцы они или нѣтъ. Оказалось дѣйствительно, что они принадлежали къ особой народности, называющей себя Фань-Цзы, или Си-фанъ, или тангутъ. Они живутъ въ провинціи Гань-Су и платятъ дань китайскому правительству. Одѣваются въ калаты, отличные по покрою отъ китайскихъ; волосъ на головѣ не брѣютъ и косы не носятъ, говорятъ особымъ языкомъ и имѣютъ свое письмо, но хорошо говорятъ и по-китайски. Я попросилъ ихъ придти, если можно, завтра утромъ къ намъ въ домъ, чтобъ срисовать съ нихъ портреты. Они согласились и дали обѣщаніе.

Приѣхали на ночлегъ, куда ужъ давнымъ давно прибыли наши „квартирмейстеры“, къ сожалѣнію заботившіеся только о себѣ. Насъ съ Матусовскимъ ожидало тѣсное темное, и смрадное помѣщеніе и нѣкоторые остатки казеннаго ужина. Мы даже не рѣшились войти въ отведенный для насъ хлѣвъ,—поужинали на дворѣ и на дворѣ же легли спать; но тутъ преслѣдовали другія невзгоды: до удушья тяжелый запахъ навоза, дымъ отъ костровъ,

на которыхъ китайцы варили себѣ пищу, близость муловъ, и нескончаемые разговоры извозчиковъ, по обыкновенію во все горло.

Помѣшалъ также нашему отдыху замѣчательный разговоръ нашего начальника съ Сюемъ. Выспавшись днемъ, онъ имѣлъ теперь достаточно бодрости для изслѣдованій объ „одичавшемъ скотѣ“, то-есть прежнемъ домашнемъ, оставшемся по смерти хозяевъ на волѣ. Вопросъ дѣйствительно интересный, если фактъ существуетъ; но Сосновскій встрѣчалъ много затрудненій въ языкѣ, для своихъ изслѣдованій, такъ какъ разговоръ съ Сюемъ происходилъ на кяхтинскомъ нарѣчій. Не знаю, удалось ли ему добиться чего-нибудь изъ своихъ разспросовъ, хотя вполне серьезныхъ, тѣмъ не менѣе въ высшей степени комичныхъ, потому что тутъ рѣчь шла о „папашѣ и мамашѣ“ какой-нибудь одичавшей свиньи, или о коровѣ, происходящей отъ „домашней мамы и дикаго папаша“ и тому подобныхъ субъектахъ.

— Ну, а если папаша якъ (монгольскій быкъ), а мамаша обыкновенная корова, тогда дѣтушки какой бывай? спрашиваетъ начальникъ.

— Я подумай, тута дѣтушки хылошанки (т.-е. хорошія), повторяетъ Сюй свое любимое и общеупотребительное слово. Но въ какомъ смыслѣ дѣтушки выходили хорошими, что въ данномъ случаѣ значить хорошее и нехорошее потомство, мнѣ, разумѣется, осталось совсѣмъ неизвѣстнымъ.

Этотъ комичный разговоръ заставлялъ насъ сегодня не разъ смѣяться до боли въ подреберьяхъ... Перестанемъ, потому вспомнимъ дикаго папашу и домашнюю мамашу и опять примемъся хохотать, несмотря на всю серьезность и научное значеніе вопроса „объ одичавшемъ домашнемъ скотѣ“.

14 іюля.

Ночь была очень свѣжа и утро стояло ясное и холодное: термометръ показывалъ только + 10,9° Р.

Я зналъ, что мы находимся недалеко отъ горъ, въ которыхъ растетъ ревенъ (тай-хуанъ), и спрашивалъ у туземцевъ, собравшихся на нашемъ дворѣ, не занимается ли кто изъ нихъ добычаніемъ ревеня или торговлей этимъ корнемъ? Мнѣ указали на одного китайца Чжу-Сѣ-Куай, уроженца города Си-Нинъ-Фу, какъ знатока этого дѣла, и пока Матусовскій писалъ свои замѣтки, мнѣ удалось кой-что узнать отъ него при помощи нашего казака.

Этотъ китаецъ, оказалось, три раза былъ въ Кяхтѣ *), куда ѣздить съ караванами въ 300 и 400 верблюдовъ, и на каждого изъ нихъ вьючилось до 240 гинь ревеня; онъ продавалъ его тамъ какимъ-то русскимъ людямъ, по какой цѣнѣ—онъ точно не могъ сказать, потому что вымѣнивалъ его на золото, серебро и мѣдь, но говорилъ, что на одинъ гинь (полтора фунта) получалъ барыша до 5 чанъ (около рубля) или на все количество при 300 верблюдахъ 72,000 р.,—цифра, показавшаяся мнѣ сомнительной. Можетъ-быть, впрочемъ, прежде Чжу былъ и богатый человекъ, а теперь на такого не похожъ.

Прекратилась доставка ревеня въ Кяхту только вслѣдствіе того, говорилъ онъ, что, по причинѣ мусульманскаго возстанія, движеніе по указанному пути сдѣлалось невозможнымъ; но о какихъ-либо неудовольствіяхъ между китайскими поставщиками и русскими покупателями, будто бы послужившими причиною прекращенія доставки ревеня, онъ никогда не слыхалъ.

Главные мѣстонахожденія ревеня находятся, по его показаніямъ, въ двухъ дняхъ пути отъ станціи Ча-Ку-И. Весь добываемый ремень растетъ въ дикомъ состояніи, въ горахъ, на площадкахъ, во влажныхъ мѣстахъ; никакихъ же плантацій его не существуетъ. Вышина растенія достигаетъ одной сажени; самыя большіе листья бываютъ до фута и болѣе въ поперечникѣ; цвѣты бѣлые; о сѣменахъ ничего сообщить не могъ; корни имѣютъ вѣтвистую форму, въ землѣ сидятъ на глубинѣ около одного аршина, и ихъ выкапываютъ кирками.

Сборъ производится въ августѣ и сентябрѣ, когда листья уже увядаютъ. Выбираютъ растенія многолѣтнія, стебель которыхъ имѣетъ до верхка въ діаметрѣ; и только-что вынутый изъ земли корень, по своей плотности, похожъ на рѣдьку, легко разрѣзывается ножомъ, сочень, и въ разрѣзѣ имѣетъ желтый цвѣтъ. Туземцы различаютъ мужскія и женскія растенія и первыя считаютъ лучшими; они сочнѣе и тяжелѣе на вѣс. Копытчатый ремень происходитъ отъ большихъ корней, болѣе взрослыхъ, кото-

---

*) Путь этотъ, по его показаніямъ, лежалъ изъ Си-Нинь-Фу въ Кяхту черезъ слѣдующія станціи: Мямъ-Би-Сань, Пинь-Фань-Сань, Куань-Коу-Сань, Инъ-Пань-Шуй (по монгол. Су-Хэ-Ту), Ша-Цзы (по монгол. Эй-Ли-Су), Тунгурику, Мань-А-Цинь-Цзы, Пахань-Хуту (далѣе черезъ Аламань нѣсколькихъ станцій не поминать), Ту-Ша-Куань; (еще нѣсколько станцій забылъ) Ло-Са-Тэй и отсюда еще болѣе десяти дней до Урги.

За точность этихъ свѣдѣній, какъ и названій, я, конечно не могу ручаться.

рые разрѣзываютъ на нѣсколько частей, а черенковый—отъ болѣе молодыхъ, которые рѣжутся только попережь. Приготовление ревеня состоитъ въ очищеніи корней отъ ихъ коры, которая тонка и имѣетъ черный цвѣтъ; далѣе—въ разрѣзываніи на части, напизываніи на веревки и просушкѣ въ тѣни, внутри домовъ. Въ восемь, девять (?) дней корень бываетъ готовъ къ отправкѣ.

Туземцы также знаютъ лѣкарственные свойства ревеня, и онъ употребляется ихъ врачами въ смѣси съ другими лѣкарствами, но въ какихъ болѣзняхъ, дозахъ и формахъ, я не могъ узнать. Право добыванія ревеня не составляетъ чьей-либо исключительной привилегіи, а государство пользуется только пошлинами съ матеріала, привозимаго для продажи.

Самымъ лучшимъ считается ремень изъ окрестностей Си-Нинъ-Фу; затѣмъ Лянъ-Чжоу'скій, Ланъ-Шань'скій и получаемый изъ мѣстности Шанъ-Фанъ-Цэй-Цзы, находящейся въ трехъ дняхъ пути къ югу отъ Лянъ-Чжоу. Цѣна ревеня на мѣстѣ за одинъ гинъ 300 чохъ (около 38 коп.). Вотъ и всѣ свѣдѣнія, полученные мною на родинѣ ревеня. Самому мнѣ не удалось видѣть ни одного растенія, потому что для этого надо было съѣздить въ горы; и хотя на это потребовалось бы не болѣе двухъ, трехъ дней, такая поѣздка въ сторону для меня одного была невозможна безъ задержки общаго стремительнаго движенія. Я едва могъ располагать часами, да и тѣ приходилось удѣлять на какія-нибудь работы изъ времени, необходимаго для сна.

Встрѣченные наканунѣ два тангута, по имени А-ца и А-ву-лэй, сдержали слово—пришли, и я сдѣлалъ ихъ портреты, заплативъ имъ за одолженіе по кусочку серебра цѣнностью примѣрно копѣекъ въ пятьдесятъ каждый, на что они, повидимому, совсѣмъ не рассчитывали.

Съ этими—сначала разспросами о ревенѣ, потомъ портретами, я порядочно опоздалъ, такъ что, пожалуй, распорядитель нашъ прибылъ уже на мѣсто ночлега, когда я только отправлялся въ путь. А далеко ли до ночлега—не знаемъ, значить надо торопиться, чтобъ не запоздать въ дорогѣ.

Высокое положеніе мѣстности, въ которой мы находились, давало чувствовать себя тѣмъ, что, несмотря на совершенно ясное небо, съ котораго ярко свѣтило солнце, послѣднее грѣло такъ слабо, что я принужденъ былъ одѣться въ толстую шерстяную куртку, и мнѣ вовсе не было въ ней жарко, даже когда я, догоняя свой летучій передовой отрядъ, ѣхалъ рысью.

Дорога шла тою же долиной, замыкавшеюся горами, наиболее высокими на сѣверо-западѣ, гдѣ на ихъ вершинахъ мѣстами лежалъ снѣгъ, и наиболее низкими на юго-востока. Она продолжала подниматься, и по мѣрѣ подъема горизонтъ постепенно расширялся; передо мною изъ-за ближайшихъ горъ, одѣтыхъ желтовато-сѣрой низенькой растительностью, постепенно открывались новые планы горъ съ голыми зубчатыми скалами красновато-сѣраго цвѣта.

Догнавъ Матусовскаго, я поѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ шагомъ. Далѣе, вдоль дороги встрѣчалось много разрушенныхъ селъ, и одно изъ нихъ по размѣрамъ можно назвать городомъ. Оно разорено совершенно; даже стѣны его повреждены. Въ этихъ стѣнахъ буквально не осталось ничего, кромѣ развалинъ и костей; даже входъ въ село заваленъ камнями, такъ что оно теперь не болѣе, какъ могила нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ, и надъ нимъ не слышно другихъ звуковъ, кромѣ пѣсень жаворонковъ, рѣющихся то тутъ, то тамъ надъ печальной долиной.

И лучше не задумываться надъ ужасами, которые должны были происходить здѣсь въ эпоху послѣдней войны; лучше миновать скорѣе это мертвое мѣсто. Переѣхавъ въ бродъ двѣ маленькихъ, но бурныхъ рѣчки съ чистой и прозрачной водой, мы вышли къ крѣпостцѣ, стоявшей на вершинѣ холма, а у подножія его находилась крошечная бѣдная деревня, состоящая изъ нѣсколькихъ дворовъ. Мы проголодались и рѣшили остановиться здѣсь, но ни въ одномъ домѣ не могли найти не только чего-нибудь поѣсть, но даже горячей воды для чаю; насъ какъ-то даже и слушать никто не хотѣлъ, просто отворачивались и, хотя учтиво, но просили проѣзжать дальше... Странно, точно мы ихъ обидѣли чѣмъ-нибудь и они сердятся. Мы уже хотѣли было уѣхать прочь, какъ увидели появившагося на стѣнѣ крѣпостцы хорошо одѣтаго китайца, повидимому мандарина, и ждали, не пригласятъ ли насъ заѣхать внутрь и не дадутъ ли горячей воды и хлѣба; но мандаринъ только посматривалъ на насъ съ любопытствомъ; а солдатъ, стоявшій дальше на дорогѣ, сообщилъ, что наши люди заѣзжали сюда, позавтракали и уѣхали дальше.

Мы спросили: не будетъ ли по близости селенія, гдѣ бы мы могли поѣсть и достать горячей воды? Нѣтъ, говорить, до ночи ни одного дома не встрѣтится. Нечего дѣлать, пришлось позабыть о деликатности и самолюбіи и войти въ лагерь безъ приглашенія; и мандаринъ, у котораго останавливалась передовая

компания, вынужденъ былъ принять и насъ. Онъ могъ, разумеется, запретить передъ нами двери, но не сдѣлалъ этого, и мы вошли, извиняясь, что причиняемъ ему беспокойство...

Онъ былъ видимо недоволенъ чѣмъ-то, принялъ насъ сухо, однако пригласилъ въ комнату, куда, вслѣдъ за нами, ввалилась цѣлая толпа солдатъ, остановилась въ дверяхъ и стала разсматривать насъ, какъ невиданныхъ чудовищъ. Пришли еще другіе мандарины и также предались созерцанію. Мы попросили дать намъ горячей воды; намъ подали чаю, но мы предпочли заварить свой. Принесли воды, потомъ подали водки, ветчины и хлѣба. Мы поватракали и исполнили это совершенно какъ актеры на сценѣ,—столько было зрителей; потомъ заплатили прислугѣ; хозяину, чрезвычайно заинтересовавшемуся моими карандашомъ и бумагой, я подарилъ того и другаго, и на разставаньи мандарины были гораздо любезнѣе, чѣмъ при встрѣчѣ, такъ что даже проводили насъ до воротъ.

Продолжаемъ путь. Небо хмурилось и сулило сильное и продолжительное ненастье; скоро сталъ накрапывать дождь. Дорога все поднималась, и мы находились уже не далеко отъ перевала, называемаго здѣсь У-Су-Линъ (или У-Ши-Линъ) и достигающаго 10,900 фут.; это—самая высокая точка на всемъ нашемъ пути чрезъ Китай. Все небо обложилось тучами; дождь усилился, и вдали полосы его совсѣмъ закрыли отъ насъ горы. Укрыться было негдѣ, да и времени нельзя было терять, потому что до ночлега, оказалось, еще двадцать верстъ, и во весь остальной путь насъ поливалъ дождь. На подорогѣ встрѣтилось большое селеніе, совершенно разрушенное. Но виды въ горахъ, въ которыхъ преобладающая порода—красноватый гранитъ, были величественны и живописны, и наслажденіе, доставляемое ими, сокращало время.

Мы добрались до перевала, и тотчасъ за нимъ характеръ мѣстности рѣзко измѣнился: на всѣхъ сѣверныхъ склонахъ горъ растутъ мелкія, но очень густой кустарникъ, какой именно не могу сказать, потому что до него было такъ далеко, что опредѣлить его я не могъ; спрашивалъ китайцевъ, но они не умѣли его назвать. Долины здѣсь одѣты густой травой, усѣяны цвѣтами, и ихъ, несмотря на ненастье, оглашали несомкнаемыя гнѣсни степныхъ жаворонковъ.

День клонился къ концу, и мы боялись зановдаты, потому что ничего нѣтъ хуже ненастной ночи въ горахъ, особенно безъ

всего; а дождь усилился, и поднимался вѣтеръ. Но, къ счастью, мы успѣли добраться до ночлега во-время и такъ обрадовались ему, какъ будто вошли въ чистый и комфортабельный отель, а не опять въ тѣсный клѣвъ, служившій намъ пріютомъ на нынѣшнюю ночь.

15 Юля.

Наступило свѣжее ясное утро, и это утро, вмѣстѣ съ здѣшней обстановкой, живо напомнило мнѣ станцію Норъ-Дянь подѣ Калганомъ, а сегодняшнее число заставило вспомнить этотъ же день прошедшаго года... Сколько переменялось съ тѣхъ поръ! Сколько умершихъ надеждъ, тогда наполнявшихъ душу; сколько разрушенныхъ плановъ, ройшихся въ головѣ,—плановъ не несбыточныхъ, а вполне осуществимыхъ!.. Чтò могло быть изъ нашего путешествія, думалось тогда, и чтò вышло!... Но поѣдемте дальше, посмотримъ, чтò еще выйдетъ.

Ужъ восемь часовъ утра, и всѣ уѣхали.

Мы находимся теперь по сѣверную сторону перевала. Дорога идетъ по гористой мѣстности, покрытой весьма скудной растительностью на горахъ и обильною травою и цвѣтами въ долинахъ, по которымъ кой-гдѣ разсѣяны деревья, но все далеко отъ дороги. Птицъ мало, и онѣ мало интересны: сороки, вороны, грачи, голуби, воробьи и нѣкоторыя мелкія птички, которыхъ издали не распознаешь. Много порхаетъ бабочекъ, да ловить некогда. Оживляютъ мѣстность лишь развалины, если онѣ могутъ оживать,—развалины сель, укрѣпленій, а также извивающейся безконечной змѣей Великой Стѣны.

Нѣкоторые изъ селеній начинаютъ отстраиваться вновь; по дорогѣ везутъ въ телѣгахъ лѣсъ, и удивляешься откуда китайцы достаютъ его, такъ какъ вблизи его нигдѣ нѣтъ; а только сегодня видѣлъ до десятка, кажется, елей на вершинѣ одной горы. Заселеніе края идетъ медленно: напримѣръ, встрѣчаешь всего одинъ домикъ, да постоялый дворъ посреди остатковъ огромнаго селенія; въ немъ все ново и чисто, но бѣдно и убого.

Дальше путь лежалъ вдоль шумливой рѣчки Сѣ-Ма-Хо. Въ воздухѣ было жарко, но вѣтеръ умѣрялъ зной; дорогой встрѣчались телѣги, пѣшеходы и всадники, большею частью бѣдняки,—оборванные, загорѣлые и грязные, о которыхъ я упоминаю потому, что и ихъ немного. Видѣлъ, какъ двое рабочихъ ѣли простому, насыпая ее себѣ горстями въ ротъ. Встрѣтили еще тангу-

товъ,—трехъ мужчинъ и одну женщину, и мнѣ казалось, что они относятся къ намъ какъ-то иначе, чѣмъ китайцы: послѣдніе обыкновенно или насмѣхаются, или глядятъ съ позирающимъ любопытствомъ и страхомъ дикарей, эти же обращаются съ привѣтливымъ лицомъ, какъ въ знакомымъ людямъ или даже пріятелямъ, и какъ будто съ удовольствіемъ объявляютъ, что они „си-фань-дэ-жень“ (тангуты).

Мы ѣдемъ постоянно въ сопровожденіи конвоя, состоящаго изъ китайскихъ солдатъ, вооруженныхъ пиками, весьма мало пригодными для какого-нибудь дѣла, и еще менѣе годными ружьями. Я пересмотрѣлъ ихъ у многихъ солдатъ, и оказалось, что у одного ружье безъ шомпола, у другого курокъ не держится на взводахъ; въ третьемъ курокъ взводится, но не спускается. Ни у одного ружья не было заряжено, и патроновъ солдаты при себѣ не имѣли, ни одинъ! Значитъ, ружья таскаются съ собою только для устрашенія... Но теперь тутъ даже и устрашать некого.

Переходъ сегодня былъ небольшой, — только въ 45 ли, и мы засвѣтло пріѣхали въ городъ Гу-Ланъ-Сянь, который стоитъ у сѣверной подошвы горъ. Послѣднія до сихъ поръ замыкали горизонтъ со всѣхъ сторонъ, а теперь разступились, и глазамъ нашимъ открылась равнина, такъ-называемая Сяо-Гоби (Малая Гоби), по которой лежалъ нашъ дальнѣйшій путь и при началѣ которой стоитъ упомянутый городокъ съ немногими большими деревнями въ его окрестностяхъ. Онъ представляетъ маленькій городишко, бѣдный и весь какой-то старый до дряхлости; жители въ немъ главнымъ образомъ китайцы, и ихъ немного. Опять непостижимо, что спасло Гу-Ланъ-Сянь отъ общей гибели.

Пріѣхали на квартиру, хотя и плохенькую, но она, послѣ вчерашняго хлѣва, показалась мнѣ очень привлекательною,—и пообѣдавъ, я взялъ одного мѣстнаго полицмена и, поднявшись на городскую стѣну, обошелъ городъ съ трехъ сторонъ, причемъ передо мною все время бѣжали нѣсколько барановъ, которымъ я помѣшалъ кушать траву, растущую на верхней площадкѣ стѣны. Стѣна такъ узка, что обойти ихъ стороною было негдѣ, а пропустить меня они не рѣшались,—мой видъ замѣтно изумлялъ и пугалъ ихъ. Большая часть города, за исключеніемъ нѣсколькихъ старыхъ кумиренъ, построенныхъ внутри города и на стѣнахъ, да казеннаго дома (я-мынь), имѣетъ очень жалкій видъ; всѣ остальные зданія представляютъ бѣдные домики съ

немногими лавками вдоль главной улицы, и эти домики занимают лишь средину города, а всё окраины его заняты огородами.

Вотъ какъ „опасно“ дѣлать маленькіе переѣзды и рано оставившись на ночлегъ: сегодня, благодаря этому, я и съ городомъ нѣсколько познакомился, и два рисунка сдѣлалъ,—главной улицы города, сверху, со стѣны, и видъ оттуда на югъ, на ущелье, по которому мы пріѣхали. Въ немъ растутъ нѣсколько деревьевъ и возвышаются двѣ многоэтажныя пагоды; а въ глубинѣ синѣютъ высокія горы, увѣнчанныя вѣчнымъ снѣгомъ.

Небольшая толпа туземцевъ собралась около меня на стѣнѣ, но вела себя почтительно и смиренно; тѣмъ не менѣе моему ревностному охранителю, полицмену, пришлось плюнуть нѣсколькимъ человѣкамъ въ лицо, чтобъ они не очень лѣзли къ моей бумагѣ.

Вернувшись домой, я нашелъ на дворѣ нашей квартиры нѣсколькихъ человѣкъ больныхъ, до которыхъ дошла вѣсть о пріѣздѣ врача, и они собрались ко мнѣ съ жалобами на свои недуги, но къ сожалѣнію, страдали не такими, чтобъ я могъ скоро и вѣрно помочь имъ.

16 іюля.

Мы оставили Гу-Лань-Сянь, и сегодня онъ поразилъ меня пустотою своихъ улицъ, напомнивъ мнѣ наши маленькіе города, въ которыхъ въ жаркій день почти ни души не встрѣтишь на улицахъ.

День былъ очень жаркій; просто палиціей зной стоялъ надъ землею, и онъ-то, вѣрно, и заставилъ людей укрыться въ тѣнь своихъ жилищъ. На небѣ ни облачка; въ воздухѣ ни малѣйшаго вѣтерка, и жаръ морилъ насъ, хотя мы, сидя на лошадяхъ, почти не дѣлали никакихъ движеній; каково же было нашимъ провожатымъ, китайцамъ, которые шли пѣшкомъ и еще несли нѣкоторые наши вещи, хотя и не тяжелыя. Между ними здѣсь были неофициальные конвоиры изъ солдатъ, а простые обыватели и даже мальчики лѣтъ двѣнадцати, изъ туземцевъ, которымъ скорѣе мы служили провожатыми, чѣмъ они намъ. Вотъ какъ это выходило.

Несчастные обитатели здѣшняго края, разогнанные непріателемъ, жили послѣ войны тамъ, куда кого занесла судьба; но они не теряли ни желанія, ни надежды вернуться на родину и только

поджидали удобнаго случая пробраться туда; и этимъ-то удобнымъ случаемъ представлялся между прочимъ и нашъ проѣздъ. Они присоединялись къ нашему каравану въ качествѣ носильщиковъ, просто спутниковъ, а иногда замѣняя собою солдатъ, которые предпочитали, и совершенно благоразумно, оставаться дома, чѣмъ совершать во всѣхъ отношеніяхъ бесполезную для себя прогулку около ста верстъ. Нѣкоторые изъ этихъ людей проходили съ нами и большія разстоянія, пока ихъ путь былъ общій съ нашимъ; а потомъ уходили, куда кому было нужно, получая отъ насъ ничтожное вознагражденіе за оказанныя услуги, напримѣръ, въ качествѣ носильщиковъ.

Не помню, гдѣ присоединился къ нашей компаніи одинъ мальчишка лѣтъ пятнадцать, рябой, безобразный, жалкій, но смысленный и очень усердный малый. Онъ попался ко мнѣ и послѣдніе три, четыре дня несъ мою жестянку для собиранія растений и сѣтку для ловли насѣкомыхъ. Въ Гу-Ланъ-Сянѣ, гдѣ, я думаю, онъ останется вмѣстѣ съ другими, я велѣлъ нашему казаку заплатить ему за его услуги нѣсколько больше другихъ.

— Да все равно, можно послѣ, отвѣчаетъ казакъ, — послѣ за однимъ разомъ дадимъ; потому самому, что этотъ мальчишка—сквозной.

— Какъ сквозной?

— То-есть, онъ, значитъ, съ нами до самаго Гань-Чжоу поидетъ; а если, говорить, господа пожелають, такъ онъ и въ Россію съ нами согласенъ ѣхать, потому что, говорить, у него только одинъ дядя есть, къ которому онъ идетъ, да и тотъ теперь въ самомъ бѣдственномъ положеніи со своей семьей, такъ можетъ-быть и не приметъ его къ себѣ.

Итакъ, этотъ мальчишка шествовалъ съ нами, и со дня припеннаго разговора съ казакомъ такъ и остался подъ именемъ „Сквознаго“; такъ стали его называть всѣ; онъ скоро самъ привыкъ къ этому названію, и его настоящее имя, къ сожалѣнію, осталось даже совсѣмъ неизвѣстнымъ. Одѣтъ онъ былъ какъ нищій, а на головѣ не имѣлъ ровно ничего, и я велѣлъ казаку въ первомъ городѣ купить ему шляпу, курму и башмаки. Онъ шелъ пѣшкомъ, какъ и всѣ конвойные, и обливался потомъ, поспѣвая за нами; солнце жгло его обнаженную бритую голову; а никакой лишней шляпы у насъ подъ рукой не было, и я ужъ далъ ему полотенце, чтобъ онъ повязался имъ. „Сквозной“ принялъ его съ благодарностью и путешествовалъ въ этомъ ори-

гинальномъ и, по китайскимъ обычаямъ, траурномъ головномъ уборѣ.

Когда мы выѣхали на болѣе открытую равнину, но все еще окаймленную по бокамъ отрогами оставшихся за нами горъ, потянулъ легонькій вѣтерокъ, нѣсколько умѣрившій жаръ. Вдоль дороги бѣжала въ арыкахъ вода; неподалеку находились поля дозрѣвавшей пшеницы, а на невоздѣланныхъ мѣстахъ разросся въ большомъ количествѣ любитель степей—злакъ чій, — лучший признакъ, что мы вступили въ степь. Кой-гдѣ на ней въ этомъ мѣстѣ виднѣлись разбросанныя селенія, но всѣ до одного разоренныя... Когда же кончатся, наконецъ, эти развалины!

На полупути до ночлега, т.-е. въ тридцати ли отъ Гу-Лань-Сяня мы встрѣтили, слава Богу, уцѣлѣвшее селеніе Шанъ-(или Шонъ)-Тха-Пу. Оно, конечно, окружено землебитной стѣной и имѣеть четверо воротъ; внутри его находится нѣсколько довольно красивыхъ кумиренъ, которыя остались неразоренными и не сгорѣли. Въ селѣ есть жители, и они, неизвѣстно почему, приготовили для насъ завтракъ и чай, которые были весьма кстати.

Отдохнувъ, собираемся уѣзжать, но мнѣ хотѣлось заглянуть въ одну изъ сохранившихся кумиренъ, и мы съ Матусовскимъ, казакомъ и Таномъ провели здѣсь нѣсколько минутъ на дворѣ подъ тѣнью деревьевъ. Отъ каждаго предмета тутъ вѣетъ глубокой стариной; тѣсненый вымощенный дворикъ, почти весь скрытый подъ тѣнью развѣсистаго тополя, такъ уютенъ и такъ въ немъ было прохладно, что не вышелъ бы оттуда. Посреди этого дворика, передъ храмомъ стоитъ оригинальный чугунный жертвенникъ; онъ былъ поставленъ, какъ гласила надпись на немъ, прочитанная Таномъ, въ первый годъ царствованія знаменитаго Цанъ-Лунъ, называемаго нѣкоторыми писателями Людовикою Четырнадцатою Китая.

Я срисовалъ въ свой альбомъ этотъ жертвенникъ подъ наблюдательными взорами нѣсколькихъ туземцевъ, на видъ почтенныхъ людей; и, поблагодаривъ ихъ за гостепрѣимство, мы уѣхали дальше...

И какой вдругъ переходъ!.. Что за безотрадное зрѣлище представляютъ окрестности Шанъ-Тха-Пу! Глинистая почва, покрытая бѣдной растительностью и изрытая неглубокими оврагами; кладбища съ выдѣланными изъ глины могилами; развалины глиняныхъ построекъ, разсѣянныхъ то тутъ, то тамъ, да голубоватая

горы, видѣющіяся на горизонтѣ... Кругомъ вездѣ мертвенная пустота; только чей-то одинъ осель сиротливо бродить, пощипывая скудную траву; изрѣдка пролетитъ или крикнетъ альпійская красноногая галка, покажется бѣлая или черная бабочка, да мелькнетъ по землѣ ящерица. Одного много здѣсь, — это мелкихъ мухъ, ужасно надоѣдающихъ нашимъ лошадямъ. Ъдемъ долго, а со всѣхъ сторонъ, куда ни поглядишь, все тотъ же пустынный и мертвенный видъ.

Вотъ является на дорогѣ село Цзинь-Бянь-И, и, вѣхавъ въ него, мы видимъ передъ собою опять ту же картину разрушенія и смерти: здѣсь, кажется, все истреблено до послѣдняго дома, до послѣдняго живаго существа; но вотъ собака лежитъ на улицѣ, значить тутъ живетъ кто-нибудь. Дѣйствительно, вдали показался человекъ, потомъ другой, и послѣдній былъ въ форменной шляпѣ, съ красной кистью, но въ очень бѣдной одеждѣ; онъ вышелъ изъ развалинъ на дорогу, сдѣлалъ передо мною и Магусовскимъ по реверансу, преклоняясь на одно колено, и пригласилъ слѣдовать за собою. Послѣдовали, и къ немалому удовольствію узнаемъ, что здѣсь мы почуемъ. Но рѣшительно недоумѣваемъ, куда этотъ китаецъ приведетъ насъ, гдѣ онъ ухитрится найти жилой домъ посреди этихъ остатковъ разрушенныхъ стѣнъ. Однако домъ нашелся и, сверхъ ожиданія, довольно порядочный, маленькій, чистенькій, только - что отстроенный. Это былъ казенный домъ, назначенный для временныхъ остановокъ проѣзжающихъ по дѣламъ службы мандариновъ.

Войдя въ комнату, мы разбудили Сосновскаго, спавшаго послѣ обѣда и, вѣроятно, послѣ утомительныхъ занятій по собиранію различныхъ свѣдѣній о бывшемъ и теперешнемъ состояніи здѣшняго края. Но онъ всегда удивлялъ насъ тѣмъ, что мы никогда не могли подмѣтить, когда онъ производитъ свои какія бы то ни было занятія; все, что иногда удавалось видѣть, это то, что онъ чинилъ свой изломанный одометръ и неизвѣстно для чего записывалъ его показанія, которыя, какъ онъ и самъ зналъ, конечно, не могли быть особенно вѣрными.

И въ этомъ разрушенномъ, безлюдномъ селѣ, невѣдомымъ добрымъ гениемъ приготовленъ для насъ обѣдъ, къ которому мы и приступаемъ, предварительно умывшись, по китайскому обычаю, теплой водой. Потомъ, пользуясь остаткомъ дня, я отправился на стѣну и набросалъ видъ, который можетъ служить образцомъ того печальнаго состоянія, въ какомъ находятся почти всѣ

города, села и деревни, встрѣчавшіеся на нашемъ пути въ провинціяхъ Шэнь-Си и Гань-Су. Среди цѣлаго поля развалинь, обнесенныхъ стѣною, мнѣ удалось отыскать глазами только два дома, кромѣ нашей квартиры, которые были отстроены, да еще между развалинами откуда-то выходилъ дымокъ, указывавшій, что тамъ еще пріютились бѣдняки, въ какой-нибудь незамѣтной мазанкѣ.

Вотъ, казалось, и всѣ жилые дома; тѣмъ не менѣе около меня, когда я находился на стѣнѣ, собралось человѣкъ до тридцати китайцевъ, взрослыхъ и ребятъ, и кто ихъ знаетъ, гдѣ они тутъ живутъ, чѣмъ и зачѣмъ тутъ живутъ. Всѣ они были худы, бѣдны и запуганы; дѣти изнурены, грязны до крайности и больше половины изъ всѣхъ съ большими глазами.

Я обратилъ вниманіе на глаза одного мальчика, и они тотчасъ назвали меня дай-фу (докторомъ). Подтвердивъ ихъ догадку, я сказалъ имъ, отчего у нихъ такъ много больныхъ глазами, т.-е. отъ дыму, пыли и грязнаго содержанія себя, и они съ этимъ тотчасъ согласились, точь-въ-точь, какъ наши мужички. Въ разговорахъ съ китайцами очень часто случалось, что почти никто ничего не понимаетъ изъ моихъ словъ, а одинъ или двое понимаютъ все; тогда эти послѣдніе охотно берутъ на себя роль истолкователей, и къ нимъ начинаютъ обращаться другіе съ вопросомъ—что онъ говоритъ? И причина такой разницы остается для меня совершенно непонятною.

Я вернулся съ оконченнымъ рисункомъ домой уже вечеромъ и скоро легъ спать; но сонъ мой нарушалъ сегодня потолокъ своимъ безпрестаннымъ летаніемъ... Читатель въ недоумѣніи отъ этого „летанія потолка“; но дѣло въ томъ, что онъ былъ сдѣланъ изъ промасленной бумаги, наклеенной на рѣдею сѣтку изъ тонкихъ бамбуковыхъ пластинокъ, и при всякомъ движеніи воздуха словно дышалъ,—то поднимаясь вверхъ, то опускаясь внизъ, и при этомъ шумѣлъ, какъ до нельзя накрахмаленныя юбки. Я привыкъ наконецъ и къ этому шумному дыханію потолка, но роль его, какъ будильника, не кончилась: только-что я сталъ засыпать, какъ вдругъ по этой-то промасленной бумагѣ проносятся изъ конца въ конецъ съ визгомъ и царапаньемъ когтей двѣ подравшіяся крысы. И эти эволюціи продолжались у нихъ долго; а я того и ждалъ, что бумага прорвется и онѣ шлепнутся ко мнѣ на постель. Вотъ и извольте тутъ отдыхать послѣ дневнаго утомленія!...

17 июля.

Сегодня приѣзжаемъ въ большой городъ Лань-Чжоу-Фу, который не смѣшивайте съ оставленнымъ городомъ Лань-Чжоу-Фу.

Утро сѣрое; въ сторожѣ идетъ дождь. Вскорѣ по отъѣздѣ съ мѣста ночлега, мы достигли богатой долины, окаймленной съ западной стороны отдаленными горами, на которыхъ мѣстами лежалъ снѣгъ. Это хребетъ Нань-Шань. Долина вся заселена и пестрѣетъ деревьями, по преимуществу ивами и тополями, сливающимися вдаль въ цѣлыя рощи; она богата полями уже поспѣвшей пшеницы и еще зеленого проса; на ней видно много полуразоренныхъ садовъ, по преимуществу съ абрикосовыми деревьями; въ садахъ летаютъ и кричатъ сороки, воробьи и галки со своимъ молодымъ потомствомъ; людей же почти не видно...

По всему видно, привольная жизнь кипѣла здѣсь; а теперь тутъ настоящее царство смерти: надъ долиной, усѣянной развалинами, такая тишина, что буквально слышно, какъ муха, пролетѣвъ, зажужжитъ крыломъ. Нѣкоторые дома уцѣлѣли иль возобновлены, но двери, ведущія въ нихъ, заложены кирпичемъ.

Но кто же владѣлъ этотъ кирпичъ, кто поправлялъ дома и обрабатывалъ эти поля? Отчего не видно людей? Не послѣ же посѣва прошелъ здѣсь неприятель и истребилъ все? И что это за странныя постройки, въ родѣ нашихъ остроговъ или маленькихъ укрѣпленій, разсѣяныя по равнинѣ? Но вотъ эти-то остроги или крѣпостцы и суть новыя деревни, въ которыхъ поселились остатки прежняго населенія тѣхъ многочисленныхъ и часто огромныхъ посадовъ, отъ которыхъ теперь остались лишь камни на камняхъ, да несчетное множество могилъ. Вернувшись къ своимъ пчелищамъ, когда врагъ ушелъ, муравьи-китайцы принялись за новую работу, за постройку новыхъ, болѣе безопасныхъ жилищъ, и возвели эти дома-крѣпости. Они, видно, ожидали новаго нашествія беспощадныхъ враговъ, отъ которыхъ не имѣли другой защиты, кромѣ глухихъ, сбитыхъ изъ глины стѣнъ. Днемъ они выходятъ на свои поля, на которыхъ, во время нашего проѣзда, люди убирали серпами пшеницу; на ночь же собираются въ крѣпостцу, запирая на-крѣпко единственную, ведущую въ нее дверь.

Оживленная долина кончилась, и за ней опять потянулась пустынная мѣстность съ весьма бѣдной, низенькой и почти высохшей растительностью. Въ воздухѣ стоитъ зной.

— Тамъ пойдутъ на далекое пространство красные пески, передалъ мнѣ Танъ слова одного изъ ѣхавшихъ съ вами туземцевъ, указывая на сѣверо-востокъ.

— Что же, тамъ живутъ люди или нѣтъ? Есть вода? спросилъ я.

— Есть вода и живутъ люди, былъ отвѣтъ.

Я пробовалъ спросить еще кой-что, но мы не поняли другъ друга. Мнѣ представилась эта жизнь посреди красно-песчаныхъ пустынь, голой глины почти бѣлаго цвѣта да гальки,—жизнь въ бѣдности и тяжкомъ трудѣ или въ физическомъ и умственномъ бездѣйствіи, когда работать нечего... И такъ съ первыхъ дней дѣтства до глубокой старости! Ужасно, кажется!... А люди живутъ, привыкаютъ къ голой галькѣ и глинѣ и даже любятъ свои родные пески. Но все-таки незавидная жизнь... Вотъ на встрѣчу проѣхало нѣсколько солдатъ, которые провожали Основскаго,—бользвенные, худые, изнуренные... Знали ли эти несчастные на видъ люди какія-нибудь радости въ жизни или нѣтъ? Очень хотѣлось бы знать, какъ они проводятъ ее. Но мы принуждены ѣхать мимо всѣхъ и всего, никого ни о чемъ не спрашивая, какъ будто именно этихъ-то разспрашиваній и должны по преимуществу избѣгать.

Въ селѣ Та-Хэ-И насъ пригласили остановиться пообѣдать и напиться чаю, которымъ мы утолили мучившую насъ жажду, и вскорѣ уѣхали дальше. Вторая половина пути представляла тотъ же характеръ, и новаго тутъ встрѣтилось только поле съ картофелемъ—большую рѣдкостью въ Китаѣ, да верблюды, предвѣстники монгольской степи.

Затѣмъ показались двѣ многоэтажныя пагоды, такія высокія и тонкія, что издали ихъ можно принять за колонны; потомъ увидели башни на стѣнахъ и самыя стѣны города Лянъ-Чжоу-Фу, и ѣдемъ черезъ его окрестности, занятая главнымъ образомъ развалинами селъ и кладбищами со многими оригинальными и старательно отдѣланными памятниками; послѣдніе представляютъ то подобіе юртъ, то большія ворота, которыхъ иногда стоитъ цѣлый рядъ въ перспективѣ. А свободныя мѣста земли заняты бахчами и огородами.

Несмотря на разрушенный видъ жилищъ, всюду встрѣчается много взрослыхъ и дѣтей; но всѣ люди кажутся бѣдняками,— всѣ такіе загорѣлые, грязные, оборванные, какъ нищіе, и вообще

имѣютъ изнуренный видъ. Впрочемъ, между развалинами попадаются и хорошенькіе жилые домики съ миниатюрными садами при нихъ и изящно отдѣланными входными дверьми.

Пригородъ окончился, и въ небольшомъ разстояніи передъ нами на гладкой площади, усыпанной сѣрой галькой, словно на мозаичномъ полу, показались глиняныя стѣны Лянъ-Чжоу. Мы въѣхали въ ворота, надъ которыми по обыкновенію громоздится зданіе храма, посвященнаго богамъ-охранителямъ города; вступили въ улицу, — широкую, чрезвычайно пыльную и обставленную по бокамъ низенькими домиками, съ мелочными лавками почти въ каждомъ домѣ. На улицѣ густая толпа народа, съ любопытствомъ глазѣющая на насъ. По сторонамъ улицы, передъ лавками, сидятъ продавцы абрикосовъ и яблоковъ, которыхъ я сейчасъ купилъ себѣ; но тѣ и другіе оказались плохими; между продавцами были женщины-торговки, — явленіе въ китайскихъ городахъ необыкновенное.

Хотя городъ Лянъ-Чжоу и не сметенъ съ лица земли во время мусульманскаго погрома, но въ немъ здѣсь также не мало разрушенныхъ домовъ. Проѣзжая описанной улицей, я полагаю, что нахожусь уже внутри города, какъ вдругъ передъ нами неожиданно является вторая стѣна: оказалось; что мы находились только во внѣшнемъ городѣ — Вай-Чэнь, и теперь въѣзжали въ Ли-Чэнь — то-есть за внутреннюю стѣну, которая не землбитная, какъ внѣшняя, а построена изъ кирпича. По изогнутому колѣнномъ проѣзду въ воротахъ, мы вступили въ новую улицу, широкую и просто залитую народомъ, — какъ мнѣ показалось сильно смущеннымъ нашимъ пріѣздомъ. Улица вымощена камнемъ и имѣетъ тротуары; украшена въ глубинѣ тройной триумфальной аркой, обставлена красивыми лавками и имѣетъ сама по себѣ очень живописный видъ; а большія высокія деревья, растущія въ большомъ количествѣ какъ на улицѣ, такъ и на дворахъ нѣкоторыхъ частныхъ домовъ, придаютъ ей еще болѣе симпатичный характеръ, и на ней густая толпа, повидимому, совершенно празднаго люда, между которымъ снуютъ разносчики съ разнымъ товаромъ, разложеннымъ на лоткахъ.

Смятеніе и гамъ произвелъ нашъ пріѣздъ страшные; несчастныя куры попали въ толпу и, объятые ужасомъ, съ крикомъ мечутся во всѣ стороны; между людьми пробираются ослы и кричатъ во все горло; кричатъ водоносы съ ведрами, прося дать имъ дорогу къ большому, обложенному камнемъ колодцу, или отъ

него въ улицу; тутъ же стоитъ одинъ наказанный съ колодкой на шеѣ; рядомъ съ нимъ фокусникъ даетъ представленіе, но на него никто не смотритъ, потому что всѣ взоры, воспламененные страстнымъ любопытствомъ, обращены на насъ. Костюмъ и типъ здѣшнихъ жителей все тѣ же, что и вездѣ.

По мѣрѣ углубленія, улица становится еще красивѣе; вотъ мы въ центрѣ города, на перекресткѣ двухъ главныхъ проспектовъ, соединяющихъ по двое противоположныхъ воротъ. Здѣсь стоятъ четыре триумфальныя арки съ изящной отдѣлкой; всѣ лавки богаче и пестрѣютъ разноцвѣтными вывѣсками и многими товарами, между которыми блестятъ разныя мелкія вещи по части украшеній и т. п.

До сихъ поръ я еще не встрѣчалъ въ Китаѣ такой широкой и давно не видалъ такой красивой улицы. Но вотъ мы повернули въ переулокъ, изъ него въ другой такой же, съ глиняными стѣнами домовъ, совершенно или на половину разрушенныхъ; потомъ еще въ одинъ и т. д. Вотъ наконецъ показалась и противоположная городская стѣна съ ея воротами и кумирней надъ ними, а мы все поворачиваемъ изъ переулка въ переулокъ и наконецъ добрались до квартиры. Въѣздныя ворота въ нее убраны красной и голубой матеріями и представляютъ подобіе триумфальной арки; на большомъ длинномъ дворѣ стоятъ солдаты въ новыхъ форменныхъ платьяхъ и шляпахъ и сдерживаютъ толпу любопытныхъ. Домъ обыкновенной постройки, но большой, новый и чистенькій.

Сосновскій уже проснулся, когда мы пріѣхали и, встрѣтившись съ нами, объявилъ, что „завтра рано утромъ мы выѣзжаемъ“, и просилъ не запаздывать...

Какъ! Въ совершенно новомъ городѣ, извѣстномъ до сихъ поръ только по имени, мы не останемся даже и одного дня! Въ одни ворота въѣхали, въ другія выѣхали, ничѣмъ не поинтересовавшись... Да на что же это похоже! Что же это, наконецъ, значить? Зачѣмъ же мы ѣхали сюда?... Я переспрашиваю: завтра уѣзжаемъ?—Да, да, завтра утромъ; намъ надо торопиться, отвѣтилъ распорядитель. Но разговоръ о причинахъ онъ не любилъ; такъ лишь иногда проговаривался слегка.

— Чего тутъ проживаться, продолжалъ онъ, когда я сказалъ ему, что вѣдь нельзя же такъ, что вѣдь придется отчетъ давать; вѣдь будутъ спрашивать и каждое слово записывать.

— Каждый день, говоритъ Сосновскій, — проведенный въ городѣ, стѣбитъ лишніе расходы; а дѣла тутъ никакого больше нѣтъ: я послалъ Сюя, и онъ мнѣ въ полчаса собралъ всѣ нужныя свѣдѣнія...

И потомъ, чтобы дать разговоръ другое направленіе, онъ сообщилъ, что подѣ самыя городоужь они сегодня гоняли двухъ волковъ; но, слушая разсказъ, я нѣсколько усомнился и подумалъ, не гоняли ли они просто собакъ, похожихъ на волковъ; но Степановъ утверждалъ то же, и я долженъ былъ повѣрить, потому что ни разу не замѣчалъ, чтобы Степановъ когда-нибудь говорилъ неправду. Во всякомъ случаѣ это очень странно: я нигдѣ, ни вблизи, ни вдали, не встрѣчалъ здѣсь волковъ, и особенно странно то, что они такъ близко подходили къ городу...

Не медля ни минуты я ушелъ на городскую стѣну и прошелъ по ея сѣверной сторонѣ. Лянъ-Чжоу стоитъ на равнинѣ, представляетъ бблшею частью однообразныя желтоватыя низенькія постройки, надъ которыми возвышаются упомянутыя высокія пагоды и нѣсколько храмовъ; но издали я не могъ рассмотреть ихъ. Въ окрестностяхъ разбросано нѣсколько, повидимому, богатыхъ и красивыхъ вумирежъ, окруженныхъ садами, и также огромныя владбища съ оригинальными и очень разнообразными памятниками.

18 июля.

Итакъ, къ стыду нашему, сегодня уѣзжаемъ.

Сборы въ дорогу сопровождалсь по обыкновенію суматохой, криками и бранью, достававшеюся по преимуществу на долю самаго дѣятельнаго и честнаго работника, казака Степанова, и именно отъ менѣ всѣхъ дѣлавшаго и менѣ всѣхъ способнаго на что-либо.

У насъ то не доставало того, то не оказывалось другаго; посылали къ властямъ „просить доставить, велѣтъ оказать содѣйствіе“; но всѣ подобныя просьбы исполнялись какъ-то вяло, нехотя, да и изъ городскихъ властей вчера никто не былъ; даже Чжи-Сянь не пріѣхалъ. По всей вѣроятности они считали себя обиженными и дѣйствительно было даже не деликатно проѣхать, не останавливаясь, когда было извѣстно, что мы вовсе не были обязаны торопиться...

Наконецъ все готово, и мы выѣзжаемъ. Пока товарищъ дѣлалъ съемку предстоящей дороги, я занялся осмотромъ сѣверныхъ

жороть. Ширина ихъ арки въ основаніи равняется девяти шагамъ, а длина пролета и, слѣдовательно, толщина стѣны въ этомъ мѣстѣ, — пятидесяти шагамъ!...

Дорога отъ Лянь-Чжоу каменная и пролегаетъ по скучной и безжизненной мѣстности; дальше по сторонамъ ея показываются дома поселянъ въ видѣ укрѣпленій, встрѣчаются деревья и яркозеленыя поля льна съ голубыми цвѣтами или красновато-желтыя нивы созрѣвшей пшеницы. Жаръ нѣсколько спалъ, задулъ вѣтеръ со стороны тучъ, разразившихся вдали сильнымъ дождемъ; но на насъ упало лишь нѣсколько капель.

Сдѣлавъ тридцать верстъ, мы остановились на короткое время для отдыха и потомъ продолжали подвигаться впередъ. Проѣхали еще тридцать ли и приближались къ развалинамъ села Фынъ-Лоо-Пу, въ которомъ находится одинъ отстроенный домишко и постоянный дворъ, гдѣ мы и расположились на ночлегъ.

19 июля.

Продолжаемъ путь по такой же бѣдной и однообразной мѣстности; но крайней мѣрѣ, она представляется такою въ ближайшей къ дорогѣ области. День былъ невыносимо жаркій, такъ что даже сильный вѣтеръ не уменьшалъ зноя и только раздражалъ тѣмъ, что не давалъ ничего дѣлать и срывалъ шляпу съ головы. На горизонтѣ опять мало-по-малу показались возвышенныя горы, (Нань- или Лань-Шань) и замкнули его со всѣхъ сторонъ, кромѣ восточной, гдѣ онъ представляется прямой линіей.

Долго, утомительно, скучно тащились мы съ Матусовскимъ подъ жгучими лучами солнца, изнемогая отъ жажды; но не смѣли, бросивъ всякія занятія, слѣдовать благому примѣру, то-есть дѣлать быстрые переходы рысью, а остальное время отдыхать въ станціонныхъ домикахъ.

Наконецъ доплелись до одного разореннаго селенія Сянь-Ши-Ли-Пу *), но у его несчастныхъ жителей, вновь поселившихся здѣсь въ немногихъ поправленныхъ мазанкахъ, не нашлось даже чайника, чтобъ согрѣть воды. Ее вскипятили въ какой-то желѣзной

---

*) Китайцы нерѣдко называютъ деревни между городами, прибавляя къ слову деревня (пу) число верстъ (ли) отъ извѣстнаго города. Напримѣръ, деревня, отстоящая отъ него на десять верстъ (Ши-ли-пу), на пятнадцать (Ши-у-ли-пу), на тридцать (Сянь-ши-ли-пу) и т. д. У нашихъ же казаковъ онѣ стали называться „Шилипухами“.

чашкѣ, въ которой заварили и чаю, и напились съ неизъяснимымъ наслажденіемъ.

Несчастные китайцы, жившіе здѣсь, имѣли видъ совершенно нищихъ.

— Хорошо здѣсь жить? спросилъ я у одного изъ нихъ, когда они пришли поглядѣть на насъ.

— Хорошо, отвѣчалъ онъ, — только ѣсть почти нечего.

Не многого недостаетъ! Но въ тонѣ голоса, какимъ онъ отвѣтилъ, вовсе не слышалось ропота на судьбу, — онъ только заявилъ фактъ.

Еще три часа прокачались мы въ сѣдлахъ и пріѣхали въ городъ Юнь-Чанъ-Сянь. Одна часть его, такъ называемый „Наружный городъ“, — Вай-Чанъ, или предмѣстіе, примыкающее къ городской стѣнѣ и обнесенное своей землебитной стѣной, разрушено до основанія, а внутренній городъ уцѣлѣлъ. И здѣсь главная улица его обращаетъ на себя вниманіе своей шириной и относительной чистотой, — явленіями, совсѣмъ несвойственными городамъ средняго Китая; но воздухъ и здѣсь такой же зараженный, какъ вездѣ.

Жители Юнь-Чанъ-Сяня отрекомендовали себя не особенно хорошо: они были грубы, дерзки и громко смѣялись намъ вслѣдъ; но обычной брани не было слышно, такъ что можно думать, что они здѣсь еще не знаютъ. Китайцы на улицѣ вели между собою разговоръ на нашъ счетъ и называли насъ англичанами. Но теперь я мало обращалъ вниманія на проявленіе китайцами нерасположенія и преспокойно расхаживалъ по городу. Они скоро мирились со мной, хотя и смотрѣли на меня не иначе, какъ на чудовище, — съ любопытствомъ, иногда съ нѣкоторымъ презрѣніемъ, а въ то же время со страхомъ; но послѣ мы становились друзьями...

Вечеромъ разразилась гроза, но прошла стороной. Воздухъ посвѣжѣлъ; въ нашемъ же помѣщеніи былъ до того тяжелъ, что у меня ночью сдѣлалась головная боль и тошнота, и я принужденъ былъ перейти въ комнату, занимаемую начальникомъ и фотографомъ. Но заснуть и въ ней долго не удавалось по причинѣ крика, пѣсенъ и ссоръ извозчиковъ, раздававшихся на дворѣ почти всю ночь. И я только дивился тому, когда эти люди спятъ и о чемъ идутъ у нихъ такіе оживленные нескончаемые разговоры. Къ сожалѣнію, я ничего не понималъ изъ ихъ словъ, — тогда хоть слушалъ бы по крайней мѣрѣ.

20 июля.

Превосходное ясное утро общаетъ опять знойный день. Собираемся въ путь, и сегодня нашъ багажъ не владутъ на телѣги, а выючатъ на верблюдовъ. На нынѣшній день предстоитъ, говорить, небольшой переходъ, слѣдовательно можно не торопиться и что-нибудь приобрести здѣсь.

Вышелъ на улицу, представляющую очень красивую картинку, благодаря двумъ кумирнамъ по бокамъ ея и массивной высокой башнѣ въ глубинѣ на перекресткѣ главныхъ улицъ; и черезъ часъ этотъ видъ былъ на бумагѣ. Густая толпа китайцевъ съ свойственнымъ тяжелымъ запахомъ тѣсно окружила меня, но работать никто не мѣшалъ. Окончивъ рисунокъ, я прошелъ къ средней башнѣ; дверь ея не была заперта, какъ наканунѣ, и, взойдя, я осматривалъ городъ съ высоты.

Онъ довольно правильно построенъ; улицы его вообще широки и чисты; дома при взглядѣ на нихъ сверху представляютъ, какъ вездѣ, однѣ плоскія крыши, а съ боковъ глухія стѣны или открытыя на улицу лавки. Городъ оживляютъ многія деревья топей и вязовъ; на стѣнахъ возвышается довольно много башенъ, изъ которыхъ особенно красива находящаяся на сѣверной стѣнѣ и имѣющая круглую крышу. Она такъ и просилась на картинку, но съ сожалѣнію была слишкомъ далеко отъ меня, такъ что подробностей ея я не могъ хорошо видѣть. Особенно симпатиченъ юго-западный уголъ города, гдѣ стоитъ группа храмовъ съ изящными крышами посреди разнообразной и густой зелени деревьевъ.

Возвращаясь къ своей квартирѣ, я увидѣлъ черезъ открытыя ворота одного дома рѣшетчатыя двери и окна чрезвычайно красиваго рисунка. Узоры этихъ рѣшетокъ, разнообразіе которыхъ поразительно, постоянно привлекали мое вниманіе, и если бы мы ѣхали не по образу „самыхъ летучихъ курьеровъ“, какъ Сосновскій говоритъ, то я непременно составилъ бы интереснѣйшую коллекцію рисунковъ или моделей китайскаго орнамента; теперь же мнѣ удалось собрать не болѣе нѣсколькихъ десятковъ образцовъ, и то не всегда по выбору, а что попадалось подъ руку. Вслѣдствіе невозможности пользоваться „казенной фотографіей Сосновскаго и Ко“, а также за недостаткомъ времени для срисовыванія рѣшетокъ, иногда весьма сложнаго и запутаннаго узора, я придумалъ дѣлать съ нихъ отпечатки въ натуральную величину, накладывая листъ китайской бумаги и затирая его графитомъ

прямо ладонью; и тонкая, но въ то же время прочная китайская бумага оказалась весьма пригодною для этой цѣли, какъ и для сниманія надписей, находящихся на стѣнахъ, скалахъ и памятникахъ.

Но на этотъ разъ со мной не было большихъ листовъ, и я обратился съ просьбою въ одному изъ сопровождавшихъ меня мѣстныхъ жителей купить листъ бумаги и принести сюда, сказавъ, что деньги возвращу ему съ благодарностью, когда вернусь на квартиру. Онъ тотчасъ исполнилъ мою просьбу, явился съ бумагой во дворъ кумирни, куда я вошелъ, и подалъ мнѣ; другіе, которымъ я объяснилъ, что былъ намѣренъ сдѣлать, принесли скамейку, чтобъ я могъ достать окно; они держали скамью пока я, стоя на ней, дѣлалъ свое дѣло, и когда кончилъ, стали спрашивать у меня, зачѣмъ это мнѣ.

Я имъ отвѣтилъ, что это очень нравится мнѣ, потому что сдѣлано очень хорошо, что я по приѣздѣ домой намѣренъ заказать у себя въ домѣ такое же окно. Они были удовлетворены, польщены и, желая возвысить достоинство своего роднаго города, сообщили, что это дѣлалъ здѣшній столяръ; за послѣднимъ даже сбѣгали досужіе мальчишки, и такъ какъ онъ жилъ не далеко, то его сейчасъ привели сюда, чтобъ представить мнѣ. Я расхвалилъ его работу; но онъ разумѣется отрицалъ ея достоинства и отъ скромности даже застыдился. Мнѣ захотѣлось что-нибудь подарить ему на память о себѣ, но не имѣя ничего подъ рукою набросалъ ему подобіе своей фигуры на листочкѣ, вырванномъ изъ записной книжки, и отдалъ; зрители тотчасъ узнали въ рисунокѣ меня и подняли крикъ, и получившій его столяръ пустился бѣгомъ домой; и за нимъ схлынула половина толпы. Передаю эти мелочи, потому что онѣ все-таки характеризуютъ людей и показываютъ какъ возможно поладить съ тѣми, кто сначала враждебно и даже, можно сказать, злобно относился къ намъ.

Направляясь отсюда къ своей квартирѣ, я встрѣтился на улицѣ съ небольшою группою мандариновъ, шедшихъ пѣшкомъ; они всѣ были въ форменныхъ платьяхъ и шляпахъ, кромѣ одного, который на видъ былъ старше остальныхъ, одѣтъ въ домашнее платье и, несмотря на жгучее солнце, шелъ съ открытой головою. А если онъ имѣлъ право оставаться съ открытой головою, когда другіе были въ шляпахъ, это значило, что онъ былъ старшій надъ всѣми остальными.

Порівнявшись со мною, онъ обратился ко мнѣ съ просьбой показать ему мои рисунки и, не дожидаясь отвѣта, протянулъ руку къ моему альбому, намѣреваясь взять его самовольно. Онъ сдѣлалъ это такъ безцеремонно, какъ будто мы были съ нимъ короткіе знакомые. Но я тихонько отвелъ отъ альбома его руку и сказалъ по-русски, что еще не знаю, съ кѣмъ имѣю честь видѣться. Свитскіе его точно поняли, что я сказалъ, и тотчасъ представили его мнѣ, назвавъ Да-Лоѣ, т.-е. великій господинъ. Это былъ начальникъ города.

Мы раскланялись, обмѣнялись нѣсколькими любезностями и стали разсматривать бывшіе со мною рисунки... И весело видѣть, какъ сильно интересуютъ они китайцевъ! Онъ узнавалъ мѣста и зданія своего города и водилъ по нимъ пальцемъ къ счастью вооруженнымъ длиннымъ ногтемъ, который не оставлялъ на бумагѣ слѣдовъ, а я тѣмъ временемъ сталъ набрасывать карандашомъ его портретъ. Замѣтивъ это, онъ тотчасъ выпрямился, пріосанился и, сохраняя на лицѣ отчасти насмѣшливую улыбку, которой онъ какъ бы оправдывался передъ свитой въ своемъ малодушіи, смиренно стоялъ передо мной.

Кругомъ толпился народъ, болтавшій между собою, и если въ толпѣ почему-нибудь раздавался громкій смѣхъ, его тотчасъ останавливали словами, толчеями или многозначительными минами, какія обыкновенно дѣлаются въ присутствіи особы, при которой смѣхъ и даже громкій разговоръ считаются неблагопристойными.

— Довольно! сказалъ я. И Чжи-Сянь съ плохо скрытымъ любовитствомъ поспѣшилъ взглянуть на рисунокъ и потомъ сталъ просить отдать его ему. Хоть и не безъ сожалѣнія, но чтобы не оставаться въ долгу у китайцевъ за ихъ любезности, оказываемыя намъ, я подарилъ мандарину портретъ, за который получилъ тысячу благодарностей.

Въ это время подѣхалъ Матусовскій съ Таномъ, казакомъ и конвойными; моя лошадь была здѣсь же, и я послѣдовалъ за ними. Мандаринъ со свитой проводилъ меня до городскихъ воротъ и отправился домой, бережно неся по улицѣ свой портретъ, словно образъ.

Уѣхали. Солнце просто жгло; но возможность предаться въ виду малаго перехода собиранію растений и насѣкомыхъ, особенно бабочекъ, во множествѣ летавшихъ надъ арыками, бѣжавшими вдоль дороги, была такимъ рѣдкимъ и пріятнымъ исключеніемъ, что я забылъ про зной и жажду. Арыки или каналы для орошенія

очень оживляли мѣстность: опушенные свѣжей бархатистой зеленью, испещренной цвѣтами, съ чистой, какъ хрусталь, водою, бѣжавшею по нимъ, они сегодня долго шли параллельно дорогѣ.

По мѣрѣ нашего движенія впередъ, надъ горами сгущались тучи; потомъ горы затаило туманной завѣсой и, когда мы смотрѣли впередъ, можно было думать, что наступилъ уже вечеръ,—такъ все въ этой части горизонта потемнѣло; а обернешься назадъ—тамъ все свѣтло, сіяетъ солнце и оттуда, какъ изъ печи, ишетъ жаромъ. Небо постепенно становилось темнѣе, синева гуще и на землю западали рѣдкія крупныя капли дождя; на встрѣчу потянуль холодный вѣтеръ—предвѣстникъ проливнаго дождя. Я надѣлъ кожаный плащъ, приготовилъ зонтикъ и ѣду далѣе... одинъ съ двумя проводниками, потому что отъ всѣхъ отсталъ.

Хорошо бы переждать дождь, укрывшись на время подъ какой-нибудь крышей, да негдѣ, потому что въ этомъ мѣстѣ, кромѣ остатковъ стѣнъ разрушенныхъ зданій, ничего не было. Вдругъ однимъ порывомъ вѣтра мой зонтикъ былъ изломанъ и вслѣдъ за тѣмъ зачастилъ дождь, сильнѣе и сильнѣе, и ураганъ уже несъ дождевыя капли почти въ горизонтальномъ направленіи. Лошадь скоро не могла идти ему на встрѣчу; находившіеся при мнѣ мальчишка „Сквозной“ и одинъ солдатъ изъ конвойныхъ отбѣжали въ сторону отъ дороги и присѣли у одной стѣны въ защитѣ отъ вѣтра и дождя, и я послѣдовалъ ихъ примѣру.

Вода лилась съ неба ужъ не каплями, а просто потоками, которые дробились въ воздухѣ въ водяную пыль. Наша защита мало укрывала насъ отъ дождя; а порывы вѣтра, съ оглушительнымъ ревомъ несшагося надъ землею, нагоняли на меня страхъ, какъ бы онъ не свалилъ на насъ стѣны, подъ которою мы пріютились... Потомъ началась гроза, страшная гроза, какія я рѣдко видывалъ: каждую секунду свергали молніи; громъ не раздавался отдѣльными ударами, а гудѣлъ не умолкая, какъ будто весь земной шаръ звучалъ въ это время и весь словно дрожалъ отъ этихъ звуковъ.

Несчастныхъ китайцевъ, хотя также имѣвшихъ зонтикъ, давно промочило до послѣдней нитки. Съ моей лошади лились потоки воды; пледъ, которымъ я покрылъ сѣдло, также напитался ею какъ губка; и безпокоившаяся лошадь все совала ко мнѣ подъ зонтикъ голову, защищая отъ воды свои уши. Буквально по всей землѣ уже текли ручьи и рѣки мутной воды, а дождь все усиливался.

Полчаса длилась гроза съ такимъ дождемъ и наконецъ проне-слась. Небо быстро просвѣтлѣло; изъ окраинъ пронесшейся тучи еще сыпались рѣдкія капли дождя; наконецъ опять показалось солнце и словно начался новый день,—такъ было темно передъ этимъ.

Гроза такъ разстроила нервы моей лошади, что она пугалась каждую минуту, при самомъ малѣйшемъ поводѣ, бросаясь со всѣхъ ногъ въ сторону, и я только того и ждалъ, что она шлепнется на скользкой землѣ сама и влѣпится меня въ грязь; но къ счастью я вскорѣ нагналъ нашъ транспортъ, и общество другихъ лошадей подѣйствовало на нее успокоительно.

Мы пріѣхали въ совершенно разоренное село Уанъ-Синъ-Пу еще засвѣтло и тутъ заночевали въ казенномъ, вновь отстроеномъ станціонномъ домикѣ.

21 июля.

Ѣдемъ далѣе. Мѣстность здѣсь носить пустынный характеръ; почва почти бѣлаго цвѣта, изрѣдка покрытая пучками травъ, большею частью сѣровато-зеленыхъ оттѣнковъ. Безжизненно и тихо кругомъ; только гдѣ-нибудь выскочить изъ норки сусликъ, станетъ на заднихъ лапкахъ на камешекъ и, оглашая скучную пустыню своимъ свистомъ, точно спрашиваетъ мертвыя пространства: есть ли тутъ еще кто, кромѣ меня? И изъ живыхъ существъ ему могли бы откликнуться только ящерицы, птички чекваны, порхавшія кой-гдѣ, лова насѣкомыхъ, да изрѣдка пролетавшій небольшой соколъ (*Falco Subbuteo Lin.*).

Развлеченіемъ для нашего зрѣнія могли служить Великая Стѣна, снова появившаяся сегодня близъ дороги, да опять показавшійся въ юго-западной сторонѣ свѣзанный хребетъ Нанъ-Шанъ. Но горы были очень далеко, а жалкіе остатки гигантской стѣны только навѣвали грусть, говоря о ничтожествѣ всякихъ человѣческихъ созиданій.

Горизонтъ кругомъ замыкался горами и только передъ нами онъ представлялъ открытую прямую линію. Но эта линія находится не вдали, какъ это бываетъ на равнинахъ, а близко, и она есть не что иное какъ верхній край того отлогого холма, на который мы поднимаемся. За этой чертой невольно ждешь пере-мѣны; переваль черезъ пригорокъ сулитъ что-нибудь новое и потому спѣшишь скорѣе добраться до нея; а эта черта дважды обманываетъ васъ, во первыхъ, тѣмъ что она вовсе не такъ близко,

какъ кажется, и повторихъ, что вмѣсто ожидаемаго склона по ея другую сторону и общаго вида въ даль, передъ глазами является новый отлогій холмъ точь-въ-точь такой же, какъ прежній, съ такою же крайней чертой, за которой опять ждемъ перемѣны. Доберешься, и опять тѣ же обманутыя ожиданія, потому что и за ней является такая же новая покатая терраса, на которую опять надо подниматься, и такъ далѣе до пяти разъ.

Затѣмъ къ дорогѣ подошли невысокія горы; мы круто повернули по направленію къ нимъ и вступили въ ущелье, по которому доѣхали до селенія Ся-Ку (или Ча-Ку-И), окруженное зубчатой стѣной съ бойницами, сдѣланными частью изъ кирпича, частью изъ булыжника. Ворота, ведущія въ село, задѣланы кирпичомъ, и при видѣ ихъ не трудно было догадаться, что мы найдемъ внутри.

Дѣйствительно, въѣхавъ, точно внутрь крѣпости, черезъ маленькое отверстіе, оставленное въ стѣнѣ, мы увидали, что село все разрушено... Въ немъ однако уже есть зародыши новой жизни: десятка два, три китайскихъ семействъ вернулись на развалины своихъ домовъ, слѣпили нѣсколько убогихъ мазанокъ и живутъ теперь въ нихъ, перебиваясь изо дня въ день и коротая, я думаю, болѣе чѣмъ съ горемъ пополамъ, свое безотрадное существованіе, проходящее исключительно въ заботахъ объ утоленіи голода.

На улицѣ было видно много женщинъ, несчастныхъ, грязныхъ, измученныхъ. Онѣ стояли возлѣ своихъ лачужекъ и поглядывали на насъ... но съ каѣмъ-то вялымъ любопытствомъ: кажется, для нихъ послѣ видѣннаго и испытаннаго во время нашествія мусульманъ сдѣлались недоступными никакіе жизненные интересы, и онѣ производятъ впечатлѣніе живыхъ автоматовъ.

Эти женщины занимались хозяйственными работами; двѣ изъ нихъ, напримѣръ, что-то отбирали отъ зеренъ пшеницы.. Мнѣ хотѣлось узнать—что именно, и я, подѣхавъ ближе, остановился; но въ то же мгновеніе ближайшая ко мнѣ, еще молодая женщина вскочила, какъ будто ее кольнули иглой; она бросилась въ сторону, сплибла съ ногъ свою сотрудницу, черезъ окно вскочила въ свою избушку и, очутившись въ этой безопасной позиціи, сама разсмѣялась надъ своимъ испугомъ.

Но, несмотря на всю бѣдность и безотрадность обстановки, мода не потеряла надъ людьми своей власти: у всѣхъ здѣшнихъ женщинъ маленькія ножки, и онѣ носятъ очень красивую прическу,

высоко взбивая волосы и завязывая ихъ на затылкѣ въ видѣ шиньона. Здѣшнія молодыя женщины менѣе безобразнаго типа и, пожалуй, были бы даже привлекательны, если бы хоть изрѣдка умывались, и если бы ихъ покрывали не такія грязныя и оборванныя платья; но до чего отвратительны старухи со своими сморщенными, загорѣлыми лицами, всключенными сѣдыми волосами и безобразными зубами!... Онѣ почти утратили человѣческой образъ...

На улицѣ сидятъ и бродятъ много дѣтей, тоже, какъ видно, никогда не мытыхъ; они роются въ пыли, играютъ камешками и, начиная свою жизнь, ничего не вѣдаютъ о томъ, что здѣсь недавно происходило...

Мы помѣстились на ночлегъ въ одномъ отстроенномъ домѣ, и послѣ обѣда я вышелъ на улицу съ альбомомъ. Человѣкъ до десяти китайцевъ пошли за мною, и одинъ изъ нихъ съ необыкновенною любезностью сопровождалъ меня всюду: указалъ, какъ взойти на стѣну, помогъ вскарабкаться на нее, подсаживалъ и поддерживалъ, чтобъ я не упалъ, — словомъ, точно нянька за ребенкомъ, ухаживалъ за мной.

Всходы на стѣну, обыкновенно устраиваемые весьма удобно, здѣсь были также испорчены; однако при помощи любезнаго спутника-туземца мнѣ удалось взобраться на нее, и оттуда я могъ обинуть однимъ взглядомъ всю огромную долину, замкнутую на горизонтѣ грядою невысокихъ горъ. Кромѣ развалинъ селенія Ся-Ку, да Великой Стѣны съ остатками ея башенъ, одиноко тянувшейся по долинѣ, въ ней не было видно ни одного предмета, ни домика, ни дерева.

Надвигавшіяся тучи заставили меня скорѣе вернуться домой, и вечеромъ дѣйствительно разразилась гроза; всю ночь бушевала буря съ дождемъ. Квартира наша помѣщалась въ за-ново отстроенномъ домикѣ, стоявшемъ у самой сторожевой башни, возвышавшейся на стѣнѣ, надъ сѣверными воротами, и находившіяся на ней часовые не спали всю ночь: всю ночь они то трубили въ свои длинныя трубы, выходя на всячій балкончикъ; то били въ барабанъ и звонили въ колоколь, то наконецъ стрѣляли изъ пушки...

Для чего все это? думалъ я, лежа въ постели и не могши заснуть подъ эту музыку. Существуетъ ли здѣсь обычай такой или это они насъ охраняли? Подавали ли сигналы какіе и кому? На

кого хотѣли наводить ужасъ? Гдѣ видѣли врага и какого? откуда его ждали?

Всѣ эти вопросы остались неразрѣшенными, вслѣдствіе моего безъязычія и общей царствовавшей у насъ бессмыслицы. Изъ этихъ предосторожностей видно было только, что китайцы еще не перестали опасаться новаго внезапнаго вторженія,—вѣроятно, мусульманъ, и плохо вѣрили въ то, что ихъ вблизи нѣтъ.

22 іюля.

На всѣхъ станціяхъ, подобныхъ настоящей, въ казенныхъ домахъ имѣются запасы необходимой провизіи, и изъ нея-то для насъ приготовлялись по всей дорогѣ завтраки, обѣды и ужины, такъ что мы сами ровно ни о чемъ не заботились.

Позавтракали и уѣзжаемъ. Утро сѣрое, холодное; въ воздухѣ осенняя свѣжесть и сырость. Несчастныя дѣти, встрѣчавшіяся на улицѣ, дрожали отъ холода, потому что одежды на нихъ не было никакой, а вмѣсто нея они придерживали на себѣ руками какія-то невообразимыя лохмотья, едва прикрывавшія ихъ плечи и туловище. Какъ же они зиму-то здѣсь проводятъ!...

Мы ѣхали упомянутой долиной, между горами, и для охраненія намъ давался здѣсь конный вооруженный конвой. Но выходило такъ, что онъ охранялъ только нашего начальника, который не находилъ нужнымъ измѣнять своей системы комфортабельныхъ переѣздовъ рысью отъ мѣста до мѣста съ продолжительными здѣсь отдыхами, а мы и весь нашъ транспортъ предоставлялись совершенно на произволь судьбы... И хорошо, что хоть она была милостива къ намъ, да и люди здѣсь, должно-быть, благочестивые, потому что и безъ конвоя нашего транспорта никто, слава Богу, не трогалъ, а то бы съ нашими порядками очень плохо вышло.

На двадцатой верстѣ заѣхали въ стоявшій недалеко отъ дороги домъ, построенный въ видѣ крѣпости и называвшійся Синь-Хэ, жителямъ котораго было приказано принять насъ и накормить обѣдомъ, благодаря чему мнѣ удалось наконецъ побывать внутри одного изъ этихъ своеобразныхъ зданій.

Бѣдные жители этой разоренной страны старались еще придать нѣкоторую торжественность обстановкѣ для нашего приема, украсивъ входную дверь повѣшеннымъ въ видѣ драпировки кускомъ старенькой шелковой матеріи краснаго цвѣта,—это обыкновенный способъ у китайцевъ выраженія почтенія принимаемымъ гостямъ.

Через эту дверь мы вышли на большой и чистый, как токъ, дворъ, обнесенный толстой глиняной стѣной, сажень до двухъ вышины; другими же низенькими стѣночками онъ раздѣлялся на нѣсколько отдѣлений, изъ которыхъ въ одномъ были сложены снопы пшеницы, въ другомъ запасъ каменнаго угля, въ третьемъ разный хламъ и соръ. Внутреннее, довольно большое пространство, оставалось свободнымъ и посреди его возвышались, также сбитыя изъ глины, стѣны, сажень въ пять или шесть вышины, съ угловыми, какъ бы навѣшенными, башенками. За этимъ высокими стѣнами и заключается тотъ маленькій уединенный мирокъ, съ какимъ мнѣ такъ давно хотѣлось познакомиться. Въ него ведетъ единственная дверь, изъ которой вышелъ къ намъ на встрѣчу почтенный старикъ, одѣтый въ парадное платье и шляпу, и пригласилъ насъ войти. Все здѣсь своеобразно и интересно. Входная дверь, на примѣръ, въ это таинственное жилище представляетъ узкое четырехугольное отверстіе въ ростъ и ширину человѣка и запирается дверью, сдѣланною изъ цѣльной каменной плиты въ три вершка толщины. Навѣшена она такъ: на одной сторонѣ ея, вверху и внизу, вытесаны изъ той же плиты два округленныхъ шипа и они-то вдѣты въ толстые желѣзные обручи, укрѣпленные въ притолкѣ, сдѣланной также изъ крѣпкаго камня. На этихъ шипахъ и ходитъ каменная дверь, отворяемая и затворяемая съ немалыми усилиями, вслѣдствіе ея большой тяжести; а изнутри она запирается двумя крѣпкими поперечными засовами, такъ что выломать ее совсѣмъ не легко.

Читатель видитъ, такимъ образомъ, что подобное укрѣпленіе можетъ, дѣйствительно, защитить отъ азіятскаго непріятеля; и ему, вѣроятно, также не безъинтересно познакомиться съ его внутреннимъ устройствомъ.

Пройдя черезъ узенькій туннель въ толщинѣ стѣны, мы очутились подъ навѣсомъ галлерей, окружающей небольшой дворикъ, ничѣмъ, повидимому, не занятый; изъ него вели двѣ двери — направо и налево въ другіе дворики, обстроенные со всѣхъ сторонъ жилыми помѣщеніями, кладовыми и сараями, надъ которыми возвышается упомянутая общая стѣна.

Хозяинъ повелъ насъ направо, уступая дорогу и приглашая идти впередъ. Сначала мы вступили въ небольшое полутемное пространство, въ видѣ широчайшей вертикальной трубы и закрытое сверху досчатымъ потолкомъ; черезъ широкія щели, остающіяся въ немъ между досками, сюда проникалъ слабый свѣтъ, и

при помощи его я разглядѣлъ, что тутъ устроена лѣстница, ведущая наверхъ на стѣну, а подъ нею находился сарайчикъ для свиней.

Войдя въ слѣдующій дворикъ, опять окруженный галлереей и жилыми помѣщеніями, мы замѣтили одну дверь, также украшенную красной драпировкой; эта дверь, какъ мы догадались, вела въ приготовленную для насъ пріемную, и вошли въ нее. Она представляла мрачную полутемную комнату, со столомъ по срединѣ и кажомъ въ лѣвой сторонѣ, — очевидно, прибраннымъ по случаю нашего пріѣзда; а въ противоположномъ концѣ ея были сложены въ беспорядкѣ разныя вещи, — старая мебель, корзины и т. п. Прямо противъ двери, на высокомъ и узенькомъ столѣ, приставленномъ къ стѣнѣ, стоятъ разныя фарфоровыя фигурки, изображающія боговъ и, вѣроятно, представляющія остатки прежней роскоши.

Хозяинъ пригласилъ насъ сѣсть къ столу и отдалъ распоряженіе насчетъ обѣда, — для него уже втораго, такъ какъ Соновскій пообѣдалъ здѣсь и, вдремнувъ часомъ-другой, уѣхалъ дальше. Мы пригласили хозяина сѣсть съ нами вмѣстѣ. Онъ имѣлъ отъ роду 78 лѣтъ, былъ здѣшній старожиль... Вотъ изъ этой „живой хроники“ можно было бы добыть не мало интересныхъ свѣдѣній о событіяхъ, совершившихся здѣсь за послѣднее время. Но человѣкъ, особенно мало развитой — не книга, изъ которой можно быстро вычитать все, что нужно; да и старикъ былъ еще не очень говорливъ и больше любопытствовалъ насчетъ нашего платья, вещей и насъ самихъ: его особенно занимали свѣтлорусые волосы Матусовскаго которые онъ нѣсколько разъ даже потрогалъ рукой, что сдѣлалъ потомъ и его сынъ, человѣкъ на видѣ лѣтъ сорока, также присутствовавшій здѣсь и прислуживавшій намъ.

Я попросилъ хозяина показать мнѣ весь домъ, на что онъ согласился весьма охотно и, казалось, даже былъ польщенъ этой просьбой.

Отправляюсь съ его сыномъ и прошу провести меня на верхъ самой высокой стѣны, чтобы видѣть все устройство дома и не запутаться въ лабиринтъ его дворовъ и переходовъ. Стѣна эта настолько толста, что по верхней площадкѣ ея можно удобно ходить вокругъ всего дома, тѣмъ болѣе, что съ наружной стороны она обнесена парашетомъ аршина въ два вышины. Онъ имѣетъ небольшія, смотрящія внизъ отверстія, чрезъ которыя

можно стрѣлять въ непріятеля, въ случаѣ осады имъ крѣпостцы; для холодной же обороны на площадкѣ припасены въ разныхъ мѣстахъ кучи крупныхъ камней, которыми также бросаютъ въ него.

Я узналъ отъ спутника, что дома, подобные настоящему, принадлежатъ не одному владѣльцу, а общинамъ, состоящимъ изъ нѣсколькихъ семействъ; въ настоящемъ домѣ жили, напримѣръ, четыре семьи, въ числѣ тридцати двухъ человекъ, и тотъ, кого я считалъ хозяиномъ, былъ, такъ-сказать, только старшина, какъ напстарѣйшій.

Обнесенное стѣною внутреннее пространство раздѣляется также высокой стѣной на двѣ половины: въ одной помѣщаются рабочіе и домашнія животныя, въ другой владѣльцы со своими женами и дѣтьми. Каждая семья имѣетъ свой особый дворъ, отдѣленный отъ другихъ стѣною одной вышины съ домами, которые очень не высоки и стоятъ, прислонившись заднею стороною къ прочнымъ наружнымъ стѣнамъ.

Этотъ домъ строился, какъ я узналъ, въ продолженіе трехъ лѣтъ и стоилъ 3,000 ланъ (6,000 серебряныхъ рублей).

Когда я стоялъ наверху стѣны и набрасывалъ рисунокъ дома, къ намъ мало-по-малу стали взбираться нѣкоторые изъ обитателей его; притащился и самъ старикъ, оказавшійся страшнымъ любителемъ рисованія и самымъ внимательнымъ зрителемъ моей работы... Странная эта любовь къ живописи! Вѣдь вотъ старикъ, страдающій удущьемъ, съ трудомъ таскающій ноги и можетъ-быть доживающій послѣдній годъ своей жизни, казалось бы, до картинокъ ли ему,—нѣтъ, обращается ко мнѣ съ заискивающей улыбкой и поклономъ, — проситъ нарисовать ему что-нибудь въ память нашего проѣзда... И я никогда не могу отказать въ такихъ просьбахъ: нарисовалъ и ему подобіе поѣзда желѣзной дороги и парохода, „широкой кистью“,—да-би, какъ китайцы говорятъ, и доставилъ неизреченное удовольствіе...

Долго ли ты будешь смотрѣть на эту картинку, подумалъ я, прощаясь съ нимъ, когда онъ провожалъ насъ за ворота и благодарилъ меня... Живъ ли онъ теперь, когда мы съ вами, читатель, вспоминаемъ о немъ?... А ужъ картинка навѣрно цѣла... И можетъ-быть другой русскій путешественникъ по этимъ мѣстамъ увидитъ ее, какъ и другія, раздаренныя мною въ Китаѣ, и ему пріятно будетъ прочесть на ней русское имя...

Уѣхали. Въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ мы миновали нѣсколько деревень, очень напоминавшихъ своимъ видомъ фотографическіе снимки съ раскопокъ Помпей, — отъ иныхъ, можно сказать, остались только одни названія „Шилипухъ“ (что объяснено выше); а передъ вечеромъ явились вдаль у подножія голубыхъ горъ башенки, деревья и стѣны...

То былъ городокъ Шань-Дань-Сянь, къ которому мы подъѣзжали по скучной, почти голой долинь, усѣянной мелкой галькой. Цвѣтъ земли свѣтлосѣрый, а отъ контраста съ синими горами и нависшими надъ ними тяжелыми тучами почва казалась почти бѣлою; но она не вездѣ такъ гола; вдаль, по обѣ стороны отъ дороги, она одѣта низенькою и, какъ кажется, довольно густою травой, по зеленому фону которой разсыпаны темнозеленые и красноватые кустики степныхъ травъ или колючіе кустарники. По временамъ между ними не вдалекѣ отъ насъ пробѣгали зайцы, которыхъ, говорятъ, здѣсь очень много, такъ какъ китайцы по неумѣнію стрѣлять или за недостаткомъ ружей вовсе не истребляютъ ихъ; а теперь и людей то здѣсь почти нѣтъ. На горизонтѣ видны со всѣхъ сторонъ отдаленныя горы, то довольно высокія, то понижающіяся до незначительной грады холмовъ.

Вотъ близко и городъ, а неподалеку отъ него стоитъ крѣпость, обнесенная хорошо сдѣланною кирпичною стѣною съ башнями по угламъ и на видъ грозная. Вотъ и пригородъ, или правильнѣе остатки его, потому что всѣ дома въ немъ разрушены, а бывшіе дворы засѣяны просомъ или пшеницей; первое—еще зеленое, только-что колосится, вторая уже созрѣла.

Вѣвзая въ Шань-Дань-Сянь, я не ожидалъ встрѣтить въ немъ ничего новаго, но былъ пораженъ неожиданной оригинальной картиной, какой раньше не встрѣчалъ ни въ одномъ изъ посѣщенныхъ мною городовъ: вмѣсто обыкновенной улицы, здѣсь передъ глазами явился садъ или небольшая рощица, занимающая весь лѣвый уголъ внутри городской стѣны; у окраины ея протекаетъ быстрый, широкій ручей, проходящій чрезъ небольшую арку въ городской стѣнѣ; и вдоль ручья, по берегу его идетъ улица съ тройной триумфальной аркой и однимъ рядомъ низенькихъ домиковъ по правой сторонѣ. Чистая и прозрачная вода течетъ быстро, но нисколько не бурлитъ, такъ что въ ней отражаются кусты нѣжныхъ, какъ пухъ, тонколистныхъ ивъ и стволы ближайшихъ тополей, изъ которыхъ состоитъ вся рощица; а въ глубинѣ послѣдней, въ ея зеленой тѣни, пріютились нѣсколько

крошечныхъ, но хорошенькихъ домиковъ какихъ-то живущихъ тамъ счастливецъ.

На улицѣ не только не было толпы, когда мы вѣхали въ городъ, напротивъ, людей было совсѣмъ мало; только нѣсколько китайцевъ шли по улицѣ или сидѣли подъ навѣсами своихъ домовъ, да дѣти играли на дорогѣ у ручья; а по перекинутой черезъ него доскѣ переходила молоденькая женщина, въ нарядномъ платьѣ и съ цвѣткомъ въ волосахъ. Увидавъ насъ, она законфузилась, оробѣла, думала вернуться назадъ, но только остановилась въ нерѣшительности на доскѣ и украдкой, робко поглядывала на насъ.

Мы ѣдемъ вдоль ручья, пересѣкаемъ поперечную улицу, на которой устроенъ черезъ ручей каменный мостъ, встрѣчаемъ еще нѣсколько весьма симпатичныхъ видовъ, полусельскихъ, полугородскихъ, и достигаемъ второй стѣны, кирпичной, окружающей Внутренній городъ. Этотъ болѣе оживленъ и имѣетъ обыкновенный типъ красиваго китайскаго города: его широкая улица съ цѣлой панорамой арокъ, съ чрезвычайно красивыми кумирнями по сторонамъ и нѣсколькими громадными тополями, бросающими густую тѣнь, чрезвычайно симпатична на видъ; а можетъ-быть только казалась мнѣ такою послѣ безотрадныхъ зрѣлищъ нищеты и разрушенія.

Квартира для насъ была отведена въ хорошенькомъ маленькомъ домѣ съ миниатюрнымъ дворикомъ, раздѣленнымъ воротами на двѣ части.

23 Іюля.

Если мы проѣзжали, не останавливаясь, чрезъ большіе города, то ужъ конечно въ Шань-Дань-Сянѣ не остановились ни на одинъ день. Сегодня же уѣхали.

Здѣсь къ намъ присоединился новый спутникъ... Не желая „увеличивать состава экспедиціи“ лишнимъ переводчикомъ, когда я хотѣлъ пригласить такого даже на свой счетъ*), этотъ же самый Сосновскій взялъ для чего-то мальчишку-китайца, лѣтъ десяти; но гдѣ и какъ его досталъ — не знаю, потому что его показанія, будто тотъ „самъ присталъ къ обозу, какъ собака“, лишены всякаго вѣроятія. Но такъ или иначе, а мальчишка

*) В. И. Нѣмчинова, въ г. Хань-Коу.

отправился сегодня съ нами подъ страннымъ названіемъ Па-Ши-Сы, что значить Восемьдесятъ Четыре. Съ перваго раза фizioномія и нахальные манеры этой „Цифры“ очень не понравились мнѣ; и онъ, дѣйствительно, оказался впоследствии воромъ. и былъ исключенъ изъ неофициальныхъ членовъ экспедиціи; однако доѣхалъ съ нами до Хами и тамъ былъ брошенъ, буквально „какъ собака“,—то-есть оставленъ въ городѣ и только!..

Дорога отъ Шань-Дань-Сяня до слѣдующаго большаго города Гань-Чжоу идетъ равниной, на которой часто попадаются ручьи проточной воды, обросшіе по краямъ зеленью; и не вдалекѣ отъ нея тянется Великая Стѣна. Мѣстами намъ встрѣчались поля, на которыхъ происходила уборка хлѣба немногочисленными жителями мало-по-малу оживающихъ деревень.

Потомъ я увидалъ въ сторонѣ, приблизительно въ полуверстѣ отъ дороги, группу тополей и рядъ красивыхъ кумиренъ, стоящихъ у подножія гряды высокихъ глинистыхъ холмовъ; а ѣхавшій со мною Танъ предупредилъ меня, что въ этомъ мѣстѣ находится интересная статуя бога „Фу“ (Будды) или Да-Фо-Ѣ; и вскорѣ изъ-за деревьевъ выглянула огромная глиняная голова, а вскорѣ за тѣмъ открылась вся фигура, представляющая человѣка, сидящаго въ креслахъ и благословляющаго.

По исполненію это—нѣчто среднее между статуей и горельефомъ. Она выдѣлана изъ почвы на боковой сторонѣ одного изъ упомянутыхъ холмовъ и достигаетъ въ вышину, какъ мнѣ казалось, сажень до восьми или болѣе и производитъ довольно сильное впечатлѣніе. Голова статуи находится на одномъ уровнѣ съ верхушками высокихъ деревьевъ; а крыши стоящихъ передъ нею кумиренъ были ниже ея колѣнъ. Что же касается искусства, съ какимъ исполнена эта художественная задача, то оно ниже всякой критики. Вся фигура крайне безобразна: шея у нея совсѣмъ нѣтъ, и голова ушла въ туловище; торсъ ужасно длиненъ и такъ неуклюжъ, что если его показать зрителю отдѣльно, то онъ навѣрно не угадаетъ, что долженъ изображать этотъ сплюснутый цилиндръ; руки также несоразмѣрно длинны, и такъ сказать, деревянные, какъ и вытянутые пальцы правой ручной кисти, положенной на колѣно... Но настоящимъ любителямъ „китайщины“ она этимъ-то безобразіемъ своимъ пожалуй и была бы интересна.

Ночевали въ селѣ Дунь-Лу.

24 июля.

Начавшийся вчера съ вечера дождь шель всю ночь и не пересталь сегодня. Но его, кажется, не переждать, и мы собираемь въ дорогу; сегодня приѣзжаемъ въ городъ Гань-Чжоу.

Передъ отъѣздомъ, за завтракомъ, шли разговоры о томъ, что дорога впереди не безопасна; туземцы предупреждаютъ насъ,— говорятъ, чтобъ мы были осторожны, потому что, говорятъ, тутъ бродить много разбойничьихъ шаекъ; и эти вѣсти сильно пугаютъ нашего „нравственнаго отвѣтчика за всѣхъ“; онъ такъ падаетъ духомъ, что и другимъ становится страшно.

— Ахъ ты, Богъ ты мой, вздыхаетъ онъ, ходя изъ угла въ уголь по комнатѣ:—хоть бы до Хами скорѣй добраться!.. Потому до Хами, что туда, какъ говорятъ здѣшніе китайцы, уже пришелъ посланный намъ на встрѣчу русскій военный отрядъ *).

Но до Хами еще не близко. И еще долго намъ томиться и вздыхать.

Долина, по которой пошла дорога, сначала пустынна и камениста, а потомъ вдругъ оживаетъ, благодаря изобилію воды; мягкая почва покрыта богатыми полями; дорогу часто пересѣкаютъ ручьи и арки, обросшіе ивовымъ кустарникомъ; нѣкоторые каналы заперты шлюзами, и вода съ шумомъ падаетъ черезъ нихъ каскадами; мѣстами они разливаются и образуютъ болота и лужи, въ которыхъ я нерѣдко замѣчалъ бившіе изъ земли ключи. Незасѣянные пространства заняты великолѣпными ярко-зелеными лугами, и по нимъ разсѣяны многочисленныя деревья, исключительно тополи; повсюду виднѣется множество фермъ, построенныхъ въ видѣ знакомыхъ читателю замковъ, остроговъ или укрѣпленій: надъ полями носятся стаи галобъ, голубей и грачей.

Подвигаясь же далѣе по долинѣ, мы встрѣтили пространство версты на три въ поперечникѣ, занесенное глубокими песками красноватаго цвѣта, разрисованными на поверхности, какъ бы водною зыбью, или представлявшими гладкіе отлогіе холмы и по-

*) Удивительно мнѣ было, какъ сюда проникла вѣсть о томъ, что изъ Россіи на встрѣчу намъ будетъ посланъ конвой. Сосновскій только просилъ о высылкѣ его; но онъ, какъ оказалось потомъ, отправленъ не былъ. Что же послужило поводомъ къ слухамъ о немъ между китайцами и откуда эти слухи пришли къ нимъ? Очень загадочно. Въ самомъ дѣлѣ, этимъ спиритамъ-китайцамъ не нужно телеграфовъ.

ланы. Они хотя и не совершенно лишены растительности, но она такъ бѣдна, что при общемъ взглядѣ на нихъ холмы кажутся совсѣмъ голыми. А влѣво отъ дороги все время виденъ вдали тотъ же снѣжный хребетъ.

Вотъ открылся и Гань-Чжоу. Передъ нами показалась необыкновенно чистенькая на видъ стѣна Внѣшняго города, чистенькая, новая, такъ какъ прежняя, говорятъ, была разрушена. Проѣзжаемъ мимо кладбища, усѣяннаго могилами и памятниками, мимо отдѣльныхъ домиковъ, также недавно отдѣланныхъ, судя по новымъ стѣнамъ, яркимъ рисункамъ на входныхъ дверяхъ и чистенькимъ крышамъ; тутъ уцѣлѣли, какъ видно, только старыя деревья въ садахъ, также обнесенныхъ новыми оградами.

Изъ домовъ выбѣгаютъ жители посмотрѣть на насъ и, вовсе не скрывая своихъ ощущеній, хохочутъ и прыгаютъ отъ удовольствія, а можетъ-быть въ ихъ смѣхѣ есть доля сарказма; и женщины Китая, какъ я замѣчалъ на всемъ пути, особенно насмѣшливый народъ.

Мы вѣхали въ южныя ворота города, укрѣпленныя по обыкновенію особой стѣной, примыкающей къ общей городской въ видѣ полукруга, и въ этомъ, защищенномъ стѣною, небольшомъ пространствѣ растутъ нѣсколько великолѣпныхъ деревьевъ, (айланты, пирамидальные тополи, джигда и туйя), а между ними громоздятся нѣсколько живописныхъ кумиренъ съ разнообразными и весьма изящными крышами, уютными террасами и крошечными тѣнистыми двориками.

Улица поразила меня своею необычайною пестротой предметовъ и цвѣтовъ, а также степенью оживленія; но къ сожалѣнію сопровождавшіе насъ солдаты тотчасъ по вѣздѣ въ городъ повернули влѣво, и мы поѣхали вдоль стѣны по узкому переулку съ невзрачными, покосившимися въ разные стороны домишками. Какъ въ этомъ переулкѣ, такъ и дальше вездѣ по всему городу виднѣются великолѣпныя высокія деревья, по преимуществу тополи, и въ такомъ изобиліи, что можно сказать, весь городъ Гань-Чжоу стоитъ въ одномъ вѣковомъ паркѣ.

Приѣхали на отведенную для насъ квартиру, очень хорошую по словамъ Андреевскаго, но Сосновскій неизвѣстно почему вдругъ впалъ въ разборчивость, нашелъ ее неудобною и сталъ хлопотать объ отвѣденіи другаго помѣщенія. Это меня обрадовало: значить здѣсь, думаю себѣ, въ этомъ дѣйствительно прелестномъ городѣ, предполагается пожить нѣсколько времени. Да

и пора, — вѣдь мы отъ самаго Лань-Чжоу летимъ буквально безъ оглядки.

Пока шли переговоры о квартирѣ, мы съ Матусовскимъ приѣхали на хорошенькомъ уютномъ дворѣ; и тутъ только впервые случайно узнаемъ, что насъ изъ Лань-Чжоу сопровождаютъ три мандарина и что ихъ-то заботамъ мы обязаны перевозочными средствами, готовыми квартирами и сказочными завтраками и обѣдами, которые вездѣ являлись на нашемъ пути. Они ѣхали впереди насъ и распоряжались всѣмъ, что было необходимо для нашего удобства. Здѣсь насъ и познакомили въ первый разъ. Это были: Чжу, — съ генеральскимъ шарикомъ на шляпѣ, лѣтъ сорока, очень любезный и пріятный человекъ; Пинъ, — еще молодой человекъ, некрасивый, но симпатичный, и Го, — также лѣтъ подъ сорокъ, со слѣдами оспы на лицѣ, малоразговорчивый и необщительный. На столѣ лежалъ нарѣзанный арбузъ, и они угощали насъ имъ.

Принесли отвѣтъ отъ Чжи-Сяня, который предложилъ помѣститься въ одномъ храмѣ, и отправились всей компаніей пѣшкомъ въ указанную кумирню, Фань-Чэнъ-Мяо, находящуюся близъ восточныхъ воротъ, довольно далеко отсюда. За нами вели нашихъ лошадей, а дальше слѣдомъ тащились телѣги съ багажомъ. Мы прошли чрезъ нѣсколько улицъ, мимо находящихся внутри города большихъ прудовъ, почти сплошь заросшихъ высокими тростникомъ; прошли чрезъ пустыя площади, одѣтыя травой, и достигли нашей новой квартиры.

Не знаю, была ли она почетнѣе, удобнѣе той, изъ которой мы ушли, но на видъ и по удобствамъ была несомнѣнно хуже отведенной для насъ въ упомянутомъ домѣ. Та была прелестна, поэтична; эта — обыкновенна и казарменна; но мы остались въ ней, потому что не тащить же еще на третью. Это было первое разочарованіе, ожидавшее меня здѣсь; второе состояло въ томъ, что на изученіе Гань-Чжоу положено только два дня!..

Ну, что дѣлать... будемъ ловить каждую минуту. И вотъ, только сбросивъ съ себя дорожныя вещи, я отправился съ однимъ изъ мѣстныхъ полицейскихъ въ городъ и, взойдя на восточную стѣну, пошелъ по ней по направленію къ южной сторонѣ.

Прямо передо мною возвышался вдали снѣжный хребетъ Нань-Шань, а внизу съ правой стороны разстилался городъ съ его группами домиковъ, заросшими прудами, многими кумирнями, отличавшимися отъ другихъ зданій большими размѣрами и изя-

ществомъ отдѣлки; съ его цѣлою рощею тополей, плакучихъ ивъ, вязовъ и другихъ деревьевъ, вершины которыхъ находились на одной высотѣ со мною или лишь немного выше. Надъ общимъ уровнемъ домовъ и кумиренъ возвышается четырехъэтажная пагода (Ту-Та), — старинное деревянное зданіе, и еще каменный памятникъ въ видѣ графина или вазы, о значеніи котораго я ничего не могъ узнать. Дома то 'укрываются въ густой тѣни деревьевъ, то стоятъ открыто, сбившись въ тѣсныя группы; сверху хорошо видны двory нѣкоторыхъ изъ нихъ, убранные дикимъ виноградомъ или граціозною зеленью тыквъ, расплетенною по рѣшеткамъ и верандамъ, а также вазами съ растущими въ нихъ цвѣтами. Вотъ видна и кумирня, служащая нашей квартирой, и передъ нею огромнѣйшая толпа народа.

Наиболѣе замѣтными и живописными зданіями мнѣ показались: Вань-Шоу-Гунъ, стоящее на островѣ одного изъ прудовъ, и храмы Ло-Ъ-Мяо, Вынь-Мяо, Гань-Чуань-Мяо, Фу-Юань, Да-Фо-Сы и клубъ, принадлежащій шаньсійскимъ купцамъ и находящійся на главной улицѣ, которая идетъ отъ сѣверныхъ воротъ къ южнымъ. У послѣднихъ я спустился со стѣны и прошелъ по улицѣ, носящей въ общихъ чертахъ типичный китайскій характеръ. За мною, разумѣется, слѣдовали толпою жители; впрочемъ она не была очень густа, такъ какъ уже наступилъ вечеръ, и каждый торопился домой.

Я тоже сказалъ полицейскому, чтобъ онъ повернулъ на ближайшую дорогу къ дому, и мы, оставивъ улицу, скоро очутились между двухъ зеленыхъ стѣнъ высокаго тростника (*Arundo Phragmites*), пробираясь по перешейку между двумя прудами, которые едва ли хорошо дѣйствуютъ на здоровье здѣшнихъ жителей, потому что при китайскомъ содержаніи ихъ они превратились въ болота, и воздухъ здѣсь въ сильнѣйшей степени пропитанъ тяжелыми испареніями.

Толпа все еще стояла у воротъ занятой нами Фань-Чэнь-Мяо, заглядывая въ открытую дверь въ надеждѣ увидать поближе интересныхъ людей; дверь же была открыта потому, что изъ дома, гдѣ для насъ первоначально была приготовлена квартира, привезли сюда и теперь вносили столы, стулья, посуду, кухонныя принадлежности, фонари, покрывала на стулья и каны, и т. п. Сколько ненужныхъ хлопотъ для какихъ-нибудь двухъ дней! И для чего это переселеніе было нужно Сосновскому, не разъ находившему хлѣвъ вполне приличнымъ для себя помѣщеніемъ,—

помните? Вѣроятнѣе всего для того, чтобъ отнять у своихъ слишкомъ дѣятельныхъ спутниковъ нѣсколько рабочихъ часовъ... Вотъ въ какія руки попадаютъ иногда ученныя экспедиціи!

Потомъ принесли отъ начальника города ужинъ; но въ количествѣ достаточномъ лишь для насъ; а казакамъ и прислугѣ не достало, и они остались голодными. Хотя изъ трактира можно было получить всего, чего угодно, но Сосновскій не рѣшился на такой поступокъ, „опасаясь“, какъ онъ говорилъ, „что мѣстныя власти, пожалуй, узнаютъ объ этомъ и это имъ будетъ неприятно; что мы какъ будто желаемъ выразить этимъ, что намъ прислано слишкомъ мало“.

Но тѣмъ, кто остался совсѣмъ голоднымъ, это измышленіе едва ли показалось особенно остроумнымъ и правильнымъ... За то были соблюдены „высшая деликатность“ и „общегосударственныя пользы“ въ видѣ, хотя и грошевой, а все-таки экономіи.

25 Іюля.

Послѣ яснаго утра, проведеннаго на дворѣ кумирни, въ тѣни, за работой, состоявшей въ перекладкѣ растений и препарированіи двухъ убитыхъ вчера птицъ (*Saxicola leucomela* и *S. Morio*), наступилъ такой жаркій день, что зной отнималъ всякое желаніе тронуться съ мѣста. И если бы не страхъ стыда за то, что мы, первые посѣтившіе Гань-Чжоу, не привеземъ ничего, чтобъ познакомить съ нимъ, — повѣрьте, читатель, не пошелъ бы я жариться на открытомъ солнцѣ, не заставилъ бы себя работать, когда такъ пріятно лежать въ бездѣйствіи въ прохладной комнатѣ.

Беру съ собою двухъ полицейскихъ, одѣтыхъ только въ башмаки и широчайшія панталоны, и выхожу за ворота. Передъ ними стоитъ въ праздности и нетерпѣливомъ ожиданіи выхода иностранныхъ людей густая толпа китайцевъ; и они обрадовались моему появленію какъ не вѣсть какому благополучію. Желаніе ихъ исполнилось, — они не даромъ пеклись, несчастные, на солнцѣ въ продолженіи цѣлыхъ часовъ; и я считалъ просто жестокимъ лишить ихъ невиннаго и вполне заслуженнаго удовольствія посмотрѣть на кого-либо изъ насъ...

Выйдя на возвышенную террасу, я просидѣлъ на ней съ четверть часа и далъ возможность всѣмъ насладиться созерцаніемъ заморскаго человѣка. Мнѣ тѣмъ легче было приносить такіа

неважныя жертвы, что толпа сама всегда служила для меня интересным матеріаломъ, обогащая мой альбомъ портретами и типами. Я спокойно разсматривалъ толпу китайцевъ, какъ старыхъ приглядѣвшихъ знакомыхъ; а они впились въ меня глазами, наблюдая за каждымъ движеніемъ, все изучая и сообщая другъ другу свои замѣчанія. Они переживали, такъ сказать, мои первыя впечатлѣнія...

Не знаю, какія наблюденія сдѣлали они надо мною; а мнѣ бросились въ глаза ихъ болѣзненный видъ и бѣдность; по платью ихъ почти всѣхъ безъ исключенія можно было назвать нищими... Просто отдохнуть не на комъ.

Схожу „со сцены“ и отправляюсь въ городъ; толпа заволновалась и вся хлынула за мною; а изъ двухъ взятыхъ мною полицейскихъ только одинъ оказался зрячимъ, и этотъ скоро исчезъ куда-то, а при мнѣ остался другой, уже очень пожилой солдатъ, почти слѣпецъ. Впрочемъ, тонкаго зрѣнія отъ него и не требовалось: людей видѣть онъ могъ, а для управленія ими въ его рукахъ находилось весьма дѣйствительное средство въ видѣ ременнаго арапника; слѣдовательно, онъ имѣлъ всѣ необходимыя качества проводника по китайскому городу.

Дѣйствительно, онъ держалъ толпу въ повиновеніи и не позволялъ тѣснить меня; меня душили только страшная пыль, поднимаемая ногами, и тяжелая атмосфера, стоявшая надъ толпою невообразимо грязныхъ людей. Солнце жгло, и мой старикашка, все время кричавшій и махавшій нагайкою, видимо ослабѣлъ...

Вдругъ чрезъ толпу, съ крикомъ и раздаваемыми направо и налѣво боксами, стремительно прорвался какой-то молодой малый лѣтъ двадцати; онъ былъ небольшого роста, но атлетъ по тѣлосложенію, и его лѣтній костюмъ, состоявшій только изъ башмаковъ и широчайшихъ нанковыхъ брюкъ синяго цвѣта, позволялъ любоваться замѣчательной мускулатурой туловища и рукъ.

Онъ оказался сыномъ подслѣповатаго старика, также полицейскимъ солдатомъ, и явился ему на смѣну. Расслаившись со мною короткимъ и отрывистымъ реверансомъ, съ преклоненіемъ на одно колѣно, онъ такимъ же быстрымъ движеніемъ обернулся къ своему отцу, выхватилъ изъ его рукъ арапникъ и, сказавъ ему, что теперь онъ можетъ идти домой, вступилъ въ должность моего новаго охранителя.

Мы вышли на площадку, находящуюся на берегу одного изъ прудовъ, и я сказалъ полицейскому, что здѣсь остановлюсь; поставилъ стулъ и велѣлъ вбить палку, въ которую обыкновенно втыкается зонтикъ. Толпа мигомъ смекнула, какое готовится для нея представленіе, и со всѣхъ сторонъ разомъ устрежилась ко мнѣ, спѣша занимать первыя мѣста... Но коренастый и безжалостный малый своимъ арапникомъ въ одно мгновеніе отбросилъ всѣхъ назадъ и совершенно очистилъ около меня большую площадку. Я началъ работу, смущавшую любопытство китайцевъ, которые хотя и пробовали подходить поближе, но боялись полицейскаго, какъ огня.

Желалъ ли онъ показать мнѣ свою „радость стараться“, или просто его руки требовали работы, — только онъ въ такой степени усердствовалъ, что самъ начиналъ мнѣ мѣшать излишнею ревностію къ службѣ: ни одной минуты не оставался онъ въ покоѣ и хлесталъ арапникомъ своихъ несчастныхъ собратій, налетая то на однихъ, то на другихъ, но дѣлалъ это глупо, безъ разбора, вовсе не обращая вниманія на то, мѣшали ли они мнѣ или нѣтъ. Хотя онъ усердствовалъ и распинался для меня, тѣмъ не менѣе онъ былъ мнѣ отвратителенъ своею жестокостію: какъ я ни останавливалъ его, онъ черезъ минуту опять кидался на людей, точно голодный тигръ на свою жертву; толпа злилась и, выражая негодованіе, казалось, была готова разорвать его, но повиновалась и не смѣла проявить своей силы. А я таки опасался, чтобъ ея терпѣніе не лопнуло и не обратила бы она своего гнѣва на меня, хотя и невиннаго виновника всѣхъ полученныхъ ею ударовъ. Но уваженіе китайцевъ къ власти даже въ образѣ полицейскаго служителя не имѣетъ предѣловъ, и все обошлось благополучно.

Набросавъ рисунокъ, я взшелъ на сгѣну, куда толпы не пустили и гдѣ я могъ отдохнуть отъ непріятнаго напряженія нервовъ, какое испытываешь въ только-что описанной дикой обстановкѣ. Тамъ я провелъ остатокъ дня. Вечеръ былъ превосходный, и, освѣщенный красноватымъ свѣтомъ, городъ представлялъ прелестныя картины, одна другой красивѣе и интереснѣе, но которыя въ описаніи были бы и скучны, и неточны, а потому я старался схватить ихъ красками, чтѣ и удалось.

Подобнымъ же образомъ проведенъ второй день нашего пребывания въ Гань-Чжоу, и на завтра назначенъ выѣздъ.

27 июля.

Какой вдругъ переходъ отъ „города-парка“: переѣхали въ бродъ небольшую рѣчку (Хэй-Хо), и за нею сразу потянулись песчаные холмы и долины, совершенно лишенные растительности. Сухой и сыпучій песокъ былъ такъ раскаленъ солнцемъ, что въ него нельзя было руку опустить; въ воздухѣ такой зной, что даже ящерицамъ, — этимъ любительницамъ сухихъ бесплодныхъ степей, — даже имъ было жарко, и онѣ лежали на пескѣ съ разинутыми ртами или лѣнливо перебѣгали небольшія пространства, и то только поневолѣ.

Граница песковъ была недалеко, и сквозь необыкновенно прозрачный воздухъ степи было видно, какъ вдругъ совершается рѣзкій переходъ отъ песковъ къ яркозеленымъ лугамъ и богатымъ полямъ. На послѣднихъ разсыяны многочисленныя деревья, сливающіяся вдаль, у подошвы окрестныхъ горъ, въ непрерывный поясъ рощъ, и, смотря на эти голубыя горы съ сіяющими на ихъ вершинахъ пятнами снѣга, на эти зеленыя рощи, въ тѣни которыхъ должно быть такъ прохладно, — еще сильнѣе чувствуешь зной посреди этого песчаного моря, еще болѣе томить человека мучительная жажда... Намъ тяжело было ѣхать, а конвоиры шли пѣшкомъ, утоая по щиколку въ пескѣ!...

Дорога тутъ очень мало оживлена, и потому появленіе каждаго новаго путника доставляетъ удовольствіе и развлеченіе. Здѣсь по пути съ нами ѣхалъ какой-то мандаринъ, еще молодой человекъ, назначенный, какъ я узналъ, въ г. Су-Чжоу на новую должность; и интересна была скромность его путешествія: все имущество его заключалось, повидимому, только въ ѣхавшихъ съ нимъ слугъ да собакъ. Онъ любезно раскланялся съ нами и не менѣ моего желалъ побесѣдовать, но намъ обоимъ пришлось ограничиться почти однимъ добрымъ желаніемъ, такъ какъ мой китайскій языкъ былъ слишкомъ бѣденъ, а спутникъ еще и понималъ меня хуже обыкновеннаго.

Дорога и дальше идетъ по безлюдной мѣстности, и только черезъ 25 верстъ намъ встрѣтилось на пути первое селеніе Шатинъ-Цзы, которое представляетъ лишь нѣсколько домиковъ съ постоянными дворами, расположенными посреди грудъ кирпичей, оставшихся отъ бывшихъ построекъ, и помѣстились въ одной лавочкѣ, выходящей на улицу, ожидая пока согрѣютъ воду.

Читатель может удивиться тому, откуда мы нашли тут лавочку; но въ этомъ-то и заключается одна изъ характерныхъ особенностей Китая: какъ ни убога, какъ ни ничтожна эта деревушка, къ которой и это-то названіе едва приложимо по ея крошечнымъ размѣрамъ, а и въ ней есть лавочка, гдѣ немногочисленные и, конечно, неприхотливые обитатели ея могутъ найти всѣ необходимые для жизни предметы.

Я говорилъ раньше еще о другомъ явленіи, замѣчаемомъ въ Китаѣ и состоящемъ въ томъ, что какъ бы бѣдно ни было извѣстное мѣсто, какъ бы пустынно оно ни казалось, въ немъ непремѣнно встрѣтишь гораздо больше людей, чѣмъ ожидалъ. Это оправдалось и здѣсь. Пока мы, въ ожиданіи горячей воды, сидѣли въ лавкѣ, на весьма некомфортабельныхъ узенькихъ деревянныхъ скамейкахъ, въ ней за это время перебивало до десяти человѣкъ покупателей.

Они были одѣты только до пояса, всѣ бѣдны и грязны на видъ; и хотя они всѣ китайцы, но ни о какихъ церемоніяхъ тутъ и помину нѣтъ, — полнѣйшая простота въ отношеніяхъ людей другъ къ другу и къ намъ... Приходить въ лавку китаецъ и, какъ будто не замѣчая гостей, словно онъ привыкъ каждый день видѣть насъ здѣсь на этихъ скамейкахъ, молча подаетъ кушцу деревянную чашку, на днѣ которой лежитъ нѣсколько мѣдныхъ монетъ; тотъ молча же принимаетъ ее, выбрасываетъ деньги въ ящикъ, а чашка съ извѣстнымъ количествомъ постнаго масла возвращается ея хозяину. Очень вѣроятно, что самая покупка была только предлогомъ, что онъ пришелъ съ исключительной цѣлью взглянуть на заморскихъ людей: вотъ почему онъ не удивился и не испугался, встрѣтивъ насъ въ лавкѣ. Дѣйствительно, совершивъ покупку, онъ останавливается и намѣренъ рассмотреть насъ обстоятельно; но купецъ видно понимаетъ, что это не учтиво.

— Ступай, ступай, уходи, выпроваживаетъ онъ покупателя, дѣлая ему лицомъ знаки, приглашавшіе быть къ намъ болѣе почтительнымъ.

Этотъ ушелъ; явились трое другихъ, повидимому солдаты, и съ развязностью китайскихъ воиновъ хотѣли было усѣсться рядомъ съ нами на тѣхъ же скамейкахъ; но хозяинъ тотчасъ безъ церемоніи выгналъ ихъ вонъ. Такъ поступилъ онъ и съ остальными.

Мы сидѣли въ покоѣ, въ тѣни. а изъ двери съ улицы лился

внутри, какъ изъ печи, горячій воздухъ. Хорошо бы подольше посидѣть подъ крышей; но изъ божовой комнатки или сарая, гдѣ грѣлась вода, валилъ густой горькій дымъ и, смѣшиваясь съ противнымъ запахомъ загнившей кислой капусты, просто выгонялъ насъ вонъ.

Сегодня сдѣлали еще двадцать ли, и какъ утомительна и пустынна была мѣстность, которую мы только-что пробѣжали, такъ здѣсь она была мила и симпатична: зеленые луга, многочисленныя ручьи, кустарники и деревья, мѣстами насаженныя аллеями, великолѣпныя поля, запущенныя сады разрушенныхъ селъ, которыхъ здѣсь было множество, — все это вмѣстѣ, рисуящееся на лиловомъ фонѣ горъ, представляло хотя и грустную, но очаровательную картину... Это—долина рѣки Хэй-Хо. Тутъ не доставало только людей, и отсутствіе ихъ въ такой привольной сельской обстановкѣ особенно сильно нарушало гармонію.

Кончился тяжелый горячій день; пріѣхали на ночлегъ въ село Ша-Хэ, гдѣ квартира для насъ была отведена въ кумирнѣ.

Наша полутемная комната выходила на крошечный уютный дворикъ, въ срединѣ котораго за деревянной рѣшеткой были посажены тыквы, и длинныя плети ихъ съ большими круглыми листьями поднимались по веревочкамъ и гирляндами расплетались по крышѣ. Ширина этого дворика была не больше сажени, при длинѣ около двухъ сажень, и выходъ изъ него былъ узкій и трудный; комната также крошечная. И вотъ въ этой-то тѣсотѣ, ночью, въ сосѣдней съ нами камеркѣ вспыхнулъ было пожаръ... Но къ счастью люди еще не успѣли всѣ заснуть и его погасили въ самомъ началѣ.

А если бы не погасили, то это былъ бы первый пожаръ, видѣнный мною въ Китаѣ, потому что мы на всемъ пути не видали ни одного; и это тѣмъ болѣе замѣчательно, что китайцы обращаются съ огнемъ чрезвычайно смѣло... Всего вѣроятнѣе, что причина рѣдкости этихъ несчастій заключается въ отсутствіи въ Китаѣ пьянства; отъ куренія же опиума, какъ я говорилъ, человекъ никогда не превращается изъ homo sapiens въ существо безразсудное.

28 іюля.

Сегодня, говорятъ, рѣшено дойти до слѣдующаго города Коу-Тай-Сянь, до котораго верстъ около пятидесяти, а на переѣздѣ такого разстоянія шагомъ требуется часовъ около двѣнадцати!

Опять жаркій день. Ёдемъ между развалинами селеній, садами и полями и далѣе по упомянутой зеленой равнинѣ, окаймленной поясомъ деревьевъ. Дорогу часто пересекаютъ арыки съ зеленоватой, быстро несущейся водой, и одинъ изъ нихъ былъ настолько великъ, что намъ удалось въ немъ выкупаться. Хотя воды тутъ было немного выше колѣна, но она была холодная (13° R.), и купанье, несмотря на всѣ неудобства, доставило намъ высочайшее наслажденіе, освѣживъ насъ на нѣсколько часовъ.

Мѣстность снова стала принимать пустынный характеръ; опять пошли почти бѣлые, желтовато-сѣрые или желтые пески, по которымъ растетъ лишь особый видъ тростника и еще одни растенія *), такія сочныя, что невольно удивляешься, откуда могутъ они набирать въ себя столько воды, сидя на этихъ сухихъ, горячихъ пескахъ.

Слабый вѣтерокъ дуетъ на встрѣчу, но онъ не столько прохладаетъ, сколько обдаетъ волнами теплаго, даже почти горячаго, воздуха; за то послѣ нихъ чувствуется относительная прохлада. Вскорѣ за окраиной песковъ встрѣтилась рѣчонка Хонь-Цзю-Хо;— какъ ея не упомянуть!..

Въ селѣ Фу-И-Чэнь, въ одномъ вновь отстроенномъ домикѣ, для насъ былъ приготовленъ обѣдъ и чай, а кромѣ того мы нашли тутъ арбузовъ и вареной кукурузы. Нашъ ретивый, любознательный авангардъ ужъ давно исчезъ и, уѣзжая, велѣлъ передать намъ, чтобъ ѣхать сегодня еще сорокъ ли; и мы, едва отдохнувъ и мучимые сильнѣйшей испариной, всякій разъ наступавшей въ невообразимыхъ размѣрахъ послѣ питья чаю, даже и холоднаго, — торопились уѣзжать, чтобъ поспѣть засвѣтло на ночлегъ.

Дорога пошла зелеными лугами, по которымъ тянутся на большія пространства болотистыя мѣста, и кой-гдѣ вода собирается въ мелкія озера; по берегамъ ихъ бродятъ кулики разныхъ породъ, и я былъ пораженъ ихъ необыкновенною осторожностью: явленіе въ Китаѣ необыкновенное, потому что тамъ охотниковъ не существуетъ, и дичь, которой никто не тревожитъ, напротивъ, удивляетъ своею смѣлостью. Это значить наши передовые спутники, иногда развлекающіе себя охотой, напугали ихъ; за то я получилъ сегодня отъ Сосновскаго четыре штуки.

*) Suaeda ampullacea.

На этой части дороги съ нами встрѣчались китайцы-носильщики (кули *)), съ коромыслами и грузомъ на плечахъ; здѣшніе кули отличаются отъ восточныхъ и средне-китайскихъ тѣмъ, что совсѣмъ не кричатъ себѣ въ тактъ, когда несутъ что-нибудь... Я не могъ безъ сожалѣнія смотрѣть на эти живые локомотивы, благодаря которымъ по всему Китаю распространяются всѣ предметы необходимости, и часто даже роскоши, до самыхъ маленькихъ деревень. Тяжела ихъ работа, особенно въ подобныхъ мѣстахъ, подѣ такими знойными лучами!

- Пески встрѣчались и сегодня, но не очень большими площадями, а разсѣянными въ видѣ острововъ по беспредѣльной и какъ столъ гладкой зеленой равнинѣ рѣки Хэй-Хо, которую окаймляетъ цѣлый поясъ селеній, окутанныхъ деревьями; а дальше за ними возвышаются горы (Бэй-да-шань), замыкающія горизонтъ со всѣхъ сторонъ, кромѣ юго-восточной.

И что за капризный характеръ мѣстности, какіе контрасты: взглянешь отъ дороги влѣво, — тутъ тянутся пески на весь доступномъ глазу пространство; посмотришь вправо, — тамъ яркая зелень, вода блеститъ вдали и тянутся стройные ряды пирамидальныхъ тополей, между которыми виднѣются глиняныя стѣны домовъ, устроенныхъ на подобіе замковъ. Сегодня часто попадались такіе переходы отъ луговъ къ пескамъ и наоборотъ; и переходы эти иногда поразительно рѣзки, — песчаная полоса, напримеръ, непосредственно прилегаетъ къ болоту.

Близъ дороги попадались то засѣяныя поля, то только приготовленныя подѣ посѣвъ, или уже жнивья послѣ уборной пшеницы; на другихъ посѣяны въ перемежку китайское просо и горохъ; на третьихъ — хлопчатникъ и рисъ, который только выкидывалъ колось. Вездѣ встрѣчается много птицъ, болѣею частью нашихъ знакомыхъ (сороки, галки, горлинки, коршуны, грачи и голуби), а надъ арыками носится множество комаровъ и синихъ стрекозъ. Почва равнины глинистая и на дорогѣ она размельчается въ слой мягкой и тонкой пыли, которая легко поднимается и цѣлыми облаками виситъ въ воздухѣ, какъ дымъ въ тихую погоду; и бѣда, если дуетъ попутный вѣтерокъ, или на встрѣчу

*) Общеупотребительное названіе кули произошло отъ китайскихъ словъ гу (нанимать, наемный), ли (сила); собственно же гу-ли значить „за работу“; то-есть плата, за перевозку или перекопку, напримеръ въ подаваемомъ счетѣ.

идеть обозъ; тогда приходится все время задыхаться въ ея густѣйшемъ слоѣ...

Жарко, утомительно и скучно тащиться здѣсь безъ дѣла, шагомъ, по цѣлымъ днямъ. А тутъ еще кожа лица болитъ, какъ воспаленная... Состояніе духа невеселое; и мы ѣдемъ молча, лишь изрѣдка обмѣниваясь нѣсколькими словами.

— А Сквозной-то мальчишка, ваше высокоблагородіе, намъ измѣнилъ, обращается ко мнѣ казакъ.

— А что, убѣжалъ что ли?

— Нѣтъ-съ, а только онъ, значить, на родину пожелалъ возвратиться... То вѣдь онъ хотѣлъ съ нами въ Россію ѣхать; такъ даже говорилъ, —возьмемъ ли мы его или не возьмемъ, все равно, говоритъ, я за вами слѣдомъ пойду, потому что, говоритъ, родныхъ у меня теперь тутъ нѣту... А сегодня объявилъ, что хочетъ на родную сторону... Тутъ вотъ не далеко отъ дороги будетъ ихъ деревня, всего десять „лиевъ“ (ли) въ сторону.

— Ну что жъ, пускай идетъ съ Богомъ; нельзя удерживать его насильно, хоть и жаль, —привыкли къ нему.

Подобныхъ случаевъ было уже нѣсколько; и мы знали, что до причины, —почему человекъ вдругъ измѣняетъ свое рѣшеніе, — не добратся; а потому и не спрашивали отчего онъ уходитъ... Жить ему у насъ было хорошо; обращались съ нимъ ласково, работы никакой тяжелой онъ не несъ; и теперь даже не шелъ пѣшкомъ, а ѣхалъ на моей запасной лошади... Нѣтъ, все-таки уходитъ.

Можетъ-быть, близость родины пробудила въ немъ желаніе посѣтить ее; страхъ ли передъ далекимъ путешествіемъ, увѣщанія ли чьи подѣйствовали на него, —не знаю; только онъ рѣшительно сказалъ, что дальше ѣхать съ нами не хочетъ. Пришелъ, поклонился, по обычаю, по три раза въ ноги передъ каждымъ изъ насъ и ушелъ. Тутъ именно былъ поворотъ къ его родной деревнѣ...

Мы поѣхали дальше по дорогѣ, а онъ пошелъ пѣшкомъ въ сторону одинъ, безъ всего... И хотя мы дали ему денегъ, но гдѣ онъ тутъ и что на нихъ купить; съѣстнаго же ничего не могли ему дать, потому что сами ничего съ собою не имѣли.

Посматривалъ я на удалявшася безобразнаго мальчишку и задумался надъ его незавидной долей... Мнѣ представилось, какъ онъ придетъ въ родную деревню, но не къ отцу или матери, — ихъ ужъ не было въ живыхъ, —а явится нежданнымъ и непрошенымъ гостемъ къ какому-то родственнику, и какъ сухо при-

меть его этотъ родственникъ,—вѣроятво такой же бѣднякъ, да еще пожалуй обладатель семьи въ десятокъ „ртговъ“... А вѣдь въ такомъ разоренномъ краю каждый лишній ротъ является непрошенымъ и нежеланнымъ гостемъ, и если онъ и не прогонитъ отъ себя „Сквознаго“, во всякомъ случаѣ небольшія радости ждутъ его впереди.

Уже стемнѣло, и скоро мальчуганъ исчезъ въ степи, въ вечернемъ сумракѣ... Гдѣ-то и какъ проведетъ онъ ночь, подумалось мнѣ, и жутко за него стало... Насъ же нынѣшняя ночь застала въ дорогѣ, и мы вѣхали въ городъ Коу-Тай-Сянь при тускломъ свѣтѣ половины поднявшагося мѣсяца.

Миновавъ городскія ворота и стѣны, кажущіяся при лунномъ свѣтѣ болѣе величественными и мрачными, и вступивъ въ улицу, мы увидали шедшихъ къ намъ на встрѣчу двухъ китайцевъ въ форменномъ платьѣ, съ фонарями въ рукахъ, и подумали было, что они высланы на встрѣчу, чтобъ облегчить намъ розыскиваніе ночью нашей квартиры; но китайцы прошли мимо, не обративъ на насъ никакого вниманія. Мы остановили ихъ сами и, разспросивъ дорогу къ нашей квартирѣ, добрались наконецъ до кумирни, въ которой она находилась.

Чувствуя сильную усталость и голодь, разсчитываемъ, входя въ комнату, застать по крайней мѣрѣ готовый ужинъ и скорѣе лечь спать; но оказалось, что спутники уже поужинали и не приказали прислугѣ сохранить для насъ хотя бы остатки... Прискорбно и стыдно, но нечего дѣлать, — пришлось послать за новымъ ужиномъ, котораго должны были дожидаться еще болѣе часа...

А такъ какъ сытый голоднаго не понимаетъ, говорить пословица, то нашъ начальникъ, уже улегшійся въ постель, повелъ ученый разговоръ о томъ, что „та съѣдобная летучая мышь, которую описываетъ Дюгальдъ, есть, какъ онъ положительно узналъ, не что иное, какъ ночная птица съ длинной шеей и головой, похожей на утиную, а вовсе не летучая мышь“... Но намъ было не до „ученыхъ“ разговоровъ, точно такъ, какъ „нравственному отвѣтчику за всѣхъ“ не было никакого дѣла до того, голодають ли двое изъ его спутниковъ, или нѣтъ.

29 июля.

Про городокъ Коу-Тай-Сянь я могу сказать только, что онъ уцѣлѣлъ отъ разоренія, что главныя улицы его широки, и въ городѣ есть нѣсколько красивыхъ кумиренъ, окруженныхъ прекрас-

ными тополями, пирамидальными и обыкновенными; что население въ немъ небольшое, и жители его—люди миролюбивые.

Съ этими свѣдѣніями мы отправились догонять авангардъ. Несмотря на то, что было только восемь часовъ утра, мы просто изнемогали отъ жара. Потянулась та же пыльная дорога, и по ней подъ городомъ происходило довольно оживленное движеніе, такъ что весь воздухъ тутъ превратился въ одно сплошное облако густой пыли. Вдоль дороги здѣсь бѣгутъ арбы и, мѣстами разливаясь по лугамъ, образуютъ болотца, по которымъ бѣгаютъ кулики разныхъ породъ; а по полямъ бродятъ цапли, занимаясь ловлей молодыхъ лягушекъ. Изъ встрѣчавшихся довольно часто туземцевъ, проѣхалъ въ городъ одинъ крестьянинъ съ небольшимъ возомъ яблокъ, и наши конвоиры-солдаты напали было на нихъ съ намѣреніемъ „бесплатно купить“ нѣсколько десятковъ, такъ что мнѣ едва удалось остановить ихъ...

Между туземцами нерѣдко встрѣчались люди съ опухолью на шеѣ (зобъ) и еще какою-то опухолью на головѣ, лицѣ и шеѣ, съ которою ближе познакомятся путешественники, болѣе меня счастливые; а я только упоминаю о ней, чтобъ не упустить факта, не лишенаго значенія *).

Мы ѣдемъ и ѣдемъ цѣлыми днями, едва располагая однимъ часомъ для отдыха. Экспедиціи теперь сообщенъ самый „полный ходъ“...

Вотъ показалось селеніе Хэй-Чуань съ его свѣтлыми домиками и заборами, съ голубыми тѣнями на нихъ и какъ будто сѣвоящими чрезъ туманъ деревьями. Вправо невдалекѣ видѣлось озеро, неизвѣстнаго названія, на берегу котораго сидѣло стадо дикихъ гусей. Здѣсь, говорятъ, будетъ ночлегъ, и это слово дѣйствуетъ оживляющимъ и пробуждающимъ образомъ.

Пріѣзжаемъ на квартиру, крошечную съ крошечнымъ дворикомъ; и, умывшись, по китайскому обычаю, теплой водой, чтобъ избавиться отъ насѣвшей пыли, я принялся послѣ обѣда за препаровку пяти убитыхъ дорогой птицъ и окончилъ эту работу уже при свѣчахъ.

---

*) Должно-быть, движеніе въ этотъ день было такъ стремительно, что о ней мнѣ не удалось занести въ дорожную книжку никакихъ подробностей; я, вѣроятно, положился на память и не записалъ тотчасъ, а потомъ, занятый другими дѣлами и впечатлѣніями, забылъ.

Наступила ночь, но въ воздухѣ душно; отъ всѣхъ стѣнъ, за день прогрѣтыхъ солнцемъ, пышетъ тепломъ, какъ отъ натопленныхъ печей, и отъ жары нельзя заснуть. А потомъ поднялась буря, отъ которой, казалось, дрожаль домъ, и становилось страшно за его непрочныя стѣны.

30 июля.

Мы уже собирались уѣзжать отсюда, какъ вдругъ неожиданно является „Сквозной“, и мы обрадовались ему, какъ старому пріятелю; пошли разспросы, какъ онъ насъ догналъ, отчего вернулся, что нашель дома? Оказалось, что онъ не нашель никого изъ своихъ родныхъ, и теперь ему все равно, гдѣ ни жить; и онъ твердо рѣшился ѣхать съ нами въ Россію. Поговорили о томъ, какъ его тамъ устроить, и Смокотнинъ соглашался взять его къ себѣ въ домъ въ качествѣ работника. Такимъ образомъ „Сквозной“ опять въ нашей компаніи.

Продолжаемъ путь тою же долиной рѣки Хэй-Хо; по ней не подалеку разсыяны озера и болотца, на которыхъ держалась болотная дичь; потомъ пошли песчаные холмы, и на одномъ изъ нихъ возвышались развалины старой кумирни и сторожевая башня, сбитая изъ желтоватой почвы и достигавшая саженъ пяти или шести вышины.

Матусовскій остановился здѣсь для своихъ „засѣчекъ“ и съемки, а я полѣзъ на башню, взобраться на которую оказалось дѣломъ не совсѣмъ легкимъ, потому что она сильно пострадала отъ времени, и ступени ея земляныхъ лѣстницъ почти сгладились; но съ помощію разныхъ подсаживаній и встегиваній жившими тутъ солдатами, я таки взобрался наверхъ и нашель тамъ сложенную изъ сырца убогую лачужку, состоящую однако изъ двухъ отдѣленій: въ одномъ,—не болѣе кубической сажени величиной,—сложены маленькая печь и лежанка; другое—темное, въ родѣ кладовой. На лежанкѣ валялся старый дыривый войлокъ и стояла лампочка, употребляемая при куреніи опиума, запахомъ котораго было пропитано это жилище... Боже мой! И сюда, въ приютъ такой гнетущей бѣдности,—можно сказать, нищеты, проиникъ этотъ губительный бичъ китайцевъ!..

На здѣшнемъ пикетѣ находятся постоянно четыре человѣка солдатъ, которые смѣняются черезъ каждые пять дней; да и трудно выдержать больше, потому что существованіе ихъ на этой вышкѣ, посреди безотрадной пустыни, должно быть такъ неза-

видно, особенно въ непогоду, что его по истинѣ можно назвать ссылкой.

Рѣка Хэй-Хо повернула здѣсь къ сѣверо-востоку, а на дорогѣ потянулись сыпучіе пески, непрерывно версты на шесть, и за ними пошла скучная равнина съ пыльной дорогой да бѣдной растительностью по сторонамъ.

И посреди этой-то печальной мѣстности, простирающейся кругомъ на необозримое пространство, стоитъ деревушка Ши-Го, или Шинь-Го, крошечная, несчастная, ничѣмъ не укрытая, — такъ, словно потерянная вещь, валяется у дороги, и безпощадное солнце палитъ ее своими лучами. Въ ней, какъ и на всемъ видимомъ пространствѣ, нѣтъ ни деревца, ни кустика, ни одной зеленой вѣтви; огорода не видишь нигдѣ, — ни ручья, ни лужи воды; колодца даже не видно. По бокамъ дороги съ каждой стороны стоитъ до десяти домишекъ, сложенныхъ изъ сырца такого же, то-есть почти бѣлаго цвѣта, какъ и вся здѣшняя почва; тою же почвой обмазаны и плоскія крыши убогихъ хатокъ... Вотъ безотрадная картина забытаго Богомъ уголка! А люди живутъ, живутъ всю жизнь, не ожидая ничего лучшаго, и не стремятся къ нему, не бѣгутъ отсюда.

Я просто сомнѣвался, чтобъ тутъ можно было достать воды, — такая убійственная сушь кругомъ! Но вода, разумѣется, нашлась: она добывается изъ колодца и имѣетъ лишь слабо солоноватый вкусъ. Мы достали здѣсь даже не только воды, но получили еще и огурцовъ; больше же ничего и не нужно: жажда утолена, мы нѣсколько отдохнули. Надо ѣхать...

А очень тяжело опять выходить на солнце и опять пекся на немъ нѣсколько часовъ... Но и въ этомъ случаѣ, какъ во многихъ другихъ, приготовленіе къ неприятности хуже ея самой: стоить только сѣсть въ сѣдло, какъ бы оно ни прогрѣлось на солнцѣ, стоить тронуться съ мѣста, и съ тягостнымъ ощущеніемъ томительнаго зноя скоро свыкаешься... Не одѣвайтесь только въ форменный военный сюртукъ съ аксельбантами, если даже вамъ непремѣнно захочется отличиться отъ всѣхъ: обыкновенному смертному лучше всего надѣвать на себя одну полотняную рубашку и не бояться, что чрезъ нее, какъ нѣкоторые увѣряютъ, солнце сожжетъ кожу. Пробоваль я, кромѣ полотна, надѣвать разное платье: фланелевое, шелковое, бумажное, и нахожу, что лучше полотняной одежды и такой же фуражки съ большимъ козырькомъ ничего не можетъ быть для жаркаго вре-

мени года въ такихъ сухихъ степяхъ. Не годится здѣсь кожаная обувь, какой туземцы совсѣмъ и не носятъ, потому что она накаляется почти какъ металлъ и буквально обжигаетъ ноги; или ее слѣдуетъ покрывать какимъ-нибудь бѣлымъ чехломъ. (Туземцы носятъ здѣсь башмаки, сдѣланные изъ бумажной матеріи или бичевокъ.)

По такой мѣстности, какъ описанная, мы ѣхали до самаго ночлега, и на этомъ переходѣ я въ первый разъ встрѣтилъ свойственную пустынямъ птицу, — *Podoces Hendergoni*. По величинѣ и формѣ она нѣсколько напоминаетъ галку, но окраска перьевъ совсѣмъ иная и гораздо красивѣе. Она съ необыкновенной быстротой бѣгаетъ по сухой каменистой землѣ, и часто, какъ бы притаившись, скрывается за растущими кустиками колючаго растенія (*Lucium ruthenicum*), ягодами котораго питается. Последнія заключаютъ въ себѣ мякоть, дающую превосходную фіолетовую краску, и китайцы, какъ мнѣ говорили, употребляютъ ее для крашенія матерій.

На ночлегѣ въ селѣ Янъ-Чи встрѣтили также остановившійся здѣсь пустой казенный транспортъ, возвращавшійся изъ Хами, куда онъ отвозилъ хлѣбъ, и при тѣхъ малыхъ свѣдѣніяхъ, какія мы имѣли о предстоящихъ намъ странахъ, мнѣ пріятно было видѣть его, какъ будто утѣшительное посланіе изъ тѣхъ мѣстъ. Всѣ эти казенныя телѣги двухколесныя, хорошо сдѣланы и покрыты верхомъ изъ частой циновки, вполне защищающей грузъ отъ дождя. Запрягаются онѣ обыкновенно цугомъ тройкою муловъ, но такъ, что въ оглобляхъ идетъ одинъ, а два впереди тянутъ за постромки, прикрѣпленныя къ общему вальку.

31 июля.

Скучныя мѣста! Скучныя подробности передаю я; но что дѣлать, когда болѣе интереснаго нѣтъ. Пропустите ихъ, если вы ими не интересуетесь; не говорить же о нихъ вовсе, описывая здѣшнія мѣстности, значить ничего не говорить. До этихъ подробностей, я знаю, найдутся охотники, и я не могу не имѣть ихъ въ виду, думая о моихъ читателяхъ. Итакъ у однихъ прошу извиненія, отъ другихъ жду спасибо и приглашаю слѣдовать дальше: заѣхали, такъ надо выбираться.

Сегодняшній переходъ весь былъ пустыненъ и однообразенъ. Близъ дороги видѣли четыре полуразрушенныя селенія; встрѣтили возвращавшихся муловъ, на которыхъ ѣхали китайцы; ви-

дѣли вдали одно дерево посреди развалинъ, и у дороги попался пикетъ въ видѣ крошечной мазанки, но устроенной на подобіе миниатюрной крѣпости. На немъ живутъ, какъ я узналъ, пять человѣкъ солдатъ, смѣняющихся черезъ каждые десять дней. Съѣстные припасы имъ доставляются, а воду они берутъ изъ колодца, находящагося верстахъ въ десяти (!) отъ ихъ уединенной обители, стоящей посреди необозримой равнины, довольно густо поросшей низкимъ колючимъ кустарникомъ (*Alhagi camelogum*).

Только подъ конецъ пути мы выбрались изъ скучной неприглядной степи и вступили въ воздѣланную мѣстность, первымъ вѣстникомъ которой явились замѣченныя издали деревья; потомъ дорогу пересѣкла быстрая рѣчка съ свѣтлой водой, и за нею начались поля съ великолѣпнымъ зеленымъ просомъ двухъ сортовъ (*Setaria italica* и *Panicum miliaceum*). Кустарники и деревья разсажены тутъ правильными рядами, но между ними стоятъ не дома поселянъ, а груды развалинъ, заборовъ, домовъ и кумиренъ бывшаго большаго селенія Линь-Шуй-Хэ,—и такихъ ужасныхъ развалинъ, что, несмотря на нашу привычку къ нимъ за послѣднее время, осматриваясь кругомъ себя, трудно было повѣрить, чтобъ гдѣ-нибудь вблизи могъ найтись домъ, въ которомъ бы мы могли пріютиться на ночь.

Наконецъ подѣхали къ одной болѣе высокой стѣнѣ, сдѣлали нѣсколько поворотовъ вокругъ нея и очутились передъ воротами; черезъ нихъ вступили во дворъ, потомъ проѣхали во второй, — гдѣ были встрѣчены прилично и по формѣ одѣтымъ молодымъ человѣкомъ. Одинъ изъ нашей прислуги, Синь-Чжу, отрекомендовалъ его намъ и обратно; но я не разобралъ, кто онъ былъ,—хозяинъ ли дома или чиновникъ, высланный намъ на встрѣчу изъ ближайшаго на пути города Су-Чжоу. Онъ ввелъ насъ въ маленькую комнату, пропитанную характернымъ китайскимъ запахомъ—сырости, чада погасшей сальной свѣчи и опійнаго дыма. На единственномъ столѣ лежали куски нарѣзаннаго арбуза. И онъ предложилъ намъ утолить имъ жажду, вѣроятно, зная по опыту, что мы должны испытывать ее, что ея не быть не можетъ.

Привыкнувъ за все платить, мы съ Матусовскимъ спросили нельзя ли достать еще арбузъ и получше того, какой былъ прежде... Въ это время проснувшійся Сосновскій вышелъ изъ сосѣдней комнаты и объяснилъ намъ, что принимавшій насъ молодой человѣкъ былъ хозяинъ дома, что онъ принималъ насъ и

угощаль обѣдомъ „изъ любезности“, такъ какъ изъ Су-Чжоу на встрѣчу никого не выслано и казенной квартиры не отведено; что мы находимся въ гостяхъ, и потому должны вести себя деликатнѣе.

Но мы не могли понять, въ чемъ же заключается разница нынѣшняго помѣщенія и приѣма отъ всѣхъ остальныхъ, какіе были прежде, когда мы останавливались также въ частныхъ домахъ. Намъ казалось, что условія совершенно одинаковыя: и здѣшній хозяинъ принималъ насъ все изъ той же „любезности“, какъ и другіе, то-есть въ силу приказанія... Мы здѣсь въ гостяхъ!... Но развѣ не вездѣ въ Китаѣ мы были въ гостяхъ? Вѣдь мы нигдѣ сами квартиръ не нанмали и за отводимыя для насъ, какъ и за обѣды, не платили такъ, какъ платятъ въ ресторанахъ. Такъ размышляли мы; но, ради соблюденія дисциплины, повиновались, не спрашивая дальнѣйшихъ объясненій, и ничего больше не требовали, довольствуясь тѣмъ, что давали... чуть было не сказали—изъ милости... Нужно сказать—„изъ любезности“.

Только-что мы пообедали, какъ пріѣхалъ мандаринъ изъ Су-Чжоу, чтобъ насъ встрѣтить и проводить до своего города, въ который мы направились отсюда. Свиданіе и бесѣда съ нимъ вышли по обыкновенію чрезвычайно комичными и для всѣхъ одинаково тягостными, потому что обѣ стороны почти совсѣмъ не понимали другъ друга. Впрочемъ этотъ мандаринъ говорилъ на какомъ-то такомъ нарѣчій, что его и сами китайцы, наши спутники, плохо понимали.

1 августа.

Слава Богу, хотъ солнце спряталось, и наступило сѣренькое прохладное утро. Сегодня пошевалъ былъ небольшой переходъ, всего въ двадцать верстъ, такъ какъ мы еще не дошли до того, чтобы проѣзжать мимо городовъ, даже не ночуя въ нихъ (дойдемъ еще); а сегодня мы должны прибыть въ Су-Чжоу.

Дорога пролегаетъ по хорошо орошенной и водѣланной мѣстности. На каждахъ пяти верстахъ здѣсь расположены маленькіе лагеря, въ которыхъ находились войска, и человекъ по пятнадцать конныхъ солдатъ съ флагами въ рукахъ провожали насъ отъ одного до другаго.

Почва здѣсь почти бѣлаго цвѣта и, размельченная на дорогѣ въ порошокъ, походить на слой муки плохаго сорта; она такъ

тонка, что изъ-подъ копытъ лошадей разлетается въ стороны брызгами, если можно такъ выразиться и, кромѣ того, разубѣется, поднимается въ воздухъ и покрываетъ все бѣлымъ слоємъ.

Вотъ показался со своими окрестностями и стѣнами послѣдній на этомъ пути городъ Собственнаго Китая,—Су-Чжоу, или какъ туземцы произносятъ—Сю-Чжоу, и за нимъ возвышающаяся вдали гряда горъ, верхнія части которыхъ были затянута облаками. Уже съ приближеніемъ къ обширнымъ предмѣстьямъ города намъ показалось, что многія изъ нихъ находятся въ состояніи развалинъ; когда же подъѣхали совсѣмъ близко, то увидали, что изъ всѣхъ селъ, прилегающихъ къ Су-Чжоу, не уцѣлѣло буквально ни одного дома! И глазъ не находятъ здѣсь ничего, кромѣ грудъ мусора, обезображенныхъ остатковъ домовъ и храмовъ, да разбросанныхъ между ними и изломанныхъ статуй боговъ. Не разрушенными постройками здѣсь являются только нѣсколько памятниковъ, вѣроятно, уже послѣ погрома поставленныхъ надъ общими могилами несчастныхъ жителей, погибшихъ во время осады города, разореннаго въ 1872 году.

Въѣхали въ городскія ворота, надъ которыми стоитъ на стѣнѣ полуразрушенный храмъ, повернули въ другія, и передъ нами открылось страшное зрѣлище, напомнившее мнѣ впечатлѣніе, испытанное при въѣздѣ въ Гунъ-Чанъ-Фу: — города не стало, а уцѣлѣли лишь его стѣны; все, что находится внутри ихъ, разрушено отъ стѣны до стѣны, отъ одного угла до другаго, и если городъ не сравнялся съ землей, то только потому, что невозможно было втолочъ въ нее этихъ грудъ глины, кирпичей, изразцовъ и черепицы, изъ которыхъ недавно состояли зданія многолюднаго Су-Чжоу...

Какая ужасная картина молчаливаго покоя и смерти! Ни одного живаго существа, кажется, не осталось здѣсь; не видно ни одного дерева или куста, ни одной даже травинки не зеленѣетъ; словно и трава не хочетъ расти на мѣстѣ страшныхъ злодѣяній, совершенныхъ здѣсь людьми надъ людьми...

Дѣйствительно, страшно представить себѣ, что тутъ должно было происходить во время взятія города, сначала мусульманами у китайцевъ, потомъ послѣдними у мусульманъ. А обычай, говорить, у тѣхъ и другихъ одинъ: взять городъ — и жители его истребляются поголовно, отъ стараго до малаго; и это подтверждается фактами, объ этомъ говорятъ тѣ безлюдныя развалины, которыя теперь хорошо знакомы читателю... Но онѣ говорятъ

темно, не сообщая подробностей и ничего не объясняя,—ни относительно причинъ, вызвавшихъ войну; ни ея хода и лицъ, руководившихъ военными дѣйствіями, а также ихъ стремлений; ни о томъ, какія отношенія существуютъ теперь между китайцами и мусульманами.

Послѣдніе считаются мятежниками; ихъ казнили и продолжаютъ казнить смертью до сихъ поръ, или, въ ожиданіи той же участи, содержатъ въ тюрьмахъ; и въ то же время мусульмане живутъ во многихъ городахъ въ перемежку съ китайцами, какъ мирные граждане; нѣкоторые, какъ я упоминалъ, занимаютъ даже различныя должности; между ними не мало купцовъ; они образуютъ даже свои общества и имѣютъ свои отдѣльные храмы, въ которыхъ имъ нѣтъ не мѣшаетъ собираться. Все это—факты существующіе и, если угодно, возможные; но ихъ требовалось осмыслить и выяснить... Это всецѣло оставлено слѣдующимъ путешественникамъ, которые не будутъ исключительно преданы „общегосударственнымъ пользамъ“, а станутъ заниматься и тѣми „глупостями“, которыя называются научными интересами... Съ ними я бы также охотно поѣхалъ, даже опять по тѣмъ же мѣстамъ, какъ теперь охотно бы ушелъ изъ этой неслыханной „учено-торговой экспедиціи“ капитана Сосновскаго...

Итакъ, вотъ въ какомъ печальномъ видѣ находится внѣшній городъ Су-Чжоу (Вай-Чанъ)... Но до чего живучъ человекъ! И тутъ уже пущены ростки новой жизни: вдоль средней улицы уже выстроились нѣсколько жалкихъ мазанокъ и крошечныхъ домиковъ, въ которыхъ живутъ, вѣроятно спасшіеся бѣгствомъ, немногіе остатки прежнихъ жителей или переселенцы изъ другихъ мѣстъ.

Внутренній городъ (Ли-Чанъ), хотя также пострадавшій, уже не представляетъ такого поражающаго запустѣнія. Главная улица его теперь оживлена лавками, хотя, правда, маленькими и бѣдными; здѣсь видно больше людей, и по случаю нашего проѣзда они собрались на главной улицѣ, даже въ довольно большомъ количествѣ.

Но вотъ и квартира, отведенная для насъ во вновь отстроенномъ казенномъ домѣ. Въ средней, то-есть приѣмной, комнатѣ сидѣлъ, вмѣстѣ съ Сосновскимъ, пріѣхавшій съ визитомъ егo-то изъ мѣстныхъ властей, — мандаринъ съ синимъ шарикомъ на шляпѣ, въ парадномъ платьѣ; тутъ же находились и наши спутники Чжу и Пинъ, оба въ парадныхъ шелковыхъ курткахъ и

также въ форменныхъ шляпахъ. Они тотчасъ встали при нашемъ появленіи, поздоровались, и Чу познакомилъ насъ съ гостемъ.

Зная, что разговоръ будетъ мало интересенъ, мы съ товарищемъ ушли въ свою комнату, гдѣ, пообѣдавъ, приступили къ своимъ занятіямъ, за которыми провели остатокъ дня, подъ музыку, раздававшуюся на сосѣднемъ дворѣ.

Это, оказалось, были поминки по одномъ покойникѣ; но характеръ музыки былъ такого свойства, что она развѣ только мертваго не развеселила бы. Да, какъ ни первобытно китайское музыкальное искусство вообще, но таланты попадаются и въ ихъ оркестрахъ.

Я не вытерпѣлъ и пошелъ на сосѣдскій дворъ. Тутъ былъ собственно не дворъ, а пустырь между развалинами, находившейся передъ стоящимъ рядомъ съ нашимъ домомъ, небольшимъ храмомъ. Собраніе было довольно многочисленное, и публика, предоставивъ духовенству заниматься своимъ дѣломъ, то-есть совершать торжественныя шествія въ храмѣ и передъ нимъ, не стеснялась играть на всякихъ инструментахъ и сколько угодно пѣть исалмы, — болтала между собою, курила и хохотала до заразительности весело. Я не могъ узнать причины оживленія и общаго сибѣя, но видъ этого разгуля произвелъ на меня впечатлѣніе весьма неприятнаго диссонанса съ печальной обстановкой, какую представляла и сама бѣдная кумирня, убранныя жалкими лоскутками, и несчастная одежда священниковъ, и повсюду кругомъ видѣвшіяся развалины истребленныхъ домовъ: эта гадлѣвшая веселая толпа неволью представилась мнѣ шайкою враговъ-побѣдителей, пировавшихъ на пепелищѣ только-что разореннаго ими города. И не мало дивился я праву китайцевъ, который и не знаю, какъ правильнѣе назвать, — просто-ли веселымъ, дѣтски ли беззаботнымъ, или равнодушнымъ и легкомысленнымъ. Во всякомъ случаѣ, правъ у нихъ счастливый, завидный...

Толпа, разумѣется, тотчасъ замѣтила меня, окружила и жадно разсматривала все, ко мнѣ относившееся, но нисколько не мѣшала мнѣ слушать музыку; и я скоро выдѣлилъ изъ оглушительнаго оркестра одну скрипку, на которой играла очень искусная рука, и чей-то сильный мужской голосъ, который пѣлъ очень характерную пѣсню, напоминавшую мнѣ пѣвца, слышаннаго въ прошломъ году въ Монголіи, недалеко отъ Нурь-дань. Скрипка пѣла ту же пѣсню, но высокимъ сопрано, и ея звуки иногда порази-

тельно походили на голосъ пѣвицы-китайки или актера, исполняющаго женскую роль. Ихъ можно было слушать положительно съ удовольствіемъ, да и въ общемъ, несмотря на разныя пискливыя дудки и громогласныя кларнеты, выходило нѣчто недурное, зажигающее; но ужь, конечно, эта музыка никакъ не располагала къ размышленію надъ грустнымъ актомъ поминовенія усопшаго собрата.

Мы провели въ Су-Чжоу второе и третье августа, и оба эти дня, погода стояла пасмурная, съ сильнымъ вѣтромъ по ночамъ, какъ вообще за послѣдніе дни. Одинъ день съ утра моросилъ мелкій осенній дождь и заставлялъ опасаться, какъ бы ненастье не затянулось надолго.

Я еще походилъ по городу, но почти ничего не могу прибавить къ тому, что сказалъ раньше. Да и что же можно говорить о немъ, почти не существующемъ.

Упомяну развѣ объ остаткахъ одного храма, стоящаго внутри города и устроеннаго на громадной искусственной насыпи въ видѣ усѣченной пирамиды... Но, если Су-Чжоу мало представляетъ интереса въ настоящемъ, то его историческое значеніе, какъ одного изъ главныхъ театровъ страшной междоусобной войны, должно бы имѣть для насъ громадную важность, такъ какъ между задачами экспедиціи находилась одна, формулированная такъ: „опредѣлить политическія судьбы дунганскаго возстанія“ *). Но какъ этотъ вопросъ ни интересовалъ меня, рѣшеніе его было совершенно внѣ моихъ силъ: одно мѣшало, многого другаго не доставало. Это было бы прямою обязанностью нашего начальника, но онъ абсолютно ничего не дѣлаетъ, да и не можетъ.

Отсутствіе интересныхъ предметовъ и явленій внѣ нашего собственнаго кружка заставляеть поневолѣ обращаться къ жизни этого послѣдняго. Такъ, сегодня за обѣдомъ у насъ происходилъ разговоръ о томъ, надо или не надо дѣлать визиты мѣстнымъ властямъ, и большинство высказалось положительно, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые изъ нихъ были у насъ сами, другіе прислали разные подарки, которые были приняты начальникомъ (и по обыкновенію немедленно вошли въ составъ вещей для будущей выставки).

---

*) Какъ опредѣлены эти судьбы, читатель увидитъ въ приложенной къ моему второму тому статьѣ г. Петровскаго по поводу отчета г. Соолевскаго (перепечатанной изъ Русск. Вѣстн. 1877. Май).

Если же было жаль времени,—хотя его нерѣдко бывало всё двадцать четыре часа въ сутки досугу,—то слѣдовало, по крайней мѣрѣ, послать наши визитныя карточки. Но намъ ничто не помѣшало не исполнить ни того, ни другаго благого намѣренія; мы даже не отдарили ничѣмъ китайцевъ за ихъ подарки, хотя кактискихъ товаровъ было еще много. И мнѣ жалко, что мы этого не сдѣлали по той простой причинѣ, что всегда пріятнѣе самому подарить, чѣмъ принимать что-нибудь въ даръ, и особенно отъ людей, живущихъ въ такихъ несчастныхъ мѣстахъ. Но это было дѣло нашего распорядителя, и онъ лучше зналъ, какъ слѣдуетъ поступать чинамъ русской экспедиціи...

Вѣроятно и вамъ, читатель, приходилось слышать извѣстную фразу „людей бывалыхъ“, что съ азіатцами нужно умѣть обращаться... Вотъ сегодня, наприимѣръ: являются къ намъ наши спутники, мандарины Чжу и Пинъ, и заявляютъ, что въ здѣшнемъ разоренномъ краю трудно достать бесплатно требуемое для насъ количество муловъ и телѣгъ, а что четырехъ верховыхъ лошадей и совершенно достать нельзя. Неопытный человѣкъ, пожалуй, повѣритъ и найметъ животныхъ за извѣстную плату, а „опытный“ разсердится и скажетъ: чтобъ были телѣги и лошади, иначе мы съ мѣста не тронемся,—и даровыя перевозочныя средства являются... Такъ и съ нами вышло. „Разоренный край“, говорятъ; „люди почти нищіе; животныхъ мало; все ужасно дорого“ и тому подобныя „китайскія оговорки“; а потомъ нашли, что было нужно, только лошадей подъ верхъ не могли достать. За то дали одну городскую телѣгу, которую мы также рѣшили взять на случай заболѣванія кого-нибудь въ дорогѣ,—если этотъ заболѣвшій не въ силахъ будетъ ѣхать верхомъ.

Итакъ, все готово къ отъѣзду, и завтра отправляемся дальше. Но сегодня вечеромъ произошло неожиданное сокращеніе нашей компаніи на цѣлыхъ три человѣка.

Припомните, читатель, того безграмотнаго офицера Чжу, въ домѣ котораго мы жили въ Хань-Чжунъ-Фу и который теперь ѣдетъ съ нами до границы, съ тѣмъ, чтобы потомъ, по возвращеніи въ Лань-Чжоу, получить слѣдующій чинъ и вернуться домой. Помните?... До сихъ поръ я не упоминалъ о немъ, потому что почти не видалъ его въ дорогѣ, да и сказать о немъ можно было весьма немногое и не особенно для его самолюбія лестное. Это былъ скудоумный, уже пожилой офицерикъ, хотя не лишенный практическаго смысла по части разныхъ торгашескихъ опе-

рацій, которыми онъ занимался въ дорогѣ (въ одномъ мѣстѣ, напримѣръ, кунить что-нибудь недорого, въ другомъ мѣстѣ дорого {продать, и тому подобное}); но человекъ былъ съ виду добродушный, тихій и даже нѣсколько жалкій, только мало симпатичный.

Какъ спутникъ, онъ былъ совершенно бесполезенъ для экспедиціи, да и не думалъ вовсе о томъ, чтобъ служить ей чѣмъ-нибудь, хотя бы, напримѣръ, собираніемъ отъ туземцевъ и сообщеніемъ намъ разныхъ свѣдѣній по заданной программѣ. Онъ только ухаживалъ за нашимъ начальникомъ, ожидая отъ него обѣщанныхъ великихъ и богатыхъ милостей. Но тотъ теперь пришелъ къ заключенію, что Чжу рѣшительно ни на что намъ не нуженъ. Въ Лань-Чжоу Сосновскій убѣдился, что никакого чина ему не дадутъ, потому что тамъ только разсмѣялись, когда онъ объ этомъ заговорилъ. Тѣмъ не менѣе Чжу ѣхалъ и ѣхалъ съ нами, неизвѣстно для чего, и добрался до Су-Чжоу. Здѣсь, наконецъ, ему вѣрно объявить, что онъ теперь не нуженъ, что онъ „только вѣрить оній“, и поэтому можетъ убраться домой. Ему дали за его службу при насъ и на дорогу 30 рублей (!) и просили своими напрасными разсужденіями много не беспокоить, потому что спать пора.

Весь этотъ актъ и разговоръ были продолжительнѣе, но я не передаю всего, потому что читатель и такъ пойметъ поражение бѣднаго Чжу-Ло-ѣ неожиданнымъ рѣшеніемъ и моментальнымъ разрушеніемъ всѣхъ надеждъ на чинъ и на обѣщанное ему участіе въ хлѣбной „ученой торговлѣ“ капитана Сосновскаго. Онъ, можно сказать, потерялъ почву подъ ногами и завезенный почти за двѣ тысячи верстъ, въ разоренный край, даже заплакалъ, выйдя на дворъ изъ комнаты, въ которой происходило объясненіе. Другіе китайцы, ѣхавшіе съ нами, хотя и посмѣивались надъ нимъ дорогой, теперь приняли въ немъ участіе и, жалѣя его, стали утѣшать; но что утѣшительнаго могли они сказать!

Малое утѣшеніе пришло въ иной формѣ: два его земляка, поѣхавшіе съ нами также изъ Хань-Чжунъ-Фу,—слесарь Сяо-Ханъ-Тай, отправившійся было въ Россію совершенствоваться въ своемъ ремеслѣ, и Синъ-Чжу (оба находившіеся при Сосновскомъ въ качествѣ слугъ), явились къ нему и объявили, что желаютъ отойти, и просили расчитать ихъ.

Это была неприятная неожиданность для начальника, такъ какъ лишиться вдругъ двухъ такихъ усердныхъ и необходимыхъ слугъ, да еще накануне отъезда, было весьма чувствительно и неприятно. Ихъ стали спрашивать: отчего, что случилось? Стали уговаривать, сулить хорошее жалованье, хорошую пищу и ласковое обхождение, — нѣтъ, злодѣи, ни на что не поддались и ничему не повѣрили.

— Ёдемъ, говорятъ, съ Чжу-Ло-ѣ вмѣстѣ, пожалуйста расчесть... Нечего дѣлать... Ужъ если китаецъ рѣшился уйти, — ничѣмъ его не удержите: самыя ласковыя слова, самыя розовыя обѣщанія, все презираетъ, и бѣжить. Эпизодъ же съ Чжу-Ло-ѣ очень напугалъ ихъ, и они опасались того же, такъ какъ оба „курили опиѣ“.

Имъ выдали по девяти ланъ (восемнадцать рублей!) и, выразивъ сожалѣнне, простились. Но они заявили, что этого имъ едва на башмаки хватить, чтобъ дойти до дому, и стали было просить расчитать серьезно; тогда Сосновскій указалъ имъ на то, что они отъ Цзо-Цзунъ-Тана довольно получили на чай!.. (Кажется, по тридцати рублей.) О, стыдъ!..

Но уйдемъ лучше и постараемся заснуть, — завтра вѣдь опять въ дорогу. Ушли мы спать; а мнѣ все мерещились эти три человѣка, и мнѣ за нихъ становилось страшно, когда я представлялъ себѣ, какъ убійственно скучно и какъ трудно будетъ имъ тащиться отсюда на свою далекую родину. А съ другой стороны, вспоминая рассказы о мстительности китайцевъ, я немножко побаивался, чтобъ на нашемъ дворѣ не вышло въ эту ночь чего-нибудь нехорошаго... Нѣтъ, кромѣ отчаяннн и слезъ одного, да сосредоточенной задумчивости другихъ, ничего не было.

4 августа.

Идутъ сборы къ отъезду, укладка вещей и приспособленіе сидѣнья на телѣгахъ, на которыхъ за неимѣніемъ лошадей должны были ѣхать отсюда фотографъ, оба переводчика и (по болѣзни) Танъ.

Сопровождаемые солдатами и звуками трубъ, оставили мы Су-Чжоу, и пока я съ Матусовскимъ стояли по обыкновенію на стѣнѣ, дѣлая снимки съ мѣстности, мимо насъ проѣхали: нашъ транспортъ, телѣга съ завалившимся въ ней начальникомъ и за ней казакъ Степановъ, ведя въ поводу его лошадь.

И всякій разъ, видя этого смышленнаго, неутомимаго человѣка, я ужасно жалѣлъ, что въ экспедиціи на его долю выпали обя-

занности только камердинера и конюха,—тогда какъ онъ могъ быть драгоценнымъ помощникомъ во всякихъ занятіяхъ. Вѣдь присутствовать при одѣваніи и раздѣваніи Сосновскаго, подавать или убирать, а также присматривать за лошадыю, могъ любой китаецъ.

Такимъ образомъ чернорабочая дѣятельность Степанова, хотя и тяжкая и всегда въ высшей степени добросовѣстно исполняемая, осталась совсѣмъ незамѣченною. Въ самомъ дѣлѣ Смокотиницъ былъ полезнымъ переводчикомъ; изъ Павлова сдѣлали, пользуясь невѣдѣніемъ публики, фальшиваго героя, который будто бы одинъ на конѣ проскакалъ гдѣ-то по пустынѣ чуть не безъ отдыха и пищи три тысячи верстъ!.. Вѣдь это хоть и не правда, а хорошо... О Степановѣ же, что можно сказать? Только то, что онъ былъ дорогой человѣкъ, какіе рѣдко встрѣчаются во всѣхъ классахъ общества: Степанову можно смѣло повѣрить всякое дѣло, все состояніе, свою жизнь, и спать покойно. Но къ сожалѣнію ему только довѣряли жизнь и затѣмъ спали спокойно. И обидно становится, когда Степановы попадаютъ къ Сосновскимъ.

Дорогой мы скоро нагнали телѣги, которыя, при помощи провозавшихъ конныхъ солдатъ, съ крикомъ и шумомъ какъ будто тысячь голосовъ, переправляли въ бродъ черезъ быструю и мутноводную рѣчку Тинъ-Чжа-ба. Подобныя переправы всегда внушали мнѣ опасенія, какъ бы какая изъ телѣгъ не перевернулась, и хотя вещи и не растерялись бы, но могли сильно пострадать отъ воды.

За рѣчкой дорога идетъ равниной, усѣянною галькой и почти лишенною растительности, которая держится лишь по берегамъ попадающихся близъ дороги ручьевъ и по краямъ заливаемыхъ ими мѣстъ.

По лѣвой сторонѣ равнины, верстахъ въ пятидесяти отъ дороги, тянется снѣжный хребетъ Нань-Шань, или собственно предгоріе его подъ названіемъ Вынь-Шу-Гу-Шань, а на правой проходитъ гряда невысокихъ горъ Хэй-Сянь-Шань или Цинь-Шуй-Шань, и оба края, постепенно понижаясь, сближаются вдали передъ нами, оставляя лишь небольшое пространство открытымъ. Вотъ это-то мѣсто и называютъ западными воротами въ Китай; и здѣсь, въ срединѣ упомянутого оставленнаго горами промежутка, находится крѣпость Цзя-Юй-Гуань, отстоящая отъ Су-Чжоу верстъ на тридцать.

Передъ вечеромъ показались ея башни и стѣны, и когда мы были отъ нея верстахъ въ пяти, на встрѣчу къ намъ выѣхалъ мандаринъ, верхомъ на лошади, предшествуемый слугою, также ѣхавшимъ на лошади и державшимъ въ рукахъ знакомый читателю особаго рода красный зонтикъ съ оборками по краямъ, — знакъ извѣстнаго достоинства. Другой слуга шелъ довольно далеко отъ нихъ впереди и, поравнявшись съ нами и сдѣлавъ реверансъ, подаль чью-то визитную карточку на красной бумагѣ. Подѣхавшій мандаринъ быстро сходить съ сѣдла и раскланивается. Мы тотчасъ попросили его опять сѣсть на лошадь, поѣхали дальше вмѣстѣ и вскорѣ, поднявшись по искусственной, хорошо сдѣланной дорогѣ на отлогій холмъ къ воротамъ, вступили въ улицу крѣпости Цзя-Юй-гуань.

Послѣдняя представляетъ маленькій городокъ или большое село, но я не нашелъ въ ней ничего особенно воинственнаго, что бы придавало ей особенный видъ крѣпости, — нигдѣ не видно ни орудій, ни батарей, ни солдатъ. И ея узенькая улица, идущая отъ воротъ, такая же бѣдненькая, обыкновенная. Проѣзжая по ней, я замѣтилъ большой постоялый дворъ, весь заставленный множествомъ муловъ и телѣгъ, свидѣтельствовавшихъ о большомъ проѣздѣ по этому тракту. Улицы вообще узки, дома бѣдны, люди бѣльшею частью грязны; видѣнныя мною занятія ихъ состояли въ чинкѣ платья, чисткѣ разной посуды, приготовленіи пищи и т. п. Оставивъ свои дѣла, они смотрѣли на насъ, при чемъ одни посмѣивались, другіе сами, безъ нашей просьбы, почтительно указывали дорогу къ нашей квартирѣ.

Эта послѣдняя помѣщалась въ небольшомъ хорошенькомъ домикѣ, и мы застали у себя мѣстнаго мандарина, явившагося съ визитомъ, въ полномъ парадѣ, и сидѣвшаго вдвоемъ съ Сосновскимъ, который, всегда имѣя при себѣ переводчиковъ, нисколько не научился туземному языку, и потому они оба находились въ самомъ тягостномъ положеніи. Мандаринъ же все сидѣлъ, не уѣзжалъ, въ ожиданіи, когда подѣдутъ переводчики. Начальникъ очень обрадовался намъ, — „а то, говорить, вотъ ужъ полтора часа мы сидимъ съ нимъ рядомъ и молчимъ“!

Переводчики были еще назади, и пришлось начать бесѣду собственными средствами. Послѣ обычныхъ привѣтствій и нѣкоторыхъ безсодержательныхъ вопросовъ, изъ которыхъ я узналъ, что онъ находится въ этомъ краю уже девять лѣтъ, что ему живется здѣсь плохо, и онъ жаловался на бѣдность страны и скуку, я

вздумалъ спросить, сколько жителей считается въ Цзя-Юй-Гуани? И онъ, не задумавшись ни на секунду, отвѣтилъ, — пятьдесятъ тысячъ! Но, судя по ея размѣрамъ и видимому количеству населенія, можно думать, что онъ по крайней мѣрѣ въ пять разъ увеличилъ его цифру; а относительно того, сколько здѣсь солдатъ,—отвѣтилъ, что не знаетъ.

Гость былъ одѣтъ въ атласный халатъ, на которомъ на груди и спинѣ были вышиты квадраты съ бѣлымъ аистомъ по срединѣ и золотымъ узоромъ вокругъ него. Онъ былъ пожилой человекъ, но, какъ мнѣ показалось, очень занятый своею наружностью, во всѣхъ движеніяхъ быстръ, говорилъ скоро, и всякій разъ, когда къ нему обращались, онъ привставалъ со своего мѣста.

Когда переводчики пріѣхали, я ушелъ въ свою комнату, потому что теперь право слова принадлежало начальнику; но теперь онъ нашелъ что надо обѣдать... и мандарина, почти вслѣдъ за моимъ уходомъ, отпустили съ миромъ домой, — безъ разговоровъ обошлось... Удачный визитъ сдѣлалъ!... Но по крайней мѣрѣ насъ всѣхъ видѣлъ, что для него было, пожалуй, интереснѣе всякихъ бесѣдъ. Это еще утѣшительно!...

Послѣ обѣда я пошелъ осмотрѣть такъ-называемую крѣпость. Меня сопровождалъ одинъ солдатъ изъ мѣстной команды: а за нами слѣдомъ отправились нѣсколько человекъ любопытныхъ, но въ небольшомъ числѣ; другіе же, мимо кого я проходилъ по улицѣ, не устремлялись за мною, какъ бывало въ другихъ городахъ, а только посмотрѣвъ, спокойно оставались на своихъ мѣстахъ. Это равнодушіе ихъ ко мнѣ было очень пріятно, но оно не могло не удивлять меня, своею необыкновенностью: вѣдь не могли же жители Цзя-Юй-Гуани приглядѣться къ иностранцамъ, потому что здѣсь изъ европейцевъ, сколько извѣстно, никто не былъ, развѣ миссіонеръ какой проѣзжалъ; но миссіонеры всегда принимаютъ видъ тѣхъ же китайцевъ, и потому они гораздо менѣе интересны для нихъ. Оказалось, что жителямъ было сдѣлано внушеніе: не надоѣдать пріѣзжимъ иностранцамъ и за ними толпой не бѣгать... Но тутъ большой толпы и ожидать нельзя было.

Здѣсь, какъ въ невиданномъ мѣстѣ,—интересно все; но откуда было взять времени, и я едва успѣлъ кой-что замѣтить и записать...

Въ срединѣ города возвышаются три башни, изъ которыхъ средняя прелестна своими тонкими рѣшетчатыми дверьми и окнами, такъ что издали она кажется сплетенною изъ проволоки. Башни

эта шестиугольная, въ три этажа, и съ ея высоты превосходно видна вся окрестная мѣстность. На юго-востокъ отъ Цзя-Юй-Гуани разстиается обширная гладкая равнина Собственнаго Китая, по которой вьется дорога въ Су-Чжоу и тянется по прямой линіи отживающая свой вѣкъ Великая Стѣна, во многихъ мѣстахъ какъ будто нарочно перекопанная, такъ что она не представляется непрерывною; а вдоль дороги виднѣются сторожевыя башни и немногочисленные остатки бывшихъ сель. По направленію къ сѣверо-западу лежатъ холмы, по которымъ пробѣгаетъ дорога въ Ань-Си-Чжоу. На юго-западѣ возвышается хребетъ Нань-Шань или, по мѣстному произношенію, Лань-Сань, покрытый на вершинахъ снѣгомъ; а съ сѣверо-восточной сюда подходит невысокая гряда голыхъ, пустынныхъ пригорковъ темно-красноватаго цвѣта съ округленными очертаніями.

Въ общемъ картина представляетъ печальное зрѣлище какой-то мертвой, какъ будто выжженной страны; почва голая, желтого или сѣраго цвѣта; ни ручейка, ни пятнышка зелени, ни деревца не видно нигдѣ, кромѣ отдаленныхъ частей равнины, гдѣ едва виднѣется оставленный нами городъ Сю-Чжоу, какъ бы плавающій на поверхности озера, въ зеркальномъ мѣражѣ...

Сдѣлавъ нѣсколько набросковъ, я сошелъ внизъ и попросилъ моего провожатаго провести меня на другую сторону крѣпости, противоположную той, съ которой мы пріѣхали, то-есть выйти въ Монголію изъ Застѣннаго Китая.

Приходимъ къ сѣвернымъ воротамъ; они оказались запертыми на замокъ, и сидѣвшій возлѣ нихъ часовой, увидавъ насъ, всталъ и самъ, безъ нашей просьбы, пропустилъ; а потомъ тотчасъ опять заперъ ворота на замокъ... Таково здѣсь правило. Слѣдовательно Китай съ западной стороны буквально запертъ замкомъ! Все отъ сѣверныхъ варваровъ запирается. Но много ли въ этомъ замкѣ силы и смысла,—это другой вопросъ: интересенъ только фактъ, какъ обычай „ветхой старины“.

Нельзя было, разумѣется, пріѣхать въ Европу, не привеза съ собою снимка съ этого пунета, знакомаго намъ лишь по имени да китайскому описанію, и я, отойдя съ версту, усѣлся за работу; но сильный холодный вѣтеръ очень мѣшалъ рисованью, вырывая бумагу и превращая мои пальцы въ непослушныя грабли. Бывшіе при мнѣ китайцы просто дрожали, бѣдные, и также прозябъ ужасно... Такой былъ холодъ, и онъ, говорятъ, нерѣдко бываетъ здѣсь лѣтомъ, что зависитъ, вѣроятно, отъ значительной высоты мѣстности надъ уровнемъ моря и отъ близости снѣжнаго хребта.

Другой интересный предмет здѣсь былъ конецъ Великой Стѣны, которая, обогнувъ Цзя-Юй-Гуань, направляется къ предгорію Нань-Шаня, гдѣ опускается, какъ сообщали здѣсь, въ бѣгущую тамъ рѣчку Си-Хо. Вотъ это мѣсто интересно было бы видѣть, и до него отсюда не далеко,—всего верстъ пятнадцать,—да связать некогда: завтра приказываютъ уѣзжать.

Съ приобретенными видами крѣпости и Стѣны я пошелъ домой. Постучали въ ворота; часовой отперъ ихъ и, впустивъ насъ, тотчасъ снова заперъ, изображая лицомъ и всей фигурой, что совершаетъ дѣло нѣкоторымъ образомъ государственной важности; но самъ былъ очень милъ,—не важничалъ ни мало и былъ, можно сказать, преисполненъ добродушія.

Ночь была лунная и очень свѣжая, точно осенняя. Я провожу ночь въ Цзя-Юй-Гуани!... Неужели это правда?! А какъ похоже на сонъ...

Г Л А В А XIII.

ОТЪ ЦЗЯ-ЮЙ-ГУАНЬ ЧЕРЕЗЪ ГОБИ ВЪ ХАМИ.

Отъѣздъ изъ Цзя-Юй-Гуани.—Возможность опасности въ дорогѣ.—Возрождающіяся села.—Миражи.—Г. Юй-Минь-Сянь.—Встрѣча.—Село Сань-Дао-Го и торжественный пріемъ.—Вольшая бѣдность края.—Г. Ань-Си-Чжоу и степень его разоренія.—Приготовленія къ переѣзду пустыни.—Первый ночлежъ въ ней.—Колодцы въ пустынѣ.—Голоданіе и ночное движеніе.—Потеря лошадей.—Солончаки.—Колодезь съ отвратительной водой.—Голоданіе животныхъ.—Убитый куланъ.—Вѣтеръ и песчаная пыль.—Родникъ.—Вырубленная рощица.—Птицы пустыни.—Трупы верблюдовъ.—Оазись и его два жителя.—Привольный уголокъ въ пустынѣ.—Появленіе Тянь-Шаня на горизонтѣ.—Тяжкая ночь.—Первое обитаемое селеніе.—Встрѣча съ китайскими солдатами.—Два мандарина и завтракъ, высланные на встрѣчу.—Оазись Хами.—Картини страшнаго разрушенія.—Военный лагерь.—Тульскій самоваръ и русская чашка.—Генераль Чжанъ.—Индіецъ Хуа-Ли.—Три города.—Мусульманскій городъ.—Дворецъ хамійскихъ беговъ.—Юзунъ-Ахунъ.—Трудное письмо.

5 августа.

При трубныхъ звукахъ, въ сопровожденіи отряда чловѣкъ въ триста конныхъ и пѣшихъ китайскихъ солдатъ (пожалуй всѣхъ, сколько тутъ есть), гдѣ-то незамѣтно обитающихъ въ крѣпости, выѣхали мы изъ нея и изъ Собственнаго Китая въ Монголію, въ которую вступили годъ тому назадъ у Кяхты.

Намъ предстоитъ восьмидневный переѣздъ до г. Ань-Си, крайняго населеннаго пункта по южную сторону Гобійской пустыни въ этомъ мѣстѣ. Но путникъ, выѣхавшій изъ воротъ Цзя-Юй-Гуани и оглядѣвшійся кругомъ, можетъ справедливо спросить: да развѣ не здѣсь начинается пустыня? Развѣ земная поверхность можетъ быть еще безотраднѣе и суше, чѣмъ здѣсь?!... Дѣйствительно, насъ окружало обширное пространство совершенно

голою, скучной земли желтоватаго цвѣта, и лишь одна проторенная пыльная дорога говорила о томъ, что здѣсь есть или бывають люди... И странное впечатлѣніе,—одной этой дороги уже достаточно, чтобъ страна не казалась той пустыней, которая наводитъ на душу человѣка чувство унынія и страха отъ своей безпомощности.

Нашъ многочисленный караванъ, двигавшійся по степи, былъ и наряженъ, потому что всѣ солдаты конвоя были одѣты въ новое платье, и имѣль нѣкоторымъ образомъ воинственный характеръ, оттого что всѣ они были вооружены пиками; такъ что встрѣчавшіеся съ нами люди посматривали на насъ съ нѣкоторой тревогой.

Но этихъ встрѣчныхъ путниковъ было немного; такъ прошелъ, между прочимъ, обратный караванъ на верблюдахъ и мулахъ, которые шли безъ всякаго груза; а находившіеся при немъ люди были почти всѣ одѣты въ полусубки, что до извѣстной степени характеризуетъ здѣшній климатъ: только начало августа, а люди въ мѣховомъ платьѣ.

Проѣхавъ сорокъ ли по степи описаннаго характера и по каменистой дорогѣ, останавливаемся для отдыха и завтрака въ одномъ разоренномъ лагерѣ, гдѣ осталось или возобновлено нѣсколько домиковъ. Тутъ помѣщаются только солдаты и офицеры. Всюду тѣснота и бѣдность; все занесено и покрыто пылью, наносимую часто дующими здѣсь вѣтрами, какой дулъ и сегодня,—сильный, порывистый; воздухъ отъ него такъ и метался изъ стороны въ сторону и просто до густоты наполненъ пылью, спасенъ отъ которой нѣтъ никакой возможности, такъ что пища и питье—все пережѣшивается съ нею. Позавтракавъ, мы выѣхали со двора подъ звуки военныхъ трубъ, мимо выстроившихся солдатъ, и отправились гуськомъ дальше, растянувшись на большое пространство по дорогѣ. Характеръ мѣстности и на второй половинѣ такой же пустынный, и единственными предметами, на которыхъ могло остановиться вниманіе, были попадавшіяся изрѣдка полуразвалившіяся бойницы или сторожевыя башни, да быстрая и смѣлая птица *Podoces Hendersoni*.

Вечеромъ добрались до селенія Хуй-хуй-пу (то-есть Мусульманская деревня). Оно обнесено стѣною и расположено въ большой котловинѣ между холмами, подъ тѣнью вѣковыхъ тополей; вблизи его бѣжитъ свѣтлый ручей въ яркозеленыхъ берегахъ, и видъ ихъ, послѣ продолжительнаго движенія по скучной и безжизненной

мѣстности, доставляетъ неизъяснимое наслажденіе, какъ будто тутъ и не вѣсть какія красы природы.

Внутри стѣны, окружающей село, разрушены почти всѣ дома, и мы остановились на одномъ постояломъ дворѣ; помещеніе было плохое, воздухъ спертый, удушливый, производящій даже головную боль и тяжелый тревожный сонъ. Ночь была лунная и довольно теплая, — слѣдовательно вчерашній холодъ былъ случайный.

6 августа.

Утро сѣрое и холодное; въ воздухѣ какая-то мгла, похожая на туманъ.

Отправившіеся съ нами изъ Цзя-Юй-Гуани пѣшіе конвоиры вернулись отсюда, а конные поѣхали до Ань-Си.

Мѣстность представляла сегодня больше разнообразія: здѣсь встрѣчаются холмы и овраги, и по дну нѣкоторыхъ изъ нихъ бѣгутъ широкіе ручьи; кой-гдѣ зеленѣетъ трава; изрѣдка видѣются вдали деревни и села, но, какъ казалось, также разрушенныя, что и гораздо вѣроятнѣе. На полпути сдѣлали привалъ въ одномъ разрушенномъ селѣ, чтобъ отдохнуть и закусить. Мандарины Чжоу и Пинъ пришли къ намъ, — какъ они говорили по-русски, — „маленьки пити“, то-есть выпить маленькую рюмку водки, и „табака кулити“.

Вторая половина пути пролегла по непрерывнымъ солонцамъ и сильно пропитанная солью почва мѣстами представляется совершенно бѣлою. Природа такъ безжизненна, что встрѣтившійся зеленый лужокъ радуется, и объ немъ нельзя не упомянуть, какъ о мѣстѣ, гдѣ благоразумные путники кормятъ животныхъ; мы, значить, проѣхали мимо. Рѣдки здѣсь и встрѣчи съ людьми; поэтому нельзя умолчать и о китайскомъ транспортѣ, телѣгъ въ пятьдесятъ, который расположился на упомянутой лужайкѣ, отдыхать или ночевать — не знаю, потому что мы проѣхали мимо...

Къ ночи добрались до селенія Чи-Цзинь-Пу. Оно расположено въ красивой плодородной мѣстности, прежде густо заселенной, но теперь обезлюденной. Впрочемъ мало-по-малу она начинаетъ заселяться вновь, и почва мѣстами воздѣлана: здѣсь встрѣчаются поля пшеницы, овса и проса, но между ними торчатъ разсыпанные обломки стѣнъ, домовъ и кимиренъ; тутъ же возвышается рѣденькая тополевая рощица. Селеніе Чи-Цзинь-Пу обнесено землебитной стѣной, и эта ли стѣна или другое что спасло

его, только видно оно мало пострадало: на его главной улицѣ теперь почти не замѣтно развалинъ; въ ней встрѣчается не мало лавокъ съ разнымъ товаромъ, и она довольно оживлена народомъ.

Квартира для насъ была отведена на казенномъ дворѣ. Онъ обнесенъ довольно высокой землебитной стѣной, и на просторномъ чистомъ дворѣ его стоятъ четыре хлѣбныхъ амбара, сдѣланныхъ изъ кирпича-сырца съ мазаными глиняными крышами. У входныхъ воротъ съ крѣпкими створами находится караульный домикъ, а въ глубинѣ двора, за амбарами, стоитъ не то домъ, не то храмъ, такъ что отведенная для насъ большая комната служила какъ бы преддверіемъ кумирни, стоящей на высокомъ фундаментѣ. Хотя комната эта и не имѣетъ вида жилой, но, какъ видно, служить временной квартирой, потому что въ ней, кромѣ стола, стояли еще три кровати.

Хранитель здѣшняго склада, симпатичный старикъ, надѣлъ, почтенія ради, коническую соломенную шляпу съ красною кистью и принесъ намъ обѣдъ. Онъ пробовалъ заговаривать съ нами и объявилъ, что провожалъ отсюда нашего человѣка, то-есть Павлова, до Ань-Си-Чжоу. Бѣднякъ рассчитывалъ, можетъ-быть, на нѣкоторое скромное вознагражденіе за услугу; но получилъ отъ „насъ“ только милостивое „очень пріятно“.

7 августа.

Утро ясное, но довольно прохладное. Горопимся уѣзжать, а то авангардъ ужъ ускакалъ. Старикъ, подавая завтракъ, опять сообщилъ, что онъ провожалъ нашего Пао-ло-вэ, и мы сказали Смокотнину, нашему казначею, чтобъ онъ, отдавая деньги за квартиру и услугу, прибавилъ еще тысячу чохъ старику за проводы Павлова; и бѣдняга былъ ужасно обрадованъ этимъ ничтожнымъ подаркомъ. И мы были довольны тѣмъ, что могли заплатить обычный долгъ, не получивъ за это дерзкаго выговора отъ лица, за которое этотъ долгъ былъ уплаченъ.

Село довольно людно; дома его построены изъ кирпича съ плоскими глиняными крышами, нерѣдко украшенными узоромъ, выдѣланнымъ изъ поставленныхъ различнымъ образомъ кирпичей. Жизнь людей проходить въ будничныхъ заботахъ и, вѣроятно, въ страхѣ и опасеніяхъ—не повторилась бы опять недавняя катастрофа, въ видѣ новаго возстанія... Впрочемъ, кажется, и не кому, и не противъ кого возставать теперь,—такъ малолуденъ и

разоренъ весь этотъ край! Встрѣтишь подобное настоящему село и ужь радуешься, — такую тоску и скуку нагнали развалины... Но нѣтъ, кажется, и конца не будетъ.

Сопровождаемые мѣстнымъ маленькимъ мандариномъ, который вчера сдѣлалъ намъ визитъ, выѣхали за ворота; и здѣсь, вдоль стѣны и замѣтилъ рядъ какихъ-то продолговатыхъ искусственныхъ возвышеній, какихъ прежде не случалось видѣть. Спрашиваю у мандарина, что это такое? — Могила, говоритъ. Дѣйствительно, осмотрѣвъ ихъ, я убѣдился, что внутри этихъ глиняныхъ возвышеній находились гробы, которые мѣстами были хорошо видны чрезъ проломы и щели, образовавшіеся въ ихъ земляной покрывкѣ. Дерево ихъ было, повидимому, старое; но когда и кто похороненъ тутъ — спутникъ не зналъ. Упоминаю о нихъ потому, что нигдѣ въ другихъ мѣстахъ Китая я не видалъ такой манеры погребенія, то-есть ставить гробъ прямо на поверхности земли и только обмазывать его слоемъ глины. Очень можетъ быть, что они оставлены въ такомъ видѣ лишь на время и предназначались для отправки на родину, или до настоящаго погребенія, которое китайцы вообще любятъ оттягивать возможно долѣе, — на годъ, на два и болѣе.

Проѣзжаемая мѣстность полна самыхъ рѣзкихъ контрастовъ, и разнохарактерные виды встрѣчаются здѣсь совершенно рядомъ. Вотъ, напримѣръ, по лѣвую сторону дороги глазъ ничего не видитъ, кромѣ голыхъ пригорковъ, изрытыхъ сухими руслами дождевыхъ потоковъ, между которыми торчатъ ребра обнаженныхъ глыбъ гранита; а вправо раскинулось живописное, симпатичное селеніе Ши-Цзинъ-Ся, просто утонувшее въ зелени тополей и плакучихъ ивъ; тамъ пробѣгаетъ быстрая рѣчка Та-Хо, въ зеленыхъ, мягкихъ берегахъ; тамъ видны поля разнаго хлѣба, то уже убраннаго и лежащаго въ снопахъ, то еще стоящаго на корню; а за этой воздѣланной площадью возвышаются красновато-сѣрыя горы, и лиловыя тѣни на нихъ такъ гармонируютъ съ яркою зеленью деревень. Оттуда вѣетъ такой прохладой и привольемъ, и воздѣланныя поля доказываютъ, что люди тамъ есть, только ихъ ни одного не видно... Отчего — не знаю.

Смотришь туда, и глазъ оторвать не хочется; и не вѣришь глазамъ, потому что ѣдешь по дорогѣ, которая пролегаетъ по глубокимъ сыпучимъ пескамъ... Можетъ-быть и читателю, незнакомому съ пустынями и оазисами, кажется, не сонъ ли свой рассказываетъ путешественникъ. Нѣтъ, пишу прямо съ природы,

но и въ дѣйствительности, говорю, такіе контрасты похожи на сонъ; и исчезаютъ эти оазисы, какъ сновидѣнія.

Это разрушенное селеніе подходитъ однимъ своимъ концомъ къ дорогѣ, которая пересѣкаетъ его здѣсь, и въ этомъ мѣстѣ, кромѣ развалинъ, въ немъ ничего нѣтъ, — нигдѣ не видно ни одного жилища домика, ни одного человѣка... Смерть, одна смерть, и слѣды разрушенія кругомъ!... А какъ красиво было прежде; какъ хороши, напримѣръ, эти полуразрушенныя стѣны съ большими круглыми окнами или гѣлными уукрашеніями... Теперь же гѣстницы, ведущія на террасу, завалены кирпичемъ, и по землѣ валяются разбросанные обломки да статуи боговъ... Это остатки бывшаго сельскаго храма.

Мы уже выѣзжали изъ села, не надѣясь никого встрѣтить, какъ, повернувъ за уголь, увидали нѣсколько ребятшекъ, валившихся въ песокъ на самой дорогѣ противъ жилой избушки съ однимъ окномъ... Увидавъ насъ, они быстро вскочили, какъ дикіе звѣрки, и скрылись; дома они рассказали, конечно, о необыкновенномъ явленіи, потому что вслѣдъ за тѣмъ изъ окна выскочили два китаецъ, весьма бѣдно одѣтыхъ, и съ любопытствомъ и нѣкоторымъ страхомъ глядѣли на насъ во всѣ глаза; а за угломъ, прижавшись къ стѣнѣ, показалась женщина.

По наружности она была еще молода, съ довольно красивыми чертами лица; но всклокоченные волосы, поза и испуганный взглядъ, какимъ она смотрѣла намъ вслѣдъ, придавали ей сходство съ притаившимся дикимъ звѣремъ... Бѣдная! Ей не больше двадцати лѣтъ; а сколько можетъ-быть ужасовъ и страданій пережила она... Можетъ-быть передъ нею убили ея отца или мать; можетъ-быть ей, убѣгающей отъ смерти, пришлось бросить руку младшаго брата или сестры, не успѣвавшихъ за нею и слишкомъ тяжелыхъ, чтобъ ихъ унести... Все это, конечно, здѣсь бывало!...

Вотъ и всѣ люди, которыхъ мы видѣли здѣсь; но остальные должно-быть сбились въ противоположномъ концѣ оазиса Ши-Цзинъ-Ся и, судя по воздѣланнымъ полямъ, въ достаточномъ количествѣ; да тамъ и мѣсто привольнѣе; мнѣ даже совсѣмъ непонятно, зачѣмъ эта семья поселилась тутъ... А еще художественные вкусы проявляетъ ея хозяинъ, — фресками свою несчастную хижину разрисовалъ, и тоже разукрасилъ въ ней все-что. Я бросилъ ему небольшую связку чохъ.

— „До-сѣ, до-сѣ“ (много благодаренъ), крикнулъ онъ, но поднимать ихъ не шель, пока не далъ намъ отъѣхать подальше: пожалуй, ожидалъ ловушки какой-нибудь.

Путь нашъ лежалъ теперь по голой безлюдной землѣ.

Обитателями этой пустыни, и то весьма рѣдкими, были вороны, степныя куры (бульдюкъ киргизовъ или саджа, *Syrhaptés pagadoxus*) и ищерицы. Оживляютъ ее еще вихри да миражи. Первые поднимались въ нѣсколькихъ мѣстахъ разомъ въ видѣ какъ бы дымовъ, выходившихъ изъ земли, и, крутятся, перебѣгали по пустынь*); вторые постоянно обманывали зрѣніе, представляя то тутъ, то тамъ фальшивыя озера съ островами или какъ будто болота, поросшія тростникомъ, сквозь который блестя вода; весь горизонтъ, казалось, окаймляло море съ вдающимися въ него мысами, также какъ будто поросшими травою... До моего знакомства съ миражемъ, я ожидалъ отъ этого явленія гораздо болѣе интереснаго и привлекательнаго, чѣмъ оно даетъ путнику; и я даже не люблю ихъ,— какъ пріятныя, но завѣдомо фальшивыя рѣчи...

Господи! Какъ надоѣло, какъ скучно ѣхать по такимъ мѣстамъ, ѣхать подолгу, все шагомъ, но не имѣя времени, чтобъ остановиться и задуматься, собрать и толково записать, что нужно! И, конечно, благоразуміе бы забраться въ телѣгу и выходить изъ нея лишь тогда, когда бока устанутъ отъ лежанія...

Но вотъ пустыня смѣнилась равниной, покрытой зеленой, пушистой травой; вдали показались развалины многихъ хуторовъ, а потомъ и городская стѣна Юй-Мынь-Сяня, съ башнями и возвышающимися изъ-за нея группами деревьевъ.

При въѣздѣ въ городъ насъ встрѣтили въ воротахъ мандаринъ съ бронзовымъ шарикомъ на шляпѣ и нѣсколько человекъ солдатъ, привѣтствуя насъ реверансами съ преклоненіемъ на одно колѣно. За вторыми воротами открылась перспектива улицы, которой густыя деревья (по преимуществу обыкновенныя и пирамидальныя тополи) придавали очень симпатичный видъ. Вдоль

*) Одинъ изъ нихъ былъ нѣсколько интереснѣе. Столбъ песку поднялся въ воздухъ и принялъ форму длинной воронки, тонкій конецъ которой какъ бы упирался въ землю, а широкій, въ нѣсколько наклонномъ положеніи, высоко поднялся къ небу, и изъ него, какъ изъ цвѣточнаго вѣнчика, высомывался длинный лзкъ, въ родѣ пестика. Столбъ этотъ въ такомъ видѣ держался съ четверть часа;—довольно тихо было.

ея и особенно на углахъ, выходящихъ въ улицу переулковъ, толпился народъ, и какъ хотѣлось бы поговорить съ нимъ о многомъ. Да когда и какъ!... Вѣдь я умѣю только спрашивать да отвѣчать, хоть и многое теперь, а все же не говорить...

Послѣ обѣда сдѣлалъ прогулку и обошелъ половину стѣны, въ сопровожденіи порядочной толпы жителей, большихъ и малыхъ, которые всѣ отрекомендовали себя людьми скромными и настолько учтивыми, что они даже не позволяли другъ другу громко смѣяться въ моемъ присутствіи.

Юй-Мынь-Сянь не подвергся общей участи здѣшнихъ городовъ, — уцѣлѣлъ, но благодаря чему и какъ, — неизвѣстно. Его улицы узки, но расположены правильно и соединены прямыми переулками; дома съ плоскими глиняными крышами, служащими мѣстомъ склада соломы, дровъ, хворосту, травы и разнаго тряпья. Трубы выведены сквозь крыши, а не въ стѣны, какъ въ другихъ городахъ, и представляютъ не одни только дымовыя отверстія, а дѣйствительно трубы, возвышающіяся надъ крышами. Хорошенькія башенки его храмовъ отличаются отъ общаго китайскаго типа тѣмъ, что имѣютъ четыре конька, или одинъ крестообразный, и чрезвычайно изящны.

Вечеромъ пріѣзжалъ съ визитомъ Чжи-Сянь, посидѣлъ съ четверть часа и все извинялся, что не могъ хорошо принять насъ, потому что, говорилъ, страна разорена и бѣдна; но вѣроятно, несмотря на такія рѣчи, самъ зналъ, что принялъ насъ сверхъ ожиданія дѣйствительно хорошо.

8 августа.

Во время завтрака пришли проститься мандарины, провожавшіе насъ изъ Су-Чжоу, потому что отсюда они должны были возвратиться назадъ. Совѣстно было, что мы ничего не дарили имъ въ благодарность за проводы насъ, какъ того требовалъ обычай, и наконецъ простое чувство признательности, потому что мы причинили имъ не мало безпокойства: тащисъ съ нами, хлопочи о лошадяхъ и подводахъ, и потомъ возвращайся назадъ по той же дорогѣ.

На улицѣ купили на дорогу плохихъ яблоковъ, потому что лучшихъ не было, и выѣхали за городскія ворота; миновали двѣ небольшихъ крѣпости, расположенныя близъ города, и вступили въ голую степь, на горизонтѣ которой только въ югозападной части видѣлась гряда знакомаго снѣжнаго хребта. Дувшій

сѣверо-восточный вѣтеръ усилился и хотя не несъ съ собою ни пыли, ни песку, тѣмъ не менѣе былъ весьма неприятенъ, мѣшая той-какимъ занятіямъ, очень сокращавшимъ долгіе и скучные переѣзды.

Когда мы медленно подвигались впередъ, болтая съ Матусовскимъ, насъ нагналъ какой-то мандаринъ, въ большихъ темныхъ очкахъ, съ двумя провожатыми, и, любезно поздоровавшись, поѣхалъ рядомъ съ нами; но разговора не начиналъ, вѣроятно зная, что мы не говорили по-китайски. Черезъ нѣсколько времени явился на встрѣчу другой со стекляннымъ шарикомъ на шляпѣ и, сойдя съ лошади, сдѣлалъ реверансъ и подаль визитную карточку; мы не знали ни кто онъ, ни чью карточку подаль, ни откуда онъ и почему выѣхалъ къ намъ на встрѣчу. Нашъ переводчикъ-казакъ или не въ состояніи былъ это узнать, или не постарался освѣдомиться, находя появленіе его для себя не настолько интереснымъ, чтобъ стоило ломать голову изъ-за такихъ пустяковъ; мандаринъ же, видя что отъ насъ толку не добьешься, а можетъ-быть по инымъ соображеніямъ, сдѣлавъ опять реверансъ, вскочилъ на лошадь и съ какими-то намѣреніями ускакалъ обратно.

Вскорѣ вдаль показались китайскіе солдаты съ разноцвѣтными флагами, и когда мы приблизились къ нимъ, они выстроились въ два ряда, образуя красивую пеструю аллею изъ развѣвавшихся и шумѣвшихъ на сильномъ вѣтрѣ флаговъ, которые такъ пугали нашихъ лошадей, что ихъ трудно было заставить вступить на дорожку между солдатами; но едва онѣ освоились съ летавшими и хлопавшими флагами, какъ были снова и гораздо сильнѣе испуганы раздавшимися салютными выстрѣлами изъ ружей.

Солдатъ было человѣкъ сто и при нихъ мандаринъ съ генеральскимъ шарикомъ. Пропустивъ насъ, они послѣдовали за нами и сопровождали до ближайшаго селенія Санъ-Дао-Го, большаго, оживленнаго, гдѣ расположенъ ихъ лагерь.

Начальникъ его устроилъ намъ весьма любезный пріемъ, самъ выѣхалъ на встрѣчу и потомъ весьма радушно, мило и весело угощалъ насъ за обѣденнымъ столомъ. Онъ казался на видъ совсѣмъ молодымъ человѣкомъ, лѣтъ двадцати пяти, тридцати; между тѣмъ на его шляпѣ также былъ генеральскій шарикъ; одѣтъ же былъ въ желтую еурму,—а это одна изъ самыхъ высокихъ наградъ... И располагая я разговорными средствами, я непременно распросилъ бы его, какъ, какими доблестями

заслужилъ онъ такъ рано столько отличій; да и ему, вѣроятно, пріятно было бы разсказать намъ объ этомъ... Наружность его была весьма симпатична, манеры изящны, лицо выражало неподдѣльное удовольствіе видѣть насъ; вѣжливость въ обхожденіи самая утонченная и ничего сколько-нибудь комичнаго.

Пока мы сидѣли за круглымъ столомъ, занимавшимъ почти все пространство между двумя широкими канами, въ комнату постепенно входили мандарины младшихъ чиновъ, всѣ въ форменныхъ платьяхъ и шляпахъ, и скоро заняли всѣ свободные уголки и кань; но къ столу приглашены не были, да ихъ и посадить было бы негдѣ, и пришли они не за тѣмъ, — ихъ привлекали мы, всѣмъ своимъ существомъ, каждою нашею вещью и дѣйствіемъ.

Присутствовавшіе за обѣдомъ всѣ были веселы, насколько это возможно, когда люди мало понимаютъ другъ друга; на этотъ разъ оживленію помогала болтовня между самими китайцами и веселый характеръ Чжу и Пинъ, а также ѣда и питье воды, причемъ, разумѣется играли въ знакомую читателю игру Куа-Цюань, и, проигравъ, они кричали по-русски: „маленьки пити! большаѣ пити“ (пить маленькую или большую чашечку).

Когда кончился обѣдъ, слуги принесли и положили на покрытый ковромъ канъ двѣ цилиндрическія подушки, поставили на подносѣ двѣ лампочки, возлѣ нихъ положили три чубука съ трубками, сдѣланныхъ изъ хорошаго дерева, и изящно и богато украшенныхъ серебромъ; на подносѣ стояло нѣсколько не менѣе изящныхъ и дорогихъ баночекъ съ опиѣмъ, и, когда все было готово, начальникъ лагеря сталъ приглашать всѣхъ желающихъ покурить опию, такъ же просто и откровенно, какъ у насъ предлагается послѣ обѣда кофе; онъ только называлъ его не прямымъ именемъ (я-панъ-янъ), а „великимъ табакомъ“ (да-янъ). Слуга приготовлялъ трубки и клалъ на канъ, а гости, кто желалъ, брали ихъ и курили. Я тоже выкурилъ, къ немалому удовольствію китайцевъ, двѣ трубки, — первую съ удовольствіемъ, но вторая была уже неприятна.

И предаваясь вкушенію этого запрещеннаго плода, я вспомнилъ о всемогущемъ распорядителѣ провинцій Шэнь-Си и Гань-Су, — Цзо, который съ разстановкою говаривалъ намъ: — „нѣ-ѣтъ, Во вѣренномъ мнѣ краѣ опія не курятъ! Укажите мнѣ хотя одно мѣсто, гдѣ бы у меня сѣяли макъ, или одного человѣка, который бы курилъ опій“!.. Но раньше я могъ бы указать ему много-

численныя плантаціи мака, разводимаго въ его краѣ, а теперь, пожалуй, себя самого... Да кромѣ того изъ иностранныхъ отчетовъ о внутренней торговлѣ Китая извѣстно, что провинція Гань-Су доставляетъ огромное количество опія, который служитъ предметомъ вывоза во всѣ другія, потому что гань-сус'скій опій считается у китайцевъ однимъ изъ лучшихъ и по цѣнѣ занимаетъ первое мѣсто послѣ индійскаго.

Затѣмъ молодой начальникъ лагеря обратился ко мнѣ, сказавъ, что изъ Лань-Чжоу ему давно сообщили письмомъ, что между ѣдущими русскими гостями находится врачъ, что онъ ожидалъ меня съ нетерпѣніемъ и теперь обращается съ просьбою помочь его глазамъ. Но, къ сожалѣнію, расстройство зрѣнія у него было послѣдствіемъ болѣзни, которая уже прошла, а оставленнаго ею слѣда устранить было невозможно; поэтому пришлось ограничиться только наставленіемъ, какъ беречь глаза отъ дальнѣйшаго расстройства.

Сегодня рѣшено было проѣхать еще десять верстъ, и мы торопились уѣзжать. Вѣжливый хозяинъ простился съ нами за воротами, оставивъ по себѣ хорошія воспоминанія.. Но неужели всѣ эти любезности только одна изящная внѣшность, хорошо выученныя правила учтивости,—подумалось мнѣ... А какъ бы хотѣлось думать иначе!..

Нашъ путь лежалъ на западъ; къ городу Ань-Си; а другая вѣтвь направляется отсюда на сѣверъ, въ г. Хами. Дорога идетъ сначала по довольно разнообразной мѣстности, на которой часто встрѣчаются овраги и сухія русла съ отвѣсными стѣнами, какія обыкновенно замѣчаются въ лѣсной почвѣ; попадались мелкія, но быстрыя рѣчки, съ мутной водою желтоватаго цвѣта и, казалось, густою, какъ кисель. Онѣ бѣжали многочисленными рукавами по широкимъ плоскимъ русламъ, сливаясь по временамъ въ одну широкую, но мелкую рѣку, носящую здѣсь названіе Са-Хо. Эти рѣчки переѣзжаютъ въ бродѣ, и при такихъ переправахъ съ телѣгами нерѣдко бывають разныя приключенія, вслѣдствіе неровностей дна: то ломаются оси, то падаютъ и иногда, говорятъ, погибають мулы, если ихъ не успѣвають скоро поднять или выпрячь. Вообще телѣжная дорога здѣсь очень плоха,—неровная, покрытая толстымъ слоемъ пыли, въ которой прорѣзаны глубокія колеи. За то луга по сторонамъ ея покрыты богатой травой; по нимъ разсыяны кустарникъ тальника и деревья (плакучія ивы, тополи, вязы и джигда, въ видѣ кустар-

нижа и деревьевъ), а въ просвѣтахъ между ними глазъ повсюду встрѣчаетъ множество развалинъ бывшихъ селъ.

Это оживленное красивое мѣстечко, недавно, какъ видно, кипѣвшее жизнью, но теперь мертвое, представляетъ небольшой оазисъ посреди голой каменистой пустыни, протанувшейся вдаль до самыхъ горъ или въ другихъ частяхъ сливающейся на горизонтъ съ небомъ.

Мы замѣтили близъ дороги небольшую крѣпостцу Сы-Чжа-Танъ, на стѣнѣ которой развѣвались два флага и, ничего не зная о томъ, гдѣ находятся наши квартирьеры, проѣхали мимо и тащились бы еще Богъ знаетъ до какихъ поръ, да, спасибо, попался на встрѣчу солдатъ, который сказалъ, что дальше вблизи не будетъ мѣста для ночлега, и посоветовалъ захватить въ эту крѣпость узнать, не тамъ ли остановились наши спутники. Они были дѣйствительно здѣсь и преспокойно рассуждали „о политикѣ“ въ Средней Азій.

9 августа.

Дальше до самаго Ань-Си дорога идетъ долиной рѣки Шу-Лэй-Хо, удерживая общій характеръ однообразной степи, покрытой высокой густой травой. Сегодня на ней попадались мелкія рѣчки, образующія мѣстами болотца; въ богатыхъ поляхъ раздавались голоса куропатокъ; часто пролетали сороки и жаворонки; видѣлъ издали хищниковъ, какъ мнѣ показалось, съ бѣлыми головами и хвостомъ. Не вдалекѣ отъ дороги бродила сайга, очень мало испуганная нашимъ приближеніемъ.

Около села Па-Дао-Го находится болотистое мѣсто съ четверть версты въ поперечникѣ, и переправа черезъ него телѣгъ съ нашимъ багажомъ была хотя и затруднительна, особенно потому, что возы были слишкомъ тяжелы, но дѣло обошлось безъ опрокидыванія телѣгъ въ грязь, безъ поломокъ и потопленія муловъ, что и здѣсь бываетъ.

Ночевать остановились въ разоренномъ селеніи Бу-Лу-Цзи, прежде должно быть очень привольномъ и красивомъ; а теперь въ его сохранившихся стѣнахъ, окружающихъ большую площадь, стоятъ лишь немногіе разбросанные то тутъ, то тамъ отстроившіеся и жилые домики, да осѣняющіе ихъ своею тѣнью громадныя тополи со стволами до трехъ обхватовъ.

Вездѣ пусто, пыльно и бѣдно, и нищета въ этомъ селѣ дошла до того, что самую обыкновенную мебель въ назначенныя для

нашего приѣма двѣ, три комнатки должны были привезти сюда изъ Юй-Мынь-Сяня, а послѣ нашего отъѣзда отвезли обратно... Тутъ не нашлось, значитъ, одного стола и нѣсколькихъ стульевъ.

Здѣсь, въ этомъ селѣ, живетъ одинъ мандаринъ, начальникъ мѣстнаго гарнизона, и его казенная квартира состоитъ всего изъ одной крошечной комнаты, съ однимъ столомъ, однимъ стуломъ и лежанкой вмѣсто кровати; комнатка такъ мала, что между названными предметами не остается и четырехъ шаговъ свободного пространства.

10 августа.

Утра вообще стоятъ ясныя и свѣжія, но днемъ морить зной; дорога мягкая, а пропитанная мiasмами пыль душитъ и залѣпляетъ глаза тѣмъ, кто тащится по ней шагомъ, не смѣя дѣлать переѣздовъ отъ станціи до станціи рысью,—кто все ожидаетъ отъ дороги чего-нибудь интереснаго или важнаго, чего упустить нельзя. Такъ тащимся мы съ Матусовскимъ; но передъ глазами тянется лишь однообразная, солончаковая степь, да попадаются развалины бывшихъ человѣческихъ жилищъ, а теперь—пріютъ совъ да куропатовъ, которыя стадами бродятъ по остаткамъ стѣнъ.

Въ селеніи Суань-Та-Пу животнымъ дали отдохнуть, а мы съ товарищемъ напильсь чаю; жажда мучить ужасно,—а потомъ, когда утолишь ее, надобѣдаетъ сильнѣйшая испарина. Еще сильнѣе, конечно, томилась жаждою наши лошади, и когда мы тотчасъ по выѣздѣ изъ села встрѣтили пробѣгающій тутъ ручей, лошади бросились пить, напильсь съ жадностью и потомъ пошли бродить по водѣ, видимо наслаждаясь прохладой; но воды въ ручей едва хватало имъ по животъ. Мы сидимъ на нихъ и даемъ имъ волю нагуляться. Вдругъ мой „Карька“ (знаменитый иноходецъ, купленный въ Лань-Чжоу за 200 руб.) преклоняетъ колѣни и валится на бокъ, очевидно рѣшивъ взять общую ванну; и я едва-едва успѣлъ отвлечь его отъ этого намѣренія, вполне понятнаго и благоразумнаго, но совсѣмъ неумѣстнаго, потому что, не говоря о моей особѣ, въ карманахъ моего чепрака, покрывавашаго сѣдло, находились: записная тетрадь, книга, рисовальныя принадлежности и револьверъ, а въ торокахъ — кожаный плащъ и ружье. Все это по его милости побывало бы сейчасъ въ водѣ, не догляди я одну секунду.

Идемъ дальше степью, которая стелется передъ нами и общимъ видомъ чрезвычайно напоминаетъ море въ сѣрый день, когда смотришь на него съ большой высоты,—такая же однообразная гладь! Дальше потянулись невысокіе пригорки, совершенно голые, и между ними, на такой же голой галькѣ, растутъ рѣдкіе и низкіе кустыи колючаго растенія (*Alhagi comelorum*), зеленовато-сѣраго цвѣта. На юго-западѣ синѣетъ невысокая гряда зубчатыхъ горъ (Шань-Та-Хоръ), а на сѣверной—уходитъ въ даль равнина, замѣнутая на сѣверо-восточной сторонѣ отдаленными пригорками... Непривѣтливья жѣста!...

И какъ радуешься, когда ихъ пройдешь, когда они навсегда остаются за нами и когда потомъ снова вступишь въ одѣтую растеніями землю, или увидишь хоть жалкую рѣденькую рощицу. Такая встрѣтилась сегодня передъ вечеромъ: она состояла изъ тополей и ивъ, и, пройдявъ подъ ея тѣнью около пяти верстъ, мы добрались до ночлега въ селѣ Сяо-Ванъ-Пу.

Я тороплюсь скорѣе поѣсть, потому что, какъ ни люби дѣло, а пока голодень, ничто на умъ не идетъ. Но давно наѣвшійся Сосновскій не позволяетъ подавать обѣда подъ тѣмъ предлогомъ, что еще фотографъ и переводчикъ не пріѣхали (они ѣдутъ въ телѣгахъ и отстаютъ). Но вѣдь насъ съ Матусовскимъ никогда въ подобныхъ случаяхъ не ожидали; слѣдовательно, это былъ только предлогъ, а его главная мысль—„сохраненіе моего здоровья“ и опасеніе, чтобъ я не заработался до изнеможенія... Такъ и пропала у меня остатокъ два въ досадѣ и голоданіи, а тутъ въ окрестностяхъ села и растеній можно было бы собрать и животныхъ; просто, наконецъ, осмотрѣться хотѣлось повнимательнѣе.

Подобная заботливость начальника была не случайностью, а проявлялась всегда, когда было возможно; иначе я бы не считалъ долгомъ выражать ему теперь мою „принзательность“.

11 августа.

Сегодня пріѣзжаемъ въ Ань-Си-Чжоу и не ждемъ ни отъ рода, ни отъ дороги ничего интереснаго... Видѣли, напримѣръ, слѣды высохшихъ лужъ, на мѣстѣ которыхъ земля растрескалась и вскоробилась, какъ полъ, выращенный плохую краской; въ общемъ же поверхность земли на сегодняшнемъ переходѣ представлялась какъ будто раздѣленною на участки весьма противоположнаго характера: одни были одѣты обыкновенною, относи-

тельно богатою растительностью, свойственною солончаковой почвѣ; другіе покрыты галькою и пескомъ, который мѣстами собирается въ большіе бугры, одѣтые рѣденькимъ сѣроватымъ кустарникомъ. Потомъ передъ нами протянулась безграничной скатертью равнина, усѣянная мелкой галькой; и впечатлѣніе, производимое ею, можно сравнить или съ мозаичнымъ поломъ, не имѣющимъ опредѣленнаго рисунка, или такимъ же пестренькимъ чехломъ, сдѣланнымъ изъ бисера.

Посреди дня, при безоблачномъ небѣ и яркомъ свѣтѣ солнца, равнина эта представляется голубовато-сѣрой, какъ будто прозрачной и свѣтлой, почти какъ небо. На нѣкоторомъ удаленіи она имѣетъ лиловатый оттѣнокъ, а къ горизонту переходитъ въ голубой цвѣтъ и почти сливается съ небомъ. Лишь кой-гдѣ на ней видѣются желтоватыя пятна свѣтлой глинистой почвы, или пробѣгаютъ такія же красновато-песчаныя тропинки; растительности кругомъ почти никакой, за исключеніемъ бѣдной травы видѣющейся на поверхности песковъ, которые тянутся вправо отъ дороги.

Солнце просто жгло, и нашъ утомленный караванъ медленно, шагъ за шагомъ подвигался впередъ. Наконецъ мы увидали вдали городъ Ань-Си-Чжоу, который на этомъ разстояніи показался намъ прямой линіей, съ двумя башнями по угламъ. Вся картина прозрачна и ослѣпительна; горизонтъ представляется какимъ-то зеркальнымъ и дрожить отъ волненія накаленного воздуха; и когда долго смотришь въ одно мѣсто, кажется, что вся равнина превращается въ паръ, поднимается и летитъ вверхъ. При такомъ состояніи воздуха, зрѣніе безпрестанно впадаетъ въ заблужденіе благодаря миражамъ. Такъ городъ представился намъ теперь стоящимъ посреди огромнаго озера съ чрезвычайно низкими берегами; городскія стѣны, какъ бы поднимаясь прямо изъ его воды и отражались въ нихъ, а обращенная къ солнцу стѣна просто горѣла отъ яркаго свѣта, почти какъ металлическая.

Подѣхавъ ближе, я могъ разглядѣть огромные сугробы песку, образовавшіеся около городскихъ стѣнъ и достигающіе вышины послѣднихъ. Это были весьма убѣдительные свидѣтели бывающихъ здѣсь песчаныхъ урагановъ и мятелей, подобныхъ нашимъ снѣжнымъ буранамъ, навѣвающимъ сугробы снѣга.

Когда мы были уже недалеко отъ города, изъ южныхъ воротъ его показался отрядъ солдатъ, шедшій къ намъ на встрѣчу, а впереди его ѣхалъ рысью на лошади мандаринъ; приблизившись

къ намъ, онъ быстро и ловко соскочилъ съ сѣдла и поклонился передъ нами въ землю, какъ передъ образомъ, и ужасно смутилъ насъ подобнымъ привѣтствіемъ! Вставъ, онъ подалъ красную визитную карточку начальника города, принявъ которую, мы попросили его садиться на лошадь и, обмѣнявшись нѣсколькими словами обычной учтивости, отправились вмѣстѣ и въѣхали въ городскія ворота.

Я уже раньше зналъ, что Ань-Си, подобно другимъ городамъ, сильно пострадалъ во время войны; но явившаяся передо мною картина страшнаго разрушенія и запустѣнія превзошла всякія ожиданія: отъ большаго города, какимъ онъ былъ, судя по площади, обнесенной стѣною, остались лишь груды камней, остатки разрушенныхъ стѣнъ, обезображенные храмы съ обломками идоловъ и маленькія группы лачужекъ, какъ будто въ страхѣ прижавшихся другъ къ другу и также приготовившихся къ гибели.

Даже эти убогія жилища не были уцѣлѣвшими отъ военнаго погрома, а отстроились вновь, уже послѣ того, какъ гроза пронеслась и самъ врагъ исчезъ съ лица земли. Группы этихъ лачужекъ, обитаемыхъ немногими спасшимися изъ прежнихъ жителей или новыми людьми, пріѣхавшими сюда изъ другихъ мѣстъ, какъ и упомянутыя развалины занимаютъ средину площади бывшаго города; окраины же ея, или углы теперь совершенно пусты и зеленѣютъ, какъ луга... На почвѣ, удобренной человѣческими тѣлами и политой кровью людей, выросла богатая трава. Въ срединѣ города стоитъ нѣсколько большихъ и густолиственныхъ тополей, осѣняющихъ своею тѣнью мертвые остатки уничтоженныхъ жилищъ, а рядомъ съ ними другія деревья — совершенно голыя, обгорѣвшія во время пожара.

Проѣхавъ нѣкоторое пространство между развалинами, по широкой безжизненной улицѣ, мы повернули въ узенькій переулокъ, въ которомъ намъ указали дверь, находившуюся въ одной изъ низкихъ глиняныхъ стѣнъ; она вела въ нашу квартиру.

Минувавъ два небольшихъ дворика, входимъ въ домъ и въ назначенныя для насъ комнаты, которыхъ было двѣ и одна изъ нихъ темная; мы съ товарищемъ заняли послѣднюю, которую можно назвать пустымъ, прокопченнымъ дымомъ сараемъ. Свѣтъ проникалъ въ нее только черезъ дверь да черезъ маленькое окошечко съ рѣшеткой, находившееся у верхняго края стѣны, противоположной двери, и заклеенное бумагой. Я тотчасъ прорвалъ

ее, какъ для свѣта, такъ еще болѣе для того, чтобы дать доступъ свѣжему воздуху. Полъ былъ кирпичный, а потолокомъ служила крыша, сдѣланная изъ соломенныхъ циновокъ, положенныхъ на деревянные брусья и покрытыхъ сверху слоемъ глины съ рубленой соломой; но этотъ потолокъ былъ черенъ и блестялъ отъ осадковъ дыма, какъ намазанный дегтемъ. Внутреннее убранство и меблировка комнаты были несложны: въ одномъ углу стояла полуразвалившаяся кирпичная печь, въ другомъ возвышалась широкая лежанка (канъ), покрытая бѣлыми, но грязными и пропитанными тяжелымъ запахомъ войлоками—вотъ и все; канъ долженъ былъ служить намъ столомъ, диваномъ и кроватями. Мы спросили, нельзя ли добыть хоть столъ и скамейку, и къ нашему удовольствію нашлось то и другое.

Устроившись и отдохнувъ нѣсколько, мы пригласили къ себѣ нашихъ спутниковъ мандариновъ Чжу и Пинъ, распорядившихся движеніемъ, и спросили ихъ совѣта, какіе слѣдуетъ сдѣлать приготовления къ предстоящему переѣзду чрезъ пустыню, такъ какъ на этомъ пути городъ Ань-Си есть послѣдній населенный пунктъ на ея южной окраинѣ. Мандарины отвѣтили, что намъ ни о чемъ не нужно заботиться, что они все обдумаютъ и приготовятъ для всѣхъ насъ сами; но когда мы изъявили желаніе сдѣлать, помимо ихъ заботъ, нѣкоторые запасы отъ себя, они не спорили и сказали, что лишнимъ это ни въ какомъ случаѣ не будетъ; но повторили, что палатки для ночлеговъ у нихъ есть, сосуды для запасной воды также; есть и провизія для людей, и будетъ взята также запасъ корма для животныхъ.

— Да вы очень не безпокойтесь, говорили они, — воду мы будемъ встрѣчать каждый день и кормъ для животныхъ почти вездѣ есть,—только слушайте насъ. Проѣдемъ благополучно, — вѣдь здѣсь же много людей ѣздить.

Хотя мы и не имѣли повода сомнѣваться въ справедливости обѣщаній мандариновъ; но всегда пріятнѣе имѣть свое, хотя бы для того, чтобы быть независимѣе и не ожидать, напримѣръ, когда подадутъ кушать всѣмъ, а утолить голодь, когда онъ явится. Поэтому мы сейчасъ же занялись обсужденіемъ того, что намъ нужно взять съ собою.

Читатель знаетъ, что у насъ съ товарищемъ уже давно установилось отдѣльное, собственное хозяйство; и онъ, какъ опытный человѣкъ, тотчасъ сдѣлалъ распоряженіе о заготовленіи провизіи на дорогу для нашей компаніи, состоявшей, кромѣ насъ

двонхъ, еще изъ казака и трехъ китайцевъ. Переѣздъ черезъ Гоби совершается здѣсь, какъ намъ сообщили туземцы, примѣрно въ десять, одиннадцать дней, и на такой срокъ мы и рассчитывали запасы хлѣба и мяса. Велѣли Смокотнину заказать двѣсти пятьдесятъ булокъ, купить барана и приготовить на дорогу мяса известнымъ способомъ, знать который читателю не бесполезно, тѣмъ болѣе, что онъ простъ и, какъ я убѣдился, вполне удовлетворителенъ.

Нарѣзанное небольшими кусками мясо слегка обвариваютъ въ кипящей посоленной водѣ и потомъ проваливаютъ на солнцѣ въ продолженіе дня или двухъ и затѣмъ укладываютъ во что угодно, вовсе не заботясь о герметической укупоркѣ. Въ такомъ видѣ оно, говорятъ, можетъ храниться сколько угодно и въ самое жаркое время. Что оно не испортилось въ теченіе мѣсяца слишкомъ и въ жаркое время, въ этомъ я убѣдился,—а этого времени вполне достаточно, чтобъ началось разложеніе; слѣдовательно, оно могло долго сохраняться при тѣхъ же условіяхъ. Изъ такого мяса обыкновенно варятъ супъ, но въ крайнемъ случаѣ его можно ѣсть и прямо въ такомъ видѣ. Далѣе казаку было поручено позаботиться о заготовленіи корма для нашихъ лошадей, такъ какъ мы знали, что во многихъ мѣстахъ пустыни подножный кормъ очень плохъ или даже его совсѣмъ нѣтъ.

Все дѣлалось немедленно, сегодня же, такъ какъ времени для приготовленія въ дорогу было немного.

Танъ-Лоѣ ушелъ искать барана, и послѣдняго скоро привели. Цѣны въ здѣшнемъ разоренномъ краю, разумѣется, на все высочія; такъ, за этого барана заплачена до разгрома неслыханная сумма въ восемь серебряныхъ рублей. (Но это вовсе не было дорого для насъ, такъ какъ расходы у насъ, какъ читатель видѣлъ, были весьма ничтожны, а экономіи подѣланы большія...)

Съ этимъ бараномъ имѣло совершиться, но не совершилось, другое неслыханное событіе. Приходитъ ко мнѣ Смокотнинъ и спрашиваетъ ножа получше, а то, говорить, нечѣмъ зарѣзать барана.

— Такъ застрѣли его изъ револьвера, говорю ему.

— Чего-съ?—въ первую минуту только и могъ проговорить казакъ, на лицѣ котораго скользнула самая саркастическая улыбка.

Надо было видѣть, какъ онъ посмотрѣлъ на меня, и слышать, какимъ тономъ были сказаны имъ слѣдующія слова:

— Что вы, что вы, ваше высокоблагородіе! Я этого еще никогда не слыживалъ, чтобъ барановъ... стрѣлять!.. воскликнулъ онъ и потомъ даже расхохотался.—Тогда его и ѣсть нельзя будеть!.. прибавляетъ онъ, когда смѣхъ кончился.

Я было попробовалъ убѣдить его, что ничего тутъ важнаго и никакой разницы нѣтъ... Куда! Онъ и слушать не сталъ и разговора продолжать не захотѣлъ. Я было самъ хотѣлъ застрѣлить,—не далъ; грудью защитилъ... А Смокотниа—человѣкъ умный... Вотъ какъ сильны, значить, предрасудки.

Позабывшись о будущемъ, мы обратились къ настоящему... И какъ ни мало интересенъ теперь Ань-Си, а все же съ нимъ надо познакомиться,—вѣдь объ немъ ровно ничего не знаютъ въ Европѣ; нѣкоторые даже сомнѣвались въ его существованіи. Надо бы идти скорѣе, а тутъ жди обѣда. Послѣдній хотя и присланъ отъ мѣстнаго начальника, да нашего начальника еще нѣтъ: онъ теперь предпочитаетъ ѣхать въ телѣгѣ; а она идетъ почти съ тою же скоростью, какъ и транспортъ, слѣдовательно, отстаетъ. Намъ привесли продавать арбузовъ и дынь, и мы наѣлись ихъ, хотя это было и несовсѣмъ благоразумно; за то не нарушили дисциплины и субординаціи, а главное собственной деликатности.

Пробыли мы здѣсь двое сутокъ, и мнѣ почти нечего рассказать о городѣ: такъ здѣсь мало интереснаго, такъ немного мнѣ удалось видѣть; но чтобъ не пройти его совсѣмъ молчаніемъ, передамъ хотя небольшое и мало интересное.

Какъ ни ужасно разоренъ городъ, въ немъ все-таки копошатся люди, которые живутъ въ небольшомъ количествѣ убогихъ домиковъ, сбившихся въ срединѣ, въ видѣ нѣсколькихъ жалкихъ кварталовъ, или разсѣянныхъ между развалинами. Поидемте вмѣстѣ,—все не такъ скучно будетъ; взойдемъ по обычаю на городскую стѣну и осмотримъ съ высоты и бывшій городъ, и его окрестности...

Жаръ спалъ, и готовое спрятаться за горизонтъ солнце золотитъ степь и освѣщаетъ красноватыми лучами грустную картину развалинъ, между которыми возвышаются немногія сохранившіяся или полуобгорѣвшія деревья, памятники въ видѣ вертикально стоящихъ плитъ съ надписями да тѣхъ каменныхъ цитовъ, какіе ставятъ вѣтайцы передъ входами въ дома. И здѣсь, внутри города, особенно у сѣверной стѣны, нанесены песчаные холмы; и тутъ воочию можно видѣть, какъ погребаются города, сходя со сцены и исчезая подъ почвою. Если Ань-Си не суждено опра-

виться, если онъ опять не населится новыми людьми и если они не будутъ освобождаться отъ наносимаго изъ пустыни песку, то послѣдній, конечно, постепенно засыплетъ остатки домовъ и скроетъ подъ собою даже самыя стѣны, образовавъ надъ ними курганъ. У сѣверной стѣны, говорю, это почти есть и теперь.

Обитаемая жилища людей узнаются только по этимъ послѣднимъ, когда они входятъ или выходятъ изъ нихъ, — такъ мало замѣтны они между обломками стѣнъ и грудями кирпичей. Сѣверо-восточный же уголъ Ань-Си даже и этихъ обломковъ представляетъ мало: тутъ почва успѣла порости густою травой и зеленѣеть, какъ лугъ. Проявленіе жизни и дѣятельность людей сводится только къ заботамъ о пропитаніи да о созиданіи себѣ какой-нибудь лачужки...

Но какъ присуща китайцу страсть огораживаться! Мало-мало зажиточный человѣкъ уже непременно обведетъ свой участокъ оградой, да и его-то еще разгородитъ на нѣсколько двориковъ... Я видѣлъ здѣсь возведеніе такихъ землебитныхъ оградъ, какъ много разъ и раньше, но я не упоминалъ о способѣ этой работы. Она не сложна, но скучна и утомительна, особенно подъ лучами зѣлняго горячаго солнца.—Вбиваютъ въ четырехъ мѣстахъ по два кола, располагая ихъ въ видѣ длиннаго четырехугольника; между ними владутъ другъ на друга жерди и, образовавъ такимъ образомъ раму или ящикъ, въ него насыпаютъ слой земли въ поларшина и начинаютъ утаптывать ее ногами и убивать трюмбовкой, сдѣланной изъ тяжелаго камня, насаженнаго на длинную деревянную рукоятку. На этотъ убитый первый слой накладывается второй, съ которымъ поступаютъ точно также, надстраивая обрамляющій ящикъ изъ жердей... Такъ же точно, вѣроятно, воздвигалась и вся Великая Стѣна, гдѣ она представляетъ землебитную работу.

Что же еще увидитъ здѣсь наблюдатель? Немногое!... Тамъ жалкое стадо прогнали; тутъ голодная свинья ѣстъ трупъ убитаго мула; тамъ небольшая группа беззаботныхъ ребятъ, — также полуголодныхъ, большею частью оборванныхъ... Вотъ, пожалуй, и все...

Не отрадиже и картины окрестностей Ань-Си. Во всѣ стороны отъ него протянулась однообразная безмолвная равнина; на югѣ, вдали, тянется едва видимый сѣвѣнный хребетъ, все тотъ же Нань-Шань; а на сѣверъ отъ города распростерлась и ушла въ безконечную даль гладкая безжизненная степь, окрашенная вдали

лиловымъ цвѣтомъ, какъ' стоить гладкая и слившаяся съ небомъ. Это и есть пустыня Гоби.

Долго смотрѣлъ я въ ея лиловую даль, представляя себѣ нашъ караванъ тамъ, далеко посреди нея, и невольно подумалъ объ ожидающихъ насъ лишеніяхъ, безводьѣ и ураганахъ. Однако мысли о возможныхъ опасностяхъ хотя и приходили въ голову, но почему-то нисколько не тревожили меня; можетъ-быть потому, что интересъ, возбуждаемый малозвѣстной страной, и желаніе скорѣе познакомиться съ нею оставляли мало мѣста другимъ мыслямъ.

Видя кругомъ себя такую безжизненную природу, нельзя пропустить безъ вниманія и умолчать о лужѣ воды, въ родѣ небольшого озера, которое находится внѣ города у западной стѣны и, какъ видно, постоянно существуетъ здѣсь, потому что берега его обросли довольно густою зеленью, и она состоитъ изъ растений, свойственныхъ только влажной почвѣ. На этомъ озеркѣ, несмотря на близость города, плавала одна дикая утка (*Casarca rutila* Pall.), а у береговъ бродили и перелетали со свистомъ кулики (*Totalus glaeola* L.), также очень смѣлые и ни мало не боявшіеся людей.

Къ довершенію всей скудости и тагости жизни здѣшнихъ обитателей, нужно прибавить еще страшную пыль, почти постоянно висящую въ воздухѣ, когда онъ стоитъ неподвижно, или несущуюся съ вѣтромъ изъ голой степи; а также—дымъ отъ печей, проводимый тоже внизъ черезъ стѣны. Подумаешь вѣдь, — онъ нуженъ людямъ, что они дорожатъ имъ и заботятся, чтобъ этотъ дымъ не улетѣлъ отъ нихъ слишкомъ скоро...

Хотѣлось бы ближе познакомиться съ условіями жизни, источниками необходимыхъ продуктовъ, состояніемъ колодцевъ; интересно бы узнать, какъ живутъ здѣсь богатые люди, какъ содержатся солдаты мѣстнаго гарнизона,—ничего не удалось.

Упомяну о томъ, что мѣстный начальникъ пріѣзжалъ къ намъ съ визитомъ, и довольно торжественно.

Возвращаясь домой изъ города, я увидалъ у воротъ нашего дома стоявшую на улицѣ городскую телѣгу, нѣсколько верховыхъ лошадей и муловъ и порядочное собраніе народа; на дворѣ стояли, выстроившись въ одинъ рядъ, солдаты въ новыхъ курткахъ краснаго цвѣта съ черной каймою; на второмъ дворѣ находилось нѣсколько человѣкъ офицеровъ, которые стояли или ходили, заглядывая въ разныя двери. Это была свита мандарина,

но его самого я, въ сожалѣнію, не видалъ, потому что не котѣлъ мѣшать бесѣдѣ съ нимъ Сосновскаго, о которой потомъ Матусовскій разсказалъ мнѣ со всѣмъ ея юморомъ.

Наканунѣ отъѣзда къ намъ пришелъ представиться одинъ старичокъ-китаецъ, по имени Чжанъ. Это былъ нашъ будущій маркитантъ, который сегодня въ ночь отправлялся впередъ съ кухней и запасами провизіи. Онъ говорилъ, что много разъ ѣзжалъ черезъ Гоби, успокоивалъ насъ и обѣщаль заботиться обо всемъ, что будетъ намъ нужно.

14 августа.

Въ этотъ день мы оставили городъ Ань-Си, а на десятыя сутки пріѣхали въ оазисъ Хами, то-есть переѣхали почти всю ширину такъ-называемой Великой пустыни, сѣвернымъ предѣломъ которой служить хребетъ Тянь-Шань (Небесный) и до котораго отъ Хами одинъ день пути.

Въ дневникѣ я передамъ нѣкоторыя подробности касающіяся характера мѣстности, а также нашего движенія; теперь же скажу, что въ общемъ Гоби представляетъ въ означенномъ мѣстѣ большую площадь земли, за исключеніемъ четырехъ оазисовъ необитаемую и бесплодную, по характеру почвы каменистую, а по строенію — равнину, слегка волнующуюся и перерѣзанную четырьмя грядами также каменистыхъ пригорковъ. Пески въ ней встрѣчаются лишь отдѣльными островами.

Если бы между городами Ань-Си и Хами пролегла желѣзная дорога, пустыня въ этомъ мѣстѣ, можно сказать, исчезла бы, потому что локомотивъ пробѣгалъ бы ее приблизительно въ двѣнадцатичасовой промежутокъ времени; да и на нашей почтовой тройкѣ на переѣздъ ея потребовалось бы менѣе двухъ сутокъ. Теперь же она потому велика, что люди принуждены тащиться по ней шагомъ долгое время.

Для насъ она если и казалась отчасти страшною, то главнымъ образомъ потому, что мы ничего о ней толкомъ не знали; а при словахъ Великая пустыня, Песчаная пустыня, да при видѣ тѣхъ точекъ въ родѣ песку, какими картографы усѣвали ее, наше воображеніе создавало по преимуществу одни ужасы...

Поѣдемте теперь и познакоимся съ нею настолько подробно, насколько дозволить обстоятельства, — познакоимся со способомъ движенія по ней, ея жизнью, а также съ пріятными и тяжелыми сторонами ея характера.

Собираемся выѣзжать и, хотя жутко немножко пускаться въ безпріютную страну, особенно подъ вліяніемъ сильѣйшаго вѣтра, какой дуетъ съ сѣверо-востока и несетъ цѣлыя тучи мелкаго песку, но я радъ и пустынь,—все же будутъ повья впечатлѣнія, а то и читателю, я думаю, надобно развалины да нищета обезлюденнаго края; тутъ уже по крайней мѣрѣ будетъ одна природа съ ея силами.

Еще происходитъ вытребованіе отъ китайцевъ лошадей для переводчика, фотографа и двухъ казаковъ, для которыхъ Сосновскій не желаетъ ихъ купить, да и только; а я совсѣмъ готовъ и прихожу къ нашему убогому начальнику спросить, сколько конвойныхъ я могу взять, чтобъ отправиться впередъ. Онъ отвѣчаетъ, что „размѣры нашего кортежа и число пикинёровъ“ ему еще неизвѣстны положительно, и что они во всякомъ случаѣ нужны будутъ для охраненія транспорта (хотя китайцы и увѣряютъ, что тутъ никакой опасности нѣтъ). Поэтому пришлось ждать и выѣзжать со всѣми вмѣстѣ.

Скоро несчастный Ань-Си и немногія развалины въ окрестностяхъ его остались назади, и мы потянулись по пыльной дорогѣ, покрытой словно толстымъ слоемъ муки,—такого цвѣта здѣшная почва и такъ она измельчена: уже черезъ нѣсколько минутъ всѣ наши лошади, вещи, наши лица и волосы сдѣлались бѣлыми отъ пыли, отъ которой мы не могли уйти, потому что вѣтеръ несъ ее вслѣдъ за нами.

Въ началѣ дороги отъ Ань-Си по сторонамъ ея еще зеленѣла трава, но скоро она исчезла, и куда бы ни уналъ взглядъ, передъ нашими глазами лежала вездѣ одинаковая, совершенно гладкая, одѣтая галькою, равнина, окаймленная на горизонтѣ обманчивыми морями, на которыхъ путешественнику предоставляется полная свобода открывать несуществующіе острова, лѣса и пароходы. Миражи представляютъ и здѣсь обыкновенное явленіе, но эти фальшивые моря, лѣса, острова и озера большею частью только слабыя подобія настоящихъ предметовъ; они вовсе не рисуются съ такою ясностью, чтобы могли обмануть зрѣніе: нужно не мало фантазіи и такъ-сказать добровольнаго самообманыванія, чтобъ видѣть ясно то, на что существуетъ лишь ясный намекъ, но далеко не полное сходство; только представленія водъ еще могутъ иногда обмануть глазъ задумавшагося человѣка.

И всѣ дѣйствительные предметы, вслѣдствіе какой-то зеркальности воздуха, иногда такъ измѣняютъ свой видъ, что становятся

неузнаваемыми или даже совсѣмъ невидимыми при самомъ яркомъ солнечномъ освѣщеніи. Такъ напримѣръ, сегодня телѣга съ лошадью показалаcя мнѣ облачкомъ, стоящимъ надъ самымъ горизонтомъ; всадникъ долго представлялся какимъ-то неопредѣленнымъ столбомъ и т. п.

Догнавъ телѣги, мы потащились за ними, медленно, шагомъ, но монотонной пустынной мѣстности, и такимъ шагомъ, среди такой же обстановки двигались еще пять часовъ, по временамъ останавливаясь и слѣзая съ лошадей на нѣсколько минутъ для работы Матусовскаго. Мнѣ же нечего было дѣлать, такъ какъ новыхъ растений близъ дороги не было, а изъ живыхъ существъ я видѣлъ сегодня за цѣлый день только мухъ, все старавшихся посидѣть на мордахъ у лошадей, да одну ласточку, которая полетала около насъ нѣсколько времени, когда мы уже приближались къ мѣсту ночлега у колодца Са-Чуань-Цзы или Хань-Цюань-Цзы, и потомъ исчезла.

Вотъ забѣлѣлось что-то вдаль, и удивленный глазъ, за цѣлый день не видѣвшій ничего, кромѣ каменистой поверхности земли, да неба, тотчасъ обратилъ вниманіе на это бѣлое пятно; и въ немъ мы скоро узнали палатку, разставленную посланными впередъ китайцами съ кухней.

Между небольшими холмиками и впадинами, посреди безграничной равнины, стоятъ полуразвалившіяся стѣны бывшаго пикета или станціоннаго домика; надъ ними натянули палатку и устроили подъ нею походную кухню. Тутъ мы сошли съ лошадей, и старичокъ Чжанъ, очевидно по заведенному обычаю, тотчасъ поднесъ намъ по чашкѣ холодной и вкусной, хотя и не особенно чистой воды. Мы приѣхали послѣдними, кромѣ нѣкоторыхъ телѣгъ транспорта, и мѣсто, занятое лагеремъ, оживилось; приѣхавшіе впередъ спутники устанавливали для себя палатку; казаки и китайцы готовили обѣдъ и выпятели воду для чаю; конюхи и извозчики понли лошадей и муловъ, изъ которыхъ иные валялись по землѣ съ видимымъ наслажденіемъ.

Казенный обѣдъ былъ плохъ и скуденъ; но ѣда играла второстепенную роль: пить, пить и пить, — вотъ къ чему сводились всѣ наши помышленія. Но бѣдный колодезь уже истощился; остатки воды въ немъ взмутили, и принесенная для чаю вода сама имѣла цвѣтъ жутнаго чайнаго настоя...

Вотъ готова и наша обитель на предстоящую ночь, которая скоро и наступила, — ясная, звѣздная, но вѣтреная. Нашу па-

латку надувало, какъ парусъ, безпрестанно раскрывало ея полы и гасило свѣчу; такъ что заняться ничѣмъ не удалось, и мы принуждены были улечься въ постели, хотя спать еще и не хотѣлось. А потомъ, когда пришелъ сонъ, вѣтеръ разогналъ его, сорвалъ палатку и чуть было не унесъ нашихъ одѣялъ и всѣхъ легкихъ вещей, находившихся при насъ, какъ напримѣръ тетрадей, шляпъ, платья, которыя мы едва успѣли посовать подъ матрацы и, изображая собою прессъ-папье, не смѣли сойти съ нихъ, потому что вѣтеръ приподнималъ и матрацы. Такъ и проспали подъ открытымъ небомъ; я же вовсе не заснулъ, потому что вѣтеръ не стихалъ, а непривычная обстановка съ звѣзднымъ небомъ надъ головой волновала мысли, увлекая ихъ къ безпредѣльному и вѣчному: мысли же эти, какъ извѣстно, со сномъ не ладятъ.

Во всемъ лагерѣ были полныя тишина и покой; потомъ, когда еще не разсѣялся ночной мракъ, въ одномъ мѣстѣ засвѣтился фонарь и послышался разговоръ двухъ человѣкъ, которые стали собираться въ дорогу; — это Чжанъ со своимъ помощникомъ и вухней уже уѣзжали впередъ.

15 августа.

Рано встали мы сегодня; рано отправились въ путь и, пройдя порядочное пространство такого же характера, какъ вчера, встрѣтили зеленую лужайку у родника, называемаго Тунъ-Хо, гдѣ сдѣлали привалъ, чтобъ дать животнымъ отдохнуть. Здѣсь же расположился чей-то встрѣчный караванъ съ обратными верблюдами, которые шли безъ всякой клади, и встрѣча съ нимъ была неожиданна и пріятна. Я пошелъ посмотреть, въ какомъ видѣ находится здѣсь вода.

Мѣстность представляетъ небольшія неровности, между которыми проходитъ какъ бы неширокое русло съ влажной почвой и покрытое травой. У основанія одной гранитной глыбы, торчащей изъ земли, видно небольшое углубленіе, и изъ трещины въ камень сочится вода весьма скудной струйкой, такъ что она собирается въ упомянутомъ углубленіи только когда ея не вычерпываютъ; въ настоящее же время маленькій резервуаръ былъ совсѣмъ опорожненъ, и на днѣ его стояла лишь небольшая лужа сѣрой черной грязи, чѣмъ воды, — соленой на вкусъ и издававшей весьма непріятный запахъ. Тѣмъ не менѣе къ ней безпрестанно подходили люди, зачерпывали поосторожнѣе сверху эту

густую воду или жидкую грязь и пили; но всё, даже известные своею небрежливостью китайцы, не могли потомъ не плюнуть.

Простоявъ съ часъ на этомъ привалѣ, отправились дальше и въ тотъ же день къ вечеру добрались по такой же мѣстности до источника Бэй-Танъ-Цзы, возлѣ котораго опять встрѣтили неожиданную оживлённую сцену, потому неожиданную, что это была вторая встрѣча въ одинъ день: тутъ расположился на ночлегъ казенный китайскій караванъ. На обширной площади, представляющей голую каменистую почву, слегка взволнованную, было разбѣяно болѣе десяти синнихъ палатокъ; въ нихъ, или по близости, спдѣли, лежали и двигались болѣею частью полуголые китайцы; одни расказивали съ чашками и ѣли палочками лапшу; другіе только варили ее, третьи нарѣзывали тѣсто длинными полосками, порціи которыхъ по мѣрѣ изготовленія уносились приходившими за ними людьми и потомъ бросались въ котелки, стоявшіе надъ кострами, горѣвшими тутъ и тамъ между палатками. Неподалеку бродили разсѣданныя лошади; а въ сторонѣ стоялъ табунъ верблюдовъ, головъ по крайней мѣрѣ въ триста, сбившихся въ одну массу; другіе разсыпались въ окружности лагеря и щинали своими, повидимому, такими мягкими губами жесткій и колючій кустарникъ, какой растеть на здѣшнихъ пригоркахъ.

Вся эта масса людей и животныхъ собралась и двигалась на маленькомъ пространствѣ вокругъ колодца; но его не видно, потому что онъ находится на днѣ неглубокой ямы, въ которой подъ навѣсомъ каменной плиты стоитъ лужа воды, не болѣе аршина въ поперечникѣ и не глубже полуаршина. Тѣмъ не менѣе эта ничтожная на видъ лужа, оказалось, была неисчерпаема. Я простоялъ около нея съ четверть часа, наблюдая за приходившими брать воду, и въ это время почти каждую минуту подходили люди съ чашками, котелками, бадьями и ведрами, наполняли ихъ и уносили, уступая мѣсто другимъ; а воды въ лужѣ не убавлялось ни на одинъ вершокъ. Видно было, что маленькій резервуаръ пополнялся откуда-то чрезъ широкое отверстие: но вода не могла подняться выше того уровня, на которомъ она стояла. Замѣчательный и благодѣтельный колодезь.

Но что за неряхи китайцы! Они, кажется, не имѣютъ никакого понятія о томъ, что принято у людей считать чистымъ, что грязнымъ; и брезгливому человѣку лучше не подходить къ колодцу, иначе онъ откажется пить изъ него, если только къ тому не принудитъ его смертельная жажда и невозможность достать

ной воды: тутъ въ яму летятъ пыль и всякій соръ; сыплется земля изъ-подъ ногъ людей, спускающихся по крутой покатости на ея дно; обратно въ резервуаръ выливаются остатки воды недопитой людьми и животными... А вѣдь ровно ничего бы не стоило расширить отверстіе ямы, обложить резервуаръ камнемъ, — котораго здѣсь же рядомъ можно было легко взять хоть для цѣлаго дворца, — сдѣлать удобный спускъ, устроить корыта для водопоа животныхъ и завести чистую посуду для черпанія. И все это китайцы, конечно, сдѣлали бы, потому что они все могутъ сдѣлать; нужно только, чтобъ они почувствовали потребность въ незагрязненной водѣ, а то для нихъ, кажется, рѣшительно все равно... Впрочемъ понятіе о чистотѣ вообще относительное.

Наша компанія и транспортъ еще не вполне собрались, и въ ожиданіи прибытія нашей палатки я наблюдалъ за картинной степной походной жизни. Чужой караванъ снимался, собирался отправиться въ путь, предпочитая двигаться ночью во избѣжаніе дневнаго жара; и такъ какъ эти люди не задавались задачей изслѣдованія и описанія Гоби, то для нихъ это было вполне удобно. Всѣхъ верблюдовъ собрали въ одно мѣсто и, какъ солдатъ, раздѣлили на отряды; потомъ стали укладывать ихъ на землю посредствомъ осторожнаго подергиванія за поводъ, привязанный къ палочкѣ, продѣтой чрезъ ноздри. Съ видимой неохотой, но покорно, становились они на колѣна и ложились потомъ на животъ; на ихъ спины надѣвали особаго рода, знакомыя читателю, сѣдла, и на нихъ навьючивали всевозможные предметы, необходимые въ дорогѣ для ѣдущихъ, — дрова, бадьи для запасной воды, палатки, постели, съѣстные припасы для людей, кормъ для лошадей и т. п.

Наконецъ, у нихъ все готово, и эта огромная масса живыхъ двигательныхъ машинъ поднялась на ноги и зашагала по взволнованной степи... Когда же локомотивъ освободитъ васъ, бѣдные, отъ вашихъ страданій, — подумалъ я, смотря вслѣдъ удалявшемуся каравану. Скоро онъ исчезъ между холмами, а съ удаленіемъ его затихъ и шумъ; исчезло оживленіе, и опять осталась одна пространная мертвая земля, и посреди ея нашъ, пока еще не вполне собравшійся, транспортъ; многія телѣги отстали, и мы ходили взадъ и впередъ въ скучномъ ожиданіи ѣды и отдыха; а пока ни за что не хотѣлось приняться.

Житель степей, кочевникъ, находясь среди подобной обстановки, не нуждается въ какомъ-нибудь особомъ приютѣ; онъ привыкъ къ безпредѣльной степи, какъ къ своему дому, и ему вездѣ въ ней уютно; но намъ, обитателямъ городовъ и домовъ, казалось какъ-то странно, даже совсѣмъ невозможно, сѣсть на открытую пустую землю, ни къ чему не прислонившись, ни къ чему, такъ-сказать, не придравшись. Какъ положить, на примѣръ, свои ружье, бинокль, книжку прямо среди степи; это значитъ не положить, а бросить; намъ не доставало стѣны, ограничивающей небольшое пространство; намъ непремѣнно нуженъ былъ домъ, комната, и они тотчасъ и создавались, подъ тѣнью натянутого при помощи трехъ палокъ холста, т.-е. въ палаткѣ. Тутъ уже можно постлать пледъ, хотя и на ту же самую землю, усѣянную мелкими камешками и засоренную разными остатками лагеря; здѣсь можно разложить вещи, которыя были на насъ; можно приступить и къ занятіямъ.

Наконецъ, собрались всѣ, и пришли сказать, что обѣдъ готовъ,—казенный обѣдъ, приготовленный тѣмъ же Чжаномъ; онъ состоялъ изъ кусочковъ свиного сала съ какой-то травой; вторыхъ, изъ того же сала, обжареннаго въ яицахъ, и третьихъ, изъ рѣдьки съ уксусомъ и варенаго рису. Обѣдъ, какъ видите, читатель, не особенно питательный, да и не очень здоровый; но и этихъ-то кушаній намъ подали въ весьма скромномъ количествѣ...

Да!... Мы должны были бы, и совершенно могли по нашимъ средствамъ, имѣть свой столъ и приглашать къ обѣду сопровождавшихъ насъ трехъ мандариновъ, вмѣсто того, чтобъ ожидать отъ нихъ казенной порціи... Мы съ Матусовскимъ еще не робѣли, такъ какъ имѣли запасъ мяса, хлѣба, прессованной зелени и проч. Думали было и сегодня велѣть приготовить свой обѣдъ, но уже поздно было, да и аппетитъ испортили. Казаку же приказали сварить супъ для себя и нашихъ слугъ-китайцевъ, а также пригласить казака Степанова; потому что, если намъ былъ поданъ такой скудный обѣдъ, то для слугъ, конечно, онъ будетъ еще хуже; а они больше работали и, навѣрно, были голоднѣе насъ. И такъ, ихъ сегодняшній обѣдъ былъ несравненно лучше господскаго...

Солнце скрылось, и въ воздухѣ скоро такъ посвѣжѣло, что нѣкоторые извозчики нарядились въ тулупы и даже шаровары, спитыя изъ овечьихъ, обращенныхъ мѣхомъ внутрь.

Вечеромъ къ намъ въ палатку зашелъ мандаринъ, Цинъ-Лоъ, и предупредилъ меня, что мы завтра, вѣроятно, встрѣтимъ дикихъ лошадей и дикихъ муловъ; чтобъ я держалъ наготовѣ ружье. Я съ нетерпѣніемъ ожидалъ завтрашняго дня, въ надеждѣ добыть интересный экземпляръ для своей зоологической коллекціи.

Наступила вторая ночь, проводимая въ Гоби. Кругомъ насъ расположились не только миролюбивые, но даже караулившіе насъ китайцы; а въ безмолвныхъ пространствахъ пустыни трудно было предполагать присутствіе тайнаго врага; такъ что никакой мысли объ опасности не приходило въ голову, и здѣсь спалось столь же спокойно, какъ дома.

16 августа.

Цѣлыхъ тридцать верстъ проѣхали мы сегодня по мѣстности, покрытой желто-краснымъ пескомъ, сквозь который мѣстами виднѣлся голый гранитъ, какъ бы истрескавшійся и спаянный жилами кварца. Встрѣчались сухіе глинистыя холмы съ торчащими на нихъ пластинками темнаго сланца; попадалась бѣдная, сѣренькая растительность,—вотъ и все, что видѣли сегодня за дорогу. Еще должно упомянуть объ одномъ колодецѣ, встрѣтившемся на пути, ибо колодцы въ пустынѣ представляютъ одни изъ интереснѣйшихъ предметовъ и играютъ, конечно, первостепенную роль а потому я буду упоминать о каждомъ изъ нихъ.

Этотъ находится среди совершенно безжизненной мѣстности, если не считать за признакъ жизни развалины бывшаго пикета, состоявшаго изъ нѣсколькихъ мазанокъ; а самый колодезь представляетъ довольно правильную цилиндрическую яму, около полутора сажени глубины и аршина полутора въ діаметрѣ. Часть дна ея суха, а въ другой стоитъ вода, которую поневолѣ доставали такимъ образомъ: одинъ солдатъ китайскаго конвоя спустился въ яму, другой легъ ничкомъ на землю у наружнаго отверстія и, опуская внизъ руку, подавалъ и принималъ чайникъ.

Вода была чистая, холодная, лишь съ легкимъ вкусомъ соды; и мы, напившись сами, напоили лошадей, которыя хотя не могли видѣть воды, но догадались, что она близко, поняли, должно-быть, что мы пьемъ, — и такъ и рвались къ колодецу; но чтобъ напоить ихъ, пришлось прибѣгнуть къ помощи моей жестяной коробки: изъ нея вынули собранныя дорогой растенія, и, напол-

няя изъ чайника водою, подносили лошадямъ, которыя видимо томились сильною жаждою.

Пройдя отсюда еще верстѣ двадцать, увидали лужайку, на которой стояло нѣсколько телѣгъ и бродили выпряженные мулы; пролетѣла стая дикихъ голубей и мелкихъ птичекъ; заяцъ пробѣжалъ въ сторонѣ...

Подъѣзжаемъ и находимъ родникъ богатый водою, которая собралась въ лужу, и изъ нея по склону бѣжитъ маленькій ручей, наполняющій какія-то ямки, какъ будто нарочно вырытыя, чтобъ онѣ служили резервуарами. Нѣкоторыя изъ нихъ были пусты и одѣты сочною зеленью, свойственною влажной почвѣ; возлѣ другихъ, наполненныхъ водою, сидѣли пріѣхавшіе раньше китайскіе солдаты и мыли себѣ ноги, сидя на краю ямъ и опустивъ ихъ въ воду. Это былъ родникъ Да-Чуань-Цзы.

Мы были убѣждены, что здѣсь будемъ ночевать, такъ какъ извѣстно, что въ пустыняхъ родникъ или колодезь есть станція,— что, если не заночуешь возлѣ одного, то поневолѣ надо идти во что бы ни стало до слѣдующаго источника или проводить ночь безъ воды, что и непрактично, и не всегда безопасно.

Сегодня, передъ отправленіемъ въ путь, ходилъ темный слухъ, что намъ предстоитъ пройти 130 ли или 65 верстѣ; но такъ какъ мы уже много разъ убѣждались, что предположенія весьма часто не сбываются, и такъ какъ никакихъ распоряженій и объявленій относительно разстоянія, какое предполагалось пройти сегодня, по обыкновенію сдѣлано не было, то теперь никто не зналъ, что дѣлать,—будемъ ли здѣсь ночевать или еще поѣдемъ, дальше. Распорядитель же нашъ тащился теперь въ телѣгѣ,—рысью теперь стремиться некуда,—и онъ пока не прибылъ. Потомъ пріѣхалъ, но спать; а будить его казаки не рѣшились...

Долго мы ждали, прилегли въ ожиданіи на землѣ, въ тѣни телѣги, и вздремнули. Затѣмъ насъ позвали „кушать“; и послѣ обѣда (состоявшаго опять изъ рису да прогорѣлаго сала съ лукомъ и рѣдькой), уже часа въ три пополудни объявили, что сегодня „мы должны“ проѣхать еще тридцать верстѣ.

Дорога пошла по страшно пустынной мѣстности, представлявшей обнаженную землю, съ холмистой поверхностью; по сторонамъ стояли довольно высокіе пригорки, сплошь усыпанные кусками какъ будто искусственно набитаго сланца, да кой-гдѣ виднѣлись рѣденькіе сѣрые кустики; а изъ животныхъ не встрѣчалось никого, кромѣ кузнечиковъ и ящерицъ. Вообще природа

если могла быть интересна, то только своею дикостью и мертвенной пустотой... Протащились мы до заката солнца; вот оно скрылось, и мы уже болѣе часа ѣдемъ въ потьмахъ, а до мѣста ночлега все еще не добрались.

— Не угодно ли вамъ производить съемку! восклицаетъ съ понятной досадою Матусовскій.

— Что же вы дѣлаете въ этихъ случаяхъ? спросилъ я.

— Да что же! Или остается плюнуть на все, или вотъ завтра ворочайся назадъ и снимай то, что сегодня пройдешь въ потемкахъ.

Въ воздухѣ еще потемнѣло и стало такъ свѣжо, что мы въ нашемъ легкомъ платьѣ прозябли до дрожи, хотя днемъ не знали куда дѣваться отъ жара.

Судя по времени, какое мы находились въ движеніи, намъ уже слѣдовало бы добраться до колодца, и мы внимательно присматривались къ дорогѣ, боясь проглядѣть тропинку въ сторону, какія обыкновенно ведутъ къ водѣ, находящейся всегда нѣсколько въ боку отъ дороги. Но никакой боковой тропинки не было; а ночь все темнѣла, и воздухъ становился все холоднѣе.

Рядомъ съ нами ѣхали шесть человѣкъ конвоировъ, и мы послали двухъ впередъ, отыскивать колодезь; между тѣмъ, вскорѣ отдѣлилась одна дорога вправо, по которой поѣхалъ третій изъ конвойныхъ, и мы условились съ нимъ, чтобы онъ, если найдетъ воду, далъ знать; сами же отправились прямо. Тутъ чаще стали попадаться кочки; на землѣ, казавшейся до сихъ поръ черною, забѣлѣлись солонцы; появилось одно растеніе—чій,—все признаки близкой воды... Мы остановились, ожидая сигналовъ отъ отправленныхъ на поиски китайскихъ солдатъ, и черезъ нѣсколько времени въ правой сторонѣ мелькнулъ на мгновеніе и погасъ огонекъ, а почти вслѣдъ за нимъ прокатился выстрѣлъ, и въ воздухѣ совершенно ясно провизжала пуля,—мы не могли опредѣлить гдѣ, но, судя по ясному звуку, недалеко отъ насъ.

Что это—нападеніе, подумали мы, или намѣреніе произвести убійство, задуманное китайскимъ солдатомъ, или же просто остроумный сигналъ пулевымъ выстрѣломъ, направленнымъ въ нашу сторону, — сигналъ о томъ, что найдена вода? Послѣднее было всего вѣроятнѣе; но одинъ изъ бывшихъ при насъ солдатъ понялъ выстрѣлъ иначе: онъ догадался, что уѣхавшій искать колодезь потерялъ насъ изъ виду, и потому послалъ ему отвѣтный выстрѣлъ.

— Ха-о! (ладно) слышался издали голосъ.

Мы велѣли спросить, не нашелъ ли онъ воды? Спросили. Слышимъ, кричить: — Мб-шуй! (нѣтъ воды).

Когда остановились, чтобы обождать бывшихъ назади спутниковъ, къ намъ подъѣхалъ сзади Степановъ, усталый и противъ обыкновенія невеселый.

— Ты откуда? спрашиваемъ его.

— Я за вами.

— Что? мы вѣрно колодезь проѣхали?

— Нѣтъ, сзади-то нѣту; это меня капитанъ послалъ впередъ... Что, говорятъ, тебѣ тутъ время даромъ терять; ступай съ чайникомъ впередъ и готовь чай; я приѣду, говорятъ, — онъ ужъ готовъ будетъ... Я думалъ, — вы нашли воду, что остановились, продолжалъ онъ и, помолчавъ, вздохнулъ.

— Принималъ присягу Царю — служить вѣрой и правдой, долженъ служить.

Это былъ единственный случай намека на ропотъ за всю дорогу... Должно-быть ему было очень тяжело.

Мы хорошо поняли его вздохъ и этотъ отрывокъ изъ его мыслей, потому что всѣ мы думали одно и то же, и всѣ все понимали, то-есть, что капитанъ Сосновскій—губитель дѣла и тиранъ всѣхъ своихъ спутниковъ.

Не зная, подобно намъ, гдѣ искать воды для приготовления чаю, онъ остался возлѣ насъ ожидать возвращенія уѣхавшихъ солдатъ или остальной компаніи, бывшей назади, чтобы узнать какія послѣдуютъ новыя распоряженія,—почевать безъ воды или ѣхать искать ее. Мы сошли съ лошадей и, чтобы согрѣться, стали ходить взадъ и впередъ, ведя бесѣду о выгодахъ и потеряхъ отъ подобнаго странствованія по ночамъ. Китайскіе солдаты разлеглись на дорогѣ возлѣ своихъ лошадей; казакъ Смокотининъ поставилъ нашихъ трехъ коней вмѣстѣ, связавъ ихъ поводьями, а самъ прилегъ и вздремнулъ.

Намъ и ходить надобло, и усталость сильная чувствовалась; мы тоже разлеглись на разостланномъ пледѣ *) и, прикрывшись кожаными плащами, толковали кой о чемъ; но и говорить ни о чемъ не хотѣлось: всѣ впали въ какое-то полусознаніе.

*) Когда я потомъ всталъ и накиннулъ его на себя, я замѣтилъ на немъ появленіе электрическихъ искръ и ясно слышалъ ихъ трескъ всякій разъ, когда проводилъ по немъ ногтями. Явленіе это продолжалось нѣсколько минутъ.

Надъ пустыней царяла полная тишина, такъ что очень изда- лека до насъ доносились стужъ лошадиныхъ вопить подъѣзжав- шихъ порознь конвойныхъ—человѣка по два, по три; звонъ чу- гунныхъ колокольчиковъ и скрипъ колесъ медленно тащившихся телѣгъ; слышалось даже хрустѣніе песку подъ колесами, аком- панируемое частыми криками погонщиковъ на своихъ измучен- ныхъ животныхъ. И жалко было этихъ людей, а особенно жи- вотныхъ: извозчики, по крайней мѣрѣ, получали отъ нашего „цзянь-цзюня“ что-то въ родѣ девяти съ половиною копѣекъ за каждый день; а ихъ бѣдныя твари, худыя и изнуренныя... за что они должны надрывать свои послѣднія силы, которымъ пред- стояло еще много работы, такъ какъ замѣнить ихъ другими здѣсь невозможно.

Подъѣзжавшіе солдаты останавливались и располагались въ нашей временной квартирѣ, то-есть на голой степи; другіе, узнавъ, что мы остановились не у колодца, пробѣжали дальше; а иные даже не спрашивали и ѣхали мимо, какъ люди, которые не имѣли съ нами ничего общаго. Словомъ, беспорядочность въ движеніи была полнѣйшая.

— А что, если бы въ этой мѣстности дѣйствительно суще- ствовали разбойники или шайки дунганъ и они вздумали бы сдѣлать на насъ нападеніе, — обратился я къ Матусовскому; — что бы могли мы сдѣлать при подобномъ движеніи, да еще среди такой темноты!...

— Да, счастье наше, что разбойниковъ здѣсь нѣтъ... Только одно небо насъ и хранить, отвѣтилъ онъ.

Подошелъ транспортъ, и впереди всѣхъ начальникъ въ своей телѣгѣ.

— Степановъ! чай готовъ? крикнулъ онъ, думая, что мы рас- положились ужъ на мѣстѣ ночлега, у колодца.

— Это-то воды нѣтъ, отвѣчаетъ Степановъ.

— Какъ воды нѣтъ!.. Что ты дурака валяешь... На колодезь пріѣхали и воды нѣтъ! гнѣвался Сосновскій.

За этимъ послѣдовалъ строжайшій и въ высшей степени ко- мичный выговоръ—„всѣмъ дуракамъ, которые ужъ и колодца-то не умѣютъ найти“.

Начались еще болѣе комичные разспросы и справки о томъ, далеко ли до воды, и узнавъ, что еще около десяти ли, всѣ по- тащались дальше. Попли и мы садиться на своихъ лошадей, но казакъ возвращается и говоритъ, что онъ не можетъ ихъ розыс-

вать. Мы думали, что лошади тутъ гдѣ-нибудь въ двухъ шагахъ, что ихъ только за темнотою ночи не видно, пошли искать сами; разошлись, пережидаемся, чтобъ не растеряться; оказывается, что лошадей нигдѣ и вблизи нѣтъ. Между тѣмъ весь транспортъ уже исчезъ вдали; въ темнотѣ его не видно, а только слышно; наконецъ и звуки затихли. Мы стали прислушиваться, не фыркнетъ ли, не стукнетъ ли копытомъ лошадь, не брякнетъ ли стремя... Нѣтъ, ничего не слышно: мертвая тишина кругомъ и непроглядный мракъ; и лошади словно сквозь землю провалились.

Намъ ничего не оставалось, какъ, отложивъ отыскиваніе лошадей до завтра, идти самимъ пѣшкомъ вслѣдъ за транспортомъ, потому что провести холодную ночь на голой землѣ, подъ открытымъ небомъ и безъ воды, когда такъ хочется пить,—перспектива куда не привлекательная!.. Пошли, но мысль о лошадяхъ сильно тревожила насъ, такъ какъ онѣ могли уйти за ночь Богъ знаетъ куда.

Мы шли по дорогѣ, которая была нѣсколько свѣтлѣе остальной поверхности, и потому, всматриваясь внимательно, ее можно было видѣть. Часто спотыкаясь и утопая ногами въ песокъ, таща на себѣ нѣкоторыя дорожныя вещи, какъ кожаные плащи и пледы, мы скоро такъ согрѣлись, что намъ пришлось раскрываться и нести лишнее платье въ рукахъ.

Когда мы добрались до колодца, лагерь былъ уже разбитъ: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ горѣли костры; начальникъ уже спалъ; Таня-Лош и слуга Ма только собирались ставить нащупанную палатку, а „Сквозной“ кипятилъ воду въ чайникѣ.

Подойдя къ нашей палаткѣ, я вдругъ слышу отвратительный запахъ сѣрнистаго водорода, и къ нашему огорченію оказалось, что онъ происходилъ отъ колодца: такого качества въ немъ вода (минеральная, сѣрнистая)... Судите же, какимъ чаемъ пришлось намъ сегодня утолять жажду. Только съ прибавленіемъ большаго числа мятныхъ капель возможно было проглотить по нѣсколькѣ стакановъ этой противной микстуры. Не менѣе жажды насъ мучилъ и голодъ;—но когда было варить что-нибудь, когда и безъ того мы легли спать въ третьемъ часу ночи!.. Пришлось ограничиться сухояденіемъ.

Мнѣ еще нужно было выбрать изъ жестянки и переложить въ бумагу собранныя сегодня растенія; но опять, когда бы я сталъ это дѣлать!.. Отложилъ до завтра. Нужно было приготовить чучела изъ двухъ убитыхъ грызуновъ, изъ породы тушеанчиковъ, во множествѣ попадавшихся сегодня ночью... Тоже отложилъ,

потому что силы покинули меня и отъ сна закрывались глаза. Я надѣялся, что, авось, завтра будетъ не такой мучительный и безтолковый день, какъ сегодня; авось, думалъ, мы не будемъ больше дѣлать двухъ переходовъ въ одинъ день. Теперь одна надежда,—на авось.

17 августа.

Рано утромъ нашъ казакъ и два китайскихъ солдата отправились на поиски за пропавшими лошадьми; а всѣ остальные, такъ торопившіеся и дорожившіе временемъ вчера, должны были сидѣть и ждать, то-есть терять сегодня то, что было выиграно вчера. Двое изъ сопровождавшихъ насъ мандариновъ пришли къ намъ и начинаютъ горячо доказывать, что дѣлать такіе переходы, какъ вчера, невозможно; они просили пощадить ихъ людей и животныхъ.

— Сегодня, говорятъ они,—на пути будутъ два колодца, одинъ въ пятнадцати, другой—въ шестидесяти верстахъ отъ этого ночлега; и такъ какъ мы сегодня выступимъ поздно, то необходимо у перваго и остановиться. Тамъ будетъ хорошая вода, хорошій кормъ, и животныя отдохнуть; если же мы пойдемъ на другой колодезь, то опять опоздаемъ и еще болѣе измучимся и сами, и замучимъ лошадей и муловъ.

— Ну, тамъ посмотримъ,—нечего впередъ загадывать, отвѣчаетъ на это имъ Сосновскій.

Между тѣмъ привели нашихъ отысканныхъ лошадей, но безъ уздечекъ, которыхъ не могли найти, и безъ тѣхъ вещей, какія находились въ карманахъ чепраковъ. Я лишился дорогѣй книги, которую читалъ ѣдучи, моей записной книжки, ящичка съ красками и банки со спиртомъ, въ которую клались находимыя въ дорогѣ насѣкомыя. Потери были важныя, но мы обрадовались, что хоть лошади отыскались.

Наконецъ собрались и тронулись въ путь, опять безъ объявленія впередъ, гдѣ останавливаться... А отложенной вчера работы такъ и не удалось исполнить,—всѣ поневолѣ проспали.

Мѣстность въ этотъ четвертый день нашего странствованія черезъ Гоби имѣла совершенно пустынный характеръ, и только представляла нѣсколько болѣе разнообразія, благодаря холмамъ, ложбинамъ и неглубокимъ оврагамъ, да весьма разнообразной окраскѣ ея бесплодной почвы, что зависѣло отъ различнаго состава послѣдней. Въ одномъ мѣстѣ бѣлѣли известковые и квар-

цевые холмы; тамъ виднѣлись пригорки изъ краснаго песчаника; тутъ желтая глина и пестрый гранитъ, по которому разбросаны обломки темнаго, почти чернаго сланца.

Куда ни поглядишь—все одинъ камень да голая земля. Но, какою голою ни казалась почва при общемъ и бѣглому взглядѣ, на ней все-таки можно было найти мелкія растенія; какъ ни пустынна была здѣшняя степь,—стоило остановиться и обладать спокойнымъ состояніемъ духа, чтобъ найти и тутъ много разно-сторонняго интереса... И я былъ убѣжденъ, что сегодня у меня хватитъ времени на все,—и записать наблюденія и впечатлѣнія послѣднихъ дней, и собрать многое для моихъ коллекцій; что мнѣ удастся отойти въ сторону отъ дороги, чего во время движенія мнѣ не удавалось сдѣлать; нарисовать, наконецъ, хотя одинъ видъ Гоби: я былъ убѣжденъ, что сегодня мы остановимся у перваго изъ колодцевъ.

Я отсталъ, потому что ѣздилъ съ однимъ китайскимъ солдатомъ искать свои вещи; потомъ догоняю Матусовскаго и хочу спросить,—далеко ли еще до завѣтнаго мѣста, какъ онъ встрѣчаетъ меня словами:

— Поздравляю васъ съ предстоящимъ удовольствіемъ прокататься на лошади еще сорокъ пять верстъ до слѣдующаго колодца! Всѣ ужъ уѣхали... А этотъ вотъ тутъ,—указалъ онъ на зеленѣвшій въ сторонѣ оазисъ.—Говорятъ, и вода хорошая, и кормовой травы много... Мандарины приходили еще разъ, продолжалъ онъ,—уговаривая и доказывая, что неблагоприятно уѣзжать сегодня дальше, что насъ опять захватитъ въ дорогѣ ночь; приходили извозчики кланяться, чтобъ пожалѣли хоть скотину ихъ, но ихъ прогнали и приказали ѣхать дальше...

— Эхъ!.. Матусовскій вдохнулъ и задумался. Похоронилъ и я свои планы на нынѣшній день;—значитъ, цѣль Сосновскаго достигалась: мы могли только ѣхать, но не работать, хотя для этого было дано все, что нужно.

Молча сѣли мы на лошадей и отправились. Былъ уже часъ второй дня; и вскорѣ мы выбрались изъ пригорковъ на обширную и гладкую долину, подобную широчайшей рѣкѣ, какъ бы окаймленной возвышенными берегами, и намъ предстояло пересѣчь ее поперекъ. А недалеко за противоположной ея окраиной находится, говорятъ, и второй колодезь.—Ну, если такъ, такъ это еще немного, подумалъ я.

День стоялъ жаркій, и жара была какая-то особенная: она не томила и не разслабляла тѣла, какъ бываетъ, напримѣръ, передъ грозой, когда небо покроется облаками, а въ воздухѣ душно; она не производила испарины, а была какая-то жгучая, и отъ нея особенно страдали лицо и руки, какъ ничѣмъ не покрытыя. Жгли собственно прямые или отраженные лучи солнца; температура же воздуха не была очень высока; поэтому, когда набѣжитъ, бывало, облако и, подобно гигантскому зонту, на время скроетъ насъ отъ солнца, то всякій разъ испытываешь ощущение, какъ будто погружаешься въ прохладную ванну. Къ сожалѣнію, облако быстро проходило, и солнце опять принималось жечь насъ немилосердо, что не прекращалось даже и въ то время, когда оно стояло уже совсѣмъ надъ горизонтомъ и готово было закатиться.

Цѣлый день мы тащились поперекъ упомянутой однообразной равнины. Я собралъ немного растеній, а изъ животныхъ видѣлъ только мертваго волка, трупъ котораго не разложился, а высохъ, вѣроятно вслѣдствіе крайней сухости воздуха.

Мы ѣхали безъ остановки, а разстояніе до противоположной гряды холмовъ, казалось, оставалось все такимъ же, какъ и сначала. Мулы уже съ трудомъ тащили телѣги; нѣкоторые падали часто; другіе отказались везти и шли привязанными позади телѣгъ, возложивъ на другихъ свою работу... Сѣло солнце, и горы какъ будто покрылись бархатомъ темно-фіолетоваго цвѣта; догорѣла заря; вотъ и вечерній сумракъ разлился по долинамъ; а до пригорбовъ, какъ видно, все еще далеко, потому что передовые конвойные нашего каравана, расставувшагося на огромное пространство, ѣдутъ и ѣдутъ все по той же долинкамъ, и ни одинъ человѣкъ не достигъ еще ея края.

Вотъ настала и ночь; ничего вдали видѣть уже нельзя... И долго тащились еще, пока наконецъ-то добрались до желаннаго края долины и въѣхали въ ущелье; дорога тутъ пошла въ гору по глубокимъ и сыпучимъ пескамъ, повернула направо, потомъ налево, и мы увидали въ темнотѣ огонекъ,—радостный вѣстникъ присутствія тамъ раньше прибывшихъ людей. Затѣмъ раздался выстрѣлъ, служившій намъ сигналомъ, и не болѣе какъ черезъ четверть часа мы прибыли къ колодцу, близъ котораго вокругъ кустовъ сидѣли и лежали солдаты, бесѣдовавшіе и курившіе свои трубочки; тутъ же былъ казакъ Степановъ, посланный впередъ для приготовленія заранѣе чаю. Одинъ изъ солдатъ подалъ

намъ по чашкѣ холодной воды, которую мы выпили съ жадностью, и также принялись ходить взадъ и впередъ въ скучномъ ожиданіи прихода транспорта. Мандарины были уже здѣсь.

— Всѣ устали, говорить Чжу,—люди устали, мулы тоже; много телѣгъ еще осталось далеко назади и придуть не скоро; и съ провизіей телѣга отстала, значить и ѣсть нечего... Такъ не хорошо дѣлать...

— Да, не хорошо, бормотали мы, не зная что отвѣчать.

Если читателю случалось просиживать цѣлый день верхомъ на лошади, то онъ знаетъ, какую усталость чувствуетъ человѣкъ въ спитѣ и колѣнахъ, какъ хочется послѣ такой прогулки скорѣе лечь и расправить просто замершіе члены... Мы прилегли на песчаномъ пригорѣ въ ожиданіи чая и ѣды; но и сегодня намъ не суждено было утолить голодъ порядочной пищей, потому что и провизія, и посуда, все осталось назади, и мы заснули голодными;—мы, то-есть я съ Матусовскимъ; о другихъ я ничего не зналъ. Прислуга, впрочемъ, также голодала.

Если приходилось голодать намъ, официальнымъ и неофициальнымъ членамъ экспедиціи, если мы „господа“ были принуждены валяться на голой землѣ и были измучены, то не трудно себѣ представить положеніе остальныхъ, погонщиковъ и конвойныхъ солдатъ, положеніе животныхъ. Если наши лошади, для которыхъ имѣлся запасный кормъ, съѣли бамбуковыя циновки (!), служившія покрывками для телѣгъ, то что же должны были испытывать извозчики мулы, существовавшіе исключительно подножнымъ кормомъ, котораго или не было, или мы проѣзжали его мимо, или некогда было ѣсть... Хороша картина?! Жаль было, ужасно жаль; но среди общихъ страданій легче переносились свои.

А тутъ страдали буквально всѣ, кромѣ обезьяны Сосновскаго, сидѣвшей въ телѣгѣ: только она одна наѣлась, напилась и ничего не понимала, потому что ничего и понимать не могла; всѣ же люди очень хорошо знали и видѣли, что испытываемыя ими лишения и муки животныхъ—вовсе не неизбѣжны, противъ которыхъ роптать нельзя,—что ихъ, напротивъ, очень легко могло не быть, что, слѣдовательно, они не нужны...

И между всѣми людьми слышался зловѣщій недружелюбный ропоть.

18 августа.

Чѣмъ бѣднѣе природа и чѣмъ менѣе возможности заниматься какимъ-нибудь дѣломъ, тѣмъ болѣе выступаютъ на первый планъ

собственныя особы, съ скучною обыденкою, и эта послѣдняя начинаетъ играть роль. Возможность поддержать силы совершенно обыкновенной, только бы питательной пищей дѣлается событіемъ, потому что передъ этимъ двое сутокъ поѣсть было или нечего, или некогда. Такъ намъ съ Матусовскимъ только сегодня удалось сварить себѣ супъ изъ своей провизіи, и у насъ, можно сказать, праздникъ; на пиръ были приглашены Андреевскій и Степановъ, питавшіеся у начальника, по ихъ рассказамъ, только сухой ветчиной, надаренной въ разныхъ городахъ китайцами въ такомъ большомъ количествѣ, что онъ даже намъ какъ-то прислалъ два окорока, когда не зналъ куда съ ними дѣваться.

Хотя у Чжана были и живыя куры, и два барана, кромѣ другой провизіи, да онъ съ описанными выше порядками не успѣвалъ ничего приготовить; и сегодня даже привелъ ихъ намъ живьемъ, — одного начальнику съ компаніей, другаго намъ съ Матусовскимъ, говоря: вотъ возьмите ихъ и распоряжайтесь по вашему усмотрѣнію...

Но намъ онъ былъ не нуженъ, такъ какъ былъ свой запасъ провизіи, и мы отказались.

Китайцы, — всѣ, и мандарины и солдаты, — были открыто недовольны нами; нѣкоторые изъ послѣднихъ начинали даже грубить.

Но уѣдьте лучше и постарайтесь забыться.

Мѣстность пошла разнообразіе, и всѣ очертанія находящихся здѣсь неровностей почвы носятъ характеръ величія... Нѣтъ, не такую представлялась мнѣ эта пустыня; и чѣмъ больше встрѣтилось неожиданнаго, тѣмъ больше хотѣлось изучать ее подробно и во всѣхъ отношеніяхъ, хотѣлось перенести на бумагу всѣ особенности; и хотя кой-что дѣлалось, но далеко не такъ, какъ бы слѣдовало: никакая систематическая работа была невозможна, а все опредѣлялось случайностями. Такъ, сегодня Сосновскій случайно убилъ кулана *). Я зналъ, что китайскіе солдаты голодали, что будутъ очень рады получить себѣ мяса, и передалъ имъ пріятную новость, сообщенную намъ начальникомъ.

Мигомъ, обнаживъ свои тесаки, они поскакали рысью за мною и даже впередъ по указанному направленію. Подъѣхавъ къ убитому животному, я было хотѣлъ снять кожу, но это не легко, да и солнце уже было низко; а близко ли, далеко ли отсюда находи-

*) Китайцы называютъ ихъ дикими мулами — Ъ Ло-цзи, и отличаютъ еще Ъ Ма — дикихъ лошадей; но имъ видѣли только кулановъ.

лось мѣсто нынѣшняго ночлега—никто толкомъ не зналъ; поэтому пришлось отказаться отъ своего намѣренія и ограничиться описаніемъ и измѣреніями животнаго *).

Солдаты также спѣшили, боясь запоздать, и на скорую руку вырѣзали себѣ каждый по большому куску мяса, приторочили къ сѣдламъ и отправились вслѣдъ за уѣхавшими. Они повеселѣли и, возвращаясь съ добычей, напѣвали о томъ, что „теперь у нихъ есть „жоу“ (говядина); что они ее сегодня сжарятъ, что жареная говядина—очень вкусная вещь“...

— Вы ѣдите лошадиное мясо? спросилъ меня одинъ изъ солдатъ, напомнивъ мнѣ Цзо-Цзунъ-Тава.

— Да, но въ очень немногихъ мѣстахъ, пошутилъ Матусовскій, сказавъ эти слова, конечно, по-русски, и такъ расхохотался, что даже испугалъ бѣднаго солдата.

— Нѣтъ, не ѣдимъ, говорю; но сегодня я съ вами попробую. Ты принеси мнѣ, когда у васъ будетъ готово.

— Хорошо, принесу непременно.

Ѣдемъ дальше по гладкой поверхности земли, сплошь усыпанной крупными и какъ бы спаявшимися между собою зернами выѣтрившагося гранита, на которыхъ подковы лошадей оставляютъ едва замѣтные слѣды. Мѣстами онъ является здѣсь совсѣмъ на поверхности, въ видѣ огромныхъ площадей или слегка округленныхъ бугровъ, и между ними растутъ отдѣльными кустиками колючія растенія сѣраго и зеленого цвѣтовъ. Кромѣ того, на поверхности этого, такъ-сказать, гранитнаго пола валяются, какъ будто искусственно набитые и разбросанные, куски чернаго, чрезвычайно крѣпкаго камня **), который звенитъ какъ металл; вѣроятно ихъ разносятъ по поверхности ураганы и сильные потоки воды, образующіеся здѣсь послѣ проливныхъ дождей; и слѣды послѣднихъ видны повсюду въ формѣ высохшихъ руселъ, образующихъ какъ бы цѣлую систему рѣкъ съ ихъ притоками.

Солнце стояло еще довольно высоко, когда мы увидели нашъ лагерь, повидимому расположившійся на ночлегъ. Поставленные

*) Я замѣтилъ у него, между прочимъ, одинъ бугорокъ на лѣвой лажѣ и, разрѣзавъ, нашелъ въ немъ старую китайскую пулю;—значитъ, туземцы такъ охотятся за ними и убиваютъ ихъ, что впрочемъ вовсе не трудно, потому что они ходятъ всегда табунами.

**) Коллекція собранныхъ мною минераловъ и почвъ находится въ минералогическомъ музеѣ С.-Петербургскаго Университета и обрабатывается подъ руководствомъ проф. Инностранцева.

палатки давали право надеяться на то, что сегодня ужь не раздается опять тупая команда—трогай дальше!

Все были заняты, а приехавшие со мною солдаты прискакали в лагерь съ радостнымъ извѣстіемъ о привезенной говядинѣ и рассказали, гдѣ и какъ они добыли ее; тотчасъ нѣкоторые изъ другихъ солдатъ осѣдлали своихъ лошадей и отправились за новой добычей, которой тамъ осталось еще много. Бѣдное животное погибло не даромъ: оно накормило сегодня человѣкъ до сорока голодавшихъ людей нашего конвоя, и они, веселые и довольные, отдохнули послѣ двухъ тяжелыхъ дней и такихъ же ночей.

Въ ожиданіи обѣда я бродилъ по лагерю, расположившемуся въ неровной мѣстности, представлявшей колмики и торчавшія изъ земли гранитныя глыбы; въ одной изъ такихъ находилось какъ будто искусственное углубленіе, и два китайскихъ солдата, лежа на землѣ, влѣзли въ него до половины и курили тамъ опиѣ, найдя затишье отъ вѣтра, который тутъ не гасилъ необходимой при куреніи лампочки. Заглянулъ потомъ на родникъ, изъ котораго вытекалъ ручей съ зелеными берегами, образуя болотце; и по немъ бродили обыкновенные кулики, до такой степени ручные, что позволяли подходить къ себѣ шаговъ на пять и ближе.

Во время обѣда, давшій слово солдатъ принесъ мнѣ своего кушанья изъ куланьяго мяса, которое я нашелъ довольно вкуснымъ, но жесткимъ.

Все отдохнули, ожили и толковали о томъ, какъ бы хорошо было, если бы всегда такъ поступали: во-время останавливались, давали всѣмъ поѣсть, заняться и отдохнуть, и во-время выступали... Но до самаго вечера каждый подумывалъ про себя: а ну какъ выйдетъ сейчасъ распоряженіе пройти еще верстъ пятнадцать!—Вѣдь когда путешествіе дѣлается съ „учено-торговою“ цѣлью,—тутъ все возможно: вѣдь это не караванъ какой-нибудь; здѣсь многое зависитъ отъ вдохновенія и „момента“.

19 августа.

Дурно спалось прошлой ночью, потому что сильный вѣтеръ опять чуть-было не сорвалъ палатокъ; а проснувшись, мы едва могли раскрыть глаза: такъ они были занесены пылью и пескомъ, которыми въ нашей палаткѣ было покрыто все, и въ такой степени, что бѣлыя подушки и простыни сдѣлались коричневыми; песокъ набился въ волосы, въ уши и трещалъ на зубахъ. Хотя это и неприятно, но ужь не столь ужасно, какъ можетъ казаться...

Но вотъ бѣда: оказалось умыться невозможно, потому что вѣтеръ дулъ съ такою силой, что мигомъ выплескивалъ и уносилъ воду, когда слуга лилъ ее изъ чайника на руки.

Да, вѣтеръ всего сильнѣе мѣшаетъ жить человѣку въ открытыхъ пространствахъ степи: какихъ хлопотъ, напримѣръ, стоить согрѣть воду, когда вѣтеръ относитъ пламя костра, давая ему горизонтальное направленіе; ѣсть и пить тоже невозможно, потому что все мигомъ засаривается несущимися пескомъ и пылью, отъ которыхъ нигдѣ не найдешь спасенья. Вѣтеръ даже мѣшаетъ ходить, буквально сдувая въ сторону человѣка, а о какомъ-нибудь занятіи нечего и думать, не говоря ужъ о такихъ, какъ перекладка растений или рисованье,—все вырветъ изъ рукъ и разнесетъ.

На сегодняшнемъ переходѣ характеръ пустыни былъ совсѣмъ другой: мы проѣзжали четвертую и послѣднюю гряду упомянутыхъ пригорковъ, съ красивыми очертаніями гранитныхъ скалъ и обрывовъ, въ которыхъ лежали прохладныя голубыя тѣни. Въ общемъ горы лишены какой бы то ни было растительности, и лишь кой-гдѣ въ ущельяхъ замѣчаются очень небольшія площадки почвы, покрытой зеленой травой. Сюда, какъ сказывали конвойные солдаты, приходятъ дикія лошади (ѣ ма), бараны (ѣ янь) и другія степныя животныя пастись; и мнѣ захотѣлось провести въ горахъ хотя бы только одинъ день, понаблюдать за жизнью обитателей этихъ уединенныхъ степей и горъ, походить по нимъ и поохотиться; но эти желанія нисколько не мѣшали только тащиться по большой дорогѣ, не уклоняясь отъ ея протертой колеи почти ни на шагъ. Я не могъ уѣзжать въ сторону рысью и потомъ рысью же догонять караванъ; это невозможно, когда имѣешь только одну лошадь, которая взята на разстояніе болѣе двухъ тысячъ верстъ: ее приходится беречь, чтобъ она не отказалась везти; вовторыхъ, совсѣмъ одному и не безопасно уѣзжать,—можно и потеряться, и лошадь упустить, да и мало ли что можетъ случиться, что поставитъ въ безысходное положеніе: въ пустынѣ это не трудно.

И такъ, сегодня пришлось отъ всего отказаться по случаю бушевавшаго вѣтра, порывы котораго временами, казалось, готовы были опрокинуть телѣги и сбивали лошадей въ сторону; но за то онъ избавлялъ отъ зноя. На настоящій бы здѣшній ураганъ хотѣлось посмотреть!..

Подвигаясь по ущелью и переваливъ наконецъ черезъ сказанную гряду каменистыхъ холмовъ, потомъ пройдя еще верстъ

пятнадцать, мы съ удовольствіемъ увидали передъ собою лужайку, покрытую зеленой травой и обрамленную пригорками сѣраго и красноватаго гранита: это одна изъ естественныхъ станцій въ Гоби, называемая Бэй-Цзи-Цзи-Тай. Тутъ протекаетъ ручеекъ, поддерживающій въ почвѣ влажность, благодаря которой здѣсь растетъ трава; а дальше, разливаясь по ровному лугу, онъ образуетъ небольшое болотце. И ни одинъ караванъ не пройдетъ мимо этого мѣста безъ того, чтобъ не остановиться здѣсь, если не на ночлегъ, то хоть на время, чтобъ покормить своихъ животныхъ. Мы застали здѣсь отдохавшій казенный транспортъ, состоявшій изъ большаго числа телѣгъ, нагруженныхъ хлѣбомъ, отправляемыхъ въ Хами. Зеленый клочокъ каменистой пустыни ожилъ, подобно базарной площади въ праздникъ, и, подобно ей, пестрѣлъ людьми, животными, телѣгами и разными цвѣтами одежды, сѣделъ и другихъ предметовъ. Даже нашимъ извозчикамъ позволено было остановиться здѣсь—покормить своихъ муловъ, ибо прошлою ночью вѣтеръ выдулъ изъ ихъ кормушекъ почти весь, и безъ того скудный, кормъ.

Во время этого привала я прошелъ съ ружьемъ въ ближайшіе пригорки поискать куропатовъ *), голоса которыхъ я слышалъ сегодня нѣсколько разъ, и вскорѣ дѣйствительно попалъ на стадо штукъ въ пятнадцать. Онѣ, по обыкновенію, не взлетѣли, потому что летаютъ тяжело и неохотно, а, завидѣвъ меня, стали спасаться бѣгствомъ, но спаслись очень неудачно, потому что шесть штукъ остались на мѣстѣ жертвами одного счастливаго выстрѣла. Казакъ Степановъ убилъ въ другомъ мѣстѣ и принесъ мнѣ обыкновеннаго куличка (*Totanus glareola*).

Проведя съ часъ въ этой ложбинѣ, отправились дальше и сначала ѣхали по сухому руслу весенняго или дождеваго потока, а вскорѣ потомъ вышли опять на равнину, покрытую низкими кустиками сѣраго колючаго кустарника, — однообразную и, какъ казалось глазу, безконечную: горизонта ея не было видно, потому что она вдали переходила въ огромныя обманчивыя озера или болота, поросшія, представлялось, высокимъ камышомъ. И цѣлый-то день ѣхали мы, не вида ничего, кромѣ равнины и миражей: цѣлый день надѣдалъ намъ сильный сухой вѣтеръ, который стихъ только въ вечеру, когда мы достигли края равнины.

* *Saccabis magna* Przew.

Этотъ край круто спускается здѣсь въ обширный логъ или къ другой подобной же равнинѣ, только лежащей значительно ниже первой, такъ что обѣ эти площади представляютъ какъ бы двѣ ступени одной необозримо большой лѣстницы, или берегъ и дно изсохшей рѣки... Внизу, за крутымъ уступомъ, увидали полуразрушенныя стѣны крошечнаго домика близъ ручья, называемаго По-Цзы-Цуань. Около него двигались лошади и люди, прѣбывавшіе раньше; вблизи отъ насъ стали порхать мелкія пташки, вѣстники близкой воды, а слѣдовательно стоянки и ночлега. Показался и дымокъ костра,—значить тутъ остановились почевать. Скоро всѣ были въ сборѣ, и лагерь расположился на покой; а мы съ Матусовскимъ не могли нарадоваться тому, что стали наконецъ останавливаться до ночи, и, прибывъ свои дѣла, весело бесѣдовали о „Прогрессѣ въ мірѣ животныхъ“ (сочиненіе Катрфажа).

Вскорѣ сѣло солнце, вѣтеръ стихъ и наступилъ превосходный вечеръ. Я заигралъ на гармоникѣ и собралъ около себя и казаковъ, и китайцевъ—солдатъ, извозчиковъ и мандариновъ, и какъ ни плоха была игра, но ее всѣ слушали съ видимымъ удовольствіемъ, и всякій просилъ сыграть свое. Мандариновъ же очень радовала китайская пѣсенка, извѣстная подъ названіемъ „Двѣнадцать цвѣтовъ“.

Даже Го пришелъ. Онъ былъ ужасно нелюдимъ, и мы почти никогда и нигдѣ не видали его, — все сидитъ въ своей телѣгѣ. А другіе два, Чжу и Пинъ, были люди весьма симпатичные,—веселые, скромные и вѣжливые. Мы за дорогу подружились съ ними, насколько можно подружиться съ людьми, почти не зная языка другъ друга. Они привыкли къ нашимъ обычаямъ и держали себя гораздо свободнѣе и проще, чѣмъ со своими соотечественниками; часто приходили и къ намъ съ Матусовскимъ, ѣли и пили съ нами по товарищески, а не отказывались изъ всѣхъ силъ, какъ это дѣлается между китайцами на основаніи общепринятыхъ правилъ вѣжливости... Нельзя было не замѣтить ихъ добрыхъ отношеній и съ низшими себя: хотя они имѣли довольно высокія чины, но держали себя съ солдатами и извозчиками совершенно просто, ни мало не важничали, никогда не кричали на нихъ, не только не прибѣгали къ нагайкѣ или нижнимъ конечностямъ, какъ это еще дѣлается иногда въ предѣлахъ Азіи, нерѣдко проникая изъ Европы.

Когда стемнѣло, мы пригласили ихъ въ палатку и съ грѣхомъ пополамъ, при помощи нашего казака-переводчика, поддерживали бесѣду; они предавались мечтамъ о томъ, какъ, если разбогатыютъ, закупятъ китайскихъ вещей и прїѣдутъ съ ними въ Россію; какъ будутъ рады увидѣться съ нами, посмотрѣть на нашу страну и „нашъ Пекинъ“, то-есть Петербургъ; но это были, разумѣется, однѣ мечты... Спрашиваемъ разъ, что, если бы явилась возможность прислать имъ что-нибудь изъ Россіи, чего бы они желали по преимуществу? — Имъ нравилось все, и они затруднялись въ выборѣ; но остановились оба на нашемъ платьѣ, то-есть собственно на сукнѣ и драпѣ... Ужъ, конечно, не покрой понравился китайцамъ!

Когда уже совсѣмъ стемнѣло, они ушли въ свои телѣги—знакомыя читателю „лежанки“, служившія имъ спальнями, устроенныя довольно комфортабельно и, конечно, своеобразно. Мнѣ чрезвычайно хотѣлось срисовать внутренность одной изъ нихъ, какъ весьма интересную картинку изъ путешествія китайскаго мандарина; но такъ и не удалось... Только не вслѣдствіе моей лѣности, а оттого, что сегодня вѣтеръ мѣшаетъ, завтра и получаса времени нѣтъ. Да и вообще рисованью я могъ предаваться только когда никакого другаго дѣла не было.

20 августа.

Вотъ уже седьмой день нашего движенія чрезъ пустыню. Ѣдемъ мы то по сухимъ и безплоднымъ мѣстамъ, то степями, покрытыми корявымъ кустарникомъ саксаула и другими собственными этой мѣстности растеніями. Сегодня встрѣтилось даже нѣсколько небольшихъ и обломанныхъ деревьевъ разнолиснаго тополя (у-тунъ-шу, *Populus diversifolia*); а рядомъ съ ними стояли пни такихъ же деревьевъ, — слѣды бывшей здѣсь когда-то небольшой роицы. Сегодня въ пустынѣ появлялись и живыя существа: надъ нами пролетѣлъ воронъ и въ сторонѣ видѣли носившееся стадо дикихъ голубей; по временамъ встрѣчались стаи мелкихъ пташекъ и такъ-называемыхъ пустынниковъ или бульдюковъ (*Syrhaptus paradoxus* Pall.); а по землѣ часто перебѣгали ящерицы двухъ сортовъ.

Но мѣстность скучна и утомительна своимъ однообразіемъ; еще развлекаетъ немного обманщица надежда, что вотъ, за новымъ поворотомъ, подъемомъ или спускомъ, переѣмнится однообразная картина сѣрыхъ безжизненныхъ холмовъ и передъ нами

явится какой-нибудь новый предмет. Но обыкновенно много времени проходило въ напрасномъ ожиданіи чего-нибудь, на чемъ бы могъ отдохнуть глазъ.

Сегодня такимъ новымъ предметомъ явилась на сѣверѣ едва видимая въ туманной дали отдѣльная гора, возвышающаяся надъ горизонтомъ пустыни и въ верхней части покрытая снѣгомъ. Эта вершина сразу приковала къ себѣ наше вниманіе и сдѣлалась предметомъ разговоровъ. Бывшіе съ нами китайцы не знали ея названія, но она не могла быть ничѣмъ инымъ, какъ крайнимъ отрогомъ хребта Небесныхъ Горъ. Хотя горы вообще и обманываютъ глазъ, представляясь ближе, чѣмъ на самомъ дѣлѣ, но до нея и казалось еще безконечно далеко.

Другіе предметы, которые могли служить развлеченіемъ, впрочемъ невеселымъ, были трупы верблюдовъ, валявшіеся на дорогѣ и наводившіе на грустныя мысли о тяжкихъ предсмертныхъ страданіяхъ этихъ несчастныхъ животныхъ, брошенныхъ потому, что они не въ силахъ были слѣдовать за караваномъ.

Господи, какъ скучно, утомительно и жарко!... Не перестающій вѣтеръ хотя и прохлаждаетъ нѣсколько, но самъ надѣдаетъ ужасно; дѣлать ничего нельзя и только куришь отъ нечего дѣлать, да ждешь съ нетерпѣніемъ конца перехода. Отъ этого желанія скорѣе добраться до мѣста стоянки, въ каждой перемѣнѣ мѣстности стараешься угадать близость присутствія воды, а слѣдовательно мѣсто ночлега; но обманываешься, опять ждешь и опять ошибаешься! Сойдешь съ лошади и пройдеши нѣкоторое пространство пѣшкомъ; то растянешься на горячей землѣ и полежишь, расправляя усталую спину и ноги, и задумаешься надъ тѣмъ, что вѣдь могло совсѣмъ не быть скучно, — было бы еще очень весело. Но, скорѣе встанешь и опять въ сѣдло; въ сѣдлѣ другія думы: дай только, Господи, живымъ до родины добраться, въ предѣлы отечества, подъ сѣнь закона, подъ защиту разумной власти и общественнаго суда.

И долго еще тащились мы, пока наконецъ достигли мѣста ночлега, у ключа У-тунъ-о-цзы, гдѣ расположился, кромѣ нашего, еще другой транспортъ.

Среди безконечной и безлюдной степи, въ небольшой ложбинѣ протекаетъ бѣдненькій ручеекъ; вблизи этого ручья стояло болѣе ста телѣгъ и разсѣялось соотвѣтственное имъ количество людей и животныхъ; и всѣхъ ихъ угостилъ и оживилъ ручей; но чистая и прозрачная вода этого источника, какъ должно думать,

нерѣдко дѣлалась причиною смерти бѣдныхъ верблюдовъ, измученныхъ жаждой и приходившихъ къ нему утолить ее:—вѣроятно, напившись не въ мѣру, они тутъ же и издыхали; иначе чѣмъ объяснить, что вдоль русла, по которому бѣжалъ нѣсколькими тоненькими рукавами ручей, лежало нѣсколько павшихъ верблюдовъ, такъ что вода омывала ихъ; развѣ только, что они приходили сюда едва живыми, дѣлая въ предсмертныхъ мукахъ послѣдніе шаги къ источнику жизни, но когда было уже слишкомъ поздно.

Возлѣ ручья стоятъ рядъ довольно большихъ, но засохшихъ вязывъ (юй-шу); они засохли, потому что люди не пощадили этихъ сиротъ-деревьевъ,—безжалостно содрали съ нихъ кору и обожгли даже самые стволы, разводя подъ ними костры... Это ужъ не похоже на китайцевъ, которые вообще любятъ деревья и берегутъ ихъ; впрочемъ, тутъ и не одни китайцы пробѣзжаютъ, и не всѣ китайцы одинаковы.

Наступила ночь, но не свѣжая, какія стояли въ послѣдніе дни, а теплая и даже душная. Постели наши такъ прогрѣлись за день на солнцѣ, что долгое время не могли остыть; и эта неприятная теплота разгоняла сонъ; а отъ ключа опять доносился тяжелый сѣрный запахъ.

21 августа.

Всѣ поднялись сегодня до восхода солнца, потому что сегодня, говорятъ, нужно пройти 70 верстъ, такъ какъ ближе будто бы воды нѣтъ... Когда нѣтъ воды, это другое дѣло, а то пожалуй и ближе есть, да мы мимо колодца пройдемъ. На что же у насъ начальникъ!...

Живо собравшись и напившись наскоро чаю, отправились. Дорога идетъ по скучной безпредѣльной равнинѣ, усыпанной галькой, крупнымъ пескомъ и иногда очень красивыми обломками разнообразныхъ каменныхъ породъ; въ общемъ же почва имѣетъ желтовато-сѣрый цвѣтъ. День съ утра пасмурный, съ вѣтромъ; потомъ выглянуло изъ-за тучъ солнце и стало неумоимо печь своими лучами всѣхъ, кто не былъ укрытъ отъ послѣднихъ въ тѣни, а ѣхалъ верхомъ; на животныхъ же, тащившихъ подъ этимъ зноемъ телѣги по убійственной дорогѣ, усыпанной острыми камнями, невозможно было смотрѣть безъ содроганія.

Пустыня сегодня особенно однообразна и похожа на безбрежное море, такъ что въ теченіе цѣлаго дня почти безостановоч-

наго движенія кругомъ насъ ничто не перемѣнилось, и мнѣ часто казалось, что мы ни одной версты не отъѣхали отъ ночлега, что мы вовсе не двигаемся впередъ, а стоимъ на одномъ мѣстѣ. Только та гора, что появилась вчера въ сѣверной части горизонта, стала ближе къ намъ и яснѣе обрисовывалась; теперь на ней уже можно было различать отдѣльныя возвышенности, углубленія и снѣжныя поляны...

Большой путь описало по небу солнце, цѣлыхъ двѣнадцать часовъ находились мы въ движеніи, и одинъ изъ солдатъ сообщилъ, что до ночлега остается только 15 или 20 ли... Хорошо „только“! Это значить еще сидѣть на лошади часа два или три; а тутъ еще лошадь захромала, оттого что у нея сломалась подкова; и, сберегая ее, я сегодня много прошелъ пѣшкомъ по осыпанной каменистой дорогѣ.

Поверхность земли въ здѣшнихъ мѣстахъ почти лишена какой бы то ни было растительности и кажется почти черною и блестящею отъ цвѣта и свойства преобладающихъ мелкихъ покрывающихъ ее камешковъ. Послѣдніе можно сравнить по формѣ и преобладающей величинѣ съ черными бобами, только не съ гладкою поверхностью, а какъ бы источенною червячками.

— Вотъ у этой горы будемъ ночевать, сказалъ одинъ конвойный, указывая впередъ на длинный, невысокій пригорокъ, до котораго казалось недалеко; но мы уже знали, какъ равнины обманываютъ глазъ.

Транспортъ, сначала виднѣвшійся далеко впереди насъ, исчезъ въ волшебныхъ водахъ миража, такъ что на время мы забыли и о немъ, и объ остальной компаніи; забыли даже о ночлегѣ и автоматически, шагъ за шагомъ, подвигались впередъ. И вдругъ, около заката солнца, неожиданно увидали передъ собою съ небольшого возвышенія открывшуюся передъ нами ложбину, покрытую богатой травой; въ ней мелькнуло зеленое дерево; потомъ нѣсколько другихъ и тутъ же рядомъ довольно густой вустарникъ... Я даже не сразу повѣрилъ глазамъ... Да! Надо такъ же долго ѣхать, какъ мы сегодня, по такой же безотрадной опаленной землѣ, какая весь нынѣшній день тянулась передъ нашими глазами, чтобы такъ обрадоваться зелени, какъ обрадовались ей мы.

Проѣхавъ еще небольшое разстояніе такой же голой каменистой почвы, мы круто спустились въ упомянутую ложбину и сразу очутились точно въ садахъ Семирамиды. Этотъ маленькій оазисъ,

образовавшийся вдоль протекающего тут ручья Эр-Гоу и окаймленный съ двухъ сторонъ возвышенностями, какъ бы берегами, тянется на сѣверо-востокъ къ поднимающимся тамъ пригоркамъ, а въ противоположной сторонѣ переходитъ въ гладкую степь, синѣющую на горизонтѣ, подобно морю.

Жизнь въ этомъ хорошенькомъ уголкѣ выражается не одною только растительностью: тутъ стоитъ и человѣческое жилище въ видѣ единственной избушки или мазанки, въ которой живутъ два китайца, — отецъ и сынъ... Вотъ это монастырь, подумалъ я и спѣшилъ посмотрѣть на этихъ интересныхъ жителей пустыни, точно ожидалъ найти въ нихъ что-нибудь невиданное. Вскорѣ, впрочемъ, они сами явились къ намъ и принесли до десятка арбузовъ и дынь, къ сожалѣнiю плохихъ. Отшельникъ-китаецъ продалъ ихъ по 160 чохъ (около 16 коп.) за каждый. Я спросилъ его: зачѣмъ поселился онъ тутъ, въ такомъ страшномъ уединенiи? добровольно, или по найму, или сосланъ? Оказалось, что здѣсь позволяетъ бесплатно пользоваться землей, — вотъ онъ и поселился... Жизнь тяжкая, но не лишенная прелести; и я бы тутъ денъка два пожилъ съ ними.

Вечеръ былъ очаровательный; а раздававшiяся въ тихомъ и влажномъ воздухѣ мелодичныя трели кузнечиковъ, напомнившiя мнѣ долины южнаго берега Крыма, придавали ему еще болѣе прелести.

Пройденныя мертвыя пространства забыты; усталость прошла, и мысли уже забѣгаютъ впередъ, въ Хами, до котораго остаются только три перехода; а оттуда, по нашему расчету, мѣсяць до границы родной земли...

22 августа.

Утро великолѣпное! Но солнце ужъ такъ грѣетъ, что доводитъ до изнеможенiя и досады; и теперь жалѣешь, что нѣтъ вѣтра, при которомъ зной не чувствителенъ.

Пока собирались въ дорогу, я прошелъ къ ручью, совершенно скрытому въ густой зелени растений, одѣвающихъ его берега, такъ что издали его совсѣмъ не видать, хотя онъ имѣетъ ширины сажени полторы; кусты шиповника, обвитые вѣтвями повиликъ, мита, желтые одуванчики, нѣкоторые бобовыя и другiя растенiя покрывали его берега и спускались къ самой водѣ, которая быстро неслась по его неглубокому каменистому дну. И сюда,

въ эту убранную зеленью и цвѣтами могилу, приходятъ несчастные верблюды,—напиться въ послѣдній разъ и умереть: я насчиталъ здѣсь шестнадцать труповъ ихъ и они всѣ лежали вблизи ручья.

Уѣхали. И не больше, какъ послѣ нѣсколькихъ минутъ движенія, мы опять увидали себя посреди утомительной, такой же безотрадной, какъ вчера, пустыни. Только теперь она не кажется намъ безконечной и не производитъ прежняго гнетущаго впечатлѣнія, потому что теперь передъ нами тянется на горизонтѣ града высокихъ пригорковъ, которые всегда сулятъ что-нибудь путнику и гонять прочь скуку, навѣваемую однообразіемъ.

Дѣйствительно, послѣ двухъ часовъ движенія мы увидали показавшуюся изъ-за холмиковъ небольшую, но густую рощицу высокихъ серебристыхъ тополей... Зеленая роща?! въ такой пустынѣ! Вѣдь это—сонъ на яву... Приближаемся къ ней, вѣзжаемъ въ ея прохладную тѣнь, и сойдя съ лошадей, ступаемъ на землю, одѣтую мягкой травой... Что за прелестный уголокъ!

И опять читатель можетъ подумать, не сонъ ли рассказываю я... Нѣтъ, тутъ все живое, настоящее; и эти прекрасныя деревья, и эти два журчащихъ ручья; волнующіяся поля послѣвшей пшеницы, обсаженныя кустами шиповника и деревьями серебристой житиды; роскошныя бахчи съ арбузами и дынями, и этотъ полуразвалившійся глиняный домикъ, пріютившійся тутъ, какъ сказочная избушка на курьихъ ножкахъ,—все это есть въ дѣйствительности.

Тутъ живутъ три китайца, и одинъ изъ нихъ, добродушнѣйшій старикашка на видъ, встрѣчаетъ насъ и тоже, чай, думаетъ,—не во снѣ ли видитъ онъ небывалыхъ людей въ невиданномъ платьѣ. Онъ кланяется въ землю и, вставъ, подноситъ нѣсколько дынь. Мы приняли даръ, велѣли казаку заплатить за нихъ по вчерашней цѣнѣ, и старикъ остался вполне доволенъ.

Мы съ Матусовскимъ остановились въ рощѣ; другіе же спутники просто удивили меня, когда я увидаль, что они даже не вышли изъ телѣгъ; только купили дынь и арбузовъ и немедленно поѣхали дальше... Это—стоицизмъ, достойный лучшаго назначенія... Впрочемъ тамъ были не всѣ господа: были рабы, которые навѣрно зашли бы сюда посидѣть, да не смѣли. И на насъ Соновскій поглядывалъ своимъ гнѣвнымъ, постоянно бѣгающимъ взглядомъ; да не успѣлъ придумать законнаго основанія, чтобъ запретить намъ останавливаться.

Посмотрѣвъ имъ вслѣдъ и прогнавъ отъ себя мысли, которыя жевольно лѣзали въ голову, я прошелъ на бахчи, скрытыя въ тѣни высокихъ тополей, которые окружали ихъ со всѣхъ сторонъ; и мнѣ такъ понравился этотъ крошечный роскошный мірокъ, что уходить отсюда не хотѣлось.

Вдругъ до меня доносится запахъ разлагающагося трупа, и я увидалъ издохшаго верблюда, который лежалъ подъ кустами, лишь въ нѣсколькихъ шагахъ за избушкой. Но сосѣдство его, повидимому, нѣсколько не беспокоило ея мирныхъ обитателей; а еслибъ они и желали отъ него избавиться, то спрашивается, какими средствами могутъ три человѣка оттащить такую тяжесть или зарыть такую громадную штуку, какъ верблюдъ? Только эти обитатели пустыни, какъ и слѣдовало ожидать,—народъ неизбалованный; а потому они благодарили судьбу за ниспосланный даръ и, если не сами привели умирающаго верблюда къ своей избушкѣ, то были очень рады этой случайности, потому что онъ служилъ для нихъ богатымъ складомъ провизіи на долгое время!... Во многихъ мѣстахъ, на вѣтвяхъ кустарника и протянутыхъ веревочкахъ были развѣшаны длинныя и тонкіе куски вырѣзаннаго изъ верблюда мяса и провяливались на солнцѣ... Некрасиво, неприятно смотрѣть,—а бранить ихъ за то „подлецами“, какъ это сдѣлалъ благочестивый казакъ,—не за что: вѣдь ужъ, конечно, не отъ роскоши ѣдятъ они мясо павшаго животнаго.

Но какая оригинальная жизнь этихъ трехъ человѣкъ, и съ какимъ наслажденіемъ я поставилъ бы себѣ въ этой рощѣ палатку и пожилъ съ недѣлку... Жить, относительно говоря, среди полнаго довольства и видѣть передъ собою такую голую пустыню, наблюдать за смѣняющимися въ ней явленіями,—въ высокой степени интересно. Но долгое время такъ-называемому культурному человѣку тутъ не выжить: душа запроситъ того, чего Гоби дать не можетъ...

Окинувъ взглядомъ еще разъ этотъ полусказочный пріютъ, я замѣтилъ на вершинѣ голой каменистой горы, у подножія которой лежитъ описанный клочокъ плодородной земли, развалины мусульманскаго храма (гумбаръ), а внизу, въ рощѣ, рядомъ съ миниатюрными полями и бахчами, въ тѣни пирамидальныхъ тополей находились другія развалины китайскаго храма Эръ-Гоу-Мяо.

Опять оригинальное явленіе: два храма рядомъ, въ пустынномъ, какъ море, пространствѣ... Для чего они построены здѣсь? по чьей мысли? когда? Кто приходитъ въ нихъ молиться? Или

они служатъ станціей, пріютомъ для путниковъ?... Никто ничего не знаетъ... Теперь эти развалины храмовъ двухъ враждебныхъ націй — мусульманской и китайской — являлись краснорѣчивой эмблемой настоящаго этихъ самихъ враговъ: стоять они рядомъ, оба поруганные, оба разрушенные и какъ бы спрашивающіе другъ друга: зачѣмъ мы ссорились, зачѣмъ пролили столько крови и разоряли одинъ другаго? что вышло изъ всего, кромѣ нашего общаго бѣдствія?.. Дѣйствительно, китайцы истребили мусульманъ, мусульмане уничтожили китайцевъ,—вотъ и весь результатъ долгой войны послѣдняго времени, по крайней мѣрѣ теперь другаго еще не видно... Значить и Гоби была театромъ кровопролитій.

Милое видѣніе исчезло... Снова потянулась суровая каменистая пустыня, однообразная и совершенно безжизненная, потянулась на такія пространства, какихъ я до того еще не встрѣчалъ въ пройденной части Гоби.

Тутъ совершенно сухая глинистая почва сплошь усѣяна темно-сѣрой галькой, за исключеніемъ небольшихъ прогалинъ и неправильныхъ полосъ, какъ бы въ родѣ протоптанныхъ тропинокъ; и на всемъ доступномъ для глаза пространствѣ, кромѣ этой, сіяющей подъ солнечными лучами, гальки, да самыхъ рѣдкихъ кустиковъ травы, которую видишь только при внимательномъ разсматриваніи,—ничего больше нѣтъ... За то сколько обмановъ для зрѣнія! Куда ни поглядишь—миражи всюду; вездѣ на горизонтѣ блестятъ какъ будто зеркальныя поверхности озеръ съ берегами, поросшими травою. Но, говорю, эти миражи очень мало занимательны... Гораздо интереснѣе гора, что третьяго дня появилась на горизонтѣ — она по крайней мѣрѣ не фальшивая. Мы постепенно приближаемся къ ней, но не часами, а днями, и теперь за ней показалась града болѣе отдаленныхъ и также покрытыхъ снѣгомъ горъ... Это, конечно, Тянь-Шань.

Долго ѣхали мы среди описанной обстановки и, судя по времени и разстоянію, о какомъ говорили китайцы, намъ ужъ пора бы придти на ночлегъ, а мы еще не видимъ даже никакого признака близости воды: передъ нами все та же блестящая каменная гладь, сливающаяся вдали съ гладью кажущихся озеръ. Можетъ-быть, въ ихъ-то фальшивомъ блескѣ, думалъ я, и скрывается отъ нашихъ глазъ желанный пріютъ. Ждемъ, надѣмся и ѣдемъ. Вотъ скрылось за горизонтъ солнце; и интересно наблюдать, какъ всѣ волшебныя воды, мгновенно, словно по командѣ,

исчезаютъ съ горизонта, открывая дѣйствительность. Но, увы,—исчезли миражи, а съ ними, какъ миражъ, пропала и надежда на близкій ночлегъ; открывшаяся дѣйствительность представляла все ту же безжизненную равнину, по которой еще далеко-далеко впереди ѣхали люди нашего каравана, и за ними не было видно ровно никакого признака ночлега...

Только ужъ въ сумеркахъ добрались, наконецъ, до края этого мозаичнаго паркета, и онъ рѣзко смѣнился песками, въ которые теперь вошла дорога; и хотя сухіе пески не имѣютъ въ себѣ ничего привлекательнаго, я и имъ обрадовался: они все-таки представляли холмы, поросшіе тростникомъ и сѣрымъ колючимъ кустарникомъ; дорога все-таки извивалась между ними и позволяла надѣяться, что вотъ за поворотомъ откроется что-нибудь новое, предвѣщающее мѣсто ночлега и отдыхъ.

Дѣйствительно, вскорѣ перелетѣли съ мѣста на мѣсто три маленькихъ птички,—а раньше ихъ не встрѣчалось ни одной, никакой породы; сквозь тростникъ мелькнуло дерево, пески скоро кончились, и за ними открылась небольшая зеленая площадка, съ развалинами станціоннаго дома или кумирни,—теперь трудно угадать,—только зданіе было довольно большое, помѣстительное.

У насъ, уже опытныхъ степняковъ, не остается никакого сомнѣнія, что тутъ вблизи находится вода, и пришедшіе раньше насъ спутники, думаемъ себѣ, расположились непременно гдѣ-нибудь здѣсь на ночлегъ; что мы только не видимъ ихъ. Ёдемъ дальше; встрѣчаемъ еще развалины двухъ домиковъ; на землѣ видны ясные слѣды недавно стоявшаго здѣсь каравана, въ видѣ вытопанной и выжженной травы, походныхъ печей (сложенныхъ всего изъ трехъ камней) и т. п. Вотъ, слава Богу, увидели и двоихъ изъ нашихъ конвойныхъ солдатъ.

Но они стоятъ въ бездѣйствіи; ихъ лошади не разсѣдланы, и пикъ они держатъ въ рукахъ... Отчего это? Отчего же не видно ни другихъ людей, ни телѣгъ, ни выпряженныхъ животныхъ?

Я отсталъ и ѣхалъ въ это время совсѣмъ одинъ, такъ что получить объясненіе было не отъ кого. Тороплю лошадь, чтобы скорѣе доѣхать и спросить,—неужели же всѣ уѣхали дальше? Подъѣзжаю къ упомянутымъ домикамъ; вижу, у одного сидитъ Матусовскій; возлѣ стоятъ нашъ казакъ и два китайскихъ солдата.

— Ну, скорѣе! Не дожدهшься васъ! кричитъ мнѣ сердитымъ голосомъ товарищъ.

— А что случилось? Пожаръ гдѣ?

— Нѣтъ, пожара еще нѣту; а вотъ поѣшьте арбуза, да скорѣе поѣдете: нашъ „учено-торговый“ нашель, что сегодня мало проѣхали; поэтому оказалось, что въ здѣшнемъ колодецѣ вода нехороша... И всѣ уѣхали дальше, на слѣдующій; а далеко ли до него, никто положительно не знаетъ; нѣкоторые говорятъ даже, за пятьдесятъ ли отсюда; но это вѣроятно съ досады или въ насмѣшку надъ нашимъ остроуміемъ...

Я сначала думалъ, что Матусовскій шутить, но скоро долженъ былъ повѣрить, что онъ говорилъ правду... Тогда мнѣ захотѣлось убѣдиться, дѣйствительно ли дурная вода здѣшняго колодца заставила Сосновскаго уѣхать отсюда, несмотря на наступавшую ночь, и тащиться еще неизвѣстно сколько, въ потьмахъ, на измученныхъ животныхъ, работавшихъ уже двѣнадцать часовъ безъ отдыха. И какъ работавшихъ, по какому щецню и глубокимъ пескамъ тащившихъ тяжелые возы!.. Должно-быть совсѣмъ негодная вода, — интересно видѣть.

Колодезь находится тутъ же въ нѣсколькихъ шагахъ; онъ оказывается великъ, какъ ни одинъ изъ всѣхъ, видѣнныхъ до сихъ поръ въ Гоби, — богатъ водой и даже обложенъ внутри деревомъ, что я встрѣтилъ здѣсь также въ первый разъ... И ужъ одно это обстоятельство доказывало, что вода здѣсь не должна быть плохая; — иначе зачѣмъ стали бы такъ заботиться объ этомъ колодецѣ, когда къ другимъ не было приложено ни малѣйшаго труда. Досталъ воды и выпилъ; она оказалась чистой, холодной, безъ малѣйшей примѣси соли и имѣла только сѣрный запахъ, впрочемъ гораздо менѣе, чѣмъ у той воды, какую намъ не разъ доводилось пить раньше...

Итакъ, значить, совсѣмъ не вода была виновницею стремленія впередъ, а какія-нибудь другія соображенія. Но, такъ или иначе, а намъ ничего другаго не оставалось, какъ садиться опять на лошадей и пускаться въ дальнѣйшій путь, послѣ двѣнадцати часовъ (!), да проведенныхъ въ сѣдлѣ, а не на мягкомъ матрацѣ; на открытомъ солнцѣ, а не въ тѣни удобной телѣги; голодными, а не посреди китайскихъ закусокъ... Это далеко не одно и то же.

Большая часть нашего транспорта была еще позади, и когда мы собирались тронуться въ путь, подъѣхала одна изъ телѣгъ... Извозчикъ и мулы, вовсе не подозрѣвавшіе, какое разочарованіе ожидало ихъ, торопились скорѣе добраться до насъ и съ видимымъ удовольствіемъ сворачивали съ дороги на площадку, гдѣ находился колодезь. Извозчикъ весело покрикивалъ на своихъ

бѣдныхъ, исхудавшихъ муловъ, ободряя ихъ словами: „немножко, немножко, еще два шага!“ Тѣ какъ будто понимали его слова и напрягали послѣднія силы, чтобы сдѣлать эти послѣдніе два шага и потомъ валиться на травѣ, пить, ѣсть и спать.

Скрѣпя сердце, мы сказали ему, что надо идти дальше, до слѣдующаго колодца, что всѣ ужъ уѣхали... И невозможно было остаться равнодушнымъ при видѣ происшедшей въ немъ при этихъ словахъ переменѣ... И все это къ сожалѣнію не сказка и не тяжелый сонъ.

Тронулись мы; пошелъ за нами, потупя голову, и этотъ подневольный человѣкъ, посылая намъ проклятія; потащили бѣдныя твари свой тяжелый возъ, теперь по глубокому песку; заходилъ и захопалъ по ихъ худымъ спинамъ бичъ; но, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, они останавливались отдыхать; потомъ опять нѣсколько шаговъ и опять отдыхъ... Телѣга скоро отстала отъ насъ и мы, слава Богу, перестали слышать удары кнута и крики извозчика, уставшаго и махать имъ, и кричать.

Настала ночь, къ нашему счастью тихая и не слишкомъ темная, такъ что дорогу, хотя и съ трудомъ, можно было различать. Мы ѣхали другъ за другомъ, въ состояніи какой-то мучительной дремоты, и молчали, потому что было не до разговоровъ! И душа и тѣло такъ устали, что буквально ни о чемъ не можешь думать, кромѣ вопросовъ: да для чего же все это нужно?... Кому мы жертвы приносимъ и какой ихъ смыслъ? И нами овладѣвали досада, грусть и почти отчаяніе.

Долго плелись мы ночью по пескамъ въ такомъ состояніи; наконецъ, мелькнулъ огонь нѣсколько въ сторонѣ отъ дороги, и, проѣхавъ еще версты три, четыре, мы услышали голоса и фырканье лошадей, доносившіеся изъ лагеря,—а потомъ увидали группы людей, освѣщенныхъ яркимъ свѣтомъ костровъ, и подѣхали къ нимъ. Здѣсь одни ужинали, другіе только варили свою убогую пищу; но, какъ я сказалъ, еще далеко не всѣ были въ сборѣ;—большинство телѣгъ еще не пришло, а еще Богъ знаетъ гдѣ тащились онѣ позади.

Едва утоливъ мучившую насъ жажду, мы съ Матусовскимъ, за отсутствіемъ нашихъ постелей, улеглись на голомъ пескѣ... Но всякія физическія лишенія были для насъ сущимъ вздоромъ, и мы все перенесли бы смѣясь, если бы душа такъ не страдала и за погубленное дѣло, и за ѣхавшихъ съ нами людей и животныхъ.

Собрались, наконецъ, всѣ, и измученные игощики, воря и проклиная свою судьбу, выпрягали муловъ, вели ихъ поить и потомъ отпускали на свободу, ѣсть. Но вода была уже вычерпана изъ скуднаго колодца вся, и приходилось долго ождать, пока она наберется; но здѣсь не находилось корма... А вѣдь на покинутой стоянкѣ все, что нужно, было: тамъ ѣдащіе этой дорогой и останавливаются.

Тотъ колодезь называется Кэ-Да-Тинъ-Цзы; а этотъ, у котораго мы провели нынѣшнюю ночь, носить названіе Да-Чуанъ-Танъ.

23 августа.

Сегодня, наконецъ, приѣзжаемъ въ Хами, до котораго намъ такъ хотѣлось „добраться“, лишь потому, конечно, что послѣ него остается проѣхать только два китайскихъ города, а третій будетъ уже русскій. Но, скоро только сказка говорится... Еще дойдемъ ли до этого русскаго города?!

Наступило утро, тихое, сѣренькое; въ природѣ было такъ покойно и хорошо; перепали рѣдкія капли дожда, а въ горахъ, которыя видѣлись въ туманѣ, въ нѣсколькихъ мѣстахъ шелъ, должно-быть, проливной дождь. Тронулись въ путь, и теперь дорога шла не по битому, какъ щебень, камню и не по пескамъ, а дугами съ густой и высокой травой; и воздухъ былъ иной,— въ немъ слышался запахъ, напомнившій мнѣ наши поля; и теперь, съ приближеніемъ къ родинѣ, всякое воспоминаніе о ней становилось еще отраднѣе...

Проѣхали верстъ десять, и въ сторонѣ показались развалины одного селенія (Хуанъ-Лу-Ганъ), потомъ верстъ черезъ пять—другаго (И-Ко-Шоу); и теперь и ихъ приятно было видѣть, хотя это были однѣ развалины; около нихъ, однако, бродили лошади, скрытыя по самый животъ въ густой травѣ; близъ селеній росли деревья (тополь, джигда, ива). Вѣроятно, обгорѣвъ во время общаго пожара, они были срублены; но отъ срубленныхъ стволовъ пошли молодые, роскошные зеленые побѣги, полные свѣжести и силъ... Жизнь опять творить, а люди современемъ опять все уничтожать.

Читатель ужъ самъ догадывается, что начальнигъ теперь снова уѣхалъ впередъ; а мы съ товарищемъ ѣдемъ вдвоемъ, и когда приблизились къ послѣднему изъ названныхъ селеній, изъ него выѣхалъ высланный къ намъ на встрѣчу отрядъ китайскихъ солдатъ. Они были съ пиками въ рукахъ, одѣты въ новенькія пли-

совня курмы черного цвѣта, отдѣланныя краснымъ сукномъ, и, встрѣтивъ насъ, поѣхали сзади, а два человѣка остались впереди въ качествѣ жокаевъ.

Мы послѣдовали за ними и вскорѣ вѣхали во дворъ вновь отдѣланнаго небольшого домика; тутъ насъ встрѣчаетъ мандаринъ съ краснымъ шарикомъ на шляпѣ и тотчасъ приглашаетъ къ столу, у котораго сидѣли уже позавтракавшіе спутники. Все было приготовлено для нашей встрѣчи:—и эти солдаты и мандаринъ, и этотъ завтракъ, арбузы и дыни,—все было прислано изъ Хами и всего въ изобиліи *).

Во время завтрака въ комнату входитъ со двора незнакомый китаецъ среднихъ лѣтъ, въ шелковомъ платьѣ, съ красивымъ и умнымъ лицомъ, чистыми руками и весьма изящными манерами, по которымъ въ немъ сразу можно было угадать немаловажнаго чиновника. Насъ познакомили, и переводчикъ отрекомендовалъ намъ его, какъ главнаго представителя гражданской власти въ Хами, который также вѣхалъ встрѣтить насъ. Изъ бесѣды съ нимъ я узналъ, что онъ пріѣхалъ сюда изъ Шанъ-Хая, гдѣ былъ на службѣ; тамъ зналъ многихъ европейцевъ и познакомился съ ихъ обычаями. Хотя на его шляпѣ былъ только синій шарикъ, а на другомъ красный, то-есть генеральскій, тѣмъ не менѣе этотъ генералъ имѣлъ и видъ, и манеры, вовсе не гармонировавшіе съ его званіемъ; и я сильно подозрѣвалъ, что на него лишь надѣли чужую шляпу, только для пущей важности и, можетъ-быть, для выраженія намъ бѣльшаго почтенія. Мое подозрѣніе еще усилилось, когда онъ самъ сообщилъ, что онъ же провожалъ отъ Хами до слѣдующаго города нашего казака Павлова, ибо, еслибъ они приняли послѣдняго за офицера, то и тогда была бы слишкомъ большая честь; этого же, надо думать, не было, такъ какъ хамійскій военный начальникъ подарилъ Павлову на дорогу, какъ этотъ генералъ сообщилъ намъ здѣсь, сто рублей серебра. Итакъ, говорю, генералъ былъ сомнительнаго свойства, тѣмъ болѣе, что мнѣ было извѣстно, что у китайцевъ подобныя временныя, такъ-сказать, декоративныя повышенія въ чинахъ дѣлаются очень не рѣдко.

---

*) Завтракъ подавался въ оригинальной посудѣ, сдѣланной изъ кожи, съ виду же какъ будто деревянной лакированной. Эта дорожная посуда составляетъ специальное производство г. Си-Ань-Фу.

Изъ Хами былъ высланъ кромѣ того и экипажъ военного начальника, представлявшій, какъ всѣ китайскіе экипажи, двухколесную телѣгу, но роскошно отдѣланную и запряженную парой парой великолѣпныхъ муловъ громаднаго роста. Въ ней поѣхалъ нашъ начальникъ, а находившіеся при экипажѣ трое хорошо одѣтыхъ слугъ, въ форменныхъ шляпахъ, пошли пѣшкомъ возлѣ телѣги, или колесницы, какъ Сосновскій предпочиталъ называть ее. Оно, дѣйствительно, гораздо эффектнѣе.

Кончился оазисъ, и мы опять находимся среди голой пустыни; но теперь ужъ она не производила на насъ угнетающаго впечатлѣнія, такъ какъ мы знали, что намъ уже не далеко до ея конца и до города.

Передъ вечеромъ добрались до окраины Хамійскаго оазиса, и какой вдругъ рѣзкій и пріятный переходъ отъ страшной суши и безводья! Здѣсь, въ зеленыхъ и, какъ будто мягкихъ берегахъ, передъ нашими глазами несется многоводный прозрачный ручей, мѣстами даже разлившійся и затопившій дорогу. Надъ свѣжей зеленью вьются бабочки и порхаютъ съ веселымъ щебетаньемъ птицы; гдѣ-то пропѣлъ пѣтухъ и возвѣстилъ о близости человѣческаго жилья; вотъ показались и люди,—не проѣзжающіе только и не спѣшащіе скорѣе миновать опасныя мѣста, какъ въ пустынѣ, а живущіе тутъ. Это были жители показавшагося невдалекѣ селенія Синъ-Чуань-Цзы. Двое изъ нихъ лежали возлѣ дороги, у самаго ручья, на мягкой травѣ и бесѣдовали между собою, впрочемъ бесѣдовали о настоящихъ высокихъ цѣнахъ на все и трудности жизни.

И всѣ названные предметы, несмотря на всю ихъ обыкновенность служатъ источникомъ большаго наслажденія, хотя мы всего девять дней провели въ пустынѣ!..

Переѣхали въ бродъ ручей, за которымъ пошла мягкая, почти бѣлая почва, покрытая хорошею растительностью; миновали развалины большаго селенія Ши-Ли-Пу и расположеннаго около него, также разрушеннаго, кладбища, судя по оригинальнымъ однообразнымъ памятникамъ,—не китайскаго, слѣдовательно, —здѣшнихъ мусульманъ, потому что другихъ людей здѣсь нѣтъ.

Куда ни взглянешь, вездѣ видишь только слѣды войны въ видѣ обломковъ разрушенныхъ домовъ, и количество развалинъ свидѣтельствуетъ объ очень немалой цифрѣ исчезнувшаго населенія въ этомъ краю. А теперь песчаные ураганы уже наполнили занесли ихъ пескомъ... Вотъ и источникъ послѣдняго: мы

въѣхали въ голый песчаный островъ, боювыхъ границъ втораго не видать, а поперекъ онъ тянется верстъ на пять.

Поднявшійся вдругъ сильный вѣтеръ поднялъ песокъ и понесъ его массами, наполняя воздухъ до такой степени, что кругомъ стало темнѣе. Но мы скоро укрылись, если не отъ песку, то отъ вѣтра, вступивъ въ лабиринтъ новыхъ развалинъ, какъ будто города вакого или предмѣстья, судя по размѣрамъ разрушеннаго селенія... Это былъ, дѣйствительно, прежній городъ Хами. Но что отъ него осталось! Обломки земляныхъ оградъ, возвышенія въ родѣ батарей и башенъ, какія-то клѣтки, расположенныя рядами, да груды цѣлыхъ милліоновъ разсыпанныхъ кирпичей, или цѣликомъ свалившіяся стѣны!.. Угадать нельзя, что здѣсь было до погрома, и нельзя предположить, чтобы тутъ могла найтись хоть одна живая душа!.. Но, смотрю, въ сторонѣ пробѣжалъ одинъ совершенно голый, мальчишка лѣтъ семи, съ какимъ-то стекляннымъ пузырькомъ въ рукѣ; въ одномъ мѣстѣ между развалинами я разглядѣлъ кѣмъ-то обитаемую лачужку съ двумя маленькими окошечками, пристроенную къ уцѣлѣвшей части старой стѣны; на встрѣчу намъ пробѣжали два воза съ травой. Вотъ и всѣ признаки жизни, видѣнные здѣсь; но и тѣ, говорю, судя по обстоятельствамъ, были совсѣмъ неожиданныя.

Вскорѣ затѣмъ мы очутились передъ стѣною и воротами новаго города; это былъ собственно лагерь находящихся здѣсь китайскихъ войскъ, и его дворъ былъ биткомъ набитъ солдатами, которые при нашемъ появленіи толпились и неслись съ любопытствомъ къ намъ на встрѣчу; но здѣсь насъ тотчасъ встрѣтилъ одинъ хорошо одѣтый офицеръ въ форменной шляпѣ и провелъ на слѣдующій дворъ, куда явился нашъ спутникъ Пинъ и пригласилъ въ комнату, гдѣ и представилъ хозяевамъ.

Одинъ изъ нихъ былъ тотъ самый джентльменъ, — мандаринъ гражданской службы, съ которымъ мы познакомились сегодня утромъ, а другой, какъ намъ сказали, — адъютантъ здѣшняго военнаго начальника. Здѣсь же находились и члены нашего авангарда. Всѣ сидѣли посреди маленькой комнатки, за круглымъ столомъ, уставленнымъ разными кушаньями, но не по китайскому обычаю — въ маленькихъ фарфоровыхъ чашкахъ, а въ серебряныхъ вазахъ, поставленныхъ на серебряные же резервуары съ горячей водой... И на меня повѣяло Европой.

Здѣсь вся комната представляла какую-то смѣсь характеровъ европейскаго съ азіатскимъ: на стѣнахъ, напримѣръ, висѣли кан-

делабры китайской работы съ европейскими стеариновыми свѣчами; на столѣ между разной посудой оказалась одна русская чашка фабрики Кузнецова, какъ гласила надпись на ея доньшкѣ; тутъ были европейскія ложки, ножи и вилки: кушанья представляли тоже нѣчто полукитайское, полуевропейское. И во всемъ не столько проглядывало желаніе поддѣлаться подъ европеизмъ и щегольнуть имъ передъ нами, сколько доказывало то, что сюда проникли, вмѣстѣ съ вещами, и инныя потребности (и не въ народѣ, конечно).

Любезные хозяева просто закормили насъ обѣдомъ, арбузами и дынями. О первыхъ мы говорить не будемъ, потому что послѣ Гоби все хорошо; но о хамійскихъ дыняхъ писалось, какъ о знаменитыхъ; ихъ знаютъ во всемъ Китаѣ; поэтому о нихъ нельзя не сказать двухъ словъ: онѣ хороши, сочны, сладки и вкусны, но никакъ не могутъ сравняться съ лучшими сортами дынь, выводимыхъ у насъ въ парникахъ.

Послѣ обѣда подали чай; и его также не приносили въ чашкахъ, по-китайски, а наливали изъ самовара, — да какого! Тульской фабрики Ильи Домова... И эта неожиданная встрѣча съ русскими самоваромъ и чашкой доставили мнѣ искреннее удовольствіе: отъ нихъ повѣяло Россіей; а кромѣ того, всегда пріятно видѣть произведенія своей страны въ чужомъ государствѣ.

Отведенная для насъ квартира находилась въ домѣ главнаго военнаго начальника хамійскаго округа, генерала Чжанъ, про котораго Чжу сообщилъ намъ прежде всего, что онъ имѣетъ въ перѣ на шляпѣ два павлиньихъ глаза, и прибавилъ, что такихъ сановниковъ во всей имперіи только шесть человекъ. Онъ сказалъ еще, что съ знакомымъ намъ генераль-губернаторомъ западнаго Китая; Цзо-Цзунъ-Таномъ, они большіе друзья, что Чжанъ обладаетъ огромной физической силой и превосходно стрѣляетъ въ цѣль изъ ружья.

Квартира наша находилась рядомъ съ его помѣщеніемъ, и такъ какъ въ китайскихъ военныхъ лагеряхъ вообще не бываетъ большихъ затѣй, — въ родѣ множества дворовъ и комнатъ, — то все помѣщеніе его состояло изъ трехъ, четырехъ комнатокъ, расположенныхъ рядомъ съ нашею, только съ отдѣльнымъ входомъ. И у этого входа часто можно было видѣть важнаго генерала стоящимъ у открытыхъ дверей своей комнаты и посматривающимъ на дворъ, чрезъ который мы должны были проходить.

Мы, какъ было замѣтно, также не мало интересовали его, и онъ со своей стороны выразилъ желаніе скорѣе познакомиться съ нами, о чемъ сегодня и было сообщено его адъютантомъ. Чжанъ прислалъ намъ сказать, что сегодня не смѣетъ насъ безповоить, а завтра утромъ будетъ ожидать нашего посѣщенія. Но Сосновскій находилъ нужнымъ сдѣлать ему визитъ непременно сегодня и непременно въ одиночествѣ, о чемъ и просилъ доложить. Чжанъ изъявилъ согласіе принять, но только просилъ придти пораньше, такъ какъ онъ рано ложится спать. Наши же обычай читатель ужъ знаетъ: Сосновскій заставилъ его прождать себя часа три.

Мы же провели вечеръ дома, въ компаніи съ Чжу, Пинъ и даже Го, который сегодня показался въ люди, и познакомились еще съ однимъ небезынтереснымъ человѣкомъ. Къ сожалѣнію разговоръ и съ нимъ былъ затруднителенъ, потому что его приходилось вести на китайскомъ или ломаномъ англійскомъ нарѣчіи (биджѣнъ).

Это былъ индѣецъ, родомъ изъ Бомбэй, по имени (китайскому) Хуа-Ли. Онъ живетъ въ Хами, состоитъ на китайской службѣ и обязанности его состоятъ въ обученіи солдатъ стрѣльбѣ въ цѣль; судя же по его біографіи, которую онъ самъ разсказалъ мнѣ, онъ отнюдь не готовился къ военной служебной дѣятельности. Хуа-Ли содержалъ въ одномъ изъ китайскихъ городовъ опійную курильню, разорился, и это-то послѣднее обстоятельство и сдѣлало его инструкторомъ китайскихъ войскъ. Къ сожалѣнію, я не имѣлъ времени поближе познакомиться съ результатами его преподаванія... Курьезно... И жалко мнѣ бѣдныхъ китайцевъ!...

Но самъ по себѣ Хуа-Ли былъ очень милый и любезный человѣкъ, и привыкнувъ на своей родинѣ къ европейцамъ, обрадовался намъ, какъ роднымъ. Обрадовался онъ очень моему умѣнью писать по-англійски, которымъ онъ самъ не обладалъ, а потому уже въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ не могъ послать о себѣ вѣсти своимъ роднымъ въ Бомбэй и сильно горевалъ объ этомъ. Онъ былъ ужасно радъ, что могъ, наконецъ, осуществить свое давнишнее желаніе, и въ благодарность за эту услугу предложилъ быть моимъ постояннымъ провожатымъ, если я вздумаю куда-нибудь поѣхать, или осмотрѣть что-нибудь. Такимъ образомъ, мы явились другъ для друга одинаково пріятной находкой.

Кончился день, и мы съ Матусовскимъ ушли въ свою комнату и улеглись спать, — сегодня не на землѣ, не въ палаткѣ, а въ

европейскихъ желѣзныхъ кроватяхъ. Но онѣ были плохо устроены, качались и звенѣли; да мы таки и отъ кроватей отвыкли.

Кромѣ того покойному сну мѣшало другое обстоятельство: въ сосѣдней комнатѣ, гдѣ помѣщался Сосновскій съ фотографомъ, долго происходилъ очень горячій споръ о томъ, какіе подарки послать завтра генералу Чжанъ. Боарскій сильно возставалъ противъ отправленія ему „аллегорическаго“ сервиза, подареннаго Сосновскому Цзо-Цзунъ-Таномъ, говоря, что послѣдній, какъ пріятель Чжана, узнаетъ о такомъ употребленіи его подарка, и это будетъ весьма неловко; а тотъ увѣрялъ, что тутъ нѣтъ ровно ничего неловкаго, и „отчего онъ тамъ узнаетъ“!... (Сервизъ таки послали вмѣстѣ съ зервальцемъ, зелеными ленточками и т. п.).

На слѣдующій день мы сдѣлали Чжану общій визитъ, изъ котораго, впрочемъ, я не вынесъ ничего новаго, кромѣ того развѣ, что Чжанъ, когда ему случалось говорить о себѣ, указывалъ пальцемъ на свой носъ, а не грудь, какъ это мы дѣлаемъ. Визитъ былъ короткій и безсодержательный, мы такъ-сказать только показали себя другъ другу; но генералъ мнѣ понравился съ перваго разу своею наружностью и манерами. Онъ былъ большого роста, довольно полный, но не толстый, съ открытымъ лицомъ, малоцеремонный, но, вѣжливый въ обращеніи и скромный даже до застѣнчивости.

Мы пробыли въ Хами шесть дней, — такъ долго, по случаю „государственныхъ заданий“, то-есть „хлѣбнаго дѣла“ Сосновскаго, и я успѣлъ хорошо познакомиться съ этимъ оазисомъ, насколько это было для меня доступно.

Онъ представляетъ пространство плодородной почвы (повидимому лѣснаго характера), величиною около пяти квадратныхъ верстъ, и лежитъ верстахъ въ сорока отъ южныхъ окраинъ Тянь-Шаня, который служитъ ему защитой отъ сѣверныхъ вѣтровъ. Хорошо орошенный водою двухъ сильныхъ ручьевъ, онъ отличается необыкновеннымъ плодородіемъ и почти весь воздѣланъ. Пшеница, просо, гречиха, кукуруза, овощи, арбузы, дыни, тыквы, виноградъ и многія фруктовыя деревья превосходно растутъ здѣсь, и эти произведенія почвы съ избыткомъ удовлетворяютъ всѣмъ мѣстнымъ потребностямъ.

Теперь, впрочемъ, производительность, какъ и потребности, сильно уменьшились, съ уменьшеніемъ здѣшняго населенія на громадную цифру, о чемъ можно заключить по числу разрушенныхъ домовъ во всѣхъ трехъ городахъ, стоящихъ въ хамійскомъ

оазисѣ. Они расположены недалеко одинъ отъ другаго, и каждый обнесень своею стѣною; а между ними разбѣяны села, деревни, поселки или отдѣльные домики. Города называются: Хуй-Чэнъ (мусульманскій), населенный таранчинами, Лао-Чэнъ (старый) и Синь-Чэнъ (новый); послѣдній, дѣйствительно, построенъ вновь, уже послѣ войны, и ничего особеннаго, кромѣ довольно широкихъ улицъ, не представляетъ. По своему бѣдному виду онъ — скорѣе село, чѣмъ городъ. Въ немъ живутъ китайцы и ведутъ теперь мелочную торговлю; впрочемъ и тутъ почти все туземное можно найти. Въ старомъ городѣ помѣщается исключительно здѣшній гарнизонъ и живутъ всѣ военные чины.

Самымъ же интереснымъ для меня явился мусульманскій городъ, — своею оригинальностью или, собственно говоря, своимъ отличіемъ отъ китайскихъ городовъ, ужъ порядочно наскучившихъ мнѣ своимъ однообразіемъ. Здѣсь же все иное, — и дома, и храмы, и кладбища, и люди съ ихъ типомъ и костюмами; поэтому я почти каждый день изъ проведенной въ Хами недѣли ѣздилъ въ таранчинскій городъ и, бродя по его теперь почти пустымъ улицамъ, среди наводящихъ грусть развалинъ, не мало сожалѣлъ о томъ, что мнѣ не довелось увидать его въ цвѣтущую пору, когда жители его были богаты и жили въ довольствѣ, — жили, по словамъ одного здѣшняго старика, „всѣ какъ короли“.

Хотя обстановку этой, яко бы королевской, жизни слѣдуетъ понимать очень и очень относительно, тѣмъ не менѣе г. Хами долженъ былъ представлять во время оно весьма поэтическія и оживленныя картины, судя по немногимъ остаткамъ его недавняго прошлаго. Это былъ сплошной тѣнистый садъ, и подъ густою листвою его плакучихъ ивъ, тополей, шелковичныхъ и другихъ прекрасныхъ деревьевъ, какъ подъ зеленымъ шатромъ, скрывались его маленькіе уютные домики, въ которыхъ протекала покойная, патриархальная жизнь. Теперь же путешественникъ найдетъ здѣсь только обломки стѣнъ, груды мусора, да кой-гдѣ болѣе или менѣе уцѣлѣвшіе остатки домиковъ, между которыми изрѣдка попадаются поправленные и теперь обитаемыя хижины, да сохранилось много деревьевъ. Рѣзче всего здѣсь бросается въ глаза одна черта, отличающая этотъ городъ отъ китайскихъ, въ которыхъ почти что ни домы, то лавка: здѣсь я не видалъ ихъ ни одной, существующей теперь, и никакихъ остатковъ бывшихъ прежде; какъ будто здѣсь вовсе не торговали.

Жители его—мусульмане, называющіе себя Хамыль-Лукъ или Таранчл; языкъ ихъ наши казаки, говорившіе по-киргизски, понимали хорошо и могли довольно свободно объясняться съ ними. Степановъ же, когда я его спрашивалъ насчетъ ихъ языка, высказалъ свое мнѣніе въ такой нѣсколько забавной формѣ, но, какъ видно было, совершенно серьезно.

— Это все равно одинъ и тотъ же языкъ, что кыргызскій; только съ ними, значить, надо говорить съ вывертомъ, съ модой то-есть, пояснилъ онъ. Но для меня смыслъ этого объясненія и до сихъ поръ темень.

Жителей въ Хами теперь очень немного; но мнѣ совершенно непонятно, какъ могли уцѣлѣть и эти, почему ихъ не перебьютъ теперь.

Они разорены и многіе до нищеты; но странно, бѣдность и нужда тутъ какъ-то не бросаются въ глаза, и здѣсь вовсе не слышно стонать людей, изнемогающихъ отъ тяжелой работы, какъ въ китайскихъ городахъ... Видѣлъ я здѣсь величавыхъ стариковъ, сидящихъ на корточкахъ на улицѣ въ компаніи у чьихъ-нибудь воротъ и ведущихъ бесѣду; видѣлъ многихъ женщинъ, — красавицъ въ сравненіи съ китайками; онѣ открыто ходили по улицамъ и при встрѣчѣ со мной почти не проявляли дикости; видѣлъ хорошенькихъ, часто совсѣмъ голыхъ, дѣтей, которыя бѣгали или играли между развалинами. Типъ людей большею частью красивый; одежды представляютъ халаты или длинныя широкія рубашки, часто яркихъ цвѣтовъ; на головахъ у всѣхъ, мужчинъ и женщинъ, носятъ особые тюрбаны, напоминающіе отчасти короны или митры. Эти тюрбаны отдѣланы большею частью изящно, а иногда роскошно, напримѣръ расшиты серебромъ и золотомъ. Они дѣлаются пустыми и соотвѣтственно узору имѣютъ много отверстій, что придаетъ имъ большую легкость, и на видъ они кажутся какъ бы выдутыми изъ чего-то.

Вообще наружность хамйцевъ очень граціозна. Пройдутъ два, три человѣка, остановится женщина въ своемъ длинномъ и широкомъ платьѣ и тюрбанѣ, изъ-подъ котораго разсыпаются по плечамъ и спиѣ густые и длинныя волосы, и кажется, что видишь передъ собою воскресшія сцены изъ библейской эпохи...

Дома, — построенные большею частью по одному фасону изъ необожженнаго кирпича, одного цвѣта съ желтоватой почвой, — вѣроятно и прежде не представляли ничего особенно изящнаго или грандіознаго; за то тутъ можно почти на каждомъ шагѣ встрѣ-

•тить прелестные уютные уголки, которые такъ и просятся на картину. Все симпатично, уютно, но все необыкновенно скромно. И даже самый дворецъ хамйскихъ князей или „беговъ“, находящійся въ Хами, представлялъ бы далеко не роскошное жилище, если бы не занималъ такого исключительнаго положенія.

Онъ построенъ на огромной искусственной насыпи, находящейся у сѣверной стѣны, у единственныхъ городскихъ воротъ, такъ что даже фундаментъ зданія значительно возвышается надъ всѣми остальными домами. Въѣхавъ въ городъ, вы сначала увидите передъ собою бѣдную улицу; она скоро погибаетъ и исчезаетъ въ глубинѣ, а сейчасъ за воротами, влѣво отъ нея, отходить подъ прямымъ угломъ широкая прямая дорога, ограниченная съ лѣвой стороны стѣною, а съ правой рядомъ высокихъ, густыхъ деревьевъ. Въ недалекомъ разстоянн эта дорога, — аллея или улица, какъ угодно, — упирается въ стѣну съ воротами, ведущими въ княжескій дворецъ.

Пройдя въ нихъ, вы вступите на довольно большой широкий дворъ, отдѣланный отчасти въ китайскомъ стилѣ и обсаженный деревьями; онъ вымощенъ булыжникомъ, а посрединѣ его проходитъ дорожка изъ каменныхъ плитъ, ведущая къ другимъ воротамъ. Тутъ сходятъ съ лошадей и дальше идутъ пѣшкомъ; поднимаются на четыре ступени и вступаютъ во второй дворъ, съ котораго видна выходящая сюда часть дворца, его поврежденныя стѣны, снесенная крыша и груды кирпичей, убранныхъ къ одной сторонѣ. Тотчасъ налѣво отъ упомянутаго входа находится опять стѣна съ небольшою дверью, и отъ нея поднимается каменная, широкая и длинная лѣстница, теперь съ жалкими деревянными перилами, ведущая наверхъ въ княжескій дворецъ; а направо отъ нея идетъ черезъ дворъ, также вымощенная плитами, дорожка къ калиткѣ въ садъ.

Подниметесь сначала по лѣстницѣ и войдемъ во дворецъ. Онъ разоренъ, но не разрушенъ окончательно; только крыши не существуетъ совсѣмъ, а стѣны уцѣлѣли; внутри также многое разломано, но нѣкоторыя комнаты сохранились, и, такъ какъ онѣ очень похожи другъ на друга, то по нимъ можно составить себѣ понятіе и обо всѣхъ остальныхъ, которыхъ, говорятъ, тутъ насчитывается до шестидесяти. Но большой комнаты, въ нашемъ смыслѣ, нѣтъ ни одной, хотя зала и существуетъ. Дворецъ теперь отдѣлывается вновь, и нѣкоторыя комнаты уже готовы, между прочимъ и зала.

Когда я вошелъ въ послѣднюю, одинъ китаецъ расписывалъ въ ней красками карнизъ у потолка. Я спросилъ его, не желаетъ ли онъ, чтобы я нарисовалъ что-нибудь на стѣнѣ? Онъ и нѣкоторые изъ стариковъ хамйцевъ, пришедшихъ сюда изъ большинства вслѣдъ за мною, были даже очень обрадованы этимъ предложеніемъ и тотчасъ съ почтеніемъ подали мнѣ кисть и краски; но въ сожалѣнію эти орудія живописи были чрезвычайно плохи и скудны, т.-е. не довольно разнообразны, такъ что ничего порядочнаго нельзя было сдѣлать, а мнѣ хотѣлось оставить по себѣ память въ Хами. Въ нѣсколько минутъ я нарисовалъ надъ входной дверью корзину съ цвѣтами, и, несмотря на поневолю плохое исполненіе, всѣ присутствовавшіе были очень довольны.

— Мы будемъ это беречь, сказалъ одинъ старикъ по-китайски, обращаясь ко мнѣ, — и расскажем князю, кто это нарисовалъ и какъ скоро.

Я отвѣтилъ, что очень радъ оставить князю память по себѣ, и выразилъ сожалѣніе, что по случаю его болѣзни не могу теперь съ нимъ познакомиться.

Этотъ князь жилъ въ то время въ новомъ городѣ Хами, въ особомъ помѣщеніи, отведенномъ ему китайскими властями и, какъ мнѣ казалось, находился просто подъ карауломъ. Мнѣ очень интересно было съ нимъ познакомиться, и я пріѣзжалъ къ нему съ индійцемъ Хуа-Ли, который его знаетъ; но намъ сказали, что онъ боленъ: можетъ-быть это была и правда, а можетъ-быть, китайцы только изъ какихъ-нибудь политическихъ соображеній помѣшали нашему свиданію... Но возвратимся къ дворцу.

Его упомянутая зала ничѣмъ не заслуживаетъ этого названія, потому что она представляетъ маленькую комнату только въ три тоже маленькихъ окна, стрѣльчатыхъ и со стеклами, а не бумагой. Стѣны ея выѣлены мѣломъ; потолокъ расписанъ грубымъ рисункомъ; полъ состоитъ изъ квадратныхъ кирпичныхъ плитъ; въ обѣихъ боковыхъ стѣнахъ выѣланы по три углубленія на подобіе фальшивыхъ оконъ, но болѣе глубокихъ и служащихъ открытыми шкапами, въ которыхъ выѣланы полки. Мебели никакой не было.

Итакъ, вотъ скромный видъ княжеской залы... Но за то какой величественный видъ открывается изъ ея оконъ, и особенно съ ея просторной террасы, — на окрестность, надъ которою послѣдняя какъ бы висѣла въ воздухѣ, на огромной высотѣ. Такъ

кажется потому, что когда стоишь на террасѣ, то вовсе не видишь поддерживающей ее вертикальной стѣны, составляющей одну изъ сторонъ упомянутой насыпи, а глазамъ представляется, какъ съ азростата,—внизу разстилающійся весь городъ, окутанный зеленью, сады и отдѣльные домики, во множествѣ разсѣянные по оазису, а прямо передъ зрителемъ вдали поднимается къ небесамъ длинный рядъ снѣжныхъ вершинъ Тянь-Шань'скаго хребта.

И хорошо, должно-быть, жилось тутъ посреди ковровъ, мягкихъ дивановъ, обтянутыхъ шелками, и обвитыхъ зеленью террасъ и другихъ принадлежностей восточнаго комфорта. Но теперь тутъ все мертво, молчаливо и пусто; и неизвѣстно куда разсѣялись люди, которые жили тутъ. И какъ хотѣлось бы узнать подробности прошлой жизни, познакомиться съ исторіей недавнихъ совершившихся здѣсь событій...

Я прошелъ дальше, въ другія комнаты, находящіяся въ состояніи разрушенія, закопченныя еще несмывшимся дымомъ пожара и засоренныя мусоромъ; заглянулъ и на женскую половину... Комнаты всѣ болѣе или менѣе похожи на описанную залу; онѣ только еще меньше ея; на стѣнахъ нѣкоторыхъ уцѣлѣлъ пестрый орнаментъ, какими онѣ были расписаны; въ иныхъ устроены каминны, похожіе на наши...

Другихъ подробностей я не успѣлъ рассмотреть. Упомяну еще о маленькихъ дворикахъ, находящихся между нѣкоторыми комнатами и сверху открытыхъ; они производятъ нѣсколько странное впечатлѣніе, потому что кажется, что дворецъ представляетъ одно цѣльное зданіе, и тѣмъ, что они находятся на такой большой высотѣ.

Потомъ меня провели на другую террасу, въ полу которой я замѣтилъ четырехугольное отверстіе, ведущее въ какое-то темное пространство, и спросилъ о его назначеніи.

— Здѣсь, сказалъ мнѣ Хуа-Ли,—была кладовая, въ которой хранилось серебро князей; она, говорятъ, была наполнена имъ до верху, но во время войны, когда китайцы взяли городъ, все серебро было разграблено.

Не ново, подумалъ я, и никому не чуждо!...

Осмотрѣвъ дворецъ, я попросилъ провести меня въ принадлежащій къ нему садъ. Онъ занимаетъ довольно большое пространство, но не имѣетъ никакихъ претензій, безъ которыхъ немислимъ садъ въ китайскомъ вкусѣ. Тутъ растутъ по преимуще-

ству фруктовых деревья, яблони, юбы, ореховые деревья, достигающие огромных размеров, абрикосы, груши, а также виноград. Из других деревьев, украшающих сады и дающих прохладную тень, тут растут серебристые и пирамидальные тополя, айланты, вязы, джигда, шелковичные деревья и ивы, по преимуществу плачущая.

Это место, как видно, было пощажено неприятелем: ветхия бесѣдки уцѣляли, обрубленных и обгорѣвших деревьев не было видно ни одного... Вообще я замѣчалъ на всемъ пути, что сады мало подвергались истребленію. Щадились также кладбища. Такъ напримѣръ здѣшнее мусульманское кладбище осталось почти нетронутымъ.

Менѣе другихъ зданій пострадали и здѣшнія храмы, называемые „гумбаръ“ или „мэсть-цитъ“. Это послѣднее названіе, кажется, относится собственно къ минаретамъ; послѣдніе же представляютъ высокія зданія въ видѣ какъ бы сдавленныхъ четырехугольных башенъ, такъ что двѣ противоположныя стороны ихъ значительно шире двухъ другихъ, и на верхнемъ краю имѣютъ вырѣзку, образующую по краямъ два зубца, настолько большихъ, что на нихъ выдѣланы ступени для восхожденія туда мұлы. Эти башни сдѣланы также изъ необожженного кирпича желтовато-глинистаго цвѣта, ничѣмъ не окрашены, не выбѣлены, и нѣкоторыя не имѣютъ никакой крыши. Внутри ихъ проходитъ только лѣстница, ведущая наверхъ.

Храмы (гумбаръ) обыкновенно имѣютъ обнесенный оградой дворъ или нѣсколько; они вымощены каменными плитами и окружены крытыми галереями, подпертыми деревянными рѣзными колоннами различнаго рисунка. Внутренность ихъ болѣе или менѣе помѣстительна и также наполнена правильно расположенными рѣзными колоннами, раскрашенными яркими красками, а стѣны по карнизамъ исписаны стихами изъ корана.

Одною изъ особенностей здѣшнихъ храмовъ являются многочисленныя собранія роговъ различныхъ животныхъ (по преимуществу антилопъ, оленей, изюбрей, аргали и другихъ), которые или просто свалены грудами въ разныхъ мѣстахъ, или развѣшиваются по рѣшеткамъ, а также торчатъ съ крышъ или просто валяются по землѣ въ маленькихъ тѣнистыхъ садикахъ, находящихся при храмахъ. Эти рога имѣютъ повидимому какое-то религіозное значеніе, но какое именно, — я не могъ узнать; да повидимому и сами духовныя особы этого не знаютъ. Я могу прибавить только,

что имъ не оказывается никакого особеннаго почтенія, и ими не дорожатъ, какъ святыней; мнѣ, напримѣръ, позволили брать и уносить сколько и какіе угодно.

На второй же день по прїѣздѣ я свелъ здѣсь знакомство при посредствѣ Хуа-Ли съ главнымъ муллою, человѣкомъ довольно развитымъ и по своему должно-быть образованнымъ,—гостепрїимнымъ хозяиномъ и прїятымъ собесѣдникомъ; въ сожалѣнію только бесѣда съ нимъ была затруднительна, такъ какъ ее приходилось вести или самому, на китайскомъ языкѣ, или при помощи Хуа-Ли, который такъ же плохо понималъ неизуродованный англійскій языкъ, какъ я—„биджень“.

Прїятель мой, Юзупъ-Ахунъ*),—такъ звали муллу,—былъ старикъ лѣтъ около семидесяти, роста выше средняго, сѣдой, съ правильными и чрезвычайно прїятыми чертами лица. Его манеры были изящны, обращеніе въ высшей степени учтивое, даже, можно сказать, обворожительное.

Я былъ у него почти всякій разъ, когда приходилъ въ мусульманскій городъ, и во время нашихъ бесѣдъ, при которыхъ всегда присутствовало нѣсколько человѣкъ, большею частью пожилыхъ людей, онъ разспрашивалъ меня про Россію, про нашихъ купцовъ и приготовляемыя у насъ издѣлія, выражалъ общее желаніе, чтобъ русскіе прїѣзжали въ Хами съ товарами, какъ-то: матеріями, (по преимуществу сукномъ и ситцами), выдѣланными кожами, (особенно сафьяномъ), позументами, стальными издѣліями, посудой и разными украшеніями. А отъ себя прибавлю, что его, какъ и всѣхъ другихъ, чрезвычайно заинтересовали нѣкоторыя вещи изъ гуттаперчи, напримѣръ, мягкая дорожная бутылка, подушка и т. п.; и онъ пришелъ чуть не въ ребяческій восторгъ, когда я подарилъ ему двѣ названныя вещи. Онъ, вѣроятно, также найдутъ себѣ хорошій сбытъ.

Пробовалъ Юзупъ-Ахунъ заводить и отвлеченныя бесѣды религіознаго характера; но о нихъ много сказать нечего. Онъ говорилъ о единствѣ Бога во вселенной и спросилъ, такъ ли мы думаемъ, и, когда услышалъ отъ меня о Богѣ Отцѣ и Его Сынѣ, очень откровенно разсмѣялся и что-то сказалъ по своему находившимся въ комнатѣ гостямъ, его единовѣрцамъ. Спрашивалъ

---

*) Слово „ахунъ“, какъ видно, употребляется вообще для выраженія почтенія, какъ у насъ господинъ, но ставится послѣ имени. Такъ, Юзупъ-Ахунъ называлъ меня не иначе какъ Пабель-Якобъ-Ахунъ.

про нашего Царя, имя котораго онъ знаетъ, про нашъ „самый большой“ городъ, о томъ, долго ли я учился, какія у насъ есть школы, какой судъ и т. п.

Во время этихъ бесѣдъ онъ угощалъ меня фруктами и чаемъ, надушеннымъ цвѣтами жасмина (они пьютъ чай съ сахаромъ и съ молокомъ), а одинъ разъ даже заставилъ меня остаться у него отобѣдать, сказавъ, что я его очень обижу, если откажусь.

Обѣдали мы въ той же маленькой приѣмной его небольшого домика, состоящаго изъ трехъ комнатъ, двора и садика, также миниатюрныхъ, но уютныхъ и симпатичныхъ. Вся меблировка приѣмной состоитъ изъ низенькаго кана, покрытаго коврикомъ и стоящаго на немъ подвижнаго низенькаго же столика; и этотъ канъ со столикомъ считается самымъ почетнымъ мѣстомъ, гдѣ и засѣдали мы съ хозяиномъ; а посѣтители изъ мѣстныхъ жителей усаживались возлѣ дверей, на низенькихъ скамеечкахъ или, за недостаткомъ ихъ, просто на корточкахъ.

Обѣдъ подавала жена Юзупъ-Ахуна, Эйша, если не очень старая, но и некрасивая женщина; здѣсь же присутствовала блѣднолицая и болѣзненная невѣстка его Санъ-Э и ея дочь, хорошенькая дѣвочка лѣтъ семи, которая сначала разсматривала меня очень серьезно, потомъ стала посмѣиваться и заигрывать, и наконецъ рѣшилась подойти и потрогать мое платье, сапоги, наконецъ даже бороду, лицо и волосы. Обѣ взрослые женщины ни мало не дичились, совершенно свободно оставались въ комнатѣ при постороннихъ, съ лицами, какъ у всѣхъ хамійскихъ женщинъ, ничѣмъ не покрытыми, что въ мусульманскомъ мѣрѣ составляетъ явленіе исключительное. Онѣ совершенно свободно и разговариваютъ съ мужчинами; но мнѣ не удалось ни съ одной побесѣдовать лично, такъ какъ онѣ по-китайски вовсе не говорили.

Я выразилъ желаніе сдѣлать ихъ портреты, и онѣ охотно согласились, какъ и самъ Юзупъ-Ахунъ. Дамы расчесали свои великолѣпные волосы, которые въ Хами носятъ распушенными, одѣлись въ нарядныя шелковыя платья, расшитыя сафьянныя сапожки и щегольскіе тюрбаны съ черными кистями на боку. На одной былъ зеленый шелковый халатъ, подбитый пунцовымъ фуляромъ и расшитый на груди бѣлымъ и розовымъ шелками; на другой также зеленое платье и красная кофточка, похожая на китайскую, только безъ рукавовъ. Дамы имѣли въ ушахъ серьги, и у одной было надѣто на большомъ пальцѣ лѣвой руки колечко изъ крупнаго бисера. А Юзупъ-Ахунъ надѣвалъ для

портрета голубой атласный халатъ; на головѣ же по обыкновенію имѣлъ бѣлую чалму. Страннымъ показалось мнѣ, зачѣмъ онъ, какъ и нѣкоторые другіе, носить даже въ комнатѣ по сапогамъ калоши, когда на дворѣ и тепло и сухо. (Обувь эта кожаная, но не черная, а красноватаго цвѣта.)

Окончивъ работу, я благодарилъ за позированіе, а Юзупъ-Ахунъ выражалъ благодарность за оказанную имъ честь и маленькіе подарки, которые я сдѣлалъ ему и его дамамъ. Эту благодарность, точно такъ, какъ привѣтствія и прощанія, онъ сопровождалъ складываньемъ ладонями рукъ, съ выправленными пальцами и прижиманіемъ ихъ къ своей груди.

Жители Хами, когда я останавливался на улицѣ, также собирались около меня; но всѣ держали себя пристойно и вообще произвели на меня впечатлѣніе людей кроткихъ, услужливыхъ, хотя и нѣсколько неприятныхъ своею безцеремонностью съ нашей точки зрѣнія... Не знаю, какими они оказались бы, если бы ихъ было такъ много, какъ до разоренія города; съ небольшимъ же количествомъ людей, я убѣжденъ, всегда поладить можно.

Чтобы окончить нашъ бѣглый очеркъ мусульманскаго города Хами, упомяну еще о его кладбищѣ. Оно почти примыкаетъ къ городу и представляетъ довольно большую площадь, занятую отдѣльными могилами или склепами, имѣющими видъ куполообразныхъ зданій.

Рядомъ съ общимъ кладбищемъ, но въ особой оградѣ, стоитъ семейный склепъ хамійскихъ беговъ. Онъ представляетъ довольно большое каменное зданіе съ куполомъ, покрытымъ снаружи зелеными изразцами, какіе одѣваютъ и его стѣны, съ тою только разницею, что здѣсь они бѣлыя съ голубымъ рисункомъ, а зеленые изразцы только окаймляютъ края ихъ. Фасадомъ склепъ обращенъ на западъ и эта сторона его представляетъ какъ бы огромный четырехугольный щитъ, изъ-за котораго, если стать прямо передъ нимъ, нельзя видѣть никакихъ другихъ частей зданія. Бока этого щита закруглены, въ родѣ тонкихъ и высокихъ башенъ, а въ срединѣ щита сдѣлано большое углубленіе, представляющее половину шестигранной и заостренной призмы, и въ средней его части внизу находится маленькая дверь, ведущая внутрь склепа. Внутренность его, также одѣтая изразцомъ, очень напоминала мнѣ наши церкви своею формою, вышиною и куполомъ. Въ склепѣ стоятъ на полу нѣсколько княжескихъ

гробницъ, расположенныхъ въ два ряда, совершенно простыхъ на видъ и просто оштукатуренныхъ известью.

Схвативъ эти общія черты мусульманскаго Хама, я могъ наконецъ исполнить просьбу генерала Чжана, который уже нѣсколько разъ повторялъ ее чрезъ ѣхавшихъ съ нами мандариновъ, просьбу—показать ему собраніе моихъ рисунковъ изъ нашего путешествія, а также сдѣлать ему на память его портретъ. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ отказывать было трудно,—надо же хоть чѣмъ-нибудь поддерживать честь нашей компаніи и уменьшать общій стыдъ, хотя любезностью и портретами нѣсколько прикрывать гибельныя послѣдствія Лунъ-Тан'ской катастрофы. Наконецъ генералъ былъ мнѣ лично очень симпатиченъ, какъ человѣкъ простой, учтивый и, какъ казалось, очень добродушный, что подтверждали и многіе отзывы о немъ.

Мы сначала разсматривали рисунки, которые доставили ему большое удовольствіе, особенно виды знакомыхъ мѣстъ; потомъ я приступилъ къ сниманію съ него портретовъ,—одного для него, другаго для себя.

У него уже были его портреты, фотографическіе, и я говорю ему, что вѣдь мой не будетъ такъ хорошъ; но на это Чжанъ отвѣчаетъ совсѣмъ неожиданной фразой:

— „Фотографическій портретъ не рѣдкость, — ихъ вездѣ много, а этого (то-есть рисованныхъ) вездѣ мало“...

А мы еще думали удивить его именно фотографіей!

Наконецъ портретъ былъ оконченъ, показанъ и пересмотрѣнъ всѣми его приближенными, всѣми найдены „сянь-дэ-хэнь“ (очень похожимъ), и генералъ отдалъ распоряженіе вставить его въ рамку подъ стекло.

Но рамы для картинъ вовсе не употребляются въ Китаѣ, а стекло составляетъ большую рѣдкость; поэтому ихъ и не могли найти, о чемъ и пришли доложить Чжану. Тогда онъ приказалъ принести зеркало, подходившее по величинѣ къ портрету, велѣлъ вынуть стекло, счистить съ него амальгаму и вставить портретъ. Приказаніе было тутъ же приведено въ исполненіе и портретъ повѣшенъ рядомъ съ двумя моими, которые я подарилъ ему. И въ этотъ день у него перебивали всѣ мандарины военнаго лагеря, приглашенные имъ или приходившіе сами посмотреть на „нарисованнаго генерала Чжана“; а отсюда являлись ко мнѣ съ поклонами и покорнѣйшими просьбами сдѣлать также и ихъ портреты; но я, конечно, принужденъ былъ поневолѣ отказывать,

такъ какъ совѣмъ не имѣлъ для этого времени; да мы черезъ день должны были и уѣхать отсюда.

Гдѣ и какъ проводили свое время мои спутники, я не знаю, потому что обыкновенно цѣлые дни не бывалъ дома; и только, возвращаясь домой, по вечерамъ вспоминалъ Лань-Чжоу, когда тамъ писался китайскій экземпляръ договора о поставкѣ хлѣба.

Теперь по тому же дѣлу сочинялось письмо къ Цзо-Цзунъ-Тану. Оно было вызвано тѣмъ, что Сосновскій считалъ хлѣбную операцію своимъ личнымъ предпріятіемъ, частною сдѣлкой; но осторожный китайскій генералъ придавъ ей официальный характеръ и сообщилъ о заключенномъ контрактѣ на поставку для войскъ хлѣба изъ Россіи, въ Пекинъ, въ тамошнее министерство иностранныхъ дѣлъ; и оттуда, еще до нашего приѣзда, было прислано сюда письмо съ повтореніемъ приказаній, чтобъ принятое на себя обязательство было исполнено подрядчикомъ аккуратно...

На это понадобилось что-то отвѣтить, и подобный отвѣтъ былъ бы дѣломъ самымъ простымъ, будь у насъ настоящіе переводчики; но въ настоящемъ случаѣ составленіе такого письма явилось дѣломъ не только громадной трудности, а совершенно невозможнымъ, потому что они уже давно доказали свою полную негодность для навязанныхъ имъ ролей.

Я говорю „навязанныхъ“, потому что, въ самомъ дѣлѣ, развѣ Андреевскій или Сюй думали когда-нибудь быть переводчиками? Какъ же это вышло? Весьма естественно.

— Согласны ли вы ѣхать съ нами переводчикомъ за 600 руб. въ годъ? спрашиваемъ мы телеграммой у Андреевскаго.

— Согласенъ, отвѣчаетъ онъ, хотя, какъ самъ говорилъ, и вполнѣ сознавалъ свои слабыя силы; но онъ былъ убѣжденъ, что онъ будетъ вторымъ, если не третьимъ переводчикомъ въ экспедиціи для нѣкоторыхъ распоряженій и вообще такихъ случаевъ, гдѣ требуется самое поверхностное знакомство съ языкомъ.

Также было и съ „представителемъ серьезной фирмы“, отжившимъ Сюемъ.

— Хочешь ѣхать съ нами и получать по десяти ланъ въ мѣсяцъ?

— Хочу.

— Ну и чудесно, говоритъ Сосновскій.

Вотъ и пришлось теперь мучиться ему самому и мучить другихъ. Представьте себѣ положеніе несчастныхъ Андреевскаго и

Сюя, когда имъ приходилось исполнять неисполнимыя требованія!.. Ну какъ переведешь, въ самомъ дѣлѣ, на почти невѣдомый языкъ или на свой родной съ невѣдомаго языка (на сколько Сюю былъ невѣдомъ русскій диалектъ) подобныя мѣста изъ письма Сосновскаго къ Цзо-Цзунъ-Тану, которое я по неволѣ выучилъ на память:

„Какъ жалю я въ данную минуту, что не владю китайскимъ языкомъ, чтобы непосредственно, безъ сторонней помощи, высказать вамъ, на вашемъ родномъ языкѣ, ту чувствительную признательность и благодарность, какія увозимъ мы съ собою на родину. Я утѣшаю себя мыслью, что все, что исходитъ изъ глубины души, что дышетъ святой истиной, станетъ понятнымъ, каковы бы ни были средства и услуги переводчика. Пусть же каждая строчка настоящаго письма моего свидѣтельствуетъ, что пребываніе въ Ланъ-Чжосу, приять и ласки славнаго Цзо-Цзунъ-Тана останутся всегда самымъ светлымъ воспоминаніемъ каждого изъ насъ. Благодарю, еще разъ благодарю“!..

(На сколько свѣтлы эти воспоминавія у другихъ и имѣлъ ли онъ право говорить о чувствахъ каждаго изъ насъ никого о нихъ не спрашивая—читателю извѣстно.) Или, далѣе:

„Добрая молва, которая живетъ въ народѣ, не даромъ чтитъ почтенное имя этого заслуженнаго воина и администратора (рѣчь идетъ о здѣшнемъ генералѣ Чжапѣ), и намъ остается радоваться, что страна, „отстоящая не въ далекомъ сосѣдствѣ отъ нашей границы“, и съ которой намъ неизбежно сносятся, находится въ такихъ достойныхъ рукахъ“.

Или переведите такую фразу:

„Цзо-Цзунъ-Танъ славный воинъ, но не менѣе славный правитель, и меня несказанно радуешь, если нашъ договоръ о поставкѣ хмѣба еще болѣе возвыситъ высокое имя Цзунъ-ду Цзо.“

Вы прямо скажете, что это невозможно. Но Сосновскій надѣялся, что какъ-нибудь, общими силами, письмо таки переведутъ. Въ составъ общихъ силъ входили, кромѣ официальныхъ „переводчиковъ“, два мандарина Чжу и Пинъ, казакъ Смокотинъ и Танъ. Всѣ были созваны для перевода; а самъ Сосновскій руководилъ и толковалъ смыслъ русскаго текста.

Черезъ тонкую перегородку нашей комнаты въ продолженіе трехъ вечеровъ до глубокой ночи слушали и думали мы съ Матусовскимъ о томъ, какъ и что „исходило изъ глубины души“ нашего начальника, или какъ все у него дышетъ святой истиной, или

просто слышали слова: „непосредственно, безъ сторонней помощи... широкое гостепрѣимство... чтить высокое имя Цзунь-ду Цзо... если слухи о падежѣ скота оправдаются... благодарю, еще разъ благодарю“, и прочее, и прочее...

Сцена была тяжелая и преисполненная комизма: мандаринъ Чжу хохоталъ, какъ сумасшедшій, да и мы не могли воздержаться отъ смѣха... хотя горькаго смѣха надъ самими собою, то есть не буквально надъ собою, а надъ тѣмъ, кто, желая необыкновенно возвыситься, упалъ до такой степени низко, что уронилъ все, представителемъ чего явился въ чужой странѣ.

О, сколько боли испытало за дорогу сердце!... Этого читатель никогда не пойметъ вполне, какъ бы ни горевалъ онъ вмѣстѣ со мною, потому что онъ можетъ еще думать, что я подъ влияніемъ испытываемыхъ досады и стыда преувеличиваю непристойность поведенія распорядителя экспедиціи... Я же не могу не знать, что, къ сожалѣнію, не только ничего не преувеличиваю, а напротивъ еще многое пропускаю.

Но вездѣ и всегда человекъ можетъ найти себѣ утѣшеніе; такъ въ описываемые дни оно явилось для насъ съ товарищемъ въ томъ, что китайцы доказали намъ, что все видятъ и понимаютъ, что Сосновскій есть представитель только русскихъ Сосновскихъ, а конечно не Россіи и не русскихъ людей. Они это доказали и, можно сказать, прямо сказали намъ въ описываемый вечеръ.

Г Л А В А XIV.

ИЗЪ ПУСТЫНИ ВЪ ПУСТЫНЮ.

Отъездъ изъ Хами.—Торжественные проводы.—Окраина Гоби.—Южные склоны Тянь-Шаня.—Перевалъ черезъ Тянь-Шань.—Сибгъ.—Нагорная равнина.—Китайскій пикетъ.—Дорога въ г. Баркуль.—Въ квартирѣ мандарина.—Отъездъ и разлука съ друзьями-китайцами.—Древній памятникъ.—Озеро Баркуль.—Слѣды войны.—Слухи о разбойникахъ и мѣри предосторожности.—Встрѣчные путники-китайцы.—Нашъ спутникъ мандаринъ Ли.—Предостереженіе относительно разбойниковъ.—Тревога.—Готови къ оборонѣ.—Встрѣча передъ Гу-Чэн'омъ.—Встрѣча въ Гу-Чэнѣ.—Первое свиданіе и бесѣда о предстоящемъ движеніи.—Приготовленіе къ новому пути черезъ пустыню.—Споры съ туземцами.—Наемъ вожака.—Отъездъ.—День блужданій.—Ночь остановила.—Второй вожакъ.—Невольная дневка.—Идемъ на опасность.

Глава новая, да пѣсня старая!..

Скомандовавъ „полный ходъ“, полетимъ мы и дальше, на той же удалой тройкѣ, съ тѣмъ же невѣроятнымъ пренебреженіемъ ко всему проходящему передъ глазами, съ тѣмъ же стремленіемъ къ завѣтному будущему, когда „мы“ откроемъ западный торговый путь въ Китай, когда повеземъ по немъ дорогой хлѣбъ для непріятельскихъ солдатъ и, получая за него по „тридцати сребренниковъ“, еще болѣе возвысимъ высокое имя Цзунъ-ду Цзо. А полученное отъ него серебро возвыситъ „насъ“ должнымъ образомъ въ глазахъ русскаго общества. Съ этими надеждами будемъ продолжать путь.

30 августа.

Встали рано, и у насъ все готово. Остается сѣсть и ѣхать. Но сегодня я чуть-было не лишился своего спутника Матусовскаго, вслѣдствіе того, что онъ „вышелъ изъ предѣловъ своей

компетентности“ и вздумалъ заботиться,—какъ вы думаете, о чемъ?—о томъ, чтобъ на всѣхъ телѣгахъ были покрышки изъ циновокъ, на случай дождя въ горахъ.

Въ этомъ простомъ актѣ предосторожности, по здѣшнимъ законамъ заключается почти нарушеніе дисциплины; и не будь онъ единственный человѣкъ въ экспедиціи, который могъ производить съемку, сидѣть бы ему подъ арестомъ въ Хами, какъ и хотѣлъ Сосновскій поступить; но вспомнивъ, что тогда самому придется дѣлать маршрутскую карту, слѣдовательно свою работу показать, онъ предпочелъ не разставаться съ Матусовскимъ.

Итакъ, слава Богу, я не остался безъ товарища, и мы выѣжаемъ вмѣстѣ и раньше другихъ, потому что Сосновскаго китайцы удержали подъ какимъ-то предлогомъ и этимъ дали ему возможность видѣть, какъ насъ будутъ провожать.

Передъ отъѣздомъ мы зашли проститься къ генералу Чжану, который ожидалъ насъ и былъ съ утра въ парадѣ.

Онъ разставался съ нами, казалось, съ искреннимъ сожалѣніемъ, еще разъ благодарилъ за портретъ, наговорилъ намъ много весьма пріятныхъ рѣчей, къ сожалѣнію, мало понятныхъ, и прибавилъ, что эти слова выражаютъ мнѣніе не его одного, а всѣхъ ѣдущихъ съ нами мандариновъ. И не выпуская нашихъ рукъ изъ своихъ, Чжанъ проводилъ насъ до послѣднихъ воротъ лагеря, на улицу: это въ Китаѣ самая большая честь, какую только можетъ оказать человѣкъ такого высокаго ранга, какъ онъ.

И мы не безъ сожалѣнія разстались съ нимъ, какъ ни мало были знакомы. Въ его взглядахъ, словахъ и рукопожатіяхъ было такъ много чистосердечной грусти, что, мнѣ кажется, стыдно было бы предполагать въ немъ одну лезть или криводушіе, обличенное въ учтивыя формы. Нѣтъ, онъ навѣрно былъ добрый, хорошій человѣкъ,—по натурѣ такой.

Индіецъ Хуа-Ли отправился провожать насъ верхомъ за нами тронулся конвой, состоявшій изъ тридцати человѣкъ, отлично одѣтыхъ солдатъ, вооруженныхъ скорострѣльными штуцерами системы Снайдера; а транспортъ изъ двѣнадцати телѣгъ и восьми вьючныхъ муловъ ушелъ раньше.

Вскорѣ кончился хамійскій оазисъ и мы снова очутились въ точно такой же мертвой и каменной пустынѣ, какая лежитъ по его южную сторону; но теперь передъ нами ее замыкалъ хребетъ Тянь-Шань, какъ бы отражавшійся въ обманчивыхъ озерахъ, которыя, казалось, стояли на равнинѣ у самыхъ горъ,

омывая их подошвы. Теперь мы знали, что только одинъ день пути предстоитъ намъ совершить по Гоби, чтобъ проститься съ нею, полагаю, на вѣки вѣковъ.

Бдемъ, болтая между собою, и Матусовскій все недоумѣваетъ, какія „наблюдения“ остался Сосновскій дѣлать въ Хами одинъ. Но мнѣ самому ничего не было извѣстно, да скоро и вниманіе наше было привлечено болѣе интереснымъ предметомъ.

Верстахъ въ трехъ отъ города, на голой равнинѣ стоялъ, выстроившись, большой отрядъ китайскихъ солдатъ въ парадной формѣ. Ихъ длинныя пики, украшенныя пучками красной шерсти, какимъ-то гигантскимъ ежомъ стояли надъ ними, а множество роскошныхъ шелковыхъ знаменъ самыхъ яркихъ цвѣтовъ волновались, развѣваемые вѣтромъ. Мы приближаемся къ нимъ, ничего особеннаго не ожидаемъ, какъ вдругъ съ ближайшаго фланга загремѣли выстрѣлы и бѣглымъ огнемъ прокатились въ даль до послѣдняго человѣка, стоявшаго въ первой шеренгѣ, и потомъ вернулись назадъ по второй шеренгѣ, окончившись послѣднимъ выстрѣломъ ближайшаго къ намъ фланговаго.

Они дали намъ нѣсколько подѣхать, и новый градъ салютныхъ выстрѣловъ точно такъ же прокатился вдоль обѣихъ шеренгъ; потомъ въ третій разъ, въ четвертый, пятый и, наконецъ, шестой, когда мы подѣхали совсѣмъ близко. Тогда нѣсколько мандариновъ, отдѣлившись отъ рядовъ войска, выѣхали къ намъ на встрѣчу, расклаивались со всею китайскою любезностью и поѣхали нѣсколько позади насъ, а мы вступили въ аллею, образованную съ каждой стороны двумя рядами солдатъ, державшихъ поднятыя пики и знамена.

Такой непривычный и ничѣмъ особенно не заслуженный почетъ, такіе торжественные салюты, хотя и были очень пріятны, но и смущали насъ не мало. Мы чувствовали себя обязанными чѣмъ-нибудь отблагодарить и офицеровъ и солдатъ; но что же мы могли сдѣлать,—мы даже добраго слова признательности не могли толково передать. Я все-таки попросилъ Хуа-Ли выразить офицерамъ наши добрыя желанія китайской арміи здоровья и побѣдъ надъ непріятелями...

Мы уѣхали дальше, еще оборачиваясь и раскланиваясь, а солдаты оставались на своихъ мѣстахъ, и только когда мы отѣхали примѣрно на версту, отправились обратно въ Хами... Вотъ какъ торжественно проводилъ насъ съ товарищемъ любезный генераль Чжанъ. А о проводахъ другихъ спутниковъ свѣдѣній не имѣю.

Мѣстность пошла самая скучная, не представлявшая для наблюденія ничего, кромѣ миражей; за то послѣдніе были сегодня великолѣпны: положительно со всѣхъ сторонъ глазамъ представлялись гладкія зеркальныя поверхности какъ бы заштильваннаго моря, и цѣлый день намъ казалось, что мы ѣдемъ поперекъ ровнаго пустыннаго острова посреди спокойнаго океана.

Уѣхалъ наконецъ и Хуа-Ли. Транспортъ шелъ впереди, а мы продолжали нашъ путь втроемъ съ Матусовскимъ и казакомъ. На половинѣ дороги была выставлена, по распоряженію Чжана, палатка для отдыха, и въ ней приготовленъ чай. Мы остановились лишь на нѣсколько минутъ, и потомъ весь остальной день протаскились по монотонной и скучной пустынѣ, стремясь поскорѣе добраться до подошвы горъ, гдѣ при началѣ одного изъ ущелій находилось мѣсто нашего ночлега, — деревня Нань-Шань-Коу...

Наступилъ вечеръ съ его великолѣпнымъ освѣщеніемъ горъ и оставшихся за нами непривѣтливыхъ и страшныхъ своею безжизненностью пространствъ; и только въ сумеркахъ мы достигли первыхъ пригорковъ Тянь-Шаня.

— Ъ-янь! (дикий баранъ)—вдругъ закричалъ одинъ изъ конвойныхъ, указывая на двухъ бѣжавшихъ въ недалекомъ разстояніи антилопъ.

— Стрѣляйте, шепчетъ мнѣ всполошившійся китайскій солдатъ, подавая свой штуцеръ.

— А ты что же?... Стрѣлай самъ.

— Я не умѣю, протянулъ онъ самымъ наивнымъ тономъ.

Антилопы, отбѣжавъ нѣсколько, остановились; я выстрѣлилъ, но, къ сожалѣнію, не убилъ, а только ранилъ бѣдное животное въ переднюю ногу; преслѣдовать же его оказалось невозможно, потому что уже и поздно было, да и лошади у насъ устали.

Проѣхавъ еще небольшое разстояніе по неровной и каменистой дорогѣ, уже при лунномъ освѣщеніи, мы съ радостью услышали журчаніе ручья и ночныя трели кузнечиковъ въ горахъ, и вскорѣ вступили въ ущелье, а потомъ въ деревню и въ домъ съ большимъ постояннымъ дворомъ, гдѣ нашли, кромѣ своихъ постоянныхъ спутниковъ, Чжу, Пинъ и Го, еще двухъ, отправлявшихся съ нами изъ Хами до Баркуля, — мандариновъ Ли и Та.

Завтра намъ предстоитъ переваль черезъ Тянь-Шань; а запаздывать въ горахъ, какъ извѣстно, не хорошо, — опасно: слѣдовательно завтра надо какъ можно раньше выѣзжать, а сегодня раньше укладываться.

31 августа.

Наступило прѣвосходное ясное утро; солнце еще не вышло изъ-за горъ, а гобійская равнина, въ которой едва виднѣются городки Хаами, ярко освѣщена свѣтомъ. Бросаемъ на нее прощальный взглядъ и направляемся къ сѣверу, по ущелью, въ горы.

И какой опять контрастъ! Вчера за цѣлый день ничто не нарушило однообразія голой каменистой равнины, а сегодня кругомъ богатая органическая жизнь: по ущелью бѣжитъ ручей чистой воды съ опущенными зеленью берегами, надъ нимъ нависли вѣтки шиповника и другихъ кустарниковъ, по ущелью разсыяны деревья (узколистные ивы, вязы и особый видъ тополя), и въ горахъ слышатся голоса птицъ.

Дорога идетъ карнизомъ, и хотя довольно широка, но очень дурная; и чѣмъ дальше поднимались мы по ея зигзагамъ въ горы, тѣмъ разнообразіе травянистыхъ растений все увеличивалось, а деревья становились рѣже; за то тутъ всѣ сѣверные склоны оказываются покрытыми довольно густымъ и высокимъ лѣсомъ, въ которомъ преобладаютъ лиственница и можжевельникъ, попадавшійся нерѣдко въ видѣ ползучаго кустарника. Изъ лѣса доносились голоса куропадокъ, сорокъ и другихъ невидимыхъ и незнакомыхъ птицъ. Останавливаться и разсматривать было ужъ конечно некогда, потому что ѣдемъ безъ остановокъ. Вотъ достигаемъ и уровня, на которомъ лежитъ снѣгъ, но только на сѣверныхъ склонахъ, и на его бѣломъ фонѣ чернѣется довольно густой хвойный лѣсъ...

Въ воздухѣ не только не чувствовалось жары, какъ вчера, а напротивъ было свѣжо, несмотря на ярко свѣтившее солнце. Потомъ изъ верхней части ущелья, по которому мы продолжали подниматься, проѣзжая зигзагъ за зигзагомъ, подулъ пронзительный холодный вѣтеръ, и наконецъ мы достигли снѣга на самой дорогѣ. Онъ лежалъ довольно толстымъ слоемъ, но не непрерывнымъ и не равномернымъ, а такъ, что мѣстами изъ него торчали только болѣе высокія изъ травянистыхъ растений, мѣстами же была видна самая низенькая трава, на которой онъ держался лишь на тѣневой сторонѣ. Это указывало на то, что настоящій снѣгъ есть случайный, выпавшій лишь недавно; то же подтверждало и появленіе на немъ насѣкомыхъ (кузнечиковъ и нѣкото-

рыхъ бабочекъ); они или только ооченѣли отъ холода, но еще двигались, или уже замерзли.

Продолжая подниматься, мы, наконецъ, достигли перевала и нашли здѣсь ветхую китайскую кумирню, три юрты и маленькій домишко съ такимъ же дворикомъ. Это китайскій пикетъ, на которомъ живутъ четыре человѣка солдатъ, и назначеніе его, конечно, состоитъ въ томъ, чтобъ проѣзжающіе могли найти пріютъ для ночлега.

Но ночь еще не наступила, слѣдовательно, разсуждаетъ Сосновскій, можно ѣхать дальше, совсѣмъ позабывъ о транспортѣ, который давно остался назади. Рѣшено только закусить здѣсь и отправляться, такъ что я едва успѣлъ бросить взглядъ на это интересное мѣсто.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ избушки начинается уже и спускъ на сѣверный склонъ, по которому проходить дорога. Пошелъ-было полюбоваться обширнымъ видомъ, открывающимся отсюда, но рѣзкій холодъ, насквозь пронизавшій меня, изнѣженнаго лѣтними жарамъ, заставилъ немедленно убраться въ домъ, чтобы отогрѣться; да и опасно было оставаться на этомъ непривычномъ холодѣ, хотя онъ былъ вовсе не такъ ужасенъ по указанію термометра: въ самомъ дѣлѣ, не великъ „морозъ“ въ одиннадцать градусовъ тепла!... Но вѣдь вчерашній день меньше тридцати не было, а тутъ вдругъ одиннадцать, да еще съ подобнымъ зефиромъ, который съ ногъ валить.

Все, однако, заставляло остановиться здѣсь и переночевать: мѣсто и пріютъ были, потому что, кромѣ упомянутого домика и нашихъ палатокъ, сюда были привезены и уже третій день, какъ поставлены, три юрты, высланныя изъ Хами собственно для насъ, по распоряженію того же любезнаго Чжана; транспортъ нашъ (состоявшій изъ двѣнадцати телѣгъ и восьми вьючныхъ муловъ), понятно, не могъ поспѣвать за легкими всадниками и далеко отсталъ, особенно телѣги; а въ нихъ было все необходимое для ночлега, и къ ночи всѣ могли собраться только къ этому пункту. Это было ясно и по разстоянію, и по трудности ужасной горной дороги, и по тѣмъ усиліямъ, съ какими шли бѣдныя животныя, оставленныя нами еще далеко внизу въ ущельѣ.

Съ другой стороны, заночевать здѣсь слѣдовало, потому что мы имѣли бы время подробно и всесторонне ознакомиться съ мѣстностью на перевалѣ, который представлялъ нѣкоторую новость для образованнаго міра: о немъ знали, но отъ насъ потре-

буютъ подробностей. Наконецъ просто интересно было съ точки зрѣнія общечеловѣческой, — если угодно, даже малодушной, — а все-таки слѣдовало провести тутъ ночь: хотъ полюбоваться съ горъ закатомъ солнца съ высоты слишкомъ въ 9000 футъ, на другой день встрѣтить его восходъ, — словомъ, пожить десятокъ часовъ здѣшнею своеобразною жизнью, чтобъ потомъ своимъ рассказомъ дать возможность другимъ, хотя издали, хотя мысленно, испытать впечатлѣнія, всегда волнующія чловѣка, очищающія и возвышающія его душу тою невѣдомою тоскою, которая происходитъ отъ постоянного стремленія къ лучшему, невѣдомому и недоступному міру.

А намекомъ на него является именно отдаленный міръ высокихъ горныхъ странъ, неудержимо влекущій къ себѣ и наши мысли, и благородное чувство высшаго наслажденія... Не многимъ счастливымъ доводится побывать въ немъ самимъ; а намъ и выпало на долю это счастье, да мы гордо отвернулись отъ него сами, и сказавъ: трогай дальше, уѣхали, успѣвъ бросить лишь самый поверхностный взглядъ на окружавшую насъ величественную и живописную природу Тянь-Шаня.

Съ подавленнымъ сердцемъ и угнетенными мыслями покинули мы домикъ на тянь-шаньскомъ перевалѣ, оставивъ тамъ начальника съ компаніей, пошли по покрытой снѣгомъ дорогѣ и стали спускаться пѣшкомъ, ведя своихъ лошадей въ поводу.

Тутъ устроенъ весьма удобный спускъ на долину: дорога, идущая зигзагами, довольно гладка и настолько широка, что, за исключеніемъ немногихъ мѣстъ, три и даже четыре телѣги могли бы свободно ѣхать по ней рядомъ... Быстро спустились мы съ крутой горы за снѣжную линію, сразу почувствовавъ, какъ воздухъ сдѣлался теплѣе, и наконецъ достигли широкой и гладкой долины, которая ушла вдаль, къ сѣверо-западу, и тамъ замѣнилась горами, но не снѣжными, — снѣжный хребетъ остался за нами и протянулся величественною цѣпью на юго-востокъ.

Переходъ поразительный, хотя и не новый, хорошо знакомый ходившимъ по высокимъ горамъ... Въ самомъ дѣлѣ, сейчасъ тамъ былъ мракъ, снѣгъ, пасмурное небо, холодный вѣтеръ свистѣлъ; здѣсь сіяетъ солнце, тутъ такое спокойствіе и тишина въ воздухѣ, что буквально ни одна вѣтка на деревѣ не шелохнется; темныя ели и свѣтлозеленыя лиственницы стоятъ, какъ нарисованныя, и кажутся такими свѣжими и чистыми, какъ будто ихъ только-что

обмыло недавнимъ дождемъ. Въ лѣсахъ порхаютъ птицы и манятъ меня своими голосами въ чащу; но...

Но выючные мулы нашего транспорта и остальная компанія уже спускаются съ горъ, и не знаешь, гдѣ и когда вздумаетъ она остановиться на ночлегъ; сейчасъ послѣдуетъ распоряженіе „подтягиваться“; и вотъ наскоро собираешь растенія, затѣмъ опять садишься на лошадь и слѣдуешь за проѣхавшими спутниками, которые теперь снова могли уѣхать рысью впередъ, на слѣдующій ночлегъ.

Наступилъ рѣдкій по красотѣ вечеръ, съ розовымъ освѣщеніемъ снѣжныхъ горъ и фіолетовыми тѣнями на нихъ, съ холодною синевою сумерекъ, уже охватившихъ долину, по которой мы ѣхали. И мнѣ казалось, что вечеръ не сегодняшняго, а другаго дня,—такъ много и такъ быстро прошло разныхъ впечатлѣній; такъ этотъ снѣжный высокій рубежъ отдѣлилъ и какъ будто далеко назадъ отодвинулъ нынѣшнее утро.

Къ ночи наконецъ добрались до пикета Ши-У-Ли-Чуань-Цзы и дальше ѣхать сегодня не могли...

Слово пикетъ,—а тѣмъ болѣе китайскій,— для большинства читателей, никогда на нихъ не бывавшихъ, есть пустой звукъ; его надо нарисовать передъ вами, привести васъ сюда... Итакъ, пожалуйста на упомянутую нагорную равнину. На ней, въ одномъ мѣстѣ, у подножія, скажемъ, лѣвой стороны окаймляющихъ ее горъ, чернѣется что-то въ родѣ постоялаго дворика, и при немъ даже избушки не видно,—такъ, въ родѣ загона что-то устроено. Въѣдемъ въ невысокую земляную ограду и тутъ найдемъ прислуженныя къ ней изнутри двѣ мазанки, въ одну комнату каждая; и больше ни здѣсь, ни дальше кругомъ не найти ничего. Вотъ это и есть здѣшній пикетъ; а обитаютъ на немъ три или четыре человѣка китайскихъ солдатъ.

На нынѣшнюю ночь на здѣшнемъ дворѣ были поставлены четыре китайскихъ палатки, и въ одной изъ нихъ помѣстилась наша главная квартира, въ другой—спутники мандарины, кто изъ нихъ успѣлъ пріѣхать, а въ двухъ другихъ—конвойные солдаты.

На дворѣ стало холодно; съ горъ подулъ пронизывающій вѣтеръ, отъ котораго хотѣлось бы скорѣе укрыться; и мы съ нетерпѣніемъ ожидали прихода отставшихъ телѣгъ, чтобъ достать и поставить себѣ палатку. Прошелъ часъ томительнаго хожденія по двору,—но телѣгъ нѣтъ и никакихъ извѣстій о нихъ. Не говоря ужъ о желаніи поѣсть, выпить чашку чаю и отдохнуть

послѣ цѣлаго дня дѣятельности, мы страшно прозябли, потому что съ нами, кромѣ кожанныхъ плащей, имѣвшихся на случай дожда, ничего не было,—вѣдь всего на одной своей лошади не увезешь. Наконецъ дотащились нѣкоторые изъ телѣгъ, но не тѣ, въ которыхъ были палатка, постели и другія необходимыя вещи; и извозчики говорятъ, что остальной транспортъ не только сюда не придетъ, но что едва ли онъ добарется нынче до перевала: совсѣмъ не можетъ идти, потому что животныя слабосильныя, а возы страшно тяжелыя...

Итакъ, ни помѣщенія, ни ѣды, ни теплаго питья нѣтъ, а спрашивать что-либо отъ китайцевъ начальникъ строго запретилъ, говоря, что ужъ „это онъ самъ обо всемъ будетъ заботиться, а если что нужно, то обращаться къ нему“... Прихожу и спрашиваю распоряженій: гдѣ намъ прикажутъ помѣститься? И руку при при этомъ держу подъ возырекъ,—словомъ, все какъ требовалось Фотографу, бывшему въ нашей „учено-торговой“ экспедиціи вице-начальникомъ, приказано было указать помѣщеніе, и онъ привелъ насъ въ упомянутыя солдатскія хаты, предоставивъ выбирать любую изъ двухъ.

Мы уже видѣли ихъ раньше и нашли настолько ужасными, что переночевать въ нихъ не рѣшились. Дѣйствительно, одна представляла, точнѣе всего, клѣтку, всю занятую лежанкой, вокругъ которой оставалась лишь лазейка, менѣе аршина ширины. Тутъ лежали какіе-то оборванные и грязные люди; одинъ спалъ, другой, несчастный, курил опій; третій собирался что-то варить, и здѣсь же разводилъ огонь. Запахъ отъ всякой грязи и дымъ отъ разгоравшихся щепокъ до такой степени наполняли воздухъ, что мы невольно остановились въ дверяхъ, не войдя въ избу; — да тронимъ и войти было некуда, развѣ прямо на лежанку... Это, должно-быть, сторожка караульнаго. Другая изба была просторнѣе и нѣсколько почище, но въ ней живутъ здѣшніе солдаты. Въ ней-то одинъ уголъ было позволено занять намъ съ Матусовскимъ и казакомъ. Мы были рады и этому углу, лишь бы защититься отъ холоднаго вѣтра, отъ котораго пальцы начинали коченѣть.

Здѣсь были два кана, на которыхъ лежало человекъ шесть солдатъ, и, должно-быть, это былъ для опійныхъ курильщиковъ „генеральскій часъ“: всѣ они сбились на одной лежанкѣ у лампы и наслаждались на досугъ вкушеніемъ запрещеннаго, но вовсе не запрещаемаго, плода. Въ третьемъ углу стояла кровать,

устроенная изъ двухъ скамеекъ и положенныхъ на нихъ досокъ, и на нихъ чья-то одна солдатская постель, весьма сомнительной чистоты. Солдаты приняли насъ за свою братію и весьма любезно приглашаютъ садиться; одинъ предложилъ свою трубку, которую курилъ въ это время, и, вѣроятно принимая наше молчаніе и задумчивый видъ только за застѣнчивость, усиленнѣе приставалъ къ намъ со своими, какъ казалось, добродушными, а не насмѣшливыми предложеніями.

Хотя мы рады были и этому пріюту, въ которомъ хоть отогрѣлись, но положеніе наше было плохо: утромъ сегодня мы не предвидѣли что намъ придется остаться безъ свѣчей, постелей, ѣды и даже табаку, дневной запасъ котораго вышелъ... Ужъ казакъ Смокотининъ, видя насъ въ очень невеселомъ настроеніи духа, и понимая, отчего оно происходило, сказалъ провожавшему насъ мандарину, что господа (то-есть Матусовскій и я) очень дурно помѣщены; онъ спросилъ—нельзя ли освободить одну изъ солдатскихъ палатокъ, въ которыхъ много свободнаго мѣста; не могутъ ли они размѣститься потѣснѣе или перейти сюда.

И какъ только мандаринъ узналъ, что мы тоже господа, такъ сейчасъ же явился съ извиненіями, что онъ не такъ понялъ, и сталъ приглашать насъ въ общую палатку, гдѣ въ это время „начальники“ экспедиціи ужинали. Онъ сказалъ, что освободить еще палатку очень возможно, тотчасъ отдалъ объ этомъ распоряженіе, и мы были въ ней водворены...

Значить, только одно и требовалось раньше,—чтобъ мандаринъ подумалъ, что мы не конвоеры нашего начальства, а сами себѣ господа, хотя „внѣ предѣловъ отечества“ и подчиненные вполне его волѣ и власти...

Ночь провели относительно покойно и только дрогли отъ холода, несмотря на то, что спали не раздѣваясь; впрочемъ, и одѣялами-то намъ служили,—товарищу кожанъ, а миѣ чепракъ съ сѣдла.

1 сентября.

Проснулись мы, къ сожалѣнію, рано, потому что телѣгъ не было, а слѣдовательно не было и вещей, необходимыхъ для занятій, которыя были возможны на сегодняшнемъ неожиданномъ привалѣ. Такъ и прослонялись все утро, — въ тоскѣ, безъ всякаго дѣла, все выходя посматривать—не идетъ ли транспортъ.

Послѣдній пришелъ только въ полдень... Вотъ это у насъ называлось— „выигрывать время“...

Путь нашъ лежалъ теперь на г. Баркуль, и до него отсюда, какъ говорили, 130 ли, которыхъ сегодня мы, конечно, не успѣли бы проѣхать, и были убѣждены, что это разстояніе будетъ раздѣлено на два перехода: одинъ сдѣлаемъ сегодня, другой завтра. Объ интересахъ дѣла мы ужъ говорить не станемъ,—что же говорить о пустомъ мѣстѣ, — а для людей и животныхъ было бы такъ легче. Но, къ общему огорченію и удивленію, узнаемъ, что сегодня остаемся здѣсь ночевать, а завтра въ одинъ день отсчитываемъ всѣ сто тридцать полуверстъ до города Баркула!

Эта неожиданная и ничѣмъ не вызванная дневка тѣмъ болѣе удивила всѣхъ, что она была,—кто этому повѣритъ,—первая въ дорогѣ за все время нашего сухопутнаго странствованія!... Вотъ какъ ходятъ „ученныя экспедиціи Сосновскихъ“.

Воспользоваться ею, конечно, не удалось, потому что она была первая и неожиданная. Да и мѣсто-то бѣдное: ни интересныхъ растений, ни достаточно разнообразныхъ насѣкомыхъ; птицъ вовсе не было... Не было вблизи и красивыхъ или интересныхъ видовъ... Ужъ не оттого ли и задневали здѣсь, а не на перевалѣ?!

Сегодня я успѣлъ пересмотрѣть гербарій и спиртовныя коллекціи, по преимуществу пресмыкающихся и нѣкоторыхъ насѣкомыхъ, и къ величайшему огорченію увидалъ, что онѣ были разбиты на вчерашнемъ переѣздѣ: отъ богатаго собранія остался почти одинъ соръ; но винить въ этомъ я никого не могъ кромѣ ужасной дороги во вчерашнемъ ущельѣ, усѣянной огромными камнями,—да себя за то, что не перевезъ ихъ на рукахъ.

Если читатель и не испытывалъ подобныхъ невозвратимыхъ потерь, онъ все-таки пойметъ всю степень моего горя и бесполезной досады; но безъ этого путешествія, должно-быть, не обходится.

2 сентября.

Въ виду длиннаго перехода мы встали, когда еще было совсѣмъ темно, и тронулись въ путь, прежде чѣмъ солнце поднялось изъ-за горъ. И воздухъ былъ такъ холоденъ, что руки забли до боли.

Ѣдемъ вдоль той же широкой долины, окаймленной съ обѣихъ сторонъ почти параллельными градами горъ,—Ли-Хуа-Чанъ Цзы съ лѣвой стороны и Дунъ-Шанъ (или по-монгольски Нарынъ-

Бэръ) — съ правой. Небогатая растительность долины уже поблекла и представляет совсѣмъ осеннюю картину; впрочемъ изрѣдка попадаются еще кой-какіе цвѣты, напримѣръ, голубаго цвѣтія.

Черезъ нѣсколько времени я увидалъ вдали небольшія стада рогатаго скота и монгольскихъ барановъ (бѣлыхъ съ черными головами), потомъ встрѣтились поля пшеницы, мѣстами уже убранный, мѣстами еще стоящей на корню; а при видѣ воздѣланнаго поля и стадъ невольно ищешь гдѣ-нибудь вблизи людей или жилья ихъ; но я не нашелъ ни тѣхъ, ни другихъ: вдоль долины были разбѣяны только развалины бывшихъ деревень, и въ нихъ-то, должно-быть, и жили остатки прежняго густаго населенія. Въ настоящее время бѣольшая часть долины остается невоздѣланною, сохраняя только слѣды прежняго человѣческаго труда въ видѣ разграниченныхъ полей, опустѣвшихъ арыковъ и т. п. Вообще она имѣетъ теперь безжизненный видъ. Изъ птицъ здѣсь встрѣчались голуби, вѣроны и хищники; изъ насѣкомыхъ по преимуществу разныхъ породъ кузнечики.

Таковъ вообще характеръ этой равнины, по которой мы ѣхали цѣлый день, встрѣтивъ на дорогѣ постоянный дворъ въ разрушенномъ селеніи Куй-Су, гдѣ, я думалъ, будемъ ночевать вчерашній день.

Когда солнце уже склонилось къ горамъ и посылало намъ прямо въ лицо свои ослѣпительные лучи, мы съ трудомъ могли различить не очень далеко передъ собою длинную стѣну и четыре башни г. Баркуля, расположеннаго на отлогой покатости у подошвы невысокой гряды; и ни одинъ предметъ, кромѣ четырехъ башенъ, не возвышался надъ городскими стѣнами. Пусто было и кругомъ, только вправо отъ дороги видѣлся одинъ постоянный дворъ, и изъ воротъ его къ намъ на встрѣчу вышелъ сопровождавшій насъ отъ Хами мандаринъ Ли; онъ объяснилъ, что уже проводилъ передовую компанію въ городъ и, желая насъ встрѣтить, поджидалъ здѣсь.

Ли заставилъ насъ войти въ домъ, гдѣ живетъ какой-то старикъ-китаецъ, угостившій насъ хлѣбомъ и огурцами, вѣроятно, за посмотрѣніе на насъ. И отправившись отсюда вмѣстѣ, скоро достигли города.

Это былъ Новый городъ или Маньчжурскій (Синь-Чэнъ, Мань-Чжу-Чэнъ). Его землѣбитная, мѣстами полуразрушенная, стѣна тянется вдоль дороги и не имѣетъ съ этой стороны ни однихъ воротъ; изъ-за нея видѣется только верхушка одного дерева,

да крыша кумирни. За стѣной была мертвая тишина, изъ чего навѣрно можно было заключить, что тамъ людей нѣтъ. Дѣйствительно, заглянувъ чрезъ проломъ внутрь, я увидалъ, что она изъ городской стѣны превратилась, можно сказать, въ ограду кладбища, но наполненнаго не столько могилами, сколько хаосомъ развалинъ.

Миновавъ небольшое пространство, отдѣляющее Маньчжурскій городъ отъ слѣдующаго — китайскаго (Хань-Чэнъ), занятое старинными кумирнями, также наполовину или совершенно разрушенными, въѣзжаемъ въ Старый или Китайскій городъ — Лао-Чэнъ, въ воротахъ котораго висѣла клѣтка, — я думалъ, опять съ человѣческой головою, — нѣтъ, оказалось, съ парю сапогъ *). Но не спрашивайте у меня читатель, кому принадлежали они и чѣмъ носившій ихъ заслужилъ общее уваженіе.

Хотя и Китайскій городъ сильно пострадалъ во время войны, но въ немъ еще многое сохранилось, и въ общемъ онъ имѣетъ и теперь довольно красивый видъ, благодаря крышамъ многихъ кумиренъ, башенъ, а также жертвенницъ, стоящихъ передъ ними и передъ казенными домами.

Воздухъ въ городѣ, когда мы проѣзжали, былъ до того наполненъ дымомъ сжигаемаго въ печахъ навоза, и пылью, поднятою проходившимъ стадомъ и игравшими ребятами, что трудно было разглядѣть подробности улицы и ея домовъ... Какой пріятный переходъ отъ чистѣйшаго воздуха горной долины къ здѣшнему удушливому смраду и городской пыли!

Не очень многочисленные жители, женщины и дѣти выбѣгали изъ домовъ и съ удивленіемъ смотрѣли на насъ, а нѣкоторые чему-то смѣялись.

Миновавъ при описанной обстановкѣ нѣсколько грязныхъ переулковъ съ жалкими домиками и мелочными лавчонками, подъѣхали къ довольно красивымъ воротамъ казеннаго дома. Мандаринъ сошелъ съ лошади, то же сдѣлали и мы, и ворота передъ нами отворились; за ними, на обширномъ дворѣ, толпились солдаты въ форменныхъ одеждахъ и шляпахъ. Ли взялъ меня и Ма-

---

*) Въ Китаѣ есть обычай просить начальнига города, если онъ заслужилъ общую любовь, но по распоряженію правительства долженъ уѣхать въ другое мѣсто, оставить городу на память тѣ сапоги, въ которыхъ онъ въѣзжаетъ изъ него. Смыслъ этого обычая тотъ, что человѣка нѣтъ, а слѣды его остались и по уходѣ.

тусовскаго подь руки и повелъ чрезъ этотъ дворъ, чрезъ другія отрывшіяся передъ нами ворота и нѣсколько слѣдующихъ дворовъ; наконецъ подвелъ къ дому, и прямо съ террасы въ нѣсколько ступеней мы вошли въ комнату, гдѣ находились раньше пріѣхавшіе спутники и хозяинъ дома, „баркульскій начальникъ“ (Чжэнь-Тай), какъ его намъ представилъ Андреевскій,— по имени Ванъ. Онъ принялъ насъ и вообще держалъ себя просто, безъ всякихъ церемоній, обязательныхъ для каждаго образованнаго китайца, и своими манерами напомнилъ мнѣ знакомаго читателямъ „атамана-разбойника“ въ г. Сянь-Динь-Фу. Онъ, оказалось, также былъ раньше знакомъ съ европейцами и, можетъ-быть, копировалъ ихъ, но также весьма неудачно: не то онъ обращался съ нами сразу по товарищески, не то свысока,— не разберешь.

За ужиномъ, который для насъ съ Матусовскимъ былъ только обѣдомъ (по обыкновенію), мы узнали, что мандарины Чжу, Пинъ и Го, предполагавшіе доѣхать съ нами до слѣдующаго города (Гу-Чэнь), возвращались въ Лань-Чжоу отсюда.

Потомъ Ванъ сообщилъ намъ, что въ этой же комнатѣ онъ принималъ Павлова, и указалъ мѣсто, гдѣ онъ спалъ, — мѣсто почетное, то же самое, которое теперь занималъ Сосновскій... Да и какъ же иначе могли они принимать ихъ: эти казаки и капитанъ русской службы теперь люди нужные; они теперь китайскіе интендантскіе чиновники и ѣдутъ по ихъ же дѣлу, по дѣлу доставки китайцамъ столь необходимаго для нихъ хлѣба... Ванъ рассказалъ еще, что Павлова проводили отсюда съ большимъ конвоемъ и, между прочимъ, что, при возвращеніи этого конвоя, на послѣдній было сдѣлано нападеніе разбойниками, одинъ человѣкъ убитъ и отнято семнадцать лошадей... (Какая странная пропорція!)

День кончился, наступила лунная, очень холодная ночь, и, поглядывая на тоненькую переборку съ дверьми и окнами, заклеенными бумагой, я только удивлялся, какъ могутъ здѣшніе жители проводить въ такихъ домахъ зиму, которая здѣсь, на высотѣ 7000 футовъ, бываетъ очень суровая. Они, говорили мнѣ, въ теченіе всей зимы почти не снимаютъ мѣховаго платья ни днемъ, ни ночью.

3 сентября.

Для изученія города Баркуля Сосновскимъ назначенъ одинъ день вмѣсто двухъ, о которыхъ было объявлено вчера, и цѣль

этого приема уже известна,—обмануть своих спутников на цѣлыя сутки.

Я едва успѣлъ немного ознакомиться съ городомъ и во время осмотра замѣтилъ здѣсь ту особенность, что молодыя женщины и взрослые дѣвушки встрѣчались на улицахъ очень часто и ходили совершенно спокойно, безъ проявленія тѣхъ застѣнчивости и страха, какіе обыкновенно замѣчаются въ выраженіи лица и во всѣхъ движеніяхъ молодой китаянки, переступившей порогъ своего дома. Здѣшнія женщины представляли тотъ же некрасивый типъ, но были весьма нарядны: головы у всѣхъ украшены разными изящными булавками и яркими искусственными цвѣтами; день же былъ праздничный.

Въ Баркулѣ,—въ предпоследнемъ китайскомъ городѣ—мнѣ въ первый разъ довелось видѣть, какъ проходитъ *день мандарина*. Хотя этотъ день и ненормальный, потому что обычный ходъ жизни нарушенъ нашимъ пріѣздомъ, хотя я видѣлъ и не особенно много интереснаго, тѣмъ не менѣе рассказать объ этомъ стѣбитъ.

Ванъ провелъ прошлую ночь въ одной съ нами комнатѣ, расположившись на среднемъ изъ трехъ кановъ, отдѣленныхъ другъ отъ друга перегородками; въ этой же комнатѣ онъ пробылъ и весь нынѣшній день, выѣзжая куда-то лишь на короткое время.

Проснувшись рано утромъ, онъ вышелъ на дворъ, куда слуга принесъ и поставилъ на землю мѣдный тазикъ съ теплой водой и плававшей въ ней, непременно сѣрой, тряпкой, которая точно закономъ опредѣлена во всей Срединной Имперіи для умыванія гражданъ; Ванъ присѣлъ около него на корточкахъ и вытеръ себѣ этой тряпкой руки и лицо, предоставивъ потомъ имъ самимъ обсыхать на воздухѣ. Затѣмъ, позавтракавъ весьма плотно, онъ ходилъ цѣлое утро безъ всякаго дѣла, переходя отъ одного къ другому изъ насъ и порядочно надоѣдая своею, будто бы европейскою, безцеремонностью и чрезмѣрною любознательностью, заставлявшею его все разсматривать, спрашивая объясненія, многое трогать, а нѣкоторыя вещи даже развинчивать, да еще самостоятельно,—такъ, на примѣръ, сегодня онъ вынулъ всѣ винты изъ моего револьвера, который мнѣ потомъ пришлось собирать. (Онъ зналъ сборку и разборку оружія.)

Былъ ли Ванъ всегда такъ свободенъ отъ дѣлъ, какъ сегодня, или наше присутствіе мѣшало его занятіямъ, только онъ цѣлый

день ровно ничего не дѣлалъ; никто не являлся къ нему, и онъ къ себѣ никого не требовалъ.

Здѣсь же, въ этомъ Па-Ли-Куль (какъ китайцы произносятъ названіе этого города), я былъ еще разъ свидѣтелемъ того, какія странныя отношенія существуютъ въ Китаѣ между господами, т.-е. мандаринами, и ихъ прислугой.

Я упоминалъ нѣсколько разъ о томъ, какъ во время нашихъ визитовъ къ мандаринамъ весьма важнымъ, въ ихъ пріемную набивалась толпа прислуги и разнаго мелкаго люда, живущаго въ домѣ, для того, чтобъ посмотрѣть на рѣдкихъ заморскихъ гостей; и хотя эти люди и стояли въ сторонѣ, но держали себя очень просто, спокойно и даже свободно... Рядомъ же съ этими картинами, повидимому, патриархальныхъ отношеній, существующихъ между высшимъ и низшимъ классами, мнѣ не разъ приходилось наблюдать явленія совсѣмъ другаго рода, такъ что и не знаешь, какъ связать ихъ между собою. То же было и здѣсь.

Въ комнатѣ Ванъ-Чжэнъ-Тая, служившей его кабинетомъ и пріемной,—въ которой мандарины меньшаго ранга кланялись ему въ ноги,—слуги рассказывали такъ же развязно, какъ въ своихъ собственныхъ повояхъ,—все равно, въ отсутствіи ли хозяина, или когда баринъ находился здѣсь же... Случалось, напримѣръ, что показываютъ какую-нибудь интересную вещь ему, а находящійся въ комнатѣ слуга,—нерѣдко оборванный и грязный,—хотя и сзади, но непременно лѣзетъ также посмотрѣть на эту диковину и поближе... иногда почти на спинѣ у барина лежитъ. И мандаринъ, въ свою очередь,—если, напримѣръ, онъ пораженъ вещью,—непремѣнно обратится къ слугѣ съ какими-нибудь словами и подѣлится съ нимъ впечатлѣніями. Сцены эти здѣсь повторялись передъ моими глазами много разъ.

Потомъ, какъ-то выѣзжаетъ Ванъ изъ дому; прислуга въ его отсутствіи рассказываетъ всюду, съ любопытствомъ наблюдая за нашими занятіями и разсматривая разложенныя по комнатѣ наши вещи... Черезъ часъ за воротами раздается пущечный выстрѣлъ, извѣщающій о возвращеніи барина домой... И та же самая, сей-часъ изображенная, прислуга бросается во всѣ стороны и двери съ поспѣшными и отчасти таинственными криками:

— Лай-лэ! Лай-лэ! Да-женъ лай-лэ! (Пріѣхалъ, пріѣхалъ! Господинъ пріѣхалъ!)

Одни впопыхахъ скрываются, какъ отъ страшнаго врага, а другіе мигомъ выстраиваются на дворѣ въ двѣ шеренги, по обѣ-

нимъ сторонамъ входа, и когда баринъ проходитъ мимо на лѣстницу, они бухаютъ передъ нимъ въ землю, словно не вѣсть передъ какой святыней или недоступностью... Потомъ сейчасъ же за нимъ опять идутъ въ комнату для того, чтобъ снова обращаться со своимъ вельможей за панибрата и по прежнему чуть не лежать на его сплнѣ... Все это, разумѣется,—только обычай страны, освященные вѣками, и самимъ китайцамъ они отнюдь не странны.

Ванъ былъ большой любитель оружія, охотникъ до лошадей, дорогой сбруи и сѣделъ. Онъ показалъ мнѣ свой экипажъ, упряжныхъ муловъ огромнаго роста, свои сѣдла и уздечки дорогой работы; одно, напримѣръ, съ приборомъ стоило, по его словамъ, около двухъ тысячъ рублей. Показалъ до десятка ружей,—скорострѣльныхъ штуцеровъ разныхъ системъ и охотничьихъ, и даже магазинное ружье Уинчестера, шестнадцати-зарядное. Ему очень понравилась моя двухстволка, и онъ, долго осматривая ее, очень хвалилъ, спрашивалъ, что она стбитъ и не продамъ ли я ее.

— Не продамъ, но подарю, если она вамъ нравится, сказалъ я и попросилъ принять ее отъ меня на память вмѣстѣ съ пороховницей, дробникомъ и пистонницей.

Онъ былъ ужасно доволенъ и, желая отдарить чѣмъ-нибудь, спрашивалъ у меня, чего я желаю; но, не получая отвѣта, узналъ, что я продалъ свою лошадь и покупалъ другую, подарилъ мнѣ одну изъ своихъ, небольшую, но рѣзвую и съ хорошей рысью.

Ванъ привязался ко мнѣ, можно сказать, въ буквальный смыслѣ, и какъ ни плохо я говорилъ по-китайски, но онъ почти не отходилъ отъ меня,—все-то спрашивалъ и просилъ все показывать, точно знакомый вамъ пекинскій феноменъ, Янъ-Фанъ. И на удовлетвореніе всѣхъ его вопросовъ я ему пожертвовалъ вечеръ, показалъ нѣкоторыя свои вещи, изъ которыхъ его болѣе всего заняли хирургическіе инструменты, и онъ о многихъ операціяхъ слышалъ раньше, между прочимъ и о Кесарскомъ сѣченіи, но не зналъ, какъ онѣ дѣлаются; и я при помощи рисованія о многомъ поразказалъ ему. Увидавъ у меня нѣкоторые портреты, Ванъ присталъ съ неотступной просьбой снять также и съ него,—хоть маленькій, напримѣръ такой же, какіе я сдѣлалъ, и подарилъ на память провожавшимъ насъ мандаринамъ Чжу и Пинъ. Очень интересно всегда выходило у китайцевъ это — „хоть маленькій“: имъ, очевидно, думалось, что портретъ сдѣлать тѣмъ легче, чѣмъ онъ меньше. А нѣкоторые были еще милѣе и про-

силы „только одинъ“!.. И сколько такихъ просьбъ осталось, конечно, неисполненными...

Да и теперь, еслибъ не общій стыдъ, вслѣдствіе убогихъ подарковъ и платы Сосновскаго, не сталъ бы я Вана рисовать; точно такъ, какъ не подарилъ бы ему ружья и другихъ вещей, если бы не требовалось прикрывать гибельныя послѣдствія дунътанскаго крушенія.

4 сентября.

Послѣ долгихъ сборовъ въ дорогу, замедленныхъ нѣсколько укладкою подарковъ Ванъ-Чжэнъ-Тая, обогатившаго „будущую выставку“ Сосновскаго нѣсколькими кусками матерій и снабдившаго насъ разными припасами на дорогу, въ видѣ водки, опять окороковъ ветчины, разныхъ печеній и т. п., мы наконецъ отправились.

Транспортъ состоялъ теперь изъ девяти телѣгъ, тридцати верблюдовъ, съ тремя жожаками при нихъ и конвоемъ изъ тридцати конныхъ солдатъ, вооруженныхъ пиками и фитильными ружьями; а въ качествѣ распорядителя съ нами ѣхалъ изъ Баркуля новый мандаринъ Ли, человѣкъ среднихъ лѣтъ, съ умнымъ лицомъ, спокойными манерами, и вообще человѣкъ серьезный, но безъ всякой важности. Онъ съ перваго раза внушалъ къ себѣ довѣріе, — именно довѣріе...

Выѣхавъ за городъ, мы остановились у одной кумирни, расположенной неподалеку отъ сѣверной стѣны Баркуля, чтобы взглянуть на одинъ памятникъ, о которомъ туземцы говорили съ особеннымъ почтеніемъ и указывали на его большую древность, увѣряя, что онъ существуетъ три тысячи лѣтъ. Видъ же его и мѣстонахожденіе представляютъ слѣдующее: на тѣсненкомъ дворѣ кумирни Ло-ѣ мао, окруженномъ со всѣхъ сторонъ строеніями и скрытомъ въ тѣни большаго развѣсистаго вяза, стоитъ маленькая деревянная бесѣдка съ рѣшетчатыми боками и черепичной крышей, ветхая и покосившаяся на сторону: въ ней-то и находится знаменитый памятникъ, называемый Цинъ-Чжанъ-Бэй, которому она служитъ защищающимъ колюкомъ. Самый памятникъ есть торчащій изъ земли кусокъ дорогаго камня Юй (нефрита), болѣе двухъ аршинъ въ вышину, около аршина ширины и въ три четверти толщины; а въ землѣ, говорятъ, онъ расширяется во всѣ стороны, представляя въ цѣломъ подобіе опрокинутаго гриба; это его естественная форма. Одна сторона его отполирована, и

на ней-то будто бы три тысячи лѣтъ тому назадъ полководецъ Чжанъ собственноручно вырѣзалъ надпись, представляющую перечень его походовъ и побѣдъ.

Съ этого памятника, какъ и съ другихъ подобныхъ, китайцы дѣлаютъ, объясненнымъ выше механическимъ способомъ, снимки, которые раскупаются, говорятъ, въ большомъ количествѣ, когѣбекъ по пятнадцать за каждый. Мы получили вчера по одному экземпляру въ подарокъ отъ мандариновъ Чжу и Пинъ, и, передавая ихъ, они объясняли намъ, что эти снимки очень хорошо держать въ домахъ, потому что они предохраняютъ отъ пожара; они, казалось, чистосердечно вѣрили этому; а можетъ-быть только повторяли чужія слова машинально, не задумываясь надъ ними.

Не безъ сожалѣнія разставались мы съ нашими симпатичными спутниками, Чжу, Пинъ и Го, къ которымъ успѣли привязаться за два мѣсяца, проведенные вмѣстѣ въ дорогѣ... Вѣдь это два года въ обыкновенной жизни! Привыкли и они къ намъ и также сильно грустили передъ разлукой. Мы простились, по китайскому обычаю, не въ городѣ, а за городомъ, въ нарочно для этой цѣли выставленной палаткѣ. Провожавшіе находились въ ней и, выйдя на встрѣчу, ввели насъ внутрь и здѣсь прощались. Въ эту минуту многое хотѣлось сказать другъ другу; но они по-русски ничего не знали, а я отъ волненія могъ сказать по-китайски еще менѣе обыкновеннаго. Съ обѣихъ сторонъ выражались желанія еще увидѣться когда-нибудь; мы звали ихъ къ себѣ въ Россію; они давали обѣщаніе и просили опять пріѣзжать къ нимъ; но каждый понималъ, какъ трудно осуществить эти желанія и обѣщанія. Еще разъ пожавъ другъ другу руки, мы вышли изъ палатки, сѣли на лошадей и уѣхали, еще долго прощаясь издали взглядами и знаками.

Оставшіеся друзья-туземцы стояли возлѣ палатки, смотря намъ вслѣдъ и, махая своими шапочками, которыя они научились снимать по нашему обычаю, не уходили, пока къ нимъ не подѣхали другіе наши спутники; и они снова вошли вмѣстѣ въ палатку. Прощайте, добрые люди! Лично къ вамъ мы чувствовали искреннюю симпатію; всегда съ удовольствіемъ и благодарностью вспоминаемъ о васъ, и встрѣча съ вами была бы очень большою радостью!..

Дорога пошла по малозанимательной мѣстности; ничто особенно не привлекало къ себѣ мыслей, и онѣ тѣмъ болѣе возвра-

щались къ только-что покинутымъ людямъ... Мнѣ за нихъ становилось жутко, когда я представлялъ себѣ ихъ снова проѣзжающими пустыни и разоренныя мѣстности на обратномъ пути.

Кромѣ того хотѣлось бы знать, какія воспоминанія оставили въ нихъ мы, какъ они насъ поняли, къ какимъ заключеніямъ пришли; какъ хотѣлось бы слышать теперь ихъ разговоры... Поняли ли они что-нибудь правильно, или выведутъ фальшивое заключеніе о Россіи и русскихъ людяхъ вообще, о которыхъ раньше они ничего, или почти ничего, не знали по личному наблюденію; а теперь должны будутъ судить по видѣнному образцу.

Среди такихъ размысленій ѣхали мы, двигаясь все по продолженію той же долины, по которой прибыли въ Баркуль, и характеръ мѣстности не представлялъ ничего новаго до самаго ночлега, который мы нашли сегодня въ маленькомъ домикѣ одного разореннаго селенія, Ку-Гэй-Чуань. Мы съ товарищемъ расположились было на дворѣ въ палатѣ, но поднявшійся холодный вѣтеръ заставилъ насъ перейти изъ нея въ тѣсную и грязную избу, гдѣ мы расположились на одной изъ двухъ глиняныхъ лезаноевъ, покрытой циновкой.

5 сентября.

Наступило пасмурное утро, и хотя дождя не было, но въ воздухѣ чувствовалась влажность; вѣтеръ продолжался.

Китайцы опять продовольствуютъ насъ, и мы принимаемъ все, какъ должно... Порядка въ движеніи опять нѣтъ, всѣ мало-помалу разбились: Сосновскій съ компаніей и конвоемъ самъ по себѣ, транспортъ самъ по себѣ; а Матусовскому прилаживаться ни къ тому, ни къ другому нельзя, такъ какъ онъ ведетъ систематическую работу, и всѣмъ бы слѣдовало приспособляться къ нему, если нужно держаться вмѣстѣ. Но это до сихъ поръ не признавалось необходимымъ. Такъ было всю дорогу, такъ „авось“ и до дому доберемся.

Вскорѣ послѣ отъѣзда съ ночлега мы увидали вправо, не вдалекѣ отъ дороги, соленое озеро Баркуль, лежащее на той же долинѣ, ближе къ сѣверной градѣ окаймляющихъ ее горъ; передъ нами, по сю сторону озера, тянулось довольно большое поле созрѣвшей, но еще не снятой пшеницы; за ними разстилались уже пожелтѣвшіе луга съ разбросанными по нимъ селеніями и домиками, а за этими лугами синѣла поверхность озера, окаймленнаго бѣлымъ кольцомъ осѣвшей на его берегахъ соли.

Кругомъ безжизненно и пусто; и только, когда я набрасывалъ рисунокъ мѣстности, мимо проѣхали три бѣдые и грязные китайца, сидѣвшіе на двухъ возахъ сноповъ, уложенныхъ на оригинальныя двухколесныя телѣги, запряженныя каждая двумя ко-ровами. Но и ихъ появленіе доставило мнѣ то чувство удовольствія, какое испытываешь при встрѣчѣ съ людьми въ почти необитаемыхъ мѣстностяхъ...

Дальше дорога была скучна, потому что вблизи, подъ ногами, не встрѣчалось ничего занимательнаго, а окрестность въ теченіе цѣлаго дня движенія представляла все одну и ту же долину, окаймленную почти голыми горами. Послѣднія, постепенно сближаясь на западѣ, казались, совершенно замыкали долину; и это мы видѣли передъ собою утромъ; то же самое представлялось глазамъ и вечеромъ.

Глинистая почва, мѣстами усѣянная галькой и какъ бы щебнемъ, изрыта множествомъ сусличьиxъ норъ но обитатели ихъ не показываются, вѣроятно потому, что они уже залегли въ зимнюю спячку. Встрѣчалось очень много слѣдовъ антилопъ, и ихъ самихъ я видѣлъ сегодня штукъ до десяти; по одной стрѣлялъ, но съ очень большаго разстоянія, да и стрѣлялъ я пудей плохо, потому что я даже ружья своего порядочно не зналъ, а знать его не могъ, потому что стрѣлять намъ запрещалось. (Тогда я еще не зналъ, что патроны, которыхъ у насъ было тысячь шесть однихъ ружейныхъ, какъ и отпущенные изъ казны штуцера и револьверы предназначались совсѣмъ не для ученой экспедиціи, а для охраненія хлѣбныхъ каравановъ Сосновскаго.) А тутъ насъ начинаютъ тревожить мысли объ опасности по поводу слуховъ о разбойникахъ, учинившихъ въ послѣднее время грабежи и убійства на предстоящемъ намъ пути; пожалуй, и отстрѣливаться нужно будетъ.

Пріѣзжаемъ съ товарищемъ на пикетъ Лэй-Ба-Чуань; расположились въ одной комнатѣ крошечнаго домика, а въ сосѣдней, слышимъ, у нашихъ спутниковъ идетъ слѣдующая бесѣда съ провожающимъ насъ мандариномъ Ли.

— Я слышалъ, говорилъ Сосновскій,—что на третьемъ переходѣ отъ Баркуля, то-есть куда мы завтра придемъ, есть разбойники... Такъ, вѣдь, они могутъ сдѣлать нападеніе...

— Нѣтъ! никакихъ разбойниковъ нѣтъ, совершенно спокойнымъ тономъ, и даже немножко посмѣиваясь, отвѣчаетъ Ли, полагая, что съ нимъ шутятъ.

— Какъ никакихъ разбойниковъ нѣтъ!.. Спросите его, во сколько ли завтрашній переходъ?

— Шестьдесятъ ли.

— А послѣ завтра?

— Восемьдесятъ.

— Такъ вотъ что: нельзя ли эти два перехода сдѣлать въ одинъ день, чтобъ обойти то мѣсто, гдѣ, мнѣ положительно говорили, есть разбойники.

— Да не нужно этого дѣлать, не бойтесь,—разбойниковъ нѣтъ; ужъ вѣрите мнѣ,—вѣдь я тутъ все знаю.

— Да что же онъ тутъ будетъ мнѣ рассказывать—нѣтъ, когда я положительно знаю, что есть; и поэтому я нахожу нужнымъ, во что бы ни стало, пройти этотъ пикетъ мимо, не ночуя на немъ.

Откуда были получены нашимъ капитаномъ „положительныя“ свѣдѣнія о существованіи на третьемъ пикетѣ разбойниковъ, мы не знали, а спрашивать, разумѣется, не смѣли, потому что это „не входило въ предѣлы нашей компетентности“; мы только догадывались, что, вѣроятно, основаніемъ для нихъ послужилъ уномянутый смутный рассказъ объ убійствѣ одного изъ возвращавшихся провожатыхъ Павлова; и, какъ лично заинтересованные, слушаемъ, что будетъ дальше.

— Я думаю, напротивъ, убѣждалъ Ли, что если въ этомъ мѣстѣ опасность дѣйствительно есть, то намъ слѣдуетъ придти на пикетъ засвѣтло, укрѣпить свой лагерь и на всякій случай быть готовыми къ оборонѣ. Идти же ночью, какъ намъ придется, это значить дать непріятелю всѣ способы разграбить транспортъ, угнать верблюдовъ и, пожалуй, перебить людей.

— А не можемъ ли мы пройти сто сорокъ ли въ одинъ день не захвативъ ночи? спросилъ, помолчавъ, Сосновскій.

— Положимъ, что мимо пикета мы пройдемъ днемъ; но вѣдь разбойники не сидятъ тамъ постоянно. Если они есть, то, конечно, они станутъ слѣдить за нами до перваго удобнаго случая къ нападенію.

Разговоръ продолжался еще въ такомъ же родѣ, и чѣмъ кончился, мы не знали, потому что, чтобъ не смущаться, ушли въ поставленную для насъ на дворѣ палатку.

Наступила ночь, тихая, ясная и холодная; въ нашемъ лагерѣ, расположившемся на просторномъ дворѣ, еще горѣли костры, двигались и разговаривали люди, ревѣли, выражая свое неудовольствіе, верблюды, по случаю того, что ихъ насильно уклады-

вали спать; звучалъ мѣдный тазъ караульнаго,—и подъ эти звуки, къ которымъ ухо совершенно привыкло, мы стали засыпать... какъ вдругъ насъ разбудилъ поднявшійся въ лагерѣ шумъ, топотъ забѣгавшихъ людей и многихъ лошадиныхъ копытъ... Но черезъ минуту, слышимъ, шепчуть:

— Пріѣхалъ, пріѣхалъ! Ванъ-Чжэнъ-Тай пріѣхалъ, и съ нимъ еще тридцать человѣкъ конвой.

Сегодня вечеромъ въ лагерѣ дѣйствительно распространился слухъ, что изъ Баркуля пріѣдетъ самъ Ванъ и будетъ сопровождать насъ до того мѣста, гдѣ насъ встрѣтятъ новые мандаринъ и конвой, высланные изъ Гу-Чэна. Этому слуху однако плохо вѣрилось, потому что Ванъ, прощаясь съ нами въ Баркулѣ, ничего не сказалъ о подобномъ своемъ намѣреніи, и теперь мы были очень заинтригованы его появленіемъ... Для чего понадобился этотъ неожиданный пріѣздъ? для чего усиливается конвой? спрашивали мы себя.

Но рѣшеніе этихъ вопросовъ пришлось отложить до слѣдующаго утра, потому что среди нашей обычной безтолковщины трудно узнать что-нибудь даже днемъ, не только ночью.

6 сентября.

Выходимъ изъ своей палатки и идемъ поздороваться съ пріѣхавшимъ Ванъ-Чжэнъ-Таемъ, ищемъ его по лагерю, но нигдѣ не видимъ. Спрашиваемъ, гдѣ его найти; намъ говорятъ, онъ вовсе не пріѣзжалъ, а прибылъ изъ Баркуля только новый конвой, дѣйствительно еще изъ тридцати человѣкъ, и съ ними офицеръ, но не Ванъ; значить, вчера ошиблись только въ имени...

А конвой все-таки усиленъ до шестидесяти человѣкъ; это знаменательно!

Въ ожиданіи отправленія въ путь мы обращались человѣкамъ къ десяти съ другимъ вопросомъ: сколько же ли предполагается пройти сегодня, шестьдесятъ или сто сорокъ? Но никто не зналъ. Должно-быть, не сто сорокъ, какъ предполагалъ вчера Сосновскій, думаемъ себѣ,—потому что намъ свазали, что онъ недавно уѣхалъ съ казакомъ Степановымъ на охоту, на то самое мѣсто, гдѣ одинъ монголь, изъ погонщиковъ нашихъ верблюдовъ, сегодня убилъ аргали и антилопу...

Пока ожидали его возвращенія, въ лагерѣ шли сборы въ дорогу, а охотникъ монголь снималъ кожу съ убитыхъ животныхъ,

Я стоялъ и смотрѣлъ съ любопытствомъ на изумительныя быстроту и ловкость, съ какими онъ дѣлалъ свое дѣло: на каждое животное онъ употребилъ едва ли болѣе двухъ, трехъ минутъ, что и не мудрено при употребленіи имъ такихъ инструментовъ, какъ его пальцы, подобныя желѣзнымъ клещамъ, да здоровый булакъ, которымъ онъ пользовался, какъ скальпелемъ, при отдѣленіи кожи.

Мы узнали, что новыя конвойныя пріѣхали вчера прямо изъ Баркуля, т.-е. сдѣлавъ безъ отдыха сто шестьдесятъ ли, что многіе изъ нихъ отстали въ дорогѣ и добрались только сегодня на зарѣ; слѣдовательно, лошади ихъ не успѣли ни поѣсть, ни отдохнуть достаточно; поэтому мандарины рѣшили между собою, что сегодня и думать нечего дѣлать два перехода, — но ничего объ этомъ впередъ не объявляли и, когда все было готово, отправились въ путь.

Дорога пошла холмистою степью, покрытою разноцвѣтною растительностью, то еще ярко-зеленою, то получившею, вслѣдствіе поздней поры года, сѣрый, оранжевый или малиновый оттѣнки.

Эта растительность очень своеобразна по своему виду, и земля, покрытая ею, не представляетъ ничего похожаго на наши луга или степи. У насъ трава покрываетъ почву сплошь, какъ ковромъ; а здѣсь по поверхности пропитанной солью земли или растутъ мелкій корявый кустарникъ, или въ ней словно натканы щетки въ видѣ ежей, или какъ будто разложены — не то шайки, не то полусферовидныя подушки, зеленого или краснаго цвѣта, и на видъ такія пушистыя; надъ ними же возвышаются только сухія былинки злаковъ, по преимуществу кусты высокаго чія. Въ общемъ, степь отчасти напоминаетъ наши кочковатыя болота, только въ сухомъ видѣ, и между этими, такъ-сказать, кочками остается совсѣмъ голая почва.

Таковъ характеръ здѣшней степи; и онъ былъ для меня новостью, — раньше подобной не встрѣчалось. Мѣстами злакъ чій густо покрываетъ огромныя пространства, глядя на которыя иной разъ забудешься на время, и покажется, что видишь передъ собою родныя поля, что проѣзжаешь между двухъ стѣнъ высокаго хлѣба.

Почва волнуется, и мы цѣлый день то поднимались на отлогія поватости гигантскихъ холмовъ, то спускались по ихъ такимъ же отлогимъ склонамъ на противоположную сторону, — медленно, скучно и утомительно, потому что страна безжизненна.

Наконецъ, только передъ закатомъ солнца, съ вершины послѣдняго холма мы увидали передъ собою нашъ, уже разбитый, лагерь и несказанно обрадовались этой картинѣ, потому что цѣлый день находились подъ гнетомъ пугавшей насъ мысли: а что, какъ выйдетъ распоряженіе во что бы ни стало обходить разбойниковъ и тащиться всю ночь!..

Слава Богу, — значить рѣшили не обходить. Приѣхали, и съ наслажденіемъ разлеглись въ нашей, также уже поставленной, палаткѣ, на приготовленныхъ постеляхъ. И кто самъ не страствовалъ такъ, тому не понять всего наслажденія, какое испытываешь, когда, сойдя съ лошади, послѣ многихъ часовъ ѣзды шагомъ, ляжешь на постель... Хотя это повторяется каждый день, но степень наслажденія всякій разъ одинакова. Мы даже забыли, что находимся теперь именно на томъ страшномъ „третьемъ пикетѣ“ (У-Ту-Шуй), о которомъ вчера шла рѣчь; забыли спросить, какъ же это остались тутъ, а не прошли мимо?.. И только послѣ узнали, что мандарины просто не согласились идти дальше, и только.

— Мы, говорятъ, за казенныхъ лошадей отвѣчать должны; а они у насъ подохнутъ, если имъ не давать ѣсть, да дѣлать переходы по сту сорока ли въ одинъ день отвѣтилъ Ли коротко и ясно.

И онъ заслужилъ отъ насъ мысленную похвалу за правильность сужденій и благоразумныя дѣйствія. Такимъ образомъ наша жалкая обезьяна... Что бишь я хотѣлъ сказать о ней?.. Да... Ночи въ то время стояли очень холодныя, и обезьяны, которыхъ у насъ было три, стали сильно забнуть.

Одна принадлежала мнѣ, и потому я имѣлъ право позаботиться объ ея участи; сегодня посадилъ ее къ себѣ въ палатку, и она была чрезвычайно довольна своимъ новымъ помѣщеніемъ, особенно когда я устроилъ надъ нею будочку изъ циновки. Послѣдняя любезность такъ тронула ее, что она долго не переставала выражать мнѣ по своему чувства удовольствія и, можетъ-быть, благодарности. Я уже раньше зналъ это выраженіе, состоящее въ ласковыхъ взглядахъ, особыхъ звукахъ голоса, похожихъ на хрюканье, и въ очень быстромъ причмокиваніи губами, которыя она при этомъ сильно вытягивала впередъ.

7 сентября.

Несмотря на „положительное существованіе на третьемъ иккетѣ разбойниковъ“, ночь прошла совершенно покойно; разговоры о сидящихъ тамъ злодѣяхъ забылись, и теперь, должно быть, всякая опасность миновала, потому что, когда мы отправились сегодня, Сосновскій, проѣхавшій изъ предосторожности два дня верхомъ, снова пересѣлъ въ телѣгу. Это самый лучший признакъ, что никакая бѣда не грозитъ, значить можно заниматься предметами мирнаго свойства.

Поговоримъ еще объ обезьянахъ. Онѣ въ дорогѣ очень занимаютъ конвойныхъ солдатъ, вообще какъ видно незнакомыхъ съ ними или очень мало; особенное же удовольствіе доставляетъ имъ старая умная обезьяна,—ласковая съ добрыми и злая съ тѣми, кто ее дразнилъ, на что всегда находится больше охотниковъ. Ей суждено было играть въ экспедиціи почтенную, но трудную роль хранителя нашей казны; она честно исполняла службу и, благодаря ей, вскорѣ кончила свою жизнь, подъ вліяніемъ укачиванія и холодныхъ ночей.

Хотя никакая опасность казни и не угрожала, Сосновскій все-таки приказалъ сажать обезьяну не въ телѣгу, а на одного изъ тѣхъ верблюдовъ, которые везли ящики съ серебромъ. Бѣдное животное ужасно страдало, принужденное ѣхать на качкомъ „кораблѣ пустыни“; ужасно было смотрѣть на ея мученія, ясно выражавшіяся въ ея дѣйствіяхъ: она то металась изъ стороны въ сторону, то припадала грудью и головой къ ящику; опять вскакивала, грызла зубами цѣпь, за которую была привязана... И я даже радъ былъ за нее, когда дня черезъ два смерть положила конецъ ея пытѣѣ, прекратить которую или облегчить никто не смѣлъ, потому что мы теперь слишкомъ хорошо знали дисциплину и всякой „оппозиціи“ избѣгали.

За цѣлый день дороги по степи не представилось ровно ничего интереснаго. Пришли на ночлегъ въ село Цзи-Цзи-Тэй-Цзы. И оно все въ развалинахъ, къ какимъ мы ужъ такъ привыкли, что онѣ перестали вызывать въ насъ какія-либо мысли или чувства: намъ стало казаться, что полуразрушенные города, въ концѣ разоренныя и обезлюденныя села суть нормальный порядокъ вещей всякой государственной жизни; насъ поражали теперь не развалины, а наоборотъ уцѣлѣвшія зданія или города; до нѣкоторой степени удивляло также появленіе каждаго чело-

вѣка, и на это смотришь въ нѣкоторой степени какъ на событіе. Такъ, на сегодняшнемъ ночлегѣ встрѣтили какихъ-то китайцевъ, ѣхавшихъ въ Баргуль,—это ужъ событіе и въ немалой степени приятное. На людей идешь смотрѣть, и ихъ хочется изучать до мельчайшихъ подробностей, какъ на первыхъ порахъ знакомства съ ними.

Эти встрѣчные путники расположились здѣсь также на ночлегъ, неподалеку отъ нашей палатки, въ довольно хорошо, особенно внутри, сохранившейся кумирнѣ. Даже пять большихъ идоловъ стояли въ ней на своихъ мѣстахъ, трое на возвышеніи, въ сидячихъ позахъ, двое другихъ на полу, стоя; а стѣны ея были расписаны фресками... Но какую любопытную картину представляетъ теперь это мѣсто молитвы, занятое не неприятельскими солдатами, какъ можно бы было подумать, а самими же китайцами: къ столбамъ, стоящимъ передъ входомъ въ кумирню, привязаны лошади; внутри, на полу, разведены костры, и надъ ними повѣшены котелки, въ которыхъ кипятятъ воду; повсюду разложены разный дорожный хламъ, постели, платье. Возвышеніе, на которомъ возсѣдаютъ боги, превращено въ грязный кухонный столъ, заложанный лапшой и сырымъ мясомъ, и даже на самихъ идоловъ развѣсили ружья, сапоги, уздечки, а также куски говядины.

Дымъ отъ костровъ наполняетъ всю кумирню и заглушаетъ запахъ табаку и опія, который при мнѣ куриль здѣсь одинъ изъ жалкихъ сыновъ Поднебесья. Люди собирались ужинать и спать, и, не желая мѣшать имъ, я ушелъ къ себѣ въ палатку.

А тутъ узнаю, что приказано держать на-готовѣ револьверы и быть на-сторожѣ... Револьверы вынули изъ чехловъ и положили около себя,—это-то не трудно; а вотъ какъ быть на-сторожѣ при такой усталости!.. Но китайцы караулятъ насъ: всю ночь конвойные стрѣляли „для внушенія страха разбойникамъ“; часовой усиленно колотилъ въ мѣдный тазъ (ло), и завываніи звучавшей мѣди, какъ набатъ, разносились надъ мертвыми пространствами, оживленными лишь на нынѣшнюю ночь нашимъ присутствіемъ.

8 сентября.

Случай, на который приготовлялись истрелеты, не представилось, и ночь прошла спокойно... Слава Богу, говоришь себѣ; а съ другой стороны думаешь, — хоть бы ужъ съ разбойниками

подраться, что ли,—все бы немножко разнообразія прибавилось въ нашемъ машинномъ, ничѣмъ не осмысленномъ движеніи впередъ.

Наступилъ день. Сильный холодный вѣтеръ несъ густую надобдливую пыль, которая въ минуту покрывала всѣ предметы и почти не давала смотрѣть. Дорога отъ мѣста ночлега пошла между невысокими горами, и всѣ онѣ, даже ближайшія, казались задернутыми какой-то дымкой или желтоватымъ туманомъ отъ тонкой пыли, которая неслась въ воздухъ. Хотя небо было ясно, хотя солнце вполне открыто, но оно свѣтило черезъ слой этой пыли чрезвычайно тускло и замѣчательно, — совсѣмъ не грѣло, словно всю теплоту его поглощали эти поднявшіяся въ воздухъ неорганическія частицы; а ясный день казался ненастнымъ осеннимъ утромъ... Невесело! А тутъ еще опять предостерегаютъ насчетъ нападенія разбойниковъ или „хищниковъ“, какъ ихъ называлъ нашъ Смокотнищъ.

— Тутъ, сказываютъ китайцы, въ каждой щелѣ (щели) хищники сидятъ...—Вы, ваше высокоблагородіе, не отъѣзжайте далеко одни, говоритъ онъ мнѣ, — а то полѣзете за травкой за какой-нибудь, а васъ самихъ увезутъ совсѣмъ; и не найдешь послѣ.

Хотя мы не знали толкомъ, почему идутъ разговоры о возможности нападенія, хотя и не особенно-то вѣрили ходившимъ слухамъ, но шутить съ подобными предостереженіями въ такихъ мѣстахъ нельзя, и мы держали револьверы безъ чехловъ, зорко поглядывая по сторонамъ, особенно когда проѣзжали мимо часто попадавшихся сегодня развалины сель и мѣстъ съ хорошей кормовой травой и водой, гдѣ удобнѣе было держаться предполагаемымъ и возможнымъ бродягамъ... Но ни вблизи, ни вдали не видали за цѣлый день ни одного чужаго человѣка.

Годъ, вроденный въ тепломъ краю, и долго стоявшая передъ тѣмъ хорошая погода избаловали насъ, и мы сдѣлались чрезвычайно чувствительными къ холоду, а сильный вѣтеръ раздражалъ насъ, засыпая глаза пылью и мѣшая работать, что было особенно тяжело для Матусовскаго, который не могъ отложить своей съемки до другаго раза: всѣ двигались впередъ, слѣдовательно онъ долженъ былъ останавливаться и работать.

По обыкновенію останавливался и я, поджидая его. Во время одной изъ такихъ остановокъ въ солончаковой долинь, заросшей густѣйшимъ, почти въ ростъ человѣка высокими тростникомъ, который волновался отъ порывистаго вѣтра, какъ море во время

бури,—дѣлать ничего нельзя, собирать кромѣ тростнику нечего,— я и прилежъ въ его чашу... Читатель такъ и ждетъ, вотъ сейчасъ разбойники нападуть... Нѣтъ, прилежъ я на примятый тростникъ и словно въ рай попалъ: такъ тутъ было тихо, такъ мнѣ тепло стало, потому что вѣтеръ не проникалъ до меня чрезъ живыя зеленныя стѣны, которыя окружали меня со всѣхъ сторонъ. Я могъ и покурить покойно въ этомъ раю, и записать, что было нужно... Вотъ и домъ для степняка-кочевника, думаю себѣ.

— Ну, ну, поѣдемте, будетъ валаться-то, зоветъ Матусовскій, окончивъ свою работу, — а то еще „хишшники“ васъ увезуть.—И опять отдаемся вѣтру и холоду.

Да, неприятный, холодный день; и на кого ни помотришь всѣ на зимнемъ положеніи: китайцы,—мандарины и солдаты,—въ ватныхъ стеганныхъ курмахъ, а на иныхъ надѣты еще широчайшіе кожаные шаровары, обращенные мѣхомъ внутрь; лouchи-монголы (погонщики верблюдовъ),—въ овчинныхъ тулупахъ, сшитыхъ изъ двухъ мѣховъ, однимъ внутрь, другимъ наружу. Это все—„туземные термометры“ для настоящей поры года въ здѣшней мѣстности.

А мѣстность пустынна и скучна; растительность бѣдная и по виду мало отличается отъ гористыхъ участковъ Гоби; только-что здѣсь кормъ и вода встрѣчаются чаще, чѣмъ тамъ. И мнѣ нечего рассказать вамъ о ней, читатель, кромѣ нашего собственнаго движенія...

До пристанища еще далеко, говорятъ. Мы проголодались и, увидавъ одну пустую кумирню, стоящую въ разоренномъ селеніи Во-Шань-Цзы (мяо), заѣхали въ нее позавракать, въ защитѣ отъ вѣтра. Нашъ завтракъ состоялъ изъ холодной баранины и бѣлыхъ сухарей, которые передъ употребленіемъ размачивались въ холодномъ чаю. Жую свою пищу и расхаживаю по большому храму, рассматриваю его расписанныя стѣны и идоловъ; кожу и удивляюсь тому, что здѣсь, въ глуши, китайцы воздвигаютъ подобныя храмы... Впрочемъ, село лежитъ на проѣзжей дорогѣ и только теперь безжизненно и пусто, а раньше оно, должно-быть, было похоже на городокъ.

Лао-ѣ мяо (что въ переводѣ значитъ: Господень храмъ) расположена на вершинѣ довольно высокаго холма. Она хорошо построена и изящно отдѣлана, и, можетъ-быть, ея возвышенное положеніе спасло ее отъ разрушенія; въ ней помѣщается множество идоловъ, и въ лицахъ нѣкоторыхъ изъ нихъ есть выра-

женіе, жизнь,—сказалась мысль художника. Стѣны кумирни покрыты фресками, и хотя смысл ихъ не понятенъ, тѣмъ не менѣе онѣ интересны по богатству ничѣмъ не стѣсняющейся фантазіи. Не мало и выраженія проглядывало во многихъ лицахъ, напримѣръ, живаго юмора, и выраженіе достигалось лишь немногими чертами. Не лишены были прелести и фантастическіе пейзажи, очень напоминающіе тѣ, какіе дѣти,—художники по природѣ,—изображаютъ, какъ говорятся, „изъ своей головы“, или „отъ себя“, не стѣсняясь законами ни линейной, ни воздушной перспективы... Были тутъ и сцены, повидимому, изъ домашняго быта; и въ однихъ было столько поэзіи; въ другихъ, безъ всякаго поясненія, читалась весьма ѣдкая сатира.

— Эхъ, жалко, говорю,—времени нѣтъ! Тутъ бы часа два-три посидѣть,—интересное приобрѣтеніе можно бы сдѣлать...

— Ёшьте скорѣй, ворчитъ все время сердитый Матусовскій;—вотъ мы съ вами еще пятнадцать верстъ сдѣлаемъ; этого вамъ мало, что ли... На пятнадцать верстъ ближе въ дому будемъ... Да... „Въ хижину бѣдную, Богомъ хранимую“,—запѣлъ было онъ и задумался.

Я замѣчалъ, что товарищъ всякій разъ впадалъ въ какое-то уныніе, когда у насъ заходила рѣчь объ этомъ домѣ, то-есть о возвращеніи въ Россію; онъ точно носилъ въ груди какое-то предчувствіе, что мы больше не увидимъ родины.

— Кажется, не доживешь до того дня, продолжалъ онъ, когда мы уже опять ѣхали по дорогѣ,—до того дня, въ который знаешь себя не рабомъ, а снова русскимъ офицеромъ, и скажешь себѣ—слава Богу, я дома...

Приѣхали въ развалины села Та-Ши-Тоу и, когда собирались спать, снова начались разговоры о разбойникахъ. Но какъ это все у насъ послѣдовательно: ночью опасаются, а днемъ дозволяютъ транспорту растягиваться версты на три или болѣе!... Какіе же разбойники проглядѣли бы такую легкую добычу; ихъ, очевидно, здѣсь не было. Но это только мои мысли. Мандаринъ Ли взялъ мой бинокль и пошелъ на ближайшій высокій пригорокъ, осмотрѣть окрестность; а Сосновскій вышелъ изъ палатки и „на страхъ врагамъ“ сдѣлалъ два выстрѣла въ пространство.

— Если что случится ночью, отдавалъ онъ сегодня распоряженіе,—„то всѣмъ собираться вотъ сюда“;—онъ указалъ на дворъ на которомъ расположился весь лагерь.

Въ немъ проглядывало волненіе; но, кажется, онъ напрасно тревожилъ себя, потому что Ли оставался покойнымъ, и, смотря на него, мы не могли серьезно относиться къ рассказамъ о существующихъ здѣсь остаткахъ дунганъ; да и рассказываетъ-то о нихъ одинъ Сосновскій. Кромѣ того насъ должно было совершенно успокоивать слѣдующее простое разсужденіе. На здѣшнемъ пикетѣ живутъ постоянно десять человѣкъ китайскихъ солдатъ и при нихъ столько же лошадей; и если ихъ не грабятъ, если они живы, то, конечно, съ полною увѣренностью можно сказать; что никакихъ дунганъ здѣсь и вблизи нѣтъ, и даже проѣздомъ не бываетъ, а то бы ужъ не сдобровать этимъ солдатамъ. Я, впрочемъ, былъ мало опытный человѣкъ; но Матусовскій хорошо зналъ степь и обычай ея обитателей, хотя и не этихъ самыхъ мѣстъ.

Такимъ образомъ, мы нисколько не думали о дунганахъ-разбойникахъ и, ложась спать, раздѣвались, какъ всегда; оружіе, впрочемъ, держали на-готовѣ, ибо трусость и осторожность—двѣ вещи разные. Вспоминали мы здѣсь не разъ о нашемъ путешественникѣ Пржевальскомъ, и его примѣръ еще болѣе успокоивалъ насъ: онъ ходилъ вчетверомъ по подобнымъ мѣстамъ, да еще въ менѣе покойное время, и съ нимъ ничего важнаго не случилось... Положимъ, что то былъ Пржевальскій; но вѣдь онъ и шелъ самъ-четверть,—а насъ было до восьмидесяти человѣкъ, и мы дрожимъ; у насъ было шесть скорострѣльныхъ бердановскихъ штуцеровъ, столько же большихъ шести-ударныхъ револьверовъ Смита и Вессона; каждый изъ шестидесяти солдатъ китайскаго конвоя, худо ли, хорошо ли, былъ вооруженъ пикой или фитильнымъ ружьемъ, или лукомъ и достаточнымъ запасомъ стрѣль... Какъ ни плохо было ихъ вооруженіе, все же они представляли силу, и тѣмъ болѣе, что боевыя средства и предполагаемаго непріятеля состояли, конечно, изъ тѣхъ же фитилей и луковъ.

Съ нашими средствами обороны можно было ходить по степямъ и даже спать покойно; требовалось только одно, если ужъ ожидалось нападеніе ночью,—ставить караулы въ двухъ, трехъ мѣстахъ, чтобъ нападеніе не могло застать насъ врасплохъ; но ставились ли такіе, этого я не зналъ, потому что у насъ, даже въ минуты опасности, строго соблюдалось подраздѣленіе всѣхъ по „предѣламъ компетенности“.

И вотъ въ виду этой-то опасности нельзя было не сказать: слава Богу, что здѣсь нѣтъ разбойниковъ или тѣхъ удалцевъ,

какихъ, напримѣръ, въ киргизской степи называютъ „барантачами“, про которыхъ вамъ, можетъ быть, случалось читать. Барантачъ,—это не разбойникъ, а имъ можетъ быть всякій смѣлый и ловкій киргизъ; это, такъ-сказать—щука, существующая въ степи затѣмъ, чтобъ карась не дремалъ... Чуть только зазѣвался караванъ съ „карасемъ“ во главѣ: не стреножили лошадей, не поставили надежнаго караула на ночь,—глядь, къ утру и лошади и верблюды оказываются угнанными... А людей не убьютъ, не тронуть, ибо барантачъ не разбойникъ... Вотъ и извольте выбираться изъ безлюдной степи пѣшкомъ, бросая, разумѣется, весь багажъ, потому что везти его не на чемъ. Не угодно ли, напри- мѣръ, унести хоть только наши шесть ящиковъ съ серебромъ, котораго было,—ну, скажемъ для круглой цифры, — двѣнадцать пудовъ.

Но авось Господь помилуетъ это „экстраординарное“ серебро. Вѣдь меньше мѣсяца пути до нашей границы, и мы авось благополучно ввеземъ его опять въ Россію и обрадуемъ правительство экономіей.

9 сентября.

Вотъ и прошла тревожная ночь безъ всякой тревоги. Наступилъ тихій и ясный день, но въ воздухѣ еще виситъ, подобно мглѣ, поднятая вчерашнимъ вѣтромъ пыль.

Здѣсь уже осенью повѣяло, и сегодня былъ первый морозъ; и порядочный, какъ видно, судя по водѣ, покрывшейся довольно толстой ледяной корой... Вѣроятно, этотъ-то морозъ и ускорилъ смерть знакомой читателю старой обезьяны. Степановъ принесъ мнѣ ея трупъ, спрашивая, не нужна ли ея кожа.

— Разумѣется нужна; спасибо, что принесъ. Сегодня на ночь мы ее снимемъ.

Однако, это не удалось, потому что на ночлегъ пришли, когда солнце уже садилось, и скоро стало совсѣмъ темно.

Сдѣлавъ сегодня переходъ въ сто двадцать ли, мы благополучно достигли разрушеннаго селенія Сань-Го-Чуань-Цзы *). За весь переходъ въ степи не встрѣтилось ничего интереснаго или особеннаго, кромѣ нѣсколькихъ человѣческихъ костей, валявшихся

*) Названіе этого пикета, какъ и нѣкоторыхъ другихъ, на картѣ не вписано, по недостатку мѣста; но мѣстонахожденіе ихъ легко опредѣляется со- сѣдними названными пунктами.

на поверхности земли, — единственныхъ, которыя мнѣ случилось найти. Черепа не было, и кому принадлежали онѣ, какъ умерь ихъ бывший хозяинъ, не узнаешь. Вѣроятно, это былъ монголь, брошенный собакамъ на съѣденіе.

Я велѣлъ принести жертвую обезьяну въ палатку, чтобъ она не замерзла къ завтрашнему утру, потому что это мѣшаетъ пре-паровкѣ; и моя обезьяна, очень любившая ее, увидавъ трупъ, стала обращаться съ нимъ, какъ съ живюю, выразивъ полнѣйшее непониманіе явленія смерти. Недовольная тѣмъ, что къ ея заигрываніямъ относились съ полнымъ невниманіемъ, она сердито отвернулась и, послѣ еще одной попытки разыграть подругу, больше ужъ не подходила.

Когда мы собирались лечь спать, приходитъ къ намъ въ палатку Ли съ новымъ извѣстіемъ опять о разбойникахъ и опять съ предложеніемъ нашего начальника святъся теперь же съ мѣста и сдѣлать еще переходъ въ двадцать пять верстъ (50 ли).

— Вы согласны съ этимъ, спрашиваемъ мы, — думаете, что такъ поступить слѣдуетъ?

— Нѣтъ! отвѣтилъ онъ; — я, напротивъ, говорю, что ночью идти гораздо опаснѣе, особенно когда люди и животныя голодны и такъ устали, какъ теперь. Вѣдь сто двадцать ли прошли сегодня!... Я поставлю караулы, и мы на мѣстѣ будемъ гораздо безопаснѣе, чѣмъ растянувшись по дорогѣ, особенно же ночью...

Не согласиться съ нимъ было трудно, возразить нечего, и мы сказали, что готовы поступить такъ, какъ онъ найдетъ необходимымъ. Онъ ушелъ и болѣе не возвращался; значить, убѣдилъ и нашего начальника остаться ночевать здѣсь.

Бывшее селеніе Сань-Го-Чуань-Цзы, представляющее теперь однѣ развалины, лежитъ въ гладкой луговинѣ, и нашъ лагерь раскинулся между обломками стѣнъ на большомъ протяженіи. Начальникъ съ фотографомъ, переводчикомъ и казакомъ Степановымъ помѣстились въ одной порядочно сохранившейся кумирнѣ; въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея, на большомъ дворѣ, внутри его полуразрушенныхъ стѣнъ, были расположены телѣги, верблюды и снятые съ нихъ вьюки, и размѣстились кучками китайскіе солдаты; дальше, по тому же направленію, шагахъ въ двадцати за упомянутымъ дворомъ, стояла на свободномъ пространствѣ наша палатка; а въ такомъ же разстояніи отъ насъ по другую сторону, въ одномъ полуразрушенномъ домикѣ, устро-

ились переводчикъ Сюй, казакъ Смокотнинъ и наши китайцы, Тамъ, Ма и „Съвозной“.

Китайцы, по обыкновенію, долго не засыпали, громко болтали между собою; костры горѣли у нихъ цѣлую ночь; караульный точно въ колоколь звонилъ, стуча въ свой ло; и подъ эти говоръ и звонъ мы заснули тѣмъ здоровымъ крѣпкимъ сномъ, какимъ спится на свѣжемъ воздухѣ, въ походѣ, послѣ сильнаго утомленія и съ относительно покойною совѣстью.

10 сентября.

Миновала благополучно и эта ночь, и наступилъ достопамятный въ исторіи нашего путешествія день.

Утренняя заря уже глядитъ въ палатку; проснулись люди, и всѣ по немного собираются въ дорогу. Встали и мы, и я тотчасъ принялся за сниманіе кожи съ обезьяны. Подходить Матусовскій.

— Ну, кончайте „маіоры!“ Вотъ охота возиться... Бросьте да подите позавтракайте; а то и уѣдете такъ, — вѣдь васъ одного ждать не стануть?

— Сейчасъ, сейчасъ...

Черезъ минуту приходитъ опять.

— Супъ ужъ простылъ; чай готовъ; бросайте, — вѣдь все равно не успѣете кончить; ужъ ѣхать собираются.

Мнѣ не хотѣлось бросить, — вѣдь обезьяна вещь рѣдкая... Спѣшу, тороплюсь, — авось, думаю, успѣю додѣлать, „не задержавъ общаго движенія“...

Не прошло и нѣсколькихъ минутъ, какъ товарищъ возвращается... я думалъ, опять погонять меня, — нѣтъ съ другими рѣчами.

— Въ лагерѣ, говоритъ, — бьютъ тревогу... Но онъ сказалъ это такимъ же тономъ, какимъ сейчасъ совѣтывалъ мнѣ лучше ѣсть супъ и пить чай; и я не обратилъ никакого вниманія на слово—тревога, въ которому, въ тѣхъ случаяхъ, когда нужно защищаться, шуточно и спокойно относиться нельзя.

— Нѣтъ, я серьезно говорю, продолжаетъ Матусовскій; — всѣ готовятся къ оборонѣ; вблизи, говорятъ, показалась шайка дунганъ, и ожидаютъ, что они, вѣроятно, сейчасъ сдѣлаютъ нападеніе.

Я взглянулъ на него; — вижу говоритъ серьезно, и долженъ былъ повѣрить; но вѣрилось какъ-то на половину: не такъ, думаю, начинается тревога...

Выйдя изъ развалинъ домика, на окнѣ котораго, вмѣсто стола, производилась моя работа, я взглянулъ на лагерь... Дѣйствительно, вижу—всѣ въ волненіи; солдаты суетятся, хватаютъ оружіе и бѣгутъ на мѣста. Телѣги, уже навьюченные верблюды и всадники сбились на упомянутомъ дворѣ; пики подняты кверху или держатся на-готовѣ; въ рукахъ видны обнаженные тесаки и шашки... Но тамъ довольно тихо. Что-то происходитъ, но что именно, — я не могъ сообразить, потому что никакихъ общихъ распоряженій не дѣлается, и распорядителя никакого не видно; не вижу ни Ли, ни Сосновскаго, и ни сигнала, ни команды не слышно. Непріятеля тоже вблизи не видать, а мѣстность довольно открытая. Спрашиваю Матусовскаго; онъ тоже разбойниковъ самъ не видалъ и ничего толкомъ узнать не могъ.

Пришлось однако работу бросить, и я, кликнувъ своего слугу Ма, сталъ на-скоро мыть руки. Онъ льетъ изъ чайника воду и съ выраженіемъ на лицѣ плохо скрываемого страха говоритъ мнѣ, указывая пальцемъ:

— Вонъ разбойники... Ужъ идутъ... идутъ сюда.

Я взглянулъ въ указанную сторону и вижу на ближайшемъ холмѣ, не далѣе какъ въ одной верстѣ отъ насъ, нѣсколько всадниковъ, вооруженныхъ пиками, нѣсколько человѣкъ пѣшихъ, которые ведутъ въ поводу лошадей и одного верблюда... Вся эта компанія, какъ мнѣ показалось, въ десять или пятнадцать человѣкъ, беззаботно и не спѣша спускалась съ холма по направленію къ намъ и по своему виду походила просто на бѣдующихъ своей дорогой путниковъ... Говорятъ же,—это разбойники!...

— Да что же ихъ всего десять человѣкъ? Зачѣмъ же они пѣшкомъ идутъ? и какой это у нихъ верблюдъ? спрашиваю Ма.

— Это только передовые, а остальные спрятались за горой. Ихъ, говорятъ, много... Пѣшкомъ идутъ, чтобъ насъ обмануть; для того и верблюда ведутъ,—какъ будто такъ проходить.

Хотя и вѣроятно, но все какъ-то странно! Однако, у меня нѣтъ данныхъ, чтобъ сказать: все это вздоръ. Условія здѣшней жизни для меня новость, и я понималъ, что въ виду общаго приготовленія къ встрѣчѣ готовящагося нападенія, теперь не время спрашивать объясненій,—надо дѣйствовать, надо быть готовымъ исполнять команду; и я тороплюсь придти на мѣсто общаго собранія. Въ это время Танъ поспѣшно убралъ наши постели, снялъ палатку, вслѣдствіе чего налитыя для меня тарелка супу и чашка

чаю очутились стоящими на землѣ, просто посреди двора и всякаго сора.

Узнавъ отъ него, что непріятель еще не пришелъ, а только идетъ, я успѣлъ поѣсть супу и выпилъ чашку чаю,—а то поди потомъ, голодай цѣлый день, — закурилъ сигару, и, взявъ свои ружье и револьверъ, вошелъ во дворъ, на которомъ собрались всѣ и который теперь принималъ видъ военнаго укрѣпленія. Каждый человѣкъ держалъ какое-нибудь оружіе; иной—просто ножъ; и даже мой лукъ со стрѣлами, подарокъ Ванъ-Чжэнъ-Тая, былъ въ рукахъ Тана и превратился теперь въ орудіе обороны. Видно было по всему, что люди крѣпко рѣшились дешево себя не отдавать.

Прохожу чрезъ средину двора; по правую сторону его стоятъ тѣсной группой телѣги и за ними навьюченные верблюды, а по лѣвую—китайскіе солдаты съ оружіемъ, обращеннымъ влѣво же, откуда будто бы подходили разбойники, которые, надо думать, замыслили какую-нибудь очень хитрую штуку...

Стоимъ, и не безъ волненія ждемъ... Но неужели Ма былъ правъ, и группа людей и животныхъ, указанныхъ имъ, была дѣйствительно ожидаемый врагъ. Они всѣ спустились съ холма и, судя по времени, должны были бы уже подойти къ первымъ рядамъ нашего лагеря; однако, никто до сихъ поръ не показывался.

У самага двора проходила дорога, а за ней, по другую сторону, стояла упомянутая кумирня, въ которой ночевали спутники. Въ ней я увидалъ фотографа и переводчика, съ ружьями и револьверами на-готовѣ. Поздоровавшись, спрашиваю:

— Къ оборонѣ приготовились?

— Да, сейчасъ придуть; ужъ близко, отвѣтилъ Андреевскій, не то со страхомъ, не то съ удовольствіемъ.

— Кто придуть?

— Разбойники... Шайка дунганъ подходитъ..

Спрашиваю объясненія, но никакого толку добиться не могу: все гадательно, а самъ никто ничего не видалъ.

Матусовскій тутъ же ходитъ взадъ и впередъ и съ тоскливымъ выраженіемъ поглядываетъ по сторонамъ; близъ кумирни стоятъ два мандарина, только они одни безъ оружія и съ совершенно спокойнымъ и тѣмъ скучнымъ видомъ, какой бываетъ у подчиненныхъ, долгое время стоящихъ въ ожиданіи пріѣзда высшаго начальства,—но отнюдь не нападенія непріятеля, съ которымъ

предстоит сразиться не на жизнь, а на смерть. Достаточно было взглянуть на их позы и лица, въ которыхъ выражались только скука и полнѣйшее равнодушіе,—но ни тѣни страха или тревоги,—чтобъ придти къ заключенію, что и въ самомъ дѣлѣ никакой опасности нѣтъ. Они не дѣлали ни движеній, ни послѣднихъ распоряженій,—просто стояли и ждали... Чего? кого? Непріятеля?! Но развѣ такъ ждутъ непріятеля!

Хочу наконецъ спросить самого Сосновскаго, но его нигдѣ не видно... Все это было до крайности странно, загадочно, и я ровно ничего не понималъ. Мнѣ подумалось тогда, что кто-то надъ нами насмѣхаться вздумалъ.

— Да объясните мнѣ, пожалуйста, что-нибудь, обратися я къ Матусовскому,—вы таки видали виды, бывали въ степяхъ, и въ стычкахъ съ киргизами участвовали,—вамъ понятіе должно быть, что такое здѣсь теперь происходитъ?... Я, хоть убейте, ничего понять не могу.

— Я тоже ничего не понимаю.

— Надо спросить начальника, — онъ вѣрно знаетъ въ чемъ дѣло; вѣдь онъ приказалъ готовиться къ оборонѣ... Гдѣ онъ? вы не видали его, не спрашивали?

— Видѣлъ, только не спрашивалъ; думалъ, что само разъяснится. А гдѣ онъ теперь—не знаю; его ужъ что-то давно не видно.

Вскорѣ затѣмъ онъ вышелъ изъ-за кумирни; но въ какомъ видѣ! Одѣтъ въ полушубокъ, хотя на дворѣ было довольно тепло. Видъ совсѣмъ растерянный, почти болѣзненный. Говоря разными словами, съ которыми онъ обращался то къ тому, то къ другому, и смысла которыхъ я не понялъ, онъ безцѣльно переходилъ отъ телѣга къ верблюдамъ, отъ верблюдовъ къ своей лошади, хотѣлъ садиться на нее и не садился; опять шелъ къ телѣгамъ, звалъ къ себѣ то переводчика, то Степанова, желалъ повидимому, что-то сказать, но не произнесъ ни одной цѣльной фразы. Мой докторскій глазъ помимо воли видѣлъ и блѣдность его лица и замѣтилъ дрожаніе губъ.

А между тѣмъ теперь, именно теперь, требовался единственный глава, спокойный, твердый, знающій дѣло и умно распоряжающійся всѣми и всѣмъ. Теперь надо было дѣйствовать, командовать, повелѣвать, и всѣ были готовы къ исполненію приказаній. Но именно теперь не отдавалось никакой такой команды, каку бы можно было хотѣть понять, если не исполнить.

И въ виду этой сцены меня просто морозомъ осыпало: что же будемъ мы дѣлать, если въ самомъ дѣлѣ понадобится обороняться и защищать свою жизнь и имущество. Вѣдь мы всѣ, то-есть подчиненные, были забиты до идиотизма, превращены въ автоматовъ, и моментально не могли превратиться въ обыкновенныхъ людей, сознающихъ свою силу, свое человѣческое достоинство, способныхъ быстро и правильно сообразить, что нужно. Всѣ наши способности были придавлены, мы всѣ унижены, и осталась только механическая сила, которой еще можно было бы распорядиться; но распорядиться ею, какъ читатель видитъ, было некому. Начальникъ у насъ былъ до тѣхъ поръ, пока онъ былъ, можно сказать, не нуженъ. Теперь онъ нуженъ необходимо, и... его нѣтъ!...

Отчего было такъ, мы говорить не станемъ, а только передаемъ фактъ, совершившійся на глазахъ у всѣхъ; и такъ ли его всѣ поняли, какъ я,—не знаю; тѣ же, съ кѣмъ я говорилъ, поняли такъ точно. Полагаю, что въ такомъ же видѣ представился онъ и китайцамъ.

Пока эти мысли проходили чрезъ мою голову, всѣ стояли на прежнихъ мѣстахъ въ тѣхъ же позахъ; кто скучалъ или досадовалъ, кто сталъ дремать, а кто только призывалъ Бога на помощь.

Сначала еще спрашивали другъ у друга: въ чемъ дѣло, гдѣ непріятель, кто онъ? Теперь всѣ замолчали и точно ошпынѣли или замерли. Минутами мнѣ казалось что мы находимся на театральной сценѣ и изображаемъ живую картину храбрыхъ воиновъ, готовыхъ отразить натискъ непріятеля; то я задумывался надъ этимъ послѣднимъ и досадовалъ, что онъ такъ долго заставлялъ себя ожидать...

Спросить объясненія не смѣешь, да и видишь бесполезность всякихъ вопросовъ. И вотъ стою и стараюсь себѣ представить въ какомъ видѣ явится „непріятель“ и какъ начнетъ противъ насъ свои дѣйствія: онъ ли первый начнетъ ихъ или мы; позволять ли ему торжественно пройти по дорогѣ въ видѣ мирныхъ путниковъ, или первые ряды останавливать его, принявъ въ пики и давъ залпъ изъ ружей и луковъ; или впускать въ средину, и онъ тутъ начнетъ битву, произведя страшную сумятицу въ сбившемся въ кучу лагерѣ?...

Надоѣло и это, потому что ровно ничего не начинается; никто ни откуда не показывается, и молчаливая степь, кажется, смѣется

надъ нашей воинственной гримасой... Я сталъ смотрѣть то на того, то на другаго, думая, не узнаю ли чего хотя по выраженію лица. Взглянулъ пристально на мандариновъ; они стоятъ все такъ же и на прежнихъ мѣстахъ, съ прежнимъ выраженіемъ скуки,—точь-въ-точь, говорю, какъ подчиненные, ожидающіе прохода начальника, который непременно прійдетъ, но когда будетъ—точно неизвѣстно... Больше ничего на ихъ лицахъ прочесть не могъ; а на другихъ и могъ бы, и очень многое, и крупными буквами было написано, да читать не сталъ.

Видя наконецъ, что еще не скоро произойдетъ что-нибудь новое, я было пошелъ по дорогѣ впередъ, откуда ждали врага, — въ надеждѣ не увижу ли тамъ какихъ приготовленій у него, или его самого и можетъ-быть узнаю, думаю себѣ, отчего же онъ неидетъ; вѣдь ужъ добрый часъ, что мы стоимъ въ ожиданіи его... Пошелъ. Но Сосновскій остановилъ меня дрожащимъ голосомъ.

— Держитесь... господа... вмѣстѣ... и... въ случаѣ начала... дѣйствія... собирайтесь всѣ... вотъ въ эту кумирню.

Я сталъ на прежнее мѣсто, вмѣстѣ съ другими, и машинально взглянулъ на кумирню, долженствовавшую сдѣлаться нашимъ редутомъ.

Она представляла родъ открытой бесѣдки или маленькой театральной сцены; и я невольно сталъ обдумывать хоть этотъ, наконецъ сообщенный, планъ дѣйствій... Что же мы будемъ дѣлать, размышляю я,—если соберемся всѣ вмѣстѣ въ эту кумирню? Что если непріятель, напримѣръ, начнетъ атаку съ боку отъ насъ, на стоящихъ стѣною китайцевъ, или если станетъ грабить нашъ транспортъ, утонять верблюдовъ и нашихъ верховыхъ лошадей, бить людей?! Мы будемъ „держаться вмѣстѣ, собравшись вотъ въ этой кумирнѣ“ и смотрѣть, ожидая своей смерти?!

Чувствую, что читатель готовъ принять меня за сумашедшаго, который чепуху городить... Нѣтъ, я съ ума не сошелъ и рассказываю былъ.

— Но какая скука! восклицаете вы... А мы провели, вы думаете, веселый часъ?... Вы говорите, что ничего не понимаете, что такое тутъ происходитъ?—А мы, вы думаете, понимали что-нибудь!... Ровно ничего.

Можетъ-быть, разбойники еще долго продержатъ насъ въ этомъ положеніи, подумалъ я; можетъ-быть, мы и дневу еще здѣсь сдѣлаемъ,—такъ не успѣю ли я кончить свою работу?

Я сходилъ за оставленной жертвой обезьяной, которую нужно было или препарировать сегодня же, или бросить, чего мнѣ вовсе не хотѣлось. Принесъ ея трупъ въ мѣсто общаго собранія и, расположившись на остаткахъ одной стѣны, сталъ продолжать снятіе кожи, готовый каждую минуту стать въ оборонительную позицію, въ случаѣ нападенія...

Но не прошло десяти минутъ, какъ лагерь, словно пробудившись отъ сна, сталъ шевелиться и изъ оборонительнаго положенія перешелъ, къ моему новому удивленію, въ совершенно мирное, обыкновенное: какъ-то печально, мало-по-малу всѣ рѣшили что надо ѣхать,—будетъ стоять... Кто, какъ, когда и почему рѣшилъ,—опять неизвѣстно; такъ какъ-то,—всѣ и никто.

Гости иногда расходятся такъ, когда скучно бываетъ: сидятъ, сидятъ, потомъ всѣ вдругъ возьмутъ, соберутся и уйдутъ. Точно такъ случилось это и съ нашимъ лагеремъ: стояли, стояли въ ожиданіи чьего-то нападенія; потомъ взяли и стали собираться уѣзжать! Какъ передъ этимъ неизвѣстно было, почему мы испугались небывалыхъ разбойниковъ и ждали ихъ нападенія, такъ теперь было неизвѣстно, почему нашли нужнымъ и возможнымъ оставить оборонительную позицію и ѣхать впередъ своей дорогою... Совершалось, по истинѣ, что-то непостижимое, небывалое, можно даже сказать—непозволительное.

— Трогай!—Цзоу!—Яба!—раздались русскія, китайскія и монгольскія однозначашія слова. Люди стали садиться на лошадей; верблюды закачались со своими ношами, которыя они все это время держали на своихъ спинахъ; тронулись и заскрипѣли телеги, и никто не распоряжался.

Или, можетъ-быть, распоряжались всѣмъ китайцы; но такъ, что этого невозможно было замѣтить, и отъ моего наблюденія, по всей вѣроятности, исчезъ какой-нибудь актъ этой загадочной, забавной и вмѣстѣ съ тѣмъ въ высшей степени поучительной трагикомедіи,—поучительной въ томъ смыслѣ, что въ случаѣ настоящей бѣды, если такая придетъ, не жди команды, а дѣйствуй по своему усмотрѣнію, ибо распоряженій не будетъ. И къ этому выводу пришли всѣ.

Ужъ когда всѣ двинулись,—какъ я сказалъ, сами собой,—слышу раздаются въ родѣ предсмертнаго лепета слова храбраго капитана Сосновскаго:

— Ну, теперь... скажи, братецъ ты мой... чтобъ... тотъ... все равно, трогались... Теперь, что жъ! Пусть... тотъ... Или, лучше,

скажи... То-есть, тотъ... Ну, ужъ пусть вытягиваются... Вѣдь вотъ!...

А караванъ въ это время ужъ пошелъ, — какъ вы думаете куда?—по той самой дорогѣ, по которой, говорили, долженъ былъ придти непріятель! И никакого непріятели не оказалось...

Итакъ, въ нашему общему благополучію, сраженіе при селеніи Сань-Го-Чуань-Цзы не состоялось... А что такое состоялось, я такъ и не узналъ, потому что никто мнѣ ничего объяснить не могъ: о томъ же самомъ меня самого спрашивали.

Зналъ все, я думаю, только мандаринъ Ли: — что-то онъ ужъ былъ очень невозмутимъ, и судя по всему ни одной минуты ни въ какую опасность не вѣрилъ... Не онъ ли тутъ и сыгралъ съ нами штуку? Не имѣлъ ли онъ даже тайнаго предписанія испытать при случаѣ степень храбрости капитана Сосновскаго, очень развязно заявившаго Ли-Хунъ-Чжану, —помните въ Тянь-Цзинѣ, — что онъ „хорошимъ полководцемъ быть можетъ“. И, увы, китайцы видѣли этого полководца!

Когда онъ увидалъ предъ собою пустыя пространства, онъ нѣсколько оправился, велѣлъ всему каравану вытянуться въ одну линію, приказалъ, чтобъ тридцать человѣкъ конвоя ѣхали впереди транспорта, а тридцать другихъ—сзади, и чтобъ никто не отставалъ. Потомъ все-таки тяжело вздохнулъ и также поѣхалъ за другими.

— Авангардъ... впереди? теперь даже громко спросилъ онъ у Степанова, и получивъ, конечно, утвердительный отвѣтъ, отдалъ приказаніе „подгонять аррьергардъ!“ и видимо былъ доволенъ собою.

Всѣ уѣхали. Матусовскій же взомель на большой пригорокъ и остановился производить съемку; слѣдовательно, принужденъ былъ или отставать, или если не отставать, то бросить работу; но послѣдняго распоряженія не было сдѣлано. Напротивъ передъ отправленіемъ Сосновскій сказалъ, что „теперь, въ виду опасности, нужно ѣхать всѣмъ вмѣстѣ; поэтому, когда Зиновію Лавровичу нужно будетъ останавливаться для съемки, то весь транспортъ будетъ ожидать его“... Но, неизвѣстно для чего, говорю, была сказана эта фраза, потому что тотчасъ вслѣдъ за этимъ ушелъ весь караванъ; сѣлъ и уѣхалъ самъ начальникъ, окруженный своей компаніей и китайскимъ конвоемъ. Мы же въ числѣ пяти человѣкъ остались назади одни, и этого какъ будто никто не замѣтилъ...

Къ чему же бы это раздѣленіе могло привести, если бы въ самомъ дѣлѣ разбойничья банда слѣдила за нами и выжидала только благоприятнаго момента?!... предложили мы другъ другу этотъ вопросъ. И не подумать объ этомъ было нельзя... Всего вѣроятнѣе, къ смерти или взятію въ плѣнъ доктора Пясецкаго, штабсъ-капитана Матусовскаго и казака Смокотнина... Но какъ это было бы полезно! Тогда вы, читатель, не имѣли бы въ рукахъ этой книги; не было бы живыхъ двухъ опасныхъ свидѣтелей; а работы Пясецкаго и Матусовскаго можно было выдать въ Петербургъ за свои! Неужели для этого не стоило пожертвовать только тремя человѣками? Какъ называется подобный образъ дѣйствій,—я не могу скоро подобрать выраженія...

Увы, съемка окончена благополучно, и Пясецкій съ Матусовскимъ слѣдуютъ за караваномъ, держась отъ него верстахъ въ двухъ.

День былъ такой теплый, что, несмотря на возможность быть легче ранеными, мы предпочитали полшубку и толстымъ сапогамъ на войлокѣ, какими предохранилъ себя нашъ начальникъ, легкое лѣтнее платье, тѣмъ болѣе, что и никакихъ лихорадочныхъ явленій мы не испытывали. Сначала намъ было только пріятно погрѣться на солнцѣ послѣ двухъ холодныхъ и вѣтренныхъ дней; скоро же сдѣлалось жарко.

Судя по общему виду нашего каравана, грозившая невѣдомая опасность миновала или по крайней мѣрѣ теперь ея не было близко. Мы ѣхали по обширной, совершенно открытой равнинѣ,—и глазъ нигдѣ не видалъ какихъ-либо признаковъ людей, ни враждебныхъ, ни мирныхъ.

Нагнавъ транспортъ, мы дорогой вели бесѣду о событіи сегодняшняго утра, и отъ конвоировъ-китайцевъ узнали хотя два факта, бросающіе нѣкоторый свѣтъ на загадочный переполохъ. Они сообщили, что на прошломъ ночлегѣ пропали неизвѣстно куда двѣ лошади изъ конвоя, и какъ ихъ ни разыскивали, нигдѣ найти не могли. Далѣе,—что кто-то изъ китайцевъ прибѣжалъ въ лагерь, испуганный, съ извѣстіемъ о будто бы приближающейся шайкѣ дунганъ; вотъ и только. Объ этомъ было дано знать Соновскому, и онъ велѣлъ принять мѣры предосторожности противъ нападенія; а чтó было потомъ—читатель уже знаетъ. Относительно же той компаніи людей, на которую мнѣ указывалъ слуга Ма и увѣрялъ, что это и есть идущіе разбойники, мнѣ удалось узнать, что то были наши же караульные, которыхъ

поставилъ на ночь распорядительный и серьезный полковникъ Ли; и въ то время, когда мы ихъ видѣли, они просто-на-просто возвращались съ караула.

Итакъ, тревога была фальшивая, была слѣдствиемъ паники, вызванной пропажей двухъ лошадей, да извѣстиемъ одного китаецца о шайкѣ разбойниковъ, за которую онъ легко могъ принять, напримѣръ, табунъ водящихся въ здѣшнихъ степяхъ кулановъ... А пропажа лошадей объясняется какъ нельзя проще тѣмъ, что онѣ отошли отъ лагеря, можетъ-быть, довольно далеко, скрылись за какимъ-нибудь холмомъ и преспокойно паслись; напуганные же китайскіе солдаты, которыхъ посылали на розыски за ними, вѣроятно, не рѣшались отъѣхать отъ лагеря достаточно далеко и возвращались, докладывая, что лошадей нигдѣ нѣтъ.

И вотъ теперь, когда мы ѣхали, они все смотрѣли по сторонамъ въ надеждѣ не увидать ли гдѣ пропавшихъ бѣглецовъ; но послѣднихъ нигдѣ не было; и солдаты повѣсили носы по другой причинѣ,—потому что за нихъ придется отвѣтъ давать. Не веселье было по этому случаю и Ли, который долженъ будетъ заплатить за пропажу ихъ изъ собственнаго кармана, а лошади здѣсь дороги. Намъ же съ товарищемъ было ужасно досадно, зачѣмъ передъ китайцами разыгралась сегодняшняя сцена...

Такимъ образомъ всѣ ѣхали невеселые, задумчиво поглядывая въ пустое, открытое и слегка волнуемое пространство, окаймленное вдали горами (Му-Цзи-Цзя-Гу); и о минувшей тревогѣ всѣ мало-по-малу забыли...

Вдругъ, не въ далекомъ отъ насъ разстояніи, изъ-за холма показалась въ облацѣ пыли группа быстро двигавшихся фигуръ, которыхъ за поднятой пылью невозможно было хорошо разсмотрѣть. По быстротѣ, съ какою онѣ неслись прямо къ намъ, ясно было только, что скачутъ на лошадяхъ.

Туземцы мигомъ смекнули въ чемъ дѣло, подняли страшную суматоху и неосторожными криками опять до смертной блѣдности перепугали нашего начальника.

— Стрѣляй! стрѣляй скорѣй! раздались крики.—Ай, ай, ай! сколько ихъ тутъ! Стрѣляй! Догоняй! Заворачивай! вдругъ заорали всполошившіеся солдаты.

— Иннокентій Степан...! что же это?!—залепеталъ словно уже погибавшій Сосновскій.—Степановъ!... Иннокентій Степанъ! Да что же вы прячетесь! — Ничего... не можешь... приказать... прибавилъ онъ, стараясь скрыть свой испугъ.

Голосъ его опять прерывался, какъ утромъ.

Я любовался бѣшеннымъ галопомъ несшихся по степи животныхъ; а Матусовскій, замѣтивъ испугъ начальника, поспѣшилъ его успокоить.

— Да это табунъ дикихъ лошадей, сказала онъ, проѣзжая мимо,—вы, вѣрно, подумали что это дунгане...

Кулановъ въ здѣшнихъ степяхъ, говорятъ китайцы, множество, и мы, дѣйствительно, видѣли вдали еще нѣсколько табунныхъ и отдѣльныя пары. Много тутъ и другой дичи, и ни въ одинъ день прежде не встрѣчалъ я столько крупныхъ животныхъ (изъ породы барановъ, сайгаковъ, антилопъ и аргали), какъ сегодня; и кто самъ хотя немного охотникъ, тотъ пойметъ какъ билось мое сердце; а широкая привольная степь еще сильнѣе будитъ въ человѣкѣ его, если угодно, дикіе инстинкты удали, войны и преслѣдованія... Впрочемъ все больше ради веселой потѣхи: увидишь звѣря вдали,—такъ такъ-вотъ и тянетъ къ нему, такъ и хочется пуститься за нимъ въ догонку; но не непременно съ цѣлью догнать и убить,—нѣтъ, просто погонять, посмотрѣть на его граціозный бѣгъ, и самому пронестить быстрѣе вѣтра по просторной степи!... И лошадку мою, кажется, разжигаетъ то же желаніе. Не менѣе приятно, не скрою, и остановить быстрый бѣгъ удачно пущенной пулей.

Но при нашихъ условіяхъ, съ нашимъ теперь еще храбрымъ военнымъ командиромъ никакія подобныя отступленія отъ усиленнаго движенія впередъ, по протертой колеѣ, были невозможны: не будешь лошадь беречь, на верблюдѣ придется сидѣть; а это перспектива незавидная, какъ потому, что ѣхать на немъ непріятно—укачиваетъ, такъ особенно неудобно для меня, вслѣдствіе затруднительнаго частаго слѣзанія и потомъ усаживанія на него: вѣдь для этого его всякій разъ на животъ власть нужно.

Дичь здѣсь держалась болѣею частью далеко отъ дороги, иногда же по ней можно было стрѣлять, не дѣлая и десяти шаговъ въ сторону. И нѣкоторыя здѣшнія животныя поражали меня своею или крайнею глупостью, или полнымъ незнаніемъ опасности выстрѣловъ ꙗ близости человѣка.

Передамъ два позорныхъ случая, о которыхъ бы не слѣдовало рассказывать изъ чувства самолюбія, да ужъ такъ и быть... Буду сегодня по обыкновенію вдоль дороги, вижу въ сторонѣ бродятъ три сайги, не больше какъ въ четверти версты отъ меня. Какъ не стрѣлять! Выбралъ самую большую, пустилъ пулю; но она

пролетѣла значительно выше цѣли и ударилась далеко въ землю, поднимая тамъ облачко пыли. Сайга, щипавшая траву, услышавъ выстрѣлъ, отбѣжала шаговъ на двадцать и опять принялась за свое дѣло. Дѣлаю второй выстрѣлъ и беру слишкомъ низко, такъ что пуля взрыла землю подъ самыми ногами животного; только тогда оно, вмѣстѣ съ двумя другими, стало уходить рысцой, но бѣжало не отъ меня, а мимо меня; и только третья пуля, пройдя черезъ грудь, положила ее мертвою на мѣстѣ...

Въ другой разъ, сдѣлавъ по сайгѣ три промаха, я взволновался, руки стали дрожать, а животное послѣ каждаго выстрѣла только перебѣгло на нѣсколько шаговъ. Не прогнали ее еще слѣдующіе три выстрѣла, и она, заслуживъ отъ казаковъ названіе „безсмертной овцы“,—упала только послѣ седьмой пули!... Это безстрашіе по отношенію къ выстрѣламъ тѣмъ болѣе замѣчательно, что животныя эти пугливыя, нервныя; онѣ безпрестанно пугаютъ другъ друга сами, напримѣръ, неожиданнымъ появленіемъ.

Конвойные несказанно обрадовались, когда я объявилъ имъ, что мнѣ нужна только кожа дикаго барана (ѣ-янь, какъ они его называли); а мясо я отдаю имъ. Они сейчасъ прискакали, выпотрошили и вѣвалили животное къ одному изъ солдатъ на лошадь, приторочивъ его къ сѣдлу; догнали транспортъ, и черезъ минуту всѣ знали объ убитомъ „ѣ-янь“ и потомъ долго только и разговору было, что о немъ.

Подвигаемся по волнующейся мѣстности, черезъ холмы и пересѣкая лобжины; и когда мы поднимались на вершины пригорковъ, передъ нами открывался интересный и привлекательный видъ на обширную даль... Въ голубоватой мглѣ являлась длиннѣйшая и почти непрерывная цѣпь селеній и садовъ, растянувшаяся почти на полгоризонта. Приволье, многолюдство и знакомая шумная жизнь большихъ китайскихъ селъ чюдилась мнѣ при видѣ этого пояса селеній; но съ приближеніемъ къ нимъ мы разглядѣли, что всѣ они буквально до одного дома разорены и пусты. Надъ ними стоятъ голыя обгорѣвшія деревья, и лишь немногія, сохранивъ остатокъ жизни, дали молодые побѣги; но ихъ зелень не могла оживить ужасной картины разрушенія. Тутъ, въ этой вереницѣ селъ, навѣрно жило тысячъ двѣсти человекъ, если не больше; а теперь не осталось почти никого... Неужели же всѣ остальные умерли насильственной смертью?!... Не знаемъ, ничего не знаемъ.

Въ селеніи Юань-Чуань-Цзы, говорилъ Степановъ, предполагалось сдѣлать привалъ для отдыха и чтобъ покормить лошадей и верблюдовъ, ничего не ѣвшихъ цѣлую прошлую ночь, потому что они стояли привязанными изъ опасенія близости „разбойниковъ“, а запаснаго корма у нихъ не было. Но теперь распоряженіе отмѣнено и приказано идти дальше!..

Подробностей рассказывать нечего, потому что читатель самъ легко представитъ ихъ себѣ по предыдущимъ подобнымъ случаямъ; и у него защемитъ сердце изъ состраданія хотя къ животнымъ: ихъ Сосновскій, которому теперь все мерещились разбойники, не позволилъ даже напоить толкомъ!.. О пригорюнившихся китайскихъ солдатахъ, присѣвшихъ кой-гдѣ на дорогѣ, да о вздыхающихъ извозчикахъ не стоить говорить: на то они солдаты и извозчики, чтобъ повиноваться и терпѣть...

А какое мѣсто привольное! Какой богатый кормъ растетъ по лугу, орошенному многоводнымъ ключомъ!.. Нельзя было не изумляться и не роптать. И общій ропоть начался.

— Я, слава Богу, видалъ походы; самъ бывалъ, говорилъ на примѣръ казакъ Смокотнинъ,—а этакого ничего еще не видалъ. Въ походѣ, для такихъ-то мѣстъ, съ такими кормами пять и десять верстъ въ сторону дѣлаютъ, только чтобъ выкормить скотину; а не проходить ихъ мимо. Тутъ стоятъ часа два, три, а нѣтъ,—такъ и ночевать остаются; вотъ тогда лошади могутъ стоять на дворѣ привязанныя; тогда ихъ не надо распускать на подножный кормъ, если мѣсто опасное. На другой день опять—встрѣтятъ хорошей кормъ, выкормятъ лошадей и верблюдовъ, и опять идутъ...

— Вѣрно! поддерживаетъ его Степановъ.

— У насъ всегда и люди, и лошади были сыты, и все было отлично хорошо. Впередн, бывало, всегда шла вьючная лошадь съ закуской, съ чаемъ, и одинъ человекъ при ней. Этотъ человекъ пріѣдетъ бывало раньше, все приготовить; господа пріѣдутъ,—извольте кушать... А теперь у насъ все какъ-то чудно...

— Да, у всѣхъ такъ дѣлается; вѣрно! опять проронилъ слово Степановъ, который вообще на разговоры былъ скупъ, если рѣчь шла не о лошадяхъ или не объ охотѣ.

Наскучили вамъ повторенія, читатель; да какъ быть, вѣдь не романъ пишу, а о пережитомъ даю отчетъ. Я и такъ половину выпускаю изъ того, что могъ бы рассказать про нашего знаменитаго капитана,—также не безынтереснаго и весьма поучи-

тельного. Но теперь еще не время, да и не все рассказывать удобно, особенно изъ разговоровъ про него.

Вторая половина дороги шла перевалами; растительность тутъ богаче, но зелени почти не видно,—все ужъ пожелтѣло. Вотъ достигли и мѣста ночлега,—въ селеніи Му-Ли-Хэ.

Передъ нимъ стоитъ небольшая рощица тополей; переѣхали мостикъ, перекинутый черезъ быстрый ручей, и вступили въ село,—разоренное, безжизненное, молчаливое... Размѣрами оно навѣрно превосходитъ многіе изъ нашихъ уѣздныхъ городовъ, а множествомъ деревьевъ и узенькими улицами напомнило мнѣ мусульманскій городъ Хами. До разгрома, Му-Ли-Хэ, должно-быть, представляло прелестное, живописное мѣстечко и, судя по нѣкоторымъ остаткамъ домовъ и повсюду встрѣчаемымъ на нихъ украшеніямъ и рисункамъ, людямъ, должно-быть, очень привольно жилось здѣсь. Теперь же все разрушилось, обгорѣло и завалилось; и ни одного живаго существа посреди всѣхъ этихъ бывшихъ жилищъ, ихъ дворовъ и садовъ!

Невозможно безъ глубокаго сожалѣнія смотрѣть кругомъ себя; и здѣшнія развалины произвели на меня еще болѣе сильное впечатлѣніе, потому что онѣ какъ будто свѣжѣе видѣнныхъ раньше: во всѣхъ, встрѣчавшихся прежде разрушенныхъ городахъ и селахъ, которыхъ и сосчитать невозможно, развалины представляли лишь остатки голыхъ стѣнъ, а, всѣ деревянныя части зданій сгорѣли; здѣсь же дерево почему-то сохранилось; оно только обгорѣло и переломалось, и оттого картина разрушенія еще страшнѣе. Тутъ видишь цѣликомъ повалившіяся стѣны, обрушившіяся внутрь домовъ потолки и крыши и цѣлыя покосившіяся дома, готовые упасть... Если вамъ случалось видѣть иллюстраціи улицъ китайскаго города Мавао, разрушеннаго въ 1874 году пронесшимся надъ нимъ ураганомъ (тай-фунъ) или другія подобныя, то они могутъ дать вамъ понятіе о здѣшнемъ разрушеніи... Бѣдное селеніе Му-Ли-Хэ! Какъ оно было мило, и что изъ него сдѣлали!..

Теперь среди этой огромной площади развадинъ существуетъ лишь одинъ жилой домъ, служащій пикетомъ, съ нѣсколькими человѣками живущихъ здѣсь солдатъ. Мы помѣстились въ его двухъ комнатахъ, расположенныхъ хотя и рядомъ, но на разныхъ смежныхъ дворахъ, а нашъ караванъ расположился за селомъ, на берегахъ ручья, въ разстояніи отъ насъ версты или

болѣе. Такое раздѣленіе всей компаніи опять убѣждало, что никакой опасности китайцы здѣсь не ожидали.

Тотчасъ по пріѣздѣ въ домъ, я отправился къ транспорту, чтобъ снять кожу для чучела съ убитой сайги; но солдаты, оказывается, ужь успѣли это сдѣлать и поднесли ее мнѣ съ любезнымъ видомъ и твердымъ убѣжденіемъ, что оказали не послѣднюю услугу... Они, злодѣи, сняли кожу по своему, то-есть обрѣзавъ ноги и голову, слѣдовательно совсѣмъ испортили ее, къ моей немалой досадѣ...

Бывшій со мной Танъ взялъ у нихъ кусокъ сайгачьяго мяса и дома приготовилъ изъ него очень вкусное блюдо, нѣсколько разнообразившее сегодня нашъ обычный обѣдъ.

О разбойникахъ теперь совсѣмъ не было разговора; а полковникъ Ли какъ-то лукаво посмѣивался, когда его объ нихъ спрашивали... Ужасно хотѣлось мнѣ залѣзть въ его голову и раззнать нѣкоторыя его воззрѣнія и мысли насчетъ сегодняшняго утра; но ничего не открылъ коварный китайскій офицеръ.

II сентября.

День былъ очень жаркій; солнце просто жгло, и я до известной степени былъ доволенъ тѣмъ, что мнѣ, по причинѣ болѣзни моей лошади, пришлось ѣхать сегодня въ телѣгѣ. Но отвѣтъ я отъ этого первобытнаго экипажа, потому что съ самаго Пекина въ него не садился; да и не видно изъ него ничего, такъ какъ можешь смотрѣть лишь впередъ. Впрочемъ жалѣть было не о чемъ, потому что все время сегодня тянулась ровная однообразная степь, по которой бродятъ только сайги, цѣлые дни пощипывая траву. Я убилъ еще одну штуку и, предупредивъ солдатъ-китайцевъ, самъ снялъ кожу *).

Ночевали въ городѣ Чи-Тэй-Сянь, разоренномъ почти до основанія; но въ немъ есть жители, и въ окрестностяхъ стоятъ поля разнаго хлѣба, по преимуществу пшеницы, которая почти вся уже убрана...

Да, не легко оправиться Западному Китаю; не скоро заселится онъ вновь; и много лѣтъ пройдетъ, прежде чѣмъ люди заживутъ здѣсь опять сколько-нибудь привольною жизнью.

*) Моя зоологическая коллекція пожертвована музею Академіи Наукъ.

12 сентября.

Вотъ, наконецъ, и послѣдній китайскій городъ Гу-Чэнь, въ который прїѣзжаемъ сегодня.

День опять жаркій; какая-то мгла, всѣ предыдущіе дни стоявшая въ воздухѣ, разсѣялась, и теперь въ южной сторонѣ горизонта ясно обрисовывались снѣжныя вершины отдаленнаго Тянь-Шань'скаго хребта. Мѣстность представляетъ ту же равнину, и почва одѣта богатой травой; но растительность чрезвычайно однообразна. На пути сегодня встрѣтились два обитаемыхъ селенья (Ши-Ли-Яо Цзянь и Сы-Ши-Ли-Дунь).

Ѣду одинъ, держась около транспорта. Сосновскій давно проѣхалъ впередъ. Матусовскій отсталъ. Недалеко, говорятъ, и до Ку-Чэнь-Цзы, какъ китайцы произносятъ имя города. Переѣхавъ въ бродъ небольшую рѣчку Шуй-Мо-Хэ и одинъ оврагъ съ вертикальными краями, указывающими на дѣсный характеръ здѣшней почвы, я вскорѣ затѣмъ увидалъ передъ собою синюю палатку, у которой стояли китайскіе солдаты въ форменной одеждѣ. Догадываюсь, что здѣсь готовится встрѣча на подобіе прощанья въ Баркуль,—помните, также въ палаткѣ.

Дѣйствительно, когда я поравнялся съ нею, оттуда вышелъ мандаринъ, уже пожилой человекъ, небольшого роста и скорѣе некрасивой наружности. Онъ встрѣтилъ меня привѣтствіями и приглашеніями войти въ палатку, присѣсть и отдохнуть съ дороги.

— Зачѣмъ это вы безпокоились, говорю, выѣзжать на встрѣчу; вы устали, долго ожидая насъ.

— А нельзя не встрѣтить гостей; вы дорогіе далекіе гости; мы вамъ рады; приготовили для васъ домъ, обѣдъ и давно ожидаемъ.

— Ваше имя? спросилъ я.

— Ко, здѣшній чжи-сянь. А ваше?

— Пя.

— Какъ ваше высокое долгоденствіе?

— Пятьдесятъ, отвѣтилъ Ко и показалъ на пальцахъ.

— А вашъ почтенный возрастъ?

— Тридцать два.

Послѣ этихъ обычныхъ привѣтствій, онъ наговорилъ мнѣ много не вполне понятныхъ, но ужъ конечно лестныхъ фразъ по случаю нашего прїѣзда и доставленнаго имъ большаго удовольствія. Онъ спросилъ скоро ли прїѣдутъ остальные и предло-

жилъ чаю. Ко былъ родомъ изъ провинціи Ху-Бэй, гдѣ познакомился съ иностранцами, чѣмъ, какъ мнѣ всегда казалось, кн-тайцы очень гордятся; и, когда я предложилъ ему своего табаку и папиросной бумаги, онъ—тоже съ нѣкоторой гордостью—поспѣшилъ прибавить:

— Знаю, знаю! Вы всѣ такъ курите и я умѣю дѣлать такія же.

Онъ хотѣлъ свернуть папиросу и шегольнуть передъ своими солдатами умѣньемъ крутить „заморскія сигары“, но не могъ, потому что ему мѣшали длинные ногти. Я помогъ ему, и мы, сидя за чаемъ, продолжали еще кой о чемъ бесѣдовать; а въ это время мимо палатки проѣхали фотографъ и переводчикъ Андреевскій, которыхъ я остановилъ по просьбѣ Ко—указать ему другихъ спутниковъ. Онъ вышелъ встрѣтить ихъ, также приглашалъ въ палатку, но переводчикъ спѣшилъ къ начальнику,—если можно сказать „спѣшилъ“ про человѣка сидящаго въ телѣгѣ, которую медленнымъ шагомъ тащатъ измученныя животныя... (Для него такъ и не было куплено верховой лошади, слѣдовательно, онъ не могъ ѣхать скорѣе.)

Учтивый китаецъ хотѣлъ-было еще остаться здѣсь, ожидать приѣзда Матусовскаго, но я сказалъ, что онъ еще далеко и уговорилъ ѣхать со мною въ городъ. Сѣли на лошадей и отправились рядомъ, причемъ Ко взялъ меня за руку и не выпускалъ ее все время, не желая принять во вниманіе, что моя измученная голодомъ казенная лошадь отставала отъ него и что я принужденъ былъ вытягивать свою руку, какъ только могъ. Зрѣлище было забавное: онъ тащилъ меня, какъ своего плѣнника, и по правдѣ сказать, порядочно надоѣлъ мнѣ этой нѣжной и какъ каучуекъ крѣпкой дружбой, какою онъ столь неожиданно воспламенился ко мнѣ. Передъ нами скоро показалась землебитная городская стѣна, окруженная ровомъ, черезъ который въ городъ ведетъ узенькій деревянный мостъ.

Ну, думаю себѣ, авось здѣсь онъ меня бросить... Нѣтъ, мандаринъ и тутъ не хотѣлъ выпустить моей руки,—крѣпче прежняго держалъ ее въ своей, какъ какое-нибудь сокровище, и еще съ ббльшей энергіей увлекалъ меня за собою. Я не разъ пробовалъ освободиться отъ плѣна; отнимаю руку.

— Тутъ не хорошо ѣхать, говорю,—такъ ѣхать не ловко; а онъ отвѣчаетъ:

— Тутъ ѣхать хорошо; такъ ѣхать ловко!..

Чуть-было на мосту изъ сѣдла не вытащилъ меня наиболюбнѣйшій Ко. Думаю себѣ, должно-быть, ужъ таковы здѣшніе обычаи; терплю и подчиняюсь... Къ счастью, домъ, въ которомъ для насъ была приготовлена квартира, находился почти у самыхъ городскихъ воротъ, и я узналъ его по двумъ триумфальнымъ аркамъ, устроеннымъ передъ домою въ честь нашего пріѣзда и убраннымъ синей и красной бумажными матеріями... Все это выражало очень милое вниманіе къ намъ мѣстныхъ властей, и къ нему невозможно относиться совсѣмъ равнодушно: значить насъ ждали, объ насъ думали, хлопотали, желали сдѣлать намъ удовольствие.

Какъ только вѣхали во дворъ, Ко снова взялъ меня подъ руку, провелъ въ домъ и въ комнату, гдѣ уже находился Сосновскій въ обществѣ шести мандариновъ, которые всѣ были одѣты въ форменное платье и шляпы, и представляетъ насъ другъ другу. Но, какъ часто бываетъ при представленіяхъ, я не разобралъ, кто такіе они были; вижу только, все больше съ красными и синими шариками, и по типу все маньчжуры; нѣкоторые красивые и бойкіе, или весьма почтенной наружности, напримѣръ, одинъ старикъ, съ длинными сѣдыми усами и довольно густой клинообразной сѣдою же бородой.

— Очень радъ, что хоть вы пріѣхали, говорить начальникъ; ужъ я съ часъ назадъ, какъ здѣсь, и сижу дуракомъ... Думаю, уйдутъ; я бы спать легъ, а то сидятъ тутъ и тоже молчатъ... Вы не видали, далеко еще переводчикъ?

— Нѣтъ, сейчасъ долженъ быть.

Только-что я было началъ разговоръ съ нашими новыми знакомыми, чтобъ прервать неловкое и тягостное молчаніе, какъ пріѣхалъ Андреевскій.

— Ну, скорѣй, скорѣй, Иннокентій Степанычъ; мы уже цѣлый часъ сидимъ и молчимъ, грубо торопилъ его Сосновскій..

Тотъ даже поздороваться и отрекомендоваться не успѣлъ, какъ начальникъ занялъ его пока частнымъ разговоромъ.

— А гдѣ обезьяна? спрашиваетъ онъ у переводчика,—вы не видали, гдѣ обезьяна?

— Нѣтъ-съ, я не видалъ.

— Надо бы послать узнать, у кого она. Пошлите кого-нибудь и велите посланному, чтобъ онъ скорѣе привезъ ее сюда.

— Да она искушаетъ чужаго...

— Ну, что же вы мнѣ будете рассказывать... искусаеть! Больно она тамъ укуситъ.

Пошли посылать. А китайскіе чиновники, не знавшіе, что пріѣхалъ переводчикъ, сидѣли и продолжали смотрѣть на насъ, молча, предполагая вѣроятно, что разговоръ происходитъ о чемъ-нибудь немаловажномъ, „общегосударственномъ“...

Въ это время, неизвѣстно зачѣмъ, въ комнату явился одинъ слуга, таранчинъ Ніазъ (нанятый Сосновскимъ въ Хами), и сталъ раскланиваться съ мандаринами, дѣлая каждому отдѣльный реверансъ.

— Переводчикъ пришелъ, переводчикъ пришелъ! заговорили, ожили и обрадовались китайцы, принявъ за него названнаго слугу.

— Пош-шелъ ты отсюда! Что ты лѣзешь, куда тебя не спрашиваютъ, сердито закричалъ на Ніаза начальникъ, когда онъ хотѣлъ-было объяснить что-то,—и прогналъ его вонъ. А изумленные мандарины опять замолчали.

Андреевскій вернулся, объявилъ, что за обезьяной послалъ нарочнаго и теперь, отрекомендовавшись, сѣлъ также къ столу.

Я видѣлъ, что Сосновскій былъ чѣмъ-то очень недоволенъ, и причина этого скоро объяснилась. Оказалось, что здѣшними властями ему было передано письмо отъ сотрудника его, казака Павлова, и онъ увѣдомлялъ его, что его отправили изъ Гу-Чэна не прямо въ Зайсанъ, а какимъ-то окольнымъ путемъ, вслѣдствіе чего, писалъ онъ, — „я пріѣду туда не такъ скоро, какъ мы предполагали съ вами въ Лань-Чжоу“.

Извѣстіе это было непріятно тѣмъ, что всякое премеждеііе Павлова въ дорогѣ замедляло начало торговли хлѣбомъ. И я совершенно понималъ, какъ должно было оно разсердить Сосновскаго; я совершенно понялъ его, когда онъ, забывъ отношенія гостя къ радушно принимавшимъ его хозяевамъ, не сказалъ и одного слова какого-либо привѣтствія, обычнаго у всѣхъ народовъ, а сразу, сердитымъ тономъ, велѣлъ имъ передать,— „что онъ чрезвычайно недоволенъ, что Павловъ отправленъ не той дорогой, по какой онъ приказалъ ему ѣхать“...

Послѣ этого вступленія, лица мандариновъ изъ привѣтливыхъ вдругъ превратились въ надутыя; но они отвѣчали вѣжливымъ тономъ, объясняя, почему Павловъ былъ отправленъ отсюда такъ, а не иначе, и стали доказывать, что прямо изъ Гу-Чэна въ Зайсанъ теперь проѣхать невозможно, что тутъ нѣтъ дорогъ...

По этому поводу начался споръ въ очень неприятной формѣ; но, какъ китайцамъ ни объяснялъ Сосновскій географію здѣшнихъ мѣстъ, какъ ни проводили на столѣ различные пути, они все-таки стояли на своемъ,—что прямо ѣхать теперь нельзя, потому что теперь въ этихъ мѣстахъ нѣтъ даже кочеваго населенія, нѣтъ ни воды, ни кормовъ, и кромѣ того, можетъ-быть, бродятъ шайки разбойниковъ...

— Мы и вамъ совѣтуемъ ѣхать тою же дорогой, прибавляли они.

— Ну, ужъ мы то ни въ какомъ случаѣ по ней не поѣдемъ, возразилъ Сосновскій.

— Такъ поѣзжайте вотъ этимъ путемъ, по тракту на г. Кобдо, а потомъ въ Булунь-Тохой: тутъ мы ручаемся за полное спокойствіе и удобства проѣзда; тутъ и кормъ, и вода есть, и люди на пикетахъ живутъ... По ней вы придете въ Булунь-Тохой непременно на четырнадцатый день, а тамъ вамъ до Зайсана всего дней пять...

— Какъ это! Мы будемъ тащиться девятнадцать дней, когда можемъ на четырнадцатый, а то даже и на двѣнадцатый день быть въ Зайсанѣ, если поѣдемъ прямо... А что они тамъ рассказываютъ про разбойниковъ, такъ они вездѣ могутъ быть; узнаютъ, что мы идемъ, и придутъ.

— Не узнаютъ, не могутъ узнать, говорятъ манларины,—вѣдь здѣсь двѣсти ли разстоянія.

Я не понялъ отъ чего до чего двѣсти ли.

— Да что жъ они будутъ мнѣ рассказывать! Двѣсти ли!.. до-садоваль начальникъ, и теперь ужъ не говорилъ, а кричалъ;—я знаю, „во-джио“, прибавилъ онъ даже по-китайски; я имъ на картѣ покажу; вѣдь у меня карта есть... Что они мнѣ говорить: дороги нѣтъ, разбойники... Вѣдь разбойники могли насъ убить и въ Гоби, и въ Су-Чжеу, и въ Санга-Чуанза, гдѣ у насъ украли двухъ лошадей... Да все равно, что бы они тамъ ни толковали,—мы на Кобдо-то ужъ ни въ какомъ случаѣ не поѣдемъ.

— Да мы васъ и не посылаемъ на Кобдо, зачѣмъ вамъ туда идти; мы говоримъ о трехъ станціяхъ по кобдинскому тракту, отсюда дорога сворачиваетъ въ Булунь-Тохой. Другой дороги нѣтъ, и ни по какой другой мы васъ везти не можемъ, потому что на другой дорогѣ не можемъ ручаться за вашу безопасность; намъ же сказано, что мы за васъ отвѣчать будемъ, и приказано всячески охранять васъ,—въ свою очередь повысивъ голосъ заговорилъ одинъ горбоносый, красивый брюнетъ.—Если вамъ не

угодно ѣхать, какъ совѣтуемъ, такъ мы не можемъ дать вамъ конвоя...

— Ну, такъ скажите имъ, Иннокентій Степанычъ, что если насъ не будутъ провожать по прямой дорогѣ изъ Гу-Чэна въ Зайсанъ, такъ мы пойдемъ одни.

— Нѣтъ, этого мы тоже не можемъ допустить, потому что имѣемъ предписаніе отъ Цзо-Цзунъ-Тана, чтобъ безъ конвоя васъ никуда не отправлять.

Что это,—честь или арестъ? выраженіе заботливости или провожденіе по этапу на казенный счетъ? пришла мнѣ такая мысль; но ее тотчасъ смѣнила другая.

Какой имъ можетъ быть расчетъ, думалъ я, — или интересъ направлять насъ на ту, а не иную дорогу? И, вѣроятно, они не стали бы спорить съ нами, еслибы въ самомъ дѣлѣ существовалъ другой кратчайшій путь. Не могъ же у нихъ быть страхъ, что мы тамъ разузнаемъ что-нибудь,—послѣ того, какъ они безпрепятственно дозволили намъ проѣхать чрезъ всю свою имперію.

Слушая этотъ непріятный и въ высшей степени безтактный споръ, я не могъ понять, почему такъ горячился Сосновскій изъ-за нѣсколькихъ дней... Ну что, въ самомъ дѣлѣ, могутъ значить четыре дня послѣ путешествія, продолжавшагося хотя и не особенно долго, а все же больше полутора года. Оказалось же, что тутъ опять исключительнымъ двигателемъ являлась доставка хлѣба.

— Я такъ отсюда Цзо-Цзунъ-Тану и напишу, продолжалъ онъ, — что я этой дорогой хлѣба доставлять не буду. Онъ мнѣ говорилъ о трехъ стахъ шестидесяти ли, а тутъ оказывается — на четырнадцатый день только можно въ Булунъ-Тохой придти.

Разговоръ на ту же тему и въ томъ же духѣ продолжался еще долгое время, пока не пріѣхалъ Матусовскій. И я вынесъ изъ него то впечатлѣніе, что китайцы только желали намъ добра и боялись ответственности за насъ; въ сущности же для нихъ было рѣшительно все равно, какой дорогой поѣдемъ мы отсюда домой...

Хозяева, ожидавшіе, повидимому, иной встрѣчи и иныхъ разговоровъ, по крайней мѣрѣ въ первый визитъ, ушли не съ особенно любезными лицами; а мы приступили къ обѣду. Послѣдній былъ, сверхъ ожиданія, великолѣпный, даже съ супомъ изъ ласточкиныхъ гнѣздъ, которыя именно здѣсь, какъ мнѣ говорили, стоятъ по вѣсу вчетверо дороже серебра, то-есть за фунтъ гнѣздъ

платять серебра четыре фунта... Послѣ обѣда мы съ Матусовскимъ ушли къ себѣ въ комнату, гдѣ я передалъ ему сущность приведеннаго выше разговора.

— Ну, очевидно, китайцы дѣло говорятъ, сказалъ онъ; — и если мы ихъ не послушаемъ, то можемъ, пожалуй, подвергнуться весьма серьезной непріятности... И изъ-за чего же? Чтобы выгадать четыре дня! Не понимаю... Но, авось, образумится, соберетъ свѣдѣнія и убѣдится, что лучше идти той дорогой, по которой всѣ ѣздятъ, чѣмъ изслѣдовать ни на что не нужные пути... Да ужъ хотя бы изслѣдовать, а то вѣдь только проѣхать... И то только потому, что нельзя перелетѣть отсюда въ Зайсань.

И такъ, оставимъ начальника обдумывать планъ дальнѣйшаго движенія и познакомимся хотя бѣгло съ городомъ, — послѣднимъ на нашемъ пути и ближайшимъ къ нашей границѣ. Послѣднее обстоятельство дѣлаетъ его для насъ болѣе интереснымъ, чѣмъ многіе другіе пункты, хотя и важнѣйшіе, но отдаленные...

Собственно Гу-Чэнъ не представляетъ одного города, а цѣлую группу изъ пяти маленькихъ городковъ или лагерей, расположенныхъ на небольшомъ разстояніи одинъ отъ другаго и обнесенныхъ каждый своей отдѣльной стѣной, незначительной вышины и просто сбитой изъ земли, безъ малѣйшихъ претензій на какую-нибудь отдѣлку. На стѣнахъ главнаго города, въ которомъ и мы остановились, возвышается только одна маленькая кумирня, бѣдная, похожая на тѣ же глиняные домики, какіе тянутся вдоль городскихъ переулковъ и улицъ. И при взглядѣ сверху, напримѣръ, съ городской стѣны, вы не увидите внутри ея ничего, кромѣ однообразныхъ глиняныхъ крышъ бѣдныхъ домиковъ; надъ общимъ уровнемъ ихъ, ни на стѣнахъ, ни внутри города, не возвышается ни одно зданіе, и лишь немногія деревья нѣсколько оживляютъ невзрачный и унылый видъ здѣшнихъ жалкихъ городковъ.

Не веселѣе и окрестная мѣстность, въ которой ничто не останавливаетъ на себѣ вниманія зрителя: куда ни поглядишь кругомъ, всюду пустая и непривѣтливая степь съ желтоватой почвой и пожелтѣвшей травой, — гладь, уходящая вдаль до самаго горизонта; и единственнымъ украшеніемъ этой невеселой картины служитъ виднѣющаяся вдали величественная гряда покрытыхъ снѣгомъ Небесныхъ Горъ, протянувшаяся на южной сторонѣ.

Такова внѣшность Гу-Чэна. Населеніе въ городѣ, судя по общему впечатлѣнію, очень не велико, и когда мнѣ случалось проходить, даже по главной, наиболѣе оживленной улицѣ, меня сопровождала толпа не болѣе какъ человѣкъ въ двадцать, большею частью бѣднаго и нерѣдко грубаго люда. Это грубое обхожденіе не отвѣчало внимательному и учтивому приему, оказанному намъ здѣсь мѣстными властями; и очень можетъ быть, что оно было вызвано нашимъ непозволительнымъ обхожденіемъ съ здѣшними мандаринами, впечатлѣнія которыхъ вообще очень скоро сообщаются и народу.

Мѣстная торговля въ Гу-Чэнѣ довольно скромная для китайскаго города; тѣмъ не менѣе тутъ почти все можно найти, но хорошихъ вещей мало и цѣны на все очень высокія, что и понятно, такъ какъ здѣсь все привозное, и привезенное очень издалека...

Вотъ и все, что я могу сказать о внѣшнемъ видѣ Гу-Чэна, который мало привлекалъ меня и не вызывалъ на улицу. Благодаря этому я могъ удовлетворить нѣсколько просьбъ, какими осаждали меня китайцы, все по части портретовъ. Всегда заботясь о томъ, чтобъ заводить съ туземцами добрыя сношенія и оставлять по себѣ дружескія воспоминанія, чтобъ платить за привѣтъ и вниманіе тѣмъ же, я старался, говорю, сгладить нѣкоторыя шероховатости тѣмъ, что, когда могъ, всегда дарилъ портреты китайцамъ, которые цѣнили ихъ очень высоко и выпрашивали ихъ у меня иногда цѣлыми недѣлями. Такъ, ѣхавшій съ нами изъ Баркуля, милѣйшій человѣкъ и умница, полковникъ Ли, увидавъ портреты, подаренные мною на память мандаринамъ Чжу и Пинъ, всю дорогу потомъ повторялъ свою просьбу, которую я обѣщаль ему исполнить по пріѣздѣ въ Гу-Чэнъ. Встрѣтится, поздоровается и потомъ съ улыбкой непременно прибавитъ, шутливо погрозивъ пальцемъ: „А въ Гу-Чэнѣ—портретъ!..“

На другой же день утромъ онъ сдѣланъ и отданъ. Портретъ вышелъ очень удаченъ; но тѣмъ хуже было для меня, потому что онъ произвелъ такое волненіе во всемъ здѣшнемъ мандаринскомъ мірѣ, что меня осаждали просьбами почти до невозможности что-нибудь дѣлать. Визитъ за визитомъ, въ парадѣ и даже со свитой, почти не прерывались на нашемъ дворѣ, и каждый визитъ дѣлался съ невинной корыстной цѣлью умолить меня снять портретъ и съ него, — такого-то. Они, очевидно, смотрѣли на меня, какъ на литографскій станокъ, которому ничего не стоить

тиснуть лишнюю картинку; а мои отказы, вѣроятно, принимались только за желаніе поважничать, заставить поклониться себѣ лишній разъ и лишній разъ попросить. И въ этой увѣренности они не щадили ни поклоновъ, ни просьбъ, забывая и свои чины, и свой возрастъ. Тотъ маньчжуръ, генераль съ сѣдыми усами, о которомъ я упоминалъ, каждый день по нѣскольку разъ приходилъ все съ тою же просьбою, и оправдалъ-таки вѣрность евангельскаго положенія: просите, и дастся вамъ—получилъ портретъ. Получилъ знакомый читателю Ко, здѣшній чжи-сянь, за его многія заботы о насъ; а также еще одинъ красивый маньчжуръ, бывший кульчжинскій „чжанъ-цзинъ“, по имени Сань-Чань, — этотъ за позированіе для меня и за красоту.

Въ первые четыре дня нашего здѣсь пребыванія у меня перебывалъ, я думаю, весь чиновный людъ отъ важныхъ генераловъ, отъ которыхъ на улицахъ народъ разбѣгался въ стороны въ боязливомъ почтеніи, до маленькихъ стеклянныхъ и бронзовыхъ шариковъ (знаки отличія младшихъ чиновъ), всѣ принаряженные, вымытые, съ гладко выбритыми головами и старательно заплетенными косами; и я искренно сожалѣлъ, что принужденъ былъ отказывать имъ въ ихъ трогательныхъ просьбахъ, которыми они просто мучили меня...

Не пріѣхалъ только ко мнѣ, и вообще къ намъ, живущій не подалеку отъ Гу-Чэна важный военный генераль-губернаторъ здѣшняго края Цзинъ, или по-китайски, съ его титуломъ, Цзинъ-Цзинъ-Цзюнь. Онъ и начальника нашего къ себѣ не принялъ, несмотря на все его стараніе,—не могъ или не хотѣлъ,—не знаю, а просилъ передать чиновникамъ то, что мы имѣли ему сообщить по поводу нашего „царскаго дѣла“, какъ Сосновскій называлъ дѣло о поставкѣ хлѣба. Генераль Цзинъ, котораго мы такъ и не видали, не принялъ, говорятъ, и подарковъ, посланныхъ къ нему съ Сюемъ, которому онъ далъ на водку сто ланъ, или двѣсти серебряныхъ рублей, точь-въ-точь, какъ намъ хотѣлъ подарить въ Лань-Чжоу Цзо-Цзунъ-Тань...

(Подарки Сосновскаго ему состояли изъ нѣсколькихъ отрѣзковъ сукна разныхъ цвѣтовъ, изъ яхтинскаго товару, картонной табакерки копѣекъ въ пятьдесятъ шесть и двухъ пачекъ нюхательнаго табаку.)

Вообще намъ казалось страннымъ все поведеніе Цзина, и опять чувствовалось, что мы сами на него напросились.

Но теперь ужъ все равно: наша миссія, можно сказать, кончена и теперь только остается доѣхать до родины, мысли о которой почти исключительно стали занимать нашу голову. Однако мечты о возвращеніи домой начинаютъ болѣе и болѣе уступать мѣсто опасеніямъ, по мѣрѣ того, какъ вопросъ о выборѣ пути приходилъ въ разрѣшенію, и въ виду дѣлавшихся для этого пути приготовленій.

Вопреки всѣмъ доводамъ, убѣжденіямъ и даже просьбамъ здѣшнихъ китайцевъ послушать ихъ совѣта, вопреки, наконецъ, угрозамъ не дать намъ конвоя и достаточнаго числа верблюдовъ для багажа, начальникъ нашъ не хотѣлъ „потерять еще четырехъ дней — изъ-за капризовъ маньчжуръ“, и сказалъ, что если такъ, то онъ не тронется изъ Гу-Чэна, и „объяснить кому слѣдуетъ, что его не хотѣли выпустить отсюда, что экспедиція была здѣсь задержана силою.“

Мандарины, наконецъ, перестали возражать, и очевидно умышленно рѣшились теперь исполнять все, о чемъ ихъ просили. Такъ, Сосновскій потребовалъ достать монгола, знающаго прямую дорогу отсюда въ Зайсанъ; — они достали и прислали.

— Знаешь дорогу? спрашиваетъ его Сосновскій. — „Знаю“. — Хорошо? — „Хорошо“... Переводчику (а не топографу) поручено было провѣрить его, отобравъ показанія относительно воды и кормовъ... Тотъ понимаетъ, что выборъ жожака — дѣло серьезное, — приходитъ къ Матусовскому и проситъ помочь въ исполненіи порученія начальника...

— Я самъ этихъ мѣстъ не знаю, — откуда жъ бы мы получили объ нихъ свѣдѣнія... Одно надо сдѣлать: призвать двухъ, расспросить объ одномъ и томъ же cadaго отдѣльно и потомъ сличить показанія, и если они будутъ расходиться, надо достать третьяго, свѣдущаго человѣка, чтобъ узнать, кто изъ нихъ вретъ и кто правду говорить.

— Гдѣ тутъ двухъ, трехъ! восклицаетъ Андреевскій, — одного то на силу нашли.

— Ну, такъ нельзя и идти; надо отправляться по дорогѣ, которую указываютъ китайцы, — эта дорога настоящая.

Тѣмъ не менѣе узнаемъ, что съ этимъ жожакомъ уже условились и рѣшили, что онъ поведетъ насъ черезъ степь... А степью, совершенно необитаемою и имѣющею воду только въ колодцахъ, которые надо находить, даже по самому счастливому разсчету, нужно идти, говорятъ, девять дней, чтобъ добраться только до

первыхъ кочевьевъ... Но китайцы опять „мѣшаются не въ своё дѣло“, провѣрили вожака со своей стороны, и, увидавъ, что онъ совсѣмъ не знаетъ дороги, пришли и говорятъ намъ объ этомъ:

— Ну, такъ надо достать другаго, отвѣчаетъ Сосновскій съ непостижимымъ спокойствіемъ, какъ будто бы ему сказали, что проводникъ монголь не знаетъ французскаго языка, а не дороги...

Проводникъ черезъ пустыню не знаетъ дороги!... Понимаете ли вы это, читатели!... А мы завтра ужъ отправляемся въ походъ, черезъ эту самую пустыню, черезъ которую ужъ двѣнадцать лѣтъ, говорятъ китайцы, никто не ходилъ, кромѣ гуртовщиковъ со скотомъ, и то не въ эту пору, а позже, когда уже выпадаетъ снѣгъ и когда разыскиваніе колодцевъ дѣлается ненужнымъ... Произошло общее смущеніе... Прогнали этого вожака; китайцы откопали другаго, монгола ламу, по имени Содмунъ. Переводчикъ вновь разспрашиваетъ, составляетъ даже карту (опять онъ, а не Матусовскій). Самъ начальникъ принимаетъ участіе, и они приходятъ къ заключенію, что вожакъ, „повидимому, знаетъ хорошо, бойко рассказываетъ; несомнѣнно видно, что бывалъ, ходилъ этой дорогой; и съ первымъ нѣкоторая аналогія есть“...

Матусовскій потомъ отъ себя разспрашивалъ его, но не имѣя критерія для провѣрки, ничего не могъ сказать положительнаго и настаивалъ только на томъ, чтобъ былъ взятъ непремѣнно еще другой вожакъ, что съ однимъ пускаться невозможно—на случай, на примѣръ, болѣзни этого, смерти или бѣгства... Вѣдь съ безводною степью шутить нельзя... Китайцы говорятъ то же. Но Сосновскій на это отвѣчаетъ, что и одного совершенно достаточно; двое, это только лишняя обуза, да лишніе расходы.

Лишніе расходы!... При этихъ словахъ каждый невольно вспоминалъ о шести тяжелыхъ непчатыхъ ящикахъ съ серебромъ, и каждый спрашивалъ себя: да для чего же оно дано, какъ не на расходы экспедиціи? На что же оно нужно, когда эта экспедиція не нынче — завтра возвращается въ Россію?! Этого тогда еще никто не зналъ.

Становилось просто страшно, ибо всѣ видѣли, что участь и всего сдѣланнаго, и насъ всѣхъ ставится на очень рискованную карту. Авось проберемся какъ-нибудь; авось монголь не заболѣетъ и ничего подобнаго съ нимъ не случится; авось онъ не убѣжитъ, изъ страха отвѣтственности, какая могла предстоять ему, если не за насъ, такъ за туземцевъ-конвоировъ, которыми

китайцы, можетъ-быть, рѣшились даже пожертвовать, чтобъ только избавиться отъ насъ, потому что другого исхода для нихъ не оставалось.

Итакъ вопросы о дорогѣ и проводникѣ рѣшены; запасы сдѣланы... Какъ готовились къ переходу черезъ пустыню наши спутники, мы за своими дѣлами въ подробности не знали; мы же опять заготовили печенаго хлѣба въ видѣ лепешекъ, мяса, соли, воды и, за неимѣніемъ своего сахару, китайскаго леденцу; а Матусовскій, какъ опытный путешественникъ, отдавая подобныя распоряженія, всегда повторялъ Смокотнину: бери больше; пусть лучше останется, чѣмъ не достанетъ. Но Сосновскій, какъ мы убѣдились сегодня за обѣдомъ, былъ совсѣмъ другого мнѣнія: онъ терпѣть не могъ дорожныхъ запасовъ и старался всѣми силами дѣлать ихъ въ возможно меньшихъ размѣрахъ, и совѣтовалъ даже обходиться безъ нихъ, утѣшая своихъ спутниковъ тѣмъ, что „вѣдь тутъ вездѣ дичь есть“, что онъ эти мѣста знаетъ.

Премсполненный комизма обѣдъ наканунѣ отъѣзда изъ Гу-Чэна, съ разговоромъ о мѣстныхъ властяхъ, стоило бы описать подробно; но мы ужъ пройдемъ молчаніемъ его первую половину, и въ качествѣ молчаливыхъ свидѣтелей послушаемъ происходящіе при насъ „дѣловые“ разговоры.

— А завтра нужно пораньше выступить, говоритъ Андреевскій (когда разговоръ о писаніи здѣшними мандаринами стиховъ былъ прерванъ), — потому что будетъ большой переходъ... Да!.. Какъ быть съ баранами, Юліанъ Адамовичъ?... Намъ китайцы даютъ на дорогу двухъ барановъ... Я не знаю, достаточно ли будетъ двухъ?

— Да не набирайте вы пожалуйста этихъ барановъ, почти разгнѣваннымъ тономъ отвѣчаетъ начальникъ.

— Да какъ же не набирайте! А ѣсть-то чего будемъ? (онъ, какъ сибирякъ, всегда говорилъ—чего дѣлать, чего забыли, ѣсть чего будемъ.) Вѣдь пятнадцать дней пути надо считать; а насъ семь человекъ. (Переводчикъ зналъ, что у насъ съ Матусовскимъ запасы дѣлаются отдѣльно, и говорилъ только о своей компаніи, не принимая насъ въ расчетъ).

— Ну какихъ же пятнадцать дней, когда мы на девятый день придемъ къ торгоутамъ; значить вотъ ужъ не на пятнадцать дней... Ну, да если даютъ, такъ возьмите. И потомъ прибавилъ, какъ бы вскользь:—да зачѣмъ же даютъ, вѣдь можно было бы купить на сторонѣ... Можно купить, сколько нужно, и заплатить.

На это не возражали, и слова проскользнули безнаказанно.

— Такъ взять?

— Да ужъ возьмите, когда дають; потому что вѣдь ужъ китайцы какъ пристануть, такъ отъ нихъ не отдѣлаешься.

Фотографъ позаботился насчетъ хлѣба, недостатокъ въ которомъ ему не разъ уже приходилось испытать въ дорогѣ.

— А что же съ хлѣбомъ-то? обратился онъ къ переводчику.

— Шестьдесятъ лепешекъ готово... Китайцы предлагали еще полтораста гинъ муки, такъ мы съ мукой-то чего подѣлаемъ? Я имъ сказалъ, что не надо. Лучше хлѣба еще взять.

— Что жъ тутъ шестьдесятъ лепешекъ? продолжаетъ фотографъ, — вы рассчитайте. Если положить по двѣ лепешки на человѣка въ день, такъ вотъ нужно четырнадцать въ одинъ день; а иной разъ, можетъ-быть, захочется и три съѣсть, если ничего другаго не будетъ. Вѣдь намъ идти пятнадцать дней; а только на десять, считая хоть по двѣ на каждаго, надо ужъ сто сорокъ... Что жъ шестьдесятъ!...

— Экъ хватилъ! пятнадцать дней! замѣчаетъ начальникъ. Вѣдь говорю жѣ, что мы скоро придемъ въ торгоутамъ. Мнѣ положительно сказали, что на девятый день мы придемъ въ ихъ селенія; такъ у нихъ можно будетъ и муки достать, и всего.

— Да гдѣ же мы будемъ печь хлѣбъ? возразилъ фотографъ.

— Такъ намъ же вышлютъ хлѣба! ужъ сердится Сосновскій. — Вѣдь я писалъ въ Зайсанъ, чтобъ выслали!...

— Хорошо какъ вышлютъ, а какъ не вышлютъ... Что мы тогда будемъ дѣлать? Вѣдь голодъ не свой братъ. Да вѣдь это же и пустяковъ стоить, и деньги у насъ есть; отчего же не взять побольше.

Опять вспомнились по крайней мѣрѣ двѣнадцать пудовъ серебра, вѣдущіе съ нами, а также слова генерала Цзо, что серебромъ солдата не накормишь, когда хлѣба нѣтъ.

— Ну да закажите, сколько вамъ нужно, сказалъ съ раздраженіемъ Сосновскій; но потомъ, какъ бы опомнившись, продолжалъ:—Отчего же только двѣ на человѣка... Можно положить и пять на каждаго въ день. Это выйдетъ на семь человѣкъ... тридцать пять... Онъ остановился, словно совсѣмъ не ожидалъ, что пятью семь будетъ тридцать пять.

— Тогда сдѣланнаго запаса не хватитъ и на два дня, на этотъ разъ робко замѣтилъ фотографъ.

— Ну закажите вообще побольше, тамъ сто или сто сорокъ что ли; пусть лучше останется, это ничего; да тамъ же кстати и раздавать придется туземцамъ.

Мы сидѣли молча, не смѣя, разумѣется, ни полсловомъ выйти изъ предѣловъ „своей компетентности“; но намъ даже вчужѣ ставилось страшно.

Знай мы впередъ, какъ будутъ наши спутники снаряжаться въ дорогу, мы бы на свои средства непремѣнно велѣли заготовить всего столько, чтобъ можно было удѣлить имъ въ случаѣ недостатка; а теперь что мы можемъ удѣлить! Времени ужъ нѣтъ, теперь некогда что-нибудь заказывать; или надо остаться здѣсь еще на день, на два, или замѣнить хлѣбъ болѣе дешевой пищей— „авось перебьемся какъ-нибудь“.

— Хлѣбникъ теперь не успеетъ испечь, говоритъ фотографъ;— онъ шестьдесятъ лепешекъ пекъ два дня, а мы завтра ѣдемъ.

— Ничего, успеетъ, сдѣлаетъ,—отвѣчаетъ Сосновскій, вообще мало признававшій физическіе законы,—позовите татарина Ніаза, и пусть онъ закажетъ, или скажите Степанову.

Кликнули послѣдняго.

— Степановъ, обратился къ нему переводчикъ, — надо, братецъ, заказать еще хлѣба,—того мало будетъ.

— Кому же теперь заказывать! Не то ѣхать, не то хлѣбъ печь; прежде надо было объ этомъ думать.

— Да ты не ворчи пожалуйста! замѣчаетъ ему Сосновскій;— ты раньше отчего не заказалъ?

— Нешто это, ваше благородіе, отъ меня зависитъ; я не могу распоряжаться; а я два разъ докладывалъ, что хлѣба этого и видѣть нечего... Къ завтраму булочникъ все равно не напечетъ, нешто у нихъ наши печи; закажите, онъ принесетъ сыраго, который черезъ два дня зацвѣтетъ; его все равно ѣсть нельзя будетъ; только деньги даромъ бросать.

— Это-то правда, только деньги даромъ бросишь, согласился начальникъ. Ну, ты закажи тамъ все-таки, сколько онъ тамъ успеетъ, приказалъ онъ Степанову.

Обѣдъ кончился. Мы ушли въ свою комнату и не знали, что намъ дѣлать,—хочотать, отчаиваться, или еще разъ пойти и сказать: — господа, вы поступаете очень неосторожно; подумайте и пока еще не ушли, приготовьтесь какъ слѣдуетъ. Но идти для личнаго объясненія съ Сосновскимъ никто не пожелалъ; мы говорили объ этомъ Андреевскому, Степанову и Сюю; но они только разводили руками и отвѣчали: „мы ужъ говорили“.

Положеніе было почти отчаянное, и бодрость душевная остав-
ляла насъ, особенно когда въ двадцатый разъ являлись мандари-
ны и говорили намъ:

— Господа, что вы дѣлаете!... Не ходите этой дорогой, — вы
всѣ пропадете! Вашъ вожакъ не знаетъ, не можетъ знать хорошо
дороги. Скажите вашимъ товарищамъ, чтобъ они послушались
насъ и шли, какъ мы васъ посылаемъ.

Чтобъ заставить Сосновскаго послѣдовать ихъ совѣту, надо
было строже всего соблюдать одно правило, — чтобъ ни разу, ни
полсловомъ не намекнуть ему, что мы желаемъ поступить иначе,
чѣмъ онъ рѣшилъ. И мы ни однимъ жестомъ, ни однимъ наме-
комъ не нарушили дисциплины и повиновенія начальству; а про
себя только творили молитву: Господи, пронеси бѣду!...

Въ послѣдніе дни разговоръ о направленіи пути, какимъ пой-
демъ, не возобновлялся, и мы утѣшали себя надеждой, что авось
нашъ распорядитель убѣдится многочисленными доводами и во-
время пойметъ свое заблужденіе относительно того, что будто
бы „онъ знаетъ предстоящую намъ мѣстность, какъ свои пять
пальцевъ“.

Такимъ образомъ, вручивъ себя Провидѣнію, мы оставались въ
невѣдѣніи, какой дорогой пойдемъ, и какъ что у насъ будетъ.
Въ такомъ невѣдѣніи прошелъ канунъ выѣзда, а потомъ насту-
пилъ и день отъѣзда. Китайцы въ свою очередь, должно-быть
также надѣялись, что мы не станемъ же дѣлать безразсудныхъ
поступковъ, авось передумаемъ, и, посылая съ нами конвой и
офицера, давали имъ порученія всѣми мѣрами отклонить насъ
отъ опаснаго и бесполезнаго намѣренія.

18 сентября.

Этотъ день выѣзда изъ Гу-Чэна былъ съ утра ясный; потомъ
небо заволокло сѣрыми тучами, и задулъ сильный порывистый
вѣтеръ, который несъ цѣлыя тучи песчаной пыли. Повидимому,
собирался дождь, и какое-то тоскливое чувство вообще охваты-
ваетъ душу человѣка въ такую погоду, когда ему предстоитъ
даже и не такой трудный и опасный путь, въ какой отправлялись
мы, да еще съ такими порядками, какъ наши, съ такою строгою
дисциплиной, которая громко говорила всѣмъ:

„Я одинъ могу и буду дѣлать, что хочу; а всѣ будутъ дѣ-
лать то, что я прикажу, потому что внѣ предѣловъ отечества я,
все равно какъ капитанъ корабля, имѣю надъ всѣми право жизни

и смерти: каждаго изъ васъ могу судить единоличнымъ судомъ, и даже отвѣчать за васъ не буду.“

Это назиданіе мы нѣсколько разъ удостоились слышать, и вызвали его главнымъ образомъ излишнею заботливостью объ общемъ благѣ, объ интересахъ дѣла, которое считали главной задачей, и постоянно думали о томъ, какою отвѣтъ дадимъ послѣднимъ насъ для извѣстной цѣли... Но, ѣдемте.

На дворѣ обычная суматоха, сопровождающая выѣздъ большого числа людей въ степь съ багажомъ, припасами и конвоемъ. Прощаюсь я со своимъ послѣднимъ пріютомъ въ китайскомъ домикѣ и съ завистью смотрю на туземцевъ, которые остаются дома и возятся у насъ на дворѣ съ дровами, ведрами воды, или сидятъ въ своихъ маленькихъ уютныхъ комнатахъ, защищенные отъ завывающаго вѣтра и накрапывающаго дождя.

Наконецъ все готово; зовутъ завтракать; а потомъ на лошадей и въ путь... И вотъ тутъ только, за этимъ завтракомъ, вспоминаютъ, что необходимо взять съ собою кадочки для запасной воды *). Оказывается, у насъ есть только одна на всѣхъ. Пошли спрашивать, просить; мы „даже рѣшились купить“ такихъ кадочъ пять, шесть; но больше одной годной не нашлось, и эту не продали, а дали такъ...

Наконецъ всѣ выѣхали за городскія ворота, и теперь оказалось, что вмѣсто обѣщанныхъ пятидесяти человекъ конвоя, какихъ первоначально хотѣли послать, отсюда ѣхало всего девять человекъ и одинъ офицеръ. Казенныя лошади, данныя тѣмъ изъ нашей компаніи, у кого, неизвѣстно почему, до сихъ поръ не было своихъ (а именно: у переводчиковъ, фотографа, двухъ казаковъ, слуги Ніаза и нашего проводника), эти лошади, а равно и большая часть верблюдовъ, были худы и не особенно крѣпки на видъ; а отправлялись онѣ съ нами, конечно, на весь путь, потому что замѣнить ихъ въ пустынѣ будетъ негдѣ и нечѣмъ; слѣдовательно, тѣмъ болѣе силы ихъ требовали о себѣ заботъ съ нашей стороны.

Вотъ городъ и исчезъ... Прощай Гу-Чанъ! Прощай Китай!

Вскорѣ Сосновскій проѣхалъ рысью впередъ, въ сопровожденіи переводчика, казака Степанова, фотографа и жожака, безпощадно колотившаго палкой свою лошадедку, чтобъ она поспѣвала за

*) Онѣ бывають обыкновенно плоскія, небольшія, такъ что на одного верблюда ихъ надѣвають двѣ.

другими. Мы съ товарищемъ, по обыкновенію, ѣдемъ шагомъ, и потому сейчасъ же, конечно, отъ нихъ отстали; а караванъ былъ еще позади насъ и наконецъ за нимъ еще на порядочномъ разстояніи тащилась запряженная верблюдомъ китайская телѣга. Вотъ въ такомъ-то стройномъ порядкѣ выступили мы въ путь всѣ въ раздробь, не зная ни дороги, ни мѣста нынѣшняго ночлега!..

Проѣхавъ нѣкоторое разстояніе степью, встрѣчаемъ Боярскаго, котораго, оказывается, сбросила лошадь. Компания его этого „не замѣтила“ и проскакала дальше; а онъ, несчастный, присталъ теперь къ намъ и поневолѣ долженъ былъ находиться въ совершенно чуждой ему сферѣ: ставъ другомъ начальника, онъ съ тѣхъ поръ уже не удостоивалъ насъ своимъ разговоромъ.

Дорога вскорѣ раздѣлилась; на распутьи ничего написано не было; спросить не у кого, да еслибъ и было у кого, такъ мы не знали, что спрашивать, какую дорогу выбирать, куда уѣхалъ Соновскій? Взяли вправо, а Боярскій говоритъ, — кажется, начальникъ уѣхалъ налѣво... Къ счастью, оказалось, что обѣ вѣтви скоро опять соединились...

Подѣзжаемъ къ небольшому и рѣдкому лѣсочку; тутъ отъ дороги пошли развѣтвленія въ разныя стороны, и одинъ изъ конвойныхъ солдатъ взялся быть путеводителемъ. Перешли ручей, обросшій густымъ тростникомъ, и остановились, поджидая Матусовскаго, который продолжаетъ производить съемку; потомъ побрели дальше. А въ природѣ становилось очень непривѣтливо: тучи сгущались; начался спорый осенній дождь, сильно смочившій высокую траву, какая растетъ здѣсь по сырмъ лугамъ. Мы все ѣхали черелѣсками, въ которыхъ то тутъ, то тамъ видѣлись земляныя ограды, и изъ-за нихъ выглядывали верхушки юртъ, — это были такъ-называемыя зимовки, то-есть зимнія жилища туземцевъ-монголъ; другія юрты стояли рядами безъ всякихъ оградъ, просто подъ защитою густаго высокаго тростника. Около этихъ человѣческихъ жилищъ бродили изрѣдка разныя домашнія животныя, верблюды, лошади, коровы, бараны и собаки; изрѣдка показывались монголы и монголки, занимавшіеся дѣлами по своему хозяйству. И внутри ихъ земляныхъ оградъ, устроенныхъ на опушкѣ рощъ, въ ихъ юртахъ, укрытыхъ живыми стѣнами тростника, мнѣ казалось очень уютно, и я подумалъ, что не прочь бы, пожалуй, остаться съ ними на всю осень и зиму, вмѣсто того, чтобъ ѣхать теперь въ даль, хотя и домой, но черезъ пустыню, въ такое ненастное время, какое, повидимому, должно было затянуться надолго...

Однако мало-по-малу всёхъ сталъ занимать вопросъ, гдѣ же мы будемъ сегодня ночевать? куда идти?.. Начальникъ исчезъ; съ нимъ были и переводчикъ и вожакъ. Спрашиваемъ у мѣстныхъ кочевниковъ, — куда проѣхали такіе-то люди? Отвѣчаютъ, — тутъ такіе не проѣзжали; они не видали и не слышали. Ёдемъ дальше; у новыхъ подобныхъ же кочевковъ предлагаемъ тотъ же вопросъ и получаемъ тотъ же отвѣтъ. Мы уже не идемъ впередъ, а начинаемъ колесить по степи, разыскивая своего вождя, и странствованіе наше начинаетъ походить на сказочныя приключенія...

День кончается, а мы остановились и стоимъ подъ открытымъ небомъ среди пустой степи въ раздумьи, что предпринять, гдѣ устроиться на ночь. Подошелъ транспортъ и тоже остановился. Животныя ждуть корма и отдыха, да и намъ самимъ хотѣлось бы пріютиться до ночи, пока не стемнѣло... Но что теперь дѣлать? Гдѣ искать начальника и спутниковъ? Куда ѣхать? Конвойный офицеръ (по китайскому имени Бао, а по маньчжурски Нэльхешень) спрашиваетъ насъ, Матусовскій спрашиваетъ меня: что предпринять; я говорю Боярскому, чтобъ онъ принялъ рѣшеніе на себя, какъ человѣкъ близко стоящій къ начальнику; но и онъ не рѣшился: видно, не только аеть разстрѣлянія, но и самое обѣщаніе его никому не пріятны, а ужъ мы были достаточно учены.

— Ну, такъ будемъ тутъ стоять, рѣшаемъ мы сообща, — стоять до завтра или до тѣхъ поръ, пока Сосновскій не пріѣдетъ сюда самъ, или пришлетъ гонца съ какимъ-нибудь приказаніемъ.

Офицеръ Бао находилъ это невозможнымъ и, поговоривъ о чемъ-то съ однимъ изъ встрѣтившихся мѣстныхъ монголовъ, приказалъ ему идти впередъ; за нимъ послѣдовали всѣ, но куда, съ какою цѣлью, — никто не зналъ. Проѣхали черезъ степь, покрытую такимъ высокимъ чіемъ, что лошади совершенно скрывались въ немъ, и потомъ вышли еще къ одной монгольской зимовкѣ, гдѣ, вѣроятно, нашъ случайный путеводитель надѣялся, наконецъ, найти потерянныхъ спутниковъ. Спросили; но ихъ и здѣсь не оказалось; и никого изъ иностранцевъ, говорятъ монголы, — мы не видали.

Солнце, показавшееся на минуту передъ закатомъ, и озарившее какимъ-то зловѣщимъ желтымъ свѣтомъ поблекшую степь, надъ которою нависли синія тучи, скрылось за горизонтъ. Наступили сумерки; животныя измучились, люди продрогли и проголодались...

На пути намъ стали часто встрѣчаться армки, которые мѣстами разлились и образовали тонкія грязи; ихъ надо было переѣзжать, и мы со страхомъ подумывали, что будетъ, если мы ни до чего не доберемся, пока еще есть остатокъ хоть слабаго свѣта; что, если насъ застанетъ въ такой дорогѣ глухая ночь? Чѣмъ можетъ это кончиться!.. Мы, пожалуй, проходимъ до другаго дня и сразу немучимъ какъ себя, такъ и всѣхъ людей, и особенно животныхъ; а отъ здоровья и силъ послѣднихъ зависѣла наша судьба, потому что въ мѣстахъ, въ какія мы отправлялись, человѣку безъ лошади и верблюда остается только погибать. Это всѣмъ извѣстно...

Рѣшили идти, куда будутъ указывать и пока будетъ возможно, а потомъ расположиться на ночлегъ тамъ, гдѣ застанутъ потемки. Въ эту минуту къ намъ подѣхалъ всадникъ, оказавшійся Нязомъ (который, какъ я сказала, уѣхалъ изъ Гу-Чэна съ начальникомъ вперед); и отъ него мы узнали, что его спутники находились въ одномъ поселкѣ верстахъ въ четырехъ отсюда; его же послали отыскать телѣгу, достать въ ней водку, ветчину и хлѣбъ и какъ можно скорѣе привезти обратно. Намъ ничего сказать не велѣно.

Такимъ образомъ, мы теперь знали куда идти; но вопервыхъ, настала ночь; вовторыхъ, мы рисковали попасть гдѣ-нибудь въ одинъ изъ глубокихъ армковъ, какими здѣсь изрѣзана вся степь. Однако попробовали двинуться впередъ, переѣхали въ бродъ быструю рѣчку (Чунь-Шуй-Хэ), въ которой воды было по животъ лошадямъ; дно скользкое и вязкое, берега крутые, такъ что мы на лошадяхъ переправились съ трудомъ и не безъ опасности, а верблюды рѣшительно не могли перейти; и одинъ изъ вожаковъ сказалъ, что тутъ по крайней мѣрѣ половина ихъ попадаетъ, а съ ними, конечно, и вещи побываютъ въ водѣ. Поэтому,—спасибо ему,—онъ отказался переводить верблюдовъ.

Такимъ образомъ здѣсь и започевали.. Костры запылали, люди обогрѣлись, кой-чѣмъ подкрѣпили силы и улеглись на покой. Это было близъ урочища Бэй-Дао-Цао... Не ѣли и не отдыхали только посланецъ Нязъ и его бѣдная лошаденка: доставъ, что требовалось, онъ отправился въ „главную квартиру“, а часъ спустя его прислали во второй разъ за постелью начальника... на той же лошади!

Еще черезъ часъ притащился и продрогшій старикъ Сюй, ѣхавшій въ телѣгѣ, которая привязаннымъ къ ея колесу изло-

машинымъ одометромъ измѣрала. расстояние, которымъ мы будемъ опредѣлять кратчайшій путь изъ Гу-Чэна въ Зайсань.

19 сентября.

Барометръ, предвѣщавшій вчера хорошую погоду, не обманулъ насъ. Выйдя изъ палатки самымъ раннимъ утромъ, мы увидели надъ собой ясное голубое небо; ни одного облачка не осталось на немъ отъ вчерашнихъ тучъ. Но утро было холодное и морозное: вся земля, палатка и всѣ вещи были покрыты, какъ снѣгомъ, бѣлымъ инеемъ... Сквозь прозрачный воздухъ ясно рисовался на горизонтѣ оставшійся позади насъ покрытый снѣгомъ хребетъ Тянь-Шань. Трава и листья на деревьяхъ поблекли...

Да, въ воздухѣ ужь сильно вѣетъ осенью, и скоро настанетъ пора, въ которую нельзя будетъ сѣяться по пустынямъ...

Началось и кончилось обычное лагерное утро походныхъ людей; все уложено, убрано, остается вывучить и ѣхать; мы только ждемъ Сосновскаго. Смотримъ, скачетъ одинъ казакъ Степановъ.

— А гдѣ же начальникъ?

— Они тамъ, гдѣ ночевали.

— Что же ты одинъ пріѣхалъ?

— За ветчиной-съ.

— Какъ за ветчиной... Да вѣдь онъ сюда же пріѣдетъ, и вѣроятно сейчасъ, потому что уже пора трогаться.

— Не могу знать; мнѣ приказано привезти ветчину.

Онъ уѣхалъ съ окорокомъ обратно, съ тѣмъ, чтобы сейчасъ же опять вернуться сюда съ начальникомъ... Молодцу Степанову, положимъ, и двадцать, тридцать верстъ ничего не стоить проскакать; но лошади его предстояло сегодня идти еще цѣлый день.

Затѣмъ пріѣхалъ переводчикъ и тоже одинъ. Разказавъ самыя возмутительныя вещи про свой вчерашній мучительный день и еще болѣе мучительную ночь, онъ сообщилъ пріятную новость, что ему удалось-таки настоять на томъ, чтобъ былъ взятъ еще второй проводникъ, и что этотъ гораздо лучше знаетъ дорогу. Ну, слава Богу, однимъ „авось“ меньше...

Стоимъ, ждемъ... Свѣжее осеннее утро такъ и сияетъ; сѣрые дрозды и разныя мелкія пташки порхаютъ и скачутъ по деревьямъ рѣденокъ рошцы (исключительно вязъ) и посвистываютъ какъ-то особенно, на осенній ладъ. Бѣжитъ и журчитъ прозрачная вода въ рѣчкѣ, у которой мы ночевали. Очень хорошо было въ природѣ, да плохо на сердцѣ!..

Наконецъ прѣхалъ Сосновскій и можно бы тронуться въ путь, да тутъ пришли сказать, что въ его компаніи для лошадей кормить, потому что его, когда были въ городѣ, не потребовали, какъ это сдѣлали мы... Какъ тутъ быть?! Назадъ въ Гу-Чэнъ посылать далеко, — цѣлый день ходу; значить, туда и назадъ — два дня! Послали татарина Ніаза — добывать здѣсь; тотъ вернулся съ пустыми руками. Тогда рѣшили конвойныхъ солдатъ пересадить на верблюдовъ, а лошадей ихъ съ однимъ человѣкомъ отправить обратно въ городъ; китайскій офицеръ также пересѣлъ на верблюда; а кормъ взятый нами только для своихъ трехъ лошадей приказано раздѣлить на всѣхъ; всѣхъ же было съ нами десять! Поэтому уже сегодня всѣ лошади были видимо голодны, лошадь же Ніаза легла послѣ перваго дня пути... Но какого дня! Она была въ движеніи подъ сѣдломъ чуть не всѣ двадцать четыре часа, а ѣла ли что — неизвѣстно. Ніазъ же оказался „дуракомъ“, что выбралъ себѣ въ Гу-Чэнѣ скверную лошадь. Наконецъ тронулись въ путь только въ одиннадцатомъ часу.

Вскорѣ рои съ пріотившимися въ нихъ зимовками монголь, луга съ хорошей травой и бѣгущими по нихъ арыками остались позади и скрылись изъ виду; а передъ нами и со всѣхъ другихъ сторонъ явилась песчаная, какъ море взволнованная, степь, и нанесенные отлогіе холмы сыпучаго песку иногда достигали саженъ до десяти вышины. Растенія, покрывающія ихъ, были довольно разнообразны, но они всѣ уже засохли и имѣли блѣдно-желтый цвѣтъ; подошвы холмовъ изрыты множествомъ сусличьихъ норъ, но самихъ сусликовъ не было видно ни одного: — они, должно-быть, уже залегли на покой, на всю зиму; и, вспоминая о нихъ, я не разъ имъ позавидовалъ, представляя себѣ ихъ теплыя, уютныя норы, выстланныя мягкой травой и шерстью.

Итакъ, предводительствуемые двумя жожаками, — прежнимъ ламою Содмунъ и братомъ его Ба-Гэ, — пробираемся мы между песчаныхъ холмовъ, изъ которыхъ, говорятъ они, мы къ вечеру выйдемъ на открытое мѣсто къ колодцу. Но удивляло всѣхъ, что они вели насъ до того извилистымъ путемъ, что солнце то оказывалось передъ нами, то мы поворачивались къ нему спиной, хотя намъ вовсе нечего было обходить. Но Сосновскій не обращалъ на это вниманія, или по крайней мѣрѣ не удивлялся, ничего у нихъ не спрашивалъ о томъ, почему они не идутъ, держась одного направленія.

Телѣга шла чрезвычайно тяжело, потому что колеса глубоко врѣзывались въ песокъ и безпрестанно натыкались на кусты растений, образующихъ твердыя кочки; тащившій ее верблюдъ изнемогалъ и безпрестанно останавливался, несмотря на безпощадные удары.

Пройдя часа два, мы нагнали караванъ, который шелъ впереди и теперь чего-то остановился.

— Въ чемъ дѣло? Что остановились? спрашиваемъ своего казака; казакъ спросилъ солдата маньчжура по-китайски; маньчжуръ спросилъ одного изъ погонщиковъ верблюдовъ по-монгольски.

Оказалось, что вожаки дѣйствительно сбились и ушли искать дорогу.. Остановились и мы возлѣ каравана; стоимъ, не слѣзая съ лошадей, потому что не стоить, думаемъ,—сейчасъ дальше поидемъ.

Солдатъ маньчжуръ, толковый и хорошій парень, взлѣзъ на высочій песчаный холмъ посмотрѣть, не возвращаются ли вожаки; я соблазнился и взобрался туда же; смотрю впередъ, и мнѣ показалось, что этому песчаному морю не далеко и конецъ, что за краемъ ближайшихъ холмовъ прямо синѣетъ отдаленная гряда пригорковъ: значить, между тѣми и другими залегаетъ равнина. А вскорѣ по выходѣ на нее, говорили вожаки, и колодезь будетъ, на который сегодня намъ надо придти.

Они вернулись; но караванъ отчего-то пошелъ не впередъ, а назадъ; мы было обрадовались, подумавъ, ужъ не вышло ли распоряженіе перейти на благоразумный путь, указанный китайцами... Но нѣтъ; пройдя съ полверсты назадъ, мы расположились на ночлегъ у находящагося здѣсь колодца (худукъ) Тунгуть-Гурбанъ, скрытаго, какъ оказалось, въ котловинѣ, между тростниковъ, всего верстахъ въ двѣнадцати отъ вчерашняго ночлега.

Такимъ образомъ экономія во времени, то-есть наша главная цѣль, какъ видите, далеко не достигалась. Сколько-то пройдемъ завтра и куда поидемъ?.. Куда поидемъ?.. Всѣ мысли и желанія всѣхъ были за переходъ на будунь-тохойскій трактъ. Но, хотя никто не выражалъ ихъ, приказано все-таки идти прямо, то-есть черезъ пустыню, въ которую мы теперь уже вступили.

Г Л А В А XV.

„КРАТЧАЙШИЙ“ ПУТЬ ВЪ ЗАЙСАНЪ.

Негодность вожаковъ.—Сомнительный вулканъ въ Тянь-Шанѣ.—Опять потеряли дорогу.—Голоданіе животныхъ и первыя жертвы смерти.—Новыя блужданія въ безводной пустынѣ.—И смѣхъ, и горе.—Дневка у Хоргутто.—Голодъ животныхъ усиливается.—Ключъ Хармали.—Ночлеги на безводномъ мѣстѣ.—Вторая ночь безъ воды.—Мысли о смерти и первыя муки отъ жажды.—Въ обратный путь.—Раздѣленіе на два лагеря.—Неожиданное спасеніе.—Двухдневная стоянка.—Новые вожаки.—Трудный путь.—Замѣчательный голецъ.—Еще дневка. — „Степные законы“. — Снѣжный буранъ.—Позвія въ дорожныхъ невзгодахъ.—Первыя кочевья.—Пиръ горой.—Морозы и бурани.—Новыя муки.—Ночь въ тургутской зимовкѣ.—Первые люди съ родины и ея дары.—Киргизы. — Незабвенная встрѣча.—„Не видѣть предѣловъ отечества“. — Русскій пикетъ Чаганъ-Обо.—Пріѣздъ въ Зайсанскій Постъ.

Бываютъ въ жизни людей страшныя минуты, въ которыя они чувствуютъ себя совершенно безсильными, напримѣръ, въ борьбѣ со стихійными силами,—на морѣ, напримѣръ, во время жестокой бури, въ моменты страшныхъ землетрясеній, когда людямъ не остается на землѣ ни опоры, ни защиты, ни надежды, когда некому крикнуть о помощи, потому что этотъ крикъ отчаянія ни до кого не донесется... Въ эти минуты обезсилѣвшая душа чело-вѣка обращается только къ небу съ мольбою о помилованіи...

Вотъ почти такія минуты переживали теперь мы всѣ,—русскіе и китайцы, — случайные рабы случайнаго господина... Хотя мы стояли и на твердой почвѣ, и эта почва не колебалась и не давала подъ ногами трещинъ, которыя бы могли насъ поглотить, но мы медленно ждали медленной смерти... Да! Всѣ шли, если не на положительно неизбѣжную, то почти на вѣрную смерть;

но крайней мѣрѣ всѣмъ, способнымъ думать, такъ думалось, потому что съ одной стороны намъ говорятъ всѣ въ одинъ голосъ, что пустыня безводна и чрезвычайно опасна; съ другой, мы сами убѣдились, какъ ненадежно знакомство съ нею людей, которые взялись насъ провести; и втретьихъ распорядился всѣми нами человекъ, ровно ничего не вѣдавшій и въ то же время не признававшій чужаго знанія и мнѣнія, не вѣрившій никому, кромѣ себя, и не разъ уже осязательно показавшій намъ, къ чему можетъ приводить подобный образъ мыслей и основанныхъ на нихъ дѣйствій.

Отчего же былъ такъ смѣлъ на этотъ разъ Сосновскій? А вотъ отчего. На наше несчастіе онъ совершилъ въ 1871 г. убогую поѣзду изъ Зайсанскаго Поста на озеро Улюнгуръ и Булунъ-Тохой, и, хотя мы были еще далеко отъ этихъ мѣстъ, но ему, судя по его словамъ, показалось, что онъ находится ужъ совсѣмъ въ сосѣдствѣ съ ними — не на основаніи справокъ, картъ или другихъ точныхъ данныхъ, какими руководствуются въ случаѣкъ подобной важности серьезные люди, а просто потому, что „онъ былъ въ этомъ положительно убѣжденъ“.

„Битайцы только чепуху порютъ, и ужъ я-то эти степи знаю“, говорилъ онъ; — „тутъ вода вездѣ есть, только они, дураки, не умѣютъ ея найти. Если бы даже вожаки и сбились, такъ я самъ вездѣ воду найду, по примѣтамъ, даже всякому гимназисту извѣстнымъ“, хвастался онъ, оправившись отъ позора въ Сань-Го-Чуанъ-Цзы и снова принимая видъ распорядителя. И у насъ просто дрожь пробѣгала по тѣлу, когда мы слушали такіа рѣчи...

Вотъ каково было положеніе всей экспедиціи, когда мы должны были повиноваться, не смѣя возражать. Оставалось одно спасеніе, — открытое сопротивленіе; но чувство долга было въ насъ крѣпко, и намъ не хотѣлось прибѣгать къ прискорбному насилію, мысли о которомъ невольно приходили въ голову, какъ приходять онѣ теперь и читателю. Но мы повиновались молча. Это молчаніе было бы преступно, если бы просьбы, совѣты, наконецъ, совѣщанія были возможны; но они не имѣли мѣста... Я лично находилъ, что и это нѣмое повиновеніе въ данномъ случаѣ было преступно, потому что мы жертвовали всѣмъ дѣломъ пустой формальности. Я предполагалъ лишить Сосновскаго свободы дѣйствій, выдавъ ему потомъ свидѣтельство о невѣрности, но къ сожалѣнію не встрѣтилъ достаточной поддержки.

Итакъ мы могли говорить и совѣтоваться только между собою или думать про себя кому что угодно... Да будетъ, Господи, воля твоя, вотъ что говорилъ мысленно себѣ каждый, отправляясь отсюда, будто бы кратчайшимъ путемъ, на родину.

Избранный нами путь не имѣлъ, какъ я сказалъ, никакого значенія ни въ торговомъ, ни въ стратегическомъ, ни въ научномъ отношеніяхъ; онъ имѣлъ въ глазахъ Сосновскаго одно достоинство прямой линіи, какъ кратчайшаго разстоянія между двумя точками. Такимъ образомъ о пройденной странѣ особеннаго сказать нечего, и ее можно охарактеризовать слѣдующими немногими словами: сначала почти безводная и совершенно безлюдная пустыня; потомъ степь, орошенная и обитаемая немногочисленными кочевниками. Поздняя же осенняя пора дѣлаетъ ее еще менѣе интересною, такъ какъ органическая жизнь степи почти замерла, и я могъ бы кончить свой рассказъ о путешествіи здѣсь. Но думаю, что читателю не совсѣмъ безынтересно будетъ познакомиться съ нашимъ движеніемъ черезъ названную пустыню и степь... Отчего же и ему не потомиться мысленно вмѣстѣ съ нами, хотя сидя у себя въ домѣ, который потомъ станетъ ему во сто разъ милѣе... Наконецъ мой рассказъ, можетъ-быть, избавитъ многихъ другихъ людей отъ такихъ же ненужныхъ страданій и бесплоднаго подверганія человѣческихъ жизней столькимъ опасностямъ, только вслѣдствіе того, что одинъ человѣкъ не по праву, а всякими иными путями, получить надъ другими власть и станетъ безразсудствовать на основаніи своей будто бы безнаказанности и глубокаго презрѣнія къ общественному суду.

20 сентября.

Проведя на степи вѣтренную ночь съ небольшимъ дождемъ, всѣ встали чуть-свѣтъ и готовы къ отъѣзду; остается засѣдлатъ лошадей и ѣхать. Но засѣдлатъ, оказывается, некого и ѣхать нельзя, потому что четырехъ верховыхъ лошадей не досчитываются.

Ихъ ищутъ вблизи, отходятъ подалѣе, всходятъ на вершины песчаныхъ холмовъ,—лошадей и слѣдъ простылъ. Сѣдлаютъ коней и объѣзжаютъ болѣе широкій кругъ,—нѣтъ и нѣтъ, словно онѣ сквозь землю провалились. Наконецъ какому-то знатоку лошадиной натуры приходитъ въ голову мысль, что онѣ, навѣрно, ушли на мѣсто прошлой ночевки, гдѣ есть вдоволь и корма, и

воды. Вдуть туда и действительно находить всю четверку, преспокойно разгуливающую по привольным лугамъ.

Когда бѣгляновъ привели обратно, было уже за полдень; а главное, что во время этихъ поисковъ загоняли всѣхъ другихъ лошадей до такой степени, что выступать сегодня и думать нечего. И вотъ, благодаря этому, мы дѣлаемъ здѣсь, „для сбереженія времени“, неожиданную и ни на что не нужную дневку *).

21 сентября.

Слава Богу еще что хоть небо насъ милуетъ, —погода стоитъ великолѣпная.

— Скорѣе, скорѣе выступать нужно, торопятъ насъ вожаки, а то, говорятъ, не дойти сегодня до воды. Кромѣ того, погонщики пришли просить, чтобъ телѣгу бросили, потому что она составляетъ тяжкую обузу, которая будетъ задерживать насъ тѣмъ, что ее придется постоянно дожидаться... И ужъ конечно телѣгу приказано везти.

Пошли мы по тѣмъ же песчанымъ пригоркамъ, то взбираясь, то спускаясь или сползая по крутѣйшимъ сыпучимъ сугробамъ песку. О какомъ-нибудь населеніи тутъ и помину не могло быть; вдругъ, къ моему изумленію и немалому удовольствію, я встрѣчаю въ одной ложбинѣ признаки существовавшего здѣсь человѣческаго жилья, —остатки шалаша, два жернова и черепки грубой глиняной посуды. И видъ этихъ предметовъ, говорившихъ, что здѣсь были и жили люди, произвелъ на меня до странности приятное впечатлѣніе и подѣйствовалъ на душу до извѣстной степени успокоительно. А съ другой стороны невольно задумываешься надъ вопросомъ, — кто же это жилъ здѣсь? Здѣсь, въ этихъ пескахъ? Колдунъ, сказочный?! Чтò тутъ дѣлали эти жернова? Не песокъ же мололи!.. Совсѣмъ непонятное явленіе... Не старинные ли это предметы, которые давно были погребены подъ пескомъ и теперь только вѣтеръ обнажилъ ихъ... Но нѣтъ, по виду не похоже.

---

*) Этотъ день, впрочемъ, не пропалъ у Сосновскаго даромъ: онъ чинилъ судъ надъ переводчикомъ Андреевскимъ. Я не хотѣлъ предавать гласности этотъ постыдный эпизодъ, но былъ вынужденъ впоследствии это сдѣлать. Онъ разсказанъ въ книгѣ моей „Неудачная экспедиція въ Китай“ подъ заглавіемъ „Нѣкая исторія съ дневниками“, даннымъ ему самимъ Сосновскимъ.

Братья-вожаки предсказывали поутру, что пески должны будут кончиться сегодня около обѣда; однако мы протащились по нимъ до вечера, а они еще все не кончились. Солнце ужъ сѣло, и свѣтъ зари погасъ; ночь наступаетъ, а пескамъ все конца-краю не видать, и мы продолжаемъ блуждать въ лабиринтѣ все такихъ песчаныхъ холмовъ. Вожакъ конфузятся, но успокоиваются, — говорятъ, скоро придемъ къ колодцамъ, и даже объявляютъ, что якъ будетъ два, что около нихъ найдемъ два корыта для водопоя. Но ночь совсѣмъ сбילה ихъ съ толку, и они стали сворачивать то прямо на сѣверъ, то прямо на западъ. Всѣмъ стало ясно, что они потеряли руководящую нить и что имъ ея ночью не найти. Мы переговорили между собою, а также съ казаками, и Смокотнинъ рѣшилъ отправиться къ Сосновскому и сказать ему, что вожаки сбились съ дороги и теперь, пожалуй, проводить насъ цѣлую ночь, а колодцевъ не найдутъ; что не лучше ли будетъ ужъ остановиться такъ съ запасной водой: для людей ея достанетъ, а верблюды и лошади, ужъ нечего дѣлать, потерпятъ до завтра.

Такъ проведена первая ночь безъ воды; а какъ онѣ проводятся, мы еще будемъ имѣть не одинъ случай видѣть.

22 сентября.

Не сказку пишу, а какъ на сказку похоже!... Вожакъ, забывъ вчерашнія обѣщанія, сегодня опять совѣтуютъ выступать раньше:— „а то, говорятъ, до воды не доберемся“,— до той самой воды, которую они искали вчера ночью, здѣсь! Это значить, теперь они пойдутъ ужъ на слѣдующій колодезь; значить мы поѣдемъ на непоенныхъ лошадяхъ и верблюдахъ. А нашъ Сосновскій ничего не понимаетъ... Ну, поѣдемъ.

Всѣ встали до восхода солнца и начинаемъ очень страдать отъ холода. Густой иней одѣлъ всѣ сухія растенія и наши вещи. Мы принуждены разводить костры, чтобъ отогрѣвать просто коченѣвшія руки и ноги. Огонь поддерживали саксауломъ (*Haloxylon Ammodendron*), который растетъ здѣсь въ большомъ количествѣ; сырой ломается чрезвычайно легко и превосходно горитъ. Изъ остатковъ грязной вчерашней воды сдѣлали чай, но онъ былъ такъ отвратителенъ, что мы почти не пили его; тѣмъ же менѣе его не вылили, а переливъ въ жестяную бутылку и бережно закупоривъ, взяли съ собой въ дорогу, на всякій случай,

такъ какъ теперь, просыпаясь, мы не знали, что насъ ожидало того же дня вечеромъ.

Идемъ долго на сѣверо-западъ по песчаной равнинѣ, не видя кругомъ себя ничего, кромѣ песку и однообразныхъ растений, встрѣчавшихся вчера и третьего дня, а изъ живыхъ существъ только небольшія стаи мелкихъ птичекъ да ящерицъ; видѣли еще много разныхъ слѣдовъ на пескѣ, по преимуществу сайгачьихъ, сусликовъ, и заячьихъ; самихъ же животныхъ совсѣмъ не встрѣчалось, какъ будто они вымерли всѣ.

Погода стояла превосходная, воздухъ прозрачный, чистый, и хребтъ Небесныхъ Горъ, вчера совершенно закрытый облаками, сегодня ясно рисовался со своими снѣжными вершинами на безоблачномъ голубомъ небѣ, — легкій, прозрачный и чистый, какъ будто создавшійся только прошлою ночью... Но лучше бы облака и не открывали его для нашихъ глазъ, потому что намъ съ товарищемъ, алчнымъ до всего малозвѣстнаго, страстно захотѣлось идти туда, къ этимъ горамъ, чтобы разрѣшить одинъ интересный вопросъ, — есть тутъ дѣйствительно вулканъ, о которомъ упоминаютъ китайцы въ своей географіи, какъ о дѣйствующемъ до сихъ поръ, или нѣтъ. Они называютъ его Бай-Шапъ; и вотъ это мѣсто теперь передъ нашими глазами, не болѣе какъ верстахъ въ пятидесяти. Сопровождающіе насъ туземцы указываютъ на одну точку хребта, гдѣ возвышаются пять коническихъ вершинъ, называютъ это мѣсто святой горой (Богдо-Ула) и говорятъ, что каждый мѣсяцъ священный духъ Фо или Фу-Ъ прилетаетъ въ это мѣсто горъ, и тогда надъ ними показывается дымъ, а иногда и огонь.

— Видѣлъ ли ты самъ огонь и дымъ надъ горою? спрашиваю у солдата-маньчжура.

— Видѣлъ дымъ, когда бывалъ въ Урумци, оттуда это хорошо видно; но я тамъ подолгу не живалъ, такъ огня не разу не видѣлъ, а отъ другихъ слышалъ.

Прогнавъ отъ себя малодушное смущеніе научными интересами, „мы“ гордо посмотрѣли на Богдо-Ула издали и отправились дальше своей дорогой... А находились отъ нея, самое большое, въ двухъ дняхъ пути; тогда какъ для разрѣшенія такого важнаго вопроса стоило бы пройти въ сторону двѣ недѣли и болѣе... Да вѣдь и городъ Урумци, какъ читатель помнитъ, мы также предполагали посѣтить... И это очень стоило сдѣлать, и долъгъ требовалъ!...

Но нашимъ вниманіемъ теперь сильно овладѣла другая, еще очень далекая гора, явившаяся въ сѣверной части горизонта. По поводу ея пошли разспросы туземцевъ, догадки, споры, и всѣ пришли къ тому заключенію, что ничему другому тутъ быть нельзя, какъ Алтаю; и хотя еще далеко до него, хотя родина еще дальше за нимъ, но уже одно родное названіе было отрадно услышать и произнести самому. Мы смотрѣли на него во всѣ глаза, съ особеннымъ чувствомъ неизъяснимой, не всѣмъ вполне понятной радости.

Появленіе этой горы обрадовало насъ еще и потому, что теперь, думаемъ себѣ, вожакамъ будетъ гораздо легче соображать мѣстность. Но, несмотря на появленіе такого превосходнаго маяка, они сегодня долго плутали по степи; однако къ закату солнца довели-таки насъ до „двухъ колодцевъ съ двумя корытами“ и называемымъ Сэбъ-Кюльтэй...

Это насъ ободрило, и за это, говоримъ мы, имъ можно простить даже то, что показанія ихъ относительно мѣстонахожденія колодцевъ далеко не точны: по ихъ словамъ, мы должны были придти сюда вчера къ обѣду; они говорили, что колодцы находятся уже за чертою песковъ; оказалось же, они лежатъ среди ихъ, и послѣдніе тянутся еще на такое пространство, что границы ихъ не видно. Братья Содмунъ и Ба-Гэ теперь и сами прихрабрились; авторитетъ ихъ нѣсколько поднялся въ общемъ мнѣніи, и они говорятъ, что „теперь вы намъ хоть глаза завяжите, такъ мы проведемъ и нигдѣ не собьемся“... Дай-то Господи, думаемъ себѣ.

Пустынная окрестность колодцевъ мигомъ ожила: на голомъ пескѣ разложены многочисленные тюки и ящики нашего багажа; расположились группами верблюды и лошади; явились четыре палатки; задвигались и засуетились люди; у колодцевъ поили животныхъ, не пившихъ больше двухъ сутокъ.

Пойдемте къ нимъ, посмотрѣть на нихъ; вѣдь здѣсь на воду взглянуть пріятно; да надо и колодцы описать, чтобы другіе, если кто пойдетъ этой дорогой, знали, на что они могутъ рассчитывать.

Здѣшніе два колодца могли бы быть очень хороши, но они видимо заброшены, и къ нимъ не приложено никакого труда, чтобы сдѣлать ихъ болѣе доступными. Они представляютъ ямы до сажени въ діаметрѣ, при такой же глубинѣ, и на песчаномъ днѣ обѣихъ этихъ ямъ въ одномъ мѣстѣ стоитъ вода, только

на поларшина глубины; но она набирается довольно скоро, такъ что быстро вычерпываемый колодезь быстро и наполняется. Вслѣдствіе описаннаго характера колодезевъ, животныя не могутъ сами подходить къ водѣ, а человекъ, стоя въ ямѣ, черпаетъ воду ведромъ, подаетъ другому, стоящему на верху у края ея, и этотъ выливаетъ ее въ корыто. У послѣдняго собрались цѣлые десятки томящихся желаніемъ пить верблюдовъ и лошадей, и всѣ головы ихъ разомъ устремляются къ корыту и только мѣшajúть другъ другу. Понятно, что при такихъ условіяхъ невозможно быстро напоить даже и не очень большой караванъ; а пока животныя не напились, какъ слѣдуетъ, они и ѣсть не станутъ. Надо, значитъ, дѣлать болѣе продолжительную остановку, чтобы водою и кормленіемъ животныхъ были не однимъ только соблюденіемъ степныхъ приличій.

Вотъ примѣрно съ такими-то соображеніями и рѣчами является къ Сосновскому сегодня вечеромъ начальникъ китайскаго конвоя, офицеръ Бао,—человѣкъ, къ сожалѣнію, не похожій на баркульскаго полковника Ли, а слишкомъ деликатный и мягкій, даже можно сказать, застѣнчивый и робкій.

— Надо, говорить онъ, дать животнымъ хорошенько отдохнуть здѣсь послѣ двухъ утомительныхъ дней и хорошенько выкормить ихъ; не надо спѣшить завтра съ выступленіемъ, тѣмъ болѣе, что до слѣдующаго колодца, какъ предупреждаютъ вожаки, мы опять не дойдемъ въ однодневный переходъ.

— Это все вздоръ, приказываетъ сказать ему Сосновскій.— Чего тамъ не дойдемъ въ одинъ день... Дойдемъ! Да, кромѣ того, здѣсь на пути будетъ колодезь, въ которомъ, можетъ-быть, для людей вода не годится; а для животныхъ тамъ вода есть. Значитъ, тамъ ихъ можно будетъ напоить, а самимъ идти дальше...

— Скажите ему, продолжалъ онъ, обращаясь къ переводчику, что завтра, во что бы ни стало, мы должны дойти до воды, и поэтому надо выступить какъ можно раньше. Верблюдовъ даже можно совсѣмъ не кормить,—для нихъ это ровно ничего не значить; завтра на ночлегъ поѣдать.

Такъ кончился уже пятый день нашего пути отъ Гу-Чэна.

23 сентября.

Всѣ встали до восхода солнца и, согласно присланному отъ начальника распоряженію—скорѣе выступить—не кормивъ верблю-

довъ, торопимся оканчивать обычные сборы. Но офицеръ Бао, несмотря на свою вѣжливость, а также монголы, которымъ принадлежали верблюды, рѣшительно отказались повиноваться и сказали, что не тронутся съ мѣста, пока не навормятъ животныхъ. Заявленіе это было сдѣлано слишкомъ положительно и смѣло, чтобъ можно было пробовать идти ему наперекорь... Такимъ образомъ, не послушавъ вчера вѣжливаго совѣта, Сосновскій сегодня исполнилъ нѣсколько грубое приказаніе и, забывъ свое величіе, струсилъ и смолчалъ; а караванъ выступилъ тогда, когда погонщики верблюдовъ пришли сказать, что „теперь можно отправляться“.

А хороши ли корма около здѣшнихъ колодцевъ, вѣроятно пожелаетъ узнать читатель... Такъ хороши, что верблюды еще находили себѣ кой-какую пищу, хоть и плохую, но лошадямъ почти нечего было ѣсть, и онѣ сегодня съ первыхъ же шаговъ начали безпрестанно протягивать свои морды къ каждому попадавшемуся кустарнику съѣдобной травы. Голодъ уже видимо началъ мучить ихъ,—тотъ голодъ, который, какъ лихорадка, подтачиваетъ силы: врачу это видно; а вотъ и доказательство, что я не ошибаюсь.

Не отошли мы и десяти верстъ, какъ лошадь подъ однимъ изъ казаковъ отказалась идти. Попробовали вести ее свободной, даже безъ сѣдла; но она и безъ сѣдла, скажемъ, „лѣглась“ (?) переставлять ноги... А что же можно сдѣлать съ живою лошадью, которая почему-нибудь не можетъ слѣдовать за другими, когда всѣмъ необходимо идти дальше? Одно,—бросить ее на произволъ судьбы... Такъ это поневолѣ и дѣлается. Такъ теперь сдѣлали и мы. Я въ первый разъ былъ свидѣтелемъ этого невольнаго, но въ высшей степени жестокаго акта, и онъ произвелъ на меня подавляющее впечатлѣніе; да даже тѣ люди, въ которыхъ мы, такъ называемые образованные, привыкли предполагать болѣе грубыя сердца и не очень нѣжные нервы, даже эти люди не могли совершить его равнодушно. Двое изъ китайскихъ солдатъ остановились подлѣ бѣднаго животнаго въ раздумьи и говорятъ о томъ, не убить ли лучше ее, чтобъ она по крайней мѣрѣ не мучилась; но подумали—и пожалѣли, рѣшивъ оставить живую, въ надеждѣ, что можетъ-быть она еще отдохнетъ и доберется до воды. Но имъ нельзя было оставить эту лошадь, какъ казенную, просто,—надо было представить доказательства, что она дѣйствительно издохла или брошена, а не продана; и этими доказательствами у

китайцевъ служить часть хвоста и половина уха, которые солдаты и принуждены были отрѣзать у нея.

Такъ и оставили бѣдную буланку, раценую, одну, вѣроятно на жертву неизбежной и мучительной смерти. А черезъ нѣсколько верстъ точно такъ же вынуждены были бросить верблюда... Но я не стану мучить ваше сердце своимъ не сочиненнымъ, а прочувствованнымъ горемъ, какое испытывалъ я при видѣ этихъ жалкихъ жертвъ смерти, грустно смотрѣвшихъ намъ вслѣдъ и, мнѣ казалось, понимавшихъ, что ихъ бросаютъ...

Да, за нами пошла смерть, и мы, какъ будто для того, чтобы отвлекать ея вниманіе отъ себя, бросаемъ ей отъ времени до времени то верблюда, то лошадь!...

Долго еще и сегодня тянулись пески съ тою же растительностью, съ безчисленнымъ множествомъ куланьихъ и сайгачьихъ слѣдовъ; но животныхъ не встрѣтилось ни одного, даже вдали. Вожаки не мало описали ненужныхъ круговъ, къ которымъ ничто не принуждало, такъ какъ пустыня была вся сухая, просторная и открытая.

Наконецъ-то кончилось песчаное море... Слава Богу, воскликнули мы... Но было ли чему радоваться, — потому что за ними началась почти голая глинистая почва (на подобіе многихъ мѣстъ въ Гоби), покрытая, какъ будто бисернымъ чехломъ, ровною мелкою гальвою. Сначала еще попадались кой-какія растеньица; но дальше пошла совершенно голая, сухая и, какъ камень, твердая глина и потянулась вдали на необозримое пространство. Подобной голой земли, на такомъ большомъ протяженіи, мы ни разу не встрѣчали даже въ Гоби. Судя по виду почвы, вся эта площадь временами превращается въ мелкое, но огромное озеро (можетъ-быть весной, или послѣ проливныхъ дождей); а теперь равнина представляла его высохшее и истрескавшееся дно.

Идемъ по ней часъ, идемъ два, а голой глинистой площади и границъ не видно ни въ какую сторону. Сѣло солнце, и приближавшаяся ночь застала насъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ одному сусливу, одной мыши, нечего было бы поѣсть; и мы съ ужасомъ подумывали о нашихъ верблюдахъ и казенныхъ лошадяхъ, для которыхъ не было взято запаснаго корма... Когда уже стемнѣло настолько, что намъ пришлось переключаться, чтобъ не растеряться въ пустынь, мы подъѣхали къ грядѣ холмовъ, окаймлявшихъ съ этой стороны голую равнину, и, всмотрѣвшись внимательно, разглядѣли, что они были покрыты растительностью, но

къ сожалѣнію такую, какой лошади не ѣдятъ; были ли другія, годныя для нихъ растенія, за темнотою нельзя было узнать; а вопросъ о кормѣ для лошадей былъ самымъ важнымъ. Посмотрѣли поближе,—никакой кормовой травы для лошадей не оказалось; и поэтому послѣдовало распоряженіе идти до тѣхъ поръ, пока не найдемъ ея,—задача мудреная даже днемъ, если люди идутъ, ничѣмъ не руководясь, а ночью—ужъ и говорить нечего...

Съ тоскливымъ чувствомъ неувѣренности, всё пасмурные и молчаливые, какъ эта ночь и эта пустыня, поехали мы дальше, страшась, что, пожалуй, до завтра пробуждаемъ въ проклятыхъ мѣстахъ, гдѣ не изъ чего даже костра сложить; мы страдали и за вожаковъ, которые цѣлый день шли пѣшкомъ, и за животныхъ, почти ничего не ѣвшихъ больше двухъ сутокъ!

Соображалъ ли что-нибудь вожакъ (другой раньше ушелъ впередъ), понималъ ли онъ, куда ведетъ насъ, ожидалъ ли въ самомъ дѣлѣ найти кормъ и воду,—мы не знали и двигались машинально, потому что всё двигались, шли туда, куда шли другіе... Передъ нами явилась невысокая отлогая гора, поднявшись на которую мы опять увидали себя, судя по открытому со всѣхъ сторонъ горизонту, на обширной равнинѣ, такой же сухой и безплодной. Вожакъ опять взялъ какое-то странное направленіе,—прямо къ югу.

Ночной холодъ усиливался; люди стали забнуть и одѣвались въ теплое платье; китайцы начинали роптать, и у нихъ, судя по нѣкоторымъ словамъ, разгоралась страшная злоба на вожака, — зачѣмъ онъ взялся вести этой дорогой, да еще не зная ея.

— Погоди, братъ, вернемся домой, не носить тебѣ больше головы на плечахъ, говорили они, обращаясь къ совершенно потерявшемуся бѣднягѣ—Содмуну, который теперь не осмѣливался даже обѣщать что-нибудь, не находилъ ничего, что связать въ свое оправданіе. Онъ молчалъ; но и молчать было нельзя, потому что солдаты и китайскій офицеръ чаще и чаще повторяютъ свои вопросы.

— Да куда же ты ведешь насъ? Когда же мы къ водѣ придемъ? Долго ли еще до нея идти? Гдѣ мы остановимся?

Вожакъ сказалъ наконецъ, что теперь недалеко, — ли шесть или восемь. Недалеко-недалеко, а шесть или восемь ли,—это еще около часу ходу!...

— Братъ ушелъ впередъ, продолжалъ онъ,—и у колодца разложить костеръ. Но въ его голосѣ не слышалось увѣренности

въ томъ, что онъ говорилъ; да и направленіе, въ которомъ мы теперь шли, казалось всѣмъ, что-нибудь понимавшимъ, фальшивымъ. Тѣмъ не менѣе всѣ приободрились, поборовъ голодъ, холодъ и сильную усталость послѣ почти одиннадцатичасоваго движенія. Идемъ съ полчаса, ждемъ костра впереди,—всѣ глаза проглядѣли; воображеніе наконецъ начинаетъ представлять фальшивый костеръ: то одинъ, то другой увидитъ огонь, котораго другіе не видятъ; потомъ и самъ увидавшій соглашается, что это ему только такъ показалось.

Шли, шли,—нехотя, вяло, медленно, и потомъ остановились какъ-то странно, точно нечаянно: безъ распоряженія, безъ предварительнаго согласенія, а такъ,—остановился одинъ, другой, стали верблюды изъ подражанія, и наконецъ остановились всѣ, стояли и молчали. Я подумалъ, не поджидаютъ ли кого отставшихъ... Нѣтъ. Потомъ узнаемъ,—вожакъ признался, что опять потерялъ дорогу и не знаетъ куда идти. Многіе были давно почти убѣждены въ этомъ и безъ его признанія; поэтому новости въ этомъ не было, и мы приняли эту невеселую, чтобъ не сказать страшную, вѣсть довольно спокойно: у насъ явилась какая-то апатія.

Однако не могли же мы оставаться среди пустыни всю ночь, подъ открытымъ небомъ; надо было предпринимать что-нибудь, и вожакъ предложилъ возвратиться къ тому мѣсту, гдѣ былъ кустарникъ, чтобъ можно было хоть огонь развести. И это было, дѣйствительно, самымъ благоразумнымъ, что можно было придумать въ нашемъ положеніи, ибо если мы мучили животныхъ, то послѣднимъ не было бы легче, если бы стали мучить также и себя. Они ужъ во всякомъ случаѣ должны будутъ остаться сегодня безъ корма и безъ воды.

Люди и животныя стояли, сбившись въ беспорядкѣ огромною группою, но ничтожной передъ громадностью этой мрачной молчаливой пустыни, слабо, какъ тусклою лампадой, освѣщаемой серпомъ молодой луны, да мерцавшими звѣздами. Всѣ молча ждали, какое послѣдуетъ распоряженіе на предложеніе вожака. Никто ни полусловомъ не посягнулъ на право начальника распоряжаться или что-либо совѣтовать. Онъ понялъ, что ему должно же что нибудь предпринять.

— Лама! позвать онъ вожака.

Молчаніе было отвѣтомъ. Потомъ его овликнули нѣсколько другихъ голосовъ, звали громче, но лама, сейчасъ бывшій здѣсь

словно сквозь землю провалился. Онъ, можетъ-быть, и радъ былъ бы теперь провалиться, да земля подъ нимъ не отрывалась; онъ, вѣроятно, желалъ бы спрятаться, но куда спрячешься на такой открытой и гладкой, какъ столъ, землѣ; бѣжать же значило идти на смерть отъ голода и жажды... Онъ былъ здѣсь, но хотѣлъ избавиться только отъ упрековъ и вопросовъ, а можетъ-быть ожидалъ себѣ чего-нибудь посерьезнѣе. Является на зовъ.

— Ты что, скажи пожалуйста, началъ Сосновскій... Вѣдь, если... тотъ... такъ зачѣмъ же ты... взялся вести? Если ты взялся... Онъ говорилъ, обращаясь къ жожаку, но остановился, вспомнивъ, что тотъ по русски не понимаетъ, что надо говорить ему черезъ переводчика.

Теперь казакъ Смокотнинъ исправлялъ эту должность, такъ какъ Андреевскій былъ отставленъ и всѣмъ приказано считать, что онъ арестованъ; (съ нимъ даже говорить было запрещено и для наблюденія надъ этимъ былъ приставленъ казакъ Степановъ.) Андреевскій же именно теперь могъ быть полезенъ, потому что по-монгольски онъ говорилъ очень бойко; а Смокотнинъ совсѣмъ не умѣлъ. Итакъ:

— Смокотнинъ, вликнулъ начальникъ,—позови сюда солдата, умѣющаго говорить по-монгольски.

Пришелъ солдатъ; и вотъ изъ третьихъ устъ держать рѣчь къ жожаку.

— Скажи ему, Смокотнинъ, зачѣмъ онъ взялся вести, когда онъ не знаетъ дороги?

Казакъ полюбопытствовалъ, спросилъ маньчжура по-китайски, а маньчжуръ ламу по-монгольски, — зачѣмъ онъ взялся вести, когда не знаетъ дороги?

— Я дорогу знаю, а только ночью не могу ее найти... Надо вернуться назадъ къ тому мѣсту, гдѣ есть кустарникъ, и тамъ остановиться на ночлегъ,—передали слова жожака.

— Да ну его къ чорту! Что-жъ онъ будетъ рассказывать вернуться!.. А скотъ чѣмъ онъ будетъ кормить? Вѣдь, скажи ему, верблюды и лошади... тотъ... гальки ѣсть не будутъ.

Казакъ передалъ.

— Ну, что вотъ онъ привелъ въ голую степь! Вѣдь пусть онъ посмотритъ, сколько здѣсь животныхъ, говорилъ начальникъ.

— Ну что ты въ голую степь привелъ! Ты посмотри сколько здѣсь животныхъ, сказали жожаку.

Вожакъ посмотрѣлъ на Сосновскаго, потомъ на верблюдовъ и лошадей.

— Да, я спрашиваю, зачѣмъ онъ... тотъ... вызвался вести, когда онъ не знаетъ дороги?

Всѣхъ начиналъ разбирать смѣхъ, какъ ни горько было наше положеніе.

— Это выходитъ что-то похожее на романсъ: „Скажи, зачѣмъ“! — шепнулъ намъ игрушечный арестантъ Андреевскій.

— Вотъ мы скоро запоемъ другой романсъ, отвѣтилъ Матусовскій, — какъ у насъ лошади передохнуть и придется самимъ ѣхать на верблюдахъ, а вещи бросать... И прежде всего рисунки „маіора“, чтобъ онъ не конкурировалъ съ фотографіей... А потомъ начнется еще новый романсъ, — когда и верблюдовъ уйдимъ...

Лама ничего не отвѣчалъ на вопросъ — „зачѣмъ взялся“; да и что онъ могъ отвѣтить. Тѣмъ не менѣе отвѣтъ его продолжаетъ сильно интересовать Сосновскаго.

— Скажи ему, Смокотиницъ, вѣдь мы бы другой дорогой пошли, если бы онъ не взялся. Зачѣмъ же онъ брался?... Ну вотъ, что онъ теперь будетъ дѣлать?

Лама молчитъ.

— Пошелъ впередъ! скомандовалъ растерявшійся начальникъ, неизвѣстно чего надѣясь достигнуть этимъ движеніемъ впередъ, ночью, когда вожакъ самъ признался, что не понимаетъ, ни гдѣ онъ, ни куда шель!...

Всѣ тронулись; но вожакъ пошелъ не впередъ, а назадъ къ упомянутому логу, гдѣ мы встрѣтили кустарникъ. Караванъ послѣдовалъ за нимъ; за караваномъ всѣ, а также и начальникъ, слѣдявъ видъ, что не замѣчаетъ, куда мы пошли.

— Вѣдь такъ всѣхъ животныхъ погубишь, да и самъ пропадешь, говорилъ онъ фотографу: — всѣ запасы рассчитаны на пятнадцать дней, а если такъ будемъ идти, такъ мѣсяцъ пройдеши...

— Не на пятнадцать, а на восемь только, возразилъ тотъ, — потому что вы сказали на девятый день мы придемъ къ торгоутамъ, у которыхъ можно всего достать. А вы все еще говорили — не набрайте много хлѣба...

— Да вѣдь еслибъ не этотъ дуракъ, такъ мы бы... тотъ... на девятый день непременно... въ селенія торгоутовъ... Это-то ужъ я положительно знаю.

Дальнѣйшаго разговора я не слыжалъ.

Вернулись въ упомянутый логъ, гдѣ была хоть небольшая защита отъ свѣжаго, пронизывавшаго вѣтра, и разбили лагерь.

Для людей имѣлась съ собою вода; животныя же простояли ночь безъ питья и даже безъ корму, кромѣ нашихъ лошадей, которыми дали понемногу изъ запаса; но онѣ ѣли неохотно, такъ какъ ихъ томила жажда. Запасной воды было такъ немного, что люди дрожали надъ каждой чашкой; и вдругъ тутъ-то сбывается пословица,—гдѣ тонко тамъ и рвется: полный чайникъ воды кипятившейся надъ костромъ, упалъ и вылился на огонь, потому что перегорѣла веревка, на которой чайникъ висѣлъ...

Одного изъ нашихъ шести ящиковъ серебра не было бы такъ жалко, если бъ мы его потеряли, чѣмъ этого чайника воды!... Понятны ли вамъ, читатель, наши горе и досада по этому случаю, и какъ долго не могли мы утѣшиться... Но горюй, не горюй, — дѣлать нечего.

Такъ кончился шестой день движенія по кратчайшему пути изъ Гу-Чана въ Зайсанъ. Значить черезъ три дня мы уже идемъ въ селенія торгоутовъ, какъ положительно утверждалъ нашъ распорядитель; только никто этому не могъ вѣрить, да и самъ онъ началъ, кажется, сомнѣваться.

Да! Дѣло становилось серьезнымъ, и только сонъ, — спасибо ему,—давалъ возможность забывать на время и гдѣ мы находились, и въ какомъ опасномъ положеніи.

24 сентября.

Побивнувъ логъ, которому намъ очень хотѣлось бы дать названіе „Скажи зачѣмъ“, мы отправились къ тому колодцу, до котораго вчера, по словамъ вожака, оставалось шесть или восемь ли. Сегодня онъ сообразилъ мѣстность, и мы взяли направленіе подъ прямымъ угломъ къ тому, по которому двигались вчера ночью, и къ счастью, прошли не далеко.

Идемъ часъ, идемъ другой,—нѣтъ ни воды, ни даже признаковъ ея близости. Мѣстность представляетъ голые холмы, каменистые, почти лишенные всякой растительности; кой-гдѣ торчатъ изъ земли глыбы обмытаго дождями краснаго песчаника, напоминая формами черепныя кости мамонтовъ.

Наконецъ вдали показалась равнина, заросшая тростникомъ, и часа черезъ полтора мы добрались до нея и находившихся тамъ двухъ колодцевъ, носящихъ названіе Хоргутто.

— Вода!—Усу!—Шуй!—раздавались возгласы нѣсколькихъ голосовъ русскихъ, монголь и китайцевъ...

И мы точно домой пріѣхали всѣ, точно кончился нашъ путь и миновали всѣ тагости путешествія; такъ обрадовались всѣ при видѣ двухъ колодцевъ, представлявшихъ двѣ ямы съ водою, находившіяся у холмика, на краю тонкой равнины, заросшей густымъ и высокимъ тростникомъ. Чтò испытывали всѣ, можно судить по тому, что даже обезьяна Сосновскаго томилась жаждою, — значить ее нечѣмъ было достаточно напоить.

Отпущенная на свободу, она быстро кинулась въ водѣ, увидавъ ее издали и, подскочивъ, хотѣла было напиться. Но тутъ произошла забавная сцена. Увидавъ въ водѣ свое изображеніе, она приняла его за себѣ подобную, — а нравъ у нея былъ очень задорный, — она бросилась на нее, очевидно съ намѣреніемъ задать ей трепку и, разумѣется, юркнула въ воду, къ величайшему изумленію и испугу, съ какими она выскочила оттуда и пустилась стрѣлой на мѣсто. Все это было дѣломъ нѣсколькихъ секундъ. Она такъ испугалась, что и про жажду забыла.

Мы уже намѣревались располагаться со своей палаткой, какъ подъѣзжаетъ казакъ Степановъ, съ приказаніемъ отъ начальника, (который отсталъ по случаю завтрака) и передаетъ, что капитанъ не велѣли тутъ останавливаться, даже для того, чтобъ поить верблюдовъ и лошадей, а приказали скорѣе ѣхать до ночлега, — а то запоздаемъ, говорятъ, опять ночью придемъ!...

Не сказку и не сонъ нишу, а былъ!.. Пускай поправятъ, если что не вѣрно...

Всѣ слушаютъ и ушамъ своимъ не вѣрятъ. Это распоряженіе, подобно смертному приговору, поразило всѣхъ, кто его слышалъ. Многіе въ первую минуту даже подумали, что Степановъ шутить: но его лицо, тонъ его голоса, сказали — нѣтъ, серьезно говорить. Распоряженіе переведено на разные языки и сообщено всѣмъ, и всѣхъ одинаково изумило своею чудовищностью...

Какъ?! Всѣ стремились къ водѣ, всѣ столпились около колодцевъ, всѣ вздохнули свободнѣе, и вдругъ говорятъ — не смѣй пить, проходи мимо!.. Да этого не можетъ быть?!

Люди не трогались съ мѣста; слышались озлобленные рѣчи, и туземцы стали было развьючивать верблюдовъ... Сосновскій, увидавъ это издали, послалъ впередъ фотографа съ приказаніемъ слушаться и исполнять, что приказываютъ; „не останавливаться тутъ, вамъ говорятъ, а идти немедленно до ночлега“.

Мы сидимъ съ товарищемъ на лошадахъ, смотримъ, что будетъ дальше. Офицеръ Бао, рѣшившійся не исполнить приказанія, но какъ человекъ вѣжливый, подходитъ къ Боярскому и начинаетъ приводить доводы, почему онъ находитъ нужнымъ остановить здѣсь караванъ. Но уполномоченный „Фотографическій Мальчикъ“, онъ же вице-начальникъ учено-торговой экспедиціи, такъ прикрикнувъ на него, что тотъ счелъ за лучшее отойти безъ возраженій, и тутъ же громко отдалъ приказаніе—„развьючивать верблюдовъ“, прибавивъ, что „здѣсь будутъ дневать“!.. Бао былъ неузнаваемъ и пришелъ въ сильное негодование...

Сосновскій сдѣлалъ видъ, что ничего неловкаго не произошло, что онъ ничего не замѣтилъ, — смиренно подѣхалъ, послѣ неизвѣстнаго мнѣ разговора со Степановымъ, и безъ возраженій остался дневать...

Такимъ образомъ на этотъ разъ бѣда пронеслась мимо. И черезъ полчаса палатки были поставлены; монголы стали поить животныхъ; началась стряпня и варка, — словомъ, жизнь лагеря была въ полномъ разгарѣ... И на время, за разными занятіями и заботами, мы перестали думать о будущемъ, а радовались только настоящему.

Погода стояла превосходная, и я въ ожиданіи супа и чаю пошелъ бродить по лагерю и окрестной мѣстности. Подхожу къ колодцу посмотрѣть и порадоваться за бѣдныхъ животныхъ,ждавшихся наконецъ питья въ волю, потому что воды въ колодцахъ было много... Но что за странность: лошади почти не пьютъ, верблюды тоже пьютъ не охотно, какъ будто безъ желанія?!. Оказалось, что вода здѣсь такъ солонa, что я попробовалъ и проглотить не могъ, — это былъ просто растворъ соли... Но все-таки съ такой водой не умрешь; она хотя и солонa, а все же утоляетъ жажду...

Я взялъ ружье и прошелъ черезъ густой тростникъ, окаймлявшій равнину, на средину ея, которая представляла огромную площадь голой и тонкой солончаковой почвы; весь же интересъ, какой она могла доставить наблюдателю, заключался во многихъ отпечаткахъ слѣдовъ разнообразныхъ посѣтителей, не очень давно приходившихъ сюда. И я, подобно судебному слѣдователю, принялся разсматривать ихъ, какъ единственные признаки жизни, появляющейся здѣсь на короткое время. Тутъ были слѣды животныхъ (собакъ, разныхъ барановъ и журавлей), а также босыхъ ногъ какого-то одного человѣка; но ни одного слѣда лошади

или верблюда, вѣроятно потому, что эти животныя слишкомъ тяжелы для топкой почвы, и они сюда не заходятъ.

Всѣ эти гости колодца Хоргутто приходятъ сюда утолять жажду. Одни изъ нихъ, вѣроятно, обитатели пустыни; другіе были здѣсь пролетомъ; но кто былъ этотъ человекъ, который ходилъ тутъ очевидно позже всѣхъ? Нигдѣ не видно и признаковъ жилья, нигдѣ вблизи не встрѣтили ни одного кочевника; а мы могли бы хотя издали разглядѣть здѣшнихъ жителей, еслибъ они были... Должно-быть, охотникъ-монголь проѣзжалъ этими мѣстами и останавливался у колодца. Вотъ и остатки его обѣда,—куски сыраго мяса съ костью какого-то дикаго барана, также недавно оставленные здѣсь и еще довольно свѣжіе... Бѣдные конвойные солдаты нашли ихъ, сварили и съѣли.

Готовъ и нашъ обѣдъ или, вѣрнѣе сказать, нашъ супъ изъ запасной баранины, и интересно то, что онъ былъ приготовленъ изъ здѣшней воды, почти безъ прибавленія соли,—такъ она была солона!.. Для супа это даже выгодно; но чаю я едва могъ выпить съ отвращеніемъ нѣсколько глотковъ; сахаръ не уничтожалъ соленого вкуса, а только дѣлалъ чай еще болѣе противнымъ. Животныя также пили воду съ видимымъ неудовольствіемъ, только по неволѣ и очень мало, и принялись за ѣду; но кормъ былъ очень плохой,—бѣдная трава посохла и лошади поневолѣ жевали сухія листья и трубки тростника. Но все же это не глина и не галька.

Итакъ, благодаря неисполненному приказанію нашего удивительнаго распорядителя, всѣ вздохнули нѣсколько свободнѣе и могли заняться кой-чѣмъ. Я привелъ въ порядокъ растенія и нарисовалъ себѣ на память портреты нашихъ знаменитыхъ вожаковъ...

Жаль мнѣ было этихъ двухъ братьевъ, бѣдныхъ и кроткихъ монголь, соблазвившихся, вѣроятно, „легкимъ“ заработкомъ, но слишкомъ понадѣявшихся на свою память. Они, безъ сомнѣнія, ѣзжали дорогой, по которой взялись провести насъ, но ѣзжали или очень давно, или въ компаніи съ товарищами, хорошо знавшими мѣстность, и потому сами недостаточно обращали вниманія на примѣты. Тяжела была ихъ участь... Напрасно вы, ребята, думалъ я, связались съ нами; — мало изъ этого будетъ толку, а бѣды пожалуй много, и намъ, и вамъ.

Они хотя и были виноваты, взявшись вести, но развѣ трудно было убѣдиться на мѣстѣ, въ Гу-Чэнѣ, или на первыхъ двухъ,

трехъ переходахъ, въ томъ, знаютъ ли они дорогу или нѣтъ; и равнѣ мы въ этомъ не убѣдились... Какъ-то вы поведете насъ дальше, друзья, думалъ я, смотря на серьезное лицо всегда сосредоточеннаго и всегда размышляющаго о Богѣ ламы Соджуна и на добродушнѣйшую физиономію брата его Ба-Гэ.

А они оба имѣютъ видъ совершенно покойныхъ людей, точно вчера мы не по ихъ милости были близки къ бѣдѣ; точно задача ихъ съ приходомъ на Хоргутто кончилась, и намъ больше не предстояло бороться со скудостью и безводьемъ пустыни, которая еще Богъ знаетъ на сколько верстъ тянулась передъ нами: судя по ихъ же рассказамъ—еще на недѣлю ходу... да какого ходу! По ихъ же рассказамъ, — тутъ надо ночевать безъ воды, тамъ только въ два дня пройдемъ разстояніе отъ одного колодца до другаго!.. Они покойны, говорю, какъ дѣти, какъ люди, живущіе за чужой головой, а всегъ не тѣ, отъ которыхъ зависитъ спасеніе или погибель всѣхъ насъ, забравшихся въ эту мертвую глушь.

Я подарилъ имъ, въ благодарность за сидѣнье передо мной, по хорошему завьяловскому ножу, и они радуются имъ, какъ Богъ знаетъ какому сокровищу, хотя вообще были не очень веселы,— нравъ ли у нихъ такой былъ, или наше и ихъ собственное положеніе все-таки заботило ихъ, — не знаю.

25 сентября.

Великолѣпное утро съ совершенно безоблачнымъ небомъ сіяло надъ безлюдной, а теперь оживленной нашимъ присутствіемъ пустыней; но мы принесли сюда не одну жизнь—съ нами пришла и смерть, похитившая у насъ сегодня еще одну лошадь, изъ казенныхъ китайскихъ..

Сейчасъ я назвалъ пустыню безлюдной и сейчасъ же долженъ взять свое слово назадъ: сегодня утромъ, совершенно неожиданно для всѣхъ, небо послало намъ двухъ человекъ,—монголовъ-охотниковъ, которые, словно вороны на мертвую добычу, явились неизвестно откуда, и я увидалъ ихъ уже, когда они принялись снимать кожу съ умершей лошади *).

Можно ли было не обрадоваться появленію этихъ двухъ туземцевъ-кочевниковъ, безъ сомнѣнія хорошо знающихъ свою

*) Они шьютъ себѣ изъ нея обувь, прямо изъ шкуры, обращая ее шерстью внутрь.

степь, и не ухватиться за нихъ обѣими руками, не нанять ихъ къ себѣ въ проводники... Конечно, нельзя. Поэтому мы совершенно такъ и сдѣлали, то-есть не обрадовались, не ухватились,— и не наняли. Мы обратили на нихъ ровно столько же вниманія, сколько заслуживаетъ отъ насъ каждый встрѣчный въ толпѣ на Невскомъ проспектѣ... Они уѣхали своей дорогой, а мы — своей, не обмѣнявшись съ ними ни однимъ словомъ! Читателю опять словамъ вѣрить трудно, но факты таковы. „Мы“ не спросили ихъ— ни кто они такіе, ни гдѣ живутъ, ни какъ они тутъ живутъ, за кѣмъ охотятся; не спросили ничего про дальнѣйшую дорогу. Сосновскій считалъ это совершенно лишнимъ, или я ужъ и не знаю, чтò онъ тогда думалъ... Его, вѣроятно, занимало будущее,— всемірная слава, генеральскій чинъ, несмѣтныя богатства, — а дѣйствительности онъ даже не понималъ. Мы же съ товарищемъ не могли съ ними поговорить, потому что переводчикъ былъ подъ арестомъ; а по-китайски они говорить не умѣли.

Итакъ, они уѣхали также неизвѣстно куда, какъ неизвѣстно откуда пріѣзжали. Я только спрашивалъ себя, на яву ли это, и съ грустью посмотрѣлъ имъ вслѣдъ. Сильнѣе же всѣхъ чувствъ во мнѣ кипѣло негодованіе... Нѣтъ, еще хуже,— отвращеніе!.. И вотъ оно-то помѣшало мнѣ подойти къ нашему „начальнику“ и просто приказать ему вернуть монголовъ и нанять ихъ во что бы ни стало; а въ случаѣ сопротивленія Сосновскаго, связать его и въ крайнемъ случаѣ застрѣлить. Значить чувство отвращенія спасло меня отъ отвратительнаго акта: я предпочелъ идти съ остальными на опасность, чѣмъ пойти объясняться съ Сосновскимъ... Вотъ каковы были отношенія!..

Тронулись въ путь довольно рано, цѣлый день ѣхали равниной,— замѣтите—цѣлый день, приблизительно въ одномъ направленіи, и только на закатѣ солнца достигли грады каменистыхъ холмовъ, между которыми находился родникъ; значить, еслибы караванъ, исполняя приказаніе нашего начальника, отправился къ нему вчера, то ни въ какомъ случаѣ не добрался бы до него за свѣтло; вожаки, навѣрно, потерялись бы въ потемкахъ, и мы опять провели бы ночь на безводномъ мѣстѣ и безъ капли воды въ запасѣ!...

Родникъ, на который мы пришли, называется Хармали и представляетъ тонкую и скудную струю воды, вытекающую изъ трещины въ камнѣ у подножія небольшой грады гранитныхъ скалъ. Вода его, хотя чуть-чуть горьковата и солена на вкусъ, послѣ вчерашняго

солянаго раствора показала намъ превосходной. Она собирается въ маленькомъ углубленіи, находящемся подъ трещиной и, наполнивъ его, стекаетъ черезъ край въ оврагъ, увлажняя его дно на протяженіи сотъ двухъ шаговъ, и потомъ теряется въ сухой бесплодной почвѣ.

Въ верхней части оврага поддерживается постоянная влажность, и тутъ зеленѣетъ трава; вся же остальная мѣстность носитъ самый угрюмый и безотрадный характеръ: вездѣ голая, какъ будто опаленная огнемъ, земля, съ торчащими изъ нея грядями сухихъ каменистыхъ пригорковъ; рады также голыхъ небольшихъ холмовъ, да пески съ растущими по нимъ жалкими сухими кустиками растений,—вотъ что видитъ здѣсь путешественникъ, куда бы ни обратилъ онъ свой взглядъ.

Верблюды здѣсь еще находятъ себѣ пищу, но лошадямъ почти въ буквальномъ смыслѣ нечего ѣсть, кромѣ рѣденькихъ, уже засохшихъ кустовъ одного злака (бипець), который онѣ должны разыскивать; и чтобы найти сотню кустиковъ, имъ надо выходить чуть не квадратную версту, а то и болѣе! Вотъ каковы здѣсь кормовыя травы въ настоящее время, и, судя по виду почвы, не многимъ лучше бываетъ и въ остальное время года... Мучимыя голодомъ, бродятъ несчастныя лошади съ мѣста на мѣсто, торопливымъ шагомъ, все надѣясь найти себѣ пищу, но нигдѣ ничего не даетъ имъ скупая земля.

Нашимъ лошадямъ дали немного запаснаго гороху; казенные товарищи ихъ торопливо подходятъ къ нимъ раздѣлить трапезу, но ихъ принуждены были отговять, потому что дѣлится было нечего... Болитъ ли у васъ, читатель, сердце, какъ оно у меня болѣло; понятно ли вамъ, съ какимъ тяжелымъ чувствомъ приходилось отказывать въ пищѣ этимъ несчастнымъ покорнымъ слугамъ... Кто же и гдѣ, при подобныхъ условіяхъ, не считаетъ лошади своимъ товарищемъ!..

Настала ночь, и всѣ, кто еще не страдалъ отъ голода, заснули.

26 сентября.

Вотъ наступилъ и девятый день нашего пребыванія въ пустынѣ. Это тотъ самый „девятый день“, въ который, по положительному вѣрному расчету Сосновскаго, мы должны были придти „въ селеніе торгоутовъ“; но мы были еще очень далеко отъ казыхъ-либо селеній и теперь только углубились въ самую средину пустыни.

Наши вожакъ, вѣроятно, распросившіе дорогу у тѣхъ двухъ охотниковъ, которыхъ мы съ такою безпримѣрною безпечностью пропустили безъ вниманія, объявляютъ, что сегодня мы никакъ не можемъ придти къ колодцу, и что поэтому надо запастись здѣсь водою. Съ нею, говорятъ, переночуемъ на безводномъ мѣстѣ, а завтра къ вечеру придемъ къ колодцу Чонанъ-Усу. Какова дорога!.. Опять два дня надо идти отъ воды до воды... Бѣдныя животныя, — имъ опять предстоитъ неизбежное двухсуточное томленіе безъ питья; а имъ вчера и напиться вволю не удалось, вслѣдствіе упомянутыхъ свойствъ родника. Они всѣ, особенно лошади, быстро худѣютъ и теряютъ силы, а нѣкоторые умираютъ мучительною смертію отъ голода и жажды. Сегодня передъ отправленіемъ въ путь казаки доложили, что издохли еще молодая рыжая лошадь и одинъ верблюдъ... Лучше умолчать о подробностяхъ этой смерти.

Цѣлый день, до заката солнца, шли мы по песчанымъ равнинамъ совершенно гладкимъ или слегка волнующимся и покрытымъ буро-желтыми и сѣрыми кустиками одного степнаго растенія (вопекъ) и изрытымъ безчисленнымъ множествомъ норъ. Изрѣдка слышался свистъ сусликовъ; слѣдовъ дикихъ животныхъ на пескѣ было много, а животныя всѣ скрылись куда-то: — ни одного экземпляра ни одной породы не видали...

Томительные дни переживали мы! Время, казалось, остановилось; разстояніе до Зайсанскаго поста какъ будто не измѣнялось; А скука и тягость обстановки увеличивались еще отъ сознанія полнѣйшей бесполезности нашего движенія по этой трудной дорогѣ: мы не изслѣдовали новыхъ мѣстъ, потому что они хорошо известны туземцамъ; мы не открывали новаго пути, потому что знали раньше, что этотъ путь никуда не годится по безводью степей и недостатку коржовыхъ травъ; мы видѣли теперь, что не только не сократили себѣ дороги, а напротивъ, увеличили ее. Наконецъ, никто не былъ и не могъ быть убѣжденъ, что забравшись сюда, мы выйдемъ благополучно, что можетъ-быть здѣсь намъ суждено и головы свои сложить...

Остановиться на ночлегъ мы могли сегодня на любомъ мѣстѣ, только высматривали, гдѣ будетъ сколько-нибудь лучше кормъ, и около заката солнца расположились лагеремъ на такой степи, какая цѣлый день была передъ нашими глазами.

Прошелъ превосходный вечеръ, и наступившая тихая полусвѣтлая ночь успокоила насъ на нѣсколько часовъ, давъ хоть нѣкоторый отдыхъ мозгу и сердцу.

27 сентября.

Помня, что сегодня утромъ у насъ вышла запасная вода, что наши животныя уже не пили цѣлыя сутки, мы поспѣшно выступили въ путь, чтобъ успѣть раньше придти къ колодцу.

Караванъ пошелъ впередъ за жожаками; мы съ товарищескъ слѣдовали за нимъ; и многимъ уже съ самаго начала показалось страннымъ взятое жожаками направленіе: вмѣсто сѣверо-западнаго, какого намъ слѣдовало держаться, они повели почти на сѣверо-востокъ. Замѣчать все, что угодно, мы могли,—это не возбранялось начальникомъ, потому что „возбранить“ этого онъ не могъ; но обратить, на примѣръ, его вниманіе на то, что жожаки идутъ очень странно,—невозможно: это значитъ, желать „только доказать ему, что онъ самъ ничего не видитъ и не понимаетъ“. Такъ было принято у насъ смотрѣть на подобныя заявленія, мои и Матусовскаго

Насъ сильно смущаетъ это сѣверо-восточное направленіе, намъ ужасно трудно молчать; но дѣлать нечего—всѣ идутъ молча, значитъ, такъ и должно идти...

Прошли мы версты десять въ сказанномъ направленіи и потомъ, описавъ большой кругъ, стали выбираться опять на сѣверо-западное; и тутъ узнаемъ, что этотъ ненужный кругъ былъ описанъ потому изволите видѣть, что жожаку приказано было поискать подстрѣленного вчера Сосновскимъ какого-то „козла“ и указано направленіе, въ какомъ онъ скрылся. Начальникъ былъ убѣжденъ, что раненый козелъ долженъ былъ гдѣ-нибудь вблизи умереть...

Не нашли козла, идемъ дальше. Характеръ степи тотъ же,—песчано-глинистый, чрезвычайно однообразный; и ничто не встрѣчается, что бы развлекло хотя нѣсколько, на чемъ бы могло сосредоточиться вниманіе, которому наскучило гулять по этому безграничному и, для бѣлаго взгляда, безсодержательному простору, открытому во всѣ стороны до горизонта.

Только, около четвертаго часа пополудни, караванъ остановился. Спрашиваемъ, зачѣмъ остановились; говорятъ, жожаки велѣли подождать тутъ, а сами разъѣхались одинъ въ одну, другой въ другую сторону, чтобъ оглядѣться и сообразить, какъ идти къ водѣ. Остановились; и такъ какъ жожаки должны были сейчасъ вернуться, то почти всѣ сидѣли на лошадяхъ, а верблюды, разумѣется, стояли подъ вьюками; стояли и ждали рас-

пораженія двигаться дальше. Но вожаки, оба ушедшіе пѣшкомъ, отошли такъ далеко въ сторону, что исчезли за горизонтомъ, хотя онъ былъ открытъ, какъ я сказалъ, на огромное пространство, куда ни обернись...

Что-то странно, подумалъ я: какая надобность уходить такъ далеко, чтобъ оглядѣться и сообразить мѣстность. Не вздумали бы они бѣжать, испуганные собственнымъ незнаніемъ дороги и опасаясь наказанія. Но, вижу, всѣ спокойны, стоятъ и ждутъ;—кто дремлетъ, сидя на верблюдѣ, кто грызетъ черствую лепешку. Мы съ товарищемъ выпили по глотку взятаго про запасъ въ жестянеѣ чаю, оставивъ половину на всякій случай; потому что послѣ цѣлаго часа ожиданія возвращенія вожаковъ, начала закрадываться мысль, что они опять сбились; а особенно начинало беспокоить то, что они сами пропали:—ушли ужасно далеко. Когда-то они пѣшкомъ доплетутся назадъ; а солнце все понижается, и дня остается ужъ не очень много.

Еще часъ простояли мы въ напрасномъ ожиданіи возвращенія вожаковъ; многіе сошли съ лошадей и верблюдовъ, раздѣлились на кучки; сидятъ и болтаютъ между собою или ходятъ, и всѣ мало-по-малу начинаютъ тревожиться и все чаще и чаще поглядывать въ даль, въ тѣ стороны, куда ушли вожаки. Вотъ солнце уже готово скрыться за горизонтомъ, а мы все ждемъ своихъ спасителей съ радостнымъ извѣстіемъ о найденномъ, и можетъ-быть, не очень далеко, колодцѣ. Каждый ждетъ,—вотъ раздастся желанное слово—вода, какъ на морѣ ждутъ и радуются слову—земля.

Наконецъ верблюдовъ положили, но пока не развьючивали... Вотъ солнце сѣло; а вожаки точно умерли тамъ, гдѣ-то, или бросили насъ на произволь судьбы, заботясь лишь о своемъ спасеніи.

— Фынъ! Фынъ (дымъ)! закричалъ радостно одинъ китайскій солдатъ,—и тотчасъ радость сообщилась всему лагерю. Всѣ зашевелились, и нѣкоторые уже стали собираться идти туда, на этотъ дымъ... Дымъ,—значитъ, нашли колодезь и развели костеръ, чтобъ подать сигналъ—понятно. Ну слава Богу.

Но,—посмотрѣлъ одинъ, другой,—выразили сомнѣніе, что это дымъ; стали смотрѣть всѣ, и убѣдились, что первый, сообщившій радостную вѣсть, дѣйствительно ошибся... Боже мой! Опять надо стоять и ждать.

Кончился день; догорѣла и заря, и земля одѣлась темнотою ночи. Потомъ взошла половина луны и освѣтила тусклымъ свѣтомъ мертвую степь и нашъ безмолвный, какъ бы задремавшій, караванъ, потому что ничто пока не предпринималось, ничего не дѣлалось, не отдавалось никакихъ приказаній; и люди перестали между собою говорить, потому что все, что можно было предположить, подумать, было все сказано, и теперь въ головѣ каждого человѣка засѣла одна и та же мрачная мысль; но никто еще не выражалъ ее другому, или не желая показаться струсившимъ, или чтобъ напрасно не тревожить товарища. Нечѣмъ было также и ободрить другъ друга,—мы еще не думали о завтрашнемъ днѣ, о своей дальнѣйшей участи, ожидавшей насъ, но на сегодняшнюю ночь надежды у всѣхъ пропали; всѣ примирились съ мыслью, что до утра придется оставаться безъ питья и ѣды, потому что сухая ѣда никому и на умъ не шла, ни людямъ, ни животнымъ. Китайцы были равнодушны, и только, когда я подходилъ къ двумъ, тремъ, сидѣвшимъ скорчившись и спрятавъ руки въ широкіе рукава своихъ ватныхъ кофть (потому что стало очень свѣжо),—они говорили:

— Мо-ю шуй, мо-ю да-цзы; бу-хао! (Нѣтъ воды, нѣтъ вожаковъ; не хорошо!)

Наконецъ рѣшили развьючить верблюдовъ, поставить палатки и ложиться спать, потому что холодно стало и ждать больше нечего; да будетъ ли чего ждать и завтра!

Совершились всѣ обычныя сцены расположенія лагеря на ночлегъ; но все совершилось какъ-то незамѣтно, тихо, безъ того оживленія, говора шума и удовольствія, какіе обыкновенно раздаются на привалахъ. Лошади стояли, уныло повѣсивъ головы или ржаніемъ и безпокойными взглядами требуя воды, въ которой онѣ нуждались гораздо больше насъ, потому мы еще пили сегодня утромъ, мы не работали, какъ онѣ и верблюды. Жажда уже мучила лошадей,—это не трудно было видѣть по ихъ безпокойнымъ движеніямъ, потому что онѣ лизали холодныя вещи, старались пить выдѣляемую другими животными жидкость, но не могли, потому что она мгновенно впитывалась сухой глинисто-песчаной почвой. Нѣкоторыя изъ верблюдицъ валялись по землѣ, какъ въ предсмертныхъ судорогахъ, и ревѣли, страдая отъ болей преждевременно наступившихъ родовъ, и своимъ жалобнымъ ревомъ, стонами и тяжелыми вздохами, такъ поразительно похожими на человѣческіе, нагоняли на душу тоскливое чувство...

Начиналось то, отъ чего насъ предостерегали доброжелательные люди!..

Въ минуты, подобныя тѣмъ, какія мы теперь переживали, чelовѣку все начинаетъ казаться зловѣщимъ, и почти нѣтъ силъ дать мыслямъ иное направленіе. Онѣ принимали все болѣе и болѣе мрачный характеръ, потому что каждый слѣдующій часъ, если онъ не подавалъ надежды, увеличивалъ опасность нашего положенія; думалось о себѣ, о томъ, гдѣ вожаки и что съ ними; спрашиваешь себя, въ состояніи ли будутъ завтра лошади идти дальше; найдемъ ли еще и завтра воду; что станемъ дѣлать, если не найдемъ ея и завтра? Вопросы оставались вопросами, а намъ могло служить утѣшеніемъ лишь одно—ждать утра, которое, говорятъ, мудренѣе вечера.

Но такъ могли разсуждать мы—послѣднія спицы въ колесницѣ, а капитану Сосновскому, который не могъ не сознавать, что экспедиція попала въ такое положеніе вслѣдствіе его распоряженій, неловко было оставаться въ бездѣйствіи; но, конечно не въ силу фразы о „нравственной отвѣтственности за всѣхъ“,—такіе люди этого и не понимаютъ,—а изъ чувства самосохраненія. И вотъ онъ отправился искать воду; съѣздилъ недалеко въ сторону и, какъ „опытный знатокъ степи“, скоро нашелъ „примѣты близкой воды“; а потому, вернувшись къ лагерю, отдалъ распоряженіе всему каравану идти на новое мѣсто и рыть тамъ колодезь; но такъ какъ наступала ночь, верблюды были уже развьючены, и такъ какъ китайцы отнеслись съ большимъ недоувѣріемъ къ примѣтамъ близкой воды, то они на приказаніе отвѣтили словами, что будутъ ночевать здѣсь.

— Если бы тамъ была вода, такъ мы бы пошли, а нѣтъ воды, такъ зачѣмъ же идти? сказали они.

Намъ съ товарищемъ было предоставлено право идти или оставаться тутъ. Мы остались, потому что были убѣждены, что никакой воды не найдутъ, и потому что отъ насъ требовалось только одно,—чтобъ мы не вмѣшивались въ „чужое“ дѣло; невмѣшательство же гораздо легче соблюдать издали.

Часть компаніи отправляется за начальникомъ; но тутъ вспоминаютъ, что у насъ нѣтъ ни одной лопаты, безъ которыхъ опытные люди никогда не пускаются въ степь, скудную водою. Она дѣйствительно нашлась у „дураковъ китайцевъ, которые только опій курятъ, да стихи сочиняютъ“... Взяли лопату, постель начальника и запасъ теплаго платья для него; и въ составѣ

пяти человѣкъ (Степанова, слуги Ніаза и двухъ китайскихъ солдатъ) уѣхали.

Мы погрызли немного сухарей, но не пили ни одной капли воды, хотя ея и было у меня съ половиною гуттаперчевой бутылки: мы берегли ее про запасъ, хотя при мысли объ этомъ ничтожномъ запасѣ только на душѣ тяжелѣе становилось; лучше бы ея совсѣмъ не было... Легли спать; но сна нѣтъ, и въ голову лѣзутъ разныя воспоминанія о читанныхъ или слышанныхъ несчастныхъ случаяхъ съ людьми отъ недостатка воды.

Да, тяжелая была ночька... Никогда не забыть ея никому изъ насъ!..

28 сентября.

Должно-быть въ эту достопамятную ночь многимъ не поспалось, потому что, выйдя чѣмъ-свѣтъ изъ палатки, я нашелъ многихъ изъ китайскихъ солдатъ уже проснувшимися и ходившими взадъ и впередъ около лагера.

— Нѣтъ воды, и вожаковъ нѣтъ, говорятъ они послѣ перваго привѣтствія.

— Ни одинъ жокакъ не пришелъ? спрашиваю ихъ.

— Нѣтъ ни одного.

И больше говорить намъ, конечно, было не о чемъ... Они, казалось, не думали объ опасности, или если и думали, то оставались равнодушными въ своему положенію и были замѣчательно покойны.

Каждый просыпавшійся человѣкъ прежде всего спрашивалъ, — пришли жожаки, — и, получивъ отрицательный отвѣтъ, или ничего не говорилъ, или произносилъ что-нибудь въ родѣ:

— Ловко!.. Славное положеніе!.. Вотъ-те и пришли на двѣнадцатый день въ Зайсанъ!..

Объ уѣхавшемъ „знатокѣ степи“ никто не спрашивалъ: отъ него не было гонца, значить онъ, какъ и слѣдовало ожидать, не нашелъ, а просто остался тамъ ночевать до утра, чтобъ не такъ стыдно было... Всѣ были угрюмы и, видимо, старались не говорить другъ съ другомъ, потому что разговоръ только наводилъ на страшныя мысли и безъ пользы тревожилъ душу. Всѣмъ хотѣлось бы выпить горячаго чаю, отчасти по привычкѣ, а главное чтобъ согрѣться, — утро было очень свѣжее, — но никто не заикнулся о немъ; и если судить по себѣ, то люди еще не испытывали жажды.

Я ходилъ или сидѣлъ въ сторонѣ, и, развлеченія ради, чертилъ разныя фигуры съ натуры. Но что бы я ни дѣлалъ, о чемъ бы ни думалъ, мысли все принимали одно направленіе. Идешь напрямѣрь, а самъ думаешь, что вотъ скоро пожалуй и ходить будешь не въ состояніи,—силы оставятъ; гонишь эти мысли прочь, и однако, противъ воли, стараешься представить себѣ, какъ это будешь постепенно мучиться желаніемъ пить,—тяжело, должно-быть; какъ станешь постепенно слабѣть; какъ будутъ умирать другіе; какъ я буду смотрѣть на нихъ, приготовляясь къ смерти самъ; что буду думать, о комъ стану вспоминать, и т. п. Потомъ является вопросъ: а какъ лучше поступить,—ждать ли смерти, пока придетъ,—до самой потери памяти,—въ надеждѣ, что авось какой-нибудь случай спасетъ, или лучше убить себя изъ револьвера, чтобъ избавиться отъ мученій? И рѣшаешь про себя: нѣтъ это малодушіе,—надо умереть послѣднимъ, а дотѣхъ поръ помогать другимъ чѣмъ можно, хоть ободрительнымъ словомъ, примѣромъ или, наконецъ, ядомъ. Начинаю перебирать, какіе яды у меня есть, какой лучше выбрать, и жалѣю, что хлороформъ весь испарился... А если кто изъ умирающихъ станетъ просить застрѣлить его,—застрѣлю я, или не хватитъ достаточно твердости для этого тяжкаго акта? Въ правѣ ли я дать яду или застрѣлить, если кто будетъ просить,—являются мысленные вопросы, и не можешь рѣшить ихъ.

Пробовалъ писать, но ничего написать не могъ... На что теперь все это, думалось мнѣ: вѣдь ни я, ни кто другой не прочтеть написаннаго!.. Теперь ничто не нужно, потому что все останется здѣсь вмѣстѣ съ нашими трупами. Все, что сдѣлано за полтора года неутомимой работы, пропадетъ, не послуживъ никому въ пользу, не доставивъ удовольствія... Кто, и скоро ли зайдетъ въ эти мѣста, и случайно набредетъ на умершихъ людей и животныхъ и лежащія около нихъ ящики съ разными вещами, книгами, записками, растениями, рисунками и проч.? Кто раскроетъ ихъ и что станетъ дѣлать? Узнаютъ ли на родинѣ о нашей участи и скоро ли? Узнаютъ ли подробно все, что было и какъ было во время путешествія и благодаря чему мы погибли?

Въ душу закрадывается горькое сожалѣніе о томъ, что все пропадетъ, и особенно жалко мнѣ было изъ моихъ приобрѣтеній—записокъ и рисунковъ, потому что другіе предметы (какъ естественно-историческія коллекціи, этнографическія вещи), могли быть легко приобрѣтены другимъ изслѣдователемъ, всегда и, мо-

жетъ быть, гораздо лучше. Сожалѣя о моихъ дорожныхъ запискахъ, я вовсе не хотѣлъ сказать, что придаю имъ большое значеніе; стидю ихъ: онѣ важны, потому что никто другой не могъ бы написать того же. Точно также другой путешественникъ не привезъ бы съ собою тѣхъ же рисунковъ изъ китайскаго бита, какихъ добрая тысяча находилась при мнѣ здѣсь, потому что они (особенно Западнаго Китая) представляли, такъ-сказать, историческій документъ, свидѣтельствующій о данной эпохѣ въ жизни разореннаго войною края... Чьи-то дома или, вѣрнѣе, юрты какихъ монголъ будутъ украшать они, когда ихъ найдутъ и развѣсятъ? Или ихъ изорвутъ и бросатъ или сожгутъ, сваривъ себѣ на ихъ огнѣ супъ? Эти мысли очень огорчали мое авторское самолюбіе...

Не менѣе жаль мнѣ было записокъ, картъ, плановъ и журналовъ наблюдений, сдѣланныхъ Матусовскими; жаль было труда Боареваго, приготовившаго нѣсколько сотъ интересныхъ негативовъ, которые тоже трудно было бы повторить. Жалѣлъ я обѣщанныхъ записокъ переводчика Андреевскаго, хотя и не зналъ близко ихъ содержанія. Пожалѣлъ бы и работъ Сосновскаго, если бы онѣ были мнѣ извѣстны.

Жаль было всѣхъ несчастныхъ людей, которые безъ своей охоты, радости, а только по горькой необходимости должны были сопровождать насъ, и во чужой вѣдѣ умереть... А сколько животныхъ должно будетъ также погибнуть. Какая будетъ страшная борьба этихъ жизненныхъ силъ съ неумолимымъ закономъ смерти!... И отчего?— отъ недостатка воды! Какая жалкая и обидная причина, тѣмъ болѣе обидная, что она-то и есть самая существенная: умъ, душа, талантъ, слово, все должно будетъ прекратить свою дѣятельность, оттого что нечего пить; живой локомотивъ дѣлается бессильной неподвижной машинкой, потому что нечѣмъ топить печь, чтобъ развести пары, — потому что нѣтъ воды, чтобъ добыть паръ!...

И вотъ, можетъ-быть, черезъ два, три дня, здѣсь, какъ послѣ катастрофы на желѣзной дорогѣ, будутъ валяться негодные локомотивы и разбросанный багажъ поѣзда. И эта картина преслѣдуетъ меня такъ, что я нарисовать ее могу, какъ будто бы съ натуры;—вѣдь только что не вижу ея. Я ужь старался не смотрѣть на людей, на всю картинку каравана, на первый взглядъ какъ будто спокойнаго отдохавшаго въ степи... — Все это жертвы скорой смерти! точно шепталъ кто въ ухо эти страшныя слова...

Но страданій еще нѣтъ; дышется пока легко, ни ѣсть, ни пить не хочется.

Однако, вижу, оставаться только со своими неотвязными мыслями не хорошо, и подошелъ къ Магусовскому. Переговоривъ, мы рѣшили слѣдующее: если вожаки, вернувшись, объявятъ, что не нашли воды,—немедленно поворачивать оробли назадъ, по своему слѣду, потому что, хотя мы уже два дня прошли отъ ключа Хармали, все-таки мы знали навѣрно, что тамъ вода есть, что мы ее навѣрно найдемъ; а ужъ больше намъ искать ея негдѣ...

Намъ ужъ давно бы слѣдовало отправиться въ этотъ обратный путь, еслибъ не вожаки.. Но кто ихъ знаетъ, куда они зашли и вернутся ли?! Бросить ихъ нельзя; долго ждать опасно для всѣхъ. А главное, дождемся ли мы ихъ возвращенія?... Мы не думали, чтобъ они бѣжали, потому что — куда тутъ убѣжишь; вѣдь все равно умирать, одинъ исходъ... Можетъ-быть, они ужъ выбились изъ силъ и свалились, — оттого и не пришли назадъ: вѣдь они прошли вчера цѣлый день, проходили всю прошлую ночь, не ѣвши и не пивши... Очень можетъ быть, они ужъ и умерли, потому что потерять мѣсто, гдѣ мы находились, трудно, такъ какъ степь открытая и на ней очень далеко все видно. Но, не узнавъ о нихъ ничего положительнаго, мы не могли уйти отсюда; въ крайнемъ же случаѣ придется и ихъ бросить, какъ бросали лошадей и верблюдовъ, которые не могли поспѣвать за остальными...

Впрочемъ пока мы ждемъ еще не вожаковъ,—еще „начальникъ“ нашъ не вернулся къ лагерю съ мѣста своего ночлега у „найденной“ имъ воды.

Солнце ужъ поднялось высоко, а теперь намъ каждая минута была дорога, потому что съ каждой минутой, проведенной нами въ бездѣйствіи на одномъ мѣстѣ, росла и опасность; точно такъ, какъ каждый шагъ назадъ къ оставленному роднику удалялъ ее отъ насъ, ибо при обратномъ движеніи съ каждымъ шагомъ росла бы надежда на спасеніе.

Это все понимали и у всѣхъ началась тревога. Все безпрестанно обращались къ тѣмъ сторонамъ горизонта, откуда, по предположенію, должны были явиться капитанъ Сосновскій и вожаки. По временамъ я разсматривалъ даль въ бинокль, и ко мнѣ тотчасъ подходили китайскій офицеръ и солдаты, спрашивая—не возвращаются ли они?

— Нѣтъ, не видно, приходилось отвѣчать, — и общее безпокойство возрастало...

Наконецъ на сѣверной сторонѣ горизонта кто-то замѣтилъ темную точку.

— Человѣкъ, человѣкъ! закричалъ онъ.

Всѣ сбѣжали въ одно мѣсто, и — точь-въ-точь часть экипажа, плывущаго на остаткахъ разбитаго корабля — люди глядѣли въ даль на одну точку, сулившую надежду на извѣстie о найденной водѣ и, слѣдовательно, хотя на временное спасенie. Не сразу увѣрились, что замѣченная точка есть дѣйствительно человѣкъ, потому что въ степи отдаленные предметы, какъ я говорилъ, теряютъ свои очертанiя и не могутъ быть узнаны. Долго сомнѣвались, но постепенно точка увеличивалась и съ помощiю бинокля убѣдились, что это былъ дѣйствительно человѣкъ.

— Чтѣ онъ, пѣшiй или на лошади? нетерпѣливо спрашивали окружающiе. — Если пѣшiй, это вѣрно жожакъ; если на лошади, — кто можетъ быть? — Но для насъ было важно появленie всякаго человѣка, лишь бы онъ къ намъ прiѣхалъ и указалъ дорогу къ водѣ.

Черезъ нѣсколько времени разглядѣли, что это былъ пѣшiй, и, конечно, онъ не могъ быть никто другой, какъ одинъ изъ жожаковъ. Томительный часъ провели всѣ въ ожиданiи, почти не спуская глазъ съ приближавшагося человѣка, съ приближенiемъ котораго воскресала и надежда... Вотъ онъ ближе, ближе, вотъ настолько близко, что можно различить его движенie; ясно видны его руки. Но движенie его равномерно и спокойно, а руки не дѣлаютъ намъ никакихъ знаковъ... И ожившая было надежда замерла.

Наконецъ, жожакъ, — это былъ ровно ничего не знавшiй Содмунъ, — близко, намъ видно его лицо; наконецъ онъ дошелъ... Но его молчаливый и угрюмо-спокойный приходъ въ лагерь безъ словъ сообщилъ намъ отвѣтъ на тотъ вопросъ, который каждому хотѣлось ему предложить, но котораго ни одинъ человѣкъ и не предложилъ жожаку... можетъ-быть, почувствовавъ состраданie къ его вдругъ рѣзко измѣнившемуся и сильно исхудавшему лицу.

— Нѣтъ воды! самъ выговорилъ онъ слабымъ голосомъ и тотчасъ, сѣвъ на землю, попросилъ ѣсть. Но воды не спрашивалъ, хотя вѣроятно въ ней нуждался болѣе, чѣмъ въ пищѣ.

— А гдѣ же твой братъ? спросили его.

— Братъ воду непременно найдетъ; онъ долженъ скоро придти... Вотъ отсюда придетъ, указаль онъ на востокъ.

Странно, зачѣмъ онъ пошелъ на востокъ,—намъ совсѣмъ туда не дорога; развѣ-что колодезь находился въ сторонѣ отъ нея... И мы все еще возлагали надежду на Ба-Гэ, хотя, правда, очень малую.

Когда вожакъ Содмунъ, больше извѣстный у всѣхъ подъ именемъ Ламы или „Ламишка“, отдохнулъ и немного подерѣпилъ себя пищей, Матусовскій чрезъ двухъ переводчиковъ сталъ спрашивать его, какъ называется тотъ колодезь, котораго они искали, въ какомъ направленіи онъ находится отъ Хармали, какія это горы, которыя видѣются вдаль на горизонтѣ?... „Ламишка“ ничего не зналъ и признался чистосердечно, что совсѣмъ не понимаетъ теперь, гдѣ мы находимся... А вѣдь мы съ нимъ однимъ должны были идти, если бы Андреевскій не настоялъ, какъ онъ рассказывалъ, и не заставилъ Сосновскаго взять другаго жожака.

— Братъ мой знаетъ, успокоивалъ насъ Лама.

Черезъ нѣсколько времени мы замѣтили почти въ томъ же направленіи, откуда пришелъ онъ, другую темную точку, бѣльшей величины, и, наблюдая за ней съ самымъ напряженнымъ вниманіемъ, разглядѣли въ ней человѣка, ѣхавшаго на лошади; слѣдовательно, это не могъ быть вожакъ Ба-Гэ, потому что тотъ ушелъ пѣшкомъ. Всадникъ часто погонялъ лошадь, значить она утомлена, значить онъ не изъ мѣстныхъ жителей, и не поможетъ нашему горю; вѣроятно, это—кто-нибудь изъ компаніи „начальника“ (послѣдній вскорѣ пріѣхалъ съ казакомъ и однимъ китайскимъ солдатомъ, — только съ другой стороны). Тѣмъ не менѣе приближающагося всадника ждуть, просто ради развлечения, изъ любопытства,—просто, какъ новый предметъ, который давалъ мыслямъ иное направленіе; а немножко думалось все-таки: авось и съ радостной вѣстью какой,—не оттого ли онъ и торопится скорѣе пріѣхать. Наконецъ онъ близко, и мы узнаемъ въ немъ таранчина Ніаза; но его вялый, невеселый видъ не сулилъ ничего хорошаго. Пріѣхавъ и не дожидаясь вопроса, онъ объявилъ, что никакой воды нѣтъ!

Этотъ кроткій старикъ и усердный слуга очень ослабѣлъ и такъ прозябъ, что напомнилъ мнѣ лицомъ и голосомъ холерныхъ больныхъ въ такъ-называемомъ „холодномъ“ періодѣ... Не зная,

что Сосновскій уже возвратился, Нязъ передалъ намъ, что онъ поѣхалъ искать воду.

На этого Сосновскаго теперь ужъ никто не могъ сморгнѣть, какъ на начальника, хотя онъ и старался все еще поддерживать свою удушенную изъ рукъ роль.

Итакъ ех-начальникъ Сосновскій, узнавъ о возвращеніи Ламы, позвалъ его къ себѣ и, чтобъ доказать свою распорядительность и „заботливость обо всѣхъ“, началъ его допрашивать.

— Спроси его, обратился онъ къ переводчику, — зачѣмъ онъ... тотъ... взялся вести, когда не зналъ, какъ слѣдуетъ, дороги?

— Да вѣдь вамъ хотѣлось непремѣнно, чтобъ васъ повелъ кто-нибудь, отвѣчалъ Лама; — я спросилъ у монголовъ дорогу, они мнѣ рассказали, а сами не могли идти, ни за что не пошли бы, — имъ нельзя. Я зналъ ее не твердо, да давно не ѣздилъ, а теперь потерялъ слѣдъ... Я думалъ, что поѣду припомню...

— Да вѣдь думать, тотъ, скажи ему, нельзя; онъ долженъ знать мѣстность, какъ свои пять пальцевъ... Вѣдь онъ, тотъ, за все за это заплатитъ. Я вотъ отдамъ его китайскимъ властямъ, — пусть съ нимъ и дѣлаютъ, тотъ, что хотятъ. Чтò онъ думаетъ — это шутки, что ли!

Лама стоитъ молча, повѣсивъ голову.

— Пусть только хорошенько подумаетъ; что это не шутки... Вели ему описать мѣстность, гдѣ находится вода.

Лама описываетъ, какъ школьникъ на экзаменѣ передъ строгимъ учителемъ, и, очевидно, ничего точно не знаетъ. Подобный разговоръ продолжался еще нѣсколько минутъ. А неподалеку отсюда, въ кружкѣ, который образовали китайскіе офицеръ и солдаты и хозяева верблюдовъ, шелъ, какъ мнѣ показалось — предназначенно, слѣдующій громкій разговоръ:

— Зачѣмъ онъ приказалъ сюда идти, когда ему говорили, что тутъ дороги нѣтъ, когда ему доказывали, что вожакъ не знаетъ дороги, и что съ ними идти въ такую пустыню, значитъ пронасть навѣрно... Намъ было приказано не идти иной дорогой, какъ на Булунъ-Тохой, а насъ сюда обманомъ завели... У насъ казенныя лошади дохнутъ, верблюды дохнутъ; кто намъ заплатитъ за нихъ; да пожалуй и мы всѣ погибнемъ. Зачѣмъ онъ повелъ насъ сюда!...

Отвѣчать или возражать имъ было нечего, и намъ оставалось только дѣлать видъ, что мы ничего не слышимъ.

— Вожакъ идетъ! раздался новый крикъ, и опять всё устремили взгляды по направленію къ показавшейся на горизонтѣ темной точкѣ. Передъ этой отдаленной точкой долго стояли и съ нея не сводили глазъ, пока она не выросла, не приняла человѣческой фигуры и потомъ не превратилась въ вожака. Еще разъ, и теперь ужъ въ послѣдній разъ, снова ожила надежда, что имъ найдена вода; лагерь оживился; другъ другу сообщали вѣсть, что вожакъ идетъ!

Когда же онъ былъ примѣрно въ верстѣ, нѣкоторые пошли къ нему на встрѣчу, а я слѣдилъ въ бинокль за тѣмъ, какъ они сойдутся... Вотъ они недалеко другъ отъ друга; близко; вотъ сошлись; лицъ я не могу разглядѣть, но движенія всѣхъ, вижу, вали... Не такъ бы приняли радостную вѣсть, если бъ вода была найдена, подумалъ я въ эту минуту. Смотрю, вожакъ падаетъ на колѣни и поднимаетъ кверху сложенные руки... Ну, значить, все кончено! Угасла послѣдняя искра надежды...

Теперь, если мы не въ состояніи будемъ выбраться возможно скорѣе изъ этихъ пустынь навадъ въ Гу-Чанъ, мы навѣрно погибнемъ здѣсь всё до одного. Даже и Сосновскаго Степановъ не спасеть.

Приближается къ лагерю компанія съ вожакомъ; переводчикъ идетъ впередъ.

— Ну что? Какія извѣстія? спрашиваемъ у него.

— Погодите, еще вожакъ не можетъ ни слова проговорить:— совсѣмъ замучился.

Я пошелъ къ нему на встрѣчу. Вожакъ былъ просто страшень на видъ; лицо потемнѣло, глаза ввалились и какъ будто потускнѣли; платье на груди было раскрыто, и онъ теръ себѣ рукою подъ ложечкой. Онъ ничего не говорилъ и тупо смотрѣлъ кругомъ себя.

Подойдя къ лагерю, онъ свалился на землю и слабымъ, беззвучнымъ голосомъ произнесъ одно слово:

— Усу (воды)!

Сосновскій спрашивалъ, нашелъ ли онъ воду, но онъ какъ будто и не слышалъ вопросовъ. Да не смѣшно ли было и спрашивать: развѣ безъ его отвѣта не ясно было, что никакой воды онъ не нашелъ. Развѣ бы онъ тогда мучился жаждою, просилъ бы воды у насъ?... Опасаясь, чтобъ старательный капитанъ его также не началъ допрашивать теперь же, — зачѣмъ онъ взялся вести, когда не знаетъ дороги, — я посоветовалъ оставить его

въ покоѣ, дать немного водки и нѣсколько глотковъ еще имѣвшейся въ запасѣ воды и потомъ хлѣба.

Черезъ четверть часа Ба-Гэ совсѣмъ пришелъ въ себя, ска-залъ, что не нашелъ ничего; и признался, что уже два дня шелъ, не зная самъ куда!...

— Что же теперь мы будемъ дѣлать? спросилъ его ех-начальникъ.

— Надо идти назадъ по тому же слѣду, ни на шагъ не отходя въ сторону, объявили въ одинъ голосъ стоявшіе тутъ китайцы. Они роптали, и ропотъ ихъ начиналъ принимать характеръ озлобленія. Они, казалось, рѣшили больше не повиноваться распоряженіямъ Сосновскаго...

А вслѣдъ за этимъ,—о чудо,—совершается небывалое событіе: начальникъ приглашаетъ насъ съ Матусовскимъ и желаетъ слышать наше мнѣніе, какъ теперь поступить?

Это было первое совѣщаніе за все путешествіе. Значитъ же, критическая минута наступила для бывшаго полновластнаго распорядителя, если онъ рѣшился на такой унижительный для себя актъ, какъ совѣщаніе со своими „подчиненными“!

Но что мы могли теперь посоветывать, кромѣ того, что обдумали вчера, — того, что сейчасъ предлагали здравомыслящіе китайцы; однако мы боялись выразить свое мнѣніе, потому что нашъ планъ былъ единственный путь ко спасенію; мы боялись, чтобъ не вышло,—какъ это много разъ бывало,—прямо противоположнаго распоряженія, если мы выскажемся за возвращеніе на Хармали.

— Какъ вамъ будетъ угодно приказать, отвѣтили мы.

— Вожакъ предлагаетъ идти отсюда на слѣдующій колодезь, не разыскивая уже того, котораго они не нашли здѣсь, говорить теперь заискивающимъ голосомъ Сосновскій, обращаясь къ намъ.

— Да вѣдь всѣ уже много разъ убѣдились, что наши вожаки ничего не знаютъ,—какъ же еще полагаться на нихъ; и не будетъ ли слишкомъ опасно рисковать не найти воды еще и сегодня. Сегодняшній день, если мы къ ночи не найдемъ воды, будетъ смертнымъ приговоромъ, если не для людей пока, то для многихъ животныхъ.

Китайцы настаивали на возвращеніи назадъ, но Сосновскій торопился въ Зайсанъ и опять предлагалъ поискать воды вблизи, объясняя какія примѣты ея онъ нашелъ вчера. Но вожакъ, къ

счастію, самъ отказался идти дальше, и теперь сталъ торопить скорѣе возвращаться на Хармали, а тамъ... что Богъ дастъ,

— Ну такъ трогай! скомандовала Сосновскій. — Смокотишь, скажи, чтобы... тотъ... вытягивались!

Какъ только отдано было это распоряженіе „вытягиваться“, Лама отправился впередъ, то-есть назадъ къ Хармали, — одинъ, пѣшкомъ. Верблюды были уже завьючены, и мы всё также могли бы сейчасъ тронуться въ желанный всѣми обратный путь... Но тутъ Сосновскій вспоминаетъ, что онъ велѣлъ оставить свою постель на томъ мѣстѣ, гдѣ ночевалъ, и при ней одного китайскаго солдата съ лошадей, въ качествѣ караульнаго. Значитъ, надо посылать за этимъ человѣкомъ и вещами, неизвѣстно для чего оставленными тамъ, да еще съ человѣкомъ, и ждать, еще ждать!... Но нечего дѣлать,—нельзя же бросить тамъ этого „часоваго“. Послали Ніазъ на верблюдѣ, приказавъ, чтобы онъ „наилъ живѣе“.

Ніазъ погналъ верблюда рысью, а мы сидимъ и ждемъ; и какъ мучительно долго тянулось теперь время... Уже черезъ пять минутъ стали поглядывать въ ту сторону, куда онъ уѣхалъ, и тосковать, что жъ онъ такъ долго не возвращается! Вѣдь намъ ѣхать скорѣе бы надо...

Наконецъ, его увидели издали, — ѣдетъ; и Сосновскій велѣлъ трогаться, — „потому что они“ „налегкѣ“, говоритъ, — „догонять“. Караванъ было тронулся въ обратный путь, и ех-начальникъ впереди всѣхъ.

Но тутъ обратили его вниманіе на то, что Ніазъ ѣдетъ одинъ, значитъ онъ оставленнаго солдата не нашелъ. Если бы послѣдній умеръ, такъ онъ лошадь бы его велъ... Караванъ остановили и ждутъ объясненія, почему Ніазъ ѣдетъ одинъ? Наконецъ, посланецъ, гнавшій верблюда рысью, подъѣзжаетъ къ намъ.

— А другой гдѣ?... А постель и платье что же ты не привезъ? торопливо и съ гнѣвомъ спрашиваетъ Сосновскій...

Ніазъ, оказывается, не нашелъ на прежнемъ мѣстѣ ни постели, ни человѣка, или прежнее мѣсто потерялъ... Ему сказали, что онъ слѣдовательно — „дуракъ, если ориентироваться не можетъ по примѣтамъ, всякому гимназисту извѣстнымъ“, и заставили описывать мѣстность...

А время уходитъ: солнце не ждетъ; и законное разрушеніе органдимовъ, съ безостановочнымъ ослабленіемъ силъ, идетъ своимъ порядкомъ...

Тогда казакъ Степановъ, не дожидаясь распоряженій, вскопчал на того же верблюда, опять погналъ несчастное животное рысью въ обратный путь и скоро исчезъ...

А мы все-то стоимъ и ждемъ... Боже мой!... Нѣтъ, кажется, намъ не суждено увидать родину, отъ которой, гадъ тому казалъ, мы были такъ далеко, а теперь принуждены погибать почти на ея границѣ,—сами, и погубивъ все, что дѣлали съ такою любовью и самоотверженіемъ во имя ея и для нея...

Всѣ были въ волненіи и въ раздраженномъ состояніи, а китайскій офицеръ очень встревожился за своего человѣка, о которомъ Ниазъ сказалъ, что не нашелъ его на прежнемъ мѣстѣ; онъ не могъ покоино оставаться на мѣстѣ, а пошелъ привыкомъ въ ту сторону, откуда пріѣхалъ Сосновскій, думая, не уѣхалъ ли онъ послѣ, слѣдомъ за нимъ.

Его не слѣдовало бы отпускать, чтобъ еще не разбиваться, а ужъ стоять и ждать, чтобъ не пришлось потомъ еще ихъ разыскивать или ожидать; особенно нельзя было отпускать его привыкомъ,—но капитанъ теперь до того растерялся, что могъ думать только о спасеніи собственной жизни и не обратилъ на это никакого вниманія; другіе же не смѣли соваться „не въ свое дѣло“...

Отъ ожиданія и лихорадочнаго волненія теперь никто не оставался въ покоѣ; всѣ были на ногахъ или уже сѣли на лошадей и торопились ѣхать. Но надежда Степанова дожидаться, а потомъ Бао, если онъ далеко уйдетъ... Стояли, стояли навьюченные верблюды; ждали, ждали люди; страхъ приближающейся смерти все болѣе закрадывался въ душу, когда мы вспоминали, что намъ надо еще пройти верстъ пятьдесятъ, чтобъ добраться только до временнаго спасенія, потому что Хармали самъ лежитъ въ глубинѣ пустыни. Воротыхъ, намъ надо засвѣло дойти до него, потому что мы можемъ легко найти дорогу не иначе, какъ по своему слѣду, а ночью еще либо увидимъ его, либо, если дѣла сберется за тучи, непремѣнно потеряемъ, и должны будемъ остановиться и провести ночь опять безъ воды, или, еще того хуже,—выйдетъ распоряженіе идти;—мы пойдемъ и еще разъ собьемся. Тогда, пожалуй, и родника Хармали не найдемъ.

По временамъ у меня являлось очень странное, обманчивое чувство, — казалось, что намъ слѣдуетъ только тронуться, перевалить вотъ черезъ этотъ холмъ, и опасности ужъ нѣтъ, что тамъ ужъ и вода есть; но сознаніе лишь на секунду предавалось этой

илиюи... Еще цѣлѣхъ пятьдесятъ верстѣ до воды,—точно раздается въ ухахъ чьи-то слова!.. Вѣдь на это надо не меньше десяти часовъ спораго безостановочнаго хода, съ правильностью машиннаго движенія, но люди и животныя не машины...

Когда же и какой конецъ будетъ всему! восклицаетъ те тотъ, то другой, безпокойно посматривая въ ту сторону, куда уѣхалъ вазакъ Степановъ. Ну, слава Богу! Наконецъ онъ показался и съ нимъ оставленный караульщикъ достопамятной постели... Когда они были уже близко, караванъ тронулся было,—но китайскій офицеръ съ однимъ изъ конвойныхъ солдатъ, какъ читатель помнитъ, ушли и еще не вернулись!.. Но они не могли быть далеко, поэтому ожидать ихъ велѣли конвойнымъ, наказавъ, чтобъ они торопились и догоняли, а мы потихоньку поидемъ.

Такимъ образомъ мы отправились къ источнику вѣроятнаго спасенія.

— Слава тебѣ Господи! наконецъ-то! восклицала каждый, и у каждого точно гора съ плечъ свалилась... Хотя радоваться было еще нечему, все одново ожили: всѣхъ подкрѣпляла мысль, что теперь каждый шагъ приближалъ насъ къ водѣ; а смерть, хотя и была еще очень близко и легко могла вернуться, тѣмъ не менѣе она, такъ-сказать, пошла теперь отъ насъ назадъ...

Когда мы отѣхали съ версту отъ роковаго мѣста, всѣ уже тронулись и тянулись за нами въ обратный путь, по глинисто-песчаной равнинѣ и такимъ же холмамъ.

День былъ превосходный, ясный и не очень жаркій, потому что дулъ легонькій свѣжій вѣтерокъ; на небѣ ни облачка; и можно было надѣяться, что и ночь будетъ ясная, — значить, будетъ свѣтло. Наши измученныя лошади просто изумили меня проявленіемъ своего пониманія: онѣ сейчасъ же поняли, что мы повернули назадъ, слѣдовательно—къ водѣ. Это было видно потому, что онѣ тотчасъ какъ будто ожили и пошли такъ бодро, что намъ, для сбереженія ихъ силъ, пришлось сдерживать ихъ стремленіе, не давая идти слишкомъ скоро; а безъ этого онѣ навѣрно пошли бы рысью... Откуда взялись у нихъ энергія и силы!.. Даже казенныя лошади, которымъ не давали отъ самаго Гу-Чэна ни крошки (!) запаснаго корма, страшно исхудавшія, и онѣ не отставали отъ другихъ, напрягая послѣднія силы. Я, говорю, былъ пораженъ степенью ихъ пониманія.

Хотя мы всѣ повеселѣли, но минуты оживленія у насъ смѣнялись невеселымъ и мрачнымъ состояніемъ духа, по той понятной

причинѣ, что мы теперь пошли опять вдаль отъ Россіи, опять въ Гу-Чань, до котораго дай Богъ въ недѣлю добратся; тамъ придется провести дня два, три, да до Зайсана девятнадцать дней, итого круглымъ счетомъ надо класть еще мѣсяць „братчайшаго пути“... Мало-по-малу, впрочемъ, эти мысли отходили прочь, и мы думали только о соленой водѣ Хармали, къ ней только стремились мы; а что тамъ будетъ послѣ, пока не хотѣли и спрашивать себя:—все равно, погибель висѣла надъ нами давно ужъ, если не отъ голода и жажды, такъ отъ полеваго суда... да каковаго,—единоличнаго!... Да, опасность могла исчезнуть для насъ только съ приходомъ въ Россію. Итакъ скорѣе на Хармали!...

Сохраняя силы своихъ лошадей, отъ которыхъ однѣхъ теперь зависѣло наше спасеніе, мы по временамъ шли пѣшкомъ, но скоро уставали, намъ дѣлалось жарко, а я совѣтывалъ не усиливать дыханія и не вызывать испарины, чтобы, расходуя въ большомъ количествѣ воду своего тѣла, не ускорять наступленія жажды, которая ужъ начинала сказываться. За то аппетита у насъ не было вовсе, несмотря на то, что напримѣръ, мы съ товарищемъ и нашимъ казакомъ третьи сутки уже не ѣли ничего, кромѣ нѣсколькихъ сухарей...

Меня интересовали ощущенія, какія испытывали люди, и я разспрашивалъ о нихъ, кого могъ спросить изъ своихъ спутниковъ. Эти явленія, общія у всѣхъ, были: сухость во рту, непредѣленное, непріятное ощущеніе въ желудкѣ, которое въ общепитіи называется пустотой, и несильныя боли въ правомъ подреберьѣ: люди не чувствовали слабости въ тѣлѣ, но замѣчали, что утомлялись очень скоро (куреніе табаку нѣсколько улучшало общее состояніе). Пить хотѣлось многимъ, но на томленіе жаждою еще никто не жаловался. Точно также и аппетитъ у большинства былъ плохъ; и всѣ сильно похудѣли за вчерашній день, по крайней мѣрѣ—въ лицѣ.

Вотъ дошли до мѣста вчерашняго ночлега, и лошади тотчасъ свернули съ дороги въ сторону, забывъ, должно-быть, что онѣ провели здѣсь ночь безъ воды, что отсюда намъ оставалось еще гораздо больше половины, потому что въ первый день мы шли отъ Хармали значительно дольше. У меня сохранялась половина гуттаперчевой бутылки воды, и мы раздѣлили ее здѣсь по глотку на четверыхъ. Особенно казакъ Степановъ, всегда работавшій больше другихъ и всегда меньше другихъ ѣшій и пившій, начиналъ томиться жаждою, но мнѣ трудно было получить отъ него

болѣе тонкіе отвѣты на мои вопросы о его ощущеніяхъ, какъ и отъ всякаго другаго; поэтому я передамъ наблюденія надъ самимъ собою.

Это были вторныя сутки почти полнаго лишенія воды; и въ это время я начиналъ чувствовать какую-то неопредѣленную ненормальность въ тѣлѣ, но она, казалось, не зависѣла только отъ потребности утолить жажду, потому что прежде мнѣ нѣсколько разъ случалось хотѣть пить гораздо сильнѣе, чѣмъ теперь, а я такого состоянія не испытывалъ. Потому меня начали преслѣдовать и просто мучить мечтанія о разныхъ водахъ и напиткахъ; и хотя источникъ ихъ былъ конечно тотъ же, что и физическихъ ощущеній, т.-е. жажда, но мнѣ казалось, что если бы я могъ прогнать отъ себя мысли о разныхъ соблазнахъ, какіе грезились мнѣ въ образахъ прозрачныхъ прудовъ, фонтановъ, или различныхъ напитковъ, то я бы совершенно не хотѣлъ пить. И вотъ въ томъ-то и состоитъ эта первая мука людей, умирающихъ отъ жажды: я никакъ не могъ прогнать отъ себя мыслей о различныхъ фруктовыхъ водахъ, о квасѣ, кислыхъ щахъ, душистомъ чаѣ и т. п.; и все это казалось мнѣ теперь необычайно вкуснымъ.

Сначала я отнесся къ этимъ мечтаніямъ легко, думалъ, что сейчасъ забуду и займусь чѣмъ-нибудь другимъ; но не тутъ-то было: представленія и мысли о питьѣ лѣзли въ голову все сильнѣе. Я пробовалъ говорить съ спутниками,—не помогаетъ; пробовалъ, молча, думать по заказу на заданную тему,—то же; начинаю декламировать вслухъ стихи, но языкъ повинуется, а голова нѣтъ; и среди декламации какой-нибудь элегіи Пушкина, совета Петрарки, или монолога изъ Шекспировской драмы, гдѣ нѣтъ ни слова ни о водѣ, ни о питьѣ,—я живо вспоминаю изъ прошлаго разные случаи, когда приходилось испытывать сильную жажду, и какъ сладко было тогда утолять ее... Но, то было въ городахъ или на подгородныхъ гуляньяхъ, гдѣ чего хочешь, того и просишь... А тутъ!... Когда-то еще доберемся мы до соленой воды...

Вотъ это-то сознаніе при упомянутыхъ мечтаніяхъ и было чрезвычайно мучительно, и чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе: воспоминанія становились ярче, такъ-сказать, осязательнѣе, точно все это вспоминалось въ глоткѣ; въ ней понемногу стали сосредоточиваться всѣ ощущенія, но не исключительно физическаго характера: мнѣ все думалось, что я что-нибудь пилъ или ѣлъ, напри-

мёрз мороженое, арбузы, дыни, сочные груши, или виноградъ; а сознание ясно говорило, что ничего этого тебѣ не дадутъ и достать это также невозможно, какъ луна съ неба...

Спрашиваю товарища, оказывается и съ нимъ та же исторія, и мы только различныя мѣста и каждый свои эпизоды вспоминаемъ. Потомъ у него перваго пробудился голодъ; и мечты о напиткахъ уступили мѣсто разнымъ вкуснымъ блюдамъ, которыя онъ теперь принялся перебирать, также противъ своей воли. Повторяю,—ни о чемъ другомъ наши головы не хотѣли думать. Однако разговоры, хотя и о предметахъ мучительнаго свойства, сокращали время и дорогу, какъ ни казалась послѣдняя безконечною, и мы все подвигались неумолимо впередъ.

Множество слѣдовъ дикихъ животныхъ (кулановъ и барановъ) заставляли меня раза два отвѣзжать въ сторону въ надеждѣ набрести на какой-нибудь родникъ, къ которому, повидимому, вели эти безчисленные и хорошо протоптанные тропинки; онѣ часто такъ сходились въ какую-нибудь впадину, что въ ней, вотъ-такъ и казалось, непременно найдешь воду; однако нигдѣ не было замѣтно даже признаковъ ея.

Около заката солнца Сосновскій послалъ впередъ бывшаго при караванѣ жоака Ба-Гэ, верхомъ на верблюдѣ съ другимъ заводникомъ, на которомъ висѣли съ боковъ двѣ кадочки,—надо полагать, за водой; но никто не понималъ, зачѣмъ теперь посылаютъ за водой, когда мы сами идемъ къ ней, и особенно, когда около половины пути уже проѣхали; только подивились этому непонятному мѣроприятию и потомъ забыли о жоакѣ, проѣхавшемъ съ кадочками, не придавъ командировкѣ его никакого особеннаго значенія.

Мы все шли ровно, нигдѣ ни на минуту не останавливаясь. Медленно, однообразно и незамѣтно, подобно часовой стрѣлкѣ, подвигались мы впередъ, впадъ въ какой-то полусонъ отъ этого однообразія движенія и монотонности окружающей природы. Вотъ въ такомъ-то состоянїи я почти не замѣтилъ, когда и какъ кончился день, когда успѣло сѣсть солнце и его смѣнила луна и осветила тоскливую пустыню, которая, при ея слабомъ свѣтѣ, казалась еще болѣе печальною и безжизненною.

Итакъ, подергалась тайкомъ ясная лунная ночь; а мы все ѣдемъ да ѣдемъ, или идемъ по временамъ пѣшкомъ, чтобъ согрѣться, потому что рукамъ и ногамъ уже больно отъ холоду. Лошади повидимому не только не устаютъ, а напротивъ, кажется, вѣрнѣе

въ свѣжемъ воздухѣ ночи; онѣ все прибавляютъ шагу; все крѣпче приходится придерживать поводья, и даже рука начала уставать отъ напряженія. Слѣдъ, проложенный нами третьяго дня, цѣльцѣлехонецъ, и его такъ хорошо видать и держатся умныя животныя, что намъ нѣтъ надобности и заботиться теперь о догнѣ,—они и сами ея не теряютъ.

Подъѣхалъ казакъ Степановъ, этотъ человекъ, неутомимый и безропотный, какъ машина,—и въ первый разъ за все путешествіе на мой вопросъ отвѣтилъ—очень хочу пить...

Лицо его рѣзко перемѣнилось, голосъ ослабѣлъ, и языкъ шлохопиновался, какъ у пьянаго или холернаго. Онъ былъ и голоденъ, потому что вслѣдствіе невѣрныхъ надеждъ на счетъ прихода къ „торгоутамъ“ съѣстные припасы въ партіи капитана истончились, и у него осталась одна дареная ветчина, питаться которой въ безводной степи было не особенно цѣлесообразно.

— Зачѣмъ это жокакъ уѣхалъ впередъ съ кадками? спрашиваю его между прочимъ.

— Капитанъ велѣли воды привезти къ намъ на встрѣчу; приказали, чтобъ онъ палилъ на верблюдѣ какъ можно скорѣе.

— Да зачѣмъ же палить и привозить воду?.. Вѣдь мы, я думаю, почти въ то же время придемъ на колодезь сами.

— Не могу знать. А я слышала что-то, будто капитанъ не хотять идти нынче до воды, что останутся будто почевать на степи, а завтра ужъ всѣ пойдемъ къ колодцу... Такъ вотъ, будто бы для этого послали за водой, чтобъ людямъ напиться; лошади потерпять до завтра, говорятъ; а для верблюда, говорятъ, гораздо важнѣе сонъ, что верблюдъ долженъ хорошо выспаться, а питье, — это ему ни почемъ; онъ, говорятъ, и двѣ недѣли можетъ не пить.

Нужно замѣтить, что казаки наши выросли съ верблюдами и учить ихъ, какъ съ ними обращаться, было по меньшей мѣрѣ лишнее.

— Такъ мы почевать будемъ не у колодца? спрашиваю я.

— Я слышала, будто такъ... О, Господи! вздохнулъ онъ.

Дѣйствительно, въ скоромъ времени подъѣхалъ Сосновскій и отдалъ „ребятамъ“, то-есть казакамъ, приказаніе посматривать, гдѣ будетъ получше кормъ, чтобъ тамъ и остановиться на ночлегъ. Потомъ, черезъ нѣсколько времени, онъ самъ „нашелъ“ такое мѣсто и приказалъ остановиться и расположить лагерь.

Это новое распоряженіе произвело новое общее смущеніе и вызвало ропотъ между туземцами—козляками животныхъ; но, къ сожалѣнію, офицеръ Бао на этотъ разъ поделитивничалъ и подчинился общему распоряженію, основаній для котораго онъ не могъ понять, какъ никто не пенялъ. Всѣ находили гораздо болѣе благоразумнымъ идти къ колодцу прямо сегодня, не останавливаясь, потому что лошади ужасно страдали отъ жажды, что онѣ шли еще бодро, потому что инстинктомъ предчувствовали близость воды, что имъ ночью легче было идти, чѣмъ днемъ, когда жарко... Мало ли, наконецъ, что могло случиться: переѣхались погода, пронесись ураганъ и замети слѣдъ,—вотъ и разыскивай потомъ дорогу по картѣ да по компасу, и терай опять время дорогое, потому что наши есди не минуты, то дни были сочтены...

Но что дѣлать при нашей ужасной системѣ „невмѣстательства“!.. Придумали только одно, — послать казака къ Сосновскому спросить, не дозволить ли онъ намъ отправиться къ ключу теперь же, не останавливаясь здѣсь; и съ нѣкоторымъ страхомъ ждемъ отвѣта. И вдругъ, сверхъ всякаго ожиданія, послѣдовалъ отвѣтъ:

— „Могутъ отправляться куда угодно... только безъ конвоя“...

И вотъ, скорѣе, чтобъ не послѣдовало новое приказаніе, мы собрали нужныя вещи, какъ-то: палатку, постели и кухонный ящикъ, и со своимъ казакомъ да „Сквознымъ“ торопливымъ шагомъ отправились въ дальнѣйшій путь. Насъ, конечно, никто не провожалъ, только нѣкоторые казенныя лошади устремились было слѣдомъ за нами, но ихъ поймали и вернули бѣдныхъ назадъ... А, несчастныя животныя! За что васъ такъ безжалостно мучили!... Уйдемте лучше скорѣе, чтобъ не терзать бесполезно своего сердца...

Жажда начала томить насъ сильнѣе и теперь разомъ перешла въ физическое страданіе; мы стали ожидать съ нетерпѣніемъ встрѣчи съ Ба-Гэ, когда онъ пройдетъ назадъ съ водой,—чтобъ проглотить въ горѣвшее тѣло хотя по нѣсколькимъ глотковъ; но вожакъ все не ѣхалъ.

Луна, описавъ по небу большой путь, склонилась къ горизонту и теперь уже не сіяла, какъ прежде; ее точно заслонялъ красноватый дымъ, и свѣтъ ея настолько ослабѣлъ, что мы ужъ не могли видѣть своего слѣда; и еслибы не лошади, навѣрно потеряли бы дорогу, но онѣ видѣли его ясно и съ пути не сбивались. Небо еще довольно рѣзко отдѣлялось отъ земли, и мы наконецъ увидали на горизонтѣ граду знакомыхъ пригорковъ, за которыми

скрывался нашъ спасительный ключъ Хармали!.. И вольное восклицаніе радости внезапно вырвалось у каждаго изъ насъ... Но, Боже мой, какъ теперь тнулось время, какъ обманывало равстояніе до этой желанной грады каменистыхъ холмовъ! То казалось, вотъ она совсѣмъ близко, — кажется, не больше ста шаговъ; а потомъ снова представлялась еще очень отдаленною; душа изныла отъ нетерпѣнія и сузид, а тѣло требовало воды и покоя...

Вотъ слышимъ чьи-то покрикиванья; — это, конечно, козакъ ѣдетъ на встрѣчу съ водою. Кругомъ стало уже совершенно темно, и онъ, со своей парой верблюдовъ, неожиданно, какъ изъ земли, выросъ передъ нами. Мы узнали отъ него, что до ключа только версты двѣ съ небольшимъ, взяли у него воды въ бутылку; но теперь мы уже смѣли разбирать и, попробовавъ, не стали пить, потому что она представляла чуть только не густую грязь.

Простившись съ нимъ и сказавъ, что онъ скоро увидитъ впереди огонь и съ дороги не собьется, мы съ лихорадочной радостью проѣхали длинныя двѣ версты, и, наконецъ, подковы лошадей застучали по голымъ камнямъ знакомой и вамъ, читатель, скалистой грады.

Тутъ надо было круто спуститься внизъ, и мы, боясь, чтобы какая-нибудь лошадь не сорвалась въ потьмахъ на крутой каменистой тропинкѣ, сошли съ сѣделъ и идемъ пѣшкомъ.

Въ это время мнѣ показались человѣческіе голоса въ сторонѣ... Голоса людей въ такой пустынѣ — явленіе совсѣмъ необычайное, тотчасъ обращающее на себя все вниманіе зашедшаго сюда челоуѣка.

— Кто-то тутъ говоритъ сейчасъ, вотъ въ этой сторонѣ, говорю я своимъ спутникамъ.

Разглядѣть что-нибудь за темнотою ночи было невозможно; мы прислушались, подождали минуту, но ни одинъ звукъ не нарушилъ мертваго безмолвія пустыни.

— Кто сюда пойдетъ, крохъ насъ! Тутъ даже разбойникамъ грабить некого; проѣзжающіе какіе то же едва ли будутъ. Это вамъ показалось, рѣшили Матусовскій и Смокотининъ.

Я не возражалъ, но сомнѣніе не оставило меня; и когда мы спустились съ пригорковъ, мнѣ опять почудился новый звукъ въ той же сторонѣ, какъ будто верблюдъ фыркнулъ.

Съ трудомъ могли мы удерживать лошадей, которыхъ вели теперь въ поводу, и какъ только спустились на площадку, гдѣ подлѣ скалой находится резервуаръ, онѣ рванулись къ нему съ такой силой, что моя оборвала поводъ, ушла и ужъ пила; а Матусовскаго, повиснувшаго на уздечкѣ, лошадь привезла къ водѣ, какъ онъ ни упирался ногами въ землю...

Боже мой! Что это было за блаженство для измученныхъ животныхъ! Что за радость испытывали и мы, глядя на нихъ; какъ я наслаждался, слушая звуки: укъ, укъ, сопровождавшіе каждый крупный глотокъ воды, жадно пропускаемый лошадьми во всю ширину глотки... Но много пить вдругъ, послѣ почти трехъ сутокъ полнаго лишенія, теперь могло быть для нихъ опасно, и мы стали отгонять ихъ отъ резервуара, въ который онѣ залѣзли съ ногами и пили, пили, не отрывая губъ. Намъ не малаго труда стоило выжить ихъ оттуда и оттащить въ сторону...

Матусовскій, казакъ и мальчишка также пили поочередно изъ одной чашки... Но чтѣ случилось со мной?! Теперь, когда я стоялъ у самой воды, томившая меня жажда вдругъ пропала, какъ будто ея не было вовсе; я точно досыта напился сознаниемъ, что теперь ужъ не умру отъ недостатка воды. Дѣйствительно, теперь мы не отдѣлены отъ всего міра бездорожной и безводной степью; пускай теперь бушуютъ ураганы и заносятъ нашъ слѣдъ подвижными песками; пускай даже остается при насъ въ качествѣ начальника Сосновскій:—Матусовскій проведетъ насъ по своему маршруту, какъ капитанъ корабля, не нуждаясь ни въ дневномъ свѣтѣ, ни въ дорожныхъ примѣткахъ, а по одному компасу...

Успокоившись, мы оглядѣлись кругомъ и увидали неподалеку отъ родника дымившійся костеръ и лежавшаго возлѣ него вожака—ламу. Онъ спалъ сномъ праведника, какъ говорятъ; а я лучше скажу—сномъ чловѣка, который провелъ вчера бессонную ночь, безъ пищи и питья, который и сегодня цѣлый день ничего не ѣлъ и не пилъ, а прошелъ верстъ пятьдесятъ пѣшкомъ и, добравшись до ключа, напился, поужиналъ и заснулъ. Онъ не чувствовалъ, какъ грѣлъ его горѣвшій костеръ, въ которомъ онъ чуть не рѣшился изжариться,—такъ близко подобрался къ нему; не слыхалъ, какъ мы пріѣхали и какъ оттащили его немного подальше отъ огня. Тутъ же возлѣ него лежали его пожитки: деревянная чашка, разные предметы святыни въ родѣ амулетовъ, четки, съ которыми ламы-монголы не расстаются

всю жизнь, и котелокъ съ какой-то густой коричневой жидкостью—его пищей. Что это было такое, я не могъ опредѣлить по виду, какъ ни всматривался, а попробовать не рѣшился. Она походила какъ бы на разболтанное съ водою квасное тѣсто...

Когда наконецъ палатка была поставлена, я въ ожиданіи чаю взошелъ на пригорокъ и желалъ еще убѣдиться,—показались ли только мнѣ звуки человѣческихъ голосовъ и фырканье верблюда, или въ темнотѣ пустыни дѣйствительно скрывались въ недалекомъ сосѣдствѣ съ нами живыя существа, и если да, то что они были за люди. Простоявъ нѣсколько времени и внимательно вслушавшись, я совершенно убѣдился, что вблизи отъ насъ находятся неизвѣстные люди и съ ними верблюды. Вернулся и передаю спутникамъ свое наблюденіе. Матусовскій остался возлѣ палатки и лошадей, а мы съ казакомъ опять поднялись на холмъ и такъ какъ желали вступить съ незнакомцами въ мирныя сношенія, то захватили на всякій случай револьверы,—ибо, говорить мудрая пословица,—если хочешь жить въ мирѣ, будь готовъ къ войнѣ... Идемъ по направленію, отсюда доносился сдержанный говоръ; подходимъ настолько близко, что слышимъ, что онъ происходитъ на монгольскомъ языкѣ, а иногда долетаютъ и китайскія слова. Насъ должно-быть услышали или замѣтили, потому что голоса вдругъ стихли...

— Окликни, Смокотиннѣ, говорю казаку.

— Что тутъ за люди? крикнулъ онъ, но отчего-то по-киргизски,—по старой привычѣ должно быть, потому что казаки западно-сибирскаго войска говорятъ на этомъ языкѣ, какъ на родномъ.

— Ну что жъ ты по-киргизски спрашиваешь, кто тебя тутъ пойметъ? говорю ему... Но въ это же время, къ нашему величайшему изумленію, кто-то отвѣчаетъ по-киргизски же, но отвѣчаетъ тоже вопросомъ:

— А вы кто такіе?

— Мы русскіе! отвѣтилъ казакъ,—проѣзжающіе домой.

— А, русскіе! протянулъ, словно обрадовавшись вопрошавшій, и нѣсколько человекъ подходятъ къ намъ. Кто такіе, какіе люди—за темнотой ничего ни вижу... Слово за слово, и посыпались трескучія, какъ фейерверкъ, слова киргизской рѣчи... Я ничего не понимаю, но слышу по тону, что казакъ чему-то несказанно радъ.

— Ну, ваше высокоблагородіе, благодарите Бога! Господь сжалился надъ нами за наши труды и бѣдствія...

— Что такое?

— Да вѣдь тутъ ночуетъ караванъ, который тоже на Кобуекъ-Сайры идетъ, куда и мы хотѣли пройти.

Я велѣлъ казаку переговорить о томъ, не подождетъ ли насъ караванъ, чтобъ идти вмѣстѣ, или не дастъ ли надежныхъ проводниковъ, и сказалъ, что если можно, чтобъ привелъ къ намъ хоть одного человѣка сейчасъ, переговорить и условиться въ платѣ за проводы. А самъ полетѣлъ съ радостной вѣстью къ Мутасовскому.

— „Рука Всевышняго отечество спасла!“ провозгласилъ онъ шутливо и расхохотался отъ удовольствія.

Мы были веселы, какъ дѣти, и рѣшили на этотъ разъ уже не предоставлять своей участи безумному случаю, не упускать этого втораго шанса въ спасенію. Лучше, думаемъ себѣ, выдержимъ еще разъ всякія обвиненія въ „нарушеніи дисциплины“, въ „опозиціи“, и позорную угрозу разстрѣляніемъ изъ устъ Сосновскаго, да спасемъ себя и всѣхъ бывшихъ съ нами отъ почти вѣрной гибели. Теперь намъ блеснула надежда прямо пройти въ Россію съ этимъ караваномъ, а не возвращаться со стыдомъ въ Гу-Чэнъ, или, еще того хуже, во что бы ни стало разыскивать кратчайшій путь въ Зайсанъ съ нашими, ничего не вѣдающими вожаками и не менѣе ихъ свѣдущимъ отрицателемъ положительныхъ знаній и всякихъ законовъ природы (не говоря уже о другомъ),—капитаномъ Сосновскимъ.

Вернулся казакъ и сообщилъ, что человѣкъ, разговаривавшій съ нимъ по-киргизски, есть тургутъ, отъ котораго онъ узналъ, что караванъ этотъ вышелъ изъ Гу-Чэна четырьмя днями послѣ насъ, что онъ здѣсь ночуетъ и завтра чѣмъ свѣтъ уйдетъ дальше а два человѣка соглашаются остаться при насъ въ качествѣ проводниковъ и завтра придутъ, теперь же идти ни за что не соглашаются,—поздно говорить, да и опасаются, должно-быть...

А ну, какъ обмануть и уйдутъ всѣ. Что мы тогда станемъ дѣлать? невольно пришелъ въ голову тревожный вопросъ. Ну, будь, что будетъ...

Чай, наконецъ, готовъ и началось питье... Мы опорожнили стаканъ за стаканомъ; но вода казалась получила совершенно обратное свойство,—не утолять, а возбуждать жажду, и я говорю отнюдь не фразу: чѣмъ больше мы пили, тѣмъ больше хотѣлось намъ пить. Выпили вчетверомъ большой мѣдный чайникъ; согрѣли другой, и его выпили, могли бы пить и еще, да побоялись и

улеглись спать,—мы съ товарищемъ въ палатѣхъ, а казакъ и „Сквозной“, взявъ запасъ теплаго платья, ушли съ лошадьми и верблюдами на степь, гдѣ былъ кормъ,—тамъ и провели ночь...

Она прошла безъ всякихъ приключеній, такъ же покойно, какъ будто мы находились въ спальнѣ своего дома, а не вдвоемъ въ палаткѣ среди безграничной пустыни. Только всѣ долго не могли заснуть оттого, что нервы у всѣхъ были слишкомъ возбуждены подъ вліяніемъ только-что пережитыхъ волненій: мы не могли скоро позабыть о грозившей намъ страшной бѣдѣ, слишкомъ живо радовались счастливой неожиданной встрѣчѣ съ нашими новыми спасителями, которыхъ бы мы упустили, если бы остались ночевать съ остальной ужъ слишкомъ „опытной“ компаніей въ пятнадцать верстахъ отсюда...

И никому бы и въ голову не пришло, что здѣсь былъ прошлою ночью караванъ и ушелъ.

29 сентября.

Наступилъ ясный и теплый день. Казакъ рано разбудилъ насъ, придя сказать, что пришли новые вожакъ и желаютъ намъ представиться. Азіятскій человѣкъ доказалъ еще разъ, что данное слово держать умѣеть... Чтобъ скорѣе увидать ихъ, мы не вставая съ постелей, велѣли открыть полупалатки и пригласить ихъ сюда.

Оставивъ неподалеку своихъ лошадей, они пришли, поздоровались монгольскимъ привѣтствіемъ и присѣли на корточкахъ. Одинъ, оказалось, былъ монголъ, лама (имя его затерялось), лѣтъ тридцати пяти, другой тургутъ, молодой малый лѣтъ двадцатидвухъ, по имени Бальчакъ, степной охотникъ, съ фетильнымъ ружьемъ за плечами. Одѣты они были въ овчинные полушубки, у ламы на головѣ промасленная ермолка, а у тургута шляпа въ родѣ китайской съ мѣховыми отворотами. Оба они—жители мѣстности Кобукъ-Сайры, въ Гу-Чанъ приходили съ гуртомъ скота, тамъ его продали и теперь возвращаются назадъ; и съ ними по пути ѣдутъ съ товаромъ купцы-китайцы на ихъ же сторону.

Мы угостили ихъ чаемъ, распросили о дорогѣ, причемъ оказалось множество противорѣчій съ показаніями нашихъ братьевъ-вожаконъ; спросили ихъ, что они желаютъ получить за проводы насъ; но они не назначили платы, предоставивъ это нашему великодушію.

Итакъ мы ожили. Мы чувствовали бы себя счастливейшими изъ смертныхъ, еслибъ насъ не смущалъ одинъ вопросъ,—какъ приметъ нашъ Сосновскій это самовольное дѣйствіе: хорошо, если близость опасности для него самого благотворно подѣйствуетъ на него; а если онъ останется себѣ вѣренъ, то должно произойти слѣдующее: новыхъ вожаковъ онъ прогнѣтъ, а намъ съ Матусовскимъ, созвавъ переводчиковъ, казаковъ и фотографа, прочтетъ еще разъ строжайшій выговоръ въ самыхъ дерзкихъ выраженіяхъ и наиболѣе оскорбительной формѣ. Только одна эта мысль, говорю, и неразрывно связанное съ нею воспоминаніе о „капитанѣ“ омрачали наше хорошее настроеніе сегодняшняго утра.

Новые вожаки сложили у палатки свои несложныя вещи,—шубы, мѣшечки съ провизіей, ружье, да деревянныя баблажки для воды, которую они всегда везутъ съ собою. Наслаждаясь неожиданнымъ досугомъ, я ходилъ по окрестностямъ Хармали, изслѣдовалъ ключъ (который мнѣ хотѣлось расчистить, да не удалось, такъ какъ онъ течетъ изъ твердой скалы), собралъ растенія, росшія въ оврагѣ, и любовался просторомъ пустыни, прозрачностью и чистотою ея воздуха, чертилъ и записывалъ.

Такъ прошло утро; а нашихъ спутниковъ еще нѣтъ. Они собрались всѣ только около полудня и первый поспѣшный визитъ каждый приходившій дѣлалъ, конечно, ключу и принимался пить... Но общее горе заключалось въ томъ, что вода могла собираться только въ весьма небольшомъ резервуарчикѣ,—такомъ маленькомъ, что первые пришедшіе, верблюды и лошади, выпили все сразу, и затѣмъ,—затѣмъ надо было ждать, когда онъ наполнится вновь; наполненіе же совершалось очень медленно, потому что вода вытекаетъ изъ расщелины скалы не въ болѣешемъ количествѣ, чѣмъ изъ крана самовара...

Вотъ каковъ родникъ Хармали. А около него собралась теперь огромная толпа томимыхъ жаждою людей, лошадей и верблюдовъ; всѣ стремились къ водѣ, толкались, протискивались впередъ; всѣ спѣшили пить, пить жадно, много, не отрываясь, полными глотками. Доступъ же къ водѣ былъ только съ одной стороны; поэтому подойти за разъ могли много-много четыре, пять лошадей или верблюдовъ. Да напрасно и стремились они: воды не было въ резервуарѣ, не было даже и одного ведра, потому что она выпивалась или, вѣрнѣе сказать, высасывалась тотчасъ же.

Съ той минуты, какъ караванъ пришелъ на Хармали, во весь остальной день и во всю слѣдующую ночь отъ ключа не отхо-

дли животныя и люди: они только чередовались и смѣнялись; совсѣмъ же безъ посѣтителей ключъ не оставался ни на минуту, и мы, какъ стоявшіе со своей палаткой вблизи источника, были невольными свидѣтелями переносимыхъ животными мученій или борьбы за право стать ближе къ роднику; слушали это непрекращавшееся сосаніе почти пустаго дна резервуара и жалобные стоны обманутыхъ животныхъ. И видъ этихъ несчастныхъ крохотныхъ тварей со впалыми боками, съ глазами, горѣвшими предсмертнымъ огнемъ, нетерпѣливо ожидавшихъ минуты, въ которую удастся пропустить въ себя хоть глотокъ желанной влаги, измучилъ насъ... О, безмольные, безропотные труженики, работавшіе для всѣхъ, кромѣ себя, и больше всѣхъ!...

Нѣтъ, уйдемте лучше, — силъ нѣтъ смотрѣть... Не дай вамъ Богъ, читатель, никогда видѣть подобную сцену, если въ васъ есть хотя частичка того, что называется у „умныхъ“ людей „глупымъ сердцемъ“! А если вы способны чувствовать только собственные страданія, то вы можете даже весело смѣяться и играть, напримѣръ, съ обезьяной, какъ будто ничего по истинѣ ужаснаго на вашихъ глазахъ не совершается... Такъ уже смѣялся и беззаботно игралъ нашъ измучившій меня капитанъ.

Итакъ, вы видѣли, что для того, чтобъ напоить караванъ, нужны умъ, вниманіе къ животнымъ, какъ къ друзьямъ и помощникамъ, нужна распорядительность; и всего этого требуется вдвое больше, чтобъ напоить караванъ изъ подобнаго скуднаго источника, какъ Хармали. Распорядитель у насъ былъ одинъ, но его здѣсь не было, потому, конечно, что водопой животныхъ слишкомъ ничтожное дѣло. А такъ какъ другіе ничѣмъ распорядиться не могли, то неизбежнымъ слѣдствіемъ этого была безурядица и многія животныя и сегодня не получили воды, почти или совсѣмъ, что и не замедлило сказаться въ нѣсколькихъ новыхъ жертвахъ смерти отъ жажды! Таковы факты...

Когда лагерь расположился и, по крайней мѣрѣ, люди напились и отдохнули, мы послали казака къ начальнику объявить о наймѣ новыхъ вожаковъ, и съ понятнымъ читателю безпокойствомъ ожидали его возвращенія, ибо мы не могли знать, что намъ предстоитъ, въ какихъ еще пріятныхъ сценахъ слѣдуетъ готовиться. Но должно-быть Сосновскій на этотъ разъ понялъ больше обыкновеннаго, а возможность смерти и для него самого вмѣстѣ съ остальными измѣнила временно его образъ мыслей;

казаки принесли намъ, вмѣсто выговора и приказанія прогнать вожаковъ, даже благодарность!

Вотъ какія бываютъ неожиданности въ „учено-торговыхъ“ путешествіяхъ: вчера приглашеніе подчиненныхъ на совѣтъ, сегодня—благодарность. А тутъ и еще неожиданность: тотъ же казакъ сообщилъ, что сегодня и завтра мы простои́мъ здѣсь. Этого осмысленнаго распоряженія мы никакъ ожидать не могли, тѣмъ болѣе что эти дневки не особенно помогали намъ придти на двѣнадцатый день въ Зайсань. Все это доказывало, что Сосновскій сознавалъ большой недочетъ въ „лавлинскихъ перьяхъ“ своего начальническаго наряда и теперь всѣми силами старался возстановить свое достоинство и вернуть прежнюю обворожительность.

Мы стояли отъ него довольно далеко и уединенно, что доставляло намъ большое облегченіе и возможность покойнѣе заниматься. Весь остатокъ нынѣшняго дня однако прошелъ у насъ почти безплодно, почти исключительно за питьемъ, и это питье было замѣчательное: хотя мы еще вчера, казалось, утолили жажду огромнымъ количествомъ чаю, тѣмъ не менѣе сегодня мы пили гораздо больше. Я просто изумлялся количеству выпитой жидкости и боялся, чтобъ изъ этого не вышло чего-нибудь дурнаго; но кромѣ нѣкоторой слабости въ тѣлѣ и неохоты въ движенію никто ничего не чувствовалъ, и всѣ оставались совершенно здоровыми. Значитъ, мы только возстановили нормальное количество воды въ организмѣ; значитъ, пропорціональное количество ея требовалось и для нашихъ животныхъ, чтобы возстановить силы; а много ли ея они несчастные получили, читатель видѣлъ.

Да, не мало бѣдствій и страданій принесли мы сюда!... Вотъ и еще невольное горе, которое причинили мы теперь своимъ продолжительнымъ пребываніемъ у источника, — горе всѣмъ дикимъ животнымъ, приходившимъ и прилетавшимъ сюда утолять жажду. Млекопитающія, судя по слѣдамъ, также являвшіяся сюда пить, теперь, какъ болѣе осторожныя, не рѣшались показаться даже издали; а стаи степныхъ птицъ стали пролетать надъ нами все чаще и ближе, и мелкія птички, какъ болѣе доверчивыя, садились вблизи даже на землю, порхали въ упомянутомъ рѣѣ, въ который обыкновенно стекаетъ излишекъ воды, но такъ какъ теперь уже цѣлыя сутки въ излишекъ не оставалось буквально ни одной капли, то ровъ совершенно высохъ, и напрасно бѣдныя крошки стучали носиками въ сухую почву; подлетѣть же къ самому резервуару онѣ не рѣшались за немногими исключеніями:

этихъ жажда заставила оборотъ страхъ. И мнѣ удалось устроить для прилетавшихъ птицъ искусственный водопой на днѣ того же оврага, подалеже отъ людей, изъ наполненнаго водою ковша, который я вмазалъ въ землю и края обложилъ травой. Птицы прилетали и, напившись, исчезали...

И какъ мнѣ было жаль, что ничего подобнаго нельзя было устроить для лошадей и верблюдовъ. Сегодня еще два верблюда издохли; и китайцы-солдаты заготовляютъ себѣ провизію на дорогу изъ ихъ мяса. Остальные также заняты приготовлениями къ предстоящему пути: нашъ казакъ дѣлаетъ запасъ такъ-называемыхъ у киргизъ „баурсаковъ“, то-есть кусочковъ прѣснаго тѣста, нажаренныхъ въ бараньемъ жирѣ.

Приблизительно въ такихъ же занятіяхъ прошелъ и слѣдующій, точно лѣтній, день, по стоявшей превосходной погодѣ.

1 октября.

Сегодня покидаемъ здѣшнюю стоянку, чтобъ отправиться въ новый путь съ новыми вожаками.

Онѣ очень торопятъ выступать, а въ нашемъ транспортѣ идетъ еще размѣщеніе вещей, которыхъ теперь приходится больше наваливать на каждаго верблюда, распредѣляя на нихъ работу вывѣсившихъ (сегодня еще одинъ издохъ); и козяева верблюдовъ, сберегая каждый своихъ, ссорятся между собою за размѣщеніе клади.

Наконецъ тронулись и были поражены разницей въ новомъ направленіи противъ того, до какому насъ повели-было отъ Хармали прежніе вожаки,—мы пошли теперь почти на западъ. Небо съ утра было пасмурно, потомъ прояснилось и на немъ не осталось ни облачка; воздухъ былъ удушливо жарокъ. Пустыня имѣла весьма унылый видъ, и вся была окрашена какимъ-то розовато-краснымъ цвѣтомъ; на пути часто встрѣчались большія пространства глубокихъ песковъ, по которымъ растутъ корявые кусты и деревца саксаула, кипецъ и густые буро-желтые кусты особаго рода полыни. Это было море песковъ съ валами и долинами, и лошадямъ было очень тяжело переходить его; а съ телѣгой было ужасно много затрудненій: одинъ верблюдъ на спинѣ легче пронесъ бы двѣ такихъ телѣги; на колесахъ же, по песку ее тащить два верблюда и лошадь и выбиваются изъ силъ, безпрестанно отстаютъ и задерживаютъ всѣхъ. Еще разъ посоветовали Сосновскому бросить ее, но опять безуспѣшно.

Мы ѣхали, не останавливаясь, цѣлый день и пришли на колодезь Чо-нань-усу только ночью. Онъ помѣщается въ уютной котловинѣ между довольно высокими холмами и такъ скрытъ въ глубокомъ оврагѣ, заросшемъ тростникомъ, что издали его ни за что не найти. Вода въ немъ очень солонa и имѣетъ дурной запахъ, вслѣдствіе различныхъ органическихъ примѣсей.

Наступила ясная холодная и вѣтреная ночь, и когда собрались всѣ, оказалось, что телѣга осталась верстахъ въ пятнадцать назадъ (!). Слышимъ отдается распоряженіе, чтобъ „новые вожаки взяли трехъ „свѣжих“ верблюдовъ и тотчасъ отправлялись за ней“; причемъ свѣжими верблюдами назывались тѣ, съ которыхъ только-что сняли тяжести, лежавшія на ихъ спинахъ въ продолженіи двѣнадцати часовъ безостановочнаго хода!.. Вожакъ съ видимой неохотой усѣлся на верблюдовъ, обрадовавшихся-было, что съ нихъ сняли ношу и дали отдохнуть, и потащились назадъ! Меня просто морозомъ осыпало, когда я посмотрѣлъ имъ вслѣдъ, представляя себѣ ихъ положеніе, усталыхъ и голодныхъ... И на меня напалъ страхъ, какъ бы эти люди, вольные какъ птицы, ничѣмъ не связанные, кромѣ своего слова, отлично знающіе здѣшнія мѣста,—какъ бы они, взявъ трехъ верблюдовъ, не удрали на нихъ въ себѣ домой и не бросили насъ въ степи, чтобъ мы второй разъ не гоняли ихъ по цѣлымъ ночамъ. И эти опасенія всю ночь не давали мнѣ покоя.

2 октября.

Дебютъ для новыхъ вожаковъ былъ блестящій: они вернулись съ телѣгой только въ девятомъ часу утра! Тѣмъ не менѣе Сосновскимъ тотчасъ было отдано распоряженіе скорѣе выступать; но, слава Богу, туземцы опять не послушались и остались здѣсь, пока не выкормятъ верблюдовъ, со вчерашняго утра бывшихъ въ работѣ!.. Досталось и людямъ для перваго знакомства съ нами; за то они получили отъ ванитана по ситцевому платку грешеваго достоинства.

Теперь намъ опять предстоялъ, по словамъ новыхъ вожаковъ, двухдневный переходъ до слѣдующаго володца Чо-Кэ, и то, говорили они, нужно идти непременно полныхъ два дня, иначе животныя проведутъ двѣ ночи безъ воды; а это опасно.

Только слышимъ, Сосновскій держитъ совѣтъ съ Андреевскимъ и Боярскимъ относительно дальнѣйшаго движенія. Тѣ выражаютъ совершенно основательное мнѣніе, что такъ какъ сегодня мы

уже потеряли много времени, то ужь лучше остаться здѣсь переночевать, а завтра какъ можно раньше выступить, чѣмъ отойти сегодня какихъ-нибудь десять ли, ночевать безъ воды и завтра проводить вторую ночь на безводной степи.

— Какъ десять ли!... возражаетъ имъ Сосновскій. Каждый шагъ впередъ уже составляетъ расчетъ!

И намъ пришли сказать, что черезъ два часа приказано выступать... Опять повѣяло на всѣхъ новой бѣдой; и опять люди только возносятъ молитвы къ небу.

Когда всѣ уже собрались въ дорогу, къ лагерю прискакалъ во весь опоръ неизвѣстно откуда неизвѣстный всадникъ монголь. Лошадь его еще не успѣла остановиться, какъ ужь онъ соскочилъ делой, бросивъ ее среди открытаго мѣста; а самъ скорымъ шагомъ пошелъ къ ближайшей кучкѣ людей и очень оживленно заговорилъ съ ними. Черезъ минуту всѣ узнали, что это былъ гонецъ, котораго послали изъ Гу-Чэна въ Зайсанскій Постъ съ письмомъ *). Онъ его доставилъ и теперь, веселый и довольный, прискакалъ въ ожиданіи награды за скоро и хорошо исполненное порученіе.

Этотъ человѣкъ получилъ для насъ особенное значеніе: онъ пріѣхалъ изъ родной земли, онъ видѣлъ русскихъ, говорилъ съ ними, привезъ отъ нихъ живую вѣсть. Я смотрѣлъ на него съ совершенно особеннымъ, еще не испытаннымъ мною, чувствомъ — съ одной стороны — какой-то совершенно особенной симпатіи, а съ другой, такъ-сказать, почтительнаго удивленія. Въ самомъ дѣлѣ, что за вольныя птицы эти монголы! Садится на лошадь и точно на крыльяхъ пускается черезъ пустыню; и отправляется въ этотъ долгій и опасный путь, какъ на короткую прогулку. Посмотрите вотъ на этого, что приметѣлъ сейчасъ изъ Зайсана. На его лошади, которая стоитъ, разставивъ отъ усталости ноги и опустивъ голову, и часто и тяжело дышетъ, — только одно сѣдло; на немъ самое обыкновенный монгольскій востюкъ; и ни припасу, ни запасу не видно нигдѣ; — хоть бы шѣпечекъ съ хлѣбомъ, бутылка съ водой, — ничего нѣтъ. Онъ, какъ человѣкъ, конечно, ѣсть и пить, но онъ ѣсть и пить, гдѣ придется; онъ можетъ терпѣть долго и голодъ, и жажду, подобно его собрату по степямъ — верблюду, такъ долго, какъ другіе люди не выдержатъ.

*) Въ Гу-Чэнѣ мнѣ этотъ фактъ не былъ извѣстенъ.

Вѣроятно, теперь онъ былъ очень голоденъ и хотѣлъ пить и мечталъ объ ожидавшемъ его угощеніи за услугу, ждалъ чаю и кушанья. Но бѣднягѣ пришлось жестоко разочароваться: его ожидало не привѣтливое русское хлѣбосолюство, а совсѣмъ другое угощеніе.

Присѣкавшаго гостя потребовали въ палатку къ „начальнику“, и гонецъ, съ сіяющимъ отъ удовольствія добродушнымъ лицомъ, отправился, сдѣлавъ реверансъ и по монгольскому обычаю присѣлъ на корточкы.

Сосновскій встрѣчаетъ его слѣдующими словами, которыя переводчикъ и передалъ ему:

— Какъ же ты смѣлъ рассказывать о дорогѣ такіа нелѣпости, какія ты мнѣ сообщили?

Бѣдный монголъ совершенно растерялся отъ неожиданности подобнаго приѣма и оттого, что не могъ сообразить, въ чемъ заключаются сообщенныя имъ нелѣпости. Мы тоже еще ничего не понимаемъ. Оказывается, что во всѣхъ нашихъ несчастіяхъ, перенесенныхъ по выступленіи изъ Гу-Чэна, былъ виноватъ только онъ одинъ, этотъ самый монголъ. А мы и не знали... Его обвиняли въ томъ, что онъ все нагаль про дорогу,—названія, разстоянія; далъ ложныя свѣдѣнія о водѣ и кормахъ... Его теперь тысячу разъ спрашивали: какъ онъ смѣлъ такъ наврать?! Ему грозили наказаніемъ, упрекали въ потерѣ времени и понесенныхъ нами страданіяхъ и на него сваливали отвѣтственность за тѣ опасности, какимъ мы подвергались безъ всякой необходимости и бесполезно. Его поучали, что „такими вещами не шутятъ, что въ такихъ серьезныхъ случаяхъ шутить нельзя“; его старались увѣрить, что мы бы теперь были уже въ Булунь-Тохоѣ, что у насъ было рѣшено идти по кобинско-булунь-тохойскому тракту, а онъ тутъ явился и увѣрилъ, что можно пройти короткой дорогой...

Цѣлый градъ обвиненій и обидныхъ словъ сыпался въ лицо бѣдному монголу, который, казалось, совсѣмъ лишился разсудка: ему даже „угрожали“ физически (капитанъ любилъ пользоваться въ нужныхъ случаяхъ нижними конечностями); и эта попытка продолжалась около часа (!) Монголъ пробовалъ что-то говорить въ свое оправданіе; но его не хотѣли и слушать. Наконецъ ему удалось таки высказать свои оправданія. Онъ сказалъ, что не самъ навязывалъ намъ ближайшую дорогу, а его отыскали, привели и стали спрашивать о ней. То, что онъ про нее зналъ, и

какъ зналъ, онъ разсказалъ и не солгалъ ни одного слова; онъ сказалъ, что можно проѣхать въ Зайсанъ скоро, и доказалъ это дѣломъ, приѣхавъ теперь оттуда.

Тѣмъ не менѣе его выгнали вонъ изъ палатки, призвали китайскаго офицера и сдали „преступника“ ему на руки, прибавивъ, что „о его поступкахъ будетъ написана куда слѣдуетъ; бумага; а офицера Бао просили замѣтить получше „рожу“ монгола, записать его имя и въ „районѣ чьего вѣдѣнія онъ находится.“

Всѣ слышали этотъ разговоръ, потому что его и нельзя было не слышать; всѣ отлично понимали, что монголъ ни сколько не виновать въ нашихъ несчастіяхъ, и всѣмъ было безконечно жаль бѣднягу, который остался въ нашемъ лагерѣ, походилъ походилъ отъ одного человѣка къ другому, отъ костра къ костру; никто не смѣлъ пригласить его, какъ опальнаго, и угостить чѣмъ-нибудь. Почему же не смѣли? удивится возмущенный читатель. А потому, что это привело бы къ повторенію уже знакомыхъ намъ въ высшей степени возмутительныхъ и совершенно бесполезныхъ сценъ *).

Такъ онъ и уѣхалъ... Одинъ... Куда?.. Богъ его знаетъ... И меня охватило ужасомъ, когда я представилъ себѣ его одного, посреди громаднаго пространства, гдѣ онъ не встрѣтитъ ни одной взбушки, не найдетъ пищи, и даже не каждый день встрѣтитъ и воду...

Опять таковъ фактъ, а смыслъ и значеніе его, надѣюсь, понятны читателю: Сосновскому надо было снять съ себя отвѣтственность за тѣ бѣды, въ которыхъ онъ былъ кругомъ виновать самъ и только онъ одинъ; надо было взвалить ее на кого-нибудь другаго, оправдаться въ глазахъ „что-то тамъ пишущихъ“ Пясецкаго и Матусовскаго,—вотъ и все.

Прошли два часа, послѣ которыхъ мы должны выступить; прошли еще три часа, и солнце ужъ далеко перевалило за полдень... Ночевать бы ужъ тутъ,—самое благоразумное; нѣтъ, „начальникъ“ непремѣнно хочетъ выступить сегодня вечеромъ. Вожакъ соглашается перейти сегодня на другой, сосѣдній колодезь, И-чэ, находящійся всего верстахъ въ пяти отъ мѣста нашей стоянки, и тамъ заночевать. Но это найдено знатокомъ

*) Образецъ одной изъ такихъ читателей найдеть въ моей книгѣ „Неудачная экспедиція въ Китай“, стр. 83.

степи „совсѣмъ уже не практичнымъ“, и отдано слѣдующее поразительное распоряженіе:

Сегодня отправиться въ путь, отойти версть десять или пятнадцать и остановиться ночевать; потомъ послать за водой верблюдовъ, которые тутъ же и сами напьются, а также стонать туда и всѣхъ лошадей, чтобъ напоить; а мы подождемъ ихъ, и какъ только они придутъ, такъ сейчасъ же тронемся въ путь, въслѣдствіе чего у насъ является въ вымыслихъ полсутокъ.

Фотографъ, какъ единственный человѣкъ, имѣвшій право возражать Сосновскому и теперь даже очень горячо спорить съ нимъ, возражалъ и спорилъ, доказывая, что никакъ мы этимъ способомъ полусутокъ не выиграемъ, потому что завтра потеряемъ гораздо больше, и такъ далѣе. Остальные молчали и ждали, чѣмъ кончится споръ двухъ руководителей учено-торговой экспедиціи.

Приблизительно черезъ часъ по окончаніи этого спора караванъ выступилъ въ безпримѣрный въ своемъ родѣ походъ,—отъ колодца прочь, для того, чтобъ ночевать на безводномъ мѣстѣ и оттуда гонять своихъ верблюдовъ и лошадей на водопой.

Прошли версть пять, потомъ еще столько же, и второй колодезь остался уже далеко за нами. Скоро наступила великолѣпнѣйшая свѣтлая ночь. Отдохнувшія животныя шли бодро, но они не знали, бѣдныя, что каждый сегодняшній шагъ впередъ они должны будутъ повторить еще два раза, назадъ и опять впередъ!.. Идемъ невеселые и, читатель самъ догадывается,—всѣ сердитые.

Наконецъ остановились,—остановились какъ-то всѣ сами по себѣ, потому что мудраго распорядителя при караванѣ не было: онъ теперь усиленно охотился, нуждаясь въ провизіи, и гдѣ-то отсталъ. Поставили палатки, зажгли огромные костры изъ растущей здѣсь сухой травы; и гладкая серебристая степь подъ темно-голубымъ сводомъ неба, мерцавшимъ звѣздами, вся залитая яркимъ луннымъ свѣтомъ, показалась мнѣ сегодня похожею на громадную большую залу, а эти яркіе костры и открытыя, освѣщенныя внутри свѣчами, палатки придавали обстановкѣ необыкновенно праздничный, почти фантастическій видъ.

Но, какъ свѣтло и празднично было внѣ насъ, такъ мрачно и невесело было у всѣхъ на сердцѣ, ибо всѣ чувствовали, что возможность бѣды далеко не прошла, и что она кончится не раньше, какъ только съ приходомъ на родину... Слава Богу, заснули,—значитъ потеряли сознание.

3 октября.

Животных, которых вчера ночью гоняли-таки на водоной, пришли обратно на разсвѣтъ. И при видѣ ихъ невольно вспомнилась старая басня объ одномъ остроумномъ хозяинѣ, который, увидавъ на крышѣ траву, приказалъ втащить туда на веревкахъ своего вола, чтобъ онъ эту траву съѣлъ...

Заговоривъ о кормленіи, скажу хоть и не особенно кстати, что намъ скоро нечего будетъ ѣсть, а въ партіи Сосновскаго онъ самъ и спутники его ужъ давно голодаютъ... и хорошо еще, что двухъ китайскихъ барановъ взяли.

Какъ читатель помнитъ, запасы приказано было рассчитывать на девять дней; мы съ товарищемъ считали на восемнадцать; но вотъ скоро конецъ и этому двойному сроку: надо значить добывать „дичь“, а то просто хоть одной мукой питайся. Спасибо еще добрымъ, заботившимся о насъ гу-чэнскимъ мандаринамъ, что они велѣли (даже безъ нашего вѣдома) отпустить съ нами два мѣшка муки, о которыхъ мы уже въ дорогѣ узнали; а то бы всѣ теперь даже безъ хлѣба были!.. Теперь мы приготовляли его каждый день на ночлегахъ.

Итакъ надо добывать дичь. Но судьба любить иногда подтрунить надъ человѣкомъ: когда китайцы сами заботились о нашемъ продовольствіи, я убивалъ кой-что, а сегодня видѣлъ пять штукъ сайгаковъ, стрѣлялъ по нимъ, но отъ излишняго желанія добыть себѣ пища мнѣ не удалось убить ни одного изъ нихъ... Но ѣдьте; бросимъ, пока охоту,—еще крайности нѣтъ: запасная вяленая баранина пока держится, и мы расходуемъ ее очень бережливо.

Такія же скучныя, утомительныя и тоскливыя мѣста проѣзаемъ и сегодня,—холмы да ложбины, подъемы да спуски; и все песокъ, песокъ кругомъ, куда ни взглянешь,—одноцвѣтный, сыпучій, безотрадный песокъ, украшенный струйками какъ будто водной зыби и испещренный слѣдами барановъ, сусликовъ и лисицъ.

Вотъ и живую лисицу увидали, поднявшись на гребень одного холма. Она рысцой бѣжала ввизу по равнинѣ, и Балъчака, ѣхавшій со мною рядомъ, тронулъ меня молча, молча указалъ на мое ружье и жестомъ пригласилъ стрѣлять. Черезъ секунду я ужъ стою на землѣ и выжидаю момента,—не остановится ли лисица: нѣтъ. все бѣжитъ и насъ не замѣчаетъ. Прицѣлился и

слѣжу концомъ ствола за звѣремъ. Бальчжакъ чмокнулъ губами, какъ мы клычемъ собакъ, и лица въ ту же секунду взглянула на насъ и остановилась. Раздался выстрѣлъ; на мѣстѣ, гдѣ она стояла, поднялась только пыль; а она сама, какъ пущенная съ тетивы стрѣла, вытанувшись въ одну линію, понеслась... „умирать“, какъ обыкновенно говорятъ опытные охотники, подтрунивая надъ плохими стрѣлками... А меня только досада разбирала...

Тащимся дальше; я иду пѣшкомъ, въ надеждѣ набрести на другаго звѣря (теперь главнымъ образомъ стѣдобнаго нужно), но мы больше никого не встрѣтили, вѣроятно потому, что теперь все болѣе и болѣе удалялись отъ воды:—мы, вѣдь, какъ помните, ночуемъ сегодня на сухой степи съ запасной водой...

Вотъ настала и ночь, хотя лунная, но свѣтъ мѣсяца былъ не яркій, какъ вчера, а тусклый отъ протянувшихся по всему небу облаковъ, предвѣщавшихъ ненастье и вѣтеръ и наводившихъ на невеселыя мысли о приближающейся осени. Долго еще шли мы ночью, пока не остановились въ безводномъ мѣстѣ, называемомъ Могилой Уланъ-Хошунъ *).

Сосновскій здѣсь почему-то самъ собственноручно раздавалъ воду, чуть не на вѣсъ, понятно; но что это была за вода! Соленая, грязная и съ противнымъ запахомъ, отъ разныхъ, по преимуществу органическихъ примѣсей!..

Только-что было стали засыпать, какъ поднялась буря и бушевала цѣлую ночь; слава Богу еще, что безъ сильнаго дождя. Нѣсколько разъ выходилъ я изъ своего непрочнаго убѣжища, все укрѣпляя его вырывавшіяся пблы и наваливая на нихъ разные тюки и ящики; а вѣтеръ буквально валилъ съ ногъ. Почти всю ночь такъ и не удалось заснуть, и я даже позавидовалъ китайцамъ и монголамъ, которые отлично примостились между лежащими верблюдами: и тепло имъ между ними, и отъ вѣтра защита, гораздо болѣе надежная, чѣмъ палатка.

4 октября.

Идемъ, и теперь уже безъ страха, что не найдемъ колодца: новыя вожаки, какъ сейчасъ видно, отлично знаютъ мѣстность и ведутъ прямо, безъ отхожденій въ сторону.

*) Почти всѣ встрѣчающіяся въ книгѣ монгольскія слова (большую часть въ собственныхъ именахъ) имѣютъ удареніе на послѣднемъ слогѣ.

День ясный, но холодный. Я прошелъ пѣшкомъ верстъ пятнадцать въ надеждѣ добыть дичи; но сайгаки, словно подслушавъ мое невыгодное о нихъ мнѣніе насчетъ ихъ глупой доврчивости, теперь не подпускаютъ и на выстрѣлъ; а у насъ мяса всего на два раза и то въ самыхъ малѣйшихъ размѣрахъ, такъ что теперь главная забота не объ утоленіи жажды, а о хлѣбѣ насущномъ.

Да, серебромъ солдата не накормишь, вспоминаешь изреченіе генерала Цзо... А вѣдь какъ позорно будетъ умереть съ голоду, сидя на серебряныхъ ящикахъ... Нѣтъ-нѣтъ да и вспомнишь про нихъ; вѣдь цѣлыхъ шесть радомъ ѣдутъ, а мы почти безъ пищи,—какъ не вспомнить.

Дорога скучна, утомительна; время тянется невыносимо долго, и когда представляешь себѣ, что предстоитъ ѣхать еще дней десять при такихъ же условіяхъ, то просто отчаяніе нападаетъ,—такъ страстно хочется скорѣе очутиться въ Россіи... Какъ огонекъ въ степи, въ ночное время, покажется издали усталому путнику, обрадуетъ и потомъ томить, томить его, какъ бы издѣваясь, и все уходя отъ него въ даль, пока наконецъ онъ не доберется до него: такъ и Россія манила насъ къ себѣ, но словно кладъ не давалась въ руки... Вѣдь сегодня надѣялись ужъ пріѣхать въ Зайсань, быть дома... А гдѣ онъ еще, этотъ домъ! Кажется, еще безконечно далеко до него! Больше же всего надоѣло и измучило тѣло и душу это безучастное ко всему міру движеніе, зачастую по двѣнадцати часовъ въ сутки, не сходя съ лошади, безъ всякаго дѣла,—безъ того дѣла, котораго такъ просила душа...

Смотрю вотъ на ламу Содмуна (онъ и Ба-Гэ, конечно, съ нами идутъ, но куда, на долго ли—Господь ихъ знаетъ),—такъ смотрю на Содмуна, какъ онъ припадаетъ ртомъ къ глинистой почвѣ, къ углубленнымъ лошадинымъ слѣдамъ, въ которыхъ собралась дождевая вода, и выпиваетъ изъ cadaго по глотку... Вотъ такъ же присказательно говоря и мы въ описанномъ путешествіи собирали на ходу кой-какія свѣдѣнія о Китаѣ; а отъ богатыхъ водою колодцевъ добровольно уходили прочь... Все будто бы надо было спѣшить, будто бы для общегосударственныхъ заданий.

До колодца сегодня добрались уже поздно ночью...

Какъ это легко читается: „добрались уже поздно ночью“... А какъ это тяжело добираться на самомъ дѣлѣ... и намъ, и осо-

бежно тѣмъ, кто насъ везеть, да еще часто же пьеть по двое сутокъ!..

Здѣшній колодезь называется Чэ-Кэ и лежитъ въ оврагѣ между гольми каменистыхъ холмовъ.

5 октября.

Осень, осень идетъ! Птицы таятъ на югъ, и сегодня надъ нами пролетѣло много стаи пустынныхъ, все въ одномъ направленіи; а изъ другихъ живыхъ существъ видѣли за весь нынѣшній день только табуны кулановъ, головъ въ пятьдесятъ.

Мѣстность сегодня представляла нѣсколько больше разнообразія: встрѣчались холмы и овраги, промытые потоками дождевой воды; нѣтъ смѣняли обширные солончаки, представляющіе красновато-глинистый вочкарникъ, интересный тѣмъ, что всѣ кочки съ замѣчательной правильностью одѣты съ сѣверо-западной стороны зеленымъ корявымъ кустарникомъ; а когда смотришь на нихъ со стороны противоположной, онѣ кажутся голыми песчаными буграми, только оваймленными зеленью, какъ рамкой. (Подобное странное на видъ распредѣленіе растительности обуславливается, конечно, преобладающими здѣсь вѣтрами.)

Бѣлая, какъ снѣгъ, соль выступаетъ мѣстами на поверхности земли и образуетъ на ней мелко-кристаллическую корку. Солонцовая глина рыхла, сыпуча и легко подается подъ копытами лошадей, которыя тонуть въ ней, въ сухую погоду, какъ въ песокъ; но горе здѣсь путнику въ сырое время, когда пропитанная солью почва вберетъ въ себя влагу, наприжѣръ послѣ дождей. Такія мѣста дѣлаются вязкими и топыми до непроходимости. Мѣстами такія топи никогда не просыхаютъ, и мы встрѣтили сегодня подобную равнину, которую надо было переехать: но мы принуждены были объѣзжать ее, изъ опасенія увязнуть. Она представляетъ или голую красноватую почву, или покрытую бѣлыми налетомъ соли, и послѣднія мѣста до обмана зрѣнія похожи издали на ярко освѣщенныя солнцемъ озера. Въ другихъ мѣстахъ она густо заросла тростникомъ.

По другую сторону упомянутой равнины передъ нами поднималась длинная возвышенность (около 500 футовъ надъ равниной) въ видѣ бѣлаго известковаго уступа съ прослойками зеленоватсѣраго песку; а въ сбѣгающихъ по этому уступу вертикальныхъ ложбинахъ растетъ густой кустарникъ саксаула. Достигнувъ названнаго возвышенія и пробѣжавъ съ версту вдоль его подошвы,

мы стали подниматься въ гору по отлогимъ песчанымъ холмамъ, усѣяннымъ давно ужъ не видѣнными камнями (булыжникъ), и, поднявшись на первый уступъ, очутились возлѣ колодца Суулгу, который представляетъ нѣчто въ родѣ искусственнаго четырехугольнаго водоема, и не вдалекѣ отъ него растеть единственное дерево (джигда); и этому дереву также обрадовались, какъ давно невиданному предмету. Вода здѣсь порядочная, такъ что чай можно было пить безъ отвращенія,—а это ужъ большая роскошь.

По разнымъ остаткамъ около колодца, видимъ, что идемъ по слѣдамъ каравана, который былъ здѣсь дня за два передъ нами.

6 октября.

Всѣ встали еще до восхода солнца и стали поспѣшно собираться въ дорогу, потому что, говорятъ вожаки, разстоянiе до новаго колодца опять очень большое... Да, эта пустыня гораздо похуже Гоби! Тамъ на нашемъ пути не было ни одного двухдневнаго перехода отъ воды до воды, а напротивъ, не разъ встрѣчалось по два колодца въ день; тамъ попадались оазисы, а здѣсь—ни одного. Очень мрачна и непривѣтлива тутъ земля!..

Пока шли сборы къ отправленiю, я отошелъ въ сторону и остановился на возвышенномъ мѣстѣ. Стою и смотрю на обширное открывавшееся передо мною пространство. Еще очень рано: только-что загорается красноватымъ свѣтомъ заря на востокѣ, а въ западной части еще стоитъ густой холодный мракъ, и по всему небу протянулись разорванныя тучи; бесплодная земля, съ ея бѣлесоватыми буграми на первомъ планѣ, съ солонцами и песчаными пространствами, ушедшими въ синеватый сумракъ дали, — эта земля, въ этотъ раннiй утреннiй часъ, глядитъ гораздо мрачнѣе, чѣмъ при свѣтѣ дня... И эти почти дѣвственныя страны перенесли мои мысли къ давно минувшимъ эпохамъ нашей планеты, когда и на мѣстахъ нынѣшнихъ цивилизованныхъ многолюдныхъ государствъ были такія же дикія пустынные пространства; а въ этой зарѣ дня мнѣ чудилась заря человечества, еще не имѣвшаго благоустроенныхъ общинъ и обитавшаго въ дикомъ состоянiи среди подобной невоздѣланной земли... Зрѣлище передъ моими глазами было тоскливое, но величественное!..

Наконецъ кончились сборы. Поднялись на слѣдующiе песчаные холмы и потянулись по нагорной равнинѣ, однообразной и скучной. Но вотъ, пройдя верстъ десять, мы увидали на далекомъ

горизонтъ голубья зубчатая вершина горнаго хребта, на которомъ можно было различить снѣговья пятна... Русскія горы!... Другихъ тутъ быть не можетъ... Россія! И сердце ожило, какъ будто теперь только начало биться, и наполнилось чувствомъ неизъяснимой радости.

День стоялъ пасмурный; съ утра накрапывалъ дождь, но пересталъ; а тамъ, надъ родными горами, сгустились темносинія тучи и скоро совсѣмъ закрыли ихъ отъ нашихъ глазъ. На встрѣчу потянулъ рѣзкій свѣжій вѣтеръ, потомъ сильнѣе, напряженнѣе, и скоро превратился чуть не въ ураганъ.

Несмотря на теплое платье, онъ пронизывалъ насъ сквозь, и мы принуждены были идти пѣшкомъ, чтобъ сколько-нибудь согрѣвать себя; съ особеннымъ же страхомъ посматривалъ я на нашихъ китайцевъ, которые ѣхали съ нами съ дальняго юга (изъ города Хань-Чжунъ-Фу), гдѣ почти никогда не бываетъ морозовъ. Какъ южане, они наиболѣе чувствительны къ холоду, и они же, какъ южане, не имѣли въ запасѣ достаточно теплаго платья; а изъ своего мы почти ничего не могли удѣлать имъ. У Танъ-Ло-ѣ была только ватная курма, Ма былъ одѣтъ еще хуже, но закутался въ кошму (войлокъ); а „Сквозной“ былъ совсѣмъ сквозной и по своему одѣянiю. Я далъ ему шерстяную куртку и кожаный плащъ, которымъ онъ могъ хоть защищаться отъ рѣзкаго вѣтра. Обезьяна моя, я думалъ, не перенесетъ холода и замерзнетъ, тѣмъ болѣе, что глупое животное само не умѣетъ себя устроить и ни за что не хочетъ слушаться тѣхъ, кто умнѣе ея и кто желаетъ ей добра. (То же и у людей бываетъ, особенно похожихъ на обезьянъ.) Но ея своенравіе происходило по крайней мѣрѣ отъ излишней любознательности: Ма взялъ ее къ себѣ и спряталъ подъ кошму; а ей безпрестанно нужно вылѣзать, чтобъ видѣть, что происходитъ въ природѣ и нашемъ караванѣ!..

Медленно подвигались мы противъ вѣтра, борясь съ нимъ, какъ будто съ противнымъ теченіемъ волнъ, и его порывы были иногда такъ сильны, что буквально толкали въ сторону лошадей. Положеніе наше становилось тягостнымъ; но это было только началомъ того, что ожидало насъ сегодня. Вскорѣ пошелъ снѣгъ, сначала рѣденькій, потомъ сильнѣе, гуще,—и повалилъ такими хлопьями, что защищаться отъ него нечего было и думать. Такъ какъ мороза не было, то онъ, падая на землю, таялъ и мало-помалу размягчилъ глинистую почву, по которой лошади начали скользить. Облѣпляя насъ съ одной стороны, онъ тоже превращался

въ воду и промачивалъ платье, перчатки, сапоги и сѣдла; и не болѣе какъ черезъ часъ мы стали чувствовать, что вода проби-лась до тѣла, руки и ноги коченѣли отъ холода: надо было идти пѣшкомъ, чтобъ согрѣваться; а идти стало теперь почти невоз-можно, потому что вязкая глина прилипла къ сапогамъ, и они на двадцати шагахъ становились такъ тяжелы, что поднимать и переставлять ноги было уже тяжелой работой; мокрое платье также отяжелѣло и тянуло плечи; пледъ, которымъ я покрылся съ головой, сталъ такъ тяжелъ, что давилъ меня, какъ какой металлическій колпакъ. Идти не въ силахъ, а сидя на лошади, не можешь вынести холода; и защиты отъ него—никакой...

Только встрѣтивъ небольшой оврагъ, мы могли укрыться въ немъ на нѣсколько минутъ отъ вѣтра и снѣга. А въ довершеніе бѣдствія всѣ начинали чувствовать голодь, потому что ѣли те-перь всего одинъ разъ въ сутки и то плохо. Хотя у насъ еще были въ запасѣ баурсаки, но мы не смѣли ѣсть столько, сколько хотѣлось, потому что до вѣроятныхъ, а не вѣрныхъ поселковъ кочевниковъ-тургутовъ намъ нужно было идти, какъ говорилъ Балъджакъ, еще два дня. Сегодня у насъ кончился запасъ мяса, и теперь исключительной пищей оставалась одна мука; и еслибы китайцы ея не дали, мы были бы и безъ хлѣба: пришлось бы убить верблюда или лошадь, для поддержанія жизни людей; а лишнихъ животныхъ у насъ вовсе не было.

Цѣлый день шли равниной, поросшей савсауломъ, и цѣлый день свирѣпствовала буря, гуда въ низкоросломъ кустарникѣ, какъ въ дремучемъ лѣсу; цѣлый день валилъ снѣгъ и покрылъ всю землю сплошнымъ бѣлымъ ковромъ... Вотъ какой вдругъ переходъ! Тре-тьяго дня былъ совершенно лѣтній день, по крайней мѣрѣ ка-зался такимъ при не совсемъ лѣтнемъ платьѣ, а сегодня—полная картина зимы. Термометръ показывалъ четыре градуса тепла, но по ощущенію—мы бы сказали по крайней мѣрѣ десять мороза.

Наконецъ, этотъ мучительный день клонился къ вечеру; сѣрое небо потемнѣло; вѣтеръ нѣсколько стихъ; но снѣгъ не переста-валъ валить. Надвигались сумерки, а до колодца (Зэгдэтэ), судя по вчерашнимъ словамъ вожаковъ, еще далеко; точно же узвать не можемъ, потому что теперь при вараванѣ не было ни того, ни другаго, потому что одного еще вчера нашъ „противникъ вся-кихъ запасовъ“ послалъ за бараниной, а сегодня командировалъ другаго, рознакивать и торопить верваго посланца.

И такъ, идемъ одни, куда,—никто не знаетъ, а ночи нужно ожидать темной и ненастной... Наконецъ, благодаря дипломатическимъ способностямъ казака Степанова, мы остановились, когда только-что стемнѣло. Это неожиданное избавленіе отъ висѣвшихъ надъ нами возможныхъ страданій, съ какими, читатель, вы теперь хорошо знакомы, мгновенно оживило насъ, придало бодрости и, какъ показалось, даже согрѣло.

Тотчасъ всѣ принялись за дѣло; живо развьючили верблюдовъ, начали доставать вещи, палатки, постели, кухню. Я взялъ на себя обязанность добывателя воды и началъ собирать снѣгъ, толстымъ слоемъ лежавшій на всѣхъ нашихъ вещахъ, навьюченныхъ на верблюдовъ, а также, вспомнивъ дѣтскую забаву, сталъ скатывать липкій снѣгъ въ шары, двигая ихъ по землѣ; и черезъ полчаса прикатилъ къ своей палаткѣ четыре огромныхъ шара; другіе въ это время разметали и расчищали отъ снѣга мѣста для палатокъ; Ма-Ло-ѣ мѣсилъ тѣсто, по обыкновенію, на внутренней сторонѣ крыши кухоннаго ящика; „Сквозной“ и Матушевскій собирали дрова для костровъ, которые едва удалось развести, потому что облыженный снѣгомъ и отсырѣвшій кустарникъ не горѣлъ да и только... Бились-бились, дули-дули, наконецъ-то показался огонекъ;—и никогда, я думаю, не беремъ никакого священнаго огня съ большей заботой и нѣжностью, чѣмъ теперь мы этотъ первый огонь. Къ намъ тотчасъ пришли за нимъ другіе, зажигать себѣ костры, и они, наконецъ, запылали; надъ ними повѣсили чайники и котелки; послѣдніе набивали снѣгомъ, огромнѣйшіе куски котораго давали самое ничтожное количество воды,—хотя и дистиллированной, но о чистотѣ ея не спрашивайте; да и не до нея было:—горячее нужно, а не чистое. Не чище готовилось и тѣсто, куски котораго зарывались въ горячую золу костровъ; и мы дождаться не могли, когда ихъ оттуда вынуть, чтобы скорѣе... не ѣсть, а ужъ жрать,—такой одолѣвалъ всѣхъ голодь.

И что за благодѣтель этотъ послѣдній: беру сѣрый, какъ сама зола, кусокъ печенаго клейстеру, наслаждаюсь, наконецъ—ѣмъ, и не припомню, чтобъ когда-нибудь въ жизни я ѣдалъ что-либо болѣе вкусное, чѣмъ эти лепешки. Повѣрьте, читатель, что я говорю совершенно серьезно и сущую правду; въ моихъ словахъ нѣтъ и тѣни ироніи или какой-нибудь гримасы. До нихъ ли тутъ!

— Когда же супъ?! Да ну, давайте же скорѣе супъ, да чай,—вотъ что каждому занимало, о чемъ каждый мечталъ и просилъ.

Да, мы переживали канунъ того голода, за которымъ начинаются муки, заставляющія человѣка ѣсть все, что можно разжевать и проглотить... Вотъ, наконецъ, этотъ супъ изъ сейчасъ приготовленной лапши и счетомъ послѣднихъ десяти кусочковъ гдѣ-то заваливавшегося бараньяго мяса, принесенъ въ палатку; сняли крышку и облака пріятно пахнущаго пара наполнили внутренность ея до такой степени, что пламя свѣчи едва видно, точно въ банѣ.

Чѣмъ утолили сегодня голодь другіе, точно не знаю,—не до другихъ было,—знаю только, что у китайцевъ и монголь, кромѣ муки, былъ запасъ верблюжьяго мяса изъ подохшихъ животныхъ. Я попробовалъ его; но оно показалось мнѣ противно просто вкусомъ и особеннымъ запахомъ, помимо предубѣжденія...

Наконецъ, всѣ сыты, всѣ обогрѣлись, всѣ хотя немного обсушились у огня; но, къ сожалѣнію, не всѣ могутъ помѣститься въ палаткахъ; не всѣмъ возможно снять съ себя сырыя одежды и замѣнить ихъ сухими... И только это одно мѣшало мнѣ испытывать полное счастье, когда я легъ въ сухую, хотя и холодную, засоренную пылью и пескомъ постель, и согрѣлся въ ней...

Вотъ вамъ и поэзія степнаго кочевья, и вѣрьте мнѣ,—поэзіи въ этой жизни очень много; только бы не было сосѣдей, подобныхъ тѣмъ, голоса которыхъ доносились до насъ и долго не давали намъ спать раздававшемуся тамъ визгливою бранью... Угадали читатель, кто эти сосѣди, на половину отравлявшіе существованіе? Или—нѣтъ, не угадываете? Но навѣрно не догадаетесь о томъ, что сегодня фотографъ разбранилъ начальника экспедиціи, что называется, на чемъ свѣтъ стоитъ... А съ сосѣдями-друзьями какое теперь было бы веселье!...

7 октября.

Небо сумрачно; въ воздухѣ холодно, но тихо; степь покрыта снѣгомъ, изъ-подъ котораго торчатъ сѣрыя и желтыя травы и кустарники, отчего она въ общемъ представляется свѣтлымъ, пестрымъ ковромъ... Проснулись люди и грѣются или сушатся около дымящихся костровъ, пекутъ въ золѣ лепешки; бѣдная обезьянка согнулась въ три погибели и лѣзетъ къ костру чуть не въ самые уголья; а надѣли платье, сшитое для нея въ Гу-Чэнѣ, —такъ не вынесла и пяти минутъ, все сейчасъ изорвала и сбросила...

Отправляться сегодня не спѣшимъ, потому, какъ объясняютъ казаки, получившіе стороною свѣдѣнія, что сегодня намѣрены дойти только до ближайшихъ „волоостей“, хотя еще не знали навѣрно, есть ли теперь тутъ кочевья или нѣтъ. Наконецъ отправились,—безъ вожаковъ, потому что ни одинъ изъ нихъ вчера не вернулся, а принадлежащіе Бальчаку тулупъ и „ворчжуны“ *) съ хлѣбомъ были у насъ; значить незавидную ночь провелъ бѣдный Бальчакаъ. Выѣхавъ къ намъ навстрѣчу, онъ тотчасъ попросилъ ѣсть; но не пожаловался ни миной, ни однимъ словомъ, что ему было тяжело ночью;—ни одного слова упрека не сказалъ...

Онъ сообщилъ намъ радостную вѣсть, что не далеко находятся аулы, въ которыхъ можно будетъ достать пищи... Ну, слава-Богу, хоть изъ опасной пустыни выбрались;—теперь хоть не погибнемъ отъ безпомощности.

Долго ѣхали степью; опять пробралъ жестокій холодный вѣтеръ со свѣгомъ, но не такимъ сильнымъ, какъ вчера, и не мокрымъ. Наконецъ, вотъ и давно невиданное человѣческое жилье вотъ и кочевье тургутовъ (или калмыковъ)—аулъ изъ пяти юртъ; а за нимъ, въ недалекомъ расстояніи, другой такой же. Вотъ, наконецъ, тѣ тургуты, къ которымъ „мы должны были придти на девятый день“ по выступленіи изъ Гу-Чэна...

Не девять, а двадцать дней не видали мы ничего, кромѣ пустыни да своей компаніи!... И съ какимъ удовольствіемъ смотрѣлъ я теперь на эти жалкія черныя юрты, на бродившихъ около нихъ коровъ и на людей, живущихъ здѣсь, а не пробѣжавшихъ налегкѣ мимо. Мнѣ хотѣлось скорѣе взглянуть на домашнюю жизнь; но вожакъ, спросивъ о чемъ-то у туземцевъ, повелъ дальше, и еще черезъ часъ мы пришли къ большому аулу, расположенному у колодца Хулусту.

Это тургутское кочевье состояло изъ двадцати шести юртъ, разставленныхъ въ безпорядкѣ на протяженіи примѣрно полуверсты. Около нихъ толпилось немногочисленное мѣстное населеніе; на улицѣ были мужчины и штукъ пять мальчишекъ, а представительницы прекраснаго пола выглядывали изъ своихъ войлочныхъ домиковъ или только переходили изъ одной юрты въ

*) Саквожъ степняковъ, или длинный шпокъ, съ продольнымъ отверстіемъ посрединѣ, перекладываемый черезъ сѣдо.

другую. Здѣшніе жители—народъ средняго роста, на видѣ здравый и крѣпкій. Они брѣютъ головы, какъ китайцы, и также носятъ косы, не непременно одну, а иногда двѣ; мальчишки же гѣтъ двѣнадцати, пятнадцати—даже четыре, шесть и болѣе кобоекъ, заплетенныхъ на затылкѣ. Но въ настоящее время волосы на головѣ у всѣхъ давно не бриты, вѣроятно по случаю наступленія зимняго сезона. Косоглазый широкоскулый калмыцкій типъ болѣе или мене знакомъ каждому по картинкамъ; цвѣтъ лица у нихъ нѣсколько смуглый, теперь холодный воздухъ и вѣтеръ нарумянили имъ щеки и губы, а прекрасные правильные зубы просто блистаютъ бѣлизной.

Они съ любопытствомъ разсматривали ужъ совсѣмъ неожиданныхъ гостей; взрослые держали себя безъ малѣйшаго страха, какой, случалось, часто выражали передъ нами китайцы; они вступали въ бесѣду на монгольскомъ языкѣ, просили у насъ табакъ; ребята же побаивались и глядѣли въ оба, не очень полагаясь на наши миролюбіе и добросовѣстность, а скорѣй ожидая отъ насъ какого-нибудь непредвидѣннаго маневра. Всѣ очень откровенно смѣялись намъ прямо въ лицо,—не то отъ удовольствія, не то насмѣхались надъ чѣмъ-то. Взрослые всѣ одѣты въ тулупы изъ бараньяго или козлиного мѣха; на головахъ носятъ шапочки въ родѣ татарскихъ ермолокъ или ходятъ съ открытыми головами. Обувь ихъ сдѣлана изъ невидѣланной, а прямо сырой кожи, обращенной мѣхомъ внутрь, и надѣта на босую ногу. Какъ видите, одѣты они тепло; но меня поразила контрастъ этого зимняго костюма съ тѣмъ непонятнымъ одѣяніемъ, въ какомъ являлись передъ нашими глазами здѣшніе дѣти: они бѣгали, во первыхъ, босиемъ и, во вторыхъ, только въ однихъ рубашонкахъ; а одинъ даже проскочилъ изъ одной юрты въ другую совершенно голый!.. Нельзя же думать, что онъ раздѣлся собственно для того, чтобы перебѣжать разстояніе, раздѣлавшее юрты,—значитъ онъ дома сидѣлъ въ этомъ несезонномъ костюмѣ... Сообщаю только фактъ, а отчего онъ существуетъ, и служить ли выраженіемъ бѣдности до неимѣнія зимней одежды, или только обычая,—не знаю... Не есть ли это родъ искуса, который человекъ долженъ выдержать въ дѣтствѣ, какъ у насъ—пройти школу?..

Все это мы узнали бы, если бы не было съ нами одной обезьяны. Хотя мы и интересовали туземцевъ, но съ приходомъ транспорта, въ которомъ она находилась, она совершенно завладѣла ихъ вниманіемъ; и восхищенію тургутовъ, очевидно незна-

вожыхъ съ такимъ существомъ; не было предѣловъ. Всѣ они, между прочимъ, тотчасъ находили у него сходство съ человѣкомъ, особенно въ рукахъ, и поражались этимъ сходствомъ почти до сердечнаго сокрушенія, выражавшагося качаньемъ головы и частымъ причмокиваньемъ языкомъ. Нѣкоторые даже прямо принимали его за маленькаго человѣка и обращались къ нему съ разговоромъ.

Вотъ чтѣ было внѣ юртъ; теперь войдемте внутрь нашей, которую занялъ для насъ двонхъ Матусовскій. Только согнитесь въ половину вашего роста, иначе не войдете,—такъ малы двери въ здѣшнихъ жилищахъ.

Внутри нашей квартиры на нынѣшнюю ночь, когда я вошелъ, происходило слѣдующее. На полу лежалъ убитый черный козель, съ котораго два тургута снимали кожу; Танъ-Ло-ѣ покупала у хозяина юрты муку, но не могъ съ нимъ объясниться, и потому дѣло у нихъ не ладилось; Ма чистилъ посуду и тоже жаловался мнѣ, что не можетъ понимать разговора „нашихъ людей“... Они оба, какъ южане, ничего не знали о здѣшной окраинѣ своей родины, подумали, что пришли уже въ Россію, что тургуты—наши люди, и были ужасно удивлены, когда я объяснилъ имъ, чтѣ они одного съ ними государства, подданные ихъ же императора.

Затѣмъ начались приготовленія къ предстоящему великолѣпному пиру: посреди юрты ярко пылалъ „ачагъ“ (то-есть костеръ), дымъ котораго порядочно ѣлъ глаза; зажгли даже двѣ стеариновые свѣчки; происходила варка мяса и жаренье лепешекъ. Тѣснота была страшная, такъ какъ насъ сбилось тутъ восемь человѣкъ. Наконецъ пиръ начался, и мы, расположившись, кто на посланныхъ на землѣ войлокахъ, кто на мѣшкахъ съ мукой и просомъ, или на сундукѣ, въ которомъ у хозяевъ хранилось мясо, принялись за ѣду...

Голодь и холодъ были скоро забыты, и всѣ улѣглись въ этой же юртѣ на покой. Но этотъ покой былъ очень относительный всю ночь бушевалъ вѣтеръ и свистѣлъ черезъ дырявый войлокъ нашей обители; потомъ къ намъ стали являться разные посѣтители, въ видѣ козъ, барановъ или собакъ. О дымѣ и чадѣ я ужъ не говорю.

Мнѣ не спалось; я лежалъ и слушалъ завываніе бури; потомъ монотоннѣе овладѣли крикливые голоса двухъ поссорившихся тургутокъ; но эти голоса и даже плачь маленькихъ ребятъ,—эта самая неприятная музыка въ мірѣ, — даже и они до-

ставляли мнѣ теперь наслажденіе... И мнѣ было ужасно странно, почему я такъ сильно радовался встрѣчѣ съ людьми. Еще мѣсяца нѣтъ, какъ мы вышли изъ Гу-Чэна, а мнѣ казалось, что цѣлая вѣчность прошла, что вся земля превратилась въ пустыню, и что на ней не осталось другихъ людей, кромѣ нашей компаніи... Съ другой стороны, мнѣ было странно, отчего я такъ жалѣлъ тѣхъ, съ кѣмъ приходилось расставаться... Сегодня отослали назадъ первыхъ вожаковъ, этихъ двухъ жалкихъ братьевъ, надѣлавшихъ было намъ много бѣдъ, много настрадавшихся съ нами и которымъ, можетъ-быть, еще предстояло отвѣчать за свою опрометчивость. Они получили отъ Сосновскаго за двадцать дней по два лана серебра (4 рубля) да по кирпичу подмоченнаго еще на Лунь-Танѣ чаю! И съ этимъ вспомошествованіемъ ушли назадъ... пѣшкомъ!...

Какъ же имъ не благословлять насъ; какъ не помянуть добромъ... Гдѣ вы теперь, несчастные Содмунъ и Ба-Гэ? что съ вами случилось? Какъ бы хотѣлось увидать васъ опять и узнать, проклинаете ли вы насъ, или добродушію вашему нѣтъ предѣловъ?...

8 октября.

Утро холодное, и вставать было очень непріятно, несмотря на то, что я спалъ въ палаткѣ; а наши южане-китайцы, вѣрные своимъ обычаямъ, ложась вчера въ постель, сняли съ себя даже рубашки!... И ничего, остаются здоровыми; ни у одного даже насморка не сдѣлалось... Вотъ вы тутъ и подводите теорію.

Собираемся въ дорогу, и къ намъ пришли хозяева юрты, — мужъ съ женой; они получили отъ насъ ланъ серебра (два рубля) за ночлегъ, чѣмъ остались весьма довольны (за остальное рассчитались вчера при самой покупкѣ). Хозяинъ вылизалъ при помощи пальца свой котелъ, въ которомъ прислуга вчера готовила себѣ супъ; потомъ упросилъ подарить ему бутылку и, получивъ, обрадовался ей болѣе, чѣмъ лану серебра, потому что здѣсь не достать ея и за сто рублей; а она, онъ видѣлъ, вещь весьма полезная въ домашнемъ хозяйствѣ, главное же — рѣдкая вещь, заграничная, которой онъ будетъ гордиться, на которую будутъ приходиться къ нему смотрѣть; а онъ станетъ угощать изъ нея кумысомъ... Вотъ ужъ и теперь бутылка обошла всѣхъ постороннихъ посѣтителей, собравшихся въ нашей юртѣ; каждый осмотрѣлъ ее въ подробности, со всѣхъ сторонъ, и двумя глазами, и однимъ глазомъ; и каждый расхваливалъ и матеріалъ, и выдумку, и работу...

Трудно повѣрить, что все это происходитъ въ какихъ-нибудь двухъ сотняхъ верстѣ отъ нашего пограничнаго города, гдѣ жизнь идетъ болѣе или менѣе на европейскій ладъ!

Мы выступили. На дворѣ два съ половиной градуса мороза, и равнина, по которой шли цѣлый день, представляла бѣлую зимнюю картину. Только передъ вечеромъ подошли къ грядѣ каменистыхъ пригорковъ, у подножія которыхъ бѣжить ручей, образующійся изъ родника Байнъ-Дола. Онъ разлился отдѣльными рукавами на цѣлыхъ пять шаговъ въ ширину... Вѣдь это большая рѣка, послѣ мучившаго насъ безводья!

Тутъ былъ и нынѣшній ночлегъ, — тяжелый ночлегъ, потому что морозъ достигъ семи градусовъ Реомюра; а вблизи нѣтъ порядочнаго топлива, — не изъ-чего и костровъ сдѣлать; принуждены были посылать за хворостомъ довольно далеко... Еще новая бѣда, — внутреннее топливо, то-есть сахаръ, все вышло; и хотя съ нами ѣхало нѣсколько ящиковъ подареннаго китайцами леденцу, для того конечно, чтобъ мы имъ пользовались въ дорогѣ, но онъ предназначался Сосновскимъ „для выставки“!... Поэтому никто не получилъ изъ всего количества ни одного куска.

9 октября.

На дворѣ не теплѣе; а костры не горятъ, или едва горятъ; воду еще вскипятили кое-какъ, а хлѣба ни вчера, ни сегодня не удалось испечь, отъ недостатка въ горячей золѣ.

Пошли равниной, и открывавшійся кругомъ видъ раздѣлился словно на два міра, совершенно непохожихъ другъ на друга: одинъ за нами, на югѣ, гдѣ свѣтло, сіяетъ солнце и на небѣ гроздятся золотистыя облака; другой передъ нами, на сѣверѣ, гдѣ собрались такія свія тучи, что здѣсь какъ будто уже наступила ночь. Не радость сулили эти свинцовыя тучи, и дѣйствительно, опять пробралъ жестокой буря съ снѣжной крупой, которую вѣтеръ несъ намъ на встрѣчу. Наконецъ тучу пронесло, и на горизонтѣ на ея мѣстѣ открылся, впрочемъ не надолго, Саурскій горный хребетъ (или Сайры, какъ его называютъ туземцы): синяя завѣса скоро опять скрыла его отъ нашихъ глазъ.

Кому случалось ѣзжать подолгу въ пустынныхъ мѣстностяхъ, тотъ знаетъ, какое отрадное чувство пробуждаетъ въ насъ неожиданно слышанный лай собакъ, этотъ вѣрный признакъ близости человѣческаго жилья. Онъ сильно радуется даже тогда,

когда въ жилищакъ и ихъ обитателякъ не нуждаешься, — такъ, просто пріятно видѣть людей, кто бы они ни были; а эти люди съ ихъ своеобразною жизнью не могли не интересоватъ меня. И хотя мы были теперь почти на границѣ родины, хотя рвались въ ней сердцемъ, — быть этихъ людей все-таки удержалъ бы меня здѣсь, и я бы съ большимъ удовольствіемъ понаблюдать за нимъ.

Но не нужно говорить читателю, что теперь, болѣе чѣмъ когда-нибудь, предводитель нашъ стремился впередъ... Мимо всего, буквально безъ остановки, проходимъ мы незнакомыя мѣста, и потому не спрашивайте отъ меня многого, когда мнѣ самому не давали и малаго. Вудьте ужъ довольны тѣмъ, что скажу хоть что-нибудь.

Вотъ передъ нами новое кочевье, по имени Хунуръ-Уленъ, состоящее только изъ пяти маленькихъ юртъ. Изъ нѣкоторыхъ выходитъ голубой дымокъ; прошла одна женщина въ долгополомъ тулупѣ съ кадочкой воды; у другой юрты стоитъ ребенокъ; показались еще два, три монгола; неподалеку отъ аула бродятъ коровы, пощипывая траву, и двѣ черныя собаки злобно лаютъ издали на нашъ, проходящій мимо, караванъ. Вотъ и все проявленіе жизни въ этомъ уединенномъ пріютѣ маленькой горсти людей, — все, для такихъ тупыхъ, равнодушныхъ и безчестныхъ, однимъ словомъ, „учено-торговыхъ“ путешественниковъ, какими принуждены были проходить мы...

Вожакъ Бальчжакъ совѣтуетъ остановиться въ этомъ аулѣ на ночлегъ и просить взять другаго проводника, такъ какъ, говорить, „дальше я не знаю дороги;—хоть и знаю, да не надѣюсь на себя. — Пожалуй, говорить, я еще пройду съ вами, только непременно возьмите здѣшняго человѣка...

Сосновскій нашель, что все это вздоръ, новаго вожака не взялъ, а ему приказалъ вести дальше, объявивъ, что онъ теперь не нуждается въ вожакѣ, что онъ самъ знаетъ дорогу.

Пошли. Равнина кончилась, и началась холмистая мѣстность, или такъ-называемый мелкосопочникъ (Высоты Омулу). Погода и состояніе неба мѣнялись буквально каждую минуту: то свѣтило солнце, то оно пряталось за тучу, то свивило черезъ туманъ въ видѣ туслаго круга. Густые холодные туманы бродили по горамъ, сползали въ долины и, охватывая насъ, знобили лицо и руки...

Когда Матусовскій, продолжая свою работу, останавливался передъ этимъ въ послѣдній разъ, чтобы нанести на карту направление предстоящаго пути, Бальчака указалъ ему въ одну сторону. Туда, разумѣется, охъ и повелъ; какъ вдругъ отдается распоряженіе отъ Сосновскаго — повернуть влѣво, „такъ какъ Бальчака этихъ мѣстъ не знаетъ“, и поведеть теперь самъ „начальникъ“... Взяли влѣво, прошли часа два по этому новому направленію. Вдругъ караванъ остановился среди степи.

— Что такое? спрашиваемъ.

— Потеряли дорогу, не знаютъ куда зашли, отвѣчаютъ.

И вотъ теперь спрашиваютъ, опять у Бальчака же, — куда идти? Онъ говоритъ, что теперь не можетъ сообразить, потому что его тѣмъ поворотомъ влѣво совсѣмъ сбили. Однако онъ сталъ оглядываться кругомъ и сказалъ:

— Я знаю другой аулъ, не далеко отъ того, въ которомъ предлагалъ вамъ остановиться, да мы теперь ушли отъ него совсѣмъ въ сторону. Я не знаю, вы куда шли, гдѣ вы хотѣли ночевать? Я думалъ, вы знаете... Надо было той дороги держаться, которую я указывалъ; ужъ мы бы теперь тамъ были. Теперь же придется идти долго ночью, потому что тутъ другихъ ни ауловъ, ни родниковъ нѣтъ.

А солнце ужъ садилось. Всѣ прозябли, проголодались и досадовали на совершенно безцѣльныя муки, которымъ мы могли бы не подвергаться и не тратили бы напрасно времени... Точно мы пріятныя вечернія прогулки совершали, кружась по пустыннымъ ложбинамъ между голыхъ пригорковъ!...

Пошли опять; вытанулись вереницей и стали то подниматься въ горы, то спускаться въ долины. Настала ночь, къ счастью еще безъ вѣтра и снѣга. Долго шли еще, въ потьмахъ, какой-то равниной, по кочкамъ. Стали попадаться замерзшіе аркии, черезъ которые надо было переѣзжать, рискуя если не провалиться глубоко, то упасть съ лошадью вмѣстѣ; шли мы черезъ поросшіе чѣмъ солончаки, буквально каждую минуту ожидая паденія, какъ бываетъ всегда, когда подъ ногами ничего не видишь, а лошади безпрестанно обо что-то спотыкаются...

Наконецъ послышался лай собакъ и вывелъ насъ изъ тягостнаго оцѣпенѣнія.

— Ну, слава Богу, добрались наконецъ! сказали нѣсколько голосовъ. Но лай слышался еще очень издали, доносясь до слуха въ безмолвномъ ночномъ воздухѣ степи; во время же таинкѣ

ночныхъ блужданій каждыя полверсты кажутся безконечностью. Потомъ стали показываться огоньки, маленькіе, какъ искорки; лай слышался все ближе и ближе; въ одномъ мѣстѣ мы разглядѣли неподалеку отъ себя скотъ, потомъ юрты, одну, другую; но жожакъ, ѣдущій впереди, все проѣзжаетъ мимо да мимо...

Вдругъ къ нему подскакалъ на лошади какой-то монголъ, заметался, какъ угорѣлый, и поднялъ такой страшный крикъ, что-то затрепавъ скороговоркой, что можно было подумать — не наткнулись ли мы на банду, и она сдѣлала нападеніе. Но нѣтъ, трескотня, вижу, миролюбивая; и я недоумѣвалъ, что долженъ былъ означать этотъ торопливый рапортъ, преисполненный тревоги и страха... А тутъ новое недоумѣніе: на всю эту тревогу и произведенную сумятицу жожакъ не обратилъ ни малѣйшаго вниманія и молча провелъ насъ дальше. Черезъ нѣсколько минутъ все успокоилось, и дѣло объяснилось весьма просто, какъ мнѣ потомъ рассказали.

Нашъ заботливый „начальникъ“, оставивъ караванъ, давно уѣхалъ съ однимъ изъ жожаковъ и своей компаніей впередъ и исчезъ. Такъ вотъ этотъ-то проѣздъ черезъ ауль нѣсколькихъ русскихъ, ночью, отчасти встревожилъ его жителей, и они задумались надъ вопросомъ, — что это значить? Упомянутый монголъ былъ старшина здѣшняго аула, и когда ему дали знать, что въ него вступаютъ въ „огромномъ количествѣ“ русскіе, онъ такъ перепугался, что они угоняютъ весь ихъ скотъ, что вскочилъ на коня и пустился-было по аулу, чтобы произвести тревогу и созвать всѣхъ жителей на защиту имущества, и какъ разъ наткнулся на нашъ караванъ; а упомянутый крикъ его былъ только выраженіемъ испуга и покорнѣйшею просьбою не трогать его скота... Ахъ, бѣдный старшина!

Когда онъ наконецъ успокоился, спрашиваютъ у него — куда проѣхалъ и гдѣ остановился нашъ „квартирмейстеръ“ съ компаніей; но онъ только говоритъ, — проѣхали, а куда — не знаетъ...

Ѣдемъ въ полныхъ потемкахъ, ждемъ что кого-нибудь вышлютъ на встрѣчу; нѣтъ, — ни слуху, ни духу, и мы пришли къ заключенію, что Сосновскій проѣхалъ въ другой ауль. И опять впали въ раздумье, не зная, что дѣлать, — идти ли на розыски или тутъ разбивать свои палатки... Потолковали и рѣшили идти дальше.

Опять потянулась черная безмолвная степь безъ всякихъ признаковъ жизни, а всѣ было такъ обрадовались, что вотъ, наконецъ,

достигли пріюта. Проѣхали еще, не знаю сколько, но, казалось, долго ѣхали. Опять послышался лай собакъ, показались огни или пятна тусклаго свѣта,—это свѣтились, какъ маленькіе вулканы, открытыя вершувки юртъ, внутри которыхъ горѣли костры. Юрты были расположены двумя довольно правильными рядами, образуя нѣчто въ родѣ улицы, но онѣ отстояли другъ отъ друга на значительное разстояніе. Это были скорѣе два аула. Куда ѣхать—направо или налево — никто не знаетъ, и спросить не у кого, потому что ни одной живой души не встрѣчается. Повернули по вдохновенію налево; и когда, подѣхавъ въ самыя жилищамъ, медленно подвигались между ними, мы услышали гдѣ-то въ потьмахъ знакомый голосъ казака Степанова и крикнули его имя. Онъ вышелъ не изъ юрты, а какъ будто изъ домика, въ родѣ нашихъ избъ; спросили, гдѣ же намъ остановиться, гдѣ ставить верблюдовъ и располагаться людямъ, и отчего не выслали никого на встрѣчу; развѣ забыли, что весь транспортъ сзади?..

— Мнѣ ничего не было приказано, а я самъ, — вѣдь вы знаете,—нешто смѣю что сдѣлать, отвѣтилъ онъ, и провелъ насъ къ какому-то амбару или сараю, сказавъ, что мы можемъ его занять, что онъ пустой... Дѣйствительно, дверь открыта, и ни внутри, ни гдѣ около этой избытки нѣтъ ни единого человѣка.

— Да чей же это домъ? спрашиваемъ.

— Здѣшній, монгольскій... Юртъ было спрашивали,—да юртъ свободныхъ нѣтъ. Тутъ землянки, объяснилъ намъ Степановъ, и ушелъ, сказавъ, что ему надо идти, — потому капитанъ ужъ поужинали и ложатся спать,—раздѣвать ихъ надо.

Мы вошли въ эту „горницу“, какъ ее называлъ нашъ казакъ, и въ потьмахъ могли различить только тлѣвшій посрединѣ ея кусокъ вязку*), а въ потолокъ четырехугольное отверстие въ аршинъ, черезъ которое сквозило звѣздное небо.

Я зажегъ спичку и разглядѣлъ бревенчатыя закопченныя стѣны, досчатый потолокъ и засоренный земляной полъ, но по крайней мѣрѣ сухой; больше въ „горницѣ“ буквально ничего не было.

Казакъ отправился разыскивать верблюдовъ, чтобъ добыть нашъ кухонный ящикъ и постели; а мы усталые, продрогнувшіе, го-

---

*) Обыкновенное топливо здѣшнихъ кочевниковъ, приготовляемое изъ коровьяго навоза, который для просушки прилепляется на стѣны домовъ и ограды, а потомъ складывается въ запаси.

лодные, стоимъ въ этомъ темномъ сараѣ и ждемъ; ждемъ еще долго, пока-то найдутъ людей, добудутъ дровъ или кизяку, разведутъ огонь, достанутъ воды, приготовить пищу и чай и постелать постели; а ночью, когда люди спать, все это дѣлается втрое дольше... Кто былъ хозяинъ занятаго нами сарая, и если онъ существовалъ, то гдѣ находился,—узнать было не откуда. Явился казакъ и объявляетъ, что „капитанъ не позволили подвести верблюдовъ сюда, а велѣли на рукахъ таскать вѣщи:—опасаются, говорятъ, что здѣсь еще серебро украдутъ“.

— А когда ихъ перетаскаешь, продолжалъ Смокотининъ, — и на комъ таскать; люди и такъ замучились всѣ; верблюды-то отсюда за четверть версты стоятъ. Матусовскій ушелъ съ казаномъ испросить позволеніе подвести къ дому хоть одного верблюда съ нашими вещами; а я остался одинъ, и въ раздумьи стою, потому что състь, кромѣ землянаго пола, не на что.

Въ избѣ потемки. Въ это время является какой-то незнакомый человѣкъ изъ туземцевъ; сказалъ два непонятныхъ слова, на которыя онъ не желалъ, повидимому, получить никакого отвѣта, сталъ на колѣни, припалъ къ тлѣвшему очагу и началъ раздувать огонь, подкладывая еще кизяку, принесеннаго въ полѣ своего длиннаго кафтана. Когда по временамъ вспыхивало пламя, онъ, молча, съ видимымъ любопытствомъ осматривалъ меня. Я попробовалъ заговорить съ нимъ по-китайски,—ничего не понимаетъ. Вскорѣ онъ ушелъ и больше не возвращался, и я объяснилъ себѣ его появленіе только цѣлью—удовлетворить своему любопытству и потомъ пойти рассказать о видѣнномъ своимъ пріятелямъ, ради чего онъ пожертвовалъ даже нѣсколькими кусками кизяку. А можетъ-быть справлялся насчетъ благопріятности незнакомца, то-есть моей.

Вернулся Матусовскій, не получивъ никакого дозволенія, и мы провели съ полчаса въ потьмахъ въ мучительномъ стояніи, рѣшительно не зная, что предпринять, къ кому обратиться съ просьбою объ удовлетвореніи своихъ скромныхъ нуждъ...

Входитъ казакъ и, смотря, тащить охапку кизяку, который онъ гдѣ-то нашелъ; и такъ какъ спрашивать было не у кого, то онъ просто взялъ, сколько могъ захватить, и принесъ. Но тотчасъ же вслѣдъ за нимъ вбѣгаетъ какой-то старикашка монголъ, схватываетъ казака за руки и кричитъ что-то задыхающимся отъ волненія голосомъ;—онъ вырываетъ у него кизякъ и бросаетъ на полъ; потомъ подбираетъ его опять, продолжая кричать ни для

вого непонятныя монгольскія слова, и, судя по всему, готовился вступить съ казакомъ въ драку, вѣроятно, предположивъ въ немъ грабителя своего убогаго имущества. Ему говорятъ по киргизски, но-китайски, по русски, что у него не украли, что за все заплатятъ,—онъ ничего не слушаетъ потому, разумѣется, что ничего не понимаетъ.

Къ счастью, пришелъ Бальчжакъ, и черезъ него удалось наконецъ объясниться съ испуганнымъ и расхолодившимся старикашкой, который, услыхавъ, что никто не намѣренъ даромъ пользоваться его добромъ, скоро успокоился и даже превратился въ самаго любезнаго и услужливаго помощника: онъ сейчасъ же самъ принесъ еще вязяку, воды и котелокъ; но только все повторялъ свой вопросъ, обращаясь къ Бальчжаку—заплатятъ ли ему за все это,—и даже попросилъ показать ему серебро. Просьбу уважили, показали;—тогда онъ совершенно успокоился и черезъ нѣсколько минутъ игралъ съ моею обезьяной, съ рѣзвостью и увлеченіемъ ребенка... И чѣмъ сонливѣе съ дороги была прозябнувшая и утомленная обезьяна, тѣмъ живѣе и веселѣе становился худенькій, подслѣповатый на одинъ глазъ старикашка-монголъ, стараясь ее разыграть, — дулъ и какъ будто плевалъ на нее, прыгалъ передъ ней и также, какъ раньше тургуты, заговаривалъ, но все безуспѣшно,—та принимала серьезный видъ и отрывистыми движеніями только отворачивалась въ сторону, безпрестанно засыпая.

Наконецъ, голодь и усталость забыты; и крѣпкій сонъ въ холодной избѣ, продуваемой вѣтромъ, далъ возможность забыть похожую на сказку дѣйствительность. А завтра ужъ осмотримся,—гдѣ мы и что такое кругомъ насъ...

10 октября.

Монгольская зимовка, урочище или аулъ, въ которомъ мы провели ночь, называется Чоганъ-Хамыръ (Акъ-Тумсукъ, зимовка Чжасыкъ) и занимаетъ пространство около половины квадратной версты.

Этотъ, такъ-сказать, городокъ азіатскихъ степей состоитъ изъ однообразныхъ маленькихъ жилищъ, деревянныхъ, обмазанныхъ снаружи землею,—съ плоскими крышами, имѣющими по одному отверстию для свѣта и прохода дима, съ одной входной дверью на лицевой сторонѣ и небольшимъ навѣсомъ въ родѣ крылечка,

но совсѣмъ безъ оконъ. При каждомъ такомъ жилищѣ имѣется небольшой дворъ, обнесенный сбитой изъ земли невысокой оградой, и внутри ея стоять одна или нѣсколько юртъ. Таковы, говорю, и всѣ остальные домики, и даже почти всѣ они одинаковой величины.

Нашъ, наряду съ другими сосѣдними, выходилъ на большую площадь, на которой стоитъ кумирня, обнесенная своей земляной оградой; и на площади, въ настоящее время покрытой тонкимъ слоемъ снѣга, бродили мѣстные жители—монголы. Десятка полтора ихъ, но преимуществу ламъ, собралось у нашей двери, привлекаемые по преимуществу обезьяной, которую они угощали, чѣмъ кто могъ, и между прочимъ кто-то далъ ей кусокъ русскаго сахару. Я очень обрадовался, возымѣвъ надежду найти его здѣсь въ продажѣ, такъ какъ мы съ товарищемъ терпѣли въ немъ ужъ полный недостатокъ.

Между монголами оказался одинъ, говорившій по-китайски, и я могъ узнать отъ него, что сахаръ вмѣстѣ съ водкой и другими предметами привозятъ къ нимъ изъ Россіи люди, которыхъ онъ называлъ „Ха-за“ (вѣроятно, измѣненное слово казакъ и примѣняемое безразлично къ пограничнымъ обитателямъ Россіи—русскимъ, киргизамъ и татарамъ).

Спрашиваю, нельзя ли теперь найти здѣсь сахару?.. Онъ освѣдомился у нѣсколькихъ человекъ, но ни у кого не оказалось, и онъ утѣшалъ меня, что въ слѣдующемъ аулѣ, куда мы придемъ,—въ кочевьяхъ Уанъ-Тюрэ, мы можетъ быть найдемъ лавочку пріѣзжаго купца, у котораго будутъ и сахаръ, и водка; и я съ нетерпѣніемъ стремился въ названный аулъ, такъ какъ для меня сахаръ составляетъ необходимую составную часть пищи. Этотъ аулъ уже знакомъ казаку Степанову. Онъ говоритъ, что теперь мы все равно что дома, что вожакъ намъ больше не нужны.

И здѣсь, дѣйствительно, мы расстались съ ними, нашими спасителями, навѣрно можно сказать, отъ страшной смерти въ безводной пустынѣ. За то они были и награждены такъ щедро, какъ никто до сихъ поръ: они получили отъ Сосновскаго по четыре рубля, по куску плису на курму, и ситцу на рубашку (изъ якутинскихъ образцовъ) и по кирпичу чаю... Это ли еще не вознагражденіе!

Итакъ, выступаемъ безъ вожаконъ; а жаль было расставаться съ Бальчакомъ, съ которымъ я ближе познакомился, — очень смысленный, вѣжливый и услужливый былъ человекъ...

Дальнѣйшимъ движеніемъ теперь опять взялся руководить Со-
сновскій, который, по его словамъ, „ужь эти-то мѣста знаетъ
какъ свои пять пальцевъ“.

Пошли... И теперь сердце было такъ полно радостнымъ чувст-
вомъ отъ приближенія къ родинѣ; мысли неслась впередъ и такъ
были заняты ближайшимъ будущимъ, что я не замѣчалъ почти
ничего окружающаго и машинально слѣдовалъ за другими. Про-
ѣхали съ часъ, и казакъ Степановъ заставилъ меня возвратиться
къ настоящему, къ дѣйствительности: слышу, обращается къ
начальнику, осторожно докладывая ему, что мы неправильно идемъ,
что такъ мы къ Уанъ-Турэ не попадемъ. Но, получивъ нагоняй
и приказаніе—„не лѣзть, пожалуйста“, гдѣ его не спрашиваютъ,
и „особенно еще когда ничего не знаетъ“, онъ замолчалъ; всѣ
же, кто слышалъ этотъ разговоръ, призадумались, потому что
всѣ очень хорошо знали Степанова, который ни одного слова на
вѣтеръ не скажетъ.

Всѣ поэтому теперь знали, что мы идемъ по степи не туда,
куда слѣдуетъ; тѣмъ не менѣе принуждены были слѣдовать, и
только всѣ зывали къ небу:—Господи, когда же этому придетъ
конецъ!...

Идемъ послѣ этого часъ, другой... Вдругъ слышимъ позади себя
голосъ нашего казака, кричащаго намъ съ необыкновенною ра-
достью въ голосъ:

— Ваше высокоблагородіе, ваше высокоблагородіе! Посмотрите-
ка кто пріѣхалъ! Павловъ и Кодебай *) изъ Чжайсану пріѣхали!..

Это извѣстіе и видъ двухъ человѣкъ, пріѣхавшихъ къ намъ
навстрѣчу изъ Россіи, точно прибавили свѣта вокругъ насъ...
И если вы, читатель, хотите понять частицу той неизъясни-
мой радости, какою почувствовали мы теперь, то вамъ нужно
по крайней мѣрѣ прочесть мою книгу отъ первой до послѣдней
страницы, не отрываясь, какъ мы не разставались съ Соснов-
скимъ въ путешествіи въ теченіе года и девяти мѣсяцевъ. Но это
невозможно; да кромѣ того въ книгѣ между строками остается
бѣлая бумага, а на ней-то и написана главная часть нашего пу-
тешествія,—для васъ не интересная, но написанная невидимою
кровью нашего сердца, измученнаго безъисходной продолжитель-
ной пыткой...

*) Киргизъ на русской службѣ въ Зайсанскомъ постѣ.

Итакъ, несказанно обрадованные появленіемъ этихъ вѣстниковъ, съ родины, здороваемся съ ними и, растерявшись, не знаемъ, про что спрашивать, что отвѣчать на ихъ вопросы. Они, между прочимъ, выражаютъ удивленіе, отчего это мы такъ запоздали и почему не приѣхали въ Булунъ-Тохой, куда выслали къ намъ навстрѣчу людей, верблюдовъ, лошадей, провизію и юрты.

— Ждали, ждали цѣлую недѣлю, да такъ и уѣхали, потому что вы словно безъ вѣсти пропали. Ужъ тамъ объ васъ ужасно беспокоились, передавалъ Павловъ.

Разговоромъ такъ увлеклись, что совсѣмъ не обращали вниманія, куда Сосновскій ведетъ. Потомъ Кодебай говоритъ:

— Да куда жъ вы теперь идете? Вѣдь вамъ къ Уанъ-Тюре нужно идти.

— Ну, да! Мы туда и идемъ.

— Такъ развѣ сюда нужно! Помилуйте!.. Вонъ въ какой сторонѣ будетъ Уанъ.

И они поѣхали впередъ, взявъ направленіе чуть не подъ прямымъ угломъ къ тому, по какому мы ѣхали, значитъ какъ разъ такъ, какъ указывалъ Степановъ.

Куда бы это мы зашли,—интересно было бы узнать... Интересно, но во все не хотѣлось:—довольно!.. И это былъ послѣдній ненужный крюкъ, измѣренный сломаннымъ одомеромъ, опредѣлявшимъ все время „кратчайшее“ разстояніе между Гу-Чаномъ и Зайсаномъ...

— Что жъ это вы жоака не взяли; вѣдь тутъ рубля за два съ удовольствіемъ бы поѣхали проводить? спрашивалъ Кодебай Матусовскаго, съ которымъ онъ былъ знакомъ прежде.

— Ну, ужъ теперь нечего толковать; слава Богу, что васъ скоро встрѣтили, отвѣтилъ товарищъ.

Мы подвигались впередъ шагомъ, пробираясь по долинѣ, устѣянной кочками, заросшей густой высокой травой, между которой разлились ручьи и образовали топкія мѣста. День былъ ясный и такой теплый, что на солнечной сторонѣ даже жарко было...

Вотъ вдали показался аулъ и близъ него огромное стадо барановъ. Подъѣзжаемъ, и изъ двора одного домика къ намъ навстрѣчу выходятъ одинъ за другимъ новые люди, въ новыхъ костюмахъ,—ситцевыхъ ватныхъ халатахъ и ситцевыхъ, опушенныхъ мѣхомъ, коническихъ шапкахъ (малахай), — это киргизы, наши земляки. Они подходятъ къ каждому изъ насъ по очереди

и съ каждымъ здороваются за руку, хотя и молча, потому что по русски не говорятъ...

Россія!.. Россія!.. Родина!.. Хотя и не говорящіе по-русски люди, но и они родные, и принимаютъ насъ, какъ родныхъ людей.

Пикеть, на которомъ произошла эта памятная встрѣча, называется Обалы. Въѣзжаемъ во дворъ, и я вижу на немъ еще много киргизъ, туземцевъ, верховыхъ лошадей и верблюдовъ; слышу, что одного киргиза сейчасъ отправляютъ гонцомъ въ Зайсанскій Постъ, съ извѣстіемъ о нашемъ пріѣздѣ... Намъ всѣ кланяются, насъ привѣтствуютъ, принимаютъ на руки съ лошадей и указываютъ приготовленныя комнаты...

И если пріятно возвращеніе на родину изъ Европы, то то-же чувство удовольствія во сто разъ сильнѣе послѣ продолжительнаго странствованія по Азіи; а мы вѣдь чуть не два раза перерѣзали ее...

Но войдемте въ здѣшнюю оригинальную обитель. Она стоитъ у стѣны, противоположной воротамъ, и представляетъ пять расположенныхъ въ рядъ комнатокъ или правильнѣе хлѣбовъ, съ дверьми, завѣшенными дырчатыми войлоками, чрезвычайно грязныхъ внутри и наполненныхъ ѣдимымъ дымомъ отъ разведенныхъ въ каждомъ изъ нихъ костровъ. Но какъ въ нихъ было ни грязно, какъ ни холодно,—теперь все нипочемъ; все теперь хорошо.

11 октября.

Проснувшись съ восходомъ солнца, я вышелъ изъ своей грязной конуры на оживленный и шумный дворъ, который напомнилъ мнѣ наши постоянные дворы въ базарные дни.

Тутъ собрались, кромѣ нашихъ китайцевъ и пріѣзжихъ киргизъ, тургуты и монголы, и между ними шла такая оживленная бесѣда, что, прислушиваясь изъ-за ограды къ общему гаму, можно было подумать, что на этомъ дворѣ происходитъ, если не сраженіе, то порядочная свадка. Домъ, въ которомъ мы провели ночь, служить жилищемъ для пяти семействъ тургутовъ, по числу пяти келій, и въ трехъ изъ нихъ жители находились и теперь; всѣ они съ женщинами и дѣтьми высыпали на дворъ глазѣть на насъ и играть съ обезьянами.

Часа черезъ три все было готово къ отъѣзду, и мы отправились теперь въ значительно большемъ составѣ. Ъхавшіе съ нами киргизы отлично знали мѣстность, но Сосновскій здѣсь нанялъ вожака!.. Неловко же въ самомъ дѣлѣ „учено-торговой“ экспеди-

ци не имѣть официального проводника;—что могутъ сказать или подумать?!.. Вы понимаете меня, читатель, и Сосновскаго съ его приемами видите насквозь. Значить пояснять нечего... Поѣдьте дальше.

Широкая равнина между горами Сауръ съ сѣвера и Хашъ-Тугусъ *) съ юга обильно орошена многими ручьями, которые уже покрылись нетолстымъ льдомъ, легко ломавшимся подъ ногами лошадей и верблюдовъ; она покрыта богатой, но теперь уже поблекшей травой, и по ней разбросаны отдѣльныя или стоящія группами черныя юрты; возлѣ нихъ показывались люди и разныя домашнія животныя, по преимуществу коровы, козлы и бараны, а также верблюды и лошади. И эта тихая невѣдомая жизнь кочевниковъ показалась мнѣ такой симпатичной, что, можетъ-быть, зависѣло оттого, что день былъ хорошій,—тихій, съ мягкимъ и влажнымъ осеннимъ воздухомъ.

Понравились мнѣ чрезвычайно и уютныя жилища кочевниковъ... Подѣдемте къ одному и взглянемъ поближе. Посреди площадки, защищенной съ трехъ сторонъ высокой густой травой и имѣющей видъ цирка, стоитъ юрта и за нею осѣдланная лошадь; въ сторонѣ заготовленъ запасъ хвороста; тутъ же верблюдъ лежитъ и, меланхолично посматривая вокругъ себя, пережевываетъ въ двадцатый разъ свою жвачку; тамъ, за загородочкой изъ хворосту, коровы съ телятами. У входа въ юрту, прислонившись къ ней, сидятъ на корточкахъ два тургута, а изъ двери выглядываетъ красная здоровая тургутка съ румянымъ лицомъ и, какъ фарфоръ, бѣлыми зубами. Она одѣта въ тулупъ; на головѣ маленькая желтая шапочка и густыя черныя косы расходятся изъ-подъ нея на обѣ стороны и лежатъ на плечахъ и груди толстыми прядями. Не красавица она, но ея лицо одно изъ тѣхъ, на которыя чѣмъ больше смотришь, тѣмъ больше смотришь хочется. Около нея мальчишка лѣтъ семи или восьми, тоже здоровый и крѣпкій, какъ камень; и этотъ мальчишка стоитъ босой въ наброшенномъ на голое тѣло тулупѣ, и то кажется больше для приличія, потому что грудь у него открыта, а одна рука голая; стоитъ онъ и приплясываетъ на своихъ красныхъ, какъ у гуся, ногахъ; но холодъ его не заботитъ, да онъ, повидимому, его вовсе и не замѣчаетъ.

*) Киргизы называютъ ихъ почему-то Семизъ-Тай, что значитъ жирный двухъ-годовалый жеребенокъ.

Цѣлый день ѣхали мы все по той же равнинѣ, которая потомъ съезилась отъ сближенія названныхъ горъ, и передъ закатомъ солнца остановились на ночлегъ въ подобномъ вчерашнему жилищѣ, называемомъ пикетомъ Хантусты. Онъ меньше вчерашняго, и стоитъ въ уединенномъ мѣстѣ, окруженный, какъ стѣною, густымъ высокимъ чіемъ, изъ-за котораго его почти не видать, а неподалеку отсюда пробѣгаетъ рѣчонка Гурбунъ-Гатылганъ. Очень уютное и симпатичное мѣстечко, но жилище грязно и тѣсно.

Къ вечеру похолоднѣло и пошелъ снѣгъ; на дворѣ спать было бы холодно, и мы съ товарищемъ, за неимѣніемъ лишняго помѣщенія, расположились на покой вшестеромъ въ одной комнатѣ, съ казакомъ и тремя нашими китайцами.

Это—последній ночлегъ въ тургутскомъ жилищѣ, такъ какъ завтра, говорятъ, будемъ ночевать уже въ выставленныхъ изъ Зайсана киргизскихъ юртахъ, а послѣзавтра уже въ Россіи.

12 октября.

Къ ней, къ Россіи и ея людямъ неслись теперь всѣ помышленія и рвалось сердце. И вотъ, въ это „мѣлочное“ утро, когда „топились“ *) окрестныя горы и шелъ небольшой осенній дождь оставили мы послѣдній монгольскій пикетъ, чтобъ ѣхать навстрѣчу роднымъ людямъ, которые, какъ мы знали, выѣхали за границу, чтобы встрѣтить насъ.

Опустимъ дорожныя замѣтки изъ моей записной книжки и пройдемъ скорѣе длинную горную долину (рѣки Кобукъ), стремясь къ тѣмъ горкамъ, что замыкаютъ ее вдаль передъ нами, и за которыми, какъ сообщаетъ одинъ изъ сопровождающихъ насъ киргизъ,—„для насъ бекетъ готовъ и самъ пристаць **), а можетъ и самъ чжэндэралъ насъ ждутъ“,—и перенесемся скорѣе въ семью русскихъ людей...

Вотъ я уже среди ихъ, вижу и слышу ихъ. Смотрю и слушаю; но ни насмотрѣться, ни послушаться не могу... Чужіе они мнѣ, какъ и я имъ чужой, но какъ мнѣ милы они, какъ добры и

*) Мѣстное выраженіе „мѣлочной“, то-есть мрачной, пасмурной. А когда горы окутаются облаками, какъ бы дымятся, говорятъ,—„сопки (горы) затопились“.

***) Киргизы, говоря по-русски, почему то часто замѣняютъ букву в буквомъ, напримѣръ въ словахъ готовъ, пристаць и т. п.

привѣтливы ко мнѣ,—единицѣ той небольшой горсти русскихъ людей, которые вышли вонъ изъ-за тѣхъ горъ на болотистую равнину, гдѣ расположены зимовка и кумирня Матэна,—послѣдній видѣнный нами на пути буддійскій храмъ, возлѣ котораго они расположились въ ожиданіи насъ.

Не буду передавать подробностей нашей встрѣчи (хотя мнѣ очень бы хотѣлось подробно описать ее, лично на память себѣ и тѣмъ, кто тутъ былъ), не буду рассказывать, какъ прошли послѣдующіе за нею часы, проведенные въ убранной коврами юртѣ, за ѣдой и питьемъ, которыми насъ закармили и напоили добрые и любезные соотечественники—жители большею частью Зайсанскаго Поста.

Приѣхали сюда, дѣйствительно, и самъ „чжэндэралъ“,—какъ киргизы называютъ губернатора семипалатинской области (В. А. Полторацкій), и „пристапъ“ (А. К. Тихановъ), и между многочисленной (для Зайсана, разумѣется) компаніей мужчинъ приѣхала сюда и одна молоденькая дама (С. В. Маевская, жена помощника зайсанскаго пристава); и она-то напоила и закармила насъ такими вещами, которыхъ, казалось, мы и во снѣ никогда не видывали. И все это было привезено сюда больше чѣмъ за сто верстъ!.. Никогда не забыть мнѣ этой юрты съ устланнѣмъ коврами поломъ, на которомъ, на бѣлой скатерти шумѣлъ блестящій самоваръ и сверкали стаканы,—все, казалось, такое свѣтлое, бѣлое и чистое, какого мы также какъ будто никогда не видывали. Никогда не забуду людей, бывшихъ тутъ и привѣтствовавшихъ насъ съ окончаніемъ труднаго дѣла *)...

Да!.. Надо изъ Азіи вѣхать въ Россію, чтобъ такъ радоваться всѣмъ и всему и съ такою дѣтскою чистотою души наслаждаться тѣмъ, чего дома не цѣнишь и не замѣчаешь. А возвращеніе въ Россію изъ той „Азіи“, какою создалъ для насъ, своихъ спутниковъ и сотрудниковъ, капитанъ Сосновскій, могло заставить съ ума сойти отъ радости.

Прошли первыя минуты восторга, который вполнѣ поймутъ только сами испытавшіе что-нибудь подобное. Надо теперь осмо-

*) Самое задушевное спасибо говорю вамъ отъ лица всѣхъ—русскихъ, китайцевъ и монголовъ, приѣхавшихъ съ нами въ русскую землю, за дорогія минуты, которыхъ въ жизни такъ немного. Съ какими отраднымъ чувствомъ вспоминаю и буду вспоминать объ этой встрѣчѣ, сожалѣя о томъ, зачѣмъ такіа мгновенія не повторяются.

трѣтъ храмъ, что стоитъ неподалеку отъ юртъ, составляющихъ настоящій, временный русскій аулъ. Этотъ храмъ или кумирня Матэна представляетъ каменное трехэтажное зданіе съ китайской крышей, и построенное такъ, что второй этажъ меньше перваго, третій меньше втораго. На образующихся вслѣдствіе этого выступахъ двухъ нижнихъ этажей находятся террасы, обходящія кругомъ зданія, но, повидимому, не имѣющія никакого назначенія, потому что онѣ не огорожены никакими перилами, такъ что по нимъ даже ходить страшно.

Внутренность кумирни вся уставлена деревянными рѣзными и раскрашенными яркими красками колонками; въ глубинѣ, противъ двери находится главный идолъ; передъ нимъ поставленъ столъ съ жертвоприношеніями, а по сторонамъ лежатъ въ витринахъ другіе идолы гораздо меньшей величины. Во второмъ этажѣ находится галлерей, на которую хотя и ведетъ лѣстница, но такая неудобная, что по ней можно не идти и даже не лѣзть, а надо карабкаться.

Итакъ, этотъ памятный въ жизни день кончился, а съ нимъ я бы могъ кончить и рассказъ о нашемъ горемычномъ странствованіи въ предѣлахъ Поднебесья. Но не очень-то легко вамъ, читатель, безъ особенной случайности попасть въ тотъ далекій уголокъ нашего обширнаго отечества, близъ котораго мы находимся теперь; я увѣренъ, что не очень-то большимъ обладаете вы знакомствомъ съ такъ называемымъ Зайсанскимъ Постомъ, имя котораго вамъ теперь хорошо извѣстно. Поэтому, вооружитесь терпѣніемъ еще не на долгое время поѣдемте съ нами вмѣстѣ съ этого ночлега у кумирни Матэна и доберемся ужъ вмѣстѣ до нашей границы; а завтра въѣдемъ въ Зайсанъ и бросимъ на него бѣглый взглядъ.

13 октября.

Итакъ, отправляемся. Всѣ встали въ седьмомъ часу, собрались въ одной юртѣ пить чай и завтракать передъ отъѣздомъ. Вдругъ въ моему изумленію я вижу: Сосновскій сидитъ (какъ и вчера, даже тотчасъ по пріѣздѣ), и съ самымъ глубокомысленнымъ видомъ дѣлаетъ видъ, что производитъ „вычисленія“, какъ онъ называлъ простое записываніе показаній одометра. И всѣ, ничего еще невѣдающіе, удивляются его неумоимости и преданности наукѣ.

— Онъ и тутъ даже не хочетъ бросить дѣла,—говорять...
— Да будетъ,—неужели вы еще не устали?..

— Нельзя, батенька, долгъ прежде всего,—отвѣчаетъ страстный ученый, прѣдложая хмурить брови, смотрѣть вверху, что-то шептать губами и неизвѣстно что записывать...

Матусовскій только псталкивалъ меня, лукаво подмигивая на него и едва сдерживая подступавшій смѣхъ. И мнѣ не менѣе его хотѣлось расхохотаться при видѣ этой гримасы, для насъ совершенно прозрачной.

Но, ѣдемте. День былъ пасмурный; горы закутались въ облака, и сыпалъ мелкій дождикъ. Многочисленною компаніею тронулись мы въ путь, и тотчасъ раздалась пѣсня полсотни казаковъ; и напѣвъ ея такъ глубоко пробрался въ сердце и такъ много сказала она ему чего-то не переводимаго ни на какой человѣческой языкъ, ибо всѣ они еще слишкомъ несовершенны для этого; и какъ это досадно!..

Но, ужъ конечно, не вслѣдствіе недостатка словъ въ русскомъ языкѣ пересыпаютъ здѣшніе казаки свою рѣчь, и даже пѣсни, словами сосѣдей—киргизъ, языку которыхъ они выучиваются такъ скоро, что рѣшительно отнимаютъ у тѣхъ возможность научиться говорить по-русски поневолѣ,—такъ какъ этой-то неволи не представляется случая:—казаки говорятъ по-киргизски всѣ; а изъ киргизъ, знающихъ русскій языкъ, я видѣлъ здѣсь, на примѣръ, только одного *).

Да, такъ я заговорилъ о пѣсняхъ,—что казаки съ пѣснями дѣлають... Не угодно ли послушать, на примѣръ, какъ поется ими „Во саду ли въ огородѣ“...

Во саду ли въ огородѣ
Кызъ уйнабъ чжюрэдэ (это значитъ дѣвушка гуляла)
Унынъ бон таспака (ея ростъ съ лягушку, маленькій)
Собой круглолика.

---

*) Кажется, этотъ толстякъ, какой-то старшина, неизвѣстно за что получилъ отъ Сосновскаго подарокъ—умывальникъ изъ блага металла; но намъ съ Матусовскимъ опять была понятна роль этого публичнаго поднесенія ему подарка. Наши соотечественники должны были видѣть, что даже здѣсь Сосновскій дѣлаетъ относительно дорогіе подарки,—что же, слѣдовательно, было раздарено въ Китаѣ,—должны были думать ничего тогда невѣдавшіе землѣзайсанцы и семипалатники.

Котунинъ чжюрюбъ чжюрадъ (позади гуляетъ)
 Удалей молодчикъ,
 Олъ чжюрадъ тэнтэрадъ (онъ гуляетъ и гуляетъ)
 Ни слова ни молвить.

Возьми въ ручки кулмултучекъ (шпозолеть)
 Прострѣли ты тѣсь (грудь) мою,
 Я и тѣмъ рази будаманъ (довольна буду)
 Тисъ картасанъ жизнь мою (скоро прекратишь).

Очень страненъ русскій человекъ съ своею поразительною переимчивостью на говоръ, думалъ я, слушая эту пѣсню. Чуть не съ легкостью скворца выучивается онъ чужимъ звукамъ и уродуетъ свою оригинальную рѣчь. Говоря о Кяхтѣ, я указывалъ на безобразное тамошнее нарѣчье, которое слѣдовало бы уничтожить, просто систематически, по общему рѣшенію: вдругъ перестать уродовать свой языкъ и заставить китайцевъ учиться говорить правильно... Теперь вотъ другой примѣръ. И это тоже дурно, этого также похвалить нельзя, хотя оно и не такъ неприятно уху...

Пѣсни продолжались до тѣхъ поръ, пока мы, переѣхавъ равнину, не добрались до горъ (называемыхъ въ восточной части Теркѣ, и Кочжуръ въ западной), черезъ которыя намъ нужно было проѣхать по проходу Керегенъ-Тасъ. На этомъ перевалѣ, рассказываютъ здѣшніе жители, въ эту пору года свирѣпствуютъ почти постоянные бураны, и судя по виду горъ, нужно было ожидать такого же и сегодня:—онѣ всѣ были окутаны голубоватой дымкой.

Отъ равнины, покрытой травой, стали подниматься въ горы; дорога то высоко взбѣгаетъ по бокамъ ихъ, то спускается въ ложбины; но, подвигаясь впередъ, мы постепенно поднимались все выше и выше и, по мѣрѣ поднятія, количество снѣга на дорогѣ становилось все больше; наконецъ мы въѣхали въ область полной глубокой зимы, гдѣ все было покрыто чистымъ снѣжнымъ покровомъ ослѣпительной бѣлизны. Здѣсь съ нами повстрѣчался огромный гуртъ барановъ, коровъ и козъ, которыхъ нѣсколько всадниковъ гнали изъ Тарбагатая въ Гу-Чэнь... Какой трудъ для людей и какое утомленіе для животныхъ должны представлять подобные переходы!..

Потомъ намъ указали на двѣ пирамиды просто насыпанныхъ камней, объяснивъ, что это пограничные знаки Россіи и Китая; а вскорѣ затѣмъ мы достигли высшей точки хребта, гдѣ насъ

встрѣтилъ, вмѣсто дожда, снѣгъ и рѣзкій холодный вѣтеръ. Но онъ былъ ничто въ сравненіи съ тѣмъ буряномъ, который пробралъ насъ вслѣдъ за этимъ, при выходѣ изъ горъ на такъ-называемую Чиликтинскую долину. Наибольшаго напряженія вѣтеръ достигъ, когда мы приблизились къ Бай-Мурзинскому ущелью, бывшему у насъ въ лѣвой сторонѣ. Никакой разговоръ теперь сдѣлался невозможенъ отъ гула, шума и свиста бури; да и не до разговоровъ было.

— Господа, держите шапки; надвигайте на лѣвую сторону!..— закричалъ кто-то изо всей силы.

Да; такой вѣтерокъ,—дующій не порывами, а непрерывно съ одинаковой силой, какъ будто выпускаемый изъ котла ненужный паръ, да еще со снѣгомъ, который колетъ кожу, какъ электрической щеткой,—можетъ просто забить человѣка до смерти, если не убраться отсюда возможно скорѣе!..

Транспортъ, (а съ ними и наши китайцы), давно отсталъ, потому что мы проѣхали нѣкоторое разстояніе рысью; и я съ ужасомъ подумывалъ о нихъ, а обезьянку свою даже похоронилъ мысленно.

Вскорѣ вдаль показался домикъ русской постройки и около него нѣсколько юртъ и землянокъ;—это и есть такъ называемый Чиликтинскій отрядъ у сопки Чаганъ-Обо, или просто пикетъ Чаганъ-Обо... И опять въ душѣ шевельнулось чувство неизъяснимой радости при видѣ этого неважнаго деревяннаго домика, можно сказать избы, съ деревянной крышей, русской трубой и нашими окнами...

Сюда (съ 1869 г.) каждое лѣто выходитъ изъ Зайсанскаго Поста отрядъ, состоящій изъ роты пѣхоты, сотни казаковъ и взвода артиллеріи, и остается здѣсь для охраненія границы на этомъ трактѣ; а осенью возвращается въ Зайсанъ; и въ настоящее время его уже тутъ не было. Упомянутыя постройки сдѣланы только въ нынѣшнемъ (1875) году, а прежде всѣ жили въ юртахъ, человѣкъ по двѣнадцать въ каждой. Лѣто здѣсь бываетъ обыкновенно холодное и вѣтреное, и иногда, говорятъ, даже въ іюлѣ выпадаетъ снѣгъ. Говорили также, что мѣстность эта не отличается здоровымъ климатомъ, что нерѣдко бываютъ лихорадки и даже тифъ.

Вскорѣ мы всѣ очутились въ маленькой, теплой и чистой комнаткѣ упомянутаго домика, гдѣ насъ встрѣтила опять С. В. Маевская, уѣхавшая съ мѣста ночлега впередъ, и ждала насъ

теперь уже съ приготовленнымъ чаемъ... И какими раемъ показалась опять эта маленькая низенькая комнатка! Какъ радовалъ видъ русской любезной хозяйки!.. Мгновенно забылись и холодъ, и вѣтеръ, и колючій снѣгъ; забылись даже, хотъ и на время, всѣ невзгоды нашего путешествія. Бѣшеная буря, завывавшая на дворѣ, не прекращалась и только увеличивала наслажденіе; мнѣ казалось, что въ жизни моей никогда мнѣ не бывало такъ хорошо, какъ въ этой комнаткѣ въ Чаганъ-Обо; никогда, кажется, я не видалъ такихъ милыхъ и добрыхъ людей, какіе принимали насъ здѣсь.

Ѣда, питье, непрерывные разговоры и полная веселаго юмора рѣчь В. А. Полторацкаго продолжались весь остатокъ дня и вечеръ. Заботили насъ только наши оставшіе спутники, потому что погода становилась все ужаснѣе: на дворѣ былъ просто адъ кромѣшный, — зги божіей не видать, какъ говорится; юрты начало ломать; одну свалило совершенно; людямъ, выходившимъ наружу, трудно было сдѣлать нѣсколько шаговъ, потому что ихъ буквально бросало изъ стороны въ сторону, какъ въ качку на кораблѣ, и валило съ ногъ.

Когда уже стемнѣло, пришелъ караванъ со всѣми остальными спутниками, и къ общей радости все, оказалось, обошлось совершенно благополучно, — всѣ были здоровы, и никто ничего не отморозилъ; — но я былъ увѣренъ, что сегодняшній переходъ пройдетъ для китайцевъ даромъ... Наконецъ всѣ накормлены, согрѣлись и спать крѣпчайшимъ сномъ. Только бѣдныхъ лошадей и верблюдовъ негдѣ было укрыть отъ стужи и бури, свирѣнствовавшихъ цѣлую ночь.

И въ такую-то ночь приставъ и съ нимъ два офицера отправляются въ Зайсанъ, до котораго отсюда считается восемьдесятъ верстъ. Посмотрѣвъ я имъ вслѣдъ, и мнѣ за нихъ страшно стало.

— Какъ это они поѣхали въ такую погоду и по такой темнотѣ, — говорю, обращаясь къ одному изъ казаковъ; — не собьются съ дороги...

— Нѣтъ-съ, — отвѣтилъ онъ протяжно, самымъ увѣреннымъ и успокоительнымъ тономъ; и потомъ прибавилъ: — вѣдь съ ними кыргызы.

— Ну такъ чтожь?

— Какъ же чтожь!.. Кыргызъ видитъ, какъ сорока, — онъ вездѣ дорогу найдетъ.

И я имѣлъ возможность потомъ убѣдиться, что за ловкіе и что за желѣзные люди эти обитатели стѣней, эти „киргизы-сороки“, презирающіе и ночную темь, и бурю съ дождемъ и снѣгомъ, и быструю бурливую рѣку, не знающіе, кажется, ни усталости, ни страха передъ опасностью... Да, ихъ можно назвать царями стихій, и имъ невольно позавидуешь.

Итакъ, приставъ съ двумя офицерами уѣхаль готовится къ приему насъ въ Зайсанѣ, а мы провели вечеръ „дома“. Бесѣда у насъ, разумѣется, не прерывалась; насъ обо всемъ спрашивали, всѣмъ интересовались; но сегодня почти исключительно овладѣлъ аудиторіей Сосновскій: къ нему по преимуществу обращались съ вопросами и какъ къ начальнику, и какъ къ знакомому. Но увы, мы слышимъ, что онъ почти исключительно сообщаетъ „новости“ о Китаѣ изъ двухъ старинныхъ (но очень хорошихъ) сочиненій о Китаѣ,—Дюгальда и о. Іакинаа. Всѣ слушали съ живѣйшимъ вниманіемъ, принимая все за собственные наблюденія рассказчика и выражали только сожалѣніе, что Петръ Степановичъ ничего не слышитъ.

Этотъ П. С. Власовъ есть переводчикъ китайскаго и киргизскаго языковъ при семипалатинскомъ губернаторѣ,—мой первый учитель китайскаго языка. Человѣкъ онъ лѣтъ пятидесяти, но здоровый и полный энергіи и силъ. Онъ былъ сначала простымъ казакомъ, но своими дарованіями достигъ и чиновъ, и весьма почтеннаго положенія въ обществѣ; а также—человѣкъ любимый и уважаемый всѣми за свой прямой характеръ. Когда мы, передъ отправленіемъ въ Китай, жили въ Семипалатинскѣ, онъ много разъ выражалъ сильнѣйшее желаніе поступить переводчикомъ въ экспедицію; но по неизвѣстнымъ намъ причинамъ Сосновскій нашель это „абсолютно невозможнымъ“; Матусовскій же, помню, говорилъ, что онъ былъ бы для насъ кладомъ во многихъ отношеніяхъ, и особенно, какъ опытный походный человѣкъ и замѣчательный распорядитель въ дорогѣ,—движеніемъ и всѣмъ хозяйствомъ... Очень жаль; но чтожъ теперь жалѣть!.. Будемъ надѣяться, что Сосновскій въ своемъ, должно-быть, огромномъ сочиненіи о Китаѣ изложитъ причины, по которымъ онъ не могъ принять въ экспедицію Журавлева, Андропова, Шевелева, Нѣмчинова, точно такъ же, какъ и Власова.

— Однако, господа, надо ложиться спать, обратился къ обществу Полторацкій:—вѣдь ужъ Петръ Степановичъ давно спитъ;

а завтра онъ явится чѣмъ свѣтъ и начнетъ увѣрять всѣхъ, что „сонъ—дуракъ“.

Всѣ вскорѣ улеглись и заснули подѣ шумъ и свистъ расхолодившейся бури.

14 октября.

— Мать, вставай!.. Сонъ—дуракъ!.. слышу будить вошедшій Петръ Степанычъ нашу милую хозяйку, которая должна была напоить насъ чаемъ на дорогу.

Мы почти всѣ спали въ одной комнатѣ на полу, не раздѣваясь; живо встали и скоро собрались въ путь—теперь уже въ Зайсанъ, и уже не верхомъ, а въ экипажахъ. Довольно скоро переѣхали мы широчайшую Чиликтинскую долину, потомъ перешли черезъ невысокія горы, носящія тутъ названія Манракъ и Кишкнэ-Тау, и выбрались опять на обширную равнину, окаймленную со всѣхъ сторонъ отдаленными горами. Почти отъ этого мѣста начинается хорошо устроенная, обсаженная ивами, искусственная дорога, идущая черезъ насыпи и мосты, перекинутые надъ многими руслами, на какіе разбивается здѣсь горная рѣчка Уйдонэ. Весной и послѣ сильныхъ дождей она разливается настолько сильнымъ потокомъ, что до устройства этихъ дамбъ и мостовъ (въ 1873 г.) сообщеніе Зайсана съ Чаганъ-Обо въ такихъ случаяхъ прекращалось.

Съ этого же пункта открылось передъ нашими глазами и молодое русское поселеніе Цзай-Санъ, или Зайсанскій Постъ, названный по имени близъ лежащаго озера Цзай-Санъ-Норъ, изъ котораго вытекаетъ рѣка Иртышъ. Основаніе ему положено только въ 1868 году (у небольшой рѣчки Чжимини), а въ настоящее время Зайсанъ представляетъ на видъ уже городокъ, хотя и не имѣетъ еще официально этого титула*); въ немъ находится теперь нѣсколько прямыхъ и широкихъ улицъ, пересѣкающихся подѣ прямыми углами и обстроенныхъ хотя небольшими домами, но имѣющими характеръ городскихъ. Тутъ есть нѣсколько домовъ и большей величины, напримѣръ, квартира пристава, стоящая противъ единственной деревянной церкви, домъ благороднаго собранія, швола, зданія казенныхъ офицерскихъ квартиръ, казармы, госпиталь и нѣсколько частныхъ домовъ. Всѣхъ

*) Въ послѣднее время онъ сдѣланъ уѣзднымъ городомъ Семипалатинской Области.

жителей въ Зайсанѣ, какъ говорили въ шутку, 599, но тогда было дѣйствительно что-то около этого (въ 1875 г.).

Итакъ этотъ русскій городокъ первый встрѣтилъ насъ, встрѣтилъ съ нѣкоторою торжественностью и даже тремя пушечными выстрѣлами. Онъ пріютилъ насъ подъ своею сѣнью, и мы могли наконецъ вздохнуть свободнѣе, потому что находились теперь подъ охраною закона и общественнаго мнѣнія, а уже не подъ властью беззаконнаго капитана Сосновскаго.

Такимъ образомъ только на двадцать седьмой день по выходѣ изъ Гу-Чена достигнуто то благополучіе, о которомъ мы въ послѣднее время даже мечтать боялись...

Пріѣздъ новыхъ людей былъ для маленькаго Зайсана въ нѣкоторомъ родѣ событіемъ, и жители его устроили по этому случаю очень оживленный праздникъ: вечеромъ весь городокъ былъ очень мило иллюминированъ; хоры казаковъ на разныхъ углахъ улицъ пѣли пѣсни; вездѣ толпились жители, и народное гулянье по случаю иллюминаціи и музыки продолжалось до поздней ночи.

А вся недѣля, которую мы провели здѣсь, поджидая саннаго пути, была для насъ, можно сказать, однимъ непрерывнымъ праздникомъ. Обѣды въ домѣ военнаго собранія, балъ тамъ же, обѣды и вечера каждый день у кого-нибудь изъ радушныхъ зайсанцевъ не давали намъ времени опомниться, и недѣля пролетѣла какъ одинъ день; но никогда, говорю, не изгладится изъ моей памяти воспоминаніе о ней. Да позволено будетъ и мнѣ сказать вамъ спасибо, любезные обитатели Зайсана, за вашъ первый и такой сердечный пріемъ на родной землѣ, хотя я и принимаю на свою долю самую малую часть оказаннаго нашей экспедиціи вниманія, какъ человѣкъ, для васъ тогда совершенно неизвѣстный.

Отчего же такъ весело и торжественно было на душѣ (хотя въ то же время и ужасно тяжело и страшно, — страшно потому, что думалось, — не сонъ ли это одинъ)... Зналъ ли тогда Зайсанскій Постъ что онъ празднуетъ? Конечно нѣтъ, и не могъ знать: онъ праздновалъ такъ-сказать освобожденіе } крестьянъ, отпущеніе на волю крѣпостныхъ: Матусовскаго, Андреевскаго, Степанова, Смокотнина и автора *). Читателю легко можетъ по-

* Боярскій составлялъ, но совершенно случайнымъ причинамъ, исключеніе, такъ какъ Сосновскій самъ былъ у него даже въ унижительномъ подчиненіи.

казаться юморъ въ моихъ словахъ, но его и тѣни нѣтъ въ настоящемъ случаѣ: военная дисциплина есть тоже крѣпостное право, и она только на немъ и зиждется, и ею, какъ понятно, какъ и должно быть, только и сильны арміи. Отношенія экипажа и пассажировъ къ капитану корабля суть тоже крѣпостное право,—это всѣмъ извѣстно; и ни одинъ здравомыслящій человѣкъ на это роптать не станетъ, ибо понимаетъ, что иначе быть не можетъ.

Поэтому не было ни новостью, ни неожиданностью для насъ, когда мы отправлялись въ Китай, что мы обязываемся безпрекословно подчиняться всегда и всѣмъ приказаніямъ начальника экспедиціи. Но мы менѣ всего думали, что должны будемъ представлять только военный отрядъ, а не изслѣдователей страны: намъ казалось, что ведя себя вѣжливо, какъ мы приучены были и въ школѣ и въ обществѣ, что исполняя добросовѣстно каждый свои обязанности и стремясь къ достиженію одной общей цѣли, мы будемъ съ начальникомъ такими друзьями, у которыхъ и рѣчи никогда не зайдетъ о дисциплинѣ; и если случится какая-нибудь неприятность, такъ развѣ замѣчаніе начальника, какъ старшаго товарища, за то, что дѣло не додѣлано или исполнено не такъ хорошо, какъ требуется.

Мы были убѣждены, что будемъ жить пріятелями, что у насъ одного дня не пройдетъ безъ обмѣна мыслей, сообщеній того, кѣмъ что сдѣлано, и обсужденій, какъ и что дѣлать въ будущемъ... Читатель видѣлъ, хотя далеко не вполне, какъ жестоко мы ошиблись!

Да, Зайсанъ, говорю, явившійся на свѣтъ Божій черезъ восемь лѣтъ послѣ освобожденія крестьянъ въ Россіи, праздновалъ освобожденіе рабовъ отъ временной случайной власти... *И тутъ только, въ этомъ отдаленномъ уголкѣ нашей родины, я понялъ, почувствовалъ всѣмъ существомъ своимъ, что такое совершилось въ Россіи въ величайшій въ нашей исторіи день 19 февраля. Тогда только понялъ я, что, не бывъ рабомъ, нельзя постигнуть вполне, что значитъ быть освобожденнымъ: здѣсь въ первый разъ передъ моими глазами открылась вся бездонная глубина того ужаса, какой омрачаетъ не полтора года, а всю жизнь раба по рожде-*

вслѣдствіе несуществованія никакихъ оформленныхъ условій, на которыхъ первый вступилъ въ экспедицію, а потому онъ самъ былъ нашимъ такъ-сказать вице-баринномъ.

ню, не видящаго передъ собою того дня, въ который кончится эта убійственная безотчетная власть человека надъ человекомъ...

Не знаю, достаточно ли я сказала, чтобы вы, читатель, поняли и ту степень радости, какую испытывали мы, вытасканные изъ страшной пропасти и возвращенные своему обществу, мы, освобождены наконецъ отъ этого капитана Сосновскаго.

Ну... будетъ! Остальное простимъ, и многое недосказанное, какъ ужъ очень непривлекательное, обойдемъ молчаніемъ и постараемся забыть насколько возможно.

Посвятивъ читателя въ подробности путешествія, скажу два слова о людяхъ, съ которыми я былъ связанъ неразрывно въ теченіе полутора года, и о трехъ китайцахъ, таки доѣхавшихъ съ нами до Россіи; а также упомяну о результатахъ, или собственно матеріалахъ экспедиціи. Эти послѣдніе, пока хранившіеся въ довольно многочисленныхъ ящикахъ нашего багажа и въ нашихъ головахъ, благополучно были ввезены въ Зайсанъ: тутъ были работы всѣхъ, въ видѣ записокъ, картъ, рисунковъ, фотографическихъ негативовъ, разныхъ коллекцій и т. п., а также и оставшіеся неизрасходованными шесть ящиковъ съ серебромъ, (вѣсомъ ни какъ не менѣе двѣнадцати пудовъ), которые я видѣлъ въ послѣдній разъ въ Семипалатинскѣ и ничего больше о судьбѣ ихъ сообщить не могу, равно какъ объ отобранныхъ у насъ казенныхъ ружьяхъ и револьверахъ и, сохранившихся почти въ цѣлости, патронахъ. Знаю только, что ни оставшіяся неизрасходованными деньги, ни оружіе и патроны въ казну возвращены не были. Напротивъ, Сосновскій еще представилъ въ министерство финансовъ требованіе на возмѣщеніе ему перерасходованныхъ 5706 руб. 16 коп., и получилъ ихъ.

Коллекціи и работы были увезены каждымъ въ свой городъ, служившій до поѣздки мѣстомъ жительства, и подвергнуты обработкѣ.

Спутники мои разсѣялись такъ: казаки отправились къ своимъ роднымъ очагамъ; нашего милаго Танъ-Ло-ѣ я звалъ съ собою въ Петербургъ, но, кажется, сибирскіе снѣга и бураны такъ испугали его, что онъ дальше двинуться не рѣшился, полагая, вѣроятно, что они съ каждымъ днемъ будутъ дѣлаться все ужаснѣе: онъ остался въ Семипалатинскѣ, и послѣ, какъ я слышалъ, уѣхалъ обратно въ Китай съ тѣмъ конвоемъ, который сопровождалъ насъ отъ Гу-Чэна до Зайсана. Идеальный слуга Ма-Ло-ѣ уѣхалъ съ нимъ же. И какъ жаль, что Китай — до сихъ поръ

такая страна, съ жителями которой послѣ разлуки никакія сношенія почти невозможны: языкъ и отсутствіе почтовыхъ сообщеній точно Летою отдѣляютъ ихъ отъ остальнаго міра, — почти всѣхъ, кромѣ живущихъ на берегахъ; а Танъ и Ма, какъ читатель помнитъ, поѣхали съ нами изъ Средняго Китая (г. Хань-Чжунъ-Фу). Также прибывшій въ Семипалатинскъ, „Севозной“ отправился въ домъ казака Смокотнина семьяниномъ, и тамъ и остался. „Представитель серьезной фирмы“, и также отжившаго поколѣнія, старикъ Сюй, кажется, уѣхалъ въ Кяхту. Официальные же члены экспедиціи вскорѣ собрались въ Петербургъ для представленія отчетовъ.

Кончился тяжелый и не совсѣмъ пріятный трудъ, — тяжелый для автора главнымъ образомъ по своему характеру, который, конечно, не могъ ускользнуть отъ вниманія читателя: такія книги пишутся поневолѣ, а не по влеченію, — съ тяжелымъ сердцемъ, а не съ удовольствіемъ... Кончилась повѣствовательная часть путешествія, которую менѣе всего думалъ написать я, и настоящая книга, можно сказать, есть результатъ несчастнаго случая.

Но такъ или иначе, а она написана; и читатель теперь ожидаетъ заключенія, общаго вывода, моего мнѣнія о томъ и о другомъ... Но вѣдь вы знаете, въ какомъ духѣ оно можетъ быть высказано мною послѣ того, какъ я постоянно указывалъ, что самое дѣло изслѣдованія велось, по моему вполне искреннему и глубокому убѣжденію, совсѣмъ не такъ, какъ должно и какъ можно было! Вѣдь какъ бы ни старался я скрыть свое полугодовое сѣтованіе на то, что мы многое упускаемъ, не доглядываемъ, относимся къ принятой на себя обязанности не серьезно, какъ говорится, спустя рукава, — все равно, мнѣ бы это не удалось.

Такое путешествіе есть событіе—и по величинѣ пройденнаго пути, и по новости посѣщенныхъ странъ, и по важности результатовъ, какіе мы могли бы добыть при нормальныхъ условіяхъ, (а эти условія мы обязаны были и могли себѣ создать). Такое путешествіе, наконецъ, несомнѣнно оказываетъ вліяніе на дальнѣйшую судьбу нашихъ сношеній съ Китаемъ: поэтому легко относиться къ неудачамъ его нельзя, тѣмъ болѣе, что послѣднія происходили не отъ внѣшнихъ причинъ, — роковыхъ, такъ сказать,

борьба съ которыми невозможна,—а отъ насъ самихъ, вслѣдствіе чего мнѣ долго думалось, что горю помочь еще можно, еще не поздно, не все еще погнбло.

Читатель видѣлъ, какъ рано закралось въ душу опасеніе, что дѣло сильно пострадаетъ вслѣдствіе страннаго образа дѣйствій нашего распорядителя; онъ видѣлъ, какъ это опасеніе постепенно росло, какъ оно мучило и пугало насъ, наконецъ перешло въ полное отчаяніе и досаду, что и продолжалось до конца. Поэтому естественнѣе всего ожидать съ моей стороны недовольства результатами экспедиціи, не по сравненію съ тѣмъ, что требовалось (требовать впередъ ничего было нельзя, и бывшій министръ финансовъ даже говорилъ, отпуская экспедицію, что въ крайнемъ случаѣ будетъ достаточно и того, если всѣ члены ея вернутся по предположенному пути живыми), а по сравненію съ желаніемъ успѣха и возможностью,—съ идеаломъ, но не безумнымъ, не отвлеченнымъ, а вполне доступнымъ (что и подтвердилось на мѣстѣ). Я убѣжденъ, что читатель и не можетъ ждать отъ меня много отзыва, какъ такой, который въ деликатномъ видѣ формулируется, пожалуй, слѣдующимъ образомъ: „гдѣ нѣтъ предмета для хвалы, тамъ скажемъ все молчаніемъ“.

И я, дѣйствительно, предпочитаю воздержаться съ своей стороны отъ критической оцѣнки сдѣланнаго нами въ цѣломъ, по двумъ причинамъ: потому, во первыхъ, что я самъ могу заблуждаться: можетъ быть, я былъ не правъ во время путешествія, стремясь въ невозможному или ложному; а во вторыхъ, потому что я не имѣю никакихъ средствъ убѣдить читателя въ правдивости и чистотѣ своихъ намѣреній, приговоровъ и мнѣній: читателю приходится вѣрить мнѣ на слово, а повѣрить ли онъ или нѣтъ, я знать не могу; малѣйшее же сомнѣніе общества въ искренности словъ автора бываетъ тѣмъ прискорбнѣе, чѣмъ глубже прочувствованы и чѣмъ чистосердечнѣе высказанныя имъ слова.

Въ самомъ дѣлѣ, каждый можетъ допустить и личную вражду, и зависть, и просто неуживчивый нравъ, „незнаніе правилъ дисциплины“, „страсть въ оппозиціи“ ради ея самой, и тому подобное.

Итакъ, повторяю, я воздерживаюсь отъ критики. Но правъ ли я былъ, предвидя и предсказывая не особенно блестящій исходъ нашего дѣла,—читатель увидитъ изъ чужихъ отзывовъ о томъ же предметѣ. Въ концѣ этого тома я приложилъ разборъ отчета экспедиціи, сдѣланный однимъ извѣстнымъ знатокомъ Азіи и на-

шихъ торговыхъ сношеній съ азіатскими государствами, г. Н. Петровскимъ (и не избранныя только мѣста, а цѣликомъ, въ подлинникѣ); здѣсь же приведу отзвѣвъ англійской печати, всегда, какъ извѣстно, съ особеннымъ вниманіемъ слѣдящей за нашими изслѣдованіями на азіатскомъ материкѣ. Изъ этой статьи (въ *The Academy*, 1876. Oct. 14), написанной по поводу выставки китайскихъ произведеній (открытой Сосновскимъ во время съѣзда ориенталистовъ въ Петербургѣ, въ домѣ мин. вн. дѣлъ) и его краткаго отчета, помѣщеннаго въ *Изв. Р. И. Геогр. Об.*, я во избѣжаніе повтореній (касательно состава экспедиціи, задачъ, пути и т. п.) приведу лишь слѣдующія немногія мѣста о сущности дѣла:

„We have given a brief outline of a journey which might have produced brilliant results, but these are certainly not to be found in Sosnofsky's collection nor in his Report published in the second number of the *J. G. S's Proceedings* of this year. As for the exhibition, the various articles displayed possess a minimum of scientific interest and are intrinsically of littl value...

...„the Report of the chief is remarkably scanty, only twelve pages being devoted to it. One might have inferred that time did not allow of his writing more. That this is not the case, however, is evident from the lengthy and verbose descriptions of unimportant matter contained in it...

...„Indeed the Report is worth reading for the sake of knowing; not what a Russian scientific expedition has done, but what it has left undone“... *)

---

*) ...„Мы дали бѣглий очеркъ путешествія, которое могло бы привести къ блестящимъ результатамъ, но послѣднихъ, какъ оказывается, не видно ни въ выставкѣ Сосновскаго, ни въ его отчетѣ, напечатанномъ во второмъ номерѣ *Изв. Геогр. Общ.* настоящаго года. Что касается выставки, то находящіеся здѣсь предметы представляютъ наименьшій научный интересъ и не дѣльны по своему достоинству...

...„Отчетъ начальника замѣчательно скромень по объему, занимал всего двѣнадцать страницъ. Можно бы подумать, что онъ не имѣлъ времени написать больше. Но что причина не заключается въ этомъ, видно изъ длинныхъ и словообильныхъ описаній нѣкоторыхъ неважныхъ предметовъ, заключающихся въ немъ...

...„Въ самомъ дѣлѣ, отчетъ стоятъ прочесть для того, чтобы узнать не то что русская экспедиція сдѣлала, а что оставила недоделаннымъ“...

Если вамъ, читатель, просто какъ русскому человѣку, больно слышать подобныя отзывы, то во сколько разъ должно быть грустнѣ намъ, членамъ этой самой экспедиціи, особенно послѣ нашихъ широкихъ замысловъ, плановъ, стремленій и готовности работать до изнеможенія!...

И какъ мало могли мы ожидать чего либо подобнаго въ началѣ, такъ не ждали ничего иного потомъ, когда увидѣли, что почти всѣ задачи отошли на второй, третій и совсѣмъ задній планъ. А мы не могли не знать, что на насъ смотритъ и за нами слѣдитъ весь образованный міръ,—мы знали, какъ строго въ своемъ судѣ и требователенъ этотъ образованный міръ; знали, что онъ тѣмъ строже, чѣмъ болѣе довѣрилъ или ожидалъ отъ людей, взявшихъ на себя такую важную и видную роль...

Я могъ бы умолчать объ этомъ, игнорировать, но, во первыхъ, это бесполезно; а во вторыхъ, и человѣку и обществу слѣдуетъ знать свои болѣзни, и не давать имъ укореняться, чтобы своевременно начать лѣченіе, чтобы не пришелъ врачъ и не сказалъ: господа, слишкомъ поздно!

Не могу я, въ сожалѣнію, приписать приведенныя слова англійскаго критика и общему недоброжелательству англичанъ къ намъ, русскимъ (хотя,—должно сказать правду,—въ области науки этого недоброжелательства вовсе не существуетъ); не могу потому, что ни мало не утѣшительнѣе и критика русская, слѣдовательно,—можно бы ожидать,—болѣе снисходительная... Напротивъ, она еще безпощаднѣе, какъ ни умѣренна въ своихъ требованіяхъ...

Да... Не того хотѣлось мнѣ, не то надѣлся я читать о нашей экспедиціи, не къ тому стремился всѣми силами, отъ перваго до послѣдняго дня во все время путешествія; не „раздоръ желалъ я вносить въ нашу семью“, какъ неоднократно и безуспѣшно старался увѣрить меня и другихъ Сосновскій: я желалъ доброй славы и всей „нашей семьѣ“, и лично ему, — но только славы, заслуженной честнымъ трудомъ, да чѣмъ же нужно быть, чтобы имѣть инныя желанія и стремленія! И такія стремленія даромъ не проходятъ: несмотря ни на что, каждымъ изъ спутниковъ Сосновскаго въ отдѣльности сдѣлано очень много. Не удалась только общая задача, о подробностяхъ которой, я сказалъ, говорить не буду; но не скажу, что безъ сожалѣнія отказываюсь отъ критическаго разбора научныхъ и практическихъ результатовъ нашего путешествія.

Тогда, можетъ быть, возможно было бы поставить вопросъ — не являются ли настоящія усложненія политическихъ дѣлъ съ Китаемъ прямымъ послѣдствіемъ нѣкоторыхъ нашихъ дѣйствій, напримеръ въ г. Лань-Чжоу-Фу?

Такъ оканчивается мой второй томъ въ первомъ изданіи. Тѣми же словами закончился бы онъ и теперь, если бы въ истекшіи промежуткахъ времени не случилось одного обстоятельства, которое заставляетъ меня прибавить къ книгѣ нѣсколько заключительныхъ словъ, и если бы я не зналъ, что читателю хочется предложить мнѣ нѣсколько вопросовъ и какихъ именно. Ихъ мнѣ не трудно было знать а priori, но они и прямо предлагались мнѣ публичкой тысячу разъ.

— Что же г. Сосновскій? Гдѣ онъ? Какъ онъ отнесся къ моей книгѣ и что сказалъ въ свое оправданіе? Гдѣ онъ помѣстилъ свой подробный отчетъ о путешествіи и свою защиту, если онъ такой напечаталъ и если защищался?

Вотъ что безъ сомнѣнія желаетъ узнать читатель, и, конечно, доволенъ будетъ получить отвѣты на свои вопросы.

Бывшій капитанъ, а нынѣ полковникъ, Сосновскій находится въ Нижнемъ-Новгородѣ, гдѣ занимаетъ должность начальника штаба 3-й пѣхотной дивизіи. Книгу мою онъ прочелъ съ должнымъ вниманіемъ, отнесся къ ней извѣстнымъ образомъ, и вотъ это-то „отношеніе“ его я и назвалъ выше „однимъ обстоятельствомъ“, заставляющимъ меня прибавить нѣсколько словъ къ читателямъ.

Прочитавъ мою книгу, въ появленіе которой будущій генералъ не вѣрилъ, онъ сразу понялъ, что возражать, защищаться и оправдываться абсолютно невозможно, что приходится, слѣдовательно, торжественнымъ молчаніемъ признать справедливость моихъ словъ. Но онъ ѣздилъ въ Китай официальнымъ лицомъ, командированнымъ правительствомъ, но онъ носитъ извѣстный мундиръ, который по существующему обычаю налагаетъ извѣстные обязательства;—поэтому молчать оказывалось по меньшей мѣрѣ неудобнымъ... Что же остается дѣлать, когда ни честно говорить, ни честно молчать нельзя?!.. Надо поискать иныхъ путей. И вотъ, неожиданная случайность указываетъ одинъ, основанный повидимому на вѣрнѣйшемъ расчетѣ. Распространяется слухъ о томъ, что я отправляюсь на фрегатѣ „Герцогъ Единбургскій“

въ кругосвѣтное плаваніе, примѣрно года на три *). Сосновскій сообразилъ, что такое продолжительное отсутствіе автора столь опасной для него книги есть самый удобный случай, чтобы оклеветать отсутствующаго автора и, слѣдовательно беззащитную, книгу его.

Онъ входитъ въ тайное соглашеніе съ бывшимъ фотографомъ экспедиціи, пишетъ отъ его имени письмо, въ которомъ заставляетъ того свидѣтельствовать „по чистой совѣсти“ предъ русскимъ обществомъ въ томъ, что книга моя безсодержательна, что все въ ней касающееся хода экспедиціи есть одна „ложь и клевета“, что самъ авторъ преступный человѣкъ, дерзко посмѣявшійся надъ печатью и позволившій себѣ ввести въ заблужденіе русское общество.

Въ письмѣ говорится далѣе, что противъ меня имѣются документы и другіе свидѣтели, но не у него, фотографа, а у Сосновскаго, который, вѣроятно не замедлитъ и т. д.

Когда это письмо было готово, оставалось только отыскать редакцію, которая бы пошла на слѣдующіе три акта. Впервыхъ, напечатать у себя бездоказательный фальшивый документъ, компрометирующий сочиненіе и его автора; вовторыхъ, заявить отъ себя публично, что вслѣдъ за „письмомъ“ выйдетъ возраженіе на него самого Сосновскаго, и, въ третьихъ, обойти во что бы ни стало извѣстный законъ о печати, по которому всякая редакція періодическаго изданія обязывается помѣстить у себя отвѣтъ на напечатанную статью, извѣстнаго характера, то-есть, ни въ какомъ случаѣ этого моего отвѣта не принимать.

Такая редакція нашлась въ Петербургѣ, но къ чести русской печати, только одна. Итакъ, образовался тройственный союзъ, но успѣхъ задуманнаго предпріятія могъ бы быть дѣйствительнымъ лишь въ томъ случаѣ, если бы напечатанное въ „Голосѣ“ подложное письмо г. Сосновскаго, подъ заглавіемъ „Экспедиція въ Китай“, осталось не избличеннымъ, если бы общество такъ и приняло его за честное свидѣтельство третьяго лица — фотографа, и съ этимъ убѣжденіемъ осталось. Но такъ какъ фрегатъ по совершенно неожиданнымъ причинамъ не могъ отправиться въ плаваніе, то я остался въ Петербургѣ и этимъ испортилъ все дѣло: вся закулисная сторона заговора была немедленно показана

*) Слухъ этотъ былъ совершенно основателенъ: отъѣздъ мой былъ рѣшенъ, и я уже началъ было готовиться къ путешествію.

русскому обществу въ отдѣльной брошюрѣ подъ заглавіемъ „*Неудачная Экспедиція въ Китай*“. Въ ней противники обезоруживаются уже окончательно, и имъ между прочимъ сказано мною, что въ случаѣ повторенія подобныхъ беззастѣнчивыхъ поступковъ „среди бѣла-дня“, то-есть въ столичной печати или иной какой, они будутъ призваны къ отвѣтственности предъ Судомъ.

Съ тѣхъ поръ прошелъ годъ, и союзники, понявъ, что на меня не дѣйствуютъ ни подлогъ, ни угрозы, благоразумно безмолвствуютъ. И читатели напрасно стали бы ожидать какихъ-нибудь дальнѣйшихъ разъясненій: послѣ моей книги, если она прочитана вся, послѣ статьи г. Петровскаго, уличающаго г. Сосновскаго въ литературномъ воровствѣ (см. ниже), и моей брошюры, разоблачающей его послѣднее преступленіе—все, надѣюсь, ясно.

Какой же тайный смыслъ и какія настоящія цѣли имѣла эта будто бы экспедиція,—спросить читатель. А вотъ какіе.

Смыслъ „учено-торговой“ ширмы, прикрывавшей собою, несомнѣнно заранѣе обдуманную и подготовленную поставку хлѣба для китайской арміи Генеральнаго Штаба Капитаномъ Сосновскимъ, и больше ничего. И я смѣло заявляю, и имѣю на это права, что не будь въ экспедиціи меня и Матусовскаго, результаты ея равнялись бы очень большому нулю, во всѣхъ отношеніяхъ кромѣ личной наживы ея начальника... Да, увы, читатель, къ сожалѣнію, все—горькая правда!.. Намъ остается теперь только заботиться всѣми силами о томъ, чтобы сдѣлать повтореніе „учено-торговыхъ“ экспедицій съ представленіемъ подобныхъ „Отчетовъ“, печатаніе завѣдомо фальшивыхъ свидѣтельскихъ показаній, и поощреніе подобныхъ дѣяній любезной услужливостью, ни для кого невозможнымъ. Довольно съ насъ того, что было.

И начало новой эпохи мы уже видимъ,—видимъ въ томъ, что мы можемъ печатно говорить о злоупотребленіяхъ довѣріемъ правительства и общества и властью; въ словахъ, высказанныхъ печатью по поводу моей брошюры, и, наконецъ, въ молчаніи тѣхъ, кто больше не рѣшается говорить открыто, несмотря на то, что ихъ объясненій не только ждутъ, но даже требуютъ.

К о н е ц ъ .

СПИСОКЪ НАЗВАНІЙ РАСТЕНІЙ,

СОБРАННЫХЪ НА ПУТИ

между г. Фань-Чэнъ и Зайсанскимъ Постоу (въ провинціяхъ Ху-Бэй, Шэнь-Си, Гань-Су и Монголіи *).

Февраль.

Провинція Ху-Бэй.

- 10. *Cymbidium*.
- 26. *Salix babylonica*.
- 27. *Pisum sativum* (Уанъ-доу).
- *Stellaria media* α *decandra*.
- *Prunus Davidiana* (Ъ-гао-цзы).
- *Digitaria*.
- *Capsella bursa pastoris*.
- *Brassica juncea*.
- *Baea hygrometrica*.
- *Ulmus campestris* (Юй-шу).
- *Corydalis edulis* n. sp. (Шуй-цинъ-цай).
- *Populus adenopoda* n. sp.
- *Buddleia officinalis* n. sp.

Мартъ.

Провинція Шэнь-Си.

- 6. *Euphorbia* (Лэй-цзянъ-цай).
- 8. *Lucium* (Ти-гу-пи).

- 8 *Brassica campestris* (Ю-ца-Ъ).
- *Gleditschia* (Ланъ-я-цзы).
- *Juglans*.
- *Ajuga*.
- *Smithia*.
- *Dysophylla*.
- ? (Лунъ-си-цао) (для верев. и обуви).
- *Pteris* (Фынъ-гуй-цао).
- ? (Ти-о-ланъ) (кормов. тр. топливо).
- *Pirus chinensis*.
- (?) Ти-ми-цай.
- *Oxalis* (Санъ-си-цао) (лѣкар. отъ ушиб.).
- *Prunus Davidiana* (Хуанъ-лянъ-я).
- (?) Пянъ-янъ-э.
- (?) Ма-хуанъ-шу (дерево лѣк.).
- *Persica vulgaris*.
- *Ligustrum* (Туъ-синъ-шу).
- *Urticacea?* Мореа? (Та-манъ-шу).
- *Buddleia officinalis* n. sp.

*) Вся моя ботаническая коллекція находится въ ботаническомъ музеѣ Академіи Наукъ и разработывается Акад. К. И. Максимовичемъ, сообщившимъ мнѣ и для настоящаго списка научныя названія тѣхъ растеній, которыя онъ успѣлъ опредѣлить по настоящее время. Полный же списокъ и описанія новыхъ формъ будутъ напечатаны имъ въ изданіяхъ Академіи.

9. *Ulmus campestris* (Юй-шу).
— *Citrus* (Цзюй-цзы).
10. Бай-ла-шу (дерево бѣлаго воска).
— *Vaccinium*?
11. *Prunus Armeniaca* (Хынь-Цзы-шу).
— (?) Туа-гуа-ню.
16. *Boraginea*.
17. *Polygala japonica*.
— *Eleusine* (Маа-ни-цао) (лѣкар.).
— *Imperata*.
— *Lactuca formosana*.
— *Lactuca denticulata*.
— *Rehmannia Piasezkii* n. sp.
— ? Фу-сянь-шу.
— *Moricandia sonchifolia*.
— *Caryopteris terniflora* n. sp.
— *Erysimum macilentum*.
— *Morus alba*.
— *Cardamine Impatiens*.
— *Cunninghamia* (Ша-шу).
— *Debregeasia* (Цы-ба-шу).
— *Campanula*.
— *Corydalis racemosa*.
— *Thea*.
— *Polygonum*.
— *Celtis Wildenowiana*.
— *Quercus* (Хуа-лѣ-шу).
— *Vixus* (Цянь-нянь-гай).
— *Catalpa Bungei*.
— *Pterocarya* (Ма-лю-шу).
— *Campanula veronicifolia*.
19. *Prunus Pseudocerasus*.
20. *Hedera helix*.
— *Lactuca denticulata*.
— *Epimedium pubescens* n. sp.
— *Juniperus*.
— *Eriobotrya japonica*.
— *Euphorbia*.
— *Triticum*.
— *Rhamnus*.
— *Adiantum*.
— *Thyrocarpus* sp.
— *Acer discolor* n. sp.
— *Ficus*.
— *Niphobolus Lingua*.
20. *Xylosma racemosa*.
— *Eremostachys*.
— *Boraginea*.
— *Delphinium anthriscifolium*.
— *Prunus japonica*.
— *Parechites Thunbergii*.
22. *Zanthoxylon*.
— *Ophiopogon*.
— *Broussonetia papyrifera*. (Коу-шу).
23. *Androsace saxifragifolia*.
— *Houttuynia cordata* (Фынь-шу).
— (?) Фу-лянь-шу.
— *Pterocarya* (Фу-сянь-шу).
— *Lysimachia Christinae*.
— *Rubus* (Хуанъ-цы-пао).
— (?) Мынь-цзы-шу.
— *Potentilla*.
— *Sterculia platanifolia*.
— *Prunus pseudocerasus*.
— *Zantoxylon*.
— *Vicia sativa*.
— *Lysimachia* sp.
— *Rhus vernicifera* (Чунъ-шу).
— *Rhus vernicifera* (Ця-шу).
— *Urtica cannabina*.
— *Wistaria chinensis*.
— *Smilax ferox* (Тянь-ганъ-тынь).
24. *Populus adenopoda* n. sp.
— *Ranunculus sceleratus*.
— *Brassica campestris* (Ю-ца-ѣ).
— *Boehmeria nivea* (Цю-ма, Пянь-ма, Чжунъ-ма).
25. *Papaver somniferum*.
— (?) Цю-пинъ-лянь (мель-сѣдоб. ябл.).
28. *Daphne*.
— *Vitis tricuspidata*.
— *Diospyros Lotus*.
— *Viburnum schensianum* n. sp.
— *Pistacia chinensis*.
— *Dipelta floribunda* n. gen.
29. *Quercus*.
— *Polygala japonica*.
31. *Caryopteris terniflora* n. sp.

А п р ѣ л ь.

1. *Imperata*.
 3. *Biota*.
 — *Acer pilosum* n. sp.
 4. *Gentiana* sp.
 — *Houttuynia cordata*.
 5. *Juncus* (?).
 — *Pinus Massoniana*.
 — *Elaeococca cordata* (Тунъ-цзы-шу).
 — *Quercus*.
 — *Buxus*.
 — *Rhus Cotinus*.
 — *Clerodendron*.
 — *Zanthoxylon Bungei*.
 — *Diospyros Kaki*.
 — *Senecio* (?) (Ню-лай-ту-уань-уань).
 6. *Melia japonica* vel *Azedarach*.
 — *Pteris cretica*.
 — *Oxalis corniculata*.
 — *Wikstroemia*.
 — *Ranunculus pensylvan.* var. *japonica* (Ъ-мань-хуа).
 8. *Pulsatilla chinensis*.
 — *Lithospermum Zollingeri*.
 10. *Papaver somniferum* (Инь-си-хуа).
 — *Catalpa Bungei* (Цю-шу) (упот. на лодки).
 — *Ranunculus acris* β *Steveni*.
 — *Ulmus campestris* (Юй-шу).
 — ? Маурь-нянь.
- Равнина Хань-Чжунъ-Фу.
13. *Aesculus sinensis*?
 17. *Acorus* (Сянъ-ху-цзы).
 — *Gnaphalium* (Чи-минъ-цай) (сѣдобн.).
 — *Polygonum* (Ъ-ляо-цзы).
 — *Euphorbia helioscopia* (Янь-сю-рѣ).
 — ? (Сяо-цань).
 — *Raphanus sativus* (Ло-бо).
- 17 *Eritrichium pedunculare*.
 — *Coriandrum* (Ю-рѣ-цай).
 — *Stachys* (Кэ-ма-и).
 — *Daucus Carota* (Хунъ-ло-бо).
 — *Composita* (Ча-линь-цзы).
 — *Taraxacum* (Ку-ма-цай).
 — *Plantago media* (Ци-тоу-хоу) (лѣк. отъ ушиб.).
 — *Ranunculus sceleratus*.
 — *Labiata*.
 — *Veronica* sp.
 — *Arundinaria*.
 — *Allium* (Па-чуй-цао).
 — *Sonchus*.
 — *Gnaphalium* (Чи-минъ-цай).
 20. *Rubia*.
 — *Potamogeton*.
 — *Juniperus*.
 — *Evolvulus*.
 — *Verbena officinalis*.
 — *Lonicera japonica*.
 — *Viburnum plicatum*.
 — *Diospyros Kaki*.
 — *Punica granatum*.
 — *Mazus rugosus*.
 — *Gleditschia* (Ланъ-я-цзы).
 — *Prunus communis*.
 — *Veronica* sp.
 — *Malva verticillata*.
 — *Pinus* (изъ отдѣла *Cembra*).
 — *Tamarix chinensis*.
 — *Sacalia*.
 — *Abutilon Avicennae*.
 23. *Lycium*.
 — *Rumex*.
 25. *Imperata arundinacea*.
 — *Melia japonica* vel *Azedarach*.
 — *Bromus*.
 — *Foeniculum* (Сяо-хуй-сянь).
 — *Rhus Cotinus*.
 — ? *Pteris*.
 — *Melica virgata*.
 — *Brassica juncea*.
 26. ? Злакъ.
 28. *Hordeum* (Цха-но-ми).
 — *Sterculia platanifolia*.
 — *Hordeum hexastichum* (Фамн).

- 28 *Osmanthus fragrans* (Гуай-хуа-шу).
 — *Chimonanthus fragrans* (Ламэй-хуа).
 — *Cupressus*.
 30. *Malva silvestris*.
 — *Cynodon Dactylon*.
 — *Sagina Linnaei*.
 — *Mazus rugosus*.
 — *Aesculus*.
 — *Broussonetia papyrifera* (Кой-шу).
 — *Cyperus*.

М а й.

7. *Coriaria* (Ма-санъ-цзы).
 — *Calamintha chinensis*.
 — *Grewia*.
 — *Aspidium falcatum*.
 — *Eryum Lens* (Пинъ-доу).
 — *Lactuca sororia* (?).
 — *Torilis*.
 9. *Leontopodium sibiricum*.
 12. *Chara*.
 — *Andropogon*.
 — *Umbilicus spinosus* (Уа-сунъ).
 13. *Forsythia suspensa*.
 20. *Aristolochia* (Ши-цзо-я).
 — *Populus nigra var. chinensis*.
 21. *Salix babylonica*.
 — (?) Тунъ-Ма (Чжунъ-ма).
 — *Fraxinus* sp.
 — (?) Со-Ло-Шу.
 — *Aegle* (Чу-цинъ-цзы).
 — *Chrysanthemum coronarium* (Тынъ-хоо).
 — *Ligustrum*.
 — *Alcea rosea*.
 — *Lysimachia* sp.
 — *Quercus*.
 — *Potentilla*.
 — *Chenopodium*.
 — *Ulmus campestris*.
 — *Caesalpinia sepiaria* (Ъ-цзо-гяо).
 — *Hemiptelea Davidiana*.
 — ? Со-ло-шу.

- 21 *Caragana*.
 — *Gossypium herbaceum*.
 — *Brachypodium*.
 — *Sagittaria pygmaea*.
 — *Pyrethrum indicum*.
 — *Davallia chinensis*.
 — *Ixeris*.

Хребетъ Цзунъ-Линъ. Граница пров. Шэнь-Си и Гань-Су.

22. *Trichomanes*.
 — *Koeleria cristata*.
 — Роа.
 — *Iris tectorum Maxim.*
 — *Digitaria*.
 — (?) Злакъ.
 — *Calamagrostis Epigejos*.
 — *Aspidium*.
 — *Selaginella mongolica*.
 — *Antennaria*.
 — *Populus suaveolens*.
 — *Castanea vesca*.
 — *Acanthopanax spinosum*.
 — *Incarvillea* sp.
 — *Ligustrum Ibot* (?).
 — *Viburnum Opulus*.
 — *Celastrus articulatus*.
 — *Lycium*.
 — *Pirus chinensis*.
 — *Vitex*.
 — *Verbena officinalis*.
 — *Bocconia cordata*.
 — *Salvia*.
 — *Pedicularis muscicola Maxim.*
 — *Caragana frutescens*.
 — *Pedicularis spicata*.
 — *Polygonum*.
 — *Hypericum patulum*.
 — *Labiata*.
 — *Parechites Thunbergii*.
 — *Rhamnus*.
 — *Boraginea*.
 — *Veronica Anagallis*.
 — *Ramnus* sp.
 — *Lycium*.
 — *Lysimachia japonica*.
 — *Vicia*.

- 22 *Fagopyrum*.
 — *Acalypha* (?).
 — *Polygonum*.
 — *Viburnum dilatatum*.
 — *Broussonetia papyrifera*.
 — *Sorbus Aria*.
 — *Rubus* (Мэй-сы-цзы).
 — *Trichosanthes Kirilowi*.
 — *Galium verum*.
 — *Euphorbiacea*.
 — *Berberis Wallichiana*.
 — *Pterocarya stenoptera*.
 — *Sedum* похожий на *Aizoon*.
 — *Lindera triloba*.
 — *Calimeris incisa* var.
 — *Clematis grata*.
 — *Morus alba*.
 — *Clematis brevicaudata*.
 — *Biota*.
 — *Thalictrum foeniculaceum*.
 — *Cephalotaxus Fortunei*.
 — *Talictum petaloideum*.
 — *Incarvillea chinensis*.
 — *Clematis terniflora* (Ма-санъ).
 — *Lysimachia Christinae*.
 — *Marlea*.
 23. *Marsilia quadrifolia* (?).
 26. *Spiraea prostrata* n. sp.
 — *Chimonanthus*.
 — *Rospidios* (?) *Vaccinium* (Пэй-чжи-цзы).
 — *Erysimum macilentum*.
 — *Zizyphus*.
 — *Paederia*.
 — *Actinidia* (Хуа-ши-тяо).
 — *Salvia*.
 — *Calamintha chinensis*.
 — *Berberis Tunbergi* var. *Maximowiczii*.
 — *Jasminum*.
 — *Diospyros Lotus*.
 — *Vitis heterophylla*.
 — *Parechites Thunbergii*.
 — *Lysimachia* sp.
 — *Berberis Bealei* Fort. (var. *planifolia* Hook.
 — *Lysimachia* sp.
 — *Quercus*
- 26 *Rubia cordifolia* (Тю-Тю-тэнь).
 — *Quercus* (Санъ-го-цзы-шу).
 — *Litsaea*.
 — *Saxifraga sarmentosa*.
 — *Asclepiadea*.
 — *Quercus phillyreaefolia*.
 — *Rhamnus*.
 — *Glochidion*.
 — *Polygonum perfoliatum*.
 — *Zanthoxylon piperitum* (Ъ-тяо-цзы).
 — *Cynoglossum*.
 — *Pteroceltis Tatarinowi* (Ю-пунъ-пунъ-шу).
 — *Ficus*.
 — *Malachium aquaticum*.
 — *Ficus* (Че-шу)
 — *Boemeria spicata* var.
 — *Vicia* (Лоу-доу) корм. тр.
 — *Sophora angustifolia*.
 — *Berchemia racemosa*.
 — *Grewia parviflora*.
 — *Adiantum*.
 — *Akebia quinata*.
 — *Conferva*.
 — *Rubus rosifolius*.
 — *Anemone* affin. *A. japonicae*.
 — *Rhus semialata*.
 — *Pistacia chinensis*.
 — *Senecio Kaempferi*.
 — *Zanthoxylon* sp.
 — *Albizzia*.
 — *Jasminum floridum*.
 — *Acer discolor* n. sp.
 — *Marlea*.
 27. *Fragaria*.
 — *Artemisia vulgaris* (У-яо).
 — *Aspidium*.
 — *Campanula punctata*.
 — *Carex*.
 — *Artemisia japonica*.
 — *Clematis* sp. nov. affin. *Cl. brevicaudatae*.
 — *Phleum*.
 — *Schizandra chinensis*.
 — *Baea hygrometrica*.
 — *Polypodium*.

- 27 Aster.
 29. Quercus.
 — Cephalotaxus drupacea.
 — Scorzonera.
 — Pedicularis muscicola.
 — Tamariix chinensis.
 — Ginkgo biloba.
 30. Prunus communis.
 — Statice.
 — Caryopteris terniflora.
 — Astilbe.
 — Thymus Serpyllum.
 — Jasminum nudiflorum (Инь-
 чжунь-хуа).
 — Pistacia chinensis.
 — Hyoscyamus niger.
 — Buddleia (Мынъ-хуа).
 — Peganum.
 — Bothriospermum tenellum.
 — Sedum.
 — Ligustrina amurensis.
 — Eritrichium pedunculare.
 — Statice bicolor.
 — Glaucium leptopodum n. sp.
 — Jasminum nudiflorum.
 — Rumex.
 — Aster altaicus.
 — Hippoae rhamnoides.
 — Dioscorea.
 — Cnicus arvensis.
 — Rhapsoticum uniflorum.
 — Stipa.
 — Carpesium cernuum.
 — Aspidium varium.
 — Asplenium.
 — Melilotus coerulea.
 — Buddleia alternifolia n. sp.
 31. Cupressus.
 — Populus suaveolens.
 — Solanum lyratum.

И Ю Н Ъ.

2. Hemiptelea Davidiana.
 3. Buddleia officinalis n. sp.
 — Incarvillea chinensis.
 — Scirpus maritimus.
 — Statice bicolor.

- 3 Bothriospermum tenellum.
 — Ranunculus sceleratus.
 — Elaeagnus.
 — Caltha palustris β . sibirica.
 — Cynanchum pubescens.
 — Eruca sativa.
 — Boraginea.
 — Brassica juncea.
 — Rumex.
 — Ranunculus pensylvanicus
 var. chinensis.
 — Arabis Piasezkii n. sp.
 — Pedicularis muscicola.
 — Ranunculus acris.
 — Phytolacca edulis.
 — Isatis.
 — Convolvulus arvensis.
 — Malcolmia africana.
 — Sisymbrium Piasezkii n. sp.
 — Incarvillea chinensis.
 — Sedum.
 — Veronica Anagallis.
 — Galium Aparine.
 — Marlea.
 — Rhamnus sp.
 — Artemisia.
 — Potentilla.
 — Statice.
 — Melilotus coerulea.
 — Lithospermum arvense.
 — Nasturtium.
 — Silene conoidea.
 — Lespedeza (Campylotropis).
 — Zizyphus Lotus.
 — Saponaria Vaccaria.
 — Aster altaicus.
 — Populus nigra δ . sinensis.
 5. Acer discolor.
 6. Silene conoidea.
 — Medicago lupulina.
 — Vicia sativa.
 7. Delphinium grandiflorum.
 — Dracocephalum Moldavica.
 — Nitraria.
 — Seutellaria.
 — Glaucium leptopodum n. sp.
 — Peganum.
 — Lycium.

- 7 *Tanacetum*.
 — *Artemisia*.
 — *Crepis*.
 — *Elymus*.
 — *Calamagrostis*.
 — *Alisma Plantago*.
 — *Populus nigra* var. *sinensis*.
 — *Triticum*.
 — *Leontopodium sibiricum*.
 — *Aster altaicus*.
 9. *Populus suaveolens*.
 — *Thalictrum foeniculaceum*.
 — *Melilotus coerulea*.
 — *Lepidium latifolium* var. *affine* C. A. Meyer.
 — *Pedicularis muscicola* Maxim.
 — *Potentilla bifurca*.
 — *Gentiana*.
 — *Corydalis adunca* Maxim.
 — *Sambucus*.
 — *Myricaria*.
 — *Senecio campestris*.
 — *Poa*.
 — *Melica virgata*.
 — *Arundo*.
 — *Allium*.
- Правая (южная) половина долины
Желтой Рѣки.**
10. *Carex*.
 — *Hordeum* (Да-ми).
 — *Asparagus*.
 — *Serratula*.
 — *Rhaphonticum uniflorum*.
 — *Pirus Calleryana*. (?)
 — *Thymus Serpyllum*.
 — *Artemisia*.
 — *Pedicularis verticillata* var. *chinensis*.
 — *Amberboa*.
 — *Thalictrum petaloideum*.
 — *Clematis orientalis* var. *tangutica*.
 — *Passerina Chamaedaphne*.
 — *Euphorbia*.
 — *Hippophaë rhamnoides*.
 — *Lancea tibetica*.
11. *Lepidium ruderales* var. *sili-cula subintegerrima*.
 — *Thalictrum foeniculaceum*.
 — *Eritrichium pedunculare*.
 — *Primula* sp.
 — *Pedicularis chinensis* Maxim.
 12. *Solanum* sp.
 — *Vicia Cracca*.
 — *Nitraria*.
 13. *Lespedeza (Campylotropis)*.
 — *Clematis nannophylla* Maxim.
 — *Phaseolus*.
 — *Convolvulus arvensis*.
 — *Pistacia chinensis*.
 — *Zizyphus Lotus*.
 — *Coriaria*.
 — *Callicarpa*.
 — *Rhus*.
 — *Zizyphus* (Цзао-тао-шу).
 — *Viburnum davuricum*.
 — *Viburnum glomeratum* n. sp.
 — *Convolvulus* sp.
 — *Rhamnus* (Шу-ла-цзы).
 — (?) Ма-лю (кустарн.):
 — *Indigofera Bungeana*.
 — *Vicia*.
 — *Cudrania* (?) (Чэ-шу).
 — *Acer discolor* n. sp.
 — *Boraginea*.
 — *Cercis chinensis* (Ло-ши-шу).
 — *Diospyros Kaki* (Ши-цзы-шу).
 — *Thalictrum minus*.
 — *Ailanthus* (Чу-гунъ-шу).
 — *Rubus*.
 — *Lonicera hispida*.
 — *Bocconia cordata*.
 — *Buddleia alternifolia* n. sp.
 — *Peucedanum*.
 — *Thyrocarpus* sp.
 — *Fragaria*.
 — *Jasminum floridum*.
 — *Lonicera chrysantha* var. *longipes* Maxim.
 — *Forsythia suspensa*.
 — *Valeriana officinalis*.
 — *Salix*.
 — *Elaeagnus* (Тянь-цзы-шу).
 — *Cupressus*.

- 13 *Asclepiadea*.
 — *Elaeagnus hortensis*.
 — *Polygonum*.
 — *Corylus heterophylla*.
 — *Ostryopsis Davidiana*.
 — *Croton* (подродъ *Tiglium*).
 — *Bambusa* (Чжу-цзы).
 — *Smilax ferox* (Тинъ-гапъ-
 тинъ).
 — *Iris tectorum Maxim.*
 — *Poa pratensis*.
 — *Polypodium vulgare*.
 — *Woodsia*.
 — *Allium* (Сяо-цунъ).
 — *Artemisia sacrorum*.
 — *Leontopodium*.
 — *Centaurea*.
 — *Ixeris*.
 — *Artemisia vulgaris*.
 — *Brunella vulgaris*.
 — *Pirus baccata*.
 — *Spiraea longigemmis Maxim.*
 — *Phelipaea salsa*.
 — *Tiarella polyphylla*.
 — *Androsace Chamaejasme*.
 — *Sorbus Aria*.
 — *Thalictrum simplex*.
 — *Labiata*.
 — *Deutzia parviflora*.
 — *Wistaria* (?) (Хуай-шу).
 — *Aquilegia viridiflora* var. *atro-*
purpurea.
 — *Berberis brachypoda* n. sp.
 — *Berberis sinensis* var. *cratae-*
gina.
 — *Buddleia officinalis*.
 — *Ranunculus acris*.
 — *Vitex*.
 — *Glaucium leptopodum* n. sp.
 — *Phlomis*.
 — *Rubus phoenicolasius Maxim.*
 — *Buddleia alternifolia* (Тя-гу-
 доу).
 — *Rubia cordifolia*.
 — *Parachites Thunbergii* (Нюй-
 жень-ца) суррог. чая.
 — *Koelreuteria paniculata* (Ху-
 анъ-лянь)
- 13 *Lysimachia barystachys*.
 — *Aruncus sylvestris* var. *ame-*
ricana Maxim.
 — *Jasminum*.
 — *Marlea*.
 14. *Medicago sativa*.
 — *Cynanchum pubescens*.
 — *Zygophyllum* var.
 — *Incarvillea* sp.
 — *Incarvillea chinensis*.
 — *Clematis orientalis* var. *gla-*
uca.
 15. *Saxifraga sarmentosa*.
 17. *Polygonum*.
 — *Ajuga*.
 — *Lactuca denticulata* (Сяо-ку-
 ма-цай).
 — *Chenopodium album*.
 19. *Celastrus articulatus*.
 20. *Medicago denticulata*.
 — *Ulmus campestris* (Юй-шу).
 — *Viburnum plicatum*.
 — *Cydonia japonica*.
 26. *Pedicularis verticillata* var.
chinensis.
 25. *Rhamnus*.
 — *Marlea*.
 — *Populus suaveolens*.
 — *Iris tectorum Maxim.*
 27. *Asplenium Trichomanes*.
 28. *Rumex*.
 — *Albizia* (Жунъ-ся-хуа-шу).

Юль.

7. *Typha stenophylla*.
 — *Rhamnus*.
 9. *Abies Srenkiana*.
 — *Gypsophila acutifolia*.

Лъвая (сѣверная) половина доли-
 ны Желтой рѣки.

10. *Sophora japonica* (Хуай-шу).
 — *Zanthoxylon Bungei*.
 — *Amberboa*.
 — *Petroselinum sativum* (Ляо-
 хо-цай).

10. *Thermopsis lanceolata*.
 11. *Corydalis adunca* Maxim.
 — *Kalidium gracile*.
 — *Statice aurea*.
 — *Chara flexicaulis*.
 — *Leonurus sibiricus*.
 — *Panicum miliaceum*.
 — *Calimeris*.
 — *Triticum* sp.?
 — *Artemisia scoparia*.
 — *Atriplex sibiricum* (?).
 — *Nitraria Schoberi*.
 — *Tribulus terrestris*.
 — *Convolvulus arvensis*.
 — *Hololachne*.
 — *Acroptilon Picris* (?).
 12. *Viburnum fragrans*.
 — *Setaria viridis*.
 — *Paeonia Moutan* (Му-тань).
 — *Sonchus arvensis*.
 — *Cynanchum pubescens*.
 — *Clematis orientalis* var. *intricata*.
 — *Anemone rivularis* var. *florib. minor*.
 13. *Hyoscyamus physaloides*.
 — Злакъ.
 — *Nonnea*.
 — *Gentiana barbata*.
 — *Clematis orientalis*.
 — *Hedysarum*.
 — *Thermopsis*.
 — *Lotus corniculatus*.
 — *Medicago sativa*.
 — *Lepyrodiclis holosteoides*.
 — *Myricaria*.
- Переваль У-Ши-Линъ и высокая монгольская степь.
14. *Artemisia Sieversiana*.
 — *Elymus* (?).
 — *Sisymbrium Sophia*.
 — *Festuca* (?).
 — *Pedicularis*.
 — *Polygonum Bistorta*.
 — *Scrofularia incisa*.
 — *Silene repens*.
14. *Dracocephalum*.
 — *Libanotis*.
 — *Gentiana algida*.
 — *Artemisia vulgaris*.
 — *Potentilla fruticosa*.
 — *Gnaphalium*.
 — *Geranium pratense*.
 — *Leontopodium*.
 — *Senecio*.
 15. *Elymus*.
 16. *Berberis vulgaris* β . *sulcata*.
 17. *Melilotus*.
 — *Salix* sp.
 — *Populus* sp.
 — *Caragana*.
 — *Setaria italica*.
 — *Calimeris*.
 — *Artemisia*.
 — *Ervum Lens*.
 18. *Juniperus*.
 — *Plantago*.
 — *Ulmus campestris*.
 — *Biota orientalis*.
 19. *Spiraea Kirilowii*.
 — *Cotoneaster*.
 20. *Calamagrostis Epigejos*.
 — *Mentha silvestris*.
 — *Alopecurus pratensis*.
 — *Calamagrostis dubia*.
 21. *Alfredia*.
 — *Lactuca*.
 — *Stellera altaica*.
 — *Echium*.
 — *Calligonum mongolicum* (?).
 — *Taraxacum*.
 — *Agaricus*.
 — *Caryopteris mongolica*.
 — *Melica virgata* (?).
 — *Allium* sp.?
 — *Umbilicus* (?).
 — *Tamarix*.
 — *Tanacetum*.
 — *Zygophyllum*.
 22. *Epilobium*.
 — *Populus* sp.
 — *Linosyris*.
 — *Kochia scoparia*.
 23. *Saussurea*.

23. *Snaeda Przewalskii* Bge.
 — *Cirsium incanum*.
 — *Kochia mollis* s. *divaricata*.
 — *Artemisia*.
 — *Salix* sp.?
 — *Elaeagnus*.
 — *Lycium ruthenicum*.
 — *Calamagrostis dubia*.
 — *Hymenophysa pubescens*.
 — *Cyperus*.
 — *Rhus* (Ци-Шу).
 — *Corispermum Gmeliai*.
 — *Thermopsis*.
 27. *Ziziphora* (?).
 — *Salix* sp.?
 — *Populus* sp.
 — *Ranunculus plantaginifol.* var.
 — *Elaeagnus*.
 — *Sorghum vulgare* (Гао-лянъ).
 — *Alhagi camelorum*.
 28. *Taraxacum*.
 — *Populus alba*.
 — *Linomyris*.
 — *Arundo*.
 — *Tamarix*.
 — *Oryza sativa* (Бэй-жн).
 — *Gossypium herbaceum*.
 — *Soja hispida*.
 30. *Arundo*.
 — *Sphaerophysa salsula*.
 31. *Arundo Phragmites*.
 — *Taraxacum*.
 — *Lasiagrostis splendens*.
 — Злакъ.
- Августъ.**
1. *Populus alba*.
 — *Dodartia orientalis*.
 2. *Chenopodium album*.
 — *Kochia hyssopifolia*.
 — *Chenopodium glaucum*.
 Гань-Су въ Великой Стѣнѣ.
4. *Tamarix*.
 — *Artemisia*.
 — *Andropogon Ischaemum*.
 5. *Tragopyrum* sp.
 6. *Sophora pachycarpa*.
 — *Saussurea*.
6. *Statice aurea*.
 8. *Cedrela chinensis*.
 — *Populus euphratica*.
 — *Populus* sp.
 9. *Statice*.
 — *Apocynum*.
 Пустыня Гоби.
11. *Alhagi camelorum*.
 13. *Celastrus*.
 — *Achillea*.
 16. *Inula ammophila*.
 — *Sophora pachycarpa*.
 — *Halimodendron*.
 — *Ephedra procera*.
 — *Euphorbia* sp.
 — *Sympegma Regelii* Bge.
 — *Chondrilla*.
 17. *Hololachne*.
 — *Stipa*.
 — *Caragana*.
 — *Zygophyllum*.
 18. *Lithospermum*.
 20. *Pandertia lanata*.
 — *Halogeton arachnoideus*.
 — *Kochia mollis* s. *divaricata*.
 — *Tamarix*.
 21. *Artemisia*.
 — *Nitraria Schoberi*.
 — *Salsola* sp.
 — *Xanthium strumarium*.
 22. *Artemisia scoparia*.
 — *Cynanchum*.
 — *Clematis songarica*.
 — *Tragopyrum* sp.
 — *Zygophyllum*.
 — *Atriplex laciniatum*.
 — *Sonchus*.
 — *Mentha silvestris*.
 23. *Aeluropus laevis*.
 — *Althaea officinalis*.
 — *Salix* sp.
 — *Taraxacum*.
 28. *Suaeda ampullacea*.
 Тянь-Шань и возвышенная степь.
30. *Evonymus Bungeanus*.
 — *Ulmus campestris*.
 31. *Ribes*.

- 31 *Ligularia macrophylla*. — *Hololachne songarica*.
 — *Thalictrum*. — *Saussurea*.
 — *Aconitum Napellus*. — *Halimodendron*.
 — *Avena*. 8. *Populus* (Шэй-янь-шу).
 — *Lepidium latifolium* var. — *Hyoscyamus*.
   platycarpa. — *Eurotia ceratoides*.
 — *Polygonum affine polymor-* 9. *Aster Tripolium*.
   pho. — *Haloxyton Ammodendron*.
 — *Arenaria formosa*. — *Anabasis*.
 — *Salix sp.* — *Lagochilus*.
 — *Galium*. — *Tragopyrum sp.*
 — *Larix*. — *Salsola Kali*.
 — *Lonicera hispida*. — *Ferula*.
 — *Urtica cannabina*. 10. *Artemisia santolina*.
 — *Lagochilus*. — *Salsola clavifolia*.
 — *Juniperus Pseudosabina*. — *Stipa capillaris*.
 — *Mulgedium tataricum*. 11. *Serratula*.
 — *Archangelica decurrens*. 10. *Chondrilla*.
 — *Taraxacum*. — *Eremurus*.
 — *Silene repens*. — *Salsola sp.*
 — *Saussurea*. — *Arundo Phragmites*.
 — *Geranium collinum*. var. — *Alhagi camelorum*.
 — *Delphinium crassifolium*. — *Haloxyton Ammodendron*.
 — *Galium boreale*. — *Camphorosma*.
 — *Elymus*. — *Populus sp.*
 — *Saussurea alpina*. — *Nitraria Schoberi*.
 — *Triticum*. — *Agriophyllum arenarium*.
 — *Potentilla*. — *Aristida pennata*.
 — *Hordeum vulgare*. — *Salsola Kali*.
 — *Blitum virgatum*. — *Orobanche*.
 — *Aster alpinus*. — *Ceratocarpus arenarius*.
 — *Gentiana*. — *Iris Güldenstädtiana*.
 — *Cerastium trigynum* α *gran-*
   diflorum.

Сентябрь.

2. *Halogeton glomeratus*.
 — *Haloxyton Ammodendron*.
 — *Zygophyllum*.
 — *Fraxinus Bungeana*.
 — *Lepidium ruderales* var. *si-*
   licula subintegerrima.
 — *Viburnum*.
 4. *Artemisia*.
 5. *Artemisia Sieversiana*.
 — *Anabasis aphylla*.
 — *Sympegma Regelii*.
 — *Artemisia scoparia*.
 — *Salsola arbuscula*.
 — *Salsola affinis* C. A. M.
 — *Tanacetum*.
 21. *Amberboa odorata*.
 — *Ephedra procera*.
 — *Artemisia*.
 22. *Statice suffruticosa*.
 — *Ferula*.
 28. *Anabasis*.
 — *Brachylepis salsa*.
 30. *Artemisia*.
 — *Nanophytum erinaceum*.
 — *Spergularia salina*.
 — *Iris Güldenstädtiana*.
 — *Cynanchum*.

Пустыня (неизв. назв).

СПИСОКЪ РИСУНКОВЪ,

сдѣланныхъ авторомъ въ путешествіи съ натуры и выставившихся нѣсколько разъ въ С.-Петербургѣ и Москвѣ *).

А) Отъ границы Россіи до Пекина.

1. Пограничный столбъ между Европой и Азіей, на дорогѣ изъ Перми въ Екатеринбургъ.
2. Часть Кяхты и Май-Май-Чэна.
3. Храмъ въ Май-Май-Чэнѣ.
4. Въ Монголіи, близь станціи Бурулгуй. Отдыхающіе Монголы.
5. Станція въ Монголіи.
6. Переправа экспедиціи черезъ рѣку Хара-Голь.
7. Видъ съ горы Тологой-ту на сѣверъ, близь Урги.
8. Видъ съ горы Тологой-ту на югъ.
9. Общій видъ города Урги.
10. Дворецъ Хутукты и кумирня Майдари въ городѣ Ургѣ.
11. Близъ Урги. Пріѣздъ экспедиціи на станцію.
12. Видъ въ Гоби.

13. Станція Нарамъ-Вильхэ въ Гоби.
14. Видъ въ Гоби близь станціи Сайръ-Усу.
15. Древняя Вел. Стѣна у Калгана.
16. Видъ въ предмѣстьи гор. Калгана.
17. Носилки, запряженныя лошадыю и осломъ. Дорога въ ущельи Гуань-Гоу.
18. Великая Стѣна. Изъ окна башни.
19. Вел. Стѣна и проходъ Гуань-Гоу.

Б) Пекинъ и его окрестности.

20. Башня надъ одними изъ воротъ въ стѣнѣ столицы.
21. Часть Пекина.
22. Одна изъ улицъ Пекина.
23. Храмъ Неба. На первомъ планѣ часть мраморнаго жертвенника.
24. Горбатый мостъ для пѣшеходовъ,—близъ Пекина.

---

*) Совѣтъ Академіи поднесъ автору дипломъ на званіе Почетнаго Общника Императорской Академіи Художествъ.

25. Развалины Большой Кумирни въ Юй-Цюань-Шань (загородный императорскій паркъ).
26. Башня изъ бѣлаго мрамора, тамъ-же.
27. Пагоды въ томъ же паркѣ.
28. Развалины главнаго храма въ паркѣ Вань-Шоу-Шань.
29. Видъ тѣхъ же зданій съ восточной стороны.
30. Видъ съ западной стороны.
31. Мостъ въ томъ же паркѣ.
32. Видъ въ окрестностяхъ Пекина.
33. Видъ разваливъ въ паркѣ Богдохановъ.
34. Мраморный мостъ въ загородномъ паркѣ.
35. Видъ въ паркѣ Вань-Шоу-Шань.
36. Видъ на гору Вань-Шоу-Шань.
37. Въѣздныя ворота въ паркъ.
38. Развалины дворца близъ Пекина.
39. Видъ разваливъ въ паркѣ Вань-Шоу-Шань.
40. Изъ окрестностей Пекина.
41. Круглый прудъ въ богдоханскомъ паркѣ Сянь-Шань.
42. Аллея бѣлыхъ кедровъ близъ монастыря Да-Цзѣ-Сы. (Копія съ рисунка г-жи Уэдь).
43. Видъ въ кумирнѣ Би-Юнь-Сы, близъ Пекина.
44. Хуань-сы (желтая кумирня), близъ Пекина.
45. Кумирня Би-Юнь-Сы.
46. Видъ на озеръ въ паркѣ Вань-Шоу-Шань.
- В) Отъ Пекина до Хань-Коу.**
47. Восточная оконечность Китая на Великомъ океанѣ.
48. Видъ Янь-Цзы-Цзяна съ парохода.
49. Видъ части города Цзю-Цзянь-Фу.
50. Движеніе лодокъ на Янь-Цзы.
- Г) Берега рѣки Хань.**
51. Пристань пароходовъ въ портѣ Хань-Коу.
52. Общій видъ Хань-Коу.
53. Часть набережной, въ Хань-Коу.
54. Улица Хуа-лоу тамъ-же.
55. Видъ города У-Чань-Фу. (Башня Хуань-хо-лоу и рѣка Янь-цзы-цзянь).
56. Рѣка Хань въ нижнемъ теченіи.
57. Селеніе Юй-Цзя-Коу на Хань-цзянь.
58. Остановка экспедиціи у деревни Тань-Гань.
59. Видъ городовъ Фань-Чань и Сянь-Янь-Фу на р. Хань.
60. 1) Колодезь.
2) Набережная въ г. Фань-Чань.
61. 1) Входъ въ городъ Сянь-Янь-Фу.
2) Городская стѣна и храмъ.
62. 1) Набережная въ городѣ Сянь-Янь-Фу.
2) Мандаринская лодка въ день Новаго года.
63. 1) Лачужки бѣдняковъ у городской стѣны въ гор. Фань-Чань.
2) Тоже.
64. Селеніе Лао-Хо-Коу.
65. Толпа у воротъ въ Лао-Хо-Коу.
66. Селеніе Лао-Хо-Коу и зданіе клуба.
67. Видъ города Юнь-Янь-Фу.
68. Видъ его набережной.

69. Городъ Юнь-янъ-фу.
 70. Часть города Синь-Ань-Фу.
 71. Селеніе Чжунъ-чжа-ба.
 72. Часть гор. Бай-Хо-Сянь.
 73. Общій видъ города Бай-Хо-Сянь.
 74. Селеніе Чанъ-Фанъ.
 75. Рисовыя поля на берегу Хань.
 76. 1) Одинъ изъ многихъ пороговъ на р. Хань.
 2) Грузовая лодка.
 77. Входъ въ городъ Ши-Цюань-Сянь.
 78. Рѣка Хань въ среднемъ теченіи.
 79. Поля и фермы на берегу р. Хань.
 80. Селеніе Тянь-Хо-Коу.
 81. Селеніе Эрръ-Лянъ-Пу.
 82. Видъ р. Хань въ верхней части.
 83. Видъ р. Хань еще выше.
 84. Домикъ на бер. р. Хань, въ горахъ.
 85. 1) Грузовая лодка на р. Хань.
 2) Домъ крытый циновками.
 3) Домъ фермера.
 4) Храмъ.
 86. Домъ на набережной въ гор. Цзы-Янъ-Сянь.
 87. Вечерній видъ въ г. Цзы-Янъ-Сянь.
 88. Видъ сквозь арку на противоположный берегъ рѣки въ гор. Цзы-янъ-сянь.
- Д) Города, улицы и сцены.
89. Типъ китайской улицы.
 90. Жертвоприношенія и поминки по покойнымъ родственникамъ.
 91. Улица Хоу-Гай въ Хань-Коу.
 92. Улица вдоль городской стѣны, въ Шанъ-Хаѣ.
 93. Лавка.
 94. Входъ въ одинъ изъ храмовъ, въ Хань-Коу.
 95. Чайная фабрика. Приготовление кирпичнаго чая и обработка байховаго.
 96. Иллюминація по случаю дня рожденія Императрицы, въ одной изъ улицъ города Хань-Коу.
 97. Лавка бамбуковыкъ произведеній и портнаго.
 98. Видъ части города Ланъ-Чжоу и Желтой рѣки. Водоподъемная машина.
 99. Улица въ гор. Янъ-Сянь.
 100. Видъ со стѣны на равнину Пинъ-Фанъ-Сянь.
 101. Видъ съ башни на часть города Хань-Чжунъ.
 102. Судилище въ гор. У-Чанъ.
 103. Одинъ изъ каналовъ въ Шанъ-Хаѣ (въ китайскомъ городѣ).
 104. Процессія, сопровождающая выѣздъ важнаго мандарина.
 105. Уличная кухня.
 106. Наружный видъ клуба Цзянъ-Си въ Хань-Коу.
 107. 1) Улица въ гор. Хань-Чжунъ.
 2) Входъ въ гор. Сянъ-Янъ.
 108. Видъ со стѣны гор. Манъ-Сянь.
 109. Башня на перекресткѣ улицъ въ гор. Ши-Цюань-Сянь.
 110. Куирни при входѣ въ гор. Ганъ-Чжоу.
 111. Видъ улицы въ гор. Юнь-Чанъ-Сянь.
 112. Улица въ городѣ Чанъ-Гу-Сянь.

113. Видъ внутри города Шань-Дань-Сянь.
114. Другой видъ, тамъ-же.
115. Улица въ городѣ Цинь-Чжоу.
116. Главн. улица въ г. Синь-Ань-Фу.
117. Общій видъ города Лань-Чжоу.
118. Улица въ немъ, ведущая къ Желтой рѣкѣ.
119. Видъ внутри того-же города.
120. Улица въ томъ-же городѣ.
121. Видъ внутри гор. Гань-Чжоу.
122. Первый дворъ передъ квартирою ген.-губ. пров. Хубей и Ху-нань.
123. Видъ улицы въ гор. Цинь-Чжоу. Направо храмъ.
124. Видъ внутри гор. Чэнь-Гу-Сянь.
125. Улица въ гор. Фу-Цзянь-Сянь.
126. Видъ внутри гор. Шань-Дань-Сянь.
127. Улица въ городѣ Цинь-Чжоу.
128. Входъ съ улицы въ храмъ Цзянь-сйскаго клуба, въ городѣ Хань-Коу.
129. 1) Лѣстница, ведущая въ городъ.
2) Городскія ворота.
130. Дворъ при Ань-Хойскомъ клубѣ въ городѣ У-Чань.
131. Комната для прїѣзжающихъ чиновниковъ, въ казенномъ домѣ.
132. Второй дворъ въ домѣ купца, въ городѣ Хань-Коу.
133. Видъ сада въ Цзянь-сйскомъ клубѣ въ Хань-Коу.
134. Зала въ Кантонск. клубѣ тамъ-же.
135. Видъ въ саду Цзянь-сйскаго клуба.
136. Задній дворъ, гдѣ находятся женскія помѣщенія.
137. Квартира экспедиціи въ г. Хань-Чжунъ.
138. Дворъ въ квартирѣ экспедиціи.
139. Дверь въ саду въ видѣ вазы.
140. Парадный входъ въ домъ генераль-губернатора въ Лань-Чжоу.
141. Сельскій домикъ на берегу рѣки Хань.
142. Ворота между двумя дворами въ зданіи клуба.
143. 1) Входныя ворота въ городѣ Фань-чэнь.
2) Храмъ.
144. 1) Входъ въ г. Синь-Ань-Фу.
2) Створы городскихъ воротъ.
145. 1) Кумирня.
2) Входъ въ частный домъ.
146. Одни изъ воротъ города У-Чань, называемыя „Ворота процвѣтанія учености“.
147. 1) Спальня чиновника.
2) Школа.
148. 1) Комната въ домѣ частнаго человѣка. Приготовленный обѣденный столъ.
2) Кухня на лодкѣ.
149. Крытый ходъ изъ одного флигеля въ другой въ квартирѣ чиновника.
150. Внутренній дворъ въ частномъ домѣ (квартира экспедиціи въ гор. Цинь-Чжоу).
151. Входъ въ гор. Хань-Чжунъ.
152. Видъ двора въ частномъ домѣ.

Е) Дома, Дворы, Сады.

130. Дворъ при Ань-Хойскомъ клубѣ въ городѣ У-Чань.
131. Комната для прїѣзжающихъ чиновниковъ, въ казенномъ домѣ.
132. Второй дворъ въ домѣ купца, въ городѣ Хань-Коу.
133. Видъ сада въ Цзянь-сйскомъ клубѣ въ Хань-Коу.

153. Видъ галлерей и бесѣдовъ въ одномъ изъ дворовъ Шань-сйскаго клуба въ Лань-Чжоу.
154. Парадный подъѣздъ въ квартирѣ военнаго чиновника въ Хань-Чжунь.
155. Круглая дверь въ саду.
156. Внутренній дворъ въ домѣ.
157. То-же съ другой стороны.
158. Видъ въ саду Ли-Да-Чэнь.
159. Женскій дворикъ въ домѣ Чжу-Лоѣ.
160. Квартира экспедиции въ домѣ генералъ-губернатора въ Лань-Чжоу.
161. Внутренность торговаго дома въ Хань-Чжунь.
162. Входъ въ гостинницу въ городѣ Цинь-Чжоу.
163. Одинъ изъ дворовъ въ Цзянь-сйскомъ клубѣ, въ г. Хань-Коу.
164. Входная дверь въ домѣ частнаго человѣка въ г. Баркуль.
165. Въѣздъ въ квартиру ген.-губ. пров. Ху-Бэй и Ху-Нань.
166. Внутренность комнаты въ домѣ кушца, въ городѣ Хань-Коу. Расчесываніе вѣсы хозяину.
167. Внутренность той же комнаты съ другой стороны. Умываніе хозяина циркульникомъ.
168. Галлерей и храмы въ Шань-сйскомъ клубѣ, въ Лань-Чжоу.
169. Четвертый дворъ въ домѣ ген.-губ. Ли-Да-Чэнь.
170. Одна изъ комнатъ въ домѣ Янь-Фана, въ Пекинѣ.
171. Другая комната въ томъ-же домѣ.
172. Дворъ въ домѣ столяра, въ городѣ Хань-Чжунь.
173. Входъ въ торг. домъ въ Хань-Коу.
174. Комната въ домѣ Янь-Фана.
175. Комната священника при храмѣ.
176. Кухня Цзянсйскаго клуба въ гор. Хань-Коу.
177. Садъ въ домѣ Янь-Фана.
178. Видъ въ саду ген.-губ. въ г. У-Чань.
179. Видъ изъ окна бесѣдки въ садъ.
180. Видъ въ саду ген.-губ. въ Лань-Чжоу.
181. Видъ въ саду ген.-губ. пров. Ху-Бэй и Ху-Нань.
182. Часть сада при квартирѣ чиновника.
183. Другой видъ въ томъ-же саду.
184. Домъ въ видѣ крѣпости; его внутреннее устройство.

Ж) Храмы, Пагоды. Идолы.

185. Храмъ въ городѣ Янь-Сянь.
186. Идолы:
1) Ли-Цзу.
2) Ли-Са.
187. Наружный видъ храма въ Цзянь-сйскомъ клубѣ.
188. Храмъ Тай-цинъ-гуань-мяо.
189. Внутренность храма въ Цзянь-сйскомъ клубѣ.
190. Входъ въ этотъ храмъ съ улицы.
191. Праздникъ къ кумирнѣ Чэнь-Хуанъ-мяо, въ Хань-Чжунь-Фу.
192. Видъ храма Фу-мяо, тамъ-же.
193. Видъ храма и ряда домиковъ бѣдняковъ, въ гор. Пэй-Фэй-Сянь.
194. Видъ изъ храма Фу-мяо на театр.
195. Первый дворъ храма Фу-мяо.

196. Первый дворъ храма Вынь-мяо, въ г. Хань-Чжунъ.
197. Праздникъ въ храмѣ Чэнь-хуанъ-мяо, въ городѣ Лань-Чжоу.
198. Храмъ Гуань-ди-мяо, въ гор. Лань-Чжоу.
199. Храмъ и изразцовыя ворота въ окрест. Пекина.
200. Видъ храма и пагоды, въ Хань-Чжунъ.
201. Пагода въ гор. Янь-Сянь.
202. Шаньсйскій клубъ въ Лань-Чжоу.
203. Входъ въ храмъ Чэнь-хуанъ-мяо, въ гор. Янь-Сянь.
204. Кумирня въ гор. Фань-Чэнь.
205. Идолы.
206. Два храма въ городѣ Бай-Хо-Сянь.
- 3) Западный Китай.
- Двѣ западныхъ провинціи Китая (Шэнь-Си и Гань-су) можно сказать впервые были посѣщены европейскимъ путешественникомъ. Иллюстраціи же названныхъ провинцій пустыни Гоби въ этой части, Небесныхъ Горъ, и степей и пустынь, лежащихъ къ сѣверу отъ нихъ, являются въ Европѣ въ первый разъ. Поэтому рисунки изъ названныхъ мѣстъ особенно интересны въ научномъ отношеніи. Кромѣ того они имѣютъ еще особенное значеніе, представляя такъ сказать историческую замѣтку той эпохи, каковую переживалъ этотъ край тотчасъ послѣ Дунганской междоусобной войны, когда путешественникъ посѣтилъ его. Онъ разоренъ ужасно и жители большинства городовъ и селеній его истреблены почти поголовно: китайцы и жившіе въ Китаѣ мусульмане взаимно уничтожали другъ друга. Только немногіе города избѣгли общей участи.
207. Развалины селенія Цзинь-Бянь-И.
208. Видъ разореннаго селенія Ся-Коу.
209. Развалины селенія Вань-Синь-Пу.
210. Пещерныя жилища китайцевъ, близъ селенія Куань-Цзы-Чэнь.
211. Видъ города Гу-Лань-Сянь.
212. Юго-восточный уголъ внутри города Лань-Чжоу.
213. Лань - Чжоу. Городская стѣна, входныя ворота и бастіонъ надъ ними.
214. Часть города Лань-Чжоу.
215. Видъ города Лань-Чжоу и его окрестностей.
216. Видъ внутри города Гань-Чжоу.
217. Видъ тамъ-же со стѣны.
218. Видъ внутри того же города.
219. Видъ развалинъ города Су-Чжоу.
220. Другой видъ развалинъ въ окрестностяхъ Су-Чжоу.
221. Крѣпость Цзя-Юй-Гуань.
222. Западная оконечность Великой Стѣны.
223. Сѣверо-восточный уголъ разореннаго гор. Ань-Си-Чжоу.
224. Въздъ въ городѣ Ань-Си-Чжоу.
225. Развалины въ Ань-Си-Чжоу.
226. Развалины въ Ань-Си-Чжоу.
227. Видъ въ пустынѣ Гоби.
228. Внутренность одного изъ домовъ-крѣпостей.

229. Видъ въ пустынь Гоби.
 230. Стоянка экспедиціи въ Гоби.
 231. Семейный склепъ Хамійскихъ князей.
 232. Хами (мусульманскій городъ).
 233. Мусульманское кладбище въ Хами.
 234. Развалины дворца Хамійскихъ князей.
 235. Мусульманскій храмъ въ Хами.
 236. Видъ внутри гор. Хами.
 237. Развалины дома въ гор. Хами.
 238. Гробница Хамійскихъ князей.
 239. Развалины дворца Хамійскихъ князей.
 240. Видъ стоянки экспедиціи послѣ перевала черезъ Тянь-Шань.
 241. Триумфальныя арки въ гор. Гу-Чэнъ по случаю приѣма экспедиціи.
 242. Родникъ Хармали въ пустынь.
 243. Привалъ экспедиціи въ не-скахъ.
 244. Песчаная пустыня.
 245. Движеніе экспедиціи въ песчаной пустынь.
 246. Гора Богдо-ула.
- И) Назармы и барани.
247. Входъ въ лагерь, въ гор. Фань-Чэнъ.
 248. Бараки въ лагерь.
 249. Ученіе войскамъ, произведенное для чиновъ экспедиціи въ Фань-Чэнъ.
 250. Внутренность солдатскаго барака.
 251. Китайская военная палатка.
 252. Видъ внутри лагеря.
 253. Ученіе войскамъ въ У-Чанъ.

К) Отдѣльные предметы.

254. Одежда императрицы.
 255. 2) Табуретъ изъ бѣлаго мрамора. 4) Бронзовая ваза.
 256. Орнаментъ Храма въ клубѣ Цзянь-Си.
 257. Чай. Листья. Цвѣты. Съ-мя. Листья разныхъ возрастовъ.
 258. Свадебныя носилки.
 259. Носилки русскаго вице-консула въ Хань-Коу.
 260. Разныя виды хлѣба и печеній.
 261. Изуродованныя деревья можжевельника, представляющія животныхъ.
 262. Женскія ноги. Рядъ постепенныхъ измѣненій. Способъ бытованія женской ноги для измѣненія формы.
 263. Статуя Будды, выдѣланная въ горѣ.
 264. 1) Способъ рыбной ловли на рѣкѣ Янь-Цзы-Цзянь. 2) Грузовая лодка на той же рѣкѣ.
 265. Парадный экипажъ и осѣдланная верховая лошадь военнаго чиновника въ г. Баркулѣ.
 266. Телѣга „лежанка“.
 267. Казенная грузовая телѣга, запряженная тремя мулами.
 268. Комнатное деревцо, цвѣтущее.
- Л) Типы. Портреты.
269. Портретъ Хамбо Гыгэна Джамъ янь (станція Толэ).
 270. Портретъ Военскаго начальника Хамійскаго округа.

271. Портретъ Юзупъ-Ахуна.
272. Портреты жены и дочери Юзупъ-Ахуна.
273. Портреты киргизокъ: въ костюмѣ новобрачной и обыкновенномъ.
274. 1) Уличный фигляръ.
2) Тоже, въ сопровожденіи оркестра.
278. Типы жителей береговъ рѣки Хань.
278. Портреты и типы: № 1-й. Казакъ Иванъ Степановъ. Остальные Тургуты.
277. Типы монголовъ изъ Ма-хэ (въ Аляшанѣ).
278. Портретъ китайки Сянки.
279. Портреты № 1-4 маньчжуры № 6 китайская дама, № 7 и 8 монголы.
280. Типы:
1) Монголь вожакъ, 2) Киргизка въ обыкновенномъ костюмѣ, 3) Таранчинка изъ Хами (костюмъ и прическа).
281. Портретъ генераль-губернатора Западнаго Китая Цзо.
282. а) Кавалеристъ. б) Офицеры У-Чанскаго лагеря. с) Солдатъ изъ конвоя Ли-Хунъ-Чжана. d) Солдатъ изъ города Су-чжоу. е) Солдатъ изъ Цзя-Юй-Гуань.
283. Портреты чиновниковъ. (№ 2 и 3 въ траурѣ по случаю смерти Императора).
284. Типы: № 1 и 2—продавцы орѣховъ. № 3—продавецъ зелени. № 4—священникъ. № 5, 6, 7 и 8—нищіе.
285. Мужскіе портреты (всѣхъ десять).
286. Мужскіе портреты взрослыхъ и дѣтей (десять).
287. Мужскіе портреты (пять). Въ срединѣ портретъ адъютанта генераль-губернатора Западнаго Китая Ши.
288. Женскіе типы. № 1 и 4—дѣти отъ брака португальца съ японкой.
289. Типы монголовъ. № 1. Женщины Цахаровъ. Остальные Халкасцы. (Всѣхъ семь).
290. Портреты монголовъ.
2) Тургутка.
291. Портреты дѣвочекъ (десять).
292. Женскіе портреты (десять).
293. Портреты и типы. № 1 и 2. Китайцы въ Кяхтѣ. 3. Цзаргучей въ Май-Май-Чанѣ. 4. Мальчикъ (десять).
294. Типы. Костюмы мужчинъ, женщинъ и дѣтей (десять).
- 295—317. Силуэты китайцевъ.

Остальные рисунки, представляющіе богатый матеріалъ для ознакомленія съ Китаемъ, очень трудно сосчитать точно, потому что сосчитываніе можно производить или по числу листочковъ бумаги, или по числу изображенныхъ на нихъ предметовъ. По послѣднему счету число всѣхъ сдѣланныхъ мною рисунковъ переходитъ за тысячу. Точно также трудно дать краткое и точное опредѣленіе каждаго изъ нихъ; поэтому я упомяну лишь въ общихъ чертахъ о содержаніи остальной части моего путевого

альбома. Въ нее входятъ рисунки: 1) одежды, обуви и головныхъ уборовъ; 2) посуды; 3) нѣкоторыхъ производствъ и употребительнѣйшихъ инструментовъ; 4) орнамента на различныхъ предметахъ; 5) виды морскихъ и рѣчныхъ судовъ; 6) нѣкоторыхъ животныхъ и растеній; 7) фрескъ; 8) орудій пытокъ; 9) нѣкоторыхъ игръ и ихъ принадлежностей; 10) способовъ сухопутнаго передвиженія; 11) оружія; 12) отдѣльныхъ частей Великой Стѣны; 13) различныхъ видовъ могилъ; 14) устройства береговыхъ плотинъ; 15) способовъ рыбной ловли; 16) добыванія золота изъ рѣчнаго песку; 17) различныхъ мѣстностей; 18) портреты и типы; 19) внутренности домовъ и комнатъ и проч.

УЧЕНО-ТОРГОВАЯ ЭКСПЕДИЦІЯ ВЪ КИТАИ

ВЪ 1874 — 1875 ГОДАХЪ.

(Статья г. Н. Петровскаго).

Со времени прекращенія, вслѣдствіе дунганскаго возстанія, торговли нашей въ Кульджѣ и Чугучакѣ, правительство обратило особенное вниманіе на открытіе новыхъ рынковъ для русской предпримчивости въ другихъ частяхъ внутренняго Китая. Съ этою цѣлю въ 1868 году былъ отправленъ въ западную Монголію бывшій нашъ консулъ въ Кульджѣ, г. Павлиновъ, а вслѣдъ за тѣмъ былъ командированъ въ Улясутай, въ видахъ содѣйствія нашимъ купцамъ, секретарь нашего консульства въ Ургѣ. Кроме того, по распоряженію главнаго начальства Западной Сибири, въ 1872 году была снаряжена развѣдочная экспедиція въ долину Чернаго Иртыша подѣ начальствомъ капитана генеральнаго штаба Сосновскаго, которому, между прочимъ, было поручено собрать полезныя свѣдѣнія объ этомъ краѣ, „представляющемъ самый естественный и кратчайшій путь изъ Западной Сибири внутрь Китая“ *). Наконецъ, для окончательнаго упроченія возникающихъ торговыхъ связей съ Китаемъ и для большаго развитія начатыхъ въ 1868 году, въ этомъ направленіи, изысканій, въ началѣ 1874 года, по соглашенію министерствъ Иностранныхъ Дѣлъ, Финансовъ и Военнаго и съ Высочайшаго соизволенія,

---

*) Всеподаннѣйшій докладъ государственнаго канцлера 5-го января 1874 года. Не лишнимъ замѣтить, что естественность и краткость этого пути, какъ видно, предполагалась заранѣе, ибо ни то, ни другое еще не было изслѣдовано.

(Всѣ встрѣчающіяся здѣсь примѣчанія принадлежать автору статьи).

рѣшено было снарядить въ Китай новую экспедицію, съ цѣлю изслѣдовать естественныя, торговыя и политическія условія вышеуказаннаго „кратчайшаго пути“, ведущаго отъ предѣловъ Западной Сибири къ юго-западному углу внутренняго Китая, а именно въ провинціи Сы-чуань. Руководство дѣйствіями экспедиціи было поручено подполковнику генеральнаго штаба Сосновскому, отчетъ котораго объ исполненіи возложеннаго на экспедицію порученія напечатанъ частями въ каталогѣ выставки предметовъ, привезенныхъ экспедиціей, въ *Извѣст. Им. Геогр. Общ. **), въ газетѣ *Голосъ ***) и въ журналѣ *Военный Сборникъ* и изданъ редакціей этого журнала въ отдѣльной брошюрѣ.

Важность предметовъ, подлежащихъ изслѣдованію экспедиціи, значеніе задачи, порученной ей разрѣшенію, значительныя суммы, употребленныя на это дѣло правительствомъ, и наконецъ то живое сочувствіе, которое встрѣтила экспедиція со стороны торговаго сословія и всего образованнаго общества, даетъ отчету г. Сосновскаго право на особенное вниманіе и подробный разборъ. Прежде всего нѣсколько словъ о самой задачѣ экспедиціи.

Русская учено-торговая экспедиція, какъ видно изъ отчета (стр. 3-я), имѣла своею цѣлю: во первыхъ, изслѣдовать, въ топографическомъ отношеніи, дорогу отъ Зайсанскаго поста, въ Семипалатинской области, къ юго-западнымъ провинціямъ застѣннаго Китая и указать, при какихъ способахъ и средствахъ она можетъ быть примѣнима для нашей торговли; во вторыхъ, если торговля въ этомъ направленіи представляетъ задатки къ дальнѣйшему развитію, то выяснитъ соображенія, гдѣ удобнѣе учредить консульство и факторію, а гдѣ достаточно ограничиться торговыми агентствами, и въ-третьихъ, собрать возможно полныя свѣдѣнія о такъ-называемомъ дунганскомъ возстаніи, которыя давали бы возможность опредѣлить будущую политическую судьбу ожваченныхъ инсurreкціей провинцій. Такимъ образомъ собственно ученаго порученія экспедиція не имѣла, и задача ея сводилась, главнымъ образомъ, къ цѣлямъ практическимъ: топографическому описанію пути и собранію свѣдѣній о торговлѣ. Исключеніе изъ задачъ экспедиціи ученыхъ изслѣдованій и вообще

*) Т. XII и отдѣльный оттискъ.

**) 19-го апрѣля 1876 года, № 108.

Примѣч. Эти, какъ и другія встрѣчающіяся здѣсь слова, напечатаны курсивомъ въ оригиналѣ.

отсутствие въ этомъ дѣлѣ участія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, всегда оказывавшаго подобнаго рода экспедиціямъ дѣятельное содѣйствіе, представляется тѣмъ болѣе достойнымъ сожалѣнія, что болѣшая часть посѣщенныхъ экспедиціею мѣстностей принадлежитъ къ наименѣе изслѣдованнымъ въ ученоемъ отношеніи, что подобныя экспедиціи случаются не часто и не часто обладаютъ такими матеріальными средствами. Какія имѣла экспедиція г. Сосновскаго, и что наконецъ личный составъ этой экспедиціи былъ сравнительно болѣе пригоденъ для ученыхъ изслѣдованій, чѣмъ для изысканій торговыхъ и собранія свѣдѣній коммерческаго свойства. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи составъ экспедиціи, какъ увидимъ ниже, былъ весьма некомпетентенъ. Что же касается порученія экспедиціи собрать *возможно полныя* данныя о такъ-называемомъ дунганскомъ возстаніи, *которыя давали бы возможность опредѣлить будущую политическую судьбу означенныхъ инсуррекцій провинцій*, то смѣемъ думать, что, за отсутствіемъ въ этомъ отношеніи болѣе подробной программы, исполненіе такого порученія показалось бы затруднительнымъ не только для членовъ означенной экспедиціи, лицъ (судя по специальности ихъ занятій) совсѣмъ незнакомыхъ съ Востокомъ и никогда прежде не посѣщавшихъ Китая, но и для знаменитѣйшихъ изслѣдователей Азии и знатоковъ Китая, прожившихъ въ немъ десяти лѣтъ. Данными, могущими опредѣлить, да и то весьма гадательно, будущую политическую судьбу какой бы то ни было страны, служатъ, какъ извѣстно, прежде всего, исторія этой страны, а затѣмъ самое широкое изученіе современнаго ея положенія во всѣхъ главнѣйшихъ отношеніяхъ: политическомъ, экономическомъ, этнографическомъ и т. п. Какія же именно данныя для разрѣшенія этой задачи нужно и можно было собрать экспедиціи, слѣдовавшей почти безъ остановокъ изо дня въ день по одному направленію, заранѣе намѣченному, и состоявшей изъ лицъ, не знающихъ языка страны и даже едва ли имѣвшихъ время не только подготовитъ себя для исполненія порученнаго имъ дѣла, но и сноснымъ образомъ собраться въ дорогу? *) Вотъ вопросы, которые естественно и сами собою возникаютъ при разсмотрѣніи этой части даннаго экспедиціи пору-

*) Всеподданнѣйшій докладъ государственнаго канцлера о назначеніи экспедиціи былъ Высочайше утвержденъ 5-го января 1874 года, а въ мартѣ того же года экспедиція уже выѣхала изъ Петербурга.

ченія. Какъ она на нихъ отвѣтила, это мы увидимъ ниже при обзорѣ тѣхъ страницъ отчета, гдѣ говорится о дунганскомъ восстаніи.

Ограниченная въ своей задачѣ, какъ сказано выше, изслѣдованіями преимущественно торговыми, русская (уже не учено, а просто) торговая экспедиція, конечно, должна бы была имѣть въ своемъ составѣ если не большинство, то по крайней мѣрѣ хотя нѣсколько членовъ, специально знакомыхъ съ русскою торговлею вообще и въ частности съ торговлею русско-китайскою. Дѣятельное участіе, которое оказало дѣлу экспедиціи министерство финансовъ, разославъ многимъ представителямъ нашей торговли извѣщенія о снаряженіи экспедиціи и приглашенія объ оказаніи ей содѣйствія, и сочувственные отзывы этихъ лицъ цѣли экспедиціи давали, повидимому, полную возможность приобрести для экспедиціи такихъ полезныхъ и необходимыхъ для успѣха ея дѣла членовъ. Одинъ изъ самыхъ крупныхъ дѣятелей Московскаго коммерческаго міра, отъ имени московскаго купечества, даже рекомендовалъ для этой цѣли весьма извѣстное въ Москвѣ лицо, вполне знакомое, какъ съ китайскимъ языкомъ, устнымъ и письменнымъ, такъ и съ положеніемъ русско-китайской торговли *). Къ сожалѣнію, нѣкоторыя условія, поставленныя этому лицу начальникомъ экспедиціи, не могли быть имъ приняты. Такимъ образомъ, торговая экспедиція въ Китай составила изъ лицъ столько же знакомыхъ съ русско-китайскою торговлею, сколько знакомъ съ нею всякій образованный русскій человѣкъ. Въ составѣ экспедиціи, кромѣ подполковника генеральнаго штаба Соновскаго, находились: докторъ медицины Пясецкій — для естественно-историческихъ изслѣдованій, которыя, какъ указано выше, въ официальное порученіе экспедиціи не входили **), капитанъ Матусовскій въ качествѣ топографа ***), вольнонаемный пере-

*) Дѣло департамента торговли и мануфактуръ 10-го декабря 1873 года, № 62.

**) Тѣмъ не менѣе докторомъ Пясецкимъ были собраны переданныя имъ въ Академію Наукъ зоологическія и ботаническія коллекціи и сдѣлано огромное число замѣчательно характерныхъ акварельныхъ рисунковъ, которыми мы имѣли возможность любоваться на выставкѣ этихъ рисунковъ въ зданіи министерства внутреннихъ дѣлъ и въ засѣданіи географическаго общества. Въ числѣ рисунковъ г. Пясецкаго особенно обращаетъ на себя вниманіе панорама (50 в. въ аршинѣ) всего пути, пройденнаго экспедиціей.

***) Почтенная дѣятельность г. Матусовскаго на поприщѣ русской географіи по Китаю, т. II.

водчикъ „иркутскій гражданинъ“ (?) Андреевскій и три урядника Сибирскаго казачьяго войска. Представителей торговаго сословія и вообще людей знакомыхъ съ торговлей въ числѣ членовъ экспедиціи, какъ уже было сказано, не находилось вовсе. Этотъ существенный недостатокъ торговой экспедиціи, повидимому, чувствовался и самимъ ея начальникомъ, пригласившимъ уже „лично отъ себя“ въ составъ экспедиціи Китайца Сюя, „бывшаго представителемъ серьезной чайной фирмы Сю-хе-лунъ и прожившаго въ *Кяхтѣ* 36 лѣтъ“ *). Кромѣ этихъ лицъ въ составѣ экспедиціи находился фотографъ г. Боярскій, также приглашенный начальникомъ экспедиціи.

Денежныя средства экспедиціи были не скудны: на безотчетные экстраординарные расходы получено было отъ казны 5 т. р., кяхтинское купечество, со своей стороны, дало 3 т. руб., а бывший вице-консулъ въ Ханькоу, г. Ивановъ, и представитель торговаго дома г. Родіонова, въ свою очередь, присоединили, для расширенія дѣйствій экспедиціи, по 2 т. руб., итого въ безотчетномъ распоряженіи начальника экспедиціи находилось 12 т. руб.**). Взаимныя отношенія членовъ экспедиціи по производству изслѣдованій, а равно и самыя эти изслѣдованія, не были обусловлены никакою, строго выработанною и опредѣленною программой: ни ученые, ни коммерческія общества и учрежденія, которыя, за исключеніемъ Москвы, какъ кажется, и мало знали о снаряженіи экспедиціи, не снабдили ее никакими указаніями и наставленіями.

фической науки извѣстна давно и по справедливости оцѣнена всѣми, кому дороги интересы этой науки. Болѣе десяти лѣтъ обогащаетъ онъ картографію Азіи самыми драгоценными свѣдѣніями. Составленный имъ маршрутъ учено-торговой экспедиціи наиболѣе серьезный трудъ экспедиціи, если не считать работъ доктора Пясецкаго, которыя, какъ сказано выше, въ официальное порученіе экспедиціи не входили.

*) На стр. 4 отчета китаецъ Сюя называется переводчикомъ, какииъ онъ вѣроятно и былъ въ дѣйствительности, ибо изъ отчета не видно, въ чемъ именно проявлялась дѣятельность этого китаецца по изученію русской торговли въ Китаѣ, котораго онъ не видалъ 36 лѣтъ.

**) Стр. 4 отчета. Здѣсь говорится собственно о безотчетныхъ расходахъ. Вообще же на экспедицію было потрачено 43,071 руб., изъ числа которыхъ 36,071 р. составляютъ расходъ казны, а 7 т. руб. — купечества. Казенныя сумми были употреблены: на прогонныя (6,582 руб.), суточные (11,769), и награды (5,300 руб.), деньги чинамъ экспедиціи, и на расходы экстраординарные (12,420). Дѣло департамента торговли и мануфактуръ.

Въ мартѣ 1874 года экспедиція отправилась изъ Петербурга, черезъ Сибирь, на Кяхту, въ Пекинъ, „потерявъ, какъ откровенно сказано въ отчетѣ, „для бесѣдъ съ представителями купечества“, по вѣсколку дней въ Москвѣ, Нижнемъ и Казани, пять дней въ Перми, по недѣлѣ въ Тюмени, Омскѣ, Томскѣ и Иркутскѣ и до двухъ недѣль въ Кяхтѣ *). Вездѣ встрѣчали мы, говорить отчетъ, неподдѣльное, исполненное живаго интереса сочувствіе, полную готовность служить общему дѣлу, и поглощенное личными расчетами безучастіе; были требованія разумныя, выработанныя на почвѣ практической дѣятельности, а съ другой стороны предназначенія столь размахистаго пошиба, какія могла вскормить лишь повоюющая на слишкомъ обезпеченныхъ барышахъ самонадѣянность“ **). Какія были эти разумныя требованія и размахистыя предназначенія составитель отчета, въ сожалѣнію, не указываетъ и тѣмъ лишаетъ насъ возможности познакомиться съ мнѣніями именно тѣхъ лицъ, ради которыхъ и была снаряжена въ Китай русская торговая экспедиція, и для которыхъ она представляла не предметъ научной любознательности, а живой практической интересъ, затрогивающій самыя существенныя отношенія и условія нашей торговли съ Китаемъ. Переступивъ границу 12-го іюля экспедиція направилась черезъ Ургу и Калганъ, и въ 19-му августа была въ Пекинѣ. Здѣсь она раздѣлилась: оба переводчика, гг. Андреевскій и Сюй, отправлены были сухопутно, чтобъ изслѣдовать свойства пути, по которому Сансійцы возятъ свои чаи въ Калганъ и Гуй-хуа-ченъ, а остальные члены отправились моремъ черезъ Тянь-цзинъ и Шанхай и прибыли въ Ханькоу въ концу октября. Отсюда, собственно говоря, началось исполненіе возложеннаго на экспедицію порученія. Задавшись мыслию прослѣдить діагональ, ведущую въ долину Чернаго Иртыша, экспедиція 11 января 1875 г. поднялась вверхъ по р. Хань-цзяну и, затѣмъ сухопутно, черезъ Хань-чжунъ-фу, Лань-чжеу-фу, Су-чжеу-фу, Ань-синъ-чжеу, Хами, Барколь и Гученъ, прибыла въ половинѣ октября въ Зайсанскій постъ, употребивъ, слѣдовательно, на главную часть своего путешествія около девяти мѣсяцевъ изъ двадцати одного всего времени существованія экспедиціи.

Согласно вышеизложеннымъ задачамъ экспедиціи, отчетъ

*) Стр. 4-я.

**) Тамъ же.

г. Сосновскаго можетъ быть раздѣленъ на три части: а) на изслѣдованіе торговли по пройденному экспедиціей пути и изложеніе доказательствъ въ пользу выгоды этого пути противъ кяхтинскаго; б) на описаніе дунганскаго возстанія съ „впечатлѣніями автора отчета по поводу столь общаго, столь укоренившагося воззрѣнія на такъ-называемый китаизмъ“ *) и в) на извлеченіе изъ путевого журнала экспедиціи съ маршрутами и замѣтками о торговлѣ.

Обратимся къ первой части.

Путь, по которому прошла экспедиція, какъ справедливо говорить авторъ отчета, „путь старый, даже очень старый: издавна, еще въ весьма отдаленную эпоху, онъ былъ извѣстенъ, а послѣ покоренія Джунгаріи и Туркестана такъ-называемая новая линія сдѣлалась главнымъ путемъ сообщенія внутренняго Китая съ его внѣшними, вновь прибрѣтенными владѣніями; стали возникать торговья колоніи, начался обмѣнъ произведеній, дороги были обставлены возможными удобствами, и движеніе было безпрепятственно до самаго позднѣйшаго времени, когда мусульманская инсurreкція нарушила установившійся порядокъ вещей“ **). Не останавливаясь на утвержденіи автора отчета о безпрепятственномъ обмѣнѣ и движеніи на этомъ пути ***) , мы съ своей стороны прибавимъ, что дѣйствительно путь этотъ не только давно былъ извѣстенъ, но и торговое значеніе его вообще и по отношенію къ пути кяхтинскому бывало уже предметомъ обсужденія и въ оффиціальной перепискѣ, и въ печати. Сколько намъ извѣстно, первое серьезное вниманіе нашего правительства на торговлю чрезъ западныя провинціи Китая было обращено въ 1843 г.,

*) Стр. 73.

**) Стр. 68.

***) Замѣтимъ только, что этому утвержденію противорѣчат не только извѣстные факты о всегдашнихъ пратѣсценіяхъ, которымъ подвергалась эта торговля, но и отчетъ самого же г. Сосновскаго о его прежней, Булунтохойской экспедиціи (отдѣльная брошюра), гдѣ онъ, между прочимъ, говоритъ: „всякому ближе знакомому съ китайскими порядками весьма хорошо извѣстно, что здѣсь (въ Джунгаріи) правительственные договоры и гарантіи, обезпечивающіе право свободной торговли, сами по себѣ, а манджурскій чиновникъ, дѣлающій всевозможныя стѣсненія на каждомъ шагу, самъ по себѣ, и что этотъ врагъ, сила котораго ослаблена нѣсколько нмнѣшимъ возстаніемъ, едва ли не опаснѣе для русскаго торговца мятежнаго Дунганяна“. То же самое подтверждается свѣдѣніями каравана Т. С. Морозова и другими недавними извѣстіями.

когда сближеніе англичанъ и другихъ европейцевъ съ Китаемъ и заключеніе за годъ предъ тѣмъ Нанкинскаго трактата стало угрожать подрывомъ всей нашей торговлѣ съ этимъ государствомъ. Начальнику нашей пекинской миссиі, которой было поручено въ то время имѣть наблюденіе за ходомъ всей вообще китайской торговли и сообщать о ней свѣдѣнія, принадлежитъ честь перваго указанія на важное значеніе для нашей торговли западныхъ провинцій Китая. Замѣчательная и полная любопытныхъ свѣдѣній записка по этому предмету отца Поликарпа и донесенія командированнаго, вслѣдствіе этой записки, въ означенныя провинціи д. с. с. Любимова были, какъ кажется, первымъ официальнымъ изслѣдованіемъ западно-китайской торговли и послужили основаніемъ цѣлаго ряда весьма важныхъ правительственныхъ мѣръ къ ея упроченію и дальнѣйшему развитію *). Къ числу этихъ мѣръ принадлежало, какъ извѣстно, и основаніе нашихъ консульствъ въ Кульджѣ и Чугучакѣ. Въ печати сказанный предметъ также не разъ затрогивался и обсуждался. Достаточно указать на статьи Крита, Скачкова, Тарасова, Венюкова и др. Наконецъ, въ послѣднее время и иностранцы обратили на него вниманіе: извѣстный путешественникъ и знатокъ Китая фонъ-Рихтгофенъ, въ своихъ замѣчательныхъ письмахъ шанкайской торговой палатѣ **), а также и въ другихъ статьяхъ ***) посвятилъ этому пути весьма обстоятельныя изслѣдованія, и даже одинъ изъ проектовъ желѣзной дороги въ Китай (по направленію, которымъ прошла экспедиція г. Сосновскаго) окрещенъ его именемъ ****). Вышеприведенною краткою справкою мы, конечно, не имѣемъ ни малѣйшаго желанія умалить значеніе русской торговой экспедиціи въ Китай; мы только отводимъ ей надлежащее мѣсто и вводимъ ее, такъ-сказать, въ должныя рамки.

Возвратимся къ отчету.

*) Всѣ эти, въ высокой степени интересныя документы, хранящіеся въ архивахъ министерствъ иностранныхъ дѣлъ и финансовъ, въ скоромъ времени будутъ изданы нами съ надлежащими объясненіями и примѣчаніями.

**) *Letter on the provinces of Honan and Shansi; letter on the provinces of Chili, Shansi, Shensi.*

***) „Ueber den natürllichsten Weg für eine Eisenbahnverbindung zwischen China und Europa“ (*Verhandl. der Gesellschaft für Erdkunde zu Berlin*, 1874, № 4).

****) Азія, проектированныя въ ней желѣзныя дороги по Гофштетеру, сост. Кеппенъ. Прил. къ *Горн. Журналу* 1877 года.

Главная мысль и всѣ старанія автора отчета направлены къ одной цѣли—доказать то, что было имъ высказано ранѣе въ отчетѣ о булунъ-тохойской экспедиціи, именно, что путь, пройденный экспедиціей, представляетъ такія преимущества для торговли, каковыхъ не имѣетъ никакой другой путь въ Китай, и каковыя дѣлаютъ этотъ западный путь способнымъ идти въ параллель даже съ путемъ морскимъ черезъ Суэзскій каналъ. Всѣ остальные затѣмъ свѣдѣнія и рассужденія г. Сосновскаго составляютъ только необходимыя принадлежности и украшения для подтвержденія вышеуказанной главной мысли отчета. Свѣдѣнія эти по большей части взяты изъ консульскихъ отчетовъ и другихъ документовъ, а рассужденія заключаются въ давно извѣстныхъ фразахъ и сѣтованіяхъ на нашу коммерческую отсталость, рутинность, отсутствіе широкихъ взглядовъ и т. п., причемъ, какъ всегда случается съ подобнаго рода бойкими, но мало солидными рассужденіями, они поверхностны и грѣшатъ противорѣчіями иногда самаго поразительнаго свойства. Такъ, напр., на стр. 9 отчета читаемъ: „всѣ знаютъ, что нѣкогда блестящая по оборотамъ кяхтинская торговля нынѣ въ упадкѣ, годъ отъ году слабѣетъ, представляя какое-то загадочное, ненормальное явленіе“, а на стр. 14 видимъ, что „съ допускомъ чая по западной границѣ, ввозъ его черезъ Кяхту не прекращается, напротивъ—годъ отъ года увеличивается“. Поэтому мы и не будемъ останавливаться на этихъ рассужденіяхъ, а обратимся къ главной мысли отчета—къ доказательствамъ преимуществъ западнаго пути предъ всѣми остальными. Преимущества эти, по удостовѣренію отчета, заключаются: а) въ разстояніи, б) во времени транспортировки, и в) въ стоимости транспортировки. Провѣрить всѣ приводимыя въ этихъ рубрикахъ цифры мы не въ состояніи: такой трудъ пусть сдѣлаютъ тѣ, кто прямо и непосредственно заинтересованъ въ ихъ точности и вѣрности. Здѣсь же достаточно ограничиться нѣкоторыми не подлежащими спору цифрами и остановиться на общихъ приемахъ обхожденія съ ними.

Относительно разстоянія на 19 стр. отчета показано нижеслѣдующее сравненіе путей кяхтинскаго и западнаго:

а) по кяхтинскому пути:	
Отъ Тѣмюни до Кяхты.....	3,500 верстѣ.
„ Кяхты караваннымъ путемъ до Тянь-цзинна.....	1,620 „
„ Тянь-цзинна до Ханькоу моремъ.....	1,860 „
Итого....	6,970 в.

б) по западному пути:

Отъ Тюмени до Зайсанскаго поста.....	1,797	”
” Зайсанскаго поста до Хами.....	1,090	”
” Хами до Ань-синь-чжеу.....	382	”
” Ань-синь-чжеу, черезъ Су-чжеу-фу и Лань-чжеу-фу до Цинь-чжеу.....	1,288	”
” Цинь-чжеу до Хань-чжунь-фу.....	250	”
Итого....	4,782	в.

Такимъ образомъ, по удостовѣренію отчета, на сторонѣ новаго пути представляется сокращенія на 2,200 верстъ.

Весь этотъ расчетъ, по ближайшемъ его разсмотрѣніи, оказывается неточнымъ, а именно:

1) Разстоянія, какъ всѣмъ извѣстно, могутъ быть сравниваемы между собою при одномъ только непремѣнномъ условіи, — чтобъ исходные и конечные пункты этихъ разстояній были *одни и тѣ же*; въ противномъ случаѣ никакое сравненіе разстояній немнѣлимо. Въ отчетѣ мы видимъ противное: исходною точкой для обоихъ путей взять дѣйствительно одинъ и тотъ же пунктъ—Тюмень, конечныхъ же пунктовъ два: для кяхтинскаго—Ханькоу, для западнаго — Хань-чжунь-фу, отстоящій отъ Ханькоу, какъ видно изъ отчета *), на 1,200 верстъ. Вслѣдствіе такого приема западный путь произвольно сокращенъ на 1,200 верстъ.

2) Отдѣльныя разстоянія, входящія слагаемыми въ общее исчисленіе каждаго изъ обоихъ путей, невѣрны: они увеличены для кяхтинскаго и уменьшены для западнаго и, кромѣ того, для сего послѣдняго самый итогъ сложения отдѣльныхъ разстояній показанъ менѣе противъ дѣйствительнаго. А именно: отъ Тянь-цзина до Ханькоу моремъ не 1,850 вер., а только 1,199 **), т.-е. менѣе на 651 вер.; отъ Тюмени же до Зайсанскаго поста, если даже считать по самому ближайшему разстоянію, 1870, а не 1797 верстъ ***). Другихъ разстояній собственно по Китаю мы провѣрить не въ состояніи, но замѣтимъ, что итогъ разстояній по западному пути (4,782 в.) невѣренъ вдвойнѣ: если сложить отдѣльныя цифры, изъ которыхъ онъ составился, то будетъ 4,802 в.; если же сравнить его со стр. 95 отчета, на которой указано, что отъ Зайсанскаго поста до Хань-чжу-фу 3,037 в., то общій итогъ будетъ 4,832 версты.

*) Стр. 76.

**) Крѣтъ, *О торговыхъ путяхъ*.

***) *Почт. дорожникъ*.

Такимъ образомъ (не говоря даже о невозможности безусловнаго сравненія двухъ путей, изъ которыхъ одинъ на значительномъ протяженіи — морской), оказывается, вопреки утверженію отчета, что преимущества западнаго пути противъ кяхтинскаго по разстоянію не велики, а именно: не болѣе какъ на 300 верстъ. Заключеніе это, впрочемъ, нисколько не ново: оно было высказано еще въ 1864 г. извѣстнымъ знатокомъ нашей торговли съ Китаемъ Н. К. Критомъ въ его „Замѣтъ о торговыхъ путяхъ изъ Китая въ Россію чрезъ азіатскую границу“ *).

Время транспортировки по старому и новому пути показано въ отчетѣ въ нижеслѣдующихъ цифрахъ **):

а) по старому пути:

Отъ Ханькоу до Тянь-цзинна на пароходахъ прямого сообщенія.	15 дней.
До Туинь-чжеу на китайскихъ джонкахъ.....	5 ”
„ Калгана на мулахъ.....	10 ”
„ Урги на верблюдахъ.....	36 ”
„ Кяхты.....	12 ”
„ Иркутска.....	12 ”
„ Томска.....	26 ”
„ Тюмени.....	14 ”

Всего чистаго хода..... 130 дней.

Считая хотя по пяти дней на перегрузку, получимъ 170 дней; но, вслѣдствіе недостатка верблюдовъ и частыхъ падежей, обыкновенно только часть изъ всей массы чаевъ, отправляемыхъ сухопутно, идетъ на верблюдахъ, а остальные на быкахъ и приходятъ въ Кяхту чрезъ 80 дней, такъ что всего ходу до Тюмени 202 дня.

б) по новому пути.

Перегрузка въ силу принятаго обыкновенія установлена въ слѣдующихъ мѣстахъ: въ Цинь-чжеу, откуда начинается телѣжная дорога, а затѣмъ въ Лань-чжеу-фу, въ Сю-чжеу-фу, Хами и Гученъ; весь путь до Зайсана совершается въ 85 дней по слѣдующему расчету:

Отъ Хань-чжунъ-фу до Цинь-чжеу.....	8 дней.
„ Цинь-чжеу до Лань-чжеу-фу.....	9 ”
До Сю-чжеу-фу.....	18 ”
„ Хами.....	18 ”
„ Гучена.....	13 ”
„ Зайсанскаго поста.....	19 ”

Итого..... 85 дней.

*) Изв. И. Г. О. 1876.

**) Стр. 20.

Отсюда до Тюмени надо считать 20 дней, хотя пароходъ *Хрущевъ* шелъ въ 1871 г., дѣлая пробный рейсъ, всего 14½ дней. Полагая и здѣсь на перегрузку по пяти дней, всего хода будетъ 140 сутокъ *).

Таково, по утверженію отчета, преимущество новаго пути по времени транспортировки.

Здѣсь, какъ и въ первомъ случаѣ, неправильность приема сравненія путей, увеличеніе цифръ для стараго и уменьшеніе ихъ для новаго пути, бросаются въ глаза съ перваго взгляда, а именно:

1) По старому пути сравненіе времени транспортировки, какъ было уже нами замѣчено при разсмотрѣніи разстояній, взято отъ Ханькоу до Тюмени, по новому же отъ Хань-чжунь-фу до Тюмени.

2) По старому пути времена доставки товара показаны въ болѣешихъ противъ дѣйствительности цифрахъ: отъ Ханькоу до Тянь-цзина на пароходахъ не 15, а только 8—9 дней**), отъ Тунъ-чжеу до Калгана на вьючныхъ верблюдахъ или мулахъ не 10, а 7—8 дней***), отъ Калгана до Кяхты на верблюдахъ не 48, а 28—32 дней****). Отъ Кяхты сроки доставки товара разные, и медленные и скорые, смотря по времени года и другимъ обстоятельствамъ; но вообще средній срокъ доставки изъ Ханькоу чрезъ Кяхту даже въ Москву, а не Тюмень, отстоящій отъ Москвы на 2,075 вер., не превышаетъ 177—186 дней*****), значить далеко менѣе 202 дней, указанныхъ въ отчетѣ.

3) По новому пути расчетъ времени транспортировки отъ Зайсанскаго поста до Тюмени взять по пути водяному, тогда какъ соотвѣтственное разстояніе во времени движенія по старому пути отъ Томска до Тюмени показано по пути сухопутному, что въ томъ и другомъ случаѣ значительно измѣняетъ расчетъ. Проверить цифры времени транспортировки по пути западному въ предѣлахъ Китая—невозможно, такъ какъ для этой проверки въ настоящее время не имѣется никакихъ данныхъ: въ странѣ, гдѣ только-что закончилось страшное возстаніе, уничтожившее

*) Стр. 20.

**) Критъ, *Будущность Кяхтинской торговли*, стр. 7 и *The treaty ports of China and Japan*, стр. 407.

***) *Будущность Кяхтинской торговли*, Н. Крита, стр. 7.

****) Тамъ же, стр. 7.

*****) Тамъ же, стр. 31.

сотни тысячъ душъ и десятки тысячъ поселеній, тамъ этихъ данныхъ и быть не можетъ. Допустимъ, что движеніе по западному пути невозможно; но и тогда безостановочная доставка говара отъ Ханькоу до Тюмени, считая по 40 в. въ день и безъ перегрузокъ, потребовала бы не 140, а 152 дня, а съ перегрузкою, даже при самыхъ благоприятныхъ обстоятельствахъ, до 180 дней.

Сравненіе по стоимости транспортировки западнаго пути съ кяхтинскимъ и морскимъ чрезъ Суэць даетъ первому, по мнѣнію г. Сосновскаго несомнѣнныя преимущества: расходы доставки по западному пути дешевле противъ кяхтинскаго почти на 10 руб., а противъ морскаго—на 36 к. съ пуда, и если на сторонѣ сего послѣдняго пути остается выигрышь во времени доставки, то потеря времени на западномъ пути съ лихвой покрывается выгодною покупкой чая *). Мнѣніе свое авторъ подтверждаетъ рядомъ подробныхъ расчетовъ. Провѣрить эти расчеты по той же причинѣ, которая указана выше, мы не въ состояніи; замѣтимъ только одно. „Мы шли“, говоритъ г. Сосновскій, „живымъ слѣдомъ недавняго прошлаго. Нѣтъ дерева, отдѣльно стоящаго жилья, которыя бы пощадилъ разрушительный потокъ инсurreкціи. Обширныя села, многочисленныя поселенія, еще не такъ давно кипѣвшія жизнью и дѣятельностію, стоятъ и понынѣ въ мрачномъ безмолвіи обгаренныхъ кровію руинъ. Все пусто—ни души. Только кое-гдѣ изъ-за наскоро слѣвленной мазанки или выдѣланной въ толщѣ земли ямы выставится робкая изможденная фигура“ **).

Какъ согласить это описаніе съ вышеуказанными расчетами и разсужденіями мы не знаемъ; думаемъ, однакожъ, что при такомъ положеніи западнаго пути никакіе расчеты относительно движенія по немъ торговли немислимы, а всѣ разсужденія о его преимуществахъ по меньшей мѣрѣ преждевременны.

Вторая часть отчета занята описаніемъ дунганскаго возстанія и разсужденіями автора о такъ-называемомъ китаизмѣ. Всѣ извѣстныя до сего времени свѣдѣнія объ этомъ возстаніи или, вѣрнѣе, поголовной рѣзнѣ китайцевъ мусульманами и обратно, истребившей почти безслѣдно десятки городовъ и сотни тысячъ

*) Стр. 59.

**) Стр. 21.

людей, заключались въ отрывочныхъ замѣткахъ, корреспонденціяхъ и мелкихъ статьяхъ, составленныхъ по слухамъ или по рассказамъ, всегда въ ту или другую сторону преувеличеннымъ, очевидцевъ-туземцевъ враждебныхъ лагерей. Начальникъ торговой экспедиціи и его спутники были единственные пока русскіе образованные люди, прошедшіе вдоль тѣхъ странъ, гдѣ недавно разыгрывалось дунганское возстаніе, видѣвшіе всѣ ужасныя его послѣдствія и имѣвшіе свою цѣлью собрать о немъ подробныя свѣдѣнія *). Понятно поэтому, съ какимъ любопытствомъ всякій интересующійся положеніемъ дѣлъ на крайнемъ Востокѣ приступаетъ къ чтенію этой части отчета экспедиціи. Къ сожалѣнію, ожиданія оказываются напрасными: вся эта часть отчета г. Соновскаго есть буквальная перепечатка съ собственными вставочными въ текстъ разсужденіями автора цѣлыхъ страницъ и отдѣльныхъ строкъ, *безъ указанія источниковъ*, не только изъ статей, помѣщенныхъ въ рѣдкихъ изданіяхъ, какъ напримѣръ, статья отца Палладія, но и изъ весьма извѣстныхъ путешествій и справочныхъ книгъ, какъ, напримѣръ, изъ *Военно-Статистическаго Сборника*, изъ котораго авторомъ отчета перепечатана большая часть свѣдѣній, относящихся до устройства китайскихъ войскъ. Нижеслѣдующія выписки подтвердятъ сказанное.

Стр. 38.

„Позитивизмъ той религіозно-философской школы, которая извѣстна у насъ подъ именемъ Конфуціа, представляетъ обширное поле для построенія любой системы; духъ терпимости, какимъ отличается это ученіе, достаточно характеризуется словами даже мусульманскихъ писателей, говорящихъ, что оно даетъ матеріалъ, изъ котораго съ одинаковымъ удобствомъ можно построить и мусульманскую мечеть и ямайское капище“.

„Позитивизмъ конфуціанцевъ... представляетъ широкое поле для построенія любой системы; мусульманскіе писатели сравниваютъ конфуціанское ученіе съ готовымъ матеріаломъ, изъ котораго можно построить капище или мечеть“.

(О магометанахъ въ Китаѣ, арх. Палладія. *Труды Пекинск. дух. миссіи*, т. IV, стр. 447).

Стр. 39.

„У втораго министра умерла жена, женщина обыкновенная, ничѣмъ не прославившаяся“ и пр.

„У втораго министра, Манджура, умерла жена, женщина обыкновенная, ничѣмъ не прославившаяся“ и пр.

(*Пут. въ Китай* Ковалевскаго, т. II, стр. 64 и 65).

*) Изъ иностранцевъ кажется только одинъ Рихтгофенъ былъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ возникло и откуда распространилось возстаніе.

Стр. 40.

„...только актеры, военнопѣнные, сторожа присутственных мѣстъ и полицейскіе служители считаются людьми позорнаго происхожденія, лишены гражданскихъ правъ, почему имъ и не дозволено поступленіе въ учебныя заведенія, а слѣдовательно и на государственную службу. Званія эти наследственныя, а прежде сторожа, наприимѣръ, присутственныхъ мѣстъ комплектовались изъ каторжниковъ“ и пр.

„Аграрные законы поражаютъ глубиной, ясностью взгляда и заботами о пользѣ народной“.

„...рабы, военнопѣнные, актеры, а также полицейскіе служители, набравшіеся прежде изъ каторжниковъ, но нинѣ наследственныя. Последне-сказанныя категоріи лицъ не имѣютъ гражданскихъ правъ, не могутъ поступать въ учебныя заведенія, а слѣдовательно и въ государственную службу“.

(*Военно-Статист. Сборникъ*, в. III, стр. 152).

„Многія постановленія въ Китаѣ поражаютъ и теперь ясностію взгляда, предусмотрительностію и заботливостію законодателя о пользѣ народа“.
(Ковалевскій, стр. 60).

Стр. 41.

„Обработывающая промышленность развилась самобитно и достигла неподражаемой степени совершенства“ и пр.

„Хорошіе сорты фарфора стали рѣже попадаться, потому что лучшіе фарфоровые заводы (въ Цзянси) разрушены тайпингами въ 1860 г.“

„Китайская промышленность, развившаяся совершенно самобитно... во многихъ отрасляхъ достигла совершенства“.

(*Военно-Статист. Сборникъ* в. III, стр. 166).

„Лучшіе фарфоровые заводы въ провинціи Цзянси были разорены въ 1860 году инсургентами, и хорошіе сорты фарфора теперь не видѣваются“.

(Тамъ же, стр. 167).

Стр. 42.

„Земля не знаетъ отдыха, и отягтя у нея силы возвращаются ей посредствомъ тщательнаго удобренія“ и пр.

„Земля не знаетъ отдыха, и отягтя у нея силы возвращаются ей посредствомъ тщательнаго удобренія“ и пр.

(Тамъ же, стр. 159).

Стр. 43.

„Получившіе первоначальнаго свѣдѣнія въ народныхъ школахъ или у домашнихъ учителей отправляются въ свой уѣздный окружный или областной городъ“, и пр. до конца страници съ пропусками, перепечатка того же источника.

„Достигшіе достаточнаго образованія въ народныхъ училищахъ или у домашнихъ учителей являются въ областной или окружный городъ...“

(*Китай въ гражд. и нравств. состояніи* Іакинча, ч. III, стр. 3, 18, 19, 27, 29, 39 и 41).

Стр. 44.

„Строгая отчетность въ расходо-
ваніи казенныхъ суммъ исключаетъ, по-
видному, всякую возможность похи-
щенія, а между тѣмъ когда послѣ пер-
вой войны съ англичанами хватились
денегъ“ и пр.

Стр. 46, 47 и 48—буквальная пере-
печатка, съ пропусками и перестанов-
кою фразъ, статьи арх. Палладія
о магометанахъ въ Китаѣ (см. выше,
причемъ мнѣніа арх. Палладія авторъ
отчета приводитъ какъ собственныя,
напримѣръ, (стр. 47):

„Отмѣтимъ здѣсь кстати грубое
заблужденіе, когда отождествляютъ
въ одномъ понятіи китайскихъ магоме-
танъ и татаръ: какъ будто магоме-
танинъ—синонимъ татарина. Татары
составляютъ вѣтъ турецкаго племени
и неимѣютъ ничего общаго съ китай-
скими мусульманами ни по происхож-
денію, ни по языку“ и пр.

Сложная и строгая отчетливость въ
казенныхъ деньгахъ, повидному, ли-
шаетъ всякой возможности украсть
ихъ, а между тѣмъ когда послѣ пер-
вой контрибуціи англичанамъ, хва-
тились денегъ“ и пр.

(Ковалевскій, т. II, стр. 39).

„Здѣсь кстати замѣтить, до какой
степени не точно называютъ китай-
скихъ магометанъ татарами, какъ
будто магометане не что иное какъ
татары. Послѣдніе составляютъ вѣтъ
турецкаго племени и не имѣютъ ни-
чего общаго съ китайскими магоме-
танами ни по происхожденію, ни по
языку“ и пр. (стр. 441).

Стр. 49.

„Главное управленіе арміею раздѣ-
лено между тремя палатами“ и пр.

„Главное управленіе арміею раздѣ-
лено между тремя палатами“ и пр.

(Военно-Стат. Сборн., в. III, стр.
190).

Стр. 50.

„Знаменное войско... лишено всякой
войнственности и годно только для
китайской полицейской службъ и спла-
ва казеннаго хлѣба по рѣкамъ“ и пр.

„Войско... не только утратило вся-
кую войнственность, но впало въ глѣ-
ность и нищету, такъ что можетъ
быть только годно для китайской по-
лицейской службъ и сплава по рѣ-
камъ и каналамъ казеннаго хлѣба“ и
пр.

(Тамъ же, стр. 189).

Стр. 51.

„Въ войскахъ восьми знаменъ ору-
жіе выдается натурой или деньгами,
а въ зеленомъ знамени всегда на-
турою“.

„Въ войскахъ восьми знаменъ ору-
жіе выдается натурой или деньгами,
а въ зеленомъ знамени всегда на-
турою.“

„Порохъ готовятъ войска сами
по мѣрѣ надобности“ и пр.

„Порохъ готовится самими
войсками по мѣрѣ надобности“.

(Тамъ же, стр. 191).

„Артиллерія... состоятъ... восемь шести-фунтовыхъ орудій, подаренныхъ русскимъ правительствомъ, и мѣдныхъ орудій, отлитыхъ еще іезуитами при императорѣ Канси, и они, конечно, давно уже пришли въ совершенную негодность“.

„Артиллерія находится въ самомъ жалкомъ состояніи, за исключеніемъ восьми шестифунтовыхъ орудій, подаренныхъ русскимъ правительствомъ, остальные орудія отлиты еще іезуитами при имп. Канси и пришли въ совершенную негодность“.
(Тамъ же стр. 191).

„Въ войскахъ восьми знаменъ многія офицерскія должности, исключая первыхъ четырехъ классовъ, наследственны“.

„Въ знаменныхъ войскахъ многія офицерскія должности, исключая первыхъ четырехъ классовъ, наследственны“.
(Тамъ же, стр. 190).

и пр.

Описанію собственно дунганскаго возстанія въ отчетѣ посвящено не болѣе четырехъ страницъ, кажется, ни откуда не заимствованныхъ; по крайней мѣрѣ мы не могли найти источника (а ихъ не много), изъ котораго могли бы быть сдѣланы выписки. Но въ этомъ отношеніи слѣдуетъ жалѣть объ обратномъ. Еслибы въ отчетѣ были сдѣланы выписки изъ чужихъ статей, то, можетъ-быть, случайно въ эти выписки попало бы, хотя бы въ дурномъ переводѣ *), превосходное (VI) письмо барона фонъ-Рихтгофена Шанхайской палатѣ о возстаніи въ Ганьсу и Шенси **). Теперь же свѣдѣнія, собранныя экспедиціей объ этомъ возстаніи на мѣстѣ дѣйствія и, такъ-сказать, изъ первыхъ рукъ, до того незначительны и поверхностны, что всѣ прежнія статьи о дунганскомъ возстаніи, составленныя въ Россіи по слухамъ или рассказамъ очевидцевъ, далеко превосходятъ эту часть отчета экспедиціи. Извѣстно, что дунганское возстаніе охватило собою огромное пространство, длилось болѣе десяти лѣтъ, уничтожило почти безслѣдно массу городовъ и селеній и истребило не десятки, а сотни тысячъ, миллионы людей. Чтò же это за возстаніе, въ чемъ

*) Говоримъ это потому, что на стр. 71-й сказано: „По таможеннымъ отчетамъ (въ Ханькоу) оборотъ *иностранный* торговли простирался на 15.409,470 руб. по привозу и на 40.437,360 руб. отпуску“. Очевидно что здѣсь „foreign trade“ переведено буквально, когда слѣдовало перевести: оборотъ *внѣшней* торговли. Иначе можно подумать, что дѣло идетъ только объ иностранныхъ товарахъ, или о товарахъ иностранныхъ купцовъ.

***) Letter, № 6, the Rebellion in Kansu and Shensi 1872 года.

оно заключалось, какія его отдаленныя причины и ближайшія поводы, какъ и къмъ оно велось, что оно сдѣлало и т. п.,—вотъ вопросы, которые естественно возникаютъ у каждаго кто хоть мало-мальски знаетъ объ этомъ возстаніи, и разъясненіе которыхъ скорѣе и ближе всего должно бы найти себѣ мѣсто въ отчетѣ той экспедиціи, на которую было специально возложено собрать возможно полныя данныя объ этомъ возстаніи. Вотъ какъ отвѣчаетъ на всѣ такіе вопросы г. Сосновскій: „Напрасно мы искали бы дѣйствительныя поводы къ движенію: ни руководящей мысли, ни единства цѣли оно не имѣетъ. Это не кликъ газавата во имя знамени пророка, не зовъ убогой райи за кусокъ хлѣба и свободы совѣсти, „а просто бойня безъ смысла и причины“ *). Итакъ, ожесточенная рѣзня, поголовное въ теченіе десяти лѣтъ истребленіе другъ друга двумя народностями, не имѣетъ ни смысла, ни причины? Нѣтъ, причины эти существуютъ, и уже были указаны нашими русскимъ ученымъ Васильевымъ и иностранцемъ Рихтгофеномъ, но только изслѣдованіе этихъ причинъ не далось автору отчета. Въмѣсто того, онъ приводитъ наивныя рассказы объ обстоятельствахъ, послужившихъ будто-бы поводомъ къ возстанію, о „давнишнихъ спорахъ о потравахъ“ **), мщенія какого-то Малакуна за кровь родственника и т. п., что, можетъ-статься, было поводомъ ссоръ и дракъ между смежными волостями или родами, но отнюдь не причиною такого историческаго урагана, какимъ было дунганское возстаніе. Вторая часть отчета заключается опять заимствованіями изъ конца статьи о Палладіи, начало которой мы видѣли выше.

Стр. 65.

„Нѣкогда мусульмане долго засѣдали въ Пекинскомъ астрономическомъ трибуналѣ и пользовались вниманіемъ двора пока ихъ не смѣнили въ послѣдствіи ученые іезуиты; Масиньи, губернаторъ Чже-цзяна, былъ изъ мусульманъ, и др.

„Губернаторъ губерніи Чже-цзянъ Масиньи магометанинъ, и единовѣрцы нисколько не считаютъ его за то ренегатомъ. Нѣкогда они, мусульмане, долгое время сидѣли въ Пекинскомъ астрономическомъ трибуналѣ и пользовались вниманіемъ двора, пока ученые іезуиты не смѣнили ихъ въ этомъ званіи“ (Палладій, см. выше).

*) Стр. 48—49.

**) Стр. 58.

Въ разсмотрѣніе третьяго отдѣла отчета, извлеченія изъ путевого журнала экспедиціи, наполненнаго разнообразными свѣдѣніями, маршрутами и всевозможными цифрами, входитъ не будемъ. Можетъ-быть, свѣдѣнія эти интересны, маршруты полезны и цифры вѣрны. Но тѣ приемы, какіе вообще употребляетъ авторъ въ своемъ отчетѣ, невольно возбуждаютъ недовѣріе и къ этой его части. Трудно дать полную вѣру этимъ поддающимся только тщательному и продолжительному изслѣдованію свѣдѣніямъ и цифрамъ, когда видишь, что мимо самыхъ крупныхъ явленій авторъ прошелъ, такъ сказать, зажмури глаза и нашелъ лучшимъ позаниматься о нихъ, безъ указанія источниковъ, чужія описанія и мифы. Кто можетъ положиться на такой цифирный дневникъ, въ которомъ, съ одной стороны, встрѣчается самое скрупулезное даже въ процентномъ отношеніи перечисленіе населенія многихъ городовъ и селеній съ показаніемъ числа въ нихъ шапочниковъ, кузнецовъ и плотниковъ, а съ другой, вопреки давно извѣстнымъ фактамъ *), утверждается, что „въ Китаѣ правильныхъ перенесей не производится, а потому и трудно дать болѣе или менѣе точную цифру населенія“ **). Для кого, наконецъ, могутъ быть нужны такія свѣдѣнія (а ихъ много), какъ напримѣръ: „плоды, какъ-то: сы-цзы, каштаны, орѣхи и пр. (?) считаются такъ: сы-цзы на гины или штуками, а въ послѣднемъ случаѣ 110 штукъ за 100 (?)“; каштаны и грецкіе орѣхи на дэу, принимая дэу въ 30 — 32 гина; орѣхи лахуасинъ на гины. Дрова, мясо, птиць живьемъ (дрова живьемъ!), а прочее (?) на гины“ ***). По всему видно, что свѣдѣнія собирались лишь бы какъ-нибудь пополнить ими дневникъ и пощеголять пестротой цифръ, мѣръ, вѣсовъ, монетъ и названій на китайскіе и русскіе лады. „Масса матеріаловъ“, говорилъ г. Сосновскій въ своемъ сообщеніи въ Географическомъ Обществѣ, „требующихъ времени для разработки, лишаетъ меня возможности сдѣлать обстоятельный докладъ“ ****). „Мы рассчитываемъ“, продолжаетъ онъ теперь въ своемъ отчетѣ, „со временемъ, отдать весь собранный матеріалъ на судъ публики“ ****).

Будемъ ждать исполненія этого обѣщанія, а пока подведемъ итоги тому, что имѣемъ не въ обѣщаніи, а въ дѣйствительности.

*) *Китай Іакинва и Путешествіе Ковалевскаго.*

**) Стр. 76.

***) Стр. 79.

****) *Изв. И. Г. О. 1876.*

*****) Стр. 66.

Отчетъ начальника учено-торговой экспедиціи въ Китай, по тѣмъ главнѣйшимъ предметамъ, изслѣдованіе которыхъ было экспедиціи поручено, представляетъ, какъ мы видѣли, въ значительной своей долѣ поверхностнаго свойства компилятивный трудъ изъ матеріаловъ болѣе или менѣе извѣстныхъ, и свѣдѣній и разсужденій, перепечатанныхъ буквально изъ книгъ и изъ сочиненій, изданныхъ десять и болѣе лѣтъ тому назадъ. Собственныя разсужденія автора обыкновенно противорѣчивы и бездоказательны. Заключающіяся же въ отчетѣ разнообразныя свѣдѣнія, вслѣдствіе общаго характера отчета и приемовъ составителя, не могутъ возбуждать въ себѣ серьезнаго довѣрія, по крайней мѣрѣ, до того времени, пока эти свѣдѣнія не будутъ провѣрены и подтверждены лицами безпристрастными и компетентными.

Кни

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

„Неудачная экспедиція въ Китай“. 1881 г. Цѣна 1 р.
50 коп.

„Какъ живутъ и лѣчатся Китайцы“. Изданіе второе
1882 г. Цѣна 75 к.